ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

IV

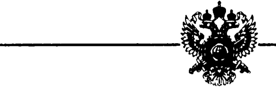
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

IV

Издание осуществлено при поддержке ОАО АКБ
Еврофинанс Моснарбанк

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

В шести томах

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

Том IV

1941–1945 годы

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212
И90

Главный редактор В.И. ТРУБНИКОВ

Зам. главного редактора В.А. КИРПИЧЕНКО

Ответственный секретарь Ю.И. ЖУРАВЛЕВ

Авторский коллектив:
А.И. БАЙДАКОВ (предисл., 21, 35, 43, заключ.),
В.Б. БАРКОВСКИЙ (36), Ю.А. ВОЛОСОВ (37), Л.И. ВОРОБЬЕВ (32, 38),
С.М. ГОЛУБЕВ (14, 23), Г.И. ГОНЧАРОВ (8), И.А. ДАМАСКИН (7, 22),
Н.А. ЕРМАКОВ (11, 15, 16, 17, 18, 19), А.Н. ИЦКОВ (27, 37),
Ю.Л. КЕДРОВ (30), Э.К. КОЛБЕНЕВ (13, 31), Ю.А. КОРОЛЕВ (26),
Л.П. КОСТРОМИН (28, 29, 40, 42), В.А. КУЗИКОВ (43),
О.И. НАЖЕСТКИН (предисл., 24, 25, 39, 42), Г.А. ОРЛОВ (3),
В.Л. ПЕЩЕРСКИЙ] (10, 40, 41), В.Ф. СЕДОВ (20), Н.В. СМИРНОВ (2, 4, 5),
П.М. ФИТИН (1), Э.П. ШАРАПОВ (4, 5, 6, 9, 12, 21), Б.Д. ЮРИНОВ (33, 34)

Литературный редактор Л.П. ЗАМОЙСКИЙ

И90 **История** российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. – Т. IV. 1941–1945 годы. – М.: Международные отношения, 2014. – 696 с., ил.

ISBN 978-5-7133-1473-6 (Т. IV)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Четвертый том знакомит читателей с работой «легальных» и нелегальных резидентур и биографиями видных разведчиков, действовавших в период войны (1941–1945 гг.). Деятельность разведки в то время была направлена на раскрытие военных планов гитлеровской Германии, помощь в развертывании партизанского движения на оккупированных территориях. В заключительный период войны российская разведка отслеживала планы и намерения США и Англии по переустройству послевоенного мира, помогала преодолеть монополию США на ядерное оружие. В приложении к тому публикуются рассекреченные документы из архива внешней разведки.

Для широкого круга читателей.

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-7133-1473-6 (Т. IV)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Предисловие

Четвертый том «Истории российской внешней разведки» охватывает ее деятельность в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это были годы тягчайших испытаний, когда-либо пережитых нашей Родиной. Немецко-фашистские армии, опираясь на военно-промышленный потенциал завоеванной ими Европы, вкупе с армиями союзных Третьему рейху Финляндии, Румынии, Венгрии и Италии вторглись на просторы Советского Союза. Действуя под лозунгом «спасения мировой цивилизации от большевизма», руководство фашистской Германии рассчитывало молниеносно сокрушить СССР и, овладев его богатейшими ресурсами, повернуть затем оружие против других, еще не побежденных стран мира, в первую очередь против Англии, захватить подвластные ей территории на Ближнем и Среднем Востоке. В этом состояла суть стратегии немецкого «блицкрига» на Востоке.

Рано утром 22 июня 1941 года фашистская Германия бросила против нашей страны 153 дивизии, укомплектованные по штатам военного времени, 3712 танков и самоходных артиллерийских установок. Сухопутные войска поддерживались 4950 боевыми самолетами. Им противостояли 149 дивизий Красной Армии четырех западных приграничных округов и пограничные отряды НКВД, охранявшие границу. Из 149 дивизий только 48 входили в состав первого эшелона армий прикрытия, которые были расположены от государственной границы на расстоянии 10–50 км. Главные силы приграничных округов располагались в 80–300 км от государственной границы[1]. Не все наши войска были укомплектованы по штатам военного времени, не хватало современного вооружения.

Немецкие войска, имевшие опыт войны на Западе, имели значительное военное превосходство перед нашими войсками по численности и вооружению. Это дало им возможность в первые месяцы войны захватить значительную территорию, подойти к Ленинграду и Москве.

Но несмотря на превосходство агрессора в начале войны, советское государство выдержало первый удар, хотя и понесло тяжелые потери, вынужденно уступив врагу значительную часть своей территории, наиболее развитой в промышленном и сельскохозяйственном отношении.

На полях сражений советские войска отстаивали свободу и независимость не только своей страны. Это была и борьба за независимость стран, захваченных фашизмом. Освободительный характер войны отметил в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года И.В. Сталин. Единые цели в борьбе с фашизмом нашли отражение в создании антигитлеровской коалиции – военно-политического союза государств, в который вошли страны с различными политическими режимами. Получая информацию об отношении правящих кругов и общественности стран, союзных с нами, к германским планам завоевания мирового господства, внешняя разведка внесла свой вклад в усилия советской дипломатии по созданию и укреплению этой коалиции.

Не оправдались расчеты фашистских руководителей на изоляцию СССР в ходе войны, их надежды на сговор с западными странами. О таких планах германского руководства внешняя разведка информировала правительство страны еще перед войной. Начиная с 1935 года высшие руководители фашистской Германии, включая Гитлера, вели тайные переговоры с англичанами – министрами иностранных дел Саймоном и Галифаксом, премьером Чемберленом и другими политическими деятелями и представителями деловых кругов Великобритании. Следствием этих переговоров явились перевооружение Германии в обход Версальского договора, аншлюс Австрии, соглашение в Мюнхене о ликвидации Чехословакии, наконец, «странная война», когда, формально объявив войну Германии из-за Польши, англичане не вели активных военных действий, ожидая нападения Германии на Советский Союз.

Последней точкой в этой политике подталкивания гитлеровской Германии к «Дранг нах Остен» была и поныне во многих отношениях темная история с перелетом Гесса в Англию в мае 1941 года. Внешняя разведка доложила тогда руководству страны полученную от нашего ценного источника в Англии Кима Филби информацию о том, что целью этой операции была попытка договориться с влиятельными прогерманскими кругами Великобритании о совместной борьбе с Советским Союзом.

Накануне войны внешняя разведка получала убедительные данные о ведущихся Германией широкомасштабных военных приготовлениях к нападению на СССР. В сообщениях назывались разные даты нападения, но все они указывали на первую половину 1941 года. Непосредственно перед нападением разведка установила и его точную дату – 22 июня 1941 года.

Приведем только один пример. 17 июня 1941 года, за пять дней до войны, И.В. Сталину было доложено сообщение нашего источника «Старшины», работавшего в штабе германской армии, в котором говорилось: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного нападения против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Внешняя разведка имела достаточно информации, чтобы на ее основе раскрыть существо германских планов «блицкрига» в условиях неоконченной войны с Англией. Но в предвоенные годы в разведке не существовало еще аналитического подразделения, которое могло бы завершить эту работу, разобраться в хитросплетениях немецкой дезинформации и сделать непреложный вывод о конкретных сроках начала войны. В те годы важные сообщения докладывались руководству страны, как правило, по отдельности, и оно само делало выводы. Таковы были порядок и стиль работы.

Нельзя не учитывать также, что получаемая информация отражала колебания части германского руководства относительно реальности вынашиваемых Гитлером планов молниеносной войны против СССР.

Однако разработанная при непосредственном участии Гитлера стратегия «блицкрига» не оправдала себя. За первые месяцы войны немецкие войска оккупировали западные земли СССР, вышли к Ленинграду, достигли подступов к Москве. Но продвижение это не было «блицкригом». Насмерть стояли пограничники, мужественно сражались в окружении советские войска, тяжелейшие бои ожидали немецкие войска и в дальнейшем. Впереди были поражения немцев под Москвой, Сталинградом, не говоря уже о битве на Курской дуге. Но именно в первые месяцы Германия проиграла войну – проиграла благодаря героическому сопротивлению бойцов Красной Армии, всего советского народа, проиграла, несмотря на внешнюю видимость успехов армий, захвативших огромные территории нашей страны, и всю тяжесть наших потерь. Стратегия молниеносной войны рухнула, предстояла затяжная борьба, и шансов на победу в ней было больше у Советского Союза и его союзников, располагавших мощными стратегическими и материальными ресурсами. Это понимали многие немецкие генералы. В августе 1941 года начальник германского генерального штаба сухопутных войск Гальдер записал в своем дневнике: «То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне. Колосс России... был недооценен нами».

Ход военных действий во многом определил роль внешней разведки в Отечественной войне. Главные ее операции были нацелены на обеспечение победы. Нельзя, конечно, сказать, что в работе разведки, действовавшей в то время в рамках органов государственной безопасности, не было недочетов, ошибок, порой грубых просчетов. Сказывалось губительное воздействие репрессивных мер, вырвавших из

ее рядов опытных сотрудников и, как следствие, ставивших под подозрение приобретенную ими ценную агентуру. В ходе войны на работе разведки отрицательно отразились волюнтаристские меры по запрещению работы с «агентурой, завербованной врагами народа», среди которых была знаменитая «кембриджская пятерка» и ряд других верных друзей Советского Союза в его борьбе с фашизмом.

Перед войной разведка имела неплохие источники информации в основных странах Европейского континента, в том числе и в Германии. Война оборвала связи с ними. Ранее предполагалось, что с агентурой можно будет связаться по радио из приграничных городов, например Бреста. Расчет был на то, что с началом конфликта мы сможем перейти в контрнаступление и будем воевать на «чужой территории». Однако не только Брест, но и Минск, и другие близкие к границе города были быстро заняты немцами. Не сработали варианты связи через Бельгию и Данию, которые были оккупированы немцами. Оставались нейтральными Швейцария и Швеция, но, как показала жизнь, налаживание оттуда связи с агентурой было затруднительно.

Это был главный просчет внешней разведки накануне войны. Несмотря на то что из Центра в резидентуры шли перед войной постоянные указания об отработке мобилизационных мероприятий на случай чрезвычайных обстоятельств, и резидентуры, как правило, отчитывались в выполнении этих указаний, основная агентура в странах потенциального противника (Германия, Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия) оказалась неподготовленной для работы в военное время. Поэтому случилось так, что, в частности, некоторые ценные агенты нашей разведки, не имея связи с Центром, стали создавать антифашистские организации или ушли в отряды Сопротивления, чтобы продолжить таким путем борьбу с фашизмом.

Исправлять ошибки приходилось в экстремальных условиях войны, неся немалые потери.

К моменту начала войны функции внешней разведки были сосредоточены в Первом управлении Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР. В нем насчитывалось восемь отделов, из них шесть оперативно-территориальных: немецкий, стран Дальнего Востока, англо-американский, славяно-балканский, романо-скандинавских стран и Ближнего Востока. В ходе войны в рамках Управления было создано еще несколько подразделений: информационно-аналитическое, для работы по эмиграции и ряд других.

На протяжении всех военных лет работой внешней разведки руководил комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Михайлович Фитин (с 1943 г., после введения единой системы воинских званий, – генерал-лейтенант).

Всю разведывательную работу за границей внешняя разведка вела через «легальные» и нелегальные резидентуры, специально создаваемые разведгруппы, отдельных разведчиков и агентов, посылае-

мых в страны, где не было резидентур, или на оккупированные территории. Во время войны резидентуры внешней разведки действовали в США, Англии, Швеции, Болгарии, Китае, Иране, Турции, Афганистане, Японии. В 1943–1944 годах были созданы резидентуры в Египте, Италии, Франции, Финляндии, Румынии и Венгрии. Всего в годы войны по линии внешней разведки действовало свыше 90 «легальных» и нелегальных резидентур, подрезидентур и агентурных групп.

Уже в конце июня 1941 года только что созданный Государственный комитет обороны СССР рассмотрел вопрос о работе внешней разведки и уточнил ее задачи. В принятом постановлении было указано, что внешняя разведка должна в ходе войны:

– наладить работу по выявлению военно-политических и других планов фашистской Германии и ее союзников;

– создать и направить в тыл противника специальные оперативные отряды для осуществления разведывательно-диверсионных операций;

– оказывать помощь партийным органам в развертывании партизанского движения в тылу врага;

– выявлять истинные планы и намерения наших союзников, особенно Англии и США, по вопросам ведения войны, отношения к СССР и проблемам послевоенного устройства;

– вести разведку в нейтральных странах (Иран, Турция, Швеция и др.), с тем чтобы не допустить перехода их на сторону стран «оси», парализовать в них подрывную деятельность гитлеровской агентуры и организовать разведку с их территории против Германии и ее союзников;

– осуществлять научно-техническую разведку в развитых капиталистических странах в целях укрепления военной и экономической мощи СССР.

Задачи были поставлены обширные и ответственные. Наряду с добычей информации, внешней разведке надлежало принять непосредственное участие в разведывательно-диверсионной работе и партизанском движении в тылу врага.

В плане выполнения задачи по развертыванию партизанской борьбы при самом активном участии разведки был создан ОМСБОН (отдельный мотострелковый батальон особого назначения) с участием коммунистов-интернационалистов разных стран, а также известных спортсменов.

Эти действия предпринимались в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем говорилось о необходимости создания партийного подполья, способного возглавить борьбу народных масс в тылу вражеских войск, готовить партизанские отряды. «Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами... снабжены радиоаппаратурой». В отряды предлагалось отбирать людей с опытом участия в Гражданской войне, работников НКВД и НКГБ.

С началом войны оба наркомата (НКГБ и НКВД) были вновь объединены, для руководства партизанским движением была создана Особая группа. Ее костяк составили разведчики Первого управления. По мере расширения партизанского движения на основе Особой группы было создано Четвертое управление (январь 1942 г.). Оно подбирало командиров партизанских отрядов из числа самых опытных разведчиков. Опыт конспирации помогал им успешно руководить боевыми действиями, налаживать в тылу противника разведку, вылавливать лазутчиков. Многим из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

Одним из важнейших направлений работы внешней разведки в годы Великой Отечественной войны было получение информации о положении в Германии и выявление военно-политических планов ее руководства. Перед началом войны внешняя разведка имела в Германии несколько десятков агентов, многие из которых располагали неплохими информационными возможностями. Однако связь практически со всеми из них была, к сожалению, потеряна уже в первые дни войны. Только благодаря нашим связям из организации, вошедшей в историю под названием «Красная капелла», удалось передать несколько сообщений большой важности. Но в августе 1942 года руководящее ядро этой организации было уже в застенках гестапо.

Сколько-нибудь систематической разведывательной работы непосредственно на территории Германии внешней разведке в годы войны организовать не удалось. Для выполнения отдельных заданий в Германию и оккупированные ею европейские страны было направлено около ста нелегалов из советских граждан и иностранцев. Готовились они наспех – шла война. В основном это были немецкие антифашисты, перешедшие на нашу сторону. Далеко не всем им удалось выполнить поставленные перед ними задачи. Многие были схвачены немецкими спецслужбами и погибли. Были и такие, кто струсил, стал на путь предательства. В целом такое направление работы по Германии себя не оправдало, хотя были и отдельные успехи – установлены важные связи, получена заслуживающая внимания информация.

Гораздо больших успехов добилась внешняя разведка, ведя работу по Германии с территории других стран, силами «легальных» или нелегальных резидентур, где обстановка позволяла вести работу (Турция, Болгария, Швеция). Английская разведка имела неплохие позиции в работе по Германии и получала интересную информацию о положении в стране, о планах гитлеровского руководства, однако руководству Советского Союза передавать эту информацию воздерживалась. Но внешняя разведка имела хорошие агентурные позиции в Лондоне, в том числе и в английской разведке. Сведения по Германии, получаемые нашей разведкой из Лондона, были исключительно важны для советского руководства. Именно из Лондона впервые была получена в 1943 году информация о подготовке немцами на Курском

направлении операции «Цитадель». К ее проверке были подключены военная разведка, партизанские отряды, центральный аппарат. Упреждающая информация разведки была учтена при подготовке отпора неслыханному по силе натиску противника. Величайшая битва, в которой участвовало много тысяч танков, самолетов, орудий, обернулась для гитлеровского командования катастрофой, от которой агрессор уже не смог оправиться. 29 июня 1943 года фельдмаршал Кейтель в ставке Гитлера заявил: «Теперь и я не знаю, что делать».

Исход войны был предрешен. Стали меняться и ориентиры внешней разведки. Продолжая успешно действовать в рамках партизанского движения, о чем повествуют очерки в начале тома, разведка все более сосредоточивается на других задачах.

Тщательное слежение за позицией Японии показало, что в 1943 году она окончательно отложила планы «удара на Север», т. е. против Советского Союза, что позволило сосредоточить основные военные усилия на германском фронте.

В конце того же года в Тегеране состоялась встреча руководителей правительств СССР, США и Англии. Перед этим благодаря данным советской и английской разведок удалось ликвидировать гнезда фашистской агентуры в Иране. Союзники наконец объявили на конференции, что второй фронт, открытие которого они неоднократно откладывали, несмотря на обещания Советскому Союзу, будет все-таки открыт в мае – июне 1944 года. Сам второй фронт в результате побед Советского Союза уже не играл той роли, которую мог бы иметь в наиболее трудные годы. Теперь он был нужен больше самим союзникам, чтобы удержать под своим влиянием страны Европы, и об этом внешняя разведка также получала убедительную документальную информацию, раскрывающую намерения союзников на конец войны и послевоенный период.

Главной, таким образом, стала добыча сведений о том, на что нацелены послевоенные планы США и Англии. Полагая, что СССР будет обескровлен, они надеялись извлечь из этого односторонние преимущества. Черчилль отстаивал «балканский вариант» окончания войны с созданием своего рода кордона на пути советских войск в Центральную и особенно Южную Европу. США рассчитывали максимально ослабить Германию как возможного конкурента, разделив ее на ряд небольших государств. Грецию и Италию союзники рассматривали как зону своего преимущественного влияния. Одним из центральных плацдармов борьбы стала Польша. Черчилль стремился поставить под сомнение ее границы с Советским Союзом, установленные в 1939 году. Шла напряженная борьба за влияние на Югославию.

Все эти вопросы являлись важными на конференциях глав государств, которые определяли судьбы послевоенного мира. Ялтинская конференция (февраль 1945 г.) позволила согласовать заключительные военные усилия, которые должна была завершить безоговороч-

ная капитуляция противника. Были намечены линии политики в отношении будущей Германии, необходимость союзного контроля над ней, уничтожения сил милитаризма и фашизма, уплаты репараций. Было решено создать международную организацию для поддержания мира и безопасности (будущая ООН) и придерживаться принципа единогласия между великими державами в Совете Безопасности. Было согласовано вступление СССР в войну против Японии после завершения войны с Германией.

В Потсдаме (июль–август 1945 г.) были определены границы СССР и Польши с передачей Советскому Союзу Кёнигсберга (Калининградская область РСФСР) и Польше – западной территории по линии рек Одер–Нейсе.

Внешнее единодушие участников конференций, демонстрируемое в прессе, не отражало реальной картины. По каждому вопросу шла напряженная борьба. И то, что государственные интересы СССР были в должной мере учтены союзниками, вряд ли стоит объяснять их бескорыстием. За интересами Советского Союза стояла не только мощь страны, победоносно завершившей войну, но также четкая работа ее внешней разведки. Достаточно сказать, что все подготовительные документы правительств США и Англии перед этими конференциями были доложены Сталину и Молотову.

И даже когда Трумэн, сменивший на посту президента США скончавшегося Рузвельта, сообщил Сталину в Потсдаме о том, что США испытали оружие неслыханной прежде силы, советский руководитель ничем не выдал своих чувств: он уже знал не только о взрыве экспериментальной атомной бомбы в Лос-Аламосе, но и о том, как идет работа по созданию собственной атомной бомбы.

Это сообщение должно было, по замыслам наших союзников, открыть эру «атомной дипломатии», направленной против СССР, и обеспечить США и Англии преимущество в начинавшейся холодной войне, в которой предусматривались и «горячие варианты».

Советская разведка помогала СССР создать равновесие стратегических сил. Шаги по обеспечению стране «атомного щита» начались тогда же, в годы войны, в Лондоне, а затем и в Вашингтоне, где внешней разведке удалось проникнуть в основные тайны атомных проектов союзников. Рассказ о том, как это было, читатель найдет в предлагаемом томе.

Получение информации по научно-технической, прежде всего оборонной проблематике было одним из важных направлений деятельности внешней разведки в годы войны. В начале войны организационно научно-техническая разведка (НТР) не была сконцентрирована в одном подразделении. В апреле 1941 года агентура НТР была передана в соответствующие географические отделы. Техническая разведка как самостоятельная линия работы сохранилась лишь в англо-американском отделе, где в этих целях было создано Четвертое

отделение. Это было совсем небольшое подразделение из пяти человек, возглавлял его Л.Р. Квасников.

Война выдвинула перед разведкой необходимость получения сведений о новейших достижениях в области науки и техники, связанных с разработкой новых видов вооружений, принципиально новых средств обороны и связи. Требовался новый подход к самой организации НТР. И несмотря на трудности военного времени, такая реорганизация была произведена. Научно-техническая разведка была значительно усилена молодыми, пусть и с небольшим оперативным опытом, но энергичными работниками. Многие из них имели техническое образование. В основных резидентурах были введены должности помощников резидентов по научно-технической разведке, а в США эта линия работы была выделена в 1944 году в самостоятельную резидентуру.

Наибольших успехов научно-техническая разведка добилась в Англии и США, что явилось результатом правильно организованной, целенаправленной работы. Приобретенная в этих странах агентура работала в важнейших научных и технических объектах. Среди них были ученые и квалифицированные инженеры по атомной физике, радиоэлектронике, авиации, химии и другим отраслям науки и техники. Сотрудничали они с советской разведкой, как правило, на основе общности интересов в борьбе с фашизмом.

За годы войны советская разведка получила огромное количество ценной информации по таким вопросам, как создание атомного оружия, радиолокация, реактивные двигатели, авиация, цветные металлы и специальные сплавы, химия, бактериология и др. Полученные сведения сыграли большую роль в развитии науки и техники в СССР, в укреплении оборонного потенциала.

В четвертом томе очерков отражены основные моменты этой деятельности, за успехи в которой многие разведчики в 1995–1996 годах были удостоены звания Героя России (Л. Квасников, В. Барковский, Леонтина и Моррис Коэны, А. Феклисов, А. Яцков).

Ряд очерков посвящен работе трех из пяти «кембриджцев» – Филби, Бланта и Кернкросса, оказавших неоценимую помощь в получении сведений о позиции США и Англии по основным международным проблемам, послевоенному устройству Европы, о западных границах СССР, по польским проблемам. Деятельность двух других «кембриджцев» будет освещена в последующих томах.

Большой интерес для руководства страны представляла информация о попытках отдельных представителей немецкой верхушки, настроенных оппозиционно к Гитлеру, начать сепаратные переговоры с союзниками СССР – Англией и США. В самом начале войны СССР, Англия и США договорились о тех условиях, на которых должна была капитулировать Германия: полное разоружение немецкой армии, ликвидация фашистского режима и роспуск национал-социалистской партии, демилитаризация Германии и ликвидация вермахта как

постоянного источника агрессивных устремлений страны, возвращение всех захваченных Германией территорий, возмещение причиненного немецкой агрессией ущерба ее жертвам, наказание военных преступников, демократизация страны и установление союзного контроля за выполнением условий капитуляции. Эти меры должны были предупредить возможность повторения агрессии со стороны Германии – виновницы двух мировых войн.

В ходе войны, когда немецкая военная машина потерпела крах на Восточном фронте и поражение Германии для дальновидных, в основном настроенных оппозиционно к Гитлеру, политиков стало очевидным, ряд немецких политических и военных деятелей, представителей деловых кругов предприняли попытки избежать полного поражения Германии путем сепаратной договоренности с Англией и США. Они предлагали различные варианты раздела сфер влияния в мире, прекращение войны на Западе при продолжении ее на Востоке, невыгодные Москве условия заключения мира. Следует отметить, что наши союзники очень настороженно относились к подобным немецким инициативам, но в контакты все же вступали и немецкую сторону выслушивали. Советское руководство знало об этих контактах из сообщений внешней разведки.

Внешняя разведка получала информацию об активизации в начале 1945 года переговоров, которые вели эмиссары Геринга и Гиммлера, а также руководители фашистских спецслужб с представителями политических и военных кругов Англии и США об условиях сепаратного мира. В ходе переговоров эти эмиссары в качестве платы за почетный выход из войны предлагали устранить от власти Гитлера. В организации переговоров использовался возглавлявшийся Шелленбергом аппарат внешнеполитической разведки, который был подчинен Гиммлеру.

Информация разведки позволяла советскому руководству своевременно предупреждать союзников об осведомленности об этих «сепаратных играх». Как правило, союзники дезавуировали такие контакты, когда о них становилось известно советскому руководству, хотя и продолжали их до последнего дня войны.

Мало известно о том, что в период войны впервые между СССР, с одной стороны, Англией, а затем и США – с другой, устанавливались контакты по линии разведывательных служб. Результаты их не были особенно впечатляющими, стороны относились друг к другу настороженно. Но тем не менее сам факт такого сотрудничества знаменателен как знак поиска новых форм отношений между членами антифашистской коалиции, несмотря на разделявшие их социальные и политические различия.

Весьма своеобразные отношения сложились между разведкой и Коминтерном, базировавшиеся на общей борьбе с фашизмом. Коминтерн во время войны делегировал ценных работников в ряды разведки, и на практике они себя хорошо зарекомендовали.

Одним из центральных вопросов долгое время оставалось отслеживание выбора Японией основного направления своей дальнейшей агрессии. Бросок японцев на север, на советский Дальний Восток, заставил бы СССР сражаться на два фронта. Помимо информации из Лондона, содержавшей правительственную переписку по этой проблеме, освещать ее помогала и информация из Китая. Разведка имела здесь солидные позиции. Помимо обычной работы, она через резидента и посла А. Панюшкина прилагала немалые усилия по оказанию существенной военной, экономической и иной помощи гоминьдановскому режиму в его борьбе с японской агрессией, смягчению противоречий Чан Кайши с коммунистами во главе с Мао Цзэдуном. Налаживалось сотрудничество с гоминьдановскими секретными службами. Все это позволило твердо убедиться, что после сильнейших колебаний Япония приняла в конечном счете решение направить военную экспансию на владения Англии и США, а также Голландии и не нападать на советский Дальний Восток.

Интересны примеры борьбы с разведками стран «оси» в Иране и Афганистане, а также в Турции, где решались сложные задачи безопасности южных границ СССР, ибо одной из целей наступления Гитлера на Кавказ было втягивание турок в войну.

Информация, полученная разведкой в заключительный период войны, помогла руководству страны наилучшим образом определить курс в отношении таких стран, как Финляндия, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Болгария, освобожденных от германского контроля, существенно помочь Югославии в становлении ее новой государственности и обеспечении собственной безопасности, не говоря уже о проблемах, сопровождавших укрепление новой власти в Польше.

Противоборство с гитлеровскими спецслужбами, опытными и хорошо организованными, пронизывало все годы войны. Активно проявлял себя отдел «Абвер-заграница», руководивший разведывательной деятельностью германских военных атташе за границей, подотдел «Ост» («Восток») второго отдела абвера, занимавшийся диверсионной деятельностью за границей и в тылу враждебных Германии войск. В июне 1941 года был создан «штаб Валли» для непосредственного руководства разведдеятельностью на германо-советском фронте.

На оккупированной территории были развернуты около 200 школ абвера. Засылка нашей агентуры в них шла интенсивно вплоть до конца 1943 года.

Завершение войны не означало затухания борьбы с агентурой абвера и других спецслужб гитлеровского режима. По декрету Гитлера от 14 февраля 1944 года абвер был разделен на части, отходившие к разным ведомствам, в основном в состав Главного управления имперской безопасности (РСХА) во главе с Кальтенбруннером. РСХА усилило слежку за союзниками, и в марте 1944 года Германия неожиданно оккупировала Венгрию, получив сведения, что последняя ведет переговоры с США и Англией о возможности сепаратного выхода из войны.

Пытаясь ослабить тыл Советского Союза и помешать продвижению советской армии, гитлеровские спецслужбы форсировали подрывную операцию «Цеппелин», рассчитанную на поощрение сепаратистских выступлений мусульманских народов, а также грузин и армян. Формируется так называемый «Туркестанский легион». В Прибалтике гитлеровцы перед отступлением укрепляют различные военизированные организации, перед которыми ставится задача бороться с советскими войсками. По всем этим вопросам разведка получала информацию от своих источников и докладывала ее ГКО СССР.

В ходе войны с противником велись оперативные игры с целью создать у противника представление о существовании на территории СССР антисоветских националистических центров. Многие из вражеских радистов были взяты в плен, перевербованы. Советская разведка совместно с контрразведывательными органами использовала их для продвижения противнику дезинформации как военного, так и политического характера. Такие оперативные комбинации назывались радиоиграми. Радиостанции, с помощью которых проводились эти операции, находились в Архангельске, Вологде, Ленинграде, Калинине, Ярославле, Горьком, Казани, Куйбышеве, Ульяновске, Саратове, Сталинграде, Иванове, Туле, Рязани, Тамбове, Воронеже и продвигались на Запад с наступлением наших войск. Крупнейшие чекистские оперативные игры – «Монастырь», «Березино» – описываются в очерках. Стоит упомянуть и радиоигру в Калмыкии, куда немцы высадили подкрепление в помощь уже уничтоженным бандитским формированиям. В отдельные периоды сотрудники госбезопасности вели с противником до 70 игр одновременно, направляли по согласованию с Генштабом Советской Армии дезинформационные материалы. В результате подобных игр удалось вызвать по подставным явочным адресам и арестовать несколько сот агентов из числа выпускников нацистских диверсионных школ, а также кадровых сотрудников германской разведки. Поистине это были сражения не только оружия, но и интеллектов.

В годы войны разведка, таким образом, окрепла, набралась мастерства, ощущалась как реальная сила, помогавшая воевать не числом, а умением.

Заканчивалась Вторая мировая война в августе 1945 года на полях Маньчжурии. Стремительный разгром хорошо вооруженной Квантунской армии завершился захватом руководителей основных антисоветских центров, расположенных у советских дальневосточных границ. Тут были и «старые знакомые», вроде атамана Семенова и руководителя «российских фашистов» Родзаевского и многих других агентов японских спецслужб.

Разгром милитаристской Японии помог победе народной революции в Китае и созданию КНР, что существенно изменило соотношение сил в Азии и во всем мире. Деколонизация, ликвидация зависимости от капиталистических держав открыли пути национально-освободительному движению.

Подготовка очерков о деятельности внешней разведки в годы Великой Отечественной войны проведена на основе глубокого изучения архивного материала. Авторам была предоставлена возможность ознакомиться с копиями сообщений и документов, которые направлялись в годы войны И.В. Сталину, В.М. Молотову и другим руководителям Государственного комитета обороны (образован 30 июля 1941 г.), с оперативными документами центрального аппарата разведки и ее зарубежных точек. Были изучены свидетельства участников операций разведки, а также иностранные источники.

Очерки, конечно, не могут претендовать на полную летопись всех дел внешней разведки в годы войны не только из-за разрозненности многих документов, понятной в условиях ведения военных действий, но также и по соображениям конспирации, обязательным для любых разведок мира. Тем не менее они отражают, на наш взгляд, исторически существенные моменты многогранной деятельности внешней разведки СССР в годы войны.

Как и в предыдущих выпусках, некоторые фамилии и псевдонимы, места действия и названия учреждений в этих очерках из соображений безопасности изменены. Но фактическая основа событий сохранена, документально выверена. Надеемся, что читатели составят в итоге реальное представление о том, что сделала внешняя разведка в самый ответственный период жизни нашего государства для сохранения его безопасности и независимости, для победы его правого дела.

Рассекреченные за давностью лет документы из архива внешней разведки, впервые публикуемые в приложении к четвертому тому, помогут читателю составить представление о том, какая информация добывалась внешней разведкой в годы войны, как и в какой форме она докладывалась руководству страны. Приложение не ставит цель показать полное документальное освещение внешней разведкой той или иной политической проблемы. Документы из архивных дел взяты выборочно, чтобы дать возможность показать читателю широту охвата добываемой разведкой информации, ее достоверность, подтвержденную временем, те высокопоставленные круги, из которых она исходила, ее важность для принятия высшим руководством страны решений по кардинальным вопросам ведения войны и построения надежного послевоенного мира.

Значительная часть публикуемых в приложении документов использована при написании очерков. В документах сохранены орфография и стиль оригиналов.

Приведенные в четвертом томе выдержки из документов, на которые нет специальных ссылок, взяты из архивных дел СВР.

---

[1] **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления. – Т. I. – М.: Изд. АПН, 1974. – С. 282–283.

1

Воспоминания начальника внешней разведки П.М. Фитина[1]

Не претендуя на полноту освещения, ибо это требует специальных исследований, я хочу рассказать о некоторых вопросах многосторонней деятельности разведки органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны.

17 июня 1941 года состоялся разговор с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. После этого меня ни на один день не покидало чувство тревоги. Это беспокоило не только меня, но и других работников, которым было положено знать об этой встрече[2].

Прошло несколько дней. На рассвете я вышел из наркомата. Позади напряженная неделя. Было воскресенье, день отдыха, а мысли, мысли, как маятник часов: «Неужели дезинформация? А если нет, тогда как?» С этими думами я приехал домой и прилег, но уснуть так и не удалось – зазвонил телефон. Было пять часов утра. В трубке голос дежурного по наркомату: «Товарищ генерал, вас срочно вызывает нарком[3], машина послана». Я тут же оделся и вышел, будучи твердо уверен, что случилось именно то, о чем несколько дней назад шла речь у И.В. Сталина.

Когда я вошел в приемную наркома, там было несколько человек. Вскоре прибыли и остальные товарищи. Нас пригласили в кабинет. Нарком был подавлен случившимся. После небольшой паузы он сообщил, что на всем протяжении западной границы – от Балтики до Черного моря – идут бои, в ряде мест германские войска вторглись на территорию нашей страны. Центральный Комитет и советское правительство принимают все меры для организации отпора вторгшемуся на нашу территорию врагу. Нам надо продумать план действий органов, учитывая сложившуюся обстановку. С настоящей минуты все мы находимся на военном положении, и нужно объявить об этом во всех управлениях и отделах.

– А вам, – обратился ко мне нарком, – необходимо подготовить соответствующие указания закордонным резидентурам. Через полтора-два часа я вас вызову.

С этим мы разошлись, чтобы приступить к выполнению указаний наркома. Известие было крайне неприятным, хотя для меня и некоторых других руководителей, кто был у наркома, оно не являлось такой уж большой новостью. Помимо того, что образовавшаяся «ось» Рим–Берлин–Токио была направлена главным образом против Советского Союза, в Первое управление из резидентур в Берлине, Париже, Лондоне, Праге и некоторых других поступали достоверные сведения о подготовке Германии к большой войне.

16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции.

Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И.В. Сталин. Многое пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом.

С тех пор, как я возглавил Разведывательное управление центрального аппарата, прошло всего лишь два года, но я хорошо изучил работников разведки, как молодых, так и опытных, и верил в их честность и преданность делу. В этом я убедился, перестраивая разведывательную работу в соответствии с решением Центрального Комитета партии от 1938 года «Об улучшении работы Иностранного отдела (ИНО. – *Прим. авт.*) НКВД».

Данное решение было вызвано создавшимся ненормальным положением в органах государственной безопасности, и в первую очередь в разведке. В 30-х годах сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом к руководящим работникам, не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938–1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них – репрессированы.

Принятие Центральным Комитетом указанного решения обусловливалось также создавшейся международной обстановкой: образованием фашистского блока Рим–Берлин–Токио, захватом Германией Австрии, Мюнхенским соглашением, которое явно свидетельствовало о том, что Гитлер идет к развязыванию Второй мировой войны. Кроме того, двурушническое поведение Англии, Франции и некоторых других европейских государств по отношению к СССР еще больше накалило международную обстановку.

Обстановка настоятельно требовала принятия неотложных мер по перестройке всей работы внешнеполитической разведки. В марте 1938 года в органы государственной безопасности Центральный Ко-

митет партии мобилизовал около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. После шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД их направили как в центральный аппарат, так и в периферийные органы. Большая группа из них, в которой находился и автор этих строк, была отобрана для работы в 5-м (Иностранном) отделе НКВД СССР.

В октябре 1938 года я пришел на работу в Иностранный отдел оперативным уполномоченным отделения по разработке троцкистов и «правых» за кордоном, однако вскоре меня назначили начальником этого отделения. В январе 1939 года я стал заместителем начальника 5-го отдела, а в мае 1939 года возглавил 5-й отдел НКВД. На посту начальника внешней разведки находился до середины 1946 года.

Влившиеся в разведку новые кадры вместе с оставшимися на работе чекистами-разведчиками образовали монолитный сплав опыта и молодого задора. Их задача состояла в том, чтобы улучшить разведывательную работу за кордоном.

Руководство управления в первую очередь сосредоточило внимание на подборе руководителей резидентур за рубежом. В течение 1939–1940 годов за кордон направлялись старые, опытные разведчики: В.М. Зарубин, Е.Ю. Зарубина, Д.Г. Федичкин, Б.А. Рыбкин, З.А. Рыбкина, В.А. Тахчианов, М.А. Аллахвердов, А.М. Коротков, а также молодые способные чекисты: Г.Н. Калинин, А.К. Тренев, А.И. Леоненко, В.Г. Павлов, Е.И. Кравцов, Н.М. Горшков и многие другие.

При подборе кандидатур на разведывательную работу за рубежом приходилось сталкиваться с большими трудностями из-за слабого знания иностранных языков многими товарищами, вновь пришедшими в разведку, и отсутствия у них опыта ведения разведки за кордоном.

В результате принятых мер в предвоенные годы удалось укомплектовать около 40 резидентур за кордоном и направить в них более 200 разведчиков, а также вывести на нелегальную работу многих кадровых чекистов. Это сразу же сказалось на результатах.

Принимая во внимание заслуги чекистов-разведчиков в добывании ценной и нужной для советского государства информации, Президиум Верховного Совета СССР в мае 1940 года наградил ряд работников внешнеполитической разведки орденами и медалями. Высокой правительственной награды был удостоен и я как начальник Первого управления НКГБ СССР.

Благодаря наличию агентуры с большими разведывательными возможностями в таких странах, как Германия, Англия, США, Чехословакия (к тому времени – «протекторат Богемии и Моравии», созданный гитлеровцами), Болгария, Франция, и некоторых других, с конца 1940 года и до нападения Германии на Советский Союз в Управление поступали данные, которые говорили о том, что Германия, захватив тринадцать европейских стран, готовится к нападению на СССР.

Например, наш резидент в Праге сообщал о перебросках немецких воинских частей, техники и другого военного снаряжения к границам Советского Союза. Аналогичные сведения поступали и от других резидентов. Естественно, вся эта информация направлялась в Главное разведывательное управление Красной Армии, а наиболее важная – в три адреса: И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову. Поэтому вызов к И.В. Сталину 17 июня 1941 года не застал нас врасплох.

Несмотря на нашу осведомленность и твердое намерение отстаивать свою точку зрения на материалы, полученные Управлением, мы еще пребывали в состоянии определенной возбужденности. Это был вождь партии и страны с непререкаемым авторитетом. А ведь могло случиться и так, что Сталину что-то не понравится или в чем-то он усмотрит промах с нашей стороны, и тогда любой из нас может оказаться в весьма незавидном положении.

С такими мыслями мы вместе с наркомом в час дня прибыли в приемную Сталина в Кремле. После доклада помощника о нашем приходе нас пригласили в кабинет. Сталин поздоровался кивком головы, но сесть не предложил, да и сам за все время разговора не садился. Он прохаживался по кабинету, останавливаясь, чтобы задать вопрос или сосредоточиться на интересовавших его моментах доклада или ответа на его вопрос.

Подойдя к большому столу, который находился слева от входа и на котором стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки, а на одной из них сверху был наш документ, И.В. Сталин не поднимая головы сказал:

– Прочитал ваше донесение... Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?

Мы молчим. Ведь всего три дня назад – 14 июня – газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось, что Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз. И.В. Сталин продолжал расхаживать по кабинету, изредка попыхивал трубкой. Наконец, остановившись перед нами, он спросил:

– Что за человек, сообщивший эти сведения?

Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику нашему источнику. В частности, сказал, что он немец, близок нам идеологически, вместе с другими патриотами готов всячески содействовать борьбе с фашизмом. Работает в министерстве воздушного флота и очень осведомлен. Как только ему стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоял на связи, и передал настоящее сообщение. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнес:

– Дезинформация! Можете быть свободны.

Мы ушли встревоженные. Многое пришлось передумать, напряженное состояние не покидало ни на минуту. А вдруг наш агент ошибся? А ведь я от имени Управления внешней разведки заверил И.В. Сталина в том, что информация не вызывает сомнений.

Придя в наркомат и обменявшись впечатлениями от встречи, мы с наркомом тут же составили шифровку в берлинскую резидентуру о немедленной проверке присланного сообщения о нападении Германии на СССР, которое якобы намечено на 22 июня 1941 года, но ответ получить не успели... Фашистские войска напали в этот день на нашу Родину. Последнее явилось горьким подтверждением правдивости донесения нашего агента.

Аналогичными данными располагали ГРУ и контрразведывательные подразделения наших органов. Это оказало на И.В. Сталина должное влияние, и 21 июня он дал указание Генеральному Штабу Красной Армии о приведении в боевое состояние пограничных частей. И.В. Сталин откладывал принятие самых необходимых военных мер предосторожности, очевидно, из опасения дать Гитлеру повод для нападения.

В мероприятиях, разработанных Управлением в первые дни войны, основное внимание уделялось отбору наиболее способных разведчиков для работы в оперативных группах, которые останутся на временно оккупированной немцами территории после отхода частей Красной Армии. Наши разведчики должны были организовать, возглавить, обучить советских патриотов для ведения партизанской войны в тылу врага и в то же время вести разведывательно-диверсионную работу против немецко-фашистских захватчиков и их союзников.

В первые же дни войны прошли подготовку десятки чекистов-разведчиков и выехали сначала на Украину, а затем в Белоруссию, Молдавию и западные области РСФСР. Все они достойно проявили себя, с честью выполнив возложенные на них задачи. Чекистам-разведчикам Дмитрию Медведеву, Николаю Прокопюку, Михаилу Прудникову, Виктору Королеву, Николаю Кузнецову, Владимиру Молодцову, Виктору Лягину, Ивану Кудре и многим другим за выполнение особых заданий присвоено звание Героя Советского Союза.

Помимо решения этой первоочередной задачи необходимо было усилить работу за рубежом, главным образом в целях нанесения наибольшего урона гитлеровской Германии. Ее войска, несмотря на упорное сопротивление частей Красной Армии, продвигались все дальше в глубь нашей Родины. Пришлось оставить крупнейшие индустриальные центры Украины, Белоруссии, России, Прибалтики. Под угрозой захвата противником оказались Москва, Ленинград, Сталинград.

В этот невероятно тяжелый для Родины период советская разведка ставит перед всеми чекистами-разведчиками и многочисленной агентурой задачу по добыванию разведывательных данных о фашистской Германии и ее союзниках, о ее военно-экономическом потенциале, перебросках войск и военной техники. С другой стороны, разведчики всячески содействуют организации движения Сопротивления в странах, захваченных фашистами еще до нападения на СССР.

Учитывая, что деятельность Первого управления по созданию оперативных групп и организации их работы в тылу противника приняла широкие масштабы и требовала к себе все большего внимания, Центральный Комитет ВКП(б) признал целесообразным разделить Первое управление на два управления:

– Разведывательное управление с задачами организации и ведения разведки против Германии и ее союзников; освещения политики США и Англии в отношении Советского Союза и стран «оси» Берлин–Токио–Рим, а также политики других капиталистических государств, не принимавших участия в войне; ведения технической разведки; организации контрразведывательной работы за рубежом;

– Управление (Четвертое) с задачами организации оперативных групп в тылу противника и руководства ими.

Руководство Первым управлением вновь возложили на меня, а руководителем Четвертого управления стал один из моих заместителей. Разделение было оформлено приказом по наркомату. Эта перестройка не замедлила сказаться: улучшились результаты работы как Первого, так и Четвертого управлений.

Первое управление, осуществляя главным образом руководство резидентурами за кордоном, стремилось оказывать им всемерное содействие в организации агентурно-оперативной работы в целях получения наиболее ценной информации. В течение первых двух военных лет нам удалось добыть большое количество крайне важных материалов о политике государств – наших союзников в войне с Германией, а также нейтральных стран. Вместе с тем были получены важные материалы военного и научно-технического характера.

Однако, несмотря на ценность добытых разведывательных материалов, они еще не удовлетворяли Ставку Верховного Главнокомандования, которая нуждалась в наиболее полных сведениях о военном потенциале Германии и политике США в отношении СССР, и особенно по вопросу открытия второго фронта.

5 июня 1943 года Государственный комитет обороны утвердил «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в которых определялись и задачи Разведывательного управления НКГБ СССР. Лучшие работники Управления направлялись для работы в закордонных резидентурах, а также для организации новых резидентур.

Год неимоверных усилий аппарата внешней разведки органов госбезопасности дал свои плоды: повысилось качество политической информации и увеличился ее объем. В больших количествах стала поступать ценнейшая научно-техническая информация, особенно военная.

В целях расширения возможностей для заброски нашей агентуры на территорию Германии и получения наиболее полной военной и экономической информации о Германии и ее сателлитах было признано целесообразным наладить контакты с разведками наших союзников – США и Англии. В Москве связь с представителями английской разведки поддерживал один из моих заместителей, а в Лондоне – наш опытный разведчик И.А. Чичаев.

В декабре 1943 года в Москву прибыл начальник Управления стратегических служб (так называлась американская разведка) генерал Уильям Донован для установления контактов с советской разведкой. Через американского посла в Москве Гарримана он обратился к В.М. Молотову, который являлся в то время заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и наркомом иностранных дел.

Нарком государственной безопасности и я были приглашены в Кремль, где нас принял В.М. Молотов. Он сообщил о прибытии в Москву Донована и его намерениях.

– Как вы на это смотрите? – спросил Молотов. – Видимо, нам отказываться не стоит, следует с ним встретиться и выяснить планы.

Здесь же приняли решение, что переговоры с Донованом должен вести я и о ходе переговоров подробно докладывать В.М. Молотову.

На следующий день вместе с моим заместителем мы приняли генерала Донована и провели с ним обстоятельную беседу. Результаты встречи были доложены И.В. Сталину и В.М. Молотову, которые дали согласие на установление контактов.

Предусматривались обмен разведывательной информацией, взаимные консультации во время проведения активных действий, оказание содействия в заброске агентуры в тыл противника, обмен диверсионной техникой и др.

Устанавливая контакты с представителями американской и английской разведок, мы не рассчитывали на их искренность, но все же полагали, что такие контакты могут быть полезными. Необходимо отдать должное тому, что обмен разведывательной информацией, главным образом военной, о Германии и ее союзниках носил полезный характер. Поступавшая к нам информация в основной ее массе направлялась в Разведуправление Красной Армии и, как мне известно, в значительной части подтверждала или дополняла имевшиеся у нас сведения. В свою очередь, мы передавали информацию о немецких войсках, их перемещении, вооружении, особенно частей, находившихся во Франции, Бельгии, Голландии, так как эти страны более всего интересовали разведслужбы союзников.

Наряду с обменом разведывательной информацией, производился также обмен техническими средствами осуществления диверсий в тылу противника. Однако следует сказать, что мы и наши партнеры передавали те средства, которые не представляли большого секрета и не являлись откровением для обеих сторон.

Предпринимались попытки использовать возможности разведки, особенно английской, для выброски нашей агентуры на территорию Франции, Чехословакии, Италии и собственно Германии. Однако положительных результатов эти переброски нам не дали, и мы отказались от услуг английской разведки.

Через полгода с момента установления контактов с американской разведкой мы – как, видимо, и американцы – убедились в малой эффективности той совместной работы, которая проводилась в тот период. Наши контакты с американской разведкой, как и с английской, постепенно стали ослабевать, а вскоре после открытия второго фронта вообще прекратились.

К этому времени наша разведка располагала данными о том, что союзники не открывали второй фронт не по военным, а по политическим причинам. Они рассчитывали на ослабление Советского Союза. И, как известно, войска США и Англии высадились в Нормандии лишь в начале июня 1944 года, когда судьба фашистской Германии фактически была предрешена в результате мощного наступления войск Красной Армии.

За положительные результаты деятельности внешней разведки и самоотверженную работу разведчиков в июне 1944 года советское правительство наградило орденами и медалями большую группу сотрудников разведки, а я в их числе был удостоен ордена Красного Знамени.

После открытия второго фронта было очень важно знать планы и намерения правительств США и Англии по урегулированию после войны политических вопросов, касавшихся как Германии, так и стран, воевавших на ее стороне. Эту задачу пришлось решать нашей разведке, которая справилась с ней довольно успешно.

Огромная роль в достижении положительных результатов принадлежала нашей лондонской резидентуре, располагавшей агентурой в правительственных органах, в частности в министерстве иностранных дел. Значительная часть телеграфной переписки Черчилля с Рузвельтом, а также министерства иностранных дел Великобритании с английскими послами в Москве, Вашингтоне, Анкаре и других городах становилась достоянием советской разведки, а следовательно, и руководителей нашего государства.

Большой заслугой внешней разведки в этот период, особенно резидентур Первого управления в США, Канаде, Англии, явилось получение научно-технической информации в области атомной энергии, которая в значительной мере помогла ускорить решение вопроса по созданию атомной бомбы в Советском Союзе.

Мне часто приходилось встречаться с Игорем Васильевичем Курчатовым, который выражал большую признательность за получаемые от нашей разведки материалы по вопросам атомной энергии. В послевоенные годы мне на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов, и в этой связи вновь неоднократно встречаться с Игорем Васильевичем, талантливым ученым и замечательным человеком. В беседах он вновь подчеркивал, какую неоценимую услугу в решении атомной проблемы в СССР сыграли материалы, добытые советской разведкой.

Большое количество материалов добывалось также по вопросам самолетостроения, танкостроения, приборостроения и по другим вопросам науки и техники.

Все, что было проделано разведкой органов госбезопасности за годы Отечественной войны, явилось большим вкладом в победу советского народа над фашистской Германией, а также в укрепление могущества Советской страны.

---

[1] Павел Матвеевич Фитин возглавлял 5-й отдел ГУГБ НКВД – Первое управление НКГБ с мая 1939 года по 1946 год. В основу материала легли воспоминания, написанные автором в 1970 году к 50-летию внешней разведки.

[2] 17 июня 1941 года И.В. Сталин вызвал к себе наркома госбезопасности В.Н. Меркулова и начальника разведки П.М. Фитина для обсуждения телеграммы из Берлина от «Старшины» и «Корсиканца» от 16 июня, которая начиналась словами: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Сталин потребовал проверки сведений, считая их возможной дезинформацией.

[3] В.Н. Меркулов – нарком госбезопасности.

2

Первые часы, первые дни...

Как ни стремились разведчики упредить роковые события, как ни стекались в Москву сперва ручейками, а потом потоками сообщения самых надежных и авторитетных источников о том, что гитлеровские дивизии подтягиваются к рубежам Советского Союза, что готовы планы бомбардировок крупнейших центров страны, что нападение будет в мае, нет – в июне, точнее – в середине июня, наконец, – 22 июня, до последнего момента тех, кто нес ответственность за безопасность СССР, не покидала надежда, что, может быть, и на этот раз тучу пронесет мимо, а тревожные сообщения останутся угрозами, шантажом Гитлера, отражающими маневры перед решающим броском на Англию, единственную крупную западноевропейскую страну, которая пока не покорилась немцам. А потом будет неизбежное.

Не было «потом». Сбылось отчаянное, убежденное, по-немецки твердое, посланное из Берлина утверждение: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Именно это сообщение, которое Сталин обсуждал с начальником разведки Фитиным 17 июня, было охарактеризовано как дезинформация – английская, имеющая целью столкнуть нас с немцами. Но действительной дезинформацией, гитлеровской, были проскальзывавшие наверх объяснения, что немцы подводят к советской границе свои части якобы для того, чтобы запутать англичан, а потом неожиданно начать операцию «Морской лев», высадив десанты и оккупировав Англию.

«Морской лев» так и не состоялся. Зато неуклонно развивался план «Барбаросса», план завоевания территорий Советского Союза, вчерне намеченный еще в книге фюрера «Моя борьба», а затем воплощенный в стратегические стрелы и клещи, начертанные на картах германским полководцем фон Паулюсом. Директива № 21 (план

«Барбаросса») была утверждена Гитлером 18 декабря 1940 года. Вторую ее часть как раз и составляли дезинформационные мероприятия, которые должны были обмануть русских. Там отмечалось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны».

План предусматривал молниеносный разгром советских вооруженных сил в первые же недели и был основан на опыте сокрушения Франции, обладавшей мало чем уступавшим силам Рейха потенциалом, всего за тридцать девять дней, на столь же скоротечной польской кампании, не говоря уже о «прогулках» по малым странам Европы. Гитлер знал об опустошительных «чистках» в рядах командования Красной Армии, о том, что военная индустрия Советского Союза только начала набирать темп, который помог бы сравняться с германской военной машиной. И хотя присоединение к советской территории западных украинских и белорусских земель в результате поражения Польши, а затем и прибалтийских государств увеличивало расстояние, которое предстояло покрыть в броске на Москву и Ленинград, германское военное командование и Гитлер не сомневались, что это им удастся осуществить в кратчайшие сроки.

Начальник разведки Фитин не верил своим ушам, когда захваченный на бывшей польской территории белый эмигрант Нелидов, помогавший гитлеровцам отрабатывать их планы, на допросах рассказывал, что в Минск немцы рассчитывают войти через пять дней после начала войны. Практически так и случилось.

Можно сказать, что такого начала войны советская внешняя разведка вряд ли ожидала. Просчеты, исключавшие захват противником обширных территорий нашей страны, дорого обошлись всем: и военным, и разведчикам всех основных ведомств – политическому (Первое управление НКГБ), военному, военно-морскому... Чтобы выправить положение, потребовались неимоверные усилия. Маломощные радиопередатчики не покрывали увеличивающееся расстояние, и связь с ценной агентурой была прервана. Введенное повсюду оккупантами чрезвычайное положение затрудняло использование связников, а если они и пересекали линию фронта, сведения оказывались часто устаревшими... Но бесполезно было выискивать виновных в этом положении, говорить: мы предупреждали, а вы больше искали врагов внутри страны, чем обращали внимание на очевидного и самого страшного врага. Это стало ясно многим, в том числе и тем, кто сводил личные счеты в период репрессий, клеил ярлыки паникеров на тех, кто говорил правду, сажал в лагеря заслуженных и самоотверженных разведчиков...

Огромные силы немцев на всем протяжении границ – от Белого до Черного моря – взламывали защитные барьеры, захватывали склады и базы, неосторожно придвинутые к границам в расчете (лозунговом) «бить врага на его территории», окружали крупные и средние

соединения. За три недели они вышли к Смоленску, двигались к Москве, к подступам к Ленинграду, достигли окрестностей Киева. В начале июля, как показывали данные внешней разведки, некоторые германские генералы считали войну против Советского Союза фактически выигранной.

Требовались смелые, умные шаги, четкая координация действий разведок, чтобы практическими делами подкрепить чисто военные меры для спасения положения. И здесь как нельзя лучше пригодились некоторые организационные изменения, предпринятые в самый канун военных действий.

Менее чем за неделю до войны Л.П. Берия вызвал к себе заместителя начальника разведки П.А. Судоплатова и распорядился приступить к созданию «контрдиверсионного» отряда, который был бы в состоянии пресечь возможные провокационные действия гитлеровцев на западных границах. Имелось в виду повторение такого рода акций, которые имели место перед агрессией Гитлера против Польши. Тогда группа немцев, переодетая в польскую униформу, просочилась на польскую территорию, откуда имитировала нападение на германскую радиостанцию. Это послужило предлогом для нападения гитлеровцев на Польшу 1 сентября 1939 года. Этим числом и датируется начало Второй мировой войны.

Под Москвой, в поселке Озеры, начал собираться необычный отряд. Необычный, поскольку звучали в его рядах самые различные языки – испанский, чешский, словацкий, венгерский, болгарский, немецкий... Тут собрались испытанные антифашисты, в том числе прошедшие Гражданскую войну в Испании. К ним присоединились спортсмены, прославленные мастера спорта, такие как Н. Королев, С. Щербаков, братья Знаменские, Л. Кулакова – боксеры, стрелки, лыжники, выпускники института им. Лесгафта, цвет спортивного общества «Динамо»... Нужны были и знатоки языков, и физически крепкие воины. 150 добровольцев прислал Институт физической культуры, около 30 человек – Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ).

Прошло несколько дней, и война разразилась. Гитлер не стал утруждать себя поводами к началу военных действий. Агрессия началась без ультиматумов, предупреждений. Но создание особого отряда, начавшееся в канун войны, впоследствии оправдало себя, и разведка специфическими методами смогла внести заметный вклад в исход кровопролитных сражений.

Инструкции и указания в связи с началом войны против СССР были в первые же часы направлены во все «легальные» резидентуры. В феврале 1941 года НКВД разделился на два наркомата – НКГБ и НКВД. Внешняя разведка относилась к органам госбезопасности. По линии НКГБ 22 и 24 июня, 1, 4 и 5 июля 1941 года были изданы директивы, где определялись основные задачи (в первую очередь сбор

сведений военного плана). В июле 1941 года все органы госбезопасности были объединены с НКВД[1]. 5 июля «для выполнения особых заданий» была создана Особая группа НКВД на базе Первого (разведывательного) управления НКВД. На нее возлагалась задача организации борьбы в тылу врага.

Необходимо было сообщать в Москву о стратегических планах противника, передвижениях его боевых частей и техники, направлениях готовящихся ударов. Требовались данные о политической обстановке в странах нацистского блока и на оккупированных ими территориях. На первом этапе Отечественной войны именно эти вопросы оставались первостепенными.

В Европе резидентуры действовали главным образом по периметру гитлеровского блока. Внутри Германии оставались группы «Старшины» и «Корсиканца», «Брайтенбах», но с потерей радиосвязи, высылкой советского персонала контакты с ними почти прекратились. Удавались лишь единичные попытки подходов к ним, дававшие ценые результаты. Решать центральные задачи с территории таких стран, как Швеция, Болгария, Турция, Иран, представлялось затруднительным.

Особой группе поручалось совместить разведывательно-диверсионные задачи с участием в организации партизанского движения. Здесь отличилось подразделение, получившее название Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), которая выполняла особые задания Верховного командования и НКВД СССР как на фронте, так и в тылу врага.

Из Озер формирование бригады в начале войны передислоцировалось на московский стадион «Динамо». Выпускники Высшей школы НКВД и погранучилищ, добровольцы из ряда союзных республик СССР пополнили бригаду, численность которой достигала 10 500 человек.

Из Особой группы были выделены командиры, которым предстояла заброска в тыл немцам для создания партизанских отрядов. 3 октября 1941 года ее заменил 2-й отдел НКВД, а с 18 января 1942 года на ее основе было развернуто Четвертое управление НКВД. Ядро составили опытные разведчики. Характерно, что их руководитель П.А. Судоплатов одновременно был заместителем начальника разведки П.М. Фитина.

В.И. Пудин, Е.М. Мицкевич, Н.С. Тищенко, З.И. Воскресенская-Рыбкина, Г.И. Мордвинов форсированными темпами занимались комплектованием разведывательно-диверсионных отрядов. Начальником штаба ОМСБОН стал опытный чекист-разведчик В.В. Гриднев.

Уже к 27 июня было сформировано четыре отряда по 100–200 человек. Отряд Е. Мицкевича состоял в основном из политэмигрантов-испанцев. Позднее в него влились эмигранты из Болгарии и Венгрии. Первыми в тыл врага летом 1941 года ушли отряды Д. Медведева, А. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко.

В октябре 1941 года определилась структура ОМСБОН: два полка и штабные подразделения. Командиром первого полка был назначен В. Гриднев, комиссаром – С. Волокитин. Вторым полком командовал С. Иванов, а комиссаром стал С. Стехов. Позже он влился в отряд Д. Медведева.

В зимние месяцы 1941/42 года за Вязьму, Смоленск, Оршу, Витебск, Полоцк, Минск, Брянск, Гомель и другие города были переброшены отряды под командованием Н.С. Артамонова, М.К. Бажанова, Н.А. Балашова, А.И. Воропаева, С.А. Ваупшасова, В.Н. Воронова, Н.С. Горбачева, С.А. Каминского, И.М. Кузина, К.С. Лазнюка, П.Г. Лопатина, Е.И. Мирковского, В.Л. Неклюдова, Ф.Ф. Озмителя, М.С. Прудникова, П.Я. Попова, Г.М. Хвостова, П.Г. Шемякина, А.П. Шестакова и др.

Атмосферу этих дней вспоминала в своей книге «Теперь я могу сказать правду» З. Воскресенская-Рыбкина: «В кабинетах на Лубянке в одних сейфах – револьверы и патроны, наручные часы, компасы, в других – партийные и комсомольские билеты, список отправленных в тыл, их «легенды». На полу – ящики с патронами. Толовые шашки, бикфордовы шнуры. Бутышки с зажигательной смесью.

Каждый из работников Особой группы, на основе которой была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения, тоже готовился к тому, чтобы в любой момент направиться в тыл врага. Готовилась к этому и я. Разучивала свою роль сторожихи на переезде у маленькой железнодорожной станции.

В утренние часы я отправлялась в ЦК ВЛКСМ – здесь у нас штаб, затем на учебное стрельбище в Мытищи, на аэродром или к подопечным домой. Во время воздушных тревог – а с 22 июля они были ежевечерне – в бомбоубежище. В нем и спали. Под головой вместо подушки противогаз, вместо матраца – голые доски, но засыпали моментально. Час-другой – и снова за работу.

Одни группы предназначены для подрывной работы на железных дорогах по уничтожению живой силы и техники врага, они сбрасываются на парашютах в леса, другие – разведывательные – должны осесть в городах. Для каждой группы своя легенда, своя программа действий. Разведгруппа – это почти всегда семья: дед, бабка, внук или внучка. «Дед» – руководитель группы, «бабка» – его заместитель, «внук» или «внучка» – радист-шифровальщик.

Деды и бабушки – старые большевики, лет под шестьдесят и старше, с огромным опытом подпольной работы и партизанской борьбы во время Гражданской войны. По возрасту и состоянию здоровья они освобождены от военной службы, должны ехать в эвакуацию с семьями, но наотрез отказались.

...Полковник нашей службы Георгий Иванович Мордвинов отбирал людей из «старой гвардии». Мордвинов – человек легендарного мужества и отваги, бывший командир крупного партизанского со-

единения в Приамурье. Он окончил Институт востоковедения, китаист. Дважды его приговаривали к смертной казни. Первый раз попал в плен к японцам, второй раз, уже будучи разведчиком, «провалился» в одной из европейских стран. Оба раза сумел выскользнуть из рук вражеских контрразведок.

Я работала в паре с Георгием Ивановичем, мы подбирали для его «стариков» дочек, внуков, других помощников.

Как-то раз он решил поехать к себе домой на Беговую улицу, чтобы сменить застиранную рубашку.

К вечеру я вернулась на Лубянку, Георгия Ивановича не было. Не пришел он и позже, когда прозвучал отбой тревоги. Я решила поехать на Беговую, чтобы выяснить, не случилось ли с ним что-нибудь, тот район гитлеровцы как раз и бомбили.

Каково же было мое удивление, когда, открыв незапертую дверь в его домик, я увидела его спящим на лежанке, сооруженной... из толовых шашек. Поняла, что ночью он занимался разгрузкой, а так как спал не более двух-трех часов в сутки, то, смертельно усталый, повалился на взрывчатку и заснул...

...Ночью, когда прозвучал отбой воздушной тревоги, мы провожали в тыл две группы. Одну возглавлял Бойко-Павлов, другую – Флегонтов. Оба с большим опытом партизанской борьбы на Дальнем Востоке. Я принимаю на хранение их партийные билеты».

Так формировались для засылки за линию фронта первые группы. Вслед за упомянутыми З. Воскресенской-Рыбкиной были отправлены отряды Л. Громова (Батя), очистившего от захватчиков значительный район на Смоленщине и охранявшего его до прихода Красной Армии, В. Карасева, Н. Прокопюка, А. Рабцевича, многие другие (всего за годы войны в тыл врага было направлено 212 отрядов и групп).

Вокруг этих групп создавались партизанские соединения. Они не только вели «рельсовую войну», наносившую коммуникациям захватчиков существенный урон, не только отвлекали на себя значительные силы противника, но и осуществляли связь с подпольными резидентурами в тылу гитлеровцев, собирали и направляли в Центр ценную информацию о планах и передвижениях врага.

В этих действиях, в боях с карателями в тесной связи действовали разведчики и контрразведчики различных ведомств. Многие операции они проводили совместно, равно как общими были и главные задачи, поставленные перед ними во время войны. На разведку выпали самые что ни на есть военные задачи, и решала она их по-боевому, неся немалые потери, участвуя своими соединениями в непосредственных действиях. Погибли в боях командиры отрядов Н. Васин, Н. Горбачев, тяжело ранены К. Лазнюк, В. Пудин. 22 бойца К. Лазнюка посмертно были награждены орденами Ленина, замполиту отряда Л. Папернику, первому среди омсбоновцев, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Разведгруппы в партизанских соединениях вели большую работу, засылая своих людей в диверсионные школы немцев, захватывая отдельных лиц из командного состава вражеских войск. Это делалось во исполнение директивы наркомата от 4 июля 1941 года, подготовленной по предложению Первого управления, в которой говорилось: «Нам ничего не известно о том, что делается на территориях, занятых противником, какие мероприятия проводят немцы, как относятся к населению и т.д. Предлагаю срочно использовать все имеющиеся у нас возможности для получения необходимой нам информации».

За годы войны из десятков тысяч сообщений от партизанских разведывательно-диверсионных групп было отобрано и реализовано 8418 разведывательных сообщений, 2111 из них было представлено руководству страны и госбезопасности, 1358 – Разведывательному управлению Генштаба ВС, 429 – командующим и военным советам фронтов, 629 – командованию авиации дальнего действия, которая смогла осуществлять свои налеты особенно эффективно.

В октябре–ноябре 1941 года, когда тяжелое положение сложилось непосредственно под Москвой в результате широкого наступления немцев, которые сосредоточили здесь более 50 дивизий, включая 13 танковых, а ресурсы защитников были на исходе, крайне важно было перекрыть наступающим подходы к столице. На выполнение заградительных работ были брошены 290 человек, составивших сводный отряд ОМСБОНа. Они минировали шоссейные и грунтовые дороги в районах Можайска, Волоколамска, Каширы, на Ленинградском шоссе в районе Химок и канала Москва–Волга, по реке Сетунь и близ Переделкино, западнее Чертаново на Киевском шоссе, на Пятницком, Рогачевском, Дмитровском шоссе. С 23 октября по 2 ноября 1941 года они установили более 11 тысяч противотанковых и 7 тысяч противопехотных мин, более 160 мощных фугасов, подготовили к взрывам 19 мостов и 2 трубопровода.

Этот отряд с 27 ноября по 27 декабря 1941 года, в разгар боев под Москвой, сумел уничтожить 30 немецких танков, 20 бронемашин, 68 грузовых машин, нанести большие потери в живой силе и технике.

Сам отряд потерял 11 человек убитыми и 18 ранеными. Он действовал под бомбардировками, порой под самым носом у гитлеровцев и сыграл немалую роль в организации сопротивления основной группировке их войск, наступавших по линии Клин–Солнечногорск, вблизи Ленинградского шоссе.

Сводный отряд ОМСБОНа участвовал в параде 7 ноября 1941 года, после чего двинулся к фронту.

В этот момент немцам удалось захватить мост через реку Яхрому и начать переправку танков на восточный берег. В операции по захвату моста гитлеровцы использовали сотрудников абвера (военная разведка), знавших русский язык и переодетых в красноармейскую

форму. Им удалось уничтожить группу из 12 подрывников и выйти к Дмитрову. Ситуацию спасло появление бронепоезда № 73 войск НКВД под командованием капитана Малышева, который вступил в единоборство с 20 танками наступавших. Контратакой противник был отброшен за канал Москва–Волга, а две подрывные группы ОМСБОНа сумели взорвать мост...

В Московской области было подготовлено 12 подпольных окружных комитетов, 5 из которых действовали в тылу врага – у Можайска, близ Рузы, Осташева, Высоково и в других местах. Москва стала прифронтовым городом. Отсюда осуществлялась срочная эвакуация предприятий, рабочих, правительственных учреждений. Часть отряда ОМСБОНа была оставлена в Москве на случай захвата столицы немцами. Было принято решение готовить московское подполье на случай прорыва гитлеровцев. По линии НКВД – разведки и контрразведки – операцией по подготовке Москвы к возможной оккупации руководили Л. Берия и А. Кобулов. В составе «московского подполья» должны были остаться Судоплатов и Эйтингон.

Внешняя разведка и Особая группа (2-й отдел) при наркоме внутренних дел разместили в Москве ряд подпольных радиостанций, которые позволили бы устанавливать связь с Куйбышевым (Самарой), куда эвакуировались правительственные учреждения. Одна из радиостанций была размещена в подвале строившегося тогда театра кукол С. Образцова.

Наряду с оперативными работниками разведки и органов госбезопасности в три независимые друг от друга группы при наркоме были включены опытные агенты.

Всего в подполье было подобрано и зачислено 244 человека, из них 47 сотрудников госбезопасности и разведки. По миновании надобности значительная часть «подполья» – 114 оперработников и 77 нелегалов – была переброшена на оккупированные территории Российской Федерации, Украины, Белоруссии и других республик.

Такие разведчики, как С. Ваупшасов, К. Орловский, Н. Прокопюк, А. Рабцевич, получившие боевую закалку в Испании, сумели с наименьшими потерями и наибольшим полезным эффектом провести свои отряды в годы Великой Отечественной войны по тысячам километров партизанских дорог и троп. Генерал-майор в отставке Е. Телегуев, заместитель председателя российской комиссии по делам бывших партизан, так пишет об этом: «Партизанские отряды и группы ОМСБОНа существенно отличались от других отрядов и бригад, которые возникли на оккупированных территориях. Я не хочу противопоставлять одних другим, тем более что там тоже воевали смелые люди, которые взялись за оружие по зову сердца, но объективно они не были так подготовлены к ведению борьбы, как мы.

У нас каждый отряд с момента перехода линии фронта имел радиосвязь с Центром. Каждый боец прошел полный курс саперной

подготовки. В нашем распоряжении имелась техническая база для диверсионной работы (пронесли через линию фронта на себе).

Самые тяжелые воспоминания о начальном периоде пребывания в тылу – это физические нагрузки и голод. Каждый боец при выходе за линию фронта нес на себе личное оружие, 300 штук патронов, 5 гранат, финский нож, взрывчатку, запасную пару белья, кусок мыла, запас продуктов на десять дней и еще с десяток мелочей, таких как котелок, фляга (полная), компас и т.п. В общей сложности это был груз килограммов в 25–30. И это на лыжах, по целине, часто ночью, по лесу.

Такую нагрузку могли выдержать только физически подготовленные люди. Мы выматывались до предела, особенно в первые дни, когда стремились побыстрее удалиться от линии фронта. И все это при отсутствии нормального питания. Десятидневный запас мы растянули на двадцать дней, а затем голодали. По существу, до августа месяца мы совершенно не имели хлеба, у нас не было соли. И все же свои задачи бойцы выполняли четко».

Большую сноровку омсбоновцы проявили и при разминировании коммуникаций, когда в декабре–январе 1941–1942 годов Красная Армия перешла в контрнаступление, похоронив миф о непобедимости фашистских войск.

---

[1] В апреле 1943 года органы госбезопасности были снова выделены в Наркомат госбезопасности СССР.

3

«Когда под танками врага земля родимая гудела...»

По огромной дуге, от Балтики до Черного моря, шли тяжелейшие бои. Обе стороны несли немалые потери. Несмотря на отчаянное сопротивление, Красная Армия отступала. Один за другим в руках противника оказывались крупнейшие города страны. Эшелоны с захваченным продовольствием и сырьем шли на запад, подпитывая гитлеровскую военную машину и экономику союзников Германии. Следом тянулись колонны пленных и угнанных.

Над страной нависла серьезнейшая опасность. Но по мере того, как армии захватчика продвигались на восток, в их тылу разгоралось пламя народной войны. В создании очагов сопротивления, организации партизанской борьбы заметную роль сыграли и советские разведчики.

Многие из них погибли в самоотверженной борьбе. Но их подвиги помогли выстоять, собраться с силами, поднять на борьбу тех, кто начинал терять веру в победу, породили неуверенность у оккупантов. И в это же время разведчики помогали действующей армии, руководству страны ценной информацией, разведданными.

Так было на юге, в центре, на севере...

* * *

В октябре 1941 года, после двух с лишним месяцев ожесточенных боев на подступах к Одессе, советские вооруженные силы вынуждены были оставить город и стянуть оставшиеся силы для защиты Крыма.

В ночь на 16 октября 1941 года части Приморской армии погрузились на корабли и вышли в море. Но борьба с немецко-румынскими захватчиками не прекратилась.

В Москве, Киеве и Одессе с участием органов госбезопасности и разведки были приняты меры по созданию патриотического под-

полья, нелегальных резидентур, разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Часть подпольщиков еще до прихода оккупантов в Одессу обосновалась в городе и предместьях, в порту, на предприятиях, другая – ушла на заранее подготовленные базы в одесские катакомбы, которые пустовали со времени Гражданской войны. Теперь они превратились в единственный в своем роде «подземный партизанский край». Туда были завезены оружие, взрывчатка, шестимесячный запас продовольствия, одежда, электродвигатели и горючее к ним.

Среди отважных одесских подпольщиков видное место занимают сотрудник внешней разведки Владимир Александрович Молодцов (Бадаев) и его сподвижники. Псевдоним Бадаев Владимир Александрович избрал по фамилии жены. Бадаев родился 5 июня 1911 года в городе Сасово Рязанской области в семье железнодорожника. В 18 лет по призыву комсомола стал работать чернорабочим в подмосковном угольном бассейне, затем слесарем, забойщиком в шахте. В ноябре 1931 года был принят в ряды партии. Стал внештатным корреспондентом «Комсомольской правды». 29 октября 1930 года в своем блокноте записал: «Борьба – это основа жизни. Как хорошо бороться и побеждать». И он остался верен этому девизу.

По окончании Московского инженерно-экономического института Бадаев в 1934 году был направлен на работу в органы государственной безопасности, прошел дополнительный курс учебы в Центральной школе НКВД СССР, после чего стал сотрудником Главного управления НКВД по Москве и Московской области.

1 марта 1941 года Владимир Александрович получил назначение на работу во внешнюю разведку, стал начальником одного из подразделений политической разведки. С началом войны Бадаев в числе других опытных оперативных работников внешней разведки был включен в состав Особой группы при наркоме госбезопасности. Прошел дополнительную подготовку и в начале июля 1941 года во главе оперативной разведывательно-диверсионной группы был отправлен в Киев, а оттуда – в Одессу.

В состав оперативной разведывательно-диверсионной группы Бадаева первоначально было выделено десять оперработников и бойцов спецназа, затем еще десять человек, хорошо знавших Одессу и ее окрестности.

Бадаев и его спутники прибыли в Одессу 19 июля 1941 года. Перед Бадаевым и его товарищами была поставлена задача создать нелегальную резидентуру и партизанскую базу в одесских катакомбах, в случае эвакуации советских войск из Одессы остаться в городе и начать разведывательно-диверсионные операции.

По прибытии Бадаева в Одессу местные партийные и советские органы выделили работников, хорошо знакомых с катакомбами и положением в окрестных селениях. Комендантом подземного гарнизо-

на Бадаев назначил десятника Нерубайских шахт Ивана Никитовича Клименко. Он партизанил в этих краях еще в период Гражданской войны и иностранной интервенции. Клименко стал в отряде и главным советником по минно-взрывному делу. Всего в отряд вошло 45 человек.

Оперативное ядро отряда составили одесские сотрудники госбезопасности. В группу связистов при командире отряда была включена подготовленная в Москве оперуполномоченная внешней разведки Тамара Межигурская. Подпольную работу на железной дороге было поручено организовать оперработнику Петру Балонину. Сотрудник из Николаева Николай Шевченко возглавлял десятку, на которую возлагалось осуществление особо ответственных акций. Словом, каждый сотрудник группы получил конкретный участок деятельности.

Готовясь к уходу в подполье, Бадаев уделил большое внимание организации разведывательной работы на побережье. На Большом Фонтане он создал группу разведки, в которую вошли рыбаки. Дня группы было переправлено значительное количество оружия, боеприпасов, взрывчатки. Кроме того, ее снабдили изрядным запасом металлических шипов, которые подпольщики называли «партизанским чертополохом», для использования против автомашин оккупантов.

Бадаев обращал особое внимание на организацию разведки в городе и связи с отрядом. Была создана группа, которую возглавлял Яков Гордиенко. Подпольщики называли эту группу «Яшиной десяткой».

К моменту оставления Одессы нашими войсками отряд Бадаева насчитывал 75–80 человек и разделился на три группы. Одна из них была наземной, чисто разведывательной. Она укрылась в городе. Две другие ушли в катакомбы.

Вскоре в Одессе и ее окрестностях любое громкое дело, привлекавшее к себе внимание, начали связывать с бадаевским отрядом.

Акции бадаевцев показывали, что город не смирился с оккупацией. Многие патриоты тянулись к партизанам, хотели сражаться с врагом в рядах бадаевцев. В одном из донесений в Центр Владимир Александрович сообщал: «В добровольцах нет недостатка. Вот где я ощущаю, что значит для чекиста опираться на массы».

В отряд тянулась не только молодежь. В разведывательную группу, действовавшую в городе, добился зачисления Иван Егорович Буняков, которому было уже 56 лет. Он изъявил готовность помогать бадаевцам, но для удобства передвижения попросил выделить ему лошадь. На лошади Буняков разъезжал по городу, не вызывая особых подозрений у оккупантов. Он доставлял подпольным группам бадаевского отряда оружие и взрывчатку.

С уходом советских войск бадаевцы практически в тот же день – 16 октября 1941 года – начали боевые действия. В полдень на счету боевиков отряда уже значилась операция по ликвидации фашист-

ских патрулей. За три месяца 1941 года отряд Бадаева провел шесть боевых операций. От пуль бадаевцев доставалось прежде всего полиции и жандармам. В первых числах ноября из города исчез Ион Попов, начальник одесской полиции. В ночь на 16 ноября 1941 года, в месячный «юбилей» оккупации Одессы, у станции Дачная был пущен под откос поезд-люкс из Бухареста. Под его обломками погибли около 300 немецких и румынских чиновников, подобранных для оккупационной администрации в городе. Подрывники на перегоне Одесса–Раздольная пустили под откос четыре железнодорожных состава с войсками и боевой техникой, в результате чего погибло свыше 250 солдат и офицеров противника.

Разведчики бадаевской наземной группы с помощью жителей города собирали важную информацию о расположении воинских частей и различных объектов противника. Связные регулярно доставляли сведения в катакомбы. Ежедневно вечером рация отряда направляла эту информацию в Центр.

На основании этих сообщений советская авиация дальнего действия наносила бомбовые удары. Так были уничтожены крупные склады горючего под Первомайском, разгромлена мотоколонна, уничтожены скопления боевой техники и войск.

За рацией началась охота. Но день за днем она по графику выходила в эфир. В Центр передавалась информация о военной обстановке в районе Одессы и ее окрестностях, о береговой и противовоздушной обороне города, передвижениях войск, следовавших на фронт, о местонахождении складов оружия, боеприпасов и продовольствия, о дислокации отдельных частей, об администрации города и агентуре противника. Шли сведения и о наведенных мостах через Днепр.

Другая часть информации реализовывалась на месте. Боевые группы отряда громили жандармские посты, поджигали и подрывали военные объекты и складские помещения, обрывали связь, разрушали шоссейные дороги, причиняли урон автотранспорту. Серьезным актом возмездия явилась операция по взрыву военной комендатуры в момент проходившего там совещания офицеров. Под обломками здания погибло 140 фашистов, среди них комендант города Глогуяну, префект полиции генерал Давилу, другие военные и полицейские чины.

Помимо боевых действий бадаевцы распространяли антифашистские листовки, сводки Совинформбюро.

Организуя работу отряда, Владимир Александрович развивал контакты с другими подразделениями сопротивления, которые действовали в Одессе и ее окрестностях. Москва ориентировала Бадаева на установление связи и с киевскими чекистами – работниками резидентуры И.Д. Кудри (Максима). С этой целью на февраль 1942 года планировалась командировка в Киев двух бадаевцев под предлогом поиска сырья для пивоваренного завода. Но оказалось поздно. И.Д. Кудря был уже арестован.

Действия разведывательно-диверсионного отряда Бадаева приобретали все более широкий размах.

Вот как оценивалась эта деятельность в одном из документов румынской королевской разведки, опубликованном в изданной «Московским рабочим» в 1975 году книге «Фронт без линии фронта»: «Многочисленные, с хорошо подобранными кадрами и хорошо оснащенные организации – те, которые оставлены НКВД... Организация Бадаева связана системой катакомб, протянувшихся на десятки километров, с другими организациями... Ущерб, нанесенный нам организацией Бадаева, не поддается учету... Партизаны-катакомбисты представляют собой невидимую коммунистическую армию на оставленных территориях... Они активно действуют в целях выполнения заданий, с которыми оставлены...»

За период с октября 1941-го по июнь 1942 года бадаевцы и другие подпольщики временами приковывали к себе до 16 тысяч вражеских солдат, среди которых находились, кроме жандармерии, части СС.

Не только румынские разведка и контрразведка полагали, что в катакомбах укрылось много партизан и подпольщиков, которые лишили врага спокойной жизни. Гитлеровский генерал Типпельскирх, спустя много лет тщательно исследуя в спокойной обстановке феномен одесского сопротивления, в своей книге «История Второй мировой войны» писал:

«Оставляя осенью 1941 года Одессу, русские создали в городе надежное, преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро. Партизаны обосновались в катакомбах... Это была настоящая подземная крепость с расположенными под землей штабами, укрытиями, тыловыми учреждениями всех видов, вплоть до собственной пекарни и типографии, в которой печатались листовки... Когда русские войска 10 апреля 1944 года вступили в город... из 10 тысяч советских партизан, вышедших навстречу своим войскам, свыше половины были оснащены оружием немецкого и румынского производства...»

Оккупанты приняли усиленные меры, чтобы уничтожить подпольщиков. Румынские саперы замуровывали выходы из катакомб, но партизаны при поддержке местных жителей разбирали завалы или открывали новые выходы. Тогда фашисты пошли на крайние, преступные меры – они начали закачивать в замурованные катакомбы ядовитые удушающие и слезоточивые газы. Всем обитателям подземелья – и партизанам, и женщинам с детьми – грозила смертельная опасность. Но подпольщики-разведчики и партизаны нашли пути перехода в безопасные шахты, научились отводить газы в пустующие штольни.

Гестаповцы, сигуранца и румынская разведка усилили репрессии в отношении жителей Одессы. Но это привело к расширению акций возмездия, хотя подполье и несло большие потери. Тогда каратель-

ные органы оккупантов стали более широко внедрять свою агентуру в группы подполья, и в конце концов им удалось выявить несколько подпольщиков.

Зимой 1942 года начались провалы и в бадаевских подпольных группах. Одному из предателей, в частности, удалось узнать адрес конспиративной квартиры бадаевцев. Вечером 9 февраля румынская охранка совершила налет на эту квартиру, когда там находился Бадаев. Вместе с ним были арестованы подпольщики Межигурская и Чиков, Яков и Алексей Гордиенко.

Встревоженные отсутствием командира, в штабе отряда решили направить на поиски Бадаева вторую связную – Тамару Шестакову. Не увидев опознавательных знаков, Шестакова не вошла в квартиру, но засада ее засекла. Тщательное наблюдение за ней позволило немецким властям выявить адреса и арестовать еще нескольких подпольщиков. Аресты членов одесских групп бадаевского отряда продолжались в течение всего февраля и марта 1942 года.

Часть отряда, укрывшаяся в катакомбах, потеряв своего руководителя, продолжала действовать. А для Владимира Александровича и его соратников начался новый, тяжелейший и мучительный этап борьбы с врагом.

Арестованных подвергали пыткам, в том числе электричеством. Бадаев и арестованные с ним патриоты молчали. В поединке со следователями Бадаеву удалось вычислить предателя, из-за которого произошел провал. Владимир Александрович рассказал об этом своим соратникам, и они договорились использовать любую возможность, чтобы передать эту информацию на волю.

Первому это удалось сделать разведчику Милану, которого фашисты, не добившись от него ни звука, приговорили к смертной казни для устрашения других бадаевцев. Милан передал родным белье, в котором находился изорванный носовой платок. Кровью на краях платка было нацарапано: «Наших Бойков пре». Это известие дошло до подпольщиков, продолжавших борьбу с врагом.

Вторым это удалось и самому Бадаеву. 27 июня 1942 года фашисты повели его и ближайших сподвижников на казнь. Для устрашения жителей Одессы они повели их по городу. На одной улице из толпы выскочила женщина и подбежала к высокому мужчине, на груди которого висела табличка с надписью «Бадаев». Она повесила на его руки, закованные в кандалы, связку бубликов. Прежде чем жандармы успели что-либо предпринять, женщина скрылась в толпе. Это была жена одного из членов бадаевского отряда Екатерина Васина. Она поторопилась передать товарищам по борьбе слова Владимира Александровича, которые он успел шепнуть: «Нас предал Бойков».

Бойков-Федорович при отступлении фашистов из Одессы попытался сбежать, но был схвачен и понес заслуженное наказание.

Среди документов, которые гестаповцы и сотрудники румынской сигуранцы при отступлении из Одессы не сумели вывезти, было «Дело Бадаева и его организации». Из него видно, что враги узнали истинную фамилию стойкого патриота только через год после его расстрела. Из материалов дела следует, что Владимир Александрович три месяца молчал. Ни избиения, ни изощренные пытки не заставили заговорить. Лишь когда он увидел, что все идет к завершению, которое оккупанты решили оформить в виде комедии судилища, он заговорил. Но заговорил с единственной целью – взять все на себя и по возможности смягчить участь своих товарищей. В отношении арестованных с ним сподвижников он заявлял: «В операциях не участвовал. В отряде занимался подсобными работами».

Сила духа, которую проявили Бадаев и его сподвижники, поразила и врага. В камеру к бадаевцам был подсажен агент сигуранцы Боярчук, выдававший себя за подпольщика. Он доносил своему шефу: «Преимущественно ночью заключенные собираются в камере вокруг Бадаева. Он укрепляет в них надежду на скорый приход Красной Армии и освобождение Украины. Все верят ему, потому что видят, что он держится стойко, ни в чем не сознается». (Кстати сказать, и этот провокатор был пойман и приговорен трибуналом к расстрелу.)

Приговор подпольщикам был объявлен 29 мая 1942 года во дворе тюрьмы, куда вывели всех заключенных. После оглашения приговора прокурор заявил, что осужденные могут подать прошение о помиловании в Бухарест королеве Румынии. Бадаев выступил вперед и громко заявил: «У нас есть только один суд – советский, только одно правительство – в Москве. Мы – русские, и на своей земле помилования у врагов не просим!»

Руководительница группы связных и радистов, сотрудница внешней разведки из Москвы Тамара Межигурская в своем предсмертном письме родным написала: «Нас скоро расстреляют. Не огорчайтесь. Мы ко всему готовы. И на смерть пойдем с поднятой головой».

Разведчик-подпольщик Гордиенко в письме своим родителям и друзьям написал: «Не унывайте, все равно наша возьмет. Еще будет время и рассчитаются со всеми гадами. Наше дело все равно победит... Я не боюсь смерти. Умру, как подобает патриоту Родины».

Весть о героической стойкости советских патриотов, несгибаемых бадаевцах, облетела весь город.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу врага и проявленные при этом отвагу и геройство Владимиру Александровичу Бадаеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Разведчики и бойцы его отряда были награждены боевыми орденами.

* * *

В конце марта 1944 года Красная Армия выбила фашистов из Николаева. Созданная областным управлением НКВД чекистская группа проделала громадную работу, чтобы по крупицам воссоздать героическую картину борьбы отважных патриотов с гитлеровцами в период оккупации.

Позднее исследованием боевых дел николаевских подпольщиков занимались писатели и журналисты. В 1965 году в Москве вышла повесть Василия Ардаматского «“Грант” вызывает Москву», а в 1982 году в Ленинграде появилась публикация Геннадия Лисова «Право на бессмертие», где авторы поведали о подвигах советских патриотов в Николаеве.

По данным штаба партизанского движения 3-го Украинского фронта, организаторами подпольного движения на Николаевщине были члены разведывательно-диверсионной группы во главе с Виктором Александровичем Корневым, прибывшим из Москвы. Любопытно заметить, что в заключении этого штаба отмечалось, что «настоящая фамилия руководителя николаевского подполья не установлена».

А Корневым на самом деле был сотрудник внешней разведки Виктор Александрович Лягин, который в июле 1941 года был направлен в Николаев для организации разведывательно-диверсионной группы после захвата города врагом.

Виктор Александрович Лягин родился в 1908 году в поселке Сельцо Брянской области в семье железнодорожника. Позднее семья переехала в Ленинград, где Виктор окончил школу и был направлен на работу в райком комсомола, а через год начал учиться в Ленинградском политехническом институте.

Вскоре умер отец, и Виктору пришлось проявлять заботу о матери и младшей сестре. Он совмещал учебу в институте с работой. Несмотря на весьма напряженный ритм, Виктор выкраивал время и на спорт, и на общественные дела. На все хватало времени, энергии и задора у Виктора Лягина.

В 1934 году он окончил институт и получил квалификацию инженера-механика. Работая на станкостроительном заводе имени Ильича, Лягин сформировался как зрелый командир производства. На заводе он слыл и хорошим производственником, и активным спортсменом, и вожаком молодежи. В 1938 году Виктор Александрович вступил в партию, и в том же году его направили на работу в органы госбезопасности.

После окончания месячных курсов оперативных работников НКВД в августе 1938 года Лягин получил назначение на работу во внешнюю разведку и стал заместителем начальника отделения, которое занималось проблемами научно-технической разведки. Виктор

Александрович с интересом и чувством высокой ответственности отнесся к освоению порученного участка работы. Уже через год Лягин расценивается как опытный работник и в июле 1939 года направляется в долгосрочную командировку в США. После двух лет напряженной работы в резидентуре перед самой войной Виктор Александрович возвратился в Москву.

Только собрался Лягин в отпуск после командировки, как разразилась война. Все его помыслы были направлены на то, как попасть на фронт. Но руководство приняло решение направить Лягина в Николаев для подготовки разведывательно-диверсионной группы на случай сдачи города немцам.

Ядро группы Лягина составляли ленинградские чекисты. В него вошли: Александр Петрович Сидорчук, заместитель руководителя группы; Григорий Тарасович Гавриленко, связной Лягина; Александр Николаевич Николаев, связной с николаевским городским подпольем; Петр Платонович Луценко, подрывник, минер (чудом уцелел в пекле войны и многое поведал о делах группы); Александр Васильевич Соколов, специалист по подрыву железнодорожных путей; Демьян Андреевич Свидерский.

Уже в Николаеве к группе Лягина были прикомандированы радист Борис Иванович Молчанов и сотрудники управления НКВД Иван Егорович Соломин и Петр Андреевич Шаповал.

Из Москвы отобранные чекисты во главе с Лягиным выехали в конце июля. Трудными дорогами войны, преодолевая неимоверные сложности, пробирались чекисты в южный город, где им предстояло подготовиться к поединку с врагом.

В Николаеве местные чекисты по согласованию с Москвой проводили необходимую подготовительную работу. Так, в первых числах августа в управление НКВД пригласили Эмилию Иосифовну Дуккерт, вдову известного в городе врача-невропатолога. Беседовавший с ней майор Соколов просил ее от имени советской власти остаться в городе на период оккупации и оказать содействие инженеру Корневу Виктору Александровичу, который вскоре должен приехать в Николаев.

Эмилия Иосифовна дала свое согласие, поскольку она, как и ее покойный муж Иван Яковлевич Дуккерт, были безраздельно преданы идеалам революции. Волновало ее только одно обстоятельство. Ее дочь, Магда, студентка Ленинградской консерватории, должна была со дня на день появиться в Николаеве и, как она объявила в письме, собиралась увезти мать из города. Так и случилось. Магда приехала и стала торопить мать с отъездом.

Эмилия Иосифовна терзалась, она ничего не говорила дочери о предложении чекистов остаться в городе, делала вид, что собирает вещи, но тянула и тянула время. И тут на выручку пришел Лягин. Он объявился под вечер, позвонил у двери и впустившей его хозяйке

представился инженером Корневым Виктором Александровичем, которому рекомендовали снять в этом доме квартиру. Как потом вспоминали Дуккерт, Лягин предстал перед ней импозантным интересным мужчиной с чемоданом в одной руке и кожаным светло-коричневым пальто в другой. Эмилия Иосифовна показала ему его комнату, а Магда подняла шум по поводу того, какие могут быть квартиранты в такое время. Лягин спокойно расположился в отведенной ему комнате и прилег отдохнуть. Видимо, дорожные мытарства изрядно измотали руководителя группы.

Вечером Виктор Александрович решил ознакомиться с городом и пригласил Магду сопроводить его. При возвращении с прогулки Эмилия Иосифовна не узнала дочь. От ее ворчливости и торопливости с отъездом из Николаева ничего не осталось. Видимо, Лягин нашел нужные слова, и Магда превратилась в верную его помощницу.

До прихода немцев в город Виктор Александрович успел отработать необходимые вопросы с николаевскими чекистами, встретиться с членами своей группы и поставить перед ними задачи на ближайшее время, проверить подготовку и надежное укрытие средств связи, оружия, документов, взрывчатки.

10 августа Лягин воспользовался последней возможностью черкнуть записку жене. Вот она, эта записка:

«10 августа 1941 года.

Дорогие Зиночка и сыночек!

Наступает момент нашего разрыва в почтовой связи. Друзья уже на машинах и ждут, пока я напишу вам эти прощальные строки...

Люблю вас бесконечно! Всегда только с вами!

Зина! Береги Викторчика и воспитай его верным сыном нашей великой партии большевиков.

Прости меня за многое – ведь в главном, в моей любви к тебе, ты никогда не сомневалась...

Жди меня два года. Не вернусь, значит...

Крепко тебя целую. Целуй от меня Витьку, Татку[1] и всех наших».

16 августа 1941 года немецко-фашистские войска вошли в Николаев. По воспоминаниям Эмилии Иосифовны Дуккерт, в этот день она с дочерью и их квартирант были дома. Всех охватило нервное ожидание неизвестности. Виктор Александрович внешне казался невозмутимым, но по тому, как он, прохаживаясь по квартире, поглядывал в окна, чувствовалось, что и он испытывает напряжение.

Наконец по улице мимо дома проскочили мотоциклисты, а затем показалась легковая машина. Виктор Александрович широко распахнул окна и сказал Магде, чтобы она садилась за рояль. «Играйте! И погромче! Но ничего русского. Лучше Вагнера – он у них самый популярный композитор!»

Магда заиграла, а Лягин выставил на стол бутылки вина и консервы. Звуки музыки привлекли внимание офицеров, находившихся в проезжавшем черном «мерседесе». Машина остановилась, и вскоре дверь, остававшаяся с утра незапертой, распахнулась, и в квартиру вошли шесть гитлеровских офицеров.

«Кто такие?» – спросил, видимо, старший из вошедших. Лягин, как показалось Эмилии Иосифовне, очень спокойно на хорошем немецком языке ответил, что он инженер Корнев с Балтийского завода из Ленинграда. Приехал в командировку, а выехать не успел. А мать и дочь он представил как своих родственников – потомков немецких колонистов.

На гитлеровцев спокойствие Лягина произвело впечатление, а немецкое происхождение Дуккертов их заинтересовало. Старший из группы немецких офицеров, а им оказался майор Гофман, назначенный комендантом Николаева, принял приглашение Лягина отметить вступление немцев в город бокалом вина. За первым бокалом последовали второй и третий.

Часа через два изрядно захмелевший комендант поддался на уговоры Лягина отдохнуть и дал понять сопровождавшим его офицерам, что они могут удалиться. Виктор Александрович «умаслил» Гофмана так, что тот согласился разместиться в квартире Дуккертов и даже пообещал рекомендовать Магду секретарем к шефу судостроительных заводов Причерноморья адмиралу фон Бодеккеру.

Так удачно была проведена первая «операция» инженером Корневым. В ближайшие дни по распоряжению коменданта города Виктор Александрович и Дуккерты поселились в отведенной им части одноэтажного особняка на Черноморской улице.

Гофман сдержал слово, и вскоре Магда стала работать секретарем-переводчицей адмирала фон Бодеккера. По ее рекомендации через некоторое время адмирал пригласил инженера Корнева к себе и предложил должность наблюдающего за ремонтом боевых кораблей. Это позволило Лягину впоследствии установить контакты с патриотами из Николаевского подполья и организовать несколько хитроумных диверсий, приводивших к затягиванию намечаемых немцами работ по ремонту кораблей. Были и громкие дела, как это случилось, например, во время ходовых испытаний отремонтированного транспорта «Лола», когда тот подорвался и затонул со всей машинной командой, состоявшей из одних немцев.

Перед членами разведывательно-диверсионной группы Лягин поставил задачу на первые два-три месяца – устроиться на работу, легализоваться и вжиться в обстановку. Но к ноябрьским праздникам Виктор Александрович раздобыл шрифт и организовал распространение в городе листовок, которые несли правду о борьбе советских людей с немецко-фашистскими захватчиками и призывали к сопро-

тивлению оккупантам. Листовки опровергали утверждение гитлеровской пропаганды о разгроме Красной Армии и падении Москвы.

В конце ноября 1941 года лягинцы нанесли первый удар по оккупантам. В качестве объекта диверсии был выбран военный склад и автобаза, устроенные немцами почти в центре города, в парке имени Петровского. По своему значению этот объект, может быть, и не имел важного стратегического значения, хотя он и обслуживал Ингулинский аэродром, но эта диверсия произвела огромный эффект.

Склад и автобаза надежно охранялись, все подступы к парку были перекрыты и то, что нашлись смельчаки, которые ухитрились пробраться в парк и пронести изрядное количество взрывчатки, показало, что в городе действует хорошо организованное боевое подполье.

Первую диверсию осуществили ленинградские чекисты Александр Сидорчук, Александр Соколов и местный подпольщик Федор Воробьев. Фашисты тогда потеряли 15 автомашин с оборудованием и техникой, 20 тонн горючего и несколько десятков солдат и офицеров. А ведь всего за пару дней до диверсии, выступая в Берлине по радио, Розенберг назвал Николаев «одной из жемчужин русского Причерноморья, где немецкие солдаты чувствуют себя как на курорте».

В январе 1942 года лягинцы вновь провели диверсию в парке имени Петровского, доказав, что усиленные меры охраны не спасают оккупантов от возмездия патриотов. На этот раз гитлеровцы недосчитались 20 автомашин с военной техникой и больших запасов горючего.

Наступившие холода вынудили германское командование завезти в Николаев запасы теплого обмундирования для войск. Узнав об этом на железной дороге, где действовал Александр Соколов, чекисты решили уничтожить склад, где хранились теплые вещи. Забросав склад с обмундированием бутылками с горючей жидкостью и вызвав пожар, лягинцы предусмотрительно перекрыли препятствиями с шипами все подъездные пути для пожарных машин, и склад сгорел дотла.

Проведенные в городе диверсии вызвали огромный резонанс среди населения. И хотя карательными мерами оккупанты рассчитывали запугать жителей города, действия подпольщиков вселяли уверенность, что немцы – не хозяева на чужой земле.

Миф о непобедимости гитлеровской армии был развеян разгромом немцев под Москвой. Удары по врагу в глубоком тылу вселяли в советских людей уверенность в победе над непрошеными захватчиками.

Разведывательно-диверсионная группа под руководством Лягина значилась в Центре как резидентура «Маршрутники». Тяжелые условия, в которых действовали разведывательно-диверсионные груп-

пы в тылу врага, особенно в первый период войны, сказывались на обеспечении бесперебойной связи с Центром. К сожалению, некоторые резидентуры быстро лишались связи. Не миновала эта участь и резидентуру «Маршрутники». Вышедшая из строя рация не позволяла осуществлять связь с Центром. Это сильно осложняло положение резидентуры.

Разведывательно-диверсионная группа Лягина укрепила свои связи с городским подпольем. Виктор Александрович вошел в руководящее ядро Николаевского подполья, но, соблюдая конспирацию, поддерживал контакты только с ограниченным кругом лиц.

Много еще диверсий совершили бойцы группы Лягина. В городе уничтожались гитлеровские склады, были пущены под откос три эшелона с солдатами и военной техникой. На небольшом аэродроме у села Широкая Балка удалось сжечь два самолета и 4 тонны авиационного топлива.

Каждая операция тщательно готовилась и контролировалась руководителем группы, а потому обходилась без потерь. Но быстро таяли запасы взрывчатки, заложенные в тайники еще перед отступлением советских войск из Николаева. Новых поступлений взрывчатки и оружия не было. Попытка выйти на партизан не увенчалась успехом. И Лягин принял решение направить через линию фронта одного из членов своей группы. Резидент остановил свой выбор на Петре Платоновиче Луценко.

6 апреля 1942 года Луценко с донесением по намеченному Виктором Александровичем маршруту двинулся в путь. Петр Платонович чудом уцелел в пекле войны, и о многом поведал потом журналисту Лисову, собиравшему материал о героях Николаевского подполья.

Скажем лишь, что Луценко сумел добраться до своих. Донесение, которое он доставил, ушло в Центр. Но затем часть, на которую вышел отважный чекист, попала в окружение, и Луценко прошел через все муки ада фашистского концлагеря. И все же ему удалось вырваться из гитлеровского плена и преодолеть неимоверные трудности на пути в Николаев, куда он решил возвратиться любой ценой. Только помощь советских людей, томившихся в фашистской неволе, да неукротимая воля позволили Петру Платоновичу 18 декабря 1942 года доложить руководителю группы о возвращении в город.

Луценко влился в состав группы и продолжал борьбу с врагом до освобождения Николаева частями Красной Армии. На этом не кончилась боевая эпопея ленинградского чекиста. Новое задание привело его 7 сентября 1944 года уже в качестве комиссара специального разведывательно-диверсионного отряда на земли Чехословакии, где за семь месяцев отряд, постоянно пополнявшийся словацкими патриотами, оказал неоценимую помощь Словацкому народному восстанию.

Отсутствие связи с Центром и невозможность рассчитывать на помощь извне заставляли Лягина искать возможности для пополнения таявших запасов взрывчатки и оружия. Выход был один – снабжаться за счет противника. И как ни было трудно, лягинцы творили буквально чудеса.

Разведчики резидентуры «Маршрутники» отметили, что значительную поддержку немецкие войска, сражающиеся на фронте, получают со стороны авиационной части, базировавшейся на Ингулинском аэродроме под Николаевом. Было решено попытаться найти подходы к аэродрому для осуществления диверсии.

Главная задача по поиску выхода на аэродром была возложена на Александра Петровича Сидорчука, заместителя руководителя группы. По совету Лягина Сидорчук устроился на квартиру к «русской немке». Хозяйкой оказалась Галина Адольфовна Келем из семьи немецких колонистов. Воспитанная в советском духе, Галина мечтала об авиации и перед войной получила комсомольскую путевку в николаевскую летную школу.

Вскоре Сидорчук нашел общий язык с хозяйкой квартиры, а через некоторое время они поженились. Галина Адольфовна заставила мужа усиленно изучать немецкий язык, и это во многом помогло решить задачу по Ингулинскому аэродрому.

Галине Адольфовне удалось устроиться официанткой в офицерскую столовую 4-й воздушной армии немцев. Установив контакты с офицерами летной части, базировавшейся на Ингулинском аэродроме, Келем удалось войти к ним в доверие. Прошло время, и Галина Адольфовна порекомендовала офицерам аэродромной службы взять на работу ее мужа. Узнав, что Сидорчук сносно владеет немецким языком, аэродромная администрация приняла на работу советского чекиста в качестве кочегара. Так была решена первая часть задачи, обеспечен первоначальный доступ на аэродром. Теперь требовалось скрытно доставить и накопить в достаточном количестве взрывчатку. Усилиями членов группы удалось вначале сосредоточить запасы взрывчатки в овраге вблизи аэродрома, а затем Сидорчук ухитрился перетащить опасный груз и на территорию аэродрома.

Мины и взрыватели изготовлял Луценко, а доставляла их в котельную Сидорчуку его заботливая жена Галина Адольфовна. Первую мину, как она потом вспоминала, она положила в кастрюлю с супом, а затем укладывала на дно корзины под продукты. Часовые привыкли к ней и досмотром не досаждали.

Учитывая, что кочегар помогал авиационным техникам разогревать в холодное время масло, Сидорчук получил возможность свободно передвигаться по аэродрому.

Все подготовив и рассчитав с Лягиным по разработанной схеме план минирования самолетов, Александр Петрович сказался больным и несколько дней не выходил на работу. В ночь на 10 марта 1942 года,

когда в кочегарке дежурил сменщик, Сидорчук пробрался на аэродром и приступил к работе. Он укладывал мины в дренажные колодцы у взлетно-посадочных полос и соединял их электропроводами. Перед самым рассветом закончил Александр Петрович тяжелую и требующую большой точности работу. Установив часовой механизм на расчетное время и удостоверившись, что вся цепь замкнута, отважный профессионал покинул аэродром.

Ровно в полдень сильный взрыв потряс воздух. Горели ангары с самолетами, взрывались цистерны с горючим, рвались снаряды. Через некоторое время от аэродрома осталось одно воспоминание.

Благодарные жители Николаева установили после войны громадный камень в память о подвиге Сидорчука. Надпись на камне гласит: «На этом месте 10 марта 1942 года чекист-разведчик Александр Сидорчук совершил одну из крупнейших диверсий против немецких оккупантов».

Несмотря на алиби, гестаповцы схватили Сидорчука, но ничего не выбив из него, вынуждены были отпустить на свободу.

Он устроился сторожем на склады горючего в николаевском порту. В канун 25-й годовщины Октября было принято решение уничтожить эти склады. В ночь на 5 ноября 1942 года Александр Петрович, забросав бензохранилище бутылками с зажигательной смесью, побежал к складским помещениям. И тут помешала нелепая случайность: Сидорчук споткнулся, и самодельная мина от толчка взорвалась. Так погиб смелый и мужественный чекист, свято выполнивший свой долг.

Николаевское сопротивление всерьез обеспокоило Берлин. Гестапо наводнило город агентурой. Предпринимались попытки выйти на группу Лягина под видом связников от подпольных организаций. Но проверка выводила провокаторов на чистую воду, профессионально и оперативно грамотно действовали Лягин и члены его группы.

Насколько эффективнее была бы работа группы Лягина, если бы была связь с Москвой! Но даже действуя в полной изоляции, опираясь только на патриотов подполья и поддержку честных людей, резидентура «Маршрутники» отважно боролась с оккупантами.

Между тем кольцо вокруг героев подполья все больше сжималось. Немцы стали чаще прибегать к методу облав, в результате которых попутно отлавливали молодежь для отправки в Германию.

Однажды в начале марта 1943 года в одну из таких облав чуть было не попал Гриша Гавриленко, связник Лягина. Он работал шофером-механиком в городском пожарном депо. Заметив, что цепь карателей идет проверять депо, Гриша, видимо, испугался и допустил ошибку: он через запасной выход сбежал от немцев.

Одумавшись, Гавриленко понял, что ему как-то надо объяснить свое отсутствие на рабочем месте во время облавы, и обратился за

помощью к руководителю группы. Виктор Александрович решил, что Гришу надо обеспечить медицинской справкой. Это могла сделать врач-фтизиатр местной больницы Мария Любченко, которая согласилась остаться в городе на период оккупации и помогать подполью. К ней и обратился Лягин за помощью. Любченко согласилась осмотреть Гавриленко и выписать ему справку. Но Лягин не знал, что Любченко была арестована гестаповцами летом 1942 года, а через две недели освобождена за согласие помогать немцам. И вот 5 февраля 1943 года рано утром Гавриленко пришел к врачу Любченко в больницу, допустив вторую ошибку. В пальто у него был спрятан пистолет. Когда он раздевался, пистолет упал на пол. На шум из засады ворвались гестаповцы и скрутили Гришу. Через час у проходной Южного порта арестовали и Лягина. Так одна оплошность, допущенная связным, повлекла за собой крупный провал резидентуры «Маршрутники».

Для Лягина начался новый этап противостояния врагу. Вначале он думал, что его выдал Гриша, не выдержав пыток. Но вскоре понял, что предательство совершила Любченко. Виктор Александрович сумел сообщить подпольщикам об истинном лице предательницы.

Ничего не выбили гестаповцы из Лягина и его связного. Мужество и стойкость, которые проявил Виктор Александрович в гитлеровских застенках, поражали заключенных.

Подпольщики предприняли попытку организовать Лягину побег. Ему ухитрились даже передать пистолет с патронами, который Виктор Александрович закопал на берегу Ингула, куда выводили заключенных на земляные работы. Побег был назначен на 17 апреля 1943 года. Но и тут вмешался нелепый случай. Накануне сбежал какой-то уголовник, и заключенных перестали выводить на работы. Так сорвался хорошо подготовленный план побега Лягина из неволи.

17 июля Виктор Александрович Лягин был расстрелян. Точное место расстрела и захоронения героя до сих пор неизвестно. Но известны его героические дела. О них говорилось в справке, приложенной к представлению Лягина на звание Героя Советского Союза. Там указывалось также, что, «несмотря на страшные, невообразимые мучения, Виктор Лягин держался героически, мужественно и стойко. Он никогда не терял присутствия духа и этим оказывал огромную моральную поддержку своим товарищам по заключению.

Как выяснилось в ходе следствия, руководимая им диверсионно-разведывательная группа нанесла оккупантам ущерб, оцениваемый в 45 миллионов марок. Эта сумма была предъявлена В.А. Лягину перед оглашением смертного приговора...»

После изгнания фашистов из Николаева приступили к работе чекисты областного управления НКВД. Много пришлось им потрудиться, чтобы очистить город от гитлеровских пособников. Была разоблачена и фашистский агент, врач Любченко, предательство ко-

торой привело к гибели В.А. Лягина. Она пыталась бежать в Германию, но была схвачена во Львове и доставлена в Николаев. Суд приговорил ее к расстрелу.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство Виктору Александровичу Лягину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Именем Лягина было названо морское судно, построенное на Николаевской судостроительной верфи в 1965 году. Мемориальные доски с именем Героя установлены на зданиях, с которыми была связана его жизнь в Ленинграде и Николаеве.

В Кабинете истории СВР имя Виктора Александровича Лягина увековечено на Мемориальной доске.

* * *

В канун 20-й годовщины победы советского народа в Великой Отечественной войне Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года звание Героя Советского Союза было присвоено (посмертно) Ивану Даниловичу Кудре.

Двадцать лет оставалось безвестным имя отважного патриота, руководителя нелегальной разведывательно-диверсионной резидентуры в Киеве. Понадобились два десятилетия, чтобы подвиг Героя занял достойное место в истории Великой Отечественной войны. Многое киевским чекистам стало известным сразу же после освобождения Киева от гитлеровских оккупантов, но в деталях борьбы отважных подпольщиков с врагом пришлось долго разбираться. По крупицам складывалась общая картина напряженной деятельности киевской резидентуры в те суровые годы.

Родился Кудря в 1912 году на Украине в селе Сальково Киевской области. Рос без отца, батрачил, учился в школе, работал слесарем в МТС. После окончания педагогических курсов руководил сельской школой. Когда Ивана Даниловича призвали на службу в армию, его направили в пограничные войска. Службу по охране границы он нес на одной из застав западных рубежей страны. Зарекомендовав себя мужественным пограничником, Кудря был направлен на учебу в Военно-политическое училище НКВД.

Учился Иван Данилович старательно и проявил себя способным и грамотным курсантом. В училище Кудря вступил в партию, и после успешного окончания учебы в 1938 году его рекомендовали на работу в аппарат внешней разведки. В марте 1941 года Кудря был командирован в Киев, где возглавил один из отделов НКВД Украины.

Когда началась война, Кудрю пригласил к себе один из руководителей НКВД Украины полковник Сергей Романович Савченко и пред-

ложил возглавить разведывательно-диверсионную группу на случай прихода гитлеровцев в Киев. Иван Данилович незамедлительно приступил к формированию разведывательно-диверсионной группы. Он перестал ходить на работу, снял форму, стал носить украинскую сорочку и шляпу, отпустил усы. Для Кудри была разработана легенда, в соответствии с которой он выступал как сын репрессированного священника. По документам он значился преподавателем украинского языка и литературы средней школы. В кругу же подпольщиков Иван Данилович был известен как Максим.

Еще в августе Кудря снял квартиру на Институтской улице у М.И. Груздовой. Архивные материалы ФСБ хранят скупые сведения об отважной патриотке, согласившейся помогать органам госбезопасности на случай оккупации Киева врагом.

Мария Ильинична Груздова родилась в 1914 году в Киевской области, преподавала украинский язык в средней школе. Ее квартира стала не только укрытием для резидента, но и местом хранения средств связи резидентуры с Центром, оружия, денег, документов.

19 сентября 1941 года советские войска оставили Киев. Переправившись на левый берег Днепра, саперы подорвали все переправы. Последним рухнул Дарницкий мост, и в Киеве воцарилось безвластие. На улицы выползла всякая нечисть, в городе начались грабежи.

Для резидентуры Максима начались горячие будни. Сам резидент прошелся по улицам столицы Украины, посмотрел на реакцию жителей города, которые далеко не одинаково отнеслись к вступлению немецких войск в город. Не обошлось и без того, что небольшая кучка по-праздничному разодетых горожан вышла к Бессарабскому рынку и приветствовала входивших в Киев немцев. Эти отщепенцы приветствовали врага и выражали свою приверженность «новому порядку». Но Максим отметил зорким взглядом чекиста-разведчика, что не этот жалкий сброд предателей определяет настроение киевлян. Угрюмые лица и тяжелый взгляд трудовых людей, вышедших на улицы города, свидетельствовали о том, что оккупантов не ждет спокойная жизнь в Киеве.

Максим вернулся домой и составил текст первой радиограммы, которая в тот же вечер ушла в Центр и сообщала об обстановке в городе.

Казалось, многое удалось сделать Кудре при поддержке руководства НКВД Украины для подготовки к боевым действиям резидентуры в условиях вражеской оккупации. Но поистине неисповедимы пути жестокой борьбы.

Только-только резидентура Максима нанесла первые ощутимые удары по врагу, которые показали не только гитлеровцам, но и жителям города, что в Киеве действует хорошо организованное подполье, как сама резидентура понесла непоправимый урон. Оккупанты под

видом борьбы с пожарами взорвали в городе множество домов. Так был ликвидирован и дом, в котором на квартире Марии Ильиничны проживал Иван Данилович Кудря. Жильцов предварительно удалили из здания. Но Максим лишился всего, что он заблаговременно подготовил. Погибли запрятанные в тайники шифры, деньги, оружие, документы. Это был серьезный удар, но резидент продолжал работать и руководить разведывательно-диверсионной группой.

Помимо ближайшей помощницы Груздовой, Максим умело использовал возможности оперной певицы Раисы Окипной, которая установила обширные связи и завоевала доверие высших чинов полиции и армейских офицеров.

В состав резидентуры Максима входила и Женя Бремер – «русская немка», которая не только умело собирала разведывательную информацию, но и обеспечивала регулярный прием передач радио из Москвы. Она записывала сводки Информбюро, на основе которых Максим составлял тексты листовок. Женя размножала листовки на машинке и через своих помощников распространяла их в городе. И хотя возможности резидентуры были ограничены, правда о положении на фронте доходила до киевлян.

Активно действовали диверсионные группы, которые, как свидетельствуют архивные сведения, за короткий срок были сформированы Максимом. Из наиболее крупных диверсий, совершенных кудринцами, буквально ошеломивших гитлеровцев, отмечаются следующие. 1 мая 1942 года одна из групп совершила диверсию на перегоне Киев–Жмеринка, в результате которой был пущен под откос эшелон с боеприпасами и немецкими войсками. Крупная диверсионная акция была проведена на железнодорожной станции Дарница. При дефиците взрывчатки кудринцы ухитрились испортить тормоза трамвая, перевозившего гитлеровских офицеров, который развил бешеную скорость, спускаясь к Подолу, и свалился под откос, похоронив под обломками находившихся в нем захватчиков в серо-зеленых мундирах.

Отсутствие связи с Центром мучило Максима, но, продолжая действовать в тылу врага, он верил, что Москва попытается восстановить с ним связь. В Центре действительно было принято решение о восстановлении связи с Максимом. В апреле 1942 года с подмосковного аэродрома взлетел самолет и взял курс на Киев с радистом и двумя связниками для Кудри.

Очевидно, все было спланировано правильно. И разведчики, которые направлялись на связь к Максиму, были настроены решительно. Так, во всяком случае, можно судить по рассказам двоих уцелевших участников этой операции.

Но война по-своему изменяла планы штабов. В Москве планировали выбросить разведчиков на парашютах в районе Киева, но руководитель операции, распрощавшись на аэродроме с молодыми смель-

чаками, улетавшими на задание, при возвращении в штаб получил радиограмму, в которой летчик сообщал, что в районе Белой Церкви был встречен сильным огнем и вынужден был выбросить разведчиков под Могилев-Подольском, вдали от Киева.

Как потом рассказывали уцелевшие участники операции, им пришлось преодолеть немало невзгод. Анатолий Трусов покинул самолет первым и приземлился на окраине села Политанок Могилев-Подольского района Каменец-Подольской области. И надо же было такому случиться – он попал во двор дома на проволоку, к которой была привязана собака. Конечно же, она подняла громкий лай при виде посланца с неба. На этом могла бы и окончиться боевая эпопея Анатолия, но, к счастью, выскочившие из дома на шум хозяева, видимо, правильно сообразили, что за «гость» к ним пожаловал, помогли ему управиться с зацепившимся за тополь парашютом, и Анатолий благополучно покинул село.

Почти три недели пробирался Трусов к Киеву. Тяжел был этот путь. Несколько раз чудом ускользал он от облав и в конце концов добрался до нужного адреса.

Еще тяжелее сложились обстоятельства с приземлением Лидии Росновской и ее напарника Алексея. Они достигли земли далеко от Трусова. При приземлении Лидия подвернула ногу, а Алексей потерял обувь и шел босиком. Много испытаний выпало на их долю. Алексею пришлось помогать Лидии передвигаться, на его же плечах была рация и весь остальной груз. Не один раз пришлось Алексею прятать рацию и другую поклажу в разных местах, возвращаться за ними и двигаться дальше. Положение разведчиков осложнилось, когда, не выдержав сырых ночевок и многочисленных переправ через водные преграды, Лидия заболела. И все же она дошла до Киева, а Алексей погиб.

Росновская пришла к Кудре через несколько дней после прибытия Трусова. Иван Данилович был несказанно рад прибытию посланцев Москвы. Он укрыл их у Капитолины Васильевны Ритво, дальней родственницы Жени Бремер. Больные, измученные, посланные на связь к Максиму разведчики нуждались в отдыхе и уходе. И Капитолина Васильевна за две недели поставила их на ноги.

Не получив рации, но пообщавшись с посланцами Центра, Иван Данилович решил отправить Лидию Росновскую и Анатолия Трусова через линию фронта в Москву. Он подготовил наиболее важные сообщения для Центра и проводил разведчиков.

Надежда на получение рации и установление связи с Москвой не оправдалась, но это не обескуражило Максима. Резидентура продолжала действовать. Кудря и члены его группы активно боролись с врагом, совершая диверсии, расклеивая по городу листовки с призывом к отпору оккупантам. Действия резидентуры Максима сливались

с деятельностью других подпольных групп и удары по гитлеровцам множились, свидетельствуя о непокоренности Киева.

Разведчик, действуя в стане врага, не застрахован от случайностей. Их, как известно, никто не планирует, и происходят они всегда внезапно. Тогда от разведчика требуется проявление высшей степени самообладания, находчивости и мужества.

Однажды такая случайность произошла на улицах Киева и с Иваном Даниловичем Кудрей. Еще в самом начале развертывания деятельности резидентуры, в конце сентября 1941 года, он шел по улицам Киева и внимательно приглядывался к обстановке в городе. Вдруг Кудря заметил, что его пристально рассматривает и, узнав, начинает радостно улыбаться коренастый, усатый мужчина, идущий навстречу. Иван Данилович его сразу вспомнил. И ему стало не до улыбок.

Буквально перед войной Кудря вел дело на петлюровца по кличке «Усатый». Именно «Усатый» оказался на пути разведчика, когда такая встреча была менее всего желательной. Иван Данилович понимал, что только выдержка и железная воля могут позволить ему выиграть жесткий поединок с «Усатым». А острота поединка объяснялась еще и тем, что, как выяснилось, «Усатый» работал переводчиком при специальной команде гестапо.

В данном случае самообладание и воля к победе оказались сильнее у Кудри. Он, ни на мгновение не проявив смятения, умело повел беседу с «Усатым». Тот дрогнул и согласился оказывать помощь советской разведке. А знал «Усатый» немало. В первом же сообщении он передал Кудре фамилии немецких агентов, которых перебрасывали в тыл Красной Армии с заданиями по Москве и Челябинску. Данные на эту агентуру Иван Данилович успел до прекращения связи с Центром передать в Москву.

«Усатый» сообщил Кудре и о том, что в Киеве развернут разведывательный пункт абвера. Это были важные сведения, и встала задача по сбору информации о деятельности этого важного объекта.

По заданию Кудри Мария Ильинична Груздова устроилась в качестве управляющей домом № 4/6 по Кузнечной улице, в котором и размещался разведпункт абвера, работавший на генеральный штаб германской армии. Ей удалось войти в доверие к руководителю разведпункта Майеру, он же Миллер, он же Антон Иванович Мильчевский, крупный немецкий разведчик, длительное время работавший до войны на Украине. Мария Ильинична получила возможность вести наблюдение за сотрудниками разведпункта и выявлять агентуру противника.

Сведения на фашистскую агентуру Иван Данилович аккуратно заносил в специально заведенную тетрадку, куда было вписано 87 фамилий гитлеровских агентов с различными данными на них.

От «Усатого», а возможно, и через другие источники Кудре стало известно, что в районе Винницы немцы вели строительство какого-то важного военного объекта, одновременно сооружая аэродромы и подводя к ним дороги. Строительство объекта велось в лесу. От железнодорожной станции Винница в лес была проложена ветка, по которой курсировали поезда, и хорошая шоссейная дорога. Все работы по сооружению самого объекта и средств коммуникации велись в строгой тайне, и гитлеровцы предпринимали усиленные меры по охране строительства. В самой Виннице появились отборные войска. Город был наводнен гестаповцами и жандармерией.

Все это заинтересовало Ивана Даниловича, и резидент начал раздумывать над тем, кому бы можно было поручить сбор сведений по Виннице и что происходит в районе этого города. Выбор Кудри пал на Раису Окипную.

Актриса киевского оперного театра была родом из Винницы. Дочь священника Копшученко, певица, известная гитлеровским офицерам, посещавшим оперный театр, по мнению резидента, могла рассчитывать на получение пропуска в Винницу, свой родной город.

Если бы у Кудри была связь с Центром, возможно, все пошло бы иначе. В Центр стекалась информация из разведывательных отрядов, действовавших в тылу врага. Поступали сведения и по Виннице. Ведь там создавалась ставка Гитлера. Не исключено, что Кудре не порекомендовали бы проявлять интерес к этому району. Но об этом можно только гадать.

А тогда связи у Ивана Даниловича с Москвой не было, и он принял самостоятельное решение. Его задание Раисе Окипной попытаться достать пропуск в Винницу стало началом провала резидентуры Максима.

Действительно, все, что тогда было связано с Винницей, являлось предметом особого внимания гитлеровской службы безопасности. Поэтому стоило актрисе обратиться к шефу театра и намекнуть, что она хотела бы дать концерт в своем родном городе, как об этом сразу же стало известно руководству службы безопасности. Один из руководителей СД дал задание опытному агенту службы сблизиться с Раисой Окипной.

Агент СД «Нанетта» была тщательно проинструктирована и выдала себя за землячку актрисы. «Нанетта» – Наталья Францевна Грюнвальд – сумела войти в доверие к Раисе.

Максим знал, что в городе рыщет вражеская агентура в стремлении нащупать подполье, и уже были случаи, когда удавалось удачно избавляться от соглядатаев. Но когда резидент узнал, что землячка Раисы Окипной врач, да к тому же заведует лабораторией городской поликлиники, Иван Данилович заинтересовался ею.

На риск резидента толкала нужда. Чтобы подделывать документы подпольщикам, требовались химикаты, а новая знакомая Раисы могла бы их добыть. Резидент дал Окипной задание повнимательнее присмотреться к землячке. Однако было уже поздно затевать проверку оказавшегося в поле зрения резидентуры врача. Через Раису Окипную Иван Данилович Кудря уже попал на заметку в гестапо. И хотя «Нанетта» не выяснила адреса Кудри, гестапо получило указание действовать. Агент СД сделала главное – установила связь Раисы Окипной с Иваном Кудрей, которого актриса выдала своей землячке за студента-медика Ивана Кондратюка и просила достать для него медицинскую справку об освобождении от занятий.

Гестаповцам удалось подобраться к резидентуре Максима и в первых числах июля 1942 года Иван Кудря, Раиса Окипная, Женя Бремер и некоторые другие члены группы были арестованы. Они стойко держались на допросах, несмотря на жестокие пытки, и гестапо, не добившись желаемых сведений от них, расправилось с ними. Так погиб Иван Данилович Кудря, отважный советский разведчик, которому в 1942 году исполнилось всего тридцать лет. (Вдова Ивана Даниловича, Капитолина Ивановна Кудря, при встрече с разведчиками рассказывала, что на самом деле ее муж родился не в 1912-м, а в 1914 году. Пару лет он прибавил себе, чтобы, как говорила Капитолина Ивановна, ускорить сроки призыва в Красную Армию.)

Как бы там ни было, а погиб Кудря действительно в расцвете сил. Сколько он мог бы еще сделать во имя свободы и независимости своей Родины!

А что же стало с тетрадкой, в которую резидент Максим заносил данные на гитлеровскую агентуру?

Летом 1942 года Иван Данилович предусмотрительно передал тетрадь и некоторые другие документы члену своей группы М.В. Сушко. Когда Кудрю арестовали, Мария Васильевна передала пакет с тетрадью и документами Дмитрию Соболеву, ближайшему помощнику Ивана Даниловича. К сожалению, Соболев погиб, и тетрадка оказалась в руках гестапо.

Под натиском Советской Армии фронт катился на запад. Гитлеровцы планировали покинуть Киев 15 ноября 1943 года и собирались взорвать город. Но стремительным ударом войск 1-го Украинского фронта Киев был освобожден уже 6 ноября. В панике немцы не сумели вывезти даже архивы гестапо. В одном из помещений, где размещалось гестапо, и была обнаружена тетрадь Максима. На обложке тетради сохранилась надпись, сделанная Дмитрием Соболевым: «Ко всем нашедшим эти записи. Прошу советских патриотов хранить эти записи и в случае моей гибели от рук врагов моей Родины – немецких фашистов с приходом Красной Армии передать их соответствующим органам. За что я и наша Родина будут вам благодарны».

Остается сказать, что предательница Грюнвальд, агент гестапо «Нанетта», долго скрывалась от правосудия, но усилиями органов госбезопасности была разоблачена и предстала перед судом. Не избежали возмездия и другие предатели советского народа, указанные в тетради Максима.

* * *

Первые в жизни шаги Сергей Иванович Волокитин сделал на тверской земле, где он родился 1 октября 1912 года в семье рабочего. Но помнил себя он уже в Москве. Начальные уроки жизни юноша получал от отца, который приходил домой после напряженного труда на сталелитейном заводе уставший, но всегда находил время для бесед с сыном о жизни и работе, рассказывал о положении на заводе, товарищеских отношениях в рабочем коллективе.

Сергей окончил школу и, пойдя работать на завод, скоро стал квалифицированным токарем. Живой, общительный, деловитый, он был вожаком молодежи. Волокитин собирался продолжить свое образование, но судьба распорядилась по-иному. В 1932 году его направили на работу в органы госбезопасности.

Но вот грянула война. С первых же дней старший лейтенант Волокитин стремится на фронт. Когда в октябре 1941 года была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения войск НКВД в составе двух полков, Сергей Иванович получил назначение комиссаром Первого мотострелкового полка. Бригада принимала активное участие в обороне Москвы.

Как и другие чекисты, он рвался в бой, просил направить его в тыл врага. В 1942 году просьба Сергея Ивановича была удовлетворена. Во главе небольшого отряда он был заброшен в глубокий тыл противника. Отряд Волокитина совершал крупные диверсии, дезорганизуя воинские перевозки.

Выполнив поставленную задачу, Сергей Иванович возвратился в Москву. Вскоре он приступил к подготовке новой операции. На этот раз ему поручили сформировать разведывательно-диверсионный отряд, которому предстояло действовать в Белоруссии, Литве, на границах Польши и Германии. В начале февраля 1944 года Волокитин с группой разведчиков, которую составляли пять испанцев, два поляка, два литовца и двое русских, был заброшен в Белоруссию.

В Москве было решено, что отряд Градова (так именовался Станислав Алексеевич Ваупшасов), успешно действовавший в белорусских лесах, выделит Волокитину двух разведчиков, немцев по национальности, и группу бойцов.

Линию фронта перешел также отряд саперов (120 бойцов) под командованием капитана Воронина. Он выдвигался в район сосре-

доточения, где его поджидал Волокитин. Более 700 км по оккупированной территории преодолел отряд и 13 мая 1944 года прибыл к месту назначения. Ему было присвоено наименование «Гвардия». В конце мая политрук Николаев привел из-под Минска группу разведчиков отряда Градова. Когда все собрались вместе, в разведывательно-диверсионном отряде Волокитина был образован «Малый центр». В него вошли отряды «Гвардия», «Гвадалахара», «Дружина», «Помета» («Месть») и несколько мелких групп. В отряде Волокитина знали как майора Серго. Под этим именем он прошел с «Малым центром» его боевой путь.

Получив задание, разведчики растворились в Нарочанской и Рудненской пущах, переправились в Польшу, в Августовские леса, вышли к границам Восточной Пруссии. Они действовали в Вильнюсе, Каунасе, Варшаве, Кракове. Временами их отделяло от майора Серго до 500 км. Но связь была отработана четко.

Разведчики действовали смело и напористо. Правда, бывали и осложнения. Например, разведчики из отряда «Гвадалахара» испанцы Серхио и Алехандро отправились в Вильнюс и Каунас в форме франкистской «Голубой дивизии». Но оказалось, что испанская дивизия и ее госпиталь переведены на другой участок фронта. «Малому центру» об этом не было известно. Разведчиков выручило то, что летом 1944 года в Прибалтике скопились разношерстные немецкие войска и на солдат «Голубой дивизии» просто не обратили внимания.

Разведывательные данные направлялись в Москву, а часть сведений сообщалась фронтовым штабам. Некоторые данные использовались авиацией для бомбежек противника.

Отряд майора Серго проводил диверсии на коммуникациях немцев и их военных объектах. Под откос были пущены 20 эшелонов с боеприпасами, боевой техникой и живой силой противника, сожжены 2 крупных склада, уничтожены 11 танков и бронемашин.

Заслуживает внимания такой эпизод. Майор Серго поручил разведчикам отряда «Гвадалахара» проникнуть в штаб немецкой воинской части, которая накануне провела карательную операцию против литовского отряда партизан. Под видом представителей имперского комиссара Литвы разведчики, в числе которых были немцы по национальности, заявились в штаб и распекли командира карателей за то, что тот медлит с докладом о проведенной операции. Растерявшийся капитан стал оправдываться, что документы готовы к отправке по команде. Заявив, что имперский комиссар не может ждать, пока пакет с документами пойдет бюрократическим маршрутом, разведчики нагнали страху на капитана, и тот вручил им подготовленный к отправке пакет, после чего они покинули штаб. А в пакете были ставшие известными гитлеровцам списки личного состава партизанского от-

ряда с указанием связных, адресов подпольщиков и партизанских семей. Не перехвати разведчики эти списки, многие патриоты погибли бы от рук гитлеровцев.

И еще об одном эпизоде стоит рассказать. Отряд получил сведения о том, что немцы располагают данными о месторасположении «Малого центра» и подготовили операцию по захвату и разгрому базы. Волокитин решил опередить гитлеровцев и выступить в необычной роли.

В ясный летний день на хуторе, располагавшемся на окраине Нарочинской пущи, появился «карательный отряд». Впереди двигалась колонна немцев, а за ней вели группу связанных партизан. Офицер приказал собрать жителей и предложил среди пленных указать на майора Серго. Опознавшему была обещана в награду корова. Хуторяне, понурив головы, молчали, а староста, ткнув пальцем в одного из партизан, пробормотал, что вроде бы тот похож на Серго. Офицер – а в этой роли был сам майор Серго – приказал «унтеру» разобраться. Колонна тронулась дальше, а «унтер», уличив старосту в обмане, расстрелял гитлеровского пособника.

Отряд расположился на привал в имении престарелого немецкого помещика, который радостно встретил «карателей» и пригласил офицеров в дом. Он рассказал, что это имение – подарок сына, который служит в Барселоне и за заслуги перед Германией получил эту землю. Уходя, Серго приказал реквизировать скот новоявленного латифундиста в пользу «немецкой армии».

Отряд прошел по окрестным хуторам, выявляя пособников немцев и расправляясь с ними. Гитлеровцам долго пришлось разбираться, что за «каратели» объявились в этом крае.

2 июля из Центра группам отряда майора Серго поступило указание следовать в район Сувалки–Августов–Гродно. В это время советские войска стремительно продвигались вперед, и 15 июля 1944 года за Неманом, в Августовских лесах, вблизи границы с Восточной Пруссией, отряд Волокитина встретился с наступавшими частями Красной Армии. Обстановка изменилась, отряд получил приказ прибыть в Минск.

Так закончились партизанские ратные дела майора Серго, но не завершился боевой путь чекиста. В 1945 году он был направлен в Чехословакию, где по линии внешней разведки решал сложные задачи. Возвратившись в Москву, Сергей Иванович работал в центральном аппарате внешней разведки, а затем выехал в долгосрочную загранкомандировку.

Накануне своего 60-летия Волокитин вышел на пенсию.

В майские дни 1977 года общество «Динамо» устроило праздник в честь Дня Победы. По беговым дорожкам стадиона прошли колонны ветеранов Великой Отечественной войны. Овациями присутство-

вавшие встретили боевые знамена Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Газета «Советский спорт» опубликовала краткий отчет об этом спортивном празднике. На снимке запечатлена колонна ветеранов. На переднем плане правофланговым шел полковник в отставке, бывший майор Серго.

Скончался Сергей Иванович Волокитин 17 марта 1987 года и похоронен в Москве на Кузьминском кладбище.

---

[1] Татьяна – дочь от первого брака. Первая жена Лягина – Ольга Афонина – в 1935 году умерла от брюшного тифа. Дочь воспитывалась в семье сестры Лягина в Ленинграде.

4

«Победители» и их командир Д.Н. Медведев

Когда летом 1942 года в Ровно пошли слухи о том, что в окрестностях Житомира появились советские танки, в городе началась паника.

Не только предатели, запятнавшие себя сотрудничеством с оккупантами, но и немецкие чиновники, успевшие уже привезти из Германии в оккупированный город своих жен, торопились эвакуироваться, чтобы не попасть в руки Красной Армии. Чтобы заполучить автомашину, они были готовы платить шоферам любые деньги. Но машин было недостаточно. Ровенский железнодорожный вокзал был до того переполнен, что фельджандармерия вынуждена была оцепить его и не пускать туда никого, кроме немецких офицеров.

По улице к железнодорожному вокзалу в Ровно медленно плетется старая лошадь, запряженная в пролетку. Двое парней в гражданской одежде везут большой и, видимо, тяжелый чемодан. Они обгоняют штатских и военных. Вот пролетка догнала немецкого обер-лейтенанта. Изнемогая от усталости, он тащит к вокзалу два огромных чемодана.

– Господин обер-лейтенант, – вежливо обратился к немецкому офицеру один из возчиков, – позвольте подвезти Вас к вокзалу.

– Данке шён, данке шён, – поблагодарил немец.

Оба немецких чемодана были мигом уложены в пролетку, и повозка с шиком, на который только была способна старая коняга, подъехала к вокзалу.

Не дав офицеру опомниться, услужливые ребята схватили офицерские чемоданы, а заодно и свой, и понесли их в здание вокзала. Стоявший в дверях жандарм попытался их остановить, но обер-лейтенант приказал, чтобы их пропустили.

Офицерские чемоданы и «чемодан-мина» были занесены в зал, переполненный пассажирами, увозившими в Германию награбленное. Через несколько часов раздался сильный взрыв, одна стена зала

1-го класса рухнула, потолок провалился. Около ста немецких офицеров и солдат были убиты.

Таков один из эпизодов деятельности партизанского отряда «Победители», которым командовал Дмитрий Николаевич Медведев.

* * *

Из архива Службы внешней разведки Российской Федерации:

«Медведев Дмитрий Николаевич родился 22 августа 1898 года в Бежицах, близ Брянска. В органы государственной безопасности зачислен в мае 1920 года, многие годы работал в территориальных подразделениях.

В 1936 году после окончания курсов высшего начальствующего состава был направлен на работу во внешнюю разведку. В течение двух лет находился на разведывательной работе за рубежом.

В годы Великой Отечественной войны Д.Н. Медведев дважды выводился в тыл немецко-фашистских войск. В 1941–1942 годах возглавлял партизанский отряд, проводивший операции в Смоленской, Брянской и Могилевской областях. С июня 1942 года по сентябрь 1944 года командовал партизанским отрядом «Победители», действовавшим в Ровенской и Львовской областях. Отряд провел более 120 крупных боев, в которых были ликвидированы до 2000 немецких солдат и офицеров, в том числе 11 генералов и высших государственных чиновников гитлеровской Германии. Взорван 81 эшелон с живой силой и техникой.

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника Дмитрию Николаевичу Медведеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Кроме того, Д.Н. Медведев награжден тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и многими медалями».

* * *

В 20-е годы на Украине бесчинствовали многочисленные белогвардейские и националистические банды. Перед чекистами была поставлена задача ликвидировать бандитское движение и обеспечить мирную жизнь для населения.

Для участия в решении этой задачи молодой чекист Медведев был направлен на Украину. Вначале он работал в городе Бахмач, а затем был председателем ЧК в городе Старобельске. Из Старобельска Медведева перевели на работу в Шахтинский район Ростовской области, где ему пришлось приложить немало сил, чтобы пресечь саботаж и диверсии на шахтах. Здесь Дмитрий Николаевич проработал до середины 1922 года, а затем был переведен на работу в Одессу.

Приехав в южный город, Медведев, воспользовавшись возможностью получить образование, поступил на физико-математический факультет Одесского института народного образования. С жадностью он набросился на учебники и первое время регулярно посещал лекции. Но в тот период в Одессе активно действовали противники новой власти, и чекистам приходилось вести очень напряженную работу по выявлению и пресечению их деятельности.

Еще будучи председателем ЧК в Старобельске, Медведев однажды познакомился с махновцем Левой Задовым, имя которого наводило страх на жителей окрестных сел. Он отличался жестокостью и большой физической силой. Это знакомство пригодилось Медведеву при проведении одной деликатной операции, когда он работал уже в Одессе.

Дело в том, что сбежавший за границу Нестор Махно вознамерился вернуть себе спрятанный им на советской территории клад, о чем стало известно чекистам. Темной ночью от румынского берега тихо отчалила лодка с махновскими эмиссарами. В нужном месте чекисты встретили их, произнесли условленный пароль и повели к хутору. Среди четырех махновцев руководитель выделялся громадным ростом и могучей фигурой. Медведеву он показался знакомым. Это и в самом деле был Задов. Когда группа вошла в большой сарай, Медведев отозвал его в сторону. Задов пристально вглядывался в Медведева, сжимая в руке пистолет. Чекистов было всего двое, и в случае схватки за ее исход поручиться было сложно. Медведев заявил, что давно следит за Левой Задовым и знает, что тот не во всем разделяет действия Махно и что наступила пора кончать с прошлым. Задов отвернулся к стене сарая и смотрел в щель на просыпающуюся на рассвете степь. Он колебался. Наконец Дмитрий Николаевич коснулся его руки и тихо сказал, что надо сдать оружие. И Задов решился. Он скомандовал бандитам подчиниться, и сам первым бросил пистолет. Позже он помог отыскать клад Махно, и богатства были переданы властям. Бывший доменщик и бывший бандит Задов сменил затем фамилию и начал новую жизнь.

За успешное проведение боевых операций Медведев неоднократно награждался: в 1921 году – золотыми часами, в 1927 году – именным оружием, в 1929 году ему еще раз было вручено именное оружие.

Медведев чудом уцелел в круговерти ежовщины. И все же в 1938 году его вызвали в НКВД в Киев, где без убедительных мотивов объявили об увольнении из органов госбезопасности. Однако хорошо знавшие его коллеги стали на сторону чекиста, и Медведев продолжил службу.

Напряженная работа, которая постоянно требовала мобилизации всех физических и духовных сил, повлияла на здоровье Медведева. Начал сказываться и полученный когда-то ушиб спины, который пе-

решел в тяжелое заболевание позвоночника. В конце 1939 года Дмитрий Николаевич вышел на пенсию по состоянию здоровья и поселился в Томилино под Москвой. Медведеву был тогда всего 41 год.

Обострение болезни заставило Дмитрия Николаевича заниматься лечением позвоночника. Но война прервала лечение, и Медведев предложил свои знания и опыт Наркомату госбезопасности, где уже занимались созданием боевых групп и чекистских отрядов для действий в тылу врага. В числе первых была разведывательно-диверсионная группа Д.Н. Медведева, первоначально именовавшаяся отрядом «Митя». Перед отправкой в тыл противника отряд Медведева помог создать в Москве 18 оперативных разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Группа Медведева направлялась в тыл врага дважды. Первый раз, с августа 1941 года по январь 1942 года, она действовала в районах Брянской и Смоленской областей в составе 34 бойцов и группы радистов.

В одном из донесений Д.Н. Медведев докладывал в Центр: «После перехода линии фронта мы нашли, что все деревни и даже небольшие хутора и лесничества Клетнянского района Смоленской области были насыщены немецкими частями.

Население, к которому обращались наши разведчики, было дезориентировано и напугано. О наличии, а тем более о каких-либо действиях партизанских групп и отрядов не было никаких слухов. Казалось, что оккупанты стали полными хозяевами на оккупированной ими территории и местное население полностью смирилось с этим.

Нужно было «нашуметь», с тем чтобы вызвать соответствующее реагирование.

С этой целью 15 сентября 1941 года мы у деревни Сальниково Клетнянского района совершили налет и полностью уничтожили небольшую колонну противника. В числе убитых оказался один генерал.

На следующий день немецкое командование отдало приказ о расстреле всех пособников партизан. По всем близлежащим населенным пунктам начались обыски, аресты и другие репрессии.

Из деревень в леса стали бежать активисты – члены партии, комсомольцы, а также бойцы и командиры Красной Армии, осевшие в деревнях после того, как их соединения и части распались, оказавшись в окружении немцев.

За счет этих людских ресурсов оперативная группа уже через 10–15 дней выросла в три раза.

Продолжая совершать новые и новые операции на шоссейных и грунтовых дорогах, мы добились того, что слух об активности нашей оперативной группы распространился на сотни километров, и к нам на связь стали прибывать представители различных местных партизанских групп».

Оперативной группе Д.Н. Медведева за время пребывания в тылу противника с сентября 1941 года по январь 1942 года удалось организовать, укрепить и активизировать работу ряда вооруженных групп в Мглинском, Орджоникидзеградском, Дятьковском, Людиновском и Жиздринском районах Орловской и Брянской областей, в Костюновичском и Хотимском районах Могилевской области Белоруссии, а также создать новые партизанские отряды в указанных районах.

В Брянских лесах Медведев и его группа заложили основу для развертывания так называемого Брянского партизанского края с центрами в городах Жиздра и Дятьково. Из 27 партизанских отрядов, действовавших в этом крае, 7 отрядов были созданы при активной помощи со стороны медведевцев.

Враг рвался к Москве. Наши войска значительно уступали противнику в живой силе и технике. Медведев и его комиссар Георгий Николаевич Кулаков приложили массу усилий, чтобы разъяснить каждому командиру, каждому бойцу их цели и задачи, дабы люди не подставляли себя понапрасну под удар.

Сам Дмитрий Николаевич в одном из отчетов писал так:

«...В сентябре 1941 года отряд занялся сбором разведывательных данных о строительстве немцами укреплений, о местах скопления вражеских войск и техники. Эти сведения немедленно передавал радист отряда А. Шмаринов в Центр для доклада военному командованию.

Скоро численность нашего отряда выросла в десять раз. Мы во многом были обязаны населению, которое окружало нас любовью и заботой, оказывало всемерную помощь. Крестьянка Мамаева провела однажды отряд между фашистскими частями, рискуя не только своей жизнью, но и благополучием всей семьи.

Во второй половине декабря 1941 года отряд получил сведения, что командование врага готовит новое наступление на Москву... Разведка подтвердила их: эшелоны с живой силой и техникой противника следовали на восток через каждые 15–20 минут.

После диверсий на железных дорогах возникли «пробки», по которым советская авиация начиная с 27 декабря 1941 года в течение нескольких дней подряд наносила бомбовые удары. Десятки эшелонов противника превратились в груды лома, загромоздившего железнодорожные пути».

В период второго рейда, с середины мая 1942 года по март 1944 года, оперативная разведывательно-диверсионная группа Д.Н. Медведева была доукомплектована до 100 человек. Подавляющее большинство – 85 человек – составляли бойцы ОМСБОН.

Перед группой Медведева, которая стала называться отрядом «Победители», была поставлена задача обосноваться в районе Ровно, вести разведку в городе и его окрестностях и заняться ликвидацией руководителей немецкой администрации.

Группа выбрасывалась на занятую немцами территорию на парашютах. Первая группа отряда «Победители» вместо Полесских лесов ошибочно была сброшена южнее Житомира, почти за 300 км от цели. Местность оказалась безлесной, укрыться там было трудно, и почти вся группа погибла, кроме двоих бойцов, которых укрыли крестьяне.

Вторая группа также была сброшена на 200 км севернее намеченного места. Но эта группа сумела переместиться в район сосредоточения и приступила к подготовке приема следующей группы парашютистов. К сожалению, летчики не сумели разобраться в сигналах, и еще две группы выбросили не в намеченных для сбора местах.

Наконец, Медведев решил лететь сам. 20 июня 1942 года он прыгнул с парашютом вместе с группой бойцов, в которую вошли начальник разведки отряда Лукин и несколько испанцев-антифашистов, среди которых была радистка Патрия (Мария де лас Эрас Африка). Эта храбрая испанка с отрядом «Победители» прошла славный путь с июня 1942 года по февраль 1944 года. Выброска десанта прошла на этот раз успешно, но сам командир отряда при приземлении вновь ушиб больной позвоночник.

Ночные десанты парашютистов, однако, не прошли незамеченными. Немцы бросили карателей на отряд Медведева. В течение первой недели отряду пришлось вести бои и менять расположение лагеря. Отряд перебазировался к северу Белоруссии, в леса под Сарны. Главное было создать надежную основу для ведения разведки.

Постепенно складывалась схема разведывательной деятельности отряда. Разведчики отряда устанавливали связь с местным подпольем, и подпольщики включались в решение первоочередных разведывательных задач. В Москву по рации ежедневно передавалась информация для командования Красной Армии.

Были организованы резидентуры в городах Ровно, Здолбунов, Сарны и Луцк. Резидентура в Ровно была самой большой, насчитывала несколько десятков разведчиков и местных жителей. Большую работу проделывала подпольная организация, которую возглавлял Терентий Федорович Новак. В 1965 году ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Резидентуры в Здолбунове, Сарнах и Луцке были численно меньше, но тоже действовали активно.

Особое внимание уделялось организации разведки в Ровно, поскольку гитлеровцы превратили этот город в «столицу оккупированной Украины». Здесь располагалась резиденция наместника Украины гауляйтера Эриха Коха. Там же размещались крупные военные штабы и так называемое Всеукраинское гестапо.

Для работы в Ровно были отобраны Николай Иванович Кузнецов, о героических делах которого хорошо известно, разведчики отряда Н.А. Гнедюк, М.М. Шевчук, Н.Т. Приходько, Ян Каминский, М. Стефанский и др.

А на территории Украины, помимо отряда Медведева, действовали многочисленные партизанские отряды таких прославленных руководителей, как Ковпак, Федоров, Вершигора, Прокопюк, Карасев и многие другие.

Немцы усиливали поиск разведчиков в Ровно и все чаще посылали карательные отряды против партизан Медведева. Гитлеровцы настойчиво искали пути засылки своей агентуры в отряд. Но каждый вновь появившийся в отряде человек подвергался тщательной проверке. Кроме того, свыше 100 агентов, привлеченных разведчиками отряда, действовали в немецких спецслужбах и различных учреждениях оккупационных войск. Однако в 1944 году в отряд под видом окруженца все-таки был зачислен провокатор. Через несколько дней пребывания в отряде он исчез.

Это был неприятный момент. Определенный ущерб отряду он, бесспорно, причинил. Был арестован подпольщик, который на хуторе на окраине Ровно комплектовал группы окруженцев и переправлял их в отряд. Пришлось сменить опорный пункт, поскольку на хуторе также имели место аресты. Но немецкому агенту не удалось выявить других разведчиков и вскрыть систему связи с ними.

Разведывательная информация, которую Центр получал ежедневно из отряда «Победители», продолжала поступать бесперебойно.

Усилиями Николая Ивановича Кузнецова, который действовал в Ровно, добывалась информация стратегического значения. Им, например, были получены сведения об организации немцами под Винницей секретной ставки Гитлера.

Объем разведывательной информации был так значителен, что рации отряда в сутки проводили 3–4 сеанса связи с Центром. Регулярно освещалась политическая и экономическая обстановка на территории Западной Украины. Обстоятельно изучались настроения в офицерском корпусе немецкой армии. Наконец, на основании оценок, делавшихся видными чиновниками оккупационных учреждений в Ровно, освещалось положение в гитлеровской Германии.

Когда Советская Армия приступила к освобождению от немецко-фашистских захватчиков Украины, Д.Н. Медведев принял решение идти в направлении Львова, чтобы громить гитлеровцев и оказать помощь наступающим советским войскам.

В начале февраля 1944 года он получил приказ о выводе отряда в тыл Красной Армии. 5 февраля 1944 года отряд пересек линию фронта. Так закончился путь разведывательно-диверсионного отряда – соединения «Победители».

Неудачное приземление с парашютом в июне 1942 года разбередило старую травму, но командир отряда мужественно подавлял боль и скрывал ее от соратников. И все же делать это становилось невмоготу, и последний путь к своим Медведев проделал уже лежа в повозке. Вернувшись, Дмитрий Николаевич Медведев писал в своем отчете:

«Оперативная группа «Победители» за время своего пребывания во вражеском тылу провела большую работу по оказанию помощи Красной Армии.

Выполняя задания по развитию партизанского движения и организации активного сопротивления населения оккупированных западных районов УССР гитлеровским захватчикам, опергруппа повседневно проводила огромную разведывательную работу, и все добытые ею разведывательные данные сообщались по радио командованию.

К маю 1943 года разведывательной работой оперативной группы были охвачены города Ровно, Здолбунов, Луцк, Ковель, Сарны, Ракитное, Костополь, Людвиполь, Березное и многие другие.

Позднее, с октября 1943 года, разведка опергруппы охватила также город Винницу, а в январе 1944 года – город Львов».

О делах отряда Дмитрия Николаевича Медведева написано немало. Часть написанного принадлежит перу самого командира отряда. Наиболее известные его книги – «Это было под Ровно» и «Сильные духом».

Умер Д.Н. Медведев в декабре 1954 года.

5

Кто вы, Пауль Зиберт?

Год 1942-й. Второй год Великой Отечественной войны. Ровно. Небольшой, утопающий в зелени городок в центральной части Западной Украины, маленькие одноэтажные дома, в центре встречаются двух- и даже трехэтажные здания. Тем не менее немецкие оккупанты превратили именно этот город в «столицу» Украины. Здесь размещалась резиденция назначенного Гитлером рейхскомиссара Украины Эриха Коха, который одновременно был гауляйтером Восточной Пруссии. Там же находились все крупные военные штабы и гак называемое Всеукраинское гестапо. Кроме того, в Ровно располагались генерал полиции Прицман, сенатс-президент юстиции доктор Функ, которого немцы именовали верховным судьей Украины, командующий войсками особого назначения генерал Ильген и многие другие.

Октябрь. Свежий ветер сметает с улиц Ровно пыль вместе с опавшими листьями. По центральной улице города идет стройный, худощавый, выше среднего роста человек в форме немецкого офицера. Из-под пилотки выбились русые волосы. Серо-голубые глаза и прямой нос говорят о его арийском происхождении. Навстречу ему военный патруль – офицер в чине капитана и солдат с автоматом на груди. Офицер, в походке которого угадывается кадровый военный, спокойно приветствует встречного офицера, но патруль неожиданно останавливает его и просит предъявить документы. Так же спокойно он предъявляет документы на имя обер-лейтенанта Пауля Зиберта, после госпиталя направленного хозяйственным управлением в качестве чрезвычайного уполномоченного по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта.

Патрульный офицер взял документы Зиберта, внимательно посмотрел на него и стал медленно читать... А в голове Зиберта, вернее,

в голове человека с документами на его имя и в немецкой форме обер-лейтенанта, молнией пронеслась мысль: несколько месяцев мы так тщательно готовились, и вот – первый выход в город, всего несколько сот шагов... что же мы не учли...?!

Патрульный офицер вернул Зиберту документы, еще раз посмотрел, как показалось Паулю, на его голову и медленно спросил:

– Почему нарушаете форму одежды?

Кузнецов-Зиберт молчал, вспоминая все фронтовые фотографии Пауля Зиберта, и не мог найти ошибки. Истолковав, видимо, по-своему это молчание, патрульный так же медленно произнес:

– Пилотки... – он еще раз посмотрел на голову Кузнецова-Зиберта, – носят только на фронте или в прифронтовой полосе, а мы, – капитан сделал паузу, – к счастью, далеко от нее.

Кузнецов-Зиберт с досадой хлопнул себя по шинели:

– Господин хауптманн, я и есть с фронта. Только сегодня приехал в Ровно после госпиталя, иду как раз покупать фуражку. Не подскажете, где это можно сделать?

...Офицеры поприветствовали друг друга и разошлись. Кузнецов действительно пошел покупать фуражку, думая про себя: «Сколько раз я говорил Федору Ивановичу, что в нашем деле важна всякая мелочь. И вот такой прокол!».

А Федор Иванович Бакин, который в Москве готовил Николая Ивановича Кузнецова и других товарищей к работе в тылу врага, впоследствии писал о Николае Кузнецове: «Особое внимание Н.И. Кузнецов уделял отработке легенды-биографии. Проявлял при этом не просто усердие, а необыкновенную настырность. Часто говорил: не предусмотрим какой-то пустяк – вот и провал.

Задача была непростой, предстояло сочинить собственную биографию, максимально похожую на жизнь лично ему не известного немца Пауля Зиберта. Это значило построить картину детства, юности, учебы, наконец, родословную и множество деталей «своей» жизни. И все это нужно было создать в четырех стенах конспиративной квартиры на улице Мархлевского.

Документами, литературной работой Николай Иванович занимался с утра до позднего вечера, порой забывая вовремя перекусить. Он буквально истерзал меня массой требований: доставать планы городов, фотооткрытки, справочники, газеты, афиши, образцы проездных документов, списки членов органов местного самоуправления и прочее из прошлых времен, что помогло бы ему действительно выглядеть выходцем из Восточной Пруссии.

Не все его просьбы удавалось выполнять. Он переживал, ругался, но искал и находил какие-то выходы.

Этот труд Николая Ивановича не оказался напрасным. В последующем при общении в немецкой среде ни у кого ни разу не возникло

сомнения, что Зиберт не тот, за кого себя выдает. У него были блестящие лингвистические способности. Немецкий язык он знал безукоризненно, как настоящий интеллигентный немец разбирался в диалектах, знал грамоту в исполнении готическим шрифтом.

Запомнился мне Николай Иванович как образец дисциплинированности, целеустремленности, как простой русский парень и большой патриот».

Первоначально легенда для Николая Ивановича Кузнецова заключалась в том, что он является офицером военно-воздушных сил Германии («Люфтваффе»), но не летчиком, а представителем инженерно-технического состава. Однако эту легенду трудно было подкрепить соответствующими документами, и, кроме того, для выполнения оперативных задач лучше было выступать в роли офицера сухопутных войск, который находится в командировке и проходит службу в какой-то отдельной воинской части вермахта. Поэтому продолжали подбор более надежных вариантов.

Вскоре в Центр поступили личные дела офицеров вермахта, захваченные Красной Армией в качестве трофеев в боях под Москвой, которые передавались непосредственно в спецотдел разведки для изучения и возможного использования в оперативных целях. Среди личных дел было отобрано дело обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, погибшего в боях.

На основе изучения имеющихся в деле Зиберта материалов спецотдел документации совместно с Четвертым (диверсионно-разведывательным) управлением решили создать легенду-биографию для Н.И. Кузнецова. Зиберт и Кузнецов были почти одного возраста (разница всего в два года) и имели внешнее сходство. Бесценным было и наличие подлинных документов Пауля Зиберта.

Николай Кузнецов перед этим забраковал не одну легенду. Когда же ему показали дело Зиберта и подготовленную легенду-биографию, он воскликнул: «Это же, товарищи, то, что мне нужно!»

Ф.И. Бакин вспоминал: «Николай Кузнецов работал по 14–16 часов в сутки, «проглатывал» гору книг по немецкой философии, истории, искусству, труды немецких военных мыслителей». Когда Бакин спрашивал Кузнецова, не перегружает ли он себя, Николай Иванович говорил, что любые знания могут пригодиться, жизнь среди врагов может преподнести массу случайностей.

После завершения подготовки Николай Кузнецов 25 августа 1942 года был переброшен самолетом в Сарненские леса Ровенской области в отряд специального назначения под командованием Д.Н. Медведева. Здесь он находился под именем Николая Васильевича Грачева. И вот в конце 1942 года он впервые появился на улицах города Ровно.

* * *

Кто же он, разведчик Николай Кузнецов?

Николай Иванович Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области в семье крестьянина-середняка. Окончив семилетнюю школу, Кузнецов поступил в лесной техникум в райцентре Талицке, но с 3-го курса был исключен по причине «сомнительного социального происхождения» его отца, которого причислили к кулакам.

Уйдя из техникума, Николай Кузнецов устроился на работу в трест «Свердлес». В 1932 году Н. Кузнецов работал в лесоустроительной партии в Кудымкаре. В это время его начальники за какие-то хищения были приговорены к различным срокам лишения свободы. Сам Н. Кузнецов за «допущенную халатность» тоже был осужден на год исправительных работ по месту службы. Этот приговор был отменен «за отсутствием состава преступления» лишь после войны.

Еще во время учебы в школе у Николая проявились исключительные способности к изучению немецкого языка. Это произошло под воздействием общения с учителем труда, немцем по национальности, и со сверстниками, детьми немецких колонистов, проживавшими в соседнем селе.

В 1932 году Кузнецов был привлечен органами контрразведки к секретному сотрудничеству под псевдонимом «Колонист», а в середине 1938 года нарком НКВД Коми АССР М.И. Журавлев позвонил в Москву начальнику отделения отдела контрразведки Л.Ф. Райхману и предложил взять «Колониста» в Москву:

– Очень одаренная личность, – сказал Журавлев. – Я убежден, что с ним надо работать в Центре, у нас ему просто нечего делать.

В Москве Кузнецова оформили как особо засекреченного спецагента с окладом по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. Случай просто уникальный в практике работы органов контрразведки.

Скоро Кузнецов прямо-таки с виртуозным мастерством научился завязывать знакомства с приезжающими в СССР немцами. Своим главным оружием – немецким языком – владел великолепно, знал несколько диалектов. Кроме немецкого языка он знал эсперанто и польский.

Широко известны фотографии Николая Кузнецова в форме военного летчика с тремя «кубарями» в петлицах. Из-за них возникло мнение, что Николай Иванович имел в Красной Армии звание старшего лейтенанта. На самом деле в армии он никогда не служил и воинского звания, даже в запасе, не имел. Форму он использовал в тех случаях, когда этого требовала служебная необходимость.

К началу войны он успешно выполнил ряд важных поручений. Особенно результативно Николай Кузнецов работал под руководст-

вом крупного контрразведчика Виктора Николаевича Ильина, ответственного за работу с творческой интеллигенцией. Благодаря Ильину Кузнецов быстро «оброс» связями в театральной, в частности балетной, Москве. Это было важно, поскольку многие дипломаты, в том числе установленные немецкие разведчики, весьма тяготели к актрисам, особенно к балеринам.

У Кузнецова было несколько приятельниц – балерин Большого театра, которые охотно помогали ему завязывать перспективные знакомства с наезжающими в Москву гражданами Германии, в том числе с «дипломатами» от разведки. В работе Кузнецова по немцам большую роль сыграл Василий Степанович Рясной. В предвоенные годы он возглавлял отделение в контрразведке, которое «опекало» посольства Германии и ее тогдашней союзницы Словакии в Москве.

Штат германского посольства достигал 200 человек. Только под началом военного атташе генерал-майора Эриха Кестринга находилось около 20 сотрудников. Почти все они занимались шпионажем. Представителем немецких спецслужб был советник посольства, глава его консульского отдела Герхард фон Вальтер.

Для выполнения заданий Кузнецову придумали легенду, рассчитанную прежде всего на немецкий контингент. Согласно легенде, Николай Иванович превратился в этнического немца Рудольфа Вильгельмовича Шмидта (что в переводе и означает Кузнецов). Родился Рудольф Шмидт якобы в городе Саарбрюккене. Когда мальчику было два года, родители переехали в Россию, где он и вырос. Р. Шмидта сделали инженером-испытателем авиационного завода № 22 знаменитого конструктора С. Ильюшина на Хорошевском шоссе в Москве (отсюда и летная форма старшего лейтенанта, о которой упоминалось). На эту фамилию Кузнецову был выдан паспорт, а позднее – свидетельство об освобождении по состоянию здоровья от воинской службы.

Последняя встреча Н.И. Кузнецова со своими учителями, опекунами и коллегами состоялась в июле 1941 года, так как из контрразведки его с началом войны перевели в распоряжение Четвертого (диверсионно-разведывательного) управления НКГБ СССР.

* * *

По шоссе Ровно–Костополь уже три часа двигаются повозки, запряженные сытыми лошадьми. На первой подводе восседал «немецкий офицер», а рядом с ним – дюжий «полицейский» с трезубцем на пилотке. На других подводах переговаривались люди с полицейскими повязками на рукавах.

Дорога шла среди безлюдных полей. Впереди показалась легковая машина. «Офицер» подал знак, и сидевший с ним «полицай» соскочил с подводы, бросил гранату, и машину перевернуло.

Пассажиры были целы. Задержанных доставили в лагерь отряда Медведева. Один из них оказался майором, графом Гааном, начальником отдела рейхскомиссариата. Второй был имперский советник связи Райс, прибывший из Берлина. Пленные выразили негодование тем, что немецкий офицер работает на русских. Этим они подтвердили, что Кузнецов хорошо вжился в роль Пауля Зиберта.

Но главное было в том, что майор Гаан и берлинский посланец дали обстоятельные пояснения в связи с обозначениями на топографической карте, обнаруженной у них среди секретных документов. А на карте были обозначены пути сообщения и средства связи не только на территории оккупированной Украины и Польши, но и в самой Германии. В частности, на карте значилась ярко выраженная линия от Берлина до точки, расположенной между селами Якушинцы и Стрижевка, в десяти километрах от Винницы. Это был подземный бронированный кабель, связывавший Берлин со ставкой Гитлера, оборудованной под Винницей.

В Москву пошло первое разведывательное сообщение от Кузнецова за подписью Тимофей (псевдоним Медведева).

Наступил момент, когда разведчику пора было «оседать» в Ровно. Для Медведева было необходимо,чтобы главный разведчик его отряда имел возможность регулярно находиться в городе для сбора информации и для проведения акций возмездия. Связь с отрядом осуществлялась бы через налаженную систему связных. В этих целях Кузнецов и Николай Владимирович Струтинский, который привел в отряд всю семью – отца, мать и троих братьев, – выехали в город: Кузнецов в форме немецкого офицера, а Струтинский в качестве кучера немецкого офицера. Под Ровно Кузнецов и Струтинский оставили повозку. В город вошли порознь.

Николай Иванович все чаще стал выезжать в город, иногда в сопровождении Николая Приходько, у которого в Ровно проживал брат с женой. «Обживался» среди немецких офицеров. В ноябре 1942 года в городе появились конспиративные квартиры, подобранные Приходько и Струтинским. У Николая Ивановича появилась возможность оставаться в городе, а не возвращаться всякий раз в отряд. Хозяевами первой конспиративной квартиры были старший брат Николая Приходько Иван Тарасович и его жена Софья, они имели документы «фольксдойче»[1].

Хозяйкой второй конспиративной квартиры была Мария Титовна Левицкая. На нее разведчики вышли с помощью военнопленных, бежавших от немцев. Они рассказали, что немцы водили группу военнопленных на работу за город. Там их обычно встречали две женщины, которые приносили еду. Они же подсказали, как можно совершить побег. Так они укрылись у жительницы Ровно Марии Титовны Левицкой. Военнопленных затем отправили в лес к партизанам, где они хорошо себя зарекомендовали. Обсудив вопрос о Левицкой с ко-

миссаром отряда А.А. Лукиным, разведчики получили «добро» на знакомство с ней. Мария Титовна без колебаний дала согласие.

Около Николая Кузнецова образовалась разведывательная группа, в центре которой был он сам, обер-лейтенант Пауль Зиберт, а его друзья партизаны-разведчики играли соответствующие роли: Николай Приходько – его кучера, Николай Гнедюк – переводчика, Владимир Струтинский (отец) и Михаил Шевчук были в услужении у «немецкого офицера». Живучесть этой группы обеспечивалась созданной Медведевым и Лукиным в городе Ровно опорной базой, без которой разведчикам было бы невозможно действовать.

В начале апреля 1943 года Николай Гнедюк был вызван в отряд. Медведев представил ему хрупкую девушку и сказал, что ее надо устроить в группу Кузнецова. Это была Валя Довгер. Ее отец, Константин Ефимович Довгер, работая в лесничестве, с самого начала действий отряда в Сарненских лесах оказывал отряду Медведева большую помощь. Зимой того же года немцы, заподозрив Довгера и его группу в связях с партизанами, арестовали их, подвергли пыткам и жестоко расправились: еще живыми спустили их под лед в реку. Незадолго до гибели Константин Ефимович дал дочери наказ: если что случится, Валентина должна уйти в отряд.

В Ровно Валя поселилась на квартире у Марии Курильчук (Козловской). У Вали были подруги, с которыми она училась в школе. Некоторые из них водили дружбу с гитлеровцами. Через одну такую «подружку» ей удалось познакомиться с сотрудником гестапо Лео Метко, личным переводчиком полицмейстера Украины. Узнав от Вали, что ее отец якобы сотрудничал с немцами и был за это убит партизанами, Лео Метко помог ей оформить бумагу, которая удостоверяла эту версию, и содействовал устройству на работу в магазин.

Валя познакомила Лео Метко со своим «женихом» – Паулем Зибертом, который произвел на него неотразимое впечатление. Лео Метко свел Зиберта с некоторыми сотрудниками гестапо и рейхскомиссариата. Теперь возможности Кузнецова значительно расширились, а в Ровно появилась еще одна явочная квартира. Она была удобна тем, что имела отдельный, независимый от хозяйки вход. Этой квартирой пользовался Кузнецов как «жених» и вся группа разведчиков.

Однажды Николай Иванович переслал командиру сообщение о подготовке немцев к проведению в Ровно 20 апреля 1943 года военного парада, приуроченного ко дню рождения Гитлера. Николай Иванович просил ему разрешить «командовать парадом», то есть провести акцию возмездия, поскольку предполагалось, что на параде будет присутствовать Эрих Кох.

Медведев понимал, что в ситуации, когда вокруг будут гитлеровцы, акт возмездия возможен только ценой самопожертвования. И разведчик был готов пойти на это. К Медведеву с аналогичной просьбой

обратились и другие разведчики, находившиеся в Ровно. Командир отряда всем ответил: «Категорически запрещаю. Этим мы можем сорвать нашу работу. Придет время, и мы рассчитаемся с палачами. Разрешаю быть на параде в толпе. В случае, если кто-либо помимо нас будет действовать, поддержите оружием»[2].

Кузнецову же Медведев разрешил, если на трибуне появится Эрих Кох, действовать. Предполагалось, что Николай Иванович будет стоять с Валей у самой трибуны среди гостей.

Парад состоялся, но Эрих Кох на трибуне не появился.

Забегая вперед, надо сказать, что ни Кузнецову, ни другим членам отряда Медведева провести акцию возмездия в отношении гитлеровского сатрапа не удалось. Кох редко находился в Ровно, потому что одновременно являлся гауляйтером Восточной Пруссии. Кроме того, он знал, что в Сарненских лесах и в городе Ровно действовал не просто партизанский отряд, а отряд специального назначения НКГБ СССР, что, естественно, вынуждало Эриха Коха принимать особые меры предосторожности. Позднее акцию возмездия в отношении Коха удалось провести польским патриотам.

Незадолго до парада Валя рассказала Кузнецову, что встретила в городе знакомого из числа местных жителей. Это был Ян Казимирович Каминский, с которым Николай Иванович решил встретиться. Каминский рассказал о себе и сообщил, что, желая бороться с немцами, он вступил в организацию, созданную местными поляками, – «Союз вооруженной борьбы». Эта организация, как оказалось, была связана с Варшавским центром и Лондоном. По словам Яна, она, однако, занималась болтовней, а к действиям не переходила.

Николаю Ивановичу Каминский понравился, и он решил привлечь его к работе своей группы. Ян согласился сотрудничать и подписал присягу партизана. С этого момента Каминский вошел в группу разведчиков.

Однажды знакомый немецкий офицер познакомил Кузнецова со своим сослуживцем штурмбаннфюрером гестапо фон Ортелем. Кузнецов пригласил фон Ортеля в компанию, которая собиралась у Вали. Постепенно гестаповец, присмотревшись к Паулю Зиберту, начал кое-что рассказывать о себе. Николай Иванович не скупился на угощения гитлеровцев, тем более что денежные средства были немецкими: боевые группы отряда Медведева, проводя операции, доставляли в отряд крупные суммы немецких марок.

Когда их отношения достаточно укрепились, Кузнецов пригласил штурмбаннфюрера в ресторан. Они сидели за столиком и беседовали. Вдруг, заметив человека в штатском, фон Ортель жестом подозвал его и заговорил с ним на прекрасном русском языке. Разговор ничего особенного не содержал, но продолжался около десяти минут. Николай Иванович внимательно слушал и обдумывал, не проверяет ли его гестаповец. Когда человек отошел от их столика, Кузнецов спросил

фон Ортеля, откуда он знает русский. Гитлеровец ответил, что занимается русским языком давно и поинтересовался, понял ли Зиберт что-либо из разговора. Узнав, что Пауль Зиберт разобрал лишь несколько слов, насколько позволял набор из военного разговорника, фон Ортель рассказал Николаю Ивановичу, что до войны два года работал в Москве и «сумел кое-что сделать в пользу Германии».

Эта информация ушла в Центр. Позднее Кузнецов стал получать из разговоров с фон Ортелем более ценные сведения. Фон Ортель отпускал нелестные оценки в адрес германских руководителей. Доставалось и Геббельсу с Розенбергом, и Герингу, и Коху.

Фон Ортель как-то заметил в разговоре с Кузнецовым, что он никого не провоцирует и в то же время не лицемерит, как это делают другие. Перед Кузнецовым раскрылась сущность человека-циника, который не верил никому и стремился делать лишь то, что было ему выгодно.

Фон Ортель проникся симпатиями к Паулю Зиберту, оценил его личные качества и посчитал, что ему можно доверять. Он предложил Николаю Ивановичу «участвовать в одном важном деле». Из намеков гестаповца он понял, что речь идет о каком-то совещании в Тегеране, которое должно там состояться в ноябре 1943 года, и фон Ортель предлагает ему туда отправиться.

Николай Иванович прибыл в отряд и рассказал Медведеву и Лукину о разговоре со штурмбаннфюрером. По предложению Медведева он включился в разработку плана по захвату фон Ортеля, с тем чтобы получить более конкретные данные. Однако, вернувшись в Ровно, Кузнецов узнал, что фон Ортель уехал.

Тем не менее Медведев направил в Центр телеграмму о том, что немцы затевают какую-то акцию в Тегеране. В совокупности с другими разведывательными данными стало ясно, что немцы планируют враждебные акции в связи с проведением в ноябре 1943 года совещания в Тегеране «большой тройки» – Сталина, Рузвельта и Черчилля. Советские органы безопасности приняли соответствующие меры по срыву планов гитлеровских спецслужб, и конференция в Тегеране прошла без эксцессов.

В мае 1943 года Валя Довгер получила повестку о том, что ее направляют на работу в Германию. По просьбе Николая Ивановича она написала заявление гауляйтеру Коху с просьбой оставить ее, как немку, в Ровно. Кузнецов решил сопровождать свою «невесту» в рейхскомиссариат. Имея разрешение Медведева провести акцию возмездия в отношении Коха, Кузнецов счел самым удобным для этого использовать предстоящее посещение рейхскомиссариата.

В приемной в ожидании вызова молча сидели несколько офицеров. Когда очередь дошла до Кузнецова с его спутницей, адъютант обратился к Вале:

– Прошу в кабинет рейхскомиссара, а вас, герр обер-лейтенант, попрошу подождать.

У Вали голова пошла кругом. Не выдаст ли она себя? Позовут ли потом Кузнецова? Будет ли он стрелять в Коха?

Адъютант открыл дверь кабинета, пропустил Валю, а сам остался в приемной.

Валя едва сделала шаг вперед, как к ней подскочила огромная овчарка. Валя вздрогнула от испуга.

– На место! – раздался громкий окрик на немецком языке.

Собака отошла прочь. Тот же голос предложил Вале:

– Прошу садиться.

За столом сидел рослый, плотный человек с усиками «под Гитлера» и с рыжими ресницами. Перед Валей был Эрих Кох.

К столу Коха примыкал перпендикулярно другой длинный стол. Сюда Валю и пригласили сесть. Между нею и Кохом с двух сторон сидели охранники, а у стола поодаль – еще один. У ног Коха лежала овчарка.

«Боже, какая охрана!» – успела подумать Валя.

– Почему вы не хотите поехать в Германию? – спрашивал Кох, глядя не на Валю, а на лежавшее перед ним заявление. – Вы девушка немецкой крови и были бы очень полезны в Германии. Чтобы победить большевиков, надо работать всем.

Кох вскинул глаза на девушку и во время дальнейшего разговора смотрел на нее в упор.

– Моя мама серьезно больна, а сестры малы, – стала объяснять Валя, пересиливая волнение. – После гибели моего любимого отца я должна зарабатывать для всей семьи. Прошу вас разрешить мне остаться в Ровно. Я знаю немецкий язык, русский, украинский, могу и здесь принести пользу Германии.

– А где вы познакомились с господином Зибертом?

– Познакомилась случайно, в поезде. Потом он часто заезжал к нам по дороге с фронта. Мы с ним помолвлены, – добавила Валя смущенно.

Кох несколько минут беседовал с Валей. Он поинтересовался, с кем еще из немецких офицеров она знакома. Когда Валя назвала в числе своих знакомых сотрудников не только рейхскомиссариата, но и гестапо, Кох, видимо, был удовлетворен.

– Хорошо, идите, – сказал Кох и, обратившись к охраннику, резким голосом приказал позвать обер-лейтенанта Зиберта.

Пауль Зиберт довольно долго пробыл в кабинете гауляйтера и вышел оттуда с заявлением своей «невесты», на котором было написано: «Оставить в Ровно. Предоставить работу в рейхскомиссариате».

Когда они возвращались по аллеям парка, Валя спросила Николая Ивановича, почему он не стрелял. Он сказал, что стрелять было невозможно, а гибель лишь при попытке достать пистолет не делает чести разведчику.

Мнения в отряде, верно ли сделал Кузнецов, упустив редкий шанс для того, чтобы совершить террористический акт против немецкого сатрапа, разделились. Но большинство, в том числе и командир отряда, считали поступок Николая Ивановича правильным.

Кох, беседуя со своим «земляком из Восточной Пруссии Паулем Зибертом, воевавшим под Курском», между прочим сказал ему, что немецкое командование намерено взять реванш за поражение под Сталинградом. Для этой цели стягиваются войска на Курском фронте. В Москву вновь пошла шифровка за подписью Тимофея: для командования Красной Армии это были дополнительные сведения о том, что немцы готовят наступление на Курском направлении.

Как уже говорилось, имперский комиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох по большей части отсутствовал в Ровно. Зато его подручные постоянно находились в городе. Одним из них был Пауль Даргель, первый заместитель Эриха Коха по политическим делам. Он также осуществлял взаимодействие с националистами, периодически вылетал в Киев, Днепропетровск, Николаев и другие города Украины, но в основном находился в Ровно.

По согласованию с Москвой Медведев разрешил Кузнецову ликвидировать Даргеля. Валя Довгер, работая в рейхскомиссариате, изучила распорядок работы Даргеля и знала, что ровно в 14.30 он ходит в свой особняк обедать. Обычно его сопровождает адъютант в чине майора с красной папкой под мышкой.

20 сентября 1943 года в переулке рядом с улицей, на которой жил Даргель, остановилась легковая машина, за рулем в мундире немецкого солдата сидел Н. Струтинский, а рядом с ним – Николай Иванович. Ровно в 14.30 из подъезда рейхскомиссариата в сопровождении адъютанта вышел какой-то представительный тип и направился к своему особняку. Под мышкой у адъютанта находился портфель красного цвета. Струтинский тронул автомобиль, и, когда он поравнялся с гитлеровцами, Кузнецов выскочил из машины и в упор выстрелил в Даргеля и адъютанта.

В тот же день разведчики отправились в отряд, где ожидали реакции на совершенное покушение. Несколько дней из города не поступало никаких известий. Видимо, обстановка в городе была напряженной, и связникам было трудно выбраться в отряд. Наконец в лагерь пришли два связника. Они принесли немецкие и украинские газеты, в которых сообщалось, что в Ровно убиты имперский советник финансов доктор Ганс Гель и его адъютант.

Николай Иванович был обескуражен. Он был в полной уверенности, что ликвидировал Даргеля. Правда, он видел его лишь один раз на апрельском параде.

Как выяснилось позднее, Ганс Гель имел сходство с Паулем Даргелем. Кроме того, Даргель разместил Геля в своем особняке. Единст-

венное отличие было в том, что адъютант Даргеля носил под мышкой красную папку, а у адъютанта Геля оказался красный портфель.

Реакция Медведева поначалу была довольно резкой, поскольку в Центр было сообщено об уничтожении Даргеля, но затем он успокоился и заметил, что не так уж все плохо, тем более в газетах говорилось, что «убийца» был в форме немецкого офицера, но неизвестно, кто он.

Николай Иванович решил исправить ошибку. И 30 сентября 1943 года, когда в городе стала затихать суматоха в связи с убийством Геля, Кузнецов на том же месте метнул в Даргеля и его адъютанта гранату. Оба гитлеровца упали. Небольшой осколок угодил в левую руку Николая Ивановича. Раненому Кузнецову и сидевшему за рулем Струтинскому в сложившихся обстоятельствах было трудно замести следы и незаметно скрыться. Дежуривший у дома «пикап», где сидела охрана Даргеля, после некоторого замешательства рванулся в погоню за машиной разведчиков. Выручил случай. Впереди шла однотипная машина того же цвета. Струтинский улучил момент и свернул в боковую улицу, а погоня устремилась за другой машиной, в которой находился ничего не подозревавший майор германской армии.

Разведчики благополучно вернулись в отряд. На следующий день в отряд прибыл связник, доставивший письмо от Вали Довгер, которая из окна служебного кабинета наблюдала всю картину. Граната разорвалась у бровки тротуара, и взрывная волна ударила на противоположную сторону улицы, где был убит какой-то подполковник. Даргель получил ранение, и его самолетом отправили в Берлин.

Недовольство берлинских властей привело к тому, что в Ровно были сняты со своих постов руководители гестапо и фельджандармерии. На их место приехали люди из Берлина.

Вскоре после покушения на Даргеля Кузнецов осуществил акцию возмездия в отношении еще одного представителя гитлеровской верхушки в Ровно. У Коха в качестве заместителя имперского комиссара Украины подвизался генерал Герман Кнут. Он возглавлял контору «Пакетаукцион», которая занималась тем, что отбирала у советских граждан имущество и отправляла его в Германию. Толстяк Кнут и сам не брезговал грабежом. Наиболее ценные вещи отправлялись на его личный склад.

Однажды в конце рабочего дня легковая машина подъехала к конторе «Пакетаукцион» и остановилась недалеко от входа. Ровно в шесть часов вечера 10 ноября 1943 года генерал Кнут вышел из конторы, с трудом втиснулся в машину, и она тотчас же отъехала. Как только автомобиль с Кнутом поравнялся с машиной разведчиков, Ян Каминский метнул в нее гранату, а Кузнецов и Струтинский открыли огонь из автоматов. Убедившись, что Кнут и его шофер убиты, разведчики быстро покинули место покушения.

Характерно, что если похороны Геля в Ровно проходили весьма пышно, о тяжелом ранении Даргеля много шумели газеты, то о Кнуте гитлеровцы решили промолчать. Зато в Ровно и его окрестностях распространилась весть о том, что в городе появилась группа народных мстителей, которые разъезжают по городам и селам и открыто уничтожают фашистов. Так людская молва откликнулась на акты возмездия.

Интересен эпизод с ликвидацией командующего особыми войсками генерала Ильгена. Кузнецов предложил план не просто ликвидации генерала, а его захвата и доставки в отряд. Реализация этого плана кроме Кузнецова была возложена на Струтинского, Каминского и Валю Довгер.

Генерал фон Ильген занимал в Ровно солидный дом, у которого постоянно стоял часовой. Момент для операции по захвату Ильгена был выбран удачно. Четверо немецких солдат, которые постоянно жили в доме генерала и несли его охрану, были командированы в Берлин, куда генерал переслал вместе с ними чемоданы с награбленным добром. Дом охраняли местные полицаи.

В намеченный день Валя направилась к дому Ильгена с пакетом в руках. Денщик предложил Вале подождать генерала, но она сказала, что зайдет позже. Стало ясно, что фон Ильгена нет дома. Вскоре там появились Кузнецов, Струтинский и Каминский. Они быстро ликвидировали охрану, а денщику обер-лейтенант объяснил, что если он хочет жить, то должен им помочь. Денщик согласился.

Николай Иванович и Струтинский отобрали в кабинете фон Ильгена представлявшие интерес документы, сложили и упаковали их вместе с найденным оружием в узел. Минут через сорок к дому подъехал фон Ильген. Когда он снял шинель, из соседней комнаты вышел Кузнецов и сказал, что перед ним советские партизаны.

Генералу было сорок два года, здоровый и сильный, он не хотел подчиняться командам разведчика. С ним пришлось повозиться. Когда генерала удалось «упаковать», выяснилось, что к дому идут офицеры. Николай Иванович вышел им навстречу. Их было четверо. Мысль разведчика работала лихорадочно: что с ними делать? Перебить? Можно. Но поднимется шум. И тут Кузнецов вспомнил о жетоне гестапо, который ему вручили еще в Москве. Он никогда им доселе не пользовался.

Николай Иванович достал жетон и, показав его немецким офицерам, сказал, что тут задержан бандит в немецкой форме и поэтому просит предъявить документы. Тщательно просмотрев их, он попросил троих следовать своей дорогой, а четвертого пригласил войти в дом в качестве понятого. Им оказался личный шофер Эриха Коха.

Так вместе с генералом фон Ильгеном доставили в отряд и офицера Гранау, личного шофера гауляйтера.

После ликвидации Геля и Кнута, вывода из строя Даргеля в Ровно из заместителей имперского комиссара Украины Эриха Коха остался в живых лишь верховный судья оккупированной Украины оберфюрер СС Альфред Функ. До Украины он был главным судьей в оккупированной немцами Чехословакии и жестоко расправлялся с антифашистами. На Украине Функ свирепствовал еще яростнее. Едва похоронив Геля и Кнута, отправив в Берлин Даргеля, Функ приказал расстрелять всех заключенных ровенской тюрьмы. Тогда-то и было принято решение о его ликвидации.

Операцию стали готовить сразу же после похищения фон Ильгена, чтобы не дать гитлеровцам опомниться.

Оберфюрер СС Альфред Функ каждое утро за десять минут до начала работы заходил бриться в парикмахерскую, расположенную недалеко от помещения главного суда. Ян Каминский, готовя эту операцию, сумел привлечь к сотрудничеству с разведчиками парикмахера из числа местных жителей. Парикмахер согласился подать условный сигнал, как только Функ войдет в парикмахерскую.

17 ноября 1943 года, когда в Ровно шел поиск партизан, похитивших фон Ильгена, Николай Иванович зашел в здание главного суда и расположился в кресле в приемной Альфреда Функа. Болтая с секретаршей, Кузнецов поглядывал в окно на прогуливавшегося по улице Яна Каминского. С учетом обстановки в городе долго разыгрывать роль гуляющего бездельника Каминский не мог, и поэтому он с волнением ожидал сигнала от завербованного им парикмахера, с тем чтобы, в свою очередь, подать условный знак Николаю Ивановичу. Выручила немецкая педантичность. В положенное время Функ занял кресло в парикмахерской, на окне которой тотчас же была отодвинута занавеска. Каминский, в свою очередь, подал условный сигнал Кузнецову.

Николай Иванович принял его и попросил секретаршу принести ему воды. Кабинет Функа располагался на втором этаже, и секретарша отправилась за водой этажом ниже. Когда она вернулась, обер-лейтенанта, который мило с ней болтал и захотел пить, в приемной не было. Почти в то же время в приемную вошел гладко выбритый Функ. Едва кивнув секретарше, он прошел в кабинет.

Оберфюрер СС повесил на вешалку плащ, положил фуражку и пошел к своему столу, намереваясь сесть в кресло. В этот момент Кузнецов дважды выстрелил в упор в палача.

Разведчик успел собрать со стола лежавшие там бумаги и покинул кабинет. Он миновал онемевшую от ужаса секретаршу, спустился на первый этаж и вышел на улицу. У самого подъезда стояли две машины с гитлеровскими солдатами. Видимо, они только-только подъехали. Все оторопело смотрели на окна второго этажа. Николай Иванович остановился и тоже посмотрел вверх. Затем Кузнецов спокойно ушел, а, зайдя за угол дома во двор, перемахнул через забор и вышел в переулок, где его поджидал Струтинский с машиной.

Так свершилось правосудие над палачом чехословацкого и украинского народов. Что же касается еще одного палача, генерала полиции Прицмана, то тот погиб от партизанской пули во время одной из карательных экспедиций, которую он лично возглавлял.

Направленность акций Н. Кузнецова и других народных мстителей была ответом на жестокость оккупантов, массовые расстрелы, расправы с мирным населением, угон многих тысяч людей в рабство в Германию, грабеж и опустошение советской земли, оказавшейся под игом нацистов. Отсюда и та поддержка и рост партизанского движения, которые были характерны для всего периода Великой Отечественной войны, одобрение акций по уничтожению наиболее беспощадных представителей оккупационных властей.

* * *

Под натиском наступающих советских войск Эрих Кох 15 декабря 1943 года (Киев уже был взят советскими войсками 6 ноября) отдал приказ об эвакуации из Ровно всех немецких учреждений. Командование спецотряда приняло решение двигаться на запад вместе с гитлеровскими войсками, с тем чтобы собирать и передавать в Центр для Советской Армии информацию о передвижении немецких войск, а также нарушать коммуникации гитлеровцев.

Кузнецов же в январе 1944 года решил, что целесообразно перебраться во Львов, куда направлялись выезжавшие из Ровно немецкие учреждения. В качестве водителя машины с Николаем Ивановичем выехал Иван Белов, бежавший из плена красноармеец, хорошо зарекомендовавший себя в отряде за эти годы. А под видом спекулянта, бежавшего из Ровно, Кузнецова сопровождал Ян Каминский, у которого во Львове была многочисленная родня и немало знакомых.

Для обеспечения деятельности группы Кузнецова в район Львова направился разведывательный отряд во главе с лейтенантом Крутиковым. Николаю Ивановичу предлагалось замыкаться на этот отряд, оснащенный рацией, а в случае необходимости разрешалось покинуть Львов, самостоятельно перейти линию фронта и выйти к наступающим войскам.

Разведчики, которым было поручено проводить Кузнецова, доложили, что по шоссейной дороге машина удачно вклинилась в немецкую колонну и в общем потоке двинулась на Львов. С этой минуты положение Кузнецова и его соратников осложнилось, так как связь с ним и с отрядом Крутикова была утрачена. Как выяснилось потом, Крутикову со своими бойцами пришлось сражаться с националистами.

Вряд ли здесь уместно анализировать разновидности националистических проявлений безотносительно к опыту Отечественной войны, особенно ее заключительной фазы, когда участились прямые

военные и диверсионные действия против Советской Армии формирований с националистическими вывесками на Украине и в Прибатике.

Одним из главных руководителей Организации украинских националистов (ОУН) и ее организатором был Степан Бандера. Он считался не только идеологом этой организации, но и создателем ее воинских формирований. Благодаря усилиям лидеров ОУН накануне войны вермахт пополнился двумя печально известными подразделениями – «Роланд» и «Нахтигаль», которые вошли в состав армии вторжения. Позднее с помощью националистов была создана дивизия СС «Галичина». На счету этих формирований тысячи и тысячи жизней советских людей.

Как только началась война, С. Бандера приказал своим людям «сделать все возможное и невозможное для того, чтобы принять участие в борьбе вместе с немецкими войсками». Собственно, сторонники Бандеры и по сей день не скрывают фактов сотрудничества с вермахтом.

В одной из стычек с бандеровцами погиб радист, рация Крутикова оказалась разбитой. Крутиков был ранен в ногу, но продолжал вместе с отрядом двигаться ко Львову. Он направил в город разведчиков – Пастухова и Кабилицкого, а через несколько дней еще двоих. Первые через две недели возвратились в отряд и доложили об обстановке. А в городе начались облавы и массовые репрессии в связи с тем, что был убит вице-губернатор Галиции Отто Бауэр. Как оказалось, Николай Иванович с боевыми друзьями сумел обосноваться во Львове, и ему удалось провести еще одну акцию возмездия.

Кузнецову стало известно, что в городском театре проводилось совещание немецкой администрации Галиции. Он подъехал на машине к театру. В этот момент его и заметили разведчики Крутикова, первыми отправленные в город, и порадовались за него – значит, дела шли по намеченному плану. Николай Иванович сумел войти в театр, но ему не удалось приблизиться к президиуму, чтобы ликвидировать губернатора. Он проследил за разъездом гитлеровских руководителей от театра и поехал за одной из машин. Оказалось, что в ней был вице-губернатор Отто Бауэр. Так был установлен его особняк.

На следующий день машина Кузнецова была рядом с особняком. Когда к подъезду приблизился комфортабельный автомобиль, Николай Иванович подошел к дому, из которого вышли два представительных гитлеровца. Он в упор выстрелил несколько раз в одного и другого. Белов и Каминский из автоматов обстреляли часового, стоявшего у особняка, и автомобиль, приехавший за Бауэром. Сев в машину, Николай Иванович дал команду Белову выбираться из города. В восемнадцати километрах от Львова машина была остановлена пикетом фельджандармерии. Майор, взявший у Кузнецова документы, долго рассматривал их, а затем попросил предъявить дополнительно какие-либо документы. Кузнецов понял, что майор, ви-

димо, получил предупреждение и, возможно, идет розыск именно его. Решение пришло мгновенно. Николай Иванович схватил автомат и очередью сразил майора и четверых жандармов.

Белов завел мотор, но Кузнецов сказал, что надо уходить в лес. Плутая по лесу, они наткнулись на партизан, которыми командовал один из разведчиков отряда Крутикова. Он хотел оставить Кузнецова у себя, но Николай Иванович заявил, что хочет выйти к отряду Медведева.

Он не знал, что отряд Медведева провел 5 февраля 1944 года свой последний бой с гитлеровцами и по приказу Центра перешел через линию фронта. Не знал Кузнецов и того, что в немецкой газете на украинском языке «Газета Львивська» появился некролог, подписанный губернатором Галиции Вехтером, в котором говорилось: «9 февраля 1944 года вице-губернатор доктор Отто Бауэр, шеф правительства дистрикта Галиции, пал жертвой большевистского нападения. Вместе с ним умер его ближайший сотрудник, испытанный и заслуженный начальник канцелярии президиума губернаторства дистрикта Галиции ландгерихтсрат доктор Гейнрих Шнайдер. Они погибли за фюрера и империю»[3].

Отдохнув у партизан и взяв с собой запас продуктов, Кузнецов, Белов и Каминский вновь двинулись в путь. Они рассчитывали перейти линию фронта.

Судьба распорядилась иначе. В ночь на 8 марта 1944 года группа Кузнецова натолкнулась на бандеровцев, переодетых в форму бойцов Советской Армии. Это произошло в селе Борятин Бродовского района Львовской области. Выдержав с ними бой, отважная тройка двинулась дальше. 9 марта 1944 года разведчики остановились в хате Голубовича. Бандиты окружили хату и открыли огонь. Николай Кузнецов, Иван Белов и Ян Каминский вели неравный бой. Когда закончились патроны и бандиты ворвались в хату, Кузнецов взорвал себя и своих товарищей гранатой.

* * *

Сразу после войны, прямо из госпиталя Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев выехал во Львов, чтобы узнать, что случилось с Кузнецовым и его товарищами. Он рассчитывал, что сведения о судьбе отважного разведчика и его друзей могут содержаться в документах гитлеровцев, бежавших из Львова. И действительно, в ворохе бумаг, брошенных в здании гестапо, были обнаружены документы, свидетельствовавшие о том, что Кузнецов и его товарищи погибли от рук украинских националистов. Это, в частности, телеграмма в адрес группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Мюллера от начальника полиции безопасности по Галицийскому округу доктора Витиска и другие немецкие документы, которые хранятся в архивах ФСБ и СВР Российской Федерации.

Что касается судьбы Валентины Константиновны Довгер, то, расставшись с Кузнецовым, который на машине выехал во Львов, она собиралась эвакуироваться в тот же город вместе с рейхскомиссариатом города Ровно. Валя и Николай, симпатизировавшие друг другу, договорились встретиться во Львове на квартире одной партизанки. Не успел Кузнецов доехать до Львова, как Валя Довгер была арестована гестапо.

Немцы требовали от нее выдать местонахождение Пауля Зиберта, адреса явочных квартир, имена товарищей. Гестапо подвергло ее пыткам, заперло в подвал, в котором в крови плавали трупы убитых немцами советских людей. Страшно умирать в девятнадцать лет. Но Валя выдержала все и ничего не сказала. Надеясь получить от нее какие-либо сведения, гестапо переправило ее во Львов, а оттуда – в Германию.

День Победы застал ее в одном из концентрационных лагерей в Германии, откуда она возвратилась на Родину. В 1946 году Валя была в Москве у Дмитрия Николаевича Медведева и сама ему об этом рассказала. По представлению Медведева ее наградили орденом Ленина. Последующие годы она жила в Воронеже, где и умерла в 1984 году.

Николай Владимирович Струтинский умер в 2003 году. Каждый год 9 мая он приезжал в Москву на встречу с ветеранами ОМСБОНа – Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, в недрах которой зародился и отряд особого назначения под командованием полковника Д.Н. Медведева, получивший впоследствии название «Победители». Н.В. Струтинский организовал перевоз памятника Николаю Ивановичу Кузнецову из Львова, где активизировались украинские националисты, на его родину в город Талицк.

5 ноября 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза сотрудникам спецподразделений НКГБ СССР, действовавшим в тылу врага. В списке награжденных вместе с фамилией Дмитрия Николаевича Медведева стояла и фамилия Николая Ивановича Кузнецова – посмертно.

---

[1] Фольксдойче – этнические немцы, т.е. немцы, не проживающие на территории Германии. Этот термин был особенно распространен в период нацизма и звучал как «райхсдойч».

[2] **Медведев Д.** Это было под Ровно. – М.: «Правда», 1987. – С. 120.

[3] Архив СВР.

6

Герой Советского Союза С.А. Ваупшасов

Молодые люди в Академии внешней разведки Российской Федерации стоят перед стендом «Чекисты – Герои Советского Союза». На стенде чекисты изображены художником в цветной графической манере. Все они в гимнастерках с отложным воротничком с петлицами, но с различными воинскими званиями. У всех на груди – Золотая Звезда Героя.

Их задача состояла в организации в тылу немецко-фашистских войск разведывательно-диверсионной работы. Комиссар и начальник штаба нужны были для того, чтобы в дальнейшем маленькие отряды на занятой врагом территории превращались постепенно в большие партизанские бригады и даже соединения.

Многие из них широко известны в нашей стране и за рубежом: Д.Н. Медведев, Н.И. Кузнецов, К.П. Орловский, М.С. Прудников, С.А. Ваупшасов... Всего – 24 человека.

* * *

Воложинов, Малиновский, товарищ Альфред, подполковник Градов... Все эти и другие фамилии и псевдонимы принадлежат одному человеку – Станиславу Алексеевичу Ваупшасову. Всю жизнь он был добровольцем. Добровольцем являлся в нужные, самые горячие места без вызовов и повесток. И в годы Гражданской войны, и на подпольной работе в Западной Белоруссии, когда она была оккупирована буржуазно-помещичьей Польшей, и в далекой знойной Испании, и в сугробах Карельского перешейка, и на Великой Отечественной.

В 1914 году московский околоточный оформил паспорт на имя паренька из Литвы Станислава Ваупшасова. На недоуменный вопрос парня: как же так, он же Стас Ваупшас, и родители Ваупшасы, околоточный пригрозил и приказал убираться, пока он не передумал.

Так и появился на московской земле сын литовского батрака и сам батрак Станислав Ваупшасов. Пройдя с малолетства свои первые университеты в помещичьей усадьбе в родном местечке Груздзяй Шауляйского уезда Ковельской губернии, вдоволь намаявшись в поле и коровниках, Стас решил попытать счастья в Москве, где стал землекопом, затем арматурщиком на заводе «Проводник», потом перекочевал на Выксунские заводы Литвы, но вскоре вернулся в Москву.

Возвращение в Москву было вынужденным. Станислав не стерпел издевательств заводской администрации. Однажды Станислав и его товарищ Максим Борташук схватили двух заводских чиновников, втиснули в тачку и вывезли на мусорную свалку.

Вот так и начал свой путь в революцию, в бои и походы Станислав Ваупшасов. Ему выпала доля красногвардейца, бойца Красной Армии, партизана времен Гражданской войны, подпольщика, чекиста, снова подпольщика и партизанского командира.

С 1920 по 1925 год С.А. Ваупшасов находился на подпольной работе в Западных областях Белоруссии и Украины, оккупированных поляками.

После этого он в течение двух лет находился на учебе командирского состава в Москве. В 1930 году Ваупшасов из кадров Красной Армии был переведен в органы государственной безопасности. А затем – жизнь в боевых условиях в Испании, где он, будучи советником в республиканской армии, руководил разведывательно-диверсионными операциями.

* * *

Испания. 1937 год. Бои под Эбро...

«Мы все здесь танцуем танго смерти».

Эту эффектную фразу произнес черноволосый испанец с маленькими усиками, сидя на столе в одной из штабных землянок республиканской армии. После боя он обычно брал гитару и наигрывал танцевальные мелодии, чаще всего танго. Отсюда, видимо, и родилась у него эта фраза.

– А как думаете вы, товарищ Альфред? – обратился он к невысокому коренастому человеку, аккуратно одетому в защитного цвета френч и брюки навыпуск.

Альфред притронулся ладонью к деке гитары – пусть помолчит минутку – и глуховатым простуженным голосом ответил:

– Тут не до вальсов и танго. А что касается смерти, то пусть о ней думают фашисты.

Заметив улыбку на губах черноволосого, Альфред добавил:

– Надо думать не о смерти, а о жизни. И бороться!

– Даже если нас того?

– Безусловно!

Черноволосый рванул струны гитары и воскликнул:

– Вот все вы такие, русские.

– Советские, – мягко поправил Альфред.

14-й партизанский корпус дрался против чернорубашечников Муссолини на Каталонском и других фронтах. Корпус потому и назывался партизанским, что задания он выполнял необычные: проникал в тылы фашистов.

Партизанский опыт старшего советника Ваупшасова (он же товарищ Альфред) пригодился здесь в полной мере. Он учил командиров отрядов находить проходы между частями противника, внезапно нападать на них, деморализовать и... исчезать.

Командир корпуса Унгрия, невысокий, стройный испанец, коммунист, в прошлом шахтер, пожимая руку советнику, горячо благодарил его, стараясь повторять известное ему русское слово:

– Спасибо.

Но Ваупшасов был еще и опытным разведчиком. Когда стало известно, что в Мадриде активно действует немецкий резидент Отто Кирхнер, выдающий себя за шведского коммерсанта Кобарда, именно ему, товарищу Альфреду, поручили «переиграть» гитлеровского резидента.

Кобард-Кирхнер жил в мадридской гостинице «Севилья» вместе с помощницей, игравшей роль жены. Держался скромно и замкнуто. Установить с ним контакт, да еще добыть ценные сведения было почти невозможно.

Изучив обстановку, Альфред разработал план операции. В помощники взял республиканца Санчеса Ортиса, превратившегося в ходе хитроумной комбинации в поляка Казимира Кобецкого.

Итак, однажды портье из отеля «Севилья» сообщил Кобарду, что некий Казимир Кобецкий, коммивояжер и торговец старинными драгоценностями, ищет покупателя коллекции картин фламандской школы.

– Казимир Кобецкий? Должно быть, поляк? – сощурился Кобард.

– Видимо, так, – подтвердил портье и поспешил добавить, что поляк нуждается, а на картинах можно неплохо заработать.

Господин Кобард несколько минут обдумывал предложение и наконец к удовлетворению портье кивнул:

– Хорошо, пусть придет завтра и, конечно, принесет товар. Только не дрянь.

На следующее утро Ортис-Кобецкий явился в отель к Кобарду-Кирхнеру. Надо ли говорить, как переживал Альфред-Ваупшасов – автор этой агентурно-оперативной комбинации, хотя и был уверен в том, что немецкий резидент Отто Кирхнер непременно воспользуется возможностью поляка, имеющего «родственные» связи в Аргентине.

Все обошлось благополучно. Первые же фразы, которыми Кобард обменялся с Кобецким, подтвердили, что, разыгрывая ценителя живописи, Кобард ищет необходимого ему «нейтрального» курьера. После того как Кобард осмотрел принесенную картину и осведомился, сколько еще картин есть у пана Кобецкого, мнимый поляк пояснил, что всю свою коллекцию он собирается увезти в Буэнос-Айрес, а несколько картин готов продать, так как появились затруднения с деньгами. Паспорт и виза на выезд уже готовы, вот они, пожалуйста, если желаете взглянуть.

По тому, как тщательно Кобард изучал паспорт и визу, видно было, что они интересуют его куда больше, чем полотна фламандской школы. Он заметно оживился, пригласил Кобецкого к себе в номер (они встречались в холле). Немец сказал, что его жена аргентинка, хотя разведчики знали, что она чистокровная немка.

За чашкой кофе Кобард заявил, что охотно купит принесенную картину, но просит передать ее своему родственнику в Буэнос-Айресе. К утру он упакует картину, подготовит письмо родственнику и известит его, чтобы тот встречал Кобецкого на аэродроме.

Ранним утром следующего дня посыльный доставил упакованную картину на квартиру пана Кобецкого... а тот – в особый отдел. Когда товарищ Альфред и его сотрудники распаковали картину и внимательно исследовали ее, то все получилось так, как они и предполагали. Шифрованные донесения и микропленка оказались в подрамнике. Этого было достаточно, чтобы обезвредить немецкого резидента Отто Кирхнера, его напарницу Эльзу Тумм и большую группу шпионов, состоявшую из немцев и испанцев-франкистов.

* * *

Перед Великой Отечественной С.А. Ваупшасов успел побывать на советско-финской войне. Лето 1941 года застало его в Москве.

– Пора бы тебе и отдохнуть, Станислав Алексеевич, – осторожно намекнул его начальник, – возраст все-таки (Ваупшасов родился в 1899 г.).

– Возраст не помеха, – твердо возразил Ваупшасов, – есть еще порох в пороховницах!

– А дом, семья?

– Ей не привыкать. Халат и домашние тапочки не по мне.

– Я так и думал, – обрадовался начальник, – ну тогда решай, куда податься: на Украину или в Белоруссию?

Белоруссию Ваупшасов знал хорошо. К ее болотам и лесам привык, нанюхался там пороху. Хотя сохранялась опасность быть узнанным. И все же...

– В Белоруссию.

– Быть по сему, – решил начальник. – Станешь Градовым. Поведешь отряд особого назначения. Доберешься до Минска и начнешь... Задача – непрерывная разведка и помощь в развертывании партизанского движения. Надеемся на тебя.

В кабинет вошли два начальника, слышавшие окончание разговора. Один из них повернулся к Ваупшасову и произнес:

– Доведете до Минска отряд – будем считать героем.

Ваупшасов сказал, что рассчитывает на успех.

Только в конце апреля 1942 года отряд добрался до пригорода Минска, где хозяйничали оккупанты. Ваупшасов сохранил отряд. Почти под самым носом у немцев, в урочище Княжий Ключ, в бывшем имении князя Радзивилла, примерно в 50 км от столицы Белоруссии, Ваупшасов и обосновался со своим отрядом. Это было удобно во всех отношениях: во-первых, недалеко от города, где предстояло развернуть подпольную сеть, а во-вторых, из всех ближайших лесных массивов Княжий Ключ был наиболее густым и удобным для скрытого маневра.

Бойцы оборудовали землянки с окнами и запасными выходами, подготовили окопы – подлинные и ложные, заминировали подходы.

Прошло не так уж много времени, и отряд стал связующим звеном между различными отрядами, действовавшими до сего времени разрозненно. Из отряда Ваупшасова в населенные пункты и на партизанские базы потянулись связные, разведчики, инструкторы-подрывники. Действия групп и отрядов приобрели целеустремленный характер. Люди почувствовали единую руку, и это сказалось на их боеспособности.

Изучив тактику партизанской войны и психологию людей, оторвавшихся от привычного армейского или гражданского коллектива, Ваупшасов не стал уповать на силу одних лишь приказов. Конечно, как и в армии, здесь приказ – закон. Но кроме приказа нужно нечто большее: добиться, чтобы партизаны сами владели инициативой.

Так родилась идея созыва конференции представителей партизанских отрядов. На первой такой конференции был создан Военный совет партизанского движения северо-восточной части Минской области. В него вошли: председатель – командир отряда особого назначения «Местные» Градов, он же подполковник Станислав Алексеевич Ваупшасов; заместитель председателя – командир отряда «Мститель» майор Василий Трофимович Воронянский и члены совета: комиссар «Мстителя» Иван Матвеевич Тимчук, ставший впоследствии, так же как и Ваупшасов, Героем Советского Союза; командир отряда «Борьба» лейтенант Сергей Никанорович Долганов, а также комиссар этого отряда, бывший секретарь Смоленского райкома партии Иван Иосифович Ясинович. Делегаты конференции утвердили текст партизанской присяги и торжественно приняли ее.

Участившиеся взрывы, поджоги, налеты на карательные отряды свидетельствовали о том, что лесная конференция дала свои плоды.

Один только партизанский отряд «Местные» с 1942 по 1944 год пустил под откос 187 эшелонов и совершил 52 крупные диверсии на важных объектах.

Примерно через месяц, 13 июля 1942 года, проводилась вторая конференция. На сей раз присутствовали представители 28 отрядов из северной части Минской области. Прикинули общие силы партизан: получилась цифра в три с половиной тысячи человек.

– Для кадровой армии, – сказал Ваупшасов, – эта цифра, может быть, и невелика, что-то вроде стрелкового полка или чуть больше. Но для нас, партизан, это хороший ударный костяк.

На этой же конференции Ваупшасов сообщил о создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Командования.

19 июля, когда партизаны заканчивали конференцию, в лагерь прискакал на лошади начальник отряда разведки и доложил, что в поселке Валентиново скопилось много машин с карателями. Они двигались по направлению к партизанскому «аэродрому» – посадочной площадке, где приземлялись самолеты с Большой земли.

– Подсчитали? – быстро спросил Ваупшасов.

– Около тысячи, – ответил разведчик.

Стало ясно, что предстоит тяжелый бой, так как скрытно уйти из лагеря не удастся. Прибыл еще один отряд. Всего набралось около 300 человек.

– Маловато, конечно, – подумал Ваупшасов, – но знают ли немцы наше точное расположение и наличные силы? Если знают, тогда нам придется плохо.

Эсэсовцы двигались двумя колоннами. Удобнее всего было встретить их на подступах к посадочной площадке. Партизаны разбились на боевые расчеты и заняли круговую оборону.

– Все были готовы к ожесточенному бою, – вспоминал Ваупшасов, – а я, честно говоря, в эти мгновения ощущал всем своим существом, как прекрасна жизнь, как весело щебечут птицы, перелетавшие с дерева на дерево, да еще чувствовал, как учащенно бьется сердце.

Приближаясь к летной площадке, каратели внезапно залегли и дальше передвигались по-пластунски.

И вот тишина после возгласа Ваупшасова «Огонь!» взорвалась. Дымчато-серая полоса пороховой гари разделяла партизан и фашистов. А когда легкий ветерок рассеял эту полосу, партизаны увидели, как уползали в кусты уцелевшие гитлеровцы.

Фашисты, оправившись от первого удара, снова пошли в атаку, стреляя на бегу, прижав приклад автомата к животу, веером пуль расчищая путь. Заработали партизанские автоматы, пулеметы, ахнули два

партизанских миномета. Этот бой стоил противнику около 200 раненых и убитых. Отряд с минимальными потерями вышел из кольца.

Разведывательные данные, поступавшие из отряда Ваупшасова в Центр, всегда представляли большую ценность для Ставки Верховного Командования.

Разведывательные данные... За каждым фактом, каждой цифрой скрывался рискованный труд разведчиков, подпольщиков и связных. Ваупшасов ежедневно трижды выходил в эфир и докладывал Москве о дислокации гитлеровских войск и резервов, размещении складов с боеприпасами, политическом и экономическом положении фашистской администрации, передвижении воинских эшелонов на фронт и с фронта.

Командование Красной Армии высоко ценило разведывательную работу чекистов-партизан. Во время подготовки Белорусской операции К. Рокоссовский, командовавший 1-м Белорусским фронтом, перебросил в отряд Градова двух штабных офицеров с рациями для непосредственной передачи разведывательных сведений в штаб фронта.

Летом воевать было легче. И все-таки партизаны били врага и зимой. Несколько смелых налетов на вражеские гарнизоны в январе 1943 года породили среди фашистского командования панические слухи о том, что в лесах под Минском высадился крупный советский десант численностью в 15 тысяч человек с артиллерией и танками. В результате немцы несколько дней подряд бомбили лесные массивы, а затем, сгруппировав значительные силы пехоты, артиллерии и танков, попытались блокировать партизан. Задача партизан заключалась в том, чтобы, не принимая открытого боя, своевременно выбраться из блокированного района. Было решено отходить в Воронические болота, затем на песчаные острова близ деревни Вороничи. Проваливаясь по пояс в болоте, партизаны с минимальными потерями вышли из окружения.

Спецслужбы противника знали, что под Минском действует чекист подполковник Градов, и усердно охотились за ним. Начальник следственного отдела СД Кроль, позднее попавший в плен, рассказывал, сколько трудов стоили немецким карательным органам поиски следов Градова. Но Ваупшасов маневрировал, часто менял базы и «просачивался» сквозь гитлеровские ловушки и заслоны.

Когда Кроль, будучи в плену, наконец увидел Градова – невысокого, чуть сутуловатого партизанского командира, – фашистский офицер вскочил со стула и вытянул руки по швам.

Отряд Ваупшасова, находившийся в тылу врага 28 месяцев, олицетворял дружбу и братство народов. Партизаны говорили: «Мы – полный интернационал!». И действительно, в отряде плечом к плечу сражались русские, белорусы, украинцы, чехи, армяне, поляки, литовцы, евреи. Были даже один австриец и один немец. Все они соста-

вили боевой коллектив, который вписал немало славных страниц в историю партизанской борьбы против фашистских захватчиков.

15 июля 1944 года партизаны С.А. Ваупшасова соединились с частями регулярной Красной Армии, а 5 ноября того же года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отгремела Вторая мировая война, Нюрнбергский трибунал готовил возмездие главным фашистским преступникам, но неугомонный Станислав Алексеевич спешит на Восток – добивать бандитские шайки, укрывшиеся в Маньчжурии.

* * *

В 1954 году С.А. Ваупшасов в звании полковника уволился в запас и занялся литературным трудом. В воспоминаниях он снова прошел свой боевой, неординарный жизненный путь. Его перу принадлежат книги: «На разгневанной земле», «Партизанская хроника», «На тревожных перекрестках».

Находясь на пенсии, в дни Суэцкого кризиса, а точнее объединенного англо-франко-израильского нападения на Египет в 1956 году, когда мир был поставлен под угрозу, уже совсем седой, но еще крепкий Станислав Ваупшасов подает рапорт, в котором пишет:

«Советские люди никогда не были и не будут пассивными зрителями международного разбоя.

Считаю своим долгом коммуниста принять непосредственное участие в этой борьбе».

Умер Станислав Алексеевич Ваупшасов в Москве 19 ноября 1976 года.

На его похоронах было много народу и среди них те, кто в молодые годы шел по лесам и болотам за своим командиром, презирая смерть. Среди них были и те, кто живет в столице Белоруссии на улице имени Станислава Ваупшасова. А перед гробом несли алые подушечки с Золотой Звездой Героя, с четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней и множеством медалей.

Солдаты – дети или внуки тех, кто в годы Великой Отечественной войны ковал победу над врагом на фронте, в тылу или в партизанском отряде, – подняли карабины, и прозвучал троекратный воинский салют.

7
Бомба для гауляйтера

К полицейскому посту подошли две женщины с корзинками брусники. Поживиться тут было особенно нечем, разве что стаканом-другим сочной ягоды. Так, для порядка, полицейский глянул на корзинки, покуражился немного и лениво бросил:

– Ладно, шагайте.

Знал бы полицай, что ускользнула у него из рук большая награда и не бруснику несли женщины в своих корзинках, а смерть самому гауляйтеру Белоруссии Вильгельму фон Кубе.

* * *

28 июня 1941 года, на седьмой день Великой Отечественной войны, передовые части немецких танковых армий ворвались в Минск. 1100 дней свирепствовал в столице советской Белоруссии фашистский режим. Его сущность была точно определена Герингом: «В интересах долговременной экономической политики все вновь оккупированные территории на Востоке будут эксплуатироваться как колонии и при помощи колониальных методов».

Немецко-фашистский военный гарнизон в Минске насчитывал до 5 тысяч солдат и офицеров. В городе размещалось более 100 различных военных организаций и частей: штаб корпуса по охране тыла группы армий «Центр», отдел военной разведки (абвер), управление полиции безопасности и СД, военная комендатура, штаб по борьбе с партизанским движением, многочисленные части СС, охранная полиция, жандармерия. Кроме того, в городе находились воинские части, прибывшие с фронта или отправляющиеся на фронт, численность которых иногда доходила до 50 тысяч человек. Здесь же размещались «генеральный комиссариат» Белоруссии во главе с гауляйтером Вильгельмом фон Кубе.

Вся эта огромная машина насилия и грабежа была направлена на порабощение и уничтожение советских людей, разграбление Белоруссии. Об этом свидетельствуют сами оккупанты. В начале июля 1941 года в предместье Минска был создан концентрационный лагерь, куда фашисты согнали более 140 тысяч военнопленных и причисленных к ним мужчин из местного населения. Докладывая о положении в этом лагере смерти министру Розенбергу, советник Дорш 10 июля 1941 года писал: «Пленные, согнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят... По отношению к пленным единственно возможный язык охраны, сутками несущей бессменную службу, – это огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет...»

Такие же кровавые дела творились в созданном оккупантами еврейском гетто, где содержалось до 80 тысяч человек. Всего в Минске и его окрестностях захватчики уничтожили около 400 тысяч советских граждан. И каждый раз истребление советских людей сопровождалось чудовищным изуверством. Фашисты жгли на кострах живых людей, истязали обреченных перед казнью. Тысячи жителей города были угнаны на каторжные работы в Германию. «Люди плачут, а мы смеемся над слезами», – писал домой обер-ефрейтор Иоган Гердер.

Фашистский режим для большинства населения олицетворялся генеральным комиссаром Белоруссии гауляйтером Вильгельмом фон Кубе. Он был членом германского рейхстага, видным деятелем национал-социалистской партии, но самое главное – непосредственным организатором того, что творилось в Белоруссии. Он был не простым исполнителем чьей-то «злой воли», а тираном-фанатиком, палачом и садистом. Десятки тысяч людей, в том числе женщины, дети, старики, были уничтожены по его личному указанию. Однажды в кругу офицеров Кубе сказал:

– Надо, чтобы только одно упоминание моего имени приводило в трепет каждого русского и белоруса, чтобы у них мозг леденел, когда они услышат «Вильгельм Кубе».

Поэтому не случайны были многочисленные требования крестьянских сходок в освобожденных партизанами деревнях, решения судов партизанских отрядов и групп сопротивления в городах о необходимости покарать Кубе. В 1942 году как в Москве, так и в Белоруссии было принято решение о его ликвидации.

К этому времени на всей оккупированной территории развернулась массовая борьба патриотов с вражескими силами. Сотни партизанских отрядов и подпольных организаций действовали в Белоруссии. Часть из них возникла стихийно: рабочие, служащие, крестьяне, студенты, школьники, «окруженцы» и бежавшие из лагерей военнопленные сами объединялись в группы сопротивления. Ряд отрядов

был создан партийными и комсомольскими организациями. И наконец, широко практиковалась заброска в тыл врага групп, в состав которых входили специалисты по разведке, диверсиям, минно-подрывному делу, радиосвязи.

В числе направляемых в тыл находились и ОРДГ – оперативные разведывательно-диверсионные группы. Одной из задач, поставленных перед ними, была ликвидация гауляйтера Кубе.

Эта операция считалась важной не только потому, что являлась актом возмездия. Требовалось показать фашистам, кто истинный хозяин на белорусской земле.

В марте 1942 года в район Минска была переброшена группа «Местные» во главе с разведчиком подполковником Ваупшасовым. Группа не случайно носила такое название. В период пребывания Западной Белоруссии в составе довоенной Польши польские власти именовали белорусов «местные». Это название, видимо, и взял для своей группы, в составе которой было много белорусов, Ваупшасов, принимавший в свое время активное участие в движении белорусского Сопротивления в Польше.

Первоначальные сведения, полученные разведкой, были неутешительными: Кубе имеет надежную охрану, он чрезвычайно бдителен и осторожен, постоянно меняет маршруты и время движения автомашины, может не явиться или сильно опоздать на назначенное им же мероприятие, избегает показываться в общественных местах.

В то же время выяснилось, что Кубе склонен к роскоши и содержит поистине «королевский двор», его обслуживает чуть ли не сотня местных жителей – горничных, поваров, кухарок, шоферов, садовников и других. В его распоряжении находилось также подразделение так называемого «корпуса самообороны», набранного из числа местных добровольцев.

Вот среди его окружения и требовалось искать и найти тех, кто готов участвовать в акте возмездия.

Разведчики начали изучение обстановки и отбор предполагаемых участников акции. Удалось выяснить расположение Генерального комиссариата, установить место жительства Кубе, лиц, имевших доступ в здание Генерального секретариата и в квартиру Кубе, и завязать первоначальные контакты со многими из них. Попутно выяснилась интересная деталь – при всей своей бдительности гестаповцы не придали должного значения тому, что некоторые лица из обслуживающего персонала имели близких родственников из среды сотрудников партийных и правоохранительных органов. Иные и сами работали в них на технических должностях, а кроме того, оказались и такие, у которых появились личные счеты к захватчикам: их родные пали жертвами фашистских расправ.

Активная работа разведчиков в окружении Кубе привела к тому, что вскоре они приобрели более пятидесяти (!) агентов в этой среде.

Среди них были горничная Кубе и две его домашних работницы, библиотекарша его личной библиотеки и повар, машинистка адъютанта Кубе и экономка его заместителя Кайзера, шофер областного комиссариата и командир подразделения «корпуса самообороны», управляющий домами, расположенными в непосредственной близости от Генерального комиссариата, и работница городской управы Минска, имевшая обширные связи в Генеральном и областном комиссариатах Белоруссии, работница столовой СД и другие.

Теперь, когда зверь был обложен, казалось, можно было начать охоту. Активные мероприятия по ликвидации Кубе начались в феврале 1943 года. И тогда же началась огорчительная серия неудач разведчиков и удивительного везения Кубе – «везунчика Кубе», как его за спиной называли коллеги.

17 февраля оперативная группа подполковника Кирилла Орловского получила данные о том, что Кубе вместе с компанией высокопоставленных офицеров комиссариата собирается на охоту в Ляховичский лес. На дороге к лесу была организована засада. Напряженно ждали разведчики приближения охотничьего кортежа. Наконец сигнал наблюдателя: «Едут!»

Шквал огня обрушился с обеих сторон дороги на немецкие автомашины. Из них выскакивали фигуры в офицерских мундирах и охотничьих костюмах и тут же падали, сраженные автоматными очередями.

Группа без потерь вернулась на базу, где ее встретили с радостью и уже готовились дать телеграмму об успешном выполнении задания, когда вдруг пришла весть: Кубе в числе прибывших на охоту не оказалось! Не доехав трех километров до Ляховичского леса, он неожиданно приказал шоферу развернуть машину и вернулся в Минск. И хотя в результате проведенной операции были убиты высокие чины – комиссар города Барановичи Фридрих Фенч, областной комиссар Фридрих Штюр, обергруппенфюрер Фердинанд Засориас, уничтожена охрана и несколько офицеров-гестаповцев, это служило слабым утешением.

Месяц спустя агент группы «Местные» – командир подразделения «корпуса самообороны» Куликовский – вызвался самостоятельно расправиться с Кубе. На вопросы начальника разведки, понимает ли Куликовский на что идет, он ответил: «Я знаю: вернуться живым мне не удастся. Но у меня свои счеты с немцами».

20 марта он, пользуясь своим служебным пропуском, проник в здание Генерального комиссариата и занял место, откуда мог застрелить проходившего по коридору Кубе. Но что-то в поведении Куликовского показалось охранникам подозрительным, и они окружили его. В завязавшейся схватке Куликовский убил двух офицеров-гестаповцев и застрелился.

Некоторое время спустя поступили данные, что Кубе намеревается посетить завод, где ремонтировались разбитые на фронте танки.

Разведчиками все было подготовлено для взрыва главного цеха, куда был приглашен «высокий гость», и они ждали этого момента в большом напряжении, так как взрывные устройства были закамуфлированы недостаточно надежно, и их могли обнаружить в любой момент. Тоскливо тянулись минуты ожидания. Прошел час. Полтора. Кубе не появлялся. Наконец какой-то шумок донесся из толпы начальства, и она начала расходиться. Раздалась команда подготовить цех к обычной работе. Это означало, что Кубе не приедет. Но это же значило и то, что при начале работ будут обнаружены взрывные устройства. И тогда пришлось привести их в действие. Так сорвалась еще одна попытка покушения. Правда, завод надолго вышел из строя.

Кубе вместе со своим заместителем Кайзером собрался в инспекционную поездку в Барановичи. Как обычно, ехать он должен был на машине в сопровождении усиленной охраны.

В машину Кубе удалось заложить мину замедленного действия. Взрыв мины прогремел в Барановичах в назначенный час. Но... Ожидаемого результата не дал: Кайзер вышел из машины за несколько минут до взрыва. А Кубе, верный себе, в последний момент перед отъездом изменил решение и остался в Минске.

Усилия военных разведчиков в «охоте» на Кубе тоже пока оставались тщетными. Хотя успехи были, и неплохие. Например, в начале июня 1943 года поступили данные о том, что из Минска в направлении Слуцка собирается выезжать группа высших должностных лиц. Не исключалось, что среди них может находиться и Кубе.

По дороге была устроена засада. О ее результатах 2 июля 1943 года «Правда» опубликовала следующее сообщение: «Стокгольм, 1 июля (ТАСС). Гитлеровская газета «Минскер Цайтунг» сообщает, что 10 июня белорусскими партизанами были убиты немецкий «областной комиссар» Людвиг Эренлейтер, правительственный инспектор Генрих Клозе, начальник областной жандармерии оберлейтенант Карл Калла...» Далее в сообщении приводился список других уничтоженных жандармов и гитлеровских «хозяйственных руководителей». И на этот раз Кубе среди них не было.

В начале сентября 1943 года разведчикам стало известно, что в офицерской столовой Управления полиции безопасности и СД состоится банкет, на который в качестве почетного гостя должен прибыть Кубе.

О том, чем закончился банкет, рассказал Ганс Шмидт, капитан 52-й немецкой пехотной дивизии, перешедший на сторону Красной Армии:

«В конце августа я вместе с группой офицеров из резерва был направлен на Восточный фронт. По не зависящим от меня причинам я задержался на несколько дней в Минске. 6 сентября неизвестные взорвали офицерскую столовую-казино. После взрыва я лично осматривал разрушения, которые произошли. Из-под развалин было из-

влечено 30 убитых и 50 тяжело раненных немецких офицеров. Многие офицеры получили контузии и легкие ранения».

Но Кубе и на этот раз избежал возмездия – на банкет он не явился.

И еще одно «торжественное мероприятие» было использовано для покушения на Кубе. От агентуры поступило сообщение о том, что немецкими властями готовится встреча прибывшего с фронта командного состава и что среди встречающих должен быть и Кубе. Оперативная группа «Местные» организовала в здании вокзала взрыв. Среди прибывшего командного состава и участников встречи было много убитых и раненых, но так как Кубе приехал на вокзал с опозданием, операция вновь не достигла поставленной цели.

Тем временем готовилась еще одна операция, которая в конечном счете и увенчалась успехом. При ее проведении в полной мере были задействованы возможности женского персонала из штата обслуживания Кубе. Ее особенностью стало то, что она явилась следствием деятельности двух разведывательных служб – внешней и военной. Кроме того, только счастливый случай, а точнее конспиративность и добросовестность ее участниц уберегли операцию от провала.

А развивалась она в целом так.

В числе других партизанская разведчица Н.В. Троян получила задание искать подходы к Кубе. Для этого она, в частности, использовала агента этой же группы, бывшую прислугу Кубе, которая рассказала, что после нее горничной у Кубе стала работать Мазаник Галина (настоящее ее имя Елена, но подруги звали ее так). Она охарактеризовала ее как патриотически настроенную и тяготившуюся службой у немцев женщину.

Разведка располагала данными о том, что Мазаник ранее работала в столовой, а ее муж Терлецкий – шофером автобазы НКВД и что к этому времени он находился в Москве.

Троян поручили откровенно поговорить с Мазаник. Конечно, гарантии успеха никто дать не мог. Кто знал, каковы действительные настроения у Елены, интересной молодой женщины, «вознесенной» в сферу ближайшего окружения Кубе? Даже если она честный человек, не посчитает ли она Надежду Троян провокатором или просто не побоится ли исполнить то, что ей будет поручено?

Полная тревожных мыслей, но уверенная в том, что все завершится успешно, шла Надежда на первую встречу. Она планировалась как ознакомительная. Но на этой встрече и Елена была очень осмотрительна, знала, что гестапо следит за ней. Боясь провокации, она уклонилась от прямого ответа на вопрос Троян, сможет ли она пойти на опасное дело.

После проведения встречи Надежда доложила начальнику разведки опергруппы, что, по ее мнению, с Мазаник можно вести серьезный разговор, и получила разрешение поставить точки над «i». Девушки встречались несколько раз, но лишь на последней встрече,

18 августа 1943 года, Надежда поставила перед Еленой вопрос о необходимости ликвидации Кубе.

Одновременно пути подхода к окружению Кубе искали и другие партизанские разведчики, в числе которых была Мария Осипова, бывшая сотрудница Минского юридического института. Она была связана с разведывательно-диверсионным отрядом Разведуправления Генштаба Красной Армии «Дима». Оперативную работу в нем, а затем и сам отряд возглавлял Герой Советского Союза майор Николай Федоров.

Получив задание выйти на ближайшее окружение Кубе, Осипова стала искать связи с Мазаник. На встречу Елена Мазаник пришла с сестрой Валентиной Шуцкой.

«Мы медленно шли по улице и разговаривали почти шепотом, – вспоминала М. Осипова. – Я чувствовала: Мазаник не верит мне, поэтому прямо спросила, что надо сделать, чтобы она поверила».

– Хочу встретиться с кем-нибудь из командования, – сказала Мазаник.

– Но оно в лесу.

– Тогда пусть в лес идет с вами сестра.

Назавтра я повела Валю в лес – в бригаду дяди Димы...

После возвращения сестры Елена Мазаник дала Осиповой согласие участвовать в акции против Кубе.

Из воспоминаний Марии Осиповой:

«...при новой встрече с Еленой я объяснила ей, что есть небольшие магнитные мины замедленного действия, и такую мину она сможет пронести в маленькой дамской сумочке. Когда она согласилась, я посоветовала ей уже теперь притвориться, что у нее болят зубы. Это для того, чтобы в нужный момент легче было получить разрешение хозяйки уйти из дома.

На следующий день утром я снова отправилась в бригаду дяди Димы. Со мной пошла и приятельница.

Мины уложили на дно корзины, сверху насыпали багряную бруснику.

Дороги вокруг столицы тщательно охранялись... Стали подходить к дороге. Вдруг из-за кустов появились четыре полицая. Приятельница подошла к ним первая и, низко кланяясь, поздоровалась: «День добрый, паночки». Ее тщательно обыскали, проверили документы.

– Можешь идти! – бросил ей полицай-верзила, который обыскивал ее, и повернулся ко мне:

– Теперь ты показывай, что несешь, да побыстрее! Чего остановилась?

У меня похолодели ноги. Присела над корзиной, а сама решаю, что предпринять, чтобы не смотрели корзину. Моя медлительность вывела из терпения полицая.

– Слышь, быстрее! – крикнул он. – Не то как дам по корзине, все подавлю.

– Зачем же это делать, – как можно спокойнее сказала я. – Вы мне только убыток нанесете, а для себя никакой выгоды не получите».

По пути разведчиц еще дважды останавливали, но смертоносный груз был благополучно доставлен в Минск.

Осипова с нетерпением ждала Елену в условленном месте, но ни она, ни Валентина не появлялись. Соблюдая осторожность, Осипова вернулась не к себе домой, а пошла на конспиративную квартиру. Вечером туда прибежала связная Дрозд.

– На вашей квартире был обыск, – сообщила она. – Соседку избили. Там оставили засаду. Вас видели в городе и теперь, видимо, хотят арестовать. Завтра будет тот, кто вам нужен.

А в это время, как было условлено, началась эвакуация семьи Мазаник из деревни Масюковщина в партизанский отряд. Надо было спешить.

Операция по ликвидации Кубе началась. Это было 21 сентября 1943 года.

Из воспоминаний Елены Мазаник:

«...Мария Осипова должна была встретиться со мной во вторник. Но выяснилось, что Кубе уехал из города и вернется только в четверг. У меня сразу отлегло от сердца: в нашем распоряжении еще целых три дня!

В четверг во второй половине дня Мария Осипова пришла ко мне домой, как будто случайно узнав о том, что я хочу продать туфли, и сразу начала громко торговаться о цене – так громко, чтобы каждое слово было слышно соседу-полицейскому за тонкой стеной. Я требовала за туфли двести марок, Мария предлагала сначала сто, потом сто двадцать, а в это время показывала мне, как надо заводить часовой механизм мины и как подкладывать ее между пружинами матраца. Мы даже подложили мину в мой матрац и обе посидели на нем, проверяя, не выпирает ли она каким-нибудь из своих углов. Но все было хорошо. «Покупательница», расплатившись за туфли, не спеша покинула квартиру.

Через минуту в дверь постучал сосед.

– Что это за шумная особа у вас была? – спросил он, подозрительно обшаривая комнату глазами...

После полуночи я достала мину и в два часа ночи поставила ее на боевой взвод: дело сделано, ровно через сутки произойдет взрыв...

Так и не сомкнули мы с Валентиной глаз в остаток этой неимоверно долгой ночи.

Шестой час утра... Валя начала собираться на работу... Я решила предупредить ее:

– Если у вас там появятся гестаповцы, значит, меня схватили. Что в таком случае надо делать, знаешь сама...

Прощаясь, быть может, навсегда, мы молча поцеловались, и за сестрой тихонько закрылась дверь. А я принялась укладывать в портфель белье, мочалку, полотенце, как делала это всегда, когда собиралась мыться в душе. Потом опустила в сумку мину и сверху прикрыла ее расшитым носовым платком. Лишь на мгновение стало страшно: поднимут платок – и увидят!

Но сознание, что иначе мину в особняк все равно не пронести, отогнало страх и последние колебания: надо идти...

Возле ворот особняка дежурил немолодой солдат, казавшийся не таким злобным, как все остальные, за что я часто давала ему вынесенные из комнат гауляйтера сигареты и сигары. Он иногда пропускал меня во двор, не обыскивая. Но сейчас рядом с солдатом стоял один из офицеров охраны, и по его знаку я послушно открыла портфель. Солдат принялся не очень охотно вытаскивать и перетряхивать вещи.

– Что в сумке? – спросил офицер.

В сумке... Я начала возиться с замком, будто никак не могла справиться с ним: лишь бы еще немножечко, лишь бы хоть минуточку оттянуть последнюю в жизни минуту! Офицер с нетерпением глянул в приоткрывшуюся щель, увидел платок и потянул его к себе...

– Ого! Красиво!..

– Вам нравится? – я защелкнула замок сумочки и с улыбкой присела в реверансе. – Сама вышивала... Если разрешите, господин офицер, я завтра принесу вам несколько таких, совсем новых. Простите, но этот не первой свежести.

– Хорошо, принеси. Можешь идти, – офицер отдал мне платок.

И вот первый пост, с неизбежной проверкой, остался позади. Но впереди, на крыльце, второй пост и вторая, не менее тщательная, проверка. Вместо того чтобы идти к крыльцу, я сняла пальто, положила его, портфель и сумку на землю и принялась подметать двор. Часовой на крыльце то и дело поглядывал в мою сторону. Так продолжалось с полчаса, пока в глубине двора не залаяла сторожевая собака. Часовой бросился к ней – успокоить, чтобы не разбудила господина гауляйтера, а я подхватила с земли свои вещи и мгновенно взлетела на крыльцо: кажется, и тут пронесло!

Теперь надо было действовать, и действовать точно, наверняка. Я быстро спустилась в полуподвальное помещение, подвязала мину на тело ниже груди и сверху, не завязывая тесемки, надела на себя рабочий фартук так, что мина стала совсем незаметной. Немцы обычно не разговаривали с прислугой, не обращали на нее внимания, и я спокойно, без помех, работала все утро, убирая лестницы и коридоры особняка. В девять часов дом ожил: проснулась госпожа Кубе, изволил встать и господин гауляйтер. Он встретил меня на лестнице и, окинув взглядом с головы до ног, спросил:

– Почему ты такая бледная?

Я скорчила жалостливую гримасу, прижала к щеке ладонь:

– Всю ночь не спала, господин генерал. Зуб...

– Скажешь Виленштейну, чтобы отвел тебя к зубному врачу.

– А если он вырвет зуб, можно мне будет сегодня не возвращаться? Я все-все сделаю, потом пойду.

– Хорошо, можешь не возвращаться.

Только сейчас я заметила, какое чудесное сентябрьское утро разгоралось за окнами особняка, и на душе у меня стало солнечно и тепло. Вот только бледность заметил Кубе. Могут заметить и другие. Я быстро спустилась в полуподвал, взяла большой цветной платок и закутала голову так, что остались видны лишь глаза да нос. Тем временем гауляйтер позавтракал и в бодром настроении отправился на службу. С ним ушел и его адъютант Виленштейн.

Для нас, прислуг, наступила редкая в этом доме передышка, когда каждая могла делать то, что ей хочется. Горничная Стефа отправилась завтракать к своей подруге, поварихе Домне, на кухню. Янина захотела немедленно позвонить своему кавалеру, и я посоветовала ей подняться на третий этаж, в кабинет Кубе, где находился телефон. Сама же пошла следом за Яниной, надеясь незаметно проскользнуть в спальню.

И вот тут чуть было все не сорвалось: дежурным на этаже оказался самый придирчивый из офицеров охраны, откровенно и люто ненавидевший русских. О нем было известно также, что этот неусыпный страж... жаден к еде. Не знаю, взвинченное ли состояние или безысходность положения толкнули меня на отчаянную храбрость, но я как ни в чем не бывало подошла к офицеру и самым невинным голосом предложила:

– Не угодно ли горячего кофе? Домна уже сварила его. Если телефон зазвонит, я вас позову.

Офицер заколебался, взглянул на часы, на телефон, на меня. Но все же затопал по ступенькам лестницы вниз. Я прислушалась: из кабинета все еще доносился голос Янины, шаги офицера затихли. Кажется, кроме нас с Яниной наверху больше никого не осталось. Я промчалась по комнатам, потом, выхватив из-под платка детские трикотажные штанишки, укутала в них мину и – в спальню!

Как правильно, как хорошо поступили мы, что еще вчера вечером, у меня дома, научились закладывать мину между пружинами матраца. Теперь на это у меня ушло не более двух-трех минут, да еще успела и прощупать, не выступает ли она. И только тут услышала торопливые шаги в коридоре, а вслед за ними увидела перекошенное от ярости лицо офицера, застывшего в проеме дверей.

– Ты, русская свинья! – заметался немец по комнате, заглядывая под кровать, под подушку, в гардероб. – Ты как посмела сюда войти?

– Но мне фрау велела заштопать вот эти штанишки! – постаралась я сделать обиженный вид. – Я просто искала нитки и...

– Вон! – затопал он. – Вон отсюда!..

Я пулей выскочила из спальни и – вниз, в полуподвал. Надела пальто, схватила портфель с бельем и мочалкой и, громко крикнув, так, чтобы и офицер наверху слышал: «Ухожу к зубному врачу!» – захлопнула за собой входную дверь. На этот раз ни один, ни второй часовой не стали меня задерживать, и в следующую минуту ворота особняка остались позади».

Точно в назначенное время член группы Николай Фурц подъехал на грузовой автомашине с пропуском на выезд из города к зданию Драматического театра. Осипова, волнуясь, прохаживалась по Центральному скверу, пристально всматриваясь в прохожих. Мимо проходили немцы, полицаи, гражданских почти не было. Время шло. Прошли все намеченные сроки, но ни Елена, ни Валентина не появлялись. Беспокойство все больше охватывало Марию.

И вдруг она увидела почти бегущую к условленному месту Елену. Взгляды их встретились, и Елена чуть заметно кивнула. Осипова поняла все без слов. В это время подошла и Валентина. Женщины, усталые и обессиленные, направились к машине.

Николай отвез женщин на грузовике километров за шестнадцать от Минска в сторону Лагойска, распрощался и повернул назад.

А женщины, размахивая приготовленными Марией кошелками, зашагали дальше. К полуночи, не чувствуя под собой ног от усталости, добрались до деревни Янушковичи, где их встретили партизаны.

Из воспоминаний Елены Мазаник:

«...Вот когда на меня навалилось странное, сковавшее все тело оцепенение, явившееся, очевидно, результатом пережитого за день. Слышала, как в избе разговаривают, как меня о чем-то спрашивают и я что-то отвечаю, но кто спрашивает и о чем – почти не понимала. Только на один вопрос ответила твердо:

– Да, я сделала все, как надо.

А потом – в сон, как в темную бездну...

И сквозь сон, а может быть, наяву, негромкий разговор двух мужчин:

– Знаешь, какая радость? Партизаны убили гауляйтера Кубе!

– Откуда ты взял?

– Москву ночью слушал по радио. Так и сказали: убит палач белорусского народа...

– Эх, знать бы, кто его гробанул! Я бы расцеловал героя!»

Кубе вернулся домой в час ночи, а через двадцать минут произошел взрыв. Гауляйтер был буквально разорван на части. Начался пожар. Охрана бросилась в спальню, но массивная дверь была заперта изнутри. Дверь взломали. Из комнаты вырвались клубы дыма.

Гестаповцы бросились разыскивать Елену Мазаник. За ее поимку была обещана большая сумма денег. В местной газете сообщались ее приметы. Но в это время Мария Борисовна Осипова, Надежда Викторовна Троян и Елена Григорьевна Мазаник уже летели на самолете

в Москву. 29 октября 1943 года им были вручены Золотые звезды Героя Советского Союза.

Фашисты ответили на убийство Кубе жестокими репрессиями.

Из показаний на судебном процессе по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии, подсудимого Эбергарда Герфа, генерал-майора полиции и бригаденфюрера СС:

«...В ночь убийства Кубе я был вызван к Готтебергу, который мне сказал, что функции генерального комиссара он принимает на себя, о чем радировал Гиммлеру, что за жизнь Кубе он безжалостно расправится с русским населением и находившимся там начальнику СС и полиции Гальтерману, офицерам СД и мне отдал приказ произвести облавы и безжалостно расстреливать... В этих облавах было схвачено и расстреляно 2000 человек и значительно большее число заключено в концлагерь...»

На том же судебном процессе кое-кто из преступников пытался оправдываться: дескать, если бы партизаны не убили Кубе, то мы не убили бы за несколько дней 2000 минчан. На это обвинитель задал резонный вопрос:

– Ну, а операция «Волшебная флейта», во время которой было арестовано 52 тысячи минчан и большинство из них уничтожено... Ведь вы ее проводили до убийства Кубе! А план доктора Ветцеля, начальника отдела колонизации 1-го главного политического управления по делам оккупированных восточных областей, составленный еще до войны, и который вы начали осуществлять с первого дня войны?..

Ответом было молчание...

Убийство такой персоны, как гауляйтер, вызвало большой политический резонанс во всем мире... Этот справедливый акт возмездия продемонстрировал непрочность власти гитлеровцев на оккупированных советских территориях и подтвердил факт существования массового организованного сопротивления в тылу фашистов, организованного настолько хорошо, что перед ним оказалась бессильна гитлеровская военная машина с многочисленными карательными органами.

А бойцам, борющимся в тылу врага, операция по ликвидации Кубе вселила уверенность в то, что для них нет ничего невозможного.

8

Операция «Монастырь»

Начало 1942 года. Немецкие войска отброшены от Москвы. 17 февраля. Временное затишье. Снежная поземка гуляет между немецкими и советскими позициями. Фашисты изредка пускают осветительные ракеты. Светает. На нейтральную полосу из-за кустов выскочил человек на лыжах и побежал в сторону немецких позиций. Немцы открыли было стрельбу, но тут же прекратили ее с криками: «Halt! Minen!» Но лыжник уже добрался до немецких окопов.

Так началась операция «Монастырь». Первоначально ее организаторы ставили перед собой только цель проникнуть в агентурную сеть абвера, действовавшую на территории Советского Союза. Но затем она переросла в нечто большее.

Но обо всем – по порядку. Человек, который 17 февраля 1942 года перебежал к немцам, был агентом органов государственной безопасности «Гейне». Настоящее его имя – Александр Петрович Демьянов. Принадлежал он к дворянскому роду. Его прадед – Антон Головатый – был первым атаманом кубанского казачества. Отец – офицер царской армии, умер в 1915 году от ран, полученных на фронте в Первую мировую войну. Младший брат отца был начальником контрразведки белогвардейцев на Северном Кавказе. После взятия Анапы частями Красной Армии он был арестован чекистами и отправлен в Москву, но по дороге умер от тифа.

Мать «Гейне» была известна в дворянских кругах Санкт-Петербурга. Она окончила Бестужевские курсы в Смольном институте благородных девиц. Эта красивая женщина свободно владела французским и немецким языками. Ее принимали в домах петербургской знати. Во время Гражданской войны она оказалась с малолетним сыном Александром в Анапе. Ей предлагали эмигрировать во Францию. Она отказалась.

Демьянов остался по эту сторону в то время, когда его дядя сражался с частями Красной Армии под командой генерала Улагая.

Из-за дворянского происхождения Александр не мог получить высшее образование и, переехав вместе с матерью в 1920 году в Петроград, начал работать электромонтажником.

В 1929 году он был арестован ГПУ по обвинению в незаконном хранении оружия (пистолет был подброшен). В результате Александр был принужден к негласному сотрудничеству, где он и получил свой псевдоним. Его нацеливали на разработку связей оставшихся в СССР дворян с зарубежной эмиграцией.

Вскоре он был переведен в Москву, где начал работать в Главкинопрокате и был знаком со многими известными актерами. Он часто бывал на бегах, держал в Манеже свою лошадь. Одним словом, стал человеком, широко известным в Москве.

Ему повезло в том, что по приезде в Москву с ним начали работать опытные и творческие оперативные работники НКВД Виктор Ильин и Михаил Маклярский. Они не нацеливали «Гейне» на мелкое доносительство, а готовили из него умелого и преданного сотрудника органов государственной безопасности. Первоначально вынужденное сотрудничество постепенно переросло в дело всей его жизни.

Почему в операции «Монастырь» выбор пал на «Гейне»? Во-первых, к тому времени это был надежный, способный и абсолютно честный во взаимоотношениях с органами госбезопасности работник. Он научился концентрировать волю, отличался активным восприятием жизни, умением глубоко проникать в психологию. Великолепная память, молниеносная реакция, способность самостоятельно принимать решения – все эти качества были присущи Александру Демьянову – «Гейне». И – безграничная любовь к Родине. Во-вторых, биографические данные «Гейне». Он происходил из семьи потомственных военных. В семье не было ни одного штатского.

По архивным данным, еще до начала войны «Гейне» вышел на контакт с представителем германской торговой миссии в Москве, и тот в разговоре назвал ряд фамилий русских эмигрантов, поддерживавших отношения с семьей «Гейне» до революции. Этот контакт показал, что немецкая разведка интересовалась им и искала подходы с целью вербовки. На этом этапе он получил в картотеке абвера в Берлине кличку «Макс».

Биографические данные «Гейне»-«Макса» послужили хорошей основой для разработки легенды советского разведчика, намеченного для заброски к немцам через линию фронта. Началась активная проработка операции.

В поле зрения органов государственной безопасности в то время были некоторые представители русской аристократии – бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, поэт Садовский, член-корреспондент Академии наук Сидоров и некоторые другие. В свое время они учились в Германии и, по имевшимся сведениям, были известны немецким спецслужбам.

Жили они в Москве на территории Новодевичьего монастыря, где нашли прибежище потомки некогда именитых дворян.

Особое внимание органов госбезопасности привлекал бывший придворный поэт Садовский и его сожительница – бывшая фрейлина императрицы. Их посещали жены некоторых членов Политбюро ЦК КПСС (например, жена А.И. Микояна) и других руководящих работников. Посещая монастырь, жены руководящих работников занимались спиритизмом, гадали на картах. С их помощью Садовский был прикреплен на продовольственное снабжение к Союзу писателей СССР. Как поэт Садовский в Советском Союзе не издавался, хотя писал много, среди прочих произведений у него была написана большая ода в честь «немецких войск – освободителей Европы», о чем немцы знали.

В июле 1941 года из этих и других лиц с помощью агентуры и была создана прогерманская подпольная церковно-монархическая организация «Престол». Она в чем-то напоминала известную легендированную организацию 20-х годов «Трест». В эту организацию и был внедрен Гейне, а сама операция получила название «Монастырь».

Сам «Гейне» о переходе границы писал так: «Меня доставили на фронт за Можайск. Войсковая разведка определила наиболее безопасный путь следования и проводила меня в нейтральную зону. (Именно здесь была допущена ошибка, которая только по счастливой случайности не стоила Александру Петровичу жизни, – нейтральная полоса была немцами заминирована.) Я залег, так как немцы стреляли трассирующими пулями над моей головой и освещали местность осветительными ракетами. Как только стало светать, я встал на лыжи и отправился к немцам. Немцы открыли стрельбу, но скоро прекратили. С криком «Не стреляйте!» я побежал к ним, размахивая белым полотенцем. В этот момент лыжная палка скользнула по металлу... Я понял, что это мина и больше палками не пользовался. Когда я добежал до бруствера, немцы помогли мне перебраться, и один из них, отведя в укрытие, просил по-русски немного подождать. Лыжи и палки куда-то унесли.

Последовала серия непрерывных допросов, днем и ночью. Я находился под неустанным наблюдением. Меня привели в блиндаж к майору. Тот по-русски спросил меня, почему я предал Родину. Остро резанул его взгляд, полный холодного презрения, взгляд кадрового офицера, типичного тевтонца, гордого своим превосходством. Он демонстративно встал из-за стола, когда капитан усадил меня пить чай, брезгливо бросил реплику «предатель Родины» и вышел. Затем меня увезли в штаб, который помещался в большой избе».

«Гейне» рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, связанной с враждебно настроенными к советской власти лицами, ведущими антисоветскую деятельность и желающи-

ми проводить работу по указанию германского командования. Далее «Гейне» писал: «При вторичном допросе, на котором присутствовало много офицеров разных рангов, меня засыпали вопросами: кто послал, кто члены организации, как я добрался, когда ходят поезда на Можайск, кто моя жена, отец, их адреса. (Тут надо добавить, что перед уходом на задание «Гейне» зашел к тестю, чтобы предупредить, как себя вести, если кто-нибудь явится от него. Тесть был профессором медицины, практикующим на дому. Прощаясь, тесть достал крестик жены «Гейне» и, несмотря на сопротивление Александра, надел ему на шею, сказав: «Крест спасет вас». Благословил, обнял на прощание, как сына.) Я утверждал версию, что идеологические противники советской власти объединены в организацию «Престол». Их цель – борьба с коммунизмом. Мне был поставлен ультиматум: если я скажу правду, то сохраню жизнь и буду находиться до окончания войны в концлагере. Дали полчаса на размышление. Пригрозили «третьей степенью» пыток. Меня вывели в другую комнату, где стояло несколько коек, по стенам висело оружие».

Прошло полчаса. О чем он думал в ожидании пыток? Нет, страха не было. Была одна мысль – выдержать, выполнить задание. Тикание ходиков отдавалось в висках. Не сорваться бы. Над головой висело оружие. Значит, еще проверка. Можно покончить с собой, не ожидая пыток. Но это сорвет операцию. Прошло еще полчаса. Часы продолжали свой ход, но казалось, время остановилось. Он лег и заснул с верой в свою счастливую звезду. Разбудил стук сапог и удары прикладов. Три солдата с винтовками вывели его на крыльцо во двор и поставили к стене сарая. Был тихий пасмурный вечер. Прожектора прорезали небо и вспыхивали осветительные ракеты.

В ожидании расстрела «Гейне» думал не о смерти, а о том, чтобы до конца выполнить свой долг. «На крыльце появилось несколько офицеров, которые оживленно разговаривали. Один, усмехаясь, обратил внимание прокурора на крест у меня на груди, – рассказывал Александр Петрович. – Меня спросили, буду ли я говорить, на что я ответил: «Я сказал правду». Офицер дал команду – раздались выстрелы из нескольких винтовок, и веер щепок посыпался на меня. Понял: еще жив. Немцы смеялись. (Отец жены оказался прав – крест спас меня.)

Меня проводили в ту же комнату, где допрашивали. Там был накрыт и сервирован стол. Старший по званию офицер радушно пригласил: «Господин Александр, коньяк, водочка. За успех. Будем вместе работать. Вам некоторое время придется побыть в Смоленске, куда мы отправим вас завтра». Начался инструктаж. Он подействовал на меня, как шпоры на скакуна. Значит, игра началась».

Несмотря на «торжественное» обещание работать вместе, немцы продолжали проверку. На другой день, как и обещали, его на машине отправили в Смоленск. В Смоленске поместили в концлагерь вместе

с предателями. За стеной пытали военнопленных, наблюдая за его реакцией. «Тяжелым нравственным испытанием, – вспоминал «Гейне», – было преодолеть отвращение и ненависть к предателям, выдержать безмолвные проклятия во взглядах военнопленных и холодное презрение офицеров немецкой армии к предателю Родины, трусу». Эта психологическая борьба была для него труднее физической.

Снова и снова повторялись допросы в управлении лагеря. Офицеры абвера постоянно интересовались историей его перехода через минное поле. Проверяли знания в области радио- и электротехники.

Через некоторое время «Гейне» перевели на городскую квартиру в Смоленске, где два специальных инструктора занимались с ним специальной подготовкой. Всех троих кормили обедом и выдавали бутылку шнапса. После занятий один из инструкторов отводил его обратно в лагерь. Изучали тайнопись, шифровальное и радиодело. Как вспоминал впоследствии «Гейне», во время занятий ему труднее всего было скрывать, что он умеет бегло работать на телеграфном ключе.

Периодически на конспиративной квартире «Гейне» навещал начальник лагеря Гисс. Он с симпатией относился к «Гейне» и через солдат передавал ему консервы и сигареты. Этими презентами «Гейне» в свою очередь делился со своими инструкторами. Они стали откровеннее с ним и уважительнее относились к нему, видя такое отношение начальника. Во время занятий они даже на некоторое время оставляли его одного, а вечерами, перед уходом в лагерь, играли с ним в карты.

Через несколько недель состоялась встреча «Гейне» с высоким представителем абвера, на которой ему сообщили, что скоро его отправят обратно в Москву с заданием по подрывной работе в столице. Уточнили некоторые детали, время для связи и условились, что «курьеры», прибывающие в Москву, являться будут к его тестю, а тот будет их связывать с «Гейне».

После этого «Гейне» в сопровождении немецкого офицера переправили в Минск, откуда он должен был вылететь самолетом через линию фронта, прыгнуть с парашютом, а дальше добираться до Москвы. В Минске его поселили на частной квартире, в которой проживали несколько соседей, и оставили одного. Это тоже был элемент проверки, потому что три дня его никто не беспокоил, а под окнами гнали людей, жестоко избивая их при этом. Соседи поясняли, что на казнь ведут очередную группу партизан, внимательно следя за его реакцией и рассказывая о других случаях варварства гитлеровцев. Несомненно, что за это время проводилась тщательная проверка биографических данных «Гейне» и других сведений, полученных от него, по картотекам германских спецслужб. В частности, не вовлекался ли он до войны в разведывательные операции, проводившиеся ОГПУ–НКВД через русских эмигрантов.

Наконец за ним пришла машина и его отвезли на аэродром. Выдали деньги для организации «Престол» и посадили в самолет. Там уже был русский, одетый в форму советского солдата. «Гейне» сказали, что это его напарник по фамилии Краснов и что он будет прыгать первым. (Надо понимать, что немцы подстраховывались до самого последнего момента.) Однако в самолете Краснова укачало и первым через люк прыгнул «Гейне», приземлившийся в лесу около райцентра Арефино Ярославской области.

Было это 15 марта 1942 года. Вот как описывает сам «Гейне» свое возвращение на родную землю:

«...в Арефино я сообщил свой псевдоним и рассказал, что ночью был сброшен с немецкого самолета и что после меня должны были сбросить предателя Краснова, описал его приметы. Просил об этом сразу сообщить в Москву. Из Москвы приказали немедленно доставить меня в Ярославль после оказания медицинской помощи (у меня было повреждено колено). В Ярославле меня тепло встретили.

Я ощутил невероятный прилив энергии и нетерпение вступить, в новый этап борьбы с противником. Нить завязалась, но ее крепость еще надо проверить. В сопровождении сотрудников госбезопасности я отправился в Москву на машине. Через несколько дней я узнал, что Краснова задержали».

Вернувшись в Москву, «Гейне» первые две недели писал отчет и не выходил из дома, так как было не исключено, что немцы могли проверить, когда он вернулся. Слишком быстрое возвращение могло вызвать подозрение.

Через две недели «Гейне» вышел в эфир. Связь с немцами состоялась. По согласованию с органами государственной безопасности и Генеральным штабом Красной Армии он сообщил им первую дезинформацию.

Первые четыре месяца органы госбезопасности сознательно отказывались ставить перед немцами какие-либо вопросы. И только в августе 1942 года немцам было сообщено, что имеющийся у организации передатчик пришел в негодность и требует замены. Курьеры не заставили себя ждать. 24 августа 1942 года они, как было условлено, явились к тестю «Гейне», а затем пришли к нему самому. Ими оказались предатели Станкевич и Шакуров. Принесли новую рацию, батареи, блокноты для шифрования и деньги. Их целью было проводить диверсионную работу в Москве, собирать нужные сведения, устанавливать полезные контакты. Одеты они были в советскую военную форму, снабжены рацией, оружием и надлежащими документами.

К вечеру был отдан приказ усыпить курьеров. Пока они спали, их сфотографировали, обыскали, заменили патроны в револьверах на холостые. Утром им дали возможность погулять по Москве под наблюдением, а затем одного арестовали на вокзале, когда он пытался

подсчитать проходящие составы поездов, а второго – у женщины, с которой он успел познакомиться.

В целях дальнейшего заполучения агентов германской разведки «Гейне» сообщил немцам по рации, что Станкевич и Шакуров благополучно прибыли, но рацию не доставили, так как она была повреждена при приземлении.

7 октября 1942 года в Москву явились еще два курьера германской разведки. Органами государственной безопасности они также негласно были арестованы, а немцам сообщено, что они благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем дезинформация немцев проводилась по двум линиям. С одной стороны – по радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол», и с другой – от имени прибывших 7 октября 1942 года диверсантов, которые были привлечены к сотрудничеству для дезинформации немцев без освобождения из-под стражи. Прибывший ранее диверсант Шакуров за это время сумел привлечь к шпионской работе четырех человек из антисоветской среды, ранее ему известных, которые были арестованы.

Учитывая, что прибывшие первыми агенты Станкевич и Шакуров имели указание вернуться обратно к немцам, сотрудники НКВД решили одного из них скомпрометировать. Для этого «Гейне» сообщил немцам, что Шакуров «ничего не хочет делать, трусит, много пьет», и запросил указаний. В ответ немцы прислали следующую радиограмму: «Шакуров становится для нас опасным. Всеми средствами его без сентиментальности уничтожить. Передайте, как с этим справились». Немцам сообщили: «Шакуров уничтожен».

12 октября 1942 года немцы предложили «Гейне» сообщить им о месте работы членов организации «Престол». Еще отправляя «Гейне» обратно за линию фронта Красной Армии, немецкие разведчики рекомендовали и настаивали, чтобы «Престол» и его ячейки пропагандировали национал-социализм, а по существу фашизм гитлеровского образца. После ответа «Гейне», что члены организации имеются не только в Москве, но и в некоторых других городах СССР, немцы потребовали сообщить им адреса и пароли для направления курьеров в города Ярославль, Муром или Рязань.

Дабы не вызывать подозрений, а также с целью лишить немецкую разведку возможности засылать свою агентуру в интересующие ее районы, немцам сообщили, что в названных ими городах организация людьми не располагает, но имеет возможность приема курьеров в г. Горьком. Немцы ответили, что этот город их удовлетворяет, и запросили пароль и адрес явочной квартиры. Игра с абвером расширялась.

Немцы высоко оценили работу «Гейне». 18 декабря 1942 года они передали радиограмму о награждении его и Станкевича Орденом с мечами за храбрость. В ответ «Гейне» и Станкевич передали благодарность и обещание «еще больше и лучше работать для победы».

Радиоигра продолжалась. Монархическая организация «приобрела» еще одну явочную квартиру, на которой жил работник НКВД. На немцев работали две «нелегальные» радиостанции («Гейне» и Станкевича), которые передавали для немецкого командования «важную стратегическую» информацию. Курьеры германской разведки все чаще прибывали в Советский Союз. Их встречали не только в Москве, но и в других городах. Одному из них даже разрешили вернуться обратно, чтобы рассказать о том, что подпольная организация «Престол» живет и действует.

Оперативная игра «Монастырь» проводилась широким планом. Легендированная подпольная организация «Престол», базируясь в Москве, имела свои опорные пункты, созданные органами государственной безопасности в других городах Советского Союза. Они представляли собой явочные и конспиративные квартиры со специально подготовленной агентурой. Дислокация этих пунктов представляла безусловный интерес для германской разведки, поскольку они были организованы в ряде крупных промышленных центров Советского Союза (города Горький, Свердловск, Челябинск, Новосибирск). Была создана сеть агентов-информаторов, в том числе в Наркомате путей сообщения, которая обеспечивала «правдоподобность» передававшихся немцам сведений. Кропотливая и тщательная проработка всех деталей операции «Монастырь» позволила обеспечить конспиративную, без провалов работу организации.

За время оперативной игры, продолжавшейся с немецкой разведкой до окончания Великой Отечественной войны, органами государственной безопасности было захвачено более 50 агентов противника, арестовано 7 пособников шпионов и получено от немцев несколько миллионов рублей.

Особую роль играла большая работа по дезинформации. Значение этого направления работы видно из оценки «информации», которую ей давали в абвере и генеральном штабе вермахта.

Бывший руководитель разведпункта абвера в Софии и Будапеште Рихард Клатт, захваченный американскими спецслужбами летом 1945 года, рассказал, что ценный источник «Макс» передавал свои донесения по радио с 1942 года, причем прямо из Москвы. Абвер принимал их в Софии и Будапеште. Среди донесений были данные о важнейших решениях Ставки Верховного командования советских Вооруженных Сил, сведения о суждениях маршала Бориса Шапошникова и других военачальников. Донесения высоко ценились в отделе «Иностранных армий Востока» генштаба сухопутных сил Германии. Более того, немецкие высшие военачальники не принимали своих решений, пока не получали от службы Канариса донесений «Макса». В послевоенных воспоминаниях генерал Гелен, ставший после войны главой разведывательной службы Германии, высоко отзывался о донесениях источника абвера из Москвы как о большом

достижении немецкой военной разведки. Видимо, имелся в виду «Макс», который был для немцев чуть ли не единственным прямым источником сведений из Москвы.

Несмотря на скептическое отношение некоторых сотрудников абвера к подлинности приходивших к Клатту донесений, в целом они сходились на том, что «Макс» заслуживает доверия. Однако у Вальтера Шелленберга, возглавлявшего объединенную заграничную службу РСХА – Главного управления имперской безопасности, были сомнения в достоверности получаемой им информации из Советского Союза. Поскольку он неохотно принимал однозначные решения единолично, то решил посетить начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гудериана, знакомого с информацией Клатта, и спросил, может ли немецкое военное руководство отказаться от материалов Клатта. Гудериан официально ответил Шелленбергу, что было бы безрассудно отказаться от этой линии, поскольку материалы, в особенности касающиеся советских воздушных сил, являются уникальными. И других возможностей, даже близко стоящих к этому источнику, нет.

Интересно отметить, что «информация» «Гейне», передаваемая немцам, по иронии судьбы возвращалась в органы госбезопасности от источников из абвера и английской разведки. Так, в 1942 году разведке удалось наладить непродолжительное, но весьма продуктивное сотрудничество с одним из руководителей шифровальной службы абвера полковником Шмитом. До своего провала он успел передать нам в одной из оккупированных немцами стран ряд ценных разведывательных материалов абвера, полученных из Москвы и направленных в качестве ориентировок в эту страну. При анализе этих материалов было установлено, что они являются «дезинформацией» «Гейне». Шмит был связан и с британской разведкой. Поэтому через Шмита англичане получили ряд сообщений «Гейне», которые немцы оформляли в виде ориентировок штаба вермахта.

Информацию, содержащую данные, переданные через «Гейне» немцам, органы госбезопасности СССР получали «обратно» трижды. Впервые – в феврале 1943 года, от Шмита. Второй раз – в марте того же года Энтони Блант, работавший в службе английской разведки в годы войны (один из пяти наших ценных источников в Англии), сообщил резиденту Горскому в Лондоне, что немцы имеют в Москве важный источник информации в военных сферах. И наконец, в апреле 1943 года через миссию связи нашей разведки в Лондоне поступило переданное англичанами изложение сообщения «Гейне» в Берлин, якобы перехваченное английской разведкой. В действительности же англичане имели эту информацию на основе дешифровальной работы. (Поддерживая с нами союзнические отношения, они не сообщали нам, что читают немецкие шифры.)

Таким образом, о наличии у немецкого абвера «ценного» источника непосредственно в Москве стало известно и английским спецслужбам, которые, как и их противники в войне, не сумели раскрыть тайну «Гейне». В 1943 году У. Черчилль даже сообщал Сталину, что в штабе Красной Армии есть немецкий агент.

Следует рассказать, как проходила подготовка дезинформационных материалов для передачи по рации «Гейне». Шифртелеграммы готовились на базе материалов Генерального штаба Красной Армии, его рекомендаций, а также на основании сведений других ведомств, задействованных в этой оперативной игре, в частности, Народного комиссариата путей сообщения.

У немцев радиограммы подвергались тщательному изучению, и выдать дезинформационный материал за правдоподобный было нелегкой задачей. Приходилось продумывать наши ходы на несколько шагов вперед, ставить себя на место противника, пытаться раскрыть его логику. Естественно, что содержание передаваемых телеграмм увязывалось с известными немцам конкретными возможностями Гейне. В частности, он был устроен органами госбезопасности под другой фамилией на должность младшего офицера связи в Генштаб Красной Армии.

Телеграммы «Гейне», лаконичные по содержанию, касались главным образом железнодорожных перевозок воинских частей, военной техники, боеприпасов, снаряжения. Понятно, что это давало возможность вычислить планируемые нашими войсками наступательные операции.

Однако органы государственной безопасности заранее предполагали, что кто-то, нам не известный, тоже ведет наблюдение за железной дорогой. Поэтому воинские эшелоны маскировались, а ложные составы, где под брезентом вместо орудий, танков и другой техники были бревна, ящики и другие элементы маскировки, шли по маршрутам, указанным в телеграммах «Гейне». Он же, имея указание от немцев вести диверсионную работу, периодически сообщал абверу о результатах этой «работы». Чтобы подтвердить диверсионные акты и упрочить репутацию «Гейне», НКВД организовывал сообщения в прессе о вредительстве на железнодорожном транспорте, в частности на железной дороге под г. Горьким.

В отдельных случаях, когда это было нужно и выгодно командованию Красной Армии, немецкий абвер получал от «Гейне» правдоподобные сведения вполне определенного целевого назначения. Чтобы дезинформационные материалы, передаваемые «Гейне», получили еще большую убедительность, по замыслу начальника оперативного управления Генерального штаба генерала С.М. Штеменко некоторые важные операции Красной Армии на фронте действительно осуществлялись там, где их предсказывал «Гейне», но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Характерными в этом отношении стали дезинформационные мероприятия, проведенные через «Гейне» в преддверии Сталинградской и Орловско-Курской операций.

Верховное командование вермахта было введено в заблуждение «информацией» «Гейне» по поводу действий советских войск в ходе разработки и подготовки Сталинградского котла. В частности, в Берлин было сообщено, что готовятся наступательные действия наших войск в районе Ржева и на Северном Кавказе. Немцы ожидали там наши удары и отразили их. Зато окружение группировки Паулюса явилось для них полной неожиданностью.

Относительно летней кампании 1943 года «Гейне» сообщил немцам, что советские войска имеют большие резервы на юге и востоке от Курска, но эти резервы недостаточно маневренны, в связи с чем затруднено их использование. Он информировал также о том, что советское командование планировало осуществить военные операции к северу от Курска и на южном фронте. Переход же советских войск в районе Курска и Орла к стратегической обороне, а затем к наступлению оказался для немцев неожиданным.

Объем шифрованной переписки «Гейне» с абвером, включавший в себя помимо «информационных» материалов множество запросов и ответов по организационно-оперативным вопросам, составил три объемных, ныне архивных тома.

За успешное содействие стратегическим операциям Красной Армии некоторые сотрудники органов государственной безопасности были награждены орденами и медалями. Руководитель операции «Монастырь» генерал-лейтенант П.А. Судоплатов и его заместитель генерал-майор Н.И. Эйтингон были награждены орденами Суворова, что в системе органов государственной безопасности было единственный раз. Сам «Гейне» – Александр Петрович Демьянов – получил орден Красной Звезды, его жена, Татьяна Георгиевна Березанцева, и ее отец – медали «За боевые заслуги».

Наступил 1944 год. Война шла к концу. Красная Армия подходила к государственной границе СССР. К концу шла и одна из наиболее удачных операций разведывательных органов государственной безопасности военного времени.

Однако задача агентурной разработки «Монастырь» – внедрить в органы немецкой разведки нашего человека с последующим продвижением его в центральный аппарат в Берлине – не была решена. Обсуждалась мысль заслать к немцам координатора от «Престола». Прорабатывался вопрос о вторичном вояже «Гейне» к своим «хозяевам» в немецкой разведке. Сам «Гейне» вышел с предложением-рапортом на имя Маклярского, в котором писал, что для укрепления доверия и положения организации «Престол» в глазах немецкой разведки целесообразно направить посланца, которого они давно ждут.

«Гейне» предлагал предварительно информировать немцев, что один из активных участников организации «Престол» призван в Красную Армию и направлен в качестве переводчика в лагерь немецких военнопленных. Затем с помощью этого переводчика организовать побег нескольких немецких офицеров и с этой группой военнопленных вывести его – «Гейне» – к немцам.

Это предложение было подготовлено 1 августа 1944 года. А несколько дней спустя «Гейне» был включен в новую большую игру с немецким командованием, которую НКГБ СССР проводил под кодовым названием «Березино».

«Гейне» информировал немецкую разведку о том, что он переведен из группы связи Генштаба Красной Армии в технические части в звании инженер-капитана. В связи с этим требовалась еще одна рация для продолжения связи из Москвы, где его функции будет выполнять другой радист, подготовленный организацией «Престол». Свою рацию он берет с собой и свяжется с ними из тех мест, где будет находиться по долгу службы.

Таким образом, связь с абвером не прекратилась и была оперативно подготовлена вторая часть оперативной игры органов государственной безопасности с немецкими спецслужбами – операция «Березино».

Но это уже следующая страница нашей истории.

9

Оперативная игра «Березино»

4 апреля 1944 года председатель Государственного комитета обороны и Главнокомандующий И.В. Сталин вызвал в Кремль наркома государственной безопасности Меркулова, начальника военной контрразведки СМЕРШ Абакумова, начальника ГРУ Генштаба Красной Армии Кузнецова и начальника диверсионно-разведывательного управления НКГБ Судоплатова. Встреча состоялась перед началом летнего наступления советских войск в Белоруссии, и в этой связи командование Красной Армии было заинтересовано в продолжении оперативной игры с немецкой разведкой под кодовым наименованием «Монастырь». Были высказаны мнения посмотреть на эту игру с точки зрения достижения стратегических целей на заключительной стадии Отечественной войны.

– У кого есть соображения на этот счет? – спросил Сталин.

Начальник ГРУ генерал Кузнецов предложил, используя тот же канал, подбросить немцам информацию через «Гейне», представителя легендируемой нами организации (у немцев он был известен как «Макс»), о якобы планировавшейся наступательной операции на Украине, так как Ставка действительно ранее обсуждала этот вариант. Были и другие предложения. Остановились на том, что на этот раз лучше ввести немецкое командование в заблуждение, создав впечатление, что в тылу Красной Армии действуют остатки немецких войск, попавшие в окружение в ходе нашего наступления. Замысел заключался в том, чтобы заставить немцев бросить свои ресурсы на поддержку этих частей и побудить их сделать серьезную попытку прорвать окружение. Задание выходило за рамки проводившихся до сих пор в традиционных формах дезинформационных мероприятий. Поэтому были приняты активные меры к выяснению положения немецких войск на белорусском участке фронта и, в частности, о возможном наличии там окруженных Красной Армией частей. Было установлено, что действительно остатки разгромленных немецких частей выхо-

дили на Минское и другие шоссе, складывали оружие и ждали, когда их возьмут в плен.

18 августа 1944 года через московскую радиостанцию легендированной церковно-монархической организации «Престол» немцам было сообщено, что в районе реки Березины (БССР) будто бы скрывается крупная немецкая воинская часть численностью более 2000 человек, потерявшая связь со своим командованием и испытывающая нужду в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Так началась операция «Березино» – продолжение операции «Монастырь».

20 августа 1944 года был утвержден план «мероприятий по организации ложной базы якобы действующей в нашем тылу немецкой воинской части и обеспечению приема грузов, курьеров, радистов, которые должны быть направлены немецкой разведкой на данную базу». В соответствии с этим планом была создана специальная группа сотрудников Четвертого управления НКГБ СССР, которую направили в район Березино.

Ей поручили подобрать подходящее местонахождение из числа баз, в которых действовали партизанские отряды и где якобы укрывается легендируемая немецкая часть. Необходимо было подготовить площадки для приема груза и парашютистов и на случай возможного приземления немецких самолетов.

Оперативной группе предстояло обеспечить встречу немецких десантников, в том числе и радистов, принимать сброшенные немцами грузы и осуществлять другие мероприятия, связанные с проведением данной комбинации.

Один из пунктов этого плана предусматривал: «Для возможного легендирования наличия в намеченном районе немецкой воинской части, а также на случай необходимости организации «встреч» «втемную» с прибывшими немецкими агентами оперативной группе придается военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, фигурирующий в наших сообщениях противнику как командир легендируемой части, который содержится на базе под соответствующим контролем. (Подполковник был в курсе дела, так как перед этим был завербован.)» В группу были включены агенты-немцы, бывшие военнопленные, обмундированные в форму германской армии: «Георг» (для переговоров от имени немецкой воинской части с прибывшими немецкими агентами), «Вальтер» и «Жак».

В маскировочных целях в распоряжение начальника оперативной группы как НЗ выделялись продукты германского производства. И наконец, особой группе придавалось 20 автоматчиков отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКГБ СССР.

Из архива Службы внешней разведки:

«Справка. Военнопленный подполковник Шерхорн Генрих. Кадровый офицер, по профессии администратор коммунального иму-

щества. Взят в плен 9.07.1944 года в районе Минска, член НСДАП с 1933 года. Настроен пессимистично. В победу Германии не верит».

Органами государственной безопасности подполковник Генрих Шерхорн был завербован, и ему присвоили псевдоним «Шубин». Интересны детали, связанные с этим. Почему на роль командира этой части выбор пал именно на Шерхорна?

Молодой оперативный работник разведки Игорь Александрович Щорс, который непосредственно вел это дело, вспоминает, что в лагере военнопленных в Красногорске под Москвой он отобрал среди прочих кандидатов именно Шерхорна только по той причине, что они оба владели французским языком. Время было военное, переводчиков не хватало. И Щорс взял на себя обязанности и переводчика. Он сам перевез Шерхорна из Красногорска в Москву во внутреннюю тюрьму на Лубянке без конвоя, за что и получил нагоняй от начальства. Зато как было удобно, когда с Шерхорном проводили вербовочную беседу! По словам И.А. Щорса, вербовал его сам начальник диверсионно-разведывательного Четвертого управления НКГБ СССР генерал-лейтенант Судоплатов в своем кабинете.

На восточном берегу озера Песочное, у деревни Глухое Червенского района Минской области оперативная группа на бывшей партизанской базе имитировала расположение немецкой части во главе с Шерхорном. В Москве ждали ответа на телеграмму «Гейне» от 18 августа о нахождении в тылу советских войск боеспособной немецкой воинской части. Ответа долго не было. Видимо, немцы проверяли по своим учетам и каналам личность командира подполковника Генриха Шерхорна. 25 августа 1944 года пришел ответ следующего содержания: «Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски багажа.

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как радист придет в обмундировании Красной Армии.

Пароль будет Ганновер.

Привет».

И Александр Демьянов – он же «Гейне» и «Макс» – начал действовать. Для немцев он в последнее время был «прикомандирован» к 51-му отдельному дорожно-строительному отряду, расположенному в местечке Березино, что в 100 км западнее г. Могилева. «Гейне»-«Макс» сумел связаться с Шерхорном-Шубиным. 7 сентября немцам было передано по радио местонахождение площадки этой части и подтвержден пароль «Ганновер», по которому от них люди могут связаться с командиром. В районе озера Песочное была подобрана удоб-

ная площадка для сброски грузов и посадки самолетов – бывший партизанский аэродром, о котором немцам было известно в период оккупации Белоруссии. Рядом соорудили землянки и разбили несколько палаток. В них постоянно находилась оперативная группа по «встрече гостей», одетая в немецкую форму. В составе группы было 10 надежных агентов из числа немцев, которые должны были принимать парашютистов в качестве солдат «части» Шерхорна. Подступы к площадке-аэродрому тщательно охранялись войсковыми патрулями, а недалеко от нее на случай каких-либо осложнений были замаскированы несколько зенитных и пулеметных установок.

В ночь с 15 на 16 сентября 1944 года по указанным координатам немцы выбросили трех радистов. Их приняли и отвели к Шерхорну. В беседе с Шерхорном старший группы прибывших радистов Курт Киберт рассказал, что за несколько дней до его выброски о части Шерхорна было доложено Гитлеру и Герингу. Они велели передать Шерхорну, что будет предпринято все возможное для спасения его части. Как сообщил Киберт, немецкое командование решило послать Шерхорну врача и офицера авиационной части, который должен будет готовить площадку для посадки самолетов типа «Арадо»[1], на которых намечалось доставить для «части» Шерхорна вооружение, боеприпасы, обмундирование и продовольствие. По заявлению Киберта, немецкое командование намерено вывозить самолетами раненых, с тем чтобы снабженная всем необходимым «часть» Шерхорна могла продвигаться на запад, на соединение с германской армией.

Немецкие радисты имели задание на другой же день после приземления сообщить каждый на своей рации и условным кодом подтверждение, существует ли действительно войсковая часть Шерхорна и что они находятся именно в этой части. Немецких радистов Курта Киберта и Фридриха Шмете удалось завербовать и они были включены в радиоигру с немецким командованием под контролем оперативной группы. О третьем радисте – абверовце было сообщено, что он тяжело ранен при приземлении и находится на излечении. Получив подтверждение о действительно существующей в лесах Белоруссии воинской части под командованием Шерхорна, немецкое командование перестало сомневаться и начало готовиться к заброске грузов и людей.

В связи с тем, что размеры операции стали получать все большее развитие, начальник Четвертого управления НКГБ Судоплатов направляет в Березино опытных сотрудников: Маклярского, Мордвинова и Фишера, того самого, который в шестидесятые годы в Америке стал легендарным Рудольфом Абелем (на судебном процессе он взял имя своего рано умершего друга). Возглавлять комплеке операции «Березино», включая координацию с белорусскими чекистами, поручили заместителю Судоплатова генерал-майору Н.И. Эйтингону.

Нарком государственной безопасности В.Н. Меркулов утвердил дополнительно разработанные мероприятия, в числе которых были следующие:

«– в процессе радиоигры добиться открытия немецким командованием одного из участков фронта для прохода «части» Шерхорна и ввести в проход под этим предлогом заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной Армии для прорыва немецкого фронта;

– учитывая проявленный интерес противника к организации разведывательной работы в тылу Красной Армии, получить путем игры одного крупного разведчика и через него начать дезинформацию немецкого командования».

Как и говорил немецкий радист Курт Киберт, немцы 27 октября 1944 года выбросили на площадку «части» Шерхорна еще двух парашютистов – врача Ешке и унтер-офицера авиации Гарри Вильда. Ешке и Вильд были также в указанном выше порядке приняты Шерхорном, которому они передали датированное 26 октября того же года письмо командующего группой немецких армий «Центр» генерал-полковника Рейнгарда и письмо от 23 октября начальника «Абверкоманды-103» фон Баренфельда, известного под псевдонимом Рудольф. В своем письме Рейнгард писал следующее: «Сердечно благодарю Вас, всех Ваших офицеров и солдат за выражение мне лучших пожеланий. Заверяю Вас, что все мои наилучшие пожелания всегда с Вами.

Вскоре в новом году Ваша настойчивость найдет свои награды в соединении с нами. Я с гордостью слежу за путем движения и всегда буду впредь делать все для оказания помощи Вам. Пусть Вашим паролем будет: «Германия выше всего». Хайль Гитлер.

Рейнгард»

Кроме того, Вильд и Ешке сообщили, что Геринг отдал распоряжение послать в лагерь «части» Шерхорна четыре транспортных самолета «Арадо» для доставки грузов и вывоза раненых, причем унтер-офицеру Вильду было поручено подготовить площадку для этих самолетов, для чего он был снабжен специальной инструкцией.

Арестованные Ешке и Вильд на допросах показали, что они должны были по рациям ранее присланных радистов-немцев сообщить немецкому командованию условными фразами о своем благополучном или неблагополучном прибытии. (Немцы продолжали проверку.) Поскольку показания Вильда и его поведение сомнений не вызывали, он был завербован и его условная фраза о благополучном прибытии ушла в эфир немецкому командованию, а в отношении Ешке было сообщено, что он разбился при приземлении, хотя в действительности дело было несколько по-другому. Ешке фанатично верил в победу Германии и не хотел принимать предложение о сотрудниче-

стве. Было принято решение утром направить его в лагерь для военнопленных, а на ночь его поместили в землянку, поставив к ней охрану. Однако Ешке удалось убить часового, но, поняв безвыходность своего положения, он застрелился из оружия часового. Гибель часового была единственной потерей с нашей стороны за весь период операции «Березино».

Немцы продолжали выбрасывать на площадку-аэродром свой груз с медикаментами, продовольствием и снаряжением, а 21 декабря для усиления «части» Шерхорна сбросили еще двух радистов-немцев и четырех разведчиков-белорусов, окончивших разведывательную школу в Инстенбурге (Восточная Пруссия). Радисты-немцы Войска и Саутер также были завербованы и использовались в продолжавшейся игре.

Еще 12 декабря немецкое командование предложило Шерхорну разбить свою «часть» на группы и вести их самостоятельно к линии фронта. В связи с этим, в целях развития радиоигры НКГБ СССР легендировал разделение «части» Шерхорна на несколько групп, сообщив немцам как об их руководителях фамилии завербованных офицеров германской армии, в том числе Герта Шиффера, сброшенного немцами на площадку «части» Шерхорна в районе Березино 11 ноября 1944 года, и Вилли-Альберта Эккардта, подполковника германской армии, взятого в плен в июле 1944 года в районе Бобруйска. В отношении первого немцы позднее сообщили Шерхорну радиограммой о том, что приказом Гитлера Шиффер награжден «железным крестом 1-го класса», в отношении второго один из абверовцев, переброшенных на лесную базу Шерхорна, настаивал на встрече с подполковником Эккардтом, так как имел поручение уточнить, способен ли Шерхорн по состоянию своего здоровья продолжать руководить всем отрядом. Возможно, немцы хотели сделать ставку на более молодого и энергичного офицера.

Все группы двинулись в путь. Основную группу по-прежнему возглавлял Шерхорн. Были приняты меры, чтобы с воздуха передвижение «немцев» выглядело естественно и с соблюдением маскировки, так как они «находились в тылу» Красной Армии. После того, как указанные группы двинулись по маршруту, предложенному немецким командованием, уже в пути следования они получали значительное количество грузов с немецких самолетов. Продовольственный груз, сброшенный с самолетов (шоколад, галеты, консервы, глюкоза, которой у нас вообще на довольствии в армии не было), проходил тут же на месте лабораторную проверку, затем его давали собакам и уже после этого употребляли люди. Немцам сообщалось, тем не менее, что задержки в пути происходили из-за отсутствия запасов продовольствия и боеприпасов.

Иногда также передавались сообщения о «диверсиях» в тылу Красной Армии, которые писали Эйтингон, Маклярский и Мордвинов.

Верховное командование германской армии в ноябре–декабре 1944 года и в январе-феврале 1945 года периодически присылало лично Шерхорну, а также солдатам и офицерам его «части» поздравительные телеграммы с благодарностью за службу, пожеланием успехов и обещаниями сделать все возможное и необходимое для вывода «части» за линию фронта. Однажды с грузом боеприпасов прислали «железные кресты» для награждения наиболее отличившихся. Как рассказывают очевидцы, полковник Г.И. Мордвинов, чекист с 1919 года, дважды приговоренный к смерти белогвардейцами и японцами в борьбе с ними на Дальнем Востоке, мужественный и остроумный человек, однажды после очередного инструктажа большой группы солдат, усмехаясь, сказал, что мы действительно хорошо работаем, раз нас даже немцы благодарят. Смеясь, раздал «кресты» и скомандовал: «Кругом! А теперь прицепите их на заднее место». Эту сцену видел, усмехаясь в усы, Вилли Фишер (впоследствии Рудольф Абель). В «части» Шерхорна он как радиоспециалист контролировал работу немецких радистов.

С конца октября 1944 года немецкое командование все настойчивее стало требовать от Шерхорна подготовки условий для посадки самолетов. Исходя из того, что это могло привести к провалу, НКГБ СССР принял все меры к тому, чтобы затянуть оперативную игру, а затем под предлогом преследования «части» Шерхорна подразделениями Красной Армии заявить немцам о невозможности принятия самолетов.

Наркомат госбезопасности подготовил в ГКО докладную записку с изложением вариантов развития операции «Березино» и предложил оттягивать приземление самолетов. Сталин и Берия по телефону дали согласие, а Молотов наложил на служебной записке резолюцию: «По-моему, второй вариант (тянуть дальше) – лучше».

28 марта 1945 года Шерхорн получил радиограмму, подписанную начальником германского генерального штаба, который поздравил его с присвоением звания полковника и награждением рыцарским крестом 1-й степени. Ему было приказано прорваться со «своей частью» через линию фронта и затем следовать в Польшу и Восточную Пруссию.

Действуя согласно утвержденному плану, который предусматривал возможность заманить «путем игры одного крупного разведчика», чекисты периодически подбрасывали гитлеровцам информацию, будто возможно развернуть подрывную работу и создать для этого «Белорусский подпольный центр» из числа немецких пособников. По этой причине опергруппе, занимавшейся операцией «Березино», стало известно, благодаря радиоперехвату, о том, что начальник «Абверкоманды-103», известной в литературе как «Сатурн», обер-лейтенант Рудольф фон Баренфельд несколько раз лично вылетал в тыл Красной Армии на рекогносцировку возможной посадки самолетов

в районе лесной базы Шерхорна. К сожалению, этот план не смог до конца осуществиться. Самолет, на борту которого находился Баренфельд, попал на обратном пути под обстрел наших зениток и загорелся. При приземлении Баренфельд пытался выпрыгнуть из горящего «Арадо», попал под винт и погиб. Об этом в «части» Шерхорна узнали от задержанных агентов-парашютистов.

Войска Красной Армии стремительно продвигались на Запад, и «часть» Шерхорна никак не могла их «догнать» – бои шли уже на территории Германии. 1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая по всем радиостанциям, участвовавшим в игре с противником по делу «Березино», немцы передали последнюю телеграмму: «Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

Это был конец игры. Советская разведка блестяще переиграла разведку фашистской Германии.

Результаты игры? О них дает представление справка из архива Службы внешней разведки Российской Федерации от 8.03.1947 г. по этому агентурному делу.

«Агентурное дело «Березино» заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское главное командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы.

Так, по архивным данным, с сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолетовылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы Четвертым управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и 1 777 000 рублей советских денег.

Агентурное дело «Березино» состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

В начале 50-х годов Генрих Шерхорн и его группа из числа немецких военнопленных были освобождены и выехали для работы и жительства в ГДР. О дальнейшей их судьбе сведений не сохранилось.

Что же касается Александра Петровича Демьянова, то он по-прежнему жил в Москве и, как и до войны, был связан с артистическими кругами и деятелями кино. Умер он в 1978 году и похоронен на Немецком кладбище.

---

[1] «Арадо-332» – транспортный десантный моноплан. Специально сконструирован для абвера по заданию Главного управления имперской безопасности. Имел высокий потолок и небольшое расстояние для разбега, что достигалось путем вездеходного шасси, смонтированного из 20 гуттаперчевых колес. Мог взять на борт 250 человек. На вооружение вермахта поступил в 1943 году.

10

«Красная капелла» в огне войны

Термин «Красная капелла» стал синонимом различных сил, выступивших против нацистов, среди которых антифашистская организация Шульце-Бойзена – Харнака была самой многочисленной и активной, хотя и без каких-либо формальных признаков четкой структуры. Чтобы затушевать отличительную в деятельности этой группы антигитлеровскую направленность, Главное управление имперской безопасности (РСХА) смешало все группы в одну, объединив их в деле оперативной разработки под общим названием «Роте капелле», приписав им «международный шпионаж». По мнению фашистов, это было меньшим злом, чем признать существование в Третьем рейхе антифашистского сопротивления в момент острейшей схватки с СССР. Вопреки желаниям гитлеровцев, это название вошло в историю как символ мужества людей, олицетворяющего стойкость сопротивления немецкому фашизму.

О том, как появилось на свет название «Красная капелла», рассказал заместитель шефа гестапо Мюллера, председатель Особой комиссии «Красная капелла», оберфюрер СС Ф. Паннцингер, взятый в плен Советской Армией. На допросах в СМЕРШ 1 февраля 1947 года и 29 июня 1951 года на Лубянке он показал, что отслеживание деятельности антифашистов началось в результате радиоперехвата радиоспециалистами шифрованных сообщений (на жаргоне контрразведки радисты назывались «музыкантами», «пианистами»). В эфире раздавался стрекот морзянки не одного радиопередатчика, а многих. В Германии и в оккупированных странах Европы работал целый «оркестр», или по-немецки «капелла». Германская служба радиошпионажа определила, что «музыканты» ориентировали свои передачи на Москву. Поэтому «капелла» получила соответствующую «красную» окраску.

Команда Паннцингера вкладывала пренебрежительный оттенок в наименование своих противников. Фашисты хотели, чтобы память

об участниках «Красной капеллы» исчезла навсегда. Но судьба распорядилась иначе. О зондеркоманде «Роте капелле» почти никто не помнит. Имена же Харро Шульце-Бойзена («Старшина») и Арвида Харнака («Корсиканец»), их друзей-единомышленников известны в мире как имена мужественных людей, сумевших в тяжелое время нацистского террора разглядеть неизбежный крах германского фашизма и бороться за построение новой, миролюбивой и демократической Германии.

«Красная капелла» включала в себя многочисленные, зачастую не связанные между собой группы антифашистского Сопротивления. Они работали либо самостоятельно, либо в контакте с советской внешней разведкой, а часть из них – под непосредственным кураторством Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Красной Армии.

* * *

Война, хотя ее и ожидали со дня на день, явилась неожиданной для руководителя берлинской «легальной» резидентуры Захара (А. Кобулова). Он имел лишь приблизительное представление о состоянии советско-германских отношений, о средствах и формах деятельности разведки, ее целях и задачах. Кобулов долгое время работал в органах безопасности Закавказья, пока по протекции Берии не получил назначение на должность заместителя наркома госбезопасности Украины, но тут же был командирован в Берлин. Как доверенное лицо Берии, он пользовался его особым покровительством. По воспоминаниям одного из сотрудников резидентуры, сообщение о нападении Германии на Советский Союз буквально потрясло Кобулова: в нижнем белье и тапочках на босу ногу он вышел из квартиры и уселся на крыльцо, обхватив голову руками.

Из Москвы поступила срочная шифровка с требованием уничтожить секретные документы и обусловить связь с ценной агентурой.

Для того чтобы обеспечить агентуру системой радиосвязи, в резидентуре решили, чтобы В.М. Бережков, 1-й секретарь посольства СССР в Германии, договорился с охранявшим посольство офицером СС о совместном выезде в город со своим посольским другом под предлогом прощания последнего с любимой немецкой девушкой, пообещав за это солидную сумму в марках наличными. Таким «другом» был А.М. Коротков – сотрудник резидентуры в Берлине. При нем был закамуфлированный под дорожный чемодан радиопередатчик.

24 июня 1941 года, на третий день войны, ворота посольства отворил дежурный эсэсовец, и на Унтер-ден-Линден выехал посольский «Опель-олимпия». За рулем сидел Бережков, справа от него оберштурмфюрер СС, на заднем сиденье – «друг», оперативный сотрудник А.М. Коротков. Он выглядел как влюбленный человек, которого

война разлучала с его девушкой, с которой он собирался попрощаться, возможно, навсегда.

Сойдя у станции метро, Коротков неторопливо спустился вниз и сел в подошедший поезд. Сменив несколько маршрутов, Коротков на одной из станций подземки встретился с Элизабет Шумахер, активной и надежной антифашисткой берлинского подполья. Она ответила на поставленные оперработником вопросы, он передал ей 20 тысяч марок.

– Время непредсказуемое, вам могут потребоваться средства на поездки, приобретение техники, бумаги, да мало ли чего еще. Понимаю, что этого недостаточно, но при первой возможности постараемся переправить дополнительные средства. Теперь, Элизабет, слушай внимательно и запоминай. Необходимо передать Арвиду Харнаку этот чемодан и сообщить ему, что исходная цифра для перешифровки букв – 19405. Запомнила?

Работники посольства, а с ними и резидентуры, были вывезены немцами из Берлина 2 июля 1941 года и через Турцию прибыли в Ленинакан на армяно-турецкой границе 18 июля того же года. Выход А.М. Короткова в город 24 июня был последней личной встречей советского разведчика с берлинскими антифашистами.

Центр не сообщил А. Харнаку длину собственной волны радиопередач, без чего радиосвязь с берлинцами принимала односторонний характер. В Берлине при всем желании не могли принять и расшифровать указания Москвы, если бы они и последовали. Оборудованная в районе Бреста приемная станция для А. Харнака перестала существовать в первые же дни войны. Другого приемного пункта у внешней разведки не было.

Однако стоило взглянуть на карту Европы, чтобы заметить, что расстояние от Стокгольма или Лондона до Берлина было намного короче, чем от Минска или Москвы, не говоря уж об Урале. Это натолкнуло руководство разведки на мысль – использовать радиостанции ее резидентур в Великобритании и Швеции. Берия лично дал указание возобновить слушание рации Арвида Харнака из Стокгольма и Лондона.

Радиостанция резидентуры в Стокгольме не поймала ни одного радиосигнала. Лондон же сообщил, что приемник резидентуры зафиксировал однажды слабые радиосигналы рации Харнака, но в дальнейшем они не повторялись.

Руководство немецкого отдела советской внешней разведки доложило начальнику разведки свою оценку сложившейся обстановки: отсутствие полной ясности причин молчания рации А. Харнака делает настоятельным посылку в Берлин надежного курьера-связника.

В подготовленном отделом проекте телеграммы в резидентуры, хранящемся в архиве СВР, говорилось:

«Выясните причины отсутствия радиопередач. Узнайте также, в каком положении находятся наши близкие друзья. Пусть готовят квар-

тиры для приема гостей, которые к ним прибудут. Желательно, чтобы берлинские друзья срочно выехали для личной встречи с торгпредом в Стамбул или с консулом в Стокгольм». В том и другом случае назывался пароль – Штральман.

В числе хорошо известных разведке людей был радист К. Шульце. Выходец из многодетной бедной семьи Курт Шульце в Первую мировую войну был призван в военно-морской флот, приобрел специальность радиотелеграфиста и служил бортрадистом на крейсере. После демобилизации работал шофером, а последнее время курьером на почте. В 1920 году Шульце вступил в КПГ, и она воспитала его убежденным пролетарским интернационалистом. В 1929 году он дал согласие вести по линии Коминтерна разведывательную деятельность в пользу Советского Союза, воплощавшего в его глазах идеалы общественного прогресса, мира и социальной справедливости.

Когда Гитлер напал на СССР, К.Шульце ожидал, что с началом войны его востребуют и он окажется полезным бойцом невидимого фронта. Но проходили дни и недели, а к нему никто не являлся. Но вот однажды к нему обратился давний друг и товарищ по партии Вальтер Хуземан, который попросил Курта от имени Коминтерна помочь организации Шульце-Бойзена – Харнака наладить регулярную связь с Москвой. Курт Шульце, возможно, подумал, что это и есть то самое поручение, которого он столько времени ожидал, и включился в деятельность организации, используя свои опыт и знания.

Первые же контакты Курта Шульце с Харро Шульце-Бойзеном убедили радиста, что он действительно оказывает помощь Советскому Союзу в его борьбе с фашизмом. Информацию военно-политического характера, которую Харро сообщал для передачи в Москву, трудно было недооценить.

Например, Шульце-Бойзен сообщил Курту планы немецкого командования на 1942 год. Они, в частности, предусматривали боевые действия немецких войск в направлении нефтеносных районов Кавказа, прежде всего Майкопа. По информации Харро, это диктовалось острой нехваткой горючего для ВВС и боевой техники. По подсчетам немецких экспертов, собственного бензина, накопленного Германией, должно было хватить до марта 1942 года. В дальнейшем последовала бы неизбежная остановка транспортных средств и боевой техники. Поэтому Гитлер нацеливался на Кавказ, до которого, по его расчетам, ближе всего немецким армиям. Для восстановления нефтяных скважин на захваченной немцами территории требовалось, по предварительным расчетам, от шести до девяти месяцев. Группу же немецких войск под Москвой и Ленинградом германское командование предполагало усилить, в частности, за счет солдат и офицеров воздушно-десантных сил, участвовавших в боях за Крит. Наступать на Ленинград немецкое командование, по словам Харро, не собиралось. Оно хотело задушить город в кольце плотной блокады.

В своей информации Харро указал, что за первые месяцы войны немецкие ВВС понесли на Восточном фронте значительные потери. Пополнение новыми самолетами отставало от потребностей боевой авиации. Большинство авиазаводов в оккупированной немцами Европе лежало в руинах. Вместе с тем Германия и ее вооруженные силы располагали большими возможностями для начала химической войны.

Харро сообщил местонахождение ставки Гитлера и указал, что там же разместился со своим штабом маршал Геринг. По соображениям безопасности расположение штаб-квартиры фюрера часто менялось.

Далее Шульце-Бойзен отметил, что немцы захватили в Петсамо (Финляндия) советский дипломатический код. Германская разведка разгромила на Балканах разведсеть англичан и завербовала нескольких радистов, с помощью которых организовала радиоигру с Лондоном. Адмирал Канарис, начальник абвера, якобы привлек к сотрудничеству шефа разведки Комитета Сражающейся Франции, который в Лондоне возглавил генерал де Голль.

Однако разведывательная информация, переданная по радио в Москву, не была услышана адресатом. И все же эти ценнейшие сведения удалось по каналам нелегальной разведки сообщить в Центр. Они были доложены И.В. Сталину и получили его высокую оценку.

Но регулярной связи наладить не удавалось. «В чем дело, почему молчит Берлин?» – не понимали во внешней разведке. После ознакомления с соответствующей документацией радист-эксперт заявил: «Удивительного в этом ничего нет. Рация у берлинских антифашистов маломощная. При всем старании они вряд ли могут связаться с системой радиосвязи в Куйбышеве, куда переместились основные службы разведки».

Возникшая ситуация заставила разведку искать новые возможности восстановления связи с берлинцами. После тщательной проверки были отобраны два опытных агента. Было решено ускорить их подготовку и в конце 1941 года по воздуху перебросить из Великобритании на Европейский континент. По договоренности с английскими спецслужбами, с которыми имелось специальное соглашение, агенты «Вахе» и «Бригадир», уже имея навыки работы в тылу врага, отрабатывали прыжки с парашютом. Однако во время одной из тренировок на британском полигоне «Вахе» получил серьезную травму и был госпитализирован. Командировка «Вахе» и «Бригадира» в Берлин сорвалась, так и не успев начаться.

Внешняя разведка потребовала от стокгольмской резидентуры более активно использовать агентуру, которой самой поручалось подобрать курьера-связника для направления в Берлин. В январе 1942 года в Стокгольм резиденту Кину (Б.А. Рыбкину) ушло указание в кратчайший срок найти надежного человека для направления его на связь с группой Шульце-Бойзена и Харнака.

Поручение озадачило Кина и его заместителя Ирину (З.И. Рыбкину-Воскресенскую), но они нашли выход, и Центр был вынужден согласиться с их предложением о передаче «Адаму» – директору одной из шведских фирм, условий явки к членам группы Шульце-Бойзена–Харнака.

Только в июне 1942 года, спустя полгода после получения стокгольмской резидентурой задания, «Адам» вылетел в Берлин. Здесь он встретился с радистом группы Куртом Шульце, который сообщил Адаму, что ему не хватает радиодеталей и анодных батарей питания, чтобы наладить радиосвязь с Москвой.

Последствия визита «Адама» в Берлин неожиданным образом отозвались осенью 1942 года. В телеграмме Кину, подписанной Берией, утверждалось, будто «Адам» оказался провокатором. Явки, которые давались ему при посещении Берлина, провалены, а наши разведывательные источники в Берлине арестованы. На самом деле доказательств причастности «Адама» к провалам явок и арестам членов группы в архивах разведки не оказалось.

Тем временем внешняя разведка упорно продолжала поиски путей восстановления связи с берлинскими антифашистами. Вечером 4 августа 1942 года к небольшому подмосковному аэродрому подъехали легковые автомашины, из которых вышли два парашютиста – «Франц» (Альберт Хесслер) и «Бек» (Роберт Барт), готовые к заброске в тыл к немцам.

Хесслер давно стал на путь борьбы с фашизмом. Вторым был военнопленный, рядовой Роберт Барт, 1910 года рождения, заявивший о своей принадлежности к КПГ. По требованию Фитина Барт был доставлен из лагеря немецких военнопленных во внутреннюю тюрьму на Лубянке. На допросах Барт сообщил о себе сведения, которые подтвердились при проверке.

– Хватит, повоевал за фюрера, – заявил он. – Надо убедить немецких солдат в том, что Гитлер и Германия – это разные понятия.

– Вы готовы содействовать этому?

– Да, если представится случай.

Так Альберт Хесслер и Роберт Барт оказались в разведшколе, где их подготовили по специальной программе.

Предусматривалась и такая вероятность, как работа «Франца» и «Бека» на рации под контролем германской контрразведки. Парашютисты могли сделать вид, что согласились с предъявленными требованиями, но при этом должны были подать сигнал тревоги. Над его выбором сотрудники внешней разведки ломали голову не один день. Остановились на том, что у радиста «невольно» дрогнет рука и он собьется, а затем повторит текст. Сигнал тревоги, таким образом, должен был выглядеть как повторение нескольких отдельных групп зашифрованного текста.

Для Альберта Хесслера было подготовлено задание, предусматривавшее его проникновение в Берлин под видом рядового вермахта и установление по паролю связи с членами организации Шульце-Бойзена–Харнака. В дальнейшем ему следовало организовать устойчивую радиосвязь с Центром, пользуясь своим шифром. Если по каким-то причинам это не удастся, то можно было прибегнуть к услугам Роберта Барта, имевшего самостоятельную рацию и собственный шифр. Но это предполагалось лишь на самый крайний случай.

План-задание для Роберта Барта был утвержден Берией. Начальник Четвертого управления НКВД П.А. Судоплатов считал, что работа с военнопленным, предназначенным для заброски в немецкий тыл, входит в его компетенцию. На худой конец, эту операцию следовало проводить совместно Первому и Четвертому управлениям НКВД. Поэтому подготовленный при активном участии Судоплатова план-задание был доложен наркому за подписью Фитина и Судоплатова.

В начале августа 1942 года А. Хесслер шел по улицам Берлина, в котором он отсутствовал почти десять лет. В это время на Волге в районе Сталинграда развернулась невиданная в истории битва, исход которой означал перелом в ходе Отечественной войны. Хесслер – опытный журналист и пропагандист, уловил, что германское радио при слове «Сталинград» невольно сбивалось с привычного для него мажорного тона. Как и было условлено, Альберт сразу же начал поиск связи с Москвой.

В середине сентября его рацию наконец услышали в Центре, но наладить двустороннюю связь с ним так и не удалось. Роберт Барт 9 сентября успел сообщить в Москву о том, что прибыл в пункт назначения. Но вскоре, как потом выяснилось, оба парашютиста оказались в руках гестаповцев. А после паузы в середине октября связь с ними, как по мановению волшебной палочки, возобновилась. Ничего существенного из Берлина не поступало, а радиограммы содержали намеки на то, что берлинские антифашисты испытывали затруднения, а часть членов группы арестована.

14 октября 1942 года Барт передал в Центр радиограмму, которая была особенно несвойственна его манере работы на радиоключе и расшифровать которую так и не смогли. Вскоре поступила радиограмма от Хесслера. Ее содержание также не поддавалось дешифрованию. Никто из тех, кто непосредственно был связан с приемом и докладом телеграмм, не обратил внимания на необычный характер сообщений из Берлина. Мало того, спустя какое-то время Роберту Барту, доложившему об исчезновении Хесслера, были переданы явки к ценным связям. По-видимому, в Центре сочли, что в этих обстоятельствах ему следовало взять на себя роль групповода оставшихся в Берлине источников информации.

Однако вместо ценных сведений от Барта поступили путаные объяснения, из которых следовало одно: все явки по какой-то причине провалены.

Последующий анализ, проведенный в начале 1943 года, показал, что от имени Хесслера с Центром работало гестапо. Проверка возникших подозрений подтвердила худшие предположения. По заключению экспертов, 14 октября Барт работал в эфире неуверенно, не объявлял группы зашифрованного текста и при их повторении давал другие группы знаков. Можно предположить, что он таким образом предупреждал Центр, как было условлено, о том, что работал на рации под контролем германской контрразведки.

Однако радиосигнал Барта не привлек должного внимания. Сотрудники радиоцентра на запрос внешней разведки дали ответ, что, по их мнению, сигнал тревоги, поданный корреспондентом, «неудачен», особенно ввиду слабой его слышимости. Радисты не могли с уверенностью утверждать, была ли путаная телеграмма Барта следствием его преднамеренных действий или плохих метеорологических условий и значительной удаленности.

Вместе с тем неизвестно, предупредила ли внешняя разведка радиоцентр о том, чтобы он фиксировал случаи поступления радиограмм с какими-либо отклонениями от принятых параметров.

Альберт Хесслер, поняв, что его сигналы тревоги не доходили до Москвы, наотрез отказался от предложенной ему гестаповцами роли подсадной утки. Он был доставлен в камеру смертников и в начале 1943 года расстрелян.

Барту была уготована не менее трагическая судьба. Он встретил окончание войны в американском плену. По сведениям англо-американских союзников, Барт сообщил им, что участвовал в радиоигре германской контрразведки с англичанами. Радист был передан советской стороне по ее просьбе и доставлен на Лубянку. Выяснилось, что Барт провалился потому, что его искали. Из трофейного немецкого документа, захваченного Красной Армией после его вылета на задание, явствовало, что пропавших без вести и дезертиров брали на учет и включали в списки, направляемые в Берлин и в вермахт, чтобы контролировать их возможное появление на фронте или по месту жительства. Нарушив инструкцию, Барт явился к жене, которая была предусмотрительно помещена гестапо в госпиталь, и тут его задержала германская контрразведка.

Во время допроса он признался в том, что рассказал немцам после его захвата о своей связи с советской разведкой и сообщил гестапо все данные о Хесслере. На основании этих показаний Роберт Барт Особым совещанием при НКВД СССР был признан виновным в измене, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

* * *

Кольцо поиска германской контрразведки все туже затягивалось вокруг «Красной капеллы». В отделе дешифрования накопились сотни метров с записями «концертов» невидимых «пианистов». Прошел год с того дня, когда записали первый радиосигнал и пленки чуть было не сожгли, но спохватились и принялись работать еще более настойчиво над их расшифрованием.

Было ясно, что необходимо схватить вначале хотя бы одного «пианиста», но его след в Берлине найти было нелегко. Гестаповцам помог установленный на машине мобильный пеленгатор, который и привел «охотников» к искомой цели далеко от Берлина, в пригороде Брюсселя. Гестапо располагало и другими оперативными данными, сопоставление которых, вместе взятых, и привело к выходу на Шульце-Бойзена. Дешифровка пленок с радиосигналами и сведения, выбитые гестаповцами из Барта после его ареста, – а это примерно совпало по времени, – были кульминацией в анализе накопленных гестапо сведений о деятельности «Красной капеллы». И вслед за арестом Харро Шульце-Бойзена началась ее ликвидация.

Уже с середины 1942 года гестапо установило слежку за Харро Шульце-Бойзеном и начало прослушивание его телефона, организовало сбор данных о связанных с ним лицах. Контрразведка рассчитывала получить дополнительные улики и выявить всех участников Сопротивления. Но этот план зондеркоманды «Роте капелле» неожиданно был сорван Хорстом Хайльманом, сотрудником службы радиоперехвата. Молодой человек буквально боготворил Харро Шульце-Бойзена, под его влиянием отошел от нацистских взглядов и готов был помогать в борьбе против фашистов за будущую демократическую Германию. Хайльман сообщил Шульце-Бойзену, что на службе заведено многотомное дело «Роте капелле» и дешифровальщики долго бились над тем, чтобы установить, кто скрывался под псевдонимами, и, кажется, им это удалось сделать.

– Ты мог бы взглянуть на эти документы? – поинтересовался Харро у своего юного друга.

– Это непросто, бумаги в другом подразделении. Но я там кое-кого знаю. Думаю, сумею узнать, что удалось достичь дешифровальщикам.

– Постарайся, Хорст. От этого многое зависит.

Хайльман выполнил просьбу друга, добыл нужные сведения. Сомнений не осталось: зондеркоманда установила, что под псевдонимом «Хоро» скрывался Шульце-Бойзен. Следовало немедленно предупредить о страшной опасности и его, и других друзей-единомышленников. 31 августа 1942 года в служебном кабинете в министерстве авиации Шульце-Бойзен был арестован, а за его рабочий стол посадили гестаповца, отвечавшего на телефонные звонки и спрашивавше-

го, кто звонил и что намеревался сообщить обер-лейтенанту. Гестапо хотело как можно дольше сохранить в секрете арест антифашиста.. Но Хайльман, удивленный появлением в кабинете своего друга неизвестного лица, догадался, что стоит за этим, и предупредил жену Шульце-Бойзена о беде и необходимости срочно скрыться. Он спрятал личные бумаги и кое-что из бумаг своего арестованного друга. Но на большее у Хайльмана не осталось времени. 5 сентября он явился на службу и был арестован. Массовые аресты гестапо произвело в середине сентября.

В конце сентября 1942 года число арестованных только в Берлине составило около семидесяти человек, в конце ноября – уже больше сотни.

Гитлер, слушая доклад Гиммлера о деле «Красной капеллы», пришел в ярость и выкрикнул:

– Если бы не русские шпионы, мы давно разбили бы их армию и Рейх торжествовал победу! Эти заговорщики дорого заплатят за то, что нанесли удар в спину вермахта.

По распоряжению руководства РСХА делу «Красной капеллы» был придан один из высших грифов секретности – «Секретное дело командования»: то, что группа немецких патриотов выступила против нацистского режима, мог знать лишь до предела ограниченный круг людей.

Допросы арестованных следователи проводили в особом режиме, руководствуясь директивой Рейха от 12 июня 1942 года «О более жестоком ведении допросов» в отношении коммунистов, марксистов, священников, саботажников, террористов, членов движения Сопротивления, забрасываемых парашютистов, бродяг, а также лиц советской и польской национальностей. Безжалостное избиение, любые пытки при этом считались допустимыми.

Харро Шульце-Бойзен, как и другие антифашисты, мужественно вел себя в застенках гестапо. По утрам он делал физзарядку, чем выводил из себя его мучителей.

– Послушай, Харро, – орали они ему, – до следующей олимпиады в Берлине тебе не дожить!

С точки зрения обычного ведения следствия уложиться для завершения его в поставленные Гитлером сжатые сроки – до конца декабря 1942 года – было невозможно. Поэтому германский трибунал пошел на хитрую уловку: все участники дела были разбиты на группы по шесть человек и их дознание велось параллельно. Обвиняемых было много, а свидетели практически отсутствовали. В связи с этим показания одних арестованных в ряде случаев использовались в качестве обвинения против других задержанных.

В последнем слове обвиняемые заявили, что они действовали сознательно в интересах Германии, стремясь предотвратить неизбеж-

ное тяжелое поражение в войне. Будущее страны они связывали с подлинной демократией, социальной справедливостью, миролюбивой политикой и ее международным авторитетом, которые можно было обрести, опираясь прежде всего на СССР. Союз же с западными странами, по их мнению, сулил Германии новое унижение, пострашнее Версальского мирного договора, подписанного Германией после Первой мировой войны. Говорилось также о собственном пути развития послевоенной Германии. В письмах к родным, дошедших до нас, осужденные говорили о большой любви к своим близким, к жизни, родине, о правильности избранного ими пути борьбы, выражали мнение, что память о них не угаснет и будет светлой.

В докладной записке Гиммлеру шеф гестапо Мюллер писал: «Как явствует из протоколов допросов, подсудимые боролись не только против национал-социализма. В своем мировоззрении они настолько отошли от идеологии Запада, который считали безнадежно больным, что видели спасение человечества только на Востоке».

Когда Гиммлер пришел к Гитлеру с приговором имперского военного суда по делу первых двенадцати осужденных, в том числе Харро и Либертас Шульце-Бойзен, Арвида и Милдред Харнак и других, в котором все приговаривались к смертной казни, кроме Милдред Харнак, осужденной на шесть лет тюрьмы, и графини Эрики фон Брокдорф, получившей десять лет тюремного заключения, Гитлер пришел в бешенство.

– И это приговор трибунала людям, недостойным называться немцами?! Нет, за их деяния – только смерть!

Гитлер вызвал стенографистку и продиктовал ей распоряжение: утвердить всем смертные приговоры – мужчин казнить на виселице, женщин – на гильотине. Дела М. Харнак и фон Брокдорф направить на пересмотр новому военно-полевому суду (обе мужественные женщины были обезглавлены в 1943 году).

Со дня первой казни и по октябрь 1943 года были казнены на виселице тридцать один мужчина и обезглавлены на гильотине восемнадцать женщин. Семь человек покончили с собой во время следствия, семь были отправлены в концлагеря, двадцать пять – на каторгу с различными сроками наказания, восемь – на фронт, несколько человек расстреляны.

Если вожди нацистского режима полагали, что арест ведущих членов «Красной капеллы» поставил точку в немецком Сопротивлении, то они жестоко ошибались. Последующие события подтвердили это. Как признавал в своих мемуарах начальник политической разведки гитлеровского Рейха Шелленберг, нацистам так и не удалось добиться полного прекращения борьбы «Красной капеллы».

Подвиг антифашистов был высоко отмечен в СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от октября 1969 года «группа не-

мецких граждан за активное участие в борьбе против фашизма, помощь Советскому Союзу в период Великой Отечественной войны и проявленные при этом мужество, инициативу и стойкость» награждалась боевыми советскими орденами. Отмечены высокими наградами 32 человека, из которых 29 – посмертно. Около половины из них – члены организации «Старшины» – «Корсиканца».

11

Жизнь, отданная разведке

Еще до рассвета 22 июня 1941 года советское посольство в Берлине было окружено отрядом эсэсовцев. Война, приближение которой в последние дни ощущалось особенно остро, стала реальностью. Теперь ни в здание посольства, ни из здания уже никого не выпускали. Командовал отрядом офицер СС Хейнеман. Единственным человеком, кто мог выехать из посольства, был первый секретарь В.М. Бережков. Но он мог проследовать только по строго определенному маршруту и обязательно в сопровождении Хейнемана. Бережков был выделен для связи с МИД Германии и по вызову из этого министерства выезжал для переговоров, которые касались в основном вопросов процедуры обмена составами посольств.

В один из этих тревожных дней из гаража посольства к парадному подъезду подали автомашину «Опель-олимпия». Она была единственной из всего парка машин, которая была приобретена в Германии, все остальные машины были советского производства.

За руль сел Бережков, рядом с ним, как обычно, уселся Хейнеман, а на заднем сиденье находился третий пассажир.

Машина тронулась, стоявшие у ворот эсэсовцы расступились, откозыряли шефу, и «Опель» покатил по маршруту. Но на этот раз путь лежал не на Вильгельмштрассе, сегодня советского представителя не вызывали в МИД, и поэтому машина проехала по городу и остановилась у большого универсального магазина. Пассажир быстро вышел и на пожелание Хейнемана «счастливого свидания» дружески махнул рукой. Машина тронулась и исчезла за поворотом[1].

Вышедшему из машины человеку было лет 30, спортивного телосложения, шатен, черты его лица говорили о волевом, решительном характере.

Это был Александр Михайлович Коротков, заместитель резидента советской внешней разведки в Берлине. Он не торопясь прошел по магазину, смешался с толпой покупателей, поднялся на лифте на тре-

тий этаж и через пять минут оказался у выхода из магазина, который вывел его на другую улицу. За эти минуты он прошел короткий, но весьма надежный проверочный маршрут внутри магазина, которым пользовался раньше, и, не обнаружив ничего подозрительного, сел в подошедший к остановке трамвай. Проехав четыре остановки, вышел, поднялся по малолюдному переулку вверх. Никаких признаков наружного наблюдения заметно не было. Затем завернул за угол, пересек проходной двор и вошел в подъезд пятиэтажного жилого дома. Ему необходимо было еще раз убедиться, что слежки за ним нет. Через стекло двери хорошо просматривался выход из двора, и если был бы хвост, то в этой ситуации он обязательно выявил бы себя.

Примерно через час «опель-олимпия» подъехал к универсальному магазину. Разведчик уже был на месте. Он не спеша подошел к машине и через минуту занял прежнее место на заднем сиденье.

– Ну как, встретились? – обернувшись, спросил Хейнеман.

– Да, все нормально, она была очень рада. Благодарю Вас, возможно, больше не придется увидеться с моей Гретхен.

– Что поделаешь, война, – вздохнул немец.

Машина въехала во двор посольства. Хейнеман вышел.

– Как договорились, жду Вас к обеду, – напомнил ему Бережков.

– Сейчас проверю свою команду и приду, – негромко произнес офицер и пошел к воротам, где стояли с автоматами трое рослых солдат в черных мундирах.

Вылазка Короткова в город дала много. Она позволила разведчику провести инструктаж одного из руководителей антифашистской организации «Красная капелла» в отношении ее действий и поддержания связи в условиях войны.

Этой поездке предшествовала серьезная подготовительная работа. Сотрудники резидентуры обратили внимание на то, что офицер СС Хейнеман, уже не молодой человек, был дружелюбно настроен по отношению к сотрудникам посольства. Бережкову, с которым он постоянно общался, рассказывал семейные новости, жаловался на трудности в связи с болезнью жены, высказывал беспокойство за судьбу сына, который заканчивал военное училище, говорил о денежных затруднениях в связи с лечением жены и покупкой экипировки для сына, которая по немецким законам приобреталась самим выпускником.

Посольство было заинтересовано в налаживании добрых отношений с начальником охраны. Это помогало легче решать многие вопросы, в том числе и касавшиеся снабжения продовольствием. Особый интерес был также и у резидентуры. Поэтому Бережкову было рекомендовано руководством посольства проявлять повышенные знаки внимания к Хейнеману и, в частности, приглашать его на кофе, на обед и т.д. Так велась работа по подготовке выезда оперработника в город.

Хейнеман был общительным человеком, и скоро он вместе с Бережковым завтракал, обедал, а иногда и ужинал. По установленному немцами порядку в вестибюле посольства размещался начальник охраны, солдаты же несли наружную службу. Поэтому им не видно было, чем занят их шеф. Стол сервировали в комнате, примыкавшей к вестибюлю, и в случае необходимости офицер мог вовремя занять свой пост. Повар трудился вовсю, и на столе всегда были хорошая еда и напитки. Хейнеман был доволен отношением к нему посольства и со своей стороны старался не создавать особых неудобств для его сотрудников.

В резидентуре пришли к выводу, что немцу можно дать деньги, поскольку тот остро нуждается в них.

В одной из бесед, когда речь зашла о деньгах и Хейнеман сокрушался по поводу предстоящих расходов, Бережков предложил ему рейхсмарки.

– Я был бы рад вам помочь, господин Хейнеман, – заметил как бы вскользь Бережков. – Я довольно долго работаю в Берлине и откладывал деньги, чтобы купить большую радиолу. Но теперь это не имеет смысла и деньги все равно пропадут. Нам не разрешили ничего вывозить, кроме одного чемодана с личными вещами и небольшой суммы на карманные расходы. Мне неловко делать такое предложение, но, если хотите, я могу вам дать тысячу марок.

– Я очень благодарен за это предложение, – помолчав, сказал Хейнеман. – Но как же я могу так запросто взять крупную сумму?

Уговаривать немца долго не пришлось. Вскоре деньги были у него в кармане. По окончании беседы Хейнеман еще раз поблагодарил Бережкова и сказал:

– Я был бы рад, если б имел возможность быть вам чем-либо полезным...

– Мне лично ничего не нужно, – ответил Бережков, – вы просто мне симпатичны и я рад вам помочь.

На следующий день оберштурмфюрер вновь вернулся к разговору о деньгах и снова поблагодарил дипломата, выразив сожаление, что не может его отблагодарить.

– Видите ли, господин Хейнеман, как я уже говорил, мне самому ничего не нужно. Но один из работников посольства, мой приятель, просил об одной услуге. Это чисто личное дело.

Бережков рассказал придуманную резидентурой историю о дружбе его друга с немецкой девушкой. Но ввиду того, что война началась внезапно, друг не смог попрощаться и хотел хоть на часок вырваться к ней. Немец задумался, затем предложил вариант выезда из посольства[2] (что и было описано выше).

Через пару дней Бережков договорился с Хейнеманом еще об одной поездке его друга в город. За два часа Александр Михайлович провел встречу с другим руководителем «Красной капеллы», про-

инструктировал его о работе в период войны, передал условия связи с Центром, снабдил деньгами и явками на другие страны.

Если бы Хейнеман оказался провокатором, то можно не сомневаться, что участников операции еще в первый выезд гитлеровцы лишили бы дипломатического иммунитета и арестовали, а советское посольство было бы поставлено в чрезвычайно сложные условия.

Однако Коротков, внимательно следивший за поведением Хейнемана, будучи трезвым аналитиком и проницательным человеком, почувствовал, что немец не пойдет на провокацию, и твердо решил действовать. Это дало возможность, казалось бы в немыслимо трудных условиях, найти выход и решить сложнейшую разведывательную задачу.

Александр Михайлович был, по отзывам хорошо знавших его товарищей, одним из наиболее талантливых сотрудников внешней разведки, как говорится, разведчик с искрой божьей. Еще до войны он успешно работал за границей, в том числе в нелегальных условиях. В последние дни войны руководил опергруппой в Берлине, на которую, помимо разведывательных функций, была возложена организация работы по принятию союзными представителями капитуляции от немецкого верховного командования.

Сразу же по окончании войны Коротков был назначен первым резидентом советской внешней разведки в Германии. В дальнейшем он неоднократно выезжал за границу, главным образом в страны с кризисными ситуациями.

А.М. Коротков вырос от рядового оперработника до заместителя начальника внешней разведки.

А начиналось все прозаично просто. Осенью 1928 года девятнадцатилетнего Сашу Короткова приняли на работу в ОГПУ в качестве... электромонтера. До этого он жил с матерью Анной Павловной в Москве, в районе Мещанских улиц, рос без отца, учился в школе, закончил девятилетку, работал учеником, потом электромонтером МОГЭС. В свободное время занимался спортом, играл в футбол, увлекался теннисом.

В ОГПУ заметили способного молодого человека, оказали ему помощь и дали возможность за короткое время стать образованным человеком, освоить основы агентурно-оперативной деятельности и перейти на оперативную работу. Через год он стал помощником оперативного уполномоченного, а затем и оперативным уполномоченным ИНО ОГПУ.

Он старательно изучал французский и немецкий языки. Немецким овладел в такой степени, что смог отправиться за границу под видом иностранца. Жена прекрасно владела немецким и другими иностранными языками. Поэтому появление «австрийской» семьи в Швейцарии ни у кого не вызвало подозрений.

Через два месяца Коротковы переехали во Францию. Александр Михайлович вошел в состав нелегальной резидентуры, которая вела работу по сбору данных, связанных с военно-стратегической проблематикой. Приход Гитлера к власти в Германии оказал серьезное влияние на военно-политическую обстановку в Европе. Советское руководство внимательно следило за развитием ситуации в крупных европейских странах, в том числе и во Франции. Особое внимание уделялось военным вопросам. Перед резидентурой стояла задача получения сведений об оценке боевых возможностей французской армии и ее способности противостоять растущей мощи германских вооруженных сил, о складывающихся военно-политических группировках на Европейском континенте, а также характеристик новых видов вооружений.

Александр Михайлович поступил учиться в Парижский радиотехнический институт, который давал возможность не только расширить общеобразовательную и специальную подготовку, но и обеспечить надежную легальную базу для разведывательной работы.

Примерно через год, выполнив поставленную задачу, Коротков вернулся в Москву. В 1937 году он выехал в загранкомандировку уже по «легальной» линии в Берлин под прикрытием стажера советского посольства. Работал там успешно, приобрел источника в одном важном объекте страны.

Летом 1938 года по указанию Центра разведчик прервал свою работу в Берлине и выехал для выполнения разведывательного задания во Францию. Эта поездка осуществлялась по нелегальному каналу с использованием иностранных документов. После выполнения задания в этом же году он вернулся в Москву.

Прошло десять лет с тех пор, как Александр Коротков впервые переступил порог здания ОГПУ на улице Дзержинского. Работа за рубежом многому научила, раскрыла такие его качества, как смелость, целеустремленность, решительность, добросовестность. И вот неожиданность...

1 января 1939 года А.М. Короткова уведомили о том, что он уволен из органов государственной безопасности. Этому решению предшествовала беседа у наркома внутренних дел Л. Берии.

Как свидетельствует один из ветеранов разведки, работавший в тот период в отделе вместе с Коротковым, к Берии была вызвана группа работников отдела. Берия начал с того, что стал у каждого спрашивать, кем тот работает, как идут дела, есть ли трудности. Одновременно задавал вопросы по биографии. Когда очередь дошла до Короткова, он спросил его, был ли тот за границей. Александр Михайлович стал подробно рассказывать, когда и в каких странах работал. Однако Берия прервал его и заявил:

– Раз был за границей, значит, тебя там завербовали.

Коротков побледнел и начал доказывать, что никто не сможет его завербовать, так как он патриот своей Родины и готов за нее отдать жизнь. Однако Берия повторил, что в разведке Коротков больше работать не будет. Присутствовавшие сотрудники пытались защитить своего коллегу, однако ничего не вышло.

Через пару дней появился приказ об увольнении А.М. Короткова из разведки. Однако комсомольцы отдела не согласились с принятым решением. Было проведено собрание, на котором постановили обратиться в партком наркомата за поддержкой. Делегация встретилась с секретарем парткома и высказала свое мнение о принятом решении и поставила вопрос о его пересмотре. Комсомольцы заявили, что ручаются за преданность своего коллеги и полностью доверяют ему.

Сам Александр Михайлович написал рапорт, в котором изложил свои соображения по поводу увольнения. В частности, он писал: «...Я считал, что шел на полезное дело, и ни минуты не колебался, подвергая себя риску поплатиться за это головой... Отчетливо понимаю необходимость профилактических мер, но... я не заслужил недоверия... Не вижу за собой поступков, могущих быть причиной отнятия у меня чести работать в органах. Оказаться в таком положении беспредельно тяжело и обидно».

Обращение в партком молодых сотрудников и рапорт Александра Михайловича сыграли свою роль. Коротков был восстановлен в должности, а вскоре направлен на работу за границу. Случай по тем временам редкий, но довольно красноречивый. Перед сплоченными действиями коллектива спасовал даже Берия. Во второй половине 1940 года Коротков прибыл в Германию в качестве заместителя резидента «легальной» резидентуры.

Одна из основных его задач состояла в том, чтобы проверить ценные источники резидентуры, встретиться с ними лично, понять и оценить положение, настроения и возможности каждого из них. Если у Короткова складывалось положительное впечатление от контакта, он договаривался о дальнейших встречах, на которые выходил сам или направлял кого-либо из молодых оперработников, недавно прибывших на пополнение резидентуры. Коротков навестил трех наших хороших друзей-помощников, которые давно уже не имели связи с Центром. Беседа с А.М. Коротковым вдохновила их и убедила, что они ведут борьбу против фашизма не в одиночку, на их стороне – Советский Союз и народы других стран.

Молодость и энергия помогли Короткову справиться с тем огромным объемом работы, который пришелся на его долю: по несколько встреч в день с агентурой, отчеты о состоявшихся беседах, подготовка телеграмм и оперативных писем в Москву и многое другое. В некоторых случаях приходилось выезжать на встречи с ценной агентурой за пределы Берлина. И, как всегда, Александр Михайлович тщательно готовился к каждому такому заданию.

Однажды возникла острая ситуация, которая поставила под вопрос дальнейшее пребывание Короткова в Берлине. Опытный агент Центра «Червонная» попала в засаду гестапо. Возникло опасение, что провалившийся агент может навести гестапо на след разведчика. Ему было приказано прекратить встречи с агентурой и срочно выехать в Москву для обстоятельного рассмотрения сложившейся обстановки. Пребывание в Центре было использовано для дополнительного инструктажа и уточнения линии дальнейшей работы. Заместитель начальника разведки хотел представить Короткова Берии, но последний не захотел его видеть. Видимо, прямые, смелые люди, оберегающие свое достоинство, были у наркома не в чести.

– Не будем надоедать Берии, – сказал комиссар госбезопасности. – Все, что нужно, ты уже знаешь. Инструкции с ним согласованы.

– Я их читал.

– Отлично. Теперь вот здесь, – заместитель начальника разведки указал на низ страницы, – поставь подпись. Видишь, под чем подписываешься? «Читал, усвоил и принял к исполнению».

– Понял.

– Когда собираешься выехать в Берлин?

– Сегодня уже не успею. Значит, завтра. Представляю, сколько там накопилось всяких дел.

По прибытии в Берлин Коротков встретился в числе первых с руководителем подпольной антифашистской группы Сопротивления «Корсиканцем» – Арвидом Харнаком, правительственным советником министерства экономики.

– Вопрос о выступлении Германии против СССР – дело решенное, – сообщил «Корсиканец», едва обменявшись приветствием и рукопожатием с Коротковым.

Информация о форсированной подготовке Германии к войне против СССР шла из Берлина в Центр непрерывным потоком, однако каким-либо заметным образом Москва на это не реагировала.

Обеспокоенный складывавшейся ситуацией, Александр Михайлович 20 марта 1941 года направил личное письмо на имя наркома государственной безопасности СССР Л.П. Берии.

Ниже приводится текст письма[3].

«Тов. Павлу[4] – лично.

В процессе работы с «Корсиканцем» от него получен ряд данных, говорящих о подготовке немцами военного выступления против Советского Союза на весну текущего года. Анализ этих сведений дает следующую картину.

В октябре 1940 года К. сообщил: «В ближайшее время предстоит военная оккупация немцами Румынии. Эта оккупация явится предварительным шагом против СССР, целью которой является отторжение от Советского Союза территории западнее линии Ленинград –

Черное море, создание на ней полностью находящегося в немецких руках правительства. В остальной части Советского Союза должно быть образовано дружественное Германии правительство».

Эти сведения известны от одного из руководителей фирмы «Лейзер» Т., входящего в группу «Корсиканца». Т. почерпнул их из разговора со своим другом, работающим в верховном командовании немецкой армии. Последний узнал об этом от своего начальника.

«Икс», работник комитета по четырехлетнему плану при Геринге, рассказал «Корсиканцу», что он получил задание подготовить расчеты об экономическом эффекте от оккупации советской территории немцами. При этом приводилось мнение начальника генерального штаба сухопутной армии Гальдера о неспособности Красной Армии оказать длительное сопротивление, о возможности оккупации Украины в чрезвычайно короткий срок при молниеносном ударе и взятии даже Баку.

Знакомый «Корсиканца», принц З., имеющий связи в военных кругах, заявил ему, что подготовка удара против СССР стала очевидностью. Об этом свидетельствует расположение сконцентрированных на нашей границе немецких войск. Немцев очень интересует железная дорога Львов–Одесса, имеющая западноевропейскую колею. Другой подысточник «Корсиканца» Ц., знакомый с людьми из бюро Риббентропа и службы безопасности СС, ссылаясь на свой разговор с двумя фельдмаршалами, заявил, что Германия в мае выступит против СССР.

Руководитель статистического института, работающего по заданиям военного командования, Л., рассказал «Корсиканцу» также о готовящемся нападении на СССР.

От других лиц «Корсиканец» получал аналогичные данные. Например, немцы подготавливают карты расположения наших промышленных районов; лица, знающие русский язык, получили извещения, что в случае мобилизации они будут использованы в качестве переводчиков при военных трибуналах; двоюродный брат «Корсиканца» сообщил, что в процессе зондирования почвы об отношении к Гитлеру военного руководства также сложилось впечатление о подготовке войны против СССР. Состоялся разговор с уполномоченным «Форшунгсамта» (служба подслушивания Геринга). Он высказал личное мнение, что операции против Британских островов отсрочены, сначала последуют действия в районе Средиземного моря, затем против СССР и только потом против Англии. Как теперь сообщает «Корсиканец», царит общее мнение, что операции против Англии отложены...

Еще в прошлом году «Лесовод» получил данные от работника группы немецкого командования о том, что Германия начнет военные действия против СССР. Косвенные сведения поступали тогда же также от «Кузнецова» и «Брайтенбаха».

Далее Коротков просил наркома дать указание соответствующему отделу проанализировать всю имеющуюся по этому вопросу информацию и дать оценку развитию событий в Германии. О результатах анализа и решении руководства он просил сообщить в резидентуру телеграфом, подчеркнув, что время не терпит.

Однако ответ в резидентуру так и не пришел. Письмо Короткова не получило заслуживающей того оценки со стороны руководства НКВД и было списано в его личное дело.

В марте 1941 года Александр Михайлович по указанию Центра установил связь со «Старшиной», который входил в группу «Корсиканца». Это было сделано для проверки информации «Корсиканца». «Старшина» – Харро Шульце-Бойзен – оказался исключительно информированным человеком в военно-политических вопросах и убежденным противником нацизма. Он работал в 5-м отделе Института исследований, выполнявшего функции разведки в министерстве авиации.

Харро Шульце-Бойзен произвел хорошее впечатление на Александра Михайловича. Это был целеустремленный, решительный офицер, который пошел на контакт с советскими представителями по политическим убеждениям, понимая, что борьбу с фашизмом в одиночку не выиграть.

От «Старшины» было получено значительное количество материалов, подтверждавших ранее сообщенную информацию «Корсиканца» об активной подготовке Германии к войне против СССР.

На основе получаемой от «Корсиканца» и «Старшины» информации, а также используя материалы других источников, внешняя разведка регулярно информировала высшее руководство страны о нависшей над страной военной угрозе, ходе разработки планов военных действий и сроках немецкого наступления. Последние все более конкретизировались. Однако Кремль адекватной реакции не проявлял. В немалой степени этому способствовало то, что фашистские специальные службы осуществляли большую работу по дезинформации СССР с использованием агентуры и технических средств, чтобы ввести советское руководство и командование Красной Армии в заблуждение. К сожалению, это им удалось сделать.

Разведка, тем не менее, приняла ряд мер по подготовке агентурной сети в Германии к работе в условиях военного времени. В марте–апреле 1941 года в берлинскую резидентуру было направлено указание руководства внешней разведки об организации прямой радиосвязи ценной агентуры с Центром. В этом указании, в частности, говорилось: «Создавшаяся обстановка требует принятия срочных мер по переводу основной, наиболее ценной агентуры на прямую связь с нами, т.е. создания нескольких нелегальных резидентур, могущих осуществлять связь с Москвой по радио».

Однако времени на создание нелегальных звеньев внешней разведки, обучение ее персонала работе на рации, закрепление этих навыков не хватило.

2 июля 1941 года А.М. Коротков вместе с интернированным составом посольства покинул Германию. В турецком городе Эдирне советские сотрудники были переданы немцами представителям турецких властей и сотрудникам советского посольства в Турции. Через несколько дней Александр Михайлович Коротков был уже в Москве.

В августе 1941 года Коротков был назначен заместителем начальника немецкого отдела ГУГБ НКВД. В ноябре он уже стал начальником отдела, на который во время войны было возложено ведение разведывательной работы на территории Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии, Греции.

Положение Короткова как начальника отдела было чрезвычайно сложным. Связь со многими источниками в Германии была с началом войны потеряна. Война с Германией сделала невозможным пребывание «легальных» резидентур в тех странах, которые выступили союзниками Гитлера против СССР (кроме Болгарии). В результате репрессий 1937–1938 годов из Германии и других европейских стран были отозваны разведчики-нелегалы. Многие из них были репрессированы.

А.М. Короткову приходилось прилагать в этих условиях огромные усилия, чтобы по сути дела воссоздать агентурный и нелегальный аппарат, решать возникающие сложные задачи, налаживать взаимодействие с соответствующими подразделениями НКВД, а в некоторых необходимых случаях и с Разведупром РККА. Он лично участвовал в подборе людей, особенно если речь шла о важных операциях, контролировал их подготовку, проводил отдельные занятия, отдавал распоряжения по обеспечению курсантов соответствующими документами, а затем обеспечивал их заброску в тыл противника. Все это делалось в сжатые сроки, которые сейчас кажутся фантастическими.

Немало агентурных групп, подготовленных под руководством Александра Михайловича, успешно выполняли задания в тылу противника.

Для переброски разведчиков в Германию и соседние с нею страны использовался также метод внедрения агентуры в среду трудоспособного населения, вывозившегося в Германию из оккупированных советских территорий. Для этого через возможности действовавших в тылу противника оперативно-разведывательных отрядов подбирались надежные люди, имевшие ходовые рабочие специальности, проходили в отрядах короткую спецподготовку, а затем вербовались на работы в Германию.

Ряд мероприятий по переброске и документированию нелегалов осуществлялся в контакте с английскими спецслужбами. Подготовленные в возглавляемом А.М. Коротковым отделе нелегалы стали

прибывать в Англию в начале 1942 года. Здесь их размещали на конспиративных квартирах, обеспечивали соответствующей экипировкой, документами и затем перебрасывали на территорию Германии и в оккупированные ею европейские страны. За время войны на вражескую территорию было заброшено таким путем около двадцати разведчиков. Однако следует отметить, что, несмотря на огромную работу по задействованию этого контингента, положительных результатов получено не было. Заброшенные в тыл противника разведчики бесследно исчезли, установить их судьбу не удалось.

Коротков часто бывал на фронте, где на месте решал острые оперативные задачи.

После освобождения Румынии, Польши и Югославии Коротков выезжал в эти страны для того, чтобы на месте детально разобраться в складывающейся военно-политической обстановке и организовать постоянное информационное освещение непростой политической ситуации в этих государствах.

К концу войны на территории Германии уже действовало несколько оперативных групп, которые снабжали информацией руководство страны и командование Красной Армии. По завершении войны оперативные группы, действовавшие на территории Германии, были объединены. В результате создалась первая послевоенная резидентура внешней разведки под прикрытием Аппарата политического советника при Главнокомандующем советской военной администрации в Германии. Первым резидентом берлинской резидентуры в октябре 1945 года был назначен Александр Михайлович Коротков.

Вот как иногда случается в жизни. Здесь, в Берлине, в должности заместителя резидента Александр Михайлович встретил тревожные дни начала войны 1941 года. Он твердо верил тогда, что мы победим, но и понимал, что впереди тяжелые, кровопролитные годы борьбы. Теперь, после победы, он снова в Берлине и в той же резидентуре, но уже в качестве ее резидента. Смешанные чувства одолевали его. С одной стороны, радость победы, а с другой – тяжелый груз на сердце, горечь утрат боевых друзей, неизвестность судьбы многих, кого знал и кто выполнял боевые задания за линией фронта. А сколько тревог пришлось пережить Короткову, когда заброшенный в тыл противника разведчик долго не выходил на связь. Немало было случаев, когда эти храбрые ребята так и не дали о себе знать.

По официальной должности прикрытия Александр Михайлович был заместителем политсоветника. Положение позволяло ему часто общаться с маршалом Г.К. Жуковым. Маршал почти всегда принимал вне очереди полковника Короткова, хотя в приемной постоянно было много посетителей, поскольку был уверен, что услышит от Александра Михайловича важные новости, которые он ежедневно докладывал Главнокомандующему. Информация действительно была исключительно важной, а иногда и весьма срочной.

Жуков с уважением относился к Короткову за его аккуратность, подтянутость, осведомленность, надежность и достоверность поступавшей от него информации. Порой данные поступали из таких сфер, что однажды маршал не удержался и спросил:

– Как же вам удалось забраться туда?

– А что делать, товарищ маршал, – с нарочитой серьезностью отвечал Александр Михайлович, – волка ноги кормят.

Жуков усмехнулся и сказал:

– Это правильно, волка кормят ноги, но разведчику, как я понимаю, к ногам нужна еще и хорошая голова. Верно говорю?

– Совершенно справедливо, товарищ маршал.

И оба рассмеялись.

Александр Михайлович проработал в Берлине до конца 1946 года. За это время была налажена работа резидентуры, развернута активная деятельность на территории советской и западных оккупационных зон. Были восстановлены связи с некоторыми источниками довоенного периода, приобретено значительное число новых.

Резидентура провела ряд ответственных операций по поиску и изъятию секретных документов гитлеровских спецслужб, технической документации КБ и заводов, занимавшихся разработкой и выпуском новейших образцов оружия, получению образцов новой техники и информации о современных технологиях.

По возвращении в Москву Коротков был назначен начальником одного из подразделений внешней разведки. Большое внимание он уделял организации разведывательной работы с нелегальных позиций. Война показала, насколько важно иметь надежную сеть нелегалов. Александр Михайлович спешил претворить бесценный опыт в жизнь. В этот период все отчетливее стали проявляться признаки развертывания холодной войны. В руки разведки стали попадать документы, которые свидетельствовали о наличии на Западе планов прямого военного нападения на Советский Союз.

Александр Михайлович отчетливо понимал, что в период военных действий или крупномасштабных кризисных ситуаций разведывательную работу эффективно вести можно только с нелегальных позиций. В этот период был сделан значительный шаг и в плане теоретических разработок, и на путях более широкого практического применения нелегальных форм работы. Заслуга А.М. Короткова в этом огромна.

Летом 1957 года генерал-майор Коротков был назначен уполномоченным КГБ при СМ СССР по координации и связи с МГБ и МВД ГДР. На его плечи легло руководство самым крупным подразделением советской разведки за границей, ориентированным на ведение активной разведывательной работы по НАТО. Помимо этого, аппарат осуществлял сотрудничество с органами безопасности ГДР, оказывал непосредственную помощь советским военным разведывательным службам, действовавшим с территории ГДР.

Способный организатор, творчески мыслящий руководитель, Коротков провел большую работу по структурному совершенствованию аппарата, повышению эффективности его работы, укреплению кадрового состава.

Александр Михайлович исключительно добросовестно относился к выполнению своего служебного долга, никогда не считался со временем, нередко лично участвовал в острых оперативно-разведывательных мероприятиях.

Весьма интересно рассказывал о стиле его работы один из руководителей нелегальной разведки Николай Алексеевич Корзников, длительное время работавший с ним вместе.

«При разработке важных операций, – говорил Корзников, – Коротков обязательно приглашал к себе непосредственных исполнителей. Бывало, он закрывался на полдня с ними в своем кабинете и в деталях прорабатывал предстоящее мероприятие. Их можно было застать без пиджаков, с засученными рукавами, ползающими по картам на полу».

Он старался передать свой опыт, знания непосредственно исполнителям. В то же время он с готовностью подхватывал их свежие мысли, а иногда и неординарные подходы к решению сложных разведывательных задач.

Коротков был доступен рядовым сотрудникам, регулярно общался с ними. Вместе с тем он был весьма требовательным начальником, иногда даже жестким, особенно по отношению к тем, кто старался работать вполсилы, ленился, был неискренним. С сотрудниками, работавшими творчески и добросовестно, он всегда общался как с товарищами, был внимателен к их делам, служебным и личным.

В конце июня 1961 года Александр Михайлович прибыл в Москву на совещание руководящих работников КГБ. Одновременно он побывал в ряде правительственных учреждений для решения текущих задач работы берлинского аппарата. Утром 27 июня он посетил отдел ЦК на Старой площади. Вышел оттуда хмурый, недовольный беседой. Видимо, не во всем нашел взаимопонимание. От здания ЦК до площади Дзержинского прошел пешком, хотел немного развеяться. Здесь сел в машину и отправился на стадион «Динамо». Он еще утром созвонился с Иваном Александровичем Серовым, бывшим председателем КГБ, и договорился поиграть с ним в теннис.

Спорт, езда на автомобиле, игра в теннис или шахматы всегда помогали А.М. Короткову сохранять душевное равновесие и успокаиваться после частых волнений. Он рассчитывал, что и на этот раз игра поможет ему вернуть бодрость, поднимет настроение. Во время игры он нагнулся за мячом – и острая боль пронзила сердце. Коротков потерял сознание. Через несколько минут его сердце перестало биться.

Один из сотрудников, близко знавших Короткова, услышав о случившемся несчастье, сказал: «Разведка потеряла одного из своих наиболее талантливых и неординарных профессионалов».

Боевой путь Александра Михайловича Короткова отмечен многими государственными наградами: орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Он был также награжден и иностранными орденами. В 1946 году правительство Югославии наградило его орденом «Партизанская звезда I степени», а в 1958 году правительство ГДР – орденом «За заслуги перед Отечеством» в золоте.

---

[1] Этот эпизод с использованием Хейнемана для вывоза за пределы посольства А. Короткова описан самим В.М. Бережковым в его книге «Как я стал переводчиком Сталина». – М.: «ДЭМ», 1993.

[2] **Бережков В.М.** Страницы дипломатической истории. – М.: «Международные отношения», 1987. – С. 66–69.

[3] В текст письма внесены некоторые стилистические поправки, и оно несколько сокращено.

[4] Псевдоним Берии.

12

Резидент и дипломат

Шла Вторая мировая война. На стороне фашистской Германии воевали Венгрия, Италия, Румыния и Финляндия. Враг к сентябрю 1941 года вплотную подошел к Москве. В это время советская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы предотвратить нападение государств, сохранявших пока нейтралитет, – Японии, Турции, Ирана и других. Это требовало немалого искусства, ибо на многих «нейтралов» положиться было невозможно.

В сентябре 1941 года в Стокгольм был направлен в качестве советника посольства СССР для руководства резидентурой опытный работник разведки Борис Аркадьевич Рыбкин (псевдоним Кин).

Швеция – государство в Северной Европе, на Скандинавском полуострове, в течение нескольких веков оставалось нейтральным, несмотря на происходившие в Европе войны. Свой традиционный нейтралитет Швеция сохраняла и в годы Второй мировой войны, хотя в первые месяцы очень близка была к военному союзу с гитлеровской Германией. Ее же соседка – Финляндия – приняла непосредственное участие в войне против Советского Союза на стороне фашистской Германии.

В Швеции с 1930 года сначала посланником, а затем послом Советского Союза была А.М. Коллонтай, которая прилагала все усилия к тому, чтобы удержать Швецию на позициях нейтралитета. Активную помощь дипломатии в этом оказывала и советская разведка.

Б.А. Рыбкин родился на Украине в 1899 году в семье ремесленника. После окончания четырех классов сельской школы переехал в Екатеринослав, где восемь лет провел, работая в типографии сначала учеником, а затем наборщиком. После службы в Красной Армии поступил на учебу в Горный институт, но проучился в нем только три месяца. 30 июля 1921 года Губком направил его на работу в ЧК в Екатеринослав. С 1921 по 1930 год Рыбкин занимался контрразведыва-

тельной работой. Затем его перевели на работу по линии разведки, и в 1931 году он стал представителем ИНО ОГПУ по Средней Азии с местом дислокации в Ташкенте. С декабря 1931 года по 1934 год он работал в г. Мешхеде в Персии (Иран), выполняя по прикрытию обязанности вице-консула.

Вернувшись в Москву в 1934 году, Рыбкин некоторое время работал в Центральном аппарате ИНО ОГПУ, и вскоре был направлен резидентом в Финляндию под прикрытием 2-го секретаря Полпредства.

Вот как пишет в своих воспоминаниях разведчица и писательница Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина: «К этому времени я уже шесть-семь месяцев была в Финляндии, успела познакомиться со страной и нашей резидентурой. Прежний резидент был отозван в Москву, и вместо него прибыл консул Ярцев, он же Рыбкин. Приехал один, без семьи. Очень официальный, подтянутый, требовательный.

Поначалу у нас не сложилось взаимопонимание. Мы спорили по каждому поводу. Я решила, что не сработаемся, и просила Центр отозвать меня. В ответ мне было приказано помочь новому резиденту войти в курс дел, а потом вернуться к этому вопросу. Но... возвращаться не потребовалось. Через полгода мы запросили Центр разрешить нам пожениться. Я была заместителем резидента, и мы опасались, что Центр не допустит такой «семейственности». Москва дала “добро”».

В начале апреля 1938 года Рыбкин неожиданно был вызван в Москву. А 7 апреля, к большому удивлению Бориса Аркадьевича, его принял И.В. Сталин. В присутствии Молотова и Ворошилова он почти два часа беседовал с Рыбкиным, интересуясь подробностями политической и экономической жизни Финляндии, проявляя при этом неплохие знания об этой стране. Суть вызова состояла в том, что ему от имени советского правительства поручалось провести зондажные переговоры с правительством Финляндии. В архивных материалах внешней разведки эти переговоры именуются как переговоры по делу «7 апреля».

В своих воспоминаниях З.И. Воскресенская так описывает эту сцену в беседе Рыбкина с послом СССР в Швеции Александрой Михайловной Коллонтай в 1943 году:

А.М. Какие вопросы вам задали Молотов и Ворошилов?

Кин. Пока Сталин расспрашивал меня, они молчали. Наконец Иосиф Виссарионович, обратившись к ним, спросил: «Ну как ваше мнение, поручим ему?» Оба в знак согласия кивнули головой. «Так вот, дорогой товарищ, товарищ...» – замялся Сталин. «Рыбкин», – подсказал я. Сталин засмеялся: «У вас, разведчиков, всегда столько фамилий, профессий, что вы, наверное, в них сами запутались... Мы решили уполномочить вас вести строго секретные переговоры с правительством Финляндии». Молотов вставил: «Полпреда Асмуса мы отозвали, и вы будете временным поверенным в делах. До приезда

нового полпреда». «Вы решили, – спросил Сталин у Молотова, – послать туда этого директора электростанции, как его? Древесный? Деревянный?..» «Деревянский», – уточнил Молотов. «Об этих переговорах ни одна душа не должна знать, – предупредил Сталин. – Речь идет о нашем желании заключить с Финляндией двусторонний договор на случай, если Германия через территорию Финляндии намерена напасть на Советский Союз. СССР со своей стороны даст гарантии о своих мирных намерениях в отношении Финляндии и обеспечит независимость страны».

А.М. Оборонительный договор, – как бы взвешивая, произнесла Александра Михайловна. – Это было бы то, что надо.

Переговоры Рыбкина с финнами велись более полугода и никаких конкретных практических результатов не принесли. За этот период Рыбкин неоднократно встречался с министром иностранных дел Финляндии Холсти, высокопоставленным лицом кабинета Финляндии Таннером и премьер-министром Каяндером. Советская сторона, ведя эти переговоры, предполагала передвинуть государственную границу с Финляндией за Выборг, поскольку современная артиллерия способна обстрелять Ленинград с Карельского перешейка, в обмен на район территории Карелии, богатый карельской березой и мачтовым лесом. Но правительство Каяндера не способно было пойти на какие-либо шаги, в которых была не заинтересована гитлеровская Германия.

В 1973 году президент Финляндии У.К. Кекконен, говоря о срыве переговоров 1938 года, сказал, что «переговоры были прерваны вследствие того, что Финляндия не проявила интереса к ним». Он пояснил: «Полномочный представитель советского правительства 14 апреля 1938 года связался с министром иностранных дел Холсти. Этот представитель предложил Финляндии заключить двустороннее соглашение об обороне на случай, если Германия нападет на Советский Союз через территорию Финляндии. Однако предполагалось просить финнов наметить контуры договора...

Переговоры, в которых с финской стороны участвовали премьер-министр Каяндер и министры Холсти, Таннер и Эркко, велись столь секретно, что комиссия по иностранным делам ничего о них не знала».

Некоторые финские историки и современные политологи, например профессор Сеппо Хентит, провал миссии Рыбкина объясняют прежде всего тем, что правительство Финляндии в лице его представителей будто бы не поверило в то, что 2-й секретарь посольства СССР в Хельсинки Ярцев был наделен советским правительством такими полномочиями. Вину за советско-финляндскую войну 1939–1940 годов, начавшуюся после неудачных переговоров, они возлагают на тогдашнее правительство Финляндии.

Но вернемся к Швеции. Сбор разведывательной информации, активная вербовочная работа, поддержание контактов с участниками

антифашистского сопротивления в ряде европейских стран – таков в основном круг вопросов, которые резидентуре в Швеции приходилось решать. За время пребывания Рыбкина резидентом в Швеции с 1941 по 1943 год резидентура в Стокгольме сумела приобрести агентов в различных кругах шведского общества. Однако сложные условия в стране затруднили приобретение ценной агентуры. Работа резидентуры (и посольства) была направлена на сохранение нейтралитета и дружеских отношений Швеции к Советскому Союзу, противодействие настойчивой профашистской пропаганде, проводимой правыми силами.

Советская дипломатия и советская разведка, работая в унисон, сумели не только удержать Швецию на уровне ее традиционного нейтралитета, но и добиться того, что соседняя Финляндия порвала свой союз с фашистской Германией и 19 сентября 1944 года подписала перемирие с Советским Союзом. Мировая общественность расценила этот акт как гуманное и великодушное отношение Советского Союза к своему северному соседу.

Именно поэтому А.М. Коллонтай в разгар военных действий интересовалась у Рыбкина содержанием его беседы со Сталиным в апреле 1938 года, зная о том, что до войны Рыбкин возглавлял резидентуру в Хельсинки и имел надежные и хорошие связи.

Находясь в Швеции, Б.А. Рыбкин поддерживал контакты с представителями знаменитого в истории Европы финансово-банкирского клана Валленбергов. Представители этого многочисленного клана принимали довольно активное участие в политической жизни страны и, естественно, оказывали влияние на политическую жизнь других скандинавских государств. Один из представителей промышленно-банкирского дома Валленбергов – К.А. Валленберг – в период войны 1914–1918 годов был даже министром иностранных дел Швеции. В феврале 1944 года при содействии шведского банкира и промышленника Маркуса Валленберга была проведена неофициальная встреча между А.М. Коллонтай и прибывшим в Стокгольм представителем финляндского правительства Паасикиви. Затем через шведское министерство иностранных дел в феврале–марте того же года происходил дальнейший обмен мнениями между Хельсинки и Москвой. Шведская печать благожелательно комментировала советские условия перемирия, а шведские дипломаты и политики оказывали определенное давление на финских политиков, в результате чего, как уже говорилось, 19 сентября 1944 года было заключено советско-финское перемирие, и Финляндия вышла из войны.

В начале 1942 года резидент в Швеции Рыбкин получил указание Центра подыскать подходящего человека, который должен был восстановить связь с членами организации «Красная капелла».

Одновременно такое же указание получила и резидентура в Лондоне.

Рыбкин же в кратчайший срок сумел установить агентурные отношения с «Адамом» – директором одной из шведских фирм, которая поддерживала деловые отношения с Германией. Поэтому «Адам» имел возможность посетить Берлин. Тем не менее он смог вылететь в Берлин только через полгода после получения задания стокгольмской резидентурой. Задание он выполнил не совсем точно.

А вскоре из Центра пришло сообщение, что «Красная капелла» провалилась. Подозрение пало на «Адама». И только после окончания войны было установлено, что «Красную капеллу» провалил другой агент. «Адам» был реабилитирован, а с полковника Рыбкина снято тяжкое обвинение.

Б.А. Рыбкин был отозван из Швеции в июле 1943 года. После возвращения из Швеции, как свидетельствуют архивные документы, полковник Рыбкин 10 августа 1943 года был зачислен в резерв по должности заместителя начальника отдела Четвертого управления НКГБ СССР. В феврале 1945 года он принимал участие в подготовке и обеспечении безопасности глав государств антигитлеровской коалиции на Ялтинской конференции (4–11 февраля). На конференции Рыбкин поддерживал необходимые контакты с представителями спецслужб США и Великобритании. По линии нелегальной разведки Рыбкин неоднократно направлялся в краткосрочные командировки в зарубежные страны, в том числе и для выполнения острых оперативных заданий. В одной из таких командировок в Чехословакию Б.А. Рыбкин 27 ноября 1947 года погиб в автомобильной катастрофе.

Гроб с телом привезли в Москву, установили на Лубянке и после отдания воинских почестей похоронили на Новодевичьем кладбище столицы.

История Рыбкина – чекиста и дипломата – имела немало запоминающихся моментов. Один из них, без сомнения, – дипломатическая миссия Рыбкина-Ярцева в Финляндию, которая, хотя и не достигла желаемых результатов в силу объективных причин, тем не менее стала одним из первых примеров участия разведчиков в секретных переговорах на высшем уровне. Эта миссия явилась вкладом в формирование той цепи зондажей, переговоров, симпозиумов и конференций, которые привели в итоге европейские страны к знаменитым Хельсинкским соглашениям, обусловившим контуры мирного сосуществования в Европе.

13

Не переводя дыхания

Иван Андреевич и Ксения Митрофановна Чичаевы добрались из Стокгольма до Москвы в субботу 21 июня 1941 года. Завершилась их очередная долгосрочная заграничная командировка, на сей раз в Швецию. Полтора года в Стокгольме пролетели очень быстро. В то время официально нейтральная Швеция напоминала растревоженный улей. Дипломаты, политические и общественные деятели единодушно предсказывали дальнейшие серьезные изменения в Европе, разумеется, по «инициативе» гитлеровской Германии и с ее непременным участием. Почти никто не сомневался в неизбежности и неотвратимости вооруженного столкновения между Германией и Советским Союзом. Так что у резидента советской внешней разведки И.А. Чичаева забот и тревог хватало. С благодарностью вспоминалось тесное и плодотворное взаимодействие с полпредом – Александрой Михайловной Коллонтай. Особенно полюбился один из ее афоризмов: «Результаты работы дипломата оцениваются не по вороху бумаг, которые он наплодил, а по количеству верных друзей своей страны, которых он оставляет перед отъездом на Родину».

Иван Андреевич не без оснований полагал, что если применить этот критерий к оценке итогов его работы как разведчика и дипломата, то дела у него обстояли совсем неплохо. Из резидентуры в Центр поступала важная политическая информация. Недостатка в ценных источниках разведывательных сведений не ощущалось. Москва была им довольна. Он возвращался, чтобы принять пост начальника англо-американского отдела центрального аппарата разведки.

Как и положено, по прибытии немедленно позвонил на службу. Дежурный посоветовал отдохнуть с дороги и явиться к начальству в понедельник, то есть 23 июня. Но на Лубянке Иван Андреевич, как и все сотрудники наркомата, оказался на следующее утро. Так для него началась Великая Отечественная война.

В первые же дни он вместе со многими товарищами был зачислен в Особую группу при наркоме внутренних дел СССР по организации разведывательной и диверсионной работы в тылу врага и начал ускоренную подготовку к обязанностям резидента в оккупированных фашистами северо-западных районах СССР. Но накануне переброски за линию фронта его неожиданно вызвал нарком и, не вдаваясь в объяснения, приказал заняться эвакуацией сотрудников центрального аппарата разведки и членов их семей в Новосибирск.

– Как у Вас с английским языком? – спросил между прочим нарком.

– Пока не забыл, – ответил Чичаев, а про себя немало подивился такому, казалось бы, неуместному вопросу.

Примерно через месяц несколько сот человек с казенным имуществом и личным багажом были перевезены и устроены в Новосибирске, Кемерово и Прокопьевске. А Ивану Андреевичу начальство дало один час на сборы и отправило из Новосибирска назад в Москву на специально присланном за ним самолете. Здесь-то и выяснилось, почему несколько ранее был проявлен интерес к его познаниям в английском языке.

Правительство Великобритании официально обратилось к руководству СССР через своего посла в Москве с предложением наладить сотрудничество между английской и советской разведками в борьбе против общего врага – фашистской Германии. Для проведения переговоров по этой проблеме в Москву прибыл полковник Гиннесс. От нашей разведки были делегированы Василий Михайлович Зарубин и Иван Андреевич Чичаев. Почти две недели длилась кропотливая и деликатная работа с англичанами. В результате было подписано соглашение, по которому стороны брали на себя обязательства обмениваться разведывательной информацией о Германии, проводить совместными усилиями диверсионно-разведывательные операции на ее территории и в оккупированных ею государствах, взаимодействовать при заброске в эти районы агентуры и обеспечивать с ней радио- и иную специальную связь. В этих целях в Москве и Лондоне соответственно учреждались миссии связи обеих сторон. В сентябре 1941 года представитель советской внешней разведки И.А. Чичаев с группой сотрудников прибыл в Лондон. Началась совместная повседневная работа с английскими коллегами, которых возглавлял полковник Гейтскелл. В Москве миссией английских спецслужб руководил полковник Хилл (тот самый, который вел разведывательную работу в России в 1917–1918 гг. и «прославился» как один из участников провалившегося «заговора Локкарта»).

Вскоре в Англию стали прибывать наши агенты, подготовленные Центром для заброски в Германию, Австрию, Францию и Голландию. Их доставляли на самолетах и морских судах группами по два-четыре человека. Англичане размещали их на конспиративных квартирах.

С каждым проводилась дополнительная, строго индивидуальная учеба, включавшая, в частности, тренировочные прыжки с парашютом, ориентирование на местности по немецким картам и т.д. В обязанности английской стороны входила также соответствующая экипировка наших людей, снабжение их продуктами питания, германскими продовольственными карточками, предметами диверсионной техники.

В соответствии с условиями заключенного соглашения Иван Андреевич и его сотрудники основательно знакомились с тем, как у англичан было поставлено дело с организацией диверсий в тылу врага. И надо отдать им должное: этот аспект взаимодействия вызывал у советской стороны одобрение и полное удовлетворение. На территории Англии был создан строго засекреченный центр по разработке и подготовке специальных операций, в котором трудилось более трех тысяч британских специалистов и инструкторов. Ими руководил многоопытный и пунктуальный генерал Гебенс. В распоряжении этого центра имелось также несколько еще более глубоко законспирированных баз. По индивидуальным заявкам изготовлялись химические препараты, в том числе яды, и специальное оружие. К сотрудничеству привлекались крупные английские ученые, одаренные инженеры, рабочие высочайшей квалификации. Четко и слаженно функционировала служба по изготовлению документов прикрытия агентов, по которым им предстояло проживать на вражеской территории. В необходимых случаях некоторым из них делались пластические операции – разумеется, с их согласия и с одобрения советской стороны. К сожалению, ни одна акция не была доведена до конца. Агенты-исполнители, переправленные за линию фронта, бесследно исчезли, не дав ничего о себе знать в соответствии с условиями связи. Судьба этих отважных людей оказалась трагичной. О большинстве из них ничего не известно до сих пор.

В целом у Ивана Андреевича и его помощников сложилось устойчивое впечатление об английских коллегах как о партнерах, стремившихся всегда и во всем ни на минуту не забывать о своих собственных интересах и извлекать из сотрудничества сугубо свою пользу. Было зафиксировано, например, несколько случаев, когда английские разведчики предлагали агентам советской разведки, находившимся на подготовке, перейти под свои знамена и вместо наших заданий выполнять в тылу врага их поручения. На высоком профессиональном уровне велось систематическое негласное прослушивание разговоров наших агентов между собой. Иногда им организовывались «случайные знакомства» с «веселыми подружками», которые порой вели себя излишне серьезно и политизированно, храбро защищая интересы британской короны. Об этих «мелких союзнических шалостях» различными путями становилось известно Чичаеву. И ему приходилось в тактичной, но недвусмысленной форме проводить с англичанами соответствующую «воспитательную» работу. Надо признать,

что они чаще всего умело находили для себя достойные варианты «спасения лица», а советская сторона демонстрировала «должное понимание» и выдержку.

В сфере обмена разведывательной информацией сотрудничество с английскими коллегами тоже осуществлялось к взаимному удовлетворению сторон, однако его результативность, по мнению советских партнеров, могла бы быть более высокой.

Английские коллеги вели себя в отношении советской разведывательной миссии как истинные джентльмены, но допускали все же в своем поведении «отдельные шероховатости». Так, примерно через месяц после прибытия в Лондон Чичаев обнаружил в своем служебном кабинете явные следы «воров». Они ничего не унесли с собой, но изрядно переворошили содержимое ящиков письменного стола. Открыть сейф, видимо, не успели, так как их «спугнуло» внезапное незапланированное возвращение Ивана Андреевича в свой кабинет за «забытой книгой». Скотланд-Ярд, понятно, оказался бессилен найти «домушников» и привлечь их к ответу. Потом подобные «визиты» в помещения миссии и квартиры ее сотрудников изредка повторялись, но «исполнялись» на весьма высоком профессиональном уровне.

К чему Иван Андреевич не мог привыкнуть за весь период жизни в Англии, так это к спокойному, без бередящих душу эмоций восприятию стремления англичан во что бы то ни стало, в любых обстоятельствах сохранять веками устоявшиеся правила поведения и образ жизни. В первые годы войны страна находилась фактически на осадном положении. Лондон и другие города постоянно бомбила германская авиация. Иногда воздушную тревогу объявляли до двадцати раз в сутки. Но англичане продолжали невозмутимо работать строго «от» и «до», свято блюдя свой уикенд. Каждое утро молочник оставлял у порога положенные пол-литра молока, и не было случая, чтобы бутылку похитил какой-либо злоумышленник. И если населению было приказано в связи с нехваткой бумаги сдавать использованные автобусные билеты, то никому и в голову не приходило от этого уклоняться. При бомбежках гибли люди. Их оплакивали и хоронили. И тут же с воинскими почестями предавали земле тела немецких летчиков, самолеты которых сбивались в британском небе. Правда, и гитлеровцы не оставались в долгу. Однажды Иван Андреевич прочел в местных газетах о том, что в одном из лагерей для военнопленных генералы вермахта в парадных мундирах приветствовали и поздравляли английского полковника по случаю его награждения высшим военным орденом Соединенного Королевства. Можно себе представить, какие чувства обуревали наших людей, работавших в Англии, при чтении сообщений о таких «рыцарских церемониях». Ведь они, как и англичане, хорошо знали о зверствах, которые чинили те же самые «цивилизованные арийцы» над советскими военнопленными и мирными жителями на оккупированной территории Советского Союза.

Не так широко известно, что в годы войны в Лондоне находились одновременно два посла Советского Союза. Один из них (И.М. Майский) был аккредитован при британской короне, а другой (А.Е. Богомолов) с согласия англичан поддерживал отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Голландии, Греции, Норвегии, Польши, Франции, Чехословакии и Югославии. Чичаев был прикомандирован к посольству Богомолова и официально числился его советником. А с осени 1944 года по май 1945 года в дополнение к своей основной, то есть разведывательной работе, исполнял обязанности временного поверенного в делах СССР при перечисленных выше правительствах в изгнании. Строго говоря, его столь высокое должностное положение требовало соответствующего официального дипломатического ранга, но в силу своей природной скромности и привычки придавать значение скорее сути дела, чем форме, Иван Андреевич об этом не задумывался. Спохватились на этот счет в Москве – 15 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса. Известие об этом поступило в момент, когда Чичаев уже более полугода регулярно поддерживал деловые контакты с главами и членами руководства союзных стран и одновременно тесно взаимодействовал с представителями их специальных служб. Его собеседниками и партнерами были такие широко известные тогда деятели, как Э. Бенеш[1], югославский король Петр, Миколайчик[2], Трюгве Ли[3], генерал Шарль де Голль[4]. Последний придавал большое значение совместной борьбе советской и французской разведок против гитлеровцев и делал все от него зависящее, чтобы их взаимодействие развивалось и совершенствовалось. Однако шеф французской спецслужбы, открыто не переча своему лидеру, постоянно стремился свести на нет его усилия в этой сфере и удерживал отношения с советской разведывательной миссией в рамках холодноватой официальной вежливости, лишенной в значительной мере конкретного взаимополезного содержания. Совсем иначе вели себя руководители чехословацкой, польской, югославской, греческой, норвежской и бельгийской разведок. От них поступала важная разведывательная информация, реализация которой способствовала приближению победы над нацистами. Например, от этих партнеров были получены сведения об экспериментах немцев с «тяжелой водой»[5] на одном из секретных заводов в Норвегии. Позднее этот объект английские бомбардировщики сравняли с землей. Работая с эмигрантскими кругами, Иван Андреевич и его сотрудники постоянно ощущали на себе «зоркое око» английской контрразведки. С этим, естественно, приходилось считаться и как-то мириться. На практике, в повседневной жизни они познавали смысл и содержание теперь широко известного тезиса: в нашем мире нет дружественных разведок, есть взаимодействие разведок дружественных государств.

В мае 1945 года пришла долгожданная Победа. Чичаев выполнил свою миссию и, получив назначение в Финляндию, отбыл на пароходе через Средиземное море на Родину. Пока добирался до Москвы, ситуация изменилась. В наркомате ему объявили, что он поедет резидентом не в Хельсинки, а в Прагу. И при этом немедленно. В качестве поощрения за активную и плодотворную работу в Англии в годы войны Иван Андреевич получил недельный отпуск, который использовал для свидания с матерью в родном селе Ускляй в Мордовии.

Уже 25 мая Чичаев ехал по улицам чехословацкой столицы, которые хранили следы недавних боев. Ритм его работы и жизни оставался прежним, военным. Разбираясь в существе сложных внутриполитических процессов этой страны, он то и дело обнаруживал, что за спиной ряда местных партий и группировок стояли западные разведки, в том числе и его недавние партнеры по Лондону. Особенно часто попадались «следы» американцев, опиравшихся, как правило, на агентуру из числа граждан США чешского и словацкого происхождения, которые после окончания войны устремились на свою историческую родину и претендовали на высокие государственные посты. Одновременно спецслужбы США сманивали за океан видных местных специалистов и вели настоящую охоту за художественными ценностями Чехословакии и архивами гитлеровцев. В таких условиях советским разведчикам и их начальнику приходилось оказывать посильную помощь руководителям создававшихся органов безопасности Чехословакии, со многими из которых Иван Андреевич был знаком и сотрудничал еще в Лондоне. В тот период его не оставляло ощущение, что война для него еще не закончилась. Она лишь переходила в качественно новую стадию, которую позднее стали именовать холодной войной, а бывшие союзники по антигитлеровской коалиции превращались в противников.

В конце 1947 года Чичаев вернулся в Москву и около трех лет работал в центральном аппарате разведки. Затем он возглавлял в Берлине специальную оперативную группу по работе с перебежчиками из западных оккупационных зон. Полгода пролетели как один день. И вот впервые в жизни Иван Андреевич попал на больничную койку. Сказались долгие годы нервного напряжения и работы на износ. Не выдержало сердце. В сопровождении врача его отправляют поездом в Москву. Медики гадали, удастся ли доставить пациента до стационара живым. Но все обошлось благополучно.

Перенесенный инфаркт наводил Чичаева на мысль о том, что после выздоровления ему скорее всего предстоит выход в отставку, а не очередное разведывательное задание. О многом передумал бывалый разведчик за то время, когда, по его словам, «выкарабкивался с того света». Говорят, время летит быстро, если его наполнять событиями. Оно, конечно, верно, но Ивану Андреевичу никогда не приходилось специально заботиться об этом. То ли эпоха досталась ему такая, то

ли такой характер, но он всегда находился в самой гуще важных и интересных событий, а из множества дел и проблем всегда выбирал для решения самые срочные и неотложные.

...Появился на свет Ваня Чичаев в 1896 году в селе Ускляй, которое в ту пору было одним из «медвежьих углов» в Мордовии. Его дед был крепостным и на закате жизни успел поведать внуку многое о своей лихой доле. Отец батрачил. Мать постоянно ломала голову над тем, как накормить и во что одеть своих детей. Родила она их пятнадцать душ, да немногих довелось уберечь и выходить. Через всю жизнь пронес Ваня благодарную память о теплоте и нежности материнской любви, неповторимости детских радостей и огорчений, о прелестях родной природы и жестокости царивших вокруг порядков. Очень рано маленький вихрастый, веснушчатый пастушонок прочувствовал на собственном опыте, что тяжелый и честный труд не всегда приносит достаток и достойную человеческую жизнь. Острой и горькой обидой обжигали его впечатлительную душу насмешки и издевательства откормленных и холеных барчуков.

Научился читать и писать в церковно-приходской школе. И с тех пор одним духом «проглатывал» все книги, которые мог достать. Его неудержимо тянуло в далекие города и неведомые страны, где, как ему казалось, сбудутся мечты о путешествиях, сытной еде и приличной одежде. Когда Ивану исполнилось 15 лет, он с согласия родителей уехал в Москву, где и начались его «университеты». Работал рассыльным, грузчиком, книгоношей. Экономил каждую копейку, чтобы покупать книги и билеты на галерку в Художественный и Большой театры. С замиранием сердца смотрел пьесу Горького «На дне», слушал Ф. Шаляпина, Л. Собинова, А. Нежданову.

Увлекаемый мечтой о дешевых яблоках, вечном тепле и «райской жизни», побывал в далеком Ташкенте, вернулся разочарованным: и в Средней Азии он увидел ту же нищету, бесправие, забитость и произвол.

В 1916 году Чичаева призвали в армию. Боевое крещение получил на Юго-Западном фронте. После Октябрьской революции охотно приобщился к политической и общественной деятельности, избирался членом солдатского комитета в своем полку. После возвращения в родные края в 1919–1922 годах работал в органах ВЧК в городе Рузаевка и на станции Алатырь. В эти бурные годы он повстречал «самую лучшую девушку во всей России» – голубоглазую Ксению Теплову, которая стала его верной подругой.

Весной 1923 года Чичаева перевели в столицу сотрудником отдела ГПУ на Московской железной дороге. В декабре того же года он выезжает в Монголию по линии внешней контрразведки под прикрытием заведующего консульским отделом полпредства СССР. Наиболее яркой страницей того периода сам Иван Андреевич считал работу по обеспечению советской делегации достоверной разведывательной информацией, способствовавшей успеху переговоров между

вождем монгольской революции Х. Чойбалсаном и командующим советскими войсками на Дальнем Востоке И.П. Уборевичем.

Летом 1924 года И.А. Чичаев был переведен в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре направлен в столицу Тувинской республики город Кызыл в качестве консула СССР с одновременным исполнением обязанностей резидента внешней разведки. Полтора года пришлось трудиться в тяжелых бытовых и сложных политических условиях сразу на два ведомства. А потом как в калейдоскопе одна загранкомандировка сменялась другой: Корея (1927–1930), Финляндия (1932–1934), Эстония (1934–1938), Латвия (1938–1940), Швеция (1940–1941). В промежутках между ними работал в центральном аппарате разведки. Несколько раз иросил начальство отпустить его на учебу, чтобы получить систематическое образование. Мечтал окончить Институт востоковедения, но удалось без отрыва от службы освоить программу лишь вечерних курсов Высшей партшколы при ЦК ВКП(б). А остальной обширный запас знаний – это результат постоянного упорного самообразования, осмысления и усвоения богатейшего жизненного опыта.

Ивана Андреевича высоко ценили как результативного разведчика и вдумчивого аналитика. Это он был организатором и непосредственным участником одной из операций, завершившихся обретением советской разведкой такого важного документа, как известный меморандум Танаки[6]. В период подготовки к очередной загранкомандировке нарком иностранных дел Г.В. Чичерин пригласил его поработать личным референтом по Японии. В 1934 году его аналитическая записка о перспективах участия Советского Союза в разработке залежей эстонских сланцев заинтересовала С.М. Кирова. И только убийство Сергея Мироновича помешало их условленной встрече по данному вопросу. В 1940 году Чичаев лично докладывал о положении в Латвии И.В. Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б)...

После ухода на пенсию в 1952 году жизнь без любимой работы поначалу показалась Ивану Андреевичу пресной, скучной, почти бессмысленной. Преодолеть подобные настроения помогли жена, товарищи по службе и многочисленные друзья. Ими он был несказанно богат. В частности, убедили его взяться за перо и поверить в свои литературно-публицистические способности драматург В. Вишневский, поэт В. Лебедев-Кумач, писатели А. Фадеев, П. Замойский, В. Ставский, В. Лацис. Так бывший разведчик стал автором трех книг («Незабываемые годы», «Страницы минувших дней», «Рузаевка на заре Октября»), многих статей и очерков. Однако в те годы он не мог в этих публикациях обмолвиться ни единым словом о тех событиях и делах, которые составляли главное содержание его жизни и работы, то есть о разведывательной деятельности и товарищах по «невидимому фронту». Для этого была лишь одна возможность – щедро делиться с молодыми разведчиками своим уникальным опытом, кото-

рый вполне заслуженно является составной и неотъемлемой частью сокровищницы советской внешней разведки.

Скончался Иван Андреевич Чичаев 15 ноября 1984 года в своей малогабаритной квартире в доме на Серпуховском валу в Москве. За гробом покойного на алых подушечках несли его государственные награды – орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды и «Знак почета», медали. Но рассказ о нем хочется завершить не на этой грустной ноте, а словами из его книги «Незабываемые годы»:

«На нашу долю выпало немало испытаний, тягот и невзгод, но они только закалили нас... Этому способствовало и то, что в ту пору, говоря словами поэта,

Мы были молоды,
Не запасливы,
В голоде, холоде
Все-таки счастливы».

---

[1] Эдуард Бенеш (1884–1948) – чехословацкий государственный деятель. В октябре 1938 года эмигрировал в США, затем в Англию. В 1940 году создал в Лондоне чехословацкий «национальный совет», преобразованный вскоре в правительство Чехословакии в эмиграции. Возглавлял его до 1945 года. В 1946–1948 гг. был президентом Чехословакии.

[2] Станислав Миколайчик (1901–1966) – государственный и политический деятель Польши. В 1940–1943 гг. был вице-премьером, а в 1943–1944 гг. – премьер-министром польского эмигрантского правительства в Лондоне.

[3] Трюгве Хальвдан Ли (1896–1968) – норвежский государственный и политический деятель. В 1940–1945 гг. – министр иностранных дел правительства Норвегии в эмиграции в Лондоне. В 1946–1953 гг. был Генеральным секретарем ООН.

[4] Генерал Шарль де Голль (1890–1970) – выдающийся французский государственный, военный и политический деятель. В 1940 году основал в Лондоне движение «Свободная Франция». В 1941–1943 гг. возглавлял Французский национальный комитет, а в 1943–1944 гг. – Французский комитет национального освобождения. 26 сентября 1941 года признан правительством Советского Союза как «руководитель всех свободных французов, где бы они ни находились».

[5] Соединение дейтерия (стабильный изотоп водорода) с кислородом, применяемое в ядерной энергетике.

[6] «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии» – документ, в котором впервые были изложены планы Японии по завоеванию мирового господства. Представлен 25 июля 1927 года императору Японии премьер-министром и министром иностранных дел Японии бароном Гиити Танакой (1863–1929).

14

Цель достигнута

В начале июня 1940 года Ким Филби, аккредитованный при штабе английских войск во Франции в качестве корреспондента «Таймс», вместе с последними частями отбыл на пароходе из Бреста в Англию. Коротая время среди военных, Ким обратил внимание на миловидную даму, которая при знакомстве с ним отрекомендовалась корреспондентом газеты «Дейли экспресс» в Бельгии и Люксембурге Хестер Марсдем Смидлей. В завязавшейся беседе Хестер интересовалась мнением Кима относительно политических и военных перспектив развития событий в Европе. Филби, сославшись на свой опыт работы в Испании и последнее время во Франции, заявил, что, по его личному мнению, положение Англии стало чрезвычайно опасным. Хестер прямо спросила Филби, что он намеревается делать, на что Ким ответил, что в любой момент его могут призвать в армию. После этого она умышленно, как показалось Филби, сменила тему разговора. Это шапочное знакомство не заслуживало бы внимания, если бы оно не сыграло в дальнейшем весьма важную роль в поступлении Кима Филби на работу в английскую разведку (СИС). Как выяснилось позже, Хестер являлась кадровой сотрудницей СИС и под прикрытием корреспондента выполняла в Бельгии и Люксембурге задания по линии секции «Д», занимавшейся организацией диверсий и саботажа, проведением пропаганды по разложению тыла противника. По прибытии в Лондон Хестер порекомендовала руководителю политической линии секции «Д», одновременно занимавшейся подбором кадров, мисс Марджори Мэкси рассмотреть Кима Филби в качестве кандидата на работу в секцию «Д». А в это время Ким, ничего не ведая об инициативе Хестер, предпринял по совету Гая Берджесса безуспешную попытку устроиться на работу в правительственную школу кодирования и шифровального дела в Блетчли-Парке, занимавшуюся раскрытием кодов противника. Над ним реально нависла угроза при-

зыва в армию, так как он уже получил повестку и прошел медицинскую комиссию. Однако Марджори Мэкси, в свою очередь, не теряла времени, навела о Филби первичные справки и через капитана Лесли Шеридана из Военного министерства, в прошлом журналиста, организовала личную встречу с Филби. Во время беседы Мэкси подробно интересовалась его биографическими данными, насколько глубоко разбирается Ким в политических проблемах и как ему представляется возможность ведения контрпропаганды против нацистского режима. Видимо, ответы Кима произвели на нее благоприятное впечатление, и она назначила ему повторную встречу. В связи с тем, что во время беседы Ким рассказал, что окончил Кембридж, Мэкси не преминула навести справки о нем у работавшего в секции «Д» Гая Берджесса, окончившего тот же университет, не подозревая об их не только дружественных отношениях, но и совместной работе на советскую разведку. Получив от Гая самую лестную характеристику, она пригласила его на повторную встречу с Кимом Филби. Быстро сориентировавшись в обстановке, друзья, и особенно Берджесс, в ходе повторного собеседования, не сговариваясь, разыграли такой «спектакль», что в конце беседы Мэкси предложила Киму работу в секции «Д» СИС и попросила под началом Берджесса принять участие в организации школы по подготовке необходимых им кадров. Школа должна была готовить агентов-диверсантов, отобранных для заброски на оккупированные немцами территории, и разместилась в бывшем Брикендонбери-холле, неподалеку от Хартфорда. Филби обучал агентов элементарным навыкам ведения подпольной борьбы, нелегальной пропаганды и агитации, распространению литературы и многому другому. Среди преподавателей были специалисты по диверсионным акциям, взрывному делу и т.п. Вскоре Ким понял, что, работая в школе преподавателем, он так же далек от СИС, как и во время работы корреспондентом в «Таймс». Но полученная ранее разведывательная подготовка под руководством Дейча и Малли не прошла даром. Ким, не имея связи с Центром, начал активно завязывать знакомства с преподавателями, среди которых были бывший сподвижник Брюса Локкарта в послереволюционной России Джордж Хилл, получивший после нападения Германии на СССР назначение официальным представителем Управления специальных операций (УСО) и СИС в Москве. Особо теплые дружеские отношения сложились у Кима с Томми Харрисом – до войны известным бизнесменом, занимавшимся торговлей произведениями искусства и антиквариатом. Расширяя круг знакомств среди преподавателей, Ким преследовал цель получить доступ к разведывательной информации и создать условия для перехода на работу в оперативные подразделения СИС. Осенью секцию «Д» вместе со школой в силу отсутствия практических результатов работы передали из СИС в ведение министерства по вопросам экономической войны и подчинили созданному Управлению спе-

циальных операций. Таким образом, произошло создание на базе секции «Д» разведки экономической войны. Большинство сотрудников было уволено и среди них оказались Гай Берджесс и Томми Харрис. Берджесс устроился в министерстве информации, а Харрис перешел в контрразведку (МИ-5) и вскоре стал одним из ведущих сотрудников. Филби в числе немногих был оставлен на работе во вновь организованной школе Бьюли в качестве политического инструктора тренировочного центра «СО-2» (отдел саботажа и диверсий). Школа стала именоваться «Станция 17» и разместилась в Хэмпшире.

24 декабря 1940 года возвратившийся в Лондон уже в качестве резидента советской разведки А.В. Горский восстановил связь с Кимом Филби, который подробно рассказал о происшедших изменениях в его жизни, характере работы в школе и появившихся у него знакомых из числа кадровых сотрудников СИС, МИ-5 и УСО. Подытоживая свой рассказ, Ким высказал мнение, что его разведывательные возможности весьма ограничены и вообще у него складывается впечатление, что он попал в организацию, весьма далекую от разведки. Резидент внимательно выслушал Кима и не мог не согласиться с ним, что его работа в школе не представляет большого интереса для нас. Вместе с тем, чтобы поднять настроение Кима, отметил его усилия по заведению новых связей среди сотрудников спецслужб, которые в перспективе смогут сыграть положительную роль в его карьере. Резидент обратил особое внимание Кима на необходимость закрепления и углубления складывающихся у него дружеских отношений с Томми Харрисом. Расставаясь, Горский попросил Кима к следующей встрече подготовить подробную информацию об организации диверсионной работы англичан на континенте, структуре и руководящих работниках Управления специальных операций, личном составе «Станции 17» и осторожно собирать данные на агентов, забрасываемых англичанами на территорию противника.

Учитывая, что продолжительность встречи не позволила им подробно обсудить складывающуюся военно-политическую обстановку, резидент попросил Кима, зная его аналитические способности, подготовить информацию по этому вопросу со своими оценками. Центр согласился с предложением резидента о том, что Киму следует подыскивать более интересную в разведывательном плане работу, но подойти к этому взвешенно и проявлять осторожность, чтобы не остаться в конечном счете вообще не у дел. На следующей встрече Ким передал подготовленную информацию и продолжил обсуждение вопроса о его будущей работе. Горский сообщил Киму мнение Центра по этому вопросу, и они решили использовать возможности Харриса, который к этому времени основательно закрепился в МИ-5. Предпринятые Кимом через Харриса практические шаги к переходу на работу в СИС не пропали даром. К 1941 году обострились противоречия между СИС и МИ-5 по вопросу объема задач и компетенции

контрразведывательного отдела СИС, который отвечал за всю контрразведывательную работу за границей. Чтобы умерить аппетиты и притязания МИ-5 на свое участие в этом деле, СИС решила расширить аппарат контрразведывательного отдела и, в частности, увеличить штат испанского сектора. Томми Харрис, работавший в испанском отделении МИ-5 в июне 1941 года, предложил кандидатуру Филби как специалиста по Испании, имевшего опыт работы в этой стране, на должность руководителя испанского сектора в СИС. При этом Харрис упомянул, что отец Кима является другом Валентина Вивиана, заместителя директора СИС по внешней контрразведке. Узнав от начальника 5-го контрразведывательного отдела Феликса Каугилла, что им рекомендуют на работу Кима Филби, Вивиан пожелал лично встретиться с ним. Во время беседы Ким произвел на него хорошее впечатление и в дальнейшем Вивиан внимательно следил за его работой и способствовал его служебному росту. В июле 1941 года Каугилл предложил Филби занять эту должность. С согласия Центра Ким предложение принял и возглавил сектор, который вел контрразведывательную работу в Испании, Португалии и частично во французских североафриканских владениях в плане пресечения проникновения иностранных разведок с территории этих стран в Англию.

На очередной встрече с Горским Филби сообщил, что оформлению на работу в СИС предшествует проверка кандидата по учетам СИС и МИ-5. Филби было известно, что в контрразведке на него имеются незначительные материалы о том, что в 1930 году он состоял членом социалистического общества Кембриджского университета, являлся подписчиком «Рабочего ежемесячника», его жена антифашистски настроена и что его отец придерживался крайних взглядов. Поскольку Филби был принят на работу, видимо, этим материалам в то время не придали значения, ограничившись рутинной и чисто формальной проверкой по учетам.

Ким активно включился в работу по борьбе с немецкой агентурой на Пиренейском полуострове и получил доступ к важной для советской разведки информации, в том числе к дешифрованным англичанами телеграммам немецкого абвера. Именно тогда Киму удалось добыть первую информацию о взаимном стремлении к установлению контактов между английской разведкой и начальником абвера адмиралом Канарисом и привлечь к этому вопросу внимание Центра. Позднее, в 1944 году, от Кима поступит информация о сепаратных переговорах американцев и англичан с немцами.

Трудолюбие, исполнительность, умение найти нестандартные решения на основе глубокого изучения и анализа складывавшейся ситуации, доводить поставленные цели до конца способствовали продвижению Кима по служебной лестнице. Филби зарекомендовал себя и как хороший сослуживец. Так, в одном из разговоров Вивиан

заявил, что Филби является единственным человеком в аппарате разведки, который не имеет врагов и которого все уважают.

После перехода в СИС резко возросла информационная отдача Филби. Советская разведка стала регулярно получать документальную информацию по различным вопросам деятельности английской разведки, о ее структуре и личном составе, включая резидентуры, об отдельных агентах, особенно 5-го контрразведывательного отдела.

С 1942 года работу с Филби продолжил заместитель резидента, а после отъезда в 1943 году в Союз Горского, резидент Б.М. Крешин. Встречи с ним проводились, как правило, один раз в 10–12 дней в различных местах Лондона преимущественно в вечернее время.

Для получения необходимой советской разведке информации Филби использовал не только занимаемое им служебное положение, но и личные контакты с сотрудниками МИ-5, МИД, представителями американской разведки. Так, в конце ноября 1941 года ему удалось познакомиться с содержанием дешифрованной телеграммы германского посла в Токио, адресованной Риббентропу, о том, что Япония через 10 дней начнет наступление против Сингапура. Он постоянно по заданию Центра отслеживал ситуацию вокруг открытия второго фронта.

В 1944 году сообщил, что в беседе с одним из старших американских офицеров из Управления стратегических служб США (УСС) ему удалось выяснить, что американцы совместно с англичанами занимаются созданием урановой бомбы.

В середине августа 1943 года Филби получил личное письмо от Каугилла с просьбой сообщить ему, не желает ли он посвятить себя работе в контрразведывательном отделе СИС после окончания войны. По нашей рекомендации Филби дал положительный ответ.

31 августа 1943 года приказом по контрразведывательному отделу Филби был назначен членом секретариата при начальнике отдела. В его обязанности входило, на правах внештатного помощника начальника отдела, руководство следующими направлениями:

а) отделением, обслуживающим Пиренейский полуостров (Испания, Португалия и их колонии);

б) отделением, ведущим разработку (с контрразведывательной точки зрения) немецкой разведки на территории Германии, Польши и Чехословакии;

в) поддержанием связи с польской контрразведкой в Лондоне.

Кроме того, в обязанности Филби вошло контрразведывательное обеспечение всех военных операций союзников, проводимых Эйзенхауэром, и поддержание связи между контрразведывательным отделом СИС и МИД Англии. Филби стал подчиняться непосредственно Каугиллу и его заместителю Фергюссону.

25 августа 1944 года на одном из заседаний в СИС, где присутствовал директор разведки Мензис, Каугилл выдвинул предложение

о назначении Филби после окончания войны в Европе резидентом контрразведывательного отдела СИС в Берлине. Вивиан же предложил назначить Филби начальником 9-й секции (отдела) по борьбе с коммунизмом вместо уходящего на работу в контрразведку Карри.

По мнению Каугилла, работа Филби в Берлине должна была заключаться в ликвидации нелегальных организаций немецких нацистов, на что потребовалось бы около двух лет.

Имея два предложения, Мензис решил выяснить мнение самого Филби.

На встрече с Крешиным Филби, рассказав о сложившейся ситуации, заявил, что ему лучше работать вместо Карри, но он опасается, что это может испортить его отношения с Каугиллом, который ему покровительствует. Предложение Вивиана было предпочтительнее тем, что уже к тому времени, по словам Каугилла, 15 кодошифровальщиков школы СИС работали над перехватами дипломатических телеграмм СССР и коммунистических организаций, а в ближайшее время Мензис намерен выделить на это дело еще большее число работников. Центр порекомендовал Филби постараться устроиться на работу в 9-й отдел, тем более что это совпадало с желанием самого Филби.

В сентябре 1944 года было принято окончательное решение о назначении Филби начальником 9-го отдела. К работе в 9-м отделе Филби приступил только в ноябре 1944 года, так как до этого Карри находился в командировке и Филби не мог ранее принять от него дела.

9-й отдел выделен в самостоятельное подразделение, но в работе он должен поддерживать тесный контакт с контрразведывательным отделом и пользоваться его агентурно-оперативными возможностями.

Филби, как начальник 9-го отдела, стал подчиняться непосредственно Вивиану. По отдельным вопросам он получил право прямого доклада Мензису. Небольшой отрезок времени, в связи с выездом Каугилла в командировку, Филби исполнял обязанности начальника контрразведывательного отдела и получил доступ к его сейфу.

На встрече с Крешиным 16 октября 1944 года Филби был в хорошем настроении и весьма оптимистично изложил свои разведывательные возможности в наших интересах на будущее.

И на фоне изнурительной работы Кима Филби по добыче важной и столь необходимой Государственному комитету обороны СССР и советской разведке информации в Центре в 1942 году вновь возникло недоверие к Филби и всей «кембриджской пятерке».

В феврале 1940 года по указанию Л.П. Берии лондонская резидентура была закрыта на том основании, что вся агентура, включая и «кембриджскую пятерку», была известна бывшим сотрудникам разведки, разоблаченным как «иностранные шпионы», и поэтому посту-

пившую от нее информацию следует рассматривать не иначе, как дезинформационную акцию англичан. И вновь, как и в 1940 году, Горскому, теперь уже вместе с Крешиным, пришлось доказывать несостоятельность и абсурдность подозрений Центра.

Отсутствие в информации Филби материалов, характеризующих деятельность СИС в нашей стране, в 1942 году рассматривалось в Центре как подозрительное преуменьшение им работы английской разведки против нас.

Эти выводы делались при полном игнорировании служебных возможностей Филби. Так, в письме Центра в резидентуру от 26 августа 1942 года указывалось: «Обращаем Ваше внимание на новые сигналы со стороны Филби, к которым нужно отнестись с большим вниманием. Это новое заявление Филби в беседе с Крешиным (наш резидент в Лондоне. – *Прим. авт.*) о слабой работе СИС против СССР. Подозрительность этого заявления усугубляется еще и тем, что Филби даже не пытался сослаться на неосведомленность в этом деле, а убедительно доказывал этот очевидный абсурд, делая это, видимо, совершенно сознательно».

В письме в резидентуру от 25 октября 1943 года Центр обращает внимание резидента на то, что «после тщательного анализа работы с группой источников (перечисляется вся пятерка. – *Прим. авт.*), пришли к выводу, что они известны СИС и контрразведке, работают по их указаниям и с их ведома. Имеются основания предполагать, что еще до связи с нами они были направлены контрразведкой на работу среди левонастроенного студенчества в Кембридже и именно этим объясняется их пребывание в английской Компартии, их левые настроения и т.п. Также несомненно, что контрразведке были известны связи Эдит и Стефана среди молодых английских аристократов. Невозможно также допустить, чтобы СИС и контрразведка могли доверить такую ответственную работу и на таких ответственных участках лицам, причастным в прошлом к партийной и левой деятельности, в том случае, если эта деятельность не проводилась с ведома этих органов».

Высказав такое политическое недоверие всей этой группе источников, Центр предложил резидентуре перестроить характер работы с этими источниками в направлении дачи им полной инициативы в представлении нам информации, не показывая им нашей заинтересованности в определенных вопросах. И в конце письма очень «умное» резюме: «Нашей задачей является разобраться в том, какую дезинформацию подсовывает нам английская разведка».

Нарком госбезопасности Меркулов предостерег от такого поспешного вывода, заявив, что все-таки вопрос об этой группе источников до конца еще не выяснен.

Последующие материалы этих источников, а также информация, полученная по другим каналам, убедила думающих и разбирающих-

ся в оперативной работе сотрудников Центра в искренности работы этих источников с нами.

Целый ряд материалов Филби, переданных нам в 1944–1945 годах, полностью исключал предположение о заинтересованности английской разведки в передаче нам такого рода материалов.

В то же время поступившие по другим каналам данные подтверждали информацию Филби о незначительной деятельности и возможностях английской разведки в работе против СССР. Ряд телеграмм МИД Англии своему послу в Вашингтоне по различным актуальным вопросам, переданных нам Филби, подтверждался информацией Маклина, находившегося в Вашингтоне.

Подлинность переданных нам Филби материалов агентурно-наблюдательного дела «Интеллидженс сервис» о связи и сотрудничестве британской и советской разведок была подтверждена документальными материалами, полученными через другие оперативно-технические и агентурные возможности разведки и иных подразделений госбезопасности СССР. В июле 1944 года за плодотворную работу и особенно за передачу нам упомянутого дела СИС Киму Филби от имени министра госбезопасности была объявлена благодарность. Эти и целый ряд дополнительных, в том числе документальных, доказательств искренности работы Филби и всей группы этих источников заставили коренным образом изменить отношение к ним.

Учитывая неоценимую помощь, оказанную советской разведке этой группой источников, особенно в период 1943–1945 годов, было принято решение установить каждому из них пожизненную пенсию (в 1945 году).

Для обеспечения большей безопасности в резидентуру было направлено из Центра указание свести к минимуму задания Филби по добыче громоздких документальных материалов и ограничить частоту встреч одним разом в две недели.

В марте 1945 года Филби выезжал в краткосрочные командировки во Францию и Италию по проверке работы резидентур и созданию баз для работы против местных компартий и советской разведки.

7 апреля 1945 года в резидентуру было направлено дополнительное указание – встречи с Филби проводить не чаще одного раза в месяц. По существу, встречи стали носить чисто технический характер: получение от Филби материалов и передача ему очередного задания Центра. Примерно один раз в три месяца проводить с Филби беседы на общеполитические темы, по международным вопросам и на личные темы, так как он неоднократно выражал свое неудовлетворение отсутствием подобных бесед.

Итак, Ким Филби достиг поставленной перед ним в начале его разведывательной карьеры цели – он стал не просто кадровым сотрудником, но и руководителем одного из важнейших подразделений английской разведки СИС. Его опыт сотрудника советской разведки

помогал ему в решении профессиональных задач и как сотруднику СИС, что в сочетании с его личными качествами способствовало его быстрому продвижению по служебной лестнице.

Даже не искушенному в делах разведки человеку не составит большого труда понять, какую ценность представляла для государственной безопасности и правительства СССР поступавшая от Филби информация в годы Великой Отечественной войны. Ким Филби внес немалый вклад в победу над гитлеровской Германией. Впереди Кима Филби ждали новые дела.

15

Тайны дешифровальной службы

6 февраля 1934 года на площади Согласия в Париже состоялась фашистская демонстрация, закончившаяся кровопролитием. Французские фашисты действовали на манер своих немецких наставников, устраивали погромы, завязывали драки, в результате чего полтора десятка человек были убиты и сотни ранены.

За бурными событиями во Франции внимательно следил английский студент Кернкросс, обучавшийся в Сорбонне. Его симпатии были на стороне антифашистских сил.

Рост фашистских настроений в Германии и Италии, призывы к мировому господству, а также поведение профашистских экстремистских организаций во Франции вселяли тревогу во французов. Тревожили они и Джона Кернкросса. С тех пор он стал внимательно следить за развитием обстановки в Европе и все больше убеждался, что правящие круги Англии и Франции недооценивают угрозу, которую несет фашизм, и во многом потворствуют фашистским режимам.

Осенью 1934 года Кернкросс возвратился в Англию и по рекомендации профессоров университета Глазго поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. Пробиться в этот привилегированный колледж небогатому шотландцу удалось благодаря его блестящим знаниям и интеллекту.

Джон Кернкросс родился в 1913 году в Шотландии в семье мелкого лавочника. Семья была многодетной, жила небогато, но все дети получили хорошее образование. Два старших брата, окончив высшие учебные заведения, работали в университетах Глазго и Кембриджа. В дальнейшем перешли на государственную службу. Сестры стали учительницами. Джон был самым младшим. До 15 лет он учился в местной школе, затем два года обучался в гамильтоновской академии (учебное заведение типа колледжа), в 1930 году поступил в университет в Глазго, где изучал политэкономию, немецкий и французский языки. В 1932 году выехал во Францию, на учебу в Сорбонну.

Учеба в Тринити-колледже, где были довольно сильны левые настроения, свела его со студентами левой ориентации и членами кембриджской организации компартии Англии. Идеи и политические взгляды этих людей оказали большое влияние на мировоззрение Кернкросса, и через некоторое время он стал членом коммунистической партии.

После окончания Кембриджа в 1936 году Кернкросс успешно выдержал экзамены на дипломатическую и гражданскую службу и был принят на работу в министерство иностранных дел. Осложнений с приемом на работу в это учреждение не было, так как окружение не знало о его членстве в партии, а сам он посторонним об этом не говорил.

В этот период Кернкросс связал свою судьбу с советской внешней разведкой. Он стал ценным источником и оказал огромную помощь нашей стране во время Великой Отечественной войны, сохранив жизнь десяткам тысяч воинов Красной Армии. Добытая им информация докладывалась руководству страны и вооруженных сил, в том числе непосредственно И.В. Сталину.

В привлечении Кернкросса к работе во внешней разведке большую роль сыграл Энтони Блант, который уже сотрудничал с нашей разведкой. Он учился с Джоном в том же колледже, но несколькими курсами старше, был в одно время его учебным руководителем и поддерживал с ним дружеские отношения.

Блант рекомендовал Кернкросса сотруднику лондонской нелегальной резидентуры Дейчу как перспективного кандидата, способного добывать интересующую Центр разведывательную информацию. Однако нелегальная резидентура не спешила устанавливать с ним контакт, поскольку поступали разноречивые данные о его политических воззрениях и взглядах на жизнь. Некоторые считали, что, пробившись из низов в госаппарат, Кернкросс будет свято соблюдать предписанные госслужащим правила.

Несколько позже резидентура пришла к выводу о том, что Кернкросс может оказаться полезным источником, и в этой связи решила, по согласованию с Центром, попросить одного из студенческих активистов, с которым поддерживала эпизодические контакты, разобраться в этом человеке и сообщить свое мнение о нем. Мнение было положительным, и резидентура поставила перед Центром вопрос об установлении с Кернкроссом прямого контакта.

По указанию руководства разведки работа с Кернкроссом была возложена на Дейча. Исходили из того, что Дейч является наиболее подготовленным человеком, чтобы реально оценить возможности нового источника, его личные качества, а также использовать встречи для проведения необходимой воспитательной работы и обучения правилам и приемам разведывательной работы.

Уже первые контакты с Кернкроссом убедили Дейча в том, что он имеет дело с близким по идеологии человеком, другом Советского

Союза. Кернкросс с первых дней активно взялся за работу. Однако Дейч действовал как опытный педагог. Он сдерживал рвение молодого работника, старался давать ему посильные поручения, а когда у того не получалось, старался ободрить его, никогда не делал замечаний, которые могли вызвать разочарование или досаду. Постепенно Кернкросс научился правилам и приемам агентурной работы, конспирации и начал добывать ценные секретные материалы. Дейч также рекомендовал ему отойти от компартии и не поддерживать контактов с ее членами.

Характеризуя Кернкросса, Дейч писал: «Мольер» (псевдоним источника. – *Прим. авт.*) происходит из шотландской мелкобуржуазной семьи. Шотландцы – народ религиозный. Поскольку жизнь у них тяжелая, они очень трудолюбивы и бережливы. Шотландцы не любят англичан. «Мольер» унаследовал некоторые из этих черт. Он педантичный, дельный, старательный и бережливый человек. Он скромен и прост. Он очень образован, серьезный и убежденный коммунист. Он сразу изъявил готовность работать с нами и относится к нашему делу очень ответственно. Интересуется всеми нашими партийными, практическими и теоретическими вопросами и неплохо разбирается в них. Очень любознателен. Он простой, иногда наивный и немного провинциальный человек. Очень доверчив и с трудом может маскироваться. Внешне очень прост и мил. Нормален в отношении женщин. Дисциплинирован и осторожен. Полностью нам доверяет, и мы для него – большой авторитет».

В министерстве иностранных дел Кернкросс работал в американском и центральноевропейском департаментах и имел доступ к материалам секретного и совершенно секретного характера. В процессе работы с Дейчем он стал снабжать его документальной информацией, главным образом по немецкой тематике. Информация высоко оценивалась Центром.

В конце 1937 года в Москву, по соображениям безопасности, был отозван Дейч, и связь с Кернкроссом стал поддерживать резидент «легальной» резидентуры Горский. В конце 1938 года агентурные условия источника резко изменились. Он был переведен из министерства иностранных дел в министерство финансов, где возможности для добывания секретных материалов были значительно слабее.

По поводу перевода Кернкросса из министерства иностранных дел резидент Горский писал в Центр: «По поводу увольнения «Листа» (новый псевдоним источника. – *Прим. авт.*) из «Закоулка» (так в оперативной переписке именовался МИД Англии) якобы за плохую работу мне сейчас сказать что-либо очень трудно. Сам он утверждает, что уволен оттуда только потому, что не окончил «Паблик Скул», а это в «Закоулке» – цитадели реакции и снобизма – считается пятном, могущим погубить карьеру новичка даже с самыми блестящими способностями. «Стюарт» (псевдоним другого источника, работав-

шего в МИД. – *Прим. авт.*) как-то сказал мне, что «Лист» уволен из «Закоулка» только потому, что на фоне бездарной, но титулованной массы он выделялся и пришелся не ко двору. Я считаю, что этому объяснению можно вполне верить».

Несмотря на то что в министерстве финансов Кернкросс работал на участке, где интересовавшие резидентуру материалы встречались не часто, тем не менее он передал ряд важных документов.

С февраля по декабрь 1940 года контакт с Кернкроссом не поддерживался в связи с отзывом в Москву оперативных работников. Но затем работа возобновилась. В середине 1940 года Джон был назначен личным секретарем к лорду Хэнки.

В кабинете Чемберлена этот человек занимал пост министра без портфеля, а когда Черчилль возглавил правительство, вел работу по линии секретных служб и был председателем десятка комиссий, которые занимались вопросами обороны, безопасности, научных исследований и др.

Это назначение вывело Кернкросса на исключительно важный канал секретной информации. К Хэнки поступали материалы из кабинета министров, спецслужб, научно-исследовательских организаций и других важных учреждений. Все они аккумулировались у Кернкросса.

От Кернкросса были получены переписка МИД с посольствами, еженедельные доклады английской разведки кабинету, протоколы заседаний военного кабинета, доклады начальника генштаба, материалы по экономической разведке и другие важные секретные документы.

С января по май 1941 года от источника было получено большое число материалов, которые свидетельствовали о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Среди них были: телеграмма министра иностранных дел Англии Идена в МИД о беседе Гитлера с наследным принцем Греции Павлом о нападении на СССР; телеграмма посла Великобритании в США Галифакса в МИД о беседе с вице-президентом США Уоллесом по тому же вопросу; телеграмма английского посла в Швеции в МИД о неминуемом нападении немцев на СССР; сводка материалов службы британской разведки (СИС) о Германии и Финляндии; телеграмма посла Великобритании в СССР Криппса в МИД о планах немцев; телеграмма английского посла в Финляндии о численности немецких войск в Финляндии; телеграмма английского посла в Финляндии о финско-немецком сотрудничестве; телеграмма английского посла в Турции о переброске немецких судов в Черное море; выдержка из очередного обзора СИС с 4 по 11 мая о германских планах в отношении СССР; диспозиция немецких военно-воздушных сил и другие материалы.

Об интенсивности работы с источником говорит отчет резидентуры, направленный в Центр 31 мая 1941 года. В нем, в частности, говорилось о направлении 60 пленок с материалами Кернкросса, сре-

ди которых, отмечалось в отчете, помимо очень большого количества входящих и исходящих телеграмм министерства иностранных дел, сфотографированные протоколы заседаний военного кабинета и доклады различных комиссий и комитетов по отдельным вопросам, обсуждавшимся правительством, еженедельные доклады имперского генерального штаба, еженедельные сводки британской разведки, еженедельные доклады отдела политической разведки МИД, еженедельные доклады разведки министерства экономической войны, подробные статистические данные о резервах военно-стратегического характера.

В конце сентября 1941 года Кернкросс передал также документ чрезвычайного значения – доклад премьер-министру Черчиллю о проекте создания атомного оружия. В документе говорилось, что это оружие можно создать в течение двух лет. Это был первый документ, полученный разведкой, о практических шагах в использовании за рубежом атомной энергии в военных целях. Он сыграл, наряду с позже полученными документами, исключительно важную роль в активизации работ по развитию советской атомной промышленности и прежде всего производству атомного оружия.

Кернкросс передавал информацию и по другим важным вопросам. Один из них касался деятельности Британско-Советской комиссии по оказанию помощи СССР в вооружении. Советскому руководству важно было знать, на какие виды вооружений и их объемы можно рассчитывать. В секретариате лорда Хэнки такая информация была, и Кернкросс регулярно передавал ее советскому разведчику.

В связи с преобразованием аппарата лорда Хэнки и его переводом на другую работу встал вопрос о дальнейшем трудоустройстве Кернкросса. Резидентура посоветовала источнику попытаться устроиться на работу в службу радиоперехвата и дешифрования.

Кернкросс и сам стремился попасть на работу в это учреждение и не раз обсуждал данный вопрос со своим куратором. Он понимал, что дешифрованные сообщения немцев о положении на Восточном фронте и их военных планах могли оказать большую помощь советскому командованию.

Через своих знакомых Кернкроссу удалось устроиться на учебу в школу, где готовились кадры для службы, а по ее окончании – на работу в аппарат службы.

В службе не хватало специалистов со знанием иностранных языков, поэтому Кернкросса взяли туда без особого труда. Учитывалась, конечно, и его прежняя работа с секретными документами. Уровень секретности был здесь исключительно высокий. Дешифрованные материалы читали буквально несколько человек: прежде всего премьер-министр, военный министр, начальник СИС и, возможно, еще два-три человека из числа высокопоставленных лиц.

Среди дешифрованных материалов было немало данных, касавшихся советско-германского фронта. Здесь были депеши немецкого

генерального штаба командующим группами армий и армиями по вопросам проведения военных операций против советских войск. Однако эти данные советскому руководству англичане не сообщали, несмотря на то что на этот счет существовало соответствующее соглашение. Причину такого подхода к передаче информации некоторые объясняют стремлением британского руководства сохранить в глубокой тайне источник получения данных, опасаясь того, что если немцы заподозрят, что их шифры раскрыты, то они могут их заменить.

Однако вряд ли с этим доводом можно согласиться. Если англичане использовали эти данные у себя, делились ими с американцами, то какая-то их доля, переданная СССР, вряд ли бы изменила ситуацию, тем более здесь не требовалось сообщать реальный источник информации. Можно было сослаться на агентурные данные, данные пленных, авиаразведки и т.д.

Нужно отметить, что в этом плане внешней разведке повезло. На своей новой работе Кернкросс получил доступ к целому ряду дешифрованных немецких документов, которые незамедлительно передавались в Москву. К ряду таких документов имел доступ и Филби – ему они направлялись начальником разведки. Удавалось иногда добывать некоторые материалы и Бланту. Кернкросс же имел эти документы у себя в сейфе и мог использовать по мере их поступления, т.е. без большой задержки. Он передал важнейшие данные о готовящемся наступлении немцев на Курской дуге, указал примерные сроки наступления, технические параметры нового немецкого танка «Тигр» и другие сведения.

Своей самоотверженной работой он внес серьезный вклад в нашу победу под Курском и на других фронтах.

Англичане дешифровывали практически всю информацию, которая шла из немецкого генерального штаба, морского и авиационного штабов. Для зашифровывания своих телеграмм немцы применяли быстродействующую шифровальную машину «Энигма».

Где-то в середине 30-х годов французы через своего агента добыли документацию на «Энигму» и пытались раскрыть немецкий шифр. Однако их попытки потерпели неудачу. Тогда они передали документы англичанам, и те энергично взялись за работу. Они создали специальное подразделение, разместили в отдельном здании в Блетчли-Парке, предоставили в его распоряжение один из первых компьютеров, и в середине 1940 года добились успеха. С тех пор англичане читали практически всю секретную информацию немцев по военным вопросам.

О ценности получаемых от Кернкросса материалов можно судить по рапорту начальника 3-го отдела Овакимяна на имя начальника разведки Фитина. В рапорте говорилось: «Получаемые нами агентурные материалы наших источников «Л» и «Т» («Лист» – Кернкросс и «Тони» – Блант. – *Прим. авт.*) об оперативных приказах германского командования на советско-германском фронте и радиограммы не-

мецкой разведки о дислокации и перемещении частей Красной Армии высоко оцениваются ГРУ и Генеральным штабом Красной Армии. (Письменная оценка прилагается.)» И далее предлагается объявить им за работу благодарность.

Помимо материалов военно-оперативного характера Кернкросс передал данные немецкого машинного шифра «Тунец», который использовался англичанами для дешифрования немецких радиограмм. На базе этих данных был сконструирован аналогичный образец этой машины для использования в дешифровке немецких радиограмм.

В оперативном деле имеется задание Центра резидентуре. В нем, в частности, говорится, что немцы внесли некоторые изменения в конструкцию машины и поэтому необходимы дополнительные сведения, которые, возможно, известны англичанам и могут быть добыты Кернкроссом. Такие данные были получены от источника и отправлены в Москву. В деле нет сведений о дальнейшей судьбе этой дешифровальной машины.

По указанию Центра резидентура активно использовала возможности Кернкросса для сбора данных, связанных с операциями по дешифровке немецких радиограмм. В одном из заданий Центра отмечается, что желательно и в дальнейшем получать от источника перехваты немецких радиограмм. Особый интерес представили телеграммы таких немецких линий, как Берлин–Псков, Берлин–Хельсинки, Берлин–Лиссабон, Трапезунд–Стамбул, Берлин–Бухарест, Киркенес–Осло. Ценность этих телеграмм, подчеркивается в задании, значительно повысится, если Кернкросс сможет передавать их на немецком языке, с указанием волн, позывных, вида заголовков телеграмм и других данных.

Материалы дела свидетельствуют и о том, что источник внимательно следил за работой англичан по дешифровке советских шифров и сообщал данные о результатах этой работы, а также об имевшихся у английских спецслужб сведениях, касавшихся аналогичной работы по советским шифрам у немцев и японцев. Так, в переданной Кернкроссом расшифрованной телеграмме японского военного атташе в Берлине указывается, что японские эксперты по шифрам поддерживают постоянный контакт с немецкими специалистами в вопросе дешифровки советских телеграмм. Однако им пока не удалось раскрыть советский дипломатический шифр, и сейчас они начали работать над расшифровкой русских военных шифров.

В работе разведчика встречается много трудностей. Иногда на выяснение лишь какого-то одного факта уходит уйма времени и усилий. Нелегко было и Кернкроссу добывать разведывательные материалы. Однако в Блетчли-Парке (кодовое название службы, которое ей было дано по месту ее расположения) источнику повезло. Материалов дешифровки было довольно много. В первую очередь отбирались документы, касавшиеся непосредственно Англии и действий

союзников. Большая часть остальных, где находились и материалы о советско-германском фронте, как правило, после их просмотра уничтожалась. Регистрация уничтоженных телеграмм не велась. Поэтому не нужно было снимать никаких копий. Кернкросс набирал пачку оригиналов, подлежащих уничтожению, и передавал их работнику резидентуры. Нередко ему удавалось находить интереснейшие документы в ящике для уничтожения, куда сбрасывались ненужные бумаги.

В конце 1943 года Кернкросс перешел на работу в СИС. Переход из службы радиоперехвата и дешифрования на работу в аппарат СИС был связан с резким ухудшением зрения. Кернкросс с детства не видел левым глазом. Напряженная работа в Блетчли-Парке отрицательно сказалась и на состоянии правого глаза. Зрение начало ухудшаться. Резидентура принимала меры к тому, чтобы помочь ему с лечением, однако результаты были мало обнадеживающими. Врачи советовали сменить характер работы.

После перехода на работу в центральный аппарат СИС источника назначили в Пятое, а затем в Первое управление. В Пятом управлении он занимался обслуживанием в контрразведывательном плане СССР и Балкан. Конкретными обязанностями Кернкросса были: анализ и изучение перехваченных телеграмм немецкой разведки о ее деятельности в СССР и на Балканах, а также всех агентурных материалов по этим регионам, изучение кадрового состава и агентуры немецких резидентур на Балканах, изучение методов работы немецкой разведки. В Первом управлении в его обязанности входил анализ политической информации.

Характеризуя новый участок работы Кернкросса, резидент писал в Центр, что источник получает все перехваты немецкой разведки, которые после использования должны им лично сжигаться. Часть этих телеграмм он действительно сжигает (никаких актов не составляется), а остальные передает нам. Во время своих дежурств по отделению (один-два раза в неделю) источник просматривает бумаги, поступающие в адрес других работников отделения (дипломатические перехваты, выемки из диппочты, еженедельные сводки агентурных материалов, телеграммы резидентур и проч.) и регулярно передает нам их содержание.

В одно из таких дежурств Кернкросс обнаружил в шкафу у своего шефа список английской агентуры на Балканах. Список был скопирован и отправлен в Москву.

Большой интерес представляла информация, изложенная в спецсообщении СИС от 28 октября 1944 года. В этом документе речь шла о полученной агентурным путем секретной инструкции Гиммлера о создании на территории Германии и некоторых оккупированных стран подпольной армии на случай оккупации союзными войсками этих территорий.

Подпольная армия, согласно инструкции, должна была состоять из трех звеньев: разведывательных групп, групп по организации саботажа, групп обеспечения безопасности. Группы разведки должны были комплектоваться из преданных нацистских офицеров, хорошо подготовленных радиоэкспертов, офицеров полевых радиослужб частей СС, из служащих районных администраций и других категорий.

Группы по организации саботажа формировались из инженеров саперных частей. Каждый член этих групп должен был пройти курсы химии и взрывчатых веществ в так называемых «академиях». Группы контрразведки должны были управляться и организовываться только офицерами служб безопасности. В этих группах предполагалось использовать и женщин.

В качестве офицеров связи планировалось подготовить специальных курьеров подполья. В их обязанности должно было входить назначение новых руководителей групп вместо выбывших из строя по различным причинам.

Группы подпольной армии планировалось формировать по принципу пятерок, и подчиняться они должны были непосредственно главному штабу подпольной армии. Согласно инструкции, подпольная армия должна была иметь секретные оружейные склады для хранения стрелкового оружия, взрывчатки, различных химикалий и других средств саботажа. Намечалось также создать госпитали, химические лаборатории, лаборатории для изготовления фальшивых документов, денег, продовольственных карточек, организовать радио- и телеграфную связь.

Кандидатам для работы в подпольной армии из числа офицеров СД, СС, полицейских органов, специальных армейских частей предлагалось сменить фамилии и документы. Часть этих людей для зашифровки должны были направить в концлагеря и тюрьмы.

В главный штаб подпольной армии, помимо Гиммлера, были включены Борман, Кальтенбруннер и несколько высших офицеров СД и СС.

Кернкросс работал в СИС до конца войны, затем уволился и возвратился на работу в министерство финансов.

За его вклад в борьбу советского народа против фашистских захватчиков Кернкроссу неоднократно объявлялись благодарности руководства внешней разведки. В ответ на это в октябре 1944 года он писал: «Я восхищен, что наши друзья сочли мою помощь заслуживающей внимания, и я горжусь тем, что я кое-что внес в дело победы, которая привела почти к полному очищению советской земли от захватчиков».

В марте 1945 года Кернкроссу была установлена пожизненная пенсия в сумме 1000 фунтов стерлингов в год. Однако от получения этой пенсии он отказался, мотивируя это достаточной материальной обеспеченностью.

Из министерства финансов Кернкросс был переведен в министерство снабжения. Непосредственно на участке, где теперь работал агент, не было материалов, представлявших интерес для Центра, и встречи с ним проводились лишь эпизодически.

На одной из таких встреч 23 октября 1951 года Кернкросс сообщил, что в начале сентября его допрашивал представитель контрразведки, который интересовался, какие отношения он поддерживал с Маклином (один из источников «кембриджской пятерки»), а также о его принадлежности к компартии.

Кернкросс был уже подготовлен оперработником на случай такого допроса. После побега в Советский Союз двух источников «кембриджской пятерки» Маклина и Берджесса, работавших в МИД Англии, которым грозил арест, контрразведка начала проверку всех их связей по институту и работе в МИД. Не исключалась возможность проверки Кернкросса, поэтому он и был сориентирован, как вести себя в случае допроса.

Кернкросс ответил представителю контрразведки, что с Маклином он просто здоровался, когда работал в МИД, а свое членство в партии он не скрывал, но после института никакой связи с ней не поддерживал.

Контрразведчик был удовлетворен ответом Кернкросса, и больше к нему никто не обращался. На работе он продолжал вести тот же участок, что и раньше, и никаких подозрительных моментов не отмечал.

Несмотря на то, что источник считал, что у контрразведки нет против него улик и его положение прочное, резидентура приняла решение по соображениям безопасности временно прекратить с ним связь. Была достигнута договоренность: с помощью соответствующих сигналов он будет ежемесячно сообщать о своем положении. Контрольная встреча была назначена на 23 января 1952 года.

На случай осложнения обстановки вокруг Кернкросса в Центре был разработан специальный план оперативных мероприятий, который предусматривал рекомендации источнику по выезду из Англии, обеспечение его другими документами, выделение необходимых средств для проживания за границей, а также условия связи на другие страны.

После октябрьской встречи никаких сигналов от Кернкросса не поступало. На контрольную встречу он также не вышел. Связь с ним удалось установить лишь в первой декаде марта 1952 года. Во время встречи источник рассказал, что был подвергнут второму допросу со стороны контрразведки. Особенно ее интересовал вопрос его контакта с компартией. После этого допроса Кернкросса снова перевели в министерство финансов на участок работы, куда секретные материалы не поступали. Сам он пришел к выводу, что начатое контрразведкой расследование будет продолжаться. На предложение в случае обострения обстановки выехать в СССР он реагировал отрицательно, заметив, что у контрразведки нет оснований для его ареста.

Учитывая, что обстановка вокруг источника осложнилась, оперработник договорился об очередной встрече только через три месяца, обусловив одновременно выход на явку по условиям экстренной встречи. Однако Кернкросс ни в назначенный день, ни на следующую встречу не явился.

Резидентура организовала наблюдение за местами, где он мог появиться, с тем чтобы определить, в каком положении он находится и нет ли за ним наружного наблюдения. В случае, если ситуация окажется спокойной, планировалось войти с ним в контакт и назначить встречу в городе. Однако положительных результатов наблюдение не дало. Кернкросс нигде не появлялся.

Все попытки резидентуры установить, что произошло с Кернкроссом, не увенчались успехом. В этой связи было принято решение попросить Филби (источник из «кембриджской пятерки». – *Прим. авт.*) осторожно навести справки об этом человеке. Филби сообщил, что при обыске квартиры Гая Берджесса (источник из «кембриджской пятерки», бежавший в СССР) среди других вещей контрразведка обнаружила написанный от руки меморандум, содержавший разведывательную информацию. По почерку расследование привело к Кернкроссу. На него пало серьезное подозрение, однако он сумел доказать, что это был просто меморандум одного правительственного служащего другому и никакого отношения к какому-либо иностранному государству не имел.

Серьезных оснований для ареста у контрразведки не было, однако с работы из министерства финансов его уволили. О местонахождении Кернкросса Филби не знал.

Обстоятельства в дальнейшем сложились так, что встретиться нашим работникам с этим замечательным человеком уже больше не пришлось.

Контрразведка подвергла Кернкросса еще нескольким допросам. Ему, как и Бланту, был предложен иммунитет от судебного преследования, при условии, что он расскажет о своей разведывательной деятельности. Это было уже после 1964 года. МИ-5 к этому времени располагала значительным количеством сведений и представляла, какую информацию Кернкросс мог передавать в Москву. Кроме того, агент понимал, что его признание в данный момент уже никому не может повредить.

Судя по тем сведениям, которые появились в английской и зарубежной печати, Кернкросс рассказал о работе на советскую разведку во время войны и таким путем получил иммунитет от судебного преследования.

После того как контрразведка закончила разбирательство, ему разрешили выехать за границу. Работал он преподавателем в Канаде. В 1967 году прибыл в Италию и вел там работу по линии ООН. В 1970 году перебрался во Францию и жил в Провансе.

В 1981 году премьер-министр Великобритании Тэтчер, отвечая на вопросы в парламенте, публично признала, что Кернкросс был советским разведчиком. Она также информировала, что в настоящее время он возвратился в Англию вместе с женой, поселился на западе страны и приступил к написанию мемуаров.

В октябре 1995 года поступили сообщения, что Кернкросс умер в возрасте 82 лет. На это событие откликнулась пресса ряда стран. За рубежом его деятельность оценивалась по-разному. Однако для нас он остается героической личностью, непримиримым борцом с фашизмом. Он внес весомый вклад в победу в Великой Отечественной войне и сохранение мира в послевоенный период.

К этому нужно добавить, что Кернкросс был незаурядным человеком – писал книги, хорошо разбирался в музыке, литературе и искусстве, в совершенстве владел французским и немецким языками, говорил на итальянском и испанском, читал литературу на шведском и русском языках, увлекался историей Франции.

За успешное выполнение разведывательных заданий, связанных с добыванием информации о планах и приказах немецкого военного командования на советско-германском фронте, Кернкросс был награжден орденом Красного Знамени.

16

Советник королевы

В лекционном зале Лондонского университета студенты ждали лектора, который несколько задерживался. Но вот в зал вошел высокий, стройный военный с погонами майора, извинился за опоздание и уверенно прошел к кафедре. Студент, видимо, из новичков, толкнул своего соседа и спросил: «Что, этот солдафон будет читать нам лекцию по теории итальянского искусства?» «Это не солдафон, – ответил сосед. – Это доктор Блант, известный знаток итальянского искусства и заместитель директора Института “Куртольд”»[1] (в 1947 году Блант был назначен директором этого института).

Шел 1943 год. Блант находился на военной службе. Его основным местом работы была английская контрразведка – МИ-5. Но одновременно он продолжал заниматься и по своей гражданской специальности – итальянским искусством, читал лекции, вел исследовательскую работу.

Помимо вышеуказанных, была у него и еще одна сфера деятельности, пожалуй, наиболее важная и опасная: он был ценным источником советской внешней разведки. К этой работе он относился с не меньшим усердием, чем к изучению итальянской живописи.

Энтони Блант был одним из «кембриджской пятерки», сыгравшей важную роль в оказании реальной, весомой помощи Советскому Союзу в войне против фашистской Германии.

Родился он в сентябре 1907 года в семье священника, в г. Борнмуте, на юге Англии. Мать Бланта происходила из богатой аристократической семьи, связанной с Восточно-индийской компанией. Ребенком он несколько лет жил в Париже, куда перевели на работу его отца. Во Франции в совершенстве овладел французским языком, позднее стал интересоваться живописью, что потом осталось на всю жизнь. Окончил привилегированную школу в Англии, а затем поступил в Тринити-колледж в Кембридже. Университет оказал на Бланта

огромное влияние. Помимо того, что это было престижное учебное заведение, оно отличалось еще и свободомыслием с сильными левыми настроениями.

Блант хорошо учился и одновременно активно участвовал в политической жизни университета. Он стал председателем «Союза друзей Советского Союза». Постепенно Блант стал проявлять интерес к марксизму. В автобиографии он пишет, что после возвращения в Кембридж заметил сильное изменение обстановки. События, происходившие в Германии, «стали доходить до сознания такого изоляциониста, как я, и я смутно начал осознавать, что мое положение не было удовлетворительным». Он тесно общался со студентами левой ориентации, в том числе с членами компартии, взгляды которых отличались от мировоззрения Бланта. Постепенно он стал осознавать, что марксистский подход к предметам, в том числе к искусству, давал новое направление для понимания предмета с научной точки зрения.

Марксистский подход стал ощущаться в его лекциях и работах, написанных в этот период. Однако в компартию он не вступил. Этому помешала его связь в дальнейшем с советской разведкой: ему было рекомендовано отойти от компартии и левых организаций и вести образ жизни «добропорядочного» англичанина. И он начал тщательно придерживаться этой линии. Внешне Блант выглядел достаточно консервативным человеком, однако его мировоззрение не изменилось, а доброе отношение к Советскому Союзу еще больше укрепилось.

В период пребывания в колледже он несколько раз бывал в Европе, в том числе и в Германии, где своими глазами увидел растущую опасность фашизма.

В 1935 году вместе с группой лондонских студентов и преподавателей Блант посетил СССР в качестве туриста. Ему хотелось лично убедиться в том, что происходит в стране. Он побывал в Ленинграде и Москве, осмотрел картинные галереи и музеи. Поездка произвела большое впечатление. Его поразили масштабы строительства в стране, система образования, подъем культуры и искусства.

В результате поездки в СССР он твердо решил встать на сторону Советского Союза, чтобы противостоять надвигающейся фашистской опасности.

После окончания Кембриджа Блант стал уделять серьезное внимание изучению истории и теории искусства. Уже в 1940 году он опубликовал книгу «Теория итальянского искусства 1450–1600 гг.». Она получила хорошие отзывы специалистов и еще дважды переиздавалась.

Перед войной Блант работал преподавателем по искусству в Уарбургском институте. Работа хорошо оплачивалась и считалась весьма почетной. Она также давала отсрочку от призыва в армию.

Однако с началом войны в 1939 году Блант, будучи большим патриотом своей родины, ушел добровольцем в армию. Его направили

на учебу на разведывательные курсы военного ведомства, но через короткое время отчислили в связи с отрицательной характеристикой, полученной из Кембриджского университета. Блант обратился в военное министерство с просьбой объяснить причину его отчисления. В министерстве сослались на то, что в досье Энтони фигурируют два отрицательных момента: поездка в СССР и три статьи, опубликованные в студенческие годы в левом журнале «Лефт ревью». Однако Блант сумел доказать, что поездка в СССР носила научный характер, и ездил он не один, а с группой английских туристов. Что касается статей, то они не имеют под собой никакой марксистской подоплеки. Он сослался на свои другие публикации по этому вопросу, которые полностью реабилитировали его.

Обвинение с Бланта сняли и снова приняли на службу. Блестящая подготовка и знание двух иностранных языков – французского и немецкого – позволили ему занять должность командира подразделения в военной полиции. Он был направлен во Францию, в г. Булонь. В задачу его подразделения входило предупреждение проникновения агентов противника на территорию порта, наблюдение и разработка подозрительных людей и другие мероприятия. Он хорошо себя зарекомендовал и вскоре получил очередное звание.

Подразделение находилось в составе Британского экспедиционного корпуса во Франции. Во время наступления немцев Блант проявил себя с самой лучшей стороны. Несмотря на большие трудности, он эвакуировал свое подразделение в Англию организованно и без потерь. Впоследствии за мужество и самоотверженность, проявленные в военных действиях во Франции, он был награжден французским правительством орденом Почетного легиона.

В эти тяжелые для Англии дни испытывали трудности и ее спецслужбы. Не хватало подготовленных людей. Тогда решили призвать в разведку и контрразведку наиболее способных выпускников некоторых престижных университетов. В их число попали другие члены «кембриджской пятерки» – Гай Берджесс и Филби. Бланта рекомендовал в контрразведку Виктор Ротшильд, член известной банкирской семьи. Блант находился с ним в дружеских отношениях, а тот в это время уже работал в контрразведке.

Переход на работу в контрразведку был не случайным. Ему еще раньше была поставлена задача по проникновению в спецслужбы для добывания интересующей советскую разведку информации.

Первые контакты Бланта с советской внешней разведкой начались после его посещения СССР. В январе 1937 года Гай Берджесс, с которым Блант находился в дружеских отношениях, познакомил его с Отто. Под этим именем выступал разведчик-нелегал Арнольд Дейч. После нескольких встреч Дейч пришел к выводу, что Блант является перспективным человеком для разведки, и привлек его к сотрудничеству. Договорились, что связь с ним будет осуществляться через Берджесса.

Предложение работать в советской разведке Блант принял без колебаний и сразу же приступил к выполнению полученных заданий.

С момента привлечения Бланта к нашей работе и до его выезда во Францию непосредственной связи с ним у резидентуры не было. Поступавшие от него материалы передавались через Берджесса. Во время пребывания во Франции он имел условия связи на случай установления контакта работником парижской резидентуры. Однако связь с ним во Франции не устанавливалась. По возвращении в Англию контакт восстановил резидент «легальной» резидентуры в Лондоне Горский, и работа с Блантом значительно оживилась.

Осенью 1940 года Блант был зачислен в контрразведку – МИ-5. Его направили на работу в отдел «О», который занимался обеспечением безопасности военных предприятий, а также имел отношение к контрразведывательной работе в армии.

Вскоре Энтони занял должность помощника руководителя отдела, и через него стала проходить масса секретных документов. Он отбирал материалы, которые представляли интерес для Москвы, некоторые брал домой и делал из них выписки, содержание других запоминал. Поскольку Блант обладал феноменальной памятью, то многие документы он помнил наизусть. Центр давал высокую оценку его деятельности. Через некоторое время его перевели в управление «В» (контрразведка) в качестве помощника начальника управления, а затем помощника заместителя начальника управления. Резидент рекомендовал Бланту попытаться сблизиться с заместителем начальника контрразведки Лиделлом, который высоко ценил его деловые качества и давал ему ответственные поручения.

Отношения с Лиделлом продолжали укрепляться и вскоре переросли в дружеские. Руководитель управления «В» стал в доверительной форме делиться секретами особой важности. Этому способствовало и то, что Виктор Ротшильд перебрался за город, где было меньше опасностей от бомбежек, а свой дом сдал Бланту и его друзьям. Дом был хорошо обставлен и безопасен, поскольку был известен в Лондоне как респектабельный «дом Ротшильда». Блант приглашал в дом некоторых сотрудников для отдыха и в разговорах получал иногда довольно интересную информацию, к которой не имел прямого доступа. Частым гостем Бланта был Лиделл, которому нравилось проводить свободное время в этом богатом особняке.

Помимо Лиделла Блант установил дружеские отношения с другим высшим офицером – зам. начальника управления «В» Диком Уайтом, который впоследствии возглавил английскую разведку.

Уайт увлекался литературой, проявлял живой интерес к живописи и архитектуре. Это давало возможность Бланту в свободное время обсуждать с ним эти предметы, причем делал он это высокопрофессионально, чем буквально покорил Уайта. Во время бесед с ним Энтони нередко получал важные сведения.

Через этих высших сотрудников контрразведки стало известно, что англичане проводили так называемые «активные мероприятия» против Советского Союза, передавая время от времени через официальные и неофициальные каналы дезинформацию.

Через Бланта резидентура заблаговременно получала информацию о планируемых подрывных акциях против советских учреждений в Англии и их персонала. Это давало возможность нейтрализовывать действия контрразведки.

Энтони сообщал также и о подрывных акциях, которые проводились в отношении компартий Англии, а также других стран. Некоторые внедренные туда агенты-провокаторы стали известны, были раскрыты места, где контрразведка имела подслушивающие устройства.

Заметный вклад Блант, наряду с другими членами «пятерки», внес в раскрытие секретных сепаратных переговоров Англии и США, которые они вели через Ватикан, о выходе Италии из войны. 3 сентября 1943 года англо-американское командование тайно подписало соглашение о перемирии с правительством маршала Бадольо, которого король назначил главой правительства после ареста Муссолини. Располагая этими сведениями, советское руководство обратилось к правительствам США и Англии за разъяснениями и одновременно предложило создать военно-политическую комиссию для переговоров с государствами, стремящимися выйти из-под влияния Германии. Этот шаг позволил Советскому Союзу подключиться к переговорам и сыграть заметную роль в демократизации режима, пришедшего на смену фашистской диктатуре Муссолини, которая существовала в стране. Уже в марте 1944 года СССР установил отношения с правительством Бадольо, а в октябре того же года с ним были оформлены полные дипломатические отношения.

«Кембриджская пятерка», в том числе и Блант, добыла информацию и о других, более опасных секретных переговорах, которые вел представитель Гиммлера обергруппенфюрер СС Вольф с американцами. Их целью было прекращение военных действий Германии на западе и продолжение войны на востоке.

Эти сведения позволили Сталину потребовать прекращения переговоров, от кого бы из германского руководства ни исходила инициатива их проведения. Последовала переписка по этому вопросу между советским и англо-американским руководством. Во избежание огласки и нежелательной реакции общественного мнения США и Англия были вынуждены отказаться от контактов с конкретными представителями руководства фашистской Германии.

Бланту не раз поручали весьма ответственные задания. Однажды руководство контрразведки предложило ему проанализировать работу подразделения наружного наблюдения и внести предложения по повышению его эффективности. На это ушло несколько месяцев. Он исследовал все аспекты этого дела и подготовил конкретные предло-

жения. Руководство осталось довольно работой Бланта. Новшества, которые предлагалось внедрить, значительно повышали уровень функционирования наружного наблюдения. Копию своего доклада он передал в резидентуру, что сыграло большую роль в организации встреч с агентурой. Теперь сотрудники были хорошо осведомлены о методах и приемах ведения наружного наблюдения, что значительно повысило безопасность в работе.

В другом случае Лиделл поручил ему проанализировать протоколы и магнитофонные записи допросов немецких агентов, арестованных в Англии и за границей, в частности на Ближнем Востоке и в Африке. Блант, как прирожденный аналитик, сумел раскрыть новые данные, которые напрямую направлялись военному министру, а их копии, конечно, передавались им в резидентуру.

Довольные успешной работой Бланта, руководители контрразведки дали своему талантливому подопечному новое задание. Оно касалось весьма щекотливой темы – организовать негласный досмотр дипломатических вализ посольств и дипломатических миссий иностранных государств и правительств в эмиграции.

Блант успешно организовал эту работу. Многие зарубежные дипломатические представительства в связи с отсутствием соответствующих возможностей пользовались обычной почтой. Получить такую вализу труда не составляло. Но и те государства, которые использовали дипломатических курьеров, также становились жертвами британской контрразведки. Для этого создавались ситуации, когда вализа на несколько часов оставалась без присмотра, и она попадала в руки сотрудников Бланта. Обычно под предлогом задержки транспорта или другим причинам дипкурьерам предлагалось закрыть вализы в сейф в приемном пункте, а самим идти отдыхать. Двух-трех часов было достаточно, чтобы вскрыть вализу, сфотографировать документы и снова запечатать ее так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Таким путем британская контрразведка добывала материалы ведущейся переписки иностранных посольств со своими правительствами, а также правительств в эмиграции, находившихся в Лондоне, со своими представителями за границей.

Одно время Бланту поручалась по линии СИС вербовка агентуры среди сотрудников правительств в эмиграции. В их числе были и люди в ранге министров, заместителей министров и другие высшие должностные лица.

Интересную информацию Блант черпал из службы радиоперехвата и дешифрования, которая занималась дешифровкой немецких телеграмм и куда он по службе имел доступ. Получаемые Блантом данные дешифровки перекрывались материалами, поступавшими от Филби и Кернкросса, что позволяло с большей долей уверенности оценивать достоверность получаемых сведений.

Бланту удавалось периодически знакомиться с досье на сотрудников советского посольства. Это давало возможность в случае назревания каких-либо нежелательных явлений своевременно ставить в известность работника резидентуры, с которым поддерживался контакт. Он также внимательно следил за ситуацией вокруг остальных членов «пятерки» и своих подысточников. Как известно, «пятерка» не представляла собой отдельную структуру, но члены ее хорошо знали друг друга и большинство их было осведомлено о работе на советскую разведку. В этом плане Блант оказался в положении, когда на него естественным образом легла ответственность за обеспечение безопасности своих друзей. И он с этой миссией успешно справлялся, подсказывая в необходимых случаях пути выхода из того или иного положения. За время работы в советской разведке Блант передал огромное количество ценных секретных материалов, а также содействовал расширению сети ее источников.

Среди полученных материалов особую ценность представили протоколы допроса бывшего работника Разведупра Красной Армии в Англии, изменника Родины Кривицкого, сообщившего англичанам известные ему сведения о резидентурах Разведупра, оперативных работниках и агентах за границей. Передаваемые Блантом сводки английской агентуры в СССР о положении в Советском Союзе на декабрь 1940 года, а также справка начальника 9-го отдела «Интеллидженс сервис» о работе советской разведки в Англии также представили очень большой интерес.

Крайне важны были материалы, добытые английскими спецслужбами, в том числе путем дешифровки немецких телеграмм, о дислокации германских и японских вооруженных сил, оперативных приказах германского командования на советско-германском фронте, расшифрованные немецкие радиограммы о перемещении частей Красной Армии. Кроме того, высокую оценку получали материалы о деятельности немецкой разведки в Финляндии, Швеции, Турции, на Ближнем Востоке и в других районах мира. Так, например, по Швеции был передан список с установочными данными на 125 немецких разведчиков, действовавших в различных городах этой страны.

Был передан также ряд важных материалов по готовившимся операциям союзников, материалы дезинформационных акций, данные о планах и состоянии вооруженных сил союзников, подробные сведения о деятельности английских спецслужб, их структуре и личном составе.

Среди многочисленных информационных материалов Блант передал в начале августа 1943 года один весьма любопытный материал, в котором говорилось, что известный шведский промышленник Маркус Валленберг, возглавлявший шведскую делегацию на англо-шведских торговых переговорах в июне 1943 года, доставил мирные предложения от немецких оппозиционных кругов. Одним из основных

пунктов этих предложений являлось устранение Гитлера, предложения были переданы помощнику Черчилля майору Десмонду Мортону, который доложил их премьер-министру. Однако Черчилль отверг их. Он даже не показал их военному кабинету.

Как уже отмечалось, одновременно с работой в контрразведке Блант вел большую научно-педагогическую работу. В 1943 году он начал составлять каталог рисунков королевской коллекции в Виндзорском дворце.

В конце войны Бланту было сделано предложение занять пост хранителя королевских картин Виндзорского, Букингемского и других дворцов. Этот пост был одним из самых важных в дворцовой иерархии. О том, что такое назначение может состояться, Блант информировал резидентуру. Конечно, для внешней разведки было важнее, чтобы он продолжал работать в контрразведке, но было ясно и то, что после окончания войны Энтони вернется на свою основную работу и будет заниматься искусством. Поэтому возражений из Центра не последовало. Одновременно было принято принципиальное решение – в случае перехода Бланта в королевский дворец не давать разведывательных заданий, связанных с королевской семьей.

Еще до перехода в королевский двор Блант выполнял личные поручения короля: они касались изучения положения с сохранностью некоторых произведений искусства на континенте. Это обстоятельство окончательно сделало Бланта своим человеком при дворе.

Назначение Бланта в качестве хранителя королевских картин состоялось в конце апреля 1945 года. Королева пожаловала ему рыцарское звание.

Высокий пост при дворе еще больше сблизил его с Лиделлом и другими руководителями контрразведки, которые откровенно делились с ним секретами. Добывал он важную политическую информацию и от других лиц, занимавших высокие посты в правительстве и государственном аппарате.

Блант некоторое время выполнял обязанность по передаче материалов от Берджесса сотруднику резидентуры. Берджесс в это время работал в министерстве иностранных дел, однако по соображениям безопасности прямая связь с резидентурой временно была приостановлена.

Руководство внешней разведки очень высоко оценивало работу Бланта. В архивных документах отмечается, что получаемые от Бланта материалы на 90% являются документальными и представляют большой интерес для советского государства. За передачу в мае 1943 года материалов об оперативных приказах германского командования на советско-германском фронте и радиограмм германской разведки о дислокации и перемещении частей Красной Армии, которые были высоко оценены Генеральным штабом Красной Армии, приказом народного комиссара государственной безопасности Бланту была объявлена благодарность.

4 октября 1944 года к годовщине Октябрьской революции за долголетнюю и плодотворную работу Бланту вновь была объявлена благодарность.

В 1945 году было принято решение установить Бланту пожизненную пенсию в размере 1200 фунтов стерлингов в год. Когда ему сообщили об этом решении, Блант заявил, что искренне благодарен за проявленную заботу, но не может согласиться на это, поскольку в деньгах не нуждается. По указанию руководства НКГБ Бланту еще раз рекомендовали обращаться к нам за помощью в любое время.

В связи с вышеуказанным необходимо отметить, что Блант, как и другие источники «кембриджской пятерки», постоянного денежного содержания от внешней разведки не получали. Им оказывалась эпизодическая материальная помощь, а также выдавались некоторые суммы на покрытие оперативных расходов. Делалось это по их желанию, поскольку они неоднократно подчеркивали, что работают не за деньги, а за идею.

После побега в СССР двух членов «кембриджской пятерки» Дональда Маклина и Гая Берджесса, которым грозил арест, положение Бланта заметно осложнилось. Контрразведке было известно о его контактах с беглецами, и это должно было неизбежно повлечь за собой расследование. Дело осложнялось еще и тем, что предатели – шифровальщик ГРУ в Канаде Гузенко (1945 г.) и сотрудник КГБ в Австралии Петров (1954 г.) – в своих показаниях указывали на наличие агентов КГБ в британских спецслужбах. При анализе их данных под подозрение, наряду с другими сотрудниками, попадал и Блант.

Центр посоветовал Бланту покинуть Англию и перебраться в СССР. Однако он отметил, что, по его мнению, у контрразведки нет достаточных улик против него и осложнений не будет. Кроме того, Блант считал, что правительство не пойдет на преследование лица, близкого к королеве.

События, связанные с Дональдом Маклином и Гаем Берджессом, а затем и Кимом Филби, серьезно не затронули Бланта. С ним беседовали следователи контрразведки, но каких-либо обвинений ему предъявлено не было.

Осложнения начались в 1964 году, когда американский гражданин Стрейт, литератор и писатель, рассказал Артуру Шлессинджеру, помощнику президента, Кеннеди, о своей принадлежности в прошлом к компартии и о том, что некоторое время вел работу по заданию КГБ.

Сделал он это из-за трусости. Ему было предложено войти в совещательный совет при президенте по вопросам искусства. При этом предупредили, что оформление займет некоторое время, поскольку необходимо провести проверку кандидатов, в том числе и по линии ФБР. Испугавшись, что ФБР раскроет его прошлое, он решил упредить события и попросил помощника президента принять его по неотложному делу. А ситуация с его прошлым выглядела так. В 30-е годы

Стрейт учился в Кембридже, в Тринити-колледже. Там он познакомился с некоторыми членами «кембриджской пятерки». Вступил в компартию. Наиболее тесные отношения у него сложились с Блантом, который затем привлек его к сотрудничеству в интересах Советского Союза. Как свидетельствовал сам Стрейт, Блант дал ему задание отойти от компартии, возвратиться в США, заняться банковским делом, чем занимались его родители, и следить за тенденциями развития американской экономики. Стрейт переехал в США. Работал в госдепартаменте. Перед войной, как он пишет, провел несколько встреч с представителем из Москвы, которому передавал некоторую информацию. А затем никакой связи ни с Блантом, ни с представителями советской разведки не поддерживал.

После этого сообщения Стрейтом вплотную занялось ФБР; в совет по искусству он, конечно, не попал, но машина контрразведки заработала. О полученной информации было сообщено британской контрразведке, которая без промедления занялась расследованием.

Учитывая положение Бланта при дворе, а также нежелательность разглашения им на следствии и в суде сведений, связанных с деятельностью МИ-5 и заданиями короля, выполняемыми в Европе, в верхних эшелонах власти было принято решение отказаться от его судебного преследования.

Бланту было поставлено условие: если он признается в своей работе на русскую разведку и даст соответствующие показания, то получит полный иммунитет от судебного преследования, дело огласке предано не будет, и он сохранит за собой все права и привилегии. Кроме того, иммунитет распространяется также и на лиц, которые помогали ему в добывании информации. Это было подтверждено генеральным прокурором.

Блант согласился дать показания. Он назвал некоторых из своих помощников и тем самым спас их от тюрьмы. На вопрос, кого он знал из агентов, которые непосредственно поддерживали связь с советскими разведчиками, он назвал имена людей, повредить которым не мог. Эти люди были уже в СССР или их не было в живых.

Во время следствия он настойчиво подчеркивал, что информация, которую он передавал русским, носила военный характер и касалась, главным образом, дешифрованных немецких сообщений, что правительство и так должно было сообщать советскому руководству, поскольку на это имелись союзнические обязательства.

Следствие на этом закончилось. Блант, как и раньше, продолжал выполнять возложенные на него функции при дворе и вести насыщенную научно-педагогическую работу.

Однако относительное спокойствие продолжалось лишь до 1979 года. 21 ноября премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер нарушила данный Бланту иммунитет и сделала в парламенте заявление, в котором сообщила, что Блант работал на советскую разведку. Анг-

лийское правительство вынуждено было сделать это ввиду того, что к этому времени Стрейт и некоторые другие журналисты опубликовали книги и статьи, где Энтони разоблачался как советский агент. Чтобы не оказаться в положении оправдывающегося, Тэтчер и сделала это заявление, подчеркнув при этом, что данные на Бланта поступили еще в 1964 году.

После этих событий положение Бланта осложнилось. В первую очередь королева лишила его занимаемой должности. Учитывая сложившуюся ситуацию, он отказался от рыцарского звания. Тринити-колледж, где он учился и в свое время работал, уведомил его о лишении почетной степени доктора наук.

Однако судебного преследования за этим не последовало.

Несмотря на тяжелый моральный удар и серьезно подорванное здоровье, Блант продолжал энергично работать в области искусства. В 60–70-е годы он опубликовал семь монографий и ряд статей в журналах. Он занимался творчеством Пикассо, опубликовал книгу о его картине «Герника», много времени уделял картинам своего любимого художника Пуссена, издал книгу под названием «Рисунки Никола Пуссена».

Еще в 1959 году Блант подготовил и опубликовал книгу об известном английском поэте и художнике Уильяме Блейке, которая была тепло встречена критикой и специалистами. Большую работу он выпустил об искусстве и литературе Франции (1500–1800 гг.). Книга была опубликована во Франции, Англии, США, Австралии.

В 1978 году вышла солидная работа под названием «Барокко и рококо», ее авторами были четыре английских ученых, в их числе и Блант. Перу Энтони в этой работе принадлежит также краткий очерк о русском искусстве.

В последние годы Блант еще больше расширил тематику своих научных интересов. Он стал заниматься сицилийским барокко, неаполитанским барокко и рококо. По сицилийскому барокко он опубликовал книгу.

Этим талантливым ученым-искусствоведом было издано более двадцати книг, не считая журнальных статей. Многие его работы переиздаются до сего времени.

Немало людей за границей задают вопрос, почему Блант – талантливый ученый и исследователь – встал на путь сотрудничества с советской разведкой. Некоторые приписывают это «ошибкам молодости», «случайности» и т.д. Однако объективные исследователи отмечают, что его связь с внешней разведкой СССР была не только полностью осознанной, но и базировалась на твердых идеологических убеждениях.

Люди, тесно общавшиеся с Блантом, подчеркивают, что он критически относился к общественным британским порядкам и считал, что стране нужны социальные перемены. В Советском Союзе он видел

зарождение нового, более справедливого и прогрессивного общества. Кроме того, он отлично понимал, какую беду несет фашизм народам Европы и миру, и считал своим долгом борьбу с ним. А поскольку главной силой, которая могла остановить Гитлера, он считал СССР, то всемерную помощь ему рассматривал в качестве своего святого долга.

Нужно отметить, что, несмотря на преследования властей, друзья не оставили его в беде. Он пользовался их постоянной поддержкой. В самую тяжелую минуту, когда Тэтчер сделала заявление в парламенте, и к Бланту ринулись журналисты, он вынужден был покинуть свою квартиру, поскольку значительная часть прессы неистовствовала. В этот момент ему предложил убежище его друг, профессор Лондонского университета. А когда он, больной, нуждался в лечении и отдыхе, его пригласил к себе его ирландский друг, профессор университета из Дублина.

Нервные потрясения и большие физические нагрузки серьезно подорвали здоровье Бланта. Умер он 26 марта 1983 года от сердечного приступа в возрасте 76 лет. Тело было кремировано и позднее, согласно его завещанию, пепел был развеян по ветру его братьями на поле около Мальборо, где он учился в школе.

В последний путь Бланта провожали человек тридцать родственников и друзей. Однако было много венков, причем одиннадцать из них безымянных. Они, конечно, были от друзей, которые не могли прийти на похороны, но и не могли не почтить память этого выдающегося человека.

---

[1] Институт «Куртольд» входит в состав Лондонского университета, специализируется на изучении живописи. Является одним из общепризнанных авторитетных центров, разрабатывающих проблемы искусствоведения.

17

В.М. Зарубин: ступени мастерства

Как вспоминают ветераны разведки, 12 октября 1941 года вновь назначенного резидента внешней разведки в США В.М. Зарубина вызвал Сталин. Москва переживала тревожные дни. Ожесточенные бои шли на подступах к столице. Готовились к эвакуации в Куйбышев центральные учреждения, дипломатический корпус, вывозились государственные ценности. Почти ежедневно Москва подвергалась бомбежкам. Через неделю было введено осадное положение.

Приглашением в Кремль был озадачен не только Зарубин, но и руководители разведки. Даже в мирное время вызовы резидентов к Сталину были редким явлением. Сейчас, в крайне напряженной обстановке, казалось невероятным, чтобы Сталин нашел время для беседы с отбывающим в США полковником.

В назначенное время Зарубин в сопровождении начальника разведки Фитина был в приемной Сталина. Сталин поздоровался и поинтересовался готовностью резидента к работе в Америке, маршрутом следования. Выслушав заверения, что настроение бодрое, Сталин заметил, что надо еще много сделать, чтобы остановить и разбить фашистские полчища. Затем перешел к делу.

Сталин начал с того, что правительство недостаточно четко представляет современную обстановку в Америке. Нужно тщательно разобраться в позиции США, сказал он, в отношении как Советского Союза, так и Германии, а также Англии и Японии. И не только разобраться, но и принять меры к оказанию влияния на правящие круги США в плане сближения наших двух стран. Но это не все. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы правящие круги США договорились с гитлеровской Германией и закончили войну сепаратным миром. В Америке есть влиятельные силы, которые выступают против Советского Союза, и они будут толкать правительство на союз с Гитлером. За этим нужно внимательно следить, подчеркнул он, и своевре-

менно докладывать. На данном этапе это главное направление в работе разведки в Соединенных Штатах Америки.

Беседа продолжалась минут двадцать.

Через несколько дней Зарубин с женой отбыл к месту назначения. Василий Михайлович был неплохо знаком со страной. До войны несколько месяцев ему пришлось работать здесь с нелегальных позиций. Однако нынешняя миссия отличалась от прежней. Никогда раньше ему не ставились такие важные государственные задачи, для решения которых он должен был подготовить не только себя, но и коллектив резидентуры, который он знал пока по бумагам.

Нужно отметить, что обстановка в США развивалась в целом в благоприятном для Советского Союза направлении. Это стало особенно заметно после нападения Японии на Перл-Харбор.

Зарубин восстановил контакт со старыми связями, знакомился с нужными людьми, вербовал агентуру. Наряду с политическими задачами важное место заняла работа по атомной проблематике. Резидентуре удалось приобрести источники из числа физиков, имевших отношение к разработкам атомного оружия.

В конце 1943 года Зарубин успешно завершил командировку и прибыл в Москву. Здесь он был назначен на руководящую должность. Ему было присвоено звание комиссара госбезопасности.

Зарубин принадлежит к числу наиболее выдающихся сотрудников внешней разведки. Он в двух странах возглавлял «легальные» резидентуры и в трех странах работал нелегальным резидентом. Кроме того, вел работу на территории других государств.

Родился Василий Михайлович в 1894 году в Москве в рабочей семье. По окончании 2-классного училища был «отдан в мальчики» в торговую фирму, затем был рабочим, конторщиком, одновременно учился. С 1914 по 1917 год служил в царской армии рядовым, во время февральской революции был ранен, с 1918 по 1920 год служил в Красной Армии, в 1920 году был принят на службу в органы госбезопасности.

В разведке Зарубин начал работать в 1925 году. Однако первая поездка за границу была осуществлена в Китай в 1924 году по линии контрразведывательных органов в период его работы во Владивостоке. В дальнейшем его деятельность за кордоном проходила по линии Иностранного отдела.

В 1926 году он был направлен руководителем «легальной» резидентуры в Финляндию. Но уже в 1927 году выехал в Данию в качестве нелегального резидента. С этого периода начинается его работа с нелегальных позиций. Вот как он характеризует ее: «Труд советского разведчика-нелегала сложный и тонкий... На этапе оседания в капиталистической стране ему приходится затрачивать много усилий на перевоплощение и «шлифовку» взятой на себя роли, от которой он

ни при каких обстоятельствах не должен отходить, ибо в противном случае он будет иметь дело со специальными органами противника».

В командировку Василий Михайлович выехал вместе с женой. Елизавета Юльевна была человеком с необычной биографией. Она уже была опытной разведчицей, выезжала за границу с разведывательными заданиями. Состояла в первом браке с Я.Г. Блюмкиным, левым эсером, совершившим в 1918 году в Москве теракт против германского посла Мирбаха. По политическим соображениям порвала с Блюмкиным.

Роль, которую предстояло играть Василию Михайловичу и Елизавете Юльевне, была непростой. Они выдавали себя за выходцев из одного из государств Восточной Европы, бизнесменов, прибывших в данную страну по делам. Чтобы осесть в Дании, необходимо было создать надежное прикрытие, то есть найти занятие, которое соответствовало бы их статусу и оправдывало бы пребывание в стране. Положение осложнялось еще и тем, что они имели на руках фиктивные паспорта и практически не знали языка своей «родины». Вот в таких условиях им предстояло работать.

Большая собранность и колоссальные усилия потребовались для того, чтобы решить эту задачу. Василию Михайловичу после долгих поисков наконец удалось стать компаньоном владельца небольшой местной фирмы по экспорту текстильных товаров. Прикрытие оказалось удачным, и разведчики приступили к разведывательной работе.

Однако в 1929 году последовало указание руководства внешней разведки перебазироваться во Францию, которая представляла несравненно больший интерес, чем та страна, где работали Зарубины. В тот период в Париже, Лондоне и Берлине вершились судьбы Европы и поэтому разведывательное освещение происходящих там политических процессов имело огромное значение для нашего государства.

Перед разведчиками стояла задача организации нелегальной резидентуры в Париже. Для этого было необходимо наладить линии связи с Центром, подобрать курьеров, подыскать конспиративные квартиры, принять на связь имевшихся источников информации и продолжить работу по их приобретению.

Одним из важнейших являлся вопрос создания прикрытия и получения разрешения на проживание в стране. На руках они имели те же фиктивные паспорта, но они уже были «обжиты», и разведчики чувствовали себя более уверенно.

Времени на раскачку не оставалось, и они приступили к поискам возможностей для трудоустройства. Дело осложнялось еще и тем, что в страну Зарубины въехали как туристы, сроком на два месяца. Для того, чтобы оформить разрешение на проживание, было необходимо за этот срок найти соответствующее занятие, дающее право на длительное или постоянное пребывание в стране. В противном случае по истечении двухмесячного срока они должны были покинуть страну.

После настойчивых поисков Зарубины наконец закрепились в Париже, создали фирму, сняли небольшую квартиру и приступили к решению других неотложных вопросов. Занимаясь созданием прикрытия, разведчики одновременно вели и разведывательную работу, встречались с источниками информации, подбирали конспиративные квартиры, подыскивали людей, которые могли бы использоваться как связники, содержатели почтовых адресов и т.д. Более подробно о работе Зарубиных во Франции изложено в третьем томе «Истории российской внешней разведки». Здесь же мы отметим лишь два момента, которые способствовали успешному решению поставленных перед ними задач.

Во-первых, успешному развертыванию деятельности резидентуры во многом способствовало благоприятное развитие обстановки по линии прикрытия. Зарубин по этому поводу писал: «Приобретенная нами добрая репутация, как самих, так и фирмы, немало способствовала прикрытию нашей разведывательной деятельности и расширению наших разведывательных возможностей. Наша солидность помогла мне поступить в члены одного ведущего спортивного клуба Франции, обеспечить лучшие условия для ведения разведки, провести ряд вербовок».

Слабость документов, по которым жили Зарубины во Франции, а они, как упоминалось выше, имели фиктивные паспорта, во многом компенсировалась достаточно солидным социальным положением, которое они занимали в обществе. Будучи одним из владельцев процветающей средней фирмы, Зарубин не вызывал подозрений у местных властей, пользовался авторитетом в деловых кругах своего уровня, имел естественные возможности для выхода на интересовавших разведку лиц.

И во-вторых, созданная Зарубиным база позволяла приобретать источников и вести работу по всем основным направлениям разведывательной деятельности. Он сумел организовать получение информации из политических кругов страны, касающейся как внутренних, так и международных проблем.

Особое место занимала разведывательная работа по Германии. Резидентура имела источники и в германском посольстве в Париже. Оттуда поступали сведения о франко-германских политических и экономических отношениях, секретные документы о переговорах, которые велись между двумя странами по различным вопросам, копии указаний и инструкций, получаемых посольством из Берлина, и другие материалы.

Немаловажную роль играла работа по враждебным эмигрантским центрам. Такие организации, как РОВС, НТС, ОУН[1], вели активную подрывную работу против СССР, и поэтому было необходимо через агентуру в этих организациях выявлять планы и замыслы их главарей. Резидентуре удавалось получать не только информацию

о диверсионной и шпионской деятельности против Советского Союза, но и создавать условия для проведения мероприятий по разложению этих организаций, разоблачению наиболее одиозных их деятелей.

Активную работу резидентура Зарубина вела и по научно-технической разведке, добывая документацию и образцы по новым видам техники, в том числе и военного назначения.

В конце 1933 года, после четырехлетнего пребывания во Франции, Зарубины отбыли на родину. Василий Михайлович так описывает свой отъезд из Парижа: «Любезно и трогательно мы распрощались с домовладельцами. Отъезд наш я объяснил необходимостью вернуться домой и включиться в предприятие отца, который становится стар и не может обойтись без моей помощи. Свой автомобиль я продал. Пришлось сходить к фининспектору и заплатить причитавшиеся с меня по день отъезда налоги, заявить, что свое дело я ликвидировал и уезжаю на родину. Распрощались мы с близкими нейтральными знакомыми и друзьями по спорту и клубу. Было сделано максимум возможного, чтобы придать нашему отъезду нормальный вид, не оставить у окружающих и официальных властей никаких недоумений и причин для розыска нас».

В Союзе Зарубины задержались ненадолго. Уже в 1934 году они уехали в Германию, где после прихода к власти фашистов начала создаваться опасная обстановка. Василий Михайлович был назначен нелегальным резидентом, а Елизавета Юльевна – оперативным работником резидентуры. Им предстояло создать надежное прикрытие, принять на связь агентуру и приступить к добыванию необходимой разведывательной информации. Особый интерес представляли сведения о внутренней и внешней политике Гитлера, военных приготовлениях Германии, ее планах в отношении СССР и других стран Европы.

По прибытии в Германию разведчики сразу почувствовали напряженность общей обстановки, растерянность гражданского населения и вызывающее поведение людей в коричневой и черной форме, которую носили члены фашистской партии и ее военизированных организаций СА и СС[2].

Напряженность чувствовалась во всем. Многие иностранцы, проживавшие постоянно в Германии, покинули страну. Количество иностранных туристов сократилось.

В Германию Зарубины въехали по фиктивным паспортам одной из европейских стран. О получении разрешения на длительное пребывание в стране по этим документам не могло быть и речи. В это время Центр принимал меры к обеспечению разведчиков более надежными настоящими паспортами. А пока они вынуждены находиться на положении туристов. Однако работа по приему на связь источников была начата немедленно, так как Центр остро нуждался в информации, особенно по внутриполитической проблематике.

Вскоре новые паспорта были подготовлены, нелегалы выехали за ними в соседнюю страну, а затем уже получили в германском посольстве многократные визы и вновь вернулись в Германию. Имелся, конечно, риск в том, что может обнаружиться факт проживания в стране одних и тех же людей по разным документам. Но разведчики приняли соответствующие меры, чтобы этого не случилось.

Многократная виза значительно облегчала положение, но для длительного пребывания в Германии она все же не годилась. Поэтому предстояло решить вопрос о получении разрешения на проживание в стране.

Вместе с паспортом Зарубин получил из Центра и официальное письмо одной из американских фирм о том, что является представителем этой фирмы в Германии и ему поручается от ее имени вести здесь дела. Это сыграло решающую роль в получении разрешения на проживание в стране, поскольку отношения с США в этот период были хорошими. Так, относительно быстро и без больших хлопот был решен один из важнейших вопросов, с которыми сталкиваются нелегалы на первом этапе пребывания за границей.

Работа по прикрытию не отнимала много времени. Своей фирме Василий Михайлович регулярно писал доклады и обзоры о конъюнктуре на германском рынке в интересовавшей ее области коммерции, выполнял отдельные поручения, писал деловые письма. Из США была организована регулярная посылка денег, которые поступали через банк. Таким образом, деловая переписка, денежные переводы, подготовка материалов по конъюнктуре рынка и другим вопросам создали у немецких властей представление, что иностранец серьезно занимается делами фирмы.

Резидентура была сформирована относительно быстро. В нее вошли помощники резидента, прибывшие, как и он, из Союза, шесть источников информации из числа местных граждан и иностранцев, принятых на связь в Германии, несколько связников и содержателей конспиративных квартир.

Для прикрытия разведывательной деятельности и укрепления своего положения Зарубин вступил в члены известного в Берлине теннисного клуба и старейшего конькобежного клуба города. Членство в этих клубах давало возможности для установления знакомств в интересующих кругах, приобретения полезных связей.

Через относительно небольшой промежуток времени резидентура стала направлять в Центр разведывательную информацию.

Серьезным источником разведывательной информации был «Брайтенбах», сотрудник гестапо, занимавший там солидный пост. Через него резидентура имела возможность следить за тем, не произошло ли где-либо «прокола» и не попал ли кто из ее сотрудников в поле зрения спецслужб.

Кроме этого, он был информированным человеком и сообщал важные сведения о внутриполитическом положении в стране, намечаемых правительством мероприятиях, связанных с военными приготовлениями, другие важные данные. Источник работал честно и добросовестно, его сотрудничество с нами началось еще до прихода Гитлера к власти.

Учитывая его надежность и положение, с ним были отработаны такие условия связи, которые позволяли осуществлять экстренный вызов на встречу с обеих сторон в любое время.

Встречи с «Брайтенбахом» проводились особенно конспиративно. Вызовы на экстренные встречи практиковались сравнительно редко и касались в основном передач каких-либо срочных материалов для их немедленной пересылки в Центр.

Один из таких экстренных вызовов был связан с готовящейся серьезной провокацией немецкой контрразведки против советского посольства. После получения таких сведений Зарубин принял меры по информации резидента «легальной» резидентуры и провокация гестапо не достигла цели.

С помощью Брайтенбаха предотвратили еще один серьезный провал, на этот раз сотрудника нелегального аппарата Тима. Он был немцем. В свое время принадлежал к левым организациям. Некоторое время работал в Китае, затем перебрался в СССР, где связал свою судьбу с внешней разведкой и по ее заданию неоднократно выезжал за границу. Последние несколько лет являлся кадровым сотрудником ИНО. Зарубин был лично знаком с ним по работе в Москве.

Тим прибыл в Германию с самостоятельным заданием и к резидентуре Зарубина отношения не имел. О его появлении на родине Василий Михайлович узнал случайно от его сестры, квартира которой использовалась в качестве конспиративной.

На одной из встреч Брайтенбах сообщил, что гестапо начало серьезно заниматься одним немцем, прибывшим недавно из Китая, который подозревается в принадлежности к Коминтерну. Зарубин сразу понял, о ком идет речь, и срочно информировал об этом Центр. По его указанию связался через сестру с Тимом и помог ему выехать в другую страну. Позже в Москву была отправлена и сестра Тима с дочерью, поскольку не было уверенности, что гестапо не примет репрессивных мер против родственников разведчика.

Работа Зарубина с «Брайтенбахом» продолжалась вплоть до отъезда разведчика из Германии. Источник все это время вел активную разведывательную работу, передавая нашему разведчику важную политическую и оперативную информацию.

Другим источником политической информации был «Вальтер», служащий германского министерства иностранных дел. Он передавал документальную информацию, включая телеграммы и письма немецких послов из других стран, копии записок по различным внеш-

неполитическим вопросам, готовившиеся для руководства страны, и некоторые другие документы. Для съемки документов он пользовался общедоступным фотоаппаратом, наличие которого у человека обычно не вызывало подозрений.

«Вальтер» был человеком трудолюбивым и дисциплинированным. Встречи проводились с ним раз в десять дней, и почти всегда он передавал несколько пленок, на которых иногда было отснято более сотни документов.

Он был членом СС, но критически относился к национал-социалистским идеям и не одобрял политику Гитлера. Работал он с нами в основном за деньги, но вместе с тем симпатизировал Советскому Союзу. Был осторожен и конспиративен, в то же время смел и решителен, часто шел на риск, чтобы достать нужные документы.

«Вальтер» был одним из тех наших источников, которые информировали о готовящемся нападении Гитлера на СССР и точной дате этого нападения. Но это было позже – в июне 1941 года.

В МИД работал еще один ценный источник, «Ханум», с которой велась работа во Франции. Связь с ней была восстановлена, и резидентура стала получать информацию, которая подтверждала передаваемые «Вальтером» сведения и содержала другие важные данные.

Однако в работе с источниками не все складывалось гладко. Имели место неприятные случаи.

С берлинской «легальной» резидентурой много лет был связан источник «Рихтер». Работал он в одном из немецких информационных агентств, занимал солидный пост и давал интересную информацию, считался ценным агентом. В дальнейшем, когда начала функционировать нелегальная резидентура, он вошел в ее состав. При передаче Василия Михайловича предупредили, что материалы, которые будут от него поступать, необходимо направлять телеграфно, поскольку они носят срочный характер.

Когда стала поступать информация от «Рихтера», Василий Михайлович обратил внимание на то, что ничего важного в этой информации не было и посылать телеграфом было нечего. Информация была направлена через связника.

Василий Михайлович обратил внимание, что с одним из материалов, переданных «Рихтером», он был уже знаком, читал в одной из швейцарских газет. Достали газеты, проверили. Действительно, материал полностью взят из газеты. Проанализировали другие сообщения «Рихтера» и убедились, что они представляют собой компиляцию различных газетных материалов и закрытого характера не носят. Вывод таков: «Рихтер» передает «липу».

По согласованию с Центром решили провести беседу с источником и выяснить, почему в последнее время вместо передачи ценных материалов он занялся обманом. Вначале появилась мысль прекратить встречи и отойти от него. Однако, учитывая, что он знал одного

из работников нелегальной резидентуры, который мог оказаться под ударом, возникла необходимость выяснения причин, почему источник занялся фальсификацией информации. Возникало и подозрение, что он может делать это по заданию контрразведки. Все это вынуждало провести с ним обстоятельный разговор и разобраться в истинных причинах перемены отношения к нам.

Такая встреча была организована. Беседу проводил сотрудник «легальной» резидентуры, с которым он раньше работал. В ходе беседы выяснилось, что передаваемые «Рихтером» сведения брались из различных газет. Дело оказалось в том, что полтора года назад его уволили из указанного агентства. Первое время через имевшиеся у него связи он доставал закрытую информацию. Но в последние месяцы эти возможности были исчерпаны. Находясь без работы и боясь лишиться нашего вознаграждения, он вынужден был прибегнуть к обману.

Этот случай явился хорошим уроком не только для оперработника, у которого «Рихтер» находился на связи, но и в целом для резидентуры. В этой связи были приняты меры по тщательному анализу поступавшей от источников информации, а самое главное – по улучшению работы с самими источниками, их проверке и более детальной проработке разведывательных заданий. Что касается «Рихтера», то, учитывая его искреннее раскаяние в совершенном им проступке и принимая во внимание его прежнюю безупречную работу, было решено передать его в «легальную» резидентуру и использовать для выполнения разовых заданий.

Такое решение оказалось правильным. «Рихтер» еще длительное время добросовестно выполнял разведывательные задания и сделал много полезного на порученном ему участке работы.

Характерен в этом отношении и другой случай, который касался работы молодого разведчика Леши с источником 36-м. Последний работал с советской разведкой более десятка лет. Стимулом его работы являлись деньги. Но он пользовался нашим доверием и считался достаточно надежным агентом.

В резидентуре использовался для отдельных поручений, связанных с получением сведений и характеристик на некоторых лиц, установки адресов и выполнения других подобных заданий. У него имелись связи в полиции, и он квалифицированно делал поручаемую ему работу.

По характеру он был несколько грубоват, фамильярен. Первая встреча произошла по паролю. Увидев перед собой молодого, скромного и интеллигентного работника, он повел себя довольно развязно, начал высказывать свои замечания по работе сотрудников, работавших с ним раньше, и фактически взял инициативу в свои руки. Как Леша ни старался поставить на место своего подопечного, ему это никак не удавалось.

Леша откровенно рассказал Василию Михайловичу, что ему трудно работать с таким человеком, и просил передать его на связь другому, более опытному работнику. Так и пришлось сделать, а Леша перешел на другой участок. В дальнейшем с 36-м проблем не было, новый сотрудник построил с ним работу так, что агент стал вести себя более корректно и по-деловому.

Разного рода осложнения и трудности возникали в работе и с другими источниками и помощниками. В каждом отдельном случае Василию Михайловичу нужно было тщательно разбираться и находить приемлемые для дела решения.

Разведчику Зарубину приходилось встречаться и с непредвиденными обстоятельствами, грозившими серьезными осложнениями с точки зрения безопасности.

Один такой случай произошел с Василием Михайловичем в Швеции, куда он прибыл для встречи с работниками Центра. Он и два представителя из Москвы сидели в одном из стокгольмских ресторанов и обсуждали поставленные руководством вопросы. В это время Зарубин заметил, как с противоположной стороны зала к нему, улыбаясь, шел человек. Его лицо было знакомо, но где он его видел, разведчик никак не мог припомнить. Но чутье подсказало, что здесь что-то неладно. Нужно действовать. Зарубин поднялся с места и пошел ему навстречу. Только теперь он вспомнил, где встречал этого человека.

В 20-х годах, когда он работал в органах контрразведки во Владивостоке, они задержали большую партию оружия и боеприпасов, которые контрабандным путем направлялись по железной дороге из Европы в Китай. Вскоре во Владивосток прибыл представитель германо-китайской торговой компании некто Ш. Он без акцента говорил по-русски и нахраписто добивался возвращения конфискованного оружия. По этому поводу он неоднократно встречался с Зарубиным, который занимал должность начальника экономического отдела ГПУ. Усилия Ш. оказались безрезультатными, и он уехал ни с чем.

И вот теперь неожиданная встреча с человеком, которого меньше всего на свете хотел бы видеть сейчас наш разведчик. Но Василий Михайлович сделал вид, что рад встрече со старым знакомым.

Зарубин прибыл в Швецию по иностранным документам, жил в гостинице, и это серьезно осложняло положение. Ш. после теплого приветствия с улыбкой спросил, какие это важные дела привели дальневосточного чекиста в Стокгольм. Василий Михайлович ответил, что он уже давно работает во Внешторге и прибыл для переговоров, связанных с заказом крупной партии подшипников. Ш. пригласил Зарубина к себе за стол и настойчиво стал добиваться, где он остановился и когда с ним можно встретиться.

Василий Михайлович с трудом отвязался от назойливого торговца оружием, пообещав позвонить ему через три дня. А через два дня, завершив дела, он благополучно отбыл из Швеции.

В серьезные переделки попадала и Елизавета Юльевна. Однажды по указанию Центра она выехала в Вену за почтой, доставленной туда специальным курьером. На месте оказалось, что в почте находятся два паспорта: для нее и для Василия Михайловича, на другие фамилии и национальности, деньги и новые индивидуальные шифры.

В это время Зарубины работали во Франции. С таким опасным грузом нужно было пересечь две границы. Часть предметов пришлось спрятать на себе, кое-что положить в сумочку. Поездка проходила нормально. Но вот на одной из границ, после таможенного контроля и за пять минут до отхода поезда, в купе вбежал жандарм и резко потребовал от Елизаветы Юльевны: «Почему Вы не пришли в таможню зарегистрировать свое оружие?» Сердце у разведчицы забилось – слишком дорогой груз она везла. Не провокация ли это? «Никакого оружия у меня нет, здесь какая-то ошибка». Однако жандарм настаивал на том, чтобы Елизавета Юльевна вышла из вагона. Разведчица решила стоять до конца. На все аргументы, которые она приводила, жандарм твердил одно: надо выйти из вагона и зарегистрировать пистолет.

Можно только гадать, чем могло бы кончиться дело, если бы не один пассажир: «Господин чиновник, Вы напрасно пристаете к этой даме, – сказал он, – пистолет везет не она, а дама вон из того купе, я слышал, как таможенник предлагал ей зарегистрировать пистолет». Оказалось, что одна пассажирка везла старый дуэльный пистолет, купленный в антикварном магазине, который надо было зарегистрировать на таможне, и чего она не сделала.

Все закончилось для разведчицы благополучно, но сколько волнений ей пришлось пережить!

В середине 1937 года Зарубины на несколько месяцев были направлены в США для выполнения конкретного оперативного задания, после чего планировалось их возвращение в Германию для продолжения работы. Задание состояло в подборе и вербовке из числа американцев агентуры для работы в Германии, особенно на случай войны. Тогда считалось, что надвигающаяся война может не затронуть США и что американцы будут проводить политику равноудаленности в отношении конфликтующих сторон. Особый интерес представляли лица, которые могли быть использованы в качестве курьеров-связников. Дело в том, что ситуация в Германии была такой, что использовать немцев в этих целях было практически невозможно. Один-два выезда немецкого гражданина за границу – и к нему уже будет привлечено внимание гестапо. В то же время выезды иностранцев не вызывали подозрений, и поэтому они больше подходили для роли связников. Наиболее свободно в это время чувствовали себя американцы, к которым немцы относились достаточно дружелюбно.

Поездка в США оказалась результативной. Были завербованы три помощника, среди них была агент Елена, антифашистски настроенный человек, которая затем выехала в Германию, поступила в качестве аспирантки в университет и успешно обеспечивала работу по связи на одном из участков деятельности резидентуры.

В конце 1937 года Зарубины были отозваны в Москву в связи с предательством одного из сотрудников, работавшего за границей, который знал Зарубина и мог его выдать.

После возвращения из Германии и до 1941 года Василий Михайлович работал в Центре. С января по июнь 1941 года он по «легальной» линии находился в командировке в Китае.

На встрече 9 июня 1941 года источник – немец, занимавший ответственный дипломатический пост, сообщил Зарубину, что, по надежным данным, полученным из Берлина, в ближайшие дни Германия нападет на СССР, для этого все подготовлено как в военном, так и в экономическом отношении. Как сообщил ему влиятельный знакомый, только что прибывший из Германии, нападение на СССР планировалось на май, но было отложено до июня. Согласно разработанному плану военных действий, война будет скоротечной и продолжится не более трех месяцев. Он просил срочно передать эту информацию в Москву.

Полученную информацию Зарубин немедленно передал в Центр. Не получив ответа, 20 июня Зарубин вновь телеграфировал в Центр: «Источник утверждает категорически, что на основании точных данных Гитлер полностью подготовился к войне с СССР. Он предупреждает нас об этом и считает, что нам нужно сделать из этого необходимые выводы».

Такого же рода информация была получена и от Елизаветы Юльевны из Германии, куда она была направлена для встречи с Вальтером, который, как упоминалось выше, работал в МИД и был осведомлен о внешнеполитических планах германского руководства.

Встреча состоялась 18 июня, связаться с ним раньше не было возможности. Вальтер сразу же сказал, чтобы Елизавета Юльевна срочно выезжала из страны, так как через два-три дня Германия нападет на СССР. Он сообщил, что фашисты собрали колоссальные силы для войны с СССР, и в МИД все уверены, что война закончится за несколько недель победой Германии.

Эта информация была сразу же доложена резиденту.

По возвращении из США в 1943 году Зарубин продолжал работать в разведке на руководящих должностях. В 1945 году ему было присвоено звание генерал-майора.

В 1948 году Василий Михайлович ушел в отставку по состоянию здоровья, но связи с разведкой не терял, передавал молодым сотрудникам свой богатый и многогранный опыт оперативной работы. Елизавета Юльевна работала в разведке до 1946 года.

За время службы в разведке Василий Михайлович был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями. Имела награды и Елизавета Юльевна.

Умер выдающийся разведчик в 1972 году. В 1987 году скончалась и Елизавета Юльевна.

---

[1] РОВС – Российский общевоинский союз (основное белоэмигрантское формирование за границей).

НТС – Народно-трудовой союз (белоэмигрантская политическая организация).

ОУН – Организация украинских националистов.

[2] СА – штурмовые отряды национал-социалистской партии Германии. СС – охранные отряды национал-социалистской партии Германии.

18

Разведчик-нелегал И.А. Ахмеров

Полковник Исхак Абдулович Ахмеров – один из выдающихся представителей внешней разведки. Он сыграл большую роль в укреплении обороноспособности нашего государства в наиболее суровое время для страны – в годы Великой Отечественной войны.

С 1941 по 1946 год Ахмеров возглавлял нелегальную резидентуру в США. Информация, которая шла из резидентуры, имела большое значение и докладывалась непосредственно высшему руководству. Среди направляемых материалов были сведения об оценке американцами военно-промышленного потенциала Германии, военных и политических планах правительства США, проекты документов, готовившиеся для международных встреч, данные о переговорах германского посла в Ватикане Вайцзеккера, представлявшего группу Браухича и Кейтеля, с представителями Рузвельта – главой американского епископата архиепископом Спеллманом и мультимиллионером, президентом корпорации «Юнайтед стил» Тейлором об условиях выхода Германии из войны и другие. (Американские представители прибыли в Ватикан по приглашению папы.)

Ахмеров не был новичком в США. Еще до войны, с 1934 по 1939 год, он был здесь резидентом нелегальной резидентуры.

Свою деятельность в разведке Ахмеров начал в 1930 году. До отъезда на работу за границу в январе 1933 года в качестве нелегала он имел за плечами четыре года дипломатической работы и три года службы в центральном аппарате разведки. Это был кадровый сотрудник разведки. Работал он четко, в делах был аккуратен, дисциплинирован, целеустремлен.

Ахмеров родился 7 апреля 1901 года в г. Троицке Челябинской области, его родным языком был татарский. Отец умер, когда ему было несколько месяцев. До 1912 года жил с матерью у деда, а после его смерти пошел работать. Был мальчиком на побегушках в галантерейном магазине, затем работал шлифовальщиком в типографии. По-

сле революции учился в Москве на курсах счетоводов, поступил на работу в Наркомпрод Татарии. В 1920 году его избрали депутатом Казанского городского совета.

В 1921 году Исхака Абдуловича направляют в Москву, в Коммунистический университет народов Востока, а в 1922 году переводят в 1-й Государственный университет (ныне МГУ) на факультет международных отношений.

По окончании университета Ахмеров был направлен на работу в Наркоминдел и в том же 1925 году, учитывая способности Исхака Абдуловича к языкам, а также знание Востока, НКИД командирует его в Термез (бывшая Бухарская Советская Социалистическая Республика) в качестве дипагента, а в 1926 году – в Турцию секретарем генконсульств СССР в Стамбуле и Трапезунде. Когда Ахмеров уезжал в Турцию, он свободно владел турецким языком. По возвращении в 1930 году из Турции Ахмеров был переведен из Народного комиссариата иностранных дел в разведку.

Так с марта 1930 года Исхак Абдулович Ахмеров начал работать в Иностранном отделе ОГПУ.

В январе 1933 года Ахмерова вызвали к начальнику ИНО ОГПУ Артуру Христиановичу Артузову. По делам ему и раньше приходилось бывать в кабинете начальника разведки.

На этот раз Артузов пригласил Ахмерова по особому случаю. Он сказал, что, захватив Маньчжурию и создав там марионеточное государство, японцы хотят превратить территорию Китая в плацдарм для войны против СССР. Оперативная обстановка в этом регионе чрезвычайно осложнилась. Артузов заключил: «Мы решили направить вас в Китай в качестве нашего нелегального работника. Вам надо будет выехать в Пекин, легализоваться там и заняться приобретением источников, которые могли бы информировать нас о положении вещей в этом районе и планах японских агрессоров. Таково решение руководства разведки, но мы хотели бы и посоветоваться с вами».

Ахмеров ответил: «Получить такое задание считаю для себя большой честью. Благодарю за доверие. Не знаю, сумею ли справиться, но обещаю сделать все от меня зависящее».

Был обсужден вопрос о документе, который можно было бы использовать для работы в Китае. Исхак Абдулович предложил выехать в страну с турецким паспортом, под видом студента-востоковеда, намеревающегося приобрести знания на месте. Свободное владение турецким языком, наряду с выгодными внешними данными (во время работы в Турции его часто принимали за местного жителя), давало возможность выдавать себя за турка. Однако в жизни ему никогда еще не приходилось выступать в роли другого человека. Преодолеть этот психологический барьер было непростым делом.

Подготовка была закончена, имелся документ на имя турецкого гражданина. В Китай он должен ехать через Европу, где планирова-

лось получить китайскую визу, и далее следовать на пароходе до одного из китайских портов. Пункт его назначения – Пекин.

Но случилось так, что первые шаги в качестве нелегала начались с испытаний.

Первую остановку Ахмеров сделал в Вене. Решив ряд организационных вопросов и познакомившись с достопримечательностями города, он, согласно заданию, отбыл в Рим. Здесь ему предстояло оглядеться и подготовиться к отъезду в Китай.

Но когда в бюро путешествий Исхак Абдулович уточнил детали поездки, стало ясно, что не все, что планировалось, выбрано удачно. Выяснилось, что многие бизнесмены и туристы направляются в Китай через Советский Союз. Это быстрее и дешевле. Поэтому он принял решение ехать через СССР.

Ахмеров беспрепятственно получил китайскую визу, но в посольстве предупредили, что нужно также получить советскую транзитную визу.

После посещения советского посольства возникли первые трудности. Транзитную визу он получил быстро, но после захода в посольство заметил за собой слежку. Поскольку все делалось официально и скрывать было нечего, разведчик не предпринимал никаких попыток отрыва от наблюдения. Через несколько часов он был задержан и доставлен в полицейский участок. На настойчивые требования объяснить причину задержания шеф полиции заявил: «Вы ходили в русское посольство, а у нас есть инструкция проверять всех посетителей этого учреждения. Мы не знали, кто вы такой и зачем были там. Вот теперь мы выяснили, что вы турецкий гражданин и вам нужна виза».

Ахмеров решил, что инцидент исчерпан и он свободен. Но оказалось, что разговор не окончен. Офицер потребовал предъявить помимо паспорта разрешение на пребывание в Италии – карт д'идентите. «А где можно получить это разрешение?» – осведомился разведчик. Дело оказалось очень простым. Офицер сам выписал ему документ и, заплатив положенную сумму, Ахмеров был отпущен с пожеланиями счастливого путешествия.

Неприятно начавшийся инцидент повернулся в пользу разведчика. У него впервые появился документ, выданный на законном основании, который впоследствии сослужил ему хорошую службу.

В дальнейшем Ахмерову не раз приходилось сталкиваться с неожиданностями, а порой и очень острыми ситуациями, но этот инцидент запомнился надолго.

Другое испытание ждало на советско-китайской границе. Территорию СССР нелегал проехал благополучно. В Москве он получил дополнительные инструкции, его действия были одобрены.

На железнодорожной станции Маньчжурия, первом пограничном пункте на китайской территории, в вагон вошли японские офицеры-пограничники. Один из них, бегло просмотрев документы, взял

паспорт с собой, а через несколько минут Ахмерову предложили пройти к начальнику пограничной охраны. «Не произошел ли какой-либо прокол?» – мелькнуло в голове. Из пассажиров всего вагона только его одного пригласили для объяснений. Однако волнения оказались напрасными. Оказалось, для въезда в Китай одной китайской визы недостаточно. Японцы, осуществлявшие власть на территории Северо-Восточного Китая, требовали, чтобы у приезжающих была и виза оккупационных властей.

Такую визу в паспорт Ахмерова поставили, но сама беседа с японским жандармом оказалась нелегким испытанием. Она велась через переводчика русского языка, татарина – эмигранта из России, который владел турецким языком, но не знал японского. Японец понимал по-русски, и поэтому перевод с турецкого осуществлялся на русский, и нелегалу потребовалось большое самообладание, чтобы не показать, что он понимает весь разговор. Кроме того, переводчик-татарин внимательно присматривался к Ахмерову, и можно было понять: что-то не нравилось ему в этом иностранце, возможно, по отдельным признакам он улавливал черты, свойственные его соотечественникам. Но «турок» держался уверенно, и все закончилось благополучно.

Дальнейшее путешествие до Пекина прошло без приключений. Здесь нелегал, в соответствии с заданием, поступил на учебу в американский колледж, где занималась большая группа иностранцев.

Еще перед отъездом из Москвы Артузов предупреждал разведчика, что одной из важнейших задач является работа в иностранной колонии.

Вскоре Исхак Абдулович установил хорошие отношения с двумя студентами-европейцами. Один из них был англичанин. Он поддерживал контакт с работниками своего посольства и доверительно сообщал информацию, которую он черпал из бесед с английскими дипломатами, в том числе о планах японцев, и ряд других заслуживающих внимания сведениий. От студента-скандинава поступала информация о ситуации в Северо-Восточном Китае.

Используя все свои связи, нелегал снабжал Центр информацией о политическом и экономическом положении в Маньчжурии, мероприятиях японских оккупационных властей по подготовке агрессии против СССР, деятельности японской разведки в Китае и др.

В Китае Ахмеров находился относительно недолго. К началу 1934 года он в основном выполнил задачи, которые стояли перед ним на первый период.

Вскоре поступило указание Центра прибыть в Москву для отчета и подготовки к новому назначению. Руководство приняло решение направить его в США.

После короткой подготовки он выехал в Европу. Прибыв в Женеву, он выяснил, что для въезда в США нужна виза, которую можно получить в американском посольстве в Швейцарии. Однако, когда он

обратился в американское генконсульство в Женеве, у него потребовали рекомендации местных граждан, которые его знают. Таковых у нелегала не было, это могло осложнить положение. Тогда он решил воспользоваться тем обстоятельством, что в Швейцарии он остановился не в гостинице, а на частной квартире, и назвал в качестве рекомендателя хозяина квартиры.

Исхак Абдулович полагал, что этот вопрос формальный. Тем не менее, вернувшись домой, он сразу же извинился перед хозяином за то, что ему пришлось назвать его как человека, хорошо знающего своего жильца. Этим он хотел предупредить возможное обращение американцев к хозяину.

Швейцарец не только не возразил против использования его имени, а наоборот, рассмеявшись, сказал, что из американского консульства ему звонили.

«Я и фамилию вашу не успел толком запомнить, – сказал он, – но раз спрашивали о турке, сразу решил, что речь идет о вас, и подтвердил, что вы у меня живете».

На следующий день виза была выдана. Находчивость нелегала, хорошее впечатление, которое он произвел на хозяина квартиры, помогли ему безболезненно решить визовый вопрос. После этого он на пароходе отбыл в США.

Пунктом назначения был Нью-Йорк. Разведчик хорошо знал английский язык, но в его речи сказывался иностранный акцент. Чтобы устранить погрешности в языке, он устроился на учебу в Колумбийский университет. Через имевшиеся у резидентуры возможности вскоре приобрел документы уроженца США.

Начинать разведывательную деятельность в США Ахмерову пришлось в трудных условиях. Обстоятельства сложились так, что, впервые приехав в страну, не успев достаточно ознакомиться с ней, он должен был в основном самостоятельно решать организационные и оперативные вопросы, налаживать отношения с нужными людьми. Резидент нелегальной резидентуры в связи с болезнью выехал в Москву, и руководство резидентурой было поручено Исхаку Абдуловичу. И с этого момента до конца 1939 года он бессменно находился у руля этой организации.

Когда новый резидент начал знакомиться с источниками, которые передавались ему, выяснилось, что они не обладали информационными возможностями и не могли принести большой пользы. Нужны были новые информаторы. Выполнить работу по их приобретению одному не под силу, поэтому Центр направил ему несколько молодых сотрудников, которые под руководством Ахмерова активно включились в работу резидентуры.

К началу 1936 года Исхак Абдулович завершил комплектование нелегальной резидентуры. Под его руководством теперь находились шесть сотрудников, в том числе две женщины.

Работы было много. Требовалось отобрать источники, имеющие перспективы, освободиться от балласта, приобрести информаторов в учреждениях, которые интересовали разведку.

Одним из ценных новых приобретений стал источник Аркадий, который имел отношение к работе военных и военно-морских учреждений.

На первом этапе возникали некоторые сложности в работе с этим человеком. Однако постепенно он освоился, стал действовать более уверенно. Аркадия обучили фотографированию, и от него стали поступать документальные материалы по военным и военно-техническим вопросам.

Большой вклад в информационную работу вносил источник «Норд». Контакт с ним был установлен, когда он учился в одном из престижных университетов. После окончания учебного заведения по совету Ахмерова он поступил на работу в военное министерство США. Через некоторое время он занял там должность, которая давала возможность знакомиться с докладами американских военных атташе, заключениями по этим докладам и принимаемыми решениями.

Самую ценную политическую информацию резидентура Ахмерова получала от «Корда», ответственного сотрудника госдепартамента. Источник был антифашистски настроенным человеком, он понимал, что развитие международных событий ведет к войне, что американская политика в отношении Германии все больше развязывала руки Гитлеру и таила опасность для самой Америки.

Информация, которую он передавал, высоко оценивалась в Центре, она докладывалась высшему руководству страны. В числе материалов, поступавших от «Корда», имелись копии секретных докладов правительству по ряду актуальных международных проблем, проекты американских резолюций на международных конференциях, доклады американских послов и другие важные материалы.

Среди других помощников особо следует отметить Таню. Она оказала огромную помощь: приобрела несколько конспиративных квартир, участвовала в мероприятиях по получению документов для вновь прибывших нелегалов, осуществлению конспиративной связи на другие страны, активно содействовала приобретению полезных источников. Кроме того, располагая большими связями в кругах вашингтонской администрации, она сама добывала интересную информацию. Работала смело и энергично.

Работа резидентуры была построена так, что с наиболее ценными источниками связь поддерживал сам резидент. Большинство источников знало, что работает на Советский Союз, и сознательно оказывало нам помощь, считая это своим вкладом в совместную борьбу против общего врага – фашизма. Основная их часть работала бесплатно.

Международная обстановка к этому времени все больше обострялась. Правящие круги Англии и Франции шли на уступки требованиям фашистской Германии. Мюнхенская политика строилась на расчетах, что удастся повернуть Германию на восток, против СССР.

Это был весьма ответственный период в деятельности Исхака Абдуловича. Однако выполнить до конца возложенную на него важную миссию не удалось. В СССР в это время продолжались репрессии. Они коснулись и сотрудников разведки. По указанию Берии Центр одновременно отозвал в 1939 году из-за границы почти всех резидентов «легальных» и нелегальных резидентур, в том числе и Ахмерова.

С тяжелым сердцем и недоумением воспринял Исхак Абдулович указание о своем отзыве, когда успехи в работе были налицо, а добываемые сведения были особенно нужны нашему государству.

В декабре 1939 года Ахмеров отбыл в Москву. В 1940 году была расформирована его резидентура. Большая часть источников была передана в «легальную» резидентуру.

Отзыв в Союз закончился для Ахмерова относительно благополучно. Правда, его вызывал Берия и пытался обвинить в предательстве. Однако отрицательных последствий за этим на сей раз не последовало. Исхака Абдуловича направили на работу в центральный аппарат разведки. Но работать пришлось недолго. Началась Великая Отечественная война. Принимались срочные меры к активизации работы всех имевшихся тогда разведывательных звеньев и созданию новых нелегальных резидентур за границей.

Руководство внешней разведки приняло решение вновь направить Исхака Абдуловича на нелегальную работу в Соединенные Штаты Америки. Ему поставили задачу организовать работу по добыванию сведений, касающихся Германии и ее союзников, вскрытию истинных целей политических и военных союзников СССР, и прежде всего США и Англии. Разведчику предлагалось осесть в одном из городов недалеко от Вашингтона, чтобы можно было регулярно встречаться с наиболее важными источниками, большинство из которых работало в столице.

На этот раз Исхак Абдулович отправлялся в США вместе с женой Еленой, американкой по происхождению, которая приняла в 1939 году советское гражданство и стала сотрудницей внешней разведки.

Елена приехала в Нью-Йорк в 1935 году из другого американского города и работала секретарем в одной из промышленных фирм. Придерживалась левых взглядов, принимала участие в деятельности прогрессивных организаций. В 1936 году ее привлекли к работе резидентуры в качестве связника, в дальнейшем она выполняла и другие разведывательные обязанности и показала себя смелой и дисциплинированной работницей. В 1939 году, по предложению резидента, ее зачислили техническим секретарем резидентуры. Она стала актив-

ной помощницей Исхака Абдуловича. В дальнейшем они стали мужем и женой. Вместе с мужем она прибыла в 1939 году в Союз.

Теперь им предстояло возвратиться в Соединенные Штаты для продолжения работы. В сентябре 1941 года их перебросили в Китай, а затем в Гонконг. Отсюда на пароходе прибыли в США. Для осуществления этой поездки им подготовили соответствующие документы. В Соединенных Штатах Америки они перешли на свои надежные старые паспорта.

Имея опыт нелегальной работы в Соединенных Штатах Америки и хорошо зная оперативную обстановку в стране, Ахмеров сразу же по прибытии к месту назначения приступил к выполнению задания.

В качестве прикрытия разведчик-нелегал с согласия Центра использовал небольшую коммерческую фирму, владелец которой еще в первой командировке оказывал ему помощь. Человек он был надежный, и поэтому решили провести некоторую реорганизацию этого предприятия, расширить и поставить его деятельность на более солидную основу.

Ахмеров стал компаньоном фирмы и на первом этапе много времени уделял организации ее работы. Это позволило вывести фирму в число благополучных и серьезно закрепить положение разведчика, поскольку в окружении он выглядел вполне преуспевающим бизнесменом.

Каждый день к 10 часам он приходил в контору и садился за финансовые и различные хозяйственные дела. После 14 часов, а иногда и позже, возвращался домой, внимательно читал прессу и литературу по международным вопросам, готовился к предстоящим встречам с источниками. Два-три раза в месяц из Нью-Йорка он выезжал в Вашингтон, где приходилось задерживаться большей частью на субботу и воскресенье. Несколько раз в месяц ездила в Вашингтон Елена, она выполняла в основном задания по связи. Через некоторое время она поступила в университет, где начала изучать педагогику.

Условия для работы в США в этот период серьезно осложнились. Шла война. Контрразведывательные органы и полиция усилили наблюдение за носителями секретов и людьми, которые вызывали хотя бы малейшее подозрение.

Центр писал Ахмерову: «Мы прекрасно понимаем, что условия для работы в стране стали более сложными, чем они были в мирное время, особенно для нелегалов. Совершенно естественно, что спецслужбами принимаются меры предосторожности. Поэтому надо перестроить работу применительно к новым, более сложным условиям в стране».

Дело осложнялось еще и тем, что появилась опасность призыва Исхака Абдуловича в армию, так как по возрасту и как гражданин США он подпадал под мобилизацию.

В начале 1942 года разведчик прошел военную регистрацию. Ему пришлось заполнить анкеты на 13 листах с детальным описанием своего прошлого и настоящего. После того как члены комиссии подробно опросили Ахмерова, его привели к присяге. Затем председатель комиссии заявил, что, как человеку женатому, ему, возможно, предоставят некоторую отсрочку от призыва, но при необходимости он будет вызван в призывную комиссию.

С учетом такой перспективы разведчик по указанию Центра начал готовить источников для передачи на связь Елене, одновременно изыскивая возможности для освобождения от призыва.

К середине июля 1942 года Ахмерову по документам значилось около 40 лет, он был женат, имел небольшую коммерческую фирму. Поэтому его зачислили в категорию 3-а. Лица этой категории тогда в массовом порядке в армию не призывались. В то же время он стал искать пути для получения справок от знакомых врачей, чтобы освободиться от военной службы по состоянию здоровья. Такие справки ему удалось добыть, и позднее они пригодились.

Поддерживая связь с наиболее надежными источниками, Ахмеров стал получать от них материалы о внешней и внутренней политике США, сведения о международных контактах представителей американского правительства, данные о военных и военно-политических планах и другие ценные материалы.

Источники резидентуры находились во многих объектах правительства США, и особо охраняемые американцами секреты регулярно стали поступать к Ахмерову, а затем направлялись в Москву.

Например, во время Тегеранской конференции великих держав советская делегация своевременно получала информацию о планах и намерениях американцев, намечаемых ими шагах, и в этом немалая заслуга Исхака Абдуловича, который получал сведения по этим вопросам от своих агентов.

Ахмеров располагал источниками в государственном департаменте, администрации зарубежной экономики, управлении департамента военной промышленности, ФБР, департаменте юстиции и других учреждениях. Один из источников добывал информацию по атомной проблематике (проект «Манхэттен»). Другой, работавший в управлении стратегических служб (внешняя разведка), передавал документальные материалы о военной инфраструктуре США, мероприятиях по подготовке военных операций. Большой объем секретных материалов поступал от других источников.

Только за 1943–1945 годы от Ахмерова было получено 2500 пленок с информационными материалами (это более 75 тысяч машинописных листов).

Учитывая ценность добытых материалов и исключительно добросовестную и высококвалифицированную работу сотрудников нелегальной резидентуры, Центр отметил нелегала и его жену прави-

тельственными наградами. Ахмеров был награжден орденом Красного Знамени (первую награду – орден «Знак Почета» – он получил в сентябре 1943 года), а Елена – орденом Красной Звезды. Награды получили и другие сотрудники резидентуры. За успешное выполнение разведывательных заданий в послевоенный период Ахмеров был награжден вторым орденом Красного Знамени.

После разгрома гитлеровской Германии и Японии перед разведкой встали новые задачи. Американская контрразведка, освободившись от необходимости разрабатывать фашистскую агентуру, переключилась на работу против советских представительств и возможной деятельности нашей разведки с нелегальных позиций.

Несмотря на это, поток информации, направляемой в Центр, не уменьшался. Однако в начале декабря 1945 года деятельность резидентуры пришлось прервать в связи с угрозой провала в результате предательства источника «легальной» резидентуры Мирны, имевшей некоторое касательство к одному из звеньев резидентуры Ахмерова. Работа резидентуры была законсервирована, а резидент и его жена переправлены в СССР. Наиболее ценных источников удалось обезопасить, и они стали действовать в составе других нелегальных звеньев.

Исхак Абдулович и его жена Елена вернулись в СССР в начале 1946 года. Теперь они прибыли в Москву насовсем. Закончился второй этап работы резидента Ахмерова в Соединенных Штатах Америки, продолжавшийся четыре с половиной года.

В одном из своих выступлений Исхак Абдулович отмечал, что более девяти лет он был американцем и вместе с женой вел разведывательную работу, свободно разъезжая по стране, имел торговое предприятие, квартиру в Нью-Йорке, руководил солидными источниками в Вашингтоне, которые давали важную политическую информацию в условиях войны, освещали политику не только США, но и наших противников – Германии и Японии, и когда из Центра получил сообщение, что их информация имеет большое государственное значение, то понял, что приносил большую пользу Родине и чувствовал глубокую удовлетворенность.

В итоговых документах о работе внешней разведки в 1941–1945 годах сказано: «Особенно успешно в годы войны в США действовал резидент нелегальной резидентуры, видный советский разведчик И.А. Ахмеров...» Редко кому из разведчиков удавалось заслужить такую высокую оценку.

По возвращении из США Ахмеров был назначен на одну из руководящих должностей в подразделении нелегальной разведки, но его тянуло к живой работе. Он вновь как иностранец выезжал в разные страны в краткосрочные командировки, оказывал помощь начинающим работникам.

Исхак Абдулович был внимательным и отзывчивым человеком, от него можно было узнать много поучительного. Вместе с тем

он был и требовательным человеком по отношению к своим молодым коллегам.

Первое, на что обращал внимание Ахмеров во время встречи, было то, как нелегал одет. В беседе с одним из них он деликатно коснулся этого вопроса: «Одежду-то вы покупали в местном магазине, а оделись по-московски». И обратил внимание собеседника на некоторые детали, которые выделяют человека в местной среде. Разговор шел не только о внешних элементах облика нелегала, но и о других профессиональных качествах, которые необходимо вырабатывать разведчику.

«Бич наших советских людей, оказавшихся за границей, – это доверчивость, – говорил Исхак Абдулович. – Здесь все по-иному. Люди, как правило, к себе в душу и в квартиру посторонних не пускают. Общаются свободно, но добиться доверия не так-то просто. Это надо учитывать в работе».

Особенно Ахмеров обращал внимание на аккуратность в работе. «Если вы будете нарушать порядок, – отмечал он, – опаздывать на встречи, то вы никогда не сможете наладить четкую работу со своими источниками и помощниками, это внесет в работу расхлябанность, а логическим последствием будет провал».

Исхак Абдулович обладал большой силой воли, упорством, настойчивостью в достижении цели. Он старался не делать себе послаблений, даже в мелочах. Некоторым казалось, что он несколько суховат, чрезмерно сдержан. Но стоило затронуть близкую ему тему, как он преображался, и перед нами представал большой души человек, увлеченный делом, которому он служил всю сознательную жизнь.

Таким навсегда останется в нашей памяти Исхак Абдулович Ахмеров, нелегальный резидент, который беззаветно служил своему Отечеству.

19

Пункт назначения — Рим

Марко Джовани (под этим псевдонимом он значился в служебных документах), уроженец Италии, пришел во внешнюю разведку в период Великой Отечественной войны. Его планировалось использовать на итальянском направлении. Италия активно участвовала в войне на стороне фашистской Германии, ее войска находились под Сталинградом и на других участках советско-германского фронта. Руководство страны и командование Красной Армии нуждались в получении информации об обстановке в Италии, политических и военных планах ее руководства.

Родился Марко Джовани на севере Италии в рабочей семье в 1908 году. Участвовал в антифашистском движении, являлся членом рабочих боевых дружин. Проявил себя смелым и решительным человеком. После того, как начались преследования, он вынужден был уехать. В Советском Союзе он нашел свою вторую родину. Учился, работал на заводе, участвовал в политической деятельности среди политэмигрантов, создал семью. В Москве живет его дочь.

В начале войны Марко Джовани обратился с просьбой направить его на фронт. Однако, учитывая его личные качества, политическую надежность, ему было предложено пойти на работу в разведку.

Первое задание за пределами СССР ему пришлось выполнять в мае 1944 года. В это время американские и английские войска вели бои в Италии. Ситуация на фронте оставалась сложной, много неясного было и в политической обстановке. Марко была поставлена задача осесть в Риме или в одном из крупных центров Северной Италии и начать работу по сбору информации об обстановке в стране, положении на фронте, контактах союзников с немцами, получению других сведений и передаче их в Центр.

Маршрут был избран через Югославию. Планировалось десантировать разведчика на территорию Боснии, где находились соедине-

ния югославских партизан, а оттуда с помощью советских представителей, находившихся при штабе Тито, переправить его в Италию.

Переброска разведчиков к месту назначения во время войны – дело исключительно сложное и особо опасное, когда речь шла о территории, занятой противником. Немало разведчиков погибало на маршруте следования или в первые дни и часы после приземления на занимаемую противником территорию.

Нелегкая доля выпала и Марко. Самолеты летали с грузами для югославских партизан из Киева. Вместе с грузами они иногда брали на борт югославских и наших военных, которые выбрасывались с парашютами в заданных местах.

Два раза Марко летал с этими самолетами, но прыжок совершить не удавалось: то в связи с появлением немецкой авиации они уклонялись в сторону, то по погодным условиям не удавалось найти нужное место. И только на третий раз разведчик прыгнул. Но, поскольку одновременно шла выброска грузов, Марко отнесло в сторону от намеченной цели, и он, попав в горный район, при приземлении сильно повредил себе ногу. К тому же оказалось, что буквально в нескольких сотнях метров находились немецкие позиции. В это время началось наступление фашистов на ставку Тито, которая находилась в этом районе.

Марко попал под обстрел, идти не мог, а немцы быстро продвигались по флангам, пытаясь блокировать район. Партизаны начали отход в горы.

В своем отчете Марко так описывал сложившуюся ситуацию: «К полудню немцы были уже у самого местечка Бравско. Их механизированные средства двигались по дороге, а пехота цепями продвигалась по долине. Близость врага вызвала сильную панику: люди бежали, стреляя на ходу куда попало, кругом рвались снаряды и мины. Немцы были уже видны в открытом поле, они спокойно пересекали его и скоро должны были быть в местечке.

Не надеясь на помощь, я тронулся вслед за отходящими югославами. Вывихнутая нога распухла. Невыносимая боль заставляла останавливаться. Партизаны бежали мимо, не обращая на меня внимания. Наконец, один человек остановился и спросил, что со мной случилось, почему я так плетусь сзади всех. Я рассказал ему о своем положении и показал распухшую ногу. Это был комиссар. Поняв, в чем дело, он побежал куда-то и вернулся ко мне с конем. Таким образом, я не остался один на дороге и сумел вместе со всеми вовремя отступить. Таким порядком к вечеру я добрался до местечка Церквенно, расположенного в лесу, и там был помещен в лазарет».

Марко должны были встретить сотрудники советской военной миссии, находившиеся в партизанском соединении. Но в связи с тем, что на заданном участке началось наступление немцев, в Центр было передано, что разведчик, вероятно, погиб или попал в руки карателей.

Только через несколько дней о Марко сообщили в Москву. Центр дал указание после того, как разведчик поправится, переправить его в Италию.

Около месяца Марко провел в партизанском отряде. Несмотря на болезнь, ему приходилось участвовать в боях. Ни днем, ни ночью он не расставался с автоматом. И только после того, как партизаны ликвидировали угрозу окружения, разведчик получил возможность отдохнуть и пройти минимальный курс лечения.

Через несколько дней он уже был на Родине. Выдавая себя за партизана, действовавшего на итало-югославской границе, изможденный и хромающий, он не вызывал особых подозрений. Таких людей, как он, было тогда в Италии немало.

Через несколько дней он добрался до Рима. Здесь была явка. Марко доложил в Центр о благополучном прибытии. Он получил указание остановиться в Риме, попытаться устроиться в какое-либо учреждение. Подчеркивалось, что нужно постараться попасть в такое учреждение, где можно было получать нужную информацию.

Марко занялся поиском жилья и изучением возможностей дня устройства на работу. Но жизнь разведчика полна неожиданностей, и одна из них едва не стоила ему тюрьмы, когда он находился уже у цели.

«Я нашел себе комнату на западной окраине Рима, – писал об этом случае разведчик, – и начал оформлять справку на получение карточек. Тогда для того, чтобы получить справку для бюро карточек, достаточно было заявить, что вы приехали из такого-то города. Так я и сделал. Продуктовые карточки должны были мне прислать на дом на третий день после заявления, но прошли три дня, а карточки еще не были получены. На четвертый день я пошел на нижний этаж и постучался к дворничихе. Дверь ее квартиры оказалась открытой, через нее было видно несколько комнат, в которых виднелись несколько шкафов, одежда валялась на полу. Увидев такую картину, я почувствовал здесь что-то недоброе, поэтому не вошел в квартиру, а спустился на улицу. Не увидев на улице никого, я снова стал подниматься к себе. Но как раз в это время навстречу мне спускались хозяева моей комнаты, они шли куда-то по своим делам. Я им рассказал, что хотел пойти к дворничихе, но на мой стук никто из ее квартиры не отвечает и что квартира ее открыта. Тогда мой хозяин подошел к двери дворничихиной квартиры и стал палкой стучать в нее, но также безрезультатно. Дворничихи в квартире не оказалось, она была на огороде. Когда мы пошли туда и рассказали ей о случившемся с ее квартирой, она быстро поднялась в свою квартиру и, убедившись в беде, начала громко кричать.

Эта обыденная вещь могла бы меня и не касаться, но дело в том, что, когда пришли представители из районной жандармерии и спросили у хозяйки, кого она подозревает в краже, то дворничиха указала на меня.

Жандармы осмотрели мою комнату, спросили, есть ли у меня резиновая обувь. Как оказалось после, следы от такой обуви были обнаружены в обворованной квартире. Однако дело закончилось благополучно, размер обуви не соответствовал моему, да и резиновой обуви у меня не было. После допроса жандармы отпустили меня, и на этом завершилось неприятное для меня дело».

Разобраться в ситуации помогли оставленные взломщиком следы, и поэтому жандармы интересовались обувью. Не будь их, дело могло принять непредсказуемый оборот. В комнате Марко хранились некоторые предметы оперативной техники и, если бы был обыск и они были бы обнаружены, то дело могло кончиться провалом.

После нескольких попыток Марко удалось устроиться на работу в одно важное правительственное учреждение. Его приняли в канцелярию в качестве конторского служащего. В это время все учреждения перестраивали свою работу, многие старые чиновники увольнялись и на их место приходили другие, среди которых было немало людей с прогрессивными, демократическими взглядами, участников антифашистского Сопротивления.

В канцелярии он работал на участке приема, регистрации и отправки исходящей корреспонденции, а также занимался ведением картотеки отправленной корреспонденции. Среди документов, проходивших через руки разведчика, было немало секретных документов, связанных с анализом внутриполитической обстановки в стране, военными, экономическими и другими вопросами. Нередко в руки Марко попадала переписка его ведомства с главным штабом американских войск в Италии.

В комнате стояло два стола. За другим работала женщина «Люция», занимавшаяся входящей корреспонденцией. Поскольку у нее был маленький ребенок, то она иногда отлучалась, и в ее отсутствие Марко делал ее работу, носившую срочный характер.

«Люция» была веселой и несколько болтливой женщиной. С Марко у нее сложились хорошие, дружеские отношения. Она рассказывала о своей семье, работе мужа, который устроился в организацию, занимавшуюся снабжением американской армии, о начальниках управлений и отделов ведомства, которых она хорошо знала, так как более трех лет разносила им почту.

Наиболее интересные документы Марко переписывал или делал аннотации, основные положения других запоминал. Он знал содержание и многих входящих документов, поскольку «Люция» свободно обсуждала их со своим напарником. Разведчику удавалось заглядывать и в пакеты, адресованные лично высшим чиновникам ведомства. Значительное число таких пакетов переадресовывалось нижестоящим работникам, и когда разведчик заменял «Люцию», он после получения резолюции какого-либо высокого начальника на пути к исполнителю умудрялся просматривать содержание пакета. Делал он

это просто. Возвращался к себе в комнату, знакомился с содержанием пакета и только затем звонил исполнителю. Строгого контроля за прохождением корреспонденции не было. Иногда пакеты с пометкой «срочно» часами валялись на столе у «Люции».

Все добытые материалы Марко регулярно передавал сотруднику «легальной» резидентуры, которая уже начала действовать в Италии. Встречи проходили один раз в десять дней.

Месяца через два «Люция» пригласила Марко на свой день рождения. Там он познакомился с ее мужем «Сильвио». Уже после первого разговора разведчик понял, что «Сильвио» отрицательно относится к фашистам, критически воспринимал вмешательство американцев во внутренние дела Италии, хотя определенных политических взглядов не высказывал.

Постепенно отношения с «Сильвио» приобрели дружеский характер. Вначале Марко время от времени встречался с обоими супругами, а затем они уже вдвоем с «Сильвио» заходили в какой-нибудь бар на рюмку мартини.

Через некоторое время развитие отношений достигло такой стадии, когда «Сильвио» доверительно стал рассказывать о тайной деятельности американцев в Италии. В частности, он сообщал данные о связи американцев с профашистски настроенными банкирами и промышленниками, бывшими высшими чиновниками правительства Муссолини, внедрении в руководство формируемых политических партий своих людей.

Центр проявлял большой интерес к информации, которая поступала от «Сильвио», и рекомендовал Марко продолжать укреплять отношения с ним.

Таким образом, наряду со служебным каналом, откуда Марко олучал основную часть разведывательной информации, начал действовать и другой канал – «Сильвио».

В дальнейшем Марко установил дружеские отношения с одним из клерков, который работал в том же ведомстве, где и он, в экономическом отделе. В беседах с ним разведчик получал интересные сведения по экономической проблематике. «Джулиус» – так назовем этого человека – воевал против фашистов в партизанском отряде на севере Италии, был убежденным сторонником коммунистов, хотя официально членом партии не был. Свои истинные взгляды от окружения скрывал, иначе, как он говорил, выгонят с работы и не на что будет кормить семью.

Получаемая разведчиком информация касалась острых политических и военных проблем и высоко оценивалась в Центре.

Положение Марко было достаточно прочным. Единственное, что беспокоило Центр, так это возвращение итальянских эмигрантов на родину. Марко был хорошо известен среди них, не осталось без внимания и его внезапное исчезновение в 1941 году, хотя официально он числился призванным в действующую армию.

Марко было рекомендовано стараться уклоняться от контактов с его бывшими товарищами под различными предлогами, в том числе в связи с тем, что он якобы разочаровался в идеях социализма. Это нужно было потому, что лица с прокоммунистическими убеждениями, прибывшие из СССР, находились под наблюдением как союзных, так и местных итальянских спецслужб.

С разрешения Центра после годичного пребывания в Риме Марко решил навестить своих родителей, которых он не видел 20 лет. Боясь, что их будут преследовать, ранее он ничего им о себе не сообщал. Во время фашистского режима родители и два его брата официально подтвердили властям, что их сын и брат погиб и что они не разделяли его политических убеждений.

Марко понимал, что появиться открыто в доме родителей он не мог. Он стоял на учете в полиции как активный революционер-коммунист, да и, кроме того, в кармане у него лежал паспорт на другое имя. Неожиданное появление человека, считавшегося погибшим, безусловно, могло привлечь внимание властей, а затем и спецслужб. Чтобы избежать этого, Марко решил повидать своих родителей и братьев тайно.

Как он писал впоследствии, его появление в родном городке прошло без происшествий. Минуло двадцать лет, как он покинул его, внешне за это время Марко сильно изменился, и поэтому никто его не узнал. Да и он с трудом узнал город, большая часть его лежала в руинах.

Он пришел в свой родной дом, стоявший на окраине. Война пощадила его. Этот район бомбежкам не подвергался. В доме встретил отца и мать, им было уже под восемьдесят. Отец не узнал сына и спросил у пришельца, кто ему нужен. Когда тот назвался, отец пристально посмотрел на него и только тогда понял, что перед ним его родной сын, которого он считал погибшим. Позвали брата, жившего по соседству, другого брата в городе не было. Когда все собрались, Марко предупредил их, чтобы о его визите и о том, что он жив, никому не говорили. Он объяснил это особенностями его партийной деятельности.

Несмотря на конспиративные условия, встреча была теплой и радостной. Разоренные войной жители городка жили впроголодь. Бедствовали и родители Марко, и поэтому финансовая помощь сына пришлась как нельзя кстати. Во время обеда брат сказал Марко: «Мэру городка известно, что ты не погиб и что все это время находился в Москве. Мы и сами предполагали, что ты не погиб, а уехал за границу, но откуда у мэра такие сведения?» Марко понял, что сведения об эмигрантах, находившихся в СССР, видимо, были разосланы полицейскими органами по местам их прежнего жительства для контроля за ними.

Возвратившись в Рим, разведчик продолжил работу в своем учреждении. Подозрительного отношения к себе со стороны окружения он не чувствовал. Получаемая им информация стала более содержательной, она охватывала новые сферы и вскрывала закулисные планы американцев, а также профашистских групп, направленные на подрыв демократического движения в стране, и другие важные сведения.

В ведомство, где работал Марко, как и в другие учреждения, стали возвращаться старые кадры, работавшие при фашистском режиме. Пришедший на смену стороннику социал-демократов начальник канцелярии, где работал Марко, оказался старым кадровым служащим министерства, уволенным два года назад за принадлежность к фашистской партии. Теперь он был восстановлен на работе и сразу начал замену вновь принятых служащих.

В первое время он нормально относился к Марко, но затем его стали вызывать работники кадрового аппарата и требовать уточнений по его пребыванию в партизанских отрядах, прежней политической деятельности.

Этой проверочной деятельности предшествовал случай, который произошел с ним примерно месяц тому назад. Марко, как обычно, шел с пакетом по коридору в экспедицию для отправки почты. Навстречу ему попался человек, который попросил подсказать, где находится нужный ему номер комнаты. Марко показал, куда нужно идти. Однако незнакомец не уходил, он впился глазами в разведчика и стал тереть лоб рукой. «Где мы встречались с вами? – спросил он. – Ваше лицо мне очень знакомо». Только теперь Марко понял, что перед ним человек, которого он видел в Москве. «Скажите, пожалуйста, синьор, – продолжал незнакомец, – вы случайно не проживали в гостинице «Люкс» в Москве?» «Где, где? – насколько мог спокойно произнес Марко. – Нет, никогда не проживал. А что, Москва красивый город? Стоило бы в нем побывать?» «Да, очень, – сказал незнакомец. – Странно, вы так похожи на человека, которого я видел в Москве». Марко еще раз повторил: «Вы ошибаетесь, вы принимаете меня за кого-то другого. Я, слава богу, никогда не был в России, в отличие от многих итальянцев, обморозившихся в донских степях, и воевал только на греческом фронте, где и стал инвалидом».

Незнакомец ушел, пожимая плечами и что-то бормоча. Марко уже вспомнил этого человека. Он действительно видел его до войны в гостинице «Люкс», куда он один раз заходил. Но кто он – Марко не знал.

Ситуация складывалась неблагоприятно. Марко посоветовался со своим куратором, опытным разведчиком Н.М. Горшковым, и в результате было принято решение о подготовке почвы для смены места работы.

Но машина проверки, как видно, уже закрутилась. Нужно было немедленно уходить из этого ведомства. Получили на это и разрешение Центра.

Было принято решение под благовидным предлогом уволиться с работы, перейти на другие документы и продолжить работу с «Сильвио» и «Джулиусом».

Разводчик под предлогом болезни перестал выходить на работу, а затем уведомил администрацию о своем увольнении. Вся эта процедура прошла в нормальном русле и внешне выглядела естественной.

За это время Марко отработал условия связи со своими помощниками, подобрал жилье в новом районе и в один из июльских дней 1946 года Марко Джовани исчез. В окружении, где он жил, прошел слух, что он уехал на заработки во Францию.

С документами на имя другого человека Марко продолжал свой нелегкий труд. Работа продолжалась еще год. От разведчика продолжали поступать интересные материалы по политическим, экономическим и военным вопросам.

Марко на конспиративной основе регулярно встречался с «Сильвио» и «Джулиусом». От «Сильвио» он получал информацию не только о подрывной деятельности американцев в Италии, но и некоторые материалы из ведомства, где он раньше работал. «Сильвио» добывал их через «Люцию», которая по его просьбе приносила домой находившиеся у нее на исполнении документы.

За добываемую информацию «Сильвио» получал от Марко определенные суммы и был очень доволен дополнительным заработком. Работал он аккуратно и добросовестно. Превалирующим мотивом в их отношениях были деньги, но значительную роль играли и дружеские отношения, которые установились между ними.

Что касается «Джулиуса», то он вел себя совсем иначе. Несмотря на то, что источник нуждался в деньгах, он ни разу не принял их от разведчика, хотя последний неоднократно предлагал ему материальную помощь. В то же время информация поступала от него регулярно.

К тому времени положение разведчика с точки зрения безопасности стало оцениваться как не совсем благополучное. Первые же проверки могли бы привести к неприятностям, и поэтому Центр после трехлетнего пребывания разведчика в стране принял решение о его возвращении в Союз.

Однако на этом нелегальная деятельность Марко не закончилась.

После лечения и отдыха он отбыл на нелегальную работу в качестве резидента в другую страну, где проработал еще 8 лет. Надо сказать, что Марко обладал не очень крепким здоровьем, но никогда не жаловался и стойко переносил рецидивы застарелой болезни. Центр проявлял естественное беспокойство и предлагал нелегалу возвратиться для лечения в Союз. Однако Марко больше беспокоился о своих подчиненных и в первую очередь старался помочь им, откладывая свою поездку на потом.

В сентябре 1964 года он скоропостижно скончался. Можно без преувеличения сказать, что он «сгорел на работе». Так закончилась жизнь бесстрашного борца против фашизма, славного сына итальянского народа, гражданина СССР, храброго разведчика подполковника Марко Джовани.

20

В оккупированной Франции

Перед нападением Германии на СССР советская внешняя разведка работала во Франции в сложных условиях. Немцы на захваченной ими северной части французской территории установили строгий военно-полицейский режим. Положение в «свободной» южной зоне было лишь немногим лучше, поскольку власти в Виши сотрудничали с немцами.

Существовавшие во Франции с лета 1940 года две – одна в Париже и другая в Виши – «легальные» резидентуры были маломощными. Остро сказывались последствия политических репрессий 1937–1938 годов, нанесших тяжелый удар по кадрам разведки. В начале 1941 года в каждой резидентуре было лишь по два оперативных сотрудника. Они не имели достаточного опыта разведывательной работы за рубежом, находились в стране недавно, слабо знали французский язык. Плохо было дело и с агентурой.

Формально у советской разведки была в этой стране довольно многочисленная агентурная сеть. Но на деле большинство агентов бездействовало из-за утраты разведывательных возможностей или было законсервировано, в частности, в связи с появлением недоверия к ним со стороны Центра. Много было вспомогательной агентуры, приобретенной для выполнения конкретных специальных заданий и оказавшейся бесполезной в условиях, когда потребовалось срочно решать исключительно трудную задачу раскрытия дальнейших планов Германии и других непосредственных участников начавшейся мировой войны. Что касается работоспособной части агентуры, то и она использовалась весьма неэффективно.

Однако главная трудность была обусловлена тем, что политическое руководство страны, руководство разведки и резиденты допустили серьезные просчеты и медлительность при организации разведывательной деятельности с нелегальных позиций на случай войны, и особенно отъезда из Франции советских официальных представительств.

Весьма показательно письмо резидента в Виши руководству НКГБ от апреля 1941 года, в котором, в частности, говорится следующее: «Я с большим нетерпением ожидаю обещанных Вами инструкций. Они необходимы, во-первых, потому, что сейчас я полностью оторван от К (парижского резидента. – *Прим. авт.*), ибо нет возможности поехать ни ему ко мне, ни наоборот. Да и телеграфной связи (с Парижем. – *Прим. авт.*) в последнее время не стало. Во-вторых, потому, что в такой международной обстановке может случиться, что и связь с Вами станет также нерегулярной».

22 июня 1941 года генконсульство СССР в Париже, под прикрытием которого работала парижская резидентура, подверглось нападению отряда СС и было ликвидировано.

30 июня 1941 года правительство Петэна разорвало дипломатические отношения с СССР. Все официальные советские представители были высланы из Франции.

К этому моменту нелегальная разведывательная группа, которую возглавлял опытный агент француз «Ром», объединяла основную часть нашей агентуры. Группа действовала на оккупированной немцами французской территории и базировалась в Париже. Сформировалась она на основе нелегальной спецгруппы агента – француза «Густава», работавшей во Франции с конца 20-х годов вплоть до 1939 года, когда она была реорганизована.

Сам «Густав» с лета 1940 года находился на юге Франции, куда он был вынужден уехать по соображениям личной безопасности. Там, в «свободной зоне», он по заданию Центра создал самостоятельную нелегальную разведгруппу из агентов, уже проживавших в этом регионе или уехавших туда по тем же причинам, что и он.

Кроме того, на юге Франции работали две отдельные небольшие нелегальные группы, организованные в 1940 году из агентов, ранее действовавших в Испании.

До закрытия «легальных» резидентур советской внешней разведки в Париже и Виши наши разведгруппы во Франции действовали под их руководством. И поддерживали связь с Москвой главным образом через эти резидентуры. Но после отъезда в Союз советских официальных представительств, а следовательно, и оперативных работников, оказалось, что способы и условия двусторонней связи Центра с разведгруппами и агентами-одиночками во Франции не были как следует обговорены и отработаны. Не была отлажена и радиосвязь. Рации у «Густава» не было вообще, а радиосвязь группы «Рома» прекратилась через несколько сеансов по техническим причинам. Радиотехник группы не сумел быстро исправить неполадки.

Как видно из имеющихся в архиве материалов, значительная часть вины за такое положение дел лежала на руководстве разведки. За несколько дней до нападения Германии на Советский Союз у руководства не было четкого представления, как будет организована

связь, если подобная ситуация возникнет. Оно вновь запросило у парижского резидента отчет о проделанной работе но обеспечению связи между разведгруппами и Москвой на случай эвакуации советских учреждений из Франции. Увы, резидент отчитался по этому вопросу уже после возвращения в Союз...

Поскольку проблема восстановления связи стала ключевой как для Москвы, так и для разведгрупп, обе стороны решали ее в совершенно неблагоприятной для этого обстановке.

В декабре 1941 года парижской разведгруппе удалось наладить работу рации. В неоккупированной зоне вскоре также был развернут пункт в районе Марселя для поддержания самостоятельной радиосвязи с Центром. Радистам обеих групп оставалось лишь «достучаться» до своих московских коллег, что оказалось нелегким делом.

В начале 1942 года пришла, наконец, помощь со стороны Москвы. По указанию ЦК ВКП(б) в июне 1941 года в составе Первого управления НКГБ было создано специальное подразделение для поддержания постоянной связи с агентурными группами, находившимися в Германии и на территории оккупированных ею государств. Однако тяжелое положение, в котором оказался Советский Союз в первый период Великой Отечественной войны, и установление немцами контроля почти над всей Европой делали исключительно трудным делом заброску связников во Францию.

Такая возможность представилась после достижения в августе 1941 года договоренности между НКВД СССР и разведслужбой Великобритании о сотрудничестве в ведении работы против Германии и ее союзников. Это соглашение предусматривало оказание английской стороной содействия советским спецслужбам в установлении и поддержании связи с резидентурами и агентурой в Германии и оккупированных ею странах.

Уже в ноябре 1941 года в Англию прибыла первая группа наших связников. В их числе была «Ханна», предназначенная для заброски во Францию, где она должна была связаться с руководителями нелегальных разведгрупп, передать им инструкции, деньги, новые коды и условия связи. После ряда неудачных попыток англичан высадить «Ханну» воздушным путем она была ночью 10 января 1942 года доставлена на быстроходном катере к французскому побережью. На катере также находился проводник, который переправил связника на берег и провел через первую линию охраны побережья.

«Ханна» успешно добралась до Парижа, разыскала «Рома», а через него «Густава» и агента «Алекса», специально оставленного для работы в неоккупированной зоне. После этого с Центром была установлена радиосвязь, которая продолжалась с перерывами некоторое время. Обе группы информировали о своих диверсионных акциях, сообщили сведения военного характера, в том числе о дислокации и перемещениях некоторых немецких и французских воинских частей.

Затем радиосвязь прервалась окончательно. Вначале она прекратилась с группой «Рома». Это случилось из-за серьезного провала в Париже: ареста полицией Ханны летом 1942 года при попытке совершения ею диверсионного акта (поджога зернового склада). Как отмечается в полицейской справке, составленной на основании допроса арестованной, «Ханна» сама «проявила желание поработать более активно». Поэтому «Ром» включил ее в одну из диверсионных групп, хотя и не считал это необходимым. При обыске полицейскими и гестаповцами квартиры «Ханны» были обнаружены материалы, давшие основания для ареста «Рома» и более десятка других членов его группы.

Благодаря тому, что на момент ареста «Рома» радиосвязь с Москвой у его группы была, руководство разведки было немедленно поставлено в известность о случившемся. Оставшиеся на свободе члены организации предпринимали попытки установить причины провала и спасти арестованных путем подкупа соответствующих чиновников французской полиции. Но они успеха не имели, несмотря на проявленную готовность к сотрудничеству одного полицейского. Следствием по делу группы «Рома» занималось только гестапо. Французская полиция не располагала сведениями по данному вопросу и не могла повлиять на ход событий.

На допросах «Ром» стремился сделать все для того, чтобы облегчить судьбу остальных арестованных товарищей, и основную вину взял на себя. Имеющиеся агентурные данные свидетельствуют о том, что гестаповцев поразило, с какой твердостью держался агент и отстаивал идеалы, ради которых он вел борьбу против немцев.

В ходе следствия и суда было установлено, что группа «Рома» создана органами безопасности СССР и работала на советскую разведку. «Ханна» и «Ром» были расстреляны. Другие арестованные были также казнены или осуждены на длительные сроки заключения, депортированы в Германию. В дальнейшем деятельность «Рома» и его группы в период немецкой оккупации получила высокую оценку Центра.

В ноябре 1942 года замолчала и рация, находившаяся в южной зоне. Это случилось главным образом потому, что с приходом немцев в Марсель возросла угроза ее обнаружения. Руководство южной разведгруппы сочло целесообразным отказаться от использования радиостанции.

В начале 1943 года по инициативе ряда уцелевших агентов было принято решение об объединении в одну организацию «южной» и «северной» разведгрупп и создании в Лионе единого «руководящего центра» из четырех опытных агентов. Его возглавил агент «Алекс», до этого времени находившийся на юге страны. При принятии решения учитывались, в частности, два обстоятельства. Во-первых, демаркационная зона, ранее разделявшая страну на «свободную» и оккупа-

ционную зоны, в 1942 году фактически перестала существовать: вся Франция оказалась под оккупацией немцев. Во-вторых, сильно уменьшившаяся, обескровленная парижская организация нуждалась в притоке свежих сил.

Летом 1943 года в районе Лиона была смонтирована временная рация, которая возобновила вызовы и прослушивание Москвы. Но связь не налаживалась. По мнению оператора, это могло объясняться недостаточной мощностью и неудачным расположением передатчика. Не удалось установить контакт с Москвой и с помощью рации, которая была установлена в парижском районе в августе того же года.

Отсутствие связи с Москвой продолжало волновать руководство объединенной разведгруппы.

В начале 1944 года «Алекс» послал в Испанию связника с заданием пробраться в Алжир для установления контакта с советскими официальными представителями в этой стране. 22 февраля 1944 года связник прибыл в Алжир и передал нашему консулу зашифрованную записку и привет от «Алекса». Посланец сообщил, что парижская разведгруппа ждет возобновления двусторонней связи с Москвой, в связи с чем ее рация будет ежедневно выходить в эфир.

Не дождавшись известий из Москвы, «Алекс» решает сам выехать тем же маршрутом. В Барселоне он получил письмо от оставленного им в Париже вместо себя члена руководства группы «Шомона», в котором тот сообщал, что все в порядке. Второе письмо «Алекс» получил, уже находясь в Алжире. Оно было направлено женой «Шомона» в Испанию, а оттуда переслано «Алексу» в Алжир. Жена «Шомона» писала, что «в связи с болезнью мужа контору закрыли». Это была условная фраза, означавшая, что в Париже произошел провал и «Шомон» арестован...

Вместе с «Шомоном» гестапо арестовало еще нескольких членов организации. Тем не менее «Шомону» и его товарищам «повезло» – их судили лишь как участников движения Сопротивления. Гестапо и не подозревало, что имеет дело с агентурой советской разведывательной сети во Франции. Важную роль в данном случае сыграло то, что немцам не удалось установить подлинную личность «Шомона», так как он проживал по чужим документам. (В 1942 году он уже арестовывался немцами при переходе демаркационной линии: он возвращался из южной зоны, где выполнял задание «Рома», в частности, встречался с «Алексом». Тогда ему удалось бежать, но его подлинное удостоверение личности осталось у гестаповцев. Если бы во время второго ареста у «Шомона» были свои, настоящие документы, следствию не составило бы большого труда выявить связь между ним и казненным гитлеровцами «Ромом».)

В ходе допросов Шомон держался твердо и ничего интересного гестаповцам не рассказал. Благодаря тому, что делу была придана «голлистская окраска», все арестованные избежали смертного приго-

вора. Сам «Шомон» был депортирован в Германию и заключен в концлагерь в Бухенвальде. После своего освобождения в апреле 1945 года он вместе с другими узниками вернулся во Францию.

Поскольку «Алекс» находился в Алжире и связь с Москвой отсутствовала, объединенная разведгруппа после ареста «Шомона» вновь осталась без руководства и оказалась перед угрозой распада. Нужно было обладать незаурядной волей и мужеством, чтобы в этих условиях отважиться на продолжение борьбы. Но такие люди имелись в организации, которую немцы считали уничтоженной. Они сформировали новое руководство во главе с решительной сторонницей возрождения группы «Дорой».

Среди наших помощников во Франции было немало женщин. Вместе со своими мужьями сотрудничали с советской разведкой, например, жены «Рома», «Густава», «Алекса». Некоторые из женщин работали на объектах, представлявших первостепенный разведывательный интерес или имели там хороших знакомых, через которых получали важную разведывательную информацию.

В новое руководство вошли еще два опытных агента. Оно поставило перед собой – в качестве главной – задачу сохранения группы и обеспечения ее оперативной жизнедеятельности до момента восстановления контакта с Москвой. Таким образом, были созданы условия для развертывания активной работы группы сразу же после освобождения Парижа от немцев в августе 1944 года.

Прибывший 10 сентября 1944 года в Париж «легальный» резидент советской внешней разведки А.А. Гузовский доложил в Центр, что созданная нами перед войной разведывательная сеть во Франции, несмотря на тяжелые потери, не только выжила, но и «развилась в организационном отношении».

Таким образом, созданные советской разведкой во Франции к началу войны нелегальные группы существовали и действовали – с различной степенью активности – на протяжении всех военных лет. Они работали, несмотря на то, что с осени 1942 года связь с Москвой отсутствовала, а гестапо и французская полиция систематически наносили удары по агентурной сети.

Разведывательная работа нашей агентуры переплеталась с борьбой против немецких оккупантов и французских коллаборационистов, которую вели патриоты Франции в эти годы. Учитывая общность целей в борьбе с германским фашизмом и необходимость конспирации деятельности разведывательных групп, их руководители рекомендовали агентуре одновременно участвовать на «личной основе» в различных организациях движения Сопротивления и группах, созданных деголлевской, английской, американской и польской разведками на французской территории. Поэтому некоторые наши агенты входили в сформированные указанными разведками и руководством движения Сопротивления боевые отряды, секции, группы и даже их

возглавляли. За активное участие в этой борьбе и проявленное при этом личное мужество ряд из них был награжден (некоторые посмертно) французскими и английскими орденами.

В своей деятельности наши агенты делали основной упор на проведение диверсионных и террористических акций против гитлеровцев и меньше внимания уделяли чисто разведывательной работе, в том числе добыче информации. Необходимые для диверсий и саботажа взрывчатые и иные средства производились ими на месте, частично поступали от англичан. Различного типа и размеров взрывные устройства, закамуфлированные под консервы, авторучки, мыльницы и т.п., изготовлялись, например, в Тулузе и Периго. Конструкция взрывных устройств была простой и безопасной для использовавших их лиц.

В ряде городов Франции, в том числе в Париже, Лионе, Тулузе, Марселе, Лиможе, Клермон-Ферране, Периго, Ниме, нашей агентурой были созданы «группы действия» и «группы саботажа». Обычно они состояли из трех–пяти человек, но были и агенты-одиночки. Ими совершались диверсии на железных дорогах, торговых судах, перевозивших немецких солдат и грузы, на немецких продовольственных складах и работавших на Германию французских предприятиях. В результате только в Париже и парижском районе группой Рома было уничтожено большое количество немецких военнослужащих.

Исключительно важное значение имело участие наших агентов в подборе на территории Франции площадок для приема людей, оружия и других грузов, сбрасывавшихся на парашютах с английских самолетов, и в организации безопасной транспортировки этих лиц и материалов.

Хорошо была организована работа по переброске через демаркационную линию людей, работавших в разведгруппах и организациях Сопротивления, и по изготовлению фальшивых удостоверений личности, официальных печатей, бланков и т.п. Этим занималась, в частности, группа Густава.

В южной зоне действовала также служба по организации приема и предоставлению убежища преследуемым участникам движения Сопротивления, к каким бы группам они ни принадлежали. Эти лица в течение нескольких дней имели бесплатное питание и жилье, а затем получали другие удостоверения личности и уезжали на новое место. Были созданы тайники, в которых хранилось оружие, боеприпасы, диверсионные средства, запасная радиоаппаратура, оборудование и материалы, необходимые для изготовления фальшивых документов, а также сами документы и деньги.

Состав участников разведгрупп был пестрым. Помимо французов, среди них имелись поляки, чехи, испанцы, русские, немцы и представители некоторых других национальностей. Всех их объединяла совместная борьба против германского фашизма. Например, в группе

«Густава» только шесть человек знали, что они помогают Советскому Союзу. Остальные полагали, что они входят в какую-то «специальную политическую секцию», которая работает по заданию руководства или Французской коммунистической партии, или движения Сопротивления.

Каждый раз, когда Москве удавалось установить контакт с разведгруппами во Франции, она рекомендовала им в первую очередь сосредоточиться на добыче военно-политической информации, избегая, в целях безопасности разведчиков, прямого участия в вооруженных акциях. Такие указания были, в частности, переданы «Рому» и «Густаву» через связника «Ханну» в начале 1942 года и в середине того же года доведены по радио до сведения Алекса, который информировал об этом обоих групповодов.

«Густав» и особенно «Ром» высказывали сомнения относительно целесообразности прекращения участия их разведгрупп в проведении диверсионных акций. Они считали, что их гражданский долг и совесть не позволяют им оставаться в стороне от таких форм борьбы с германским фашизмом, тем более что в последующие месяцы связь с Москвой отсутствовала.

В периоды возобновления радиосвязи парижская и южная группы докладывали в Центр о результатах своей деятельности. Как отмечалось в служебной записке начальника Четвертого управления НКГБ П.А. Судоплатова наркому госбезопасности В.Н. Меркулову от 18 июля 1944 года, «обе группы сообщали о проделанной ими диверсионной работе, а также дали ряд ценных материалов о передвижениях немецких воинских частей, о французских воинских формированиях. Этот информационный материал получал отличную оценку Главного разведывательного управления РККА».

Когда радиосвязи с Москвой не было, информация реализовывалась разведгруппами по линии движения Сопротивления и, следовательно, попадала разведкам союзников и де Голля, руководству французской компартии.

После создания объединенной разведгруппы в ее штаб-квартиру в Париже стала поступать вся информация, добываемая агентурой как в северной, так и в южной зонах. В этих материалах наибольшую ценность представляли сведения о местонахождении и передвижениях там немецких войск, видных фигур фашистского Рейха, о создаваемых гитлеровцами военных укреплениях, используемых ими складах, вокзалах, портах и других военных объектах.

Полученные агентурой данные поступали в так называемое «бюро документации», находившееся в одной из строго законспирированных квартир в Париже. Информация просматривалась, классифицировалась, сопоставлялась, проверялась, и на ее основе готовились агентурные сообщения и справки. Из-за отсутствия связи с Москвой адресатами добытой и обработанной информации часто являлись

руководители движения Сопротивления и французской компартии, деголлевская, английская и американская разведки.

Часть разведывательных информационных материалов накапливалась и хранилась на конспиративных квартирах в Париже и в Марселе с целью передачи их в Москву, как только с ней будет восстановлена связь.

Летом 1944 года многие члены нашей разведсети приняли самое активное участие в вооруженном восстании, охватившем большую часть Франции, и в освобождении Парижа от гитлеровцев.

С появлением в Париже в сентябре 1944 года «легальной» резидентуры стала восстанавливаться связь с нашей агентурой во Франции. В ходе встреч уточнялись потери, понесенные разведгруппами за время войны, наличие возможностей для дальнейшей работы. В частности, Густав рассказал, что его бывшая южная группа выжила и сохранила свою боеспособность. Он сам и его люди готовы сотрудничать с нами и дальше.

В Москву были переданы некоторые архивные информационные материалы, накопившиеся в разведгруппах с конца 1942 года. В их числе – важные данные о немецкой агентуре во Франции, структуре и деятельности французских разведывательных и контрразведывательных органов. Начала поступать и свежая разведывательная информация. Среди первых были сообщения по политическим, экономическим и военным проблемам Франции, о планах Парижа в области развития отношений с Советским Союзом и послевоенного контроля над Германией, об англо-американских вооруженных силах в Европе, о намерениях западных союзников, особенно американцев, использовать завербованных советских военнопленных, русскую, грузинскую, украинскую и другую эмиграцию в работе против СССР, а также по ряду других актуальных вопросов. Особенно высоко были оценены сведения о работе французской разведки, ее сотрудниках. Два агента, получившие эти материалы, были поощрены руководством НКГБ.

С возобновлением «нормальной» разведывательной работы во Франции на поверхность всплыли как старые, так и новые проблемы. Прежде всего, Москву стал вновь волновать вопрос о надежности агентурного аппарата, особенно руководящего состава.

Основанием для сомнений служили длительное отсутствие контроля со стороны Центра за деятельностью агентуры; неясность причин ряда провалов за годы войны; участие некоторых агентов в организациях Сопротивления, созданных разведками союзников и де Голля, или активное сотрудничество с ними; приход в разведгруппы новых, не известных Москве лиц. Например, на февраль 1945 года в бывшей парижской группе, насчитывавшей 65 человек, агенты с довоенным стажем составляли менее 30%. Остальные ее члены были привлечены к сотрудничеству в основном в 1943–1944 годах без ведома Центра и без достаточной проверки. Из всей агентуры только от 15 че-

ловек регулярно поступала информация, представлявшая какую-то ценность.

В ноябре 1944 года Центр направил руководителю «легальной» резидентуры предварительный план мероприятий по развертыванию разведработы во Франции.

В числе главных информационных задач Центр указывал на необходимость глубокого освещения внутренней и внешней политики французского правительства, отношений между Парижем–Лондоном–Вашингтоном, их позиций по вопросам послевоенного урегулирования в Европе, деятельности американской и английской разведок на французской территории, положения в местных кругах русской, украинской, грузинской и армянской эмиграции. Важное значение придавалось организации научно-технической разведки во Франции. Однако прежде чем приступить к этой работе, резидентуре поручалось вначале тщательно проверить всю агентуру, особенно новых членов разведсети.

Весной 1945 года во Францию стали возвращаться из немецких концентрационных лагерей выжившие участники разведсети. Бывшим узникам были вручены деньги на лечение, так как многие были серьезно больны и находились в трудном материальном положении.

За короткий отрезок времени после освобождения Франции парижская резидентура НКГБ быстро наладила разведывательную работу и добилась положительных результатов. Она сумела использовать благоприятную оперативную обстановку, сложившуюся во Франции в конце 1944 – начале 1945 года, а также возросший престиж Советского Союза во всем мире для приобретения ценной агентуры и внедрения надежных агентов в наиболее важные объекты страны пребывания. Особенно большое внимание уделялось спецслужбам, дипломатическим и иным представительствам ведущих западных государств.

В июне 1945 года в Центре был разработан окончательный план реорганизации бывшей объединенной разведгруппы и налаживания дальнейшей разведывательной работы во Франции. Было признано целесообразным расформировать эту группу, поскольку ее организационное построение не отвечало требованиям конспирации. Многие агенты знали друг друга, были в курсе заданий, выполнявшихся другими членами организации. Средства и методы, успешно использовавшиеся в условиях Сопротивления, оказывались неприемлемыми в новой обстановке. Большое значение придавалось повышению качества добываемой информации, поскольку, например, из более чем тысячи агентурных донесений о положении во Франции, полученных в 1945 году, Центр использовал лишь 16%.

Было создано несколько самостоятельных, не зависящих друг от друга небольших разведгрупп. Их назначение и задачи были четко сформулированы. Наиболее ценная агентура выделялась отдельно.

Вскоре в Москву стали поступать данные, свидетельствовавшие о том, что французская контрразведка разрабатывает некоторые разведгруппы. Как отмечалось в докладной записке на имя начальника Первого управления НКГБ П.М. Фитина от 25 сентября 1945 года, целью французов являлось:

«1. Вскрыть весь состав групп, выявить работников советской резидентуры в Париже, наши планы и методы работы во Франции.

2. Максимально «переплести» работу членов групп с парторганизациями на местах и руководством французской коммунистической партии для того, чтобы в удобный момент не только нанести удар по нашей работе, но и одновременно подорвать престиж и скомпрометировать компартию, представив ее как агентуру СССР и придаток советской разведки».

С тем чтобы не позволить французским спецслужбам осуществить задуманную операцию, руководство внешней разведки в Москве решило дать указание «легальной» резидентуре в Париже законсервировать до конца года образованные летом 1945 года разведгруппы, запретив их членам проводить какую-либо работу и особенно иметь контакты с французской компартией.

Могла ли наша разведка во Франции сделать в годы войны больше? Конечно, могла, если бы ее руководители вовремя предусмотрели и, главное, до июня 1941 года осуществили необходимые меры по организации разведывательной работы в особых условиях.

Тем не менее все последующие исследователи наверняка согласятся с оценкой, данной первым после освобождения Франции «легальным» резидентом советской внешней разведки в Париже А.А. Гузовским. Он писал в Центр, что в годы войны наши агенты во Франции «с честью прошли трудный период борьбы в подполье, без связи и средств проводили большую работу и расширили свои ряды». Именно агенты из их числа обеспечили успехи советской разведки во Франции в годы холодной войны.

21

Крушение фашистской «Цитадели»

7 мая 1943 года в Государственный комитет обороны из НКГБ СССР за № 136/М было направлено сообщение о полученных резидентом НКГБ в Лондоне агентурных данных относительно немецкого плана наступательной операции «Цитадель» и оценки германским командованием боеготовности советских войск на Курско-Белгородском направлении. В нем говорилось: «Резидентура НКГБ СССР в Лондоне сообщает полученный агентурным путем текст телеграммы, отправленной 25 апреля из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейхса в адрес оперативного отдела верховного командования армии...»

«Полученный агентурным путем текст телеграммы». Каким же образом резидентура НКГБ в Лондоне сумела получить зашифрованный текст телеграммы, с помощью которой переписывались командные подразделения вермахта? Читателю уже известно о существовании в Великобритании агентурной группы советских разведчиков под собирательным названием «кембриджская пятерка», среди которых был и Ким Филби. Эта группа получила такое название потому, что все они в разное время были студентами университета в Кембридже. К славной когорте разведчиков принадлежал и Джон Кернкросс, который в годы войны как человек, хорошо знавший немецкий язык и обладавший математическими способностями, стал сотрудником английской дешифровальной службы Блетчли-Парк.

В печати проходили сведения, что еще в 1938 году польский инженер, работавший ранее на немецком секретном предприятии, выпускавшем шифровальные машины «Энигма», собрал аналог этой машины для англичан. Англичане держали в строжайшем секрете существование «Энигмы», которая давала возможность дешифровать немецкие радиограммы. Одним из дешифровальщиков работал Джон Кернкросс.

Именно он периодически передавал нашей лондонской резидентуре расшифрованные радиограммы. От него и Филби и поступило в резидентуру расшифрованное сообщение о целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием «Цитадель».

После разгрома немецких войск под Сталинградом руководство фашистской Германии предпринимало отчаянные попытки к возвращению стратегической инициативы. С Запада были переброшены наиболее боеспособные войска. Военная промышленность Германии и ее сателлитов, работая по 24 часа в сутки, торопилась произвести тяжелые танки «тигр» и «пантера» с усиленной броней, мощное самоходное орудие «фердинанд». Военно-воздушные силы Германии получили новые самолеты «Фокке-вульф-190-А» и «Хейнкель-129».

К середине апреля гитлеровским командованием и был разработан план наступления на советско-германском фронте. Фашисты избрали для этого Курский выступ, образовавшийся к концу марта 1943 года в ходе зимне-весеннего наступления советских войск и глубоко вдававшийся в расположение немецких армий. Главные удары предполагалось нанести: первый – из района южнее Орла силами группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Г. Клюге и второй – из района севернее Харькова силами группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Манштейна. Направление обоих ударов немецких войск было на Курск.

Вот выдержки из документа немецкого военного командования, переданного в Москву резидентом НКГБ в Лондоне: «Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были еще некоторое время тому назад на северном фланге группы армий «Юг», может быть ясно определена в основном районе будущих операций: Курск–Суджа–Волчанск–Острогожск...» «Для противодействия осуществлению плана «Цитадель», – сообщало немецкое командование, – противник располагает приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород–Курск–Малоархангельск. Наступление частей группы армий «Юг» встретит упорное сопротивление в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной оборонительной зоне с многочисленными зарытыми в землю танками, с артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия обороны будут сосредоточены в главном секторе Белгород–Тамаровка...

В настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник (Советская Армия. – *Прим. авт.*) избежать угрозы окружения путем отхода на восток, которая последует за прорывом основных участков на линии фронта Курск–Белгород–Малоархангельск...

Можно предполагать, что в случае переброски подкреплений в районе севернее фронта группы армий «Юг» и с началом продвиже-

ния стратегических резервов к линии фронта или их слияния в более крупные соединения наступательные действия противника станут более реальными, однако и при этом условии ему не удастся даже предупредить выполнение нами плана "Цитадель"»[1].

Получение этих сведений требовало тщательной проверки. Начальник Генерального штаба А.М. Василевский принял меры по организации разведки противника на участках Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов. Велась усиленная авиационная и войсковая разведка. Центральному штабу партизанского движения было дано задание выяснить наличие и расположение резервов в глубине войск противника, ход перегруппировок и сосредоточения войск, перебрасываемых из Франции, Германии и других стран. И результаты этой работы не замедлили сказаться.

11 мая 1943 года управление контрразведки СМЕРШ Брянского фронта в своей записке в Военный совет фронта сообщало о полученных зафронтовой агентурой данных о концентрации немецких войск в районе Орла. В записке, в частности, говорилось: «Наш зафронтовой агент, перевербованный германской разведкой, дислоцирующейся в районе Орла при штабе 2-й танковой армии, и переброшенный на нашу сторону, сообщил, что он получил от немцев задание после перехода линии фронта осесть в одном из районов Елец–Ефремово или Малиново, где заняться сбором данных о передвижении войск Красной Армии».

Этот же агент сообщил, что в Орел недавно прибыли бронетанковая дивизия «Мертвая голова» и подразделения СС. Причем танки и автомашины тщательно маскировались. 4 мая того же года через Орел прошли большие мотомеханизированные колонны. В этот день жителям города было запрещено появляться на улицах. Кроме того, в г. Орел в последнее время почти ежедневно прибывают железнодорожные эшелоны, груженные боеприпасами, особенно снарядами крупного калибра.

Наконец, 23 июня 1943 года из Четвертого разведывательно-диверсионного управления НКГБ СССР в Разведывательное управление Генштаба Красной Армии поступило следующее сообщение: «По поступившим данным, немцы предполагают начать наступление на Восточном фронте с города Орла в направлении города Елец и в дальнейшем на город Пензу. С городов Курска и Харькова наступление должно развиваться на Воронеж, Белгород и Малоархангельск с задачей окружить и уничтожить группировку наших войск, которые в настоящее время находятся на этом участке фронта.

В район Орла противником стянуто девять армий, из которых половина танковых. В составе танковых армий находятся танки типа «тигр».

На участке фронта от города Великие Луки до города Дорогобужа находятся две армии, одна из них танковая, со штабом в городе Витебске, якобы не боеспособная.

Военная база Восточного фронта, по тем же данным, находится в городе Конотопе. Сведения источником почерпнуты из разговоров офицеров германской фронтовой разведки».

Особенно большую роль сыграли сведения от офицера разведывательного отдела штаба ВВС Центрального фронта Карла Круга. С помощью разведчицы его захватил и переправил в Москву разведывательно-диверсионный отряд П.Г. Лопатина. На допросах Круг заявил, что с 5 апреля немцы стягивают войска в район Орла, откуда будет проведена крупная операция. На Центральном фронте сосредоточено около 1000 боевых самолетов. Штаб ВВС Центрального фронта находится в Орше. Круг сообщил подробные данные о 32 аэродромах немцев на этом фронте (17 действующих и 15 строящихся и число самолетов на них). Частично эти сведения были подтверждены разведчиком П.Г. Алексахиным, специально направленным в Орел.

Кроме того, из отряда Медведева от разведчика Н.И. Кузнецова поступили данные, что немцы под Курском готовятся взять реванш за поражение под Сталинградом.

А 13 июня 1943 года в ГКО были направлены данные о том, что шведский посланник Ассерсон в доверительной беседе с 1-м секретарем английского посольства в Москве сказал: «По достоверным сведениям известно, что немцы силой до 40 дивизий назначили на 3 июля с. г. наступление на Орловском фронте».

2 июля Ставка сообщила командующим Центральным и Воронежским фронтами, что наступления следует ожидать с 3 по 6 июля. И наконец, захваченные во время операции войсковой разведки пленные уточнили, что наступление назначено на 3 часа утра 5 июля. Располагая всей цепочкой данных, Верховное командование Красной Армии приняло решение о преднамеренной обороне с целью измотать силы врага, а затем разгромить его.

На этот раз немецкое командование не сомневалось в успехе. Фашистская пропаганда приняла меры, чтобы поднять дух в войсках, обещая в предстоящих сражениях безусловную победу. Как выяснилось из последующих сообщений разведки, в операции «Цитадель» были задействованы не 40, а 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, до 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков, свыше двух тысяч самолетов (а не одна тысяча). К бою подготовились почти 900 тысяч солдат и офицеров. Подобных битв не знала история человечества.

К этому времени в составе действующей армии СССР было свыше 6,4 млн человек, более 9500 танков, 2200 боевых установок полевой

реактивной артиллерии, почти 8300 боевых самолетов. Значительная их часть скрытно была подведена к местам будущего сражения. В целом количественно и качественно советские войска превосходили противника. Советское Верховное главнокомандование в своих руках, таким образом, имело все необходимое, чтобы решительно и твердо взять в свои руки стратегическую инициативу.

Общее руководство советскими войсками на месте битвы было возложено на маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. Он вспоминал: «Обсуждая в Ставке Верховного Главнокомандования план действий наших войск, мы пришли к выводу о необходимости построить прочную, глубоко эшелонированную оборону на всех важнейших направлениях...»[2]

К словам Г.К. Жукова следует добавить, что на этот раз командование уже не сомневалось в точности данных, предоставленных разведкой. Дело в том, что ранее не все разведывательные сведения учитывались Генштабом в той мере, в какой этого заслуживали. Если данные зафронтовой разведки о концентрации сил гитлеровцев для наступления на Москву (план «Тайфун») были своевременно учтены и сыграли свою роль в разгроме немцев под Москвой, то иначе обстояли дела со сведениями о продвижениях противника в кампаниях 1942 года.

Верховному командованию в 1941–1942 годах разведка неоднократно сообщала о том, что с крушением планов захвата Москвы и Ленинграда основным направлением гитлеровского наступления станет южное. В одном из последних донесений Шульце-Бойзена («Старшина»), переданном в Москву, говорилось, что весной 1942 года противник устремится к Кавказу. Целью было отрезать юг от России, от кавказской нефти, и в случае удачи, развернуть фронт на север – к Москве. Чтобы скрыть южное направление удара в летней кампании 1942 года, немцы разработали специальную дезинформационную директиву «Кремль» и на ее основе издали «Приказ о наступлении на Москву», подписанный 29 мая 1942 года командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом Клюге.

Велась демонстративная аэрофотосъемка Москвы и окрестностей, планы Москвы и городов на пути к столице были размножены и разосланы до полков. Это была весьма умная и продуманная акция, рассчитанная на то, что сработает стереотип мышления, согласно которому для немцев главным является реванш за поражение под Москвой и для Гитлера взятие Москвы видится как кратчайший путь к победе.

Внешняя разведка немало поработала, чтобы выявить действительные намерения врага.

Были сопоставлены данные из Румынии о том, что через страну освобождается путь для нескольких сот германских военных поездов, направляющихся на юг России. Аналогичные сведения поступили

в марте 1942 года от представителей чешской разведки в Лондоне, а в конце марта – 23-го – из Софии, от японского военного атташе Таташи, которому его немецкий коллега сообщил, что главный удар грядущим летом будет нанесен на юге с задачей прорваться к Сталинграду и через Ростов – на Северный Кавказ, а оттуда – к Каспийскому морю. Немцы остро нуждались в нефти и одновременно хотели отрезать к ней пути у Советской Армии.

В начале апреля эти сведения подтвердились сообщениями из Стамбула и Болгарии, затем от связей из польской разведки в Лондоне. Лондонская резидентура при этом предупреждала, что наступления следует ожидать во второй половине мая. Резидентура из Стокгольма уточняла, что наступление на Южном фронте начнется в десятых числах июня.

Вопреки всем этим данным Верховное командование пришло к убеждению, что основное наступление немцев будет на Москву. Ошибку откровенно признал маршал Советского Союза А. Василевский, который в книге «Дело всей жизни» писал: «Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены»[3].

Недооценка точных данных разведки – с этим можно встретиться в практике отношений секретных служб с руководством не только в нашей стране. На этот раз, однако, так же, как и с оценкой сообщений о начале войны, которые были восприняты лишь в последний момент, цена ошибки была весьма высокой. И хотя в ходе Сталинградского сражения Верховному Главнокомандованию удалось нанести врагу тягчайшее, историческое поражение, потери были велики. Прорывы к Волге и на Северный Кавказ были ликвидированы с огромным напряжением сил. Все это было учтено в преддверии Курско-Белгородского сражения.

«В этот ответственный момент, – писал А. Василевский, – советское командование предъявляло особые требования к органам разведки. И нужно сказать, она была на высоте и неплохо помогала нам. Как ни стремился враг держать в тайне планы своего наступления, как ни отвлекал внимание советской разведки от районов сосредоточения основных своих ударных группировок, нашей разведке удалось не только определить общий замысел врага на летний период 1943 года, направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но и установить время начала фашистского наступления»[4].

Основываясь на данных войсковой разведки и на показаниях пленных, наши войска, не ожидая артподготовки, опередили врага и сами начали контрартподготовку в 2 часа 20 минут. Как вспоминает Г.К. Жуков: «Все кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот – началось величайшее сражение в районе Курской дуги. В этой адской «симфонии» звуков словно слились воедино удары тяжелой

артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов.

Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой не более чем в 20 км. Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникала страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрартподготовки. Застигнутые врасплох вражеские солдаты и офицеры наверняка уткнулись носом в землю, лишь бы скрыться от ужасающей силы разрывов бомб, снарядов и мин...»[5]

В ходе развернувшегося сражения план советского командования был успешно реализован. Обескровив ударные группировки врага в оборонительном сражении и создав этим благоприятные условия, Красная Армия перешла в контрнаступление, а затем и в общее стратегическое наступление.

Курская битва в период с 5 июля по 23 августа 1943 года закончилась полной победой Красной Армий, разбившей 30 отборных немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Эти дивизии потеряли больше половины своего личного состава. В историю мировых войн красной строкой вошла беспрецедентная танковая битва на Прохоровском поле возле Курска.

В наступление, а не к обороне, как рассчитывало немецкое командование, перешли войска Центрального (командующий – генерал армии К.К. Рокоссовский) и Воронежского (командующий – генерал армии Н.Ф. Ватутин) фронтов, тем самым сломав немецкую стратегическую инициативу. Вслед за ними в наступление перешли войска Степного (командующий – генерал-полковник И.С. Конев), Западного (командующий – генерал-полковник В.Д. Соколовский), Брянского (командующий – генерал-полковник М.М. Попов) и Юго-Западного (командующий – генерал армии Р.Я. Малиновский) фронтов, освободив города Орел, Белгород и Харьков.

Курская битва ознаменовала собой завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, начало которому было положено в битве на Волге. В Москве прозвучали первые победные салюты. Красная Армия окончательно закрепила за собой стратегическую инициативу. Немецкое командование было вынуждено отказаться от наступательной стратегии и перейти к обороне на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Теперь можно понять, почему Ким Филби, в последние годы живший в Советском Союзе и издавший в 1980 году свою книгу «Моя тайная война», приятно волновался, когда речь заходила о Курской битве, победа в которой Красной Армии означала ожидаемую, но теперь уже несомненную, окончательную победу Советского Союза и его союзников над коричневой чумой, охватившей почти половину земного шара.

Сведения из Лондона, слаженная работа закордонных разведчиков и тех, кто участвовал в партизанской борьбе, помогли выиграть величайшую битву всех времен, спасли сотни тысяч жизней советских воинов.

---

[1] Текст телеграммы о дислокации и передислокации советских войск приводится в сокращении, из архива СВР.

[2] **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления. – М., 1970. – С. 440.

[3] **Василевский А.М.** Дело всей жизни. – М., 1973. – С. 185.

[4] Там же. – С. 316.

[5] **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления. – С. 458.

22

Связная Джипси – «Цыганочка»

Трудно переоценить значение связи в разведке. Есть возможность передать «кому надо» с трудом добытые сведения – хорошо. Нет? Пропала проделанная работа. Это знали еще древние. Поэтому на протяжении веков изобретались тысячи остроумных способов, как обмануть или лучше перехитрить своих отнюдь не самых глупых противников. Секретная информация пересылалась с помощью почтовых голубей, перевозилась в желудках специальных курьеров, сообщалась адресату между строк обыкновенного письма с помощью невидимых чернил.

Но по мере усложнения разведывательных задач, увеличения объемов и веса секретной информации (особенно научно-технической) помощь почтовых голубей стала явно недостаточной. Не всегда выручали и «тайниковые операции», когда секретные материалы или пачки денежных купюр для агента какое-то время находились вне контроля разведчика, заложившего тайник. Радиосвязь, несмотря на ее постоянное совершенствование, тоже иногда была далека от идеала, поскольку эфир мог прослушиваться, а передатчик – пеленговаться. А дешифровка сообщений шифрпереписки не была непреодолимым препятствием.

В этих условиях наиболее предпочтительной формой конспиративной связи стало использование связника-курьера. Это давало наибольший эффект, ибо только человек с его эмоциями и талантами, мужеством и самообладанием, твердостью и преданностью идее способен делать для разведки то, чего никак нельзя было достигнуть другими способами. Сегодня речь пойдет о спецкурьере разведки, которая работала на советскую внешнюю разведку, подвергая себя огромной опасности и риску. Звали ее Китти Харрис.

Родилась она в Лондоне, в семье выходцев из России. Когда ей было восемь лет, переехали в Канаду. Отец-сапожник не мог содержать большую семью. Не окончив даже начальной школы, в тринад-

цать лет Китти пошла работать на табачную фабрику. Боевая, смелая, бойкая на язык, черноглазая, она была настоящей «фабричной девчонкой» и напоминала друзьям героиню оперы «Кармен», тоже работницу табачной фабрики. Они дали ей кличку Джипси – цыганочка, не подозревая, что годы спустя эта кличка станет ее боевым псевдонимом и сохранится в анналах советской разведки.

Когда из далекой России пришли вести о революции, о том, что там партия большевиков взяла власть под лозунгами «Фабрики – рабочим, землю – крестьянам, мир – народам», она вслед за своими товарищами вступила в революционное движение.

Живя в Канаде, а затем переехав в США, Китти Харрис активно участвовала в профсоюзной, а став членом компартии, – ив партийной работе. В 1928–1929 годах по заданию Коминтерна со своим мужем, американским коммунистом Э. Браудером находилась в Шанхае в качестве связной Тихоокеанского профсоюзного центра.

Профсоюзное движение в странах Юго-Восточной Азии только зарождалось, и колониальные власти всячески преследовали активистов, вплоть до физической расправы с ними. Китти не раз подвергала опасности свою жизнь, перевозя документы, деньги для поддержки молодых местных профсоюзов и партийную литературу в Гонконг, Батавию, Манилу и другие города тихоокеанского бассейна. Здесь, встречаясь с подпольщиками, она получила первые навыки нелегальной деятельности.

В 1929 году Китти вернулась в Нью-Йорк, а в 1931 году советским разведчиком Эйнгорном была привлечена к разведывательной работе. К этому времени она уже рассталась со своим мужем. Первым местом ее назначения стала Германия, где ей довелось работать с такими опытными разведчиками, как Берман, Парпаров, Зарубин и другие (всего в ее деле перечисляется свыше сорока оперативных сотрудников и двадцать четыре агента, с которыми она работала в течение шестнадцати лет).

Она постоянно перевозила с места на место почту, попадание которой, не дай бог, в чужие руки, неминуемо влекло за собой фатальные последствия. А такая опасность «письмоносице»-разведчице грозила довольно часто. Вот несколько эпизодов из тревожных будней Китти Харрис.

Осенью 1935 года Китти с американским паспортом на чужое имя пересекала из Германии французскую границу в Страсбурге. Молодой пограничник, только что любовавшийся стройной фигуркой моложавой американки, с вежливой улыбкой попросил у дамы паспорт. Китти спокойно протянула документ таможеннику и, поставив дорожный чемодан на столик, начала поправлять выбившийся из-под шляпки локон. Пограничник подозрительно долго рассматривал ее паспорт, поглядывая то на владелицу документа, то на записи, сделанные в нем.

– Что-нибудь не так, господин офицер? – поинтересовалась похолодевшая от грозящей опасности Китти. Она везла из Германии в парижскую резидентуру чертежи генератора по получению синтезированного бензина из каменного угля и крупную сумму в американских долларах. Из Парижа материалы должны были следовать диппочтой в Москву.

– Напротив, милая госпожа. Все как нельзя лучше! Вот только вашему родному Чикаго не повезло. Он явно сбился с дороги. Я еще со школьной скамьи помню, что он находится в штате Иллинойс, а у вас он почему-то обозначен в штате Индиана...

Прошла какая-то доля секунды и, расплывшись в улыбке, Китти нежно проворковала:

– Правильно, господин офицер. Ваша учительница может гордиться вами. Но даже она не обязательно должна помнить, что у нас в Штатах есть несколько Чикаго, – наобум ответила Китти. – И один из них – мой родной. Тот, кстати, что в штате Индиана.

Наметанный глаз таможенника блеснул доброжелательной хитринкой:

– У меня сегодня день рождения, милая леди, и я не собираюсь с вами спорить. Прошу вас, возьмите свой фальшивый паспорт и верните его тем, кто вам его продал. И пусть они обязательно вернут вам деньги... Не забудете?

В Москве еще потом долго выясняли, по какой такой причине «родной» город Китти оказался совсем не в том месте, где следовало бы.

Обстановка в Германии и вокруг нее в те годы была очень тревожной. В этих условиях Китти много раз пересекала границы сопредельных государств, перевозя разведывательную информацию и документы. Курьер Китти использовала все средства камуфляжа, чтобы замаскировать свою «почту» и не вызвать при этом подозрений таможенников и полиции. Ее потертый, невзрачный чемодан с двойным дном, обклеенный рекламой дешевых отелей, ни у кого не должен был вызывать никаких эмоций. И не вызывал – до поры до времени.

За несколько лет до захвата нацистами Чехословакии Китти приехала в Прагу для встречи с ценным источником советской внешней разведки. Агент жил за городом, и проблем с проверкой на маршруте у Китти не было. Долго ехала на трамвае, некоторое время шла пешком, затем на автобусе и снова пешком. И все это время замечала, что ее кто-то сопровождает. Женщина прибавила шагу и, зайдя в один из ближайших магазинов, попросила хозяина:

– Меня преследует какой-то мужчина. Я приличная женщина. Возвращаюсь из Карлсбада, дома меня ждет муж, дети, а этот подозрительный тип... Я боюсь его. Помогите мне от него избавиться.

– Фрау, вы попали ко мне очень удачно. В моей мясной лавке есть второй выход на соседнюю улицу. Вот в эту дверь, пожалуйста. А если этот негодяй заглянет сюда, я с ним поговорю как следует...

Мясник, по-видимому, сдержал свое слово, и Китти отделалась от подозрительного преследователя. Она поймала такси и с частыми пересадками благополучно добралась до квартиры агента.

За время своей работы на советскую внешнюю разведку Китти несколько раз приезжала в Москву, чтобы отдохнуть на курорте и пополнить свои знания в разведывательном ремесле. Ее обучали фотоделу, радиотехнике. Кстати, искусству радиосвязи Китти Харрис обучал известный советский разведчик-нелегал, прославившийся много лет спустя на весь мир под именем полковника Рудольфа Ивановича Абеля. Китти, естественно, знала его тогда совсем под другим именем. Но объективных данных для дальнейшей серьезной учебы было маловато. Наука давалась ей с большим трудом: она едва могла выполнять математические расчеты. И хотя Китти свободно говорила на четырех европейских языках, ее познания в науках оставляли желать много лучшего. Китти имела лишь начальное образование, какое только могла получить в Канаде дочь простого сапожника.

Помимо Франции и Чехословакии, ей пришлось выезжать в Данию и Швецию, где она встречалась с ценными агентами. Одним из них был Антон Вольвебер – ветеран германского революционного движения, бывший моряк-подводник, один из руководителей кильского восстания немецких моряков в ноябре 1918 года. После прихода Гитлера к власти Вольвебер был вынужден выехать в Скандинавию. Ему удалось создать агентурную сеть в странах бассейна Балтийского моря на случай войны с фашистской Германией.

Не только обязанности связника выполняла Китти в Германии. Она работала с таким источником информации по линии научно-технической разведки, как «Наследство», сотрудник фирмы «Бамаг». Простое перечисление полученных от него на первом этапе работы материалов свидетельствует об их значимости: проекты заводских установок по производству разных видов селитры, жиров и т.п.

Время от времени в Центре возникал вопрос, как лучше и продуктивнее использовать личные качества и особенности жизненного опыта Китти. Не всю же жизнь ей быть курьером и проводить время в дороге, пересаживаясь с поезда на поезд, с самолета на самолет, рассуждали на Лубянке.

– Может быть, начнем постепенно приучать нашу «Цыганочку» к оседлому образу жизни? – рассуждал начальник внешней разведки, беседуя с руководителем отдела англо-американских стран.

Китти Харрис получила направление в нелегальную парижскую резидентуру, где некоторое время одновременно с известным разведчиком Дмитрием Быстролётовым работала под руководством Теодора Малли. Затем, в связи с переводом Малли в Лондон, Китти Харрис также переезжает туда.

Здесь наступает «звездный час» ее разведывательной деятельности. Руководителем ее в Лондоне стал известный разведчик Арнольд Дейч.

Созданная в середине 30-х годов в Лондоне знаменитая «кембриджская пятерка» советской внешней разведки нуждалась в надежной связи. «Цыганочка» была тем человеком, который мог успешно совмещать и роль хозяйки конспиративной квартиры и амплуа связной-путешественницы.

Прошло немного времени, и резидент советской разведки в Лондоне начал сообщать каждому из членов «пятерки» магические три слова: «Связь через “Цыганочку”».

Китти Харрис сняла в центре города благоустроенную, «среднебуржуазную» квартиру для одинокой женщины и, не вызывая никаких подозрений у соседей и полиции, начала встречаться с «симпатичными, добропорядочными молодыми мужчинами». Чаще других в гостях у Китти Харрис стал бывать Дональд Маклин. Дональд работал в министерстве иностранных дел Великобритании и каждый раз, уходя с работы, брал с собой в объемистом портфеле секретные материалы дня последующей передачи их в Москву. Дональд отправлялся на квартиру к Китти, и они вдвоем фотографировали принесенные документы на пленку. Утром Дональд возвращал документы на место, а Кигти конспиративно встречалась с резидентом и передавала ему непроявленную пленку в кассете.

Понятно, что Маклину далеко не всегда удавалось беспрепятственно вынести секретные документы из министерства. Тогда процедура получения информации несколько менялась. Дональд прочитывал у себя в кабинете нужный документ, запоминал основные его положения и вечером, приходя к Китти «на чашку чая», пересказывал его содержание. Утром советский резидент ни в чем не мог упрекнуть ни Дональда, ни Китти. У них обоих была превосходная память...

Играя роль влюбленных, молодые люди очень скоро настолько увлеклись ею, что оперативная легенда стала романтической былью.

Когда о близкой связи Дональда и Китти доложили руководителю внешней разведки, он заметил:

– А почему бы и нет? И слава богу! Нашему делу это никак не повредит. А как вы думаете?

Как говорится, все имеет свое начало и, разумеется, свой конец. Роман Дональда с Китти окончился буквально накануне Второй мировой войны. Дональд встретил в Париже американку, на которой женился. К этому времени материалы, переданные Маклином советской внешней разведке, главным образом через «Цыганочку», составили в архиве советской разведки около 40 коробок, каждая из которых содержала примерно 300–350 страниц строго секретной документации.

22 июня 1941 года «Цыганочка» встретила в Москве. В тот же день она написала руководителю разведки личное послание. Вот строки из этого эмоционального документа: «Я требую немедленного привлечения меня к работе. Я могу идти радисткой на фронт, могу

шить гимнастерки солдатам, наконец, имея большой опыт нелегальной работы, не боюсь идти в тыл врага».

Руководство разведки незамедлительно рассмотрело заявление Китти Харрис, и вердикт был лаконичен: «Такими людьми, как «Цыганочка», разбрасываться нельзя. Это – золотой фонд советской разведки...»

Уже в ноябре 1941 года советский нефтеналивной танкер взял курс из Владивостока в Сан-Франциско. На борту судна была только одна женщина – Китти Харрис. Она плыла в Мексику, а попасть в эту страну можно было только из США. До нападения японцев на военно-морскую базу США Перл-Харбор оставались буквально считанные часы. Война была на пороге. Но путешествие прошло спокойно.

Мехико встретил «Цыганочку» 30-градусной жарой, автомобильным перегаром и непомерным объемом оперативной работы. Курьер, шифровальщица, оперативный работник и десятки других обязанностей возложил на нее резидент. Другого выхода не было. Он и сам вертелся в делах, как белка в колесе. Китти трудилась днем и ночью. Именно в ночные, нежаркие часы советская разведчица встречалась с видным мексиканским политическим деятелем, который симпатизировал Советскому Союзу и его героической борьбе с нацизмом. Китти получала от него политическую и разведывательную информацию, рассказывала ему о положении дел на советско-германском фронте. Утром Китти снова приступала к работе, а ее ночной собеседник просил слова в Национальном конгрессе и призывал народ Мексики оказывать посильную помощь Советскому Союзу.

Работа на износ, тяжелый тропический климат высокогорья сделали свое дело. Китти начала болеть, и в конце концов резидент поставил перед Центром вопрос о ее возвращении в Советский Союз. Центр согласился, и в июле 1946 года Москва букетами цветов и объятиями друзей-коллег по работе встречала героическую «Цыганочку». Первые ее слова на ломаном русском языке были: «Как устроить так, чтобы я стала гражданкой СССР?»

Хотя к этому времени Китти уже девять лет – с декабря 1937 года – являлась гражданкой Советского Союза, документы об этом где-то затерялись, и ей пришлось вторично подавать заявление в Президиум Верховного Совета СССР о приеме в советское гражданство. Вновь советской гражданкой она стала только в июне 1947 года.

На постоянное местожительство она была направлена из Москвы в Ригу, где прожила несколько лет. К сожалению, слабое знание русского (только на бытовом уровне) и полное незнание латышского языков не позволили ей закрепиться на преподавательской работе (семинары по разговорному английскому). Возможно, что причиной здесь было и то, что она не нашла общего языка с коллегами, соседями и знакомыми. Некоторые считали ее «нежелательной иностран-

кой», другие, особенно из числа националистов, чересчур просоветски настроенной.

Действительно, попав после многих лет бурной, полной опасностей жизни в тихое мещанское окружение, Китти с трудом привыкала к новому образу существования, в спорах яростно защищала социалистический строй, политику партии, требовала, чтобы ей позволили вернуться к активной работе, в противном случае угрожала «обратиться в ЦК».

Видимо, ее настойчивость пришлась кому-то не по душе, и в конце 1951 года она была арестована. К сожалению, руководство разведки, которое к этому времени несколько раз сменилось, не выступило в ее защиту. Никаких традиционных обвинений ни в шпионаже, ни в измене Родине ей предъявить не смогли, и она около двух лет содержалась сначала в тюрьме, а затем в тюремной больнице как «социально опасный элемент» по ст. 7-35 УК РСФСР.

В 1953 году эта статья была отменена. Но освобождение последовало не сразу – лишь после прямого указания на ее счет со стороны Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева на письме министра внутренних дел Круглова в их адрес.

С 1954 года Китти Харрис жила в Горьком, где ей были предоставлены интересная работа, хорошая квартира и достойная пенсия, ежегодные путевки в санатории и дома отдыха.

Прошли годы, десятилетия. Уже давно нет среди нас Китти Харрис. Полный нелегких испытаний путь завершился в 1966 году. Осталась добрая и благодарная память о скромной труженице «переднего края». Во время похорон у гроба Харрис стоял почетный караул, а на венке было начертано: «Славному патриоту Родины от товарищей по работе».

23

За кулисами операции «Оверлорд»

Одной из острейших проблем в годы Второй мировой войны являлся вопрос об открытии союзниками СССР второго фронта в Европе.

Какие соображения заставляли Англию и США вопреки неоднократным обещаниям откладывать сроки высадки своих войск на Европейском континенте? Об операции «Оверлорд» снято немало эффектных фильмов, после просмотра которых нынешние поколения, особенно на Западе, почти убеждены, что настоящее освобождение Европы от гитлеровской оккупации стало возможным только благодаря десантированию союзников в Нормандии 6 июня 1944 года. Но до этого Красная Армия в течение трех лет фактически одна вела титаническую борьбу с гитлеровским нашествием. И все это время руководство страны, Генеральный штаб должны были трезво оценивать обстановку, какой бы драматической она ни становилась, и твердо знать, в какой мере и на какую реальную и столь необходимую нашей стране помощь союзников можно рассчитывать.

Ответы на эти вопросы должна была дать советская внешняя разведка, вся работа которой подчинялась решению главной задачи – своевременно обеспечивать Государственный комитет обороны достоверной информацией и тем самым помочь выстоять и разгромить агрессора.

Основные надежды руководство разведки возлагало на лондонскую резидентуру, которая была ослаблена репрессиями 1937–1938 годов. С осени 1938 по март 1940 года в Лондоне оставался только один оперативный работник – помощник резидента Горский Анатолий Вениаминович. В органах НКВД он начал работать в 1928 году в Особом отделе экономического управления ГПУ. В 1936 году был переведен во внешнюю разведку и направлен на оперативную работу в лондонскую резидентуру. Оставаясь единственным представителем

разведки, А.В. Горский поддерживал связь с 14 ценными агентами, в том числе с известной «кембриджской пятеркой». Напряженную работу с агентурой ему приходилось совмещать с работой переводчика и аналитика, шифровальщика, машинистки и фотографа, рядом других обязанностей.

В феврале 1940 года по указанию Берии резидентура в Лондоне была закрыта, и А.В. Горский был отозван в Москву. Основанием для этого послужили надуманные выводы некоторых работников Центра о том, что вся агентура была известна бывшим сотрудникам разведки, разоблаченным как «иностранные шпионы», и поэтому поступившую от нее информацию следует рассматривать как дезинформационную акцию англичан.

По прибытии в Москву А.В. Горский сумел убедительно доказать несостоятельность подозрений в отношении находившихся у него на связи агентов. Достоверность поступавшей от агентуры информации подтвердилась развитием событий в мире, который втягивался во Вторую мировую войну.

В ноябре 1940 года А.В. Горский был направлен в Лондон в качестве резидента, получив согласие на работу с бывшей у него на связи агентурой. В декабре 1940 года Горский восстановил связь с вернувшимся из Франции Кимом Филби, Дональдом Маклином и Энтони Блантом, а также с Гаем Берджессом и Джоном Кернкроссом. Встречи с этими и другими агентами убедили Горского в том, что это не только надежные люди, но что у многих из них расширились возможности по добыче ценной информации, как говорится, прямо из первых рук.

После прибытия Горского в Лондон в Центр стала регулярно поступать документальная информация, раскрывающая содержание переписки МИД Англии со своими посольствами в Москве, Вашингтоне, Канаде, Турции, Иране, Японии и других странах, еженедельные сборники разведки (СИС), материалы заседаний военного кабинета, сведения об английских акциях на Балканах и Ближнем Востоке, о контрразведывательной обстановке вокруг советского посольства и по другим вопросам.

Нетрудно представить, в каком режиме приходилось работать Горскому, если учесть, что почти ежедневно приходилось проводить встречи с двумя-тремя агентами, успеть обработать полученную информацию, чтобы направить ее в Москву. Большая часть информации ввиду ее важности докладывалась в ГКО Сталину, Молотову и Берии.

Вскоре в помощь Горскому Центр направил двух оперативных работников – Владимира Борисовича Барковского и Павла Дмитриевича Ерзина. Барковский изначально был ориентирован на получение информации по научно-технической проблематике и прежде всего по научным и прикладным работам в области создания ядерно-

го оружия. Его самоотверженная работа неоднократно отмечалась государственными наградами СССР, а в 1996 году ему присвоено высокое звание Героя России. П.Д. Ерзин занимался обеспечением безопасности советского посольства.

В сентябре 1941 года в Лондон прибыл Борис Михайлович Крешин, который после вхождения в обстановку и изучения города принял от Горского часть агентуры, в том числе с лета 1942 года начал работать с Кимом Филби.

В преддверии нападения Германии на СССР 10 мая 1941 года в Англию прилетел заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, а 14 мая из Лондона поступила полученная от Кима Филби первичная информация о столь неординарном «визите». По запросу Центра Филби к 18 мая добыл дополнительную информацию о том, что Гесс предложил англичанам не мешать Германии одержать быструю победу над Советским Союзом, а самим сменить правительство, поставив у руля вместо Черчилля прогермански настроенных деятелей. В случае принятия предложений Гитлера и соответственно победы Германии в войне с СССР Англия и США воспользуются плодами этой сделки. (Характерно, что англичане до сих пор категорически возражают против рассекречивания до 2016 года документов, касающихся контактов с интернированным ими Гессом.) Через 40 с небольшим дней после полета Гесса Гитлер напал на СССР. Правительства Англии и США выступили в поддержку борьбы советского народа и заявили, что окажут нашей стране всемерную помощь.

В развитие этого положения 18 июля 1941 года Сталин в своем письме к Черчиллю поставил вопрос об открытии второго фронта в Европе. С этого момента вопрос о втором фронте стал одним из самых главных в межсоюзнических отношениях вплоть до его открытия в 1944 году.

Для Сталина не явилось какой-либо неожиданностью отрицательное отношение Черчилля к его предложению. Такая позиция правительства Англии обуславливалась явным неверием английских правящих кругов в способность Советского Союза устоять против мощного наступления гитлеровских войск.

Черчилль нервничал. Падение Франции и полный контроль Гитлера над большей частью Европейского континента не могли не потрясти англичан. Гитлер грозил операцией «Морской лев» – высадкой в Англии. С другой стороны, британская разведка прогнозировала поражение русских. Мысли лондонского правительства обращались к перспективе близкого поражения СССР и мерам Англии в этой связи. Советская разведка перехватила и доложила Сталину и Молотову телеграмму Идена своему послу в Москве Криппсу от 30 июня 1941 года. В ней рекомендовалось незамедлительно поставить перед советским правительством вопрос об открытии английских консульств в Баку, Астрахани, Тбилиси и Новосибирске. Имелось в виду

наладить там срочно разведывательную работу и в случае необходимости подготовить диверсии на советских военных объектах, чтобы они не достались немцам.

23 августа 1941 года разведка направила Сталину полученные из Лондона оценки тогдашней ситуации бывшего в 1916–1922 годах премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджа. Сообщение о доверительной беседе Ллойд Джорджа звучит так: «Оттягивая на себя почти всю германскую армию, СССР, так же как Россия в прошлую войну, опять спасает Англию. Англия по существу ничего не делает для помощи СССР. Она должна была бы послать в СССР как можно больше своих истребителей и переключить на СССР американские поставки. Он крайне разочарован результатами встречи Черчилля с Рузвельтом. Их совместная декларация представляет собой повторение всех давно известных истин. Англичане ничего не делают для образования сухопутного западного фронта на континенте. Между тем, если бы попытки по созданию второго фронта и не были бы успешны, все равно они способствовали бы ослаблению давления на Красную Армию.

По его мнению, Украина будет потеряна, после чего немцы осенью через Турцию предпримут наступление на Кавказ для захвата нефтепромыслов. Исход всей войны сейчас зависит от СССР».

4 сентября 1941 года английский посол в СССР Криппс направил в свой МИД шифртелеграмму о полученном через заместителя наркома иностранных дел СССР Вышинского ответе Сталина на послание Черчилля со своими комментариями: «Характеризуя положение, создавшееся в результате нашей неспособности сделать что-либо для отвлечения германских войск с восточного фронта, документ показывает, что если мы сейчас, в этот последний момент, не сделаем сверхчеловеческого усилия, всякая ценность русского фронта будет для нас потеряна если не навсегда, то по меньшей мере на длительный период.

К сожалению, мы, очевидно, расцениваем русско-германскую войну как фактор, за который мы не несем ответственности. Мы относимся к ней как к войне, в которой мы хотели бы как-нибудь помочь русским без особого риска для наших позиций. Я уже пытался обратить Ваше внимание, насколько существенно было бы сделать все от нас зависящее для помощи России, если мы хотим сохранить эффективность этого фронта. Опасаюсь, что уже сейчас почти поздно помочь, если мы не приложим максимум усилий для последней попытки спасти положение. Из ответа Сталина Вам будет ясно, насколько ухудшилось положение со снабжением военными материалами за последние три недели. Задача поставок необходимого снаряжения сейчас значительно усложнилась и по объему, и по трудностям. Если мы вообще намерены предпринять что-либо эффективное, то вопрос об очень большой и немедленной помощи необходимо рассмо-

треть сейчас же, ибо иначе у меня возникнут сомнения, стоит ли вообще что-либо делать в этом направлении.

Я думаю, что при условии известной немедленной военной помощи и поставки большого количества снаряжения война здесь может быть еще продолжена, что даст возможность нашей стране избежать жесточайших боев этой зимой».

5 сентября 1941 года Черчилль срочно направил Крипису телеграмму, в которой послу дается установка, какую позицию ему необходимо занимать относительно открытия второго фронта: «...если бы была возможна какая-либо успешная диверсия на французском, голландском или бельгийском берегах, мы пошли бы на нее даже при условии, если бы пришлось заплатить за это самую высокую цену. Все наши генералы убеждены, что единственным результатом будет тяжелое поражение для нас... Все, что мы сделали или делаем, не может отразиться на исходе борьбы на восточном фронте... Условия сейчас значительно хуже.., а наша военная мощь слабее. Обстановка на Западе была бы совершенно иной, если бы сейчас существовал французский фронт... Все, что мы делаем или могли бы сделать, не может иметь какого-либо эффекта на колоссальнейшее сражение, происходящее на русском фронте. Однако мы пока еще можем предпринять соответствующие меры к подготовке кампании 1942 года».

Телеграммы Криппса и ответ ему Черчилля разведка доложила Сталину и Молотову.

В октябре 1941 года лондонская резидентура информировала Центр, что находившийся в октябре на Московской конференции вместе с представителем Рузвельта Гарриманом лорд Бивербрук, министр снабжения, по возвращении в Лондон представил военному кабинету доклад о результатах конференции трех держав в Москве. В этом докладе Бивербрук высказался за немедленное открытие англичанами второго фронта. Однако никто из членов кабинета не был намерен поддерживать предложение Бивербрука, так как против этого категорически возражал Черчилль. Ссылаясь на беседу с генерал-казначеем министерства финансов Англии лордом Хэнки, наш источник сообщил, что в правительстве назревает серьезный политический кризис, главным образом из-за отрицательного отношения Черчилля к вопросу об открытии второго фронта.

По полученным данным, против предложений Бивербрука возражал не только кабинет консерваторов, но и лейбористы.

7 ноября 1941 года разведка направила в ГКО полный текст меморандума Бивербрука «Помощь России» от 19 октября 1941 года, разосланный Комитетом обороны при военном кабинете министрам для ознакомления: «С момента начала немецкой кампании против России наши военные руководители со всей последовательностью показали свое нерасположение к проведению каких-либо наступательных операций. Наше продвижение в Персии было малозначащей

и превентивной операцией, при выполнении которой с нашей стороны участвовало вчетверо меньше войск, чем со стороны русских.

Единственными другими действиями, предпринятыми нами, были бомбардировки Западной Германии и налеты истребительной авиации на территорию Франции, которые не принесли никакой помощи России и не оказали никакого влияния на положение Германии в настоящем кризисе, хотя при выполнении этих операций мы потеряли много хороших летчиков. Наша стратегия до сих пор базируется на принципе затяжной войны и совершенно слепа к требованиям и возможностям момента. До сих пор не было сделано ни одной попытки принять во внимание новый фактор, внесенный русским сопротивлением.

На сегодня имеется только одна проблема – как помочь России. Тем не менее наши начальники штабов довольствуются рассуждениями о том, что ничего не может быть сделано по этому вопросу. Они только говорят о трудностях, но не делают никаких предложений для их преодоления. Утверждение о том, что мы ничего не можем сделать для России, является чепухой. Сопротивление русских дает нам новые возможности. Оно, вероятно, оголило Западную Европу от германских войск и прекратило в данный момент агрессивные действия стран «оси» на других театрах возможных военных действий. Оно открыло для высадки британских войск береговую линию в 2000 миль.

Однако немцы продолжают безнаказанно перебрасывать свои дивизии на восток. Восстания в оккупированных странах рассматриваются преждевременными и даже осуждаются, если они вспыхивают, потому что мы не готовы использовать представленные ими возможности.

Если мы не поможем русским теперь, то Россия может изнемочь в борьбе и Гитлер, освобожденный наконец от своих беспокойств на востоке, сконцентрирует против нас на западе все свои силы.

Немцы не будут ждать, пока мы будем готовы. Было бы безрассудством с нашей стороны ждать теперь, и мы должны нанести удар, пока еще не слишком поздно».

Последовал разгром немцев под Москвой в декабре 1941 года. В том же месяце японцы напали на США. Это стало менять обстановку. С одной стороны, уменьшалось японское давление на Дальнем Востоке. Усиливалась база для координации действий союзников против Берлина и Токио. Тем более, что 4 февраля 1942 года лондонская резидентура направила сообщение о том, что, по полученным английской контрразведкой надежным данным из германского генштаба, русское наступление под Москвой явилось полной неожиданностью для немцев и высшие генералы вермахта считают, что нанести России полное поражение невозможно. «Вторжение в Великобританию отложено на неопределенное время и, возможно, вообще не состоится».

Эти изменения улавливали сами союзники. После разгрома немцев под Москвой посол Англии Криппс в беседе со шведским посланником говорил: «Откровенно говоря, Россия одна, без всякой помощи успешно сражается с немцами. Наша помощь ей ничтожна. Они построили свою индустрию в 10 раз быстрее, чем мы».

Но война только разворачивалась. С огромными трудностями часть советской промышленности была перебазирована на Урал и в Сибирь. Исключать нападения Японии не приходилось. Второй фронт был очень необходим. И в этих условиях появилась первая ласточка.

В Лондон и Вашингтон была направлена делегация во главе с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым дпя проведения переговоров об открытии второго фронта. В результате больших усилий удалось добиться подписания сначала советско-американского коммюнике, в котором указывалось, что «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». Затем английское правительство вынуждено было присоединиться к этому заявлению и повторило в советско-английском коммюнике в точности эту формулировку.

Внешняя разведка докладывала руководству страны о том, что действительная позиция США по вопросу об открытии второго фронта в Европе отличается от заявлений Рузвельта на встречах с советскими представителями. 8 июля 1942 года она доложила в Государственный комитет обороны СССР копию секретного доклада руководителя управления стратегических служб США (позже преобразовано в ЦРУ) Донована на совещании сотрудников американского посольства в Англии, на котором он выступил с разъяснениями позиции США по вопросу об открытии второго фронта в Европе. «Открытие второго фронта на континенте этим летом, – говорил Донован, – с военной точки зрения является нецелесообразным». Он обосновывал это якобы нехваткой резервов и недостаточным временем для их подготовки. Одновременно он обратил внимание на то, что Япония держала на границе с СССР до 30 дивизий и, возможно, «японское нападение на СССР будет совершено до конца лета». Предполагалось посмотреть, что будет, а потом уже решать вопрос об оказании военной помощи СССР.

12 июля 1942 года внешняя разведка доложила руководству страны данные о результатах переговоров Черчилля и Рузвельта в Вашингтоне. В сообщении говорилось, что Рузвельт и Черчилль договорились о том, чтобы основные операции США и Англии против стран «оси» проводились в Северной Африке. «Пока тут положение не будет решено в пользу англичан и американцев, об открытии второго фронта не может быть и речи», – отмечалось в принятом руководителями Англии и США на этой встрече секретном решении. Между тем Советский Союз вел напряженные бои в районе Сталинграда и Кавказа.

Учитывая важность вопроса, Центр поручил лондонской резидентуре прозондировать позиции различных политических кругов и государственных деятелей Великобритании. 23 июля 1942 года было получено обстоятельное сообщение. Оно было неутешительным. В нем говорилось, что последнее время ни один из тех, кто занимает какой-либо официальный пост в Англии, не высказывает надежд на открытие второго фронта в 1942 году. Даже те, кто ранее высказывался в пользу такого намерения, начали сомневаться в возможности его осуществления.

Те же, кто и раньше высказывался против второго фронта, считая его несвоевременным (хозяйка политического салона леди Галифакс, министр информации Брендан Брэкен и другие), заявляют теперь, что вопрос уже решен и в 1942 году второй фронт открыт не будет.

Англичане, связанные с военными кругами США, полагали, что большинство американского командного состава не только никогда не помышляло о втором фронте в 1942 году, но и вообще не считало его осуществление возможным. Сам генерал Маршалл в действительности никогда не думал об открытии второго фронта, а просто полагал упоминание о нем тактическим приемом, способствующим сковыванию в Западной Европе возможно большего количества немецких войск.

Исполняющий обязанности руководителя американской секции английского министерства информации Фрэнк Дэрвелл уверял, что открытие второго фронта в этом году «невозможно и неправильно» и он будет создан не ранее весны 1943 года. Дэрвелл считал, что даже при наихудшем для русских исходе дела, например отступлении до Урала, они – русские – все равно «будут существовать», пусть даже с одной группой армий вместо трех, что позволит им оттянуть на себя достаточное количество германских войск и обеспечить тем самым успешное вторжение союзников на континент.

Начальник английских «коммандос» лорд Маунтбеттен решительно высказался не только против открытия второго фронта раньше весны 1943 года, но и против организации в широком масштабе рейдов на побережье континента в течение оставшегося времени.

Многие высокопоставленные англичане придерживались мнения, что о втором фронте нечего и думать, прежде чем будет переброшен в Англию по крайней мере миллион американцев. Пока их общее количество не превышало 200 тысяч человек.

24 июля 1942 года агент «кембриджской пятерки» проинформировал, что 15 июля Черчилль созвал закрытую конференцию редакторов крупных оппозиционных газет, в ходе которой заявил: «Мне известно, что русские хотели бы видеть нас во Франции, да и сами мы хотели бы там быть. Однако сам по себе факт, что русские страдают, совсем не означает, что мы тоже должны страдать. Мы должны заставить страдать своего противника».

Министерство информации Англии разослало в редакции газет секретный циркуляр, в котором газетам предлагалось руководствоваться на будущее тем, что англо-советский договор 1942 года совсем не обязывает Великобританию открывать второй фронт в этом году.

В тот же день, 24 июля, лондонская резидентура получила сообщение о беседе источника с лордом Бивербруком. Бивербрук, как уже упоминалось, был сторонником открытия второго фронта в возможно кратчайшие сроки. Он, в частности, подчеркивал, что хотя создание второго фронта в Европе и не являлось «истинным намерением английского кабинета», некоторые его члены, например Иден, высказывались в пользу его открытия и считали, что англо-советское сотрудничество следует всемерно развивать. Сторонником такой же политики, по мнению Бивербрука, являлся и Крэнборн, министр по делам колоний и лидер палаты лордов, хотя открыто своих взглядов он и не высказывал. Объяснение тому, что большая часть политиков Великобритании и членов ее правительственного кабинета настроена против открытия второго фронта, Бивербрук видел в том, что «только немногие хотят уничтожить сильное немецкое государство на континенте. Большинство из них недостаточно умны, чтобы понять свой собственный интерес». Сам Бивербрук считал своей задачей сделать все возможное для того, чтобы склонить британское правительство к скорейшему открытию второго фронта. Он отклонил поэтому предложение Черчилля занять пост министра в военном кабинете, поставив условием своего согласия изменение отношения правительства к вопросу об открытии второго фронта.

В то же время внешняя разведка информировала руководство страны о том, что демократическая общественность Англии и США, ряд видных политических деятелей Запада выступали за открытие второго фронта в Европе и осуждали действия своих правительств по затяжке принятия такого решения.

Таким образом, советское руководство было хорошо информировано о ситуации, сложившейся вокруг вопроса об открытии второго фронта в Европе. Это дало ему возможность целенаправленно проводить свою внешнеполитическую линию. И хотя ему было известно, что руководители Англии и США приняли решение в 1942 году второго фронта не открывать, оно, с учетом общественного мнения в пользу второго фронта, продолжало настойчивые дипломатические усилия по оказанию давления на правящие круги Англии и США в пользу решения о скорейшем начале военных действий союзными армиями на западном побережье Франции.

18 июля 1942 года Черчилль направил Сталину послание, в котором советскому правительству впервые сообщалось об отказе союзников открыть второй фронт в 1942 году.

В ответном послании Черчиллю от 23 июля Сталин отмечал: «Исходя из создавшегося положения на советско-германском фрон-

те, я должен заявить самым категорическим образом, что советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год».

Отказ правительств Англии и США от взятых на себя обязательств вызвал широкую волну протеста. В этих условиях Черчилль решил лично направиться в Москву и объясниться с советским правительством. Его сопровождал А. Гарриман, представлявший президента США. 12 августа в беседе со Сталиным Черчилль подтвердил, что считает невозможным открытие второго фронта в Европе в 1942 году. Он, однако, обещал это сделать весной 1943 года. Это было заведомо ложное заявление. Уже через несколько месяцев разведка получила данные о том, что Черчилль и Рузвельт договорились второй фронт в Европе не открывать и в 1943 году. А. Гарриман от имени президента Рузвельта полностью поддержал Черчилля. Давая оценку позиции Черчилля, Сталин телеграфировал послу СССР в Лондоне: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюннинга за счет нашей страны».

В январе 1943 года состоялась англо-американская конференция в Касабланке. В ней приняли участие Рузвельт и Черчилль. За спиной Советского Союза они договорились считать главной задачей на 1943 год вторжение в Сицилию. Вопрос о высадке союзных войск во Франции откладывался, таким образом, уже на 1944 год. Участники конференции пытались скрыть от советского правительства новое нарушение их обязательств. Их совместное послание Сталину о результатах конференции было составлено в общих выражениях и в нем не назывались сроки конкретных операций. В ответ на просьбу советского правительства уточнить информацию о принятых в Касабланке решениях Черчилль по согласованию с Рузвельтом в послании Сталину от 9 февраля 1943 года сообщил заведомо ложные сведения о сроках вторжения англо-американских сил на Европейский континент – август–сентябрь 1943 года.

Однако и на этот раз внешняя разведка имела точные данные. 24 апреля 1943 года из Нью-Йорка поступила информация о результатах переговоров министра иностранных дел Великобритании Идена с правительством США, состоявшихся в Вашингтоне. Во время этих переговоров Рузвельт сообщил британскому министру, что начальники штабов возражают против открытия второго фронта в Европе в 1943 году. 5 мая лондонская резидентура направила в Центр информацию, полученную в английском министерстве авиации, о военно-стратегическом плане Англии на 1943 год. В нем предусматривалось изгнание немецко-итальянских войск из Туниса, оккупация Сицилии, Сардинии, Родоса и других островов Средиземного моря, высадка союзных войск в Италии и, если возможно, создание плацдарма в районе Шербура (Северная Франция). Основные

сухопутные операции против Германии предполагалось развернуть в 1944 году.

Поэтому для советского руководства не было неожиданностью, когда на состоявшихся 11–19 мая 1943 года в Вашингтоне переговорах Черчилля и Рузвельта было принято решение отложить срок открытия второго фронта во Франции на май 1944 года, о чем союзники официально информировали Советский Союз. Сталин 11 июня 1943 года от имени советского правительства в послании президенту США и премьер-министру Великобритании выразил протест против нового нарушения США и Англией принятых на себя обязательств. Он заявил, что правительство СССР «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны».

В сентябре 1943 года руководство страны было информировано о результатах состоявшейся во второй половине августа 1943 года в канадском городе Квебеке конференции руководителей Англии и США, на которой были согласованы их военно-политические планы на конец 1943–1944 годы. В сообщении отмечалось, что руководители союзных стран приняли решение «главные операции на Европейском континенте путем вторжения с островов Великобритании начать 1 мая 1944 года при условии, если русские не достигнут самостоятельного успеха до этого. Кодированное название операции "Оверлорд"».

А если русские «достигнут самостоятельного успеха»? Что тогда? На этот случай, говорилось в сообщении, союзниками был разработан специальный план «Рэнкин». Он предусматривал высадку англо-американских войск во Франции, не дожидаясь завершения подготовки к операции «Оверлорд». На конференции в Квебеке, согласно данным советской разведки, президент США Рузвельт заявил: «Войска Объединенных наций должны быть готовы достичь Берлина не позднее русских».

Вопрос об открытии второго фронта в Европе остро обсуждался на встрече глав правительств СССР, Англии и США в Тегеране в ноябре 1943 года. Первоначально Черчилль не хотел выносить этот вопрос на обсуждение Тегеранской конференции. Он надеялся затянуть высадку союзных войск во Франции и сосредоточить военные усилия союзников в Средиземноморье, на юге и севере Италии и Балканах с тем, чтобы отрезать советские войска от Австрии и не допустить их на Балканы. На Тегеранской конференции он рассчитывал ограничиться ссылками на решение Квебекской встречи.

Об этих планах Черчилля руководство страны было своевременно информировано, что позволило советской делегации на конференции с самого начала занять жесткую позицию. Когда Черчилль дал понять, что не считает нужным обсуждать вопрос о высадке союзников во Франции, Сталин заявил, что в таком случае встреча руко-

водителей трех стран не имеет смысла и советской делегации на ней делать нечего. Это вызвало замешательство среди союзников. Рузвельт понял критический характер ситуации и убедил Черчилля дать русским недвусмысленный ответ. В результате в Тегеране была зафиксирована трехсторонняя договоренность о том, что вторжение во Францию англо-американских войск состоится в мае 1944 года.

Английский план военных операций в восточной части Средиземного моря был отклонен, несмотря на неоднократные попытки английской дипломатии протащить его в том или ином виде. На одном из последних пленарных заседаний Тегеранской конференции в присутствии Сталина, Черчилля и Рузвельта начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал Алан Брук зачитал собравшимся единогласно принятое объединенным комитетом начальников штабов решение о том, что начало операции «Оверлорд» состоится в течение мая 1944 года и что она будет поддержана операцией в Южной Франции, масштабы которой будут зависеть от наличия у союзников десантных средств.

Это была крупная победа советской дипломатии. Внешняя разведка сыграла при этом не последнюю роль.

Правительства Англии и США приняли на себя обязательства также и относительно численности армии вторжения, определив ее в 35 дивизий. По настоянию советской делегации руководители союзных государств дали согласие на быстрейшее решение вопроса о главнокомандующем операцией «Оверлорд» с тем, чтобы иметь возможность в ближайшее же время начать ее подготовку.

В декларации, опубликованной после Тегеранской конференции, руководители трех держав заявили, что они согласовали планы уничтожения германских вооруженных сил и «пришли к полному соглашению относительно масштабов и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга».

«...Никакая сила в мире, – заявляли авторы декларации, – не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушить их военные заводы с воздуха».

Однако и после принятия главами союзных государств в Тегеране решения о сроках открытия второго фронта Черчилль делал все возможное, чтобы сорвать выполнение этого решения. От надежных источников в Англии была получена информация о том, что во время подготовки к высадке союзников во Франции Черчилль и главнокомандующий английскими войсками Средиземноморского бассейна генерал Вильсон упорно пытались убедить Рузвельта и начальников штабов американских вооруженных сил отказаться от этой операции и послать войска, предназначенные для ее проведения, для высадки в районе Триеста для дальнейшего продвижения в Австрию, с тем чтобы быть там раньше Красной Армии. Рузвельт, однако, отказался пойти на изменение планов, согласованных на Тегеранской конфе-

ренции. Помимо всего прочего, он знал, что «балканская» стратегия Черчилля имеет не только антисоветскую, но и антиамериканскую направленность и нацелена на установление английского господства в Юго-Восточной Европе.

Не оставлял своих замыслов Черчилль даже в ходе проведения операции «Оверлорд», когда бои шли уже на территории Франции. Так, советской разведке стала известна секретная телеграмма, направленная Черчиллем Рузвельту в начале октября 1944 года, в которой он предлагал внести изменения в планы посылки американских военных подкреплений в Европу и направить их вместо Франции в Италию.

Рузвельт ответил Черчиллю, что как он сам, так и начальники штабов американских вооруженных сил не могут согласиться на это предложение. Он обосновывал свой отказ тем, что в условиях зимы разгромить в Италии германскую армию Кессельринга все равно не удастся, даже в случае посылки туда дополнительных контингентов войск. В то же время, как указывал Рузвельт, Эйзенхауэр уже подготовил прорыв немецкого фронта и нуждается для его осуществления в свежих силах.

Рузвельт сам спешил в Европу, чтобы утвердить в ней американское военное присутствие. Не без иронии он указал в ответной телеграмме Черчиллю, что продвижение русских на Балканах и к Австрии окажет в военном плане значительно больший эффект на немцев в Италии, чем все мероприятия союзников на итальянском фронте.

Они понимали, что США и Великобритания «пересидели» все сроки и опаздывали. Советский Союз завершал войну по своему сценарию. У поздно открытого второго фронта была пикантная концовка. В декабре 1944 года союзники, до этого неплохо продвигавшиеся из Франции в Германию, вдруг ощутили силу немецкой армии, нанесшей им в Арденнах серьезное поражение.

На этот раз Лондону и Вашингтону, которые медлили все эти годы, пришлось просить Сталина выручить их, ибо войска Монтгомери и Эйзенхауэра подверглись серьезной опасности. Сталин согласился предпринять новое наступление советских войск, не без иронии отметив, что «погода не очень этому благоприятствует» (любимая отговорка союзников). И по сути дела Советский Союз открыл своего рода «третий фронт» в помощь столь опоздавшему «второму».

Мы не намерены тенденциозно освещать вопрос о вкладе союзников. Героизм морских конвоев, которые пробивались к нам на Север сквозь штормы и атаки немецких подводных лодок и военного флота Германии, несомненен. Помощь вооружением и продовольствием была существенной. Братская помощь эскадрильи «Нормандия–Неман» останется в памяти боевого сотрудничества с голлистской Францией. Наконец, сама операция «Оверлорд», многократно запе-

чатленная на пленке и воспроизведенная на экране, – внушительное свидетельство того, какую мощь США и Англия накопили к июню 1944 года и, наконец, бросили ее на освобождение Франции.

Но останется в памяти и то, что три самых важных года, решающих для грандиозной всемирной битвы, Советский Союз сражался с гитлеровской армадой один на один, а на стороне гитлеровцев была военная и людская машина покоренной ими Европы. В последний момент, понимая, что они упустили время и Советский Союз сметает бастионы фашистского сопротивления, союзники пытались перехватить плоды победы. Они планировали отсечь новыми кордонами советскую армию от центра Европы, первыми овладеть Берлином. Этого не случилось. Большой, героической и горькой ценой, но победа по праву стала нашей на все времена.

Об этом говорят исторические факты, говорят секретные документы советской разведки.

24

Проблемы межсоюзнических отношений

В годы Второй мировой войны советской внешней разведке приходилось вести большую работу по союзным странам – Англии и США. Этого требовали интересы скорейшего достижения разгрома гитлеровской Германии и ее союзников и создания такого послевоенного мироустройства, которое исключало бы возможность повторения агрессии против Советского государства.

У читателя может возникнуть законный вопрос: «А зачем для этого нужно было Советскому Союзу вести разведывательную работу против собственных союзников?» Дело в том, что, хотя их и объединяло общее стремление остановить претензии Гитлера на установление своего мирового господства, средства достижения этой цели, подходы к вопросам организации устройства мира после войны были разные.

Когда листаешь архивные материалы советской внешней разведки военных лет, невольно напрашивается мысль о том, что в те годы Советскому Союзу приходилось раскрывать планы не только германских армий, но и бдительно следить за поведением собственных союзников – Англии и США, практические дела которых сильно расходились с данными ими союзническими обязательствами. Это хорошо видно из той информации, которую получала внешняя разведка на протяжении всех лет войны.

В своем выступлении по радио вечером 22 июня 1941 года Уинстон Черчилль заявил, что нападение гитлеровской Германии на Советский Союз является очередным актом агрессии и вероломства со стороны гитлеровцев и представляет один из поворотных моментов всей мировой войны. Он совершенно определенно высказался за поддержку Советского Союза в войне против гитлеровской Германии.

Аналогичную позицию заняло и руководство США. Исполняющий обязанности госсекретаря С. Уэллес сделал по поводу нападения

Германии на СССР заявление, в котором квалифицировал его как предательский акт агрессии со стороны Гитлера, непосредственным образом затрагивающий интересы обороны и безопасности США. Эта оценка была подтверждена и президентом Рузвельтом, который заявил также, что США предоставят Советскому Союзу всю возможную помощь.

В какой степени официальные заявления лидеров Англии и США были искренними? Насколько можно было полагаться на военную и материальную помощь союзников, их совместное участие в боевых действиях против гитлеровской Германии и ее сателлитов?

Советскому руководству очень важно было иметь достоверную информацию, позволяющую получить ответы на эти непростые вопросы.

В принятом ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года постановлении о задачах внешней разведки в период войны говорилось: «Выявлять истинные планы и намерения наших союзников, особенно США и Англии, по вопросам ведения войны, отношения к СССР и проблемам послевоенного устройства».

Это общее положение было развито и конкретизировано в указаниях, направленных Центром в соответствующие резидентуры. Так, в директивном письме Центра от 27 ноября 1941 года в американские резидентуры говорилось: «США в мировой политике капиталистических стран занимают в настоящее время ведущую роль. Поэтому очень важно для нас своевременно раскрыть политические и дипломатические планы и деятельность США как в отношении СССР, так и в отношении Англии, Японии, Германии и других стран». Принимая перед выездом в США резидента внешней разведки В.М. Зарубина, Сталин подчеркнул, что его главная задача состоит в том, чтобы внимательно наблюдать за позицией правящих кругов США и вероятностью их договоренности с гитлеровской Германией с целью закончить войну сепаратным миром.

От резидентуры в Англии Центр требовал, с учетом имеющегося в ее распоряжении хорошо информированного и надежного агентурного аппарата, добывать разведывательные данные по Германии и оккупированным ею странам, быть в курсе подрывных планов и комбинаций прогерманских элементов в Англии, вскрывать планы английского правительства в отношении СССР и подрывную деятельность английской разведки против нашей страны. Резидентура была обязана следить за развитием отношений Англии с находившимися в изгнании правительствами Польши, Чехословакии, Югославии и других стран, за англо-американскими отношениями, выявлять противоречия между Англией и США по основным международным проблемам.

Уже в первые месяцы войны добываемая информация говорила о том, что политические лидеры Англии и США преследовали в этой

войне иные, нежели Советский Союз, цели. Они думали не столько о быстрейшем разгроме фашизма, сколько об ослаблении Германии как империалистического соперника. В результате войны они хотели бы видеть обескровленные Германию и Советский Союз, что позволило бы им добиться такого послевоенного устройства, которое давало бы возможность навязывать другим странам, и прежде всего Советскому Союзу, свою волю.

Так, уже 15 июля 1941 года разведка направила в Государственный комитет обороны (ГКО) СССР следующее сообщение: «Хотя английское правительство полностью осознает объем угрожающей Англии опасности в случае поражения СССР и намерено оказывать помощь Советскому правительству в соответствии с декларацией Черчилля, тем не менее все расчеты англичан базируются на неизбежности поражения Красной Армии в самом ближайшем будущем. В начале войны объединенный разведывательный комитет при военном кабинете, состоящий из представителей военной, морской, воздушной и политической разведок, пришел к выводу, что Москва будет захвачена немцами в три недели, сейчас же они увеличивают этот срок до пяти с половиной недель, считая с первого дня кампании».

Аналогичную информацию получала внешняя разведка и от своих источников в США. Так, резидентура внешней разведки в Вашингтоне в своем сообщении от 19 августа 1941 года информировала Центр о враждебном тоне американской печати по отношению к СССР. Едва началась война, как сенатор Трумэн заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

На основе информации, получаемой в Англии и США, разведка делала выводы, что в этих странах идет внутренняя борьба по вопросу об отношении к войне Советского Союза с гитлеровской Германией.

Особенно настораживающую информацию получала внешняя разведка в отношении поведения английского союзника СССР. Война еще шла чуть более полугода, и главные битвы были впереди, а английский премьер Уинстон Черчилль писал 8 января 1942 года своему министру иностранных дел Идену: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы в конце войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, что Советский Союз будет больше нуждаться в нашей помощи в восстановлении страны, чем мы будем нуждаться в его помощи».

Двойственность политики Англии в отношении СССР, таким образом, была ясной для советского руководства уже в первые дни войны. Черчилль публично произносил патетические речи о необхо-

димости оказать помощь Советскому Союзу, а в это время, как показывала информация разведки, английские военные круги и спецслужбы предприняли ряд действий, имевших явно недоброжелательную по отношению к своему союзнику направленность. Так, внешняя разведка получила данные о том, что 23 июня 1941 года, на следующий день после нападения гитлеровской Германии на СССР, начальник штаба ВВС Великобритании сэр Чарльз Портел, исходя из предположения, что ряд районов СССР, имевших, по его мнению, стратегическое значение для войны Англии с Германией, окажутся оккупированными немецкими войсками, предложил послать телеграмму командующему войсками в Индии и на Ближнем Востоке с запросом, когда будет закончена подготовка к бомбардировке английской авиацией нефтяных промыслов Баку. Комитет начальников штабов постановил принять это предложение и просить военное министерство направить такую телеграмму. (К истории этого вопроса. Решение о бомбардировке Баку было принято англичанами еще в 1939 году, как ответная мера на военные действия советских войск в Финляндии, но так и не было осуществлено. И вот нападение Германии на Советский Союз вновь вернуло английских генералов к этому вопросу.)

Командование английских военно-воздушных сил на Ближнем Востоке получило указание детально изучить предстоящие объекты бомбардировок на Кавказе. Так в тайне от советского правительства английские союзники намеревались «помогать» России воевать с немцами. Шифровка эта стала достоянием внешней разведки, и ее содержание было доложено руководству страны.

Внешней разведкой и органами внутренней контрразведки были получены данные об усилении деятельности английских разведывательных служб в Архангельске, Владивостоке и Севастополе, на Тихоокеанском, Северном и Черноморском военных флотах. В этих целях использовались английские военно-морские миссии, которые в начале войны прибыли в Советский Союз для координации усилий в войне с Германией. Состав этих миссий был насыщен разведчиками различных специальностей.

Внешней разведкой была также получена информация о повышенном интересе английских спецслужб к деятельности украинских националистов и антисоветских эмигрантских организаций. Эта информация вызывала особое беспокойство на фоне получаемой разведкой и контрразведкой информации об активизации подрывной деятельности националистических сил в Прибалтике, западных областях Украины, Белоруссии и особенно ввиду неопровержимых данных о фактах сотрудничества ряда националистических организаций с гитлеровцами.

В то же время Советское государство принимало на себя основной удар фашистского агрессора и с полным правом настаивало на

добросовестном и своевременном выполнении союзниками своих обязательств. Однако получаемая внешней разведкой информация говорила о том, что на это рассчитывать не приходится.

В годы войны советская внешняя разведка имела сильные агентурные позиции в Англии и США, благодаря чему могла получать интересующую ее секретную информацию из основных государственных, военных и политических учреждений этих стран.

Особенно плодотворно работала в военные годы лондонская резидентура. Это время было звездным часом Кима Филби, Дональда Маклина, Гая Берджесса, Энтони Бланта, Джона Кернкросса и других помощников советской разведки, имена которых пока нельзя предавать гласности. Их вклад в окончательную победу над фашизмом оказался уникальным и по праву вошел в историю не только разведок мира, но и историю Второй мировой войны.

Дональд Маклин занимал ответственный пост в британском министерстве иностранных дел. Он имел возможность знакомиться с важнейшими документами своего министерства и ряда других государственных учреждений Великобритании, имевших отношение к выработке и проведению внешней и оборонной политики страны.

Благодаря самоотверженной работе Маклина советская разведка имела возможность знакомиться с некоторыми документами переписки Черчилля с Рузвельтом и другими главами государств и правительств, переписки министра иностранных дел Великобритании Идена со своими послами.

Исключительно важную информацию получала разведка от Энтони Бланта, который в годы войны работал в английской контрразведке – МИ-5.

Блант имел доступ к работе агентурной сети МИ-5 в некоторых зарубежных странах, в том числе в Германии. В результате советская разведка имела важную информацию об экономическом, политическом и военном положении этих стран.

Но, пожалуй, самым значительным достижением Бланта в годы войны была организация передачи им советской разведке материалов английской дешифровальной службы.

Англичанам удалось разгадать секреты немецкой шифровальной машины «Энигма», которая использовалась для кодирования переписки между штабами. Английские ученые-криптографы проделали блестящую аналитическую работу и научились расшифровывать телеграммы немецкого военного командования, создав дешифровальную систему, названную ими «Ультра».

Планы военных операций, разрабатывавшиеся немецким командованием и передаваемые по радио в войсковые штабы, расшифровывались системой «Ультра» и становились достоянием англичан.

Английские спецслужбы тщательно оберегали секрет «Ультры». Известно, что, расшифровав сообщение немецкого штаба авиации

о предстоящем налете на Ковентри, англичане, опасаясь расшифровки источника получения информации, не предупредили свои средства ПВО и принесли в жертву конспирации этот город и его жителей. Не передавали англичане информацию, полученную с помощью «Ультры», и своему союзнику – Советскому Союзу, которого она прежде всего касалась.

Энтони Блант в силу своего положения в британской контрразведке знакомился с некоторыми материалами «Ультра».

В 1942 году Д. Кернкросс, знаток немецкого языка, был переведен англичанами из министерства финансов, где он служил до этого, в дешифровальную службу, находящуюся в пригороде Лондона Блетчли-Парке. Так еще один агент советской разведки получил доступ к материалам «Ультра». В течение трех лет он каждую неделю сам или через Бланта передавал лондонской резидентуре расшифрованные англичанами планы немецкого командования на Восточном фронте.

Для Советского Союза это были бесценные материалы. Переданные Д. Кернкроссом шифры позывных немецкой авиации позволили советскому командованию провести ряд операций по уничтожению немецких самолетов в момент их сосредоточения накануне решающих битв.

Важная информация была получена от Э. Бланта и Д. Кернкросса о планах наступления немцев летом 1943 года в районе Курска и Орла.

Информация внешней разведки помогла советскому командованию подготовить контрудар и выиграть Орловско-Курскую битву.

Большая часть сведений, добываемых советской внешней разведкой агентурным путем в Англии и США, в силу союзнического долга должна была бы добровольно передаваться этими странами Советскому Союзу в интересах общей борьбы с фашистским агрессором. Это прежде всего касается информации о планах Англии и США ведения войны, подготовки совместных военных операций. Но англичане и американцы далеко не всегда это делали. Даже получаемую разведслужбами этих государств информацию о Германии и ее союзниках, об их планах проведения военных операций Советскому Союзу они порой не передавали или задерживали. В годы войны советская внешняя разведка имела официальные контакты с английской и американской разведками, что давало возможность постоянно обмениваться информацией, хотя советской внешней разведке в интересах безопасности своего государства и ведения более успешной борьбы с немецкими армиями приходилось добывать такую информацию оперативными средствами.

Когда, уже после войны, о сотрудничестве Э. Бланта с советской разведкой стало известно английской контрразведке, он, мотивируя свое поведение, заявил на одном из допросов, что считал своим долгом патриота и антифашиста помогать СССР – союзнику Англии

и передавать ему те сведения, которые в силу союзнических обязательств должно было бы передавать английское правительство, но не делало этого. Не случайно английское правительство не рискнуло привлечь Энтони Бланта к судебной ответственности.

Всего за годы войны внешняя разведка получила в Англии (без учета материалов научно-технической разведки) 19 709 разведывательных материалов, из них 90% составляли документы. 7136 информационных материалов освещали положение в Германии, США и других странах.

Хорошие агентурные позиции имела внешняя разведка в годы войны и в США. Она регулярно получала важную политическую и военную информацию из непосредственного окружения президента, госдепартамента, аппарата Конгресса, военных ведомств, органов пропаганды, из разведывательных и контрразведывательных органов.

Прочные агентурные позиции в основных союзных странах – Англии и США давали уникальную возможность советской внешней разведке следить за политикой этих стран, быть в курсе их политических и военных планов, фиксировать их попытки уклониться от выполнения союзнических обязательств, вести политику в ущерб интересам Советского Союза.

Пределом мечтаний любой разведки мира назвал многоопытный американский разведчик Аллен Даллес добываемую советской внешней разведкой информацию в годы войны.

Действительно, когда знакомишься в архивах внешней разведки с хранящимися там тайнами того, что ею добывалось в годы войны, невольно охватывает чувство, что для нее не было пределов раскрытия секретных замыслов, вынашиваемых против СССР его союзниками. Вот, например, шифртелеграмма Черчилля Рузвельту о том, как лучше обойти Сталина на Ялтинской конференции. Через несколько дней ее копия уже лежала на столе Сталина. Вот обмен мнениями Черчилля и Рузвельта по вопросу о послевоенной судьбе Германии, а вот документы, свидетельствующие о совместном намерении Англии и США поддержать польское эмигрантское правительство. И многое-многое другое.

Особенно поражает полнота информационного обеспечения подготовки к встречам «большой тройки» в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Благодаря своей внешней разведке советское правительство в полной мере было осведомлено о позиции своих союзников. Информация внешней разведки позволяла советской делегации занимать твердую и в то же время гибкую позицию.

Работа внешней разведки по союзным странам имела и еще один весьма важный аспект. Наша разведка неоднократно получала сведения о том, что отношения между странами – членами антигитлеровской коалиции очень интересовали немецкую разведку, которая при-

стально следила за тенденциями их развития, выявляла имевшиеся противоречия в позициях отдельных ее членов и в первую очередь СССР, Англии, США по наиболее острым вопросам, связанным с ведением войны и послевоенным урегулированием. Особенно интересовало немцев отношение союзных стран к послевоенной судьбе Германии. До самого конца войны Гитлер и его ближайшее окружение рассчитывали на обострение противоречий между союзниками, распад антигитлеровской коалиции и заключение сепаратного мира с западными державами.

Получаемая по этому вопросу разведывательная информация позволяла быть в курсе тех шагов, которые предпринимало фашистское руководство по расколу антигитлеровской коалиции.

Важное место в работе внешней разведки по союзникам в годы войны занимал вопрос о послевоенном урегулировании. Каков будет мир после войны? Над этим вопросом политики Англии и США задумывались уже в самом начале войны. Они считали, что при любом исходе войны и Германия, и СССР выйдут из нее ослабленными и им можно будет навязать свою волю при решении вопросов послевоенного урегулирования в соответствии с интересами Англии и США.

Среди вопросов грядущего мироустройства был и вопрос о границах СССР. Уже в первые месяцы войны советская внешняя разведка получила информацию о том, что Англия и США не намерены признавать западные границы СССР в том виде, в котором они существовали до начала войны. Они хотели оспорить законность тех территориальных изменений, которые произошли в 1939–1940 годах.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, советское правительство предложило включить в подготавливаемый советско-английский договор статью о признании довоенных границ СССР по состоянию на 22 июня 1941 года. Однако министр иностранных дел Великобритании Иден, который прибыл в Москву в декабре 1941 года для подписания договора, отказался от включения этой статьи, сославшись на отсутствие полномочий.

Вернувшись в Лондон, он подробно изложил точку зрения британского внешнеполитического ведомства в пространном меморандуме, адресованном членам английского правительства. В январе 1942 года разведка получила через свою агентуру полный текст этого важного документа.

В меморандуме Иден подробно проанализировал «наилучшие действия в связи с требованием Сталина признать за Советским Союзом границы 1941 года». При этом он рассматривал два варианта: как поражение в войне Германии, так и резкое ослабление экономической и военной мощи СССР. В обоих случаях Иден считал возможным добиваться пересмотра западных границ СССР, действуя в тесном сотрудничестве с США. Предусматривал Иден и вариант такого усиления позиций СССР в результате успешного завершения войны,

при котором будет трудно добиваться значительного пересмотра западных границ СССР. В этом случае Иден предлагал ряд компромиссных вариантов, в частности «установление советским правительством контроля над внешней политикой и обороной в прибалтийских государствах» и создание военных баз на их территориях, при сохранении их независимости.

В то же время, будучи реалистом, Иден подчеркивал в своем меморандуме, что ни Англия, ни Америка не смогут заставить СССР уйти с занятой им в конце войны территории, и рассматривал возможность удовлетворения требований Сталина в отношении признания довоенных границ СССР при условии предъявления Советскому Союзу ряда требований, подробный перечень которых содержался в приложении к меморандуму. Среди них фигурировали и польский вопрос, и Чехословакия, и создание федераций малых стран в Европе и на Балканах.

Большой интерес для советского руководства представляла та часть меморандума Идена, в которой он анализировал сильные стороны советской позиции. Иден констатировал: «Правда, Сталин может возразить, что:

1. Он требует возвращения только того, что уже являлось русской территорией до войны и что теперь оккупировано немцами;

2. Прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР в соответствии с принципами, изложенными в Атлантической хартии;

3. Финская и румынская территории были предоставлены СССР по договорам, законно заключенным с Финляндией и Румынией».

Именно эти сильные аргументы и использовала советская дипломатия, отстаивая территориальную целостность своей страны. В конечном счете прогноз Идена оправдался. Победное наступление советских армий решило этот вопрос. Не понадобился союзникам и составленный Иденом перечень «Требований для предъявления Советскому Союзу» в обмен на его же собственную территорию.

В конце 1942 года внешняя разведка доложила руководству страны еще один документ английского министерства иностранных дел, предназначенный для членов правительства, который позволял более трезво оценить политику союзников в отношении СССР и проблем послевоенного урегулирования. «Всякая оценка возможного курса политики СССР, – говорилось в этом документе, – должна зависеть от состояния, в котором Советский Союз выйдет из войны, и от обстоятельств, при которых война окончится. Если поражение германских армий состоится главным образом благодаря действию советских войск и до того, как полностью развернется мощь Великобритании и США, то позиция России на Европейском континенте будет неприступной. В результате Советский Союз может стать независимым совершенно от помощи, за которой он при других обстоя-

тельствах вынужден был бы обратиться к нам и Америке, и не захочет более приспосабливаться к той политике, которую Англия и Америка пожелают проводить».

Резидентуры внешней разведки в США и Англии сумели получить и многие другие документы американских и английских правящих кругов по вопросам послевоенного устройства. Руководство СССР смогло ознакомиться с содержанием основных документов англичан и американцев, подготовленных ими к Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференциям глав правительств трех государств, где обсуждались эти вопросы.

В переданных агентурой материалах освещались также результаты двух встреч Черчилля и Рузвельта в Квебеке. Разведка была осведомлена о результатах переговоров Черчилля и Идена с правительством США в Вашингтоне, Рузвельта с президентом Чехословакии Бенешем и премьером польского эмигрантского правительства генералом Сикорским, на которых также обсуждались проблемы послевоенного устройства.

Внешней разведке удалось добыть документы переписки МИД Англии со своим послом в Москве Керром по польскому, греческому и югославскому вопросам, что значительно облегчило действия советской дипломатии по защите интересов СССР в этих странах.

Особое место в межсоюзнических отношениях в годы войны занимал вопрос о послевоенном устройстве Германии. Позиция Советского Союза по нему была широко известна: разгромить фашизм, наказать военных преступников и создать условия для предотвращения возможности новой агрессии со стороны Германии. СССР не поднимал вопроса о расчленении немецкого государства или ограничении его суверенитета.

Данные разведки говорили, что позиции Англии и США были другими. Они стремились прежде всего уничтожить Германию как своего конкурента на международных рынках и не спешили проводить демократические преобразования в стране. Зависимая от Англии и США Германия – барьер на границах Советского Союза и стран Восточной Европы – вот чего хотели наши союзники. Однако в методах реализации этой программы между ними были серьезные расхождения. Каждая из этих стран стремилась уже в годы войны заложить основы своего доминирующего положения в побежденной Германии и в Европе в целом.

Внешняя разведка внимательно следила за различными фазами выработки правительствами США и Англии своей политики в отношении послевоенного устройства Германии, ей удалось добыть, как показывают и опубликованные в последнее время архивные материалы МИД Англии и государственного департамента США, все наиболее важные планы и решения по этому вопросу.

Так, о намерениях Рузвельта расчленить Германию внешняя разведка докладывала уже в начале 1943 года. Во время упоминавшегося визита Бенеша в США Рузвельт, излагая в беседе с ним свои планы послевоенного устройства, высказался за разделение Германии на пять-шесть отдельных государств.

Англия видела в этом плане США угрозу потери своего влияния на послевоенную Германию и выдвигала идею создания федерации отдельных немецких государств.

В марте 1943 года министр иностранных дел Англии Иден вылетел в США, где вел переговоры по вопросам послевоенного урегулирования с Рузвельтом. О результатах этих переговоров он доложил Черчиллю телеграммой, которая была получена нашей разведкой. В четвертом пункте этой телеграммы говорилось: «Рузвельт вновь настаивал на расчленении Германии на несколько государств».

В марте 1943 года резидентура внешней разведки в Лондоне добыла совершенно секретный меморандум одного из отделов МИД Англии о возможных вариантах политики в отношении послевоенной Германии. Документ был предназначен для обсуждения вопроса дипломатическим и военным ведомствам в целях выработки согласованного решения. В нем в осторожной форме предлагалось поддержать инициативу Рузвельта о расчленении Германии, но на основе принципа федерализма. «Необходимо будет всячески поощрять в Германии любое стремление к переходу на федеральную основу», – говорилось в документе.

В 1944 году внешняя разведка получила еще ряд важных документов правительств США и Англии, относящихся к вопросам послевоенного устройства Германии и других стран. Особую ценность имела переписка Черчилля с Рузвельтом по вопросам оккупации Европы. В ней отражались расхождения их мнений относительно того, кому надлежит оккупировать северо-западные районы Германии, излагались планы Англии ввести свои войска в Грецию, Триест, Австрию, Болгарию, Албанию, Венгрию и другие страны, подчеркивалась необходимость выработки единого англо-американского документа в отношении послевоенной Германии.

Из МИД Англии разведка получила сводный документ об основных проблемах, намеченных правительством Англии к переговорам с государственным секретарем США Стеттиниусом во время его визита в Лондон в марте 1944 года (ООН, Европа, Средний Восток, Дальний Восток, Латинская Америка).

Полученные материалы второй Квебекской конференции Рузвельта и Черчилля в сентябре 1944 года раскрывали их планы создания зон оккупации Германии войсками США и Англии и содержание «меморандума Моргентау» о превращении Германии в сельскохозяйственную страну типа Дании.

Разведка получила меморандум объединенного разведывательного подкомитета Комитета начальников штабов Великобритании «Об условиях, которые могут возникнуть после военного поражения Германии» и протокол заседания Комитета, на котором было утверждено количество британских войск, необходимых для оккупации различных районов мира, а также доклад «комитета трех» – Моргентау, Хэлл, Стимсон – Рузвельту о политике США в отношении Германии, содержащий предложения по ликвидации Германии как экономической силы в Европе.

В одном из писем послу Англии в США Галифаксу, полученном разведкой, Иден писал: «Американское правительство предлагает нам, чтобы мы за спиной русских начали в Вашингтоне неофициальные переговоры с ними о документе, который определит основные положения американской и английской политики в таких вопросах, которые согласно договоренности между тремя правительствами на Московской конференции были переданы на изучение представителей всех трех стран в Европейской консультативной комиссии, а именно: в вопросе нашего отношения к Германии в политической, экономической, финансовой и прочих областях в период после ее оккупации; чтобы после таких неофициальных переговоров мы открыто передали соответствующий документ в штаб Союзного командования как директивное заявление о политике американского и английского правительств».

Далее Иден писал Галифаксу: «Мы присоединимся к американской делегации в нажиме на советскую делегацию для получения ее согласия на срочное обсуждение американского проекта Комиссии. Если же русские не согласятся, то тогда можно будет составить англо-американский проект и дать соответствующие разъяснения в отношении позиции СССР».

23 и 28 января 1945 года внешнеполитическая разведка доложила руководству страны основные документы правительств США и Англии, подготовленные ими к Крымской конференции глав правительств трех союзных держав. В них рассматривались такие проблемы, как расчленение и децентрализация Германии, размер германских территориальных уступок на востоке, будущее Рейнско-Вестфальского и Кильского районов, перемещение населения Германии, меры экономической безопасности и репатриации, обращение с главными военными преступниками, голосование в ООН, права шестнадцати республик СССР в ООН, итало-югославская граница, режим Черноморских проливов, границы Польши и создание временного польского правительства, договор с Италией и другие вопросы.

Полученные документы помогли советскому правительству добиться от США и Англии принятия в Ялте решений, учитывающих интересы СССР по основным кардинальным проблемам послевоенного устройства в Европе.

Затронутыми вопросами далеко не исчерпываются те проблемы отношений Советского Союза со своими союзниками, по которым внешней разведке приходилось добывать секретную информацию. Круг вопросов политики Англии и США в отношении СССР, ведения войны против Германии и ее союзников, послевоенного устройства мира был весьма широк. По всем этим вопросам шла напряженная дипломатическая борьба, от исхода которой во многом зависели и исход войны, и послевоенная безопасность границ Советского Союза. Разведка не оставалась от нее в стороне. Добываемая ею информация играла далеко не последнюю роль в выработке и проведении советским правительством внешнеполитических мероприятий в отношении Англии, США и других стран.

25

Де Голль или Жиро?

Имя генерала де Голля хорошо известно. Видный государственный деятель Франции, он возглавлял Французский комитет национального освобождения в годы гитлеровской оккупации, был главой первого временного правительства страны после ее освобождения.

Напротив, имя генерала Жиро сохранилось, пожалуй, скорее в памяти историков. А между тем этот генерал в годы Второй мировой войны был известен не менее широко, чем де Голль, и вполне мог занять его место. Дело в том, что Жиро настойчиво поддерживали американцы, тогда как Советский Союз проводил линию на признание и поддержку де Голля в качестве единственного руководителя «Свободной Франции» – так называлась с мая 1942 года созданная им еще в 1940 году организация, объединяющая всех патриотов в целях борьбы за освобождение страны.

Противоборство в этом вопросе между СССР и США продолжалось практически на протяжении всех лет войны и закончилось, как известно, в пользу де Голля. Внешнеполитическая разведка при этом сыграла определенную роль, обеспечивая руководство страны необходимой для принятия решений разведывательной информацией и наладив связь с де Голлем в наиболее ответственный момент его противостояния с американцами.

После капитуляции Франции летом 1940 года де Голль оказался в Лондоне. 18 июня он выступил по английскому радио с обращением, в котором призвал французов, где бы они ни находились, продолжить борьбу с Германией и в целях организации этой борьбы установить контакт с ним. Это была историческая акция.

Лондонской резидентуре внешней разведки было поручено следить за деятельностью организации де Голля и особенно за отношением к ней англичан.

Внешняя разведка в то время имела хорошие агентурные позиции в Лондоне и могла получать достоверную информацию об отно-

шении Черчилля к де Голлю и его организации. Из получаемой разведкой информации было видно, что Черчилль действительно имел далеко идущие планы в отношении де Голля. Он настойчиво пытался подчинить его себе и вынудить следовать в фарватере английской политики. По своему статусу организация де Голля не являлась правительством в изгнании и была лишена той юридической основы, которую имели в Лондоне эмигрантские правительства оккупированных Германией стран. Это давало возможность британской дипломатии оказывать давление на де Голля, ограничивая его деятельность, когда, по мнению англичан, она не отвечала их интересам. В своей политике англичане исходили из того, что после военного поражения и капитуляции перед Германией Франция не сможет сохранить свои прежние позиции великой державы, и стремились потеснить ее в колониях. Де Голль представлялся Черчиллю удобной политической фигурой для реализации планов проникновения на зависимые от Франции территории, поскольку свою деятельность он планировал развернуть прежде всего в колониальных владениях французской империи.

Однако уже первая информация, полученная лондонской резидентурой по де Голлю, показала, что планы Черчилля использовать этого тогда еще малоизвестного французского генерала и политического деятеля в интересах Великобритании натолкнулись на его упорное сопротивление.

Поддерживая де Голля, английское правительство не порывало связей и с режимом Виши. Разведке стало известно, что Англия заключила с этим режимом тайное соглашение о сохранении существующего на момент подписания положения во французских колониях. Формально соглашение преследовало цель предупредить передачу колоний немцам. Фактически оно означало признание власти Виши в колониальных владениях Франции и затрудняло развертывание там деятельности «Свободной Франции» де Голля.

Разведка отмечала рост авторитета де Голля среди французов, которые были готовы продолжить борьбу за освобождение страны, укрепление его позиций в Сирии, Алжире, Тунисе, Марокко, на Мадагаскаре и в ряде других колоний и зависимых территорий Франции.

В то же время разведка получала информацию и о том, что де Голль имел весьма слабые связи с силами французского Сопротивления на территории самой Франции. Он не доверял их руководителям, среди которых многие принадлежали к компартии. Де Голль понимал, что пока не готов взять на себя руководство движением Сопротивления в метрополии, и основную тяжесть вооруженной борьбы с Германией и ее союзниками предполагал перенести на колонии, решая тем самым и задачу сохранения их за Францией ввиду посягательств Англии и США.

Таким образом, накануне войны советское руководство было достаточно информировано внешней разведкой о де Голле и его организации.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз де Голль, как дальновидный и трезвый политик, сразу же оценил все значение этого факта для дела освобождения Франции. Решение об установлении с Советским Союзом политического и военного сотрудничества он принял вскоре после начала агрессии. 24 июня 1941 года он направил из Иерусалима в Лондон телеграмму, адресованную представителю «Свободной Франции», с указанием лично обратиться к полпреду СССР в Великобритании Майскому и «в сдержанной, но ясной форме» заявить, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в этой связи мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»[1].

Для де Голля это было непростое решение. Спустя много лет в своих мемуарах он напишет: «...Тот факт, что Россия оказалась втянутой в войну, открывал перед разгромленной Францией новые большие надежды. ...Разумеется, я не сомневался в том, что если Советы внесут основной вклад в достижение победы над врагом, то в результате в мире возникнут новые опасности. Нужно было постоянно иметь это в виду, даже сражаясь с русскими бок о бок. Но я считал, что прежде, чем философствовать, нужно завоевать право на жизнь, то есть победить, а участие России создавало возможности для победы. К тому же ее присутствие в лагере союзников означало с точки зрения «Свободной Франции» некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам, и я имел в виду воспользоваться этим обстоятельством»[2].

Благодаря информации, полученной внешней разведкой, советское руководство хорошо знало, что собой представляет де Голль и его организация, и было готово к принятию решения о сотрудничестве с ним. Когда по указанию де Голля его представители обратились к советским послам в Англии и Турции с официальными просьбами об установлении политических и военных связей с Советским Союзом, ответ не заставил себя долго ждать. 26 сентября 1941 года советское правительство в официальном письме на имя де Голля признало его руководителем «всех свободных французов», решило «оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками» и выразило твердую решимость после «победы над общим врагом обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции»[3].

Идя на установление отношений с де Голлем и его организацией, советское руководство исходило из необходимости расширения и укрепления антигитлеровской коалиции, привлечения в нее всех сил, независимо от их идеологической и политической принадлежности, могущих внести тот или иной вклад в общее дело разгрома Германии

и ее союзников. Это ставило перед внешней разведкой задачу не просто информировать о де Голле и его деятельности, но и добывать прежде всего такие сведения, которые помогали бы руководству страны проводить политику поддержки «Свободной Франции». Речь шла прежде всего об отношении к де Голлю Англии и США.

С момента создания де Голлем своей организации США и лично президент Рузвельт относились к нему отрицательно. Рузвельт пришел к выводу, что его невозможно будет использовать в интересах США. Более того, Рузвельт видел в де Голле помеху реализации планов установления США доминирующих позиций в послевоенной Франции и ее колониях.

Рузвельт и государственный секретарь Хэлл рассматривали правительство Виши как законное правительство Франции. До ноября 1942 года США поддерживали с ним дипломатические отношения. В 1940 году между США и Виши было заключено соглашение о нейтралитете. По данным советской внешней разведки, американцы планировали по мере освобождения французских территорий устанавливать на них оккупационный режим под контролем своей военной администрации, а затем постепенно передавать власть представителям «законного» правительства Виши, рассчитывая на их полную лояльность к США.

Именно в силу этих планов американцы долгое время не признавали движение Сопротивления внутри Франции. Внешняя разведка получила от своего источника сообщение о том, что командующий вооруженными силами в Европе генерал Эйзенхауэр высказывался против «организации партизанского движения и использования сил Сопротивления во Франции из-за боязни развертывания народного освободительного движения и осложнения задач союзников по установлению на освобожденных территориях демократических порядков».

Де Голль иначе подходил к этому вопросу. Он считал, что власть на местах по мере освобождения Франции и ее заморских владений следует передавать представителям «Свободной Франции», которая должна выступать в качестве временного правительства страны, а деятели вишистского режима, коллаборационисты должны предстать перед судом. Это была позиция, принципиально отличная от американской, и она явно не устраивала Рузвельта.

Американская разведка в тот период считала де Голля английским ставленником и высказывала опасение, что его приход к власти может способствовать усилению английского влияния в послевоенной Франции. Начальник управления стратегических служб США генерал Донован в своих сообщениях Рузвельту характеризовал де Голля как человека с диктаторскими замашками, опьяненного властью и находящегося в полной политической изоляции. Он не сулил ему успешного будущего и не рекомендовал делать на него ставку. Амери-

канская разведка усиленно искала подходящую кандидатуру на роль своего ставленника среди деятелей вишистского режима.

В руководстве Великобритании, по данным внешней разведки, вначале не было полного единства в отношении де Голля. Черчилль, которому приходилось иметь непосредственные контакты с де Голлем, понимал, что подчинить этого упрямого француза своей воле вряд ли удастся. По его инициативе английские спецслужбы дважды пытались заменить де Голля сначала бывшим генерал-губернатором французского Индокитая генералом армии Катру, а затем честолюбивым вице-адмиралом Мюзелье. Обе попытки провалились. Де Голль все больше утверждался в роли общенационального лидера.

Иден и возглавляемый им Форин Офис несколько иначе подходили к де Голлю. Они предсказывали ему политическое будущее и рекомендовали Черчиллю искать пути сближения с ним. Это хорошо было видно из информации, получаемой внешней разведкой непосредственно из окружения Идена, который убеждал Черчилля, что в интересах Великобритании сохранить де Голля как барьер на пути американского проникновения во французские колонии и послевоенную Францию.

В конечном счете восторжествовала точка зрения Идена. Из переписки Черчилля с Рузвельтом видно, что Рузвельт настаивал на отказе, якобы в интересах союзников, от использования де Голля и его организации и предлагал заменить его другой политической фигурой. Черчилль пытался убедить Рузвельта в возможности работать с де Голлем и предлагал свои услуги по его подчинению воле Англии и США. Острые противоречия по этому вопросу между руководителями Англии и США сохранялись до середины 1943 года, когда под давлением реально сложившейся ситуации США вынуждены были в конечном счете пойти на признание возглавляемого де Голлем Французского комитета национального освобождения.

Отстаивая перед Рузвельтом де Голля, Черчилль вместе с тем не прекращал попыток заставить его следовать в фарватере английской политики. Советская разведка регулярно докладывала об этом руководству страны, которое в целях нейтрализации усилий англичан по «обузданию» де Голля предприняло ряд дипломатических шагов. Весьма характерно в этом отношении указание, направленное в мае 1942 года Молотовым послу СССР в Великобритании, в котором, в частности, говорилось: «Нам хорошо известны особенности де Голля и его окружения. Однако надо прежде всего считаться с тем, что имя де Голля стало в известном смысле символом борьбы той Франции, которая не хочет примириться с господством гитлеровских захватчиков – угнетателей французского народа. При оценке отношений де Голля с англичанами надо учитывать, что его стремление оградить свою самостоятельность и не находиться в полной зависи-

мости и подчинении у иностранного правительства является с нашей точки зрения положительной чертой де Голля».

А что же Жиро? Все это время, пока де Голль создавал свою «Свободную Францию», укреплял позиции в заморских владениях французской империи, налаживал отношения с союзниками, этот генерал пребывал в безызвестности, находясь в германском плену. Но вот в апреле 1942 года имя Жиро прозвучало по всей Франции. 63-летний генерал совершил дерзкий побег из крепости Кенигштайн на Эльбе, где он находился в заточении, спустившись по канату с 40-метровой крепостной стены. Это был личный подвиг. Побег, правда, был совершен не без помощи вишистской разведки. Через Эльзас Жиро был нелегально переправлен в Швейцарию, а оттуда перебрался в Виши, где присягнул в верности главе вишистского режима маршалу Петэну.

Американская разведка рекомендовала Рузвельту генерала Жиро как удобную кандидатуру для противостояния де Голлю. Его имя стало широко известно после побега из плена, а звание генерала придавало авторитет его фигуре среди политиков и в военных кругах.

В это время американцы совместно с англичанами готовили операцию по высадке союзных войск в Северной Африке. Разведка получила данные о том, что по настоянию Рузвельта де Голль от участия в ней был полностью отстранен. Его даже не поставили в известность о планах ее подготовки. Американцы рассчитывали во главе администрации занятых союзными войсками североафриканских территорий поставить своих ставленников. Рассматривались кандидатуры генерала Жиро и адмирала Дарлана, главнокомандующего войсками Виши в Северной Африке. С Дарланом работал в Алжире американский разведчик Роберт Мэрфи, действовавший под дипломатическим прикрытием. Жиро обхаживали американские разведчики из посольства США в Виши. С их помощью он был тайно вывезен из неоккупированной зоны Франции и на подводной лодке доставлен в Гибралтар, где в то время располагался штаб главнокомандующего англо-американскими войсками генерала Эйзенхауэра.

Англичане не были в курсе этих американских планов по установлению своих порядков в Северной Африке. Резидент советской внешней разведки в Лондоне в одном из своих сообщений докладывал: «Комбинация с появлением Жиро и адмирала Дарлана была подготовлена без участия англичан и явилась для них полной неожиданностью. Тайные переговоры американцев с Дарланом проходили более трех месяцев, англичане ничего не знали о них и были поставлены перед свершившимся фактом».

Из переписки Черчилля с Рузвельтом, а также информации из окружения Идена было видно, что Черчилль понимал опасность для Англии американских планов и не был согласен с устранением де Голля и его заменой Жиро или Дарланом. Теряя де Голля, Англия пола-

гала, что лишалась возможности оказывать влияние на ход событий в Северной Африке.

Резидент внешней разведки в Лондоне сообщил в Центр, что Иден поручил своему послу в США Галифаксу срочно встретиться с госсекретарем Хэллом и «в решительной форме поставить вопрос о большой опасности, связанной с приходом Дарлана к власти, и прекратить всякие переговоры с ним». При этом Галифаксу было предложено заявить американцам, что «англо-советские отношения, несколько улучшившиеся за последнее время, могут снова ухудшиться из-за Дарлана, а де Голль, с которым английское правительство связано рядом договоренностей, никогда не согласится сотрудничать с Дарланом».

О важности этого демарша говорит тот факт, что после встречи с Хэллом Галифакс был принят Рузвельтом, который хотя и не отказался от сотрудничества с Жиро и Дарланом в пользу де Голля, но согласился с предложением англичан направить в Северную Африку группу высокопоставленных дипломатов Англии и США для изучения обстановки на месте и подготовки предложений. В отношении де Голля Рузвельт пошел лишь на то, что дал согласие проинформировать его о результатах работы указанной группы.

Советский Союз продолжал последовательно поддерживать де Голля. Будучи хорошо осведомленным своей разведкой об англоамериканских противоречиях в этом вопросе, он умело использовал их для проведения своей политики в пользу де Голля. 12 августа 1942 года в ходе встречи с Черчиллем и Гарриманом Сталин специально поинтересовался ходом подготовки операции по высадке союзников в Северной Африке и спросил, информирован ли о ней де Голль. Получив отрицательный ответ, Сталин высказал свое недоумение, заявив, что эта важная операция недостаточно подготовлена в политическом отношении и что, по его мнению, ее было бы полезно провести при участии де Голля[4].

После высадки союзных войск в Северной Африке адмирал Дарлан был назначен Эйзенхауэром главой французской администрации, а генерал Жиро – главнокомандующим французскими войсками в этом регионе. Формально он был подчинен Дарлану. Оба были недовольны, оба претендовали на роль главы французского государства. Такое соперничество вполне устраивало американцев. Играя на амбициозности двух высших военных чинов вишистского режима, они очень быстро стали прибирать к рукам Северную Африку.

Уже через месяц после проведения союзниками десантной операции внешняя разведка докладывала Сталину и Молотову: «События в Северной Африке показывают, что в руках США оказалось не только большинство территорий французской империи, но и все командные высоты в Алжире, Марокко и Экваториальной Африке. Американцы контролируют территорию, порты и производительные силы;

они снабжают население продовольствием и «осваивают» приобретенные экономические ресурсы, о чем свидетельствует прибытие туда экономических миссий и представительств крупнейших американских фирм. Американцы сохранили французский аппарат управления страной, армией и флотом, который они унаследовали благодаря Дарлану. ...Англичане оказались лишь символическими совладельцами, в то время как истинными хозяевами положения являются американцы...» «...Американцы открыто оттеснили де Голля от участия в североафриканских событиях». «...Ставка американцев на Дарлана и Жиро заставляет англичан очень осторожно относиться к де Голлю. Чтобы не вызвать раздражения американцев, Черчилль запретил его речь по радио. Задача представителя де Голля в Вашингтоне Филиппа состоит сейчас в том, чтобы хоть как-то смягчить позицию Рузвельта по отношению к нему и оставить для де Голля хотя бы место под солнцем».

Краткая, но весьма яркая и точная характеристика событий, доложенная руководству страны внешней разведкой.

Однако американцам не удалось разыграть свой тщательно составленный сценарий до конца. 24 декабря 1942 года антивишистски настроенный двадцатилетний студент Фернан Бонье де ля Шапель застрелил Дарлана в Алжире. На следующий же день, после скоропалительного заседания военного трибунала, он был расстрелян по приказу Жиро.

Внешней разведке не удалось тогда получить достоверную информацию, по чьему приказу он действовал, чью волю он выполнял. Может быть, свою собственную? Историки до сих пор не имеют на этот счет твердого мнения. 21 декабря 1945 года апелляционный суд Алжира аннулировал приговор, вынесенный Бонье де ля Шапелю, мотивируя свое решение тем, что акт, повлекший за собой смертный приговор, «был в действительности совершен в интересах освобождения Франции».

Устранение Дарлана открывало для Жиро путь в большую политику. Теперь все внимание американцев было приковано к нему. В Жиро они видели удобную политическую фигуру для внедрения США в освобождаемые французские территории, с его помощью рассчитывали окончательно устранить де Голля. Уже 26 декабря Эйзенхауэр обеспечил избрание Жиро главой французской администрации в Северной Африке при сохранении им поста главнокомандующего французскими войсками.

Англичан явно не устраивал такой ход событий. В переходе всей власти в руки американского ставленника, каким им представлялся Жиро, они видели угрозу своим интересам. Внешняя разведка получила данные о том, что по дипломатическим каналам англичане поставили перед Рузвельтом вопрос о необходимости совместных поисков путей «сближения между генералами Жиро и де Голлем».

В качестве возможного варианта решения вопроса они выдвинули идею создания единого органа под совместным руководством Жиро и де Голля по типу временного правительства, с которым можно было бы решать все вопросы, связанные с освобождением и управлением французскими территориями. При этом в своих демаршах перед американцами англичане ссылались в том числе и на позицию Советского Союза, подчеркивая его заинтересованность в поддержке де Голля.

Для обсуждения «французского вопроса» в Вашингтон для переговоров с Хэллом и Рузвельтом отправился Иден. В конечном счете американцы согласились на создание объединенного органа, но при ведущем положении в нем Жиро. В разведдонесении из Вашингтона, полученном в Москве, подчеркивалось, что, идя навстречу англичанам в создании объединенного органа, возглавляемого Жиро и де Голлем, американцы рассчитывали, что с помощью их поддержки Жиро сумеет сохранить свои позиции, а де Голля им удастся окончательно оттеснить.

Американцы и англичане договорились организовать встречу двух французских генералов в январе 1943 года в марокканском городе Касабланка, где намечалось провести переговоры Рузвельта и Черчилля для обсуждения планов дальнейшего ведения войны. Внешняя разведка получила исчерпывающую информацию о ходе обсуждения вопросов, позициях сторон и принятых решениях.

Наиболее острым был французский вопрос. Жиро прибыл на конференцию и готов был подписать решение о создании на базе своей администрации и организации «Свободная Франция» де Голля объединенного Французского комитета национального освобождения. Де Голль понял маневры англо-американской дипломатии, оставлявшей его на втором плане. Он отказался ехать в Касабланку, ответив на приглашение Черчилля, что готов встретиться с «французским генералом, но на французской территории и среди французов».

Черчиллю пришлось затратить большие усилия, чтобы заставить де Голля приехать в Касабланку.

Встреча двух генералов в Касабланке не принесла англо-американским союзникам желаемых результатов. «Свадьба», как окрестили эту операцию по примирению Жиро и де Голля американские и английские дипломаты, не состоялась. Де Голль отказался принять разработанные англо-американскими союзниками условия его объединения с Жиро. Он настаивал на том, чтобы созданная Жиро в Алжире администрация присоединилась к комитету «Свободная Франция», которая, как подчеркивал он, существует уже два года и фактически играет роль правительства Франции.

Для американцев это было неприемлемое решение. Оно лишало их возможности внедряться на освобождаемые французские территории. Все усилия Рузвельта повлиять на де Голля, используя свое личное обаяние и положение главы ведущей державы мира, оказались

тщетными. Де Голль прекрасно понял намерения американцев. Позже в своих мемуарах военных лет он напишет о своих впечатлениях о встречах с Рузвельтом в Касабланке: «С тех пор, как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира, – он хотел, чтобы страны, раздавленные испытаниями войны, признали за ним право судить, и считан, что, в частности, он станет спасителем Франции и вершителем ее судеб».

Таким образом, конференция в Касабланке закончилась по французскому вопросу фактически безрезультатно. Единственное, чего удалось достичь после длительных переговоров, – это договоренность об обмене между «Свободной Францией» де Голля и администрацией Жиро постоянными миссиями связи, что давало больше преимуществ де Голлю, чем Жиро. Он получил прекрасную возможность развернуть в Алжире политическую и пропагандистскую работу в пользу «Свободной Франции», тогда как для Жиро пребывание его миссии в Лондоне мало что давало.

Тем не менее американцы по-своему истолковали результаты Касабланки. В апреле внешняя разведка доложила Сталину и Молотову, что по указанию Рузвельта Хэлл направил американским послам указание, в котором говорилось: «В результате конференции в Касабланке президент вынес решение, что французский главнокомандующий генерал Жиро со штаб-квартирой в Алжире является доверенным лицом по военным, экономическим и финансовым интересам Франции, которые связаны с освободительным движением в Африке, и предложил оказывать ему помощь. Это решение было одобрено Черчиллем».

Будучи хорошо осведомленным относительно англо-американских планов в отношении де Голля, советское правительство также решило занять позицию в этом вопросе. В июне 1943 года Молотов направил послу СССР при союзных правительствах в Лондоне следующее указание: «Сообщаем Вам для ориентировки и руководства, что в вопросе об отношении к де Голлю и Жиро Вам следует держаться следующей установки.

Первое. Мы даем предпочтение де Голлю, так как он является непримиримым к правительству Виши и гитлеровской Германии, тогда как у генерала Жиро отсутствует такая непримиримость.

Второе. Мы предпочитаем поддерживать де Голля, так как он твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями, тогда как генерал Жиро проявляет враждебность в отношении республиканско-демократических традиций Франции и боится иметь тесный контакт с народными массами Франции».

Однако продолжать игнорировать де Голля и его организацию американцам становилось все труднее. Его авторитет среди сражаю-

щихся французов возрастал. Этому способствовала и позиция Советского Союза. В действиях США и Англии по отношению к де Голлю стали происходить позитивные изменения.

Де Голлю и его организации «Свободная Франция» было разрешено перебраться в Алжир. Его сторонники, арестованные ранее на территориях Северной и Экваториальной Африки, были выпущены из тюрем. Чиновников вишистской администрации стали снимать с постов, а наиболее одиозные коллаборационисты были преданы суду. Отстранение вишистов было твердым требованием де Голля. Только после его выполнения он согласился на переговоры с Жиро об объединении. 3 июля 1943 года объединение было провозглашено. В подписанном де Голлем и Жиро документе официально объявлялось о создании Французского комитета национального освобождения (ФКНО). Комитет объявлял себя центральной французской властью, осуществляемой на всех территориях, не занятых врагом, защитником суверенитета и интересов Франции во всем мире. Возглавлялся Комитет на равных правах двумя сопредседателями – де Голлем и Жиро. В этом была суть компромисса. Американцы вынуждены были отказаться от единовластия Жиро в Комитете. Пост главнокомандующего французскими вооруженными силами сохранялся за Жиро, и американцы, видимо, рассчитывали, что, опираясь на армию, ему удастся в скором времени оттеснить де Голля и занять доминирующее положение в Комитете.

Начался период сложной политической борьбы и интриг внутри ФКНО. Жиро пользовался полной поддержкой американцев, его действиями практически руководил американский разведчик Мэрфи. Де Голлю было сложнее. Английский представитель в Алжире Макмиллан не действовал в пользу де Голля столь же решительно, как Мэрфи в пользу Жиро. Советская внешняя разведка добыла послание Идена Макмиллану, в котором британский министр иностранных дел сообщал ему о том, что сторонники де Голля Катру и Массильи считают его активность недостаточной и просят оказывать большую помощь де Голлю в решении щекотливых вопросов.

Английская дипломатия осторожничала. Она не выступала открыто против попыток американцев утвердить Жиро в качестве единоличного руководителя ФКНО и была готова удовлетвориться тем, что де Голль будет играть в нем вторые роли.

Советскому руководству нужна была информация с места событий о том, что происходит в Алжире, нужен был прямой выход на де Голля. В Лондоне контакт с ним поддерживал посол СССР при союзных правительствах А.Е. Богомолов. С переездом в Алжир такая связь прервалась. Поэтому советское руководство по дипломатическим каналам запросило правительство США дать разрешение Богомолову на поездку в Алжир. Дело в том, что Северная Африка рассма-

тривалась союзниками как зона боевых действий и находилась под контролем союзного командования, которое возглавлял Эйзенхауэр.

Американцы сразу же поняли, какое значение для де Голля будет иметь приезд Богомолова в Алжир. На просьбу советского правительства они ответили отказом. Своих мотивов при этом они не скрывали. В беседе с временным поверенным в делах СССР в США А.А. Громыко госсекретарь Хэлл заявил, что, по мнению американского руководства, поездка Богомолова усилила бы агитацию деголлевцев против Жиро и вызвала бы еще большие их нападки на него. «Переход власти к де Голлю, – сказал он, – означал бы с военной точки зрения большую угрозу коммуникациям в Северной Африке. Американцы не хотят иметь в своем тылу чужих генералов».

Американцы и англичане имели в Алжире своих дипломатических представителей – Мэрфи и Макмиллана, а Советскому Союзу в этом было отказано.

В этих условиях было принято решение поручить поддержание прямых контактов с де Голлем и организацию получения информации не только из Лондона, но и с места событий внешней разведке. В качестве прикрытия решено было использовать Комиссию по репатриации, членом которой был Советский Союз. В Северной Африке находилось большое количество «перемещенных лиц», в том числе и граждан СССР. Отказать в направлении в Алжир советских представителей в Комиссии по репатриации у союзников не нашлось оснований. Тот же Хэлл в беседе с Громыко вынужден был дать согласие на такую поездку.

Миссия по установлению контакта с де Голлем была доверена молодому, но в то время уже опытному разведчику И.И. Агаянцу. Под фамилией Авалов он в августе 1943 года вылетел в Алжир из Тегерана, где он возглавлял резидентуру внешней разведки.

Выбор не был случайным. И.И. Агаянц был талантливым сотрудником внешней разведки. Человек большого обаяния, широкой эрудиции, подлинной интеллигентности, он умел сам и учил других работать активно и в то же время вдумчиво, изобретательно, с фантазией и вдохновением. В 1943 году ему было всего лишь 32 года, но он уже имел за плечами более чем десятилетний опыт работы в разведке, перед войной был заместителем резидента в Париже. В ноябре 1941 года ему был поручен ответственный пост руководителя внешней разведки в Иране.

В Тегеране Агаянц и познакомился с де Голлем, когда генерал приезжал туда по делам «Свободной Франции». Агаянц сумел установить с де Голлем отношения доверия и взаимопонимания, что и сыграло решающую роль при выборе кандидата для установления контакта с ним в Алжире. Конечно, перед де Голлем Агаянц выступал не как разведчик, а как дипломат, сотрудник наркоминдела и член Комиссии по репатриации Авалов.

Хранящиеся в архивах записи бесед Агаянца с де Голлем не оставляют сомнений – руководитель ФКНО воспринимал Авалова как специально направленного к нему для связи представителя советского правительства и использовал этот контакт не только для информации о положении дел, но и для постановки перед ним официальных вопросов, касавшихся взаимоотношений ФКНО с Советским Союзом и его англо-американскими союзниками.

Круг вопросов, обсуждаемых Агаянцем с де Голлем, был весьма широк. Именно через Агаянца де Голль официально поставил вопрос о своем визите в Москву и встрече со Сталиным. В период, когда между де Голлем и Жиро шла острая борьба за преобладание в ФКНО, каждый из претендентов на власть стремился заручиться внешней поддержкой, и визит де Голля в Советский Союз мог иметь решающее значение.

Много времени в беседах с Агаянцем де Голль уделял борьбе внутри ФКНО. Он информировал о действиях Жиро и его поддержке США, рассказывал о попытках американцев отстранить войска де Голля от участия в военных действиях против немцев и итальянцев.

Большое внимание в беседах с Агаянцем уделял де Голль вопросам советско-французских отношений как во время войны, так и в послевоенном мире. Он изложил целую концепцию своих взглядов на послевоенное устройство, роль и значение в нем Франции и Советского Союза, их тесного сотрудничества и дал понять, что хотел бы обсудить все эти вопросы со Сталиным в ходе будущего визита в Москву.

Через Агаянца в этот период де Голль решал многие вопросы текущих отношений ФКНО с союзными державами. Англо-американские союзники стремились оттеснить де Голля от участия в работе межсоюзнических органов, от выработки и принятия политических и военных решений, касавшихся дальнейшего ведения войны. Особенно это касалось операций в Средиземноморье, Италии, на Балканах. Они не хотели видеть возглавляемый де Голлем ФКНО равноправным участником за столом переговоров союзнических держав, стран – участниц антигитлеровской коалиции. Используя контакт с Агаянцем, де Голль ставил советское правительство в известность обо всех этих маневрах англо-американских союзников и просил дипломатической поддержки, которую он и получал. В частности, Советский Союз настоял перед Англией и США на том, чтобы ФКНО на равных был допущен к работе межсоюзнической комиссии по Средиземному морю и Италии.

Дипломатической изоляции де Голля не получилось. Американцы в этом вскоре убедились. Доверенная внешней разведке важная политическая миссия была успешно выполнена.

Большое значение для укрепления позиций де Голля имело дипломатическое признание ФКНО великими державами, особенно после того, как ему удалось занять в нем преобладающие позиции.

Внешняя разведка получила данные о том, что Англия и США решили использовать вопрос о признании ФКНО как дополнительное средство давления на де Голля. Из переписки Черчилля с Рузвельтом было видно, что они решили всячески затягивать признание, добиваться того же от Советского Союза и не допустить, чтобы он признал ФКНО в одностороннем порядке. Эта информация послужила хорошей основой для борьбы нашей дипломатии за признание ФКНО[5].

В конечном счете, учитывая позицию Советского Союза и крепнущий авторитет де Голля, союзники пошли на признание ФКНО[6]. О нем было объявлено одновременно тремя державами 26 августа 1943 года. Но сделано это было по-разному. Впоследствии сам де Голль дал такую оценку этому признанию: «Сказать по правде, формулы признания, избранные тремя великими державами, глубоко отличались друг от друга. Вашингтон счел нужным ограничиться самым сдержанным заявлением: «Комитет признается как орган, управляющий теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть». Лондон прибег к тем же выражениям, но добавил: «В глазах Великобритании Комитет является органом, способным обеспечить руководство французскими усилиями в войне». Москва проявила настоящую широту. Для советской России Комитет был представителем «государственных интересов Французской республики». Он являлся и единственным «руководителем всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании».

Богомолов в качестве полномочного посла СССР при ФКНО смог прибыть в Алжир только в октябре 1943 года, когда исход борьбы между Жиро и де Голлем был фактически предрешен. К этому времени де Голль обеспечил себе преобладающее положение в ФКНО. Во главе наиболее важных комиссариатов ФКНО, игравших роль министерств будущего правительства, встали сторонники де Голля. Он сумел добиться решения ФКНО о разделении функций главнокомандующего и председателя Комитета, чем поставил Жиро в весьма сложное положение. Позиции де Голля сильно укрепились в результате проведенной им кампании по ликвидации вишистских порядков и чистки административного аппарата от коллаборационистов. Были отменены запрет коммунистической партии и закон «О подавлении деятельности анархистов и коммунистов». Это принесло де Голлю поддержку компартии и движения Сопротивления внутри метрополии. Наконец, в ноябре 1943 года Жиро и его главные сторонники были вынуждены покинуть руководство ФКНО, де Голль стал его единственным председателем.

Потеряв возможность влиять на политику Комитета, Жиро попытался сохранить некоторые позиции в армии. Важнейшей его опорой в ней были органы разведки и контрразведки, которые возглавлял его верный сторонник генерал Ролен. Но де Голль добился слияния

армии Жиро и сил «Свободной Франции». Во главе объединенных армейских секретных служб он поставил своего сторонника Жака Сустеля. Жиро окончательно утратил все свои позиции и, несмотря на активную поддержку американцев, оказался устраненным с пути к власти в освобождаемой Франции.

Борьба де Голля и Жиро не была только борьбой за власть двух генералов. За ней отчетливо просматривался политический контекст. За де Голлем стояли национальные силы, выступавшие не только за освобождение своей страны, но и за ее дальнейшую свободу и независимость от любого иностранного влияния, за величие Франции и достойное место в послевоенном мире.

Жиро видел в своих американских друзьях силу, которая в послевоенном мире одна лишь будет способна возродить его страну. Вольно или невольно, он не замечал грозивших при этом Франции опасностей утраты своей самостоятельности.

---

[1] **Шарль де Голль**. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 годы. – М., 1960. – С. 651–652.

[2] Там же. – С. 252.

[3] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. – Т. 1. 1941–1943. – М., 1959. – С. 87.

[4] Там же. – С. 18.

[5] Там же. – С. 93.

[6] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Т. 1. – М., 1957. – С. 134–135.

26

Рождение ИНФО

Заканчивался 1943 год, год коренного перелома в Великой Отечественной войне. Начался он победоносным окончанием Сталинградской битвы, продолжился грандиозной операцией на Курской дуге. Дело шло к полному освобождению захваченной врагом советской земли и боям на территории противника, освобождению европейских стран. Сомнений в исходе войны ни у кого уже не было.

7 декабря газеты поместили изложение документов недавно завершившейся конференции «большой тройки» в Тегеране, на которой наконец-то были согласованы планы открытия Англией и США второго фронта, намечены перспективы послевоенного устройства, идеи создания будущей ООН. В этот же день И. Сталин получил послание американского президента, в котором Ф. Рузвельт сообщил, что назначает генерала Эйзенхауэра ответственным за проведение союзниками операции по форсированию Ла-Манша. Война, по существу, вступала в заключительную фазу. Приближалось начало новой главы в истории человечества.

В этот же день в советской разведке произошло важное событие, о котором, естественно, не писали газеты. Вызвано оно было новыми задачами, которые явственно вырисовывались перед разведкой на будущее. 7 декабря 1943 года был подписан приказ № 00360 о создании в составе Первого управления НКГБ (внешняя разведка) информационного отдела. Для краткости его назвали ИНФО. Возглавил новый отдел М. Аллахвердов.

Михаил Андреевич Аллахвердов родился в Степанакерте (Нагорный Карабах), в 1918 году пошел в Красную Армию, в 1919 году принят в ОГПУ, участвовал в установлении советской власти в Таджикистане. Окончил Военную академию им. Фрунзе, после чего был командирован в Иран, где возглавлял резидентуру до 1930 года. В 1933–1934 годах был нелегалом в Вене, Цюрихе и Париже. В годы войны возглавлял резидентуру в Афганистане, откуда был вызван в Москву,

чтобы возглавить ИНФО. Перед войной он поработал в германском отделе внешней разведки, занимаясь информацией, и этот профиль работы, таким образом, был ему в значительной степени знаком.

Скромный, ответственный, уравновешенный человек с прекрасным практическим опытом работы в странах Запада и Востока, он как нельзя лучше подходил для коллектива, на долю которого выпала задача освещения важнейших мировых проблем для советского руководства.

Свидетельством признания роли ИНФО и заслуг его начальника было присвоение Аллахвердову в 1945 году редкого тогда для сотрудников внешней разведки воинского звания генерал-майор. Он возглавлял ИНФО до 1947 года, после чего был одним из руководителей высшей разведывательной школы.

Заместителем М. Аллахвердова стала Елена Дмитриевна Модржинская. Коренная москвичка, по специальности экономист, она до прихода в органы госбезопасности работала во Всесоюзном обществе культурных связей, была заместителем директора Всесоюзной торговой палаты. В 1940–1941 годах вместе с мужем работала в оккупированной немцами Варшаве, сообщая в Центр о подготовке Германии к войне с СССР, о концентрации гитлеровских войск вблизи наших границ. За эту работу была награждена орденом Красной Звезды. Она в совершенстве владела рядом европейских языков, отличалась кипучей энергией, аналитическими способностями и организаторским даром. (Впоследствии стала доктором философских наук, заведовала сектором Института философии Академии наук СССР.)

Именно Модржинской были поручены разработка положения об ИНФО и подбор кадров для информационно-аналитического отдела. От этого во многом зависел уровень работы ИНФО.

ИНФО состоял из пяти отделений (направлений). Четыре из них определялись по географическому принципу. Пятое имело справочные функции. Создавалось бюро переводов, где работали всего семь сотрудников. Была образована группа спецсообщений. Если в ИНФО первоначально работал 41 сотрудник, то к концу войны Информационный отдел имел уже девять направлений и насчитывал 126 человек.

Тем самым сформировалось информационно-аналитическое ядро внешней разведки СССР, а в ее работе наступил качественно новый этап. Появился работоспособный аппарат, который помог организовать добычу и обработку информации, отсеивать дезинформацию и сомнительные сведения, от освещения отдельных эпизодов и событий перейти к планомерному слежению за международной ситуацией, давать обоснованные прогнозы на ближайшее, а затем и на более отдаленное будущее.

Если ранее оперативные подразделения разведки брали на себя весь цикл добычи, обработки и направления руководству страны информации по важнейшим военным и политическим проблемам, не имея

подчас достаточно подготовленных переводчиков, редакторов, аналитиков, так сказать, вручную обрабатывая то, что удалось добыть, то теперь стала возможной планомерная информационно-аналитическая работа, нацеленная на обеспечение руководителей СССР проверенной и достоверной информацией по широкому кругу международных проблем.

Конечно, разведка немыслима без людей талантливых, обладающих цепким аналитическим мышлением, умением выявить в сплетении обстоятельств истинное положение вещей. Но и самые способные специалисты не в состоянии быстро сверить только что добытую информацию с тем, что было получено ранее, притом из совсем других источников, критически оценить ее, сопоставить с официальными данными. Невозможно быть универсалами по всем регионам и проблемам.

И чем ответственнее момент, тем нужнее тщательный отбор сведений, их своевременное обобщение, тем нужнее грамотно организованное разделение труда. Для этого и создавался ИНФО.

Время создания ИНФО было не случайным: после побед, менявших ход войны в пользу Советского Союза, наступал момент быстрых перемен в международной обстановке. Необходимо было заглядывать дальше, готовить для руководства государства достоверный и надежный материал для дипломатических и политических битв, определявших послевоенное устройство Европы и мира в целом.

Весь опыт предвоенных и военных лет говорил о том, что было наивным надеяться на гармоничное и бесконфликтное развитие мирового сообщества. Диапазон возникавших проблем, потребности нашей дипломатии охватывали широчайший спектр тем: от германского вопроса, репараций, выработки мирных договоров со странами, воевавшими на стороне Германии, до создания международных организаций, занимающихся проблемами безопасности и сотрудничества.

Укомплектовать в условиях продолжающейся войны информационно-аналитическое звено разведки было нелегко. Надеяться приходилось в основном на собственные кадры. Пришлось опираться, в частности, на опыт самого важного германского отдела, которым руководил П. Журавлев. Возглавив в конце 1939 года первое (германское) отделение разведки, Журавлев к весне 1940 года приступил к систематизации материалов, касающихся планов нападения Германии на Советский Союз. Он выделил их из дела «Внешняя политика Германии», которое вела З. Рыбкина, и сконцентрировал в неофициальном досье «Факты», которое вел лично.

Павел Матвеевич Журавлев до этого проработал много лет на ответственных постах в разведке, был резидентом в Праге, работал под дипломатическим прикрытием в Риме, где также возглавлял резидентуру, затем в Стамбуле, владел французским и итальянским языками. Одним из первых он понял необходимость создания специаль-

ного информационного подразделения в разведке. Этот вопрос был поднят на секретном совещании руководства разведки 21 февраля 1941 года, на котором было принято решение о сформировании такой службы «для изучения, анализа, обобщения материалов по важнейшим вопросам и составления документов для директивных органов» и укомплектования ее «квалифицированными чекистами, оперативно мыслящими и к тому же владеющими пером».

Весной 1941 года П. Журавлев создал в отделе информационное отделение во главе с М. Аллахвердовым. Заместителем Аллахвердова была назначена З. Рыбкина. Несколько сотрудников готовили сводки по германской проблематике, на основе которых были выпущены многие сообщения в адрес Сталина и других советских руководителей. Это были сообщения о вооружении Германии, «восточной политике» Гитлера, подготовке агрессии против Советского Союза. По мере приближения сроков нападения на СССР в этом информационном отделении, являвшемся предтечей будущей информационно-аналитической службы, работа становилась все напряженнее. Разведчикам отделения в ряде случаев удавалось отводить от доклада Сталину дезинформационные материалы, которые поставлял в Центр из Берлина резидент Кобулов, доверявший агенту-двойнику Лицеисту, и вместе с тем настойчиво продвигать сведения о приближении дня войны.

В аналитическом обзоре для руководства страны указывалось: «Дополнительная проверка сообщенных Вам агентурных сведений о планах нападения Германии на Советский Союз, обсуждаемых сейчас в руководящих германских инстанциях, и о конкретных военно-хозяйственных приготовлениях против СССР, предпринятых в осуществление этих планов, частично подтверждает, что: 1) планы нападения на Советский Союз действительно разрабатываются в высших военных и хозяйственных органах Германии; 2) по этим планам предполагается отторгнуть от Советского Союза территорию на запад от линии Ленинград – Черное море; 3) выступление против Советского Союза не является еще твердо принятым решением, но ориентировочно его сроки (апрель–май) указывают, что оно будет предпринято до решительного наступления против Англии». Далее на четырех страницах были приведены конкретные разведывательные данные, подтверждающие это. Однако процитиро-ванные выше тезисы, а также строка из сообщения Шульце-Бойзена о «чрезвычайно интенсивной и ускоренной разработке планов германской авиации против СССР» были вымараны красным карандашом, а затем, видимо, по возвращении в отдел, бережно восстановлены. 25 мая Журавлев разметил документ Аллахвердову и в верхнем углу написал: «По распоряжению т. П. Судоплатова спецсообщение не послано», подчеркнув при этом два последних слова.

В самый канун нападения отделение составило обобщенную сводку сообщений из Германии. Из нее явствовало, что война в бли-

жайшее время неминуема. Сводка эта сохранилась в архивах как немой укор тем, кто не захотел вовремя поверить правде о надвигающихся событиях.

Планы сформирования информационной службы с началом войны пришлось отложить, хотя целесообразность такой службы становилась очевидной и для разведчиков, и для их руководителей. Незадолго до того, как решение было оформлено приказом, а именно в мае 1943 года, информационное подразделение было уже создано явочным порядком и в конце месяца подготовило для руководства НКГБ аналитический обзор, в котором освещались военные планы Германии на советском фронте, в частности, осуществление операции «Цитадель» на Курской дуге, а также ближайшие военные планы англо-американских союзников (захват островов в Средиземном море и вторжение в Италию).

Собственно, квалифицированность, с которой была выполнена эта работа, и послужила примером того, что может дать создание информационной службы. Подобная «визитная карточка» ускорила решение вопроса о ее создании.

Добавим, что П.М. Журавлев возглавлял ИНФО с 1947 по 1950 год.

Среди тех, кто включился в деятельность ИНФО, были будущий первый заместитель министра иностранных дел Г. Корниенко, А. Ковалев (позже он заведовал отделом стран Западной Европы в МИД СССР, один из главных разработчиков концепции европейской безопасности), выпускник истфака МГУ, будущий посол по особым поручениям и начальник управления МИД СССР Л. Менделевич, генерал-лейтенант В. Павлов, В. Кучин, выступавший переводчиком на Нюрнбергском процессе над военными преступниками, О. Басова, руководитель бюро переводов, в совершенстве владевшая более чем десятком иностранных языков, и многие другие способнейшие люди, имена которых широко известны среди коллег и за пределами внешней разведки.

Приказ по Наркомату госбезопасности так определял направления работы отдела:

– аналитическая обработка и реализация агентурных материалов по политическим и экономическим вопросам;

– определение достоверности и оценка получаемых разведывательных материалов на основе систематического изучения, сопоставления и сравнительного анализа сообщений различных источников;

– содействие улучшению качества информации, поступающей из резидентур;

– глубокое изучение внутренней и внешней политики зарубежных государств;

– подготовка и выпуск документов о деятельности, структуре и методах работы иностранных разведорганов.

ИНФО дважды в месяц предписывалось выпускать разведсводки для руководящего состава НКГБ, готовить информационные задания для резидентур.

Среди тех, кто в начале 1944 года пришел в ИНФО, был Николай Антонович Косов, проработавший в разведке 50 лет, ныне генерал-майор в отставке.

«Мне было 22 года, когда меня приняли в ИНФО и назначили помощником в группу спецсообщений, которой руководила Елизавета Юльевна Зарубина, – рассказывает Н. Косов. – Наша задача была реализовывать наиболее срочные материалы, помогая разобрать создавшиеся завалы информации. Поражали диапазон и актуальность шедших к нам сведений: отчеты о заседаниях кабинета Черчилля и решениях руководства США ложились к нам на стол буквально через два-три дня. Служба ИНФО готовила аналитические справки по Балканам и Восточной Европе, Германии и Японии, по Китаю. Мне запомнилась одна из телеграмм американского дипломата из Китая, в которой тот давал рецепты того, как лучше затормозить революционный процесс в этой стране, и рекомендовал срочно провести там земельную реформу. Но основное место занимали военно-политические вопросы. Приближался разгром Германии, и мы готовили материалы для руководства для предстоявшей Ялтинской конференции. Мне там довелось побывать и самому, в группе переводчиков.

Работать приходилось с утра до глубокой ночи, с небольшим обеденным перерывом. Каждый из работников подключался к материалам, где его способности более всего годились. Модржинская и Рыбкина были сильны в анализе, хорошо знали германскую тематику. Другие обрабатывали информацию по Востоку, Китаю, Японии.

Пользу от ИНФО вскоре почувствовали все работники, в том числе и те, кто испытывал к новой службе своего рода ревность, – ведь раньше оперативники сами решали, что и как направлять «наверх». Такие попытки предпринимались и в обход службы. И нам нередко возвращали эти материалы с указанием довести их до нужной кондиции».

Значение ИНФО было в том, что здесь нашли применение те работники, которые по своим способностям и склонности больше всего подходили для анализа и оформления разведывательной информации.

Тем, кто уходил из ИНФО на практическую работу, понимание, чему служит конечный продукт разведки, давало несомненный выигрыш и экономило многие месяцы вживания в специфику работы «в поле».

Разумеется, информационная служба не была застрахована от ошибок, что объясняется как субъективными, так и объективными причинами. Работа ее сотрудников – это чрезвычайно сложный вид деятельности, в рамках которой переплетаются и дополняют друг

друга рациональное и интуитивное познание. Она схожа с задачей, в которой из отдельных фрагментов нужно сложить целостное изображение при том условии, что аналитик никогда не имеет перед собой полного облика искомой картины и всего комплекса составных частей. Кроме того, нужно учитывать, что результаты исследования во многом зависят от заданного ему направления, а последнее зачастую находится вне компетенции внешней разведки.

Качество решений государственных органов зачастую зависело от зрелости рекомендаций разведки, ее осведомленности и, более того, от способности осмыслить добытую ее аппаратом важнейшую информацию, предвидеть тенденции, которые возьмут верх в конфликтном и нестабильном мире. Вот почему обобщенная информация по основным проблемам, аналитические записки занимают с той давней поры все большее место в общем потоке разведывательной информации.

Уже с первых шагов своей деятельности информационно-аналитическое подразделение занималось подготовкой для доклада руководству страны добытых разведкой важных упреждающих достоверных сведений, которые не в последнюю очередь помогли сохранить единство действий СССР с его союзниками в завершении разгрома немецкого фашизма, успешно провести конференции в Ялте и Потсдаме, обеспечить благоприятные предпосылки для развития международного сотрудничества в послевоенный период.

Необходимо подчеркнуть, что уже в начальный период важным направлением деятельности ИНФО стало участие в подготовке фундаментальных аналитических материалов. Так, в 1944 году по заданию Государственного комитета обороны информационные работники участвовали в разработке объединенного доклада советских разведорганов «Современное положение гитлеровской Германии и ее возможности для дальнейшего ведения войны».

Доклад, отметим, исключал возможность организованного сопротивления на занятой территории в виде партизанских формирований, диверсионно-террористических групп и другой подпольной деятельности после вступления советских войск в Германию, что и подтвердилось в дальнейшем. Важность таких выводов очевидна.

ИНФО пришлось пережить впоследствии и сложные периоды. Не всегда «наверху» прислушивались к соображениям этого «мозгового центра» разведки. Международная напряженность сменялась «оттепелями», но неизменной оставалась приверженность сотрудников информационного аппарата внешней разведки своему профессиональному долгу и призванию – беспристрастно оценивать поступающие сведения, отдавая предпочтение фактам, а не декларируемым намерениям, анализировать явления и процессы с точки зрения реальных интересов страны, а не абстрактных представлений и конъюнктурных волюнтаристских требований.

27

Коминтерн и разведка

23 июня 1941 года, спустя день после нападения гитлеровской Германии на СССР, в Москве состоялось экстренное совещание генерального секретаря Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова с группой болгарских эмигрантов-революционеров, работавших в Советском Союзе.

– Знаете, для чего мы пригласили вас, товарищи? – начал Димитров. – Время суровое. Советскому Союзу угрожает смертельная опасность. Все наши политэмигранты должны немедленно включиться в борьбу с фашистским агрессором...

Димитров был взволнован.

– Я продумал кое-какие неотложные меры и предложил советскому правительству сформировать специальную бригаду, включив в нее политэмигрантов – испанцев, французов, англичан, немцев, поляков, итальянцев и других, которые нашли в СССР вторую родину. Бригада, которую мы намерены организовать, – продолжал Георгий Димитров, – объединит, по нашим подсчетам, примерно тысячу человек. Ее надо сформировать, как мне кажется, в Москве или ее пригороде. Часть товарищей, я думаю, надо включить в состав интернациональной бригады для непосредственного участия в военных операциях на фронте, другую – использовать в глубоком тылу немецко-фашистских войск в качестве бойцов так называемого «тихого» фронта. Есть возражения? Нет? Тогда приступаем к делу.

Трудно припомнить название другой общественно-политической организации первой половины XX века, которую бы так часто, как Коминтерн, не связывали с деятельностью советской внешней разведки. Многие документы Коммунистического интернационала – организации, созданной по инициативе В.И. Ленина в 1919 году и объединившей тогда коммунистические партии для борьбы «за победу мировой революции», объективно давали основания для подобных утверждений. В резолюции о всемирно-историческом значении побе-

ды социализма в СССР, принятой в 1935 году VII конгрессом Коминтерна, говорилось, что «...помощь СССР, защита его и содействие победе над всеми его врагами должны определять действия каждой революционной организации пролетариата, каждого социалиста, коммуниста, беспартийного рабочего, трудящегося крестьянина, каждого честного интеллигента и демократа».

Прочтение под определенным углом зрения этих строк позволяло очень вольно трактовать положения процитированной резолюции в привязке к деятельности тех органов советской власти, которые и были как раз призваны укреплять и всемерно защищать завоевания советского государства.

Угроза фашизма, необходимость активных действий по созданию системы коллективной безопасности, укрепление «народного фронта» для борьбы с германским фашизмом и японским милитаризмом подвигли Коминтерн и спецслужбы СССР на то, чтобы определить общие направления, а также формы и методы своей работы. И хотя И.В. Сталин отвергал идею всемирной «перманентной» революции, которой вслед за Троцким и его единомышленниками были увлечены в то время некоторые руководящие деятели Коминтерна, он все же счел за благо использовать проверенные кадры и опыт антиимпериалистической борьбы этой международной организации пролетариата. Опасность прихода Гитлера к власти подтолкнула советского руководителя к сотрудничеству с Коминтерном и объективно способствовала продлению его жизнедеятельности и влияния. Отсюда и сталинское отношение к самостоятельности решений Исполкома Коминтерна, в том числе и в области разведывательных операций.

В Коминтерне контакты с советской разведкой (политической и военной) осуществляла Особая подсекция оргбюро, созданная в 1922 году. В дальнейшем эта подсекция была преобразована в Отдел международных связей Исполкома Коминтерна (ОМС). Отдел занимался организацией нелегальной работы за границей. ОМС служил связующим звеном между Исполкомом Коминтерна и его региональными отделениями и представлял собой секретный аппарат, посылавший за рубеж специальных агентов для передачи денег и инструкций руководителям заграничных организаций коммунистической партии, а также для получения от них информации о положении дел в зарубежном мире. Обычной практикой того времени было привлечение к работе в ОМС иностранных граждан – коммунистов Германии, Франции, Австрии, Англии и других стран. Один из иностранных добровольцев сменил свой партийный билет члена германской коммунистической партии на советский и в марте 1925 года стал полноправным членом РКП(б). Хамовнический райком московской партийной организации выдал ему – «члену профсоюза работников образования СССР» партбилет за № 0049927. Звали этого германского коммуниста Рихард Зорге...

Значительную часть личного состава «легальных» и нелегальных сотрудников Коминтерна составляли интернационалисты, евреи по национальности, располагавшие обширными деловыми и родственными связями за границей.

Возглавлял Отдел международных связей Коминтерна Иосиф (Осип) Аронович Пятницкий (Таршис) – профессиональный революционер. Он начинал политическую карьеру с нелегальной перевозки литературы, издаваемой группой Ленина, из Швейцарии в Россию еще накануне первой русской революции 1905 года.

Осипа Пятницкого за глаза называли «стариком», хотя ему не было и пятидесяти. Пятницкий выглядел значительно старше своих лет. Он был неразговорчив, неулыбчив и даже суров, и часто казался грубоватым и неприступным. Но те, кто общался с ним каждый день по работе, чувствовали в нем совершенно другого, душевного человека и говорили о нем, приводя обычно немецкую поговорку о «золотом парне под грубой кожурой».

Осипа Пятницкого было трудно заподозрить в неискренности или приспособленчестве. Не случайно за ним утвердилась репутация «и единожды не солгавшего». Он верил в мировую коммунистическую идею, прилагал много сил, чтобы работа Коминтерна и его зарубежного аппарата была максимально эффективной. Самым ценным подарком ко дню своего рождения он считал личное письмо жены В.И. Ленина – Н.К. Крупской, которая желала ему дожить до того момента, когда поднимется «буря мировой революции». Не довелось. Осип Пятницкий был расстрелян в Москве как «немецкий шпион» в 1938 году во время массовых «чисток» революционеров ленинской школы.

Осипа Пятницкого знали все лидеры международного коммунистического движения. Он регулярно встречался с ними во время работы конгрессов Коминтерна и в своем кабинете в Доме Коминтерна.

Осип Пятницкий был далек от мысли вершить судьбу мировой революции исключительно силами и конспиративными средствами советских спецслужб. Коминтерн имел не только самостоятельную инфраструктуру для принятия принципиальных политических решений, но и в рамках ОМС свою разведку. Главный смысл ее состоял в том, чтобы получать надежные сведения из стран, с которыми СССР не поддерживал дипломатических отношений. Местные секции Коминтерна в какой-то мере восполняли этот недостаток. Руководитель ОМС рассматривал советскую внешнюю разведку скорее как один из инструментов защиты Коминтерна от проникновения шпионов и провокаторов.

Дело Пятницкого, «закрытое», казалось бы, с его смертью, неожиданно вновь «открылось» в конце войны. Советская контрразведка допросила офицера гестапо, некоего Хайнца Паннвица, который в свое время вел дело «Красной капеллы». От него стало известно, что

еще до нападения Германии на СССР гестапо не раз использовало фальшивые документы для дискредитации видных советских военачальников и политических деятелей. Он признался, что лично принимал участие в подготовке таких документов, в частности, против Пятницкого.

Нацисты намеревались таким образом использовать царящую в Советском Союзе шпиономанию для того, чтобы сотворить «германского агента», будто бы пробравшегося в руководящую партийную верхушку. Но почему их выбор остановился именно на Пятницком? По очень простой причине: немцы знали, что через Пятницкого они нанесут удар по всему управлению кадров Коминтерна, которое наверняка будет уничтожено. Эта акция гестапо чем-то напоминала игру на кегельбане: если пущенный шар заденет одну фигуру, то свалятся и все остальные...

Наш рассказ о взаимодействии советской внешней разведки и Разведупра Генштаба Красной Армии с Коминтерном был бы далеко не полным, если бы мы ограничились лишь общими сведениями и замечаниями и не воспользовались сведениями, почерпнутыми из документов.

Дошедших до наших дней документов не так много, но они дают представление о рамках сотрудничества организаций, которые были призваны в свое время вести постоянную и упорную борьбу против надвигавшейся фашистской угрозы. Эти документы – решения политического руководства СССР и секретариата ИККИ, служебные межведомственные записки, информационные сообщения из «собственных источников» – свидетельствуют о широком диапазоне сотрудничества этих организаций, действовавших в рамках установленного порядка.

Один из документов посвящен сакраментальному вопросу: что можно, а чего нельзя делать сотрудничавшим организациям? Этот документ, принятый Коминтерном, строго очертил рамки такого взаимодействия. Чтобы не погрешить против истины, приведем его полностью, как он был подписан в свое время Г. Зиновьевым и О. Пятницким и неукоснительно принят к исполнению всеми подразделениями Коминтерна.

«Отделения Коминтерна за границей и ВЧК

1. Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК и Разведупра и, наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов.

2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна.

Примечание: представители ВЧК и Разведупра не могут обращаться к заграничным партиям и группам с предложением об их сотрудничестве для Разведупра и ВЧК.

3. Разведупр и ВЧК могут обращаться за помощью к коммунистическим партиям только через представителя Коминтерна.

4. Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК, Разведупру и его представителям всяческое содействие».

Прошли годы, кое у кого сложился определенный стереотип, что Коминтерн и спецслужбы СССР – «близнецы-братья».

Однозначного ответа на этот вопрос не было и нет. С одной стороны, многие современники коминтерновской эпохи были вполне подготовлены к тому, чтобы просто принять на веру поэтическую метафору о «близнецах-братьях», с другой – где-то подспудно, в глубине сознания у многих шевелился червь сомнения: а не преувеличиваем ли мы сегодня роль московской «руки» в организации «тотального шпионажа»?

...«Особая папка» сталинского личного архива позволила взглянуть на эту проблему с иной стороны.

19 ноября 1925 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О недопустимости «смешения» функций органов разведки и соответствующих парторганизаций». Всем руководителям советских зарубежных представительств была направлена директива «О строжайшем проведении в жизнь принципа невмешательства во внутренние дела соответствующих стран». Было даже объявлено о вынесении взыскания некоему Беговому «за вмешательство во внутренние дела другой страны», а торгпреду СССР в Италии даже предписывалось вообще «не заниматься разведывательной работой».

И все же десятки документов с грифом «секретно» и «сов. секретно», направленных советскими спецслужбами Исполкому Коминтерна, и ответы в адрес ВЧК, НКВД и ГРУ, бесспорно, свидетельствуют о многостороннем сотрудничестве этих организаций.

Начало этой переписки относится к 20-м годам. В первую очередь делалось это, естественно, ради защиты от возможной «империалистической агрессии против первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян».

Всю документацию и переписку Исполкома Коминтерна с советской политической и военной разведкой можно условно разделить на несколько групп: конфиденциальная оперативная информация, сведения о проверках подозрительных личностей и агентуры спецслужб, межведомственные проблемы, служебные записки типа «Наш № на Ваш №», содержание которых ограничивалось лишь чисто анкетными фразами: «не был», «не состоял», «не участвовал». Вся переписка между Коминтерном и советскими разведывательными службами, даже если она касалась малозначимых вопросов, визировалась и обязательно подписывалась на «высоком уровне». Архив сохранил для

истории автографы Димитрова и Берии, Пятницкого и Берзина, Мануильского и Фитина, а также ветеранов советской разведки, таких, как Коротков, Шпигельглас, Артузов, и многих других.

Пожалуй, наиболее интересным для истории стала первая группа документов, которая часто объясняла исследователям подоплеку тех или иных событий, раскрывала их скрытый от широкой общественности смысл. Примером такого рода документации может служить шифртелеграмма из Лондона о причинах налета английской полиции на советское торгпредство в Англии в мае 1927 года. В документе, адресованном Сталину, Ворошилову, Микояну, Пятницкому и Литвинову, в частности, говорилось со ссылкой на сведения «из кругов Форин Офис», что одной из причин обыска в торгпредстве являлась надежда найти финансовые документы, устанавливающие связь торгпредства с рабочими лидерами в Англии.

В другой шифртелеграмме, но уже из Берлина, советская разведка докладывала: «По агентурным данным, между Англией и Францией состоялось соглашение об общих действиях против СССР. За налетом на «Аркос» в Лондоне намечается такой же налет в Париже, причем там предполагается обыск в советском учреждении, в котором работает в качестве сотрудника лицо, занимающееся по поручению Москвы работой местных профсоюзов». И в этом случае внешняя разведка «не забыла» указать в числе получателей этих сведений фамилию Пятницкого – руководителя Отдела международных связей Коминтерна.

Информационные сообщения Коминтерна коллегам по антифашистской борьбе были, судя по документам архива, посвящены в основном этому же вопросу. Любопытна, в частности, информация ИККИ, которая в свое время легла на стол Дзержинского, Чичерина, Менжинского и Пиляра о положении дел в Латвии в начале 1924 года: «Сеть латвийской националистической организации «ванагов» (соколов) раскинулась по всей стране. В Митаве состоялось организационное собрание митавской организации «ванагов», на котором присутствовало 120 человек, главным образом учеников гимназии высших классов. Руководителем местных фашистов является капитан латвийской армии Штарк Эдмунд – личность в высшей степени подозрительная и опасная. На собрании Штарк совершенно откровенно говорил о целях организации «ванагов» – стать фашистскими организациями для борьбы с коммунистами».

Чтобы обезопасить друзей из Коминтерна и предотвратить их возможный «выход» на подозрительный «объект», разведчики из ОГПУ собственными силами выявляли агентуру спецслужб и информировали о ней коминтерновцев. Телеграмма из Женевы показывает характер такой работы: «Директор службы переводов Лиги Наций доктор Пароди (Parodi), швейцарского происхождения, английский гражданин, совмещает свою службу с должностью директора «египет-

ской школьной миссии» в Швейцарии. Перед последним выступлением младо-египтян в 1920 г. он, пользуясь доверием некоторых студентов-египтян в Женеве, узнал об их причастности к готовящемуся выступлению и помог отправиться в Египет. По прибытии они были схвачены и казнены. Было их 6–8 человек. Пароди хвастался этим перед одним из своих сотрудников в Женеве. Пароди вообще британский политический полицейский агент».

Обращает на себя внимание тот факт, что и внешняя разведка ОГПУ, и Разведупр, и Исполком Коминтерна с первых лет сотрудничества отнюдь не стремились придать своим взаимоотношениям «шпионский характер», как это желали представить общественности некоторые деятели западных спецслужб и пропаганды. Скорее наоборот, эти организации опасались даже «шпионообразия» своих отношений. В этом плане интересен документ, подготовленный Я. Берзиным, в адрес ИККИ.

«Сов. секретно

ИККИ, тов. Пятницкому

В адрес «Международного сектора Комиссии связи Тверской кавшколы» шведским коммунистом Линдссон, членом «Рабочего союза эсперантистов», прислано письмо, в котором он сообщает по своей инициативе дислокацию частей шведской армии и т.п. сведения разведывательного характера.

Считая совершенно недопустимой подобного рода переписку во избежание обвинений в шпионаже, прошу дать соответствующие указания «Международной организации рабочих-эсперантистов», а также другим аналогичным организациям избегать в переписке вопросов организации Красной Армии и иностранных буржуазных армий.

С коммунистическим приветом,
Берзин

21 июля 1927 года *№ 040061/СС»*

И тем не менее борьба за «чистоту рядов» Коминтерна, стремление не допускать в эту всемирную коммунистическую организацию шпионов и провокаторов ставили перед советской политической и военной разведками задачу защиты этой международной пролетарской организации своими специфическими методами.

Содержание трех (из нескольких сохранившихся) документов по этому вопросу дает представление о характере такой защиты и помощи: «Согласно секретному полицейскому сообщению, – пишет резидент советской разведки в Берлине в июле 1922 года, – один из деятелей лейпцигского отделения коммунистической партии, некий

Дорнгейм, находится в постоянных сношениях с одним осведомителем немецкой полиции. Дорнгейм, не зная о полицейских функциях вышеназванного осведомителя, информирует его о жизни партии и ее политических планах».

Буквально через несколько дней руководитель ИНО Трилиссер сообщает об этом факте Пятницкому, и ИККИ вовремя принимает соответствующие меры безопасности. В свою очередь, и разведка стремилась избавиться от навязчивых сторонников «борьбы со всемирным капиталом», которые по наущению полиции пытались проникнуть в ряды зарубежной агентуры ГПУ, выдавая себя за «представителей Коминтерна». Поэтому неудивительно, если в ОМС Коминтерна следовал такого рода запрос:

«В Коминтерн, тов. Пятницкому

ИНО ГПУ просит срочно сообщить, был ли послан за границу для нелегальной работы с ведома Коминтерна некий анархист под фамилией Барон.

В случае подтверждения посылки за границу Барона, просим сообщить, какие ему были даны инструкции и для какой работы он был предназначен.

Нач. ИНО ГПУ
Трилиссер»

Взаимный и сугубо доверительный характер обмена оперативной информацией между советской внешней разведкой и руководством Коминтерна позволял избегать осложнений для всемирной коммунистической организации в тех случаях, когда провокатор или агент спецслужб проникал в руководство компартии той или иной страны. Именно о таком глубоко внедренном агенте британских спецслужб в руководство английских коммунистов срочно сообщал Г.М. Димитрову начальник ИНО Фитин всего лишь три дня спустя после нападения гитлеровской Германии на СССР 25 июня 1941 года.

«ИККИ, Димитрову – Фитин

В лондонской организации имеется секретный член английской компартии Том Драйберг, работающий в редакции газеты «Дейли экспресс» под псевдонимом Вильям Хиккей. Драйберг пользуется хорошей репутацией у руководства партии. Установлено, что Драйберг является провокатором и агентом английской разведки».

На приведенном выше документе резолюция Г.М. Димитрова: «Сообщено в ЦК КП Англии».

Имея источники в английских спецслужбах, внешняя разведка СССР информировала английских коммунистов и о других грозящих им опасностях.

«Ф и т и н – Д и м и т р о в у. Совершенно секретно. Только лично.

Согласно полученным нами вполне достоверным данным, английская контрразведка установила микрофоны в помещениях, принадлежавших КП Англии.

В результате этого мероприятия контрразведка получила записи разговоров, которые ведутся в этих помещениях руководящими работниками ЦК КП Англии».

В октябре 1997 года английская контрразведка рассекретила и предала гласности документы более чем полувековой давности, подтверждающие факт слежки британских спецслужб за руководителями местной компартии. В рассекреченных документах, в частности, говорилось о вербовке «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС) в качестве секретного информатора личной секретарши генерального секретаря компартии Великобритании Гарри Поллита, которая снабжала британские секретные службы проходившими через ее руки текущими партийными материалами.

Если подслушивание и слежка за британскими коммунистами вряд ли угрожали их жизни в прямом смысле, то подобные действия против болгарских коммунистов со стороны гестапо в годы войны вели к неминуемой гибели. Об этом докладывал начальник ИНО Фитин генсеку Коминтерна Г. Димитрову в ноябре 1942 года: «Нами получено сообщение, что отделение гестапо в Софии установило местопребывание секретной радиостанции, связанной с одной из нелегальных организаций Болгарской компартии.

Из сообщения видно, что одному из агентов гестапо 13А удалось включиться в ряды организации, так что члены организации находятся накануне ареста».

К сожалению, это сообщение пришло слишком поздно. Вот текст сообщения из НКВД СССР о судьбе болгарских антифашистов: «Из Софии нами получено сообщение, что смертный приговор в отношении 18 человек советских парашютистов – болгар и лиц, помогавших им, – приведен в исполнение. Фамилии расстрелянных неизвестны. Полковник, приводивший в исполнение этот смертный приговор, заявил, что на него произвело большое впечатление мужество, с которым осужденные шли на расстрел. Гордо подняв головы, они умирали с криками «Да здравствует свободная Болгария!», «Да здравствует Советский Союз и победа над фашизмом!».

Дрогнувшей рукой Г.М. Димитров оставил на письме Фитина свои инициалы. Что здесь скажешь?

Победа над фашизмом требовала неимоверных усилий не только от союзников по антигитлеровской коалиции, но и от тех, казалось бы, сугубо полярных политических сил внутри страны, которые в мирное время традиционно противостояли друг другу. 1 июня 1942 года руководитель советской внешней разведки Павел Фитин с удовлет-

ворением информировал Георгия Димитрова, что американские коминтерновцы принимают активное участие в работе по разоблачению нацистской агентуры, действовавшей на территории США. Руководитель советской разведслужбы писал, в частности, о том, что партийный секретарь в Чикаго и Детройте передал Федеральному бюро расследований данные на агентов нацистов и об их деятельности. В письме выражалась позитивная точка зрения американской компартии по поводу необходимости передачи федеральным властям и правительственным организациям сведений о деятельности в США фашистской «пятой колонны».

С началом Второй мировой войны, когда многие государства Европы оказались оккупированными, поток информации в Москву о положении дел в коммунистических партиях и организациях этих стран заметно сократился. Коминтерновцы Соединенных Штатов Америки в этот период восполнили информационный пробел, заметно увеличив объем интересующих Москву сведений. В коминтерновском архиве сохранилась большая подборка «сопроводиловок» о направлении специальных шифрматериалов из штаб-квартиры советской внешней разведки в адрес ИККИ. Вот один из таких документов:

«ИККИ, товарищу Димитрову.

При этом направляем две шифртелеграммы, полученные для Вас из Нью-Йорка. Текст телеграмм состоит из 179 групп. Фитин».

Переписка Исполкома Коминтерна с разведывательным «сообществом» СССР отнюдь не всегда содержала большие и принципиальные проблемы. Нетрудно представить себе, в какой тупик поставила просьба из НКВД в ИККИ выслать, по возможности, килограмм семян... каучукового дерева «для пробы». Автор запроса помощник начальника ИНО Логинов со всей серьезностью писал в сопроводительном письме в Коминтерн: «При этом желательно было бы знать точное название растения, которому принадлежат семена, время и место их сбора. Ввиду чувствительности этих семян к низкой температуре, – указывал пом. нач. ИНО, – необходимо беречь их от холода».

Секрет подобного послания оказался довольно прост: на одном из очередных заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался среди прочих вопрос о возможности выращивания каучуконосов в Советском Союзе.

В общении с руководителями спецслужб СССР ИККИ нередко проявлял «бойцовский характер». В своем письме Павлу Судоплатову Георгий Димитров 6 сентября 1941 года без лишних слов потребовал, например, срочно откомандировать обратно в распоряжение ИККИ «мобилизованных Вами» членов компартии Австрии. Анало-

гичную просьбу, правда, на этот раз с пояснениями и в более мягком тоне, Г. Димитров направил в августе 1942 года в адрес руководства НКВД.

«Товарищ Майер Ганс Иоганович, член КП Германии с 1931 года, бывший доброволец Интербригад в Испании, работавший на заводе «Фрезер» в Томске вместе с женой Майер П.И., мобилизован на трудовые работы. В связи с тем, что он является резервом КП Германии и намечен к использованию по линии партии, прошу Вашего распоряжения о демобилизации его вместе с женой и возвращении на прежнее место работы».

Взаимодействие Коминтерна и советских спецслужб, судя по документам Архива, приносило ощутимые результаты в практической работе против спецслужб стран «оси». Характерна в этом отношении история получения Коминтерном японских военных шифров:

«Димитров – Берия

Приехавший китайский тов. Чжоу Эн-лай привез с собой три вида шифра, которым пользуется японская армия. Эти шифры были захвачены 8-й армией в боях с японцами.

Полагая, что указанные шифры могут представить интерес для Вас, посылаю их Вам с приложением к этому письму.

С товарищеским приветом

15.IX.39 г. Г. Димитров»

После начала Великой Отечественной войны в дачных поселках под Москвой были созданы диверсионные школы, где проходили подготовку перед заброской в тыл врага группы коминтерновцев. В обычных, ничем не примечательных деревенских избах, где жили «партизаны», как их называли всезнающие местные мальчишки, шла своя «национальная жизнь». Чехи, поляки, австрийцы, немцы имели возможность, разумеется, отдельно друг от друга в целях конспирации, разговаривать на родном языке, читать литературу и по вечерам, собравшись все вместе, напевать свои любимые мелодии и народные песни. Иногда молодые люди (а их было большинство) выходили на улицу, чтобы побросаться снежками зимой или сделать зарядку и побродить по лесной опушке под лучами весеннего солнца. Все эти «партизаны» были на учете в Коминтерне, и если НКВД требовалась помощь в плане организации спецотряда из иностранцев для подготовки к заброске в тыл фашистов, руководство советской разведки, в частности Павел Фитин, неизменно обращалось в ИККИ за такого рода содействием:

«Фитин – Димитрову (только лично)

В ближайшее время нам крайне необходимо подготовить 2–3 человека для выполнения весьма важного задания на территории Гер-

мании по нашей линии. Эти товарищи предназначаются на самостоятельную руководящую роль, поэтому, помимо знания языка и страны, они должны обладать достаточным культурным уровнем, быть политически подготовленными и желательно, чтобы шли с охотой на работу специально по нашей линии.

Фитин»

Для успешной работы разведчиков за границей требовались не только политическая и языковая подготовка и стремление коминтерновцев помогать советской внешней разведке. Необходима была также соответствующая документация. Поэтому не случайно в Архиве Коминтерна сохранилось одно из типовых писем по этому вопросу:

«ИККИ, тов. Пятницкому

ИНО ОГПУ необходимо отправить за границу одного своего работника, для чего требуется снабдить этого товарища заграничными документами. Фамилия, на которую будет выдан паспорт, – безразлична, но необходимо, чтобы паспорт подходил к возрасту сотрудника (35 лет).

Указанный товарищ хорошо владеет английским, французским и немецким языками.

Так как сами мы не в состоянии снабдить товарища соответствующими документами, то обращаемся с этой просьбой к Вам, надеясь, что Вы в состоянии ее исполнить.

Нач. ИНО ОГПУ

11 июля 1924 года Трилиссер»

...Документы, документы, документы... И каждый из них, пусть даже незначительный на первый взгляд по содержанию и написанный канцелярским языком своего времени, является своеобразным цветным камешком в крупномасштабной мозаике взаимоотношений советской разведки с Коминтерном. Это был союз единомышленников, если угодно – однополчан, в борьбе с фашизмом, где вера в идеалы социальной справедливости сочеталась с героическими буднями и самоотверженной храбростью.

Многие поступавшие в советскую разведку в конце 20-х – начале 30-х годов молодые сотрудники писали в анкетах: «Работал в загранаппарате Коминтерна». Одним из таких «новобранцев» был и Арнольд Дейч.

Имя Арнольда Дейча – сына словацкого учителя – исчезло из партийных списков австрийских коминтерновцев в самом начале 30-х годов. Нет, он не порвал с революционным движением, не перестал верить в социалистическую идею, не был репрессирован. Просто он, выпускник Венского университета с дипломом доктора философ-

ских наук, приехал в «Мекку мирового коммунизма» – Москву, где по рекомендации товарищей по партии был приглашен под именем Стефана Ланга на работу в советскую разведку.

Стефан Ланг, пожалуй, как никто другой, подходил для этой роли. Отлично образованный, с прекрасным знанием нескольких европейских языков, с юношеских лет принимал участие в революционном молодежном движении в Вене, а когда в 1924 году в двадцатилетнем возрасте вступил в коммунистическую партию, австрийская нелегальная секция Коминтерна привлекла его в качестве курьера и связника для тайных контактов с коммунистическими организациями Сирии, Румынии, Палестины, Греции. Именно во время поездок по этим странам Ланг на практике познал, что такое явка, пароль, уход от наружного наблюдения спецслужб, и другие премудрости разведывательного мастерства...

Кадровая практика Коминтерна отнюдь не представляла собой улицу с односторонним движением в сторону советских спецслужб. Люди Коминтерна успешно работали в советских партийных и государственных органах как в стране, так и за рубежом. Преподаватели высших учебных заведений, научные работники академических институтов, сотрудники планирующих органов страны и, естественно, многие советские дипломаты старой школы считали своей «альма-матер» школу Коминтерна. Известны случаи движения и в другом направлении. Кадровые сотрудники Иностранного отдела ВЧК–ОГПУ уходили с оперативной работы «на гражданку». Одним из таких международных и вполне гражданских учреждений был ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала.

В мае 1943 года в советских газетах появилось сообщение о роспуске Коминтерна. Это было большой неожиданностью. Сразу же пошли разговоры: Сталину больше не нужен Коммунистический Интернационал. Но решение о самороспуске, судя по документам Архива Коминтерна, принадлежало не только Сталину. Сохранился проект предварительной, заранее подготовленной телеграммы Г.М. Димитрова, адресованной зарубежным организациям, входившим в Коммунистический Интернационал. Вот ее текст: «Президиум ИККИ опубликует двадцать второго мая (1943 года. – *Прим. авт.*) предложения секциям о роспуске Коминтерна как руководящего центра международного рабочего движения. Предложение мотивируется главным образом тем, что эта централизованная организационная форма международного объединения перестала отвечать потребностям дальнейшего развития коммунистических партий отдельных стран, как и национальных рабочих партий, и даже является помехой этим. Просьба срочно обсудить в ЦК это предложение и сообщить Ваше решение. Димитров».

Это было сделано за два года до окончания войны, когда помощь Коминтерна в борьбе союзников против фашизма, казалось, трудно

было переоценить. Но, очевидно, советское руководство и руководство Коминтерна стали смотреть на предстоящее развитие событий в мире одними глазами и, взвесив все «за» и «против», приняли свое решение. Тем более, что вопрос о мировой «перманентной» революции уже не поднимался.

Более семидесяти лет отделяют нас сегодня от событий 1943 года. С улиц городов, предприятий и строек почти исчезли коминтерновские названия. И только в тайниках архивов и нетленной памяти людей – того коминтерновского поколения – еще хранятся воспоминания о бойцах ЧК, разведки и Коминтерна, самоотверженно, рука об руку сражавшихся с общим врагом.

28

Противоборство с фашистской агентурой в Иране

Во время Второй мировой войны Иран играл ключевую роль на Ближнем и Среднем Востоке, и поэтому разведывательной работе в этой стране уделялось первостепенное внимание. 22 сентября 1941 года и 5 марта 1942 года руководство НКВД СССР специально рассматривало предложения внешней разведки «Об усилении оперативно-чекистской работы на территории Ирана». Были приняты соответствующие решения. И в последующие военные годы этот вопрос неоднократно обсуждался на уровне руководства ведомства и докладывался в ГКО СССР, о чем говорят архивы СВР России.

В Тегеране была создана главная резидентура, которую возглавил известный разведчик И.И. Агаянц. Ей были подчинены периферийные резидентуры и разведпункты, число которых колебалось в разные годы от 35 до 41, в них работали 120 оперативных сотрудников. Задачи разведки были определены конкретно и четко. Приоритетной задачей было создание «агентурной сети в целях выявления агентуры иностранных разведок, враждебных СССР организаций, предотвращение возможных диверсий и иной подрывной работы, направленной на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в Иране».

И эта задача была решена: в многочисленной агентурной сети (в архивных делах СВР называется цифра – до 400 агентов) состояли влиятельные и хорошо информированные лица из разных слоев иранского общества, способные решать разведывательные задачи. В то же время там было немало и случайных людей, привлеченных к сотрудничеству для выполнения разовых заданий в условиях военного контроля Красной Армии за северными провинциями Ирана. Это предопределило необходимость периодических «чисток» агентурной сети и консервации десятков агентов.

В принятых руководством НКВД СССР решениях особо подчеркивалось требование «своевременного выявления немецких и япон-

ских разведчиков и их агентуры», перевербовки отдельных из них и создания боевых групп из опытных работников НКВД. На них возлагался «подбор из местного населения агентуры, способной выполнять специальные задания» – выявлять и предупреждать проникновение в СССР шпионов, диверсантов, террористов и эмиссаров враждебных организаций. Ставилась также задача «сбора политической, экономической и военной информации», активной работы «по закреплению всеми возможными способами общественного и служебного положения людей, ориентирующихся на СССР». Были определены и другие направления деятельности внешней разведки в Иране. Все наиболее значимые операции должны были осуществляться только с санкции НКВД. В мае 1942 года были утверждены предложения внешней разведки о «контактировании нашей работы в Иране с англичанами».

За годы войны резидентуры в Иране сумели добыть большое количество важной военно-политической информации, в том числе документальной, и благодаря их усилиям руководство страны было информировано по основным вопросам, затрагивавшим интересы и безопасность СССР.

Происки и мероприятия немецких спецслужб в Иране в целом были сорваны, и в этом, несомненно, большая заслуга оперативного состава резидентур. В те годы там работали опытные и способные разведчики П.И. Журавлев, Н.П. Лысенков, В.И. Вертипорох, Р.И. Иноятов, Г.И. Акжигитов, Н.П. Пекельник, А.П. Мангасаров, Г.И. Олифиренко и другие.

В планах Гитлера Ирану отводилась важная роль. Иран – это прежде всего нефть и стратегические коммуникации. Через эту страну лежал путь в Афганистан и далее в Индию, куда нацисты намеревались двинуть войска вермахта после поражения СССР.

Участие Финляндии в войне на стороне Германии, захват немцами Норвегии и Шпицбергена в значительной мере осложнили возможность использования морских дорог, ведущих в северные порты СССР. Иран с его незамерзающим Персидским заливом и пересекавшей всю его территорию с юга на север железнодорожной магистралью мог стать и стал стратегическим путем для поставок в Советский Союз вооружений, боеприпасов, продовольствия, медикаментов, сырья, горючего и иных грузов по ленд-лизу, необходимых для ведения войны. Это обстоятельство, конечно, учитывалось Гитлером и командованием вермахта.

Чем ближе была Вторая мировая война, тем сильней Реза-шах Пехлеви, диктатор Ирана, тяготел к Берлину, сближению с Германией во всех областях, и в особенности в военной. Лишь за апрель–июнь 1940 года из Германии в Иран было поставлено свыше 3000 пулеметов и артиллерийских орудий. Поставки вооружения и боеприпасов продолжались ив 1941 году. На военных предприятиях страны тогда

было занято 56 германских специалистов, в иранской армии, жандармерии и полиции работали десятки немецких советников и инструкторов. Накануне Второй мировой войны в Иран въехало более 6500 немецких граждан. В 1940–1941 годах на долю Германии приходилось 45,5% общего товарооборота Ирана, тогда как на СССР – 11%, а на Британию – 4%. Более половины машин и оборудования на крупнейших предприятиях страны и три четверти всех паровозов, практически весь обслуживающий персонал центрального управления железными дорогами Ирана были германскими. На трансиранской железной дороге немцы трудились на всех уровнях, вплоть до паровозных бригад. Руководящие посты в 50 государственных учреждениях Ирана занимали профашистские элементы и агентура гитлеровских спецслужб.

В предвоенные годы Иран по сути дела превратился в плацдарм враждебных действий против СССР, чему в немалой степени способствовали прогерманские настроения престарелого Реза-шаха. Временный поверенный в делах США в Иране Энгерт в сентябре 1940 года писал в Вашингтон: «Страх перед коммунизмом привел шаха к надежде, что только Гитлер может сейчас защитить Иран от большевистского вторжения». Через заблаговременно созданную агентурную сеть и многочисленных агентов влияния гитлеровцы воздействовали на верхушку Ирана, на командование вооруженными силами, жандармерии и полиции. Иранский автор Д. Амини утверждает, что «фашистские агенты находились среди министров, депутатов меджлиса, генералов, государственных чиновников, купцов и промышленников». Территория Ирана использовалась для ведения шпионско-подрывной работы против СССР и дезорганизации важнейших районов советского тыла. Тегеранская резидентура сообщала в Центр в 1941 году: «Немцы из Ирана руководят разведкой, работающей в СССР, немцы «перелетают» из Ирана в СССР и обратно, как саранча». Сам германский посол фон Эттель имел офицерское звание СС.

С началом Второй мировой войны правительство Ирана 4 сентября 1939 года заявило о своем нейтралитете, однако на деле открыто продолжало следовать прогерманскому курсу. Британский посланник в Тегеране Буллард так оценивал иранскую политику того времени: «Иран был официально нейтрален, но ничто не могло сделать иранцев по-настоящему нейтральными».

Еще до вторжения немецких войск в Советский Союз тегеранская резидентура направила в Москву несколько важных сообщений о подготовке фашистов к нападению на СССР. Эта информация базировалась на фактах активизации германских спецслужб и их агентуры в приграничных Советскому Союзу районах, где при их прямом участии формировались вооруженные отряды для действий против нашего государства. Одно из сообщений основывалось на сведениях, полученных нашим агентом от английского разведчика в Тегеране,

который подробно рассказал ему о «миссии Гесса» и его переговорах с британским руководством. Англичанин подчеркнул, что Гитлер запланировал нападение на СССР весной 1941 года, и об этом шла речь в переговорах с Гессом. К сожалению, эти и другие сообщения были проигнорированы. После начала войны резидентура с горечью написала в Центр: «О германской активности мы своевременно ставили вас в известность и, к нашему удивлению, получали ответ: "Материал интереса не представляет"».

Иран все дальше отходил от декларированного нейтралитета. 25 июня 1941 года Берлин нотой потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии. Реза-шах колебался, но созванный им высший военный совет отверг это требование – 24 голоса «против» и 16 «за». 17 августа посол фон Эттель предложил Реза-шаху военную помощь, но гитлеровцы одновременно развернули подготовку заговора с целью свержения иранского диктатора, не решившегося вступить в войну. Для подготовки переворота в Тегеран в начале августа 1941 года тайно приезжал шеф военной разведки (абвер) адмирал Канарис. Операция намечалась на 22 августа, а затем была перенесена на 28 августа. 23 августа Гитлер обратился с личным посланием к Реза-шаху, в котором призывал его «не уступать нажиму со стороны СССР и Англии, поскольку Германия скоро займет южные области Советского Союза».

Советское правительство не могло оставаться безучастным к развитию событий в Иране. Оно трижды – 26 июня, 19 июля и 16 августа (причем 19 июля и 16 августа совместно с Англией) предупреждало иранское правительство о создавшейся угрозе вовлечения Ирана в войну и обращало его внимание на ту опасность, которую представляла шпионско-диверсионная работа фашистской агентуры на его территории. Поскольку наши демарши игнорировались, а обстановка продолжала ухудшаться, Москва по согласованию с Лондоном и Вашингтоном приняла решение о вводе частей Красной Армии в Иран в точном соответствии со статьей 6 Договора 1921 года, о чем уведомила иранское правительство нотой от 25 августа 1941 года.

В ноте указывалось: «Германские агенты самым грубым и беззастенчивым образом... превратили территорию Ирана в арену подготовки военного нападения на Советский Союз... Это требует от Советского правительства немедленного проведения в жизнь всех тех мероприятий, которые оно не только вправе, но и обязано принять в целях самозащиты». В ноте были названы фашистские агенты, занимавшиеся подрывной работой против СССР: фон Раданович, Гамота, Майер, Сапов, Бор, Келлингер, Тряппе и другие.

Послание Гитлера фон Эттель вручил Реза-шаху утром 25 августа, но было уже поздно, и иранский диктатор прямо сказал об этом немецкому дипломату: «Обстановка коренным образом изменилась». Дело в том, что самым ранним утром, за пару часов до визита фон Эт-

теля, Реза-шаха посетили посол СССР А.А. Смирнов и посланник Великобритании Буллард и вручили ему ноты своих правительств о вводе в Иран советских и английских войск.

К сентябрю 1941 года советская ударная группировка в составе двух армий заняла северные провинции Ирана, одновременно в юго-западные провинции вошли подразделения английских войск. Советские и английские части соединились в районе Казвина, южнее Тегерана, а 17 сентября вошли в иранскую столицу. Несмотря на приказ Реза-шаха оказывать вооруженное сопротивление русским, солдаты иранской армии разбегались при первых же встречах с Красной Армией, и ее вступление в Иран прошло без потерь. В конце 1942 года без всякого договорного оформления под предлогом обеспечения безопасности доставки военных грузов для СССР в Иран вошли подразделения американских войск, занявшие порты Бендер-шахпур и Хорремшехр.

В соответствии с соглашением, заключенным между представителями СССР, Великобритании и Ирана 8 сентября 1941 года, иранское правительство должно было выслать из страны военные и дипломатические миссии государств оси Берлин–Рим–Токио, а также передать в распоряжение союзных держав для интернирования членов немецкой колонии в Иране. Тегеран брал на себя обязательство всемерно содействовать транспортировке через иранскую территорию англо-американских грузов для СССР и не допустить каких-либо действий, наносящих ущерб интересам СССР и Англии во время войны. В январе 1942 года был заключен Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном, по которому Иран должен был «всеми доступными средствами и всеми возможными путями содействовать СССР и Великобритании в борьбе с фашистской Германией».

Таким образом, в результате активной политики держав антигитлеровской коалиции вклад Ирана, который без единого выстрела оказался участником войны против Германии и приобрел права и преимущества как союзник победивших государств, был достаточно существенным.

Хотя советско-английская военная акция переломила ситуацию в Иране, сам по себе ввод войск, заключенные договоры и соглашения еще не могли обеспечить разгром позиций, которые обрели в этой стране гитлеровские спецслужбы и их иранские пособники. Жесткое противоборство с абвером Канариса и политической разведкой Шелленберга (СД) на территории Ирана продолжалось почти до конца войны.

Главным представителем VI управления Главного управления имперской безопасности СС (РСХА), политической разведки СД, в Тегеране в годы войны был Франц Майер (настоящее имя Рихард Август), по некоторым данным – штурмбаннфюрер СС. В архивах

СВР нет сведений о том, под каким прикрытием Майер прибыл в Иран вместе с еще одним эсэсовцем – Романом Гамотой в октябре 1940 года. Не исключено, что он, как и Гамота, использовал «крышу» транспортной конторы «Иран-Экспресс». К моменту приезда Майеру было 37 лет. Это был человек высокого роста, с круглым лицом, голубыми глазами, с длинными зачесанными назад волосами, слева от глаза до уха тянулся шрам, на левой руке безымянный палец был коротким, на груди следы ожога – результат ранения, полученного в Польше. Таким был сохранившийся в архивных делах внешней разведки словесный портрет немецкого разведчика, составленный резидентурой, когда он был объявлен в розыск в Иране.

В сентябре 1939 года – феврале 1940 года Майер находился в Москве в качестве эксперта «Рейхсгруппе Индустрие». Вернувшись в Берлин, он представил доклад о политическом, военном и экономическом потенциале СССР, который был разослан в основные министерства Третьего рейха и германские зарубежные миссии. Он подверг критике утверждения русской белой эмиграции о том, что в СССР зреет антибольшевистское восстание, подчеркнув, что для этого нет никаких предпосылок. Майер утверждал, что Советская Армия сильна, а экономика СССР – на подъеме. Доклад не понравился нацистской верхушке, но был с одобрением встречен в германских миссиях за границей.

Как следует из архивных материалов СВР, арестовавшие Майера в 1943 году англичане характеризовали его «молодым, энергичным, истерическим, отважным человеком, типичным эсэсовцем, фанатиком национал-социализма, изображавшим из себя сверхчеловека». Хорошо знавший Майера немец Гайер, арестованный НКВД, говорил о нем: «Один из умнейших людей, которых я когда-либо встречал». Он свободно владел персидским языком, любил игру в нарды, которой увлекаются в Иране. Майер был умелым конспиратором, профессионально обнаруживал установленное за ним наблюдение и ловко уходил от слежки. Он часто применял средства маскировки, изменял внешность, нередко пользовался униформой офицера иранского генштаба.

Майер и Гамота прибыли в Иран, не получив в Берлине конкретных заданий, они должны были ознакомиться с обстановкой, а соответствующие инструкции получить позже. После ввода в Иран союзных войск в сентябре 1941 года, который для немцев оказался неожиданным, Майер остался без связи с Берлином. Три месяца он скрывался на армянском кладбище в Тегеране под видом могильщика, а затем с помощью профашистских элементов сумел найти себе убежище в городе и развернул активную работу в подполье. Майер был убежден, что 1942 год принесет окончательную победу германскому оружию, и решил всеми доступными ему средствами «помочь своим товарищам на Восточном фронте и поднять свои ак-

ции в Берлине». Ему удалось наладить радиосвязь с Берлином, и он стал энергично работать над формированием профашистских иранских националистических организаций, враждебных как Англии, так и России.

В Тегеране и других городах Ирана вскоре возникли и начали быстро набирать силу и влияние прогерманские националистические партии и группы, через некоторое время число их достигло 20. Главными среди них стали «Голубая партия» и «Иранские националисты» («Хезб-е-Кабут» и «Меллиюн-е-Иран»). Первую возглавил депутат меджлиса Ноубахт, учившийся в молодые годы в Германии и переведший в 30-х годах на персидский язык книгу Гитлера «Майн Кампф». Это был высокий, представительный, уже пожилой мужчина, властный, честолюбивый и недоверчивый к людям человек. Ноубахт был фанатичным националистом, ненавидевшим англичан. В стране он был известен как общественный деятель, литератор и зажиточный человек. Ему довольно скоро удалось собрать под свои знамена до трех тысяч сторонников и сколотить законспирированную, строго централизованную партию. Организационно она состояла из «пятерок», высшим руководящим органом была Центральная секция (ЦС), с которой были связаны только старшие «пятерок». Каждый член ЦС руководил деятельностью 50 «пятерок», т.е. 250 членов партии. Помимо ЦС, были еще секции военная, гражданская и по делам племен. Каждый член партии давал клятву верности и получал учетную карточку голубого цвета.

Ноубахт так определил цели партии: «Захватить власть в свои руки у правительства, которое бессильно противостоять домогательствам союзников и делается игрушкой в их руках». Резидентура в 1942 году сообщила в Центр: «“Голубая партия” ставит своей целью изгнание англо-советских войск из Ирана, организацию националистических сил Ирана на борьбу с англо-советской оккупацией, подготовку в Иране почвы для захвата власти, совместного с германской армией удара в тыл союзников, борьбу с правительством, бессильным противодействовать англо-советскому нажиму и вмешательству во внутренние дела Ирана». В орбиту влияния партии попали известные в Иране генералы Захеди, Язданпанах, Размара, Арфа, Хедаят и другие. Молодой шах Мохаммед Реза Пехлеви в душе сочувствовал «Голубой партии», которая формально входила в блок иранских националистов профашистской ориентации «Меллиюн-е-Иран». Это дало основание нашей резидентуре 15 августа 1942 года, оценивая обстановку в стране, констатировать: «Офицерство может стать наиболее опасной частью «пятой колонны» в Иране».

Майер имел самое непосредственное отношение к формированию этих организаций, он лично подготовил для «Меллиюн-е-Иран» программу, основанную на принципах национал-социализма, придумал эмблему, смахивающую на фашистскую свастику, разработал

военную форму – сапоги, черные бриджи, голубая рубаха. Он предусмотрительно расписал детальный план действий этих организаций во всеиранском масштабе. К Майеру поступали с мест такие, например, сообщения: «Мы спрятали 30 тысяч винтовок и 2 миллиона патронов для Тегерана. Пришлите денег и оружие, а мы гарантируем наличие наготове 150 тысяч человек – половина из племен, половина из военных». Или: «В Тегеране начальник центрального арсенала полковник Багаи по условленному сигналу откроет доступ в арсенал представителям прогерманских частей и организаций и выдаст им 30 тысяч винтовок и 20 миллионов патронов».

В середине 1943 года резидентура информировала Центр, что в результате оперативных мероприятий, в том числе путем внедрения в профашистские организации надежной агентуры, «выявлено более 200 наиболее значительных членов «Голубой партии», вскрыты основные ее филиалы в Тегеране, Резайе, Миане, Тавризе, Керман-шахе, Ардебиле». Конкретную помощь в этом деле, наряду с другими, оказал иранский полковник, будущий генерал, наш агент Хан, который по заданию резидентуры внедрился в «Голубую партию» и во многом содействовал выявлению ее членов, разоблачению их деятельности. В августе того же года были арестованы 167 активистов этих организаций, но до конца 1943 года «Голубая партия» и «Меллиюн-е-Иран» оставались мощной силой, враждебной антигитлеровской коалиции и союзнической политике в Иране. В борьбе против профашистских формирований наша разведка взаимодействовала с английской и обменивалась с ней добытыми сведениями.

Другим активным немецким разведчиком был майор абвера Бертольд Шульце-Хольтус, специалист по СССР, владевший русским языком. Он объявился в Иране в начале 1941 года под именем Бруно Шульце как эксперт по вопросам школы и религии, а спустя несколько месяцев уже работал под прикрытием германского генерального консульства в Тавризе. Резидентом абвера в Тегеране был Шпект под «крышей» коммерческого атташе посольства Германии. После его высылки из Ирана Шульце-Хольтус, уйдя в подполье, по согласованию с Майером взял на себя руководство агентурной сетью абвера на юге страны. После ввода союзных войск в Иран он был временно интернирован в посольстве Швеции, откуда, однако, вскоре бежал и укрылся в провинции Фарс у кашкайских племен, враждебных Тегерану. Японская разведка до закрытия посольства Японии в Тегеране успела оказать ему конкретную помощь, снабдив пятью радиостанциями, с помощью которых он установил связь с Берлином. «Голубая партия» оказывала содействие и Майеру, и Шульце-Хольтусу.

Отсутствие материально-технического обеспечения, финансовых средств, нарушение налаженной связи с агентурой – все это серьезно сказалось на работе гитлеровских спецслужб. Неприязненные, а порой и враждебные отношения, существовавшие между ведомствами

Шелленберга и Канариса, еще больше осложнили дело. Шульце-Хольтус крайне негативно относился к Майеру, а тот платил ему той же монетой.

Бежав из шведского посольства, Шульце-Хольтус переоделся в иранскую национальную одежду, отрастил бороду, покрасил ее хной и под видом муллы объявился в резиденции вождя кашкайских племен Насыр-хана. Позже к нему была сброшена на парашютах группа диверсантов во главе с оберштурмфюрером СС Мартином Курмисом, в задачу которой входили саботаж и диверсии на юге Ирана. До прибытия в Иран Курмис «отличился» участием в акциях по уничтожению евреев в гетто Каунаса. В 1944 году, когда поражение фашистской Германии в войне стало необратимым, Насыр-хан выдал «гостей» англичанам. Курмис, зная, что ему пощады не будет, покончил жизнь самоубийством, а Шульце-Хольтус, отбыв наказание, написал толстые мемуары.

Заметной фигурой в немецкой разведке был офицер СД Роман Гамота, работавший в Иране под «крышей» конторы «Иран-Экспресс». Ему было около 40 лет, он имел репутацию организатора подпольных движений и знатока партизанской борьбы, говорил по-русски, много разъезжал по Ирану. Гамота был лично известен вождям Третьего рейха. В мае 1943 года Гиммлер писал Гитлеру: «Хотя враги назначили большую цену за голову Гамоты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Иран». Речь шла о его участии в операции «Длинный прыжок» – так назывался план покушения на лидеров антигитлеровской коалиции во время Тегеранской конференции. В августе 1943 года Гамота приземлился на парашюте в районе Тегерана, связался с Майером и включился в подготовку террористического акта. Вслед за ним была сброшена у Кумского озера группа парашютистов-диверсантов из команды любимца Гитлера Отто Скорцени, который лично занимался организацией покушения. После провала операции «Длинный прыжок» Гамота бежал из Ирана, и его арестовали в Австрии после войны.

Работал в Иране и штурмбаннфюрер СС Ульрих фон Ортель, тот самый, кто в Ровно проговорился нашему разведчику Николаю Кузнецову о готовящемся покушении на «большую тройку» в Тегеране.

Офицеры СД Пауль Вейзацек и Франчек Эмерик Иштван, арестованные советскими органами безопасности после ввода войск в Иран, осуществляли заброску шпионов и лазутчиков в Баку, Тбилиси и Ашхабад. Помимо них, до сентября 1941 года в Иране действовали под прикрытием различных германских фирм и контор десятки других разведчиков абвера и СД: руководителем представительства фирмы «Сименс», например, был фон Раданович, его заместитель Кевкин так же, как и он, работал на разведку, руководители конторы «Иран-Экспресс» в порту Пехлеви (Энзели) Вольф и Рутенберг отвечали за разведработу на каспийском побережье.

Есть возможность рассказать также о нескольких эпизодах самоотверженной деятельности группы молодых людей, почти подростков, которые добровольно, бескорыстно и с энтузиазмом помогали тегеранской резидентуре в борьбе с фашистскими спецслужбами и с широкой сетью их агентуры. Во главе группы из семи человек стоял будущий Герой Советского Союза, крупный разведчик Амир, которому в то время было всего 17 лет.

Он посвятил жизнь разведке с юности, долгие годы выполнял ее задания в сложных условиях, и по сей день продолжает благородную службу. Его оперативная биография богата и поучительна, но в данном очерке мы коснемся только ее первых страниц.

Амир очутился в Иране в шестилетнем возрасте, когда его родители приехали в Тавриз из Ростова-на-Дону. Его отец был иранским подданным и покинул СССР по заданию внешней разведки. Со временем он прочно обосновался в Иране и стал преуспевающим коммерсантом, обзавелся действенной агентурной сетью и с ее помощью оказывал существенную помощь советским разведчикам-нелегалам, решал многие важные оперативные задачи. Он почти никогда не пользовался финансовыми средствами Центра, обходился теми деньгами, которые зарабатывал сам.

Бывали, правда, исключения: по подозрению в связи с советской разведкой он несколько раз арестовывался, сидел в тюрьме, но всякий раз выходил на свободу через два-три месяца, так как иранские власти не могли доказать предъявленные ему обвинения. В такие периоды семья испытывала материальные трудности, и Центр приходил на помощь. Сотрудники нашей резидентуры передавали матери Амира некоторые суммы денег.

Сын вспоминает, что отец был настоящим патриотом Советской России, и в таком духе воспитывал своих детей. Именно под влиянием отца Амир стал разведчиком, и в том, что он добился на поприще разведки больших успехов, есть, вне всякого сомнения, и немалая заслуга отца. Помощь советской разведке оказывали все его дети, но только Амир стал профессиональным разведчиком.

Он связал свою судьбу с разведкой в феврале 1940 года, когда добровольно установил прямой контакт с тегеранской резидентурой. Большую роль в его жизни сыграл возглавлявший в годы войны внешнюю разведку в Иране И.И. Агаянц. Иван Иванович оставил глубокий след в истории советской разведки не только своими делами, но и замечательными личными качествами. Это был обаятельный человек. Все, кому довелось работать или общаться с ним, помнят его глаза – умные, мягкие, даже ласковые, внимательные, но становившиеся сразу же холодными, непроницаемыми и отчужденными, если он сталкивался с нечестностью, подлостью или недобросовестностью. Он обладал редкой интуицией и проницательностью в работе с людьми, которые платили ему уважением и любовью.

Именно Ивану Ивановичу Амир обязан тем, что тяжелая и опасная работа в разведке окрасилась для него в те суровые годы в тона героического романтизма, и он раз и навсегда понял, что она может приносить глубокое удовлетворение, если идет на пользу Отечеству и служит благородным целям. На первых порах молодому человеку поручили подобрать несколько надежных товарищей, его сверстников, и организовать группу для оказания помощи старшим коллегам из резидентуры в выявлении многочисленных фашистских пособников в Тегеране и других городах.

Вскоре ему удалось привлечь к этому делу семерых друзей и единомышленников, готовых бороться с фашизмом. Как принято в разведке, все получили псевдонимы. Они были молоды, отважны и охотно включились в работу, нередко связанную с риском. Формированию и обучению группы в резидентуре уделяли много времени и внимания и как-то раз в шутку окрестили ее «легкой кавалерией». Это название за ней прочно закрепилось, и, может быть, причина была в том, что «семерка» передвигалась по городу на велосипедах, других транспортных средств у нее не было, и только в 1942 году в ее распоряжении оказался трофейный немецкий мотоцикл. Постепенно группа превратилась в бригаду наружного наблюдения и одновременно, если говорить современным языком, в отряд быстрого реагирования, составленный из «боевой агентуры, способной выполнять специальные задания». Добрый десяток лет группа активно работала против немецких спецслужб в Иране, против антисоветских националистических организаций и иранских профашистских формирований.

Архивные дела внешней разведки беспристрастно свидетельствуют о результативности работы «семерки»: за пару лет с ее помощью было выявлено не менее 400 лиц, так или иначе связанных с германскими разведслужбами. Понятно, что «кавалеристы» действовали по наводкам резидентуры, однако иной раз они самостоятельно выходили на немецких пособников и сообщали о них своим кураторам из резидентуры.

Примитивное снаряжение и юный возраст участников группы сослужили неплохую службу: объекты наблюдения, как правило, не обращали внимания на велосипедистов, и уж никак не могли предположить, что какие-то мальчишки следят за ними. Между тем было именно так. Военное время, помимо прочего, диктовало свои, подчас жестокие требования, и «кавалеристам» не раз приходилось идти на риск и участвовать в острых акциях.

После вступления союзных войск в Иран выявленная немецкая агентура была арестована, часть ее была депортирована в СССР, а часть передана англичанам. Так, по делу организации «Меллиюн-е-Иран» были арестованы 3 генерала иранской армии, 10 полковников, 27 офицеров других званий, 62 железнодорожных служащих, 48 гражданских лиц. Многим, однако, удалось скрыться. Отдельные при-

служники фашистов были перевербованы и стали работать под контролем нашей разведки. Аналогичным образом поступали и англичане. Можно сказать, что парализация деятельности подпольных профашистских организаций, действовавших по всей стране, явилась сокрушительным ударом по немецким спецслужбам в Иране: они не смогли в полной мере раскрыть свой потенциал для решения поставленных перед ними задач, в том числе и для осуществления покушения на «большую тройку» в Тегеране в конце ноября – начале декабря 1943 года. В достижение этой цели свой вклад внесли и молодые разведчики из группы Амира.

Именно они в конце концов выследили скрывавшегося в Тегеране Майера. Однако захватить его нашей разведке не удалось. Эта фигура интересовала не только нас, за Майером охотились и англичане, которые оказались проворнее и арестовали его прямо на глазах группы захвата резидентуры. Британцы переправили его в Индию, где следы немецкого разведчика затерялись. Одновременно с ним были арестованы два его радиста – обершарфюрер СС Хольцапфель и унтершарфюрер СС Рокстрок. Работа «кавалеристов» не пропала даром: во время поиска Майера были установлены его пособники из числа иранцев, которые обеспечивали ему убежище. Среди них были известный в Тегеране врач-стоматолог Кодси, бывший преподаватель персидского языка в германском посольстве Кейхани и директор публичной библиотеки «Ибн Сина» Рамазани. С помощью «семерки» был обнаружен и арестован главный помощник Майера, его «правая рука», Отто Энгельке. Лишившись руководства и радиосвязи, к концу 1943 года германская разведка резко ослабила свою деятельность.

Еще до этих арестов в резидентуру поступили сведения о том, что некий немецкий коммерсант, получивший условное имя «Фармацевт», ведет активную разведывательную деятельность и конспиративно встречается с высокопоставленными иранцами. Однако получить доказательства этого не удавалось: слежка за ним не давала желаемых результатов. Немец любил прогуливаться по городу, заходил в кафе, посещал кинотеатры, бродил по знаменитому тегеранскому базару, но ни с кем не встречался, говоря профессиональным языком, «не давал связей». Было над чем поломать голову наблюдавшим за «Фармацевтом» участникам группы Амира.

В этой истории было что-то загадочное, и ребята из «семерки» решили, что есть смысл выяснить, чем занимается немец, когда бывает дома. Внимательно осмотрев все вокруг его особняка, они подыскали подходящие места, откуда были видны садик и бассейн во внутреннем дворике, входы и выходы. Все это хорошо просматривалось с крыш соседних домов, куда наблюдатели и забрались. Каково же было их изумление, когда они увидели, что в особняке находится еще один жилец, похожий на «Фармацевта», как две капли воды. Оказалось, что это братья-близнецы, и немецкая разведка воспользовалась

этим обстоятельством: один из братьев уходил в город и уводил за собой бригаду наружного наблюдения, а другой, улучив момент, исчезал из дома и спокойно проводил встречи с нужными людьми. Деятельность близнецов-разведчиков, разумеется, была пресечена.

В поле зрения резидентуры попал владелец букинистической лавки Ганс Вальтер, давно обосновавшийся в Иране и свободно владевший персидским языком. Оперативные данные свидетельствовали, что он является фашистским агентом и участвует в разведывательных операциях германской резидентуры. Внимание, в частности, привлекло то, что его магазин регулярно посещают офицеры иранского генштаба, который находился неподалеку. Они частенько наведывались к Вальтеру, копались в книгах, что-то покупали или продавали немцу редкие издания. Возникли подозрения, что лавка Вальтера служит «почтовым ящиком» для связи с резидентурой Майера. Все это нужно было проверить.

Группа Амира установила наблюдение за магазином. Вскоре «семерка» зафиксировала шестерых офицеров, которые регулярно посещали Вальтера. В лавке они долго не задерживались и в разговоры с немцем почти не вступали. Члены группы стали сами заходить в магазин и довольно быстро подружились с Вальтером. Общительный Ганс оказался словоохотливым человеком, любителем выпить и поболтать за кружкой пива. Дружба с ним позволила ребятам запросто приходить в его магазин и наблюдать за посетителями на месте.

В итоге выяснилось, что букинистическая лавка действительно служила передаточным пунктом для немецкой агентуры. Шпионские материалы закладывались в книги во время их просмотра и затем возвращались Вальтеру, а он в свою очередь передавал полученную информацию по назначению. Таким же образом немецкая резидентура ставила своим агентам задания. Внешне все это выглядело естественно и не вызывало подозрений.

Под влиянием спиртного общительный Ганс нередко пускался в пространные рассуждения, его новые приятели опасений у него не вызывали. Он откровенно говорил им, что не верит в победу Германии и что нападение Гитлера на Россию – роковая ошибка фюрера, которая закончится катастрофой. Понятно, что об этих настроениях Ганса было доложено в резидентуру. Вальтер был взят в «разработку», в скором времени завербован и начал активно помогать советской разведке в разоблачении фашистской агентуры.

Летом 1943 года, накануне Тегеранской конференции глав союзных держав, «кавалеристам» удалось первыми добыть важную информацию о десанте передовой группы из шести немецких «коммандос», сброшенных на парашютах в районе города Кум, что в 70 км от иранской столицы, куда они шли на связь с Майером и Гамотой. Из дневника унтершарфюрера СС Рокстрока, выполнявшего функции радиста группы, который был захвачен во время его ареста и сохранился

в архивах СВР, явствует, что диверсанты добирались до Тегерана более двух недель, у них было много снаряжения и оружия: десять верблюдов были тяжело навьючены. Вблизи столицы их встретили с грузовиком, на который и поместили поклажу. Члены группы переоделись в иранскую одежду, перекрасили волосы и незаметно разместились на конспиративной квартире. Эти ухищрения, однако, не помогли: все члены группы были арестованы после того, как работа их радиостанций была запеленгована и их сообщения в Берлин дешифрованы. Действия диверсантов оказались «под колпаком» советской и английской разведок, которые в этом деле работали в тесной координации. Немецким спецслужбам, однако, стало известно о провале передовой группы, и в Берлине решили отказаться от направления в Тегеран главных исполнителей операции «Длинный прыжок». В одном из интервью в 1966 году Отто Скорцени подтвердил, что имел поручение Гитлера организовать покушение на «большую тройку» в Тегеране. Исключительные меры безопасности, принятые во время конференции соответствующими службами союзников, имели под собой серьезные основания.

17 декабря 1943 года, вернувшись в Вашингтон, президент Рузвельт на пресс-конференции сделал следующее заявление: «Маршал Сталин сообщил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь всех участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу... Для немцев было бы довольно выгодным делом, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием в полтора километра». Благодаря успешной работе разведок союзных держав, в том числе и группы Амира, «довольно выгодное для немцев дело» провалилось.

В годы войны Великобритания была союзницей СССР, и ее спецслужбы сотрудничали с нашей разведкой, но это не мешало им одновременно вести против нас враждебную работу. Так, в Тегеране англичане под видом любительского радиоклуба создали разведывательную школу, в которой организовали обучение и подготовку шпионов и лазутчиков для засылки на территорию советских республик Средней Азии и Закавказья. Расчетливые англичане отдавали при наборе в школу предпочтение лицам, владевшим русским языком, чтобы не тратить время и деньги на его изучение курсантами. Но шила в мешке не утаишь, и о разведшколе стало известно нашей резидентуре. Амир получил задание внедриться в нее, и это ему удалось: он был принят в число слушателей. Сразу же началась работа по установке контингента курсантов школы, к которой подключилась вся «кавалерийская бригада». В течение двух-трех недель была собрана подробная информация о самой школе и о ее курсантах.

Англичане принимали серьезные меры конспирации и предосторожности, чтобы скрыть факт существования школы. Курсанты друг друга не знали, были разбиты на пары, а расписание занятий было составлено так, чтобы они между собой не встречались. Срок обучения был ровно шесть месяцев, после чего выпускников школы обычно отправляли в Индию, где они продолжали совершенствоваться в шпионском деле и отрабатывали навыки прыжков с парашютом. Затем их забрасывали в СССР для выполнения заданий английской разведки. Собранные Амиром сведения были переданы в резидентуру.

В результате английские агенты – курсанты школы стали известны Центру, и были приняты необходимые меры по их аресту после того, как их тайно забрасывали на территорию СССР. Некоторых из арестованных парашютистов перевербовывали, и они начинали действовать под нашу диктовку. Словом, разведшкола стала работать на холостом ходу. Британцы, само собой разумеется, вскоре заподозрили что-то неладное и поняли, что с их школой не все в порядке. Они могли перевести школу в какой-либо другой иранский город, и нужно было, не мешкая, упредить их возможные контрмеры. Советский представитель встретился с официальным представителем английской разведки в Иране полковником Спенсером и в тактичной форме сделал ему представление по поводу явно несоюзнического поведения. Спенсер пытался все отрицать и заявил: «Очевидно, это немецкая школа. Они совсем обнаглели, действуют под самым нашим носом!» Однако в скором времени школа прекратила свое существование.

К тому моменту Амир успел уже закончить курс обучения, но в Индию, конечно, не поехал. В школе он получил добротную оперативную подготовку, которая пригодилась ему впоследствии. Его научили там многим премудростям разведывательного ремесла: двусторонней радиосвязи, тайнописи, тайниковым операциям, пользованию шифрами, методам вербовки агентуры. Он по сей день благодарен своим английским учителям: учеба в школе была поставлена основательно, и курсанты приобретали прочные знания и навыки.

В 1942 году Амир привлек к работе в группе молодую девушку, которая затем стала его женой и боевой подругой, прошедшей вместе с ним долгий путь в разведке. Им довелось работать много лет в экстремальных условиях и сложной обстановке в разных странах мира, оба награждены орденами и медалями. Недавно Амир и его жена отметили золотую свадьбу.

Девушка отличалась находчивостью и наблюдательностью, смело шла на риск, добиваясь четкого выполнения тех или иных заданий, которые ей поручались. Благодаря ей были выявлены многие фашистские агенты, а также предатели. Ей было всего 16 лет, когда она сумела предотвратить переход на сторону врага двух советских летчиков, перелетевших на своих самолетах в Иран из Баку. Фашист-

ская агентура постаралась их надежно укрыть, и немцы готовились тайно переправить летчиков в Германию, однако их убежище было обнаружено, дезертиры были арестованы и понесли наказание.

Как-то раз она обратила внимание на необычное поведение двух незнакомых мужчин, которые периодически появлялись во дворе ее дома в Тегеране, приносили с собой лестницу, какие-то провода, забрасывали их на крышу, а потом куда-то уходили. Незнакомцы показались девочке подозрительными, и она поспешила сообщить о них в резидентуру. К информации отнеслись со вниманием и решили установить место жительства этих мужчин, произвести в их квартире негласный обыск. Изготовили ключи и в отсутствие хозяев проникли в жилое помещение, где нашли радиоприемник, радиопередатчик, наушники и другие принадлежности для радиосвязи. Было ясно, что незнакомцы имеют отношение к разведывательной работе. Запросили Москву с предложением арестовать подозрительную парочку и разобраться, что к чему. Ответ оказался неожиданным: эти люди Центру известны, и никаких мер к ним принимать не следует. В общем, вышел казус из серии «нарочно не придумаешь!»

Деятельность группы Амира, разумеется, находилась под ежедневным контролем и опекой старших товарищей из резидентуры.

Группа успешно действовала до апреля 1949 года. В феврале того же года было совершено неудачное покушение на шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, к которому была причастна религиозная террористическая организация «Федаян-е-ислам» («Жертвующие собой ради ислама»). Обстановка в стране обострилась. В резидентуру поступили сигналы об интересе иранской контрразведки и к некоторым членам «семерки». Центр дал указание законсервировать группу.

Последние операции «легкой кавалерии» относятся к концу 40-х годов. Ирано-советские отношения становились все более прохладными. Многочисленные консульские учреждения СССР в разных городах Ирана были закрыты, свертывались межгосударственные и торговые связи между двумя странами.

В иранских средствах массовой информации была развернута шумная антисоветская кампания, разжигалась шпиономания. В 1949 году в столичном журнале «Техран-е-мосаввар» появилась серия статей под общим заголовком – «Я был советским шпионом», которая, несомненно, была инспирирована спецслужбами. Бывший агент резидентуры Лут заявил, что решил порвать с советской разведкой и выдать иранским властям всю известную ему информацию о ее деятельности.

Откровения предателя, конечно, наносили определенный ущерб тегеранской резидентуре и еще более осложняли ее работу. Было принято решение установить Лута, скрытно задержать его и потом нелегально переправить в Советский Союз. В те годы такие методы работы разведок, в том числе советской, еще практиковались.

К поискам Лута была подключена группа Амира. «Кавалеристы» знали свое дело отлично, имели большой опыт, и, несмотря на то, что предатель вел себя очень осторожно, часто менял места жительства, проверялся при передвижении по Тегерану, применял средства маскировки, его нашли довольно быстро. Были установлены его обычные маршруты по городу, квартиры, где он проживал, места, которые любил посещать. В общем, все было готово для его захвата, и дело было только за санкцией Центра.

Однако согласия Центра на операцию не последовало, и Москва предложила оставить Лута в покое: времена изменились, и в Центре не хотели обострения отношений с соседней страной.

Москва дала высокую оценку работе внешней разведки в Иране во время Второй мировой войны, отметив, что тегеранская резидентура внесла большой вклад в своевременное выявление и срыв военно-стратегических планов Германии в отношении Ирана, обеспечение безопасности поставок СССР вооружения и продовольствия по ленд-лизу через иранскую территорию, в пресечение враждебной деятельности фашистской агентуры и руководимых ею подпольных организаций, а также в блокирование действий и ликвидацию антисоветских националистических формирований, проводивших подрывную работу против СССР под немецким контролем. Треть сотрудников тегеранской резидентуры – более 30 человек – была отмечена правительственными наградами.

29

Разгром «мародеров»

9 мая 1945 года, сразу же после капитуляции фашистской Германии, афганские власти по представлению послов СССР, Великобритании и США опечатали сейфы, архив и кассу германской миссии в Кабуле. 344 папки документов в девяти ящиках и крупные суммы денег были отправлены в Москву и далее в Берлин в распоряжение Союзного контрольного совета для Германии.

В Москве, куда были доставлены из Кабула немецкий посол Пильгер, заместитель торгового атташе, он же шифровальщик абвера, Цугенбюллер, второй шифровальщик Зегер и другие сотрудники германской миссии, началось расследование деятельности гитлеровских спецслужб против союзных держав на территории нейтрального Афганистана в годы Второй мировой войны. Они охотно отвечали на вопросы следователей, и их показания полностью подтвердили имевшиеся в материалах советской разведки сведения о подрывной работе абвера и разведок стран «оси» в Афганистане в 1941–1945 годах.

Этим событиям, однако, предшествовали годы напряженной работы внешней разведки в контакте с английскими спецслужбами в Афганистане и Индии. Кабульскую резидентуру в годы войны возглавлял выдающийся советский разведчик Михаил Андреевич Аллахвердов (1900–1968 гг.). Именно под его руководством и при его личном участии были разгромлены «Мародеры» – так в оперативной переписке называлась обширная агентурная сеть немецкой разведки, действовавшая в Афганистане в военные годы.

М.А. Аллахвердов отдал разведке 50 из своих 68 лет. С его именем связан целый ряд мастерски осуществленных в разных странах разведывательных операций. Он был настоящим знатоком Востока. В Афганистане в суровые военные годы его талант разведчика раскрылся особенно ярко: усилия спецслужб оси Берлин–Рим–Токио по превращению территории нейтрального афганского государства

в плацдарм агрессии против СССР и вторжения вермахта в Индию были парализованы.

В стремлении к мировому господству Гитлер вынашивал далеко идущие планы, в которых Афганистану отводилось важное место. Вернер-Отто фон Хентиг, ветеран германской дипломатии, считавшийся экспертом по ближневосточным делам, после войны, отвечая на вопросы советского журналиста, признал: «Афганистан в те годы занимал особое интересное положение, находясь как бы в «подбрюшье» советской Средней Азии. Из Афганистана можно было бы предпринять многое против советских республик. От Афганистана недалеко до Индии. Для руководителей Третьего рейха Индия была одной из важных целей. Начальник генштаба Ф. Гальдер отдал приказ о подготовке операции против Индии еще 17 февраля 1941 года»[1].

Тогда же Гитлер распорядился начать подготовку операции по захвату Афганистана. В апреле 1941 года разработка плана этой операции была вчерне завершена, и генштаб доложил фюреру, что для ее проведения будет необходимо 17 дивизий, в том числе шесть горнострелковых, четыре пехотных, четыре моторизованных и три других подвижных соединений вермахта. В директиве верховного главного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) и главного командования сухопутных войск (ОКХ) № 32 от 11 июня 1941 года говорилось: «После достижения целей операции «Барбаросса» дивизии вермахта должны будут вести борьбу против британских позиций на Средиземном море и в Передней Азии путем концентрической атаки из Ливии через Египет, из Болгарии – через Турцию, а также в зависимости от обстановки из Закавказья через Иран». Планировалось в ноябре 1941 года захватить Северный Кавказ, до мая 1942 года форсировать Главный Кавказский хребет и в июне выйти на позиции в районе Тавриза (Иран). По утверждению германского историка Андреаса Хильгрубера, к осени 1941 года должна была быть создана база для операции в Афганистане, «откуда можно было бы угрожать Индии, сердцу Британской империи».

С немецкой педантичностью был разработан план под кодовым названием «Аманулла», который предусматривал мероприятия по обеспечению похода германских войск в Афганистан и далее в Индию. Немцы рассчитывали, что с появлением частей вермахта у границ Индии там вспыхнет мощное антианглийское восстание, и делали на это ставку. В Греции формировалось специальное ударное подразделение немецкой армии – «соединение Ф», натренированное для действий в тропических и субтропических регионах. К упомянутым выше 17 дивизиям должна была присоединиться и «тюркская дивизия», сформированная из советских военнопленных-мусульман, жителей Средней Азии. Для работы с мусульманским населением стран Ближнего и Среднего Востока готовились «войсковые муллы». 4000 десантников должны были овладеть Кабулом и сменить режим.

Бушевавшая за пределами нейтрального Афганистана мировая война, казалось, вот-вот втянет в свой водоворот и это далекое государство.

Однако поражение немцев под Москвой и затем ход боевых действий на Кавказе, по свидетельству германского историка Шредера, спутали карты. Правда, подчеркивает Шредер, в Афганистане уже были созданы базы, которые могли быть использованы вермахтом в случае продвижения из Ирана к Индии.

В декабре 1941 года, когда битва под Москвой еще была в самом разгаре, советское руководство приняло решение об активном противодействии абверу и разведкам стран «оси» в Афганистане, чтобы не допустить его отхода от нейтралитета в войне и остановить маховик реализации немецких планов в отношении Индии. В том, что им не суждено было сбыться, немалая заслуга по праву принадлежит советской разведке, которая во взаимодействии с английскими спецслужбами во многом предопределила благоприятный для СССР и союзных держав исход борьбы с Германией в Афганистане и Индии.

Кабульская резидентура в военные годы насчитывала всего пять человек, двое из которых выполняли технические функции. Невелик был и агентурный аппарат – 15 агентов, из них семеро считались ценными. Интересен национальный состав агентуры: афганцев, в том числе таджиков и узбеков, – семь человек, индийцев – два, поляков – два, французов – один, швейцарцев – один, русских – два. Непосредственно против немцев работали три агента, по иностранным колониям в Кабуле – два, по среднеазиатской эмиграции – четыре, добывали информацию о политике афганского руководства шесть агентов. Конечно, были еще доверительные связи, близкие знакомые наших разведчиков и просто доброжелатели, которые симпатизировали СССР.

Немецкие спецслужбы накануне Второй мировой войны и после ее начала, когда фашистской Германии сопутствовали успехи на разных театрах военных действий, форсировали создание и укрепление своих позиций в Афганистане. Им активно помогали спецслужбы стран – союзниц Германии. Главное внимание они уделяли приобретению агентуры, особенно агентов влияния, в верхнем эшелоне афганского руководства, а также среди враждебных СССР представителей среднеазиатской эмиграции и бывших басмачей, укрывшихся в Афганистане. Военная разведка Германии – абвер, надо отдать ей должное, сумела создать многочисленную и разветвленную агентурную сеть, куда входили (по данным на 1 февраля 1942 года), к примеру, начальник штаба афганской армии Мустафа-хан, командир кавалерийской бригады Султан Ахмед-хан, начальник управления разведки при военном министерстве Мухаммед Анвар-хан и другие военные и гражданские лица. С немцами были тесно связаны также военный министр Шах Махмуд-хан, командир центрального армейского корпуса Дауд-хан, многие члены афганского правительства, сановники королевского двора.

Германская колония в Афганистане перед войной была самой многочисленной из европейских – более 300 человек. Почти во всех афганских министерствах работали германские советники, немецкие инструкторы находились в афганской армии и полиции. По торговому соглашению, подписанному в 1939 году, Германия закрепила за собой монопольное право на направление специалистов в Афганистан для работы на различных объектах промышленности и строительства. В 1938 году афганцам был предоставлен беспроцентный кредит на закупку в Германии вооружения и боеприпасов. Немецкая разведка, разумеется, использовала такое положение в своих интересах.

Немцы чувствовали себя в Афганистане вольготно и были в привилегированном положении в сравнении с другими иностранцами. Им, например, разрешалось хранить и носить огнестрельное оружие, они могли беспрепятственно общаться с афганцами, которых за связь с немцами не преследовали, тогда как за контакты с другими иностранцами местных жителей могла ждать тюрьма. Немцы вовсю практиковали подкуп афганцев и с помощью щедрой (по афганским меркам) оплаты услуг привлекали себе сторонников среди широких слоев населения. Они не упускали случая подчеркнуть, что это – забота фюрера, борющегося против исконных врагов ислама – Англии и России.

Германская миссия в Кабуле вела широкую пропаганду и усиленно создавала образ «процветающей Германии». Распространялись вымыслы о бедственном положении мусульман в советских республиках Средней Азии, которые испытывают «непосильный гнет безбожников-большевиков». Подлинным центром немецкого влияния был лицей «Неджат» в Кабуле, где преподавание велось на немецком языке, а ученикам бесплатно раздавались учебники и тетради, на обложках которых был портрет Гитлера и лозунг: «Германия победит весь мир!» Посол Пильгер на допросах в Москве говорил: «Германская миссия с разрешения афганского правительства проводила активную пропаганду против союзников. Эта пропаганда была усилена после военного нападения Германии на Советский Союз».

Советское правительство, обеспокоенное возраставшей активностью Германии в нейтральном Афганистане, было вынуждено сделать афганскому правительству запрос по этому поводу. В ответ оно получило заверение, что деятельность немцев не будет затрагивать территории ближе 30 км от советской границы.

11 июля 1941 года посол Германии в Кабуле по указанию Риббентропа предложил королю Захир-шаху сотрудничество с Германией, что, естественно, означало отказ от традиционного нейтралитета. Король, однако, предпочел уклониться от этого предложения. А 1 ноября 1941 года 100 самых авторитетных вождей афганских племен, высших духовных иерархов и представителей власти, собравшись на Лоя Джиргу (верховный совет Афганистана), постановили: «Никакому

иностранному государству ни в какой форме не будет позволено занять всю или часть афганской территории или использовать нашу дорогую родину для проведения военных действий, или получить у нас какие-либо привилегии во время войны». Нейтралитет государства был, таким образом, подтвержден, и в принципе соблюдался в военные годы, однако в 1941–1943 годах он подвергался серьезным испытаниям. Существовала реальная угроза, что традиционный нейтралитет может смениться односторонней ориентацией на Германию.

Посол Пильгер свидетельствовал в Москве: «Первое время афганское правительство четко придерживалось нейтралитета, но ввиду военных успехов немецкой армии в Европе оно стало к нам относиться наиболее благожелательно и по ряду вопросов разделяло точку зрения захватнической политики германского правительства, желало победы германской армии». По его словам, премьер-министр Хашим-хан и его заместитель Наим-хан «исключительно лояльно относились к гитлеровскому правительству, а отсюда и к немецкой миссии». Во время ожесточенных боев за Сталинград Пильгер был приглашен к Наим-хану, который заявил послу, что «афганское правительство всецело разделяет политику Германии и выражает готовность оказать германскому правительству помощь в виде вооруженной силы». В Берлине, однако, не доверяли афганскому руководству и считали, что король Захир-шах и вся династия Надиров являются ставленниками англичан, и поэтому после вторжения в Афганистан, по данным внешней разведки, немцы планировали привести к власти в Кабуле свою марионетку.

История рассудила иначе. Гитлеровские планы похода на Индию потерпели крах после сокрушительного поражения немцев на Волге и особенно после разгрома их армий на Курской дуге. Теперь Берлину было уже не до вторжения на Средний Восток. В свою очередь, афганское правительство после Сталинградской битвы прекратило вести закулисные игры с Германией.

Советский Союз имел в Афганистане немало друзей. Они и в годы войны делали все возможное, чтобы помочь СССР в борьбе с гитлеровской Германией. Опираясь на них, кабульская резидентура, несмотря на свою малочисленность, работала целенаправленно и эффективно. Разведчики и их агентура своевременно добывали достоверную информацию, благодаря которой руководство СССР было осведомлено о военно-стратегических и политических планах Третьего рейха в отношении Афганистана.

Как и в 30-е годы, плодотворно сотрудничала с советской разведкой Марьям, жена высокопоставленного афганского сановника, вхожая в королевскую семью. Красивая и умная женщина, она регулярно снабжала резидентуру полезной информацией о положении и настроениях афганской «верхушки».

В числе агентов кабульской резидентуры были и простые афганцы, которые под видом нищих, выпрашивавших подаяние, могли часами наблюдать за конспиративными квартирами немецких разведчиков и фиксировать их контакты с представителями афганской элиты. На них никто не обращал внимания, но именно они позволили выявить десятки немецких пособников, установить их личность, места работы и жительства.

Важная информация поступала в резидентуру и от других источников, в частности, от агентов из числа представителей антисоветской эмиграции, среди которой было много бывших главарей басмаческого движения. Фашистская разведка черпала из этой категории лиц диверсантов и террористов для заброски в СССР. Добытые упреждающие сведения давали возможность принимать своевременные меры по обезвреживанию лазутчиков.

Однако особое место в агентурной сети кабульской резидентуры занимал, несомненно, молодой индиец, имевший псевдоним «Ром». Это был смуглый, подвижный, среднего роста человек с выразительными живыми глазами. Он стал надежным помощником М.А. Аллахвердова в борьбе с немецкой разведкой. Свое кредо и желание сотрудничать с советской разведкой «Ром» объяснил коротко и ясно: «Я предан революции в Индии, ее освобождению и Советскому Союзу. Я знаю, что свобода Индии зависит от вашей победы, что гитлеровская Германия и ее союзники – это ваши и наши враги. Знаю, вам тяжело сейчас. Хочу помочь вам делом».

«Ром» происходил из состоятельной семьи, получил хорошее воспитание и образование, мог сделать прекрасную карьеру, но под влиянием Октябрьской революции в России стал жить мечтой о свободной Индии. В 1924 году он стал членом Индийского национального конгресса, вернее, его левого крыла, но вскоре разочаровался в его работе. Он объяснял это так: «Конгресс слишком пассивно и вяло боролся с английскими колонизаторами, искал компромиссов, когда нужно было сражаться». В 1938 году «Ром» вступил в левую партию «Кирти Киссан», называвшую себя также «Коммунистической партией Лахора», и быстро превратился в ее активного и влиятельного функционера. Он был объявлен англичанами в розыск и скрывался в подполье. По партийным делам ему приходилось часто бывать в Афганистане, куда можно было нелегально добраться только через зону свободных пуштунских племен, враждебно настроенных к Англии. Там он обзавелся друзьями и единомышленниками среди авторитетов племен, пользовался их покровительством и материальной поддержкой. В Кабуле у него также было много знакомых в индийской колонии, среди афганского торгового люда и чиновников госаппарата. «Ром» говорил М.А. Аллахвердову: «Мы располагаем известным влиянием и имеем сторонников здесь, в Афганистане, особенно в зоне свободных племен и в северо-западной пограничной провин-

ции Индии. Всем этим вы можете располагать во имя вашей победы и нашей свободы».

«Ром» сумел завоевать доверие немцев, был в почете у германского посла Пильгера, по линии разведки связь с ним поддерживали сам резидент абвера Расмус и его помощники Витцель и Виллерт. Абвер присвоил «Рому» псевдоним «Рахмат-хан». Шифровальщик немецкой резидентуры в Кабуле Цугенбюллер показал на допросах в Москве: «Германские разведывательные органы и правительство считали, что основным в работе немецкой разведки в Афганистане является углубление работы с «Рахмат-ханом». И далее: «Перед «Рахмат-ханом» ставилась задача освещения внутриполитического положения в Индии, сбор шпионских сведений о военных усилиях англичан и ведение с помощью подпольных организаций подрывной работы против них в Индии. Для этих целей «Рахмат-хану» нами выдавались крупные суммы денег и были переданы две радиостанции. Материалы, передаваемые нам «Рахмат-ханом», получали очень высокую оценку в Берлине». До 1943 года «Ром» по заданию немцев постоянно бывал в зоне свободных племен, где якобы готовил антианглийское восстание и создавал подполье.

Резидент Расмус не раз говорил «Рому»: «Берлин очень доволен вами, дорогой друг. Ваша работа получила самые лестные отзывы. Сам фюрер знает о вас...» В феврале 1942 года во время встречи в Кабуле Расмус был в приподнятом настроении и торжественно заявил «Рому»: «Поздравляю. Вы награждены высоким орденом Третьего рейха. И я, благодаря вам, награжден таким же. Но прежде всего позвольте огласить телеграмму фюрера, адресованную вам лично. Видите, фюрер благодарит вас за хорошую работу. А теперь вручаю вам орден по его поручению». Расмус передал ему футляр с орденом и удостоверение к нему. Однако, выразив положенную в таких случаях признательность, «Ром» орден с собой не взял и оставил его у немецкого резидента. На вопрос М.А. Аллахвердова, что это был за орден, «Ром» холодно ответил, что не помнит и не хочет даже прикасаться к нему.

Учитывая личность «Рома», его связи в Афганистане и в пуштунских племенах, Центр так сформулировал задачи, которые должны были решаться резидентурой с его помощью: «“Ром” должен стать немецким резидентом в Афганистане, выявить там немецкие связи и, по возможности, проникнуть в немецкую работу из Афганистана на Советский Союз, а также на Индию». Нужно сказать, что эта задача была решена: «Ром» сделал для советской разведки так много, что фактически вся деятельность абвера в регионе оказалась «под колпаком». От него поступала своевременная и достоверная информация о происках немецкой разведки в Афганистане и получаемых ею указаниях из Берлина. С помощью «Рома» был установлен весь состав немецкой резидентуры в Кабуле.

Абвер снабдил «Рома» – «Рахмат-хана» двумя рациями, комплектами питания к ним, инструкциями по эксплуатации, кодами и шифрами, расписанием работы с указанием диапазонов и частот. Нет нужды говорить, что работа берлинских радиостанций на Афганистан и Индию оказалась под нашим постоянным контролем.

Германская разведка не скупилась, и Расмус неоднократно передавал «Рому» крупные суммы в валюте, но всякий раз он вручал их нашим разведчикам и просил перечислить их в фонд обороны СССР. Один из таких взносов составил, например, 700 фунтов стерлингов золотом, 10 тысяч долларов США, 50 тысяч афгани и 5 тысяч индийских рупий. По тем временам это были большие деньги. М.А. Аллахвердов не раз убеждал «Рома» оставить часть денежных сумм себе и расходовать их для выполнения заданий абвера, но «Ром» почти никогда не соглашался, заявляя, что у него имеется достаточно средств благодаря связям в зоне свободных пуштунских племен, а также денег партии.

В феврале 1942 года фашистская разведка поставила перед «Ромом» важное задание: приступить к формированию во всех портовых городах Индии – от Читтагонга до Карачи – специальных диверсионных групп для проведения акций саботажа и, кроме того, начать подготовку антианглийских выступлений, которые должны быть увязаны с высадкой с моря японских десантов, предназначенных для дезорганизации коммуникаций и блокирования английских гарнизонов. Расмус и Витцель проинструктировали «Рома» о способах вывода из строя промышленных объектов при подходе к границам Индии германских и японских войск. Его научили, как готовить взрывчатые вещества на месте.

Информация об этом задании была незамедлительно доложена в Москву, и ее сочли настолько важной, что она тут же легла на стол Сталину, Молотову и Берии. Планы Третьего рейха в отношении Индии и намеченные акции требовали, естественно, ответных мер со стороны союзных держав. На повестку дня встал вопрос о совместных действиях и сотрудничестве советской и английской разведок. Важно было, кроме того, обеспечить безопасность «Рома», который по-прежнему находился в розыске в Индии и мог быть арестован англичанами в любой момент. Он сам просил известить английские спецслужбы о его работе на советскую разведку. В Москве сочли это целесообразным, и с апреля 1942 года в Лондоне были осведомлены о личности «Рома». Добываемые им сведения стали поступать к руководству английской разведки. Это позволило объединить усилия спецслужб и прицельно противодействовать подрывной работе абвера в Индии.

По поручению Расмуса «Ром» должен был создать в Индии подпольную сеть, и в этих целях заняться подбором, изучением и вербовкой прогерманских элементов. Наряду с этим он должен был вы-

являть активных противников фашистской Германии, составлять списки таких лиц с указанием адресов, чтобы в час X их можно было легко найти и арестовать. Нужно было также подыскивать людей для захвата власти на местах и с их помощью формировать затем органы управления в провинциях, а до этого – разлагать действующий госаппарат. Наконец, через надежных участников подполья «Ром» должен был находить и расчищать площадки для приема самолетов и десантников-диверсантов. К походу на Индию немцы готовились с присущими им пунктуальностью и педантичностью, заранее разрабатывая тайные операции.

Абвер не подозревал о двойной игре «Рахмат-хана» – «Рома»: настолько продуманно и искусно он вел свою линию, да к тому же у немецкой разведки не оказалось других серьезных источников в зоне свободных племен, и она не могла осуществить глубокую проверку «своего агента». В Москве и Лондоне готовились специальные дезинформационные материалы о положении в Индии, и «Ром» снабжал ими Расмуса. Взаимодействие двух разведок позволило успешно блокировать многие планы Германии и Японии в регионе.

По инициативе англичан и по нашему заданию «Ром» подыскал надежного человека для работы против абвера в Иране, контакт с ним поддерживали советские и английские разведчики. Сотрудничество с английской разведкой дало возможность обеспечить безопасность стратегической транспортной артерии, по которой в годы войны шли в СССР через иранскую территорию поставки по ленд-лизу военных грузов. Маршрут пролегал по труднодоступной местности, и вооруженные отряды, действовавшие под контролем немецких спецслужб, наносили внезапные удары по транспортным колоннам, причиняя им значительный ущерб. Таким образом, возможности Рома пригодились не только в Афганистане и Индии.

Доверие немцев к «Рому» простиралось столь далеко, что они решили поручить ему поддерживать контакт и с японской разведкой. В сентябре 1943 года Расмус у себя дома познакомил его с японским военным атташе Инуи. Это означало, что он становился «тройным» агентом. Москва санкционировала его работу на японцев, которые хотели с помощью «Рома» гарантировать безопасность своих диверсантов в пунктах высадки с подводных лодок на индийском побережье. Однако они, как правило, попадали в засаду, их обезвреживали, а затем судили по законам военного времени, некоторые из них исчезали бесследно. Это настораживало и японцев, и немцев. «Рому» приходилось выкручиваться и объяснять причины провалов агентуры с помощью специально подготовленной англичанами дезинформации.

Несмотря на эти неудачи, в Токио и Берлине верили, что «Рому» удалось создать новую антианглийскую организацию в Индии под названием «Индийский национальный революционный комитет»

(ИНРК), которая превратилась в «руководящую силу в подпольном блоке», куда входили партии «Форвард блок», «Бенгал волонтиерс», «Конгрессистская соцпартия» и «Кирти Кисан». На основании его сообщений там считали, что в Индии сложилось и действует широкое подполье, своего рода параллельная структура, готовая в нужное время легализоваться и взять власть в свои руки. Расмус с удовлетворением посылал в Берлин депеши о том, что созданный антианглийский фронт в Индии, где «Ром» играет важную роль, крепнет и набирает силу. Немецкий резидент не подозревал, что попал в ловушку, расставленную советской разведкой в сотрудничестве с английскими спецслужбами. В мае 1944 года немецкая разведка, по-прежнему доверяя «Рому», планировала с его помощью нелегально направить в Дели со специальным заданием бывшего заместителя Расмуса – Витцеля, к тому времени выдворенного из Афганистана и находившегося в Берлине. Реализовать этот план абверу, однако, не довелось: помешали поражения вермахта на Восточном фронте и аресты участников покушения на Гитлера, в том числе адмирала Канариса, шефа германской военной разведки.

В середине 1943 года произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне, надвигался неумолимый крах гитлеровской Германии. Как свидетельствуют документы архива СВР, в Центре возник новый вариант использования накопленных материалов о деятельности абвера в Афганистане и Индии. Появилась мысль попытаться завербовать резидента Расмуса в Кабуле, «используя бесспорные доказательства провала его работы на Индию и Среднюю Азию».

Начальник внешней разведки П.М. Фитин предложил наркому госбезопасности СССР В.Н. Меркулову воспользоваться в оперативных интересах тем, что немецкая разведка в Афганистане, сама того не ведая, стала по сути дела «обслуживать своей информацией, агентурой и деньгами советскую разведку, а Расмус невольно оказался в положении источника кабульской резидентуры».

Планируя вербовочную беседу с Расмусом, в Центре исходили из того, что в Берлине никогда не простили бы такого грандиозного и постыдного провала, если бы о нем стало известно. В качестве бесспорных доказательств фиаско его работы Расмусу решили продемонстрировать инструкции по радиосвязи с Кабулом, Берлином и Дели, полученные от Рома, задания германского генштаба по организации подрывной работы в Индии, рецепты изготовления взрывчатых веществ, агентурные рации и другие уликовые материалы. Предложение начальника разведки было принято, был составлен и утвержден план операции, в которой должен был принять участие советский разведчик А.М. Коротков, специалист по Германии.

Из архивного оперативного дела «Мародеры» следует, что 24 октября 1943 года на квартире одного из доверенных лиц нашей резидентуры в Кабуле состоялась встреча М.А. Аллахвердова и А.М. Ко-

роткова, выступавшего как полковник Михайлов, с немецким резидентом Расмусом.

«Прежде всего, ознакомьтесь с этими уликами, – представившись, начал разговор «полковник Михайлов». – Вдумайтесь. Спокойно и серьезно оцените обстановку и свое положение. Видите: вот документы на деньги, которые благодаря вашей неосторожности и ошибкам поступили в фонд обороны СССР. Вот рации. Вот шифры и коды, благодаря которым расшифрованы все ваши радиообмены с Берлином и Дели. Это тоже результат ваших просчетов. Поймите, ошибаться может каждый. Но если из-за ваших ошибок и просчетов вся ваша работа оказалась использованной в наших интересах, то это уже хуже, чем ошибка. Это фактически измена. Это прямая помощь врагам Германии. И эту помощь мы регулярно получали от вас все это время. Мы можем разоблачить вас перед Берлином, переслать туда подлинные документы. Ваше руководство не простит вам этого никогда».

Не давая Расмусу опомниться, ему сказали, что Германия вскоре неминуемо проиграет войну, и он, резидент абвера, даже если его «помилуют» в Берлине, предстанет перед судом победителей за шпионскую деятельность против союзных держав. «Обдумайте все это, – продолжил «полковник Михайлов». – На основании того, что вы увидели и услышали, мы предлагаем вам единственный выход. Сотрудничайте с нами. Взамен мы гарантируем нашу искреннюю дружбу и почетное место в послевоенной Германии».

Обычно хладнокровный и самоуверенный Расмус, который был известен в нацистских кругах как «человек-автомат», служака и фанатик, был ошеломлен, лишился языка и впал в шок. Через некоторое время, кое-как взяв себя в руки, он начал упрашивать советских разведчиков дать ему возможность обдумать сделанное ему предложение, поскольку сейчас он просто не в состоянии что-либо решить и вразумительно ответить. Он обещал известить о своем решении в письменном виде, передав послание через хозяина дома, в котором проживал в Кабуле.

«Нет, Расмус, нет. Категорически нет. Ответ вы дадите сами. Лично. Здесь!» – твердо и жестко сказал «полковник Михайлов». «Хорошо, – еле вымолвил немец. – Я сделаю это. Я приду. Я обещаю. Послезавтра».

Но Расмус своего обещания не сдержал и через несколько дней тайно покинул Кабул. Он сумел добраться до Берлина, откуда направил «Рому» радиограмму, в которой предостерегал агента от предательства, жертвой которого стал сам. Дальнейшая судьба Расмуса не известна. СМЕРШ после войны сделал все возможное, чтобы отыскать его в Германии и Австрии, но безуспешно: ни среди убитых и раненых, ни среди военнопленных и интернированных, ни среди гражданских лиц найти его не удалось. Кто знает, возможно, гестапо

успело отомстить провалившемуся разведчику абвера. Впрочем, нельзя исключать, что английская разведка помогла Расмусу замести следы и «раствориться» где-то в Европе или Южной Америке. Ведь единственным путем для него из Кабула в Берлин в то время был путь через Индию.

В 1943 году один за другим из Афганистана были выдворены сотрудники немецкой резидентуры в Кабуле – Витцель, Виллерт, Галиен и другие. После бегства Расмуса за резидента остался молодой, только что выпущенный из спецшколы абвера шифровальщик Цугенбюллер, которому было явно не по плечу руководить разведывательной работой, и она была свернута. Это был итог противоборства советской разведки с абвером в Афганистане. С «Мародерами» было покончено. Деятельность нашей внешней разведки в Афганистане объективно совпадала с коренными государственными интересами этой страны, она была позитивной для союзных СССР держав и не подрывала, а укрепляла суверенитет афганского государства, способствовала нормализации советско-афганских добрососедских отношений.

Любопытно, что бывший итальянский посол в Кабуле Кварони после падения режима Муссолини получил назначение на пост посла в Москве, и ему был выдан агреман с учетом того, что он не был фанатичным фашистом и, работая в Афганистане, ограничивался выполнением чисто официальных функций, активной работы против СССР не проводил. В архивах СВР сохранились записи его бесед с М.А. Аллахвердовым накануне отъезда в Москву в 1944 году. Кварони утверждал, например, что «серьезной базы» у немцев в Афганистане не было и их игра на антианглийских настроениях афганцев, особенно пуштунских племен, была продиктована собственными корыстными интересами. Афганцы, говорил Кварони, это поняли, равно как и то, что наступление германских войск через территорию их страны не сулит им ничего хорошего.

На вопрос М.А. Аллахвердова о том, что он знал о деятельности советской разведки в Афганистане в годы войны, Кварони рассказал следующее. Зимой 1941/42 года он и немецкий посол Пильгер получили указание Рима и Берлина составить совместный доклад о действиях посольства и разведки СССР в Кабуле. «Но, к нашему стыду, – сказал Кварони, – ни у нас, ни у немцев не было по существу никаких материалов об агентуре советского посольства. Весь наш доклад получился общим и неконкретным, основанным больше на догадках и предположениях». Эти признания красноречиво говорят о том, что работа советской разведки в Афганистане в военные годы находилась на высоком профессиональном уровне.

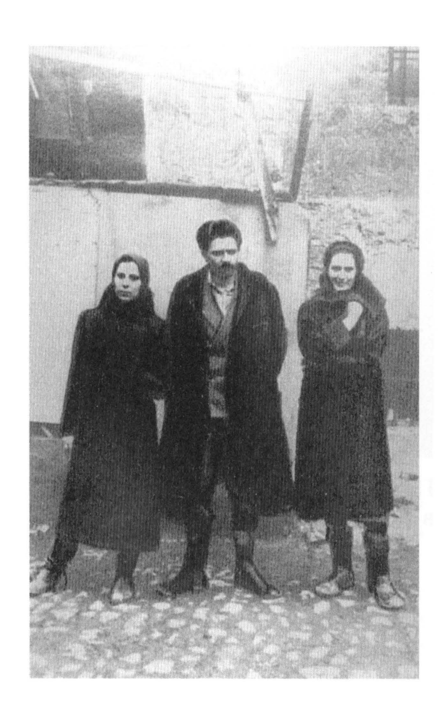
Разумеется, не один только «Ром» результативно помогал советской разведке в то время. Нельзя, например, обойти молчанием еще одного крупного нашего агента «Язучи». Именно ему принадлежит

Павел Михайлович Фитин, начальник внешней разведки
в 1939–1946 гг.

В.А. Молодцов, командир
партизанского отряда в Одессе

В.А. Молодцов со своими
связными Тамарой Межигурской
и Тамарой Шестаковой
перед казнью (Одесса)
Фото, сделанное палачом

Арвид Харнак, один из руководителей берлинской группы антифашистов «Красная капелла»
Фото из архива гестапо

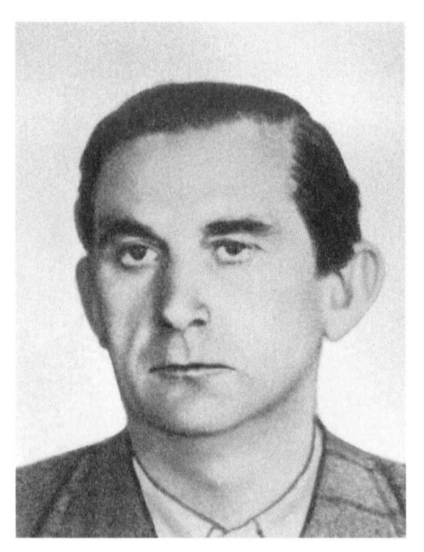

Харро Шульце-Бойзен, один из руководителей берлинской группы антифашистов «Красная капелла» с ближайшим другом и помощником Куртом Шумахером (справа)
Фото 1930-х гг.

Хорст Хайльман, участник берлинской группы антифашистов, радист штаба Главного командования вооруженными силами Германии
Фото из архива гестапо

Иоганес Грауденц, участник берлинской группы антифашистов
Фото из архива гестапо

Карл Беренс, участник «Красной капеллы», солдат
Фото из архива гестапо

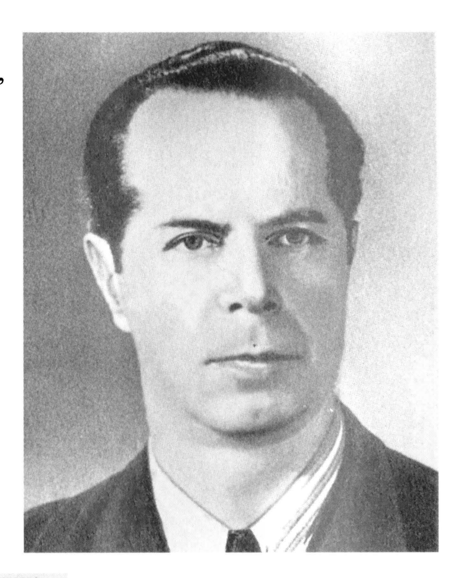
Ода Шоттмюллер, участница «Красной капеллы»
Фото 1930-х гг.

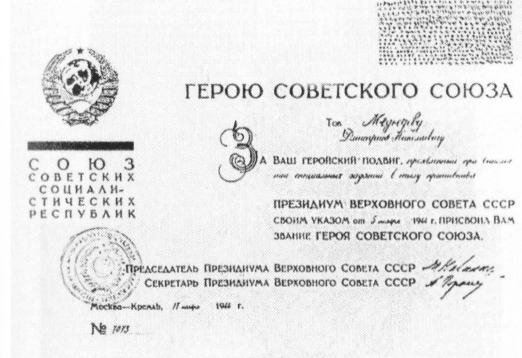

Альберт Хесслер.
В августе 1942 г. был заброшен из Москвы в Берлин для восстановления контакта с группой «Красная капелла»

Д.Н. Медведев, командир партизанского отряда «Победители», Герой Советского Союза

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Тов. Медведеву Дмитрию Николаевичу

За Ваш геройский подвиг, [illegible]

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР своим указом от 5 [illegible] 1944 г. присвоил Вам звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР [illegible]

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР [illegible]

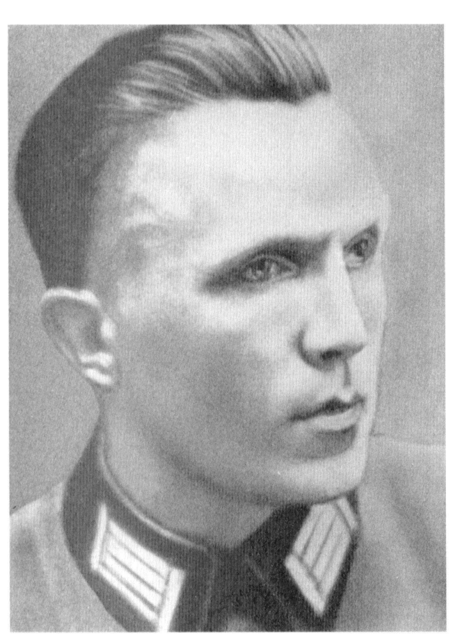
Москва—Кремль, 11 [illegible] 1944 г.

№ 7073

Наградная грамота Д.Н. Медведева

Лагерь партизанского отряда Д.Н. Медведева под Ровно

Н.И. Кузнецов, разведчик,
Герой Советского Союза
(в форме немецкого офицера)

В.А. Лягин, разведчик,
Герой Советского Союза

И.Д. Кудря, разведчик,
Герой Советского Союза

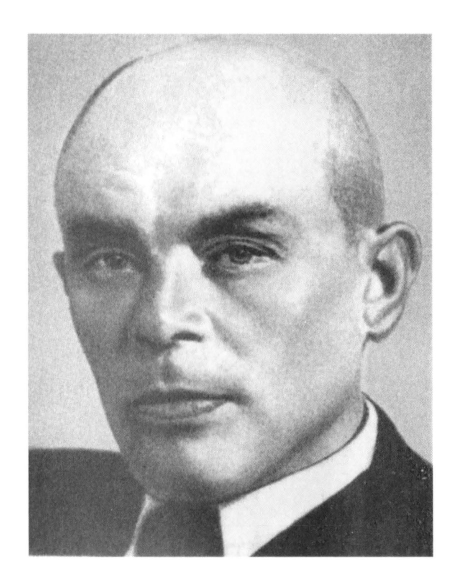

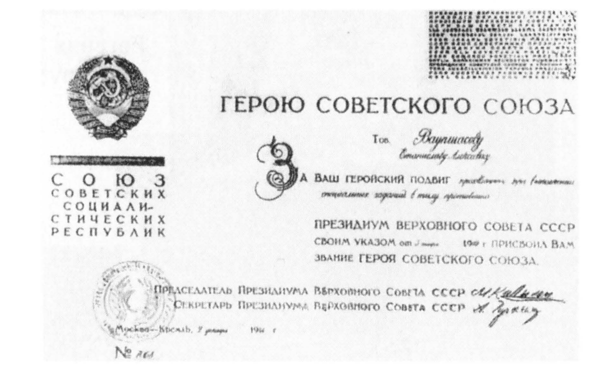
Евгения Бремер,
член группы И.Д. Кудри

Раиса Окипная,
член группы И.Д. Кудри

С.А. Ваупшасов, командир партизанского соединения в Белоруссии, Герой Советского Союза

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Тов. Ваупшасову

За ваш геройский подвиг

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР СВОИМ УКАЗОМ от ... 194 г. ПРИСВОИЛ ВАМ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва — Кремль, ... 194 г.

№

Наградная грамота С.А. Ваупшасова

Радистка из отряда С.А. Ваупшасова

Группа партизан
в Пинских болотах
(Западная Белоруссия)

Партизаны отряда
«Серго», переодетые
в немецкую форму.
Слева направо:
Хосе Гарсия Гранада,
Бисенте Блас,
Хосе Перра Мойо,
Себастьян Пиерра
Льоверра, Хосе Дель
Кампо, Рафаэль
Пелайо

Партизаны
перед заброской
в тыл фашистов
(Белоруссия)

С.И. Волокитин (майор Серго)

ГРАМОТА

О

Награждении сотрудника

Г·П·У·

Коллегия Государственного Политического Управления

ПОСТАНОВИЛА:

П/Нач.Сталинградского ОКРО тов.РЫБКИНА Б.А. - наградить пистолетом системы "МАУЗЕР", калибра 7,65 за №...
с надписью: "ЗА БЕСПОЩАДНУЮ БОРЬБУ С КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ - ОТ КОЛЛЕГИИ ОГПУ". -

СПРАВКА: Приказ ОГПУ № 18 от 12 января 1931 года. -

В удостоверение изложенного и выдана настоящая грамота.

Зам. председатель Государственного Политического Управления
(Менжинский)

Секретарь
(Буланов)

Марта 1931.

№____

Грамота о награждении Б.А. Рыбкина именным оружием

А.М. Коротков, известный разведчик

И.А. Чичаев (в центре), представитель в Лондоне по вопросам сотрудничества с британскими спецслужбами

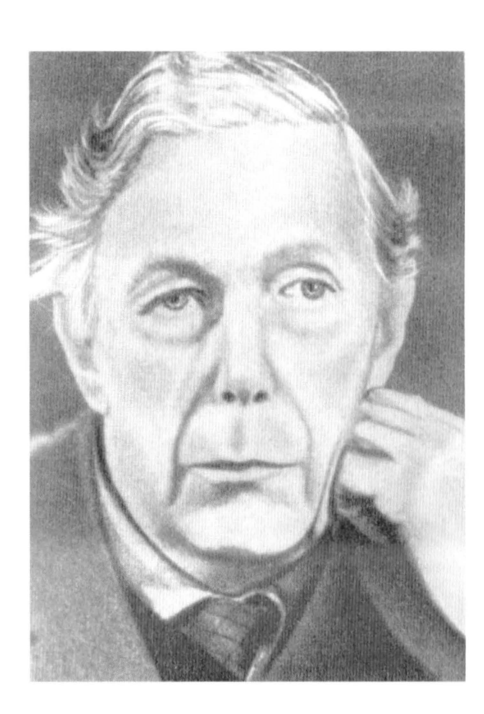

И.А. Чичаев
Фото 1970 г.

Ким Филби, член «кембриджской пятерки»

Джон Кернкросс,
член «кембриджской пятерки»

Энтони Фредерик Блайт,
член «кембриджской пятерки»
Фото 1980 г.

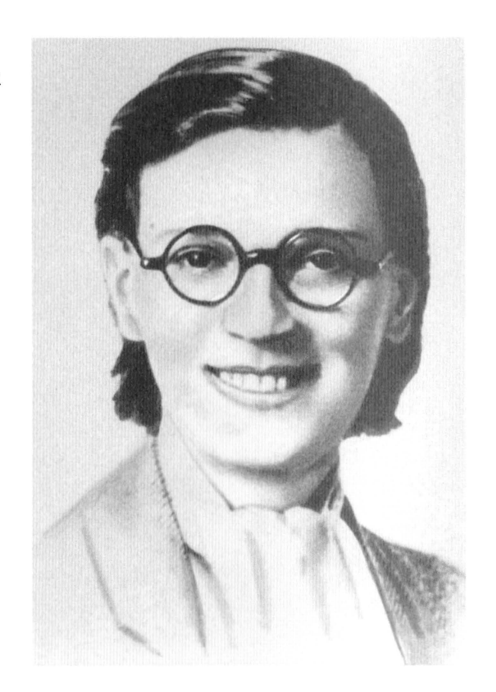
В.М. Зарубин,
известный разведчик

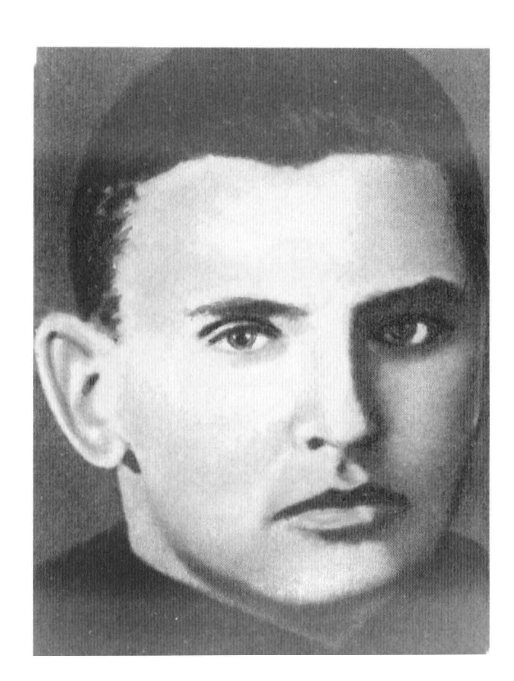
И.А. Ахмеров,
известный разведчик

Китти Харрис («Джипси»),
связная разведчика Дональда Маклина

А.В. Горский, резидент в Лондоне
в 1941–1943 гг.

К.М. Кукин,
резидент в Лондоне
в 1943–1947 гг.

Д.Г. Федичкин,
резидент в Болгарии
в 1943–1944 гг.

А.В. Тишков, офицер связи
при Генштабе Югославской народно-освободительной армии
в 1944–1946 гг.

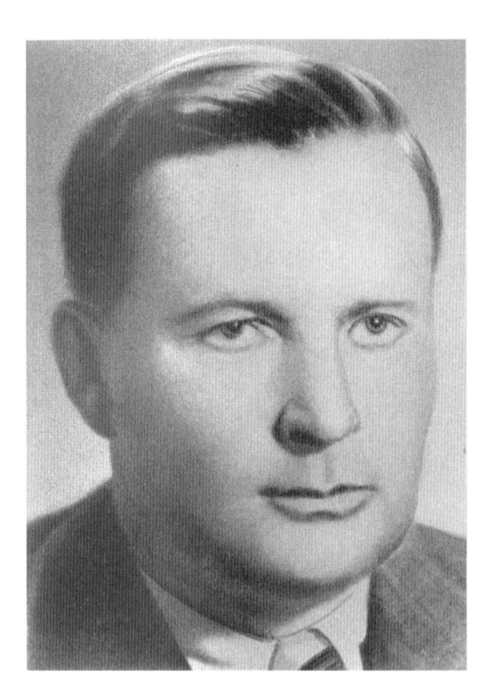

И.И. Агаянц,
известный разведчик

А.С. Панюшкин, главный резидент в Китае в 1939–1944 гг.

А.С. Титов, добывал информацию о действиях Японии в отношении Северного Китая

М.М. Батурин, резидент в Стамбуле в годы войны

В.В. Гриднев (второй справа) с группой боевых товарищей

Служебное предписание В.В. Гридневу

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
„17" мая 1943 г.
№ 17/329
г. Москва

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Командиру отдельной мото-стрелковой бригады особого назначения войск НКВД СССР полковнику т. ГРИДНЕВУ В.В.

С получением сего предлагаю Вам "18" мая 1943 года убыть в служебную командировку в Штаб Центрального фронта для выполнения специального задания.

Действительно по выполнению задания.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СО...
ГЕНЕРАЛ-...
(АПОЛЛОНОВ)

Ференц Патаки,
руководитель разведгруппы

Е.Т. Синицын, резидент
в Финляндии в годы войны

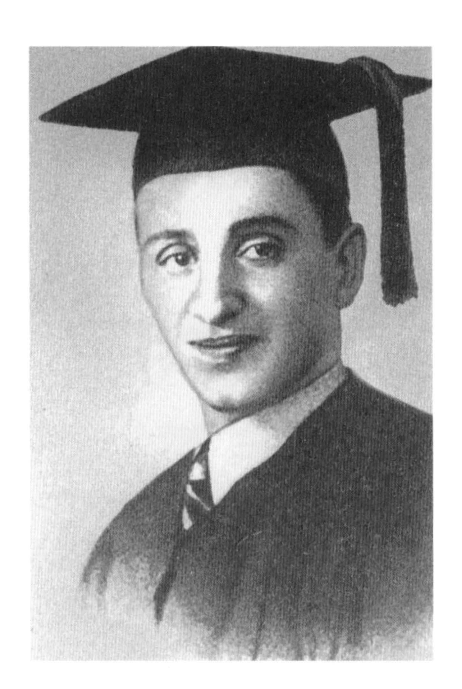

Вручение ордена и медалей Ф.К. Вержбицкому (стоит) 13 марта 1968 г.

Л.Р. Квасников,
организатор добычи
развединформации
о ядерной программе США

А.А. Яцков, разведчик,
1940-е гг.

Разведчик Семенов после окончания Массачусетского технологического института, 1940 г.

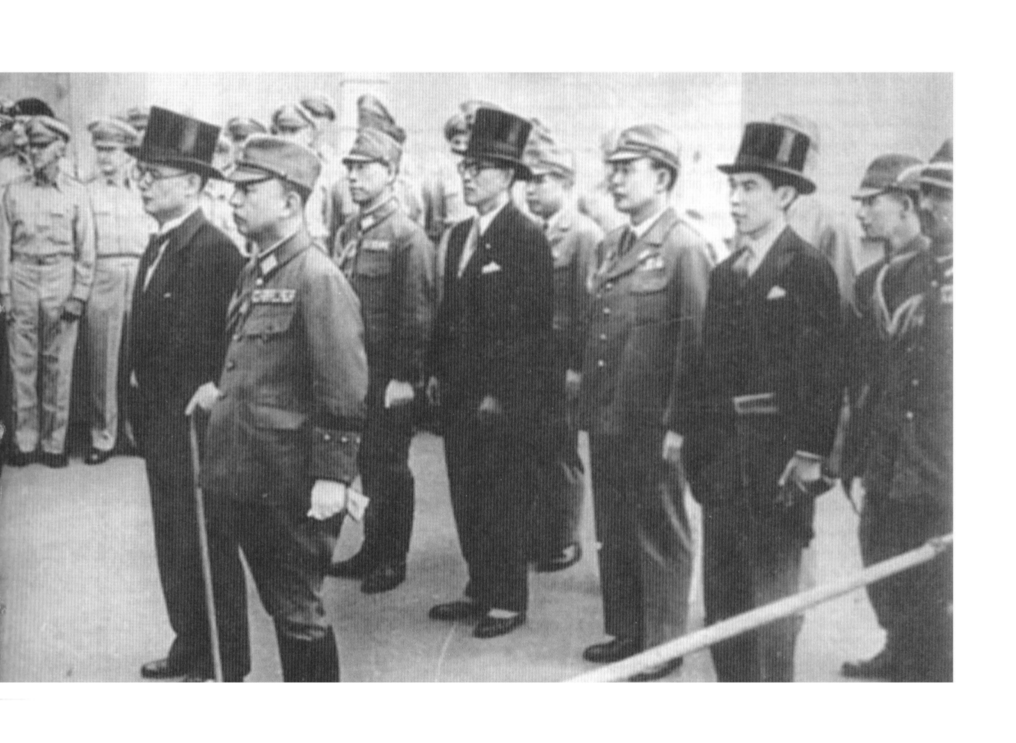
А.С. Феклисов, разведчик

В.Б. Барковский, разведчик, атташе посольства СССР в Лондоне

Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии.
Борт американского линкора «Миссури», 2 сентября 1945 г.

Соверш. секретно

Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР

т. Первухину М.Г.

Произведенное мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего Государства и науки.

С одной стороны, материал показал серьезность и напряженность научно-исследовательской работы в Англии по проблеме урана, с другой — дал возможность получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования, миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения.

В дальнейшем приводятся соображения по отдельным разделам материала.

I. Разделение изотопов

Наиболее ценная часть материалов относится к задаче разделения изотопов.

1. Единственным рациональным путем ее решения принимается разделение изотопов при помощи диффузии через мембраны с мелкими отверстиями. Предпочтение методу диффузии методу центрифугирования для наших физиков и химиков явилось неожиданным. У нас была распространена точка зрения, согласно которой возможности метода центрифугирования стоят значительно выше возможностей метода диффузии, который считался практически неприменимым для разделения изотопов тяжелых элементов. В соответствии с этой точкой зрения в начале при постановке работ по проблеме

...

результатов из данных заключений, было бы крайне желательно получить полные окончательные результаты, которые хотелось бы самые краткие сведения о постановке опыта, в которых бы в частности сообщалось о том, какие ядерные реакции использовались в этих экспериментах для получения нейтронов.

Заключение

Полученные материалы, как видно из изложенного, заставляют нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской физики направления в работе:

1. Выделение изотопа урана 235 диффузией
2. Осуществление ядерного горения в смеси уран — тяжелая вода
3. Изучение свойств элемента Эка Os 94 (Плутоний? 239)

В заключение необходимо отметить, что вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по этой проблеме за границей.

Естественно возникает вопрос о том, отражают ли полученные материалы действительный ход научно-исследовательской работы в Англии, а не являются ли вымыслом, задачей которого явилась бы дезориентация нашей науки.

Этот вопрос для нас имеет особенно большое значение потому, что по многим важным разделам работы (из-за отсутствия технической базы) мы пока не в состоянии произвести проверку данных, изложенных в материале.

На основании внимательного ознакомления с материалами у меня осталось впечатление, что он отражает истинное положение вещей.

Некоторые выводы, даже по весьма важным разделам работы, мне кажутся сомнительными, некоторые из них мало обоснованными, но ответственными за это являются английские ученые, а не доброкачественность информации.

Это письмо будет передано Вам Вашим помощником т. А.И. Васиным, у которого находятся, подлежащие уничтожению, черновые записи к письму.

Содержание письма никому, кроме меня, не может быть пока известно.

г. Москва
7.03.43

Зав. лабор.
Профессор И.Курчатов

из. единств. 14 стр.
Черновые записи у т. Васина

170/2537

Письмо академика И.В. Курчатова, в котором он дает положительное заключение по материалам разведки

Хв-4 л. 3

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

___ марта 1942 г.

№ ______

г. Москва

Сов. секретно 6
Экз. № 1

24

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
СОЮЗА С.С.Р.

товарищу СТАЛИНУ

В ряде капиталистических стран в связи с проводимыми работами по расщеплению атомного ядра, с целью получения нового источника энергии, было начато изучение вопроса использования атомной энергии урана для военных целей.

В 1939 году во Франции, Англии, США и Германии развернулась интенсивная научно-исследовательская работа по разработке метода применения урана для новых взрывчатых веществ. Эти работы ведутся в условиях большой секретности.

Из прилагаемых совершенно секретных материалов, полученных НКВД СССР в Англии агентурным путем, характеризующих деятельность Уранового Комитета по вопросу атомной энергии урана видно, что:

а) Английский Военный Кабинет, учитывая возможность успешного разрешения этой задачи Германией, уделяет большое внимание проблеме использования атомной энергии урана для военных целей.

б) Урановый Комитет Военного кабинета, возглавляемый известным английским физиком Г.П. ТОМСОНОМ,

"Лист", [illegible] 1944 [illegible]

[illegible handwritten marginal notes]

Сов. секретно

Предварительное заключение по материалу к препроводительной № 1/3/6134 от 6 апреля 1945 года.

Материал большой ценности. Он содержит данные 1) по атомным характеристикам ядерного взрывчатого вещества, 2) по деталям взрывного метода приведения атомной бомбы в действие, 3) по электромагнитному методу разделения изотопов урана.

I. Атомные характеристики ядерного взрывчатого вещества.

Исключительно велики в этом разделе данные по спонтанному делению тяжелых ядер, содержащие подтверждение ранее полученного сообщения о меньшей вероятности спонтанного деления урана 235 по сравнению с ураном 238. Поразительно высока вероятность этого процесса в плутонии 240.

В таблице, дающей значения числа

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

т. Первухину

т. Курчатову

Бомба типа "НЕ" (High explosive)

В июле текущего года ожидается производство первого взрыва атомной бомбы.

Конструкция бомбы. Активным веществом этой бомбы является элемент 94 без применения урана-235. В центре шара из плутония весом 5 килограмм помещается так наз. инициатор – бериллиево-полониевый источник альфа-частиц. Плутоний окружается 50 фунтами тьюб-аллоя[x)], который является "тампером". Все это помещается в оболочку из алюминия толщиной 11 см. Эта алюминиевая оболочка, в свою очередь, окружается слоем взрывчатого вещества "пентолит" или "composition C" (по другим данным "composition B") с толщиной стенки 46 см. Корпус бомбы, в который помещается это ВВ, имеет внутренний диаметр 140 см. Общий вес бомбы, включая пентолит, корпус и проч. – около 3 тонн.

Ожидается, что сила взрыва бомбы будет равна силе взрыва 5.000 тонн ТНТ. (Коэфициент полезного действия – 5-6%) Количество "fission" равно $75 \cdot 10^{24}$.

Запасы активного материала.

а) Уран-235. На апрель с/г было добыто 25 килограмм Урана-235. Его добыча в настоящее время составляет 7,5 кг. в месяц. [illegible]

б) Плутоний (элемент 94). В лагере-2 имеется 6,5 кг. плутония. Получение его налажено, план добычи перевыполняется.

x) тьюб-аллой – условное название урана (commercial radium tubealloy)

[illegible]

Ориентировочно взрыв ожидается 10 июля с/г.

Примечание: справка составлена для устной ориентировки ак. Курчатова

Ком. Горяинова 3 отдел

Сов. секретно

Экз. № 1

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

28 февраля 1945 г.

№ 1101/м

г. Москва

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

товарищу БЕРИЯ Л.П.

Важно Л.Бер.

НКГБ СССР представляет информацию, полученную агентурным путем о ходе работ по созданию атомной бомбы большой разрушительной силы:

Проведенные силами ведущих научных работников Англии и США исследовательские работы по использованию внутриатомной энергии для создания атомной бомбы показали, что этот вид оружия следует считать практически осуществимым и проблема ее разработки сводится в настоящее время к двум основным задачам:

1. Производство необходимого количества расщепляющихся элементов – Урана-235 и Плутония.

2. Конструктивная разработка приведения в действие бомбы.

В соответствии с этими задачами в США созданы следующие центры:

1. а) Лагерь-1, он же лагерь "Х" – в Вуде Холло в 35 километрах от г.Ноксвилл, шт.Теннесси. Здесь ведется строительство завода производства Урана-235. На строительство этого завода ассигновано ½ миллиарда долларов и занято около 130.000 человек. Общее руководство по строительству завода поручено фирме "Келлекс" – специально созданной для этой цели дочерней организации известной проектной фирмы "М.В.Келлог" в Нью-Йорке. Контракт на

заслуга в том, что была парализована и обезврежена мощная разветвленная сеть фашистской агентуры на севере Афганистана, имевшая кодовое название «Унион». По словам посла Пильгера, после краха «Униона» подрывная работа абвера против СССР на севере Афганистана по существу была сведена к нулю.

«Язучи» пользовался в Афганистане устойчивой репутацией ярого антисоветчика, имел большой вес в глазах враждебной СССР эмиграции как активный в прошлом участник басмаческого движения в Средней Азии. Он еще с довоенной поры сотрудничал с абвером, но делал это под нашим контролем. Свободно владея немецким языком, «Язучи» поддерживал контакт с немецким майором Шенком, связанным с военной разведкой Германии. «Язучи» многое знал о его работе, контактах, а также был осведомлен об «окнах» на афгано-советской границе, через которые в СССР забрасывались шпионы и диверсанты.

«Язучи» был богатым человеком и знал себе цену, ходил важно и степенно, держался с большим достоинством, говорил тихим голосом, но так, что собеседники внимали ему подобострастно. Немцы оказывали ему подчеркнутое внимание и доверие. Расмус поручил ему возглавить всю работу среди враждебной СССР среднеазиатской эмиграции в интересах абвера. Главная задача «Язучи» состояла в том, чтобы наладить каналы связи с прогерманскими элементами в республиках Средней Азии. Он должен был, кроме того, с помощью переброшенной через границу немецкой агентуры выявлять антисоветски настроенных лиц и привлекать их к распространению панических слухов и пораженческих разговоров о скором захвате немцами Кавказа и их вторжении в Узбекистан и Таджикистан. Ему же поручалось собирать информацию о советских войсках в Туркестанском военном округе.

Понятно, что резидентура знала о заданиях, которые давал «Язучи» Расмус. Немудрено, что диверсионные группы, отдельные лазутчики и шпионы, засылавшиеся в СССР из Афганистана, устанавливались и арестовывались. На основании полученной от «Язучи» информации советским посольством в Кабуле перед афганскими властями были разоблачены активные пособники немецкой разведки – полковник Якуб-хан Сокут, бывший губернатор провинции Логар Мамад Хасан-хан, владелец трикотажной фабрики Хаджи Абду Субхан-хан и другие. В 1943 году на скамью подсудимых попало все руководство профашистского «Союза молодого Туркестана» – более 40 человек.

За решетку угодил и Курширмат, узбек, исполнявший роль резидента немецкой разведки в северных районах Афганистана. Абвер присвоил ему псевдоним «Ханза» и весьма высоко ценил его работу: он добился внушительных результатов, значительно расширил и укрепил агентурную сеть в пограничных с СССР провинциях. Немцы ще-

дро оплачивали его услуги. Созданная им сеть называлась «Унион», в ее задачу входило обеспечение безопасного выхода германских войск в Туркестан после вторжения в Афганистан. «Ханза» поддерживал близкую связь с бывшим бухарским эмиром, руководившим тайной антисоветской организацией «Лига», которая ставила целью возвращение эмира к власти в Бухаре.

«Ханза» направлял работу руководителей агентурных групп в городах Кундуз, Андхой, Мазари Шериф, Меймене и других, а также поддерживал связь с лидерами туркестанской эмиграции за пределами Афганистана – в Турции и даже в Токио. Разоблачение и арест «Ханзы», выдворение из Афганистана Витцеля, который работал с ним, ликвидация агентурной сети на севере страны явились для немецкой разведки тяжелым ударом, восполнить эти потери она уже не смогла. «Язучи» принимал самое деятельное участие в этих операциях советской разведки.

Так противостояла советская внешняя разведка в Афганистане в военные годы проискам и подрывным акциям абвера и разведок стран «оси» и переиграла их целиком и полностью. Им не удалось использовать под прикрытием нейтралитета территорию Афганистана как плацдарм для агрессии против СССР и Индии. Разгром «Мародеров» был вкладом в дело Победы.

---

[1] **Безыменский Лев**. Разгаданные загадки третьего рейха. – М.: Издательство АПН, 1984. – С. 39.

30

Большие заботы резидента А.С. Панюшкина

Вторая мировая война приблизилась к Советскому Союзу с востока. Японская интервенция на Дальнем Востоке в начале 20-х годов была началом этого процесса. Оккупация Маньчжурии и образование на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-Го в начале 30-х годов создало опаснейший очаг, выявивший, что японские милитаристы приступили к выполнению «меморандума Танака», текст которого был добыт советской внешней разведкой в Сеуле и Харбине в конце 20-х годов. В нем предусматривался захват сначала важнейших районов Китая, а затем и всей его территории и начало оттуда акций по аннексии советского Дальнего Востока, иными словами – война против СССР.

7 июля 1937 года японские войска вторглись в Северный Китай. За короткий срок они захватили тогдашнюю столицу Китая Нанкин, а также крупнейшие центры восточного соседа СССР, такие, как Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и другие. Последовали бои с советскими войсками в районе озера Хасан (1938), а затем у Халхин-Гола (1939) на границе с Монголией. Отпор интервентам, особенно их разгром у Халхин-Гола, явившийся военной операцией, где отличился Г.К. Жуков, замедлил темпы экспансии Японии на северо-восток, но не остановил ее продвижение на запад и юг Китая. Крупнейшее государство Азии столкнулось с угрозой своего полного поглощения. К тому же добавились разногласия между основными силами сопротивления японской агрессии – национальной партией Гоминьдан, которую возглавил Чан Кайши, и коммунистами. Они вылились в гражданскую войну. Коммунисты были вытеснены в глубинные районы. Чан Кайши и его генералы, сражаясь с коммунистами, проявляли меньшее желание бороться против японских милитаристов. Столица Китая была перенесена в Чунцин, куда перебрался и весь дипкорпус.

Сюда в июле 1939 года прибыл уполномоченный Совнаркома по выполнению торгового соглашения с Китаем А.С. Панюшкин. В том же месяце его назначили Чрезвычайным и Полномочным послом СССР. Он же стал главным резидентом НКВД, взяв на себя руководство резидентурами в Китае.

Совмещение должностей было вызвано критическим положением в Китае и необходимостью сконцентрировать все усилия для противодействия восточному очагу агрессии, срыву планов Японии по расколу Китая и созданию здесь марионеточных административных структур.

И.В. Сталин хотел получать выверенные, однозначные оценки ситуации на дальневосточном театре, позволяющие быстрее принимать стратегически верные политические решения в условиях нарастающей угрозы войны с Германией.

Ни одно из крупных государств Запада не оказало помощи Китаю. Англичане, обладавшие в Китае наиболее сильными позициями, были заняты «умиротворением» агрессора, заботясь в основном лишь об охране собственных экономических интересов. Угроза советским границам их устраивала, и расчет делался на уступки японским милитаристам за счет Китая. Этот курс получил название «дальневосточного Мюнхена», и выражением этого были переговоры Арита–Крейги в Токио между японским министром иностранных дел и английским представителем.

Только Советский Союз пришел на помощь китайскому народу в его борьбе с агрессией, оказывая большую материальную, военную и техническую помощь. Сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 год составила 250 млн американских долларов. В Китай были направлены около тысячи самолетов, большое количество танков и артиллерии, боеприпасов. Советские добровольцы, особенно летчики, воевали на стороне Китая. Большой работой по координации военных и политических усилий по сдерживанию агрессора руководил Александр Семенович Панюшкин.

В предвоенный период, особенно после подписания тройственного союза Германией, Италией и Японией, и тем более с началом Второй мировой войны, советское правительство беспокоил вопрос – вступит ли Япония в войну против Советского Союза и придется ли СССР воевать на два фронта – на Западе и на Востоке.

Перед разведкой была поставлена задача – постоянно следить за происками японской военщины в отношении Китая, Монголии и СССР. Необходимо было также любой ценой удержать центральное правительство Китая на позициях активного сопротивления японской агрессии.

Александр Семенович Панюшкин родился 2 августа 1905 года в Самаре в рабочей семье. В 1920 году ушел добровольцем в Красную Армию, воевал на фронтах Гражданской войны. В марте 1921 года его

направили на кавалерийские курсы, а затем на учебу в Ленинградскую кавалерийскую школу РККА. После ее окончания Панюшкин служил в пограничных войсках на Дальнем Востоке, с которым будет связана значительная часть его жизни. С сентября 1927 года по сентябрь 1934 года он был начальником погранзаставы, а затем комендантом погранучастка в 59-м Приморском кавалерийском отряде ОГПУ.

В мае 1935 года А.С. Панюшкин поступил в Военную академию РККА имени Фрунзе, которую успешно окончил в октябре 1938 года. В 34 года получил звание комбрига и в том же году был направлен на работу в НКВД. Его назначили помощником начальника отделения, а в декабре 1938 года – начальником отдела.

Именно восьмилетний стаж работы А.С. Панюшкина в Дальневосточном пограничном округе, очевидно, учитывал И.В. Сталин, предлагая ему проявить себя сначала на дипломатическом поприще в качестве уполномоченного Совнаркома по реализации советско-китайского торгового соглашения, а затем в качестве советского посла и главного резидента внешней разведки в Чунцине. Характерно, что когда А.С. Панюшкин сказал, что совершенно не представляет себя на таком сложном и ответственном посту, тот заметил в шутку: как ему представляется, пограничная служба не так уж далека от дипломатической и разведывательной...[1]

К «ликбезу» по Китаю А.С. Панюшкин приступил тотчас же. Он принялся впитывать опыт профессиональных китаеведов – Н.Т. Федоренко, С.Л. Тихвинского, Б.С. Исаенко и других. Первым его маститым наставником в китайских делах оказался М.С. Сладковский. Нарком внешней торговли А.И. Микоян попросил его как специалиста-китаеведа помочь А.С. Панюшкину освоить Китай. И Сладковский на протяжении недель передавал ученику свои знания, наблюдения, рассказывая об истории договоров Китая с западными державами, о договорах, перезаключенных гоминьдановским правительством и сохранивших главные неравноправные условия старых договоров (экстерриториальность иностранцев, концессии, крупная иностранная собственность в Китае), о компартии Китая и о других фактах и событиях.

В итоге А.С. Панюшкин оказался осведомленным об основных аспектах положения в Китае.

С той же энергией, с какой оказывали помощь ему самому старшие, он взялся налаживать учебу как неоперившихся «чистых» сотрудников посольства в Чунцине, так и оперативного состава. Вначале он добился создания при посольстве в Чунцине курсов по изучению китайского языка.

Управление кадров НКИД по ходатайству А.С. Панюшкина отобрало из различных вузов гуманитарного профиля, эвакуированных в годы войны в республики Средней Азии, 15 студентов выпускных

курсов и направило их в Чунцин для изучения китайского языка и дипломатической стажировки при посольстве. Среди них, в частности, оказался А.С. Титов[2], впоследствии хорошо зарекомендовавший себя оперативный работник-китаевед. Позднее китайские власти удовлетворили просьбу Александра Семеновича принять на учебу в китайский университет группу сотрудников нашего посольства для глубокого и серьезного изучения китайского языка, философии, литературы, истории культуры страны. Глубокое знание предмета обсуждения вкупе с блестящей памятью позволяли А.С. Панюшкину отличать «рыбий глаз от жемчужины» – официозные, напыщенные декларации «доброжелателей» и искренние поиски нашими партнерами путей к взаимовыгодному сотрудничеству перед лицом общего врага, улавливать фальшь и стремление ввести в заблуждение. В таком же ключе стремились работать и сотрудники всех резидентур внешней разведки в Китае, возглавляемые Александром Семеновичем.

Главного резидента характеризовало внимание к коллегам по работе. Важно подчеркнуть, что резидентура и посольство в Чунцине в целом находились в крайне тяжелой ситуации. Ввиду военного положения в Китае сотрудники жили без семей. Вдобавок к изнуряющей жаре, духоте (Чунцин, как известно, китайцы называют одним из «котлов»), тропическим ливням, комарам, москитам, крысам, сотрудники испытывали ряд элементарных неудобств. В результате налетов японской авиации (бомбы падали буквально рядом с посольством) часто не было воды, электричества. Весной 1942 года А.С. Панюшкин просил заместителя министра иностранных дел Фу Бинчаня оказать содействие в поиске для посольства необходимых зданий, и когда тот сослался на трудности с помещениями в городе, деликатно напомнил ему о вольготной жизни немецких граждан в особняках и виллах (за ними, в отличие от нас, не велось наружного наблюдения) вопреки обещаниям чанкайшистского правительства создать специальные лагеря для граждан государств, враждебных Китаю, к которым немцы тогда и относились. В конечном итоге удалось решить и эти, и иные бытовые трудности.

Еще штрих к портрету Панюшкина. В его отсутствие заместитель резидента сообщил в Центр об изменившемся к худшему поведении одного оперативного сотрудника, который после защиты кандидатской диссертации в СССР в рамках своего отпуска и возвращения в Чунцин якобы «зазнался, стал чураться черновой работы, стал высокомерен с товарищами и т.п.». Казалось бы, конец карьере разведчика. Но нет, Александр Семенович объяснил Центру, что упомянутый оперработник по-прежнему работоспособен, уважительно относится к коллегам, нет оснований подозревать его в чем-либо и что конфликт между ним и зам.резидента лежит «сугубо на личном поприще». Тем самым инцидент был исчерпан.

Естественно, главный резидент не ограничивался организацией изучения языков и страноведческим образованием оперативного состава, хотя и здесь было проблем хоть отбавляй – диалекты, этнопсихологические особенности, быт, нравы, традиции различных слоев населения. Имея опыт оперативной работы в погранвойсках, на границе с Маньчжоу-Го, где советская разведка располагала агентурным аппаратом из китайцев, корейцев, японцев, он уделял большое внимание обучению молодых сотрудников методам установления агентурных и доверительных отношений с интересующими разведку источниками, в чем ему активно помогал Л.М. Миклашевский, благо «крыша» драгомана открывала перед ним широкие возможности[3].

Тогда же Александр Семенович приобщал коллег к искусству информационно-аналитической работы. Избегая громких фраз, он со свойственным ему юмором поправлял молодых оперативных сотрудников, которые высказывали иногда не продуманные до конца оценки ситуации. Лаконизм, четкость формулировок – вот чего он требовал от подчиненных.

Очевидцы, знакомые с некоторыми из его информационных сообщений в Центр, утверждают, что их автор самым тщательным образом взвешивал каждый вывод, каждую рекомендацию. Главное внимание он неизменно концентрировал на ключевых проблемах и ситуациях, требующих безотлагательного решения.

Вручение верительных грамот посла Панюшкиным президенту Китая Линь Сэню совпало с днем нападения фашистской Германии на Польшу и, стало быть, с началом войны в Европе.

В соответствии с задачей держать Китай в состоянии активного сопротивления японской агрессии Панюшкину как послу был необходим широкий круг контактов среди государственных, политических и общественных деятелей страны аккредитования. Не было ни дня, чтобы он не встречался с кем-либо из авторитетных деятелей Гоминьдана и правящих кругов Китая.

Как явствует из записей бесед А.С. Панюшкина с влиятельными деятелями правящих кругов Китая, он, с одной стороны, разъяснял им политику СССР в отношении Китая, разоблачая дезинформационные сведения и слухи, а с другой – выяснял интересующие Центр вопросы, и прежде всего позицию китайского руководства в отношении Советского Союза и других держав.

Резидентуры внешней разведки СССР внимательно следили за ходом военных действий между Китаем и Японией и отношением к этой войне различных группировок в высшем китайском руководстве. Прояпонская группировка во главе с руководителем марионеточного правительства в Нанкине Ван Цзинвеем, пользуясь неудачами на фронте, выступала за заключение мира с Японией на любых условиях. Иначе относилась к вопросу о войне с Японией группировка во главе с Чан Кайши, который отдавал себе отчет в том, что позор-

ный мир с Токио повлек бы крах политики правительства и неминуемое его смещение.

В силу этих соображений Чан Кайши отверг «мирные» предложения Японии и продолжал борьбу с опорой на армию. Он объяснял свою позицию тем, что в перманентно сложной ситуации Китаю объективно нужен был СССР в борьбе против Японии, и поэтому называл Советский Союз «единственным союзником в борьбе против Японии, когда все надежды Китая на Англию и Америку лопнули».

А.С. Панюшкин постоянно подчеркивал в беседах с китайскими руководителями, что Советский Союз поставляет вооружение Китаю для борьбы с японскими агрессорами, а не для развязывания междоусобной гражданской войны. В противном случае СССР будет вынужден прекратить свою помощь.

Послу и главному резиденту удалось установить доверительные отношения с рядом прогрессивных и либерально настроенных лиц, стоявших на позициях укрепления дружбы с СССР и продолжения антияпонской войны. Эти люди были в курсе того, что происходило в высших эшелонах власти и какие решения принимались по различным аспектам внутренней и внешней политики, и в определенной степени могли оказать влияние на принятие того или иного решения. К ним относились заместитель Чан Кайши маршал Фэн Юйсян, председатель законодательного собрания Сунь Фо, заместитель начальника генерального штаба китайской армии Бай Чунси, начальник военной канцелярии Хэ Яоцзу, видный ученый Го Можо и многие другие.

С помощью непосредственного участия Панюшкина нашим военным советникам удалось убедить Чан Кайши и других военачальников оказать сопротивление наступлению японских войск на город Чанша и разработать план по его обороне. В результате этой операции, длившейся около 20 дней, японцы потеряли 30 тысяч солдат и офицеров. Потери китайской армии были значительно меньше.

Другой задачей советского посла и резидентур в Китае была необходимость следить за состоянием отношений Гоминьдана с Коммунистической партией Китая и не допустить возможности гражданской войны. А.С. Панюшкин встречался и с представителями КПК, и руководством восьмой народно-освободительной армии Китая Бо Гу и Е Цзяньином. Все это помогало ему быть в курсе происходящих в Китае событий и информировать о них руководство Советского Союза.

Когда в 1941 году отношения между Гоминьданом и КПК вновь обострились, возглавляемая Панюшкиным резидентура в Чунцине резко активизировала свои усилия по содействию созданию Единого фронта борьбы против японских милитаристов. В результате удалось предотвратить конфронтацию между Гоминьданом и КПК и не допустить гражданской войны в Китае.

Руководимая А.С. Панюшкиным резидентура не только своевременно информировала Центр об основных проблемах внешней и

внутренней политики Китая, планах Японии и других стран, но за полтора месяца до нападения нацистской Германии на СССР добыла и направила в Москву сведения о планах германского военного командования, в частности, об основных направлениях продвижения фашистских войск, полученных агентурным путем у военного атташе Берлина в Чунцине.

Нападение Германии на Советский Союз переводило вопрос о нападении Японии на СССР в практическую плоскость. Согласно плану «Кантокуэн», разработанному японским генеральным штабом, численность Квантунской армии в Маньчжурии к январю 1942 года достигла 700 тысяч человек. Появилась новая группировка в Корее. Оперативный план, являвшийся составной частью плана «Кантокуэн», исходил из того, что СССР будет вынужден отвести свои войска с Дальнего Востока на Западный фронт, после чего захват Приморского и Хабаровского краев не вызовет особых проблем.

В этой связи все более коварным и опасным становилось и поведение руководства Китая. Основная его цель состояла в том, чтобы столкнуть СССР с Японией. В конце 1941 года резидентура в Чунцине докладывала в Центр: «Чан Кайши всеми способами старается спровоцировать выступление Японии против нас. Его аппарат в этом плане работает по всем направлениям». Такая политика Чан Кайши была зафиксирована в секретной директиве ЦИК Гоминьдана об особой работе на 1943 год, добытой, как видно из анализа архивных материалов, чунцинской резидентурой. В ней, в частности, говорилось: «Исходя из нынешних дипломатических отношений, нам необходимо афишировать симпатии к СССР и сочувствие в том, что он подвергся агрессии, подталкивая его к тому, чтобы все свои силы СССР отдал войне. Что касается советско-японских отношений, то нам необходимо толкать СССР на войну с Японией с тем, чтобы получить передышку, пока не наступит благоприятный момент для контрнаступления против японцев».

Основываясь на такой посылке, Чан Кайши добивался от Москвы заключения секретного соглашения о военном союзе против Японии с явной целью торпедировать советско-японский пакт о нейтралитете, заключенный в 1941 году.

Период пребывания А.С. Панюшкина в Пекине совпал с выполнением главной задачи – не просмотреть возможность нападения Японии на нашу страну и создания второго фронта против нас на востоке. Информация о планах Японии поступала от самых различных источников – от представителей официальных властей, коммунистов, дипломатов третьих стран. Определенную пользу приносили и контакты среди русской эмиграции в Китае. Важные сведения, по воспоминаниям А.С. Панюшкина, на сугубо доверительной основе получали в резидентуре также иногда от брата Я.М. Свердлова –

Зиновия, усыновленного А.М. Горьким под фамилией Пешков, который в тот период был послом Франции в Чунцине[4].

Вот краткая характеристика работы по разведывательному отслеживанию намерений Японии в отношении СССР. 23 июня 1941 года маршал Фэн Юйсян сообщает А.С. Панюшкину, что Япония готовится выступить против нашего государства в течение месяца. 27 июня генерал Бай Чунси называет главному резиденту не только количество японских дивизий, но и войск марионеточного государства Маньчжоу-Го на случай нападения на СССР. Затем сроки нападения неоднократно менялись: осенью, по полученным чунцинской резидентурой данным, в китайских политических кругах время нападения Японии на СССР связывалось с возможным захватом фашистской Германией Ленинграда, позднее – Москвы. В конце 1941 года А.С. Панюшкин сообщал о стремлении японских спецслужб воспрепятствовать нормальному судоходству на Тихом океане, в начале 1942 года – со ссылкой на беседу с представителем Синьцзяна при центральном правительстве Китая в Чунцине Чжан Юань-фу – о намерении японцев овладеть Владивостоком, который, по их мнению, являлся «острым ножом, занесенным над их спиной». Начальник генштаба китайской армии Бай Чунси в доверительной беседе сообщил резиденту, что заключение Германией и Японией военного соглашения предусматривало синхронизацию военных действий против СССР между Японией и Германией. Позднее заместитель министра иностранных дел гоминьдановского правительства Фу Бинчан называл временем нападения на СССР май 1942 года, связывая эту дату с требованиями Берлина. Наконец, в июле 1942 года о сосредоточении японских войск в Маньчжурии одновременно говорили нам и военный министр Чан Кайши Хэ Инцинь и представитель КПК Чжоу Эньлай, намекая на благоприятную для Токио обстановку на советско-германском фронте, который приближался к Волге.

Стоит упомянуть о приеме А.С. Панюшкина И.В. Сталиным 5 декабря 1942 года, после завершения окружения немецко-фашистских войск под Сталинградом, во время которого посол-резидент дал характеристику положения на фронтах борьбы в Китае с японскими агрессорами. По воспоминаниям Александра Семеновича, Сталин поинтересовался, как у него обстоят дела с английским языком, и рекомендовал совершенствовать знания в этой области. Такой же совет он получил еще 9 июля 1939 года на первой встрече со Сталиным, хотя о планах направить его сначала на восток, а затем – на запад Панюшкин узнал лишь впоследствии...[5]

Как бы то ни было, отслеживание угрозы японского нападения на СССР не снималось с повестки дня вплоть до середины 1943 года – до разгрома гитлеровских войск на Курской дуге.

Руководимые А.С. Панюшкиным разведывательные коллективы в Китае успешно справились с поставленной задачей. За плодотвор-

ную работу в Китае Александр Семенович Панюшкин был награжден орденом Ленина.

В 1944 году А.С. Панюшкин вернулся в Москву и был назначен заместителем заведующего отделом международной информации ЦК партии. На этой должности он работал до мая 1947 года, а затем вновь вернулся во внешнюю разведку, став главным секретарем Комитета информации при СМ СССР.

В октябре 1947 года он снова был направлен на работу за границу. На этот раз – Чрезвычайным и Полномочным послом Советского Союза в Соединенных Штатах Америки. Как и в Китае, он являлся главным резидентом КГБ в этой стране.

В сложных условиях разведывательной работы в Америке А.С. Панюшкин принял меры к тому, чтобы бесперебойно обеспечивать Центр разведывательной информацией.

В июле 1952 года А.С. Панюшкин возвратился в Москву и вновь получил назначение на должность посла СССР в КНР. Но на этот раз он уже не совмещал дипломатическую должность с разведывательной работой, которая была прекращена тотчас после провозглашения КНР – 1 октября 1949 года. В Китае он оставался до мая 1953 года.

В июле того же года он был избран в состав ЦК КПСС и направлен на работу в разведку в качестве начальника ПГУ КГБ. 23 июня 1955 года он завершил свою службу во внешней разведке в связи с переходом на партийную работу в должности председателя комиссии ЦК КПСС по выездам за границу.

В 1973 году А.С. Панюшкин в возрасте 68 лет вышел на пенсию.

За плодотворную работу по обеспечению государственной безопасности нашей страны генерал-майор Панюшкин награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями и знаком «Почетный чекист».

Скончался А.С. Панюшкин в 1974 году.

---

[1] Записки посла. Китай: 1939–1944 гг. – М., 1981. – Институт Дальнего Востока АН СССР. – С. 3–4.

[2] А.С. Титов в 1939–1942 гг. – сотрудник резидентуры внешней разведки в Чунцине, в 1945–1947 гг. – работник резидентуры в Пекине, а в 1948–1950 гг. – в Тяньцзине. В конце 40-х годов он сыграл немалую роль в склонении генерала Фу Цзои на сторону китайских коммунистов, что позволило избежать кровопролитного сражения под Пекином.

[3] В начале 50-х годов он возглавлял один из отделов в центральном аппарате внешней разведки.

[4] Записки посла. Китай: 1939–1944 гг. – М., 1981. – С. 290.

[5] Там же. – С. 231.

31

Друг монгольского народа чекист Гриднев

Живая и многообразная работа по организации и практическому осуществлению взаимодействия советских пограничников со своими коллегами ряда стран дальневосточного региона поглощала сполна внимание и силы Вячеслава Васильевича Гриднева. Он руководил соответствующим подразделением штаба погранвойск СССР энергично и уверенно, опираясь на свой большой профессиональный опыт. Но с первых же дней Великой Отечественной войны ему, как и многим сотрудникам наркомата внутренних дел СССР, пришлось заняться другими делами, имевшими более важное и актуальное значение в военных условиях. В.В. Гриднев был назначен командиром полка Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД, а затем стал и командиром всей бригады. Теперь его главной заботой были подбор, подготовка и вывод чекистов за линию фронта для организации партизанского движения на временно оккупированной фашистами территории СССР и проведения там разведывательно-диверсионных операций. В подавляющем большинстве личный состав бригады был молодежным. В нее были зачислены добровольцы из Высшей пограничной школы, Высшей школы НКВД, студенты московских вузов, рабочие. Много было спортсменов, в их числе рекордсмены-бегуны братья Знаменские, прославленные боксеры Королев и Иванов, горнолыжник Ростовцев и другие. В бригаду влилось немало иностранных граждан-антифашистов: чехов, поляков, венгров, немцев, итальянцев, испанцев.

7 ноября 1941 года В.В. Гриднев и его подчиненные принимали участие в историческом параде на Красной площади. С большим вниманием они слушали речь Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Непосредственно к ним относились его слова о необходимости создания на оккупированной территории невыносимых условий для фашистских захватчиков. Воинские части прямо с парада уходили на передовую, а бойцы ОМСБОН – во вражеские тылы.

Все боевые операции, проведенные за два с лишним года войны, перечесть трудно, а вот особенно запомнились рейды по тылам врага в Подмосковье, на Западном и Центральном фронтах. Легендарный полководец К.К. Рокоссовский не раз выражал бойцам и командирам ОМСБОН благодарность и признательность. Они вписали немало героических страниц в историю партизанского движения. В рядах ОМСБОН закалились и приобрели опыт Герои Советского Союза Д.Н. Медведев, М.С. Прудников, К.П. Орловский, Е.И. Мирковский, В.А. Карасев, а также Николай Кузнецов и его товарищи по партизанскому отряду Николай Приходько, Борис Галушкин, Федор Озмитель. За образцовое выполнение особых заданий в тылу врага и за проявленные при этом мужество и отвагу государственными наградами были отмечены 880 бойцов и офицеров ОМСБОН. И в судьбу каждого из них вошел комбриг Гриднев с его строгостью, взыскательностью, человечностью и душевной теплотой.

В ходе боевых операций ОМСБОН был накоплен уникальный опыт, который широко использовался при развертывании партизанской войны на оккупированных территориях.

К концу 1943 года бригада выполнила свою задачу и была расформирована. А многие воспитанники Вячеслава Васильевича продолжили боевую службу в Четвертом управлении НКВД СССР, руководившем партизанским движением, и составили его прочный костяк.

Сам Гриднев получил назначение на должность советника НКВД СССР при МВД Монголии, где уже служил в 1932–1936 годах инструктором отдела государственной внутренней охраны (ГВО) МНР.

В первые недели пребывания в Улан-Баторе было много встреч со старыми друзьями по прошлой командировке. Как говорится, «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Вячеслав Васильевич сохранял в памяти всё до мелочей, что относилось к его первой долгосрочной загранкомандировке в Монголию.

После окончания в 1924 году Высшей пограничной школы ОГПУ молодой командир, считавшийся среди товарищей многоопытным и закаленным «стариком», служил в Закавказском пограничном округе на советско-иранской границе. За проявленное мужество и героизм дважды награждался почетным боевым оружием.

Шла жизнь, ладилась служба, подрастали дети. В свои тридцать с небольшим он слыл у начальства и подчиненных опытным пограничником, обладавшим, как отмечалось в его аттестации после окончания курсов усовершенствования, развитым тактическим мышлением и навыками оперативной работы.

«Как вы относитесь к переводу на новое место работы?» – спросили его осенью 1932 года в кадровом аппарате Управления пограничных войск. Служба есть служба. И в принципе против перевода

Гриднев возразить ничего не мог и не хотел. Но предложение оказалось неожиданным – выехать в Монгольскую Народную Республику для оказания помощи братской стране в создании пограничных войск и организации службы охраны ее государственной границы.

Новому инструктору пограничного отдела государственной внутренней охраны МНР уже с первых встреч и бесед с монгольскими коллегами стало ясно, что пограничных войск как таковых у молодой республики нет, специалистов по охране границы тоже, а рубежи кое-как прикрыты отрядами пограничной милиции. Началась повседневная кропотливая работа по подготовке кадров, формированию застав и отрядов. Общаясь с партнерами, Гриднев скоро почувствовал сложность и неудобства разговора через переводчика. Поэтому быстро и вполне успешно изучил монгольский язык. В результате работа стала более результативной, а общение с местными коллегами и друзьями наполнилось новыми позитивными эмоциями и засверкало многообразными красками и оттенками.

Служебные будни достаточно часто прерывались отнюдь неординарными событиями, участие в которых сопрягалось с большим риском и нешуточной угрозой самой жизни. Когда Гридневы приехали в Монголию, у сослуживцев, монгольских друзей и старожилов советской колонии была свежа, например, память о трагической развязке спровоцированного японцами мятежа буддийских священнослужителей – лам в Архангайском аймаке в мае 1932 года. Тогда вместе с монгольским отрядом погиб главный советник ГВО Виктор Станиславович Кияковский. В 1982 году на месте того неравного боя монголы установили ему и его товарищам памятник.

«Зеленая граница», особенно на маньчжурском участке, жила напряженной жизнью. Через нее действовали не только изгнанные из пределов СССР белогвардейцы, но и иностранные разведки. Особым «усердием» отличались, конечно, японцы. Для противодействия их проискам и срыва враждебных мероприятий против СССР и МНР была необходима надежная упреждающая информация. В этих целях В.В. Гриднев привлек к сотрудничеству ряд иностранцев, которые снабжали советскую разведку сведениями о положении в оккупированной японцами Маньчжурии и деятельности там оккупантов и белогвардейцев.

Случалось Вячеславу Васильевичу попадать и в необычные переделки. Примечательна в этом плане история с попыткой вывоза в Китай ценностей иркутского казначейства.

Летом 1921 года под натиском Красной Армии войска барона Унгерна[1] уходили с боями в Китай через Монголию. Покидая Россию, барон и его окружение прихватили с собой золото и драгоценности, хранившиеся в Иркутском отделении Государственного банка. Опасаясь, что награбленное, которое вез караван из 200 верблюдов, могут конфисковать китайские власти, Унгерн приказал коменданту своего

штаба полковнику Сипайло закопать ценности до «лучших времен» в районе монгольского озера Буир-Нур. Поручение было исполнено, а казаков-бурятов во главе с сотником Макеевым, которые охраняли караван и участвовали в захоронении склада, подручные Сипайло расстреляли по приказу того же Унгерна.

И вот более десяти лет спустя советской разведке стало известно, что объявившийся в городе Хайларе в Маньчжурии Сипайло сколотил группу из 16 добровольцев, приобрел новейшую буровую установку и на двух автомашинах отправился в район озера Буир-Нур. Цель экспедиции была очевидна. Времени на формирование специального отряда по захвату нарушителей монгольско-китайской границы не было, поэтому операцию поручили инструктору Гридневу. В помощь ему был выделен эскадрон монгольской кавалерии, который дислоцировался поблизости от лагеря Сипайло. К сожалению, застать кладоискателей врасплох не удалось. Завидев приближавшихся конников, они полуодетыми выскочили из палаток, попрыгали в грузовики и бежали в степь, бросив все свое снаряжение, включая буровое хозяйство. При осмотре лагеря в одной из палаток обнаружили двух «крепко спавших» японцев, которые, очевидно, с перепугу представились коммерсантами. Когда их имена сообщили в Москву, Центр распорядился передать их незамедлительно японской военной миссии в городе Калган. Эти «коммерсанты» в действительности оказались кадровыми японскими разведчиками, действовавшими под прикрытием сотрудников исследовательского бюро Южно-Маньчжурской железной дороги.

При дальнейшем обследовании местности было установлено, что люди Сипайло пробурили несколько скважин, но клада так и не нашли. По всей видимости, у них не было его точных ориентиров, но главное – они не учли того, что за прошедшие годы отлогие берега озера заметно изменили свои очертания под воздействием сезонных колебаний уровня воды. Не удалось отыскать клад и совместной советско-монгольской экспедиции. Так что тайна золота и драгоценностей, похищенных белогвардейцами из иркутского казначейства, до сих пор остается неразгаданной.

Однако долго предаваться воспоминаниям было в новых условиях непозволительной роскошью. Все силы и время теперь отдавались решению вопросов, связанных с укреплением взаимодействия органов государственной безопасности СССР и МНР в целях скорейшего разгрома фашистских войск на западе и подготовки последнего во Второй мировой войне решающего удара по милитаристской Японии на востоке. Кроме того, Гриднев и его подчиненные принимали посильное участие в приеме и передаче советским организациям поступавших от монгольских граждан средств в фонд помощи СССР. На фронт шли тысячи индивидуальных посылок, эшелоны с подарками советским воинам. В 1943 году на деньги, собранные монголь-

скими тружениками, были построены и переданы Советской Армии авиаэскадрилья «Монгольский арат» и танковая бригада «Революционная Монголия». По государственной линии было поставлено в СССР свыше 100 тысяч лошадей.

Многие монгольские военнослужащие и сотрудники органов безопасности восхищались стойкостью и мужеством советских людей, были уверены в нашей победе, выражали горячее желание принять личное участие в боях с фашистами. Но перед ними стояла иная задача – зорко оберегать границы своей страны от вероятного вторжения войск милитаристской Японии и срывать замыслы разведок зарубежных стран, не питавших, мягко говоря, симпатий к МНР и СССР. О размахе и интенсивности этой важной совместной с монгольскими друзьями работы Вячеслава Васильевича и его аппарата в тот период свидетельствует, например, то, что в 1943–1944 годах было осуществлено 260 крупных и сложных оперативных мероприятий.

Наступил победный 1945-й. Война в Европе завершалась. Советская Армия освобождала одну европейскую страну за другой. 9 мая был отпразднован День Победы, но окончательная точка во Второй мировой войне еще не была поставлена. Это предстояло сделать на Востоке. В связи с предстоявшим вступлением Советского Союза и Монголии в войну с Японией у Гриднева и его монгольских друзей хлопот заметно прибавилось. Формировались и обучались многочисленные подвижные оперативные группы, которым надлежало осуществить внезапный захват японских пограничных застав и разведывательных пунктов и разрушить линии связи противника. Проводниками в передовые разведотряды выделялись монгольские пограничники, знавшие пути перехода границы и хорошо ориентировавшиеся на сопредельной стороне. Заблаговременно отрабатывались с представителями военного командования пути и способы взаимодействия, уточнялись тактические военные и оперативные задачи. По-новому приходилось готовиться к решению вопросов, связанных с охраной тылов советских и монгольских войск.

...9 августа 1945 года в 0 часов 10 минут советско-монгольские оперативные группы бесшумно подошли к заставам японцев и захватили их. Линии связи были мгновенно перерезаны. В тот же миг вспыхнули сотни световых сигналов, означавших, что первая часть боевой задачи была выполнена. В ответ тишину пустыни разорвал грохот выстрелов, гул моторов, лязг гусениц, топот конских копыт. Темноту ночи располосовали многочисленные световые лучи. Это пошли в атаку с зажженными фарами танки, броневики и автомашины советско-монгольской конно-механизированной группы войск под командованием генерал-полковника И.А. Плиева[2]. Попытки японских и маньчжурских войск остановить этот сметавший все на своем пути огневой вал ни к чему не привели. Мощный рейд на глубину 950 км был одной из решающих операций на Дальнем Востоке, закон-

чившихся, как известно, полным разгромом японской Квантунской армии и войск союзника императора Японии Хирохито – марионеточного правителя Маньчжоу-Го Генри Пу И[3].

Поверженная Япония капитулировала. Наступил долгожданный мир, за который человечество, прежде всего советские люди, заплатило очень высокую цену. Принесенные жертвы были не напрасными. Так считал и Вячеслав Васильевич, погружаясь с головой в новые заботы. Главное теперь состояло в том, чтобы помочь монгольским друзьям в решении задач обеспечения государственной безопасности своей страны. Незаметно пролетели еще три года командировки.

...Возвращаясь на Родину в январе 1949 года поездом, Вячеслав Васильевич вспоминал своих многочисленных монгольских друзей, мысленно прощался с ними. Душу согревали их крепкие объятия перед расставанием, задушевные беседы и искренние пожелания счастья и удач на будущее. Теплыми и сердечными были последние встречи с монгольскими руководителями Х. Чойбалсаном[4] и Ю. Цеденбалом[5], с которыми за годы работы довелось, как говорится, не один пуд соли съесть и переделать множество больших и малых дел. Покидая Монголию, он увозил ее в сердце своем. Потом не так уж редко ему доводилось встречать наших людей, которые побывали и поработали в Монголии, и все они как один всегда вспоминали эту страну и ее народ с сердечной признательностью и любовью. А за ним прочно закрепился неофициальный титул – друг монгольского народа чекист Гриднев.

В 1950–1960 годах Вячеслав Васильевич руководил знаменитой «лесной школой», готовившей кадры для советской внешней разведки. Затем 30 лет жил активной и хлопотной жизнью неугомонного пенсионера. Писал статьи в ведомственные журналы, выступал перед молодыми сотрудниками разведки, заботился о сохранении доброй памяти о героях ушедших в историю войн и битв «невидимого фронта».

За годы службы Вячеслав Васильевич неоднократно получал награды и гордился ими. Но почти никогда не носил их, ограничиваясь даже по торжественным случаям скромными орденскими ленточками. Будучи на пенсии, иногда разглядывал свои ордена и медали. Коллекция выглядела внушительно: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I степени, два ордена Красного Знамени МНР, орден «Полярная звезда» МНР, многие медали. Воспринимал каждый наградной знак не как важный только сам по себе, а как сигнал памяти, воскрешавшей те конкретные дела, за которые он был получен. Но высшей наградой, вызывавшей незабываемые и неповторимые эмоции, всегда были для него успехи многих десятков его учеников, ставших отличными разведчиками, беззаветно преданными Родине и своему профессиональному долгу.

5 января 1991 года Вячеслав Васильевич Griднев скончался, оставив о себе добрую и благодарную память у родных и близких, у друзей и соратников, наследников того великого дела, которому он служил и был верен до последнего вздоха.

---

[1] Барон Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1886–1921) – кадровый военный Российской императорской армии, генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны (1914–1918). В августе 1917 года был направлен временным правительством России в Забайкалье для формирования воинских частей. Участвовал в Гражданской войне против советской власти как командир конно-азиатской дивизии, отличавшейся садистской жестокостью. Был разгромлен Красной Армией, бежал в Монголию, был выдан монголами сибирским партизанам и расстрелян по приговору Сибирского революционного трибунала.

[2] Плиев Исса Александрович (1903–?), генерал армии, дважды Герой Советского Союза, Герой МНР, участник Великой Отечественной войны.

[3] Генри Пу И – император Маньчжоу-Го (марионеточного маньчжурского государства), созданного японцами в Северо-Восточном Китае и просуществовавшего с марта 1932 по август 1945 года.

[4] Хорлогийн Чойбалсан (1895–1952) – видный государственный деятель Монголии, маршал МНР, премьер-министр МНР (1939–1952).

[5] Юмжагийн Цеденбал (1916–1989) – видный государственный деятель Монголии, председатель совета министров МНР (1952–1974), председатель Великого народного хурала МНР (1974–1984).

32

Вдали от линии фронта, в Южной Америке

Аргентина, Буэнос-Айрес, июль 1941 года, второй месяц гитлеровской агрессии против Советского Союза. Недавно прибывший в эту страну наш агент-нелегал получает из Центра важное задание. Ему предлагается организовать диверсионную работу по срыву снабжения немцев стратегическим сырьем из стран Южной Америки, принять любые другие меры, чтобы сократить и приостановить поток таких грузов через океан в Европу для противника, подбирать агентуру для засылки с разведывательными целями в оккупированные гитлеровцами и нейтральные страны.

Директива эта пришла к разведчику кружным путем: из Москвы в нью-йоркскую резидентуру по радио, шифром, там ее содержание нанесли тайнописью и частично шифром (уже другим) между строк обыкновенного бытового письма и направили его авиапочтой в Буэнос-Айрес в адрес некоего господина Ф., через которого послание поступило по назначению. Проявив тайнопись, разведчик несколько неожиданно для себя обнаружил в конце текста приписку – Центр поздравлял его с награждением орденом Красной Звезды за недавнее участие в выполнении специального задания. Он понял – речь шла о так называемом мексиканском деле 1940 года.

Кто же в Буэнос-Айресе был получателем этого письма из Нью-Йорка? Здесь мы должны отослать читателя к предыдущему, третьему тому очерков, где в числе лиц, нападавших на дом Троцкого в Мехико в мае 1940 года, фигурировал под псевдонимом «Фелипе» один из активных участников этой операции.

Напомним, что в тот раз ликвидировать Троцкого не удалось. Мексиканская полиция организовала интенсивный поиск нападавших, а их было не менее 20 человек. Почти всех их выявили, многих арестовали, некоторых потом судили. В ходе дотошного следствия полиция получила достаточно подробное описание характерных пример «Фелипе», был составлен и появился в газетах его фоторобот.

Разведчику пришлось уйти в глубокое подполье, он часто менял адреса проживания в столице, с помощью грима несколько изменил внешность. В критический момент вынужден был искать убежище... в частной клинике для душевнобольных, где провел около двух месяцев. Много позже, вспоминая былое, «Фелипе» с присущим ему чувством юмора писал: «Хотя я вел себя в этом заведении как обычно, никого из себя не изображал, ни обслуживающий персонал, ни мои «коллеги» – душевнобольные, к большому удивлению, нисколько не сомневались, что я стопроцентный псих. Сначала это меня удивляло и забавляло, а потом стало смущать и беспокоить: как бы не задержаться здесь излишне долго...»

С помощью имевшихся связей «Фелипе» обзавелся новым заграничным паспортом (его прежний документ к тому времени оказался просроченным). Получив транзитную кубинскую визу, в августе 1940 года «Фелипе» морем направился в Гавану. Там задержался на несколько месяцев, находился в контакте с прибывшим на Кубу Эйтингоном (Том) – своим руководителем по Мексике. Они решили, что «Фелипе» уедет в Аргентину, где он жил до 1936 года, и станет ожидать дальнейших указаний Центра.

В декабре 1940 года «Фелипе», благополучно прибыв в Аргентину, обосновался в столице, вступил пайщиком в небольшое предприятие и в июле 1941 года получил из Центра задание, о котором читателю уже известно.

Начинать его выполнение предстояло с подбора кадров, то есть людей полностью надежных и способных вести эту весьма специфическую работу. В этих целях «Фелипе» прежде всего связался с друзьями, известными ему по совместной борьбе в годы Гражданской войны в Испании. Установил также контакт с одним видным деятелем прогрессивного крыла массового политического движения. По их рекомендациям встречался и беседовал с десятками кандидатов, определяя их пригодность и возможности для намечаемых дел.

Первым в организацию был привлечен 27-летний аргентинец «Тинто», интеллигентный, широко образованный человек. В студенческие годы принимал участие в левом молодежном движении, а затем в деятельности ряда общественных организаций. Коренной местный житель, он отлично ориентировался в обстановке, хорошо знал город, страну, располагал связями в самых разнообразных общественных слоях. Этот рассудительный, строго организованный человек в высокой степени владел логикой убеждения и пользовался непререкаемым авторитетом у товарищей, с которыми ему доводилось сотрудничать. Его жена «Дора» полностью разделяла антифашистские убеждения мужа и в последующем стала очень ценным работником.

Другим помощником у «Фелипе» был итальянец «Марчелло». Родину он покинул в 1926 году из-за преследования за прогрессивную деятельность. Там его арестовывали, он сидел в тюрьме, одно

время находился на полулегальном положении. В Буэнос-Айресе устроился на скромную работу механика в мастерских. Ко времени описываемых событий ему было 46 лет. Вот как «Фелипе» характеризовал его после войны: «...Идеальный подпольщик, внешность самая обычная, без особых примет. Скромен, неутомим, на редкость вынослив. У него неисчерпаемые связи в городе. Легко сдруживается и располагает к себе простых людей: портовиков, ремесленников, сапожников, уличных торговцев и т.д. Шутник, балагур. Надежный друг, замечательный товарищ».

Оба помощника «Фелипе» также занялись подбором людей, и уже к осени 1941 года было положено начало комплектованию нелегальной организации.

Поначалу, однако, предстояло выяснить, какое конкретно стратегическое сырье, в каких объемах и какими способами закупается для немцев, как и куда транспортируется перед отправкой через океан. Для сбора такой информации были использованы все имевшиеся у подпольщиков связи в деловых кругах Аргентины. Одновременно аналогичная задача решалась и по Чили, где у «Фелипе» было несколько надежных друзей и куда он несколько раз выезжал в течение военных лет.

Через некоторое время ситуацию удалось прояснить. Оказалось, что в Германию вывозилась главным образом чилийская селитра – исходный материал для изготовления взрывчатых веществ. В 1942 году, например, немцы импортировали из Чили около 100 тысяч тонн этого сырья. Кроме того, закупались индустриальные масла, зерно, хлопок, табак, отдельные виды продовольствия. Грузы переправлялись в Европу как из чилийских портов, так и – в особо больших количествах – из Буэнос-Айреса, наиболее крупного и технически оснащенного порта атлантического побережья.

Поскольку использовать морские суда под своим флагом немцы не могли из-за плотной англо-американской блокады морских коммуникаций, перевозчиками служили корабли государств, которые официально объявили о своем нейтралитете – Португалии, Испании, Швеции. В основном грузы следовали в порты самой Германии, но некоторая их часть выгружалась в Португалии и Испании, откуда судами каботажного плавания или тяжелогрузным автотранспортом доставлялась в оккупированную немцами Францию.

Начались длительные раздумья о наиболее подходящих способах проведения диверсий. Ни «Фелипе», ни его товарищи ранее никогда подобными делами не занимались. Кроме самых примитивных представлений о технике организации пожаров, взрывов, почерпнутых из американских кинобоевиков, ни у кого не было ясного представления о том, какими могут быть диверсионные средства. Рассматривались самые различные варианты, порой явно нереальные, иногда даже наивные. Вычитали как-то из сельскохозяйственного пособия,

что зерновые подвержены некоторым грибковым заболеваниям. Возникла идея – организовать таким методом порчу зерна на складах, где оно хранилось в ожидании отправки в Германию. В одном из писем в Центр в 1942 году «Фелипе» писал: «...Пытаемся устроить заражение пшеницы лишаем...». Однако замысел остался нереализованным. В этих же целях намечалось использовать... саранчу. Для определения ее способности пожирать большие массы зерна провели эксперименты: специально отловленная саранча выпускалась в зерновой «склад», оборудованный в подвале одного городского дома. И хотя первые опыты дали обнадеживающие результаты, от этой задумки пришлось отказаться: основные зерновые склады располагались на периферии, а там трудно было подбирать надежных исполнителей.

В конце концов решили, что самым подходящим способом диверсий может стать поджог. Приняли вариант зажигательного снаряда с воспламенителем на основе химической реакции и с возможностью регулирования момента зажигания во времени. Определили основные объекты диверсий: грузы, находящиеся на складах и в пути из хранилищ в порт Буэнос-Айреса, а также сами суда-перевозчики.

Стало необходимым подобрать специалиста, способного разработать химическую основу и конструкцию зажигательного снаряда. Такого человека нашел «Марчелло», ему присвоили псевдоним «Доминго». Это был аргентинец, имевший, по его собственному утверждению, «незаконченное высшее химическое» образование. По специальности не работал, переключился на коммерцию, но успеха не достиг. По собранным отзывам, это был честный, скромный, не очень молодой человек с не до конца сформировавшимися политическими убеждениями. В то же время являлся пацифистом, осуждал фашизм как систему с ее агрессивной сущностью. «Марчелло» углубил с ним отношения и предложил ему оказывать помощь «подпольному антифашистскому движению». Разъяснил, что конкретно от него ожидается. Получил согласие, и организация пополнилась ценным специалистом, преданным работником. (Забегая вперед, отметим, что все последующие участники диверсионной группы привлекались к работе исключительно на антифашистской основе. Ни к каким иным мотивам – материальная заинтересованность и др. – не прибегали.)

После долгих недель кропотливого труда «Доминго» разработал химическую смесь и принципиальную схему устройства зажигательного снаряда. Опуская здесь технические детали, укажем лишь, что компоненты зажигательной смеси можно было найти в свободной продаже, а конструкция позволяла «заводить» снаряд на заранее заданный срок, с замедлением от 1–2 суток до двух недель. Корпус снаряда изготовлялся из латуни. Собиралось изделие при строгом соблюдении последовательности операций: установка детонатора, за-

ливка зажигательной смеси и т.д. Положение при переноске снаряда – вертикальное. С момента его поворота в горизонтальное положение начиналась химическая реакция, после чего через заданный промежуток времени зажигательная смесь вспыхивала. Под давлением газов и высокой температуры латунный корпус разрушался и пламя вырывалось наружу.

...Значительно позже в Центре решили проверить действительную способность этих снарядов. В техническую службу НКГБ СССР передали рабочий блокнот «Доминго» с соответствующими записями и чертежами. Вот выписка из экспертного заключения специалистов от апреля 1945 года: «...Представлены чертежи и описание зажигательного снаряда кустарного изготовления, состоящего из... (следует перечень деталей устройства. – *Прим. авт.*).

Вывод: приспособление может служить для зажигания горючих и трудновоспламеняемых материалов».

Из письма «Фелипе» в Центр от 29 мая 1942 года: «Для работы с термитными бомбами организовал лабораторию, где имею двух человек, занятых специально в этом деле».

Только после войны стали понятнее эти скупые строки военного донесения. «Лаборатория» – это, конечно, непроизвольное преувеличение. В действительности это было полутемное подвальное помещение, походившее скорее на склад давно отслуживших свой век вещей. Там и хозяйствовал «Доминго» со своим помощником.

Изготовлением металлической оснастки занимался аргентинец «Оскар», квалифицированный слесарь. Знающий себе цену, солидный, семейный человек, он по совету «Тинто» устроился работать в морской арсенал в порту, на объект, который сам по себе представлял разведывательный интерес. По переданным ему чертежам он в короткий срок освоил изготовление металлических частей снаряда и деталей для детонатора. Затем сам постоянно совершенствовал их. Учитываемый в арсенале дорогостоящий металл – латунь – доставал методом, который законодательством всех стран квалифицируется как хищение. На случай вопроса со стороны мастера, который заметил бы на станке постороннюю деталь, имелось объяснение: поделка для дома или «левая» работа. Обычная в те годы жизненная ситуация.

Для оперативных надобностей «Марчелло» подобрал в столице восемь помещений. Содержал их обслуживающий персонал состоятельных домовладельцев: дворники, садовники, смотрители зданий. Чаще всего это были семейные пары и в их распоряжении всегда находились нежилые помещения – подвалы, сараи, чуланы.

Важнейшим звеном формировавшейся организации должны были стать непосредственные исполнители диверсионных акций. Подбирали их с особой тщательностью, и в результате удалось скомплектовать группу из восьми смельчаков. Упомянем их здесь, чтобы сохра-

нить для истории имена этих отважных борцов с фашизмом на далеком фронте.

Вержбицкий Феликс Клементьевич, поляк, уроженец Западной Украины, рабочий-ремонтник в портовых доках. Одновременно был помощником «Доминго» по сборке зажигательных снарядов. Почти ежедневно он приходил в «лабораторию» – рано утром или по вечерам, в зависимости от смены в порту, здесь же проводил выходные дни. Кузнецу по профессии, получившему лишь начальное образование и имевшему прежде дело лишь со сваркой и ковкой металла, ему непросто было переключиться на «тонкую» работу с аптекарскими весами при подготовке зажигательных смесей, действовать при этом в резиновых перчатках, чтобы на металле не оставлять отпечатков пальцев. Он отменно справлялся с этим делом.

Фурдас Григорий Иванович, украинец, в портовых доках выполнял малярные работы.

Яремчук Григорий, украинец, двоюродный брат Фурдаса, матрос на портовых баржах.

Борисюк Павел Степанович, украинец, портовый разнорабочий.

Яков (фамилия не установлена), выходец из Западной Украины, рабочий припортового склада.

«Матис», испанец, по совету «Тинто» покинул прежнюю работу в городе и устроился грузчиком в порту.

«Флориндо», аргентинец, отец взрослых детей. Состоял функционером профсоюза грузчиков в порту. Был бригадиром по обслуживанию причальных кранов. Имел возможность беспрепятственно проходить на все находившиеся в порту суда.

«Бонито», аргентинец, портовый грузчик.

К весне 1942 года организационная работа была завершена. Общее руководство группой обеспечивал «Тинто», связь с исполнителями в порту осуществляли Вержбицкий и Борисюк.

Первую боевую акцию провели не в порту, а в центре Буэнос-Айреса, на главной столичной магистрали Корриентес. Там находился крупный книжный магазин «Гёте», являвшийся штаб-квартирой нацистского пропагандистского центра, который широко распространял по стране периодику и литературу фашистского толка. Исполнителем была избрана знакомая «Марчелло» молодая немка Грета. Через нее изучили режим работы магазина, возможности посещения находившегося там же склада печатной продукции. В назначенный день и час зажигательный снаряд, помещенный в хозяйственную сумку, «Марчелло» передал «Грете». Девушка посетила магазин, купила какую-то книжку и, улучив подходящий момент, зашла на склад и пристроила сумку за кипу книг. Склад загорелся поздно ночью, как и было рассчитано. По газетным сообщениям, причины пожара остались невыясненными, нанесенный огнем ущерб оценивался

в 25–35 тысяч ам. долларов. Пропагандистскому аппарату немцев был нанесен ощутимый удар.

Одной из наиболее значительных диверсионных акций подпольщиков явился поджог в 1942 году крупного припортового склада, принадлежавшего немецкой фирме «Гофман и К°». Он находился в районе Авелльнеда на берегу глубоководной протоки Риачуэло, о которой морские корабли проходили под погрузку непосредственно к складу. В отдельные периоды там скапливались десятки тысяч тонн чилийской селитры. Возник план: уничтожить на месте сразу большой запас сырья. На работах при складе был занят Яков. В заранее обусловленный день ему передали зажигательный снаряд. Закладка прошла благополучно. Все с нетерпением ждали результата. Однако расчетное время прошло и ничего не случилось. Подпольщики остро переживали неудачу, корили Вержбицкого за негодно собранный снаряд. Но от намеченного плана не отступили. Был изготовлен снаряд-дубль, два связанных между собой устройства. Надеялись, что какое-то из них обязательно сработает. Так оно и вышло.

Глубокой ночью раздался взрыв огромной силы, возник сильный пожар. Пламя взметнулось на большую высоту и сразу охватило весь склад. Быстро сбить огонь не удалось, горело более двух суток. Позже ремонтные рабочие рассказывали, что отдельные конструкции склада были разбросаны на расстояние до полукилометра. Происшествие долго и широко освещалось всей столичной печатью. Как сообщали газеты, пожар уничтожил 40 тысяч тонн селитры, ущерб составил 150 тысяч ам. долларов. Проведенное расследование причину загорания не выявило. Виновные поджога найдены не были, а в том, что это была кем-то организованная диверсия, полиция не сомневалась.

Основные усилия подпольщиков были направлены на боевые операции в порту. Эта работа велась практически непрерывно с весны 1942 года до середины 1944 года. Каждая планировавшаяся акция предварительно подробно обсуждалась. Определялось, кто получит снаряд со склада, кто пронесет на территорию порта, кому и куда конкретно предстоит его заложить.

Чаще всего зажигательные снаряды помещались в трюмы грузившихся судов, то есть когда уже были известны сроки их отплытия. Пожары обыкновенно возникали в открытом море, хотя зафиксировано несколько случаев, когда груз начинал гореть лишь в портах назначения, в Испании в частности.

Часть снарядов закладывалась непосредственно в грузы на их пути со складов до борта судна. Здесь использовалось то обстоятельство, что нехватка в порту механизированных причалов компенсировалась загрузкой «с воды», с портовых самоходных барж. Баржи доставляли груз к судам, а в трюмы он перемещался подъемными механизмами пароходов. «С воды» работа шла только в светлое время суток. Те баржи, которые днем не успевали разгрузить, остава-

лись на ночь на приколе. Для их охраны за отдельную плату нанимали сторожей.

Будучи штатным матросом на одной из барж, Яремчук довольно часто соглашался работать в ночную смену. В это время он закладывал снаряды в стандартные брезентовые мешки с селитрой, предназначенные для погрузки «с воды». При каждой операции распарывал мешок, изымал оттуда килограмм-полтора сыпучей массы, освобождая место для снаряда, и снова зашивал. Все это делалось ночью, почти на ощупь. Таким образом, груз на борт корабля поступал уже с «начинкой». Иногда случалось, что на судно доставляли сразу два-три обработанных Яремчуком мешка, попадали они в разные трюмы, и это увеличивало шансы на безусловное загорание.

Использовался еще один прием закладки: непосредственно на суда к моменту их выхода из доков после ремонта. Делал это Вержбицкий, работавший, как уже упоминалось, в порту на ремонте судов. Парадокс состоял в том, что несколько раз он участвовал в устранении на них последствий пожаров, организованных его товарищами или же им самим.

Сведения о каждом пожаре в океане подпольщики справедливо считали своим реальным успехом. Дело в том, что в борьбе с огнем трюмы горевших судов неизбежно подтапливались морской водой. В результате грузы приходили в негодность, о чем имелись многочисленные свидетельства моряков, возвращавшихся из рейсов в Буэнос-Айрес.

Окончательные итоги деятельности диверсионной группы подводились после окончания Великой Отечественной войны. Будучи уже в Москве, «Фелипе» признавал, что в ходе дел он не особенно заботился об учете проведенных операций. Хранить подобные записи он не мог по конспиративным соображениям. Его текущая отчетность была предельно краткой и нерегулярной из-за несовершенства системы связи. В результате проверки всей сохранившейся документации и бесед с некоторыми приехавшими в СССР участниками основные итоги работы группы на морских коммуникациях были сведены к таким показателям.

В диверсионной работе было использовано 140–170 зажигательных снарядов. Наибольшее число закладок произвели «Матис», «Флориндо», Яремчук и Фурдас.

На судах, перевозивших стратегическое сырье для Германии, произошло большое количество пожаров. Имеется список этих судов – четырнадцать названий. Однако это не полный перечень, названия некоторых транспортов, «обработанных» подпольщиками, они за давностью времени не могли припомнить.

Два трансатлантических грузовых судна с 10 тысячами тонн селитры на борту каждого были потоплены. (Любопытно отметить, что газетные сообщения маскировали факт перевозки этими судами се-

литры. В одном случае говорилось о партии льна, в другом – о продовольственных товарах. А причиной гибели последнего назывался не пожар, а «столкновение в океане с плавучей миной».)

В акватории порта были сожжены три самоходные баржи с селитрой, а также несколько тонн казеина в трюмах парохода, готовившегося к рейсу через океан.

В результате действий подпольщиков к середине 1943 года вывоз чилийской селитры через порт Буэнос-Айрес существенно сократился. Немцы вынуждены были часть транспортных операций перенести в порт Монтевидео в Уругвае.

Подсчитать с определенной долей точности нанесенный противнику материальный ущерб не представилось возможным. В любом случае его можно оценить как значительный.

В то же время согласно представленному «Фелипе» в Москве в январе 1947 года финансовому отчету, расходы на организацию диверсионной работы составили 2 тысячи ам. долларов. Это – приобретение химикалиев, инструментов и материалов для изготовления зажигательных снарядов, аренда необходимых помещений, оплата содержателей конспиративных квартир и адресов для переписки с Центром, транспортные расходы при выполнении оперативных заданий. Отчет Центром был утвержден. При этом выделили некоторую денежную сумму для расчетов по имевшимся долгам, которые возникли из-за задержек курьеров из Нью-Йорка с деньгами.

Диверсионная работа в Аргентине была прекращена в середине 1944 года по указанию Центра. Основания для столь решительного распоряжения у Москвы были серьезными. К этому времени от агентуры нашей разведки в Великобритании были получены сначала информация, а затем документальные материалы британской и американской спецслужб, свидетельствовавшие о том, что они напали на след нашей подпольной организации в Аргентине. Оказалось, что еще в ноябре 1941 года британская военная цензура на Бермудских островах перехватила письмо из Нью-Йорка в Буэнос-Айрес (то есть из Центра к «Фелипе») с тайнописью и шифром. Затем были проконтролированы еще два аналогичных письма, а также пять писем от «Фелипе» в Нью-Йорк. Начался поиск лиц, причастных к работе на советскую разведку. О масштабе принятых мер говорит тот факт, что к данной разработке были подключены большие силы спецслужб США и Великобритании в странах Латинской Америки. В какой-то момент они были близки к цели, но воспользоваться благоприятной ситуацией не сумели. А произошло следующее.

Читатель знает, что наряду с диверсионной работой «Фелипе» поручался подбор людей для засылки в оккупированные фашистами и нейтральные европейские страны. Во время одной из своих поездок в Чили «Фелипе» познакомился там, имея рекомендацию надежного человека, с кубинским послом в Чили. После непродолжительного

контакта «Фелипе» попытался завербовать посла и заручиться его согласием выехать в Европу «в интересах борьбы с фашизмом». Договориться с дипломатом, однако, не удалось, и «Фелипе» прекратил с ним всякие отношения, не придав своей неудаче существенного значения (даже не сообщил об этом своевременно в Центр). Ошибочность такого рода действий стала очевидной, когда в Центр поступили упомянутые документы из Великобритании, где, в частности, говорилось: «В начале 1943 года русский нелегальный представитель в Аргентине, личность которого не известна ни нам, ни кубинскому послу, связался с последним... и предложил ему поехать в нейтральную страну. Они особенно интересовались Турцией». Прояви спецслужба большую расторопность – могли возникнуть опасные для подпольщиков последствия[1].

Полученное из Москвы указание было выполнено точно. Диверсионная группа в порту, включая «Доминго» и «Оскара», была распущена (участникам объяснили: надобность отпала, в Европе в июне 1944 года открыт второй фронт). «Марчелло» позаботился о «закрытии» конспиративных квартир. Прекратилась оперативная переписка с Нью-Йорком, содержатели почтовых адресов в Буэнос-Айресе получили нужный инструктаж. Вержбицкому поручили ликвидировать склад, где хранились зажигательные снаряды.

Для каждого подпольщика «Фелипе» и «Тинто», который был переключен на другую линию работы, нашли добрые слова и сердечно поблагодарили за участие в патриотической деятельности. «Фелипе» смог выделить 50 ам. долларов для «Марчелло», ему был куплен костюм «за долгую и верную службу». 100 ам. долларов премиальных получила портовая группа Вержбицкого. Из этих денег «Матису», одному из самых активных боевиков, приобрели часы. (Повторим, что никто из подпольщиков денежного вознаграждения не получал. Все жили на свои весьма скромные заработки.)

С сожалением приходится сообщить, что ликвидация аргентинского «хозяйства» не обошлась без чрезвычайного происшествия. Это случилось в конце октября 1944 года на конспиративной квартире, где последнее время хранились боеприпасы. Вержбицкий и два его товарища занимались разборкой зажигательных снарядов. Перемещая с места на место емкость с зажигательной смесью, Вержбицкий неосторожно сдвинул металлический инструмент, что вызвало искру, за которой последовал сильнейший взрыв.

Распростертый на полу, весь в крови, теряя сознание от полученных увечий, Вержбицкий приказал друзьям немедленно покинуть квартиру. Через полчаса туда прибыла полиция. Произвели обыск, раненого арестовали и под конвоем отправили в госпиталь. Он сразу же попал на операционный стол. Врачи вынуждены были ампутировать ему левую руку выше локтя и удалить левый глаз. О возможности сохранения, хотя бы частично, зрения на правый глаз ничего

утешительного не говорилось. С этого времени в возрасте 36 лет Ф.К. Вержбицкий на всю жизнь остался слепым.

В госпитале раненый находился под охраной две недели, затем его перевели в тюремную больницу. Начались изнурительные допросы. Как мог, он защищался и отрицал практически все: и прямые улики (а их было достаточно), и причастность к «заговорщической» организации, и наличие сообщников, чем особенно интересовались следователи. Через жену Вержбицкому передали совет привлеченного к этому делу юриста – отказываться от дачи любых показаний и ссылаться на свою физическую неспособность, вызванную тяжелым ранением головы (аргентинское законодательство такую возможность предусматривало). Эта новая позиция подследственного приводила следователей в бешенство.

Тюремщики вознамерились оказать на арестованного морально-психологическое воздействие. Его поместили в камеру с уголовниками, осужденными пожизненно на каторжные работы и ожидавшими отправки на Огненную Землю. Но расчеты следствия не оправдались. Эти преступники, приняв в свою среду «политического террориста», были поражены его силой воли, выдержкой, убежденностью. Тот рассказывал им о международных событиях, о военных действиях на фронтах Второй мировой войны, о людях советской России. Сокамерники стали относиться к нему с уважением, как могли, защищали его от произвола тюремщиков.

В результате принятых мер, с помощью упомянутого юриста удалось избежать передачи дела в суд и добиться освобождения Вержбицкого под залог. Поскольку его дальнейшее пребывание в стране было небезопасным, он был нелегально переправлен в соседний Уругвай. Через две недели туда же перевезли его жену с детьми. В этой стране семья жила до выезда в Советский Союз в 1956 году.

...Итак, сохранившийся в архиве документальный материал, положенный в основу этого повествования, исчерпан. Естественно, что многие подробности не умещались в скупые строки донесений военных лет и остались как бы «за кадром».

Прошли годы, и нам удалось пополнить информацию свидетельствами некоторых бывших подпольщиков, прибывших в Советский Союз в 50–60-е годы после выполнения других разведывательных заданий. Их воспоминания позволили восстановить некоторые эпизоды, лучше представить условия, в которых проходила деятельность группы.

Так, подтвердилось, что наиболее опасным делом была доставка зажигательных снарядов на территорию порта. Трудности усугубились, когда на судах начались пожары. Порт стал охраняться более строго, увеличилось число контролеров, ввели жесткую пропускную систему. Практиковался личный обыск, перетряхивались сумки с продовольствием. У трапов судов, даже у трюмов выставлялась дополни-

тельная охрана. Были задействованы собаки, видимо, натасканные на взрывчатку.

В этих условиях приходилось исхитряться. Например, снаряды прятались в продовольственных сумках и маскировались пакетами из-под йерба-мате[2], эти упаковки подозрений не вызывали. Затем «Оскару» поручили готовить корпуса снарядов более плоскими и удлиненными. Их прикрепляли с помощью бинта к внутренней стороне ноги, выше колена. Расчет был точен: при личном досмотре, а такое случалось, охранники прощупывали одежду в основном по линии боковых карманов, на полицейский манер. Использовался и такой прием: изготовлялись корпуса снарядов в форме крупного банана. Подобная конструкция помещалась на шее как полуожерелье, а горло плотно закутывалось шерстяным шарфом. В таком виде рабочий, спешащий утром в порт, не привлекал к себе особого внимания.

За все время работы диверсионной группы не было ни одного случая срыва намеченной операции из-за невозможности пронести в порт снаряды.

Случалось, что Вержбицкому предстояло передавать исполнителям снаряды рано утром. Он брал их со склада накануне вечером и в течение ночи держал дома... под кроватью. «Флориндо» однажды хранил у себя заряд около недели, так как возникла непредвиденная задержка отправления судна, на которое его следовало заложить.

Вспомнился эпизод, когда только находчивость «Доминго» помогла избежать неприятностей. На личной автомашине он вез на конспиративную квартиру пакет с химикалиями. По непонятной причине они вдруг воспламенились. И это днем, на оживленной улице! Сохраняя хладнокровие, «Доминго» покинул машину, забежал в магазин, купил несколько сифонов с газированной водой и самостоятельно справился с огнем. Обошлось без вмешательства полиции.

Между членами подпольной группы – людьми многих национальностей, разного возраста, образования, социального положения – сложились и окрепли истинно дружеские отношения. Каждый в меру возможности старался помочь другому. Когда тяжело заболела жена Фурдаса, был организован сбор средств на оплату врачей и медикаментов. При нужде в деньгах одалживались «до получки». Аргентинцы помогали в многочисленных житейских делах своим друзьям украинцам, полякам, которые не в полной мере свыклись с местными особенностями, недостаточно владели испанским языком.

Повседневный быт подпольщиков отмечен умеренностью и скромностью. Не допускалось излишеств, экономилось каждое песо. Случалось, что курьер из Нью-Йорка с деньгами задерживался. Тогда «Фелипе» приходилось прибегать к займам у знакомых.

Большую пользу принесли жены подпольщиков. «Луиза» – жена «Фелипе» – отвечала за техническую сторону переписки с Центром (работа с шифром, тайнописью и др.), вела учет финансовых расхо-

дов. Как и «Дора» – жена «Тинто», – поддерживала конспиративную связь с членами организации.

Жена «Марчелло» и их дочь передавали по назначению зажигательные снаряды. Дочь-художница переносила их в ящичке для красок.

Мария Григорьевна Вержбицкая необыкновенно стойко вела себя, когда подвергалась многочасовым допросам о «преступных» связях мужа. Как могла, запутывала следствие. При посещении раненого в больнице и тюрьме «прихватывала» с собой двух близняшек грудного возраста, что несколько смягчало отношение к арестанту со стороны администрации.

...Со времени описанных событий прошло свыше полувека. Большинства подпольщиков из аргентинской группы уже нет. Однако до сих пор жива светлая память о делах патриотов, их вкладе в дело победы над фашизмом.

«Фелипе» в послевоенное время еще в течение нескольких лет вместе с «Луизой» находился на нелегальной работе за границей.

«Тинто» и «Дора» после многолетней успешной работы за рубежом прибыли на постоянное жительство в СССР.

Григорий Иванович Фурдас в 1954 году с дочерью Марией-Луизой возвратился на родину, во Львов. Работал на местном автомобильном заводе. Дочь получила высшее педагогическое образование. Г.И. Фурдас умер в марте 1990 года во Львове.

Павел Степанович Борисюк в 1957 году с женой Марией возвратился на родную Волынщину. Работал в Ковеле на предприятии пищевой промышленности, его жена трудилась швеей-мотористкой. П.С. Борисюк скончался в 1986 году.

Феликс Клементьевич, Мария Григорьевна Вержбицкие, их дети – близнецы Луис и Анхелика и дочь Соня, родившаяся в Уругвае в 1951 году, обосновались в подмосковных Люберцах. Феликс Клементьевич работал штамповщиком в Люберецком учебно-производственном предприятии Всероссийского общества слепых. Его жена, наряду с трогательным уходом за мужем, хлопотливыми заботами о детях длительное время работала швеей на Ухтомском предприятии галантереи. Стали взрослыми их дети, двое старших получили высшее образование. Луис окончил Московский институт физкультуры, работает в системе спортивных организаций. У них с женой Людмилой двое детей. Первенец в честь деда назван Феликсом. Ф.К. Вержбицкий скончался в 1986 году, жена пережила его на шесть лет.

Участники аргентинской группы по представлению Комитета госбезопасности СССР были отмечены государственными наградами.

«Фелипе» награжден орденом Красного Знамени, «Тинто» – орденом Красной Звезды, их жены, а также М.Г. Вержбицкая – военными медалями.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 1 марта 1968 года «за мужество и самоотверженность, проявленные в борьбе

против фашистской Германии в период Второй мировой войны», Ф.К. Вержбицкий был награжден орденом Отечественной войны I степени. Одновременно ему вручили медали «За победу над Германией» и «20 лет победы над Германией». Торжественная церемония награждения состоялась 13 марта 1968 года в зале заседаний КГБ, на Лубянке, в присутствии большого количества сотрудников разведки.

...В период наиболее активной деятельности аргентинской группы в Центре возникли опасения, достаточно ли надежно там закрепился сам «Фелипе», поскольку сведений от него на этот счет не поступало. Направили ему запрос. Вот его ответ от 30 апреля 1943 года: «Я Вас прошу лично обо мне никогда не беспокоиться. Сижу здесь прочно. Лишь глубоко сожалею, что в эти тяжелые дни для нашей священной Родины мне не удалось до сих пор принести более существенной пользы».

«Фелипе» и его товарищи достойно выполнили боевую задачу, стоявшую перед ними в годы Великой Отечественной войны.

---

[1] Упомянем, что хотя в подборе кандидатов для посылки в Европу Фелипе и не достиг положительных результатов, ему удалось завербовать (не считая участников диверсионной группы) около 20 агентов в Аргентине и Чили, которые использовались им как источники информации, а несколько человек – курьерами для связи с Нью-Йорком. Многие из них продолжительное время успешно сотрудничали с советской разведкой в послевоенный период.

[2] Hierba mate (исп.) – парагвайский чай, национальный напиток ряда стран Южной Америки. Продавался в многоцветной яркой упаковке в относительно объемных пакетах. Аргентинцы подшучивали над собой: «Мы пьем мате только один раз в сутки – с утра до вечера».

33

Тернистый путь сотрудничества

Мало кому известно, что в период Великой Отечественной войны между советской и английской разведками существовало официальное сотрудничество по ведению подрывной работы против фашистской Германии. К сожалению, главные действующие лица, осуществлявшие это сотрудничество, ушли из жизни, и все, о чем рассказывается в этом очерке, основано исключительно на сохранившихся документальных материалах архивов российской внешней разведки.

После нападения фашистской Германии на СССР первым серьезным шагом к созданию антигитлеровской коалиции было заключение 12 июля 1941 года соглашения между СССР и Англией о совместных действиях в войне против фашистской Германии, предусматривавшее оказание взаимной помощи. Соглашение было подписано в Москве в результате переговоров с представительной правительственной делегацией из Лондона. А уже 13 августа в развитие этого соглашения в московской гостинице «Националь» поселился представитель английской секретной службы по ведению подрывной работы против Германии и ее союзников подполковник Гиннес, прибывший в Москву для переговоров с советской разведкой о сотрудничестве. Вечером Гиннес был на обеде у английского посла Керра, который сообщил ему, что русские хотят начать переговоры на следующий же день, то есть 14 августа 1941 года.

Англичане тщательно пытались скрыть от советской стороны официальное название службы, которую представлял Гиннес. Но постепенно через различные источники было установлено, что эта служба входила в состав английского министерства экономической войны и называлась «Спешиал оперейшен Экзекютив» (СОЭ). В оперативной переписке НКГБ она получила кодовое название «Секта».

Итак, переговоры начались 14 августа. С советской стороны их проведение было поручено опытнейшим работникам внешней разведки Василию Михайловичу Зарубину, который был представлен

Гиннесу как генерал Николаев, и Ивану Андреевичу Чичаеву. Переговоры велись исключительно конспиративно, без привлечения секретаря и переводчика. Зарубин заверил Гиннеса, что кроме него и Чичаева о переговорах знают только Сталин, Молотов и Берия.

Как следует из добытого разведкой доклада Гиннеса в Лондон, «переговоры начинались после завтрака ежедневно и продолжались до трех-четырех часов утра с перерывом на обед... В целом имело место поразительное единодушие по всем основным принципам». Вместе с тем Гиннес отмечал, что представления русских по отдельным вопросам были «настолько отличны от наших, что могут отразиться на нашем будущем сотрудничестве». Гиннесу нельзя было отказать в прозорливости.

Переговоры закончились подписанием 29 сентября 1941 года двух документов: «Запись того, на чем согласились советские и британские представители в своих беседах по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников» и «Предварительный план общей линии поведения в подрывной работе для руководства советской и британской секций связи». Документы были подписаны Николаевым (Зарубиным) и Гиннесом. В связи с этим Гиннес подчеркивал в своем отчете в Лондон: «Как мной, так и русскими властями, соглашение рассматривается не как политический договор, а как основа для практической работы наших связующих звеньев и не нуждается в официальной подписи».

В качестве таких «связующих звеньев» документы предусматривали создание в Москве и Лондоне соответствующих секций связи. Руководителем английской секции в Москве был назначен подполковник Гиннес (вскоре заменен полковником Хиллом, произведенным затем в генералы); начальником советской секции в Лондоне – И.А. Чичаев, получивший в связи с этим должность советника посольства СССР в Англии. Вместе с Чичаевым сотрудниками секции были назначены М.А. Торопченко, В.С. Суворов и жена Чичаева Ксения Митрофановна в качестве секретаря-шифровальщика.

В задачи секции входило поддержание связи с «Сектой», наблюдение за выполнением соглашения о сотрудничестве, согласование практических мероприятий, предусмотренных соглашением, и их выполнение.

Основные положения двух согласованных документов с оперативной точки зрения были многообещающими. Стороны отметили в них, что сотрудничество в деле проведения подрывной работы против Германии «не только желательно, но и существенно для достижения нашей общей цели разгрома врага». В качестве главных сфер сотрудничества, в частности, предусматривалось:

– координирование работы по саботажу и определение объектов;

– обмен информацией и разведывательными сведениями, которые могут быть полезны для подрывной работы;

– обмен достижениями в области усовершенствования новых технических средств и методов подрывной работы;

– оказание друг другу всевозможного содействия по внедрению агентуры в оккупированные Германией страны.

Специальным разделом в документе были определены условия поддержки партизанского движения в оккупированных странах Европы и распределены сферы деятельности сторон: за Англией – Западная Европа от Испании до Норвегии, а также Греция; за СССР – Румыния, Болгария и Финляндия. Что касается организации партизанских отрядов в Польше, Чехословакии и Югославии, то этот вопрос должен был обсуждаться между СССР и правительствами указанных стран.

Главными объектами подрывной деятельности обеих сторон в документах определялись все виды транспорта и военной промышленности врага. По некоторым отдельным странам были определены конкретные объекты подрывной работы. Например, основными объектами в Румынии были зафиксированы нефтеперегонные заводы, запасы нефти и средства ее перевозки.

Итак, Чичаев направился в Лондон, Гиннес – в Москву, и началась практическая работа. Вскоре Гиннеса, в том же 1941 году, сменил Джордж А. Хилл, имевший большой опыт работы по России и свободно говоривший по-русски. Еще в августе 1917 года он был направлен в миссию английского генерал-лейтенанта Пула в Петрограде и приписан к русской ставке в Могилеве. Имел русские награды: ордена Владимира, Анны и Станислава, врученные ему Николаем II, Керенским и Деникиным.

В октябре 1918 года после высылки английского агента Локкарта – организатора шпионажа и антисоветского заговора – Хиллу было разрешено покинуть Россию вместе с миссией Локкарта. Однако вскоре он нелегально вернулся в Советскую Россию и сотрудничал с известным английским разведчиком Сиднеем Рейли. В 1922 году участвовал в конференциях в Генуе и Гааге, тесно работал на них с советской делегацией.

После длительного периода, во время которого он был на гражданской службе и занимался литературной деятельностью, Хилл в 1939 году был прикомандирован как офицер к военному министерству, а в конце 1941 года, когда в Москве создавалась английская секция связи с «Сектой», на пост руководителя этой секции была названа его кандидатура. Некоторые официальные лица в Лондоне возражали против направления Хилла в Москву, считая это рискованным из-за его прошлой деятельности в России. Однако сам он был настроен оптимистично и заявил: «Я не думаю, что советское правительство будет иметь возражения против моего включения в любую английскую миссию в Россию. Сегодня мы боремся против гитлеризма, а в этом деле я имел солидный опыт». Хилл направил в Москву

анкету о своей прошлой работе в России, приложил написанные им две книги об этой работе и... получил согласие советской стороны на его назначение в Москву. По этому поводу советский разведчик Ким Филби заметил в своих мемуарах: «Русские приняли это назначение с восторгом. Они знали о Хилле все».

В Москве с Хиллом имел постоянный контакт начальник англо-американского отдела Первого управления НКГБ, с 1943 года заместитель начальника этого управления, Гайк Бадалович Овакимян, который был представлен ему как генерал Осипов[1].

С 1943 года к этой работе подключился назначенный вместо Овакимяна начальником англо-американского отдела Граур Андрей Григорьевич. А.Г. Граур работал во внешней разведке с 1938 года, побывав за этот период на закордонной работе, в том числе руководящей, в США, Швеции и Англии. В 1941–1943 годах в Лондоне он приобрел опыт работы по связи с английской разведкой, будучи заместителем И.А. Чичаева.

В первый период сотрудничества главное внимание уделялось работе по выброске с территории Англии агентуры советской разведки в Германию и оккупированные ею страны.

Прошедшие подготовку в Москве агенты направлялись морским путем в Англию, где их встречали представители «Секты» и устраивали в гостинице. До Лондона на поезде их сопровождал младший офицер «Секты», а Чичаеву сообщали о дате их прибытия для встречи. По прибытии в Лондон «Секта» размещала агентов на конспиративных квартирах, одна из которых находилась непосредственно в столице и две – в пригородах. Там же размещался и младший офицер, официально для связи и решения хозяйственных вопросов. Он же, как правило, сопровождал агентов при всех их передвижениях по городу.

Далее следовала экипировка агентов, определение пункта и времени выброски, беседа с английским экспертом по стране, куда намечалось выбросить агента. До посадки на самолет агенты содержались на хорошо охраняемых базах, расположенных недалеко от специальных аэродромов. Агентов из Лондона до самолета сопровождал наш представитель. Выброска осуществлялась с четырехмоторных бомбардировщиков.

Всего за период со дня заключения соглашения по март 1944 года в Англию было отправлено 36 агентов, 29 из которых были выброшены в Германию, Австрию, Францию, Голландию, Бельгию и Италию. Трое погибли во время полета и четверо, так называемая «группа Гофмана», возвращены в СССР. Об этой группе ниже пойдет особая речь.

Каких-либо сведений о судьбе выведенных в европейские страны агентов в архивах СВР не имеется. Лишь в отношении некоторых в документах есть пометки типа: «Высажен, но связи нет». Естествен-

но, что это не позволяет дать какую-либо оценку оперативной отдачи от этих серьезных мероприятий.

Вместе с тем работа по подготовке и выброске советских агентов со стороны «Секты» очень быстро стала вызывать недовольство и порождать подозрения со стороны советской секции связи в Лондоне.

Уже в апреле 1942 года в сообщении в Центр Чичаев высказал мнение, что сотрудничество с англичанами «в части переброски людей себя не оправдало». «Затягивание переброски, – писал он, – отказ снабжать нас немецкой документацией, нежелание производить переброску в отдаленные районы, наконец, повторение несчастных случаев – все это выглядит подозрительно и свидетельствует о саботаже».

В документе Центра от 5 мая 1942 года, подводящем итоги сотрудничества с «Сектой» за 7 месяцев, отмечалось, что из 14 человек, направленных в Лондон до 1 мая, благополучно были заброшены только четыре. «С самого начала, – говорилось в документе, – вместо помощи по линии инструктажа, тренировки и проверки документации, наши люди натолкнулись на большие трудности и придирки, причем в некоторых случаях мы имели дело с явным саботажем (например, англичане настолько грубо исправили дату в одном паспорте, что испортили весь документ).

Проволочки с заброской в Германию и Австрию... Напрашивается вывод, что англичане не хотят забрасывать наших людей на эти территории... Частые ссылки на объективные условия – плохая погода, сезонность полетов, наступление коротких ночей, дальность маршрутов». И делался вывод: «Продолжение сотрудничества в том виде, как оно осуществлялось до сих пор, нецелесообразно».

В 1942 году советской разведкой был добыт секретный документ за подписью заместителя руководителя СИС (подпись на документе неразборчива), который раскрывал подлинное отношение англичан к сотрудничеству с советской разведкой. В этом документе, датированном 8 июля 1942 года, в частности, говорилось: «Фактически противоречия между Британией и Советским Союзом так же велики, как между Британией и Германией. Не сомневаюсь, что Советская Россия является нашим другом только до тех пор, пока она может извлечь пользу из этой дружбы. Она не доверяет нам и приложит все усилия к разведывательной деятельности против нас... Мы не можем доверять русским так же, как, скажем, чехам или американцам, или давать им информацию, которая может выдать важный или деликатный источник».

О неудовлетворенности работой по переброске агентуры Чичаев откровенно говорил в беседе с приезжавшими в августе 1942 года в Лондон руководителем английской секции связи в Москве генералом Хиллом и рядом представителей «Секты». Хилл, как сообщал Чичаев в Москву, пытался все объяснить объективными причинами, но вынужден был все же признать все недостатки и согласиться с на-

шей оценкой результатов сотрудничества. Вместе с тем заявил, что «Секта» хочет продолжать сотрудничество и будет стараться улучшить обслуживание наших людей для перебросок. «Из обмена мнениями, – заключал Чичаев, – у нас сложилось впечатление, что англичане исправляться не думают. Очевидно, они будут продолжать практику саботажа переброски наших людей, создавая видимость доброго желания сотрудничества с нами».

И действительно, время шло, но мало что менялось. Более того, постепенно стало до конца ясно, что намеренные проволочки использовались представителями «Секты» для разработки наших агентов. Пользуясь тем, что агенты были вынуждены в течение многих месяцев жить на специальных объектах «Секты», англичане их тщательно изучали. Как отмечалось в справке Центра по этому вопросу в октябре 1942 года, «в процессе бытового обслуживания они стараются подвести к ним своих людей, имея в виду даже перевербовку наших агентов. Под видом консультаций по вопросам, связанным с переброской, английские эксперты проводят продолжительные беседы, задавая им множество разнообразных вопросов... Длительная задержка агентуры в Англии на несколько месяцев морально разлагала и подавляла боеспособность».

Наиболее яркий пример, подтверждающий это нелояльное поведение «Секты», – история «группы Гофмана». Эта группа агентов из четырех человек, австрийцев по национальности, прибыла в Англию в конце 1941 года для выброски в Австрию. Как оценивал позже Чичаев, группа «оказалась неудачно подобранной как по физическому состоянию, так и по моральным качествам». Задержка с реализацией мероприятия затянулась на целый год, и это вызывало в группе нервозность и нездоровые настроения. Как стало известно из агентурных данных, этим воспользовалась «Секта» и в начале 1942 года завербовала «Гофмана» для работы против СССР. Он раскрыл перед английской разведкой подлинные данные о себе, характер заданий НКГБ и явочные квартиры в Австрии, а также предоставил англичанам для фотокопирования все полученные группой оперативные документы. Англичане поручили ему добыть через радиста группы код и шифры, которые у него были для связи с Центром. За свои «услуги» «Гофман» получил смехотворно малое вознаграждение – 10 английских фунтов стерлингов.

По получении данных о вербовке «Гофмана» было принято решение вернуть группу в Советский Союз. Узнав об этом решении, все члены группы попросили английскую разведку оставить их в Великобритании, сообщив свои настоящие имена и адреса родственников в Австрии. Но англичане не были в этом заинтересованы, и перед выездом группы в Союз дали «Гофману» задание по сбору сведений об оборонной промышленности СССР и обусловили с ним пароль для установления связи в СССР.

В мае 1943 года группа была посажена на пароход «Чернышевский», отправлявшийся во Владивосток. Однако во время стоянки в Сан-Франциско сошла на берег и не вернулась. Перейдя нелегально канадскую границу в Ванкувере, члены группы сдались местным полицейским властям и возбудили ходатайство об оставлении их на жительство в Канаде. При этом они дали в полиции адреса двух руководящих сотрудников «Секты», которые могут подтвердить их «преданность демократическому делу».

Однако в результате мероприятий, проведенных по линии НКИД СССР, канадские власти не пошли навстречу «Гофману». В сентябре 1943 года участники группы из Ванкувера на советском пароходе «Маяковский» были доставлены во Владивосток и арестованы. На следствии они дали развернутые показания, и «Гофман» подробно рассказал о вербовке его английской разведкой.

Хотя претензии руководства советской разведки к англичанам по поводу выброски агентуры и имели под собой основания, справедливости ради следует отметить, что не все агенты, направленные в Англию, были хорошо изучены и подготовлены для такой работы. Были случаи, когда по прибытии в Лондон выяснялось, что какой-то агент не подходит для выброски самолетом по состоянию здоровья, кто-то недостаточно экипирован оперативной техникой, а у отдельных агентов личные документы были подготовлены непрофессионально. Среди агентов были и иностранцы, которых, как показал случай с «группой Гофмана», в ряде случаев требовалось бы проверять более глубоко. Поэтому нельзя исключать, что кто-то из них, подобно «Гофману», мог быть также перевербован английской разведкой.

21 октября 1943 года с представителем «Секты» в Москве генералом Хиллом была проведена беседа, в ходе которой были изложены претензии по поводу отношения «Секты» к сотрудничеству. Сообщая об этой беседе докладной запиской наркому госбезопасности СССР Меркулову, руководители разведки Фитин, Овакимян и Граур подчеркнули, что Хилл «не дал ни обещаний, ни предложений, которые могли быть расценены как желание англичан улучшить наше сотрудничество... Их отношение к вопросу сотрудничества с нами как в принципе, так и в поведении к нашей агентуре надо рассматривать как грубую английскую тактику, преследующую свои цели». В заключение авторы докладной записки предложили заявить англичанам о решении отозвать своих агентов из Англии. На докладной стояла резолюция начальника разведки Фитина: «Доложено Берии. Согласен».

2 ноября 1944 года Чичаев проинформировал об этом решении руководство «Секты». Как сообщал Чичаев в Центр, представитель «Секты» не выразил ни сожаления по этому поводу, ни желания принять меры к ускорению выброски агентов и заявил: «Видимо, наступает конец сотрудничеству между нашими организациями, ибо после

прекращения переброски агентов нечего больше делать. Я не обвиняю вашу организацию, так как переброска ваших агентов действительно шла медленно. Правда, у нас были для этого объективные причины, о которых мы информировали вас, но медлительность операции, несомненно, отражалась на интересах вашей работы и вы были правы выражать неудовлетворение ходом операций».

В этом монологе обращает на себя внимание фраза о том, что после прекращения переброски агентов нечего больше делать. Этим англичане как бы признали, что они больше ничего не делали для достижения тех целей в борьбе против общего врага, которые были зафиксированы в документах 1941 года о сотрудничестве разведок. Ведь действительно в них переброска агентуры занимала не самое главное место. В феврале 1943 года в беседе с руководством «Секты» в Лондоне Чичаев подчеркнул, что «лишь по вине «Секты» мы до сих пор не начали сотрудничать в разрешении основной задачи – ведения подрывной работы, о которой говорится в предварительном плане действий наших организаций».

Обвиняя «Секту», Чичаев был прав лишь частично, так как из документов архива не видно, чтобы советская разведка со своей стороны предлагала какие-либо конкретные совместные мероприятия по ведению подрывной работы против Германии.

Не был также отработан вопрос о механизме обмена информацией и разведданными. Передача таких материалов с обеих сторон носила спорадический характер, и сведения об этой области сотрудничества с трудом можно найти в шести пухлых томах архивного дела под названием «Секта».

Несколько лучше обстояло дело с обменом информацией о новых технических средствах и методах ведения подрывной работы. Стороны передавали друг другу образцы документов Германии и оккупированных ею стран для оснащения забрасываемой в эти страны агентуры (удостоверения личности, штампы и печати, продовольственные карточки и т.п.); обмениваясь данными о диверсионном снаряжении и экипировке агентуры, образцами раций и вооружения, различного типа взрывателей и мин.

Английская сторона положительно оценивала полученные от советской разведки образцы диверсионной техники. Со своей стороны Четвертое управление НКГБ также высоко оценивало полученные через «Секту» аналогичные материалы и образцы. В заключении по английскому каталогу «Снаряжение» Четвертое управление отмечало 30 июня 1942 года: «Материалы каталога ценны со многих сторон... В него включено описание 78-ми различных приборов и средств, многие из которых по надежности и простоте конструкции заслуживают большого внимания. Некоторые из приборов и приспособлений, после тщательной проверки и небольших переделок, нами были приняты на вооружение и себя оправдали».

За время сотрудничества «Секта» организовывала для Чичаева посещение ряда организаций, где он мог ознакомиться с подрывной спецтехникой, в частности, экспериментальной станции вблизи Лондона, выставки-музея спецтехники в Лондоне, парашютной школы в Манчестере. Со своей стороны, руководство советской разведки ознакомило прибывших в 1942 году в Москву представителей «Секты» с работой группы по подготовке агентов к выброске в тыл противника.

Откровенно некорректную позицию «Секта» заняла в 1944 году, когда Советская Армия начала приближаться к странам Восточной Европы. В документах 1941 года о сотрудничестве было согласовано, что поддержка партизанского движения в Болгарии и Румынии будет входить в сферу деятельности советской разведки. Однако, нисколько этим не смущаясь, генерал Хилл направляет 20 января 1944 года письмо Овакимяну, в котором заявляет о намерении усилить активность «Секты» в Болгарии и просит предоставить информацию о материальных ресурсах и количестве партизан в этой стране, о расположении и количестве войск, охраняющих главные линии коммуникаций из Софии, а также о территориях, безопасных для выброски в Болгарии своей агентуры. Свою просьбу Хилл настойчиво повторяет еще несколько раз, а в марте заместитель Хилла капитан Грем поставил даже вопрос об оказании помощи «Секте» в переброске вооружения для болгарских партизан.

Фитин доложил об этом в марте 1944 года наркому Меркулову, высказал мнение о нецелесообразности передавать подобные сведения английской разведке.

Еще большую активность «Секта» проявляет в Румынии. Не проинформировав советскую сторону, англичане тайно забросили 22 декабря 1943 года на территорию этой страны группу из трех офицеров во главе с известным разведчиком – специалистом по Румынии полковником Шастеленом, имевшим связи со многими видными румынскими политическими деятелями. Он имел задание установить контакт с председателем национал-царонистской партии Маниу и оказать ему помощь в организации переворота с целью вывода Румынии из войны.

Когда сведения об этом просочились в иностранную печать, Хилл на запрос Овакимяна был вынужден подтвердить этот факт и сообщить, что группа при приземлении была захвачена жандармерией и отправлена в Бухарест. Стало известно, что, хотя Шастелен формально находился на положении арестованного, ему была предоставлена возможность вступить в контакт с руководителями оппозиционных политических организаций в Румынии и иметь постоянную радиосвязь с Лондоном.

Маниу был известен как проанглийски настроенный политик, и англичане стремились привести его к власти в Румынии еще в конце

1942 года. Тогда начальник балканской секции «Секты» Стюарт в одной из бесед с Чичаевым поднял вопрос о полезности контакта англичан с Маниу, с тем чтобы вывести с его помощью Румынию из войны, пообещав за это уступить... Бессарабию. Чичаев возмутился: «Было бы полезнее заботиться об оказании нам более реальной помощи, чем предлагать соглашение с враждебной стороной за счет уступки нашей территории; это по существу признание победы врага, а мы надеемся его разбить». Но Стюарт на это возразил: «Ведь у вас тяжелое положение, а зимой может быть еще хуже, поэтому вам выгодно договориться с румынской оппозицией, чтобы лишить Гитлера помощи Румынии».

Тем не менее англичане были вынуждены оправдываться: мы их якобы не поняли, они лишь посредники и не собирались навязывать нам условия Маниу. Было ясно: «Секта» пыталась использовать сотрудничество с советской разведкой для того, чтобы привести к власти в Румынии выгодные им политические силы, и тайная заброска Шастелена в Румынию в 1943 году была очередной попыткой осуществить эти планы. После разоблачений в прессе целей миссии Шастелена англичане поспешили вывезти его из Румынии. 26 августа 1944 года агентство «Рейтер» сообщило, что в Стамбул из Бухареста на специальном самолете румынской авиации прибыл Шастелен, который в канун Рождества был направлен с тайной миссией к маршалу Антонеску.

Однако в стремлении закрепить свои позиции в Румынии «Секта» на этом не остановилась. Еще 17 апреля того же 1944 года Хилл проинформировал письменно Овакимяна о том, что «Секта» направляет в Румынию шесть миссий, состоящих из англичан и американцев, с целью проведения саботажа и формирования партизанских отрядов, и выразил надежду, что НКГБ окажет им всяческое содействие. Однако, видимо, поняв несостоятельность своих планов и желая избежать провала мероприятия, англичане через несколько дней сообщили через Хилла о «желательности включения в состав направляемых в Румынию групп также и советских представителей». Хилл предложил «расширить сотрудничество специальных служб союзников для активных действий в Румынии и создать объединенную оперативную группу в составе представителей английских, американских и советских спецслужб, которая базировалась бы на территории Румынии, занятой частями Красной Армии, например, в г. Яссы, и оттуда проводила бы мероприятия по организации диверсионных актов на румынской территории, оккупированной немцами».

Об этом предложении нарком Меркулов доложил Молотову, высказав мнение о его неприемлемости, так как «явно желание англичан и американцев иметь возможность наблюдать за действиями нашей армии и вести разведку в нашем тылу». Предложение «Секты» было отклонено.

Тогда по настоянию «Секты» посол Великобритании в Москве Керр направил ноту в МИД СССР, в которой высказывалось желание английского правительства направить в Румынию и Болгарию две небольшие группы с разведывательными целями. «Единственной функцией этих групп, – говорилось в ноте, – будет сбор сведений для целей контршпионажа против германских подпольных организаций», которая будет передаваться на месте советским органам.

На это 10 декабря 1944 года НКИД СССР направил четкий и недвусмысленный ответ поверенному в делах Великобритании в СССР Д. Бальфуру: «Соответствующие советские органы принимают исчерпывающие контрразведывательные меры против германских подпольных организаций и их агентуры в Румынии и Болгарии, руководствуясь при этом интересами дела Объединенных Наций, вследствие чего, по мнению советских компетентных органов, присутствие в этих странах также других разведывательных групп, кроме уже там имеющихся, вряд ли является целесообразным».

Так были пресечены попытки английской разведки насадить свою агентуру в освобожденных Красной Армией Румынии и Болгарии.

Архивы сохранили документы, свидетельствующие также о попытках «Секты» использовать сотрудничество с советской разведкой для оказания поддержки руководителю профашистских формирований в Югославии генералу Драже Михайловичу.

Разведка располагала данными о том, что Михайлович является старым английским агентом и связан с немецкими оккупантами. Поэтому когда представители «Секты» в 1942 году поставили через Чичаева в Лондоне и Хилла в Москве вопрос об оказании поддержки генералу Михайловичу с тем, чтобы объединить под его началом все югославские силы и воздействовать в нужном им плане на коммунистов Югославии, это предложение было решительно отклонено. Чичаев в беседе с руководителями «Секты» отметил, что советская разведка располагает данными о сотрудничестве Михайловича с немецкими и итальянскими оккупантами в борьбе против югославских партизан.

Все доводы англичан о «патриотичности» генерала Михайловича были в дальнейшем опровергнуты самой жизнью, а сам генерал был разоблачен как пособник немцев. Английское правительство было вынуждено признать это открыто, а представитель «Секты» в Москве письменно проинформировал Овакимяна о решении порвать отношения с Михайловичем и отозвать английскую миссию при его штабе. 3 июня 1944 года «Секта» передала официальную информацию о том, что «британская миссия, которая находилась у Михайловича, вылетела от него на самолете. Намерения Михайловича отказаться от борьбы с немцами стали ооверщенно ясны».

В 1944 году произошло еще одно событие, свидетельствовавшее об истинном отношении «Секты» к сотрудничеству с советской раз-

ведкой. В иностранной печати появилось сообщение, что в конце января в английское посольство в Стамбуле явился помощник главного резидента немецкой разведки в Турции Эрих Фермерен с женой и заявил о том, что порвал свои отношения с гитлеровской Германией и просит содействия в отправке его в другую страну.

В Москве было известно, что Фермерен выполнял в Турции важные разведывательные задачи и особенно по разведке против СССР. В связи с этим по поручению Центра Чичаев сделал заявление руководству «Секты»: «Исходя из элементарных союзнических обязательств и придавая особую роль деятельности гестапо, проводимой против СССР в Турции, наша организация настоятельно просит немедленно дать нам копию протокола допроса Фермерена, а также копию других документов, характеризующих его деятельность в Турции». Естественно, советскую разведку особенно интересовали сведения о засылке из Турции в СССР немецкой агентуры. Однако англичане не торопились. 10 марта 1944 года представитель «Секты» в Москве Хилл письменно подтвердил факт обращения Фермерена в английское посольство, но утверждал, что последний ни в коей мере не был связан с антисоветской деятельностью в Турции, поэтому «не делал никаких заявлений о работе против СССР и не был в состоянии их сделать».

В течение нескольких месяцев англичане продолжали утверждать, что осведомленность Фермерена в вопросах работы немецкой разведки в Турции против СССР «исключительно слабая».

Еще раньше, в апреле, Хилл сообщал из Москвы в Лондон: «Не могу не чувствовать, что у русских имеется довод, хороший довод против нашей готовности сотрудничать и довод против нас в смысле задержания разведсведений, которые могут быть для них ценными. Если не годится по политическим причинам передать им полное сообщение о показаниях Фермерена, то, конечно, было бы возможно и стоило бы составить специальное сообщение. Но подобная «хирургическая» версия должна быть составлена чрезвычайно умно и должна быть насыщенной».

Иными словами, Хилл предлагал подготовить дезинформационный материал, что и было сделано. В июне 1944 года «Секта» передала со ссылкой на полученные от Фермерена сведения подробную информацию о деятельности организации, под прикрытием которой гитлеровская разведка работала в Турции. Однако в этом документе не было ни слова о работе против СССР.

Чуть позже советская разведка получила агентурным путем сведения о высказываниях руководителя СИС Мензиса, подтверждающих дезинформационный характер переданного материала. «Я думаю, – сказал он, – что данные Фермерена отличаются от тех, которые передаются русским». Не случайно, сообщая в Лондон о препятствиях для развития отношений между «Сектой» и НКГБ, генерал Хилл

на первое место поставил «дело Фермерена» и отказ «Интеллидженс Сервис» передать русским показания Фермерена относительно деятельности германской разведки против СССР из Турции.

В начале 1945 года, когда близилась к концу война, стало очевидным, что сотрудничество с «Сектой» зашло в тупик. 10 марта Чичаеву в Лондон было сообщено, чтобы он информировал представителя «Секты» о своем отъезде в Союз. Хилл со своей стороны информировал о своем предстоявшем отъезде.

Однако еще до этого он передал Грауру меморандум с предложениями о продолжении сотрудничества между английской и советской разведками. В меморандуме указывалось, что в связи с освобождением большого количества стран, ранее оккупированных противником, соглашение 1941 года в значительной своей части устарело. Поэтому «Секта» предлагает выработать новое соглашение о «взаимной помощи при осуществлении непосредственных действий против врага на вышеупомянутых территориях». 22 марта 1945 года предложение англичан было доложено В.М. Молотову. В докладной записке, подписанной Берией и Меркуловым, давалась однозначная оценка соглашения 1941 года о сотрудничестве с «Сектой»: «За период совместной работы каких-либо существенных результатов это соглашение не дало, а наоборот, в ряде случаев англичане нелояльно относились к проведению намеченных мероприятий... Полагаем целесообразным предложение генерала Хилла о заключении нового соглашения отклонить». Резолюция В.М. Молотова: «Не имею возражений».

Об этом решении Хиллу сообщил лично начальник советской разведки Фитин 3 апреля 1945 года на ужине в ресторане «Арагви». Как отметил в своем отчете Фитин, беседа о взаимоотношениях между двумя организациями «носила дружественный характер». Хилл, правда, ревностно защищал концепцию английского меморандума о выработке нового соглашения для развертывания эффективной помощи друг другу на территории Германии, Австрии и Чехословакии (Богемии и Моравии), но Фитин в корректной форме намекнул Хиллу на «нетактичное и нелояльное поведение» «Секты» по ряду аспектов сотрудничества и сказал, что продолжать борьбу против общего врага можно и на основе прежнего соглашения, «если только честно и искренне выполнять все пункты, предусмотренные соглашением». Он также сообщил английскому генералу, что на место Чичаева в Лондон никто не будет послан, и отныне связь с «Сектой» будет осуществляться в Москве.

11 мая 1945 года Хилл вылетел в Англию. Прибывший ему на замену в Москву руководитель русской секции «Секты» подполковник Бенэм еще несколько месяцев «играл» в сотрудничество, выдвигая различные варианты его продолжения после войны. О том, что это была «игра», красноречиво свидетельствует добытый советской

разведкой текст письма министра экономической войны Оливера Литтлтона премьер-министру Англии Черчиллю от 2 июня 1945 года. Министр высказывает мнение, что англо-советское соглашение о сотрудничестве разведок потеряло свою силу, и пишет: «Русские в незначительной степени пользовались нашими предложениями о передаче им информации, а наши собственные просьбы русским о снабжении нас информацией получили незначительный отклик. Тем не менее мы считаем политически важньм показать до некоторой степени, что соглашение действует, особенно учитывая то, что американцы продолжают щедро передавать (русским) информацию». Далее министр предлагал создавать видимость продолжения сотрудничества и добиваться от правительства США, чтобы оно придерживалось аналогичного курса.

«Мы пытались, – говорилось в письме, – хотя и не достигли при этом полного успеха, добиться того, чтобы американцы заняли такую же, как и мы, позицию и не давали повода для обидных сравнений». 17 июня 1945 года Черчилль сделал на этом письме пометку: «Я согласен с тем, что Вы предлагаете. С ними стоит обращаться так же, как они обращаются с нами».

3 сентября Бенэм был вынужден сообщить в Лондон, что миссия «Секты» в Москве в настоящее время не приносит пользы и в ней нет никакой необходимости, а 24 сентября по указанию из Лондона направил письмо Фитину: «С окончанием войны наша миссия распускается, поскольку она была создана для решения задач, возникших с войной. Выразите Грауру нашу благодарность за дружескую помощь, хотя наш путь был иногда тернистым».

---

[1] Гайк Бадалович Овакимян перед войной был резидентом в Нью-Йорке. В апреле 1941 года он был арестован сотрудниками ФБР на месте встречи с агентом, который, как выяснилось впоследствии, оказался провокатором. Американцы освободили Овакимяна под залог, и над ним должен был состояться суд. Однако после нападения Германии на Советский Союз по указанию президента США Рузвельта Овакимяна судить не стали, и в начале июля 1941 года он выехал в СССР. В Москве он возглавил американское подразделение Первого управления НКГБ, а позже стал заместителем начальника разведки.

34

Взаимодействие разведок СССР и США в годы войны

В морозный предрождественский день 1943 года руководитель военной миссии США в СССР генерал-майор Дж.Р. Дин встречал в Москве важного гостя и своего личного друга, руководителя американской разведки – Управления стратегических служб США (УСС) – генерал-майора Уильяма Джозефа Донована. Незадолго до этого Дин получил телеграмму от своего вашингтонского шефа – начальника группы объединенных штабов США генерала Маршалла. Генерал сообщал, что президент США Рузвельт одобрил предложение Донована об установлении сотрудничества с советской разведкой и создании в этих целях миссии УСС в Москве.

Вместе с Донованом в Москву прилетел руководящий сотрудник УСС полковник Дж. Хаскелл, которого Донован был намерен назначить руководителем миссии УСС в советской столице. Донован и Хаскелл были личными гостями посла США Гарримана. Прибыв в посольство, они приготовились к длительному ожиданию приема у наркома иностранных дел В.М. Молотова. Сотрудники посольства запугали гостей, рассказав, что подобных приемов приходится ожидать иногда до шести недель. Однако, к удивлению посла, Молотов пригласил к себе Донована через шесть часов после прибытия последнего в Москву. Встреча, в которой участвовал также посол США Гарриман, состоялась вечером 25 декабря 1943 года. Посол представил Молотову Донована, который подробно рассказал наркому о руководимом им Управлении стратегических служб США, его задачах, функциях и конкретной деятельности в ряде стран, прежде всего на Балканах. Свое сообщение генерал закончил предложением о сотрудничестве с «соответствующими советскими военными организациями, если советское правительство сочтет это желательным». Гарриман добавил, что если Молотов считает желательным дальнейшее обсуждение этих вопросов, то генерал Донован мог бы оставить в Москве своего человека, а советская сторона могла бы выделить своего

представителя в Вашингтоне. Донован добавил к этому, что в случае направления в Москву представителя УСС последний будет входить в состав военной миссии США и подчиняться непосредственно ее руководителю генералу Дину.

В заключение встречи Молотов сказал американским собеседникам, что, хотя он и не сможет сегодня обсудить этот вопрос с маршалом Сталиным, так как маршал выехал из Москвы, он, Молотов, переговорит со своими военными специалистами, после чего даст ответ Гарриману.

Не прошло и двух дней, как Донован и Дин были приглашены в НКГБ для встречи с руководителем внешней разведки начальником Первого управления П.М. Фитиным и его заместителем Г.Б. Овакимяном, который был представлен американцам как А.П. Осипов.

В беседе, состоявшейся 27 декабря 1943 года, Донован по просьбе Фитина довольно подробно рассказал о деятельности возглавляемого им УСС, подчеркнув, что главная цель этого разведоргана – работа против вражеских стран за пределами США, исключая союзные страны. Он обрисовал структуру УСС и методы проводимой этим управлением разведывательной и диверсионной работы в странах противника и заявил о желательности и готовности к совместному сотрудничеству с соответствующими органами СССР «в целях скорейшего разгрома общего врага». В ходе беседы генерал Донован изложил, как он мыслит сотрудничество американской и советской разведок. Его предложения сводились к следующим основным направлениям сотрудничества:

– обмен разведывательной информацией о противнике;

– консультации по вопросам проведения диверсионной работы на территории врага;

– содействие в заброске агентуры в тыл врага;

– обмен материалами по диверсионной технике и радиоаппаратуре и их образцами.

Донован заявил также о готовности направить в Москву специального представителя УСС, который работал бы под непосредственным руководством генерала Дина и осуществлял связь с представителями советской разведки. Он также предложил, чтобы Фитин направил в Вашингтон своего представителя для осуществления непосредственной связи по обмену информацией и обсуждения совместных действий. Тут же Донован сообщил, что в случае достижения договоренности намерен назначить своим представителем в Москве прибывшего вместе с ним полковника Хаскелла. «В общем, – заключил Донован, – я окажу всемерную поддержку в деле сотрудничества для того, чтобы можно было скорее разгромить нашего общего врага».

Фитин выразил удовлетворение беседой, но сказал, что затронутые в ней вопросы требуют обсуждения с соответствующими организациями. Тем не менее между Фитиным и Донованом было достигну-

то согласие о необходимости, не дожидаясь официального решения о начале сотрудничества, приступить к обмену информацией. Американский генерал, указав на важность и конспиративность обмена информацией, предложил осуществлять его через Дина и Хаскелла без привлечения второстепенных лиц, и заявил о намерении уже через месяц прислать в Москву Хаскелла.

О результатах беседы с руководителем американской разведки нарком госбезопасности СССР В. Меркулов направил 30 декабря 1943 года в Государственный комитет обороны (Сталину, Молотову, Берии) докладную записку, высказав мнение о возможности принять предложение американцев. В этой же записке нарком предложил в качестве нашего представителя в США кандидатуру начальника англо-американского отдела Первого управления подполковника Андрея Григорьевича Граура, который уже имел опыт работы в качестве нашего представителя в сотрудничестве с английской разведкой во время войны.

Официальный положительный ответ на докладную записку НКГБ был получен Фитиным вечером 4 января 1944 года. Несмотря на позднее время, было решено сразу же информировать американцев, так как на утро 5 января был намечен отлет из Москвы Донована. Практически уже ночью Овакимяну удалось связаться по телефону с Донованом, который настойчиво просил, чтобы Овакимян сразу же приехал на встречу с ним в посольство США.

Беседа в посольстве продолжалась до четырех часов утра. Генерал Донован высказал глубокое удовлетворение положительным решением вопроса о сотрудничестве и представил полковника Хаскелла как своего будущего официального представителя в Москве. Одновременно он просил ускорить решение о направлении нашего представителя в США.

Вечером 5 января в посольстве США состоялась еще одна встреча, в которой с американской стороны участвовали посол США Гарриман, генералы Донован и Дин, полковник Хаскелл и Ч. Болен, а с советской – П.М. Фитин, Г.Б. Овакимян и А.Г. Граур. Последний был сразу представлен как представитель советской разведки при УСС в Вашингтоне в ранге полковника.

Сотрудничество разведок началось. Первое, чем генерал Донован занялся по возвращении в США, было согласование вопроса о том, какой разведывательный материал следует передавать русским. В результате 4 февраля во все подразделения УСС была направлена инструкция «Развединформация, которую следует передавать СССР». Принципиальная установка инструкции: России «может быть передана оригинальная разведывательная информация УСС, которая полезна стране, ведущей войну против Германии».

В Москве и Вашингтоне активно велась подготовка к обмену представителями, согласовывалось количество сотрудников при каж-

дом представителе, решались организационные вопросы. Граур, его шесть сотрудников и их жены были уже практически готовы к выезду, когда случилось непредвиденное.

16 марта 1944 года на стол посла США в Москве Гарримана легла телеграмма от Рузвельта. Президент сообщал, что обмен представителями откладывается на неопределенное время. Посол был откровенно разочарован этим неожиданным для него решением президента. Вот как описывает дальнейшие события в своих мемуарах генерал Дин: «Гарриман и я подготовили длинную телеграмму президенту с просьбой пересмотреть свое решение. Свою просьбу мы аргументировали тем, что впервые нам удалось проникнуть в самую секретную разведывательную службу Советского Союза и что установленные таким образом отношения открыли бы дверь для более тесных связей и с другими правительственными органами. Мы могли бы тогда заняться вопросом размещения американских войск в России в связи с передвижными базами для наших бомбардировщиков. Мы проинформировали президента о наших опасениях, что отклонение соглашения Донована оказало бы неблагоприятное влияние на проект создания передвижных баз бомбардировщиков.

30 марта президент ответил, что внутренние политические соображения в США являются превалирующим фактором, лишающим его возможности изменить свое решение. Президент был уверен, что маршал Сталин его поймет, и надеется, что мы подчеркнем, что обмен миссиями отложен только на время»[1].

Генерал Дин не скрывает в своих мемуарах, что он испытывал крайне неприятное ощущение, когда договаривался с Фитиным о встрече, чтобы сообщить ему о решении президента, опасаясь нежелательной реакции со стороны руководства советской разведки.

Однако опасения генерала были напрасны. Еще в начале марта в Первое управление НКГБ начали поступать агентурные сведения о том, что против соглашения между УСС и НКГБ об обмене представителями резко возражает глава ФБР Эдгар Гувер, указывая, что цель НКГБ – внедрение в государственные секреты других стран. Гувер изложил свои соображения в письме личному помощнику президента Г. Гопкинсу и просил его воспрепятствовать обмену представителями. Он указал в письме на опасность этого обмена для США, а также на возможность неблагоприятной реакции общественности на это событие.

Письмо Гувера было переслано в группу начальников объединенных штабов, которая 12 февраля 1944 года вернула его с ответом о том, что не находит основания для изменения соглашения между УСС и НКГБ.

Узнав об этих шагах Гувера, генерал Донован был буквально разъярен. Он назвал Гувера глупцом и сказал, что если он думает, что НКВД не имеет своих представителей в США, то глубоко ошибается.

Нравится нам это или нет, заявил генерал, но если НКВД собирается иметь своих представителей в США, то лучше, если в США будет находиться их официальная миссия, чтобы иметь возможность контролировать их деятельность.

Тем не менее свое решение президент не изменил.

Таким образом, когда генерал Дин встретился с Фитиным и Овакимяном 7 апреля 1944 года, руководители советской разведки были подготовлены к этой беседе. «С Фитиным и Осиповым, – вспоминает Дин, – я никогда не встречался дважды в одном и том же месте. Казалось, у них были пристанища по всему городу... Я увидел стол, уставленный водкой, коньяком, фруктами и шоколадом, и они настаивали на угощении. Я был несколько скептичен в отношении сильной выпивки до того, как сообщу свою новость, поскольку я не представлял себе, как она будет воспринята. Однако водка придала мне храбрости, а на партнеров по беседе, вероятно, оказала смягчающее влияние, ибо, как и предсказывал президент, они проявили «прекрасное понимание» и согласились с тем, чтобы координация между их секретной разведкой и нашей осуществлялась в Москве между ними и мной, выступающим за Донована. На этом мы и согласились, и так началось наше сотрудничество, продолжавшееся до конца войны»[2].

Уже от своего имени генерал Дин выразил на этой встрече готовность «давать нам разведывательную информацию не только по линии УСС, но и по военной, военно-морской и другим американским разведывательным организациям, а также начать обмен образцов диверсионной техники». Забегая вперед, следует отметить, что генерал ни разу за время сотрудничества не передал подобную информацию.

Реакция Фитина была спокойной и носила несколько дипломатический характер: «Поскольку инициатива в установлении официальных отношений между нами, а также в вопросе об обмене представителями принадлежала генералу Доновану (который, очевидно, имел соответствующие указания своего руководства), и в связи с чем мы и согласились на это предложение, не имея особой заинтересованности в срочном обмене представителями, мы не возражаем против временной задержки и считаем возможным продолжать наш контакт через генерала Дина».

На этом согласование организационных вопросов было завершено и вопрос об обмене представителями со стороны американцев больше ни разу не поднимался.

В открытой американской литературе опубликовано немало материалов о полуторагодичном сотрудничестве советской и американской разведок в 1944–1945 годах. В большинстве из них дело изображается так, будто из Управления стратегических служб США буквально сплошным потоком в Москву шла разведывательная информация, тогда как русские передавали в Вашингтон значительно меньше материалов. Генерал Дин в своих мемуарах даже объясняет это тем, что,

по его мнению, Управление стратегических служб было «более эффективной организацией, чем ее русский партнер»[3].

Однако простое сравнение объема переданной информации еще ни о чем не говорит. Ближе к истине, возможно, английский автор Дэвид Дж. Даллин, который в своей книге «Советский шпионаж» называет мнение генерала Дина неубедительным. «Вызывает некоторое сомнение, – пишет он, – чтобы такая молодая служба, как Управление стратегических служб, была более работоспособной, чем такие колоссальные опытные службы, как ГБ и ГРУ. Разницу в объеме информации, которой обменивались УСС и ГБ, можно было бы с большим основанием объяснить абсолютно разными представлениями двух правительств о смысле, цели и масштабах союзнического сотрудничества»[4].

Для того чтобы составить объективное представление об объеме, содержании и, главное, результативности сотрудничества разведок двух союзнических государств в войне против фашистской Германии, необходимо вернуться к сформулированным в первой беседе между Фитиным и Донованом основным направлениям сотрудничества.

Самым главным из них был обмен разведывательной информацией о противнике. С него и началось сотрудничество. В течение апреля–мая 1944 года Донован через Дина передал Фитину информационные материалы по различным вопросам положения в Германии и оккупированных ею странах общим объемом свыше двух тысяч листов. В основном это был справочный материал по Германии, составленный научно-исследовательским отделом Управления стратегических служб для военной администрации и полиции вооруженных сил США. По оценке информационного отдела советской разведки, сведения представляли «значительный интерес и ценны как богатый справочный материал». В качестве такового они и были оставлены для использования в информационном отделе.

Незначительная часть переданных материалов (87 листов) приходилась на разведывательные сводки по отдельным конкретным вопросам: военная экономика, общее экономическое, а также внутриполитическое положение Германии и оккупированных ею стран, состояние вооруженных сил и военного строительства Германии. Среди сводок были, например, материалы о реактивных истребителях «Хейнкель», о месте хранения румынской нефти, о посылке немцами подкреплений в Италию, об отводе германских войск из Южной Греции и т.п. Некоторые сводки касались вопросов, связанных с Финляндией, Австрией, Грецией, Норвегией, Францией, Японией.

Все эти материалы представляли интерес для Главного разведуправления министерства обороны, куда и были направлены.

Аналогичные разведывательные сводки, но в меньшем количестве (около 20), были переданы американцами в августе, сентябре и декабре 1944 года.

В письме от 10 мая 1944 года генерал Донован сообщил Фитину вопросы, по которым он хотел бы получить информацию. Среди них на первом месте стояли вопросы по Дальнему Востоку (Япония, Маньчжурия, Корея), о деятельности японских разведорганов, о деятельности германской разведки в Финляндии, о положении в ряде балканских стран. Что касается Германии, то американцев интересовало состояние немецкой армии, ее вооружения и политическое будущее Германии.

Вот по этому последнему вопросу в Москве была подготовлена обстоятельная справка (76 листов) и направлена Дину для передачи Доновану. В письме Фитин выражал благодарность Доновану за полученные от него материалы по Германии.

В сентябре 1944 года американцам были также переданы сведения о секретных немецких химических заводах в Германии и Польше по производству газов, а также гранат и бомб, начиненных газами. В этих же материалах содержалась информация о подземном заводе в Свинемюнде, выпускавшем торпеды, и об испытательной станции ракетных торпед в районе Мерзебурга.

В конце сентября 1944 года генерал Донован сообщил Фитину, что оперативной группой УСС в Румынии добыто много разведывательных материалов, которые он намерен передать нам. Материалы были получены двумя партиями в октябре (около 1500 страниц в микрофильмах) и декабре 1944 года и представили интерес для ГРУ. Они касались главным образом вопросов, связанных с положением нефтяной промышленности Румынии и снабжением нефтью и горючим вооруженных сил Германии, а также сотрудничества Германии с Румынией в производстве и ремонте военных самолетов.

В ноябре 1944 года Донован направил Фитину подготовленный УСС материал с анализом возможностей германской промышленности, а в декабре дополнил его оценкой общего положения Германии. Основные выводы этих материалов: даже полностью мобилизовав свои возможности, Германия не в состоянии оказывать длительное эффективное сопротивление, вместе с тем, собственное производство Германии, запасы продовольствия и предметов первой необходимости еще достаточны, чтобы вести войну на протяжении 1945 года. В документе также делался вывод о том, что «несмотря на растущее сознание факта, что война проиграна, признаков разложения внутреннего фронта в Германии пока не обнаруживается».

Однако наибольший интерес представила информация об обстановке в нацистском руководстве Германии, полученная источником УСС в Швейцарии и переданная Фитину в преддверии последнего года войны – 31 декабря 1944 года. В этом материале внутреннее положение в Германии оценивалось как «еще более критическое, чем это вообще считается». О Гитлере говорилось: «Находится в Берлине в подземелье под имперской канцелярией... Периоды угнетенного

и возбужденного состояния так непреодолимы, что его окружение не может предсказать за полчаса, как он будет действовать в том или другом положении». В этой ситуации верховную власть в стране практически осуществлял триумвират Гиммлер–Геббельс– Борман, в котором Гиммлер играл главную роль. С командующими фронтами – Восточным – Гудерианом и Западным – Рундштедтом – Гиммлер заключил соглашение: отступление должно определяться исключительно стратегическими соображениями, независимо от престижа или диких приказов фюрера.

Однако и Гитлер, и Гиммлер все еще надеялись как-то выйти из критической ситуации. Расчет строился на попытке войти в контакт с западными державами, а в случае неудачи пустить в ход версию о раскрытии якобы имевших место англо-саксонских усилиях в Германии, и таким образом попытаться добиться разрыва между Россией и ее западными союзниками.

На основании этих материалов 13 января 1945 года в три самых главных в то время адреса – Сталину, Молотову, Берии – было направлено специальное сообщение.

Еще раньше, в октябре 1944 года, в эти же адреса была направлена полученная от генерала Донована информация о попытке определенных кругов Германии войти в контакт с американцами с целью сепаратных переговоров о капитуляции. На старшего офицера разведки УСС в Югославии полковника Роберта Ф. Макдауэлла в сентябре 1944 года вышел представитель специального уполномоченного Гитлера по балканским делам Нейбахер и сообщил, что последний хотел бы обсудить с Макдауэллом вопрос о полной капитуляции Германии. При этом он выразил надежду, что «США не допустят, чтобы Германия и Европа оказались в руках коммунизма». Он желает, чтобы союзные войска (имеются в виду западные. – *Прим. авт.*) были готовы для оккупации Германии немедленно после ее капитуляции.

К сожалению, в архивах нет документов, по которым можно было бы узнать о реакции руководства СССР на эту информацию.

В конце декабря 1944 года, когда советские войска успешно развивали военные действия на территории Венгрии, от генерала Донована была получена подробная информация о планах внутренней венгерской оппозиции во главе с Геза Соосом содействовать выводу Венгрии из войны. В сообщении, в частности, говорилось о желании этой оппозиции установить контакт с Москвой и о готовности оказать помощь советским войскам при штурме Будапешта.

Эта информация также была направлена в три высоких адреса.

С самого начала сотрудничества американская сторона проявляла повышенный интерес к Балканам, особенно к Болгарии. Уже на встрече с В.М. Молотовым 25 декабря 1943 года посол США Гарриман и генерал Донован уделили Болгарии самое большое внимание. Донован сообщил, что его сотрудники установили в Болгарии связь

с оппозиционной группой меньшинства и контакт с некоторыми военными организациями и он хотел бы сотрудничать в этом деле с соответствующими советскими организациями. В частности, желательно посоветоваться с работниками таких организаций о возможности привлечения к сотрудничеству кого-либо из членов нынешнего болгарского правительства. При этом Донован не скрывал, что у них уже есть такой человек.

Посол Гарриман поддержал просьбу своего генерала, поинтересовавшись у В.М. Молотова, не может ли Донован получить в Москве какую-либо дополнительную информацию по Болгарии. Ответ Молотова был лаконичен: та информация, которую мы сможем получить, конечно, будет предоставлена.

Со времени первой встречи с руководителями советской разведки 27 декабря 1943 года и до апреля 1944 года тема Болгарии была на первом месте практически на всех беседах и во всех письмах Донована Фитину.

4 января 1944 года генерал Донован обратился к начальнику советской разведки с просьбой о передаче ему информации о военном, экономическом и политическом положении Болгарии, которая «была бы ценной для достижения союзниками цели по выводу Болгарии из войны». Генерал поставил при этом конкретные вопросы по войскам, транспорту, запасам продовольствия, материалам, направляемым Болгарией в Германию, по партиям, подпольным группам и характеристикам их руководителей.

В беседе с Овакимяном в ночь на 5 января Донован повторил свою просьбу, подчеркнув большую заинтересованность США в болгарских делах и в получении от нас соответствующей информации. При этом он сообщил о наличии в Турции специальной группы УСС под руководством Макформана, работающей по Болгарии.

В тот же день вечером на встрече в американском посольстве с Фитиным Донован подключил к этой «атаке» посла Гарримана. После официальной части встречи и ужина, в ожидании просмотра популярного тогда фильма «Янки Дудл», посол проявил в беседе с Фитиным настойчивость в желании получить данные о внутриполитическом положении Болгарии, об оппозиции в верхах страны, армии и политических партиях. При этом он охарактеризовал Болгарию как весьма важный пункт на Балканах, ситуация в котором благоприятна для вывода этой страны из войны. Он выразил желание «кооперироваться в этом вопросе по совместному проведению ряда мероприятий».

Такая настойчивость американцев вынудила Фитина заявить: «Вы должны учесть наши отношения с Болгарией, и впредь, если мы не сможем удовлетворить вашу просьбу по тому или иному вопросу, вы не должны обижаться и должны понимать, что возможности наши ограничены, и не расценивать наш отказ как нежелание коопериро-

ваться с вами». И тут Донован пустил в ход новый аргумент: «Мы придаем большое значение Болгарии потому, что между нами и англичанами имеется соглашение, по которому Болгария является нашей сферой деятельности по вопросам, касающимся управления стратегических служб США».

После отъезда Донована из Москвы «болгарскую атаку» продолжал генерал Дин. На встрече 19 февраля 1944 года с Овакимяном Дин заявил, что американцы с ведома английского премьера Черчилля ведут через болгарского посла в Турции предварительные переговоры о выходе Болгарии из войны. Об этом послы США и Англии уже проинформировали В.М. Молотова. Независимо от решения советского правительства, продолжал Дин, переговоры с болгарами, очевидно, будут начаты в ближайшее время; поэтому генерал Донован особенно заинтересован в быстрейшем получении от нас справки по Болгарии с тем, чтобы использовать ее в процессе переговоров.

Все это время информационный отдел Первого управления НКГБ работал над подготовкой солидной справки, которая была составлена по официальным и разведывательным материалам объемом в 30 листов. 8 марта она была одобрена В.М. Молотовым и 10 марта направлена Дину для передачи генералу Доновану.

В справке сообщались подробные данные о состоянии военной промышленности Болгарии, о запасах стратегического сырья, состоянии железных дорог, о сельском хозяйстве и продовольственном положении. Большое внимание уделялось болгарской армии, военно-воздушным и военно-морским силам, морально-политическому состоянию вооруженных сил страны, а также содержались сведения о немецких частях и военных кораблях в Болгарии. В заключение давалась оценка внутриполитическому положению в Болгарии, в том числе антиправительственной оппозиции и ее лидерам.

На встрече с Фитиным 7 апреля генерал Дин сообщил, что справка произвела на них очень хорошее впечатление и они дают ей высокую оценку: в Москве со справкой был ознакомлен посол Гарриман, которому она тоже очень понравилась.

Интерес американцев к Балканам не ограничивался Болгарией. По мере приближения советских войск к балканским странам УСС быстро забрасывало в эти страны свои оперативные группы, ставя об этом в известность руководство советской разведки. Так, 8 июля 1944 года генерал Донован сообщил Фитину, что УСС направило в Румынию группу своих сотрудников с целью сбора сведений о дислокации германских частей, о разрушениях, произведенных бомбардировочной авиацией, и определения объектов для будущих бомбардировок. Как подчеркнул тогда Донован, эта опергруппа не имеет никаких других политических или оперативных функций.

Однако на практике это выглядело несколько иначе. В сентябре 1944 года, когда советские войска уже находились на территории Ру-

мынии, в Первом управлении НКГБ были получены сведения о том, что 2 сентября сотрудник УСС в Бухаресте встречался с новым министром иностранных дел Румынии. Министр жаловался ему на то, что румынская делегация на переговорах о перемирии уже несколько дней находится в Москве, но он не получил ни одного слова о ходе переговоров. Между тем Красная Армия, по словам министра, продвигается в глубь Румынии, намереваясь, вероятно, оккупировать всю страну, и продолжает разоружать румынские части. Министр просил сотрудника УСС указать советским военным властям в Румынии, что они не должны обращаться с ней, как с оккупированной страной.

Не случайно биограф Донована позже писал: «Ни русские, ни английские службы не реагировали на падение Румынии с такой быстротой, как Донован, ни те, ни другие, судя по всему, не располагали такими же возможностями, таким образом, лавры удачи быстро стяжало УСС»[5].

В конце сентября 1944 года Донован сообщил Фитину, что 17 сентября 1944 года «работники его разведки и сотрудники по проведению специальных мероприятий успешно проникли на территорию Чехословакии, занятую немцами, и начали там свои операции». Донован подчеркнул в письме Фитину, что он сообщает об этом, чтобы «Вы полностью были в курсе проводимых операций на этой территории».

О действиях этой группы Донован в течение последовавших полутора месяцев не сообщал никакой информации, а 17 ноября обратился с просьбой помочь установить местонахождение и положение разведчиков УСС в Чехословакии. Генерал сообщал, что связь с группой оборвалась более двух недель назад. В ней было 10 офицеров, 11 рядовых и предположительно 19 американских летчиков.

По этой просьбе сразу же было дано указание начальнику Четвертого управления НКГБ Судоплатову принять меры к выяснению судьбы американских разведчиков и летчиков. В декабре Донован был проинформирован, что 15 американцев находятся в распоряжении Второй партизанской чехословацкой бригады; судьба остальных пока не выяснена.

Еще раньше, в августе 1944 года, американцы обращались с просьбой выяснить местонахождение в Словакии 12 американских летчиков, сбитых во время налета американской авиации на Братиславу. Тогда удалось установить и сообщить в УСС поименный список 21 офицера и сержанта летного состава ВВС США, находящихся в плену в различных городах Чехословакии.

В начале января 1945 года Фитин получил от Донована информацию о том, что в ночь на 27 декабря для группы УСС в Чехословакии было сброшено несколько радиопередатчиков, генераторов, одежда и медикаменты. Теперь американцы предполагают, что в районе вы-

броски не было группы УСС, и просят выяснить, к кому попало сброшенное самолетами оборудование. Через возможности украинского НКГБ удалось установить и сообщить Доновану, что в январе 1945 года в районе Брезно немцы подобрали какой-то американский груз, выброшенный с самолета, о котором можно предположить, что он предназначался группе УСС.

И последний печальный случай в Чехословакии. Тогда же, в январе 1945 года, американцы сообщили Фитину, что, по сообщению немецкого агентства Трансоциан, в тылу у немцев в Словакии были схвачены и расстреляны как агенты 18 американцев и англичан. Руководство УСС предполагает, что речь идет о сотрудниках американской и английской разведгрупп, и просит по возможности проверить эти данные.

Фитин получает от руководства НКГБ указание срочно проверить эту информацию через возможности СМЕРШ. Удается выяснить, что в феврале в словацкой газете «Гардиста» под заголовком «Англо-американские агенты пойманы в Словакии» была опубликована информация о поимке и расстреле немцами группы из 18 человек. В середине марта были получены данные о расстреле в январе группы американцев и англичан из 11 человек; имена 8 из них удалось установить. Обо всем этом был проинформирован 30 марта генерал Донован, который в тот же день прислал Фитину письмо с выражением благодарности.

Одним из пунктов договоренности о сотрудничестве между советской и американской разведками был обмен материалами и образцами по диверсионной технике и радиоаппаратуре. Еще на первой встрече с Фитиным Донован рассказывал о разрабатываемой УСС специальной технике и оснащении для агентуры и нарисовал довольно заманчивую картину обмена опытом и сотрудничества в этой области. Речь, в частности, шла о собственной конструкции портативной радиоаппаратуры, вмонтированной в атташе-кейс, о пластиковом взрывном устройстве в виде кусков хлеба, об установке для микрофильмирования и тому подобном снаряжении разведчика.

Однако дело ограничилось малым. В мае 1944 года Донован запросил у Фитина информацию о механизмах и методах диверсий, на что уже в июне получил желаемую информацию. В ней, в частности, сообщались сведения об опыте применения механизмов замедленного действия и изыскании и совершенствовании средств диверсий.

В июле 1944 года Донован переслал в Москву иллюстрированный каталог специального оружия и механизмов. Этот материал был положительно оценен экспертами НКГБ, отметившими, что каталог содержит описание нескольких конструкций и устройств, ранее нам не известных и представляющих интерес.

А вот следующий и последний «подарок» американцев разочаровал московских экспертов. В ноябре 1944 и начале 1945 года они при-

слали образцы разработанных УСС портативных установок для микрофильмирования. В заключении соответствующей службы НКГБ говорилось, что при исследовании аппаратуры было установлено, что она «не имеет ничего общего с микрографией»; «конструкция аппарата и механизмы несолидны и вся установка является прибором, мало пригодным для выполнения серьезных фотографических работ». На этом и закончилось сотрудничество в области оперативной техники.

9 января 1945 года Фитин получил от генерала Дина письмо несколько таинственного содержания: «Я только что получил от генерала Донована срочное сообщение, в котором он указывает, что в его распоряжении имеются несколько документов, полученных от источника противника, которые он хочет вручить одному из ответственных советских представителей в Вашингтоне. Он считает, что эти документы представляют большую ценность для русских, и поэтому запрашивает фамилию лица, которому он должен вручить их». В тот же день полковник Граур получил от генерала Дина копию телеграммы Донована, в которой подчеркивалась срочность этого вопроса.

Все происходило быстро. Дину тут же сообщили, что материалы могут быть переданы в Вашингтоне лично советскому послу А.А. Громыко. Уже 10 января посла посетили два сотрудника УСС – полковник Доринг и помощник Донована Гарольд Честон и передали ему свыше 1500 фотоклише различных материалов, содержащих ключи к советским шифрам, захваченным американцами у немцев в Северной Италии.

Советский посол проявил осторожность и попросил представителей УСС показать ему переписку по этому вопросу с генералом Дином. Вечером того же дня Доринг лично привез и передал послу копию письма на имя Дина по этому вопросу. В конце письма говорилось: «Доновану хотелось бы, чтобы генерал Фитин знал, что мы не изучали этот материал, но предполагаем, что он является действительно важным для советского правительства».

Несмотря на указание заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского послу о том, чтобы он лично привез полученные документы в Москву (посол как раз должен был туда лететь), А.А. Громыко под благовидным предлогом уклонился от этого. И тогда по распоряжению В.М. Молотова документы были отправлены в Москву с двумя сотрудниками посольства.

В открытой американской литературе передача этих материалов НКГБ расценивается как самая важная информация, переданная советской разведке за все время сотрудничества. Безусловно, передача секретных шифров, захваченных противником во время войны, сама по себе является серьезным шагом, который был по достоинству оценен в Москве. Экспертиза документов показала, что речь идет о кодах, использовавшихся между отдельными советскими воинскими

подразделениями на фронтах или между ними и органами НКГБ–НКВД. Однако в заключении экспертизы указывалось, что о провале этих кодов в свое время стало известно и они были заменены новыми. «В связи с вышеизложенным, – делала вывод экспертиза, – оперативную ценность присланные документы утратили».

После капитуляции Германии в мае 1945 года, если судить по сохранившимся архивным документам, сотрудничество между НКГБ и УСС практически прекратилось. Однако еще один эпизод этого сотрудничества, происшедший уже после войны, достоин быть упомянутым. 23 июля 1945 года Фитин получил от Донована сообщение о том, что американцы захватили в Австрии руководителя германской разведывательной сети на Балканах штурмбаннфюрера СС Вильгельма Хёттля и его штаб в австрийском городе Штейр вместе с сотрудниками и оборудованием. Хёттль был руководителем отдела разведки на Балканах и в Ватикане имперской службы безопасности. «По мнению генерала Донована, – говорилось в письме, полученном Фитиным, – Хёттль, желая вызвать разногласия между Советами и американцами, выразил готовность передать всю существующую сеть американским военным властям с условием, что это будет использовано против советских интересов... Генерал Донован не только считает, что Вы должны знать об этом, но что было бы желательным для американских и советских представителей на месте обсудить пути и возможности ликвидации организации Хёттля. Генерал Донован сообщает, что он поручил это дело одному из своих ответственных помощников в Висбадене мистеру Аллену Даллесу».

В опубликованной в США после войны биографии Донована причины, по которым руководитель УСС обратился с изложенным в его письме Фитину предложением, выглядят несколько иначе. Хёттль был пленен американцами вместе с руководителем имперской службы безопасности Кальтенбруннером, спрятавшимся в хижине в австрийских Альпах. Донован посетил находившегося в тюрьме в Нюрнберге Кальтенбруннера, который предложил американскому генералу сделку. Донован добивается прекращения суда над ним в Нюрнберге, а он передает под контроль УСС разведштаб в Штейре. При этом он рассказал, что главными сотрудниками Хёттля были Курт Аунер в Бухаресте и Пауль Нойнтейфель в Будапеште, оба – высокопоставленные офицеры немецкой разведки с большим опытом работы на Балканах и в странах Восточной Европы.

Донован сразу же отказался от сделки с Кальтенбруннером, но информировал об этом предложении начальника разведки армии Брэдли – генерала Зиберта. Между тем сотрудники УСС установили контакт с Аунером и Нойнтейфелем, которые сразу же согласились сотрудничать с американцами. Зиберт рекомендовал Доновану проинформировать Фитина о пленении Хёттля и его штаба. При этом он исходил из того, что УСС ничего не потеряет от этого, однако это

«возможно, благоприятствовало бы открытию нового полезного контакта между разведками»[6].

В июле 1945 года Фитин ничего этого не знал. 26 июля он посетил и.о. руководителя военной миссии США в Москве полковника Петтигрю и поставил перед ним ряд дополнительных вопросов в связи с предложением Донована: кто еще конкретно пленен вместе с Хёттлем и какие показания дал последний о своей работе против Советского Союза; какие документы захвачены в Штейре и где они находятся в настоящее время; как мыслит Донован практически осуществить совместную работу советских и американских представителей по ликвидации разведорганизации Хёттля. Фитин хотел бы также узнать, были ли и другие предложения со стороны немецких разведчиков и кого конкретно, находящихся в американской зоне оккупации, о работе против Советского Союза.

Переписка затянулась. Донован не ответил ни на один вопрос Фитина и продолжал настаивать на встрече с А. Даллесом или лично с ним, Донованом. Наконец в письме Дина от 31 августа перед Фитиным практически был поставлен ультиматум: «Генерал Донован надеется, что Вы сочтете желательной эту встречу. В противном случае он заявляет, что УСС будет вынуждено действовать самостоятельно в вопросе о ликвидации разведывательной сети Хёттля».

Подоплека уклонения Донована от ответов на вопросы Фитина и затяжки переписки с ним по этому делу недвусмысленно раскрывается автором биографии генерала: «Телеграфируя Дину из штаб-квартиры УСС в Лондоне 30 июля, Донован объяснил, что он не ответил на вопросы, так как был бы тогда обязан упомянуть о некоторых переговорах между Зибертом, Даллесом и руководителем разведывательной службы Гитлера на Восточном фронте – генералом Рейнхардом Геленом – переговорах, которые вели к союзу между Зибертом и Геленом и позже между Геленом и ЦРУ».

Неожиданно для Донована резко против его предложения Фитину о сотрудничестве в ликвидации разведсети Хёттля выступила объединенная группа начальников штабов. Военные опасались, что если Хёттль будет «передан русским и об этом факте станет известно, то какой немец будет после этого работать» на американцев. «В свете переговоров с Геленом, – говорится в книге о Доноване, – ликвидация сети Хёттля была бы пагубной. Кроме того, начальники штабов, обеспокоенные воинственностью Красной Армии в Центральной Европе и не будучи уверенными в том, что в конце концов Запад не окажется вынужденным сражаться против Красной Армии, должны бы обсудить вопрос, не следует ли сотрудничать с германскими офицерами – не нацистами – для сбора разведывательной информации о русских потенциальных возможностях и намерениях. Конечно, они делали все возможное, чтобы прекратить сотрудничество между Донованом и Фитиным, ибо телеграфировали Эйзенхауэру и Дину:

«Шаг, предпринятый Управлением стратегических служб, который привел к раскрытию перед русскими существования агентурной сети Хёттля, не был согласован с военным и морским департаментами и не был одобрен объединенной группой начальников штабов». Однако несколько дней спустя начальники штабов одобрили ликвидацию агентурной сети Хёттля совместными усилиями УСС и НКВД, и произошло это, возможно, из-за того, что дело зашло слишком далеко для того, чтобы его остановить, не вызвав подозрения у русских»[7].

Именно после этих событий генерал Донован и направил Фитину свое ультимативное письмо от 31 августа. Автор книги о Доноване пишет, что осталось неясным, состоялась ли совместная ликвидация сети Хёттля, однако в октябре 1945 года американцы освободили его из нюрнбергской тюрьмы. «Вчерашние противники, – заключает он, – становились сегодня коллаборационистами, а вчерашние союзники – сегодняшними противниками»[8].

Перепиской по делу Хёттля заканчивается и архивное дело о сотрудничестве Первого управления НКГБ с УСС. 1 сентября 1945 года все обстоятельства дела по Хёттлю были доложены запиской в НКВД на имя Берии, в которой руководство советской разведки высказывалось за принятие предложения генерала Донована о встрече советских и американских представителей для обсуждения вопроса о ликвидации агентурной сети Хёттля. В записке предлагались конкретные кандидатуры на эти переговоры. На документе стоит резолюция Фитина: «Подготовить сообщение тов. Сталину».

Проект сообщения готовил полковник Граур. К архивному делу приобщены два варианта записки Сталину. Оба – первые экземпляры, без подписей, это значит, что документ не был направлен адресату.

Архивное дело закрыто краткой справкой: «В связи с прекращением контакта между представителями УСС и представителями Первого управления МГБ СССР, а также в связи с последовавшей ликвидацией УСС и отставкой генерала Донована дело дальнейшим ведением прекращено... 24 октября 1946 года».

Автор книги о Доноване А.К. Браун заканчивает главу о сотрудничестве УСС с советской разведкой рассказом о том, что последней информацией генерала Донована генералу Фитину была передача детального описания зубов Гитлера. Описание было получено американцами от захваченного ими личного дантиста Гитлера профессора Блашке, бежавшего из Берлина в Берхтесгаден вместе с адъютантом Гитлера[9]. Однако эта информация оказалась запоздалой, рентгеновские снимки зубов Гитлера были найдены советским полковником Горбушиным и военной переводчицей Еленой Ржевской в бомбоубежище разрушенной имперской канцелярии в День Победы – 9 мая 1945 года[10].

После победы над Японией Управление стратегических служб просуществовало недолго, в октябре 1945 года оно было ликвидиро-

вано президентом Трумэном, и генерал Донован вернулся к частной адвокатской практике в Нью-Йорке.

Сотрудничество между советской и американской разведками продолжалось всего полтора военных года. В ходе этого сотрудничества были реализованы далеко не все замыслы, обсуждавшиеся на первой встрече между Фитиным и Донованом 27 декабря 1943 года. Совершенно естественно, что каждая сторона руководствовалась своими политическими интересами. «В середине 1944 года, – пишет биограф Донована, – отношения между УСС и НКВД, казалось, развиваются удовлетворительно. Однако подспудные политические отношения между Россией и Америкой не способствовали такому сотрудничеству. Ибо назревали тяжелые и зловещие события»[11]. Автор, видимо, имел в виду послевоенную холодную войну.

Тем не менее в ходе сотрудничества от американской разведки была получена политическая и военная информация, представлявшая в годы войны особую практическую ценность. Выражая в одном из писем Фитину признательность за «атмосферу дружеского сотрудничества», глава разведки США писал: «Я уверен, что наш успех, который мы до сих пор имели в нашем общем деле, показывает, на что способны союзники в совместных действиях, по крайней мере, в области разведки».

---

[1] **Deane J.R.** The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. – London, 1947. – P. 55.

[2] Там же. – P. 57.

[3] Там же.

[4] **Dallin D.J.** Die Sowjetspionage. – Köln, 1956. – S. 498.

[5] **Brown A.C.** The Last Hero. – New York. – P. 674. Биография генерал-майора У.Дж. Донована, основанная на его личных и секретных документах и дневниках жены Рут Донован.

[6] Там же. – С. 752–753.

[7] Там же. – С. 753–754.

[8] Там же. – С. 754.

[9] Там же. – С. 755.

[10] Подробно об этом рассказано в книге Е. Ржевской «Берлин, май 1945».

[11] **Brown A.C.** – Op. cit. – P. 676.

35

Сепаратные игры

В письме И.В. Сталина Ф.Д. Рузвельту от 7 апреля 1945 года содержится такой пассаж: «Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника. Во всяком случае это безусловно необходимо, если этот союзник добивается участия в такой встрече. Американцы же и англичане думают иначе, считая русскую точку зрения неправильной. Исходя из этого, они отказали русским в праве на участие во встрече с немцами в Швейцарии. Я уже писал Вам и считаю не лишним повторить, что русские при аналогичном положении ни в коем случае не отказали бы американцам и англичанам в праве на участие в такой встрече. Я продолжаю считать русскую точку зрения единственно правильной, так как она исключает всякую возможность взаимных подозрений и не дает противнику возможности сеять среди нас недоверие»[1].

Апрель 1945 года. До капитуляции гитлеровской Германии оставался месяц. Вопрос о том, будет ли она безоговорочной, как того требовали межсоюзнические соглашения, или же сведется к той или иной форме сговора за счет СССР, как опасались в Москве, имел кардинальное значение. Лидеры нацистского режима, понимая неизбежный конец своей власти, шли ва-банк, отводя с Западного фронта дивизии, открывая США и Англии путь в Германию с Запада, тогда как 147 дивизий на Восточном фронте, как отмечал Сталин в том же письме, «...продолжают с остервенением драться с русскими...» и добавлял: «Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Тот факт, что на заключительном этапе войны вопрос о секретных контактах англичан и американцев с немцами был затронут на самом высоком уровне, нуждается в пояснении. Прежде всего следует иметь

в виду, что эти зондажи имели место за спиной Гитлера, который дал строжайший запрет устанавливать какие бы то ни было контакты с представителями западных держав.

Как явствует из этого письма И. Сталина, сам факт таких контактов не вызывал возражений. В ходе любого крупного конфликта стороны прибегают к тем или иным прощупываниям настроений противника, разгадывают маневры, имеющие целью поссорить союзников, чтобы обеспечить своей политике наибольший успех. И разведка здесь неизменно играет значительную роль. Именно она подает сигнал, когда необходимо предпринимать контршаги, срывать далеко зашедший сговор. И тогда руководство идет на, казалось бы, рискованный, но необходимый шаг: другой стороне раскрывают секрет разведки, дают знать, что она – другая сторона – нарушила допустимые пределы.

Так обстояло дело в самом конце войны, когда напряжение военных усилий Советского Союза подошло к пределу, а у союзников искушение использовать момент в свою пользу было слишком велико. Что же касается гитлеровцев, то им ничего не оставалось, как играть ва-банк, оголить Западный фронт, а все резервы направить против советских войск. Часть гитлеровского руководства полагала, что пусть лучше придут англичане и американцы, займут большую часть Германии, возьмут на себя спасение того, что оставалось от гитлеровского Рейха, его потенциала. Говоря о «странном и непонятном поведении немцев», Сталин давал почувствовать, что русским ясна попытка разделить союзников, создать неблагоприятные условия для СССР в послевоенном устройстве Европы и мира.

Советской внешней разведке постоянно приходилось отслеживать подобные маневры. В архивах собраны сведения примерно о десятке подходов, сперва только с немецкой стороны, к нашим западным союзникам, а потом и заметном интересе к этому вопросу и самих союзников. Сталину были известны решения Касабланкской конференции глав США и Англии (1941 год), когда обе стороны приняли решение не отходить от требования безоговорочной капитуляции Германии до самого конца войны. Известно было и то, что германские зондажи, особенно в начальные фазы войны, исходили от военных, экономических, религиозных и иных кругов, которые по ряду вопросов стояли в оппозиции к Гитлеру. Пока перевес был на стороне Германии, они стремились предложить Англии, а потом и США, такой вариант действий, который позволил бы им выйти из войны с наименьшими потерями и максимальным ущербом для СССР.

Для Англии и США эти демарши были важны, чтобы определить степень влияния различных оппозиционных групп на случай, если бы Советский Союз выдохся и стала бы возможной альтернатива иного рода – компромисс с какой-либо относительно более умеренной частью германской оппозиции, свержение Гитлера и переход в новую фазу отношений Германии с западными странами.

Собственно, первая, и очень необычная, попытка удержать Англию от активного вмешательства была предпринята даже до нападения на СССР. Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии, незадолго до нападения на Советский Союз совершил перелет через Ла-Манш, рассчитывая передать через лорда Гамильтона, симпатизировавшего Гитлеру, планы нейтрализации или привлечения Лондона на свою сторону. Вместе с Гессом в разработке инициативы участвовали ученые Карл и Альберт Хаусхофферы, отец и сын, оказывавшие содействие Гитлеру при разработке геополитических доктрин.

Из лондонской резидентуры в канун агрессии в Москву поступили сведения о существе предложений Гесса следующего рода: «Германия непобедима, но мы не желаем поражения Англии... Северные братья по расе не должны продолжать братоубийственную войну, от которой выиграют только третьи страны. Я полагал, что в Лондоне имеется сильное желание заключить мир, и я убежден, что, если я вернусь в Германию и скажу фюреру, что вы готовы отделаться от Черчилля, он согласится заключить мир, при условии, что Англия будет придерживаться политики "руки прочь от Европы"».

Гесс рассчитывал, что «найдет доступ к сильной партии, желающей мира», которая поможет ему через два-три дня вернуться в Германию. В Берлине и Лондоне Гесс был объявлен невменяемым. Его интернировали и держали в Англии до конца войны. Однако досье переговоров, которые с ним велись, засекречено до 2017 года. Это дает понять, что оно содержало существенные вещи, которые не рассматривались как только беседы с сумасшедшим.

Наступил трудный выжидательный период. По сведениям советской внешней разведки, Лондон был убежден, что Гитлеру удастся его «блицкриг» и Москва падет после трех–пяти недель сражений. Послу в Москве были даны распоряжения готовиться к открытию новых консульств на востоке и юге СССР, а британской разведке – приготовиться к диверсиям на захваченных немцами территориях (на Украине, в Крыму, на Кавказе).

Провал наступления на Ленинград и разгром под Москвой, вступление США в войну вызвали серьезную озабоченность у части военно-дипломатических кругов Германии. Отстраненный от командования после поражения под Москвой Браухич, один из авторов плана «Барбаросса», ряд авторитетов вермахта, предупреждавших против войны на два фронта, видный дипломат фон Папен, ставший послом Германии в Турции (1939–1944) и неприязненно относившийся к Гитлеру из-за враждебной позиции последнего к католикам, – все они отдавали отчет в том, что Германия ввергнута в авантюру, исход которой может стать роковым.

Именно Папен, имевший выход во внешний мир, стал координатором первых попыток наладить диалог с Англией. В мае 1942 года

люди Папена подали сигналы сразу в трех местах – в Турции, в Швеции и в Ватикане.

12 мая 1942 года из Стокгольма поступает депеша о том, что на шведском гражданском самолете в Лондон вылетел инкогнито сотрудник германского посольства в Швеции. От имени оппозиционной группы «Германия без Гитлера, но с военным правительством» и ссылаясь на поручение фон Папена, он изложил следующие условия мира:

– Британская империя сохраняется в неприкосновенности;

– Германия выводит войска из Чехословакии и Польши, оставив их в районе коридора, соединяющего ее территорию с Данцигом, и в районе Катовиц;

– государства Восточной Европы восстанавливаются в довоенных границах;

– прибалтийские государства объявляются самостоятельными;

– на этих условиях достигается договоренность и с Советским Союзом.

Английское правительство на этот раз не стало обсуждать германские предложения. Германский дипломат был отправлен английскими властями в лагерь для интернированных.

13 мая того же года резидентура из Анкары оповестила о другой инициативе фон Папена. Она была поручена туркам. Генеральный секретарь турецкого МИД в беседе с послом Англии стал уверять, будто СССР готов заключить мир с Германией и бросить Англию на произвол судьбы, а посему надо опередить русских и сообщить, на каких условиях Англия готова вести переговоры с немцами.

Дезинформация, конечно, была сработана не очень изящно, но зато помогла англичанам понять, что «немцы чрезвычайно встревожены перспективами кампании в этом году». В ответ турецкому дипломату сообщили, что «английское правительство не имеет оснований полагать, что Россия ведет переговоры с Германией о мире, и желает получить доказательства этого». Турецкий представитель смущенно заявил, что «это займет много времени», но уверял, что «Турция знает о России больше, чем Англия». Этот подход, однако, не имел продолжения. Фон Папен искал более надежные каналы – прежде всего через Ватикан.

14 мая 1942 года поступил сигнал из Швейцарии. Один из руководителей швейцарской торговой делегации, только что побывавший в Берлине, сообщил англичанам, что немецкие промышленники опасаются проиграть войну. Они надеются, что «Англия и Америка воздержатся от нанесения удара по Германии до победы последней над СССР». Со своей стороны, они видят выход в замене режима Гитлера «ненацистской военной диктатурой», с которой надлежит вести дела. Иначе «социализм и коммунизм распространятся по Европе».

По мере крупных поражений (Сталинград, Курская дуга) росло стремление людей фон Папена убедить западных союзников СССР в необходимости начать переговоры о мире. Через уполномоченного Германии по торговле с Турцией барона Лерзнера Папен сперва обратился к папскому нунцию в Анкаре Ронкалли (будущий папа Иоанн XXIII). Он предложил ему оказать нажим на папу Пия XII, чтобы тот обратился с предложением мира ко всем воюющим странам.

В развитие этой идеи Лерзнер в 1942 и 1943 годах посещает Рим. Там он встречается с кардиналами Мальоне и Монтини (последний – будущий папа Павел VI) и совместно со своим другом бароном Вейцзеккером, послом Германии в Ватикане, они старательно убеждают окружение папы римского. Пий XII, искушенный политик, колеблется. Он хорошо знает Германию, где в свое время был нунцием, но ему ясен и Гитлер. И хотя к хлопотам присоединяется итальянская королева Мария Жозе, папа не решается пойти на столь деликатный для него шаг. Он не видит, по сообщениям нашей разведки, почвы ни для открытого предложения мира, ни для иных вариантов (сообщение из Стамбула от 19 июля 1943 года).

В августе 1943 года в Москву поступили сообщения об инициативе руководителя военной экономики Германии Ялмара Шахта. Его племянник Ганс Рузер, агент британской разведки под кличкой Джуниор, совершил поездку во Францию. Там он изобразил из себя посредника некоего швейцарского друга, который хочет помочь немцам достойно выйти из войны. С ним встречались высшие немецкие офицеры и выдвинули весьма жесткие условия – Судеты, Данциг и «коридор», Эйпен и Мальмеди в Бельгии, Эльзас должны остаться немецкими.

В декабре 1943 года в Москву поступает информация о сходных зондажах через посредников из Мадрида и Лиссабона. И наконец, в дело вступают американцы.

В феврале 1943 года в Швейцарию прибывает некий господин Балл. Он обосновывается в Берне, и в его приемной начинают появляться фигуры все более заметного плана. Господин Балл, он же Аллен Даллес, руководил с 1942 по 1945 год политической разведкой США в Европе. Одним из первых на него вышел в феврале 1943 года князь Гогенлоэ, видный представитель аристократических кругов Германии. Они подробно обсуждают планы создания «кордона против большевизма и панславизма» путем «расширения Польши на восток, сохранения румынского режима и сильной Венгрии».

Затем Даллес обсудил с прибывшим к нему генералом фон Браухичем проблемы создания в Германии после свержения Гитлера военного правительства (сообщение из Вашингтона от 14 июня 1944 года). Условие мира: США и Англия не должны допустить оккупации какой бы то ни было части Германии Советским Союзом. Перед этим в последних числах мая 1944 года Аллен Даллес сообщает в Вашинг-

тон, что с предложением о мире к нему обратилась еще одна группа видных германских военных во главе с генерал-полковником Цейтцлером, начальником генерального штаба сухопутных войск вермахта на Восточном фронте. Она представляла также интересы промышленников и неких правых социал-демократов. Условия сходны с теми, что поставил Браухич, – уступки на западе при сохранении свободы действий против СССР.

В июле 1944 года Даллес уточнил: если удастся уничтожить Гитлера, то немецкие войска приступят к планомерному отступлению на западе, тогда как на востоке сконцентрируют свои лучшие части. Как известно, покушение на жизнь фюрера состоялось 20 июля 1944 года, но Штауффенбергу и его друзьям оно не удалось, и заговор был жестоко подавлен. Положение Германии быстро становится катастрофичным, и попытки установить контакт с США и Англией исходят все чаще от весьма высоких слоев гитлеровского режима, но не связанных в этом с Гитлером и тем более не от его имени.

Не все обстоятельства ситуации удавалось тогда выяснить, но, как подтверждает в своих мемуарах бывший начальник VI (разведывательного) управления Главного управления имперской безопасности Вальтер Шелленберг, еще в августе 1942 года, посетив резиденцию Гиммлера в Житомире (она находилась неподалеку от ставки Гитлера в Виннице), он задал Гиммлеру вопрос о необходимости иметь «запасное решение» относительно окончания войны и будто бы заручился осторожным согласием рейхсфюрера на деликатные переговоры с западными союзниками СССР «через какую-нибудь нейтральную страну»[2]. Шелленберг перечисляет тех, с кем ему доводилось устанавливать негласные контакты. В 1944 году это был американский дипломат Хьюитт, личный представитель Рузвельта по европейским проблемам, который, по его словам, «был готов обсудить возможность открытия мирных переговоров».

Затем, в феврале 1945 года шведский посол в Германии Томсен сообщил Шелленбергу, что для ведения переговоров с Гиммлером в Берлин прибыл председатель Шведского общества Красного Креста граф Бернадотт, которого просили связаться с Рузвельтом, «чтобы ввести разрушенный германский корабль в гавань мира». Предусматривалось даже прилететь в южную Германию, если Берлин будет занят советскими войсками. 20 апреля состоялась последняя встреча Бернадотта с Гиммлером, но эти попытки спасти тонущий нацистский корабль (о них сигнализировала и советская внешняя разведка, например, сообщение из Лондона от 28 апреля 1945 года) были слишком запоздалыми. Советские войска уже были на ближайших подступах к Берлину.

Тем не менее с марта 1945 года действовал канал связи с американцами в Цюрихе, где 6 марта Даллес встретился с уполномоченным СС при группе армий «С» в Италии К. Вольфом. Переговоры каса-

лись капитуляции германских войск в Северной Италии. Командующий союзными войсками в Италии фельдмаршал Г. Александер через посла Англии в Москве 12 марта информировал советское руководство о прибытии представителей германского командующего А. Кессельринга для обсуждения условий капитуляции. В тот же день министр иностранных дел СССР высказался за участие в этих переговорах. Однако МИД Англии и госдепартамент США отклонили это предложение.

Тогда Советский Союз потребовал прекращения этих переговоров, и союзники стали отрицать дальнейшее наличие контактов с немцами (25 марта об этом сообщал президент США, а 5 апреля – премьер-министр Англии). На утверждение, что контакты продолжаются, союзники возразили, что «советские информаторы» вводят свое правительство в заблуждение.

На самом деле в заблуждение стремились ввести с другой стороны. А контакты, согласно тому же Шелленбергу, продолжались до конца апреля 1945 года, то есть почти до самого конца войны.

Конечно, информированность правительства СССР побуждала союзников свернуть переговоры с гитлеровцами, которые в последний момент, помня о требовании «безоговорочной капитуляции», совершили словесный выверт и предложили эту самую безоговорочную капитуляцию совершить на Западе, свободно пропуская войска союзников, но продолжая биться с Советской Армией.

Полной капитуляции, однако, избежать не удалось. Свое слово сказала мощь советских войск, воля руководства и умелая работа разведчиков, которые постоянно держали правительство в курсе разного рода зондажей и переговоров, которые негласно вели США и Англия.

Признание ценности работы внешней разведки содержится в том же документе, который был упомянут в начале. И. Сталин, продолжая письмо Ф. Рузвельту, отмечал: «Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо». Далее, в подтверждение, Сталин приводит эпизод, когда в феврале американцы передали Генштабу советских войск неточные сведения о направлении удара, который готовили немцы, а советские разведчики сумели информировать маршала Толбухина, которому «...удалось избегнуть катастрофы и потом разбить немцев наголову... Таким образом, я имел случай еще раз убедиться в аккуратности и осведомленности советских информаторов».

Это, пожалуй, редкий пример очень теплой и признательной оценки деятельности советских разведчиков со стороны высшего руководства страны.

Работа внешней разведки СССР по отслеживанию характера контактов союзников с германской стороной имела актуальное зна-

чение не только для предупреждения нежелательных сторон сепаратных игр США и Англии в ходе войны. Она помогла выявить долговременные побудительные мотивы политики этих держав на последующей послевоенной стадии, что позже проявилось в весьма острой форме и сказалось в линии на раздел Германии, в берлинском кризисе, словом, в том, что принято называть фазой холодной войны между бывшими союзниками.

---

[1] Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – С. 222.

[2] Понимая, что для развития сепаратных инициатив в конечном итоге придется прибегать и к дипломатическим каналам, Гиммлер, по свидетельству Шелленберга, опасался, что основным препятствием станет позиция министра иностранных дел Рейха И.Ф. Риббентропа. «До тех пор, пока этот идиот Риббентроп пользуется доверием у Гитлера, мы ничего не сможем сделать».

Несомненно, к мемуарам Шелленберга приходится относиться критически. В них проглядывает желание обелить и приукрасить себя, изобразить поборником мира, для чего автор мог прибегать к натяжкам, преувеличениям и фальсификациям. Текст приходится сверять с подлинными документами и достоверными свидетельствами.

В частности, из них явствует, что Риббентроп также не выступал против контактов с союзниками, надеясь использовать их против Советского Союза. В этом духе он направил 16 февраля 1945 года телеграмму немецкому посланнику в Ирландии с директивой по вопросу о заключении сепаратного мира Германии с западными странами. Она была направлена также главам дипломатических представительств Германии в Португалии, Испании и Ватикане. Тезисы этого документа предлагалось передать «высокопоставленным и влиятельным англичанам и американцам», в том числе и через представителя «наиболее важной английской или американской службы», то есть через разведку. Текст телеграммы был сообщен в Москву лондонской резидентурой.

36

Научно-техническая разведка в годы войны

На протяжении всех лет Великой Отечественной войны из «легальных» резидентур внешней разведки в США и Великобритании шел полноводный поток документальной секретной информации, значительную часть которой составляли сведения военно-технического характера, поскольку эти страны использовали свой обширный научно-технический и промышленный потенциал для производства широкого ассортимента совершенной военной техники, имевшей высокие боевые качества.

В Великую Отечественную войну научно-техническая разведка (НТР) вступила, опираясь на свой к тому времени обширный опыт и впечатляющие результаты оперативной и информационной деятельности, достигнутые перед началом гонений, которые обрушились на нее в 1937–1938 годах.

К 1937 году научно-техническая разведка располагала агентурным аппаратом, способным добывать информацию, имевшую порой чрезвычайно большое значение для экономического развития страны и для укрепления ее военной мощи, умела объективно оценивать оперативную обстановку, знала свои долговременные задачи, применяла методы работы с «легальных» и нелегальных позиций. Из резидентур поступала информация по широкому кругу проблем народнохозяйственного и оборонного значения: о технологиях переработки нефти, в частности, для производства авиационного бензина, синтетического каучука, смазочных масел, красителей, об отравляющих веществах и средствах бактериологической войны, о различных типах современного вооружения и средствах связи.

Директивные органы государства знали о возможностях научно-технической разведки. Об этом свидетельствуют, в частности, спецсообщения, направлявшиеся И.В. Сталину и В.М. Молотову, о выполнении заданий руководства страны или о приобретении важной информации. Добывавшаяся научно-технической разведкой инфор-

мация отвечала в целом запросам отечественной науки и техники и совпадала с основными направлениями научно-технического прогресса в оборонных и народнохозяйственных отраслях промышленности.

В результате репрессий ощутимая часть кадров НТР была разогнана или уничтожена и только в 1940 году она пополнилась молодыми разведчиками, только что окончившими Школу особого назначения. Им и пришлось принять на себя значительную часть груза ответственности за возрождение научно-технической разведки и за решение возложенных на нее войной задач. В США были командированы А. Феклисов и А. Яцков, в 1943 году к ним присоединился Л. Квасников, который возглавил в Нью-Йорке самостоятельную резидентуру научно-технической разведки. В Лондон выехал В. Барковский.

В начале 1941 года близость войны с фашистской Германией отчетливо ощущалась разведчиками НТР в нью-йоркской и особенно в лондонской резидентурах. В Лондоне работа резидентуры возобновилась осенью 1940 года, когда Англия уже вступила в войну с Германией и испытывала на себе разрушительные налеты немецкой авиации. Однако эта англо-германская война воспринималась разведчиками как нечто мало затрагивающее их лично, хотя и причиняющее в работе неудобства в силу полного затемнения в вечерние часы. Но с течением времени затемнение стало восприниматься как дополнительная возможность маскировки разведывательной деятельности. Начало войны разведчики НТР в США и Великобритании встретили с сознанием своей личной ответственности за судьбу Родины. Работники резидентур постановили считать себя на военном положении. Стали отчислять часть зарплаты в Фонд обороны.

Для разведчиков иллюстрации успехов вермахта на советской территории были источником немалой тревоги за судьбы Родины. Вид сожженных сел, разрушенных городов, убитых мирных жителей, разбитой советской военной техники, верениц пленных вызывали тягостные переживания. Когда зимой 1941 года Германия потерпела поражение под Москвой, это придало определенные силы и уверенность разведчикам. Да и положение на фронтах Великой Отечественной войны стало освещаться в зарубежной прессе более правдиво и достоверно.

Что касается непосредственно работы, то возникла перспектива использования экономических связей с США, Великобританией и Канадой в рамках соглашения о ленд-лизе для получения полезной для науки и промышленности научно-технической информации через советских специалистов, участвовавших в размещении заказов, приемке готовой продукции, для установления деловых и личных связей с сотрудниками государственных учреждений, на предприятиях оборонной промышленности. Доступ к таким объектам был необходим для выполнения научно-технической разведкой задач военного времени.

Предписание Государственного комитета обороны от июля 1941 года определило тематику получения технической информации преимущественно военного характера. Резидентурам в Нью-Йорке и Лондоне было предложено сосредоточиться на получении секретной информации о:

– ведущихся исследованиях использования урана как нового источника энергии, проектировании и эксплуатации урановых реакторов;

– радиолокаторах для армии и флота, применении миллиметрового диапазона, портативной радиоаппаратуры;

– высотных и специальных самолетах, агрегатах и приборах для них, авиамоторах мощностью свыше 2000 л.с.;

– гидроакустических средствах обнаружения кораблей в море;

– средствах ведения бактериологической войны, отравляющих веществах и средствах защиты от них;

– синтетических каучуках и продукции основной химии;

– переработке нефти, производстве высокооктанового горючего и высокосортных смазок.

Рекомендовалось также получать информацию о теоретических и экспериментальных исследованиях в наиболее важных областях науки и техники, особенно тех, которые могли повлечь за собой появление принципиально новых видов военной техники и промышленных технологий.

Освоение в СССР атомного оружия опиралось на солидный теоретический фундамент и высокий уровень исследований. Советский ученый Н. Семенов теоретически обосновал разветвленные химические цепные реакции, за что был удостоен Нобелевской премии. Сведения об открытии Н. Семенова стали достоянием научной общественности после опубликования им в 1934 году монографии «Разветвленные цепные реакции». Его идеи применительно к делению атомов урана-235 были применены в 1940 году ленинградскими физиками Ю. Харитоном и Я. Зельдовичем.

Однако в вероятность создания своей атомной бомбы в обозримом будущем тогда еще мало кто верил. Накануне войны лучшие научные силы страны были переориентированы на решение более насущных, как казалось руководству, задач. А. Александрову в 1941 году было поручено решать проблему защиты судов против магнитных мин путем размагничивания корпусов кораблей. Другие физики получили свои задания. Работа Уранового комитета, органа, который был создан как совещательный комитет при АН СССР, сама по себе замерла. Не было единства и среди наших ученых-физиков по вопросу о ближайшем создании такого оружия.

Между тем развитие исследований на Западе в области атома шло быстрыми темпами. Внимание НТР привлекло открытие европейскими учеными в 1939 году деления атомов урана-235, облучен-

ного нейтронами, сопровождаемое возникновением цепной реакции и выбросом колоссальной энергии. Заставило задуматься начавшееся исчезновение со страниц иностранных журналов имен и статей физиков-ядерщиков. И то и другое указывало на реальную перспективу создания атомного взрывчатого вещества. Угроза близкого нападения Германии на СССР, наличие у немцев сильной школы физики усиливали опасность появления нового оружия в руках возможного противника. Одновременно открытие советскими физиками Флеровым и Петржаком спонтанного деления атомов урана и определение Харитоном и Зельдовичем критической массы урана, необходимой для взрыва, и расчет величины высвобождающейся при этом энергии утверждали разведку во мнении о необходимости добывать информацию по этим вопросам.

Обстановка для работы разведки в оккупированных Германией странах Европы чрезвычайно осложнилась и развертывать там работу по ядерной тематике не представлялось возможным. Поэтому основными центрами приложения усилий разведки стали Великобритания и США, в которых, вероятнее всего, следовало ожидать существенных подвижек в создании атомного оружия.

В эти резидентуры была послана осенью 1940 года директива – выявлять центры поиска способов применения атомной энергии для военных целей и обеспечивать получение достоверных сведений о создании атомного оружия. Инициатором этой директивы был начальник НТР, инженер-химик Леонид Романович Квасников, в то время единственный на всю разведку человек, знакомый с основами ядерной физики.

Уже в сентябре 1941 года лондонским резидентом А. Горским были получены первые в истории разведки достоверные сведения о том, что идея создания атомного оружия приобрела в Англии практические очертания. Объединенный комитет начальников штабов требовал создать атомную бомбу в течение двух лет. Была добыта информация о деятельности специального Уранового комитета, о величине критической массы урана-235, разделенной на две полусферы для предотвращения преждевременного взрыва, о скорости их соударения не ниже 2–2,5 тысячи метров в секунду в устройстве пушечного типа, о специальном инициаторе для возбуждения цепной реакции в заряде бомбы, о технологии извлечения этого изотопа из натурального урана методом газовой диффузии, о намеченных для участия в связанных с этим работах ведущих университетах и влиятельных монополиях «Импириэл Кемикл Индастриз», «Метрополитен Виккерс», а также Вулвичского арсенала.

Данные были доложены Л. Берии, который отверг их как дезинформацию, нацеленную на отвлечение людских и материальных ресурсов Советского Союза от военных усилий. Тем не менее он дал согласие направить сведения лондонской резидентуры об атомном

оружии на экспертизу в 4-й спецотдел НКВД, представлявший собой крупный научно-исследовательский центр, располагавший собственными лабораториями и производственной базой. Автором отзыва на лондонскую информацию, подписанного 10 октября 1941 года, являлся, несомненно, физик, судя по его соображениям и терминологии. Содержание отзыва было уклончивым – создание атомной бомбы не исключено, но на это потребуется много времени, не все еще ясно.

В декабре 1941 года Георгий Флеров обратился в Государственный комитет обороны (ГКО) с призывом начать разработку собственного атомного оружия, но ответа не получил. В том же декабре один из хорошо осведомленных участников секретных английских работ по созданию ядерной бомбы подготовил, исходя из идейных побуждений, подробное сообщение о состоянии и результатах работ по этой проблематике в Англии и США, желая передать его Советскому Союзу через близкого ему человека. Последний, имея контакт с резидентом НКГБ в Лондоне Горским, отдал ему сообщение и предложил привлечь ученого к сотрудничеству. Это было сделано и позволило получить источник важнейшей информации. От него одного было получено в 1943–1946 годах более 2000 листов секретной документальной информации. Его первое сообщение содержало сведения, которые вместе с имевшимися ранее послужили основанием для НТР подготовить в марте 1942 года за подписью Л. Берии докладную записку Сталину о разработке атомного оружия нашими союзниками втайне от нас. В записке содержалось предложение о формировании при Государственном комитете обороны научно-консультативного органа для координации исследований и практических шагов по созданию отечественного атомного оружия. Однако Л.П. Берия в силу указанных выше причин направил его к Сталину лишь 6 октября 1942 года, уже после того, как вопрос о создании отечественного центра для создания атомной бомбы был решен без предложения разведки.

В феврале 1942 года фронтовые разведчики нашли в портфеле убитого немецкого офицера тетрадь с непонятными расчетами, которая была переслана уполномоченному по науке Государственного комитета обороны С.В. Кафтанову. Было установлено, что немцы искали способы применения атомной энергии для военных целей. В мае 1942 года на имя Сталина в ГКО поступило второе письмо Флерова с настойчивым призывом немедленно начать работы по созданию отечественного атомного оружия, иначе «Запад может нас опередить», которое тоже поступает к С.В. Кафтанову. Кафтанов решил, что наступило время докладывать эту проблему Сталину и вместе с академиком А.Ф. Иоффе послал ему докладную записку с предложением об учреждении научного Центра для решения проблем атомного оружия в нашей стране.

Совещание у Сталина по этому вопросу состоялось в сентябре 1942 года. По некоторым данным, на него были вызваны из Казани

академики Иоффе, Семенов, Хлопин и Капица. Их информировали о том, что в Германии, Англии и США принимаются меры по созданию атомного оружия. В воспоминаниях Кафтанова об этом совещании говорилось: «Докладывая вопрос на ГКО, я отстаивал наше предложение... После некоторого раздумья Сталин сказал: “Надо делать”».

В постановлении ГКО «Об организации работ по урану» № 2352 от 28 сентября 1942 года, подписанном Сталиным, говорилось: «Обязать Академию наук СССР (акад. Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра атома урана и представить Государственному комитету обороны к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Президиум Академии наук обязывался организовать специальную лабораторию атомного ядра, которая была создана под руководством И.В. Курчатова на базе эвакуированного в Казань Ленинградского физикотехнического института. В ее составе были такие известные физики, как Флеров, Джелепов и другие. В числе начатых исследований значились проблемы разделения изотопов урана и, в частности, разработка метода газовой диффузии.

К февралю 1943 года появились признаки того, что «решения ГКО по урану выполняются плохо». Поэтому принимается постановление ГКО № 2872 от 11 февраля 1943 года, подписанное В.М. Молотовым, которое гласило: «В целях более успешного развития работ по урану: 1. Возложить на тт. Первухина М.Г. и Кафтанова С.В. обязанность повседневно руководить работами по урану и оказывать систематическую помощь спецлаборатории атомного ядра Академии наук СССР. 2. Разрешить Президиуму Академии наук СССР перевести группу работников спецлаборатории атомного ядра из г. Казани в г. Москву для выполнения наиболее ответственной части работ по урану...». Распоряжением по Академии наук от 12 апреля 1943 года переведенная из Казани спецлаборатория по атомному ядру получила кодовое название лаборатории № 2 АН СССР, под которым она функционировала многие последующие годы. Работы в ней начались по существу с нулевой отметки.

В американском атомном центре – Лос-Аламосе – тем временем начался монтаж оборудования и стал прибывать персонал. В Англии были определены исследовательские и производственные центры, разработана рабочая концепция конструкции атомной бомбы. Важнейшей задачей НТР стало оказание содействия в преодолении нашими учеными и специалистами отставания и выведении наших работ как минимум на англо-американский уровень.

Спецслужбы разведываемых стран долгое время оставались в неведении о деятельности советской разведки, о ее источниках информации. Все эти источники были высококомпетентными специалистами, людьми, преданными идее сотрудничества с советской разведкой

ради достижения победы над фашистской Германией, и противниками утаивания их правительствами от своего союзника работ по созданию атомного оружия.

Нельзя не сказать о мужестве агентов. Разведчик обязан идти на встречу даже в разгар налета на Лондон немецких бомбардировщиков – это его долг. А что побуждало агентов в этих условиях вовремя приходить на место назначенного им свидания, когда все, кого застиг налет, стремятся спрятаться в какое-либо убежище? Материальный фактор не играл никакой роли во взаимоотношениях источников информации с нашей разведкой. Это сотрудничество они рассматривали как нравственный и политический долг в условиях войны с фашизмом.

Успехи НТР в области раскрытия секретов ядерного оружия объяснялись тем, что она опиралась на агентурную сеть, которая насчитывала около десятка агентов. Вся поступавшая из резидентур информация передавалась лично И.В. Курчатову и доводилась им до своих сподвижников в собственной интерпретации. В результате новые моменты в исследованиях, по свидетельству Игоря Васильевича, воспринимались учеными как сведения, поступавшие, вероятно, из других отечественных секретных центров. Такая маскировка соответствовала интересам разведки, ибо отвечала требованиям конспирации. Это положение существовало до создания в 1945 году Специального комитета Совета Министров СССР по проблеме № 1, после чего круг адресатов расширился.

9 августа 1949 года успешно завершилось испытание первого образца отечественной атомной бомбы. Вся страна приветствовала это выдающееся достижение своих ученых, конструкторов, инженеров и рабочих. Появление у Советского Союза ядерного оружия усилило оборонительный потенциал страны и привело к образованию паритета атомных вооружений. Это имело также большое научно-техническое значение с точки зрения развития ядерной физики и атомной промышленности.

Реально оценивая свой вклад в создание отечественного ядерного оружия, научно-техническая разведка никогда не противопоставляла себя советским физикам, конструкторам и производственникам, ибо не занималась расчетами, экспериментами, конструированием его образцов, а лишь доводила полезную и важную добываемую информацию до своих ученых коллег. Ее достоинством всегда являлось своевременное отражение достигнутого в США и Англии уровня теоретических и прикладных исследований и отсутствие в сведениях целенаправленной дезинформации.

Информация разведки стала играть свою роль практически с начала работы лаборатории № 2. Значение первых же сведений, с которыми знакомился И. Курчатов, состояло, по его мнению, в том, что они «заставляют нас по многим вопросам пересмотреть свои взгля-

ды» и указывают «на технические возможности решения всей проблемы в значительно более короткие сроки, чем предполагалось. Эта информация имела важное значение, ибо способствовала оптимизации программы создания собственного атомного оружия и необходимых для этого теоретических исследований, экспериментов, конструкторских разработок и т.д.».

Этапной вехой можно считать и сведения разведки о плутонии. 22 марта 1943 года И. Курчатов писал, что «в нашей стране собственных работ по изучению плутония не проводилось... Поэтому информация о работе с этим элементом имеет весьма важное значение». В июне того же года он указывал на получение от разведки подробных сведений о физических свойствах плутония, характере деления ядер атомов, периоде полураспада, энергии вторичных нейтронов, сечении деления медленными нейтронами и др.

Академик А. Иоффе считал, что получаемые данные «на много месяцев сокращали объем работ и облегчали выбор направлений, освобождали от длительных поисков. Я не встречал ни одного ложного указания». Не надо говорить, как воодушевляли разведчиков такие отзывы.

Главной целью НТР было информировать наших ученых как можно быстрее и подробнее об англо-американском пуги к атомному оружию. Среди полученных сведений можно назвать методику определения критической массы ядерного заряда, данные об инициаторе цепной реакции в плутониевом заряде атомной бомбы, расчеты, схему и описание американской атомной бомбы, испытанной в 1945 году. Далее можно назвать подробные данные о конструктивных особенностях газодиффузионного каскада для производства урана-235, включая чертежи секций этой промышленной установки, образцы и технологию изготовления мембран, информацию о ядерном реакторе тепловой мощностью 100 тыс. квт. для производства 100 граммов плутония в сутки, отчет об изучении спектра вторичных нейтронов и определении коэффициента их размножения в массе чистого металлического урана, уточненные константы ядерных реакций, нормы допустимого радиоактивного облучения, поведение масс меньше критических, изготовление урановых стержней в защитных оболочках, технологию извлечения урана из руды, которая была признана столь уникальной, что в течение года был построен специальный завод для ее применения. В апреле 1945 года была получена подробная информация о конструкции американского опытного реактора Ферми, который, как полагают, мог послужить прототипом реактора, заработавшего в лаборатории № 2 в августе 1946 года.

В итоге остается сказать, что разработка атомной бомбы в СССР стала реальностью благодаря совместным усилиям ученых, производственников и разведчиков. Что касается последних, то им дорого сознание честно и бескорыстно исполненного долга.

Успешное создание отечественного ядерного оружия в короткий исторический срок имело важное военное и политическое значение. Во-первых, вооруженные силы страны получили принципиально новый мощный инструмент сдерживания; во-вторых, бывшие союзники СССР, в тайне от него создавшие свое атомное оружие, лишились монополии.

Другим выдающимся достижением научно-технической разведки во время Второй мировой войны было освещение проблем радиолокации, расширившей боевые возможности всех родов войск. Создание более совершенных радиолокационных систем требовало новых технологий. В годы войны наша страна не располагала в должной мере такими возможностями. Поэтому НТР добыла много полезных сведений по теории радиолокационных устройств, о схемных решениях и элементной базе, инструкции по использованию и наладке радиолокаторов для авиации, ПВО и военно-морского флота.

О значении добытых материалов свидетельствует отзыв председателя Совета по радиолокации академика А. Берга на информацию, полученную в 1944 году и состоявшую из 1236 листов текста, 5383 фотографий, 165 чертежей, 78 образцов деталей. В отзыве говорилось, что при насущной необходимости развивать у нас эту технику в кратчайшие сроки для своевременного оснащения нашей армии и флота радиолокационным вооружением и оружием, защиты от радиолокации противника полученные от разведки технические сведения имели большое государственное значение. Работу Первого управления НКГБ в этой области за истекший год признали выполненной блестяще.

Вторая мировая война была временем зарождения реактивной авиации. На повестку дня вышла проблема преодоления скорости звука. Потребовались создание тонких аэродинамических профилей, иные методики расчета корпусных частей самолетов на прочность, конструкционные материалы, способные выдержать большие динамические и тепловые нагрузки. Возникла проблема создания принципиально новых и эффективных реактивных двигателей.

Получаемые НТР сведения стали достоянием отечественной авиационной промышленности, помогли переходу на выпуск передовой авиационной техники. Так, например, Наркомат авиационной промышленности лестно отозвался в 1945 году о переданных разведкой 68 информациях по самолетостроению, 43 – по реактивной технике и 14 – по двигателестроению; большинство этих материалов являются ценными, особенно актуальными явились сведения о реактивной технике (реактивные двигатели, самолеты-снаряды и пр.) и по аэродинамике высокоскоростных полетов.

Данные НТР о технологических тонкостях процессов производства в таких важных для СССР областях науки и техники, как атомная энергия, авиация, реактивная техника, радиолокация, химиче-

ское и бактериологическое оружие, нефтепереработка, производство высококачественных ГСМ, синтетических каучуков и других материалов, существенно помогли отечественной науке и технике сберечь время и средства при ликвидации отставания от капиталистических стран и выходу на передовые рубежи.

Основой успехов НТР явилось то, что разведчики с полным пониманием своей ответственности за судьбу Родины участвовали в справедливой войне против фашистских захватчиков и подчиняли свою деятельность лозунгу Великой Отечественной войны: «Все для фронта, все для Победы!».

Опыт, который НТР накопила за годы своей деятельности в военных условиях, показал, что успехи ее работы во многом зависели от воспитания разведчиков в духе высоких требований к их политической, морально-этической и профессиональной подготовке, к деятельности в сложной обстановке перед лицом сильного и коварного противника.

В целом НТР добилась результатов, позволивших ей затем успешно действовать в период холодной войны, подготовить опытных разведчиков, способных решать сложные оперативные и информационные задачи.

37

«Монах» предупреждает Сталина

День 11 июня 1941 года в Хельсинки выдался на редкость погожим. Жители столицы Суоми после долгой зимы и прохладных весенних недель наконец-то дружно высыпали на залитые солнцем улицы, испытывая какое-то особое чувство блаженства и душевного покоя. Резидент советской внешней разведки в Финляндии Елисей Синицын, невольно поддавшись всеобщему настроению, после обеда тоже решил прогуляться несколько минут на свежем воздухе. Он запер двери своего кабинета в посольстве, но вдруг услышал резкий телефонный звонок.

«Вернуться или нет? – подумал Синицын. – Если очень нужен, то обязательно перезвонят еще», – решил он. Телефонный звонок настойчиво повторился, а затем и еще раз, пока Синицын не снял наконец трубку. Взволнованный голос с заметным финским акцентом произнес несколько фраз из обусловленного пароля. Звонил один из самых ценных источников резидентуры – «Монах», информация которого почти всегда ложилась на бланк шифрованной телеграммы в Москву.

– Я срочно хочу вас видеть, Елисей Тихонович! Встретимся «там же», в 19.00, – проговорил «Монах», и в трубке городского автомата послышался сигнал отбоя. Синицын понял, что надо бросать все дела и немедленно ехать в тихое малоприметное кафе на берегу залива. Цифра 19 означала, что делать это надо было прямо сейчас, отложив в сторону всё, даже самое срочное.

«Монах», незаметный сухонький старичок в поношенном твидовом пиджачке, буквально выбежал навстречу Синицыну.

– Беда! Елисей Тихонович, беда! – задыхаясь от переполнивших его чувств, сорвавшимся голосом прохрипел старик. И не переводя дыхания, сообщил следующее: «Сегодня утром в Хельсинки подписано тайное соглашение между Германией и Финляндией об участии фин-

ских вооруженных сил в предстоящей войне гитлеровской Германии против Советского Союза, которая начнется 22 июня, то есть всего через двенадцать дней».

«Информация совершенно достоверная и точная, – торопился «Монах». Мне ее сообщил мой хороший товарищ («Монах» назвал его), который лично присутствовал при подписании документа. Он никогда еще меня не подводил, и я верю ему, как себе. Извините милостиво за нарушение мною конспирации с прямым телефонным звонком в посольство. Но выхода иного не было. В этом деле дорога каждая минута, – смущенно пробормотал старичок, стирая крупные капли пота, выступившие на его лысине. – А теперь, дорогой мой Елисей Тихонович, поспешите, пожалуйста, передать эту информацию в Кремль, Сталину. Еще можно что-то предпринять...»

Через час телеграмма с грифом «вне очереди» ушла в Москву в адрес Берии. Синицын знал, что это был кратчайший путь доставить информацию такой степени важности до главного адресата. Утром следующего дня из Москвы пришло подтверждение о вручении И.В. Сталину посланной Синицыным телеграммы. Однако в тексте подтверждения, увы, ни слова не говорилось о реакции, не давалось никаких указаний.

На свой страх и риск резидент уведомил об информации «Монаха» сотрудников резидентуры, а затем и командование советской военноморской базы на полуострове Ханко. Всем было рекомендовано собирать конкретные сведения о подготовке вооруженных сил Финляндии к предстоящей войне с СССР и немедленно сообщать разведывательные данные в резидентуру.

Москва молчала, словно воды в рот набрала – ни ответа ни привета. А дни тревог и сомнений, оставшиеся до 22 июня, мелькали стремительно. Десятки вопросов возникали у каждого. Что делать с семьями? Эвакуировать или нет? Возвращать ли детей из летних лагерей, приступать ли к уничтожению секретных документов и шифрпереписки?..

В эти дни в служебных кабинетах и жилых помещениях сотрудников посольства никто не выключал радиоприемников: слушали Москву. А она радовала слух приятной музыкой и новостями об обильном в том году урожае советской колхозной нивы. Иногда в эфире слышалась мелодия популярной песни: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим...»

Утром 22 июня на квартиру Синицына прибежал оперативный дежурный. В руках у него был листок «Экстренных новостей» информационных агентств. Жирный заголовок гласил: «Сегодня на рассвете Германия вместе с Финляндией и Румынией по фронту от Северного Ледовитого океана до Черного моря напала на СССР. В полдень ожидается выступление по радио наркома иностранных дел Вячеслава Молотова».

Резидент собрал оперсостав и объявил о случившемся. «В ближайшие дни, – сказал он, – все советские граждане покинут эту страну. Нужно организованно подготовиться к отъезду. Чтобы ни один документ, ни одна телеграмма не досталась врагу, нужно все уничтожить. Не мешкайте ни минуты и приступайте к делу».

Приехавший через какое-то время представитель МИД Финляндии подтвердил решение своего правительства о высылке «через три дня» всех сотрудников советских представительств в Финляндии из Хельсинки на турецко-болгарскую границу. Там должен был состояться обмен на дипломатов германского посольства, аккредитованных в Москве.

Началась тяжелая и изнурительная дорога на юг с нескончаемыми остановками и пересадками. В душном вагоне поезда у Синицына было время собраться с мыслями и припомнить многие агентурные сообщения, которые предупреждали Кремль о грозящей стране опасности. Он не мог только понять одного: почему Москва, например, никак не реагировала на срочные сообщения резидентуры о сближении Германии и Финляндии и о соглашении о беспрепятственной переброске немецких войск через территорию Финляндии «в случае военного конфликта» этих стран с Советской Россией, почему оставляла без внимания информацию надежного и проверенного источника в спецслужбах Финляндии об активизации немецкой агентуры в районах, пограничных с СССР, и наконец, по какой причине было положено под сукно сообщение «Монаха» о нападении на СССР немецко-фашистских агрессоров и их сателлитов 22 июня 1941 года.

По приезде в Москву Синицын буквально с вокзала примчался на работу и был незамедлительно принят своим старым знакомым и однокашником – начальником внешней разведки Павлом Фитиным. Вот как описывает Синицын в своей увлекательной книге воспоминаний «Резидент свидетельствует» эту встречу и вопросы, которые на ней обсуждались: «Принял он меня радушно, мы дружески обнялись. Я попросил его ознакомить меня со всеми записками, посланными в Политбюро, составленными на основании материалов, полученных Центром от нас за четыре последних месяца. Я подчеркнул Фитину, что информация «Монаха» о нападении на СССР 22 июня и о вступлении Финляндии в войну полностью подтвердилась. Так в чем же дело?»

«Твое недоумение, – ответил Фитин, – понимаю, но не могу объяснить. Почему-то Сталин, кому я в последний месяц почти ежедневно составлял и направлял информацию о готовящейся агрессии Германии против Советского Союза, не доверял нашим источникам. Твоя информация от 11 июня в тот же день за подписью наркома была направлена Сталину, но реакции не последовало. 17 июня нарком рано утром позвонил мне и предложил срочно подготовить все материалы, полученные из резидентур, о подготовке немцев к войне против нас,

для личного доклада Сталину в тот же день. – Воспользовавшись предстоящей встречей, – продолжал Фитин, – я собрал все шифровки последних дней, в том числе и сообщение «Монаха» от 11 июня, чтобы лично доложить Сталину и рассказать об источниках, если потребуется».

«Ровно в 12 нарком и я вошли в кабинет Сталина, – вспоминал Фитин. – Сталин, покуривая трубку, медленно прохаживался по кабинету». Увидев вошедших, Сталин обратился прямо к Фитину и предложил докладывать только суть информации – кто источники и их надежность с точки зрения преданности Советскому Союзу. Сначала Фитин коротко пересказал содержание материалов, полученных накануне из Берлина, затем почти текстуально доложил телеграмму из Хельсинки от 11 июня, добавив, что финские войска уже сосредоточиваются полукругом возле нашей военно-морской базы на юго-западном побережье Финского залива. При докладе информации из Хельсинки Фитин сказал Сталину, что «Монах» – проверенный и надежный источник. Сталин вопросов не задавал. Наступило молчание. Сталин задумался. Затем, повернувшись лицом к наркому, строго сказал:

– Перепроверьте все сведения и доложите.

Нарком ответил:

– Будет сделано!

«Я задал Фитину вопрос, – продолжал Синицын, – почему нарком по ходу сообщения Сталину не подтвердил, что преданность берлинских источников и «Монаха» не раз проверена делом и дополнительная проверка ничего нового не даст, кроме потери времени. Фитин ответил, что нарком стоял по стойке «смирно» и упорно молчал. К этому начальник разведки добавил, что его удивило отношение Сталина к докладу. По его словам, Сталин проявлял какую-то торопливость, вялую заинтересованность и недоверие к агентам и их донесениям. Казалось, что он думал о чем-то другом, а доклад выслушивал как досадную необходимость».

«Кто знает, может быть, во время доклада Сталин думал о своей «пирровой победе» над финнами в печально знаменитой кампании против Финляндии в 1939–1940 годах, вошедшей в историю советско-финляндских отношений как “зимняя война”», – предположил начальник разведки.

Отношения между двумя соседями всегда складывались непросто. Особенно в период 40-х годов, сразу после мирного договора между СССР и Финляндией в марте 1940 года. Недруги Советского Союза в Финляндии ловко использовали обиду и озлобление населения, вызванные человеческими жертвами, особенно у тех отцов и матерей в Финляндии, сыновья которых погибли на советско-финляндском фронте. Антисоветские настроения были сильны и у финских переселенцев, покинувших свои очаги и имущество на территориях, ото-

шедших к СССР по окончании «зимней войны». Это позволяло таким прогермански настроенным политическим деятелям того времени, как министр иностранных дел Финляндии Виттинг и премьер-министр Рангель, открыто выступать тогда с заявлениями о необходимости сближения с Германией для совместной борьбы против Советского Союза. Да и само руководство СССР проявило тогда явную политическую близорукость и совершило большую ошибку. Оно воспрепятствовало вступлению Финляндии в оборонительный союз Швеции и Норвегии для совместной защиты скандинавских стран от возможной агрессии и в известной мере подтолкнуло многих политиков Финляндии на поиски сильного покровительства со стороны нацистской Германии. Обо всем этом не раз резидентура советской внешней разведки докладывала в Центр, подчеркивая, что противникам СССР удалось перед войной вызвать у финнов явную неприязнь к восточному соседу, а успехи немцев на фронтах Европы создавали для этого благоприятный климат. Делался вывод, что Финляндия, в случае нападения немцев на Советский Союз, безусловно, присоединится к агрессору, чтобы отвоевать потерянные в ходе «зимней войны» территории. Так оно и произошло.

Отсутствие деловых связей и контактов между СССР и Финляндией в годы войны отнюдь не означало прекращение разведывательных операций советской внешней разведки в Суоми. Театром таких операций против воюющей на стороне Германии Финляндии стала ее северо-западная соседка – Швеция. Изменилась и задача, которую советское руководство ставило перед сотрудниками внешней разведки, работавшими в Швеции по проблемам Финляндии. Когда Елисей Синицын приехал во время войны в Стокгольм, тогдашний посол СССР в Швеции Александра Михайловна Коллонтай спросила у него напрямик: «Как долго вы собираетесь здесь работать?»

«Время моего пребывания в Стокгольме будет зависеть от того, как скоро будет подписан договор о перемирии с Финляндией, после чего я выеду в Хельсинки к месту своей работы, – ответил первый секретарь посольства. – А сейчас маленький коллектив наших сотрудников будет прилагать все усилия для скорейшего вывода Финляндии из войны».

Однако, как бы ни было велико желание дипломатов и разведчиков добиться заветного желания и вырвать Финляндию из упряжки германской военной колесницы, сделать это удалось благодаря успехам Советской Армии. В июне 1944 года советское командование приступило к осуществлению крупной военной операции в районе Карелии. Войска Ленинградского фронта прорвали долговременную оборону финнов на Карельском перешейке и отбросили финские части в глубь Финляндии. Военно-политическое положение страны стало критическим. Даже самые преданные сторонники Гитлера в Финляндии не могли не видеть бесперспективности дальнейшего

продолжения войны. В ночь на 3 сентября 1944 года финский премьер-министр Хакцель вынужден был заявить, что «ввиду изменения военно-политической обстановки для нашей страны и большого стремления нашего народа к миру, правительство Финляндии сочло своим долгом установить в возможно кратчайший срок контакт с Советским Союзом».

И тут пришла пора дипломатам и разведчикам снова общими усилиями развивать успех, достигнутый на полях сражений. Александра Коллонтай – по линии посольства, Елисей Синицын – с помощью агентуры и связей влияния расчетливо и методично подталкивали финнов к выходу из войны и перемирию. Резидентура в Стокгольме внимательно следила за тем, чтобы спецслужбы Англии и США умышленно не снижали планку ответственности правительства Финляндии за участие в войне на стороне Гитлера для того, чтобы получить односторонние преимущества в своих отношениях с Финляндией на перспективу. И на то были веские основания. Пять оперативных работников внешней разведки стокгольмской резидентуры НКГБ имели с помощью надежных источников достаточно полную разведывательную информацию о том, что еще в 1943 году правительства США и Великобритании вели в тайне от СССР переговоры с финскими представителями в Португалии о прекращении военных действий, а также о возможной помощи финских властей в случае высадки американских военных подразделений в Северной Норвегии.

Для сотрудников Коллонтай и резидентуры НКГБ в Стокгольме наступили поистине «горячие денечки».

Рано утром 10 февраля 1944 года Коллонтай пригласила к себе Синицына и рассказала ему, что один из богатейших промышленников Швеции Валленберг выезжал в Финляндию, чтобы убедить финнов начать переговоры с СССР об условиях перемирия. По возврщении из Хельсинки Валленберг сказал, что вскоре в Стокгольм прибудет представитель Финляндии Паасикиви. Финн будет иметь поручение своего правительства выяснить условия выхода из войны.

«Так вот, – сказала Александра Михайловна, – я вчера получила из Москвы эти условия и хочу, чтобы вы познакомились с ними прежде, чем я сообщу их Паасикиви».

Уже самый беглый просмотр условий наводил на мысль, что они для проигравшей войну стороны были чрезвычайно необременительны. Они включали всего лишь несколько пунктов:

– разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск и кораблей в Финляндии, причем, если финская сторона считает эту задачу для себя непосильной, то Советский Союз готов оказать ей необходимую помощь своими войсками и авиацией;

– восстановление советско-финляндского договора 1940 года;

– немедленное возвращение военнопленных Советского Союза и союзных с ним государств, а также гражданского населения из этих

стран, содержащихся в концлагерях или используемых финнами на работах;

– вопрос о возмещении убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советской территории, остается открытым до переговоров в Москве.

Не дождавшись комментария со стороны Синицына, Александра Михайловна сказала, что сама не ожидала таких мягких условий перемирия. Ведь одно из главных положений его – это всего лишь восстановление советско-финляндского договора 1940 года и отвод финских войск к границе.

«Какая страна-победительница предложит почти поверженной стране такие великодушные условия без ее оккупации?» – воскликнула Коллонтай.

Но на деле даже эти, казалось бы, минимальные условия перемирия вызвали в Финляндии острую политическую борьбу между сторонниками продолжения войны и сторонниками перемирия. Вмешалась в эту борьбу и гитлеровская Германия. Через свои источники резидентура НКГБ в Стокгольме узнала, что Гитлер срочно направил в Хельсинки своего министра иностранных дел Риббентропа, чтобы убедить руководство Финляндии в неизбежности конечной победы Германии над союзниками, запугать мрачными перспективами сепаратного мира и обвинить финские власти в попустительстве «шпионской антигерманской» деятельности. Синицын с горечью докладывал Александре Михайловне, что миссия гитлеровского эмиссара в Финляндию оказалась успешной и в качестве подтверждения привел слова финского президента Рюти: «...Я не заключу мира с Советским Союзом иначе, как по соглашению с Германской империей и не разрешу сделать это никакому правительству Финляндии, назначенному мной!»

Казалось, что совместные усилия советских дипломатов и разведчиков по достижению перемирия с Финляндией окончились неудачей. Но в дело вновь вступила Советская Армия. Она начала решительное наступление на Карельском фронте. Ее «аргументы» оказались весомее. Вскоре финские политики сами запросили перемирия...

В этих условиях резидентура советской внешней разведки начала срочно восстанавливать связь со своими довоенными источниками информации в Финляндии. Однако характер взаимоотношений с ними стал теперь другим. Они должны были включиться в работу в качестве источников влияния и содействовать установлению прочной дружбы между народами Финляндии и СССР. Это была большая и ответственная задача, рассчитанная на длительную перспективу. В этом деле не было мелочей. Все было подчинено единой цели. Даже вызволение из каторжной тюрьмы видной писательницы и общественного деятеля Финляндии Хеллы Вуолийоки было использовано резидентурой для организации мощного движения демократических сил страны в поддержку идеи сближения с СССР.

История Хеллы Вуолийоки началась еще в самый разгар войны в 1942 году. Двое оперативных сотрудников внешней разведки подготовили в Москве для переброски за линию фронта девушку-финку Эльвину. Она была радисткой и должна была передавать в Центр сведения об обстановке в Финляндии. Молодые сотрудники не придумали ничего лучше, как вывести Эльвину на не имевшую ничего общего с советской разведкой популярную финскую писательницу Хеллу Вуолийоки, известную своими симпатиями к Советскому Союзу. Планировалось, что радистка, переброшенная самолетом через линию фронта, приземлится на парашюте около загородного дома Хеллы Вуолийоки и та непременно приютит на какое-то время девушку у себя, пока она не найдет себе занятий, точнее, прикрытия в близлежащем Хельсинки. Однако все вышло наоборот.

Появление незваной гостьи в доме очень встревожило Хеллу Вуолийоки. Она не на шутку испугалась возможности поисков парашютистки в районе своего поместья. Ведь как ни укрывай Эльвину, выдавая ее за свою дальнюю родственницу, полицейские без труда могут обнаружить наспех спрятанный под деревом парашют, а затем отыскать и саму разведчицу. Так и случилось. На пятнадцатый день в дверь дома Хеллы настойчиво постучали. На вопрос «Кто?» последовал ответ: «Полиция». Вошло четыре человека. В руках у них был парашют Эльвины. Затем полицейские начали проверку документов жильцов и обыск во всем доме. Эльвину арестовали, сославшись на то, что ее документы «вызывают подозрение», и увезли в Хельсинки, Хеллу Вуолийоки предупредили о невыезде из усадьбы без специального разрешения на это городской полиции.

Беседы-допросы Эльвины продолжались несколько месяцев, и когда следствие было закончено, дело парашютистки-разведчицы было передано в суд. Вердикт был предсказуем. Суд приговорил девушку к смертной казни. Когда ей был зачитан смертный приговор, она пережила сильнейший стресс и... сошла с ума. Эльвину не казнили. В камере смертников она находилась до подписания перемирия. 19 сентября 1944 года ее передали советским представителям...

Как только судебный процесс над Эльвиной был закончен, арестовали и Хеллу Вуолийоки. На следствии ей инкриминировали тайную связь с противником и укрытие советской шпионки в целях передачи через нее секретной информации вражеской стороне. На протяжении допросов Вуолийоки от нее требовали признания, что она является советской шпионкой, и сведения о том, кто из ее близких знакомых занимается шпионажем в пользу Советского Союза.

Суд над финской писательницей состоялся весной 1943 года. Хелла Вуолийоки была приговорена к пожизненному заключению. Осужденная была сразу препровождена в одиночную камеру, где и содержалась до дня подписания перемирия с Финляндией. Ее моральное и физическое состояние было очень тяжелым. В день выхода

Хеллы Вуолийоки из тюрьмы у ворот собрались тысячи ее сторонников и почитателей таланта. Мужественная женщина снова заняла положенное ей видное место среди финской творческой интеллигенции и стала одним из создателей и руководителей Демократического союза народа Финляндии. Москва по-своему воздала должное благородству и таланту это замечательной женщины. После войны одна из ее пьес «Каменное гнездо» была поставлена в Малом театре в столице и имела большой успех. На Лубянке же о жертвах бездарной операции старались не вспоминать. Уж слишком тяжелыми для ее непосредственных участников стали последствия этой операции «на авось».

Прошло совсем немного времени, и «финская группа» стокгольмской резидентуры внешней разведки снова перебралась в Хельсинки. На прощание Александра Михайловна Коллонтай сказала несколько добрых слов в адрес сотрудников резидентуры. «Ваша помощь, – заявила она, – по подготовке и проведению конфиденциальных переговоров с финнами и шведскими представителями о капитуляции Финляндии и подписанию с ней перемирия была поистине незаменимой...» Александра Михайловна знала цену добрых слов и никогда бездумно не разбрасывалась ими.

А тем временем в Финляндии было сформировано новое правительство. Его премьером стал Юхо Кусти Паасикиви. В дореволюционные годы он окончил юридический факультет Петербургского университета и слыл приверженцем монархии. Политикой он стал заниматься с юношеских лет.

Много раз в составе финской делегации он принимал участие в переговорах с Советским Союзом в довоенное время и на этих переговорах занимал компромиссную, вполне доброжелательную к СССР позицию. Несколько раз Паасикиви встречался с Молотовым и Сталиным, и они с уважением относились к новому финскому премьеру.

С первых же дней работы нового кабинета стало очевидным, что Финляндия явно меняет курс своей политики и ориентируется на сближение с СССР. Архитектором этой политики стал Паасикиви.

В своем выступлении на закрытом совещании кабинета Паасикиви сделал основной акцент на перспективе советско-финских отношений. «Главным и определяющим во внешней политике Финляндии, – сказал премьер-министр, – должно стать отношение нашей страны к восточному соседу – Советскому Союзу. Это наша основная внешнеполитическая проблема, которую мы должны решить и от которой зависит будущее нашего народа. По моему убеждению, в коренных интересах Финляндии проводить внешнюю политику так, чтобы она не была направлена против Советского Союза. Мир и согласие, а также добрососедские отношения с СССР, основанные на полном доверии, являются первым принципом, которым следует руководствоваться в нашей государственной деятельности».

Эти высказывания, означавшие серьезный шаг навстречу позициям советской стороны, были доложены Синицыным советскому представителю в Союзной контрольной комиссии по Финляндии Андрею Александровичу Жданову. Синицын сопроводил их таким суждением: «Такое заявление мог сделать только человек, глубоко осознавший необходимость коренной перестройки внешней политики Финляндии. Тем более, что эти слова были сказаны отнюдь не для наших ушей. Этому политику можно верить, – и продолжал: – Паасикиви, конечно, не поведет свою страну к социализму. Из старого монархиста не сделаешь социалиста. Это нереально! Но наши источники, понимая это, все же будут стремиться всеми силами помогать Паасикиви выполнять объявленную им программу...»

«Ну что же, вопрос, пожалуй, ясен, – по свидетельству резидента, ответил Жданов. – Надо проинформировать обо всем этом товарища Сталина. Не могли бы вы, Елисей Тихонович, посодействовать моему помощнику подготовить в Москву проект телеграммы в духе вашего сообщения мне?..»

38

На югославской земле

Тяжелая и славная судьба выпала на долю Югославии в минувшей мировой войне. Ее народы решительно вступили в борьбу с гитлеризмом, подняв восстание в ответ на оккупацию страны немцами и итальянцами. Миллион триста тысяч убитых – такую цену за победу не заплатил ни один народ Европы. Эти потери сопоставимы, пропорционально численности населения, лишь с жертвами, понесенными Советским Союзом.

25 марта 1941 года правительство Д. Цветковича подписало в Вене протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии. Тогда молодой король Петр II Карагеоргиевич организовал государственный переворот, который устранил от власти в Белграде союзных с фашистами правителей. Гитлер был взбешен, узнав о событиях в Югославии, и в течение 11 дней практически вся ее территория была оккупирована немцами. Король, его правительство, лидеры основных буржуазных партий бежали из страны в Египет. Затем король нашел пристанище в Лондоне. Было сформировано королевское правительство в изгнании.

Выразителем антифашистских освободительных устремлений стала коммунистическая партия Югославии. Она сразу же начала вооруженную борьбу с захватчиками и их пособниками. За основу был принят метод партизанских действий. Зародилось народно-освободительное движение, и Югославия стала одним из первых и наиболее активных очагов Сопротивления в оккупированной Европе.

Боевые действия возникших партизанских отрядов и групп начались в июле 1941 года. В результате их объединения стали формироваться регулярные воинские части – бригады, дивизии, корпуса.

К концу 1941 года в рядах вооруженных сил народно-освободительного движения находилось не менее 80 тысяч человек, в 1943 году – 320 тысяч, а в сентябре 1944 года – около 400 тысяч бойцов. К осени 1944 года было освобождено свыше двух третей всей территории

страны. Так, в боях с агрессором возникла народно-освободительная армия Югославии – НОАЮ, руководимая главным, затем после переименования верховным штабом во главе с генеральным секретарем югославской компартии Иосипом Броз Тито. Она сковывала значительные силы фашистских войск. Для Германии и ее союзников Югославия стала самостоятельным, очень беспокоящим фронтом. Известен такой факт. Штабы немецких оккупационных частей в Сербии уже в 1941 году стали требовать подкрепления для борьбы с партизанами. Германское верховное командование отказало: все силы брошены на Восточный фронт.

Освободительная война стала решающим фактором в жизни страны. Она же определяла и линию размежевания сил в самом югославском обществе.

Одновременно с партизанами Тито в разных частях страны действовали вооруженные отряды четников во главе с полковником Дража Михайловичем. Их костяк составили офицеры бывшей королевской армии, чиновники, отдельные функционеры буржуазных партий. Отряды Михайловича насчитывали в разное время от 15 до 30 тысяч человек. Поначалу четники выступали под лозунгами противостояния оккупантам, но с четко выраженной целью – реставрация прежнего режима. По тактическим причинам они изъявили готовность пойти на некоторое взаимодействие с партизанами Тито, но уже к концу 1941 года под воздействием их экстремистского руководства все контакты были прерваны и четники перешли к открытой борьбе с «титовцами» и сотрудничеству с оккупационным режимом[1]. Подобное развитие событий на длительное время стало отягощающей спецификой югославского движения Сопротивления.

Успехи партизан Тито ставили в повестку дня вопросы реорганизации имевшихся властных структур, принятия новых законодательных актов. Почва для этого полностью созрела к концу 1943 года. Руководство компартии решило преобразовать действовавшее в то время Антифашистское вече во временный законодательный орган народов Югославии, создать Национальный комитет освобождения Югославии – НКОЮ с правами временного правительства. Комитет возглавил Тито, ему присвоили звание маршала. Таким образом в Югославии конституировалась новая народно-демократическая власть.

Перед странами – участницами антигитлеровской коалиции встала проблема – какую линию занять в отношении этого нового государственного образования, как теперь относиться к югославскому эмигрантскому правительству, которое официально признавалось главными мировыми державами.

Особую активность проявили англичане, которые на протяжении всей войны ревностно заботились об усилении своего влияния на развитие событий в Южной и Юго-Восточной Европе. Осенью 1943 года они направили в Югославию, к Тито, военную миссию во главе с ге-

нералом Фицроем Маклином. Несколько позднее к ней присоединился Рандольф Черчилль, сын британского премьер-министра. Английские офицеры связи находились и при штабе четников Д. Михайловича.

Правительство США направило к Тито небольшую группу офицеров, которые поначалу входили в состав объединенной англо-американской миссии. Позиции англичан и американцев в отношении Югославии практически совпадали: обе стороны помогали (вооружением, снаряжением) четникам, настойчиво поддерживали королевское эмигрантское правительство.

В противовес линии западных держав советское руководство решительно выступало в поддержку Тито и проводимой им политики. Стороны договорились об обмене военными миссиями.

23 февраля 1944 года в ставку Тито в небольшом городке Дрвар, Западная Босния, прибыла советская военная миссия, которую возглавлял генерал-лейтенант Н.В. Корнеев. Важно подчеркнуть, что она была аккредитована не только при Верховном штабе НОАЮ, как миссии Великобритании и США, но и при Национальном комитете, т.е. при правительстве. Это решение являлось важной поддержкой в борьбе за укрепление новой Югославии в составе антигитлеровской коалиции.

Наряду с сотрудниками военной разведки в состав миссии включили небольшую оперативную группу НКГБ СССР, получившую традиционное в разведке название – резидентура. В нее вошли Г.С. Григорьев – руководитель по прикрытию помощник начальника миссии, В.А. Квасов – сотрудник, секретарь миссии, а также шифровальщик и радист.

Задачи группы были сформулированы ясно: собирать сведения о деятельности профашистских формирований четников, создать базу для ведения разведывательной работы по Германии и подвластным ей странам, добывать информацию о мероприятиях англичан и американцев в Югославии.

В первых числах марта 1944 года Тито обратился к советскому правительству с несколько неожиданной просьбой о дополнительном командировании к нему «работников высокой квалификации по линиям: военной, финансовой и контрразведывательной с советническо-инструктивными функциями». Высказывалось пожелание иметь «одного крупного работника по контрразведке при Верховном штабе НОАЮ и по одному-два человека в главных штабах военных округов и корпусов», а также специалистов по шифровальному делу.

В Москве быстро приняли необходимые решения. В середине апреля в ставку Тито прибыла новая группа оперработников НКГБ: Б.П. Одинцов, советник по разведке, А.В. Тишков, советник по контрразведке, П.Е. Горошкин, специалист по шифровальному делу, М.В. Жуков для работы личным шифровальщиком у Тито по его просьбе.

Одновременно в эту группу был командирован из лондонской резидентуры сотрудник разведки К.К. Квашнин, который там поддерживал контакт с представителями британской разведки. Здесь ему было поставлено своеобразное деликатное задание – «отвлекать внимание англичан и американцев от группы Одинцова–Тишкова». В этом качестве он проработал около пяти месяцев.

Таким образом, в апреле 1944 года, в глубоком тылу у немцев, за год с лишним до победы, началось плодотворное сотрудничество между спецслужбами Советского Союза и новой Югославии.

Стоит упомянуть, что не так просто было перебросить советских людей в штаб Тито, находившийся в труднодоступной горной местности и под постоянной угрозой немецкого нападения. Много позднее Петр Ефимович Горошкин вспоминал: «Наша группа вместе с другими советниками, в задачу которых входили вопросы организации будущей экономики и финансовой системы страны, добиралась в Югославию опасной и длинной дорогой. При пролете через немецкие укрепрайоны самолет неоднократно подвергался зенитному обстрелу. У каждого из нас был парашют, но пользоваться им никто не умел, поскольку не хватило времени на тренировку. Одеты мы были в польскую военную форму. Через Тегеран, Каир и Триполи прибыли на перевалочную базу нашей военной миссии в гор. Бари на юге Италии. Оттуда другим экипажем нас перебросили через Адриатическое море в заданный район Боснии. Далее к месту назначения мы дошли по партизанским тропам».

В архиве сохранился важный документ – задание отъезжающим. Судя по тексту, оно несло не только оперативную, но и высокую политическую нагрузку, что не так часто встречается в заданиях оперативным сотрудникам тех лет. Записанное здесь четко устанавливает линию и пределы действий советских спецслужб, находившихся при ставке Тито.

Перед отъездом этих работников принял нарком В.Н. Меркулов, он же и утвердил задание. Все члены группы расписались на оригинале об ознакомлении. Вот выдержки из этого примечательного документа.

«(Указаны псевдонимы командируемых. – *Прим. авт.*) направляются в Югославию в качестве официальных сотрудников военной миссии СССР при маршале Тито с задачей оказания ему помощи в деле создания и налаживания работы политической разведки, контрразведки, а также организации шифрдела в центральном и периферийном аппаратах и в воинских частях Тито.

В процессе выполнения этих задач все свои действия и взаимоотношения с Тито и его представителями (они) строят сообразно линии отношения нашего правительства к народно-освободительному движению в Югославии как единственно правильной в настоящее время форме народной борьбы и учитывают национальную самостоятельность югославского народно-освободительного движения.

...В своей работе (они) не должны подменять собой аппарат Тито и его руководства, прибегать к методам командования и администрирования и действовать тактично, путем советов и установления тесных личных взаимоотношений с выделенными Тито представителями, проводя через них необходимые мероприятия... Вербовочной работы для нас в разведаппарате Тито, равно как и вообще во всех других учреждениях народно-освободительного движения, не проводить, ограничиваясь установлением личных отношений с необходимыми людьми. Проявлять крайнюю осторожность и такт, чтобы не вызвать претензий по поводу нашего вмешательства во внутренние дела Югославии и нелояльного отношения к союзникам».

По прибытии на место оперативная группа приступила к ознакомлению с состоянием дел. Выяснилось, что единого контрразведывательного, как и разведывательного, аппарата в НОАЮ не было. Борьба с агентурой противника и антинародными элементами не носила организованного характера. Повсеместно недоставало квалифицированных, а главное – надежных кадров. По сути речь шла о необходимости создания новых органов безопасности в новом государственном образовании.

Изучив обстановку, наши советники во взаимодействии с партнерами разработали структуру и положение о государственной службе безопасности, которая получила название Органы защиты народа – ОЗНА. Начальником службы стал Александр Ранкович, секретарь ЦК КПЮ, его заместителем – Александр Стефанович, бывший секретарь Далматинского обкома КПЮ.

Центральный аппарат ОЗНА включал в себя несколько отделов («отсеков»): разведка на оккупированной территории, контрразведка среди гражданского населения на освобожденных землях, контрразведка в армии, учетно-техническая служба. В одном из «отсеков» в качестве подпоручика служил Жарко Броз – сын маршала Тито.

Основополагающие документы по ОЗНА были утверждены лично Тито и разосланы на места в качестве директивы. (Забегая вперед, укажем, что данная структура ОЗНА в основе своей действовала вплоть до первых послевоенных лет.)

Шифрхозяйство у югославов оказалось запущенным. Системы шифров относились к категории элементарных. Допускались небрежности в работе с шифрматериалами, в их хранении.

По просьбе Тито наш советник организовал индивидуальную подготовку шифрработников верховного штаба, главных штабов ряда дивизий и корпусов. По состоянию на май 1944 года инструктаж-обучение прошли 16 человек.

Ответственную задачу личного шифровальщика Тито стал выполнять М.В. Жуков. Дело в том, что Тито поддерживал регулярную радиосвязь с Москвой: по партийной линии с Георгием Димитровым, бывшим до мая 1943 года секретарем Исполкома Коминтерна, а затем

заведующим международным отделом ЦК ВКП(б), и по государственной линии – с прибывшей в Москву в апреле 1944 года югославской военной миссией.

Позже Михаил Владимирович Жуков рассказывал: «Поначалу Тито относился ко мне со сдержанностью и некоторой настороженностью, но в ходе повседневной работы эта его настроенность исчезла. Он оценил мою исполнительность, деловитость и полное «нелюбопытство» к внутренним югославским делам. Телеграммы в Москву Тито диктовал по-русски. Поскольку язык он знал слабо, я выступал в роли редактора, вносил в тексты необходимые грамматические и стилистические поправки. Маршал был доволен такой помощью, о чем не раз говорил моему начальству».

Укажем, что такая работа Жукова длилась до января 1945 года и была прекращена по инициативе Тито, поскольку, как он заявил, «мои шифровальщики достаточно хорошо обучены советскими специалистами и теперь могут работать самостоятельно».

Развернувшуюся советническую работу вскоре пришлось вынужденно прервать. Рано утром 25 мая 1944 года гитлеровская авиация подвергла интенсивной бомбардировке город Дрвар. Затем были выброшены на планерах две волны десантников из подразделений СС общим числом около 800 человек. Одновременно началось наступление наземных войск. То была тщательно спланированная немцами операция «Ход конем», имевшая целью обезглавить руководство НОАЮ. Попутно диверсантам поручалось и специальное задание, кодовое обозначение «Москва»: уничтожение членов советской военной миссии.

Город Дрвар расположен в узкой долине, со всех сторон окружен горами. Штаб-квартира Тито находилась на окраине, в пещере на высоте около 20 метров от подножия горы, резиденции союзнических миссий – в разных частях города. Верховный штаб прикрывался очень незначительными армейскими силами. В развернувшихся боях они с большим напряжением сдерживали превосходящие силы противника.

Тито и сотрудники его штаба покинули атакованное врагом убежище и по горным тропам добрались к месту, где был подготовлен запасной командный пункт. Туда же собрались члены ЦК КПЮ Эдвард Кардель, Александр Ранкович, Иван Милутинович, другие руководители, а также работники советской и западных военных миссий. Маршруты их движения секретом для немцев не стали. Снова бомбардировка, обстрелы. Кольцо окружения сжималось. Было принято решение – прорываться в юго-восточном направлении, рассчитывая на помощь вызванного по радио подкрепления. Дальнейший план – перебросить югославских руководителей в другой пункт на освобожденной территории. На материке подходящего места подобрать не удалось, поэтому посчитали возможным перевести штаб

на небольшой островок в Адриатическом море под названием Вис, освобожденный еще в сентябре 1943 года. Для выезда туда предстояло сначала добраться по воздуху до итальянского города Бари, на английскую военную базу.

А пока предстоял тяжелый отход от наседавшего со всех сторон противника и поиск на марше посадочной площадки для достаточно тяжелого транспортного самолета С-47.

Приведем выдержки из отчета наших работников об этих событиях: «...В районе горы Клековаца создалась непосредственная угроза окружения немецкими силами, нас атаковали три дивизии. Мы ушли оттуда во время боя прикрывавших нас частей. Организовали маневровое движение штаба и союзных миссий ...прошли пешком более 300 км. Коммуникации во всех районах нашего движения были заняты немцами. 1 июня ночью в лесу нас обстреляли егерская дивизия СС и четники. 2 июня подверглись минометному и пулеметному обстрелу, преследованию легких танков и немецких горных отрядов, от которых оторвались 3 июня во время завязавшихся боев... Немецким комбинированным ударом с воздуха и механизированными частями штаб Тито был дезорганизован, управление войсками разрушено, немцы захватили центр радиосвязи... Форсированный 10-дневный марш изнурил людей. При отходе из Дрвара была разработана инструкция о работе ОЗНА по обеспечению безопасности верховного штаба во время движения и проведен инструктаж оперативного состава».

В районе города Бугойно удалось найти относительно подходящее место для приема самолета. Кругом горы, на подобранной площадке расщелины, нагромождение камней. Весь состав занимался ее подготовкой для встречи самолета, вызванного по радио начальником советской миссии с базы в г. Бари. В ночь на 4 июня, проявив высочайшее мастерство, советский экипаж приземлился на импровизированный аэродром, забрал Тито, его ближайших соратников, часть состава военных миссий и благополучно доставил их в Бари. В ту же ночь экипаж совершил еще один рейс, взял новую группу окруженцев и успешно перевез их в Италию. Затем ряд полетов с теми же задачами совершили английские пилоты. Было вывезено около 100 тяжелораненых бойцов НОАЮ.

Через несколько дней Тито на английском миноносце переправили на остров Вис. В дальнейшем оттуда осуществлялось все руководство НОАЮ и другими властными структурами новой Югославии.

Таким образом, попытка гитлеровцев уничтожить Верховный штаб НОАЮ не удалась. В спасении жизней югославских руководителей решающая роль принадлежит советским летчикам.

При выходе из окружения никто из советских людей не пострадал. Была лишь утрачена наша радиостанция, уничтожена часть

шифров. Оперативные материалы ОЗНА были зарыты в землю в тайнике в районе города Дрвар.

Период с середины 1944 года вплоть до освобождения всей территории от гитлеровцев в мае 1945 года характеризуется исключительно объемным и разносторонним сотрудничеством между нашими странами – политическим, военным, экономическим. То же самое относится и к контактам по линии госбезопасности, получившим дальнейшее развитие.

Продолжалось совершенствование структуры ОЗНА. После освобождения Белграда в октябре 1944 года были образованы новые подразделения – по контролю за деятельностью иностранных дипломатов и военных миссий, службы охраны высших партийных и государственных деятелей. Со стороны югославов поступали дополнительные запросы, и им была оказана советническая помощь в налаживании оперативного учета, секретного делопроизводства, контроля за соблюдением государственной тайны. В одном случае пришлось выйти за пределы компетенции и откликнуться на личные просьбы Карделя и Ранковича, которые занимались подготовкой законов о Верховном суде и прокуратуре. Зная, что А.В. Тишков, ставший с января 1945 года старшим аппарата наших советников, имеет высшее юридическое образование, попросили его проконсультировать их и ознакомили с проектами соответствующих документов. «Почти со всеми моими замечаниями они согласились», – докладывал Тишков Центру.

Отметим здесь одно существенное обстоятельство. Сменив руководителя группы советников, Центр нашел необходимым еще раз напомнить аппарату основные ориентиры, на которых следовало строить работу с югославскими партнерами. Так, в директиве Центра Тишкову от 18 января 1945 года содержались, в частности, такие распоряжения: «Развивайте дружеские отношения с различными югославскими политическими деятелями. В советнической работе обращайте внимание на дальнейшее укрепление аппарата ОЗНА, его качественный состав, на укрепление порядка и законности в его работе. Вы советник по вопросам ОЗНА, а не инструктор в этом аппарате... Помните, что Вы представитель социалистического государства в буржуазно-демократической стране».

Эти указания убедительно свидетельствуют о принципиальной и последовательной линии Центра относительно характера контактов с новыми партнерами в специфических условиях военного времени.

В Сербию, Хорватию, Словению, Македонию, Воеводину и Черногорию были направлены советники-инструкторы НКГБ по разведке и контрразведке для оказания на местах помощи ОЗНА. В основном они выступали под прикрытием офицеров связи военной миссии, а в отдельных случаях – под видом добровольцев НОАЮ (таким немудреным способом маскировалось разросшееся количество лиц, прикомандированных к нашей военной миссии). Почти повсюду на ме-

стах организовывались курсы подготовки оперработников ОЗНА. Наши советники готовили учебные планы и методики обучения, консультировали преподавателей. Эта помощь оценивалась югославами, как правило, с большим удовлетворением. Например, начальник ОЗНА одной из республик при встрече с Тишковым, назвав двух наших советников, заявил: «Они сами не знают, какую огромную помощь они оказали. Даже в обычных повседневных беседах с ними я черпаю для себя много нового, что затем использую в своей работе, применяя к местным условиям».

Важную работу завершил советник по шифровальному делу. Он организовал курсы шифрработников из воинских соединений, республиканских ОЗНА и партийных органов, обеспечивавших связь с верховным штабом. На трех потоках курсов было обучено 35 специалистов.

В отчетном документе нашей разведки за 1944 год указывалось: «На всей территории Югославии создан и работает строго централизованный контрразведывательный аппарат, который на сегодня является пока еще единственным аппаратом новой югославской государственности».

Жизнь показала, что спецслужбы югославов стали действовать прицельнее, у них появились ощутимые результаты.

Вошла в практику подготовка и засылка агентуры в расположение крупных соединений гитлеровских войск. Для поддержания связи с агентами мы передали югославам по их просьбе 10 портативных радиостанций.

Была вскрыта глубоко законспирированная немецкая диверсионная организация. Перед ней стояла задача начать диверсии в тылу НОАЮ после получения особого сигнала. По разработанному совместно с югославами плану был завербован один из диверсантов, нескольких специально подготовленных агентов удалось внедрить в эту организацию. В соответствующий момент немецкую группу разгромили.

Важным объектом устремлений германской разведки был верховный штаб НОАЮ. Зафиксирован такой эпизод. В партизанский отряд, действовавший в Далмации, перешел из немецкого подразделения бывший советский военнопленный, назвавшийся Александром Р., майором Красной Армии, врачом по специальности. До перехода он передал партизанам значительное количество медикаментов из немецкой полевой амбулатории, завоевал их доверие. Его направили в санитарный отдел верховного штаба. После двух проведенных им хирургических операций, окончившихся смертельным исходом, он вызвал подозрения. Югославы вновь его допросили, отобрали имевшиеся у него документы, арестовали и обратились за консультацией к нашему советнику. Отчитываясь Центру, Тишков писал: «Он был мною допрошен вместе с начальником III «отсека» ОЗНА

и разоблачен как немецкий агент, завербованный еще в лагере для военнопленных. Р. оказался не тем, за кого себя выдавал. Он служил в артиллерийских частях Красной Армии в звании лейтенанта, никогда не был врачом, а лишь учился на 1-м курсе медицинского института, который не окончил. Выяснилась и его подлинная фамилия». Предатель получил по заслугам.

Документы полувековой давности свидетельствуют о том, что зародившееся в военные годы сотрудничество наших спецслужб примечательно не только своими масштабами, но и степенью доверительности. Ярких примеров тому немало.

Уже упоминалось наше участие в такой деликатной сфере, как шифровальное дело. В начале 1945 года югославам был передан шестимесячный запас материалов для использования в двусторонней шифрпереписке.

У югославов плохо было с кадрами оперсостава. По их просьбе на курсах Высшей школы НКГБ в Москве были подготовлены первые 29 слушателей. По возвращении их на родину в апреле 1945 года Ранкович устроил в этой связи дружеский прием и высказал нашей стороне большую благодарность за полезное содействие.

Подготовкой специалистов для диверсионной деятельности руководил наш советник И.Г. Старинов, имевший солидный практический опыт в этой области, полученный во время Гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Одним из его наиболее способных учеников был молодой югослав Иван Хариш, смелый боец, умелец по части технических работ. Переняв необходимые знания, он стал командиром группы, а затем старшим советником особой партизанской бригады в Испании. И вот теперь состоялась встреча в Югославии учителя с учеником.

Учитывая размах партизанского движения, требовалось обучить большое число специалистов, организовать производство технических средств: взрывные снаряды, мины замедленного действия, другое снаряжение. Отрабатывалась тактика боевых операций, учитывающая специфические местные особенности и быстро меняющуюся военную обстановку. Основная база диверсантов находилась в горном районе Хорватии, а промежуточные – в Сербии, Словении и даже в Венгрии.

Под руководством Старинова постоянно совершенствовалась диверсионная техника. Например, использовалось хитроумное зажигательно-взрывное устройство для воспламенения горючего в закрытых стандартных металлических емкостях.

Подсчитано, что за 45 месяцев партизанами было изготовлено около 110 тысяч самодельных мин, совершено свыше 3100 диверсий в тылу немцев и на коммуникациях, уничтожено около 21 000 вражеских солдат и офицеров.

Иван Хариш, которого в кругу друзей называли на русский манер Илья Громовержец, стал командиром крупного специального дивер-

сионного соединения. Он был удостоен высшей военной награды – звания Народного героя Югославии. Старинов пользовался у югославов большим уважением, они высоко ценили его боевые заслуги, наградили высоким военным орденом[2].

При встрече с выезжавшим в командировку ответственным работником Центра Г.Б. Овакимяном Тито попросил оказать помощь в налаживании службы внешней разведки в связи с обновлением и комплектованием ряда дипломатических представительств за границей. Началась проработка поставленной задачи.

Осуществлялся оперативный контакт между югославской резидентурой в Бари и нашей подрезидентурой в этом итальянском городе. Здесь югославы перехватили и передали нам ценный материал американской резидентуры в Румынии, где речь шла об их работе против Советского Союза.

На основе взаимности шел обмен оперативной информацией. Мы передали партнерам конкретный материал о работе против них резидентуры английской разведки. Они снабжали нас сведениями о немецких разведорганах и их деятельности, об их агентуре из числа бывших военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в немецких войсках, делились информацией о текущих событиях, хотя обыкновенно проявляли сдержанность в оценках явлений внутриполитической жизни.

Излишне говорить, насколько важна была для советского руководства в завершающие годы войны достоверная информация об истинных, а не декларируемых устремлениях англичан и американцев по послевоенному устройству в Европе. Не последнее место в этих расчетах занимала Югославия.

О заслугах перед советской разведкой «кембриджской пятерки» все самое важное как будто уже сказано. Тем не менее еще раз можно подтвердить это на конкретных материалах по Югославии, поступавших в 1943–1945 годах из Лондона от участников «пятерки».

Без преувеличения можно утверждать, что в Москве своевременно узнавали о самых сокровенных планах и секретных шагах англичан (равно как и американцев) в их попытках воспрепятствовать установлению в послевоенной Югославии прокоммунистического режима. Добывавшаяся в Лондоне информация обстоятельно освещала узловые, наиболее острые военно-политические проблемы региона в их постоянном развитии. Подробно прослеживалась менявшаяся в силу успехов Красной Армии и НОАЮ позиция союзников по отношению к движению четников Михайловича, вскрывались детали их действий по поддержке эмигрантского правительства и отчаянных усилий навязать новой Югославии монархический режим. Добывались сведения о конфиденциальных беседах Черчилля с королем Петром. В копиях поступали циркулярные ориентировки британским дипломатическим представительствам за границей с оценка-

ми положения в Европе. В одном из таких документов, например, не без горечи признавалось в декабре 1943 года, что «партизаны Тито становятся основной военно-политической силой в стране и решающим фактором в определении будущего Югославии».

В сообщениях из Лондона обращает на себя внимание частая ссылка нашей резидентуры на мнение Кима Филби и трактовку им сообщаемых сведений. Эта деталь свидетельствует о том, какое значение придавалось суждениям Филби и как высоко ценилась его квалификаци.

Английская разведка имела солидные агентурные позиции в Югославии и, безусловно, была осведомлена о реальном положении дел в лагере Тито. По сведениям Филби, например, только в феврале 1944 года в соответствующий отдел СИС в Лондоне поступило 160 донесений от английской агентуры, внедренной в Верховный штаб, в главные штабы НОАЮ, в партизанские отряды на материке и островах Адриатического моря. О степени осведомленности англичан говорит и такой факт. Еще находилась в пути из Москвы в Югославию группа Одинцова–Тишкова, а СИС уже получила из Италии сообщение о том, что «бригада офицеров Генштаба, включая четырех офицеров ГПУ[3], прибыла в Бари для выезда в штаб Тито». От Филби стали известны дополнительные характеристики Фицроя Маклина, начальника британской военной миссии, и то, что одной из важных задач СИС было всемерно ослаблять советское влияние на Тито и его ближайших соратников.

Разведка регулярно направляла в правительство сводки о положении и развитии дел на Балканах. Вот, например, выписка из документа от марта 1944 года. «В настоящее время англичане в полном согласии с американцами прибегают к различным политическим комбинациям, направленным на дискредитацию Тито и возглавляемого им освободительного движения. Английская политика сводится к тому, чтобы в результате борьбы в Югославии к власти там пришел не Тито, а правительство Михайловича... Наряду с военной поддержкой Тито союзниками английская авиация регулярно совершает ночные рейсы в район ставки Михайловича и сбрасывает ему вооружение, на днях ему была доставлена крупная сумма денег. С согласия американцев англичане проинструктировали Михайловича не вступать ни в какие активные операции, накапливать силы, запасаться вооружением и максимально использовать все для реорганизации четников в боеспособную армию. Эти указания Михайловичу даны, несмотря на то, что и англичанам, и американцам отлично известны его связи с немцами. Михайлович должен будет выступить лишь тогда, когда налицо будет факт разгрома немецкой армии... Одновременно англичане уже теперь решили использовать все возможности для компрометации правительства и лично маршала Тито в глазах мирового общественного мнения».

В архиве обнаружен отчет об информационной работе нашей разведки в первом квартале 1945 года. Там, в частности, указывалось: «Основная информация по Югославии и Албании поступала не из Югославии, а из лондонской и других резидентур... Из Лондона прислано 32 документальных материала и 7 агентурных. Использовано: в спецсообщениях – 22, в НКИД – 5».

Имеющиеся документы разведки позволяют уверенно считать, что отечественные разведслужбы в завершающий период войны провели значительную и эффективную работу по обеспечению советского руководства необходимой военно-политической информацией. Косвенным подтверждением этому служит телеграмма в адрес Тито от Милована Джиласа, члена Политбюро ЦК КПЮ, и генерала Велемира Терзича, начальника югославской военной миссии в Москве, после их встречи с И.В. Сталиным 19 мая 1944 года. Там, в частности, указывалось: «...Товарищ Сталин до мелочей следит за всеми происходящими у нас событиями и хорошо информирован по всем вопросам».

Было бы ошибочным считать, что сотрудничество по линии спецслужб и взаимоотношения партнеров сплошь были безоблачными. Подчас возникали недоразумения, обнаруживались различные подходы к той или иной проблеме. Например, наши советники всячески стремились побудить югославов к активизации работы по англичанам и американцам. Однако, соглашаясь на словах, руководители ОЗНА действенных шагов в этом направлении не предпринимали. В их среде бытовало представление о том, что «неудобно» работать против союзников. Правда, к концу войны положение несколько изменилось и, вероятно, после того, как мы передали им информацию об антиюгославской деятельности СИС.

В ряде случаев не складывались отношения с отдельными руководителями на местах, которые по политическим мотивам не были расположены к искреннему сотрудничеству с советскими представителями. Иногда подобные настроения шли «сверху». Так, были известны резкие антисоветские высказывания перед партактивом Словении Эдварда Карделя, по существу, призывавшего сокращать контакты с советскими представителями. Поступали сигналы об охлаждении отношения к нашим советникам в Хорватии. Дружески расположенный к нам источник сетовал: «С русскими советуются только по техническим вопросам, хотя руководители местного ОЗНА дела не знают, а рядовые работники бьются как рыба об лед».

Временами деловые контакты нарушались из-за недостаточно выдержанного поведения наших сотрудников.

Однако не эти негативные моменты определяли содержание сотрудничества. Главным оставались дружеские взаимоотношения и общая устремленность в достижении основной цели – победы над фашизмом.

...Историки достаточно полно исследовали обстоятельства, причины и тяжелые последствия принятой в июле 1948 года совещанием Информбюро резолюции «О положении в коммунистической партии Югославии». В результате в прошлом тесные дружеские, скрепленные пролитой кровью отношения между нашими странами превратились на длительный период в резко конфликтные. Этот разлад нанес ущерб и связям между нашими спецслужбами. Пострадали обе стороны. Тем не менее тесное сотрудничество спецслужб Советского Союза и новой Югославии в годы Второй мировой войны останется запоминающейся страницей в истории советско-югославских отношений.

---

[1] Вплоть до окончания военных действий в Югославии четники получали поддержку со стороны англичан и эмигрантского правительства (Д. Михайловичу присвоили генеральское звание и заочно назначили его военным министром), которое провозгласило их «королевской армией на родине» и создавало вокруг Михайловича миф как о самой крупной фигуре югославского Сопротивления. История все расставила по своим местам. В 1946 году по приговору суда Михайлович был казнен как военный преступник.

[2] Югославскими орденами и медалями была награждена большая группа советских людей. В их числе все наши оперработники, названные в этом очерке. К сожалению, судьба награжденных, да и самих наград, оказалась печальной. Малоизвестен тот факт, что после принятия Коминформом в 1948 году решения по Югославии, которое разрушило прежние дружественные отношения между нашими странами, участникам войны поступило указание, с самого «верха», разумеется: сдать все югославские награды. Однако известны немногочисленные случаи, когда это распоряжение было игнорировано. Например, так поступил Народный герой Югославии контр-адмирал Охрименко Григорий Николаевич.

Подчиняясь строгой дисциплине, наши награжденные сотрудники с горечью и сожалением (об этом свидетельствуют ветераны) сдавали свои югославские ордена и медали. Тем не менее, вопреки всем строгостям, и среди сотрудников ПГУ нашлись «нарушители» дисциплины. Одним из них был видный советский разведчик А.М. Коротков, который в годы войны руководил европейским отделом службы и непосредственно занимался Югославией. Надо признать, в те времена это был поступок. Высший югославский военный орден сейчас бережно хранится в семье А.М. Короткова.

[3] Так в тексте документа.

39

Дела польские

Отгремели бои на фронтах Великой Отечественной войны. Фашистская Германия капитулировала. 17 июля 1945 года в пригороде Берлина Потсдаме собрались руководители трех союзных держав – СССР, Англии и США, чтобы подвести итоги войны, окончательно выработать совместный подход к послевоенному устройству мира. Такой подход уже был намечен на их встрече в Ялте. Казалось бы, оставалось лишь конкретизировать его в совместных предложениях для предстоящей мирной конференции стран – участниц антигитлеровской коалиции.

Однако в Потсдаме Англия и США повели дело к тому, чтобы отойти от решений, принятых в Ялте, и по ряду вопросов послевоенного урегулирования навязать Советскому Союзу невыгодные для него решения.

Среди вопросов, по которым шли наиболее острые дискуссии, были и проблемы послевоенной Польши, ее внутреннего устройства, правительства, границ будущего польского государства. В этих дискуссиях сошлись два подхода к созданию новой Польши.

Определяя позицию Англии в польском вопросе, Черчилль еще на Крымской конференции руководителей трех союзных держав заявил: «Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии. Великобритания интересуется Польшей потому, что это – дело чести Великобритании. Великобритания никогда не сможет удовлетвориться решением, которое не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она была бы хозяином в своем доме»[1]. На это глава советской делегации ответил, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского

государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. ...Польский коридор не может быть надежно закрыт извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства»[2].

Британской дипломатии так и не удалось в Потсдаме реализовать свои планы возрождения довоенной Польши, которая, по замыслам их авторов, должна была бы оградить Европу от возросшего в ходе войны влияния Советского Союза. Польша получила в Потсдаме, несмотря на все уловки Черчилля, обширные земли на западе, правительство, опирающееся на доверие народа и готовое к сотрудничеству со всеми странами, и стала независимым и сильным государством.

А планы английских политиков были хорошо просчитаны. Они предусматривали использование вполне определенных политических сил внутри Польши и вне ее, традиционно настроенных недружественно по отношению к ее восточному соседу. У английской дипломатии был такой инструмент, как польское правительство в Лондоне. Вот только не знали авторы этих планов, что они хорошо известны советскому руководству. Внешняя разведка сумела заблаговременно раскрыть эти замыслы.

Основной «кухней», где разрабатывались планы англичан по польскому вопросу, было министерство иностранных дел Великобритании. А в нем ответственный пост занимал один из лучших в те годы источников внешней разведки Маклин. Он имел возможность знакомиться с документами по Польше еще при их зарождении, знал мысли и намерения их авторов.

Основными идеями о политике в польском вопросе руководитель британского внешнеполитического ведомства Иден обменивался с главой правительства Черчиллем в письмах, телеграммах и меморандумах – таков был установленный порядок работы британской администрации. Часть этой переписки через Маклина и других членов «кембриджской пятерки» попадала в руки советской разведки.

Большую роль в разработке политической линии Великобритании в отношении Польши играли английские спецслужбы, где у советской разведки были такие источники, как Филби, Блант и Кернкросс.

Получала внешняя разведка информацию по польскому вопросу и с другой стороны – с польской. В польском эмигрантском правительстве в Лондоне еще с довоенных времен имелась надежная агентура как среди членов правительства, так и в его аппарате. Не все в этом правительстве одобряли антисоветские планы его лидеров, мно-

гие видели будущее независимой и демократической Польши в тесном сотрудничестве с его восточным соседом и как могли помогали созданию такого польского государства.

Польские дела англичане согласовывали со своим союзником – США. Рузвельт далеко не во всем одобрял деятельность поддерживаемого англичанами польского эмигрантского правительства в Лондоне, особенно в том, что касалось организации им вооруженной борьбы с партизанскими отрядами на временно оккупированных территориях СССР и частями Красной Армии при освобождении ими Польши. Об этом внешняя разведка имела возможность получать информацию, в том числе документальную, от своих источников в Вашингтоне.

Советская разведка имела доступ и к каналам связи польского эмигрантского правительства со своими эмиссарами в Польше и командованием Армии Крайовой (созданная польским эмигрантским правительством конспиративная военная организация, действовавшая в оккупированной немцами Польше в 1942–1945 годах в целях обеспечения установления в стране власти эмигрантского правительства после разгрома Германии. – *Прим. авт.*) на местах.

Советское руководство, таким образом, располагало информацией как о политике союзников в польском вопросе, так и о планах и намерениях польского эмигрантского правительства вернуться с помощью англичан к власти в послевоенной Польше. Хранящиеся в архивах внешней разведки документы тех лет дают возможность составить представление о том, какую информацию получала разведка по польскому вопросу и о чем она информировала руководителей страны.

Уже в начале войны советское правительство выступило с инициативой нормализации отношений с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Советскому послу в Англии И.М. Майскому было дано указание провести с поляками переговоры, в ходе которых указать, что СССР стоит «за создание независимого Польского государства, в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши советское правительство считает внутренним делом самих поляков». 30 июля между СССР и польским эмигрантским правительством было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений и оказании взаимной помощи в ходе войны с фашистской Германией. В основе советско-польского соглашения лежали советские предложения о границах 1939 года.

Такова была внешняя сторона дела. А каково было действительное отношение польского правительства к подписанному соглашению? Уже 18 августа 1941 года польский посол в Лондоне поспешил встретиться с Иденом, чтобы «переговорить о трудностях, с которы-

ми приходится встречаться польскому правительству в результате заключения советско-польского соглашения». В ходе беседы он заявил Идену, что «поляки рассматривают вступление СССР в войну как положительное явление не только потому, что эта война ляжет тяжелым бременем на немецкие ресурсы, но и потому, что СССР в результате ее будет ослаблен. ...Превращение СССР в союзника несколько отбрасывает Польшу и польские интересы на задний план. ...Заключение советско-польского соглашения скорее ослабило, чем укрепило позицию Польши против СССР в отношении польских восточных границ».

В агентурном сообщении из Лондона, полученном позднее из кругов польского правительства, излагались подлинные его установки: «Восстановление Польши в границах 1921 года, то есть включая Западную Украину и Белоруссию; сохранение антисоветского курса; отказ от сотрудничества и совместных действий с СССР и всеми поддерживаемыми им польскими организациями; полный и исключительный суверенитет во всех польских делах лондонского эмигрантского правительства». Подписывая советско-польское соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи, лондонское эмигрантское правительство вовсе не собиралось его выполнять.

В конце 1943 года разведка доложила руководству страны секретный доклад министра польского эмигрантского правительства в Лондоне и председателя польской комиссии «послевоенной реконструкции» Мариана Сейды, направленный президенту Чехословакии Бенешу как официальный документ польского правительства. Бенеш в то время также находился в эмиграции в Лондоне. Существо доклада, озаглавленного «Польша и Германия и послевоенная реконструкция Европы», сводилось к следующему: Германия должна быть оккупирована на западе – Англией и США; на востоке – Польшей и Чехословакией. Польша должна получить земли по Одеру и Нейсе. Граница между Польшей и Советским Союзом восстанавливается по договору 1921 года. На востоке от Германии создаются две федерации – в Центральной и Юго-Восточной Европе в составе Польши, Литвы, Чехословакии, Венгрии и Румынии; на Балканах – в составе Югославии, Албании, Болгарии, Греции и, возможно, Турции. На обе федерации не должно быть никакого влияния Советского Союза.

Разведка от своих источников в британских правительственных учреждениях получила информацию и об отношении союзников к планам поляков. Из нее было видно, что англичане были в основном солидарны с польскими эмигрантскими политиками. Особенно им импонировали проекты создания на антисоветской основе балканской и европейской юго-восточной федераций. Но они понимали нереальность планов поляков – СССР нес основную тяжесть войны. По данным источников, имевших подходы к непосредственному окружению Черчилля, премьер Англии не видел силы, которая могла

бы помешать Советскому Союзу воспользоваться плодами своей победы. Не во всем он был согласен и с предлагаемыми решениями территориальных вопросов. Возврат к договору 1921 года он считал невозможным и полагал, что вариант, приближенный к «линии Керзона», больше отвечал бы создавшимся реалиям. (В 1920 году британский министр иностранных дел лорд Керзон предложил, по рекомендации верховного совета стран Антанты, прохождение границы между Польшей и Советской Россией по этническому принципу, оставив поляков в Польше, а украинцев и белорусов в России. В дипломатической практике это разграничение получило название «линия Керзона». – *Прим. авт.*)

Рузвельт отнесся к планам поляков еще более скептически, чем Черчилль. Так, разведка получила информацию о визите президента Чехословакии Бенеша в США, где он встречался с Рузвельтом, государственным секретарем Хэллом и его заместителем Уэллесом. Во время переговоров речь шла о послевоенном устройстве в Европе. Планы поляков Рузвельт назвал «вредными и глупыми». На этих встречах он высказался за установление советско-польской границы по «линии Керзона». Осудил Рузвельт и планы создания в Восточной Европе блоков и федераций. У Рузвельта были свои виды на укрепление позиций США в послевоенной Европе. Подыгрывать амбициозным польским проектам он не собирался. Кроме того, он понимал, что за планами создания таких федераций стоят англичане.

Информация внешней разведки о позиции союзников по польскому вопросу оказалась очень нужной для советского руководства. Особенно важно было знать, что и англичане, и американцы склоняются признать прохождение границы между Польшей и СССР по «линии Керзона». Это давало хорошие возможности советской дипломатии урегулировать вопрос о западных границах СССР с учетом его интересов и отклонить амбициозные притязания лондонского эмигрантского правительства. Интересно было узнать и о различных подходах Англии и США к некоторым аспектам польских дел. Американцы, в отличие от англичан, не собирались столь рьяно отстаивать интересы польского эмигрантского правительства. Президент Рузвельт понимал нежизненность претензий этого правительства на власть в послевоенной Польше, видел, что за его поддержкой Англией кроются прежде всего ее собственные интересы. Все это давало хорошие возможности советской дипломатии для решения вопросов, связанных с освобождением Польши и возрождением польского государства с учетом интересов СССР и Польши.

Разведка получила интересные для советского руководства сведения о попытках правительства Сикорского наладить сотрудничество с немцами. Стало известно, например, из перехваченных англичанами немецких телеграмм, что резидент польского эмигрантского правительства в Лиссабоне полковник Ян Ковальский пытался уста-

новить контакты с разведкой фашистской Германии. Немцы, однако, проявляли осторожность. Эта попытка не была единственной. Наша разведка получила текст перехваченной англичанами шифртелеграммы германского посланника в Будапеште Везенмайера в МИД Германии, в которой он сообщал, что «предложение о возможности сближения между Германией и польским эмигрантским правительством исходит от самого польского правительства в Лондоне, использовавшего в качестве посредника эмигранта Борувко... Борувко предлагает установить контакт с польским правительством через Лиссабон». Контакту не суждено было состояться ввиду наступления советских войск.

Внешняя разведка получала важную как в военном, так и в политическом отношении информацию о деятельности польского эмигрантского правительства по организации вооруженного сопротивления частям Красной Армии на освобождаемых от немецких фашистов территориях Польши и западных Украины и Белоруссии. Так, в августе 1943 года разведка доложила руководству страны полученный агентурным путем секретный документ: «Отчет уполномоченного польского эмигрантского правительства в Лондоне, нелегально находящегося на территории Польши, о подготовке националистическим подпольем антисоветских акций в связи с наступлением Красной Армии». В документе говорилось, что польская тайная военная организация восстановлена на базе довоенных пляцувок (ячеек. – *Прим. авт.*) по всей Польше. Большинство личного состава пляцувок составляют местные жители, прошедшие военное обучение.

Тайная военная организация «Войскова» в Западной Украине и Белоруссии, указывалось в отчете, весьма обеспокоена продвижением Красной Армии на запад и планирует восстание в Западной Украине и Белоруссии с приходом туда ее частей. Уполномоченный польского эмигрантского правительства особо подчеркивал в своем отчете, что он лично не верит в успех такого восстания и заранее знает, что оно обречено на неудачу, тем не менее рекомендует осуществить эту акцию «исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим».

Решение по этому вопросу польское эмигрантское правительство приняло довольно быстро. Уже 12 октября 1943 года внешняя разведка получила сведения о том, что польский эмигрантский генеральный штаб в Лондоне с согласия своего правительства направил уполномоченному в Польше инструкции готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении ее на территорию Польши. Вооруженные отряды подпольной Армии Крайовой (А.К.), в соответствии с этими инструкциями, должны «вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением на Западной Украине и в Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих районах при вступлении туда Красной Армии. Для борьбы с партизанским движе-

нием и Красной Армией предусмотреть использование польской полиции, ныне официально находящейся на службе у немцев». Одновременно в Польшу было послано указание скрывать от населения упомянутые инструкции, но всячески возбуждать его против СССР путем пропаганды тезиса о том, что русские хотят захватить всю Польшу, закрыть католические костелы, обратить поляков в православных, выслать всех несогласных в Сибирь.

Польский генеральный штаб принял также решение переименовать польскую армию в «Армию национального освобождения» и сделать ее главным лозунгом «борьбу с коммунизмом и плутократией, за раздел крупных помещичьих имений». Штаб обещал солдатам после их возвращения в Польшу земельные наделы в размере 15–20 гектаров.

Источник внешней разведки, передавший ей это решение польского эмигрантского правительства и его генерального штаба, в своем сообщении подчеркнул, что принятие этих документов вызвало дискуссию. Не все члены правительства были согласны с такой линией поведения в отношении СССР и Красной Армии, которая, по их мнению, фактически означала подготовку к войне против СССР. Однако эмигрантское правительство заявило в ответ, что полностью рассчитывает в своих действиях на поддержку Англии и США, которые будто бы знают об указанных планах и одобряют их. По имевшимся у внешней разведки сведениям, польские представители в Лондоне ходатайствовали перед англичанами и американцами, чтобы было оказано давление на советское правительство с целью передачи Польше ряда украинских и белорусских земель.

Поэтому понятны усилия, которые советское руководство направляло в длительном дипломатическом диалоге с союзниками на то, чтобы во главе свободной и демократической послевоенной Польши находилось правительство, состоящее из представителей тех общественных и политических сил, которые вели подлинную борьбу за освобождение своей страны от гитлеровской оккупации.

Получаемая внешней разведкой информация говорила о том, что Англия и США были весьма обеспокоены разрывом Советским Союзом отношений с польским эмигрантским правительством в Лондоне, что значительно осложняло их планы поставить это правительство у власти в послевоенной Польше. Было ясно, что без поддержки СССР, освободившего Польшу от немецких войск, никакое правительство там существовать не может. Поэтому союзники, прежде всего англичане, делали все возможное, чтобы вынудить советское руководство признать лондонское правительство и восстановить с ним дипломатические отношения. В этих целях они, в частности, намеревались использовать встречу «большой тройки» в Тегеране, состоявшуюся 28 ноября – 1 декабря 1943 года.

Имея убедительную развединформацию, советская делегация была готова к таким маневрам. Когда Рузвельт заявил, что хотел бы

выразить надежду на то, что «советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским правительством» (имелось в виду эмигрантское правительство в Лондоне. – *Прим. авт.*), Сталин ответил: «Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают»[3]. Отвечая Черчиллю на его заявление о заинтересованности Англии видеть в послевоенной Польше правительство, с которым она была связана обязательствами, вовлекшими Англию в войну, глава советской делегации заявил, что «Россия не меньше, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы – за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне»[4].

Окончательная точка в вопросе о том, какому правительству будет принадлежать власть в освобожденной Польше, была поставлена на Крымской конференции глав правительств СССР, США и Англии. Советская делегация и на этот раз была хорошо информирована о планах и намерениях правительств Англии и США. Буквально накануне конференции разведка доложила руководству страны добытый ею документ – памятную записку английского МИД к Ялтинской конференции. По польскому вопросу в документе было записано: «Добиваться общего правительства Польши во главе с Миколайчиком. Связать это с границей, не решать вопрос о границах без решения вопроса о правительстве».

Позиция англичан состояла в том, чтобы, используя в качестве давления вопрос о восточных границах Польши, добиться принятия решения об объединении двух правительств и под этим флагом растворить Временное правительство, действующее в Польше, в лондонском эмигрантском правительстве.

Располагая этой информацией, советская делегация заняла на конференции гибкую позицию. Она выдвинула компромиссное предложение о реорганизации существующего в Польше Временного правительства и создании на его основе Польского временного правительства национального единства путем включения в него демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы[5]. После долгих обсуждений англичане и американцы были вынуждены в конечном счете согласиться с предлагаемыми советской делегацией формулировками, которые подводили черту под существованием польского эмигрантского правительства.

С учетом интересов Советского Союза решались и вопросы о границах Польши. На Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав Сталин заявил, что Советский Союз настаивает на том, чтобы украинские земли отошли к Украине, а белорусские – к Белоруссии. Между СССР и Польшей должна быть восстановлена

граница 1939 года, установленная советской конституцией и проходящая примерно по «линии Керзона».

Рузвельт и Черчилль согласились в принципе с таким подходом. Однако это не помешало Черчиллю попытаться и в этом вопросе потеснить интересы СССР. Ссылаясь на то, что советско-польская граница 1939 года в своей южной части якобы не совсем совпадает с «линией Керзона», он поставил вопрос о ее частичном переносе на восток в районе города Львова, таким образом, чтобы этот город оказался на территории Польши. Имея информацию разведки, советская делегация была готова к такому демаршу англичан. В ответ на заявление Черчилля Сталин возразил, что у Молотова есть точная карта прохождения «линии Керзона», и велел принести ее. Молотов разложил на столе карту и зачитал текст ноты Керзона советскому правительству от 1920 года, в которой говорилось, что «линия границы проходит приблизительно так: Гродно–Яловка–Немиров–Брест-Литовск–Дорогуск–Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы Русской, восточнее Перемышля до Карпат».

Черчилль и Иден ничего не смогли возразить. Обращаясь к Сталину, Черчилль сказал: «По-видимому, участники конференции не имеют существенных расхождений по поводу западных границ Советского Союза, включая и проблему Львова...»[6].

Согласились руководители Англии и США в Тегеране и Ялте и с предложением Советского Союза о том, чтобы Польша получила существенное приращение своей территории на западе и севере за счет поверженной Германии.

Решения Крымской конференции не были приняты деятелями эмигрантского правительства. Свои претензии на власть в Польше они пытались отстаивать не столько политическими, сколько силовыми методами.

Внешняя разведка получила данные, что лондонское правительство, согласившись распустить основную часть подчиненной ему Армии Крайовой, решило сохранить небольшие, мобильные, хорошо законспирированные боевые группы. В перехваченном разведкой приказе главнокомандующего А.К. в этой связи говорилось:

– наступление Красной Армии расценивать как новую оккупацию Польши;

– Временное правительство Польской республики не признавать. Законным правительством считать только польское правительство в Лондоне;

– в изменившихся условиях борьбы стремиться занимать различные посты в аппарате Временного правительства;

– в условиях новой оккупации использовать все легальные возможности, стараться завладеть всеми отраслями жизни Временного правительства;

– Армию Крайову распустить. Личный состав от присяги освободить. Командирам не легализовываться. Оружие и радиосвязь скрыть. Скомпрометированных лиц отправить в другие места. Хорошо законспирированные штабы оставить в подполье.

Лондонское эмигрантское правительство приспосабливало таким образом подпольные структуры к продолжению вооруженной борьбы за власть. С этой целью из наиболее преданных эмигрантскому правительству бойцов и офицеров была образована подпольная диверсионно-террористическая организация «Вольность и неподлеглость», действовавшая в Польше примерно до 1947 года.

Настораживали данные о том, что и после Крымской конференции лондонское правительство продолжало искать контакты с немецкими властями в Польше в целях координации борьбы с Красной Армией. В одной из радиограмм лондонского правительства, предназначенной для подпольных групп, предписывалось «прекращение активных действий и террористических акций против немцев, полицейских, офицеров и солдат СС» и усиление «диверсионной борьбы с частями Красной Армии».

Немцы шли на такое сотрудничество. К концу войны фашистское руководство Германии дало указание своим спецслужбам и военным активизировать работу по созданию на территории восточноевропейских стран националистических формирований для борьбы против советских войск и создаваемых в освобождаемых странах государственных и общественно-политических структур. В этих целях немцы поощряли установление контактов с подпольными организациями в Чехословакии и Польше, связанными с эмигрантскими правительствами в Лондоне. Немцы вооружали эти организации, в некоторых случаях даже направляли в них своих советников и инструкторов, подталкивая к совершению диверсионных акций.

Так, в феврале 1944 года разведка получила сведения о переговорах представителей абвера, полиции безопасности и СД с подпольными польскими формированиями о предоставлении немецкого оружия для «совместной борьбы против большевизма». Поляки высказали пожелание, чтобы польские и немецкие разведывательные и контрразведывательные органы работали во взаимодействии.

По данным военной разведки и органов СМЕРШ, имели место многочисленные случаи заброски немцами на парашютах в расположение подпольных отрядов оружия и боеприпасов. Среди пленных попадались и немецкие офицеры-инструкторы.

Получала внешняя разведка и сведения о передаче англичанами тем же группам оружия и боеприпасов. Их офицеры проходили обучение диверсионно-подрывному делу в английских спецшколах. Посылали англичане своих инструкторов и непосредственно в боевые отряды. В одной из радиограмм лондонского эмигрантского правительства содержалось указание держать в строгом секрете наличие

английских офицеров в отрядах и никоим образом не допустить, чтобы кто-нибудь из них попал в плен к русским.

Сдавшийся в плен начальник диверсионного отдела одной из подпольных организаций показал, что прошел подготовку в Англии в двух спецшколах, а затем был заброшен в Польшу на английском самолете. В школах, наряду с подготовкой по диверсионному курсу, он и другие слушатели, офицеры А.К., обучались применению различных биохимических препаратов и ядов на объектах пищевой промышленности и водоснабжения.

Другой структурой, на которую польское эмигрантское правительство в Лондоне опиралось в борьбе за власть, являлась армия генерала Андерса. Эта армия была создана на территории СССР в 1941 году в основном из польских военнослужащих, находившихся в Советском Союзе после оккупации Польши Германией в 1939 году в соответствии с советско-польским военным соглашением, подписанным 14 августа 1941 года. По этому соглашению польская армия, командующим которой лондонское правительство назначило генерала Андерса, должна была принять участие в совместных боевых операциях на советско-германском фронте. Финансирование, экипировка и вооружение армии были проведены за счет советской стороны. Однако лондонское правительство уклонилось от взятых на себя обязательств и отказалось от посылки частей армии Андерса на фронт. В 1942 году оно настояло на выводе армии Андерса, численность которой к тому времени превышала сто тысяч человек, в Иран, а затем в Ирак.

Впоследствии эта армия под англо-американским командованием приняла участие в боевых действиях в Италии. К концу войны численность ее увеличилась до нескольких сот тысяч человек за счет поляков, находившихся за границей. Андерс заявлял, что сформирует миллионную армию. Однако англичане более трезво смотрели на вещи и понимали нереальность таких планов. Тем не менее они рассчитывали на то, что им удастся добиться от Советского Союза согласия на репатриацию этих воинских контингентов без предварительного расформирования, что позволило бы оказывать существенное влияние на развитие событий в Польше.

Решение польского вопроса, прежде всего о власти и о границах, во многом зависело от того, какое правительство будет создано в Польше, насколько удастся выполнить решение Крымской конференции о создании в стране временного правительства национального единства. В Польше в ходе ее освобождения Советской Армией и частями Войска Польского Крайовой Рады Народовой был создан в 1944 году Польский комитет национального освобождения (ПКНО) – временный исполнительный орган народной власти в Польше. Комитет был образован на многопартийной основе. В него вошли представители партий и организаций, принимавших реальное участие в борьбе

за освобождение Польши. Правительство СССР заключило с ПКНО соглашение, предусматривающее передачу ему власти на освобожденных польских территориях. Впоследствии ПКНО был преобразован Крайовой Радой Народовой во Временное правительство Польской республики. Местом его пребывания до освобождения Варшавы был город Люблин. Союзники называли это правительство «люблинским». Советское правительство рассматривало его как реальную народную власть в освобожденной Польше и тесно сотрудничало с ним по вопросам жизнеобеспечения Польши, принятия безотлагательных мер по восстановлению важных объектов народного хозяйства, борьбы с преступностью и бандитизмом, поддержания правопорядка в стране. Эмигрантское правительство в Лондоне отказывалось признавать Временное правительство. В этом его поддерживали долгое время Англия и США.

Буквально на следующий день после окончания Крымской конференции Иден направил своему послу в Москве Кэрру директивное указание о том, как следует вести себя при обсуждении с Молотовым вопроса о формировании нового польского правительства.

В указании говорилось: «С точки зрения правительства Его Величества и правительства США основными моментами польского вопроса являются следующие:

1. В новом польском Временном правительстве национального единства должны быть соразмерно представлены различные нелюблинские группы польского общественного мнения.

2. Эти группы должны быть в состоянии оказать действительное влияние не только на решения нового правительства, но также и на выполнение этих решений.

3. Новое правительство должно иметь максимальное доверие со стороны антилюблинских поляков внутри Польши и за границей, включая, конечно, польские вооруженные силы, находящиеся под нашим командованием, и со стороны английского, американского и мирового общественного мнения.

4. Созданному таким образом новому правительству должно быть обеспечено существование до момента перевыборов.

5. До создания нового правительства положению антилюблинских поляков в Польше не должно быть нанесено никакого ущерба».

Далее в директиве указывалось, что Кэрру «следует без колебаний открыто действовать в качестве адвоката других (имеется в виду нелюблинских. – *Прим. авт.*) поляков, находящихся внутри Польши и за границей». Назывались в директиве и конкретные имена польских политических деятелей правого толка, которых Англия и США намеревались поддерживать. Среди них – глава польского правительства в Лондоне Миколайчик, министр того же правительства Ромер, политический деятель правой ориентации Грабский, лидер правой Народной партии Витос, польский архиепископ, митрополит

Краковский Адам Сапега и ряд других настроенных негативно по отношению к Советскому Союзу и люблинскому правительству деятелей довоенной буржуазной Польши.

Перед началом работы комиссии англичане вместе с Миколайчиком подготовили секретный список на 35 человек, кандидатуры которых союзники намеревались предложить в ходе консультаций, и добиваться включения части этих лиц в новое польское правительство. Внешняя разведка через свою агентуру в Лондоне получила этот список и направила его советскому правительству. Она дала подробные характеристики на большинство включенных в него лиц.

Для Советского Союза в тот период было важно добиться скорейшего прекращения официальных отношений Англии и США с лондонским эмигрантским правительством. Данные разведки о позициях и намерениях Англии и США в польском вопросе позволили советской дипломатии, пойдя на ряд разумных уступок и компромиссов, добиться их согласия на создание приемлемого для обеих сторон правительства, ядром которого оставалось существовавшее ранее Временное правительство Польской республики.

28 июня 1945 года Крайова Рада Народова, следуя рекомендациям, совместно выработанным СССР, Англией и США, сформировала новое Польское временное правительство национального единства во главе с Осубка-Моравским, в котором были представлены основные политические силы Польши. Миколайчик вошел в него в качестве второго вице-премьера. 5 июля США и Великобритания официально признали новое правительство Польши.

Создание правительства национального единства и признание его западными союзниками было большим успехом советской дипломатии. Можно без преувеличения сказать, что добываемая разведкой информация сыграла здесь решающую роль.

Союзники, в первую очередь англичане, были очень обеспокоены таким развитием событий в польском вопросе. Их планы создания прозападной Польши рушились. 11 мая 1945 года Черчилль направил Трумэну телеграмму о необходимости созыва конференции глав трех держав для решения польского вопроса. Ее содержание выдает крайнее беспокойство Черчилля. Он подчеркивал, что «разрешить польскую проблему будет легче, если поставить ее в связь с теперь уже многочисленными, первостепенной важности вопросами, которые имеют крайне серьезный характер и требуют срочного урегулирования их с русскими. Я опасаюсь, что в период продвижения русских в глубь Германии, к Эльбе, произошли ужасные вещи. Предполагаемый отвод американских армий к оккупационным линиям, обусловленным с русскими ...означал бы тенденцию к продвижению зоны доминирования русских вперед на 120 миль по фронту в 300 или 400 миль. Это было бы событием (если бы оно произошло)

наиболее мрачным в истории. ...Польша окажется полностью поглощенной и запрятанной глубоко в оккупированных русскими землях».

В качестве одного из средств для парирования русской угрозы Черчилль предлагал Трумэну не отводить войска с занимаемых ими позиций до тех пор, пока Англия и США не получат удовлетворения в вопросе о Польше.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, Англии и США – подвела черту дебатам союзников по вопросу о судьбе послевоенной Польши.

Внешняя разведка сообщала, что лондонское правительство с молчаливого согласия англичан и американцев пытается продолжать свою деятельность. Поэтому советская делегация поставила вопрос о подтверждении западными союзниками признания ими Польского временного правительства национального единства и прекращении всех отношений западных союзников с польским эмигрантским правительством. Англия и США вынуждены были взять на себя обязательства по защите интересов Польского правительства национального единства в отношении собственности, принадлежащей польскому государству, находящейся на их территориях, и облегчению возвращения в Польшу всех поляков, которые этого пожелают, включая и членов польских вооруженных сил и торгового флота.

Польское правительство национального единства взяло на себя обязательства провести в Польше свободные выборы и предоставить представителям союзной печати возможность беспрепятственно освещать их[7].

Все попытки западных союзников оговорить для себя условия для вмешательства во внутренние дела Польши были отклонены советской делегацией.

Остро проходило на Потсдамской конференции обсуждение вопроса о западных границах Польши. В Тегеране и Ялте Черчилль согласился с тем, что послевоенные границы Польши следует сдвинуть на Запад. Он рассчитывал тогда на то, что западным союзникам удастся в конечном счете добиться возвращения в Польшу лондонского правительства. В Берлине Черчилль уже сопротивлялся такому переносу границ. Данные разведки говорили о том, что Черчилль вновь, как это было в Крыму, попытается связать вопрос о границах с вопросом о власти в Польше и в этих целях поставит вопрос о контроле западными союзниками предстоящих в Польше выборов постоянных органов власти.

Советская делегация внесла предложение пригласить в Потсдам делегацию нового правительства Польши с тем, чтобы, в соответствии с решениями Крымской конференции, заслушать мнение поляков относительно западных границ их государства. Черчилль долго

и упорно возражал против такого приглашения, но конференция в конце концов направила его полякам[8].

Польскую делегацию на Потсдамской конференции возглавил президент Крайовой Рады Народовой Польской республики Болеслав Берут. В ее состав были включены Миколайчик и Грабский – политические деятели, на вхождении которых в польское правительство настаивал Иден в упоминавшемся выше письме к английскому послу в Москве Кэрру. Союзникам, таким образом, трудно было обвинить польскую делегацию в односторонности и предвзятости. Выступая от имени всех поляков, польская делегация обосновала требованиями национальных интересов страны прохождение западной границы Польши по линии Одер – Западная Нейсе.

Ввиду упорного нежелания Черчилля, которого поддержал и Трумэн, конференция не приняла окончательного решения о передаче Польше восточных германских земель. В заключительной резолюции по Польше главы трех союзных правительств лишь подтвердили свое мнение, что окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирной конференции. Вместе с тем советской делегации удалось настоять на включении в эту резолюцию положения о том, что до окончательного определения западной границы Польши эти земли должны находиться под управлением польского государства и не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации Германии[9].

Такой компромисс устраивал и советскую, и польскую стороны. Де-факто он устанавливал прохождение границы по линии Одер – Западная Нейсе.

Западным державам не удалось возродить довоенную, враждебно настроенную в отношении нашей страны Польшу. Немалая заслуга в этом принадлежит и внешней разведке, сумевшей в годы войны обеспечить руководство страны информацией, необходимой ему для оперативного принятия решений.

---

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сборник документов. – М.: Политиздат, 1979. – С. 98–99.

[2] Там же. – С. 99–100.

[3] Там же. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. – М.: Политиздат, 1979. – С. 163.

[4] Там же. – С. 164.

[5] Там же. Том IV. Крымская конференция... – С. 130, 151, 269.

[6] **Бережков В.** Тегеран, 1943. На конференции «большой тройки» и в кулуарах. – М.: Изд. АПН, 1968. – С. 104.

[7] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): Сборник документов. – М.: Политиздат, 1980. – С. 472.

[8] Там же. – С. 133–139.

[9] Там же. – С. 473.

40

Венгерские мотивы на турецкой земле

1943 год знаменовал коренной перелом в ходе Второй мировой войны. Фашистская Германия терпела неудачи на всех театрах военных действий, однако главные поражения она понесла на Восточном фронте. Выход советских войск к границам государств Восточной и Центральной Европы стал лишь вопросом времени. Крах Третьего рейха был не за горами. В этих условиях союзники и сателлиты гитлеровской Германии начали лихорадочно искать пути к выходу из войны и заключению сепаратного мира с Англией и США.

Первой эту задача решила Италия, которая после серии переговоров с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции в сентябре 1943 года вышла из войны. В это же время представители королевской Румынии пытались установить неофициальные контакты с советским правительством. Тогда же активизировалась монархофашистская Болгария, которая направляла одного за другим своих эмиссаров в Стамбул, Касабланку, Каир для секретных встреч с англо-американцами. То, что Германия уже не в состоянии выиграть войну, понимали и в ближайшем окружении регента Венгрии Хорти. Там решили, что пора последовать примеру других союзников Германии, и начали предпринимать настойчивые попытки к налаживанию тайных связей с представителями Англии и США для обсуждения условий выхода Венгрии из войны.

Перед советской разведкой была поставлена задача внимательно следить за тайными переговорами представителей союзных Германии государств с англо-американцами и всесторонне освещать их содержание.

Устремления своих союзников не были, конечно, секретом и для Гитлера. Об этом красноречиво говорят записи в дневнике министра пропаганды Германии Геббельса. Он писал: «Финская, румынская и венгерская печать сообщила о предательстве Италии без каких-либо

комментариев. Совершенно ясно, что Финляндия, Румыния и Венгрия заняли выжидательную позицию...» Через несколько дней в его дневнике появилась следующая запись: «Что касается возможного предательства со стороны других государств, то ясно, что Хорти (регент Венгрии) определенно хочет отойти от нас. Но фюрер уже принял необходимые меры против этого...»

Летом 1944 года немецкие и румынские войска потерпели тяжелое поражение в ходе Ясско-Кишиневской операции, в которой армии 2-го и 3-го Украинских фронтов полностью разгромили группу армий «Южная Украина». Были уничтожены 22 немецкие и почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте. Румыния выпала из вражеской коалиции. 23 августа 1944 года в Бухаресте вспыхнуло народно-освободительное восстание, диктатура Антонеску была свергнута. Сам диктатор был арестован дворцовой охраной и изолирован от своих сторонников. Король Михай был скрытно доставлен на конспиративную квартиру компартии Румынии, где ему была обеспечена безопасность. Там он дождался победного окончания восстания.

Внешняя разведка своевременно информировала советское руководство об обострении противоречий между румынским королем Михаем и Антонеску. Она докладывала о нарастании недовольства населения в связи с огромными потерями, которые несла румынская армия на Восточном фронте, поведением немцев и действиями военной администрации.

Гитлер был вне себя от ярости, он приказал бомбить Бухарест, отыскать и спасти Антонеску, арестовать изменившего ему Михая, но было уже поздно: советские войска стремительно приближались к Бухаресту. 12 сентября Румыния подписала с государствами – союзниками по антигитлеровской коалиции соглашение о перемирии и выступила против Германии.

19 сентября 1944 года пришла очередь Финляндии – она разорвала отношения с Берлином и вышла из войны. Десятью днями раньше в результате всенародного восстания пал монархо-фашистский режим в Болгарии, куда вошли войска 3-го Украинского фронта. Болгарская армия не оказала сопротивления, а народ радостно приветствовал своих освободителей. Болгария прекратила войну 9 сентября.

Последним вассалом гитлеровской Германии в центре Европы оставалась Венгрия, солдаты которой продолжали сражаться против Советской Армии. В Будапеште все еще рассчитывали, что Венгрии удастся без особого труда договориться с англо-американцами о сепаратном мире с учетом общей заинтересованности в том, чтобы не допустить советские войска в пределы Центральной Европы. Там надеялись на У. Черчилля, помня его планы высадки англо-американского десанта на Балканах.

Первые попытки установить неофициальные контакты с представителями Англии и США были предприняты венграми в 1943 году в Лиссабоне, Берне, Стокгольме и Ватикане, но они не дали конкретных результатов. По инициативе Будапешта дальнейшие шаги к переговорам с англо-американцами были сделаны в Стамбуле, деловом и финансовом центре Турции.

Эта страна как место для тайных контактов была избрана венграми не случайно. В годы войны Турция, несмотря на официально провозглашенный нейтралитет, занимала откровенно прогерманскую позицию. 18 июня 1941 года, то есть за четыре дня до нападения фашистской Германии на Советский Союз, турецкое правительство заключило с Берлином пакт о дружбе и ненападении, явно направленный против СССР. В 1941–1942 годах правящие круги Турции вели с Германией переговоры о возможном участии турецких войск в войне против СССР и готовились к ней.

То, что в итоге Турция все же не была втянута в войну против СССР, объясняется поражениями немцев под Сталинградом и на Кавказе. Под влиянием побед Красной Армии и под нажимом США и Англии турецкое правительство 24 февраля 1945 года, всего за два с половиной месяца до капитуляции Германии, объявило о том, что Турция находится в состоянии войны с Германией и Японией. Президент Турции Исмет Иненю 1 ноября 1945 года откровенно признавал: «Наше вступление в войну против немцев произошло лишь по желанию союзников. Должно быть, они были в этом заинтересованы, если они потребовали от нас этого».

В годы войны в Турции действовали резидентуры советской разведки в Стамбуле и Анкаре, а также разведпункт в Карсе у советско-турецкой границы. Главной считалась стамбульская резидентура. Центр требовал направить силы и средства резидентур на добывание информации о военных планах и приготовлениях Турции на нашей границе. Турецкие власти делали все, чтобы блокировать деятельность советской разведки, и условия для работы советских разведчиков были тяжелыми.

В 1941 году «легальную» резидентуру в Стамбуле возглавил Георгий Иванович Мордвинов. Он родился в 1896 году в Забайкалье в бедной крестьянской семье, с малых лет работал подсобным рабочим на заводе, служил посыльным в магазине в Чите. Во время Первой мировой войны в 1915 году был призван в армию и сражался на фронте в составе команды конных разведчиков. В 1918 году он работает в Забайкальской ЧК, а с 1926 года – в ЧК Крыма. После перехода на работу во внешнюю разведку был командирован в Монголию, а затем в Китай. В 1937 году был уволен из органов безопасности за несогласие с арестом одного из сотрудников, за которого он поручился. По тем временам это был поступок, который требовал большого

гражданского мужества. В 1938 году он учился в Институте красной профессуры и работал в Исполкоме Коминтерна.

В 1940 году Мордвинов снова во внешней разведке. Вскоре его направили в Турцию, где он поначалу испытывал значительные трудности: сказывалось незнание турецкого языка и местных особенностей. Постепенно он включился в активную работу, руководил проведением ряда острых операций, сам участвовал в них.

В феврале 1942 года, по имеющимся данным, немецкие спецслужбы во взаимодействии с турецкими организовали инсценировку покушения на германского посла фон Папена. Преследовались две цели: подорвать официальный нейтралитет Турции и подтолкнуть турецкое правительство к вступлению в войну против СССР, а также скомпрометировать советских представителей, выставив их в качестве террористов.

В последнее время в некоторых публикациях получила распространение версия о причастности советской разведки к организации покушения на фон Папена, повторяющая утверждения турецких властей. В архиве СВР России документов, свидетельствующих в пользу этой версии, нет.

24 февраля 1942 года в Анкаре на бульваре Ататюрка прогремел взрыв, при этом погиб человек, который нес взрывное устройство. У погибшего, который оказался болгарином, полиция обнаружила пистолет с холостыми патронами. В момент взрыва фон Папен находился за пределами радиуса поражения осколками бомбы. Тем не менее турецкие власти сразу же объявили, что было предпринято покушение на германского посла. Между тем примерно в ста метрах от места происшествия фон Папена поджидала автомашина германского военного атташе. Вызванные потом в суд в качестве свидетелей немецкие представители утверждали, что эта автомашина оказалась там «совершенно случайно».

Проявив невиданную оперативность, полиция уже через сутки задержала студента Абдурахмана и парикмахера Сулеймана, которые, как и погибший при взрыве, сразу же были объявлены коммунистами, причастными к террористическому акту. Вскоре были арестованы работники торгпредства СССР Павлов и Корнилов (сотрудники резидентуры). Им было предъявлено обвинение в том, что они «замешаны в организации покушения». Советское генконсульство в Стамбуле и посольство в Анкаре были оцеплены жандармерией, был организован налет на наших дипкурьеров, в прессе поднята новая волна антисоветской шумихи. Был арестован и Мордвинов.

Судебное разбирательство в анкарском уголовном суде сопровождалось грубейшими нарушениями процессуальных норм. Обвиняемым не дали возможности ознакомиться с материалами предварительного следствия, показания «свидетелей» не переводились на русский язык. Так, обвиняемый Абдурахман давал показания в суде в течение

шести часов, а перевод этих показаний для Павлова уместился в 15 минут. Прокурор демонстративно игнорировал свидетельские показания и документы, которые могли быть истолкованы в пользу советских граждан.

Показания турецких граждан, как обвиняемых по делу, так и многочисленных свидетелей, были полны противоречий, вымыслов и очевидного стремления оговорить Павлова и Корнилова. К примеру, один из свидетелей «опознал» в Павлове нанимателя квартиры, хотя на самом деле эту квартиру снимал Корнилов, а Павлов, по словам владелицы квартиры, ни разу там не был. Тот же Абдурахман утверждал в суде, что видел Корнилова в Анкаре в сентябре 1941 года, тогда как последний оказался в турецкой столице лишь в январе 1942 года.

В конце концов суд выполнил то, что от него требовалось, и признал Павлова и Корнилова «организаторами покушения на фон Папена». Они были приговорены к 20 годам тюремного заключения каждый. Вторичное судебное разбирательство, назначенное по решению кассационного суда, завершилось сокращением срока наказания до 16 лет и 8 месяцев. Мордвинов был осужден на 6 лет лишения свободы.

Во время следствия и суда советские разведчики отвергли предъявленные им сфабрикованные обвинения, держались стойко и достойно. Тем не менее провокация с покушением на германского посла и последовавшие судебные процессы над советскими гражданами не могли не отразиться на активности советской разведки в Турции, и резидентуры с согласия Центра были вынуждены временно свернуть разведывательную деятельность.

Тем временем гитлеровская Германия на фронтах Великой Отечественной войны терпела одно поражение за другим, и турецкий меджлис 2 августа 1944 года принял решение о разрыве дипломатических отношений с Германией. В тот же день он утвердил постановление об освобождении из тюрьмы Павлова, Корнилова и Мордвинова. Они провели в заключении более двух лет. Правительство СССР и советские диппредставительства в Турции все это время пытались добиться их освобождения[1].

После ареста Мордвинова резидентуру возглавил его заместитель Михаил Матвеевич Батурин. У него за плечами были годы работы в органах контрразведки в Азербайджане и Грузии. В 1929 году он закончил в Москве Высшую пограничную школу, а в 1937 году поступил в Московский институт востоковедения, где изучал турецкий и французский языки, причем турецким овладел в совершенстве. В 1940 году Батурин был направлен в Турцию.

Опыт службы в органах безопасности помог Батурину быстро приобрести навыки вербовочной работы за рубежом, и через некоторое время ему удалось привлечь к сотрудничеству с разведкой несколько полезных источников информации.

Хотя решить все поставленные задачи не удалось, тем не менее советская разведка в Турции сумела добыть полезные документальные материалы и надежные сведения, в том числе о связях турецкой разведки с разведками США и Англии, их совместных мероприятиях против СССР, об английской агентуре в Турции, а также и о тайных контактах союзников СССР с эмиссарами сателлитов Германии, которые появлялись в Стамбуле.

Объектами разведывательного проникновения наших резидентур в Стамбуле и Анкаре были, в частности, загранучреждения Венгрии. Как немцы, так и венгры чувствовали себя в Турции раскованно и свободно. Стамбул представлял собой идеальный город для встреч, которые могли быть скрыты от любопытных взоров. Там одновременно находились представители воюющих сторон: США, Великобритании, СССР и Германии, а также ее сателлитов – Венгрии, Болгарии и других стран. Стамбул кишел иностранцами. В кривых, узких улочках, среди бесчисленных лавок и лотков торговцев, множества контор и различных агентств, толчеи пестрого восточного базара нетрудно было затеряться. Правда, турецкая контрразведка активно использовала торговый люд и ремесленников Стамбула для наблюдения за тем или иным иностранцем, если он попадай в поле ее зрения.

Венгры облюбовали для дружеских встреч стамбульский ресторан «Тироль», который славился мясными блюдами. Здесь, в узком кругу «своих», венгерские дипломаты, коммерсанты, сотрудники пароходного агентства «Дунай» и визитеры, приезжавшие из Будапешта, обсуждали служебные дела, вели откровенные беседы и обменивались мнениями по политическим вопросам. Агент нашей резидентуры был одним из «своих» в этом кругу и фиксировал все, что могло представить интерес для советской разведки. Он же время от времени посещал ресторан «Анталия», где собирались и по-дружески болтали жены тех, кто сидел за столом в «Тироле». Нередко он там и получал полезные сведения.

Советской разведке стало известно, что венгры избрали Стамбул местом для конфиденциальных контактов с англо-американцами. Один из агентов резидентуры, дипломат иностранного представительства, закончив дела, сложил в портфель копии документов, которые в последние дни прошли через его руки, и вышел на улицу. Стамбул жил своей обычной жизнью, гудел порт, кричали торговцы, зазывая покупателей, разносчики газет сновали между автомашинами и пролетками извозчиков, на фоне голубого неба высились минареты знаменитых стамбульских мечетей. Дипломат не спеша прогулялся по торговым рядам, зашел в кафе выпить чашечку душистого, заваренного по-турецки крепкого кофе. Посидев за столиком и просмотрев вечерние выпуски газет, он продолжил свой путь, взял такси и попросил шофера отвезти его в другой конец города. У въезда в кривую улочку пассажир расплатился и скрылся за поворотом.

Навстречу ему шел иностранец в шляпе с таким же, как у нашего героя, портфелем в руке. Это был сотрудник нашей резидентуры Сергей, который, не обращая внимания на идущего ему навстречу дипломата, внимательно наблюдал за тем, что происходило у того за спиной. Все было, говоря профессиональным языком, «чисто». Поравнявшись, они невзначай на мгновение коснулись друг друга. В руке Сергея уже был портфель дипломата с документами, а тот удалялся с портфелем разведчика, где находилась обусловленная сумма в английских фунтах стерлингов. Свернув в боковой переулок, Сергей сел в поджидавшую его автомашину и направился в резидентуру.

Батурин, ознакомившись с доставленными документами, похвалил разведчика. «Намечается серьезная политическая игра, Сергей, – сказал он. – Важно ничего не упустить и быстренько доложить в Москву. За спиной Советского Союза ведется подозрительная возня, союзники проявляют себя двурушниками. Нам надо сделать так, чтобы последний сателлит Германии – Венгрия не договорилась о сепаратном мире с ними». «Все ясно, – ответил Сергей. – Уверен, что наш источник не подведет. Он свое дело знает, Михаил Матвеевич!»

В полученной информации говорилось о визите в Стамбул известного венгерского ученого-биохимика, лауреата Нобелевской премии профессора Альберта Сент-Дьерди в феврале 1943 года. Он прибыл в Стамбул с согласия регента Хорти и главы венгерского правительства Каллаи и выступал в контактах с представителями Англии и США в качестве посланца либеральных и демократических организаций Венгрии. Во время бесед с ними профессор зондировал отношение англо-американцев к предложению правящих кругов Венгрии о ее выходе из войны на определенных условиях. Сент-Дьерди сообщил партнерам по переговорам, что в Будапеште готовы начать военные действия против немецких войск, как только дивизии союзников окажутся на южных границах Венгрии. Он намекнул, что, возможно, возглавит новое демократическое правительство Венгрии.

Вскоре выяснилось, что миссия Сент-Дьерди была лишь пробным шаром. В дальнейшем он в переговорах с англо-американцами участия не принимал. (По окончании войны ученый-биохимик выехал в США и получил американское гражданство.)

Не меньший интерес для советского руководства представили переговоры с представителями союзников секретаря министерства иностранных дел Венгрии Ласло Вереша и венгерского военного атташе в Турции Отто Хатца (Хатцеги). Их результатом стала договоренность о приезде в Стамбул для продолжения тайных контактов с англо-американцами группы венгерских военных экспертов, а также о налаживании радиосвязи между Будапештом и Стамбулом.

Однако время шло, а конкретных результатов в переговорах с венграми союзники получить не могли, и это начинало раздражать англичан. Планы У. Черчилля о высадке англо-американского десан-

та на Балканах становились призрачными, а Советская Армия тем временем приближалась к Румынии и в короткий срок могла выйти к границам Венгрии.

Вот какой представлялась канва событий из донесений советской разведки. В августе 1944 года Ласло Вереш вновь неожиданно появился в Стамбуле и заявил англичанам, что представляет в переговорах с ними премьер-министра Каллаи, министра внутренних дел Керестеш-Фишера, начальника генерального штаба Сомбатхельи и заместителя министра иностранных дел Масака. Он сказал также, что перед отъездом в Турцию его приняли Каллаи и Масак, которые уполномочили его заявить партнерам, что они искренне стремятся договориться с союзниками о сепаратном мире. Англичане, однако, настороженно отнеслись к словам Ласло Вереша и перепроверили его полномочия через связанного с ними венгерского консула в Стамбуле Ужвари. Последний подтвердил, что эмиссару из Будапешта действительно поручено вести переговоры и что у него имеется при себе конфиденциальное послание правительства Венгрии.

Убедившись, что венгерская сторона на этот раз настроена серьезно, англичане подключили к переговорам с Ласло Верешем советника своего посольства Стерндаля. В присутствии консула Ужвари Вереш вручил Стерндалю послание своего правительства. Венгрия, говорилось в нем, согласна на безоговорочную капитуляцию, а венгерская армия готова защищать границы страны от вероятного вторжения немцев и помочь союзным войскам вступить в пределы Венгрии. Будапешт согласился предоставить англо-американским войскам аэродромы и все другие военные объекты, какие будут необходимы в ходе операции.

9 сентября советник Стерндаль вручил Верешу следующий ответ:

«1) Правительство Его Величества желает видеть в качестве представителей Венгрии некоторых высших и уполномоченных на переговоры лиц, имена которых могут быть опубликованы, когда венгерское правительство сочтет это удобным.

2) Правительство Его Величества ожидает, чтобы правительство Венгрии объявило в удобный момент о том, что оно согласно безоговорочно капитулировать, и как можно скорее приступило бы к мерам, которые предложило венгерское правительство в своем послании.

3) Если венгерское правительство считает, что время для объявления о безоговорочной капитуляции не наступило, то тогда оно, очевидно, должно будет в ближайшем будущем порвать с Германией и оказать помощь союзным силам, чтобы задержать действия немцев и воспрепятствовать актам саботажа с их стороны.

Если венгерское правительство принимает третий пункт, то правительство Его Величества готово сообщить о формах и средствах его осуществления через венгерского военного представителя в Стамбуле, как это рекомендовал Вереш».

Послание английской стороны требовало от венгров радикальных решений, и Вереш заверил Стерндаля, что немедленно отправится в Будапешт для доклада премьер-министру Каллаи и надеется на положительный результат. Он предложил поддерживать контакт во время его отсутствия с помощью радио. Однако после отъезда Вереша в англо-венгерских переговорах наступила пауза. Причина состояла в разногласиях в правящей верхушке Венгрии, и 29 сентября 1944 года Вереш радировал англичанам из Будапешта, что регент Хорти и премьер-министр Каллаи проинформированы о содержании переговоров, которые он вел в Стамбуле, и «принимают во внимание все возможные последствия своих эвентуальных решений». Он сообщил также, что консул Ужвари вызван в Будапешт для обсуждения проблемы в целом и вернется в Стамбул с подробной информацией. Вереш счел нужным подчеркнуть в радиограмме, что аппаратура радиотелеграфной связи установлена в МВД и находится под личным контролем министра.

Однако Ужвари в Стамбуле не появился, и Вереш снова радировал партнерам, что венгерский представитель в Стокгольме проинформировал Будапешт об установлении контакта с союзниками. В связи с этим он спрашивал, что бы это могло означать? Англичане поняли, что венгры тянут время и что страх перед вступлением Красной Армии в Венгрию у них переплетается с боязнью карательных акций со стороны немцев, если секретные переговоры выйдут наружу.

6 октября Вереш сообщил английским партнерам, что возвращение Ужвари в Стамбул намечено на 15 октября, и подчеркнул, что «дело продвигается с трудом» из-за колебаний в Будапеште, где опасаются жестких мер со стороны немцев, а также учитывают стремительное наступление русских и медлительность союзников в Италии. Более того, в радиограмме Вереша содержался намек на возможное заключение мира между нацистами и русскими. Было ясно, что венгры хотели бы поторопить англо-американцев с принятием решения о сепаратном мире без объявления со своей стороны о безоговорочной капитуляции.

На следующий день англичане направили в Будапешт ответ: «Ваше любезное сообщение показывает, что положение серьезное. Мы неоднократно информировали Лондон о том, что Будапешт должен сейчас сделать выбор между союзниками и Германией. Если Будапешт теперь неожиданно откажется, то Лондон может отвергнуть в будущем все попытки, и мы никогда больше не сумеем убедить Лондон в серьезности Будапешта. Если Ужвари потеряет время, то мы боимся, что Лондон порвет все связи. Эти действия Каллаи и некоторых его друзей могут причинить такой ущерб Венгрии, от которого она не оправится в течение нескольких поколений. Лично Вы выполнили свою задачу смело и превосходно». Англичане подкрепили свои угро-

зы делом: через несколько дней на города Венгрии англо-американская авиация обрушила тонны фугасных бомб.

Добытые разведкой сведения об англо-венгерских тайных переговорах 13 октября 1944 года были доложены Сталину, Молотову и Берии. Что касается Ласло Вереша, то он оказался в советском плену и во время допросов утверждал, что всегда был противником войны и «сочувствовал вступлению Красной Армии в Венгрию».

Наряду с конфиденциальными контактами с англичанами, венгры еще в сентябре 1943 года начали секретные переговоры с американскими представителями в Турции. В этих целях из Софии в Стамбул прибыл венгерский военный атташе в Болгарии Отто Хатц.

«Господа, – обратился он к помощнику американского военно-морского атташе и сопровождавшим его офицерам, – я не уполномочен вести политические переговоры. Я могу лишь доложить о беседе с вами своему руководству. Если мне будет поручено продолжить переговоры, то я вскоре вернусь в Стамбул для возобновления контакта». Американцы задали Хатцу несколько уточняющих вопросов о немецких войсках в Венгрии и предложили венгру поддерживать дальнейшую связь с помощью портативных радиостанций, которые они готовы предоставить.

О содержании беседы с американцами был проинформирован шеф венгерской военной разведки, который одобрил действия Хатца и рекомендовал продолжить контакт. Через некоторое время Хатц был переведен из Софии в Стамбул. Он получил задание в ходе переговоров с американцами попросить их передать ему требование о выходе Венгрии из войны в письменном виде, а также обеспечить присутствие на дальнейших встречах с ним представителя руководства американской разведки.

Во время очередной встречи с американцами Хатц заявил им, что Венгрия ищет выхода из войны, но в настоящий момент она не может порвать с Германией, поскольку силы союзников находятся далеко от ее границ, а нацисты при обострении обстановки немедленно оккупируют Венгрию. Отозвать же венгерские дивизии с фронта для противодействия немцам сейчас невозможно по объективным причинам.

Американцы, однако, требовали, чтобы Венгрия решилась на разрыв с Германией и выступила против нее. От каких-либо обещаний венграм они воздержались. Это вызвало разочарование в Будапеште, и там сочли за лучшее постепенно свернуть тайные переговоры с американцами.

О неофициальных контактах венгров с американцами в Стамбуле стало известно абверу, и его шеф Канарис «пожурил» своих венгерских коллег «за наивность», он рекомендовал им «оставить пустые затеи, дабы не спровоцировать негативные последствия». Со своей стороны венгры оправдывались, подчеркивая в беседе с Канарисом,

что «они хотели в переговорах с американцами только выведать планы англо-американского вторжения в Венгрию».

Несомненно, что встреча с Канарисом повлияла на позицию венгров, и Хатц заявил американцам, что дальнейшие контакты с ними становятся «крайне рискованными» и что впредь переговоры следует вести по дипломатическим каналам. Реакция американцев была недвусмысленной: «Это означает, что вы решили порвать с нами. Учтите, что бомбардировки венгерских городов нашей авиацией последуют немедленно». Хатц вздрогнул, услышав это, но что он мог поделать? Он лишь выполнял приказ.

В ноябре 1944 года он перешел линию фронта и сдался представителям Советской Армии. После войны Хатц служил в генеральном штабе новой венгерской армии и скончался в середине 70-х годов.

Несмотря на изменившуюся ситуацию и провал переговоров в Стамбуле, хортистское руководство Венгрии не оставляло попыток договориться с англо-американцами до последнего момента. В сентябре 1944 года генерал-полковник Надаи, доверенное лицо Хорти, вступил в контакт с представителями штаба союзных войск в Европе. Но ему было сказано: «Красная Армия ведет бои на венгерской территории, и любые переговоры теперь целесообразно вести с ее командованием». Этот совет был принят, и через несколько дней Будапешт за спиной немцев направил в Москву венгерскую делегацию во главе с бывшим военным атташе Венгрии в СССР Габором Фараго. Она пыталась выторговать для венгров оптимальные условия выхода из войны. В Москве, конечно, поняли, что венгры торгуются, чтобы выиграть время: они хотели под прикрытием переговоров вывести с минимальными потерями свои войска, попавшие в «Трансильванский мешок» благодаря совместным действиям Советской Армии и перешедших на ее сторону румынских частей.

Венгерской делегации было однозначно заявлено, что речь может идти исключительно о капитуляции венгерской армии и выводе ее дивизий из Румынии, Югославии и Чехословакии. В конце сентября 1944 года войска 2-го Украинского фронта вошли в приграничный венгерский городок Мако.

В зимние дни конца 1944 – начала 1945 года шли ожесточенные бои в районе озер Веленце и Балатон, где наши войска выдержали три мощных контрудара врага. В общей сложности бои на венгерской земле продолжались около полугода. Окруженной венгерско-германской группировке был предъявлен ультиматум с предложением сложить оружие во избежание излишнего кровопролития.

Спустя годы маршал Р.Я. Малиновский вспоминал, как в штаб блокированных войск противника с обращением советского командования пошли парламентеры: от 3-го Украинского фронта капитан И.А. Остапенко, от 2-го Украинского фронта – капитан Миклош Штейнмец. «С Миклошем Штейнмецем, – рассказывал маршал Ма-

линовский, – мы встретились еще в Испании. Он венгр по национальности, но жил с отцом в Советском Союзе. И гражданином нашей страны воевал в Испании так же, как Мате Залка... А потом вместе воевали на его родной венгерской земле... Я сам проводил его с обращением, сам пожал ему руку на счастье. Он ушел веселый, ликующий, благодарный нам за поручение».

Нацисты и их венгерские приспешники отвергли ультиматум: И.А. Остапенко и Миклош Штейнмец были подло убиты выстрелами в спину. Возмездие не заставило себя ждать: на венгеро-германские позиции обрушился шквал артиллерийского огня.

Несмотря на подписанное 20 января 1945 года соглашение о перемирии между СССР, США, Великобританией и Венгрией, будапештская группировка противника продолжала оказывать ожесточенное сопротивление. После освобождения Будапешта 13 февраля двойной игре венгров был положен конец. Сепаратного мира не получилось.

---

[1] В результате дополнительного изучения архивных материалов СВР установлено, что Мордвинов и Павлов – одно и то же лицо, поскольку Павлов – фамилия, под которой работал в Турции Мордвинов.

41

Во вражеском тылу — Ференц Патаки

Вечером 18 августа 1943 года со взлетной полосы подмосковного аэродрома поднялся бомбардировщик ПЕ-8 и стал уходить в темнеющее небо, взяв курс на юго-запад. Помимо экипажа, в самолете находились семь разведчиков-парашютистов в возрасте от двадцати четырех до тридцати лет, лишь старшему из них, Яну, на вид было около пятидесяти. Несколько сотрудников госбезопасности сопровождали парашютистов. Самый молодой из разведчиков пытался рассказать, по-видимому, что-то смешное своему соседу, но он не откликнулся на шутку. Почти все были молчаливо-сосредоточены, многие задумывались над тем, что ожидало их на месте выброски. Ян внимательно оглядывал своих боевых товарищей, еще раз прикидывая, не ошибся ли он в них и как они поведут себя в чрезвычайных обстоятельствах. Ян не сомневался в том, что сделал правильный выбор, но какие сюрпризы уготовила им судьба?

Штурман выглянул в салон и подал знак: самолет над целью – склоном горы Менчул (Закарпатье). Старший лейтенант госбезопасности открыл бортовую дверь. В лицо ударила мощная струя воздуха. Первым шагнул в зияющую темень Ян. За ним по одному ушли остальные парашютисты. Сопровождавшие разведчиков чекисты побросали в проем открытой двери грузовые контейнеры, и самолет разом опустел.

Тщательно подготовленная операция группы Яна началась не совсем так, как предполагалось, хотя не исключалась и подобная возможность. Порывистый ветер разметал группу, а часть парашютистов-разведчиков забросил на сосны над скалистым обрывом. Требовалась особая ловкость, чтобы, освобождая стропы парашюта, не сорваться в ущелье. Потеряв немало времени, группа собралась наконец вокруг Яна. Все было в порядке, кроме одного: включенный в состав диверсионно-разведывательной группы офицер, словак Вацлав Цемпер, сломал ногу.

– Сильно болит?
– Отломаю сук и добреду, товарищ начальник.

Ян с сомнением покачал головой. Цемпер должен был проникнуть в Братиславу (Словакия) и там, действуя самостоятельно, приступить к выполнению спецзадания. Но разве он теперь на это годен?

Ян подумал, что группе повезет, если удастся добраться до конспиративной квартиры в одном из окрестных сел, где Вацлаву окажут медицинскую помощь и он сможет дождаться выздоровления.

Выяснилось также, что один контейнер с одеждой, снаряжением и рацией отнесло на окраину близлежащего села, где то и дело сновали жандармы. Как только они обнаружат грузовой мешок, то организуют преследование и постараются окружить гору, где высадился десант. Ян приказал уходить из опасного района по едва приметной каменистой тропе.

Жандармы прибыли, когда на горе уже никого не было, но это не значило, что они прекратили поиски. В Будапешт было отправлено срочное сообщение об обнаружении высадки вражеского десанта и о том, что жандармерия организует его преследование.

Идя впереди и оглядываясь на бойцов, которые поддерживали хромавшего Вацлава, Ян – так закодировали Ференца Патаки в разведке – припомнил свою далеко не простую жизнь, которая завела его на шестом десятке лет в Карпатские горы.

Он родился в 1892 году в небольшом местечке под Тимишоарой (Румыния) в семье столяра. В шесть лет остался сиротой. Был отдан в детский приют, позднее определен за счет муниципалитета в учительскую семинарию, которую успешно окончил. Однако найти место учителя в Будапеште ему так и не удалось, и Ференц поступил на завод чернорабочим.

С начала Первой мировой войны он был призван и направлен на офицерские курсы, после которых в чине прапорщика отправлен на передовую. Под Перемышлем, где войска генерала Брусилова прорвали позицию австро-венгерской обороны и развивали наступление, Патаки попал в плен и был отправлен в лагерь военнопленных под Красноярском. Там работал на местном заводе, сблизился с большевиками. После революции, в 1918 году, Ф. Патаки принял советское гражданство и вступил в члены РКП(б). Вскоре его избрали членом бюро секции иностранных коммунистов-большевиков при Красноярском губкоме ВКП(б) и председателем объединенного исполкома иностранных рабочих из бывших военнопленных.

Захваченный в плен белогвардейцами-колчаковцами, Патаки в числе других активистов Красноярска попал в «эшелон смерти», медленно двигавшийся на восток. Выбор у арестованных был невелик: либо смерть от голода, холода, болезни или же расстрел на конечной станции маршрута. Но Патаки повезло. На станции Забитуй, неподалеку от Черемхово, сибирские партизаны освободили более двухсот

заключенных. Был образован штаб партизанского движения, начальником которого выбрали Патаки.

Едва в Черемхово восстановилась советская власть, Ференц Патаки стал председателем нового ревкома. Позднее он поступил в распоряжение Иркутского губчека, был переведен в Москву заместителем начальника отдела по борьбе с бандитизмом, а затем назначен начальником отдела погранохраны.

По распоряжению ЦК ВКП(б) Ф. Патаки направляется на административно-хозяйственную работу в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР. Несколько лет он проработал на крупных стройках Узбекистана, после чего возвратился в Москву.

В 1938 году по клеветническому обвинению в связях с троцкистами Патаки был исключен из партии. В вину ему поставили то, что он «не сумел своевременно распознать подлинные политические лица» некоторых своих знакомых.

Патаки многое пришлось пережить в последующие годы. В деле нет на этот счет никаких сведений, кроме краткого упоминания о подаче им в 1941 году апелляции с просьбой пересмотреть его личное дело.

Войну 1941 года Ференц Патаки встретил, работая в планово-экономическом отделе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Советский Союз давно стал для Патаки новой Родиной, привязанность к которой не могла поколебать горечь несправедливого решения. Он был полон сил и решил с оружием в руках защищать Отечество, используя свой жизненный опыт, знания немецкого, венгерского и румынского языков.

Патаки обратился с заявлением в ЦК ВКП(б) и Министерство обороны, предложив использовать его возможности для диверсионно-разведывательной работы в тылу противника. Предварительно, полагал Патаки, его следовало бы поместить в лагерь для военнопленных, чтобы укрепить навыки иностранной разговорной речи, изучить манеру поведения пленных солдат, узнать о порядках в немецко-фашистской армии и настроениях ее военнослужащих.

Патаки с нетерпением ждал ответа, который несколько затягивался. Из архива подняли его личное дело. Шла внутриведомственная переписка: заявление Патаки попало к начальнику разведки П.М. Фитину, а затем от него – к опытным разведчикам А.М. Короткову и П.М. Журавлеву.

Изучив материалы на Патаки, Журавлев доложил Короткову: «Следует зачислить в разведку и начать подготовку к заброске в тыл». «Пригласите его, хочу лично с ним переговорить», – предложил Журавлеву Коротков.

Морозным февральским утром 1942 года Патаки ждали на Лубянке. Представившись и пожав руку Патаки, Коротков задал ему несколько общих вопросов и перешел к сути дела.

– Как настроение, Ференц Владиславович? По-прежнему рветесь в бой?

– Россия для меня больше, чем Родина. Здесь я нашел себя, встретил любовь, здесь родились мои дети. Если не я, то кто же будет защищать ее в этот час? Дайте любое задание, и вы убедитесь, что старый чекист Патаки еще может пригодиться.

– Не сомневаюсь в этом. Но что скажете, Ференц Владиславович, если мы расширим рамки задания?

– Что вы имеете в виду, товарищ начальник?

– Предлагаем вам возглавить разведывательную группу. Состав и район ее действия уточним.

– Я согласен. Просил бы только заранее познакомить меня с членами группы.

– Решено, приступайте к подготовке выполнения задания.

Коротков и Патаки еще раз пожали друг другу руки.

Началась интенсивная подготовка, в частности, обучение парашютному делу, проводившееся в подразделении полковника Серебрянского Четвертого управления НКВД. Для группы Яна потребовалась одежда и нижнее белье, оружие и снаряжение, медикаменты и продукты питания иностранного производства, взятые со складов того же Четвертого управления. Помимо этого, группе выделили четыре рации: две – типа «НАБЛА 2», работавших от сети переменного тока и батареек с радиусом до двух тысяч километров, и две – типа «БЕЛКА 44» на батарейках с дальностью, как их заверили в Москве, до 800 км. Были изготовлены документы, с которыми разведчики могли отправиться на выполнение задания.

Руководство отдела по согласованию с начальником разведки подобрало в группу Яна пять человек. Это были уроженцы Закарпатья – русины, закарпатские украинцы, свободно говорившие на местном языке, а также по-венгерски и по-словацки. Некоторые из них, как интербригадовцы, были обстреляны в Гражданской войне в Испании, побывали в эмиграции на угольных копях Бельгии. В общем, люди собрались закаленные и опытные.

Дальнейшее изучение кандидатов в группу Яна показало, что наиболее зрелый боец-интернационалист Шугай обладал организаторскими способностями, и его подготовили на роль заместителя начальника группы. Это было тем более необходимо, что в дальнейшем предусматривалось оставить в Карпатах часть основной группы – заместителя, радиста, двух связников, – а самому Яну с одним из радистов уйти в Будапешт.

Потребность в разведывательной информации была огромная, и разведка стремилась использовать эту возможность, чтобы как-то удовлетворить ее.

В задании для Яна, согласованном Фитиным с наркомом Меркуловым, предусматривалось, например, получение информации о по-

литическом курсе правительства Венгрии и намечавшихся в нем изменениях в связи с осложнением общей военно-политической обстановки, данных о деятельности политических партий, группировок и видных общественных деятелей страны, в том числе их отношении к правительству. Факты проявления недовольства венгерского населения политикой правительства и его деятельностью. Оценка населением сотрудничества венгерских властей с фашистской Германией и рост недовольства этим союзом в связи с ухудшением военной обстановки. Брожение в стране среди национальных меньшинств. Отношения Венгрии с соседними государствами, особенно Румынией. Положение в экономике страны.

Даже при самых благоприятных условиях в мирное время потребовалась бы работа эффективной, проверенной агентурной сети, чтобы ответить на все поставленные вопросы. На что же приходилось рассчитывать Яну? В разведке не могли не понимать, что его задание сложное, но требования решили не снижать. Предполагалось, что он воспользуется для получения необходимых сведений некоторыми связями будапештской резидентуры, предварительно убедившись в том, что они не провалены, а также приобретет новые источники информации, используя в этих целях свои прежние знакомства.

Обосновавшись в районе Ужгород–Мукачево–Севлюша (Виноградово)–Хуст, группа Яна пополнилась за счет местных партизан и скоро дала о себе знать. Под откос полетели первые эшелоны, в частности, с материалами и оборудованием, предназначенными для строительства оборонительного вала на пути Красной Армии.

Затем Ян и радист ушли в Будапешт и разместились на конспиративных квартирах. Ян наводил справки об интересующих его лицах, знакомился с венгерскими военнослужащими. Он с интересом приглядывался к городу, из которого ушел более тридцати лет назад. Когда-то знакомые дома и улицы выглядели по-другому, и он с трудом узнавал родные места.

Тем временем жандармы в Карпатах активизировались, чтобы пресечь деятельность диверсионно-разведывательной группы. Агент жандармов в поселке Хуст обратил внимание на то, что в доме на окраине села часто открывалась и закрывалась дверь. В дом приходили неизвестные люди. «Не иначе, как партизаны, – подумал соглядатай. – Надо предупредить начальника жандармов». Ближе к полуночи, когда партизаны помылись в бане и укладывались спать, жандармы напали на окруженных в доме, завязалась перестрелка, полетели ручные гранаты. Часть разведчиков-партизан была перебита, уцелевшие уведены в районное отделение жандармерии. Тут же были проведены массовые аресты местного населения, подозреваемого в связях с партизанами.

Побои и пытки жандармов вырвали у арестованных сведения о том, что руководил антифашистским подпольем на территории Закарпат-

ской Украины некто «Фери-Бачи» (дядя Федя), «Федор Владимирович», «Попович» – имена, под которыми действовал Патаки. Однако его адреса в Будапеште никто из связных не выдал. В лучшем случае жандармы знали его приблизительный словесный портрет. Они насторожились, хотя полученных сведений было недостаточно, чтобы захватить Яна.

Жандармам помогла случайность. В марте 1944 года по распоряжению Гитлера войска вермахта оккупировали Венгрию в наказание за сепаратные переговоры венгров с англо-американскими союзниками. На дорогах были выставлены смешанные немецко-венгерские контрольно-пропускные пункты. Михаил, радист Яна, после очередного безрезультатного радиосеанса с Центром, который проводил за городом, возвращался в Будапешт, но был задержан на заставе. Он был в форме венгерского солдата, с правильно оформленным отпускным удостоверением, не вызвавшим подозрения. Рация помещалась в обычном с виду чемодане. На требование жандармов открыть чемодан Михаил ответил, что тот принадлежит офицеру, ключ он забыл дома и, если надо, тут же сходит за ним. Жандармы забрали чемодан: пусть явится сам офицер.

День-другой прошли спокойно, и Патаки пригласил венгра Иожефа Сукича, одного из своих связников. Обстоятельства вынуждали к крайне рискованным действиям, неприемлемым в других условиях.

– Вот доверенность с подписью и печатью, по которой надо забрать личные вещи, упакованные в чемоданчике, из комендатуры. Дело простое, но требует особой осторожности.

– Понял, Фери Бачи.

Разведчик недооценил противника и поплатился за свою ошибку. Едва войдя в комендатуру, Сукич увидел на столе открытый чемодан и в нем рацию. Реакция была мгновенная: без раздумья он выбил окно и выпрыгнул наружу. Патаки, наблюдавший за комендатурой из-за угла, бросился в противоположную сторону. Его заметили и скоро догнали.

Он был помещен в Мараморошскую тюрьму, известную тем, что живым из нее никто не выходил. Схваченного разведчика ежедневно пытали, сулили золотые горы, если он встанет на путь предательства, подсаживали в камеру провокаторов и снова пытали. Но все было тщетно: следователи узнали, что его зовут Федором, что он заброшен из Советского Союза, руководил подпольем и ничего больше! 30 августа 1944 года суд приговорил Федора к смертной казни.

Под ударами Красной Армии немецко-венгерские войска откатывались на запад. Всех еще остававшихся в живых узников Мармароша эвакуировали в Шопрон, город на венгеро-австрийской границе.

В тюрьме Ференц Патаки сблизился с тюремным врачом, которому внушал уважение своей выдержкой, прямотой, умным и честным

взглядом. По его просьбе врач оказал помощь одной из заключенных, находившейся в тяжелом состоянии.

– Она ожидает появления ребенка, ее не посмеют казнить. А младенец должен вырасти здоровым, чтобы продолжить нашу борьбу и жить в свободной, счастливой стране.

Доктор, имени которого не сохранилось, выполнил просьбу «Федора Владимировича», облегчив роды молодой женщины.

Незадолго до казни в тюрьме появился священник. Он удивленно взглянул на Патаки и поинтересовался, не духовного ли он сословия. «У вас благообразный вид, – пояснил он свой вопрос. – Особенно борода и усы». Патаки ответил отрицательно, хотя признался, что в молодости учился в учительской семинарии и мечтал стать преподавателем. Постепенно разговорившись, Патаки рискнул обратиться к священнику с просьбой: «Святой отец, не могли бы вы обещать выполнить мою последнюю волю и передать жене и детям земной поклон?»

После небольшого раздумья священник ответил согласием, принес Патаки конверт и бумагу.

Разведчик предполагал, что по пути следования к адресату его письмо могут увидеть сотни глаз, и не все они окажутся доброжелательными. Значит, написать его следовало так, чтобы оно не причинило никому вреда, а родные, если письмо все же попадет в их руки, почувствовали, как глубоко и преданно он их любил до последней минуты жизни. Пользуясь эзоповым языком, намеками, недомолвками Патаки сообщил, что его группа активно действовала, выполняя поставленные задачи, что рация оказалась маломощной и не обеспечила связи с Центром. В том, что все так сложилось, нет его вины, писал разведчик, краснеть за него родным не придется. «Любил вас и всегда буду любить. Папа Ференц», – закончил он свое предсмертное послание.

Казнили отважного разведчика 4 ноября 1944 года. Некоторые факты его задержания и гибели стали известны сразу, другие уточнялись долгие годы.

Ференц Патаки посмертно награжден орденом Красного Знамени. В Советском Союзе и Народной Венгрии была увековечена память разведчика.

42

Наша разведка в Болгарии

В сложных условиях довелось выполнять советской внешней разведке в годы Великой Отечественной войны столь необходимую для общей победы над врагом миссию в Болгарии. Будучи союзницей гитлеровской Германии, эта страна была в те годы ее стратегическим и экономическим тылом. Там размещались немецкие войска и подразделения спецслужб. Связь, железные дороги, аэродромы и порты широко использовались Германией в военных целях. Из Болгарии немцы вывозили практически все, что можно было употребить в интересах военной машины Третьего рейха: сырье, продовольствие и даже тулупы для немецких солдат и офицеров, воевавших на заснеженных полях России.

У современного читателя может возникнуть вопрос: как же так? Страна, где прежде были традиционно сильны добрые чувства к России, освободившей болгар от многовекового османского ига, и вдруг – союзница Гитлера? Но таковы факты – 1 марта 1941 года Болгария подписала в Вене протокол о присоединении к пакту стран «оси» и за три месяца до нападения Германии на СССР превратилась в ее сателлита. МИД Болгарии в тот же день известил советского посла о согласии болгарского правительства на ввод в страну частей вермахта. 25 ноября 1941 года Болгария примкнула к антикоминтерновскому пакту.

Немцы чувствовали бы себя в Болгарии как дома, если бы ее народ, свободолюбивый и по-братски относившийся к советским людям, вступившим в схватку с врагом, не оказывал стойкого сопротивления.

Германия издавна рассматривала Болгарию в качестве одного из главных опорных пунктов на Балканах, и в соответствии с этим выстраивала свою политику. После освобождения Болгарии русскими войсками от османского ига Германия и Австро-Венгрия делали все возможное, чтобы ослабить влияние России в этой славянской стра-

не. В результате долгих политических маневров в 1908 году на болгарский престол был возведен потомок немецкого княжеского рода Саксен-Кобург-Гота, офицер австрийской армии Фердинанд Кобургский. Будучи католиком, своего сына Бориса, будущего болгарского царя, он обратил в православие, пригласив в качестве крестного отца российского императора Николая II. В годы его правления германское влияние в Болгарии возросло. Усилиями немцев страна была вовлечена в Первую мировую войну и вместе с Германией потерпела поражение.

По мирному договору, подписанному 27 ноября 1919 года в пригороде Парижа Нёйи, Болгария понесла крупные территориальные потери – свыше 11 тысяч кв. км. Южная Добруджа целиком осталась за Румынией. Были введены количественные ограничения на численный состав и вооружение болгарской армии, страну обложили тяжелыми контрибуциями. Последствия участия Болгарии в войне на стороне Германии породили в стране реваншистские настроения, особенно среди военных и политиков.

Последнему болгарскому царю Борису, взошедшему на трон в 1918 году, досталось тяжелое наследство. Доверием болгарского народа он не пользовался, оставался для него немцем, чуждым культуре и традициям славянских народов. Не имея поддержки населения страны, царь Борис видел пути укрепления своей власти в установлении жесткой диктатуры послушных ему военных и в союзе с Германией и Италией. С его ведома военная верхушка во главе с А. Пановым осуществила в 1923 году фашистский переворот.

Процессы, происходившие в стране, расположенной в непосредственной близости от границ СССР, не могли оставаться вне поля зрения его разведки. Они напрямую затрагивали вопросы безопасности Советского Союза.

Установление дипломатических отношений между СССР и Болгарией в 1934 году позволило приступить к систематической разведывательной работе на территории Болгарии с «легальных» позиций. В январе 1935 года руководство НКВД приняло решение о создании в Софии резидентуры под прикрытием полномочного представительства в составе трех человек – резидента, его помощника и технического работника. Работала в болгарской столице и резидентура ГРУ. Москву прежде всего интересовало развитие болгаро-немецких отношений, поскольку монархо-фашистский режим Болгарии все теснее увязывал свои территориальные притязания с гитлеровскими планами установления «нового порядка» в Европе. Для получения нужной информации резидентура стремилась создать агентурные позиции в окружении царя Бориса, генштабе, МИД, МВД, в политических партиях.

Первым резидентом внешней разведки в Софии в 1935 году стал опытный чекист Василий Терентьевич Яковлев. Несмотря на то, что

он работал в органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1921 года, на разведывательной работе за границей он оказался впервые. Обстановка в Болгарии была сложной. Как только в Софии открылась советская дипломатическая миссия, болгарские спецслужбы взяли под наблюдение ее сотрудников. Учителями болгарских контрразведчиков были гестаповцы. Больше всего болгарские спецслужбы опасались контактов сотрудников советского посольства с местной компартией и поэтому пытались контролировать все их неофициальные связи.

Яковлев проработал в Болгарии до 1938 года и постоянно был объектом не только наблюдения, но и провокаций. Центр принял решение заменить резидента, хотя и высоко оценил его работу. За три года он сумел приобрести ряд источников информации, создал агентурный аппарат, позволивший освещать внутреннюю и внешнюю политику Болгарии, решать вопросы организации связи с местными прогрессивными силами.

На замену Яковлева прибыл Б.П. Осокин. Его помощником накануне войны стал А.К. Тренев. Оба они не имели опыта разведывательной работы, и им пришлось нелегко. Тем не менее накануне нападения фашистской Германии на СССР софийская резидентура, наряду с резидентурой ГРУ, регулярно информировала Центр о дислокации немецких воинских частей, о транзите через Болгарию немецкой военной техники и грузов в сторону СССР. Заблаговременно были направлены в Москву сообщения о циркулировавших среди гестаповцев и немецких штабных офицеров разговорах о предстоящем нападении Германии на Советский Союз. Большим достижением было то, что резидентура добыла агентурным путем ключи к болгарским шифрам, и это позволило Центру длительное время контролировать некоторые каналы связи.

В сложной международной обстановке предвоенных лет резидентура своевременно и верно информировала Москву о процессе втягивания Болгарии в военно-политический союз с Германией и Италией. После нападения Германии на Польшу и вступления в войну Англии и Франции Болгария объявила о своем «полном нейтралитете». Этот «нейтралитет» на деле был сплошной фикцией. Оставаясь формально нейтральной, Болгария фактически стала союзницей фашистской Германии.

Добываемая разведкой накануне войны информация как в самой Болгарии, так и в Берлине, Лондоне, Стамбуле и других резидентурах однозначно свидетельствовала о том, что гитлеровская дипломатия умело использовала реваншистские настроения болгарской правящей верхушки в качестве орудия своей политики. Руководство гитлеровской Германии дало указание о проведении серии акций по поддержке территориальных притязаний Болгарии как с помощью открытой пропаганды, так и по каналам спецслужб. В частности, имелось в виду поддержать лозунг «Добруджа – болгарская страна», хотя

это и могло нанести ущерб отношениям Германии с Румынией, которую гитлеровцы также рассматривали как свою союзницу.

В свою очередь Англия, проводя накануне войны политику сговора и частичных уступок Германии для направления ее агрессии на восток, пыталась в русле этой политики «умиротворения» агрессора оторвать Болгарию от сближения со странами «оси». Англичане выдвинули идею создания «нейтрального балканского блока» в составе Турции, Болгарии, Греции, Югославии и Румынии, предполагая, разумеется, занять в этом блоке доминирующее положение.

Достоверная информация на этот счет была получена из Лондона. Из нее также следовало, что болгарское руководство рассчитывало использовать столкновение англо-германских интересов на Балканах и извлечь для себя максимальную выгоду, не давая втянуть Болгарию в большую войну. Когда в 1940 году немецкие войска оккупировали почти всю Западную Европу, болгарский премьер-министр Филов поспешил заявить, что только Берлин и Рим помогут Болгарии вернуть ранее принадлежавшие ей земли. Об этих настроениях болгарской верхушки хорошо было известно Гитлеру, с которым Филов встречался лично.

Наши источники в Берлине, Лондоне и Софии сообщали, что немцы усиленно склоняют Болгарию к присоединению к тройственному союзу стран «оси». Болгары, в принципе соглашаясь на присоединение к союзу, тем не менее воздерживались от обещаний воевать на стороне Германии.

Советское руководство решило принять контрмеры против подключения Болгарии к пакту стран «оси», и Советский Союз предложил в ноябре 1940 года царю Борису и премьер-министру Филову заключить договор о ненападении и взаимной помощи. СССР обещал Болгарии в случае нападения на нее любую помощь, в том числе военную. Именно об этом сообщил болгарскому руководству специально прибывший в Софию генеральный секретарь Наркоминдела СССР А. Соболев. Предложения советского правительства вызвали бурную реакцию в Болгарии. В столице и других городах прошли митинги и манифестации в поддержку заключения договора с СССР. Многие политические партии, в том числе буржуазные и аграрные, обратились к правительству с требованием принять предложение СССР. Ответом было циничное высказывание министра иностранных дел Болгарии Попова при обсуждении этого вопроса: «Не дело толпы вмешиваться в столь важные проблемы внешней политики». 30 ноября 1940 года Попов сообщил полномочному представителю СССР в Софии А. Лаврищеву отрицательный ответ на предложение советского руководства.

После нападения фашистской Германии на СССР работа в Болгарии приобрела для внешней разведки особое значение. Это была единственная в Европе союзная Гитлеру страна, в которой действова-

ла «легальная» резидентура внешней разведки. СССР и Болгария, заявившая о своем нейтралитете, имели во время войны свои посольства, соответственно, в Софии и Москве.

Однако работать приходилось в фактически оккупированной немцами стране. В Болгарии безраздельно господствовали немецкие спецслужбы. Дирекция государственной безопасности Болгарии и военная контрразведка, тесно сотрудничая с ними, по сути дела находились у них в подчинении.

В Софии работала немецкая «легальная» резидентура во главе с секретарем германского консульства Майером, немцы имели в Болгарии и сеть нелегальных резидентур, прикрытых различными частными фирмами, конторами, торговыми представительствами. Одна из таких резидентур стала впоследствии известна и вошла в историю военных лет под названием «Бюро доктора Делиуса». Она занималась политическим сыском, выявляла участников болгарского сопротивления и подполья. На ее счету кровь многих болгарских патриотов.

С помощью провокатора гестаповцам удалось выйти на разведывательную группу национального героя Болгарии генерала Владимира Заимова, который сотрудничал с советской военной разведкой и передавал ценнейшие сведения о немецкой армии и планах вермахта. Гестапо арестовало женщину, которая шла к Заимову, и под пытками заставило ее выдать пароль для связи с ним. Вместо нее на квартиру генерала пришел опытный немецкий контрразведчик Флориан и произнес условную фразу: «Вам большой привет от Карола Михальчика». Затем явилась болгарская полиция, и Заимов был арестован.

27 мая 1942 года начался суд над генералом Заимовым и членами его группы. На суде Заимов выступил с яркой разоблачительной речью, обвинив монархо-фашистский режим в предательстве национальных интересов. 1 июня 1942 года он был расстрелян на полигоне школы офицеров запаса. Перед расстрелом Заимов крикнул: «Советский Союз и славянство непобедимы! За мной идут тысячи! Смерть предателям Болгарии! Да здравствует непобедимая Красная Армия – защитница народов! Да здравствует свободная Болгария!» Солдаты опустили винтовки и отказались стрелять в генерала. Он сказал им: «Благодарю вас, воины. Это лучшая награда для меня в мой смертный час...» К привязанному к бетонному столбу Заимову подбежал офицер и в упор разрядил пистолет.

Позже в эфире прозвучали слова: «Говорит Москва... Говорит Москва... Болгары, на колени! Сегодня в Софии казнен славный сын Болгарии и славянства – генерал-майор артиллерии Владимир Заимов...» И сотни и сотни людей в городах, селах и на партизанских базах в горах опустились на колени в знак скорби. Имя Владимира Заимова свято хранится в памяти болгарского народа. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Уже летом 1941 года в Болгарии прокатилась волна протестов против политики правительства, и в ряде районов страны она вылилась в вооруженные столкновения с полицейскими силами. В Варне были сожжены три состава с немецкой военной техникой, в Русе болгарские патриоты организовали диверсии на нефтеперегонном заводе и подожгли бензохранилища. В некоторых сельских районах вспыхнули восстания местного населения, направленные против прогерманской ориентации правительства. В ответ они были подвергнуты бомбардировкам немецкой авиации.

Такая обстановка в стране сильно осложняла работу внешней разведки. Требовалось усиление софийской резидентуры, которая по-прежнему была малочисленной, но сделать это долгое время не удавалось вследствие введенной после начала войны квоты на количественный состав советских учреждений в Болгарии.

Наиболее важные источники информации из-за жестоких репрессий были вынуждены уйти в подполье, резидентура утратила связь с ними. И все же она не бездействовала. Об этом свидетельствуют пожелтевшие папки архивных документов. Разведывательная информация из Болгарии шла. И это была актуальная информация, хотя количество сообщений было ограничено. Сведения собирались по крохам, для чего резидентура использовала все возможности.

Одним из контактов был «Наставник», яркая и колоритная личность. Этот человек был принят при дворе царя Бориса. Его печатные выступления всегда привлекали к себе внимание, он слыл патриотом и славянофилом, который видел будущее Болгарии в сотрудничестве с другими славянскими государствами. Либерал по убеждениям, «Наставник» видел угрозу фашизма для народов Европы, равно как и для болгарского народа.

Внешняя разведка установила с ним доверительные отношения еще в середине 30-х годов. Он был далек от симпатий к коммунистическим идеалам, но вера в историческую необходимость сотрудничества братских славянских народов была естественной основой его отношений с представителями Советского Союза. Особенно важной была информация, которую он получал от членов царской семьи и в дворцовых кругах.

При дворе германофилы концентрировались вокруг царицы Иоанны, дочери итальянского короля Виктора Эммануила. Ей были чужды национальные интересы Болгарии и ее народа. Волновал ее только один вопрос – как сохранить у власти династию Кобургов и обеспечить наследные права на престол своему сыну Симеону. Иоанну поддерживали влиятельные лица: брат царя Кирилл, премьер-министр Филов, генерал Михов, будущий глава правительства Божилов и другие. Они подталкивали Бориса на углубление военно-политического сотрудничества с Гитлером, добивались его решения о направ-

лении на Восточный фронт болгарских дивизий для участия в боевых действиях против Красной Армии.

Однако царь Борис, по словам «Наставника», не решался сделать этот шаг, справедливо опасаясь, что посылка войск в Россию может вызвать всеобщее недовольство. Эти опасения разделяла и сестра царя Евдокия, которая оказывала заметное влияние на брата. Она не ладила с царицей и занимала при дворе особое положение. Даже жила отдельно – в собственном дворце на окраине Софии. Женщина умная, образованная и проницательная, Евдокия понимала, что Германия проиграет войну и ее крах неизбежно приведет к падению царского трона в Болгарии. Ее окружали представители либерально настроенной интеллигенции и патриотических кругов военных. Спасение страны и царского трона они усматривали в выходе Болгарии из войны и заключении перемирия с Англией и США.

«Наставник» сообщил, что царь Борис находится под сильным впечатлением от поражения немцев под Сталинградом, и начал искать возможности для вступления в неофициальный контакт с англичанами. По информации лондонской резидентуры, советник болгарского посольства в Берлине по указанию Бориса в июле 1943 года выезжал в Лиссабон, где встречался с резидентом польского правительства в эмиграции Яном Ковальским и просил выяснить, не согласятся ли англо-американцы в случае выхода из войны Болгарии сохранить монархию и независимый статус страны без вхождения в какую-либо балканскую конгломерацию.

Англичане и американцы, однако, не собирались спасать болгарскую монархию. В полученном агентурным путем письме министра иностранных дел Англии Идена в адрес своего посла в США Галифакса от 27 июля 1943 года говорилось: «Англия против сохранения саксско-кобургской династии, так как считает Бориса ответственным за союз с Гитлером и территориальные аннексии. Всякие попытки действовать через Бориса лишь скомпрометируют Великобританию, создадут трудности при реализации планов формирования Юго-Восточной Европы».

Для переговоров с представителями Англии и США царь Борис направлял эмиссаров в Анкару, Стамбул, Каир и Касабланку, активность болгарской дипломатии особенно усилилась после разгрома немецких войск на Курской дуге. Закулисные переговоры болгар с англо-американцами не были секретом для Гитлера. Фюрер продолжал требовать от Бориса прямого участия болгарских войск в боевых операциях против Красной Армии. В августе 1943 года царь был вызван в ставку Гитлера. Разговор был тяжелым: Гитлер настаивал на немедленной отправке болгарских частей на Восточный фронт. Борис в ответ откровенно сказал ему, что болгарская армия воевать против русских не будет и перейдет на их сторону после первого же боевого соприкосновения. Он пообещал фюреру лишь заменить своими

войсками немецкие и итальянские подразделения, оккупировавшие Югославию, Грецию и Албанию. Гитлер был вне себя от гнева.

После визита в Германию царь Борис скоропостижно скончался в возрасте 49 лет. Обстоятельства и точные причины смерти царя так и не были установлены. По одной из версий он был отравлен по приказу Гитлера, и ему стало плохо уже в самолете, по другой – он куда-то «исчез» из поезда.

К моменту смерти царя его сын Симеон еще не достиг совершеннолетия и при непосредственном участии немцев был сформирован Регентский совет. В него вошли прогермански настроенные лица. Сестра царя Евдокия оказалась в изоляции и перестала оказывать влияние на политику двора. Утратил свои возможности и «Наставник», он все реже и реже стал появляться на официальных приемах, а проводить с ним встречи в городе было небезопасно.

Несмотря на сложную оперативную обстановку в Софии, резидентура продолжала работать со своими связями из числа находившихся в Болгарии сотрудников иностранных дипломатических миссий. Среди них были и дипломаты союзных Германии государств, с которыми внешняя разведка поддерживала контакты еще в довоенное время.

Одним из них был надежный источник «Грей», который, представляя союзную Германии державу, поддерживал близкие отношения с немецким военным атташе в Софии и получал от него важную информацию. В марте 1942 года «Грей» сообщил о стратегических замыслах командования вермахта на летнюю кампанию на Восточном фронте: «Главный удар летом 1942 года будет нанесен немецкой армией на южном участке фронта с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти и в последующем через Иран и Ирак выйти в тыл английским войскам, действующим на Ближнем Востоке. В случае удачного исхода операции с выходом к Волге и Сталинграду немцы намерены повести наступление на север вдоль Волги, чтобы нарушить коммуникации между центральными и восточными районами СССР и лишить советское командование возможного подвоза к фронту продовольствия и резервов». Очевидно, нет нужды разъяснять важность этой информации.

Тот же «Грей» регулярно информировал разведку о сильнейшем нажиме немцев на японское руководство. Гитлеровцы настойчиво требовали вступления Японии в войну с СССР. Японский посол Ямадзи после встречи с советником немецкого посольства направил в Токио телеграмму, в которой указал, что если Япония немедленно не начнет войну против СССР, то положение Германии в ближайшее время станет чрезвычайно сложным. Посол советовал не откладывая напасть на СССР и уничтожить его военно-морские базы на Дальнем Востоке.

После Сталинградской битвы и особенно после разгрома немецких войск на Курской дуге стало ясно, что наступил перелом в войне и гитлеровские полчища покатились обратно к советским границам.

Разрозненные антифашистские выступления в Болгарии в первые годы войны переросли в 1943 году в партизанское движение, охватившее всю страну. Разветвленная и организованная сеть сопротивления монархо-фашистскому режиму и гитлеровцам повсеместно набирала силу, против нее были брошены значительные силы – карательные подразделения, царская охранка и гестапо. Подпольщики и партизаны несли тяжелые потери, но борьба разгоралась.

Еще в начальный период войны на территорию Болгарии были заброшены специальные разведывательно-диверсионные группы, которые в большинстве своем состояли из болгарских политэмигрантов, находившихся в СССР. Они скрытно доставлялись в Болгарию на подводных лодках, самолетами и военными кораблями. В состав таких групп иной раз включались и наши разведчики, главным образом радисты. Первые десанты, не имея подготовленных опорных баз в Болгарии, попали в засады и погибли в неравных схватках.

Основным руководителем и организатором Сопротивления, подполья и партизанской войны стало созданное Болгарской компартией Загранбюро во главе с Георгием Димитровым, которое находилось в Москве. Внешняя разведка, выполняя поручение руководства страны, занималась налаживанием связи Загранбюро с болгарским подпольем. Это был по существу еще один фронт борьбы с германским фашизмом, и он требовал от его бойцов высокого профессионализма, смелости, мужества и самоотверженности.

Жизнь поставила на повестку дня вопрос реорганизации софийской резидентуры и качественного улучшения ее работы в новых условиях, когда крах фашистской Германии был уже не за горами. В июне 1943 года нарком госбезопасности В.Н. Меркулов утвердил «План мероприятий по улучшению разведывательной работы в Болгарии», представленный начальником внешней разведки П.М. Фитиным. Предусматривалось прежде всего добиться качественного усиления агентурной работы. Требовалось также обеспечить глубокое разведывательное проникновение в основные объекты страны. Смысл плана состоял в том, чтобы подготовить резидентуру и ее агентурный аппарат к грядущим событиям – освобождению балканских государств от немецких фашистов.

В качестве резидента в Болгарию был направлен опытный разведчик Дмитрий Георгиевич Федичкин (1902–1991 гг.). К моменту прибытия в Софию в конце 1943 года у него за плечами был богатый опыт работы, в том числе участия в подполье и боевых действиях в составе партизанских отрядов Приморья во время Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Ему чудом удалось бежать из белогвардейского лагеря смерти на Русском острове вблизи Владивостока, куда его бросили, когда он был захвачен в плен в обмороженном состоянии во время одного из боев. Совершив побег, Дмитрий Георгиевич оказался в партизанском отряде и до конца войны был разведчиком штаба отряда в тылу у белых. Там он создал разведывательную группу, которая добывала серьезную военную информацию.

В 1922 году Федичкин становится кадровым сотрудником ГПУ и посвящает свою жизнь внешней разведке. В течение двух лет он был резидентом в Маньчжурии, где приобрел несколько важных источников информации. Но там же он едва не погиб: его опознал китайский генерал-губернатор, который некоторое время находился в советском плену после вооруженного конфликта на КВЖД в 1929 году и встречался с Федичкиным. Пришлось нелегально перейти границу и возвратиться на Родину.

В 1931 году Федичкин в Москве, а в 1932 году – в Таллине, где он вел активную разведывательную работу против Российского общевойскового союза (РОВС), затем его командировали в Варшаву. Контрразведке Пилсудского с помощью провокатора удалось арестовать разведчика и заточить в тюрьму. В польском застенке Федичкин ведет себя достойно, сломить его волю тюремщики не смогли. Полтора месяца его «с пристрастием» допрашивали и сулили всяческие блага, если он согласится «помочь» полякам. В конце концов его обменяли на польского «дипломата» – разведчика, задержанного в Киеве.

В 1936–1940 годах Федичкин работает в Италии, с 1938 года возглавляет резидентуру в Риме. Именно тогда был получен документ МИД Италии, из которого следовало, что заместитель министра иностранных дел фашистской Германии Вайцзекер просил итальянского посла в Берлине предупредить Муссолини, что нападение на СССР произойдет 22 июня 1941 года. Сообщение об этом было немедленно передано в Москву. После начала Великой Отечественной войны Федичкин получил назначение на должность начальника отдела Четвертого управления НКВД СССР, созданного специально для руководства разведывательно-диверсионными отрядами и группами на временно оккупированной фашистами советской территории.

В Софию Федичкин добирался окружным путем – из Москвы в Сталинград, затем в Тбилиси, далее в Ленинакан, потом через Карс, Эрзерум и Анкару в Стамбул, оттуда до столицы Болгарии по железной дороге. Задача была одна – активизировать разведывательную работу в этой стране перед тем, как советские войска с боями выйдут к Восточной и Центральной Европе и приблизятся к границам Болгарии. Балканский вопрос к этому времени приобрел особую остроту и политическую значимость.

В декабре 1942 года бывший британский посол в Софии Рэндл в своем докладе в МИД Англии писал, в частности: «Вопросы, касаю-

щиеся Болгарии, являются центральными в балканской проблеме... Прорусские настроения в массах и влияние компартии в час русской победы снесут все на своем пути и установят в Болгарии национальный коммунистический режим». Нельзя отказать Рэндлу в прозорливости. У. Черчилль настойчиво добивался выхода Болгарии из войны и рассчитывал придать ей статус «военного преступника», что позволило бы англичанам и американцам ввести в страну оккупационные войска, утвердиться в центре Балканского полуострова и диктовать свою волю. Он не мог допустить, чтобы Болгария оказалась в сфере советского влияния, и СССР получил бы выход к Эгейскому и Адриатическому морям. Именно поэтому он в контактах с И.В. Сталиным много раз возвращался к варианту открытия второго фронта как раз на Балканах.

К моменту приезда Федичкина в Софию там находился только один оперативный сотрудник – Тренев, ему помогали шифровальщик и радист. Центр не был удовлетворен их работой, хотя и принимал во внимание жесткую оперативную обстановку, осложнявшую условия для успешной деятельности резидентуры. Центр констатировал, что связь с ранее имевшейся агентурой была утеряна, а новой полноценной агентурной сети не создано.

После войны в руки нашей разведки попали архивы царской политической полиции Болгарии. Из документов видно, что слежка за сотрудниками миссии была тотальной, ни для кого не делалось исключения. Результаты наружного наблюдения скрупулезно анализировались. Маршруты следования советских граждан методично наносились на специально отпечатанные контурные карты Софии и ее окрестностей. Отмечались все места в городе, которые они посещали, записывались точные координаты и время любых встреч в городе, анализировалась периодичность выходов в город сотрудников миссии и т.д.

Во всем чувствовалась немецкая школа: педантично учитывались, например, суммы денег, которые тратили работники посольства в ресторанах и магазинах, затем составлялись сравнительные таблицы доходов и расходов. В результате болгарские, а также и немецкие спецслужбы – надо отдать им должное – располагали довольно точной картиной жизни нашей колонии в Софии.

Софийская резидентура под руководством Федичкина активизировала свою работу и постепенно сумела приобрести источники в царском дворе, правительстве, МИД, спецслужбах, армии и политпартиях. Конечно, изменение оперативной обстановки в стране – советские войска приближались к границе Болгарии – не могло не отразиться на настроениях в обществе, и это способствовало успехам резидентуры. К началу 1945 года, как свидетельствуют архивные документы, на связи резидентуры были 30 агентов, 13 из которых работали наиболее продуктивно и добывали важную информацию. Благо-

даря им резидентуре было известно о попытках болгарского руководства договориться за спиной СССР с англо-американцами о сохранении антисоветского режима в стране и недопущении Красной Армии в ее пределы.

Перед отъездом в Софию Федичкин имел обстоятельную беседу с руководителем Загранбюро БКП Георгием Димитровым. С присущими ему ясностью и деловитостью Г. Димитров обрисовал Федичкину обстановку в стране и перспективы ее развития. Он подчеркнул, что в связи с успехами Красной Армии вскоре обязательно возникнет вопрос о путях выхода Болгарии из того тупика, в который ее завели прогерманские правители. «Верьте болгарам, – говорил Г. Димитров, – и вы непременно найдете людей, готовых бороться против фашизма за наше общее дело». «Болгарский народ, – особо отметил болгарский руководитель, – с симпатией относится к Советскому Союзу и испытывает чувства дружбы к советским людям».

В беседе Г. Димитров четко раскрыл и смысл позиции У. Черчилля, которую тот изложил И.В. Сталину во время Тегеранской конференции, когда упорно настаивал на открытии второго фронта на Балканах. Позже Федичкин убедился, насколько дальновидным был Г. Димитров в своих прогнозах, насколько верным был его анализ. Большое место в разговоре было уделено вопросу восстановления связи Загранбюро с антифашистским Сопротивлением в Болгарии. В Москве знали, что партизанское движение там набирает силу и размах, и поэтому обеспечение надежной связи между Загранбюро и нелегальным ЦК приобретает первейшее значение. Г. Димитров с сожалением сказал Федичкину, что не может порекомендовать ему нужных лиц, на которых можно положиться и с которыми можно вступить в контакт. В 1941–1942 годах Политбюро и ЦК БКП были разгромлены немецкими и болгарскими спецслужбами, 6 человек расстреляны, другие брошены в концлагеря и тюрьмы.

В заключение беседы Г. Димитров обратился к Федичкину с личной просьбой: он попросил по возможности узнать о судьбе его матери, встретиться с ней и передать немного денег. Сын волновался, зная, что город Самоков, где она жила, подвергся бомбардировкам англо-американской авиации. Нет нужды говорить, что выполнить эту просьбу в условиях жесткой оперативной обстановки в Болгарии было далеко не просто, да и опасно. Но и не выполнить ее Федичкин, конечно, не мог.

С большими предосторожностями наш разведчик добрался до Самокова. Федичкин так описал этот эпизод в своих воспоминаниях: «Большое впечатление на меня произвело поведение жителей города Самокова, а точнее, соседей бабушки Параскевы, как называли в Болгарии мать Г. Димитрова. Не зная, где находится ее дом, я спросил об этом у мальчишек, а затем у одного мужчины. После долгого плутания я нашел ее дом. Оказалось, что ее двор и соседние дворы полны

какими-то людьми, вооруженными кольями, вилами и топорами. Я предположил, что пока я искал дом, жители приняли нужные меры, чтобы защитить мать Георгия Димитрова, если в этом возникнет необходимость. Пустили меня в дом только после того, как удостоверились по паспорту, что я действительно являюсь представителем советской миссии. Так простые болгарские люди охраняли бабушку Параскеву».

Установить связь с подпольем оказалось весьма сложным делом. Нельзя было не считаться с вездесущим гестапо и дирекцией государственной безопасности, которые буквально обложили советское посольство со всех сторон. Нужно было искать кардинальное решение, чтобы получить возможность для проведения разведывательных операций в городе и незаметного исчезновения из посольства. И неординарный выход был найден. Обратили внимание на то обстоятельство, что после разгрома фашистских войск на Курской дуге болгарские контрразведчики стали проявлять куда меньшее рвение в исполнении своих служебных обязанностей.

Воспользовавшись удобным моментом, сотрудники резидентуры свели знакомство с начальником бригады наружного наблюдения, обслуживавшей посольство. Вскоре его удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой. Он в прямом смысле слова рисковал головой, но решился на оказание помощи Советскому Союзу. С его помощью наши разведчики получили возможность незаметно выходить с территории посольства и работать в городе с агентурой и доверительными связями. После войны этот болгарин был награжден указом Президиума Верховного Совета СССР медалью «За боевые заслуги».

Основную роль в установлении первого контакта с представителем подполья сыграла преподавательница болгарского языка, которая до войны работала в нашем посольстве, и ее адрес был известен резидентуре. Г. Димитров дал «добро» на привлечение этой женщины к делу восстановления связи с нелегальным ЦК, и Федичкин взял на себя эту работу. Подпольщики дали явку, и час спустя после объявления воздушной тревоги наш разведчик отправился в опасный путь. «Опекавшие» посольство сотрудники наружного наблюдения при первых же сигналах тревоги бросились к своим автомашинам, им было не до слежки.

По улицам затемненного светомаскировкой города, разрушенного бомбардировками, быстро шел средних лет человек, ничем не отличавшийся от редких прохожих, которые, как тени, скользили между развалинами домов. Целые кварталы Софии были сровнены с землей после массированных налетов англо-американской авиации. В центре столицы почти не осталось уцелевших зданий, улицы были засыпаны кусками кирпича, бетона, разбитого стекла. После наступления комендантского часа ходить по городу было небезопасно даже при

наличии специальных пропусков. Полиция имела приказ стрелять без предупреждения: грабежи и мародерство стали обычным делом.

В некотором отдалении от Федичкина, сзади и по бокам следовали несколько человек, держа руки в карманах, где было оружие. В любой момент они могли пустить его в ход, если бы возникла опасность. Это были болгарские подпольщики, сопровождавшие советского разведчика. Вместе с ними он шел по окраинам города больше часа – маршрут был выбран так, чтобы исключить любые неожиданности. Встреча состоялась на конспиративной квартире у «Орлова моста», что в центре Софии. Подпольщики соблюдали повышенную осторожность.

Представителю нелегального ЦК Федичкин передал директиву Загранбюро от 28 марта 1944 года, где было четко сказано: «Путь для спасения страны – это вооруженное восстание. Силы для такого всенародного выступления налицо: это народ, армия и партизанские отряды...» Если бы на маршруте случилось нечто непредвиденное и директива оказалась бы в руках тогдашних профашистских правителей Болгарии, то можно представить, какой поднялся бы вселенский шум – советник посольства СССР несет директиву Загранбюро компартии о ближайших задачах антифашистского сопротивления Болгарии! То, что документ был подписан псевдонимом Г. Димитрова, дела не меняло: директива говорила сама за себя.

К счастью, все обошлось благополучно, но на обратном пути Федичкина подстерегали неожиданные препятствия. Близился комендантский час, а прямо у конспиративной квартиры вдруг появился полицейский. Он непременно остановил бы нашего разведчика и потребовал бы предъявить пропуск. Возникла серьезная угроза провала явки: полицейский вполне мог видеть, откуда вышел Федичкин, а по документам установить его личность. Решение пришло мгновенно, выручили смекалка и быстрота реакции: Федичкин разыграл из себя немца, хотя и не знал немецкого языка. «Я знал, – вспоминал потом наш разведчик, – что в подобных случаях тот, кто берет инициативу, тот и выигрывает». Он властным жестом подозвал полицейского и стал выкрикивать отдельные немецкие слова и ругательства. Тот растерянно отдал честь и извинился, что не понимает, о чем говорит «уважаемый господин». Полицейский стоял с виноватым и озадаченным видом, соображая, почему так сердится этот немец. Выругавшись напоследок по-болгарски, Федичкин продолжил свой путь, оставив полицейского в убеждении, что ему встретилась какая-то «важная птица».

Очень помогла ему в работе в Болгарии учеба в детские годы в церковно-приходской школе во Владивостоке, где он овладел церковнославянским языком, близким болгарскому. По прибытии в Софию Федичкин вскоре уже свободно говорил по-болгарски и не испытывал затруднений в общении с болгарами. Знание основ право-

славия и церковных порядков помогло ему развить и закрепить знакомство с софийским митрополитом, епископом Стефаном.

Это был известный в Болгарии священнослужитель, он возглавлял Церковный Синод и в то же время был постоянным членом Совета Министров. Митрополит Стефан был умным, хитрым, амбициозным человеком с завышенной самооценкой, но одновременно он был и реально мыслящим политиком, не терпевшим немцев. Он хорошо понимал, что разгром фашистской Германии – это лишь вопрос времени, и поэтому важно в нужный момент сменить политическую ориентацию, чтобы не рисковать будущей карьерой. В противном случае ему, как члену профашистского кабинета министров, придется держать ответ перед новыми властями. Митрополит, кроме того, знал, что среди церковных иерархов немало тех, кто может составить ему конкуренцию в претензиях на верховенство в Церкви.

Надо сказать, что митрополит Стефан в свое время окончил Киевскую Духовную Академию и был, как и многие болгарские интеллигенты, русофилом, но от идей социализма был далек. Между прочим, он держал при себе в качестве советника по русским делам протоиерея Шавельского, бывшего когда-то духовником императора Николая II и генерала Врангеля. «Его блаженство», как требовалось величать митрополита, мечтал стать патриархом болгарской Церкви, и это облегчило развитие знакомства с ним. Короче говоря, соглашение о сотрудничестве было достигнуто быстро. Митрополит поставил вопрос так: он готов помогать при условии, если советские представители в свою очередь помогут ему сохранить место столичного епископа, а возможно, и занять пост патриарха болгарской Церкви, которая должна отделиться от Константинопольской православной патриархии. Такая помощь ему была обещана. Митрополит Стефан, прекрасно осведомленный о политических интригах болгарской верхушки, начал регулярно информировать Федичкина о враждебных СССР планах и акциях болгарских властей и их немецких союзников.

Митрополит был заметной фигурой, и поддерживать с ним личные контакты было непростым делом: любая оплошность могла обернуться большими неприятностями. В конце концов, решили поддерживать связь через священника Русской церкви, расположенной рядом с нашим посольством, а амвон этой церкви использовать в качестве тайника. Федичкин спросил митрополита, а не будет ли это святотатством? Он ответил: «Если Бог узнает, что это служит святому делу, он простит и благословит!» И с тех пор Святое Евангелие в амвоне исправно выполняло функции контейнера для передачи секретной информации. Отпечатанные на пишущей машинке сообщения митрополита несведущие люди могли принять за молитвы. Словом, «Его блаженство» был не так уж прост.

Благодаря своему положению он пользовался министерскими привилегиями. В его распоряжении была автомашина с правительст-

венными номерами, которую без проверки пропускали все полицейские посты в Софии и окрестностях. Это был внушительных размеров черный «Кадиллак», окна которого были закрыты темными занавесками с тисненными золотом крестами, а на крыше автомобиля красовался позолоченный крест полуметровой высоты. Шофером был родной племянник Стефана, которому он полностью доверял, а тот, в свою очередь, был предан «Его блаженству». И вот на таком шикарном лимузине нередко разъезжал резидент внешней разведки Федичкин, да к тому же еще перед поездкой получал благословение столичного митрополита.

После освобождения Болгарии Стефан действительно стал, правда, не патриархом, а экзархом болгарской православной Церкви, поскольку она вышла из подчинения Константинопольского патриархата и вошла в юрисдикцию патриархата Московского. Федичкин в присутствии начальника штаба 3-го Украинского фронта генерал-полковника (впоследствии маршала Советского Союза) С.С. Бирюзова торжественно вручил митрополиту Грамоту на имя Святейшего Синода болгарской Церкви, в которой было изложено согласие Московского Патриарха принять болгарскую Церковь в лоно русской православной Церкви. С волнением взяв Грамоту, Стефан упал на колени и стал истово молиться, креститься и повторять: «Боже! Наконец-то сбылась вековая мечта православных славян о воссоединении!»

В январе 1944 года начались почти ежедневные налеты англоамериканской авиации на Софию и другие города Болгарии. Фугасная бомба разорвалась прямо во дворе советской дипломатической миссии, находившейся в самом центре столицы. К счастью, обошлось без человеческих жертв, но сильно пострадали здания посольства и были исковерканы все легковые автомашины. Посольство осталось без транспорта, и болгарская сторона, демонстрируя лояльность, предоставила ему мотоцикл, ранее принадлежавший профашистской молодежной организации «Бранник», которая была аналогом немецкого «Гитлерюгенда».

Случайно или нет, но в багажной сумке мотоцикла остались документы, выданные какому-то офицеру «Бранника», и офицерская униформа-комбинезон с автошлемом. Это было весьма кстати, и резидентура не раз пользовалась формой офицера «Бранника». Разведчики переодевались в нее в укромных местах в городе, и полицейские беспрепятственно пропускали «офицера», заранее поднимая шлагбаум на пропускных пунктах. Форма помогала без проблем выезжать за «черту оседлости» для советских людей, миновать рогатки полицейских постов и проводить оперативные мероприятия.

Министерство иностранных дел Болгарии под предлогом заботы о безопасности сотрудников миссии несколько раз предлагало им покинуть посольство и разместиться в пригороде столицы Панчерево. Смысл этой «заботы», конечно же, был ясен: спецслужбы хотели изо-

лировать нашу миссию и ограничить возможности для неофициальных контактов. Посольство от эвакуации отказалось. Многие болгары специально приходили к посольству, чтобы выяснить, остались ли там советские люди. После освобождения Болгарии бывший партизан рассказал Федичкину, что из его отряда в Софию направили посланца, который должен был посмотреть, развевается ли на здании посольства красное знамя.

Болгарский народ в массе своей относился к советским людям с большой симпатией и теплотой. Упоминавшийся выше генерал В. Заимов на суде сказал: «Я не признаю, что поддерживал преступные связи с советской миссией. Она существовала и существует у нас на законных основаниях, и если вы снимете блокаду, то тысячи болгар придут в нее с радостью, чтобы выразить свою горячую любовь к великому советскому народу и нашим русским освободителям».

Федичкин вспоминал: «Воду для бытовых нужд мы привозили из Панчерево (пригород Софии), а продукты закупали в окрестных селах. Было трогательно видеть, как менялось отношение крестьян, когда они узнавали, что мы являемся советскими людьми». Многие стремились помочь всем, чем можно.

Под ударами Советской Армии немцы отступали, и через территорию Болгарии шли эшелоны с войсками, техникой и награбленным в России добром. В Софию прибывали и поезда с советскими военнопленными и мирными гражданами, угнанными на подневольные работы. Как-то раз стало известно, что вокруг Софии скопилось несколько таких эшелонов. По линии посольства были сделаны официальные представления МИД Болгарии с требованием задержать их отправку и интернировать советских граждан. Болгарские власти, однако, отделались уклончивыми ответами и отговорками, ссылаясь на свой нейтралитет. Это повторилось несколько раз. Тогда Федичкин как советник посольства СССР в беседе с директором политического управления МИД Болгарии Алтыновым сделал ему резкое представление, заявив, что, прикрываясь разговорами о нейтралитете, болгарские власти по существу продолжают оказывать всяческое содействие гитлеровской Германии в войне с СССР.

Через надежных помощников резидентуры среди служащих железной дороги советским людям, находившимся в немецких эшелонах, было рекомендовано при первой же возможности разбегаться кто куда и пробираться в горные районы, где болгарское население их укроет и поможет связаться с партизанами. Договоренность на этот счет с руководством Сопротивления уже имелась. Сотни советских людей укрылись в болгарских селах или ушли к партизанам. Они принимали участие в боевых действиях и в народном антифашистском восстании в сентябре 1944 года.

Внешняя разведка пристально следила за секретными переговорами между представителями Болгарии, Англии и США. Руководи-

тель Регентского совета Филов, ярый ненавистник Советского Союза, напутствуя одного из своих парламентеров перед встречей с американским представителем в Турции, говорил: «Болгария могла бы стать крепостью против большевизма при условии, если существующий в ней в настоящее время режим будет упрочен, а единство страны обеспечено. В случае же, если болгарскому народу придется пережить еще одно разочарование в своей борьбе за объединение, он впадет в отчаяние и поддастся большевизму». Болгарская верхушка хотела выторговать у англо-американцев поддержку планов создания «Великой Болгарии» в обмен на антисоветизм. В свою очередь, американские и английские разведчики и дипломаты делали все возможное, чтобы спасти Болгарию от надвигавшегося краха режима и прихода народа к власти.

Информацию о секретных переговорах советская разведка получала как в Софии, так и в Лондоне, Стамбуле, Анкаре и других столицах мира. Последняя попытка болгарских правящих кругов заключить перемирие с Англией и США была предпринята в конце августа 1944 года, когда советские войска уже были в Румынии. Переговоры велись в Каире, в них участвовали английский посол Хьюген, английские и американские высокопоставленные дипломаты и разведчики.

5 сентября 1944 года СССР объявил войну Болгарии, и это спутало карты как болгарского руководства, так и Англии и США. Из Лондона в адрес английского посла в Москве была направлена срочная шифровка, где говорилось: «Иден удивлен объявлением войны Болгарии со стороны СССР и просит выяснить причину, почему советское правительство избрало именно этот момент для объявления войны, то есть тогда, когда Болгария как будто бы стремилась заключить мир с союзниками СССР». Просили также «выяснить, что намерен СССР делать дальше: вторгнуться в Болгарию или предъявить условия взамен прекращения военных операций». Между тем цели советского руководства были вполне очевидными: нельзя было оставаться «невоюющей с Болгарией стороной» в преддверии переговоров о послевоенном устройстве на Балканах, которые издавна слыли «пороховой бочкой Европы». Важно было не допустить сепаратного сговора союзников с Болгарией и помешать их планам размещения своих войск в этой стране.

Поздно вечером 5 сентября 1944 года Федичкин, ставший к этому времени поверенным в делах посольства, вручил премьер-министру Болгарии Муравиеву ноту об объявлении войны. Присутствовали все министры кабинета. Они выслушали Федичкина стоя, в напряженной тишине. В ноте говорилось: «Болгария до настоящего времени отказывается разорвать с Германией, проводит политику так называемого «нейтралитета», а в действительности оказывает этим прямую помощь Германии, спасая ее отступающие военные силы от преследования Красной Армии. Советское правительство больше не считает

возможным сохранять свои отношения с Болгарией и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, в чем, по существу, она находилась и ранее, но и Советский Союз будет находиться в состоянии войны с Болгарией». Попытки болгарского руководства предложить перемирие с СССР были отвергнуты.

С поразительной наивностью болгарская верхушка до последнего часа верила, что ход событий может измениться. Тот же Муравиев, ссылаясь на брата царя Бориса – Кирилла, твердил, что «события должны развиваться так же, как и в 1918 году», что к «нам придут союзники, будет заключено перемирие, «земледельцы» (умеренная буржуазная партия аграриев. – *Прим. авт.*) возьмут власть, а князь Кирилл станет спасителем Болгарии». И еще: «Я верю в английскую дипломатию, в Черчилля и убежден, что он не допустит, чтобы Красная Армия вступила в Болгарию». Немудрено, что Муравиев не поверил начальнику Генерального штаба Т. Трифонову, когда он сообщил премьер-министру 2 сентября 1944 года о готовности советских войск войти в Болгарию. Когда СССР объявил войну, Муравиев заплакал и произнес: «Трагедия начинается...»

Вот как описывает в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жуков свои беседы с Георгием Димитровым накануне перехода болгарской границы советскими войсками: «Георгий Димитров произвел на меня впечатление исключительно скромного и душевного человека. Во всех его размышлениях и суждениях чувствовалась большая сила ума и политическая дальнозоркость.

Г. Димитров сказал: «Хотя вы и едете на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией, войны наверняка не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной Армии, чтобы с ее помощью свергнуть царское правительство Багрянова и установить власть Народно-освободительного фронта». «Вас, – продолжал Г. Димитров, – встретят не огнем артиллерии и пулеметов, а хлебом и солью по нашему старому славянскому обычаю. Что же касается правительственных войск, то вряд ли они рискнут вступить в бой с Красной Армией». «По моим данным, – говорил Г. Димитров, – почти во всех частях армии проводится большая работа нашими людьми. В горах и лесах – значительные партизанские силы. Они не сидят без дела и готовы спуститься с гор и поддержать народное восстание».

В то время болгарская армия насчитывала в своих рядах 450 тысяч человек, сведенных в пять армий и два отдельных корпуса. В воздушных силах было 410 самолетов, а в военно-морских – более 80 боевых и вспомогательных немецких и болгарских судов...

Утром 8 сентября все было готово, чтобы открыть огонь, но мы со своих наблюдательных пунктов не видели целей... Не прошло и получаса, как командующий 57-й армией доложил, что одна из пехотных дивизий болгарской армии, построившись у дороги, встретила наши

части с развернутыми красными знаменами и торжественной музыкой. Через некоторое время такие же события произошли и на других направлениях. Командармы доложили, что идет стихийное братание советских воинов с болгарским народом.

Я тотчас же позвонил в Ставку. И.В. Сталин сказал: «Все оружие болгарских войск оставьте при них, пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства».

Этим простым актом со стороны Верховного Главнокомандования было выражено полное доверие болгарскому народу и болгарской армии, которые по-братски встретили Красную Армию, видя в ней свою освободительницу от немецких оккупантов и царского профашистского режима»[1].

Оценивая работу резидентуры в Софии в 1944–1945 годах, Центр, как об этом свидетельствуют архивы внешней разведки, отметил, что «она находится в удовлетворительном состоянии». Особо было подчеркнуто, что руководитель резидентуры Федичкин отличается «высокой квалификацией, эрудицией, энергией, большим опытом» и «принимает на себя значительную долю участия в конкретной работе с агентурой и связями». Такая оценка обычно скупого на похвалы Центра стоила многого. Факты, впрочем, говорили сами за себя: с января по август 1945 года в Москву из Софии было направлено 845 информационных сообщений, из них 240 документальных. Руководству СССР было доложено 40 спецсообщений. К тому времени резидентура имела позиции во всех главных объектах страны. Справедливости ради следует сказать, что обстановка в Болгарии в 1944–1945 годах резко отличалась от обстановки первых лет войны, и условия для деятельности внешней разведки в этот период были более благоприятными.

В трудное и ответственное время, в глубоком тылу фашистской Германии, союзницей которой была Болгария, работа наших разведчиков в этой стране стала ощутимым вкладом в приближение победы, в борьбу братского народа за свободу и независимость.

---

[1] **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления. – М., 1970. – С. 553–555.

43

Девятый вал войны. Победа над Японией

В конце ноября 1941 года корабли соединения японского адмирала Нагумо сосредоточились в заливе Хитокаппу, у острова Итуруп, откуда открывается проход через Курильские острова в Тихий океан для крупных кораблей. Вечером 25 ноября Нагумо получил приказ главнокомандующего Объединенным флотом Японии Ямамото следовать к гавайским водам и атаковать главные силы американского флота.

2 декабря 1941 года на авианосце «Акаги» было получено подтверждение из штаба Ямамото: «Начинайте восхождение на гору Ниитака», что означало – атакуйте Перл-Харбор, главную тихоокеанскую военно-морскую базу США. Ранним утром 7 декабря Футида, один из разработчиков плана внезапного нападения, повел за собой 183 самолета первой волны. Кроме того, вокруг бухты Перл-Харбора было заблаговременно развернуто более 20 японских подводных лодок. Уверенный в успехе Футида передал условный сигнал: «Тора, тора, тора!» (Тора – тигр по-японски). Это должно было означать, что японская атака действительно оказалась внезапной. Было потоплено четыре линкора, два эсминца, много кораблей было повреждено. Уничтожено 188 самолетов, погибло свыше трех тысяч американских солдат.

А утром 8 декабря Япония объявила войну США, Англии и Голландии. Японский «тигр» ринулся на юг Тихоокеанского региона – в Малайю, на Филиппины, в Бирму и Индонезию, Новую Гвинею. Так решилась дилемма японской экспансии – юг или север, то есть Советский Союз.

Выбор направления основного удара Страны восходящего солнца имел большое значение для Советского Союза, на который обрушились гитлеровские дивизии, надеясь нанести Красной Армии поражение за несколько недель. Отчаянное положение складывалось

в боях под Москвой. Но несмотря на опасность для Москвы, командование было вынуждено держать на Дальнем Востоке до сорока дивизий на случай, если Япония изберет северное направление своей агрессии. Многое говорило за этот вариант. После нападения на Китай, захвата Маньчжурии, где было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, японцы сосредоточили на границах СССР огромную армию. Японцы были хорошо вооружены, имели опыт интервенции времен Гражданской войны, столкновений с Красной Армией и дружественными Советскому Союзу частями монгольской народной армии на реке Хэлхин-Гол в 1939 году, а за год до этого – у озера Хасан. Этим атакам был дан решительный отпор, но и японские части продемонстрировали высокую боеготовность.

13 апреля 1941 года между СССР и Японией был подписан Пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Но он мог быть нарушен, как и соответствующие соглашения СССР с Германией. Тем более что с Германией у Японии был свой пакт. Он был подписан 27 сентября 1940 года в Берлине, с участием Италии. И министр иностранных дел Японии Мацуока, давая ему оценку вскоре на заседании тайного совета в Токио, подчеркнул, что «Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны...» Министр отмечал, что, несмотря на улучшение отношений с СССР, они будут пересмотрены, как он говорил, «через два года».

На деле «пересмотр», то есть нападение на Советский Союз, мог произойти вскоре после агрессии Гитлера. Уже через 10 дней после ее начала на имперской конференции в Токио 2 июля 1941 года была принята «Программа национальной политики», в которой говорилось, что Япония пока не будет вмешиваться в германо-советскую войну, но секретно завершит военную подготовку против Советского Союза. «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему...» В этой связи был разработан план «Кантокуэн», согласно которому Квантунская армия должна была вторгнуться в СССР и захватить Дальний Восток.

Этой задаче были посвящены усилия японской военной миссии в Харбине, действовавшей под видом информационного отдела Квантунской армии. У нее были филиалы в Хайларе, Сахаляне, в Цзямусы и других городах. В Цзямусском филиале, работавшем против Хабаровского края, насчитывалось 7 отделений, 19 разведывательных пунктов, 40 резидентов. Вплоть до 1945 года в филиале работало 149 человек.

Филиалы и отделения японской разведки непрерывно засылали на советскую территорию своих людей. За годы войны было переброшено около 1500 японских агентов. Большая их часть была выявлена и арестована.

Основной базой для вербовки японцами агентуры против СССР была русская контрреволюционная эмиграция. Борьба с засылкой агентов, против их проникновения в воинские части и органы советской разведки была составной частью большой работы, которая велась органами государственной безопасности на Дальнем Востоке. Вместе с тем советские резидентуры в Харбине, Сеуле, Шанхае, приграничные филиалы регулярно отслеживали картину состояния Квантунской армии, перемещения ее подразделений и техники, строительства военных сооружений и т.д. Среди сведений, полученных этими путями, были данные о том, что южнее Харбина расположена химико-бактериологическая станция, которая ставит эксперименты на людях и животных, готовясь к бактериологической диверсии против СССР.

Что касается стратегических планов Японии, то в Центр стекались данные из самых разнообразных источников. Труднее всего приходилось в самой Японии, где работа всех советских представительств была взята под усиленный контроль службами наружного наблюдения. К этому прибавлялись факторы, связанные с ослаблением советской разведки в результате репрессий. В отличие от военной разведки, у которой в Японии успешно действовала нелегальная резидентура во главе с Рихардом Зорге, разведка органов госбезопасности не обладала сильными позициями.

В январе 1940 года в Токио прибыл новый состав резидентуры, состоявший из резидента Артема и двух технических работников. Они были впервые за рубежом, никто из них не владел иностранными языками. Тем не менее в 1940–1941 годах удалось завербовать трех иностранцев, работавших в Японии. Вскоре был получен доступ к информации о направлении разведывательной деятельности против СССР из японских военных и политических кругов. Важнейшими были сведения о том, что если руководство сухопутной армии Японии стоит за вступление в войну с СССР на стороне Германии, то представители военно-морского флота, имеющие значительное влияние на определение курса страны, выступают за войну с США и агрессию в Юго-Восточной Азии.

Всего за 1941–1942 годы только по вопросу о том, начнет ли Япония войну с СССР в ближайшие месяцы, поступило свыше 30 сообщений. 15 из них были направлены в критический период первых месяцев войны[1]. Имеются в виду сообщения, которые были сочтены первостепенными и направлялись в Государственный комитет обороны (ГКО), руководство СССР. Их источники, помимо Токио, находились в Лондоне, Вашингтоне, Софии, а также Шанхае, Харбине и иных городах Китая.

Одним из первых после начала агрессии было сообщение о телеграмме английского посла в Токио министру иностранных дел Идену от 24 июня 1941 года:

«Германский посол оказывает сильнейшее давление на Мацуока, пытаясь добиться активного вступления Японии в войну на стороне Германии. Он обещает японцам Приморскую область и все, что он может только придумать».

4 июля 1941 года тот же посол излагал Идену содержание беседы с японским министром иностранных дел Мацуока, который утверждал, что берлинский пакт «трех» «не налагал на Японию обязательств выступить в советско-германской войне на стороне Германии». В то же время договор с СССР о нейтралитете не помешает Японии предпринять действия, которые «могут потребоваться для сохранения японских интересов». В этих условиях Япония сохраняет «свободу действий».

17 июля в ГКО было направлено сообщение о том, что в Лондоне перехвачено и расшифровано сообщение японцев о том, что 2 июля на имперской конференции в Токио принято решение о южном направлении японских действий, но что Япония в то же время «подготавливается ко всяким вероятностям в отношении СССР». «Японское правительство всегда имеет в виду необходимость усиления военных приготовлений для того, чтобы удержать СССР от принятия каких-либо шагов на Дальнем Востоке».

В то же время в заявлении японцев германскому послу в Токио подчеркивалось, что «Япония ведет постоянное наблюдение в бассейне Тихого океана для того, чтобы сдержать США и Великобританию». Однако далее признавалось лишь, что «Япония решила приобрести базу в Индокитае».

Намерения Японии раскрывались в телеграмме английского посла в США Галифакса, полученной нашей разведкой через агентуру в Лондоне. После беседы с заместителем государственного секретаря Уэллесом Галифакс передал, что американцам известно о соглашении Японии с партнерами по берлинскому пакту относительно их согласия на захват Японией баз в Индии, Китае и Сиаме, «после чего последует выступление против Сибири и в первую очередь Владивостока».

Напряжение, таким образом, не спадало. «Свобода действий» могла означать для японского «тигра» и прыжок на советские территории.

Из Токио пришли тревожные сведения. Резидентура сообщала, что с 12 июля по 18 августа 1941 года в Японии проведена всеобщая мобилизация примерно 4,5 млн человек. В Харбине оборудована типография для печатания листовок на русском языке.

20 ноября советскими разведчиками была перехвачена японская телеграмма из Берна в Анкару, из которой следовало, что в кризисный момент японское радио включит в начало своих радиопередач кодовые слова, которые будут означать либо нападение на США («хигаси» – восток), либо на СССР («кита» – север), либо на Англию – («ниси» – запад).

Наши источники в Маньчжурии докладывали, что японцы готовят заброску на территорию СССР групп по три-пять человек для диверсий и разведки на железнодорожных и военных объектах.

Из Лондона пришла расшифровка телеграммы японского министра иностранных дел от 27 ноября 1941 года своему послу в Берлине. В ответ на усилившийся нажим Германии послу предлагалось «объяснить Гитлеру, что основные японские усилия будут сосредоточены на юге и мы предполагаем воздержаться от преднамеренного предпринятия действий на севере».

После ряда маскирующих мер, среди которых были и переговоры с США (их вели японский посол в США Номура и государственный секретарь США Хэлл) об отмене американского эмбарго на экспорт нефти в Японию и замораживания на ее активы, японцы направляют Хэллу памятную записку о прекращении переговоров. Она была вручена 7 декабря, за час до нападения на Перл-Харбор.

Масштабные агрессивные действия Японии в Юго-Восточной Азии несколько ослабили опасность немедленного нападения на СССР. К тому же гитлеровцы потерпели первое свое крупное поражение под Москвой. Становилось ясным, что «блицкриг» не удался и война становится затяжной. Однако японские сторонники агрессии против СССР возлагали надежды на весеннее и летнее наступление гитлеровцев и настаивали на выступлении против советского Дальнего Востока. К тому же Гитлер усилил давление на союзника. Об этом говорили данные китайской разведки от 25 февраля и 4 марта 1942 года. Немцы обещали возобновить крупное наступление на Восточном фронте. Группировка японской военщины во главе с генералом Араки стояла за удовлетворение требований Берлина.

В середине февраля 1942 года японское руководство обсудило требования немцев и сочло выступление против СССР преждевременным. Сперва следовало завершить основные операции на Тихом океане. Тем не менее данные наших резидентур в Турции, Китае, Англии, чехословацкой военной миссии в Лондоне сходились на том, что, как только начнется весеннее наступление Гитлера, Япония может напасть на СССР. Об этом говорила и телеграмма МИД Италии в адрес своего посла в Токио, где утверждалось, что «сейчас, когда Япония полностью уверена в окончательной победе на юге, она, возможно, начнет думать и о севере».

На деле южная экспансия встречала немалые трудности. Да и сообщения японских представителей, находившихся в СССР, тоже заставляли повременить. На имя японского военно-морского атташе в СССР Ямагучи пришло письмо из генштаба, где признавалось: «Кажется, господа из Квантунской армии наконец-то стали понимать, какие трудности приходится испытывать флоту при проведении операций такого широкого масштаба, как сейчас».

Начальник чехословацкой разведки в Лондоне Моравец сообщил нашему резиденту: «Против СССР Япония выступит лишь в том случае, если наступление немцев на Восточном фронте будет протекать успешно». А наученный неудачами немцев на рубеже 1942 года упомянутый атташе Ямагучи в сентябре, хотя немцы и ведут свое наступление на юге СССР, замечает в адрес тех, кто настаивает на немедленном вступлении Японии в войну: «...как бы ни торопились – надо все-таки выждать, пока немцы влепят им еще разок. В общем, придется после будущего лета».

Но Сталинград и битва на Курской дуге продемонстрировали мощь и силу духа Красной Армии и явились переломным моментом в войне. В этой связи японские дипломаты были вынуждены сменить тон своих заявлений. И японский посол в СССР Сато уже ратовал за то, чтобы «американцы согласились на заключение мира на равных началах» (данные от 10 января 1943 года). А в начале лета сведения о развитии «мирной инициативы» Японии поступили из резидентуры в Чунцине. 5 июня 1943 года доверенный китайской разведки рассказал, что беседовал с командующим японскими войсками в Северном Китае генералом Окамурой и рядом других ответственных лиц. Он доложил Чан Кайши следующие предложения японцев: Китай и Япония должны прекратить военные действия и сосредоточить свои усилия в борьбе против коммунизма, США и Англии. Маньчжурия останется за Японией, а взамен этого Китай получит Индокитай.

Вскоре японцы на разных уровнях стали активно говорить о желательности продления японо-советского договора о ненападении и возможном заключении мирного договора Германии с Советским Союзом. Эта мысль была доведена и до атташе Ямагучи, когда генштаб ВМС Японии писал: «Выход из тупика, в котором мы очутились, только один – германо-советское перемирие, а затем мир». Посол Сато в беседе с японскими корреспондентами в Москве также стал проявлять повышенное миролюбие, заявляя: «Нужно стремиться к полному урегулированию всех вопросов с Советским Союзом и к отрыву его от англо-американского блока» (сообщение ГКО от 21 декабря 1943 года).

Практическая линия японского правительства была далека от миролюбия. С лета 1941 года до конца 1944 года японцы задержали 178 советских торговых судов. Были потоплены крупные суда – «Ангарстрой», «Кола», «Ильмень», «Перекоп», «Майкоп» и другие. Япония сохранила боеспособный и мощный потенциал в виде Квантунской армии на границах СССР, заставляла держать на Дальнем Востоке до сорока дивизий Советской Армии и тем самым прямо способствовала военным усилиям Германии.

США и Англия вели трудные бои с японскими агрессорами в Индокитае, на просторах Тихого океана. Япония еще сохраняла крепкие позиции как на море, так и на суше. Этот первый по времени и второй

по мощи очаг мирового конфликта мог быть потушен только большими усилиями. Иначе война затянулась бы и унесла многие сотни тысяч жертв.

Вот почему на Ялтинской конференции 11 февраля 1945 года Советский Союз вместе с руководителями США и Англии подписал соглашение о своем вступлении в войну против Японии через два-три месяца после разгрома фашистской Германии. Во исполнение этого обязательства СССР 5 апреля 1945 года денонсировал договор с Японией о нейтралитете от 13 апреля 1941 года. А 26 июля правительства США, Англии и Китая в Потсдамской декларации предъявили Японии ультиматум, требуя ее капитуляции. Через два дня японский премьер-министр Судзуки ответил: «Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны».

Мирные пути урегулирования на Востоке были отрезаны. 8 августа советское правительство присоединилось к Потсдамской декларации и объявило войну Японии. Подтянутые с запада войска перешли в наступление и в кратчайшие сроки – с 9 по 14 августа 1945 года – окружили и ликвидировали Квантунскую армию в Маньчжурии, оплот японской экспансии. Четкие действия стали возможными и благодаря высокой осведомленности о дислокации ее частей и командования, явившейся следствием работы как советской военной разведки, так и внешнеполитической. Многие из разведчиков непосредственно участвовали в военных действиях. С их помощью были осуществлены глубокие прорывы и выброс десантов в тыл врага. Чекистские оперативные группы помогли захватить большое число руководящих японских военных, а также сотрудников разведки и контрразведки Японии, их белогвардейских агентов, сумели совершить захват секретных архивов.

Кроме поставленного японцами во главе Маньчжоу-Го императора Пу-И и членов местного правительства во главе с премьер-министром Чжан Цзикуем, были взяты в плен командующий Квантунской армии генерал Ямада, начальник штаба Хата, начальник разведотдела армии Асада, белогвардейский атаман Семенов и его заместитель Бакшеев, руководящий состав «Российского фашистского союза» во главе с Родзаевским. Среди военнопленных были выявлены 693 японских разведчика. Еще 142 разведчика были впоследствии арестованы, по данным захваченных архивов разведки. Поистине Япония отличалась одной из самых густо укомплектованных сетей шпионажа. Всего в плен было взято около 600 тысяч японских солдат и офицеров.

Разгром Квантунской армии, успешные действия союзников в Индокитае и районах Тихого океана привели к поражению милитаристской Японии и заставили ее капитулировать.

День 2 сентября 1945 года стал для Японии днем подписания акта о капитуляции. По поручению японского правительства подписать

его должны были министр иностранных дел Сигэмицу Мамору и представитель Ставки, начальник генерального штаба Умэдзу Ёсидзиро; их сопровождали девять человек (по три представителя от министерства иностранных дел, военного министерства и военно-морского министерства).

Указанные представители были доставлены на американском эсминце к борту американского линкора «Миссури», который стоял на якоре в Токийском заливе. На палубе линкора представители побежденной стороны, которым даже не разрешили взять с собой холодное оружие, безмолвно встали перед представителями союзных войск. Церемония подписания акта началась в 9 часов 00 минут. В 9 часов 04 минуты акт подписал первым Сигэмицу, а за ним – Умэдзу.

Сигэмицу подписал акт «от имени императора и правительства и по их приказу», Умэдзу – «от имени Ставки и по ее приказу». В 9 часов 08 минут в качестве стороны, принимающей капитуляцию, акт подписал верховный главнокомандующий союзных держав генерал Макартур.

В акте указывалось, что Япония принимает условия Потсдамской декларации, заявляет о прекращении военных действий и о безоговорочной капитуляции генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся. В акте также указывалось, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации.

По окончании церемонии японских представителей доставили на берег на американском эсминце. Вернувшись в Токио, они в 13 часов 15 минут доложили императору о выполнении своей миссии. После этого сразу же был объявлен императорский указ о капитуляции. Его опубликования потребовали союзные державы.

Акт о капитуляции Японии кроме Верховного главнокомандующего союзных держав подписали также представители США, Китая, Англии, Советского Союза, Австралии, Канады, Франции, Голландии и Новой Зеландии. В общем приказе определялся порядок капитуляции японских вооруженных сил и передачи ими оружия и военных сооружений.

Так закончилась длившаяся шесть лет Вторая мировая война.

---

[1] После Сталинградской битвы военное руководство Японии фактически отказалось от планов нападения на СССР.

Заключение

Перевернута последняя страница четвертого тома «Истории российской внешней разведки», посвященного ее деятельности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Много лет прошло со дня капитуляции гитлеровской Германии и Японии. Однако интерес к тому, как была достигнута победа, как работали те или иные органы государственной власти, велик и в наши дни.

Победа не пришла сама по себе. Она досталась дорогой ценой. Весь советский народ, все структуры государственного механизма, включая и внешнюю разведку, руководимые из единого Центра, каковым в годы войны являлся Государственный комитет обороны, работали каждый на своем участке на приближение победы. Предложенные читателю в томе очерки дают возможность составить представление о том, что делала для победы внешняя разведка.

Рассекреченные материалы архива СВР, воспоминания ветеранов разведки, переживших годы войны, позволили авторам тома дополнить уже известную картину, а в чем-то и по-новому взглянуть на деятельность внешней разведки в те суровые годы, на ту лепту, которую она внесла в общее дело Победы над фашизмом, так же как и в создание послевоенной системы международных отношений, обеспечивших нашей стране столь необходимые ей условия мирного сосуществования, а странам Европы – мир в течение последующих десятилетий.

В годы войны внешней разведке, образно говоря, пришлось взять в руки винтовку и встать в ряды защитников Родины на одном из самых трудных и опасных участков борьбы с немецким фашизмом: в тылу врага, в условиях подполья, в партизанских и разведывательно-диверсионных отрядах. И она с честью и достоинством выполнила эту миссию.

Но обеспечение руководства страны информацией, необходимой для принятия решений, оставалось главной задачей разведки в годы войны. Более того, значимость этой информации и ответственность

за ее своевременное получение и достоверность возросли. Требовалась информация, необходимая для ведения военных операций, для оценки положения в стане противника, для правильного построения отношений с союзниками, укрепления рядов антигитлеровской коалиции и отрыва от Германии ее союзников по пакту «оси», для построения отвечающего интересам Советского Союза послевоенного мира.

Помещенные в томе очерки показывают, как справлялась внешняя разведка с решением этих многогранных и ответственных задач.

Несмотря на условия военного времени, потерю связи с ценной агентурой и арест многих источников, внешней разведке удавалось освещать политическое и военное положение в Германии и союзных с ней странах. Она своевременно обратила внимание на истощение людских и материальных ресурсов Германии, ее неспособность к затяжной войне; сообщала о недовольстве политикой Гитлера в военных, политических и деловых кругах страны, о стремлении различных политических сил Германии к выходу из войны путем заключения сепаратного мира с Англией и США; о попытках нацистского руководства Германии спровоцировать раскол в рядах антигитлеровской коалиции и тем самым спасти себя от неминуемого краха. Эта информация помогла Советскому Союзу более правильно строить свои взаимоотношения с союзниками и предупредить замыслы Гитлера.

Получала внешняя разведка информацию и о военно-стратегических планах гитлеровского руководства, о подготовке немцами отдельных военных операций на Восточном фронте.

Важное значение имели получаемые внешней разведкой данные о степени осведомленности противника о планах высшего командования Красной Армии, работе отдельных штабов, передислокациях войск. Она помогала органам военной контрразведки выявлять агентуру немцев, пресекать каналы утечки информации, более надежно организовывать работу по охране государственных и военных секретов. В борьбе с разведывательными органами фашистской Германии, в первую очередь с абвером, разведка сделала немало, и это был вклад в общее дело победы над врагом.

Трудно переоценить значение, которое имела добытая в годы войны внешней разведкой информация о планах и намерениях союзников СССР – Англии и США, их действительном отношении к Советскому Союзу, взглядах на послевоенное устройство. Советскому руководству приходилось проводить свою внешнюю политику в годы войны в сложных условиях. Уже в первые месяцы войны разведка доложила информацию, из которой было видно, что конечные цели войны у Англии и США иные, чем у Советского Союза. Они рассчитывали на максимальное истощение в ходе войны и СССР, и Германии, с тем чтобы после войны установить выгодный им порядок в мире, прежде всего ограничить влияние Советского Союза. Исходя

из этих целей, наши союзники и решали вопросы оказания материальной и военной помощи СССР, открытия второго фронта, судьбы послевоенной Германии, Польши, других стран Восточной Европы.

Внешняя разведка благодаря усилиям своей агентуры, приобретенной еще в предвоенные годы, в первую очередь «кембриджской пятерки», получала практически полные данные обо всех этих замыслах и намерениях союзников, что позволяло руководству страны проводить гибкую политику, а на встречах с руководителями союзных государств твердо отстаивать интересы нашей страны. Далеко не случайно такой маститый специалист разведки, как Аллен Даллес, оценил получаемую советской внешней разведкой в годы войны информацию как «предел мечтаний любой разведки мира».

Поистине выдающимся достижением внешней разведки в годы войны следует считать ее работу по атомной проблематике. Через свою агентуру, сотрудничавшую с советской разведкой на основе общности интересов в борьбе с фашизмом, в том числе и членов «кембриджской пятерки», внешней разведке удалось получить сведения и проинформировать руководство страны о начале работ в Англии и США по созданию атомного оружия, что позволило начать аналогичные работы в СССР. Разведка регулярно информировала советских ученых практически о всех этапах осуществления атомного проекта нашими союзниками, которые держали его в строгой тайне от Советского Союза. Она сумела получить данные о произведенных западными учеными теоретических расчетах атомной бомбы, наиболее принципиально важных технологических решениях ее создания. Задолго до первого испытательного взрыва атомной бомбы разведка сообщила о сроках его проведения и точные данные о конструкции изготовленной американцами бомбы.

Получаемая внешней разведкой в годы войны информация раскрывала основные направления политики западных держав в отношении СССР и на послевоенный период. Разведка заблаговременно предупредила о том, что ожидает нашу страну после окончания войны, какое давление она будет испытывать со стороны вчерашних своих союзников, поставивших своей целью окружить СССР новым санитарным кордоном, свести к минимуму авторитет и влияние, завоеванные им в ходе борьбы с фашизмом.

К концу войны внешняя разведка все чаще стала получать информацию, свидетельствовавшую об обеспокоенности правящих кругов Англии и США усилением политического веса и авторитета Советского Союза в результате разгрома гитлеровской Германии.

В одной из полученных разведкой шифртелеграмм Черчилля только что избранному новому президенту США Трумэну британский премьер почти в панических выражениях расписывал опасность, которую якобы представляет для западных демократий продвижение советских войск в глубь Германии, освобождение ими Польши, Чехо-

словакии, Венгрии и Румынии. Он рекомендовал американскому президенту не отводить войска союзников с занимаемых ими позиций за линию разграничения оккупационных зон, установленных в Ялте, и занять в отношении русских твердую линию поведения. По данным разведки, союзники умышленно медлили с разоружением капитулировавших немецких воинских частей, в том числе и эсэсовских, увеличивали численно и вооружали армию Андерса, хотя Польша была уже освобождена и в ней действовало законное польское правительство, которое признали и союзники.

В июне 1945 года, незадолго до открытия Потсдамской конференции руководителей союзных держав, комитет начальников штабов генерального штаба Великобритании направил правительству доклад, озаглавленный «Безопасность Британской империи». Внешняя разведка получила этот документ.

Авторы доклада официально объявляли Советский Союз «главным противником Великобритании и всего западного мира» в послевоенный период и рекомендовали британскому правительству осуществить серию внешнеполитических и военных мероприятий, направленных против СССР. Среди них: установление «особых» отношений с США и подключение их к обороне Западной Европы, создание при активном участии США военно-политических блоков и сети военных баз вокруг СССР, его изоляция путем создания системы региональных организаций, использование в интересах Запада ООН и других региональных организаций. Таковы были планы западных союзников СССР, полученные разведкой в то время, когда еще не были подведены итоги Второй мировой войны. А вскоре началась их практическая реализация, и внешней разведке пришлось сосредоточить свои усилия в этом направлении. Но об этом будет рассказано уже в следующем, пятом томе «Истории российской внешней разведки».

Подводя итог четвертого тома, можно резюмировать: советская внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны внесла заметный вклад в общее дело победы нашего народа над гитлеровской Германией и ее союзниками. На полях сражений и в тайной борьбе в тылу врага она выполнила свой патриотический долг, отстаивая свободу и независимость нашей Родины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассекреченные документы из архива СВР России, относящиеся к деятельности внешней разведки в период Великой Отечественной войны. Публикуются впервые

(Документы публикуются с сохранением стиля, орфографии и пунктуации копий, хранящихся в Архиве СВР.

Редактура первых экземпляров публикуемых документов, направленных адресатам, может от них несколько отличаться.

Фамилии сотрудников разведки, псевдонимы источников, а также данные, относящиеся к оперативной деятельности разведки, опущены.)

№ 1 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ ТОКИЙСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г.

Источник резидентуры сообщает: «В связи с советско-германской войной, внешняя политика Японии будет следующая: Япония сейчас не имеет активных намерений против СССР как-то: об"явить войну и встать на стороне Германии. Хотя не известно как в дальнейшем изменится эта политика, но по крайней мере в настоящее время таких намерений нет. Тоже не будет принято твердой политики в отношении СССР, то есть не будет пред"явлено каких-либо требований и не будет об"явлено своего определенного отношения. Япония хочет молча смотреть на развитие войны и международные отношения. Такая политика Японии в данный момент об"ясняется тем, что: Япония не готова воевать с СССР. Руководство страны считает, что не следует спешить с войной, чем позднее Японии придется вступить в войну, тем меньше жертв она понесет. В последнее время в руководящих кругах Японии много говорят о пересмотре военного союза трех держав в связи усилением опасения войны с Америкой. 30 мая Мацуока[1] в своей речи о внешней политике

признал, что это мнение в Японии довольно сильно распространено. Если Япония начнет войну против СССР, то Америка об"явит войну Японии и Япония будет вынуждена бороться на два фронта. Япония сейчас пересматривает всю свою внешнюю политику и поэтому отношение к СССР также еще не определено».

№ 2 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ В ХАРБИНЕ ОТ 15 ИЮЛЯ 1941 г.

По данным, полученным от надежного и проверенного источника, квантунским штабом разработан план создания на Дальнем Востоке буферного государства в рамках бывшей Дальневосточной Республики, осуществление которого мыслится так: с занятием немцами Москвы сформированные из русских эмигрантов, преимущественно казаков части под командой Бакшеева[2] ринутся на нашу сторону, поднимают восстание и независимо от размера занятой территории провозглашают антисоветскую власть. Бакшеев действует под лозунгом «советская власть накануне падения, в центре создается другое российское правительство, временным наместником на Дальнем Востоке является атаман Семенов[3]». После этого Семенов сразу должен обратиться за помощью Японии и квантунской армии и просить поддержки антикоммунистического движения на Дальнем Востоке. Будет в центре существовать такое правительство или нет Семенов должен действовать именно так и японцы введут войска на Дальнем Востоке, начав совместно Бакшеевым действия против Красной армии. Этим японцы избегнут об"явления войны. Центр буфера мыслится в Чите. В связи с таким планом русский отдел японской военной миссии имеет задание: выяснить дислокацию советских войск на Дальнем Востоке, номера частей, отводятся ли части на германский фронт, какие имеются мехчасти, отправляют ли их на запад, какова авиация и имеются ли средства бактериологической войны. Кроме того отделу поручено сфабриковать воззвание русскому населению Дальнего Востока призывом к восстанию.

№ 3 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ ШАНХАЯ ОТ 17 ИЮЛЯ 1941 г.

Источник резидентуры указывает, что какого-либо окончательного решения в отношении Советского Союза японским правительством вынесено не было. Однако на правительственном уровне решено:

1) Облегчить решение операций против СССР без непосредственного вмешательства в войну по крайней мере в течение ближайшего времени.

2) Недопускать (так в тексте документа. – *Ред.*) увеличения американского влияния на Дальнем Востоке, которое может произойти в результате решения Америки помочь Советскому Союзу.

3) Привести в полную готовность вооруженные силы и если Советский Союз окажет признак общей слабости то использовать эту слабость для овладения, путем ли дипломатического нажима с целью получения выгод на Дальнем Востоке или же путем быстрого военного выступления против некоторых районов Советского Дальнего Востока.

В одном из правительственных докладов отмечается, что если СССР войдет в Союз с Англией и США то для Японии не будет возможности каких-либо самостоятельных стремлений против СССР. Особенно если сопротивление СССР Германии окажется продолжительным и успешным.

№ 4

Копия

Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
т.т. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

НКВД СССР т. МЕРКУЛОВУ

16 августа 1941 г.

Сообщаем выдержку из сводки материалов английской разведки за время с 3 по 10 августа с.г.[4] Выдержка получена Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«В первую неделю августа в Стокгольме было получено следующее сообщение шведского военного атташе в Берлине:

1) В германском генштабе усиливается озабоченность, в связи с непредполагавшимся советским сопротивлением. Германский план быстрого уничтожения Красной Армии сорван.

2) По его подсчетам к 20 июля уничтожено 6 бронетанковых и 20 пехотных германских дивизий полностью. Потери военных материалов, особенно танков, колоссальны.

Немцы вынуждены сейчас использовать танки старой модели К.2.

3) Немцы испытывают исключительно большие трудности в обеспечении своих войск снабжением.

4) Советские танки оказались первоклассными, а их броня значительно лучше, чем немцы предполагали.

5) Задержка кампании дала русским время для полной мобилизации, которая должна быть закончена к 15-му августа».

«Источник, обычно дающий нам точную информацию о немецких планах, в конце июля сообщил, что решение немецкого верховного командования продвигаться до Урала, помимо военных соображений, базируется на важности приобретения богатых источников минеральных масел, в особенности в районе Оренбурга, который до сего времени полностью не эксплуатировался русскими».

Начальник разведуправления НКВД
Союза ССР (Фитин)

№ 5 Копия
Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
т.т. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

НКВД СССР т. МЕРКУЛОВУ

28 августа 41 г.

Сообщаем содержание телеграммы министерства иностранных дел Англии от 18 августа с.г., адресованной английскому послу в США. Содержание телеграммы получено Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«На параграф 3 Вашей телеграммы № 3708 от 8 августа.

1. Наше отношение к русским целиком строится на строгом взаимном базисе, для того, чтобы заставить их показать нашим представителям в России свои военные заводы и другие об'екты, в которых мы заинтересованы. Пока что русские у нас почти ничего не видели. В ближайшее время им будут показаны заводы, выпускающие стандартную продукцию, однако на экспериментальные об'екты они допущены не будут.

2. Начальники штабов установили порядок, в качестве общего принципа для руководства всем ведомствам, согласно которого русским можно давать только такую информацию или сообщения, которые если бы даже и попали в руки немцев – ничего бы не дали им.

3. С другой стороны, мы уже послали русским некоторые секретные материалы. Ясно, что имеются некоторые заводы, куда они могут быть безопасно допущены.

4. Изложенное выше может быть использовано для общего руководства, в случае если предложение, на которое Вы ссылаетесь в параграфе 1, реализуется.

Мы надеемся, что американские власти не пойдут дальше тех лимитов, которые мы сейчас соблюдаем».

Начальник разведуправления
НКВД СССР (Фитин)

№ 6 Копия
Сов. секретно

т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ, т. БЕРИЯ, т. МЕРКУЛОВУ

28 августа 41 г.

Сообщаем запись беседы министра иностранных дел Англии ИДЕНА с польским послом в Лондоне от 18 августа с.г. Запись беседы получена Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«1. Сегодня днем, по поручению генерала СИКОРСКОГО[5], ко мне приходил польский посол в Лондоне, с тем, чтобы переговорить о трудностях, с которыми приходится встречаться польскому правительству, в результате заключения советско-польского соглашения и последних событий.

2. Он сказал, что поскольку, вероятно, в ближайшее время, ему будет поручено руководство внешней политикой Польши, он попытается сейчас подробно охарактеризовать мне эти трудности. Польское общественное мнение, как здесь так и в Польше, несомненно было встревожено заключением советско-польского соглашения. Поляки вообще рассматривают вступление СССР в войну как положительное явление, не только потому, что эта война ляжет тяжелым бременем на немецкие ресурсы, но и потому, что СССР, в результате ее будет ослаблен. Поляки понимают, что превращение СССР в союзника несколько отбрасывает Польшу и польские интересы на задний план. Говоря откровенно, у поляков сложилось общее впечатление, что заключение советско-польского соглашения скорее ослабило, чем укрепило позицию Польши против СССР в отношении польских восточных границ. В довершение всего была опубликована об'единенная англо-американская декларация, которая своим подчеркиванием принципа самоопределения разочарует поляков так же и в отношении их западных границ. Данциг несомненно германский город, но по экономическим принципам он важен для Польши и до тех пор, пока немцы будут находиться в Восточной Пруссии, польскую западную границу, с военной точки зрения, почти невозможно защищать. Мораль польского населения все еще не надломлена, однако впервые сейчас появились признаки, что германская пропаганда начинает занимать линию, которая может найти некоторый успех у поляков, то есть, что союзники хотят сделать из Польши русского раба.

3. Посол предложил, хотя он и не хотел в настоящее время настаивать на этом пункте, чтобы правительство его величества выступило бы с каким-либо публичным заявлением или обратилось бы к польскому правительству с представлением, в том смысле, что оно не имеет намерения настаивать на строгом применении принципа самоопределения, за счет исключения других соображений, таких как экономика и оборона. Он вынужден откровенно заявить, что совместная англо-американская декларация вызвала у польского общественного мнения дурные предчувствия.

4. Я сказал графу РАЧИНСКОМУ[6], что мы всегда рады выслушать все, что он может сказать о взглядах польского правительства.

По моему мнению, мало вероятно, чтобы президент и премьер-министр, при составлении своей декларации, имели в виду польские границы. Правительству его величества будет очень трудно наводить сейчас какой-то глянец на декларацию, в смысле желательном для польского правительства, за исключением может быть толкования в самых общих тонах; тем не менее я всегда готов глубже изучить этот вопрос совместно с послом.

5. Граф РАЧИНСКИЙ затем коснулся темы польского внутреннего кризиса, который генерал СИКОРСКИЙ надеялся разрешить очень скоро. Сейчас выяснилось, что включение в состав правительства членов национал-демократических партий невозможно. Генерал СИКОРСКИЙ все еще имеет неприятности с некоторыми своими коллегами, в результате статьи «Таймс» от 1 августа, и если бы я согласился выпустить коммюнике, проект которого граф РАЧИНСКИЙ вручил мне, это помогло бы генералу.

6. Я заявил ему, что хотя и согласен со всем тем, что написано в проекте, однако нахожу не совсем удобным затрагивать вопрос о статье в «Таймс» в официальном публичном заявлении. Тем не менее я могу написать послу

письмо примерно того же содержания, что и проект. Я могу также попытаться убедить «Таймс» опубликовать другую статью, которая удовлетворит польское правительство. Я могут также подумать следует ли мне в речи, которую я должен произнести в провинции 30 августа, сказать что-либо, чтобы сгладить впечатление, произведенное статьей «Таймс». После этого я продиктовал и дал ему мое письмо, копия которого прилагается...».

К записи беседы приложен проект коммюнике и копия секретного письма, врученного СИКОРСКОМУ ИДЕНОМ. В обоих документах речь идет о том, что «Таймс» не является правительственным органом и не отражает официальной точки зрения британского правительства.

Начальник разведуправления
НКВД СССР (Фитин)

№ 7 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ АНКАРЫ ОТ 30 АВГУСТА 1941 г.

Надежный источник сообщил, что Германия и Турция ведут переговоры о военном соглашении и что считают вполне вероятным поездку в ближайшее время турецкой военной делегации в Берлин. Предметом особого обсуждения между двумя правительствами являются проливы и независимость Кавказа. Немцы требуют, чтобы английские силы в случае окончательного соглашения Англии с СССР ни в коем случае не были бы пропущены через Турцию и проливы и чтобы турки приняли на себя активную роль в организации движения за независимость Кавказа и особенно Азербайджана.

Исмет (имеется в виду президент Турции Исмет Иненю. – *Прим. ред.*) ищет повод и причины к тому чтобы нарушить союзный договор с Англией. Однажды в присутствии председателя Меджлиса Ренда, председателя независимой группы Рана Тархана, бывшего начальника кабинета премьер министра Ведит Узгторена, Исмет высказал следующую мысль: «От англичан нельзя ожидать какой-либо пользы, было бы хорошо если бы они нажали на нас по какому-либо вопросу и мы, используя этот предлог, расторгли бы наш договор».

№ 8 Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ, товарищу БЕРИЯ

НКВД СССР – тов. МЕРКУЛОВУ

7 сентября 41 г.

Сообщаем содержание телеграммы английского посла в США за № 3893 от 22 августа с.г., адресованной английскому министерству иностранных дел. Содержание телеграммы получено Разведывательным управлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«В дополнение нашей телеграммы № 3892. Нижеследующее о содержании второго меморандума, врученного РУЗВЕЛЬТОМ японскому послу.

Вначале говорится о возможности встречи ответственных членов правительства с целью обсуждения средств, которые могли бы улучшить отношения между обеими странами. Этот вопрос был поднят японским послом 8 августа во время его беседы с американским министром иностранных дел. Также делается скидка на пожелание, выраженное японским послом во время его посещения американского министра иностранных дел 16 августа с.г. Смысл этого пожелания сводится к тому, что неофициальная беседа, успешно проводившаяся обоими правительствами и направленная к установлению наличия базы для переговоров относительно мирного соглашения, разрешающего всю тихоокеанскую ситуацию, должна быть возобновлена.

Когда японский посол внес эти предложения, ХЕЛЛ[7] напомнил ему, что правительство США проявило большую терпеливость и было готово продолжать быть терпеливым до тех пор, пока японское правительство не показало бы желания придерживаться мирной политики.

Послу было указано, что в течение того времени, пока правительство США неизменно следовало своей политике, оно получило сообщение, ясно указывавшее на то, то японское правительство придерживалось взглядов совершенно противоположных тем, которые министр иностранных дел декларировал во время недавних бесед с японским послом. Послу было также указано, что японская пресса систематически инспирируется в том направлении, чтобы обвинять США в окружении Японии для возбуждения общественного мнения.

ХЕЛЛ дал ясно понять, что он не видит возможности успешно продолжать подобные беседы между обоими правительствами или обсуждать возникающие предложения, в то время как японские ораторы и пресса продолжают вести кампанию против Америки и обвинять США в окружении Японии.

Дважды чиновники американского министерства иностранных дел, следуя инструкции министра, посещали японского посла с тем, чтобы указать ему на озабоченность США в связи с намерениями Японии приобрести во французском Индокитае военные и морские базы с помощью применения силы или угрозы.

Впоследствии, 21 и 23 июля исполняющий обязанности министра иностранных дел поставил перед японским министром иностранных дел и послом вопрос о японских намерениях в отношении французского Индокитая и заявил, что правительство США будет рассматривать оккупацию японцами французского Индокитая или захват военных и морских баз или территорий, входящих в сферу интересов США, как первый подготовительный шаг Японии к дальнейшим захватам в бассейне Тихого океана. Далее он заявил, что этот первый шаг Японии наносит ущерб процессу приобретения США необходимых сырьевых материалов и миру в бассейне Тихого океана, включая Филиппины.

В соответствии с этим, правительство США не имело иного выхода кроме, как информировать о том, что по его мнению, предпринятые японским правительством действия устранили основания для дальнейших бесед в отношении мирного разрешения тихоокеанской проблемы. В неофициальных дискуссиях между правительствами США и Японии, направленных к вы-

яснению оснований для переговоров в отношении мирного соглашения, которое полностью разрешило бы тихоокеанскую проблему, действительно можно было бы рассматривать вопросы прогрессивной программы, осуществляемой мирными средствами. Нет необходимости говорить о том, что планы или предложения, затрагивающие права или привилегии США или Японии не будут рассмотрены, если они не находятся в соответствии с принципами, выраженными США и которых США придерживались в течение долгого времени. Программа, рассмотренная во время таких неофициальных дискуссий включала бы в себя применение принципов равновесия, коммерческого благоприятствуя и прочее. Она предоставляла бы доступ любой экономической системе к сырьевым и всем другим существенным ресурсам.

Такая программа рассматривала бы вопрос сотрудничества всех наций в бассейне Тихого океана на основе добровольности и мира, в целях утилизации всевозможных ресурсов, средств, технического мастерства и прогрессивного экономического руководства для построения не только собственной экономики этих наций, но также экономики районов, в которых производство промышленной продукции может быть улучшено. В результате этого могло бы быть увеличение покупательной способности наций, появление заинтересованности народов в поднятии своего жизненного уровня и создание условий, ведущих к сохранению мира. Если вышеуказанная программа, основанная на мире и конструктивных принципах, могла бы быть принята для проведения в бассейне Тихого океана и если бы после ее применения, страны, находящиеся в этом бассейне оказались бы под угрозой нападения, то американское правительство по-прежнему проводило бы политику помощи нации, отражающей агрессию, и сотрудничало бы с другими нациями в расширении помощи любой угрожаемой стране.

В соответствии с этой программой (для Тихоокеанского бассейна) Япония, по мнению США, достигнет всех тех целей, к которым она стремится. Эта программа не дает возможности любой стране распространить свой военный или политический контроль над другими народами или быстро приобрести права монополистического или льготного характера. В тех случаях, когда производство или распределение существенных товаров основано на статуте монополии, правительство США предложит использовать свое влияние, чтобы другим странам была дана справедливая доля в распределении продукции этих монополий по справедливым ценам.

Правительство США заявляет, что если японское правительство желает достичь того, что оно считает своей целью, то вышеизложенная программа является единственным средством, с помощью которого можно рассчитывать на удовлетворение японских нужд и законных стремлений, с гораздо большей определенностью, чем это может предложить любая другая программа.

В случае, если японское правительство считает, что Япония в состоянии отказаться от своей экспансии и согласиться принять новую мирную программу согласно принципов, которых придерживается США, то правительство США будет готово возобновить неофициальную дискуссию, которая была прервана в июле и охотно предложит подходящее время и место для обмена мнением.

В свете обстоятельств, послуживших причиной перерыва неофициальных бесед между обоими правительствами, правительство США считает, что

прежде чем будут приняты меры для возобновления таких бесед, было бы полезно для обеих сторон, если бы Япония сделала ясное заявление о своем отношении к этим вопросам и планам также как правительство США неоднократно делало подобные заявления японскому правительству».

Начальник разведуправления
НКВД Союза ССР (Фитин)

№ 9 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ ТОКИО ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1941 г.

По сообщению источника, 2 сентября с.г. министр торговли и промышленности Сакондзи устроил обед, в ходе которого рассказал следующее: 1 сентября с.г. была получена телеграмма от одного из японских военных атташе, в которой передается содержание особо секретной телеграммы Риббентропа о дальнейших намерениях Германии в европейской войне, направленной им германским военным атташе. В телеграмме Риббентропа говорится: 1) На Украинском фронте потери Красной армии достигают 5 миллионов человек, что составляет три четверти всего состава армии. 2) Немцы намерены до конца сентября захватить Ленинград и Москву. 3) От дальнейшего наступления в глубь страны воздержаться. 4) Для окончательной победы главное направление удара на захват Украины и затем Кавказа. 5) Если будут лишние силы пойдут дальше на Иран, Ирак. 6) Весной 1942 года намерены наступать на английские острова.

Японское правительство считает, что ни Германия, ни Англия не смогут осуществить активных наступательных движений. При таких обстоятельствах возможно заключение мира между ними. В этом случае Япония останется одинока и будет вынуждена противостоять одновременно и Англии и США.

В настоящее время Япония ищет возможных путей для разрешения этого вопроса дипломатическим путем.

Касаясь политики Японии в отношении Советского Союза, Сакондзи заявил, что наиболее острый период, который был в начале германо-советской войны уже прошел.

«При таких критических взаимоотношениях которые Япония имеет с США она вероятно будет держаться мира с СССР».

№ 10 *Сов. секретно*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
т.т. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

НКВД СССР т. МЕРКУЛОВУ

22 сентября 41 г.

По имеющимся у нас агентурным данным, английское командование ближне восточной армией, вскоре после начала советско-германской войны, получило санкцию английского военного министерства на организацию

специальной миссии. Перед этой миссией была поставлена задача разрушения наших кавказских нефтепромыслов, для того, чтобы не допустить перехода их в руки немцев, в случае, если такая опасность оказалась бы реальной.

Эта миссия, получившая условное название «Миссия № 16 (Р)», обосновалась в Северном Иране, где находится в полной готовности для переброски в нужный момент на самолетах на Кавказ.

В переписке по данному вопросу англичане неоднократно подчеркивали необходимость соблюдения максимальной осторожности, с тем, чтобы даже самый факт существования такой миссии не стал известен советскому правительству, так как это может серьезно скомпрометировать работу КРИППСА[8] и МАК-ФАРЛАНА[9].

КРИППС уже поднимал перед товарищем СТАЛИНЫМ вопрос о сотрудничестве в деле подготовки уничтожения советских источников снабжения, могущих быть использованными немцами, но получил ответ, что советское правительство само решит когда именно наступит время для такого сотрудничества.

Несколько позднее, по указанию Лондона, КРИППС вновь возвращался к этому вопросу в письме к товарищу СТАЛИНУ, но опять безрезультатно.

После этого КРИППС внес предложение (с которым Лондон согласился), что решение данного вопроса может быть ускорено, если ему будет разрешено, в соответствующий момент, обещать СССР компенсацию за уничтожение кавказских нефтепромыслов. В результате многочисленных заседаний специального комитета, под председательством лорда Хэнки(?) (фамилия неразборчива. – *Прим. ред.*) и при участии члена английской экономической миссии в СССР – БЕРТРУДА, был составлен проект следующей английской декларации, сейчас уже пересланной КРИППСУ:

1. В том случае, если Советское правительство, в целях недопущения захвата нефтепромыслов немцами, уничтожит их, Британское правительство обязуется поставлять СССР в течение войны и двух лет после ее окончания нефть в количестве равном полученному Великобританией из своей империи.

2. Британское правительство обязуется обеспечить СССР нефтеналивным тоннажем, в количестве равном тому, которое она сама будет иметь в тот же период.

3. Британское правительство обязуется помочь Советскому Союзу в приобретении бурового оборудования, взамен уничтоженного.

Для придания этой декларации большего веса и реальной значимости, БЕРТРУД побывал в Вашингтоне, где по указанию РУЗВЕЛЬТА этим вопросом занимался государственный департамент. На днях БЕРТРУД должен был вернуться в Лондон с американским проектом декларации, требующим, после ознакомления Лондона с данным проектом, только подписи РУЗВЕЛЬТА. Сейчас предполагается, что БЕРТРУД выедет в Москву вместе с миссией БИВЕРБРУКА[10] и повезет с собой везде согласованные и утвержденные тексты английских и американских деклараций Советскому правительству по этому вопросу.

Одновременно с этим, в соответствующих кругах в Лондоне, высказывается мнение, что поскольку советское правительство все равно вынуждено будет уничтожить нефтепромыслы, не следует спешить с вручением этих де-

клараций, так как они накладывают на англичан определенные обязательства, которых может быть будет возможно избежать. С другой стороны, противники этого курса указывают, что будучи не уверенными в дальнейшем снабжении нефтью, Советское правительство не решится на своевременное уничтожение нефтепромыслов и в конечном итоге они перейдут в целости к немцам. Во всяком случае сейчас вопрос о том следует ли вручать СССР такие декларации или можно обойтись и без этого, по существу передано на усмотрение КРИППСА.

Начальник разведуправления
НКВД СССР (Фитин)

№ 11

Копия
Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
т.т. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

НКВД СССР т. МЕРКУЛОВУ

22 сентября 41 г.

По имеющимся у нас агентурным данным, английское министерство иностранных дел, телеграммой за № 4922 от 6-го сентября с.г., предложило английскому поверенному в делах в Вашингтоне довести до сведения государственного департамента и, если возможно, – президента, что СССР, находясь в очень трудном положении, неоднократно просил Англию оказать соответствующее давление на финнов, с целью заставить их пойти на заключение сепаратного мира. Единственно, что могут сделать англичане, это заявить финнам, что если они будут продолжать наступление после того, как достигнут границ 1918 года, Англия будет вынуждена об'явить им войну.

По мнению англичан, такой шаг, помимо того, что он будет иметь очень слабый эффект, неудобен для Англии по некоторым соображениям связанным с арендой финского тоннажа. Исходя из всего этого, Министерство иностранных дел предложило английскому поверенному в делах добиться содействия американского правительства в оказании соответствующего давления на финнов.

В этот же день английский поверенный в делах передал этот меморандум АТЕРТОНУ[11], который обещал доложить это дело ХЭЛЛУ[12].

По словам АТЕРТОНА, ХЭЛЛ считает применение сильного давления на финнов нежелательным, так как это может показать им, что США отступают от принципа беспристрастия.

8 сентября английский поверенный в делах телеграммой № 4132 сообщил, что ХЭЛЛ изучает сейчас вопрос применения соответствующего давления на финнов. ХЭЛЛ считает целесообразным говорить по этому вопросу с финским послом, который относится благоприятно к данной идее, однако боится что-либо предпринять. В связи с этим ХЭЛЛ вероятно даст соответствующие указания американскому посланнику в Хельсинки.

На вопросы английского поверенного в делах, ХЭЛЛ ответил, что советского посла он еше не информировал, так как по существу ему нечего сказать.

9 сентября английский поверенный в делах в Вашингтоне прислал в английское министерство иностранных дел следующую телеграмму за № 4156:

«1. Согласно информации только что полученной мною от господина АТЕРТОНА, вчера днем господин ХЭЛЛ имел беседу с финским послом по данному вопросу и полагает, что произвел на него сильное впечатление. После этого, государственный департамент сообщил американскому посланнику в Хельсинки содержание этой беседы. Насколько я понимаю, американский посланник в Хельсинки получил также инструкции сделать общее представление финнам и указать, что в случае продолжения ими войны с русскими, после достижения своих целей, они будут рассматриваться уже не как проводящие самостоятельную политику, а как сторонники Германии. Если действия финского правительства дадут какие-либо доказательства правильности таких подозрений, чувства свободных демократических стран по отношению к Финляндии несомненно будут затронуты и т.д.»

Примечание: АТЕРТОН является зав. европейским отделом государственного департамента США.

Начальник разведуправления
НКВД СССР (Фитин)

№ 12

Копия
Сов. секретно

т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ, т. БЕРИЯ, т. МЕРКУЛОВУ

30 сентября 41 г.

Сообщаем содержание генеральной директивы для английской делегации на Московской конференции, составленной лично ЧЕРЧИЛЛЕМ и врученной БИВЕРБРУКУ[13] перед от'ездом в Москву.

Содержание директивы получено Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«1. В соответствии с результатами переговоров БИВЕРБРУКА-ГАРРИМАНА[14] изложенными в докладе лорда БИВЕРБРУКА, датированном сегодняшним числом, мы должны считать себя обязанными выполнять нашу долю в поставке обещанных России танков и самолетов. Лорду БИВЕРБРУКУ должно быть предоставлено право, по своему усмотрению, определить и предложить России на Московской конференции необходимое количество другого снаряжения и материалов.

2. России должно быть дано заверение об увеличении квот с 1 июля 1942 по 30 июня 1943 г. Выпуск продукции английской военной промышленности достигнет своей наивысшей точки в продолжении этого периода, а выпуск продукции американской военной промышленности на третьем году ее развития. Будет целесообразнее не связывать себя точными цифрами, базирующимися на оптимистических прогнозах англо-американской продукции. Опасно также обещать русским определенный процент английской и американской продукции, поскольку они могут немедленно потребовать его увеличения. Мы не должны сообщать им предположительных цифр нашей совместной производительности, если они не дадут своих данных.

Русским должно быть предложено представить сведения о имеющихся у них резервах, в соответствии с различными тыловыми линиями, которые они надеются удержать. Лорду БИВЕРБРУКУ предоставлено право поощрить Россию на продолжение сопротивления, путем дачи русским соответствующих обоснованных заявлений в отношении более далеких перспектив.

3. Необходимо обратить внимание русских на существующее сейчас положение с пароходами и на трудности морских перебросок из доступных портов. Особое ударение должно быть сделано на происходящее сейчас быстрое уничтожение пароходов, на усилия, требуемые для замены уничтоженных и на жизненные нужды Великобритании.

4. По согласованию с американцами, следует поощрять сохранение открытым Владивостокского маршрута и твердую линию в отношении Японии, в этой связи.

Должно быть сделано специальное ударение на необходимость как можно более широкого и максимально энергичного развития маршрута от Персидского залива к Каспийскому морю с использованием железных и грунтовых дорог. Следует об'яснить практические лимиты из-за времени, – необходимость увеличения трафика по Транс-Персидской железной дороге и – строительства автодороги. Следует указать на необходимость увязки перевозок снабжения и войск, в любой взятый период, с содержанием этой дороги.

Русские несомненно дадут свои соображения о пропускной способности Архангельского порта, о его возможностях и железнодорожной связи с центральной Россией, с учетом зимних условий и вероятных действий противника.

5. Конференция должна работать исходя из того положения, что США не являются воюющей страной. Людские ресурсы Великобритании сейчас полностью использованы, хотя дальнейший спрос на них, начиная с 1942 года, будет возрастать. Мы обязаны кормить себя, путем содержания в постоянном движении обширного коммерческого флота. Мы должны защищать британские острова от вторжения, для которого противник в любое время может собрать превосходящую, по численности армию и от наиболее опасных форм воздушных рейдов главными силами судовой авиации, которые в любое время могут быть быстро переброшены с востока на запад. Мы должны содержать нашу армию на Ближнем Востоке и удерживать линию, тянущуюся от Каспийского моря до Западной пустыни. В течение 1942 года мы надеемся собрать на этом фронте приблизительно 25 британских, индийских и доминионных дивизий, численностью около одного миллиона человек, включая все тыловые службы и авиацию. Нагрузка на пароходства, для перевозки этих войск, главным образом вокруг Африки, и время необходимое для плавания судов туда и обратно, должно быть об'яснено, если потребуется – в деталях.

6. Для защиты британских островов мы имеем армию несколько больше двух миллионов человек, поддерживаемую примерно полутора миллионами нами вооруженных ополченцев. Мы имеем только около трех с половиной миллионов винтовок и в 1942 г. сможем получить около 100 тысяч винтовок. Из этой армии в два миллиона человек, 900 тысяч человек находится в полевых частях и сведены в 20 мобильных дивизий, 9 менее мобильных провинциальных или береговых дивизий, 6 бронетанковых дивизий, из которых полностью сформированы только три, 5 танковых бригад, из которых полностью сформирована только одна.

Для создаваемой нами колоссальной авиации потребуется около одного миллиона человек, из которых уже имеется 750 тысяч человек.

В военно-морском флоте имеется полмиллиона моряков и морских пехотинцев. Добавив ко всему этому судостроение, самолетостроение, промышленность по выработке боеприпасов, пищевую промышленность и другие отрасли гражданской индустрии, хотя и сокращенные до минимума, не трудно понять, что людские ресурсы страны с населением в 44 миллиона человек, уже использованы или скоро будут использованы до предела.

7. Остающиеся за вычетом полевых частей 1100 тысяч человек требуются для воздушной и береговой обороны, для защиты аэродромов и охраны наиболее уязвимых пунктов, для несения гарнизонной службы в Северной Ирландии, для укомплектования тренировочных центров и прочее. Так что неиспользованным остается очень небольшое количество.

8. Мы не в состоянии увеличить численность полевой армии дома (имеется менее 40 дивизий) и должны будем сделать величайшее усилие для сохранения уже достигнутой цифры, в связи с посылкой подкреплений на Ближний Восток, в Индию и другие заграничные гарнизоны, как например в Исландию, на Мальту, в Аден, Сингапур и Гонконг.

9. Для отражения вторжения в Великобританию мы должны иметь не менее 25 пехотных и 4–5 бронетанковых дивизий. Следует отметить, что противник несравненно быстрее может перебрасывать свои войска по европейским железным дорогам, чем мы отзывать наши дивизии из заграницы. В связи с этим количество дивизий, которые мы можем выделить для наступательных операций за границей очень невелико.

10. Помимо 25 британских, индийских и доминионных дивизий, которые мы предполагаем сконцентрировать на Ближнем Востоке в 1942 году, мы формируем экспедиционную армию в составе 7–8 дивизий, включая 2 бронетанковые. Это максимум того, что может быть предусмотрено.

Для переброски и содержания за границей более крупных сил мы не располагаем транспортом, даже если бы и имелась возможность выделить больше дивизий. Все идеи о высадке 20–30 британских дивизий на западных берегах континента или об отправке их на русский фронт, не имеют под собой никакой реальной почвы. Это должно быть заявлено совершенно определенно.

11. Следующей весной мы намерены начать операции на материке, если это будет возможно сделать. Мы изучаем всевозможные варианты, включая варианты на северном и южном флангах русского фронта. Экспедиция в Норвегию вызовет революцию и в случае успеха может привести Швецию в наш лагерь.

Этот вопрос детально изучается.

Мы не видим, однако; в чем нам может помочь здесь русская армия, ибо ее вмешательство вызовет сильнейший антагонизм в Швеции, а враждебность Финляндии уже известна.

12. В любой момент мы можем встретиться с открытой враждебностью Испании и с немецким проникновением в Марокко, Алжир и западную Африку. Если французы окажут в этом сопротивление в Африке, все войска, которые мы сможем выделить, могут быть посланы им в помощь. В обоих этих случаях морские маршруты – транзиты немцев не могут быть сравниваемы с очень длинным путем вокруг Африки.

13. На южном фланге России мы намерены использовать указанные выше крупные силы.

По очищению западной пустыни и Киренаики от действующих там наших и германских армий, наши ближневосточные войска смогут выбрать театр операций.

Наша страна увеличит свою помощь русским на Кавказе или к востоку от Каспия. Несомненно, что снабжение их загрузит до предела персидский маршрут. С другой стороны, Турция, если бы ее можно было бы заполучить, является большим призом.

В таком случае, дорога для немцев в Египет и в Сирию, была бы закрыта мощными турецкими армиями, а оборона Черного моря, а следовательно и Кавказа была бы облегчена.

Позиция Турции может быть определена в ближайшее время, путем обещания отправления танков, самолетов, зенитной и противотанковой артиллерии, войск и прочее.

Русским должно быть заявлено совершенно определенно, что большая часть этого вооружения и войск будет взята из того, что мы предполагаем дать им.

Великобритания и Россия должны пересмотреть свои планы для того, чтобы привлечь Турцию на свою сторону.

14. Мы очень заинтересованы в формировании польской и чешской армий в России и были бы рады помочь им в получении вооружения.

Следует указать, что поляки и чехи имеют влиятельные колонии в США и если часть посылаемого вооружения будет выделяться польским и чешским войскам, это произведет хороший эффект.

15. Русские несомненно поинтересуются как мы намерены выиграть войну, на что должен быть дан ответ:

«Продолжая сражаться до тех пор пока национал-социалистическая система не развалится, также как это случилось с кайзеровской системой в прошлую войну».

Для этой цели мы будем сражаться с врагами, везде где мы только можем встретить его в благоприятных условиях. Мы будем подрывать их пропаганду, душить блокадой, неустанно и беспощадно бомбить.

В прошлую войну мы также не могли сказать как и где мы ее выиграем, однако не уступая и не колеблясь, мы ее победоносно закончили. Мы не поколебались в прошлом году одни противостоять Германии и Италии, ибо решимость британского народа уничтожить силу национал-социалистов колоссальна. Фраза «тирания национал-социалистов» и «Прусский милитаризм», употребляется скорее как цель, чем как осуждение немецкого народа вообще. Мы приступили с надеждами русского правительства на раскол немцев и на изоляцию криминального национал-социалистского режима.

16. Мы, конечно, не сможем предсказать будущие действия США. Мероприятия уже санкционированные президентом Рузвельтом и его правительством, могут в любое время в ближайшем будущем вовлечь США в войну, декларированную или не декларированную. В этом случае, мы можем надеяться на генеральное наступление против Германии в 1943 году.

Если мораль немцев и их единство будет серьезно нарушено, а угнетение ими завоеванных европейских стран ослабеет, может быть будет возможно высадить крупные бронесилы одновременно на берега нескольких завоеванных стран и поднять широкое повстанческое движение. Соответствующие планы сейчас изучаются британским штабом».

Наше примечание:

19 сентября эти инструкции были рассмотрены и утверждены комитетом обороны под председательством ЧЕРЧИЛЛЯ. Комитет согласился с предложением Бивербрука показать их Гарриману, но не показывать их нам. Бивербруку предложено использовать эти инструкции в качестве базиса при переговорах с нами.

Начальник разведывательного управления
НКВД Союза ССР (Фитин)

№ 13 *Сов. секретно*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р.
товарищу СТАЛИНУ

8 декабря 1941 г.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Сообщаем содержание особо срочной телеграммы № 6424 от 24 ноября с.г. министра иностранных дел Англии ИДЕНА английскому послу в США ГАЛИФАКСУ.

Содержание телеграммы получено из Лондона Разведывательным управлением НКВД СССР агентурным путем.

«На Ваши телеграммы № 5352 и 5353 от 22 ноября о японо-американских переговорах в Вашингтоне:

1. Японские предложения весьма характерны и подтверждают мнение, что целью японцев является скорейшее освобождение от применения против них экономического давления, но не быстрое урегулирование других вопросов. Мы согласны с комментариями господина ХЭЛЛА[15] по этому предложению и хотим дополнить его замечания следующим.

2. Параграф первый предложений относится только к «вооруженному» продвижению, оставляя японцам полную возможность продолжать свое просачивание (которое, во всяком случае, очень трудно регулировать) и может быть истолковано ими как исключающий дальнейшее укрепление Филиппин и других аванпостов демократических держав.

3. Параграф 3 предложений предполагает, что Голландская Ост-Индия должна рассматриваться только как товарный склад и очень мало считается с суверенитетом Голландии.

4. Параграф 4 предложений делает особое ударение на нефть, в которой Япония нуждается в основном для военных целей.

5. Вкратце японские предложения сводятся к следующему: мероприятия по замораживанию японских фондов будут не только отменены, но кроме того Японии будет еще оказано содействие в деле приобретения определенных товаров, включая нефть, в то время, как помощь Китаю будет прекращена. Единственным же конкретным предложением, которое Япония делает со своей стороны, является переброска ее войск из одной части Индокитая в другую.

6. Ясно, что эти предложения совершенно неприемлемы и единственный возникающий при этом выход заключается в том, чтобы либо отклонить их

(намекнув в то же время на то, что заключение ограниченного договора не исключено) и предоставить Японии возможность сделать лучшие предложения, либо сделать свои контрпредложения.

7. Мы совершенно уверены в правильности ведения данных переговоров господином ХЭЛЛОМ и он может лучше всего судить какой из этих двух путей является тактически более подходящим. Мы совершенно уверены также в полном понимании им того, что Япония попытается навязать принятие поспешного решения, преувеличивая опасность дальнейшего промедления.

8. Однако предсказание доктора ХОРНБЕК (советник государственного департамента США по политическим вопросам), о котором сообщается в параграфе 4 Вашей телеграммы № 5189, произвело на нас впечатление. Он относится очень осторожно к тому типу соглашения, которое японцы предлагают. Необходимо добиться того, чтобы такого рода характеристика не могла быть дана любому соглашению, на которое мы в конце концов пойдем.

9. Нам кажется, что японские предложения должны рассматриваться как начальный шаг в процессе «торговли». Япония старается реализовать максимум своих требований по минимальной цене. Если наши контрпредложения должны быть сделаны, то мы предполагаем, что этот процесс следует осуществить в обратном порядке и наши собственные требования должны быть удовлетворены не дорогой для нас ценой.

10. Контрпредложения господина ХЭЛЛА, сообщенные в параграфе 5 Вашей телеграммы № 5352 по нашему мнению не могут оправдать смягчения экономических мер воздействия на Японию. Отвод только основной массы японских войск из Индокитая оставляет слишком большую лазейку. Сомнительно, сможем ли мы как-либо оправдать принятие нами этой формулировки, как удовлетворительной, или что еще более сомнительно, поддерживать ее. Считая нежелательным переоценивать наши контрпредложения, нам кажется целесообразным (с китайской точки зрения) составить их так, чтобы предотвратить возможность коварного нападения на Куньмынь в течение действия промежуточного соглашения.

11. На этом основании мы бы предложили на рассмотрение правительству США следующее положение: любые контрпредложения должны обуславливать полный отвод из Индокитая не только «войск», как японцы сами предлагают, но и морских, военных и воздушных сил с их вооружением и прекращение дальнейшего военного продвижения в Индокитай...

...В качестве компенсации может быть предложено частичное смягчение существующих экономических мер воздействия, таким образом, чтобы позволить ввозить в Японию ограниченное количество товаров для обеспечения благосостояния японского гражданского населения не включая конечно, товары оказывающие прямое влияние на военный потенциал страны, в особенности нефть. Эти смягчения станут эффективными только тогда, когда прекратятся передвижения японских вооруженных сил и мы сможем надеяться на получение от Японии товаров подобного рода, если мы будем в них нуждаться.

12. Господин ХЭЛЛ дал японцам совершенно ясно понять, что любое временное соглашение является только первым шагом для более широкого разрешения проблем, которые должны находиться в соответствии с основными принципами, приемлемыми для США. Для предотвращения искажения японцами истинного смысла происходящего, мы считаем необходимым пу-

блично заявить, что любое промежуточное соглашение является временным и будет заключено только для облегчения переговоров об окончательном соглашении по фундаментальным вопросам, приемлемым для всех заинтересованных сторон.

13. Все вышесказанное представляет собой нашу непосредственную редакцию и посылается без консультации с правительствами доминионов, которые также как голландское и китайское правительства, могут иметь другие предложения.

14. Остается только вопрос, поднятый Вами в параграфе 8 Вашей телеграммы № 5352 относительно об'ема полномочий, могущих быть представленными представителям заинтересованных держав в Вашингтоне. Мы, конечно, хотим облегчить всеми мерами трудную задачу господина ХЭЛЛА. Но наша экономическая структура настолько сложна (в особенности из-за необходимости консультировать с представителями других частей империи), что мы, в настоящее время, не считаем практичным давать дипломатическим представителям неограниченные полномочия. Если правительство США одобряет сделанное выше предложение, то необходимо будет определить более точные различия между товарами существенными для благосостояния японского гражданского населения и важными для ее военного потенциала и решить, будет ли смягчение экономического давления производиться с помощью финансовых мероприятий, или в порядке товарообменных операций. После этого мы будем готовы пересмотреть вопрос предоставления полномочий».

Начальник разведывательного управления
НКВД СССР (Фитин)

№ 14

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
т.т. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТ. ДЕЛ СССР
т. МЕРКУЛОВУ

10 декабря 41 г.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Сообщаем содержание телеграммы от 27 ноября из министерства иностранных дел Японии японскому послу в Берлине. Эта телеграмма была перехвачена и частично расшифрована английской политической разведкой.

Содержание телеграммы получено Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«Переговоры с США зашли в тупик, и японское правительство стоит перед необходимостью принятия серьезного решения. Встретьтесь с ГИТЛЕРОМ и РИББЕНТРОПОМ и в секретном порядке об'ясните им положение. Демократические державы ведут себя на Востоке монархически. Они передвигают свои войска и вынуждают Японию делать то же самое. Эти переброски могут

привести к вооруженному конфликту, вероятно зна-чительно скорее, чем ожидалось... (ряд групп не расшифровано в оригинале) в случае войны с демократическими державами Япония будет продолжать сковывать русские силы на Дальнем Востоке, а если русские об'единятся с демократиями в нападении на нас, Япония окажет решительное сопротивление[16]. Однако, об'ясните ГИТЛЕРУ, что основные японские усилия будут сосредоточены на юге и мы предполагаем воздерживаться от преднамеренного предпринятая действий на севере...»[17].

Начальник разведывательного управления НКВД
Союза С.С.Р. (Фитин)

№ 15

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ, т. БЕРИЯ

НКВД СССР – тов. МЕРКУЛОВУ

14 декабря 41 г.

Сообщаем содержание телеграмм №№ 214, 215 и 216 от 6.XII с.г. английского посла в СССР КРИППСА в адрес министерства иностранных дел Англии.

Содержание телеграмм получено Разведывательным Управлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«1. Сегодня утром я видел генерала СИКОРСКОГО[18], он сообщил мне содержание его переговоров со СТАЛИНЫМ и просил передать это Вам как можно скорее. Он подтвердил, что моя предварительная наметка вероятных взглядов СТАЛИНА, которую я ему дал еще до его приезда в Москву оказалась точнее и лучше любой, полученной им здесь и, что его переговоры были полностью успешны с точки зрения превращения неустойчивых взаимоотношений между этими двумя странами в такие, которые будут проходить в атмосфере доверия и сотрудничества. Временами эти переговоры были трудными и требовали большой настойчивости со стороны генерала. Когда он впервые затронул вопрос об отводе польских войск из СССР в другие, близлежащие страны, СТАЛИН интерпретировал это как заговор между США, Польшей и нами и сказал генералу, что весь мир будет над ним (СТАЛИНЫМ) смеяться, если подобное событие произойдет. В связи с этим СИКОРСКИЙ попросил СТАЛИНА дать его альтернативное предложение (о котором смотрите ниже).

2. За обедом СТАЛИН произнес очень дружественную речь и генерал уверен, что СТАЛИН, как это он и заявил, согласился с мыслью о создании после войны сильной армии в Польше. СТАЛИН заявил о своем согласии с каждым словом речи, произнесенной СИКОРСКИМ по радио. Он видел текст и сделал это заявление еще до передачи. Уже подписанная декларация была принята почти без изменений в редакции, предложенной поляками.

3. СТАЛИН очень настаивал на освобождении всех поляков и заявил о решительности ускорить это. Он был так сильно рассержен недостатком продовольствия для польских войск, о чем ему заявили, что рассказал генералу АНДЕРС[19], что поляки должны были вмешаться в его разговор с советским офицером для того, чтобы умерить его гнев. Он заявил своему генерал-квартирмейстеру, что последний не может кормить войска одними только распоряжениями и указами. Те русские офицеры, которые симпатизировали полякам еще и прежде, в связи с этим заявили о своем удовлетворении и выразили уверенность, что положение вещей в будущем изменится.

4. Результат переговоров заключается в том, что согласно предложениям СТАЛИНА, польские военные силы и гражданское население должны быть сконцентрированы в Узбекистане, главным образом, между Ташкентом и персидской границей и частично восточнее Ташкента. Русские говорят о возможности снабжения поляков продовольствием, но в отношении вооружения они полагаются главным образом на нас и США.

СИКОРСКИЙ видел последние телеграммы и понимает, что вооружение нами польских войск может быть произведено лишь в течение довольно длительного времени, но надеется, что к маю 1942 года это будет осуществлено. СИКОРСКИЙ надеется также, что продовольственное положение теперь будет удовлетворительным и, насколько я могу судить, он совсем не рассчитывает на нашу помощь в этом направлении. (Тем не менее соответствующие требования вполне могут быть выдвинуты позднее, если русские окажутся не в состоянии сдержать свое обещание). Я обратил его внимание на трудности снабжения и специально задал вопрос, имел ли он в виду последнюю телеграмму, касающуюся пропускной способности персидских дорог. (Я, конечно, сообщил ему еще до его от’езда в Москву сущность телеграммы № 53861 военного министерства от 24 ноября). Он заверил меня, что ему об этом известно. СИКОРСКИЙ считает необходимым, ради будущих советско-польских отношений, принять предложение СТАЛИНА и не настаивать на выезде поляков из России.

5. СТАЛИН согласился на выезд 30 тысяч поляков. Дополнительные 5 тысяч, как я полагаю, включают в себя авиационных и морских военнослужащих, которых СИКОРСКИЙ включил в свою первоначальную памятку. Теперь СИКОРСКИЙ говорит о своем желании иметь до 9 тысяч поляков на Среднем Востоке и остальных в Англии. СТАЛИН согласился на создание в СССР 5–7 дивизий, которые будут составлять армию.

6. В соответствии с моими предложениями, СИКОРСКИЙ попросил СТАЛИНА назначить двух его советников для совместного посещения польских лагерей, что, видимо, доставило СТАЛИНУ удовольствие, и он назначил для этой цели генерала ПАНФИЛОВА и ВЫШИНСКОГО.

7. Генерал СИКОРСКИЙ вернется обратно и встретится со СТАЛИНЫМ 12 декабря.

8. СТАЛИН очень откровенно говорил о военном положении и сказал, что советские войска неплохо дерутся на московском фронте, а полный разгром группы генерала КЛЕЙСТА устранил в настоящее время угрозу Кавказу. Захвачено огромное количество трофеев, особенно автотранспорта (11 тысяч). Генерал фон-БОКК исчез с московского фронта, будучи либо убитым или отстраненным от командования. Сейчас на его месте находится генерал ЛИСТ. СТАЛИН полностью отдает себе отчет насколько опасным является такой противник.

9. Вокруг Москвы СТАЛИН имеет в резерве 70 тысяч кавалерии и надеется на скорую возможность использовать ее в операциях против немцев.

10. По мнению СИКОРСКОГО, нет никакого сомнения в том, что русские будут продолжать борьбу вне зависимости от судьбы Москвы. По словам СТАЛИНА, зимние условия начали сказываться на немецких войсках. Немецкое превосходство в танках попрежнему велико, но они имеют очень небольшое превосходство в воздухе.

11. Большое впечатление на СИКОРСКОГО произвело то внимание, которое СТАЛИН в большой степени уделяет военным по сравнению с гражданскими в его окружении. Генерал вполне уверен в отсутствии опасности падения режима в настоящее время.

12. СИКОРСКИЙ сообщил мне о возможностях улучшения в обращении с поляками. Например, в Ташкенте был отменен приказ о выселении поляков из этого района и теперь поляки имеют доступ в город.

13. Он полностью понимает возможность наличия в будущем известных практических затруднений особенно в вопросе освобождения поляков, находящихся на крайнем севере, но предполагает, что будут сделаны искренние усилия для разрешения этой проблемы. Он также понимает, что некоторые местные власти могут проявить упорство даже после получения соответствующих инструкций из Москвы.

14. Польское посольство получило разрешение на посылку своих представителей в различные районы страны с достаточно широкими полномочиями для изучения условий, в которых находятся поляки и оказания им возможной помощи.

15. Было принято решение о предоставлении полякам, где только возможно работы в соответствии с их квалификацией. Например, изобретатель танка и выдающийся химик, занятые сейчас рубкой леса и очисткой дорог, получат работу по специальности. Генерал продумывает сейчас вопрос об отправке этих высококвалифицированных лиц в Англию: либо на юг, либо если это возможно через Архангельск.

16. Во время обеда СТАЛИН начал говорить о восточных границах Польши, однако, СИКОРСКИЙ отказался от обсуждения этого вопроса на том основании, что если бы он вернулся из России, установив новые границы, то «весь мир смеялся бы над ним».

СТАЛИН встретил это положение юмористически, сказав, что нет таких трудностей, которые нельзя было бы преодолеть на мирной конференции и выразил надежду, что еще до созыва такой конференции они придут к взаимному пониманию. СТАЛИН употреблял сильные выражения в отношении ГИТЛЕРА, называя его сумасшедшим и кроликом, подражающим льву. Однако он сказал, что ГИТЛЕР имеет вокруг себя несколько хороших, с военной точки зрения, людей.

17. Я спросил генерала СИКОРСКОГО, имеет ли он какую-либо возможность судить о чувствах СТАЛИНА в отношении правительства его величества.

Генерал под особо большим секретом сообщил, что на основании всего слышанного, он совершенно уверен в глубоком недоверии СТАЛИНА к английскому правительству. По его мнению, это произошло отчасти благодаря провалу попыток согласовать военные планы. Он думает, что тактика (преимущественно выступлений прессы союзников), которая была применена на недавней конференции не помогла, в связи с чем необходимо отказаться от

приятных и хвалебных фраз, уметь использовать реальные возможности существующих взаимоотношений и откровенно обсуждать возникающие трудности, если они должны быть преодолены.

18. СИКОРСКИЙ рассказал мне о своей попытке об'яснить какую большую и разностороннюю помощь мы уже оказали и как нам практически трудно сделать что-либо для создания второго фронта. Он избегал всех ссылок на северную Персию и Кавказ, так как видел слишком большую опасность в затрагивании такой темы. Он об'яснил также, что мы ничего больше не можем сделать для увеличения промышленной продукции, в то время как Америка отстает в этом отношении от нас, в связи с чем сами русские должны приложить все силы к тому, чтобы добиться со стороны Америки более серьезных результатов.

19. В качестве примера недоверия к нам, он привел предположение СТАЛИНА о нашем желании использовать польские войска в Сингапуре. СИКОРСКИЙ отверг это предположение, заявив, что мы и без поляков имеем там большое количество своих собственных войск.

Генерал дал СТАЛИНУ понять свою полную лойяльность к Великобритании, после чего больше не последовало никаких разговоров на эту тему».

Начальник разведывательного управления НКВД
Союза С.С.Р. (Фитин)

№ 16

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р.
т. Сталину, т. Молотову, т. Берия, т. Меркулову

25 января 1942 г.

Передаем содержание полученного Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурного сообщения о переговорах ЧЕРЧИЛЛЯ и РУЗВЕЛЬТА в Вашингтоне.

Сообщение составлено проверенным источником на основании ознакомления с документами и бесед с различными работниками дипломатических и других представительств США в Англии.

По данным источника, главными вопросами переговоров были следующие:

«1. Основная цель ЧЕРЧИЛЛЯ заключалась в том, чтобы предотвратить переотправку американского вооружения и особенно морских сил в бассейн Тихого океана. ЧЕРЧИЛЛЬ опасался, что военное ведомство США будет настаивать на изменении прежних планов с тем, чтобы уделить большое внимание происходящим событиям в Тихом океане. По этой причине ЧЕРЧИЛЛЬ, стараясь предупредить возможные изменения, ускорил свой от'езд в Вашингтон. Его миссия была выполнена с успехом, причем, не последнюю роль в этом сыграли привезенные им сообщения о новых агрессивных планах немцев. Англичане предполагали, что фашистская армия начнет новую кампанию немедленно после накопления необходимых средств и будет проводить-

ся в широком масштабе при участии морских, наземных и воздушных сил. Эта кампания будет иметь три этапа:

а) Обеспечение перевозок к Гибралтару и массирование большой армии на европейской стороне. Переправа войск через пролив начнется немедленно после тоге, как будет достигнуто превосходство в воздухе. Немцы уже сейчас разместили необходимый персонал на испанских аэродромах, соорудили береговые батареи, дающие им возможность контролировать судоходство в проливе. Самый Гибралтар будет обойден и временно оставлен без внимания.

б) В первый же день военных действий будет произведено одновременное нападение с воздуха и моря на Касабланку, Маракеш и Дакар. Немцы предполагают, что французские предатели в этих портах облегчат их оккупацию и окажут реальную поддержку.

в) Быстрый удар механизированных частей, направленный на устранение французского сопротивления, если таковое будет иметь место, с целью обеспечения линий коммуникаций, ведущих к указанным портам. Ранее посланные небольшие гарнизоны, флотилии должны будут отражать попытки союзников восстановить положение.

Вторая часть немецкого плана включает в себя захват острова Мадейры, Канарских островов и Зеленого мыса с целью отвлечения морского флота союзников и нанесения ему тяжелого поражения при его попытке захватить эти пункты. В основном немцы хотят получить в свое распоряжение береговые базы морского флота, линии коммуникаций к которым они могут полностью обеспечить.

Согласно существующему английскому правительственному мнению, этот план был отложен только потому, что немцы не были уверены в той роли, которую сыграет французский флот и население Северной Африки. В настоящее время предполагается, что немцы чувствуют полную уверенность в успехе, независимо от сотрудничества французов, в достижении которого они совсем не заинтересованы.

Поскольку американская дипломатия в течение нескольких лет играла с французами и с успехом оставляла Германию в неизвестности, ЧЕРЧИЛЛЬ настаивал на принятии соответствующих контрмер, рискуя даже оттолкнуть современную Францию и бросить ее целиком в об'ятия немцев. Наконец, ЧЕРЧИЛЛЬ хотел получить гарантии, что воинские части, предназначенные для оккупации некоторых северо-африканских пунктов и Атлантических островов, не будут переброшены в бассейн Тихого океана. В ноябре 1940 года США создали специально для этой цели подходящие ударные войска, в задачу которых входила оккупация Исландии, Азорских островов, Зеленого мыса, Канарских островов, Дакара и даже Касабланки. Эти войска получили специальную подготовку и были усилены, особенно группы, предназначенные для захвата Дакара. Черчилль опасался, что благодаря пригодности этих войск для ведения войны в тихоокеанских владениях Америки они будут переброшены в Тихий океан.

Для предотвращения возможности дипломатических колебаний США по вопросу определения отношения к Франции войска де ГОЛЛЯ захватили острова Сен-Пьер и Микелон[20], в результате чего произошло известное изменение во взглядах государственного департамента. Происшедшие события показали, что, несмотря на американские заверения, данные Виши в отношении французской Вест-Индии и атлантических владений, никакого серьез-

ного разрыва не произошло, а правительство Виши охотно станет на стороне того, кто действует быстрее.

2. ЧЕРЧИЛЛЬ заявил о большой опасности для атлантических коммуникаций, которую могут представлять немецкие морские базы на африканском побережье. Отметив чрезвычайную важность морских путей через Южную Атлантику и Кейптаун, ЧЕРЧИЛЛЬ настаивал на сохранении данного маршрута в целях соблюдения экономии, безопасности и концентрации конвойных сил, вследствие чего вся восточная часть тихоокеанского театра сможет оставаться в оборонительном положении и не требовать массированных сил. Он подчеркнул также важность предотвращения возможности контактирования японского флота с немецкими морскими силами для нападения на суда, идущие на Дальний Восток, что может случиться, если немцам удастся создать базы на африканском побережье.

ЧЕРЧИЛЛЮ удалось убедить РУЗВЕЛЬТА и главнокомандующего не уступать ударные войска, предназначенные для действий в Атлантическом бассейне, для использования их в соответствии с планами военных и морских руководителей в бассейне Тихого океана. Наоборот, эти части будут усилены численно и материально.

3. Об'явленные цифры увеличения выпуска промышленной продукции, превышающие на 10% первоначальные цифры плана управления по делам военного производства, выражают уверенность в том, что эти цифры могли бы быть выполнены соответствующими отраслями промышленности, за исключением некоторых из них, особенно автомобильной, которая, не желая перестраивать свое производство мирного времени на военный лад, предлагала независимую схему постройки специальных военных заводов.

Заместитель председателя управления по делам военного производства КНУДСЕН возражал против этой схемы, а ЧЕРЧИЛЛЮ с помощью БИВЕРБРУКА[21] удалось сломить оппозицию. В результате появилась об'явленная программа. Однако в течение первых шести месяцев не предполагается сильного увеличения выпуска промышленной продукции и только в последние три месяца 1942 года об'явленная программа будет выполнена на 40%.

4. Ввиду того, что намеченная программа не будет выполняться в течение первых шести месяцев 1942 года, почему не все требования на поставку военных материалов смогут быть удовлетворены, на обсуждение был поставлен вопрос о дальнейшем их перераспределении. Тогда возник ряд возможностей осуществления этой проблемы:

а) Уменьшение поставок Англии.

б) Уменьшение поставок СССР.

в) Отсрочка наступательных действий, например, в Тихом океане и сокращение судоперевозок даже за счет потерь существующих территорий и позиций. По этому вопросу было достигнуто компромиссное решение на основе всех изложенных возможностей.

ЧЕРЧИЛЛЬ согласился на некоторое сокращение поставок СССР в том случае, если начнет развиваться немецкое наступление в Северной Африке или на Ближнем Востоке, ибо тогда немцы будут вынуждены занимать оборонительные позиции на русском фронте и опасность любого прорыва там будет невелика.

Принятые решения уже возымели свое действие, заключающееся в том, что австралийцы и голландцы оказали сопротивление такой схеме ЧЕРЧИЛЛЯ и пошли на открытое ее осуждение. Однако американцы нашли компромисс-

ное решение в отправке для австралийцев и голландцев своих полностью снаряженных и вооруженных войск и некоторого количества военных материалов. Такое же решение было принято в отношении Англии, куда будут посланы американские войска для замены тренированных английских войск, которые могут быть переброшены в этом случае на действующие военные театры для совместных действий с американскими атлантическими ударными частями.

5. Последнее находится в тесной связи с решением оказать на Ирландию сильное давление и вынудить ее к передаче США ирландских морских баз. Вначале американские войска высадятся в Северной Ирландии, где уже сейчас усилиями самих американцев создано несколько баз. Осуществление этого плана обеспечит Англии прохождение ее морских конвоев через Атлантический океан. Кроме этого американские силы будут готовы вступить в Ирландию или в случае немецкого нападения на нее, или в случае ее решения покончить с нейтралитетом. Американские войска будут проходить тренировку в Англии и последняя обязуется использовать свои войска в первую очередь.

6. Было принято решение об организации баз, расположенных в следующих точках вдоль линии коммуникаций: Тринидад, Дакар, Кейптаун, Фальклandские острова, Дели, Мадрас и Рангун, где будут находиться американские морские и наземные силы.

7. Решено также начать окончательные переговоры с Португалией, гарантируя ей сохранение ее империи и прежних границ после окончания войны и ряд второстепенных уступок, в случае если она согласится вступить в секретный союз с союзными правительствами. Португалия должна будет гарантировать посылку своих войск в ее колонии для того, чтобы укрепить их гарнизоны в целях предотвращения неожиданного нападения и спасения значительной части армии в случае немецкого вторжения. Кроме того велись переговоры о создании в Португалии фланговой угрозы немцам, если они попытаются продвигаться через Испанию на Гибралтар. Хотя англичане сомневаются в целесообразности этого, американцы придают такому движению большое значение. Реакция Португалии на сделанное предложение оказалась благоприятной и были составлены необходимые планы, эффективность которых будущее покажет.

8. Наконец, было решено, что Америка окажет на правительство Виши окончательное давление и добьется от него гарантий об организации сопротивления в Северной Африке на случай немецкого продвижения в Испанию. Несмотря на большую оппозицию в кругах Виши, американцы уверены в том, что они имеют в их среде достаточно сильную поддержку для достижения желаемого. В частности, изменение в настроениях кругов Виши об'ясняется успехами советского сопротивления и окончательным установлением мировой коалиции. С другой стороны, немцы настаивают на решительных изменениях во французской армии и флоте, на что ДАРЛАН[22], по-видимому, согласился.

Одним из пунктов неразберихи в союзной стратегии является то, что американцы никак не могут не ожидать немецкого удара в Северной Африке, хотя англичане заявляют, что в результате этого будет потеряна инициатива неожиданности действий и быстрота. Все это еще находится в процессе больших споров».

Начальник разведывательного управления
НКВД Союза ССР (Фитин)

№ 17

Копия

Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ, т. БЕРИЯ

НКВД СССР – т. МЕРКУЛОВУ

20 февраля 42 г.

Сообщаем содержание секретного меморандума министерства иностранных дел Англии от 15 января с.г., разосланного для ознакомления членам правительства.

Содержание меморандума получено Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«Меморандум о положении в Германии.

Начиная с середины декабря, в британской печати появляется много статей о бедственном положении германской армии, о внутренних разногласиях и об ухудшении морального состояния в Германии. Поэтому, не без очевидного основания, британская общественность начинает думать о скором германском поражении и даже об окончании войны в Европе до лета. Такой образ мыслей весьма опасен. Вообще печать основывается на следующих положениях:

1. Конфликт между ГИТЛЕРОМ и генералами, нашедший кульминационное выражение в смещении БРАУХИЧА[23] 21 декабря.

2. Отступление германской армии под сильным нажимом русских.

3. Сбор зимних вещей вместе с чрезвычайно мрачными рождественскими и новогодними выступлениями ГИТЛЕРА, ГЕББЕЛЬСА и компании.

4. Сообщение о волнении в Германии, об установлении на перекрестках улиц патрулей, вооруженных пулеметами, о перенесении ГИТЛЕРОМ своего штаба на Восточном фронте, об отзыве с Восточного фронта частей СС и об установлении санитарного кордона между армией и восточной Германией.

5. Сообщение об увеличившемся количестве дезертиров из армии, о плачевном физическом и моральном состоянии частей, отозванных с Восточного фронта для пополнения и переформирования, и о расстрелах германских солдат в Безансоне, Констанце, Белгороде и прочее.

6. Сообщение о распространении тифа.

Конечно, картина, представляемая таким образом, рисуется благоприятной, но, к сожалению, много фактов не проверено и интерпретация их во многом сверх оптимистична.

Рассмотрим все эти положения по порядку:

1. Несомненно, что между ГИТЛЕРОМ и его генералами в последнее время имелись расхождения относительно ведения русской кампании и отношения между армией и партией являются нездоровыми. Но насколько это является опасным, у нас пока еще нет достаточных данных, чтобы сделать заключение.

2. Потерпев неудачу в своих основных целях, германская армия начала плановое отступление и степень русского успеха можно оценивать только по степени того беспорядка, который они вносят в германское отступление.

К следующей весне немцы, вероятно, смогут повести наступление, которое, раз начавшись, возможно, будет иметь значительный успех. Однако из газетных сообщений можно вынести впечатление, что германская армия находится в сильном затруднении, что русские уже прорвали гитлеровскую линию обороны Вязьма-Брянск и захватывают большое количество военного материала (например, недавнее сообщение о захвате военных материалов, достаточных для 14 танковых и 10 пехотных дивизий) и что немцы испытывают острый недостаток нефти.

3. Что касается мрачных выступлений ГИТЛЕРА и ГЕББЕЛЬСА перед новым годом и рождеством, то это, вероятно, об'ясняется тем, что ГИТЛЕР пришел к выводу о невозможности скрывать дальше положение на Восточном фронте, рассчитывая этим сделать сбор зимней одежды более успешным (говорят, что собрано уже более 60 миллионов теплых вещей). Это может только служить доказательством замечательной уверенности в хорошем моральном состоянии германского гражданского населения. По сведениям большинства наших лучших источников, ощутимых признаков упадка морального состояния населения или какой-либо организованной оппозиции в стране не имеется. Несомненно, в результате восточной кампании имеется некоторый упадок морального состояния германского солдата. Что касается гражданского населения, то апатия, может быть, уступила место неуверенности и даже сомнениям. Несомненно, что депрессия и усталость от войны усилилась среди пожилых людей, но дисциплина и фанатизм людей до 35 лет, по нашему убеждению, остаются не поколебленными.

Поэтому остается спорным вопрос о том, что, когда моральное состояние германского народа, действительно, начнет давать трещины, то это произойдет, как в 1918 году, сразу, а не постепенно.

4. Сообщение об отзыве частей СС с Восточного фронта не верно. Для отдыха и пополнения частей СС отводилось с фронта не больше, чем других действующих частей. Уже несколько месяцев тому назад ГИММЛЕР перенес свой штаб на Восточный фронт, который он периодически посещает. Пока еще не было никаких серьезных волнений, кроме отдельных вспыхивавших беспорядков (например, в очередях за продовольствием) и сведения об установлении на улице роты патрулей с пулеметами совершенно не подтвердились.

5. Фактически значительного увеличения количества дезертиров из армии не имеется. Естественно, что имея армию в 286 дивизий, германские военные власти должны время от времени действовать несколько суровее в отношении распустившихся солдат на оккупированных территориях. Германские солдаты, вернувшиеся с Восточного фронта, могут говорить, что они предпочли бы не возвращаться туда, но нет никаких подтверждений того, что приказы, отданные о возвращении на русский фронт, не выполнялись бы. Войска, отведенные с фронта для пополнения, часто находятся в жалком состоянии, но если бы это было иначе, они продолжали бы оставаться на первой линии.

Что касается распространения тифа, то пока получено подтверждение сорока случаев, имевших место в западных районах до Франкфурта на Одере. Однако надо помнить, что тиф является эпидемическим заболеванием в Восточной Европе и естественно, что в результате происходящих сейчас военных операций распространение тифа усилится еще больше.

Запугивание тифом с энтузиазмом использовалось нашей пропагандой в Германии и на оккупированных территориях и поэтому мы должны быть осторожны, чтобы не попасть в расставленную нами самими ловушку».

Начальник разведывательного управления
НКВД Союза ССР (Фитин)

№ 18 *Сов. секретно*

27 февраля 1942 г.

Сообщение из Лондона

Текст секретного меморандума Идена от 28 января 1942 года, разосланного для ознакомления членов правительства. Получен агентурным путем.

Дается без сокращений.

«Политика в отношении России.

Со времени моего разговора со Сталиным в Москве[24] я занимался изучением следующих вопросов:

1. Принципы, на которых может быть построено послевоенное сотрудничество России и Англии.

2. Наилучшим способом действия в связи с требованием Сталина признать за Советским Союзом границы 1941 года.

Абзац: 1. Если предположить, что Германия потерпит поражение, германская военная мощь будет уничтожена и Франция, в течение по крайней мере долгого времени останется слабой державой, то в Европе не будет ни одного государства, которое могло бы противостоять России. Однако может оказаться необходимым и дальше сотрудничать с Россией во-первых потому, что иначе она может поддаться искушению сотрудничать с Германией, побужденная к этому историческими тенденциями и экономической необходимостью; во-вторых для того, чтобы восстановить в наших собственных интересах такое соотношение сил в Европе, уничтоженное поражением Франции, которое могло бы помешать возрождению Германии и в третьих для того, чтобы в военном отношении Германия была окружена. Правда, Франция, величие которой мы обещали восстановить может также стать мощной державой в Европе благодаря ее материальным ресурсам и уничтожению германской военной мощи.

Таким образом, соотношение сил в Европе может частично быть восстановлено через возрождение Франции, но это в высшей степени проблематично и, конечно, еще не будет иметь места непосредственно в послевоенном периоде, о котором мы должны подумать теперь.

2. Всякая оценка возможности курса политики СССР должна зависеть от хода войны, из того как она отражается на России, состояния, в котором Сов.Союз выйдет из войны и обстоятельств, при которых война окончится. Если поражение германских армий состоится, главным образом, благодаря действию Советских войск и до того как полностью развернется военная мощь Великобритании и США, позиция России на европейском континенте будет неприступной. Русский престиж будет настолько велик что облегчит установления в ряде европейских стран коммунистических правительств и, естественно, Советский Союз соблазнится вести работу в этом направлении. Более того, русские смогут тогда забрать с германских фабрик оборудование,

в котором они будут нуждаться для восстановления русской промышленности, не считаясь с нуждами Великобритании и США. В результате Советский Союз может стать совершенно независимым от той помощи, за которой при других обстоятельствах он был бы вынужден обращаться к нам и к Америке и будучи таковым не захочет больше приспосабливаться к той политике, которую Англия и Америка могут пожелать вести.

Эта возможность сама по себе является доводом за установление тесных отношений с Советским Союзом уже теперь, пока еще его политика расплывчата, чтобы иметь как можно большее влияние на формирование его политики в будущем.

3. Но если Россия будет окончательно истощена войной, тогда, нуждаясь в англо-американской помощи для восстановления страны, Сталин будет вынужден, хотя бы временно, следовать политике наиболее приемлемой при таком, менее монопольном положении СССР. Если бы могли быть уверены, что события развернутся именно таким образом, то можно было бы выразить, что нам не нужно идти на уступки и жертвы на этой стадии и считать, что мы сможем добиться того, чтобы Сталин неизбежно равнял свою политику по политике Великобритании и Америки, ибо он зависел бы от этих двух стран в конце войны. Но, очевидно, что мы не можем рисковать рассчитывая на это и простое благоразумие требует, чтобы мы в наших планах исходили из предпосылки, что если мы хотим сотрудничества русских после войны, то должны быть готовы сделать для них эту политику выгодной. Более того, применение такой политики будет трудным и необоснованным процессом и если мы хотим ей следовать, то должны начать вести ее уже сейчас не дожидаясь окончания войны.

4. Безусловно, на практике будет трудно согласовывать англо-русское сотрудничество с англо-американским: советская политика – безнравственна; американская политика преувеличенно нравственна, по крайней мере в том, что касается не американских интересов. В Америке до сих пор широко распространено недоверие и нелюбовь к России, усилившиеся после подписания последней пакта с Германией и нападением России на Финляндию. Но, поскольку, мнение Америки принимает все более реальное направление под влиянием войны это отношение может постепенно измениться особенно потому, что русские могут оказать ценную помощь Америке в предупреждении возрождения японского милитаризма на Дальнем Востоке. Вопрос о балтийских государствах является первым примером столкновения принципов СССР и США: советское правительство одобрило атлантическую Хартию[25], но в тоже время пытается обойти один из принципов Хартии, тогда как США, по крайней мере в данный момент, считает их священными. Если дело дойдет до прямого политического конфликта и нам нужно будет выбирать между США и СССР, мы несомненно решим вопрос в пользу англо-американского сотрудничества, как более необходимого, более естественного основанного на более широкой и давней базе, чем англо-русское сотрудничество.

5. С другой стороны, мы должны будем удерживаться от каких либо действий, которые могут усилить уже существующее у советского правительства подозрение, что мы намерены рассматривать заключение мира только как англо-американское дело, где русские интересы могут быть игнорированы или не учтены.

6. На практике это означает, что для того, чтобы успешно примирить наиболее уязвимые места американской и русской политики и координировать нашу политику с политикой той и другой страны, нужно советоваться с американским правительством по всем пунктам наших переговоров с советским правительством и добиться его одобрения, или по крайней мере, согласия на все англо-советские мероприятия. Там где возможно мы будем прибегать к обсуждению и решениям, с участием всех трех сторон.

7. При рассмотрении пункта 2, а именно о наилучшем способе действий в связи с требованием Сталина признать нами за СССР границы 1941 г., возникают затруднения, вытекающие из наших собственных интересов:

а) на первый взгляд требование Сталина кажется умеренным, если мы подумаем о том, что он мог бы потребовать гораздо больше, как например, контроль над Дарданеллами, сферу влияния на Балканах, одностороннего навязывания Польше русско-польской границы, доступов к Персидскому заливу и к Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территории. Конечно, нам могут возразить, что у нас нет оснований полагать, что теперешнее требование Сталина является окончательным и что за ним в свое время не последуют другие требования. Но даже если это и так, то удовлетворение нами этого требования не означает, что мы не будем противиться дальнейшим требованиям, которые могут последовать. Поступая таким образом, мы только усилим наши позиции.

б) С чисто стратегической точки зрения, как раз в наших интересах, чтобы Россия снова обосновалась в Прибалтике, с тем, чтобы иметь возможность лучше оспаривать у Германии господство на Балтийском море, чем она могла это делать с 1918 г., когда для доступа к Балтийскому морю имелся только Кронштадт.

в) Конечно, нельзя делать эту или другую уступку Сталину без того, чтобы не потребовать ответной услуги за услугу.

По своей восточной манере мыслить, он истолковал бы как проявление слабости, если бы мы этого не потребовали. Кроме того, настаивая на этом, мы устанавливаем правила, что взаимные уступки нам являются необходимым условием, что затруднит советскому правительству возможность производить на нас нажим с требованием дальнейших уступок, то есть, толкнуть нас на «скользкий путь».

Список возможных контртребований, которые мы могли бы пред'явить я указываю в приложении.

г) Нельзя отрицать того, что требование Сталина о прибалтийских государствах и, хотя в меньшей степени, требование о финской и бессарабской территориях, едва ли находится в соответствии с принципами, изложенными в Атлантической Хартии, в которой говорится о том, что союзные государства не стремятся к территориальному или иному расширению и к таким территориальным изменениям, которые могут итти против свободно выраженной воли самого народа, что они хотят восстановления суверенитетных прав и самоуправления там, где они были насильно отняты. Удовлетворение требований Сталина также противоречит условию, изложенному в Хартии, что союзники будут уважать права всех народов самим выбирать желательную им форму правления.

С другой стороны Сталин может возразить, что он:

1) требует возвращения только того, что уже являлось русской территорией до войны и что теперь оккупировано немцами; 2) что прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР, в соответствии с принципами, изложенными в атлантической Хартии и 3) что финская и румынская территории были предоставлены СССР по договорам законно заключенным с Финляндией и Румынией.

д) Если мы соглашаемся с изложенной мной в первой части доклада необходимостью тесного сотрудничества с Советским Союзом после войны, то я считаю, что доводы в пользу удовлетворения требований Сталина убедительны, если бы не серьезное затруднение, создаваемое атлантической Хартией и боязнь в Америке ко всему, что носит характер принесения в жертву свободы независимых наций. Мы должны также учесть, что американское правительство, вероятно, будет весьма недовольно нашими уступками советскому правительству в том, что оно считает основными принципиальными вопросами.

8. Совсем нелегко решить каково было истинное намерение Сталина когда он настаивал именно на этом требовании при подобных обстоятельствах. Наше согласие или наш отказ не могут так или иначе отразиться на русских послевоенных границах: ни мы, ни Америка не сможем заставить СССР уйти с занятой им в конце войны территории. Однако, возможно, что требование Сталина имеет цель испытать, насколько правительство его величества готово сделать безоговорочные уступки для обеспечения послевоенного сотрудничества с Советским Союзом, иными словами, посмотреть, какое значение мы придаем этому сотрудничеству и насколько для достижения его готово пожертвовать своими принципами. Если такова в самом деле цель Сталина, то надо полагать, что он не согласится на меньшее или на замену этого требования другим.

Сэр Криппс[26], с кем я советовался после его возвращения из России, придерживается того мнения, что вопрос идет о том, все или ничего и наш отказ удовлетворить Сталина будет обозначать конец всяких перспектив плодотворного сотрудничества с советским правительством в наших обоюдных интересах, Советская политика повернет на путь преследования собственных, эгоистических интересов, что может иметь неисчислимые последствия для послевоенного периода. Тем временем, я обещал Сталину, что поставлю этот вопрос на обсуждение перед правительством его величества и правительствами доминионов. И я думаю, что нам не надо больше откладывать обсуждение этого вопроса с президентом Рузвельтом.

9. Даже если мы почти не надеемся, что Сталин согласится на какое-либо урезывание его требований, я предложил бы передать на рассмотрение Рузвельта весь вопрос целиком, так как он нам представляется.

Одна сторона этого вопроса совершенно непосредственно относится к американским ближайшим перспективам войны: наш ответ на требование Сталина, может при известных обстоятельствах, повлиять на решение русских об'явить войну Японии, или воздержаться от этого. Если, как мы предполагаем, президент будет возражать против нашего удовлетворения полностью русских требований, я предложил бы президенту рассмотреть вопрос о том, можем ли мы при особых обстоятельствах предложить Сталину, взамен тот или другой проект, который должен был бы удовлетворить его, если его теперешнее требование действительно выдвинуто в интересах безопасности,

а не для того, чтобы посмотреть насколько он может заставить нас пожертвовать нашими принципами и подвергнуть опасности наши отношения с США. Нужно, чтобы президент не только согласился на это, но и принял участие в таких предложениях, потому, что Сталин, возможно, скорее примет от США и Англии то, что он отказался бы принять от одной только Англии.

10. Любое предложение, которое мы сделаем, должно базироваться на требовании русской «безопасности», к которой Советский Союз стремится с 1917 года, то есть создания такого стратегического положения, которое помогло бы советскому правительству довести до конца социальную экономическую корпорацию внутри России не боясь иностранной интервенции и войны (исходя из чего мы могли бы предложить Сталину, по крайней мере две альтернативы:

а) русские базы в прибалтийских государствах. Мы могли бы сказать Сталину, что в то время как мы не видим сейчас оснований для восстановления границ 1941 года, Великобритания могла бы дать гарантии уже теперь, что исходя из интересов советской безопасности, мы, в нужный момент, поддержим требования советского правительства о создании советских баз на территориях смежных с Россией, особенно на Балтике и в Черном море, откуда можно угрожать безопасности Советскому Союзу. Принятие советским правительством такой гарантии не помешает ему выставить на мирной конференции требование поглащения прибалтийских государств, Бессарабии и части Финляндии, а правительство его величества тем временем получит возможность воздержаться от предварительного принятия или удовлетворить подобное требование если таковое будет выставлено на мирных переговорах.

Создание баз одной страной на территории другой применялось также США и надо полагать, что Америка встретит это предложение благоприятно. Весьма вероятно, что мы сами также прибегнем к этому методу после войны, а кроме того советское правительство первое осуществило идею в 1939 году в отношении прибалтийских государств.

б) Установление Советским правительством контроля над внешней политикой и обороной в прибалтийских государствах. Я обязан британскому послу в Вашингтоне формулой, по которой оставляя как бы нетронутой внутреннюю автономию прибалтийских государств, фактически передается Советскому правительству весь контроль над этими странами необходимый русским с точки зрения их безопасности. Эта формула заключается в следующем:

«Мы желаем и намерены работать вместе с Вами после и считаем, что тесное сотрудничество существенно для обеих сторон и для поддержания мира в Европе. Мы понимаем важность, которую Вы придаете границам июня 1941 года исходя из соображения Вашей собственной безопасности. Мы не возражаем против этой границы, которую Вы установили с Финляндией, потому, что финны позволили Гитлеру использовать себя как орудие в его руках и мы конечно не защищаем Румынию. Однако мы исходим из принципов Атлантической Хартии, к которой Вы, господин Сталин, присоединились и из того, что может означать для нашего положения в твердом решении вопроса о прибалтийских государствах.

Для того, чтобы примирить ваше требование безопасности и наши общие обязательства по Атлантической Хартии, мы окажем вам поддержку при заключении мира, если вы потребуете, чтобы внешняя политика и вопросы обороны в прибалтийских государствах были переданы Советскому Союзу,

который для этой цели получит возможность установления на их территории всего необходимого руководства и контроля». По этой формуле можно будет примирить желание советского правительства, нашим обязательством по Атлантической Хартии и американское болезненное восприятие.

11. Мы не должны забывать вопроса о Литве. Польское правительство высказало желание, чтобы мы не вступали ни в какие переговоры относительно будущей передачи советскому правительству Литвы, не посоветовавшись с ним и надо полагать, что его намерением является создание польско-литовского союза после войны. Этот план, конечно совершенно противоположен советскому плану об аннексировании Литвы и даже противоречит предложению о контроле советами внешней политики и обороны прибалтийских государств.

С другой стороны, это юридически можно увязать с компромиссным решением, по которому Советское правительство будет иметь только базы в этих государствах. Если Сталин будет настаивать, как он несомненно намерен, на принятии «линии Керзона»[27], как новой польско-русской границы, то Польша не будет иметь с Литвой общей пограничной линии, если только она не присоединит Восточной Пруссии (на что, как Сталин сказал, он готов согласиться). Поэтому с географической точки зрения польские намерения в отношении Литвы могут стать практической политикой только если она получит от Советского Союза или границу с Россией значительно к востоку от линии Керзона или же разрешение аннексировать Восточную Пруссию.

12. В заключение я просил бы уполномочить лорда Галифакса[28] об'яснить обстановку правительству США и если возможно, лично президенту Рузвельту и спросить его не согласится ли он, ввиду чрезвычайных обстоятельств на удовлетворение нами требований Сталина в том виде как они есть, или же, в случае отрицательного ответа поддержать нас при выдвижении нами этого или другого контрпредложения, упомянутого в моем докладе. Это нужно сделать как можно скорее, поскольку Сталину было обещано, что решение английского правительства и правительств доминионов последует через три-четыре недели после моего возвращения в страну. Министерство индел января 28.

П р и л о ж е н и е: требования, которые мы могли бы пред'явить Советскому Союзу в связи с предполагаемым соглашением:

1. Мы должны обеспечить признание советским правительством права за Великобританией, исходя из основ безопасности, на создание баз на европейском континенте, основываясь на том, что сказал мне Сталин 16 декабря, а именно:

«Я думаю, что если Франция не будет восстановлена как великая держава в ближайшем будущем, то в ваших интересах иметь на французском побережье военные и морские базы, как например в Булони и Дюнкерке. Бельгия и Голландия должны быть в открытом военном союзе с Великобританией, которая должна пользоваться правами иметь в этих странах военные и морские базы, а также держать войска, если необходимо.

Я считаю это весьма важным для Великобритании и также в целях гарантии независимости Бельгии и Голландии. Советский Союз будет готов поддержать вас в этих планах, которые он считает важными с точки зрения Великобритании».

2. Мы должны потребовать от Советского Союза присоединения к параграфу 5 британского проекта /DRAFT AGREEMENT/ соглашение от 16 декабря 1941 г., а именно: «Что касается решения вопросов о территориях при заключении мира, оба правительства положат в основу своей политики принципы изложенные в об'единенной декларации президента США и премьер-министра Англии о том, что они «не стремятся к территориальному или другому расширению» и заявление Сталина в его речи от 6 ноября 1941 г. о том, что СССР не вмешивается во внутренние дела других народов».

3. Мы также просим советское правительство формально одобрить принципы федерации в отношении слабых стран Европы, особенно балканских, а также в отношении Польши и Чехословакии.

4. Просить советское правительство сотрудничать с американским и английским правительствами и другими странами Европы в подготовке переустройства Европы на основе статьи 4 проекта соглашения, предложенного Сталину министром индел, которая гласит: «Обе договаривающиеся стороны приступают к совместной работе по переустройству Европы после войны с полным соблюдением интересов каждой стороны и в соответствии с принципами не расширять свою территорию и не вмешиваться во внутренние дела других народов.

В задачу этого переустройства входят:

а) сохранение и усиление экономической и политической независимости европейских стран, равно как об'единенных и федеративных государств;

б) переустройство промышленной и экономической жизни тех стран, территория которых была захвачена немцами или их союзниками».

№ 19 28 февраля 1942 г.
Сообщение из Лондона

**Передается отчет
начальника русского отдела английского министерства информации Смоллетта о его беседе с Бенешем[29],
состоявшейся 29 января 1942 г.**

ОТЧЕТ ПОЛУЧЕН ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРОЙ
АГЕНТУРНЫМ ПУТЕМ

«Сегодня я был у г-на БЕНЕША, чтобы познакомиться с его взглядами на отношения с Россией и на послевоенные намерения России. Я заявил ему, что пришел к нему, как старый личный друг и бывший соотечественник, а не как официальный работник министерства, в связи с этим наша беседа была неофициальной и конфиденциальной.

Сообщаю кратко все сказанное БЕНЕШЕМ в течение этой беседы:

«1. Нет сомнения в том, что Россия разобьет Германию в этом году и что война в Европе придет к концу приблизительно к ноябрю месяцу. При существующих условиях это явится полной победой русских.

2. Для Европы крайне важно, чтобы одержанная победа была общей победой союзников и поэтому я настаиваю перед британскими государственными деятелями, чтобы они пересмотрели свой план вторжения на конти-

нент в 1943 году, поскольку тогда может оказаться уже слишком поздно. Русские несомненно оккупируют Восточную Германию, но в противовес этому необходимо, чтобы британские войска своевременно вступили на германскую территорию через Голландию и Бельгию. Я уверен в том, что русское наступление на Берлин будет итти с севера-востока, а русско-польское с востока, и я надеюсь на то, что чешские войска вместе с русскими вступят в юго-восточную Германию. При этом не хотелось бы, чтобы чехословацкие войска вступили в Австрию против пруссаков, чтобы Австрия, смогла затем, в той или иной форме, присоединиться к польско-чешской федерации.

3. Цель польско-чешской федерации – обеспечить крепкий барьер против Германии в Восточной Европе, но такой барьер который бы коренным образом отличался от санитарного кордона в довоенном смысле слова, поскольку в прошлом эта идея всегда обосновывалась антисоветскими доводами. Либо будет дружба между польско-чешской федерацией и Россией, либо не будет вообще польско-чешской федерации.

4. Я абсолютно уверен в том, что целью советской внешней политики является дальнейшее развитие коммунизма в Европе. Советская внешняя политика поставит в первую очередь и почти исключительно перед собой задачу обеспечения военной и политической безопасности СССР, чтобы страна, таким образом, могла, наконец, посвятить себя деятельности, направленной к созданию более высокого жизненного стандарта для своего народа, подвергавшегося таким тяжким испытаниям.

№ 20

Копия
Сов. секретно

ГОСУД.КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР –
тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ, тов. БЕРИЯ

НКВД СССР – т. МЕРКУЛОВУ

8 марта 42 г.

Английская разведка выпустила 19 января 1942 года секретное специальное сообщение, основанное на данных польской разведки, полученных, якобы, от источника, имеющего большие связи в хорошо осведомленных и влиятельных германских кругах.

Приводим краткое содержание этого сообщения, полученного Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем:

«Германские планы на Восточном фронте направлены к тому, чтобы удержаться до весны на занимаемых немцами в настоящее время рубежах. Прорыв фронта со стороны русских может привести к отступлению германской армии до линии Днепра. Германское командование считает это возможным, но по его мнению такого рода отступление все же не будет означать поражение германской армии.

Весеннее наступление по всему фронту исключается в связи с истощением запасов горючего. Но как только улучшатся метеорологические условия, будет нанесен сильный удар в южном секторе, по направлению к Ростову и Крыму с целью захвата Кавказа. К этому времени Болгария должна будет

об'явить войну СССР и выступить против СССР на Черном море, с помощью германского и румынского флотов.

Если наступление на Кавказ провалится, то немцы нападут на Турцию.

Германский генштаб считает, что эта попытка будет равносильна самоубийству. Окончательное решение по этому поводу должен принять ГИТЛЕР. Наступление на Англию в настоящее время, якобы, отложено».

Сведения относительно намерений Болгарии выступить против Советского Союза получены впервые.

Начальник разведуправления
НКВД СССР (Фитин)

№ 21

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИН, тов. МОЛОТОВУ, тов. БЕРИЯ

НКВД СССР – тов. МЕРКУЛОВУ

14 марта 42 г.

Резидент Разведуправления НКВД СССР в Лондоне, на основании данных проверенного источника, имеющего связи в американском посольстве в Англии, сообщил следующее:

«Американские круги весьма озабочены уходом из Бреста немецких военных кораблей «Шарнхорст», «Гнейзенау» и «Принц Евгений». По мнению американцев, это является частичным выполнением фашистского плана перерезать сообщение с Мурманском и Архангельском в тот самый момент, когда большая часть американских военных материалов, обещанных Советскому Союзу, будет находиться на пути в СССР. Полагают, что эти корабли будут действовать совместно с «Фон Тирпитц» и двумя другими недавно построенными линкорами, чтобы воспрепятствовать переброске крупных военных грузов в Советский Союз. Американцы помнят успешные нападения нацистов на караваны летом 1940 года. Они не верят тому, что нацисты намерены напасть на Исландию, или что они готовят вторжение в Англию.

Эта точка зрения была сообщена англичанам и американцы заявили, что необходимо сейчас же исправить создавшееся положение. Американцы сомневаются в том, что все три корабля получили серьезные повреждения. Они ссылаются на опыт бомбежки судов в Бресте и говорят, что фотоснимки судов в Вильгельмсхафене и в Гамбурге могут быть поддельными. Англичане же утверждают, что когда корабли проходили через канал, на Северном море начинался период очень скверной погоды. Туман, снегопад, дожди, град и штормы привели к тому, что, спустя неделю после ухода кораблей, видимость была настолько плохой, что с подводных лодок и кораблей едва можно было разглядеть что-либо на расстоянии 200 ярдов.

Адмиралтейство считает, что попадание торпеды в «Принца Евгения» с подводной лодки в этих условиях является просто чудом.

Тем не менее американцы предполагают, что немцы устроили в канале искусную инсценировку, чтобы отвлечь внимание и силы англичан от гер-

майского побережья и дать возможность другим своим крупным военноморским соединениям пройти из Осло на север к Тронхейму и, возможно, еще дальше до Нарвика, Харстада и Тромсе, где происходит окончательная подготовка для нападения на караваны и для установления блокады северных русских портов. Американцы поэтому предлагают сконцентрировать в этом районе военно-морские силы, чтобы сопровождать предстоящие перевозки в Россию соответствующим конвоем.

Начальник разведывательного управления
НКВД Союза ССР (Ф и т и н)

№ 22 Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р. –
т. С т а л и н у, т. М о л о т о в у, т. Б е р и я

НКВД СССР – т. М е р к у л о в у

21 марта 42 г.

Сообщаем отдельные выдержки из обзора английской политической разведки за неделю, окончившуюся 1 марта, полученные Разведывательным Управлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«Германия

Моральное состояние населения и армии. В письме от 13 января 1942 года прибалтийский офицер, находящийся в Берлине, сообщает японскому военному атташе одной из европейских стран: «...Очевидно, что моральное состояние германских войск не очень высокое, а в тылу оно еще хуже. Германское население было избаловано известиями о непрерывных победах и не может выносить известия о поражениях. Благодаря неудачам на Восточном фронте моральное состояние здесь неважное, никто не верит, что война скоро кончится...»

Источник, прибывший в Германию четыре недели до начала января и имевший возможность получать информацию, сообщает: «Моральное состояние войск, находящихся на Восточном фронте, заметно ухудшилось, и как следствие этого, снизились боевые качества, особенно благодаря все растущему убеждению в превосходстве русских войск над германскими.

Большое влияние на моральное состояние оказывает также нерегулярное снабжение продуктами, недостаток теплой одежды и отсутствие зимних квартир. Имели место случаи, когда легко раненые солдаты, уходя с передовой линии, бросали оружие и снаряжение. Однако случаев открытых восстаний или массового дезертирства не наблюдается и прибывающие на фронт свежие части, состоящие из молодежи, все еще полны энтузиазма».

Хотя, быть может, не следует придавать серьезного значения, но все же интересно отметить о чем говорят между собой чиновники Вильгельмштрассе. Данные относятся к середине января.

По их словам, приблизительно в апреле в Германии следует ожидать кризиса. Разногласия внутри партии все усиливаются. Отношения между

ГИММЛЕРОМ и ГЕРИНГОМ ухудшились, а СС за последнее время усилили шпионаж в армии. Отставка фон-БРАУХИЧА[30] напугала многих. Некоторые из этих чиновников думают, что ГИТЛЕР уже не так вникает во все дела, как раньше, и что нерешительность некоторых кругов может сказаться на возможности кризиса. Прибалтийский офицер, письмо которого мы цитировали выше, также упоминает о том, что левое крыло партии ведет свою политику, имея целью притти к соглашению с русскими. Он говорит, также, что престиж партии упал в глазах населения.

Финляндия

Восточный фронт. Мы получили сведения о том, что немцы частично сменяют финские войска на Южном фронте, так как часть финских войск должна вернуться на сельско-хозяйственные работы, а часть направлена на Северный фронт. От финских штабных офицеров нам известна следующая версия: финны заявили немцам, что финские войска должны быть отведены с фронта для выполнения сельско-хозяйственных работ. Немцы согласились послать свои войска на Свирь с условием, что в марте финны поведут наступление для обеспечения выхода к Белому морю, после чего могут отвести свои войска.

Подготовка стран «оси» к компромиссному миру. В середине февраля от французского посольства в Берне были получены сведения о том, что с начала февраля дипломатические круги стран «оси» в Берне начали усиленную деятельность, связанную с планами компромиссного мира. Фашистские дипломаты подчеркивают, что если Россия не будет побеждена к лету 1942 года, то большевизм распространится по всему континенту. Германия оказывает сильное давление в этом направлении на Швейцарию и Францию, а также почти на все нейтральные страны через их миссии в Швейцарии. Немцы заявляют, что правительство Виши согласно выступить в роли посредника в Вашингтоне. Имеется также указание на то, что Швейцария намеревается обсудить с Португалией план мирной кампании.

Италия

Румынский принц Николай, по прибытии в Швейцарию, сообщил о своих впечатлениях об Италии следующее: Дуче все еще пользуется личной популярностью, хотя на него и смотрят как на гаулейтера Германии. Однако, фашистский режим ненавистен массам и интеллигенции. Все население устало от войны, но возможности революции все же отдалены.

10 тысяч сицилийцев были выселены в Пьемонт для того, чтобы освободить дома в Сицилии для персонала германской авиации, а также из-за их антивоенных настроений (эти сообщения совпадают с имеющимися сообщениями из других источников).

Германия и прибалтийские государства

Возможное изменение германской политики. Литовцы и эстонцы получили разрешение отпраздновать день независимости 16 и 24 февраля и даже выразить по этому поводу некоторые национальные чувства. Это может служить признаком намечающегося изменения германской политики по отношению к прибалтийским государствам. Набор рабочей силы среди эстонцев для Германии проходит различными путями. До начала февраля в Германию выехало около 700 эстонских рабочих (ранее сообщалось, что к середине января выехало 6 тысяч человек).

Болгария

Германские тайные агенты сообщают, что коммунисты недавно предприняли неудачные попытки взорвать дом болгарского военного министерства. Покушение было также направлено против германского пресс-атташе, жившего в этом доме.

Турция

Турция и готовящееся германское наступление. Болгарский военный атташе сообщил в Софию следующее:

1. Предвидя возможность германского нападения и последующей за ним попытки русских спасти свой флот путем захвата проливов, использовав для этого сухопутные и морские силы, турки готовятся принять соответствующие меры, а именно:

а) как только немцы начнут наступление, турецкая армия будет перегруппирована и войска на кавказской границе и на Черноморском побережье будут значительно усилены;

б) турецкая внешняя политика постепенно будет ориентироваться на дружбу с Германией.

2. Вновь назначенный турецкий посол в Англии является англофилом, но не в такой степени, как АР АС, который считался слишком пробритански настроенным и по этой причине отозван».

Начальник разведывательного управления
НКВД Союза ССР (Фитин)

№ 23

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ

19 апреля 42 г.

Направляем агентурные данные, полученные НКВД СССР из Лондона в результате беседы источника Разведуправления НКВД СССР с начальником генерального штаба США генералом МАРШАЛЛОМ.

«Генерал МАРШАЛЛ считает возможным, что США что-либо предпримут в Южной Ирландии, так как находящаяся там агентура германской разведки информирует Германию решительно обо всем, начиная с погоды и кончая важнейшими секретами Англии, и в частности по поводу численности американских воинских частей и вооружения в Ольстере (Северная Ирландия).

По словам МАРШАЛЛА, американцы заинтересованы, чтобы Ирландия была в действительности нейтральной, однако, если она не будет соблюдать нейтралитет, то США будут вынуждены принять какие-либо меры.

МАРШАЛЛ интересовался, каким количеством военных материалов располагают англичане, так как ссылаясь на недостаток вооружения они упорно заявляют, что не в состоянии предпринять в этом году наступательных операций. Ему известно, что англичане продолжают получать максимальное количество самолетов из США.

По мнению МАРШАЛЛА, даже если допустить, что у англичан недостаточно вооружения для развернутого наступления на континент, они могли бы проводить отдельные наступательные операции, используя ударные части.

По словам МАРШАЛЛА, Америка хочет закончить войну возможно скорее. МАРШАЛЛ полагает, что Англия не сможет выиграть войну проводя оборонительную тактику и считает, что англичане должны перейти к наступательным операциям при имеющихся у них средствах, так как ни одно командование, начиная наступательные действия не располагало тем количеством людей и военных материалов, которое оно хотело бы иметь.

МАРШАЛЛ считает чрезвычайно важным, чтобы танки и самолеты продолжали поступать в СССР. По его предположению Япония выступит весной против Советского Союза, и тогда СССР столкнется с большими затруднениями в области людских резервов, военных материалов и транспорта.

Американцам неизвестно точное количество воинских частей, танков и самолетов, которое командование Красной Армией перебросило с Дальнего Востока для того, чтобы остановить ГИТЛЕРА. По мнению МАРШАЛЛА с Дальнего Востока на Кавказ было переброшено только несколько бронетанковых дивизий. МАРШАЛЛ не думает, чтобы Красная Армия одна смогла разгромить немцев, но если Советский Союз, продолжая получать ганки и самолеты сможет сдержать немцев и тем самым обеспечить их поражение, если англичане смогут удержать свои позиции на Дальнем Востоке и США удержат японцев и немцев от вторжения в Индию, не будет никаких сомнений относительно конечного исхода войны.

На вопрос источника к МАРШАЛЛУ, не является ли этот год решающим для исхода войны, последний ответил утвердительно. По его мнению почти все зависит от того, будет ли Красная Армия и дальше удивлять мир, сможет ли она и в дальнейшем продолжать теснить немцев, а также от того предпримут ли англичане активные действий на западе.

МАРШАЛЛ сомневается в эффективности участия американской армии в военных действиях в Европе в текущем году, так как США смогут направить в Европу до конца года не более 100 тысяч человек. Однако, они могут посылать танки, самолеты и военные материалы. Англичане, по словам МАРШАЛЛА могут быть уверены, что им будет направлено достаточное количество людей, чтобы восполнить потери, понесенные ими при наступательных операциях. Англичане не должны поэтому опасаться, что их наступательные операции ослабят оборону острова.

Источник имел также очень краткую беседу с Гарри ГОПКИНСОМ[31]. На вопрос источника, вручено ли ЧЕРЧИЛЛЮ личное послание РУЗВЕЛЬТА с американским признанием права СССР на включение в свой состав Эстонии, Латвии и Литвы, ГОПКИНС ответил, что по его мнению об этом уже позаботились. Он заявил, что если русские захотят получить Прибалтику после войны, то они ее получат. Однако он не думает, чтобы об этом (т.е. о праве СССР на Прибалтику) американцы заявили бы публично.

ГОПКИНС заявил также, что соглашение с США о поставке военных материалов в СССР по многим пунктам уже выполнено. Если Мурманск не будет отрезан, то соглашение полностью будет выполнено, а возможно и перевыполнено к августу 1942 года».

Вышеуказанные сведения о настроениях МАРШАЛЛА подтверждаются данными другого источника, полученными в результате беседы с секретарем миссии ГАРРИМАНА[32] в Лондоне – Винтропом Браун: «Основной целью приезда в Англию ГОПКИНСА и МАРШАЛЛА является открытие любыми средствами в этом же году (не позднее чем через 6 месяцев) второго фронта на севере Норвегии и в Северной Африке. РУЗВЕЛЬТ и американское правительство пришли к выводу о необходимости закончить войну не в 1943–1944 году, а в 1942 году, так как в противном случае англо-американская промышленность не будет в состоянии возместить понесенные потери, в особенности возрастающие потери в судах. РУЗВЕЛЬТ направил в Англию ГОПКИНСА и МАРШАЛЛА для того, чтобы они:

детально ознакомились с возможностями англичан в деле открытия второго фронта в текущем году и, согласовав с англичанами политику, направленную на окончание войны любыми средствами в 1942 году. По мнению БРАУНА, если союзники не смогут добиться в этом году решающих военных успехов, в американском народе может возникнуть недоверие к правительству и к президенту, что приведет к упадку морального духа американского народа и отразится на выполнении программы вооружения».

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР (Берия)

№ 24

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р.
– тов. Сталину
" Молотову
" Берия
НКВД СССР – т. Меркулову

20 апреля 42 г.

Резидент Разведывательного управления НКВД СССР в Лондоне, на основании данных источника, имеющего связи в американском посольстве в Англии, сообщает следующее:

1. «К июню текущего года, т.е. к моменту прекращения дождей в Австралии, американцы предполагают перебросить туда до 500 тысяч солдат. Американцы считают, что до этого времени японцы не рискнут напасть на Австралию. В настоящее время в Австралии имеется 80.000 солдат, не считая летного состава.

2. Американская военная миссия в Северной Африке совместно с англичанами и имеющимся там американским техническим персоналом заканчивает все мероприятия для приема и обслуживания 8 американских дивизий. Технический персонал всех родов войск там пока незначительный.

3. Около четырех недель тому назад в Экваториальную Африку прибыла одна американская дивизия, которая расквартирована вокруг Браззавиля. Наряду с этим американские инструктора принимают участие в тренировке находящихся там неамериканских войск. Все эти войска в том числе и американские дивизии предназначаются для оккупации Дакара с суши.

4. В Южной Африке сконцентрированы американские войска и суда для оккупации Мадагаскара. Для переброски этих войск из Южной Африки в Мадагаскар потребуется 20 часов.

5. Американцы сконцентрировали также войска и суда для оккупации острова Мартиника. Для переброски этих войск на остров потребуется шесть часов.

6. Все мероприятия американцев по концентрации войск в указанных районах имеют двоякую цель:

а) Запугать правительство Виши и тем самым заставить его воздержаться от дальнейших уступок немцам;

б) если правительство Виши все же пойдет на значительные уступки немцам и тем самым окончательно обострит, а возможно под нажимом немцев и порвет отношения с американцами, то последние примут все меры к оккупации указанных территорий».

Начальник разведуправления НКВД
Союза С.С.Р (Фитин)

№ 25

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ

21 апреля 42 г.

Сообщаем агентурные данные, полученные НКВД СССР из Лондона в результате бесед источника с сотрудником американского посольства в Англии ДЖИЛЬБЕРТОМ и рядом членов парламента:

«1. О втором фронте.

Из беседы сотрудника американского посольства в Лондоне ДЖИЛЬБЕРТА с членами парламента ХОРАБИН, СТОКС и РОБЕРТС выясняется, что, исключая явных античерчиллевцев, утверждающих, что ЧЕРЧИЛЛЬ саботирует открытие второго фронта из-за своей политической враждебности к СССР, оттяжка открытия второго фронта рассматривается с двух сторон:

а) Политическая сторона: В правительстве имеются разногласия по поводу того, когда следует начать крупные наступательные операции. КРИППС[33], перед от'ездом из Лондона, высказал мнение, что крупные наступательные операции нельзя начать, пока полностью не разовьются летние операции в России. Такое же мнение было неофициально высказано работником исполкома лейбористской партии АНТИКСОНОМ и вполне соответствует пропаганде, исходящей от исполкома лейбористской партии, от министра внутренних дел МОРРИСОНА и от Эллен ВИЛКИНСОН, которые ссылаются также на опасность заключения сепаратного мира между СССР и Германией. Это особенно подчеркивается при обсуждении вопроса об отмене запрещения коммунистической газеты «Дейли Уоркер». Например, видный деятель лейбористской партии ЛАСКИ прямо спросил источника: «Какова будет позиция «Дейли Уоркер», если русские заключат сепаратный мир».

б) Военная сторона: Лица, близкие к ЧЕРЧИЛЛЮ, утверждают, что вопрос о практической подготовке второго фронта передан на рассмотрение комитета начальников генеральных штабов и таким образом сейчас все зависит не от премьера, а от генеральных штабов. Премьер примет любое их решение.

Фактически положение заключается в следующем:

В 1941 году кабинет враждебно относился к идее открытия второго фронта. В текущем году, благодаря нажиму на правительство, а также благодаря ухудшению морального состояния армии в результате ее бездеятельности и поражений на Дальнем Востоке, политически стало невозможно каким-либо группам в правительстве открыто выступать против необходимости второго фронта. Около восьми недель тому назад ЧЕРЧИЛЛЬ, защищаясь от нападок, заявил, что вопрос о будущем фронте передан на рассмотрение комитета начальников генштабов. Этим заявлением ЧЕРЧИЛЛЬ хотел создать впечатление, что по вопросу о необходимости выступления в Европе нет никаких политических разногласий.

Ллойд Джордж[34] в частных беседах сравнивает зависимость ЧЕРЧИЛЛЯ от военных с его диктаторскими отношениями к последним во время войны 1914–1918 годов.

Многие, знающие ЧЕРЧИЛЛЯ, в том числе и Ллойд Джордж, говорят, что его все время преследует память о неудачной кампании в Дарданеллах, когда он был обвинен в галлиполийской трагедии только за то, что не послушался совета военных экспертов. По словам лейбориста ЛАСКИ, ЧЕРЧИЛЛЬ заявляет англичанам, что чтобы не случилось, после войны его никто не будет упрекать за «новое Галлиполи».

По утверждению Джильберта, американский генерал МАРШАЛЛ был послан в Англию именно из-за наличия здесь такого рода настроений. РУЗВЕЛЬТУ известно, что вопрос о втором фронте передан на разрешение военным экспертам, которые бесконечно обсуждают технические детали и спорят о пустяках, особенно о деталях перевозок на судах, об обучении и т.п., доказывая необходимость отсрочки выступления. Этот порочный круг, по мнению американцев, может быть разорван только МАРШАЛЛОМ.

2. О подготовке армии к вторжению на континент.

По данным ДЖИЛЬБЕРТА, чиновника индийского банка некоего ТОМПСОНА и заведующего одним из секторов британской радиовещательной компании ХАРЛОНГА, в отличие от ударных частей «коммандо» только 4 британских дивизии прошли специальную подготовку для вторжения на континент. Обучение было начато четыре месяца тому назад на побережье Шотландии. Обучение состояло из практических занятий по погрузке и разгрузке войск с десантных барж, управления ими, а также по погрузке и разгрузке снаряжения дивизии с барж и лодок. Каждая дивизия обучалась по одному месяцу. В настоящее время заканчивает обучение четвертая по счету дивизия. Курс обучения расчитан на один месяц только для одной дивизии. Однако неизвестно, какое количество войск проходит другие специальные упражнения, являющиеся подготовительными к прохождению основной подготовки. В связи с этим трудно установить, проводится ли параллельное обучение других воинских частей, кроме небольшого количества дивизий, специально обучающихся для вторжения на континент. Парашютные части обучаются особо. Уведомление о предстоящем специальном обучении для вторжения, которое будто бы проводится только в Шотландии, получили

ряд других дивизий. При организации специального обучения для вторжения английское командование учло уроки вторжения в Норвегию, когда нельзя было защищаться от нападения авиации при выгрузке тяжелого снаряжения только из-за того, что зенитные орудия находились под кранами. В результате этого авиация повредила краны раньше, чем были установлены пушки.

Специальное обучение тактике вторжения является одним из важнейших военных факторов, о которых британское командование сообщило генералу МАРШАЛЛУ, специально прибывшему для ознакомления со способностью английских войск вести наступательные операции на континенте для того, чтобы дать ряд советов по ускорению подготовки.

В беседе с источником, корреспондент агентства «Юнайтед Пресс», РУССЕЛЛ, тесно связанный с ГАРРИМАНОМ[35], сообщил, что МАРШАЛЛ специально прибыл, чтобы посмотреть, что «мешает англичанам начать действовать» и что МАРШАЛЛ может легко опровергнуть все доводы англичан. По утверждению РУССЕЛЛ, МАРШАЛЛ будет требовать от англичан наступательных действий. Особое значение придается тому, что лорд Люис Монтбаттен, известный морской капитан и бывший морской ад'ютант короля, одним из первых имел свидание с МАРШАЛЛОМ. По словам ДЖИЛЬБЕРТА, американские войска, прибывшие в Северную Ирландию и в Великобританию, состоят главным образом из технических частей и не являются отдельным воинским соединением, способным вести самостоятельные операции.

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР (Л. Берия)

№ 26 *Сов. секретно*

12 мая 1942 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ О ПОПЫТКАХ НЕМЦЕВ ВСТУПИТЬ В СЕПАРАТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ С АНГЛИЧАНАМИ

Надежный источник резидентуры сообщил, что в Англию на шведском гражданском самолете из Стокгольма прилетел сотрудник германского посольства в Швеции. Он якобы случайно сел на аэродром, обслуживаемый чешским летчиком. Он сказал, что прилетел по поручению Папена. Этот немец в Стокгольме был связан с представителем судето-немецкой социал-демократии Паулем, который несколько месяцев тому назад вылетел из Англии в Швецию. Немец получил от Пауля адрес некоего чеха Якша, который якобы имеет самые лучшие связи с английскими государственными людьми, главным образом с руководством лейбористской партии. Летчик связал немца с Якшем по телефону. В беседе немец сказал, что он имеет рекомендацию от Пауля. Английские власти его интернировали. Он допрашивается английскими и чешскими офицерами. На сегодняшний день известно, что немец приехал со следующими мирными предложениями:

1. Англия как империя остается нетронутой.

2. Немцы согласны вывести свои войска из Чехословакии и реставрировать в Чехословакии такой режим, какой был до Мюнхена.

3. Оставить Польшу, какой она была, за исключением польского коридора, Данцига и Каттовиц, которые должны будут отойти к Германии.

4. Вся Восточная Европа будет реставрирована в ее прежних границах.

5. Прибалтийские страны останутся также самостоятельными.

6. После принятия Англией этих условий Германия совместно с Англией договорится с СССР.

Бенеш и Макс вынесли впечатление, что этот немец представитель какой либо немецкой группы, целью которой является Германия без Гитлера, но править ею будет военная клика.

По мнению источника, выступление Черчилля от 10 мая было прямым ответом на предложение. Английское правительство не будет вести переговоры с немцами, так как оно убеждено, что положение в Германии настолько критично, что сейчас не стоит вести с немцами какие либо переговоры, так как в скором времени там будет крах.

№ 27 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ В ТЕГЕРАНЕ ОТ 28 МАЯ 1942 г.

Нами добыты из английской миссии черновики докладной записки работника миссии следующего содержания:

«Советнику посольства его королевского величества мистеру Ханкей. Граф Стефан Тышкевич, британский старый друг из Литвы, сейчас ответственный за польский военный транспорт и заявляющий, что он является единственным представителем генерала Андерса[36] в Иране, сообщил мне сегодня, что во время разговора, который он недавно имел с иранским военным министром, последний ему заявил, что он хотел бы видеть в Иране всю польскую армию.

Иранцы доверяют полякам, потому что они знают, что в отличие от некоторых других они не будут проявлять личной заинтересованности и им можно доверить поддержание порядка в стране и защиту ее от германского или русского вторжения. Поляки эвакуируются из Ирана по прекращению военных действий. Граф, который просил держать это сообщение в строжайшем секрете, не сообщать об этом ни иранскому, ни своему послу, ни генералу, добавил, что недавно шах с ним тоже говорил в подобных выражениях...» (черновик на этом обрывается). Этот документ полностью подтверждает ранее поступившие в резидентуру данные о польской активности в Иране.

В частности, польский посланник в Иране Седлевский ведет активную работу в правительственных кругах Ирана направленную на замену наших войск в Иране польскими. Седлевский добивается в этом поддержки английского и американского послов. Англичан уже удалось убедить сосредоточить все польские силы в Иране, чтобы в послевоенной Европе использовать их в качестве жандарма. В ближайшее время сюда будут переброшены польские войска из Палестины и Египта.

Активную работу, преследующую цель заменить части Красной Армии польской армией, проводят видные деятели Ирана.

В Лондоне по вопросу о пропуске из СССР в Иран 300-тысячной польской армии ведет переговоры генерал Андерс. Он намерен также добиваться замены наших войск в Иране на польские.

Андерс назначен главнокомандующим всех польских войск на Ближнем Востоке и в СССР. Иран превращается основную базу польских войск. Польские войска из Палестины и Египта в ближайшее время будут переброшены в Иран.

№ 28 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ В СТОКГОЛЬМЕ ОТ 31 МАЯ 1942 г.

Как по наблюдению резидентуры, так и донесениям агентуры, напряженность в Швеции за последнее время заметно разрядилась. Шведы чувствуют себя более или менее спокойно и достигли этого путем дальнейших уступок немцам. Кроме того, начало активных военных действий на восточном фронте вселяет в шведах уверенность, что немцы не в состоянии сейчас выделить достаточного количества войск против Швеции. Шведские уступки и помощь немцам заключаются в следующем:

1) Проведение в последнее время репрессий против политэмигрантов, систематическая конфискация журнала «Ди Вельт», конфискация ряда шведских газет за антинемецкие статьи, официальное открытие немецкого пропагандного центра, на котором присутствовали представители шведского правительства, усиление антисоветской пропаганды печати, конфискация приложений к нашему бюллетеню, запрещение распространения нот товарища Молотова (о чем ниже), все это характеризует шведские политические уступки.

2) Усиление транзита немецких военных материалов в Норвегию и, особенно, в Финляндию.

3) Предоставление шведами своих пароходов немцам для перевозки угля.

4) Ремонт шведами немецкого военного автотранспорта, прибывающего из Финляндии.

5) Отправка рыбы в Германию и 18 тысяч тонн продовольствия финнам (рожь, пшеница, мука, мясо, консервы) при продолжающемся сокращении норм выдачи продовольствия в самой Швеции.

Кроме того, в Финляндию отправляются металлы для военных нужд и перевязочные средства, подошвенная кожа и деревянные барки.

6) Шведы строят по заказу немцев 38 различных судов водоизмещением от 2.400 до 8.200 тонн, общим тоннажем 57.800 тонн. 9 судов уже сданы немцам, а остальные будут поставлены 1942 году и 1943 году.

7) По заказу немцев фирма «Болиндерэй» изготовляет 8 тысяч штук газогенераторов для грузовиков. Часть из них уже отправлена из Стокгольма в Ригу. Поставка производится партиями по 600–900 штук месяц. Ведутся переговоры с немцами об изготовлении еще 30 тысяч газогенераторов.

Англичане выражают свое возмущение пронемецким нейтралитетом Швеции. Помощник английского коммерческого атташе Барбер в разговоре с нами заявил, что по их расчетам Швеция сейчас обеспечивает полугодовую продукцию военных заводов Германии своей высококачественной рудой.

В связи с этим в Лондоне считают, что было бы выгоднее, если бы Швеция даже примкнула к державам «Оси», в таком случае английские бомбардировки лишили бы Германию шведской руды.

В отношении нас шведы за последнее время ведут себя вызывающе. Прессбюро на днях установило, что нота товарища Молотова 27 апреля, посланная прессбюро 17 мая задержана на почте. На наш запрос МИД об"яснил, что шведское правительство считает нежелательным распространение этого документа и предложило забрать его с почты обратно. При этом совершенно случайно выявилось, что начиная с февраля месяца больше ста тысяч пакетов с нотой товарища Молотова, докладом и приказом товарища СТАЛИНА было негласно конфисковано.

Несмотря на то, что почта получала регулярно деньги на отправку, все пакеты складывались в подвал.

Ведется явное наблюдение за миссией и другими совучреждениями. Отмечены случаи, когда посетителей миссии при выходе тут же арестовывают.

№ 29 *Сов. секретно*

июнь 1942 г.

СООБЩЕНИЕ СТОКГОЛЬМСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Источник заслуживающий доверия сообщил, что несколько высших офицеров германской армии, в том числе генерал инфантерии Д. Ветцель, бывший начальник генштаба у Людендорфа обратились к Гитлеру с меморандумом, в котором они резко критикуют положение германской армии и предлагают в интересах спасения Германии предпринять немедленные шаги заключению мира. Все эти офицеры в настоящее время арестованы, так как было установлено, что они успели переправить копию этого меморандума за границу (вероятно в Швейцарию). В Меморандуме указывается, что несмотря на высокое тактическое обучение отдельных частей армии, прекрасную обученность и взаимодействие пехоты и авиации, а также удачное сосредоточение политического и военного руководства войной одних руках, в этой войне была повторена роковая ошибка прошлой войны. Эта ошибка заключается в том, что на армию были возложены стратегические задачи без реального учета ее возможностей, и этим самым Германия попала сейчас в положение австро-венгерской монархии. Эта ошибка усугубляется тем обстоятельством, что в тылу воюющей армии не достает уверенности, народ не знает, что его ждет завтра и такое положение неизбежно приведет к краху гитлеровской Германии. Поэтому офицеры, прошедшие школу прошлой войны, движимые любовью к родине, считают себя вынужденными обратиться Гитлеру и просить его предпринять, пока не поздно, шаги к спасению Германии. Спасение Германии офицеры видят в заключении компромиссного мира. Если такой мир будет предложен противнику еше до наступления лета и решающих боев, то есть надежда, что Германия выйдет из этой войны с честью.

№ 30 *Совершенно секретно*

8 июля 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ

Направляем содержание доклада руководителя Об'единенного разведывательного комитета США ДОНОВАНА, сделанного им на секретном совещании сотрудников американского посольства и корреспондентов американских газет в Англии.

Содержание доклада получено НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«Неудачи 8-й армии в Ливии принесли английскому общественному мнению величайшее разочарование и вызвали огромное недовольство. В свою очередь это повлекло за собой возникновение широкого обсуждения этих неудач американским общественным мнением и усилило в США недовольство Англией. Необходимо иметь в виду, что подобного рода разочарования могут в последующие несколько месяцев повториться еще не раз. Для того, чтобы ответить на вопрос почему 8-я армия показала себя с такой плохой стороны, необходимо рассмотреть генеральную стратегию войны в целом. Возможно, что мы пытались защищать значительно удаленные друг от друга районы при помощи раздробленных сил, неспособных эффективно отразить нападение на любой защищаемой ими территории. Эта точка зрения является исходным моментом в нашем анализе. Вопрос стоит таким образом: не лучше ли было разработать генеральный стратегический план, наметить опорные пункты, которые должны быть удержаны любой ценой и сознательно пожертвовать, в случае нападения на них, некоторыми промежуточными точками, не играющими особой роли в защите основных пунктов, отдав их противнику без размышлений о престиже, о потере войск и вооружения, как это было при сражении за голландскую Индию. Может быть, например, было бы гораздо разумнее пожертвовать такими пунктами, как Тобрук и Мальта, вместо того, чтобы рисковать чрезмерными потерями торговых судов, военных кораблей и людей, пытавшихся их защищать, которые бы могли быть использованы для накопления сил в тех опорных пунктах, где можно было бы обеспечить общее превосходство и откуда можно было бы начать наступательные операции в данном районе. Исход битвы за Ливию, например, был решен не в процессе военных действий, а много месяцев тому назад, когда разрешение главных проблем Дальнего Востока привлекло к себе всеобщее внимание. Важнейшие недостатки 8-й армии относятся не к области военных материалов и людского состава, который количественно и качественно был, примерно, равноценный у обеих сторон. Большое количество американских танков типа «Грант» было брошено непосредственно на фронт, в то время как много таких машин, не подготовленных к боям, осталось в тылу.

Однако эта активная сила была поддержана некоторым количеством танков типа «Матильда» и «Черчилль» и другими типами британских машин с тем, чтобы уравновесить силу огня и маневренность соединений Роммеля. Танки типа «Грант» неуклюжи и представляют собой слишком большую мишень в условиях пустыни. Производство такого типа танков в Америке было

прекращено и заменено новой моделью, подвергшейся значительным изменениям. Некоторые типы английских танков также не выдерживали никакой критики по сравнению с немецкими типами танков. Однако силы противников были в общем почти равны. Людской состав обеих сторон как количественно, так и качественно был примерно равноценным и англичане в течение определенного времени имели, возможно, даже преимущество.

Некоторые недостатки в технике вооружения, кроме указанных выше, также сказались на исходе военных действий. Так, например, немецкая 88 миллиметровая пушка оказалась гораздо лучшим видом оружия многоцелевого назначения, чем английская 75-миллиметровая или даже 25-фунтовая. Кроме того, особенно сильно ощущалось отсутствие пикирующих бомбардировщиков и самолетов-торпедоносцев. Тем не менее главным недостатком являлось отсутствие координации в действиях воинских частей, которые должны были бы предварительно тренироваться в совместных действиях и изучить все практические проблемы транспорта, снабжения и ведения боевых операций настолько хорошо, чтобы приспособиться к любому виду военных действий и найти выход из любого положения с возможной быстротой. В то время как Роммель имел войска, которые он постоянно пополнял и тренировал, англичане, наоборот, постепенно отводили свои лучшие воинские части и нарушали связь новых подкреплений с оставшимися на месте старыми подразделениями. Так, например, австралийские части были переброшены обратно в Индию, а южно-африканские были использованы для проведения операций на Мадагаскаре, с большой поспешностью они были заменены другими частями, не имевшими никакого опыта военных действий в пустыне и никогда не тренированными, как единое целое.

Все вышеуказанное относится к числу главных недостатков, которые сыграли свою роль в проигрыше ливийской кампании. Подобного положения можно избежать в дальнейшем только на основе совершенно новых принципов ведения войны, сводящихся к тому, чтобы сконцентрировать все внимание на опорных пунктах и предотвратить любые опасности, угрожающие этим опорным пунктам, или в пересмотре положений генеральной стратегии. Это должно быть сделано в Северной Африке точно также, как и в остальных частях Британской империи.

И в Америке, и в Англии вопрос о втором фронте стал злободневной темой. Особенно острая полемика по этому вопросу возникла в Англии. Редакторы газет в Америке в свою очередь с большим шумом требуют новостей, которые могли бы подогревать вопрос о втором фронте, вынуждая тем самым людей изменить свое отношение к этому вопросу против их убеждения. Большинство предполагает, что открытие второго фронта в ближайшем будущем является весьма проблематичным, а реакция английского и американского общественного мнения на ливийские события, несомненно, сводится к тому, что второй фронт не может быть открыт немедленно. Ливийская кампания показала, что союзные силы все еще только обороняются и в случае открытия второго фронта взяли бы на себя слишком большой риск. Все же политическое давление повлекло за собой известные обязательства, на выполнении которых общественное мнение будет настаивать и которые могут в результате вызвать преждевременные действия. Открытие второго фронта на континенте этим летом с военной точки зрения является нецелесообразным, поскольку для подготовки и накопления людских и материальных ре-

сурсов потребуется ряд месяцев. Весна будущего года, несомненно, является более благоприятным сроком, так как дополнительное время позволит провести необходимую подготовку войск и нужные приготовления, особенно обучение подразделений полной координации своих действий, что является основой согласованных операций войск. Однако обязательства или, что еще скорее, военные затруднения стран оси, могут сделать открытие второго фронта возможным и необходимым. Придавать вопросу о втором фронте широкую огласку нецелесообразно, ибо огласка представляет известную опасность, потому что вселяет в умы общественного мнения слишком большие надежды. Генерал МАРШАЛЛ и другие не менее ответственные лица подчеркнули, что второй фронт будет открыт во Франции. Они не лгали и не пытались напрасно тревожить врага.

Эта цель была намечена серьезно и принята всеми, но вопрос о времени еще не решен. В течение ближайших месяцев в Англии будут сконцентрированы крупные и полностью вооруженные силы. Через месяц начнутся мощные налеты авиации на Германию и вскоре после этого будет сконцентрировано достаточное количество войск для создания возможностей нападения на побережье.

Ожидается колоссальный приток людей. Это внимание к Европе означает, что другие возможные пункты наступления должны быть оставлены без внимания.

Вопросы морского транспорта представляют собой такую проблему, которая сильно ограничивает все возможности. Так, например, значительные силы должны были быть переброшены в Австралию, которая в течение последних месяцев пользовалась монопольным правом на получение большей части продукции промышленности, морского транспорта и людских резервов. В боях в Коралловом море целесообразность этого была доказана, в результате чего были пресечены попытки Японии продолжить свои прежние успехи и быстро закончить оккупацию Австралии. Однако теперь главная задача в этой области выполнена и дальнейшая переброска материалов в эту часть земного шара будет нерациональной, так как накопление ресурсов для нападения на страны «оси» должно быть направлено против наиболее уязвимого места этих стран. В связи с освобождением большого количества судов, занимавшихся выполнением вышеуказанной задачи, большие конвои могут быть направлены в других направлениях, главное из которых будет Британия. То, что имело место в Австралии, будет проведено в Англии, однако, на это требуется много времени.

Прибытие экспедиционных сил улучшит моральное состояние и будет способствовать размещению войск в шести важных ударных базах, позволяющих произвести нападение сразу в нескольких направлениях и создать резервы людей и военных материалов, что в конечном счете будет означать окончание периода обороны и откроет возможности для перехода к наступлению.

Другим не менее ответственным районом являются Аляска и Алеутские острова, которые за последние несколько недель приобрели весьма важное значение. В настоящее время стало известно, что Япония сконцентрировала, в частности, на советско-манчжурской границе минимум 30 дивизий и транспортные суда все еще продолжают подвозить подкрепления, возможно с Филиппин или из районов, расположенных южнее.

Морские бои у острова Мидуэй и у Алеутских островов представляли собой, как выяснилось, попытку отвлечь американский флот от опорных баз, предназначенных для удара по Японии или операций в других направлениях.

Возможно, что японское нападение на СССР будет совершено до конца этого лета, так как для захвата и удержания позиций на Байкале и Амуре потребуется значительное время при условии, что СССР сможет продержаться в войне на два фронта.

С другой стороны, немцы рассчитывают на совместные операции с японцами и в настоящее время они, очевидно, сконцентрировали на Восточном фронте необходимые материалы и вооружение и их наступление может начаться в ближайшем будущем. Подобное наступление Японии можно также ожидать в любой момент, причем, военные силы и их дислокация должны быть соответствующим образом учтены. Такого рода выступление, несомненно, открывает новые перспективы.

Что касается Севастополя, то он, как и Тобрук, представляет собой пункт второстепенного значения, стоящий, однако, известного риска и потерь некоторого количества военных материалов и людского состава в целях отвлечения внимания противника и помощи более широким стратегическим намерениям.

Американские самолеты, приземлившиеся в Турции, совершили налеты с баз, расположенных в Сирии и в Иране. Польза от этих налетов была довольно ограниченной, но они имели большую ценность с моральной точки зрения. Трудно предполагать, чтобы эти рейды могли бы отразиться на немецких атаках на Восточном фронте.

Северная Африка представляет собой особенно важное пространство, и государство, владеющее этим пространством, имеет у себя в руках центр всех коммуникаций. Известно, что Африка представляет собой удобный плацдарм для ведения современной механизированной войны. Африка является своего рода ключом к нескольким континентам, и если союзники смогут сконцентрировать все свое внимание на этой территории, сохранить в своих руках линию связи Атлантики с Суэцем, далее, если вслед за этим не последует непосредственной угрозы самому континенту, они получат жизненно важную линию, которая поможет задержать врага в одном ограниченном пространстве, где он постепенно может быть стеснен и ослаблен до такой степени, что последующая атака сможет привести к его уничтожению. Позднее отсюда может быть произведена высадка союзных войск в Италию, Францию, на Пиренейский полуостров или на Балканы.

Этим операциям должно предшествовать полное изгнание противника из Северной Африки, что требует концентрации главных сил. Однако, прежде чем будет начато сколько-нибудь эффективное наступление, американские войска должны будут приобрести опыт и дисциплину в совместных действиях, а Северная Африка является как раз тем плацдармом, который может помочь в этом отношении.

Эффективная помощь Китаю может быть организована только через Аляску и Камчатку, что может быть осуществлено лишь в том случае, если СССР и Япония будут находиться в состоянии войны. На случай такой возможности необходимо достигнуть предварительного соглашения с СССР и выработать совместные военные планы. Поражение, нанесенное японскому

флоту в морском бою у острова Мидуэй, очень серьезно и отняло у японского флота значительную часть его наступательных сил для операций в Тихом океане. Однако силы японского морского флота все еще достаточны для проведения успешных операций в западной части Тихого океана и, возможно, в Охотском море.

Вопрос о вторжении в Северную Норвегию был отвергнут на том основании, что для выполнения этой задачи потребуется достаточно большое количество кораблей. Кроме того, береговая полоса Норвегии сильно укреплена и вооружена. До сих пор неясно, сколько авианосцев Германия сможет выставить, но в настоящее время совершенно точно установлено, что «Граф Цеппелин» почти готов для проведения операций. Другие важные морские соединения Германии занимают оборонительные позиции в Северном море и у норвежских берегов. Таким образом, в настоящий момент вопрос вторжения в Норвегию пока что отпадает.

Англичане отдают должное успехам русских в борьбе против фашизма и чувствуют себя в долгу перед ними. Известно, что в Америке эти настроения не так сильны, хотя возможно, что в случае войны СССР с Японией настроение американского общественного мнения изменится. Европа является решающим фактором в войне с фашизмом, и именно в Европе эта война будет выиграна. Нет никакого сомнения в том, что Америка, позиции которой в Тихом океане сейчас более безопасны, будет базировать свою главную стратегию на разрешении европейских проблем, включая Средиземное море и Ближний Восток».

Народный комиссар
внутренних дел СССР (Б е р и я)

№ 31 Копия
Сов. секретно

13 июля 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу С Т А Л И Н У, товарищу М О Л О Т О В У

Наш резидент в Лондоне сообщает следующие агентурные данные, полученные от источника, связанного с кругами американского посольства в Англии:

«В результате переговоров в Вашингтоне ЧЕРЧИЛЛЬ и РУЗВЕЛЬТ пришли к следующим выводам:

1. Американские военные силы в Англии в течение ближайших двух месяцев должны быть доведены до 350–400 тысяч человек и в Исландии до 250 тысяч человек. В настоящее время в Исландии имеется около 150 тысяч человек.

2. В Австралию решено больше войск не посылать, направлять лишь отдельные виды военных материалов. Все войска, находящиеся в Австралии, будут использованы в дальнейшем не для оборонительных, а для наступательных операций, к которым они будут готовы приблизительно через месяц. Наступательные операции не будут проводиться до тех пор, пока Япония не вступит в войну против СССР. То же самое относится и к проведению наступательных операций в Бирме.

Все военные приготовления американцев и англичан в тихоокеанском бассейне основаны на их предположении, что Япония нападет на Советский Союз, оттянет свои войска из бассейна Тихого океана и этим создаст там благоприятную обстановку для союзников. У американцев и англичан имеется полная уверенность, что японцы нападут на СССР этим летом или в крайнем случае осенью. На этом предположении базируются все стратегические планы американцев и англичан на Дальнем Востоке.

3. ЧЕРЧИЛЛЬ и РУЗВЕЛЬТ считают, что основные операции англичан и американцев против стран оси должны проводиться в Северной Африке. Поэтому было принято решение принять все меры для того, чтобы сохранить контроль в Средиземном море и не допустить, чтобы правительство Виши передало в распоряжение немцев и итальянцев французские владения в Северной Африке. По мнению ЧЕРЧИЛЛЯ и РУЗВЕЛЬТА до тех пор, пока положение в Северной Африке не будет решено в пользу англичан и американцев, об открытии второго фронта не может быть и речи.

Возможно, что американцы и англичане попытаются организовать десант в Северной Норвегии, но вопрос о том, когда и где именно будет этот десант, еще не решен.

Несмотря на все неудачи английской армии в Ливии, англичане и американцы меньше обеспокоены перспективами ливийской кампании, чем судьбой французских владений в Северной Африке, а главное возможными военными операциями немцев против Сирии или Турции.

4. ЧЕРЧИЛЛЬ и РУЗВЕЛЬТ решили не предпринимать никаких операций в районе Алеутских островов, кроме действий военно-воздушных сил, так как крупные операции там могут обойтись очень дорого в смысле людских потерь, а ценность самих островов сейчас для американцев не велика.

5. Решено также помогать всеми возможными средствами Китаю и направлять туда как можно больше самолетов, с тем, чтобы китайцы продолжали оказывать упорное сопротивление японской агрессии».

Народный комиссар
внутренних дел Союза С.С.Р. (Л. Берия)

№ 32

Копия
Совершенно секретно

28 июля 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ, товарищу БЕРИЯ

НКВД СССР тов. МЕРКУЛОВУ

Наш резидент в Лондоне сообщает следующие данные, полученные агентурным путем.

«За последнее время большинство официальных лиц указывают, что второй фронт в этом году открыт не будет. Такие люди, как например агент-информатор исполкома консервативной партии лэди КОЛФАКС – возглавляющая политический салон, министр информации БРАКЕН и другие, вы-

ступавшие прежде против второго фронта, сейчас также почти с полной определенностью заявляют, что второй фронт не будет открыт. Те круги, которые раньше выступали в пользу операций на континенте, теперь начали сомневаться в возможностях второго фронта и повторяют доводы его противников. Бывший парламентский вице-министр авиации либерал РОБЕРТС, решительно настроенный в пользу открытия второго фронта, весьма подавлен создавшимся положением. Фредерик КУ, осведомленный американский корреспондент, не только убежден в том, что второй фронт в 1942 году не будет открыт, но даже предполагает, что будут сокращены налеты на Германию, так как Англия и Америка сконцентрируют все свое внимание на борьбе с подводными лодками в Атлантическом океане. По мнению КУ, большинство самолетов в течение летних месяцев будет использовано для установки минных полей и бомбежки баз подводных лодок. КУ утверждает также, что большинство комсостава американской армии не только никогда не рассчитывало на открытие второго фронта в этом году, но даже не считало возможным его осуществление. Что касается генерала МАРШАЛЛА, то он, по уверению КУ, просто считал, что упоминание о втором фронте является тактическим приемом, способствующим сковыванию в Западной Европе возможно большего количества немецких войск.

Наиболее опасным доводом противников второго фронта является утверждение о том, что русские якобы сами согласились с невозможностью создания второго фронта в 1942 году. Этот довод основан на том, что американцы также пришли к этому выводу, который якобы был окончательно принят во время последнего визита ЧЕРЧИЛЛЯ в США.

В таком же духе высказываются парламентский секретарь министерства экономической войны ФУТ, член парламента консерватор Рональд ТРИ, постоянный автор передовиц газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн» – республиканец ПАРСОНС и другие. Член парламента Виктор КАЗАЛЕТ 16 июля заявил, что второй фронт невозможен и в этом году открыт не будет. Руководитель американской секции министерства информации Франк ДАРВЕЛЛ заявил то же самое. По его словам, второй фронт будет открыт не раньше весны 1943 года, поскольку еще нет вооружения и обмундирования для солдат и необходимо в первую очередь устранить угрозу судоходству в Атлантическом океане. ДАРВЕЛЛ заявил, что наихудшим для русских исходом происходящих сражений будет отступление до Урала.

Тем не менее английские войска, проходившие длительное время тренировку, вооружены и готовы для выступления. Решение о времени открытия второго фронта стало политическим вопросом. Тот факт, что общественное мнение Англии ожидает открытия второго фронта и предполагает наличие точного соглашения о времени его открытия, избавляет английское правительство от пред'явления ему требований об открытии второго фронта в настоящее время и может даже предохранить его от подобных требований в тот момент, когда голос английского народа мог бы стать решающим в этом вопросе. Начальник особых войск лорд Маунтбаттен в интервью с сотрудником «Таймс» высказался не только против открытия второго фронта до весны 1943 года, но и против организации в широком масштабе рейдов на европейское побережье в ближайшее время.

Целый ряд англичан, занимающих видное положение, придерживается того мнения, что второй фронт невозможно открыть до тех пор, пока в Анг-

лию не будет переброшена миллионная армия из США. Недавно в Северную Ирландию прибыло около 20 тысяч американских солдат. Общее количество американских войск в Англии насчитывает пока не более 200 тысяч человек. При существующих масштабах перебросок потребуется очень длительный промежуток времени, прежде чем необходимое количество американских войск будет сконцентрировано на английских островах. В настоящее время в Англии находится расквартированная в Салсбери американская бронетанковая часть, проводящая там маневры. Кроме этого в Хай-Вайкомб расположены американские авиационные соединения, принимавшие незначительное участие в налетах английской авиации. Первый большой вылет американских воздушных сил предполагается в конце июля или в начале августа.

Англичане переоборудуют коммерческие пароходы под десантные баржи для переброски войск. На ряде аэродромов, расположенных в южной части Англии, истребительная авиация заменяется бомбардировочной».

Начальник разведуправления НКВД
Союза С.С.Р. (Фитин)

№ 33

Копия
Сов. секретно

3 июля 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ

Наш источник в Лондоне в беседе с лордом БИВЕРБРУКОМ[37] выяснил следующее:

ЧЕРЧИЛЛЬ действительно предлагал БИВЕРБРУКУ пост министра в военном кабинете, но БИВЕРБРУК от этого предложения уклонился.

По его мнению во всем кабинете имеется только один человек – ИДЕН, высказывающийся в пользу создания второго фронта и тесного англо-советского сотрудничества. (Лорд КРЭНБОРН также является сторонником этой политики, но он никогда не выражал открыто своих взглядов по этому вопросу.)

Таким образом войдя в кабинет БИВЕРБРУК остался бы в меньшинстве и был бы вынужден в силу «коллективной ответственности» отказаться от идеи второго фронта.

Вместе с тем занятие им поста министра могло бы создать у английского народа ошибочное впечатление, что БИВЕРБРУК, известный своими намерениями немедленно создать второй фронт решил войти в кабинет, будучи уверенным в согласии кабинета открыть в то время как это не является истинным намерением кабинета.

ЧЕРЧИЛЛЬ же именно потому и добивается возвращения БИВЕРБРУКА в кабинет, что он желает не только навязать ему «коллективную ответственность», но и укрепить свои собственные позиции в глазах общественного мнения.

БИВЕРБРУК считает своей задачей сделать все от него зависящее для того, чтобы склонить британское правительство к скорейшему открытию второго фронта и заявил, что не войдет в его состав до тех пор, пока вопрос о создании второго фронта будет решен положительно.

БИВЕРБРУК заметил, что если бы второй фронт был открыт еще в прошлом году, Германия была бы уже разгромлена.

В отношении англо-советского договора, БИВЕРБРУК считает, что главным его недостатком является заявление о том, что обе договаривающиеся стороны признали необходимость создания второго фронта. Это заявление дало английскому народу основание предполагать, что правительство Англии согласилось на открытие второго фронта и даже больше того, – условилось с советским правительством о месте и времени его создания. БИВЕРБРУК считает необходимым побудить общественное мнение к более решительному пред'явлению требований об открытии второго фронта.

БИВЕРБРУК отметил, что еще в начале 1942 года, он предлагал послать в Советский Союз дополнительно (сверх обещанного количества) 500 танков и 500 самолетов, когда это было удобно сделать в условиях арктической ночи, и указал на теперешние затруднения с посылкой конвоев. В то время только ИДЕН поддерживал его предложения. При этом БИВЕРБРУК подчеркнул хвастовство ЛИТТЛТОНА по поводу поставок Советскому Союзу 2 тысяч танков, указав, что подобное количество представляет всего лишь 5% от общей потребности СССР в этом виде вооружения. БИВЕРБРУК выразил мнение, что Англия должна была бы непрерывным потоком направлять в СССР все необходимое вооружение.

БИВЕРБРУК заявил, что некоторые вице-министры, военные специалисты и ряд политиков очень сильно настроены против второго фронта и приходит к выводу, что только немногие действительно желают уничтожения сильного немецкого государства. БИВЕРБРУК признался, что сам он до недавнего времени жил в мире старых идей, но в настоящее время пришел к выводу о необходимости создания нового мира, понимая, что старый мир изжил себя окончательно. По его мнению все существующие в настоящее время в Англии планы разрешения послевоенных проблем являются чепухой, и если в Германии люди с недостаточными умственными способностями, консультируются у астрологов, то в Англии подобные люди заняты сейчас созданием своих собственных схем «послевоенного мира».

В настоящее время в Лондоне находятся недавно прибывшие секретарь РУЗВЕЛЬТА Стив ЭРЛИ, генерал МАРШАЛЛ и Гарри ГОПКИНС[38]. По словам БИВЕРБРУКА, ГОПКИНС является сторонником второго фронта и лучшим другом Советского Союза среди всех американцев, занимающих влиятельные посты. ЭРЛИ, хотя и твердолобый консерватор, все же может оказать известное давление в пользу создания второго фронта.

Кроме указанных лиц в Лондоне находится также БУЛЛИТ[39], являющийся врагом СССР и Англии, от которого не следует ожидать ничего хорошего. Он часто встречается с ЧЕРЧИЛЛЕМ и начальниками штабов.

Народный комиссар внутренних дел
Союза С.С.Р. (Л. Берия)

№ 34 *Сов. секретно*

2 августа 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ

В дополнение к нашему № 1256/Б от 13 июля 1942 года сообщаем следующие агентурные данные, исходящие из кругов американского посольства в Англии:

«Во время вашингтонских переговоров между РУЗВЕЛЬТОМ и ЧЕРЧИЛЛЕМ были приняты следующие основные решение:

1. Приостановить отправку больших конвоев с войсками в Австралию и выработать совместно с австралийским правительством план реорганизации австралийской промышленности для того, чтобы находящаяся там армия снабжалась всем необходимым по возможности из местных ресурсов.

Было признано, что американские силы уже имеются в Австралии в размерах, обеспечивающих не только оборону Австралии, но и открытие наступательных операций в случае нападения Японии на советский Дальний Восток.

2. Довести американские военные силы в Индии до 250 тысяч человек, сконцентрировав их на границе Бирмы, послать в этот район крупные части бомбардировочных и транспортных самолетов; направить индийскую промышленность на максимальное удовлетворение нужд армии и сократить количество конвоев, посылаемых в Индию.

3. Армиям, находящимся в Австралии и Индии, при поддержке крупных военно-воздушных сил, сконцентрированных в этих районах, не вести наступательных операций до тех пор, пока Япония не нападет на СССР, после чего предпринять наступательные действия против Японии в Голландской Индии и на островах Южных морей, а китайским войскам приступить к операциям против Бирмы.

4. Признать основными стратегическими районами Англию и Ближний Восток (зона между Суэцким каналом и Персидским заливом):

а) послать в Англию американские войска в количестве 400 тысяч человек одновременно со значительным количеством самолетов и кораблей. Для этой цели вернуть в Атлантический океан основную часть конвоев, направившихся в Австралию с тем, чтобы они прибыли в Англию в течение ближайших двух месяцев. (За последние три недели наблюдалось прибытие этих конвоев в английские порты. Отмечается, что оборона этих транспортов так хорошо организована, что ни одно судно не было потоплено). Разместить английские военные силы по всей Англии, создав при этом сильную ударную группу механизированных частей численностью от 3 до 4 механизированных дивизий в районе Северной Ирландии. Если эти войска не будут использованы для вторжения на континент, то они будут предназначены для оккупации в необходимый момент всей Ирландии. (Пока решено активизировать дипломатические переговоры с Ирландией и, по возможности, достигнуть соглашения с ирландским правительством). Намечено проводить обучение американских войск десантным операциям. В каждой дивизии будут созданы специальные ударные части. Целью обучения должна явиться подготовка вторжения на континент в некоторых пунктах, в частности в районе Гавра,

а также в Испании. Окончательное время и место вторжения будут установлены стратегическим комитетом.

Во время переговоров ЧЕРЧИЛЛЯ и РУЗВЕЛЬТА было решено, что никакие попытки серьезного вторжения на континент не будут предприниматься до весны 1943 года;

б) производить концентрацию американских сил в районе Суэцкого канала, имея в виду главным образом укрепление безопасности снабжения этого района из французской Экваториальной Африки и бельгийского Конго. Эта линия снабжения требует большого развития системы аэродромов, шоссейных и железных дорог и речного транспорта. Эти мероприятия усилят также стратегические возможности для оккупации французской и испанской Северо-Западной Африки. Намечено провести тщательную подготовку к проведению этих операций.

5. Добиться ликвидации всех потенциальных опорных пунктов стран «оси» на северно-африканском побережье. Принять все меры к тому, чтобы отбросить РОММЕЛЯ обратно к Триполи и снова открыть коммуникации в Средиземном море. Намечается принять все меры к тому, чтобы организовать восстание во французских африканских колониях и при наличии необходимых сил использовать любую возможность для оккупации французских западно-африканских портов.

Морские суда в этом районе должны быть готовы уничтожить любой французский корабль, пытающийся возвратиться во Францию в случае разрыва между правительством Виши и США, или в случае предпринятия странами основных широких операций в Средиземном море. Указанные мероприятия намечаются также в связи с предполагаемой концентрацией германских войск в этом районе в течение зимы.

6. Довести постоянный гарнизон в Исландии до 100 тысяч человек, провести там концентрацию морских судов и улучшить аэродром. В Исландии намечено проводить тренировку войсковых частей в целях возможного их использования для вторжения в Норвегию. Было отмечено, что Северная Норвегия является важным потенциальным пунктом вторжения, однако решение об открытии там второго фронта не было принято.

7. Увеличить военную помощь СССР в связи с предполагаемыми об'единенными операциями Германии и Японии против Советского Союза. Проводить отправку вооружения главным образом через Персидский залив, так как этот путь менее опасен для конвоев и к тому же ближе к важнейшему участку фронта.

8. Отправить известное количество военных материалов в Китай из портов Персидского залива через СССР, по возможности, воздушным путем через Алма-Ата. Увеличить снабжение Китая военными материалами, главным образом старым вооружением, находящимся в СССР, в замену чего намечается предоставить Советскому Союзу новое английское и американское вооружение. Предполагается создать концентрацию воздушных сил, используя развитие авиационных линий из Индии и этим значительно усилить наступательные возможности китайских армий. Намечается удержать базы береговых районов, откуда могут быть произведены атаки против портов Северного Китая и даже возможно против Японии.

9. Провести в Англии концентрацию береговых судов для возможного вторжения на континент.

Провести дополнительно выделение судов для конвойных операций в целях борьбы с подводными лодками. Конвойная служба в Караибском море, где наиболее угрожает нападение со стороны подводных лодок, будет организована только из новых морских единиц.

В дальнейшем решено концентрировать внимание только на одном или двух стратегических районах, что обеспечит сосредоточение там основных ударных сил».

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР (Берия)

№ 35

Копия
Сов. секретно

4 августа 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р
т. Сталину, т. Молотову

Резидент НКВД СССР в Лондоне, на основании агентурных данных, подтвержденных также источником из кругов американского посольства, сообщил следующее:

«25 июля военный кабинет Англии на своем заседании принял решение второго фронта в этом году не открывать».

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР (Берия)

№ 36

Копия
Соверш. секретно

4 августа 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ, товарищу БЕРИЯ

НКВД СССР товарищу МЕРКУЛОВУ

Наш резидент в Лондоне сообщает следующие агентурные данные, полученные от источника, имеющего связи в кругах английского генерального штаба.

1. 21 июля 1942 года состоялось совещание по вопросу о втором фронте. На совещании присутствовали: премьер-министр ЧЕРЧИЛЛЬ, начальник комбинированных операций лорд МАУНТБЭТТЕН, начальник генерального штаба американской армии генерал МАРШАЛЛ и другие. С резкой критикой позиции англичан в вопросе открытия второго фронта выступил генерал МАРШАЛЛ. В своей речи МАРШАЛЛ настаивал на открытии второго фронта в 1942 году и предупредил англичан, что если они этого не сделают,

США вынуждены будут пересмотреть вопрос о посылке подкреплений в Великобританию и «сконцентрировать свое внимание на войне в Тихом океане». Далее МАРШАЛЛ заявил, что США в состоянии возмещать англичанам любые потери в оснащении, которые они могут понести и считают посылку крупной военной экспедиции на континент не только необходимой, но и осуществимой с технической точки зрения.

С ответом на заявление сделанное генералом МАРШАЛЛ, выступил ЧЕРЧИЛЛЬ, который сказал: «Ни один генерал, занимающий высокое положение, не советует открывать крупных военных операций на континенте».

2. 22 или 23 июля 1942 года снова состоялось совещание по вопросу о втором фронте, на котором присутствовали:

Со стороны англичан – ЧЕРЧИЛЛЬ, МАУНТБЭТТЕН; начальники штабов флота, армии и авиации: ПАУНД, БРУК и ПОРТ АЛЛ и со стороны американцев: МАРШАЛЛ, ЭЙЗЕНХАУЭР и другие.

Совещание обсуждало разработанный англо-американскими военными специалистами план вторжения союзнической армии во Францию. Согласно этого плана вторжение должно было быть проведено в середине августа 1942 года, причем в операциях должны были участвовать только войска, находящиеся в настоящее время в Англии. По мнению военных представителей США этот план практичен и вполне осуществим. На совещании американцы голосовали за принятие этого плана.

Английские начальники штабов единогласно голосовали против и были в этом вопросе поддержаны ЧЕРЧИЛЛЕМ, который затем заявил: «Я не могу голосовать против моих собственных начальников штабов».

3. Основным противником открытия второго фронта в 1942 году является английский генеральный штаб. Руководящие работники генерального штаба – начальник морского штаба адмирал ПАУНД, начальник британского имперского штаба генерал БРУК, командующий войсками английской метрополии генерал ПЭДЖЕТ и другие – всеми средствами оказывают сопротивление не только по вопросу открытия второго фронта, но и проведения каких-либо крупных военных операций на континенте, как например: высадка канадской дивизии, личный состав которой специально тренировался для этой цели на острове Уайт. Подготовка велась с таким расчетом, чтобы дивизия после высадки на континенте пробыла там от 20 до 36 часов.

Несмотря на настойчивость, проявленную в этом вопросе командующим юговосточным военным округом английской армии генерал-лейтенантом МОНТГОМЕРИ, провести эту операцию не удалось из-за противодействия английского генерального штаба.

4. Имеются сведения о том, что пока английский военный кабинет не займет твердой позиции по вопросу открытия второго фронта, существующий английский генеральный штаб и впредь будет проявлять в этом вопросе бездействие, что в свою очередь не только не ликвидирует разногласия в среде командования английской армии, а еще больше углубит эти разногласия.

Начальник разведуправления НКВД
Союза ССР (Фитин)

№ 37 Копия

Сов. секретно

12 августа 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
Тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ

Наш резидент в Лондоне сообщает следующие данные, полученные агентурным путем:

«ЧЕРЧИЛЛЬ поехал в СССР в обстановке обостряющегося внутриполитического кризиса и дальнейшего ухудшения положения на советско-германском фронте, оказывающего большое влияние на английское общественное мнение.

По словам секретаря КРИППСА[40] ОУЭНА и других, поездка ЧЕРЧИЛЛЯ временно задержала внутриполитический кризис в стране. Решение о поездке исходило непосредственно от ЧЕРЧИЛЛЯ и ЧЕРЧИЛЛЬ вряд ли консультировался с КРИППСОМ по этому вопросу во всем его об'еме.

Согласно информации, поступающей от английского посла в СССР, советско-английские отношения за последние недели ухудшились.

На англичан произвело большое впечатление выступление МАЙСКОГО в палате общин по поводу срыва поставок в СССР и его заявление о том, что «британский военно-морской эскорт бросил на произвол судьбы последний караван судов, идущий в Советский Союз».

По мнению источника, ЧЕРЧИЛЛЬ направился в СССР с намерением пойти в ряде вопросов на уступки Советскому Союзу.

В отношении открытия второго фронта ЧЕРЧИЛЛЬ вряд ли пойдет на что-либо иное нежели на открытие военных операций, имеющих частичный характер.

Сотрудник Разведотдела английского министерства авиации СТРЕЙЧИ, считающийся достаточно информированным, утверждает, что Англия в этом году может только активизировать действия авиации и усилить военную помощь в других районах военных действий. По словам СТРЕЙЧИ, англичане использовали при авиарейдах на континент в конце июля с.г. следующее количество самолетов: 25 июля – 313, 26 июля – 404, 27 июля – 168, 29 июля – 291, 30 июля – 629.

Что касается последнего каравана судов в СССР, то по агентурным данным, начальник морского штаба ПАУНД был настроен против его отправки. В соответствии с директивой ЧЕРЧИЛЛЯ, ПАУНД был вынужден готовить конвой, однако, все время саботировал это распоряжение, в частности, по указаниям ПАУНДА было сокращено количество эскортирующих караван судов. Он же дал указание в случае нападения на конвой боя не принимать, что и было сделано».

Народный комиссар внутренних дел СССР (Л. Берия)

№ 38 Копия

Совершенно секретно

27 августа 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ

Наш резидент в Лондоне сообщает следующие сведения, полученные агентурным путем: «Недавно на узком оперативном совещании руководя-

щих работников английской разведки с сообщением выступил начальник военно-разведывательной информации Арнольд ФОСТЕР.

В своем выступлении Арнольд Фостер заявил о намерении англоамериканского командования провести крупные военные операции в Северной и Северо-Восточной Африке, которые, по мнению командования, должны явиться вторым фронтом. Главнокомандующим этими операциями якобы намечается американский генерал ЭЙЗЕНХАУЭР.

Одновременно войска будут высажены в Касабланке, Оран, Алжир и Бон (Бон находится на территории Алжира, у Тунисской границы). Военные операции будут проведены армией, состоящей из 11 дивизий, из которых 5 американских и 6 английских. В Касабланка высадятся только американские части в составе 3 дивизий. Смешанные части двух американских дивизий и английских частей высадятся в Оран, английские части высадятся также в Алжир и Бон.

Проведение этих операций намечено на 7 октября 1942 года. Американские войска, которые должны будут участвовать в проведении операций, прибудут непосредственно из США в двух конвоях: медленном и быстром.

Медленный конвой по плану командования отправится из США во второй половине сентября с.г. Об'единенное командование надеется, что в течение двух недель после высадки англо-американские части закрепятся в Тунисе.

Арнольд Фостер считает, что вышеизложенный план союзников является действительным намерением английского и американского командований, независимо от обещаний Черчилля в Москве.

Для того, чтобы дезорганизовать противника, англичане намерены до момента намеченной высадки войск распускать ложные слухи о предполагаемом нападении союзников на Суматру, испанские и португальские острова в Атлантике, Норвегию и прочее.

Кроме того, Арнольд Фостер заявил, что англо-американское командование не предполагает открывать второго фронта на территории Франции в 1942 г. Вполне возможно, что там будут проведены военные операции диверсионного характера».

Начальник разведуправления
НКВД СССР (Фитин)

№ 39

Копия
Сов. секретно

21 ноября 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ

Резидент Разведуправления НКВД СССР в Лондоне сообщает следующие сведения, полученные агентурным путем: «События, развернувшиеся

в Северной Африке, выявили различие точек зрения США и Англии по французскому вопросу. В то время, как англичане всемерно поддерживают комитет де ГОЛЛЯ, американцы продолжают политику непризнания его и утверждают, что победа может и должна быть завоевана, а будущая судьба Франции должна быть определена самими французами.

Американская пропаганда и многочисленные американские представительства во Франции (консульства, представительства Красного Креста и др.) проводили работу в направлении внушать французам мысль о том, что реальная и широкая помощь может быть оказана только Соединенными Штатами Америки.

Это различие точек зрения уже теперь обнаруживает некоторые детали, свидетельствующие отсутствие согласованности в действиях союзников.

Комбинация с появлением генерала ЖИРО[41] и адмирала ДАРЛАНА[42] была подготовлена без участия англичан и явилась для последних неожиданностью. Тайные переговоры американцев с ДАРЛАНОМ происходили три месяца тому назад, но лишь теперь это стало известно англичанам.

Таким образом, американцы открыто оттеснили де ГОЛЛЯ от участия в северо-африканских событиях, несмотря на то, что незадолго до этих событий, между ним и американцами было заключено секретное соглашение, по которому последние признавали за де ГОЛЛЕМ право управления и контроля над Экваториальной Африкой и выдвинули генерала ЖИРО, который по их мнению является более крупной фигурой чем де ГОЛЛЬ и известен своим решительным сопротивлением вторжению немецких войск во Францию, своим побегом из германского плена.

ДАРЛАН не пользуется симпатиями англичан. Американцы же, ведя с ним переговоры, не посчитались с этим и исходили из того соображения, что ДАРЛАН, имеющий авторитет среди офицерства французского флота и репутацию антифашиста, помешает об'единению французского морского флота с итальянским для борьбы против американских морских сил.

В настоящее время в Северной Африке основные руководящие французские силы находятся под влиянием американцев.

Англичане усиленно продвигали де ГОЛЛЯ на роль политического руководителя в Северной Африке, чем вызывались острые трения между американским и английским МИД'ами.

В последние дни вопрос о де ГОЛЛЕ претерпел некоторые изменения. Во время последней встречи ЧЕРЧИЛЛЬ обещал де ГОЛЛЮ поддержку, но просил согласиться стать в подчинение к генералу ЖИРО.

В ответ на попытки англичан и де ГОЛЛЯ сопротивляться намерениям американцев, последние запретили в'езд на территорию Сев. Африки всем, в том числе и англичанам, без разрешения американского посольства в Лондоне.

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР (Л. Берия)

№ 40

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р.
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ

27 ноября 42 г.

Резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил следующие агентурные сведения:

«В телеграмме, адресованной английскому послу в США ГАЛИФАКСУ, ИДЕН предлагает ему переговорить с ХЭЛЛОМ[43] по вопросу о ДАРЛАНЕ[44]. В телеграмме указывается, что английское правительство считает желательным устранить ДАРЛАНА и прекратить всякие переговоры с ним. ИДЕН предложил ГАЛИФАКСУ заявить ХЭЛЛУ, что англо-советские отношения, несколько улучшившиеся за последнее время, могут снова ухудшиться из-за ДАРЛАНА. Вместе с тем ГАЛИФАКС должен указать ХЭЛЛУ, что население оккупированных немцами стран будет неприятно поражено подобного рода отношением к одному из «квислингов», что использование ДАРЛАНА, несомненно, даст основания подозревать союзников в намерении подобным же образом договориться с другими «Квислингами» и что генерал де ГОЛЛЬ, с которым английское правительство связано известной договоренностью, никогда не согласится сотрудничать с ДАРЛАНОМ.

По словам источника, общий тон этой телеграммы сводится к тому, что английское правительство пытается убедить США отказаться от использования ДАРЛАНА, так как ему совершенно нельзя доверять. Ссылаясь на ряд других документов, источник делает вывод, что английское правительство вообще не знало о переговорах правительства США с ДАРЛАНОМ до приезда последнего в Северную Африку».

Народный комиссар внутренних дел
Союза С.С.Р. (Л. Берия)

№ 41

Копия
Сов. секретно

12 декабря 42 г.

Сообщение лондонской резидентуры от 5 декабря 1942 г. о положении в Северной Африке, составленное на основании сведений, полученных агентурным путем:

«Вопрос о руководстве французским освободительным движением находится в непосредственной зависимости от англо-американских противоречий в Северной Африке.

События в Северной Африке показывают, что в руках США оказалось не только большинство территорий французской империи, но и все командные высоты в Алжире, Марокко и в Экваториальной Африке. Американцы контролируют территорию, порты и производительные силы; они снабжают население продовольствием и «осваивают» приобретенные экономические ресурсы, о чем свидетельствует прибытие туда экономических миссий и пред-

ставителей крупнейших американских фирм. Американцы сохранили французский аппарат управления страной, армией и флотом, который они унаследовали благодаря ДАРЛАНУ[45].

Таким образом англичане оказались лишь «символическими совладельцами», в то время как истинными хозяевами положения являются американцы, на стороне которых симпатии известной части французского населения, что является следствием политики государственного департамента США. Таким образом, англичане вынуждены считаться с намерениями Вашингтона.

С момента появления ДАРЛАНА в Африке англичане заняли в отношении его пассивную позицию. Несомненно, что ДАРЛАН реакционер, ненавидящий англичан, который занимал во Франции позицию сотрудничества с Германией, стараясь сохранить свое положение. Благодаря ему французский флот усилил антибританские настроения. Эти настроения и особенно сопротивление французского флота у Дакара, после заключения перемирия, вызвали наиболее сильное недовольство англичан, выразившееся достаточно определенно, когда ДАРЛАН выдвинулся, как один из потенциальных лидеров французского движения и как соперник де ГОЛЛЯ. По мнению американцев, ДАРЛАН играет значительную роль в облегчении разрешения задач по укреплению их позиций во французских колониальных владениях.

Потопление французского флота в Тулоне было проведено в соответствии с приказом ДАРЛАНА, который он еще раньше дал адмиралу ЛАБОРД. Флот не достался немцам, но и не попал в руки англичан, что только усилило враждебное отношение Англии к ДАРЛАНУ. Гибель французского флота сыграла для ДАРЛАНА положительную роль в том смысле, что он приобрел симпатии известной части проанглийски настроенных французов. В частности, благожелательная статья БАРТЛЕТТА (член парламента, корреспондент газеты «Ньюс Кроникл»), являющегося выразителем мнения влиятельных кругов Англии, об'ясняется открытым недовольством некоторой части рядовых деголлевцев, в глазах которых поступок адмирала ДАРЛАНА оставшегося, по их мнению, прежде всего французом, искупает инкриминируемые ему англичанами преступления. В основе такой перемены отношения английской прессы к ДАРЛАНУ может также находиться нежелание английских консерваторов обострять отношения с американцами. Фактически ДАРЛАН, опиравшийся на правые элементы в Северной Африке, начинает находить поддержку и у французов за границей.

В связи с этим положение де ГОЛЛЯ кажется недостаточно благоприятным, несмотря на то, что он пользуется поддержкой англичан, как единственная имеющаяся в их распоряжении политическая кандидатура на руководство всем французским движением. Ставка американцев на ДАРЛАНА и ЖИРО[46] заставляет англичан очень осторожно относится к де ГОЛЛЮ, не считаясь даже с его престижем. Так чтобы не вызвать раздражения американцев, которым кандидатура де ГОЛЛЯ совершенно не импонирует, ЧЕРЧИЛЛЬ запретил его речь по радио. Задача представителя де ГОЛЛЯ в Вашингтоне Филиппа состоит сейчас в том, чтобы попытаться склонить американцев, если не к признанию за де ГОЛЛЕМ руководящей роли в Северной Африке, то хотя бы к предоставлению и ему места под солнцем.

В беседе Филиппа с РУЗВЕЛЬТОМ по этому вопросу последний заявил о своем глубоком безразличии к вопросу о личности того, кто сможет изгнать

немцев из Франции, будь то хотя бы сам ЛАВАЛЬ[47], после чего он согласен предоставить решение судьбы Франции и ее руководителей самим французам. РУЗВЕЛЬТ якобы заявил: «Если ЛАВАЛЬ сможет передать нам Париж, мы пойдем на соглашение и с ЛАВАЛЕМ». Короче говоря, РУЗВЕЛЬТ подтвердил политику государственного департамента. В результате этой беседы возникла необходимость в поездке де ГОЛЛЯ в Вашингтон с целью выяснения намерений американцев в отношении его собственного положения. Однако, успех предпринимаемых де ГОЛЛЕМ шагов сомнителен, о чем свидетельствует отношение к нему американских представителей в Англии. Так, представитель морской разведки США адмирал СТАРК прямо заявил, что американцы не принимают де ГОЛЛЯ во внимание и только раздражены тем фактом, что за его спиной якобы очень часто и явно стоит тень советского посла БОГОМОЛОВА. Кроме того, отношение Москвы к де ГОЛЛЮ, сквозящее в советских радиопередачах, не производит на американцев хорошего впечатления. Американцы не принимают во внимание роли Советского Союза в разрешении будущего Франции и ее колоний и поэтому отношение СССР к де ГОЛЛЮ в настоящее время может привести к более глубокому отчуждению между Советским Союзом и США».

№ 42 *Совершенно секретно*

НКИД СОЮЗА С.С.Р.

1 управление тов. Д Е К А Н О З О В У

17 декабря 42 г.

Нами получены из Чунцина следующие сведения:

1. Начальник личной канцелярии ЧАН КАЙ-ШИ[48] ХЭ ЯО-ЦЗУ, якобы, представил ЧАН КАЙ-ШИ докладную записку по вопросу взаимоотношений между Китаем и СССР.

В вводной части докладной записки ХЭ ЯО-ЦЗУ указывает, что нельзя продолжать нынешнюю линию по отношению к СССР, так как она не дает ясного ответа на вопрос – считает ли Китай СССР за действительного друга, или видит в нем будущего врага.

ХЭ ЯО-ЦЗУ считает, что СССР при любом возможном исходе войны выйдет из нее настолько обессиленным, что если он и имеет агрессивные намерения в отношении Китая, то на ближайшие 20 лет они будут исключены. В такой же мере будет обессилен и Китай. В связи с этим ХЭ ЯО-ЦЗУ предлагает:

1. Заключить договор с СССР о дружбе сроком на 20 лет. К переговорам о заключении указанного договора приступить в ближайшее время.

2. В договоре обусловить создание пограничной правительственной комиссии для урегулирования линии границы.

3. Потребовать от дубаня Синьцзяна ШЕН ШИ-ЦАЯ (глава провинциального правительства Синьцзяна. – *Прим. ред.*) прекращения антисоветских выпадов, дать ему испытательный срок на один год. Если дубань не откажется от провокаций, то заменить его другим лицом.

В пояснение последнего пункта ХЭ ЯО-ЦЗУ якобы пишет, что после письма Молотова на имя ЧАН КАЙ-ШИ, которое разоблачило двурушничество ШЕН ШИ-ЦАЯ, последний лишился поддержки со стороны СССР и начал заигрывать с правительством Китая. В связи с этим ШЕН ШИ-ЦАЙ под предлогом своей преданности ЦИК Гоминьдана стал проводить аресты в Синьцзяне, репрессировать коммунистов и просоветски настроенных лиц, а также допускать другие антисоветские акты и выпады. Перед СССР ШЕН ШИ-ЦАЙ эту деятельность прикрывает ссылкой на якобы полученные об этом указания из Чунцина.

ХЭ ЯО-ЦЗУ считает, что ШЕН ШИ-ЦАЙ умышленно стремится в своих личных интересах столкнуть СССР с Китаем, а самому балансировать на этом противоречии. По мнению ХЭ ЯО-ЦЗУ, на сегодняшний день еще преждевременно снимать ШЕН ШИ-ЦАЯ, ибо позиции центрального правительства в Синьцзяне еще слишком слабы, чтобы можно было решиться на подобное мероприятие.

Перемещения в руководящем составе китайского правительства и Гоминьдане, произведенные 7 декабря с.г. на заседании постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, явились результатом борьбы группы «политических наук» с группами ЧЕН ЛИ-ФУ и КУН СЯН-СИ (министр финансов Китая. – Прим. ред.), в которой группа «политических наук» потерпела сильное поражение.

До окончания работы X пленума ЦИК Гоминьдана состоялось секретное заседание руководства Гоминьдана, на котором присутствовал ЧАН КАЙ-ШИ. На этом заседании обсуждался вопрос о китайской компартии, причем выступавшие ораторы придерживались двух различных взглядов.

Группа во главе с министром просвещения ЧЕН ЛИ-ФУ и военным министром ХЭ ИН-ЦИНЕМ выдвигала предложение об аннулировании прав на самоуправление особого района, роспуске 18-й армейской группы и включении ее в состав китайской армии. По мнению, высказанному членами этой группы, нельзя дальше терпеть существование государства в государстве. Если китайская компартия откажется выполнить это предложение, то необходимо применить вооруженную силу и расправиться с коммунистами.

Группа более умеренных лидеров Гоминьдана (фамилии пока не установлены) хотя и высказывалась за недопустимость существования государства в государстве, однако предложила пойти по линии постепенного ограничения вооруженных сил и прав особого района.

В своем выступлении на этом совещании ЧАН КАЙ-ШИ заявил, что, как бы ни было желательным покончить с вопросом о китайской компартии, всякое решение, которое может привести к вооруженному столкновению между коммунистической партией Китая и Гоминьданом, сейчас не приемлемо, ибо междоусобная война будет на руку только японцам. ЧАН КАЙ-ШИ предложил придерживаться пока линии компромиссов.

В духе выступления ЧАН КАЙ-ШИ X пленум ЦИК Гоминьдана принял декларацию, которая обещает не трогать коммунистов, если они сохранят лояльность. Декларация опубликована в печати.

ЗАМНАЧАЛЬНИКА ПЕРВОГО УПРАВЛЕНИЯ
НКВД СССР

№ 43 *Копия*
Сов. секретно

19 декабря 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ

Резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил следующие агентурные сведения:

«4 декабря ГАЛИФАКС[49] подробно информировал министерство иностранных дел о содержании своей беседы с Уэллесом[50], который, выразив восхищение речью Черчилля от 29 ноября, отметил, что он несколько обеспокоен ее заключительной частью, предполагающей, по его мнению, что разрешение послевоенных вопросов будет отложено до окончания войны. По словам УЭЛЛЕСА, это очень опасно, ибо если американское и английское правительства не достигнут между собой соответствующего соглашения до окончания войны, то это будет равносильно катастрофе. В частности, УЭЛЛЕС отметил, что если германская военная машина распадется сейчас, в 1943 или в 1944 году, то союзники увидят преследование немцев Красной Армией далеко на западе и могут стать свидетелями вступления Красной Армии в Прибалтику, в Румынию, Финляндию и еще какие-либо страны. В таком случае американское и английское правительства будут физически не в состоянии оказать необходимое давление на советское правительство и задержать Красную Армию. Такое распространение большевизма окажет крайне неблагоприятное воздействие на американское общественное мнение, не говоря уже о том, что это нарушит европейскую реконструкцию. По мнению Уэллеса, необходимо, чтобы американское и английское правительства обязательно достигли соглашения с советским правительством еще до наступления такого момента. Россия все еще зависит на данном этапе войны от англо-саксонских держав а смысле получения от них определенных материалов и эта зависимость поможет тому, чтобы добиться сейчас необходимого соглашения. Откладывать это дело нельзя, так как потом будет слишком поздно.

Галифакс ответил на это, что, как известно Уэллесу, президент уже обсуждал все эти вопросы с Литтлтоном и передал ему личное письмо по данному вопросу для вручения премьер-министру.

Далее Галифакс сообщил о своей беседе с находящимся в США генералом Сикорским[51], который заявил ему, что Рузвельт обсуждал с ним целый ряд вопросов и уделил особое внимание вопросу о необходимости установления удовлетворительных русско-польских отношений. Рузвельт якобы заявил Сикорскому, что, по его мнению, Литвинов не пользуется в Москве большим авторитетом и если Сикорский желает добиться чего-либо, то ему лучше поставить подобные вопросы непосредственно перед Сталиным. Сикорский ответил, что в случае необходимости он, конечно, так и поступит.

Затем Рузвельт заявил, что Сталин будет удовлетворен приобретением Эстонии, Латвии и Бессарабии, превращением Петсамо в русский порт и созданием нейтральной зоны в Карелии. Литва и Буковина не должны отойти к СССР. Не сказав ничего определенного относительно установления русско-польской границы, президент, однако, указал, что, по его мнению, Ста-

лин согласится на оставлении Вильно и Львова в составе Польши. По словам Сикорского, он ответил президенту, что сожалеет о судьбе Эстонии и Латвии, однако Польша не намерена ссориться из-за них с Россией. В отношении Литвы Сикорский категорически заявил, что поляки не могут равнодушно относиться к ее судьбе. Сикорский отметил, что на такой основе он готов заключить соглашение с Россией в любое время».

Народный комиссар внутренних дел
Союза С.С.Р. (Л. Берия)

№ 44 Копия
Сов. секретно

26 декабря 42 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ

Резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил следующие агентурные сведения:

«9 декабря лорд ГАЛИФАКС[52] сообщил в министерство иностранных дел о том, что СИКОРСКИЙ[53] информировал его о своей беседе с президентом, во время которой РУЗВЕЛЬТ заявил, что, по его мнению, после войны Восточная Пруссия и Данциг должны быть включены в состав Польши. ГАЛИФАКС переспросил СИКОРСКОГО, так ли это. СИКОРСКИЙ ответил, что Данциг, разумеется, после войны должен всецело принадлежать Польше.

СИКОРСКИЙ высказал также свои соображения относительно послевоенного устройства и заявил, что после войны должна быть организована федерация в составе Литвы, Польши, Чехословакии и, возможно, Венгрии. Эта федерация должна будет работать в тесном контакте с группировкой балканских стран, включая Грецию. Германия должна быть разделена на свои составные части, которые будут самостоятельными.

По имеющимся в министерстве иностранных дел данным, СИКОРСКИЙ в ближайшие дни выезжает с визитом в Мексику».

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР (Л. Берия)

№ 45 Копия
Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ

11 февраля 43 г.

Направляем содержание совершенно секретного донесения английского посланника в Швеции ВАЛЛЕТТА на имя Идена за № 557 от 30 ноября 1942 года, полученного НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«Стокгольм, 30 ноября 1942 года.

Я имел продолжительную беседу с хорошо информированным шведом, имеющим прекрасные связи в немецких кругах. Он недавно вернулся из Берлина, где находился по официальным делам и встречался в частной обстановке не только с немецкими представителями, ведущими обычно переговоры со шведами, но также с многочисленными лицами, многие из которых занимают ответственные посты, как, например, д-р Шахт[54] и генерал фон Фалькенхаузен – главнокомандующий германскими войсками в Бельгии. Таким образом он имел возможность составить довольно точное представление о существующих в Берлине взглядах, высказываемых за пределами нацистской клики.

Ниже привожу сделанное мною резюме.

1. Гиммлер и «СС» занимают исключительно сильные позиции и представляют большую опасность. Высокопоставленные немецкие деятели, оппозиционно настроенные к гитлеровскому режиму, все более опасаются возможности организации Гитлером кровавого путча с целью их уничтожения для предотвращения возможного антигитлеровского выступления.

2. Несмотря на смещение Гитлером многих руководящих представителей генералитета за несогласие с его политикой ведения войны, в Германии все еще имеется много видных генералов и большое количество молодых генералов, являющихся чисто военными специалистами, а не партийными деятелями, которые при определенных обстоятельствах могут стать руководителями восстания с целью свержения гитлеровского режима. Вся ответственность за провал стратегического руководства последней летней кампании целиком падает на Гитлера. Гитлер продолжает утверждать, что генеральный штаб не в состоянии оказывать ему помощь своими советами, так как он (штаб) разбирается только в чисто военных вопросах, в то время как Гитлеру при определении своей стратегии приходится принимать во внимание также и политические факторы. Так, в ноябре 1941 года, когда, исходя из здравого смысла, с военной точки зрения надо было воздержаться от продолжения наступления на Москву, Гитлер настаивал на проведении этой операции, так как считал, что это является единственным способом втянуть Японию в войну. Япония вступила в войну, Гитлер стал меньше интересоваться захватом Москвы, но к этому моменту он зашел очень далеко и немецкая армия потерпела такое колоссальное поражение, что вся кампания была близка к провалу. Колоссальные материальные потери, понесенные в России, заставили Гитлера затратить весь летний период на перевооружение германской армии. Гитлер был убежден в достижении текущим летом Персидского залива и соединении с японскими вооруженными силами. На этом основании, вместо того, чтобы бросить все свои силы против Сталинграда, он настоял, несмотря на протесты фон Бока и Гальдера, на раздроблении имеющихся в его распоряжении сил и на отправке части их на Кавказ. В данном случае политические соображения снова одержали верх над военной стратегией. В результате Гитлер не взял Сталинграда и не получил никаких нефтяных районов, кроме Майкопа, промысла настолько эффективно разрушенного русскими, что немцы добыли там лишь самое незначительное количество нефти. Роммель находившийся, по сообщению источника, в Берлине неделю тому назад, предвидя наступление армии генерала Александера, рекомендовал отвести находя-щиеся под его командованием армии из Эль-Аламейна в тыл, но Гитлер не хотел и слышать об этом, точно также как он не хотел слышать ни о

каком отступлении под Сталинградом. Гитлер отдал приказ, запрещающий какие-либо отступления. В этом приказе говорится, что он скорее приложит все усилия к тому, чтобы послать подкрепления Роммелю и на Сталинградский фронт, чем отступит. Таким образом Гитлер опять разошелся со своими генералами, возможно из опасений, что отступление неблагоприятно отразится на моральном состоянии германских войск. Тем не менее в Берлине высказывают предположения, что все африканские территории скоро будут немцами потеряны.

3. Итальянцев, разумеется, в Германии презирают, однако, немцы проявляют беспокойство в отношении того, как бы Италия не попыталась заключить сепаратный мир. Поэтому в настоящее время в Италию спешно направляются целые дивизии в результате чего железные дороги, соединяющие Италию и Германию, настолько забиты, что нормальная торговля Италии с остальными странами Европы, включая Швецию, фактически прекратилась, чем Муссолини, как говорят в Берлине, крайне недоволен. Свое отсутствие в Мюнхене на встрече с Гитлером и Лавалем, которая состоялась две недели тому назад, Муссолини об'ясняет болезнью, из-за которой он якобы должен был послать вместо себя Чиано. Однако немцы считают, что его болезнь была просто выдумкой.

4. Мой информатор предполагает, что только ряд серьезных военных поражений может пошатнуть нацистский режим и отмечает, что события в России в настоящее время являются достаточно интересными и дают основание предполагать, что такое поражение может быть нанесено Германии уже этой зимой. Хотя германская пресса очень сдержанно освещает положение на русском фронте, достаточно дальновидные немцы все же умеют читать между строк официальных коммюнике и полностью отдают себе отчет в том, что германская армия на Восточном фронте находится накануне особо опасного кризиса.

Население Берлина представляет себе ужасы расправы русских с Германией, если последняя проиграет войну. Эти опасения больше чем что-либо другое удерживают оппозицию нацистской партии от активных выступлений. Руководители этой оппозиции, как известно, в принципе пришли к соглашению, что Гитлер и его разбойничья банда, как они сами выражаются, должны быть уничтожены, а большинство нацистских преступников, ответственных за зверства в оккупированных странах, должны быть приговорены к казни. Указанные немцы хотят осуществить расправу с Гитлером и его бандой сами, не дожидаясь, когда это сделают союзники. Они также предвидят, что необходимо будет полностью эвакуировать войска из оккупированных стран, хотя не видят путей осуществления этого до заключения мира, ибо преждевременная эвакуация откроет Германию для одновременного вторжения со всех сторон. Военные и гражданские руководители оппозиции полностью отдают себе отчет в том, что о заключении какого-либо перемирия союзников с Гитлером или с кем-либо из участников его банды не может быть и речи. Они понимают, что об'единенные нации не могут сделать никаких заявлений относительно своей будущей политики до тех пор, пока они не убедятся в том, какого рода демократическое правительство будет сформировано в Германии и насколько надежным оно окажется. Трудности, с которыми встречаются эти лица, заключаются в том, что они полностью отдают себе отчет в невозможности создания в Германии любого демократического правительства, сформированного в целях заключения мира, если условия

предстоящего мира будут содержать обязательства полного разоружения Германии и оккупации ее территорий силами об'единенных наций, ибо, по их мнению, это будет означать, что Германия передается русским для беспощадной расправы. Они задают себе вопрос, может ли Германия передать союзникам свои воздушные силы и подвергнуть таким образом германские города риску полного разрушения со стороны русской авиации. Для того, чтобы не подвергаться такой опасности, они скорее согласны с единственно возможным для них выходом, а именно – продолжать борьбу до конца и погибнуть. Они также считают, что если результатом этой борьбы будет анархия и коммунизм, то это не будет большим злом, чем перспектива русской расправы или оккупации.

5. Доктор Шахт является наиболее видной фигурой среди оппозиционно настроенных к нацистскому режиму элементов. Он полон физической энергии и является умным человеком. Он хорошо настроен, так как предвидит скорое падение нацистского режима. Он не верит, что Гитлер сумеет продержаться в течение 1943 года. Шахт честолюбив и мечтает занять видное положение во время реконструкции Германии на демократических началах. Его будущую деятельность может затруднить то обстоятельство, что, будучи банкиром и аристократом, он придет в столкновение с лидерами рабочего класса, которые (как он допускает) должны играть известную роль в любом будущем германском правительстве».

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР (Л. Берия)

№ 46

Копия
Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

НКИД СССР – тов. МЕРКУЛОВУ

5 марта 43 г.

Направляем содержание приказа южной германской армейской группы, перехваченного английской военной разведкой.

Содержание приказа получено НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«Первая танковая армия должна захватить Барвенково и, обеспечив правый фланг, наступать на Славянск и к северу на Изюм и Петровскую.

Четвертая бронетанковая армия должна атаковать до линии Мечебиловка-Краснопавловка, после чего подготовиться к повороту на север с основной группой войск (дислоцированных?) западнее Донца и двигаться к северу в направлении Харькова.

Арту АВТ Кетре (так в тексте. – *Прим. ред.*) без перемены... сковывать крупные силы противника на ее фронте, а также не допустить продвижения противника через Красноград к Днепру и по обоим направлениям на Полтаву».

Начальник разведывательного управления
НКВД Союза ССР (Фитин)

№ 47

Копия
Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ, товарищу БЕРИЯ

НКВД СССР – товарищу МЕРКУЛОВУ

9 марта 43 г.

Направляем содержание телеграммы японского посла в Турции от 16 февраля 1943 года за № 55, посланной японскому министерству иностранных дел и в копиях японским послам в Берлине, Риме, Виши и Мадриде.

Содержание телеграммы расшифровано англичанами 21 февраля 1943 года и получено нами из Лондона агентурным путем.

«1. Рискнув быть многословным, сообщаю свое впечатление по вопросу об оценке англичанами существующей обстановки и их планов дальнейшего ведения войны.

Мои впечатления основаны на данных, полученных мною в беседе с турецким министром иностранных дел по поводу конференции в Адене. В этой беседе особо подчеркивалась точка зрения ЧЕРЧИЛЛЯ по поводу неизбежности краха Германии и необходимости принять меры к тому, чтобы воспрепятствовать большевизации Европы (см. мою телеграмму № 41).

Данное сообщение подтверждается также моей телеграммой № 44 по вопросу о намерениях Англии заключить мир с Германией и последним докладом ЧЕРЧИЛЛЯ в палате общин. Все это я дополняю своими собственными соображениями.

а) Цели и стремления англичан определяются прежде всего надеждой на то, что как Германия, так и Россия в процессе борьбы будут сильно ослаблены и погибнут. Англия в своей политике исходит именно из этих соображений.

Руководствуясь данной политикой, Англия на различных этапах будет действовать в соответствии с обстановкой.

б) Признавая, что германское весеннее наступление будет серьезным и значительным, англичане все же совершенно определенно уверены, что это наступление не решит судьбу русских армий во всяком случае в течение 1943 года. Таким образом англичане будут пока, очевидно, наблюдать за развитием этого наступления и, предпринимая одновременно специальные меры против заключения сепаратного мира между Германией и Россией, будут дожидаться взаимного ослабления обеих сторон.

в) Если советские армии окажутся в критическом положении, англичане сделают все от них зависящее, чтобы помешать Германии одержать решительную победу, в частности, чтобы задержать германское наступление, англичане усилят свои наступательные операции в Северной Африке и на других фронтах и сделают вид, что собираются вторгнуться в Европу.

г) Если для германских армий дело обернется плохо и появится опасность, что они не захотят больше сражаться, то, оценивая существующее положение, можно не сомневаться, что Англия поторопится заключить с Германией мир, чтобы таким путем предотвратить опасность большевизации Европы. Нет нужды подчеркивать сложность подобного демарша, но не трудно догадаться, что англичане в своей послевоенной политике исходят прежде

всего из необходимости предотвращения опасности большевизации Европы, что неизбежно должно произойти в случае поражения Германии, и именно, исходя из этого, разрабатывают свои официальные послевоенные планы.

Так, например, насколько я понял в результате переговоров в Адене, ЧЕРЧИЛЛЬ заявил турецкому министру иностранных дел, что он собирается создать центрально-европейский блок в составе Польши, Чехословакии и Венгрии, который при поддержке Англии и США будет препятствовать распространению советского влияния на запад. В ходе этих переговоров особое внимание уделялось роли Турции, которая должна будет явиться серьезным звеном в послевоенном устройстве Европы. Нет никакого сомнения, что Англия намерена вооружить Турцию и превратить ее в английский форпост с тем, чтобы помешать распространению советского влияния в южном направлении – на Балканы и Ближний Восток.

2. Несмотря на то, что предыдущие положения могут показаться Вам несколько произвольными, несомненно, что отношения англичан к России становятся более холодными по мере улучшения перспектив для самой России. В этой обстановке Англия начинает фактически сокращать поставки России. Возрастает также недоверие к Англии со стороны России (см. мою телеграмму № 25).

Наблюдая за турецко-советскими отношениями, легко также заметить, что англо-советские отношения становятся более сдержанными, особенно после конференции в Адене. Фундаментальные трения между Англией и советской Россией являются основной слабой стороной противника и подчеркивание всех вышеизложенных фактов в связи с переговорами в Адене может еще больше способствовать внесению беспокойства в его ряды.

Задача иезуитской политики ЧЕРЧИЛЛЯ на сегодняшний день состоит в том, чтобы натравливать другие страны на борьбу между собой до полного истощения друг друга. Учитывая это, нам следует быть еще более настороже, так как в противном случае обстановка может измениться в соответствии с английскими планами.

3. Я не имею специальных данных, на которые мог бы сослаться при характеристике позиции Америки, но поскольку дело касается европейского вопроса, есть основание предположить, что США будут координировать свою политику с Англией и используют свое положение в Северной Африке, чтобы обеспечить за собой право сказать свое веское слово (эту мысль высказал турецкий министр иностранных дел).

Основное внимание Америки, конечно, сконцентрировано на войне в Азии и можно вполне предположить, что между США и Англией достигнуто взаимопонимание, результатом которого после восстановления мира в Европе будет направление всех сил англичан против Японии, однако, доминирующее положение в Азии, включая Австралию, после войны будет признано за Америкой.

4. Что касается Турции, то заслуживающим внимание обстоятельством является тот факт, что путем оказания Турции безоговорочной помощи ЧЕРЧИЛЛЬ сумел добиться полного ее подчинения английскому влиянию, делая вид, что он не преследует никаких других целей, кроме как укрепление англо-турецких отношений. Ясно, что при этом ЧЕРЧИЛЛЬ использовал географическое положение Турции и ее, безусловно, антирусские настроения, имея в виду превратить эту страну в аванпост Англии и использовать ее после войны как мощный (пропуск слова. – *Прим. ред.*) против большевизма.

В связи с принятием на конференции в Адене решения об усилении турецкой обороны, уже создан англо-турецкий комитет военных экспертов. В результате достижения такой договоренности англо-турецкие отношения, естественно, будут улучшаться и при наличии помощи со стороны англичан и американцев значительно ускорится строительство аэродромов и дорог. По-видимому количество аэродромов будет значительно увеличено в связи с поступлением снабжения и современного вооружения.

Таким образом я считаю, что Турция со стратегической точки зрения попала в сферу английского влияния. Логическим последствием этого явится то, что в качестве английского союзника Турция будет служить пешкой в дипломатической игре англичан. Это, конечно, не означает, что Турция собирается вступать в войну. Турки попрежнему твердо намерены оставаться вне конфликта и я не допускаю, чтобы в турецкой политике нейтралитета могли бы произойти существенные изменения даже в связи с событиями на Восточном фронте.

5. Наконец, рассматривая англо-американскую военную стратегию, все сведения сводятся к тому, что на конференции в Касабланке было решено сделать опорными базами для вторжения в Европу Додеканезские острова и Крит с тем, чтобы при первой возможности атаковать оттуда Грецию. Ведущаяся пропаганда, особенно исходящая из англо-американских источников, направлена на то, чтобы убедить в том, что северо-африканская кампания будет закончена самое позднее к началу апреля, после чего англичане и американцы немедленно перейдут к другим операциям. В результате этой пропаганды создается атмосфера известной напряженности.

Однако, как было указано выше, англо-американская стратегия является исключительно сложной и поэтому трудно пока предположить, чтобы в ближайшем будущем могли произойти какие-либо внезапные изменения в ситуации в этой стране, особенно учитывая предстоящее генеральное немецкое наступление.

Примечание Разведуправления НКВД к пункту 5:

В нашем спецсообщении от 8 марта за № 28/РУ было указано, что в соответствии с решением специального междуведомственного комитета, англичане распространяют версию о подготовке вторжения на Балканы и Крит в целях дезинформации противника.

Начальник разведывательного управления
НКВД СССР (Ф и т и н)

№ 48 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА ОТ 10 МАРТА 1943 г.

Надежный источник из кругов гос. департамента США сообщил, что по имеющимся у американцев данным, Германия настаивает перед Японией, чтобы она напала на СССР. Германия пытается доказать японцам, что поражение Германии будет также неизбежным поражением и для Японии. В ответ на это Япония предложила Германии искать возможности для заключения мира с СССР.

Руководящий состав госдепа не сомневается в том, что Германия потерпит поражение, и выражает беспокойство, что настоящим победителем может оказаться СССР, в результате чего в некоторых странах может быть установлен советский режим. Руководители госдепа задаются вопросом: не помогают ли США будущему распространению коммунизма? В госдепе опасаются будущей роли СССР в Европе. Они считают, что в случае поражения Германии, по всей вероятности, будет установлен советский режим в Польше, на Балканах, Чехословакии и Германии».

№ 49 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ АЛЖИРА ОТ 28 МАРТА 1943 г.

Источник сообщил, что «вокруг югославского вопроса англичанами в полном согласии с американцами ведутся разнообразные политические комбинации, сводящиеся к компрометации Тито и его освободительного движения. Английская политика сводится к тому, чтобы в конечном итоге борьбы в Югославии, к власти пришел не Тито и его правительство, а правительство Михайловича[55], который должен обеспечить триумфальный в'езд короля Петра второго[56]. Наряду с формальной военной поддержкой Тито, англичане имеют своих офицеров связи и при ставке Михайловича. Английская авиация регулярно совершает ночные рейсы в ставку Михайловича сбрасывая ему вооружение, а на днях ему была доставлена крупная сумма денег. В согласии с американцами, англичане дали инструкции Михайловичу не вступать ни в какие активные операции, накапливать силы, вооружение и максимально использовать все для реорганизации «четников» в боеспособную армию. Помощь Михайловичу оказывается несмотря на то, что и англичанам и американцам отлично известны его связи с немцами. Михайлович должен будет выступить открыто лишь тогда, когда налицо будет факт разгрома немецкой армии. Поддержка армии Тито будет осуществляться до тех пор, пока она ведет борьбу с немцами и оттягивать на себя германские дивизии. Одновременно англичане уже теперь решили использовать всякие возможности для компрометации правительства и лично маршала Тито в общественном мнении. Для этой цели используется в частности нейтральная швейцарская пресса. Эту же работу в Лондоне будут вести соратники Петра второго, который полностью стал на службу англичан».

№ 50 *Сов. секретно*

3 апреля 1943 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Изложение секретного меморандума МИД Великобритании об английской политике в отношении будущей Германии. Меморандум датирован 17 марта и разослан для сведения начальникам отделов МИД.

Во вступительной части меморандума отмечается что «раньше, в своей прошлой истории, Германия неоднократно стояла перед необходимостью оп-

ределения должна ли она сотрудничать с Западом или Востоком. Обе эти политики имели влиятельных сторонников в период после окончания первой мировой войны. Во время переговоров Штреземана[57] в Локарно[58] Германия решила сотрудничать с Западом. В будущем надо учитывать, что Германия всегда преклонялась перед мощью и нельзя исключать, что она может пойти опять на сотрудничество с Востоком с целью создать своего рода блок с советской Россией для покорения Запада. При рассмотрении данного меморандума необходимо учитывать, что мы в своей политике в отношении Германии должны надеяться на возвращение ее в семью западно-европейских наций». Далее в меморандуме рассматривается вопрос о той вероятной последовательности событий, которые могут предшествовать германскому обращению с просьбой о перемирии к СССР, США и Великобритании или с какой-либо одной из этих стран. Также вряд ли следует считаться с возможностью получения каких-либо мирных предложений от ГИТЛЕРА или каких-либо других фашистских лидеров и режима, поскольку несомненно, что такие предложения будут безоговорочно отвергнуты всеми тремя державами. Мирные предложения, исходящие от социал-демократического или коммунистического правительства тоже маловероятны, поскольку германская армия не допустит сформирования такого правительства. Если германская армия придет к выводу, что дальнейшее продолжение войны бесполезно, то несомненно, что она свергнет фашистских руководителей, установит свою диктатуру и выступит с мирными предложениями от своего собственного имени, или же предварительно сформирует какое-либо нефашистское правительство. Такого рода правительство, возглавляемое, например, фон ПАПЕНОМ[59] или ШАХТОМ[60], будет включать консерваторов, либералов и католиков. При осуществлении такого маневра германская армия может рассчитывать на поддержку ведущих немецких капиталистов и католиков».

В следующем параграфе меморандума перечисляются различные варианты политики, которая возможна в случае согласия союзников на заключение перемирия. В меморандуме указывается, что союзники могут:

1. Оккупировать всю Германию своими войсками.

2. Отказаться иметь какое бы то ни было дело с любым германским правительством и сноситься непосредственно с властями на местах.

3. Установить в качестве основной резиденции комиссии по перемирию не в Берлине, а Дрездене или каком-либо другом провинциальном центре.

После этого в меморандуме освещается вопрос о будущей судьбе Германии после окончания периода, следующего за заключением перемирия. Меморандум отвергает идею полного раздробления Германии на три-четыре отдельных государства. Вместе с тем в меморандуме высказывается мысль о невозможности разделения территории Германии между другими державами и в качестве подтверждения делается ссылка на неудачный опыт управления Руром Францией после прошлой войны. В меморандуме также отвергается целесообразность всех попыток принудительного создания какой бы то ни было федерации немецких государств. Меморандум рекомендует в английской политике в отношении будущего Германии придерживаться следующих основных принципов:

1. Австрия должна быть восстановлена в том виде, в каком она существовала до аншлюса. Вполне возможно вхождение Австрии в качестве члена конфедерации дунайских или других негерманских государств.

2. Чехословакия должна быть восстановлена в домюнхеновских границах, причем вполне возможно некоторое урегулирование по границе в районе Егер.

3. Эльзас-Лотарингия должна быть отдана Франции.

4. Польша должна получить Восточную Пруссию, Данциг и район Опельн.

5. Если это будет найдено желательным, Кильский канал должен быть передан об'единенным нациям.

6. Вся германская тяжелая промышленность, особенно в Руре, должна быть передана под международный контроль.

7. Бельгия, Голландия и Люксембург должны быть восстановлены в прежних границах.

8. Необходимо будет всячески поощрять в Германии любое естественное стремление к переходу на федеральную структуру.

№ 51 *Сов. секретно*

23 апреля 1943 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Текст телеграммы Галифакса[61] от 28 марта 1943 г. о переговорах Идена с американцами в Вашингтоне. Получен агентурным путем.

«Нижеследующее для премьер-министра от министра иностранных дел:

1) Посол Его Величества и я вчера имели длительную беседу с президентом[62]. На беседе присутствовали Хелл[63], Вайнант[64], Уэллес[65] и Гопкинс[66]. Беседа проводилась по плану, который был составлен нами заранее.

2) Президент прежде всего поднял вопрос о структуре различных организаций об'единенных наций после войны. Он считает, что всего должно быть три организации:

1. Генеральная ассамблея, где будут представлены все об'единенные нации. Эта ассамблея должна будет встречаться примерно один раз в год. Задачей данной организации будет предоставление возможностей малым державам несколько разряжаться от волнующих их проблем.

2. Параллельно с этим должен быть создан исполнительный комитет, состоящий из представителей четырех держав. Данная организация будет принимать наиболее важные решения и руководить осуществлением политических функций, порученных ей об'единенными нациями.

3. Между этими двумя организациями должен будет существовать совещательный совет, составленный из представителей, избранных по районно-территориальному принципу. Примерно, в этом совете может быть один представитель от Скандинавии и Финляндии, один-два представителя от группы латино-американских государств и так далее. Совет будет встречаться время от времени, в зависимости от надобности, для урегулирования различных международных вопросов, которые могут быть выдвинуты перед ним. Основной технический руководитель всех этих трех международных организаций будет называться, например, «модератором» (президент предпочитает такой титул, например, титулу генерального секретаря). «Модератор», в случае надобности, будет созывать заседание различных международных организаций об'единенных наций. Тем не менее его основной

обязанностью будет поддержание контакта со всеми четырьмя членами исполнительного комитета об'единенных наций.

3) Президент подчеркнул особую необходимость включения Китая в число четырех держав и создание организаций всех об'единенных наций в мировом масштабе, а не по районно-территориальному принципу. Он отчетливо дал понять, что единственной возможностью убедить общественное мнение США в необходимости взятия американскому правительству на себя ответственности в международных вопросах будет именно организация различных международных органов, базирующихся на всемирном представительстве. Американский народ будет очень подозрительно относиться ко всякой организации, создаваемой только по районно-территориальному принципу.

У нас осталось весьма определенное впечатление, что президент пытается убедить свой народ согласиться на принятие международных обязательств, используя настроения американцев по отношению к Китаю.

4) Затем был поднят вопрос о создании международной опеки (TRUSTEESHIP) для определенных районов мира. Этот вопрос обсуждался в основном в трех различных аспектах, а именно:

а) Оспариваемые территории в Европе;

б) Колонии;

в) Не относящиеся к этой категории страны, как например, Корея, а также некоторые острова Тихого океана.

5) По оспариваемым европейским территориям ничего существенного сказано не было. При обсуждении колониальных проблем я предложил рассмотреть вопрос о колониальной декларации. В беседе выяснилось, что это внесло некоторые изменения в наш проект декларации, уже утвержденной президентом.

У нас создалось впечатление, что Хелл в своем варианте проекта высказывается против вмешательства в колониальные дела со стороны третьих держав, Он обещал передать мне свой проект перед моим от'ездом из США.

6) Беседа по пункту «В» параграфа 4 развернулась в длительную дискуссию, в процессе которой мы касались судьбы определенных территорий на Дальнем Востоке, некоторых тихоокеанских островов, а также некоторых частей французской империи. На Дальнем Востоке политика должна будет проводиться исходя из установки «Япония для японцев». Манчжурия и Формоза должны быть возвращены Китаю, а Южный Сахалин – России. Острова Тихого океана, на которые японцы имели мандаты, должны быть переданы под опеку об'единенных наций. Все другие тихоокеанские острова (за исключением двух групп, указанных ниже) должны будут остаться во владении тех держав, которые являются для них суверенитетами в настоящее время – Великобритания, Франция и т.д. Вместе с тем для всех этих островов должна проводиться общая экономическая политика на подобие той, которая сейчас осуществляется на Вест-Индийских островах. Французские острова MARQWESES и TUAMOTU перейдут к об'единенным нациям для использования в качестве промежуточных авиабаз на Северной и Южной воздушных линиях через Тихий океан из района Карибского моря в Австралию и Новую Зеландию. Корея и Французский Индокитай должны быть переданы под международную опеку. Опекунами для Кореи могут быть США, СССР и Китай. Тимор крайне важен для Австралии и вопрос об его

судьбе также должен быть решен. Я высказал мнение, что если практика англо-французского совместного управления (Кондоминиум) на Ново-Гибридских островах может быть использована в качестве примера, система международной администрации в противовес национальной администрации, хотя бы даже и в условиях международной опеки, несомненно будет служить причиной возникновения ряда трудностей.

По моему мнению, будет предпочтительней поручить управление и контроль кому нибудь одному опекуну. Президент заявил, что, как ему кажется, очень многое будет зависить от личных качеств тех чиновников, которым будет поручено осуществление функций опекунов на местах. В связи с этим он заявил, что Мэрффи[67] и Макмиллан[68] сработались и выполняют свои функции очень хорошо. Здесь же мимоходом он заметил, что такие пункты, как например Дакар и Бизерта имеют величайшее значение с оборонной точки зрения для США и района Средиземного моря. По его мнению, США должны будут, от имени об'единенных наций, взять на себя полицейские функции в Дакаре, а Англия будет осуществлять тоже самое в Бизерте.

7) Я указал президенту, что Франция будет категорически возражать против этого. Президент согласился с этим, однако заявил, что Франция несомненно будет нуждаться в помощи со стороны об'единенных наций. В обмен на представление этой помощи от Франции можно будет потребовать передачу некоторой части ее территорий в распоряжение об'единенных наций. Уэллес напомнил президенту, что правительство США дало обязательство о возврате Франции всех ее владений. Пре-зидент ответил, что по его мнению, данное обязательство относилось только к Северной Африке. Уэллес сказал, что в обязательстве не содержится такой оговорки. Президент заявил, что по его мнению, при урегулировании всех этих обстоятельств после войны данное положение может быть изменено.

8) При обсуждении вопроса о Германии президент вновь поднял вопрос об ее разчленении, которое как он склонен думать, будет способствовать обеспечению безопасности Европы. Президент признал, что определенные круги в Вашингтоне возражают против этого обстоятельства, а Хелл дал понять, что он сам еще не принял какого либо окончательного решения по данному вопросу. Я заявил, что мы также изучаем этот вопрос, однако в основном я согласен с необходимостью разчленения Германии, посколько Вы сами неоднократно высказывались в пользу этого. Президент заметил, что об'единенная Германия существует не так уж давно и вполне вероятно, что там могут появиться тенденции расколоться на ряд отдельных государств. Такие тенденции, по мнению президента, нужно поощрять.

9) При обсуждении политических вопросов, связанных с военной оккупацией, было высказано мнение, что гражданские представители всех правительств должны работать в контакте с об'единенными военными штабами в Вашингтоне, в Северной Африке и Лондоне. Вопрос этот будет проработан более глубоко с Уэллесом при разработке проблем администрирования итальянской территории.

10) На вопрос о том, должны ли мы будем разрешить возникновение диктатуры в любой европейской стране после войны, президент заявил, что, по его мнению, ответ на это должен быть отрицательным. В то же самое

время весьма существенным является определение того, что мы понимаем под диктатурой. В Португалии и Южной Америке также существует диктатура. По его мнению, одним из элементов, определяющих характер и существо диктатуры, должно быть установление факта: содержит ли конституция той или иной страны разрешение на проведение свободных выборов.

11) Мы так же коснулись вопроса о гражданской авиации и транспорте.

12) При обсуждении вопроса о гражданской авиации президент заявил, что по его мнению, главным принципом должно быть запрещение странам владеть или руководить авиасвязью на территории другой страны. Вместе с тем он не возражает против того, чтобы одна страна могла направлять в другую квалифицированный авиаперсонал. Самолетам должно быть представлено право приземляться на аэродромах других стран, однако они не должны заниматься перевозками пассажиров или грузов из одного воздушного порта на иностранной территории в другой иностранный авиапорт. Президент выразил надежду, что когда английские и американские эксперты достаточно тщательно проработают вопрос, они смогут обменяться мнениями друг с другом, а также с экспертами других заинтересованных правительств. Он выразил уверенность в том, что это будет осуществлено как можно быстрее.

13) В процессе беседы мы также коснулись положения в такого рода странах, как, например, Норвегия, которая к моменту окончания войны вероятно потеряет значительную часть своего коммерческого тоннажа. Такого рода страны будут иметь право на возмещение утерянного флота, причем это должно быть осуществлено на самых благоприятных условиях. Я заметил, что по всей вероятности мы сами окажемся в категории таких стран.

14) Гопкинс порекомендовал президенту уполномочить государственный департамент проконсультироваться по данному и другим техническим вопросам с другими заинтересованными правительственными учреждениями, как только они будут соответствующим образом подготовлены.

Президент согласился с данным предложением.

15) В конце беседы Гопкинс высказал мнение, что крайне важно иметь ввиду три следующих положения:

а) Необходимо отказаться от каких бы то ни было попыток создать своего рода «Европейский совет» (A EUROPEAN COUNCIL), поскольку такого рода попытки чрезвычайно ободрят изоляционистов, которые несомненно ухватятся за малейшие шансы создать аналогичный совет для американского континента.

б) Переговоры не должны выглядеть, как англо-американские попытки урегулировать будущее всего мира.

в) Во всей нашей будущей политике в отношении Китая следует заранее исключить всякую возможность его эксплуатации в интересах извлечения прибыли.

16) По параграфу «Б» я заявил о необходимости для правительства США информировать советское правительство о наших переговорах, поскольку будет крайне нежелательно, если сообщение о них поступит в Москву только от английского правительства».

№ 52 Копия
Сов. секретно

24 апреля 43 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ, тов. БЕРИЯ

Резидент НКГБ СССР в Нью-Йорке сообщил следующие агентурные сведения: «Один из советников РУЗВЕЛЬТА Томас КОРКОРАН и бывший генеральный секретарь французского министерства иностранных дел ЛЕЖЕ в беседе с нашим источником заявили:

1. В результате визита ИДЕНА, между Англией и США достигнута полная договоренность по французскому вопросу. Правительства обеих стран недовольны позицией де ГОЛЛЯ из-за его усиливающегося стремления играть большую политическую роль в послевоенной Франции. Обе стороны доверяют больше ЖИРО[69], лишенному политических амбиций. Англия и США решили добиться соглашения между ЖИРО и де ГОЛЛЕМ, имея в виду, однако, не дать последнему возможности играть доминирующую роль в этом соглашении. Генерал КАТРУ приобретает все большее доверие со стороны Англии.

2. Англия обеспокоена наличием скрытых разногласий между США и СССР и хотела бы воздействовать на США с целью их устранения. Это явилось одной из основных проблем в переговорах ИДЕНА с РУЗВЕЛЬТОМ.

ИДЕН настаивал на необходимости быстрейшего открытия второго фронта и желательности уже сейчас начать с СССР обсуждение вопроса о его европейских границах, но успеха в этом не добился и согласился с аргументами РУЗВЕЛЬТА, который якобы заявил, что «вопрос о втором фронте является трудно разрешимой проблемой. Генштаб американской армии возражает против открытия второго фронта по причинам недостаточной подготовленности американской армии и больших потерь в тоннаже в результате подводной войны. Русские хотели бы открытия второго фронта в Бельгии и Франции, однако генштаб считает, что состояние коммуникаций в западной Европе позволит Германии быстро перебросить резервы. Высадка союзников с теми средствами, которыми они располагают сейчас, грозит поражением. Генштаб также отказался от идеи второго фронта в Италии и Греции. По мнению Генштаба, лучшим местом для вторжения является долина Дуная – Румыния, Венгрия, Австрия. Однако для такого рода операции потребуется провести предварительное совещание с Турцией, а также необходимо обладать возможностью контролировать Средиземное море. Всякое обсуждение вопроса о европейских границах преждевременно, так как выдвинет такие сложные проблемы, как Польша и Прибалтика».

По сведениям нашего источника, РУЗВЕЛЬТ и генштаб, а также английское правительство недовольны тем, что СССР недостаточно информирует их об опыте войны Красной Армии с немцами, их тактике и вооружении.

Народный комиссар Государственной Безопасности
Союза ССР (Меркулов)

№ 53 Копия
Совершенно секретно

5 июня 43 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ, товарищу БЕРИЯ

Сообщаем содержание полученной из Лондона агентурным путем телеграммы английского посла в СССР за № 423 от 23 мая с.г. в адрес английского министерства иностранных дел.

«1) Обсудив здесь решение о роспуске Коминтерна, мы склонны считать, что это было вызвано соображениями как внутренней, так и внешней политики.

2) Следует иметь в виду, что в прошлом Коминтерн использовался как оружие обороны, так и наступления. Это оружие было сомнительным и нечистоплотным, но для иностранцев оно во всяком случае казалось достаточно сильным. Вполне возможно, что необходимость отказа от этого сомнительного и изношенного оружия появилась в результате роста и укрепления Красной Армии и ее выдающихся успехов. Решение о роспуске Коминтерна можно об'яснить необходимостью разделаться с чем-то таким, что стало крайне неудобным для советского правительства в международных отношениях. Частично это может об'ясняться все более заметной тенденцией к национализму. Коминтерн, штаб-квартира которого уже давно была удалена в провинцию, в течение продолжительного времени был мертв, однако гордость не позволяла этого признать. Только теперь, видимо, была признана невозможность дальнейшего существования такого положения и было решено «организовать трупу приличные похороны».

3) Вероятно, что роспуск Коминтерна был вызван своевременным признанием того факта, что деятельность данной организации была причиной существования целого ряда подозрений за границей, в связи с чем советское правительство сейчас пытается исправить это положение, во всяком случае перед лицом тех слоев общественного мнения Великобритании и Америки, которые не скрывали своего неудовольствия по поводу существования Коминтерна. Вероятно также, что одной из причин была необходимость привлечения на свою сторону колеблющихся, путем ликвидации «большевистского пугала», то есть предоставление английской и другим компартиям видимости свободы от московской зависимости и укрепления недавно приобретенной независимости американской компартии. Во всяком случае на мирную конференцию советское правительство может прийти чистым и незапятнанным.

4) В принятии решения о роспуске Коминтерна взаимоотношения английской компартии с лейбористской партией видимо имели очень небольшое значение, хотя возможно, что время для опубликования решения было выбрано с учетом интересов английской компартии.

5) Исчезновение Коминтерна, хотя оно еще и должно быть утверждено ЦК партии, все же явилось неприятным сюрпризом для членов партии, которые жили только текущими событиями».

Народный комиссар Государственной Безопасности
Союза ССР (Меркулов)

№ 54 *Сов.секретно*

июль 1943 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу БЕРИЯ

Сообщаем содержание полученной агентурным путем из Лондона телеграммы английского министерства иностранных дел, отправленной 27 июня с.г. английскому министру-резиденту в Алжире. Копии телеграммы посланы дипломатическим представителям Англии в Вашингтоне, Москве и Куйбышеве:

«Советское правительство поручило своему послу при союзных правительствах в Лондоне господину БОГОМОЛОВУ немедленно выехать в Алжир дней на десять для ознакомления с обстановкой на месте.

Господин МАЙСКИЙ об'яснил нам, что поскольку советское правительство не имеет своего представителя в Алжире, оно хотело бы получить информацию оттуда из первоисточника. Господин БОГОМОЛОВ поедет только для этой цели, и его визит не будет означать признания советским правительством Французского национального комитета в Алжире.

Советское посольство уже обращалось по данному вопросу к господину Вейно (представитель комитета национального освобождения в Лондоне) и к послу США. Вейно ответил, что он должен передать этот вопрос в Алжир на рассмотрение, а господин ВАЙНАНТ[70] запросил мою точку зрения. Я ответил ВАЙНАНТУ, что по нашему мнению, данный вопрос должен быть решен генералом ЭЙЗЕНХАУЭРОМ, а мы, со своей стороны, готовы поддержать любое решение правительства США как в пользу данного визита, так и против него.

Возможной линией реагирования могла бы быть дача ответа в том смысле, что мы, конечно, согласны на поездку господина БОГОМОЛОВА, однако по соображениям военного характера настоящий момент не является вполне подходящим для визита и мы надеемся, что советское правительство согласится отсрочить эту поездку, поскольку союзнические штабы сейчас очень заняты».

Народный комиссар Государственной Безопасности
Союза ССР (Меркулов)

№ 55 *Сов. секретно*

14 сентября 1943 г.

СООБЩЕНИЕ ИСТОЧНИКА ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ
О КОНФЕРЕНЦИИ В КВЕБЕКЕ[71]

1. Целью созыва конференции в Квебеке было обсуждение военных вопросов. Одной из основных задач, ставившихся перед собой англичанами, в частности начальниками штабов британских воздушных сил, было получение от американцев обязательств, что они будут придерживаться принятых решений на конференции в Касабланке и точно их выполнять. Англичане опасались, что американцы в сложившейся сейчас международной обстанов-

ке, не будут прилагать усилия для выполнения решений конференции в Касабланке в части концентрации сил для ведения операций против Европы, а попытаются активизировать подготовку для проведения войны против Японии. Присутствие ЧЕРЧИЛЛЯ было особенно желательно на этой конференции для оказания политической поддержки РУЗВЕЛЬТУ в принятии решения по вопросу ведения военных операций в Европе в первую очередь. Поддержка ЧЕРЧИЛЛЯ РУЗВЕЛЬТУ в этом вопросе сыграла значительную роль в деле принятия американцами английской точки зрения, так как среди наиболее реакционных кругов США ЧЕРЧИЛЛЬ пользуется гораздо большим авторитетом, чем РУЗВЕЛЬТ. Особенно было успешно разрешение вопроса об использовании англоамериканских военно-воздушных сил против континента. Согласно решению этой конференции основные усилия американских военно-воздушных сил будут сделаны в направлении бомбардировки Европы. В настоящее время 85 процентов бомбардировочной авиации США находится на европейском театре военных действий. На конференции было принято решение, что такая пропорция распределения американских военно-воздушных сил останется в силе до весны.

2. После капитуляции Италии союзники получают значительное количество авиабаз, которые главным образом, будут использоваться тяжелыми американскими бомбардировщиками. Англичане с баз Италии будут использовать только свои средние бомбардировщики. Английские тяжелые ночные бомбардировщики будут и впредь вести операции только с баз Англии. Взаимоотношения между командованием английских и американских военно-воздушных сил были на конференции хорошими. Командование американских военно-воздушных сил поддержало английскую точку зрения о необходимости продолжения концентрации сил союзников против Германии, в противовес точке зрения американского армейского командования, которое настоятельно отстаивало точку зрения о необходимости концентрации союзнических сил в первую очередь для войны против Японии. ЭЙЗЕНХАУЭР поддерживал английскую точку зрения.

№ 56

12 октября 1943 г.

СООБЩЕНИЕ ИСТОЧНИКА ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ О РЕШЕНИЯХ ПОЛЬСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

1) Польский генеральный штаб с согласия правительства и президента дал инструкции уполномоченному польского правительства в Польше готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении ее на территорию Польши. Польские вооруженные силы, должны в силу этих инструкций вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением в Западной Украине и Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной Армии. Польское правительство и военные круги уверены, что Англия и США не согласятся на уменьшение территории Польши. Поэтому эти круги фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Англичане знают об этих инструкциях уполномоченному польского правительства

и молчаливо одобряют их. Инструкции предусматривают использование польской полиции, ныне находящейся официально на службе у немцев, для борьбы с партизанским движением и Красной Армией. В польском правительстве не было единства при решении этого вопроса...

В Польшу послано указание скрывать от населения эти инструкции, но всячески возбуждать население против СССР путем пропаганды, что СССР хочет захватить всю Польшу, закрыть католические костелы, обратить поляков в православных, выслать всех несогласных в Сибирь.

2) Польский генеральный штаб принял решения:

а) Переименовать польскую армию в «АРМИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ»;

б) Применить гитлеровский демагогический прием и сделать главным пропагандистским лозунгом армии «БОРЬБА С КОММУНИЗМОМ, ПЛУТОКРАТИЕЙ И РАЗДЕЛ КРУПНЫХ ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЙ». Обещать солдатам после возвращения в Польшу земельные наделы в размере от 15–20 гектар.

№ 57 *Совершенно секретно*

октябрь 43 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу С Т А Л И Н У, товарищу М О Л О Т О В У, товарищу Б Е Р И Я

НКГБ СССР сообщает следующие агентурные данные, касающиеся московской конференции министров иностранных дел[72], полученные агентурным путем в Лондоне.

12 октября 1943 года ИДЕН телеграфно сообщил в Москву британскому послу Кларку КЕРРУ, что он 7 октября принял министров иностранных дел союзнических правительств и следующим образом информировал их о целях московской конференции.

Британская делегация не будет пытаться прийти к определенным соглашениям, но вполне возможно, что удастся заключить временное соглашение по ряду вопросов, касающихся сотрудничества трех держав во время и после войны. Вполне возможно также, что будет опубликовано сообщение, отвергающее принцип выделения сфер влияния и будет достигнуто соглашение в отношении принципов управления освобождаемыми территориями.

Британская делегация надеется определить об'ем работы и функции военно-политической комиссии, в частности: должны ли быть ее функции расширены; будет ли она в этом случае переведена из Алжира и должны ли быть привлечены к ее работе другие державы. Личная точка зрения ИДЕНА такова, что другие державы должны участвовать в работе комиссии при обсуждении вопросов, представляющих для них специальный интерес.

На конференции также будут обсуждаться польские дела, положение на Балканах и в Иране.

ИДЕН заявил, что вопрос о будущей Германии стоит на повестке дня конференции, но британская точка зрения по этому поводу, в частности о том – будет ли Германия расчленена, не определена еще окончательно, за исключением таких вопросов, как полное разоружение Германии и эвакуация

немцами оккупированных территорий. ИДЕН считает маловероятным, чтобы три державы пришли к какому-либо твердому соглашению по германскому вопросу.

Положение в Италии по мнению ИДЕНА является трудным, в связи с тем, что там недостаточно антифашистов, могущих принять участие в управлении страной. Проект использования ГРАНДИ оценивается отрицательно, а вопрос о влиянии в Италии графа СФОРЦА ИДЕН считает неясным. По словам ИДЕНА Великобритания рекомендует маршалу БАДОЛЬО расширить свое правительство, но последнему не легко найти людей, подходящих для этой цели. ИДЕН полагает, что после занятия Рима положение несколько облегчится.

Народный комиссар Государственной Безопасности
Союза ССР (В. Меркулов)

№ 58 *Совершенно секретно*

27 октября 43 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу СТАЛИНУ, товарищу МОЛОТОВУ, товарищу БЕРИЯ

НКГБ СССР сообщает следующие сведения, касающиеся московской конференции министров иностранных дел, полученные агентурным путем в Лондоне.

15 октября из Каира в Лондон от ИДЕНА в адрес ЧЕРЧИЛЛЯ была послана телеграмма за № 1932 следующего содержания: «Сегодня утром в беседе со мной югославский король[73] спросил, будет ли югославский вопрос обсуждаться в Москве. Я ответил, что по моему мнению чрезвычайно важно выработать общую политику, если это окажется возможным. Король с этим согласился. Я об'яснил, что наши трудности заключатся в том, что русские несомненно будут утверждать, что в то время как ТИТО воюет с немцами, МИХАЙЛОВИЧ74 этого не делает.

Я спросил короля, могу ли я заверить советское правительство, что МИХАЙЛОВИЧ возьмет на себя обязательство провести какую-либо крупную операцию против немцев, вроде разрушения железной дороги Белград–Ниш, или Борских рудников. Я пояснил, что имею в виду дачу подобного заверения в том случае, если бы например мы и русские смогли договориться о проведении общей политики и попытались бы совместно убедить ТИТО и МИХАЙЛОВИЧА не воевать друг с другом, а сконцентрировать усилия на войне с немцами и не вторгаться на территории, соответственно занятые ТИТО и МИХАЙЛОВИЧЕМ. Король ответил, что такое заверение может быть дано.

В этот момент в разговор вмешался югославский премьер-министр. Он пытался утверждать, что МИХАЙЛОВИЧ сковывает больше немецких дивизий, чем партизаны, но я ответил, что это не подтверждается имеющейся у нас информацией. В заключение, после дополнительных разговоров, югославский премьер-министр согласился, чтобы мы дали такое заверение, касающееся МИХАЙЛОВИЧА, если в этом будет необходимость. Однако, югославский премьер высказал мнение, что русские вряд ли согласятся

участвовать в проведении подобного плана. Я ответил, что по крайней мере мы должны попытаться достигнуть согласия с русскими. Гражданская война в Югославии, к которой мы, повидимому, быстро приближаемся, будет только на пользу немцам.

Мне кажется, что югославский премьер-министр в основном был озабочен необходимостью сберечь имеющиеся в распоряжении МИХАЙЛОВИЧА резервы для того периода, когда немцы будут изгнаны из Югославии».

Народный комиссар Государственной Безопасности
Союза ССР (В. Меркулов)

№ 59 *Сов.секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ АНКАРЫ 19 ноября 43 г.

Источник сообщил, что 16 ноября министр иностранных дел Турции МЕНЕМЕНДЖИОГЛУ доложил иностранной комиссии меджлиса о своей встрече с ИДЕНОМ, который информировал его о том, что основным и главным вопросом на московской конференции являлся вопрос об открытии второго фронта, выдвинутый советами и являвшийся основным предметом обсуждения, причем союзники дали твердое обещание в ближайшее время его открыть. Все остальные решения конференции по словам МЕНЕМЕНДЖИОГЛУ и согласно полученной им от ИДЕНА информации, являлись второстепенными.

ИДЕН поставил перед МЕНЕМЕНДЖИОГЛУ вопросы о предоставлении Англии баз, пропуске ее флота через проливы для более эффективной помощи СССР, присоединение к союзникам и вступление в войну против Болгарии. По словам министра, на эти вопросы были даны следующие ответы:

В представлении баз и в пропуске флота – отказано на том основании, что во-первых Турция не имеет никакого подтверждения тому, что операции союзников против Балкан совпадают с желаниями СССР, а во-вторых, это могло бы привести к агрессии Германии против Турции.

В отношении Болгарии отвечено, что не исключено, что Болгария, подобно Италии, может выйти из войны и сделаться союзником. Кроме того, это также могло бы привести к столкновению с Германией. Имея также ввиду еще и то, что ввиду занятости англичан на другом театре, Турция не может расчитывать (так в тексте) на помощь англичан в этом случае, это предложение англичан отклонено также.

Со своей стороны Турция заявила, что она согласна вступить в войну немедленно после того как союзники откроют настоящий и успешный второй фронт против Германии или, если Турция сама станет предметом агрессии со стороны Германии или Болгарии. МЕНЕМЕНДЖИОГЛУ заявил далее, что можно быть твердо уверенным, что ранее, чем к концу марта союзники второй фронт не откроют и поэтому вступление Турции в войну по крайней мере до этого срока – исключено. Кроме того, по его словам к тому времени положение станет еще более ясным и, если Турции после этого срока все-таки придется вступить в войну, то она будет для борьбы более подготовленной.

Говоря о поездке посла Германии в Турции ПАПЕНА в Берлин, МЕНЕМЕНДЖИОГЛУ сообщил, что перед от'ездом ПАПЕН имел с ним беседу и имея ввиду все вышеизложенное он заявил ПАПЕНУ, что Германия может быть твердо уверенной, что Турция останется нейтральной и никаких военных действий против Балкан открывать не намерена.

№ 60 *Сов. секретно*

ноябрь 43 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу С Т А Л И Н У, товарищу М О Л О Т О В У, товарищу Б Е Р И Я

НКГБ СССР сообщает следующие, полученные из Лондона и Нью-Йорка, агентурные данные о подготовке англо-американских вооруженных сил к вторжению на территорию Франции.

Операции по вторжению предположено начать в марте 1944 г. Соотношение англо-американских вооруженных сил, предназначающихся для военных действий на территории Европы, определено в 70% американских и 30% английских, кроме Норвегии, для которой обусловлено 90% английских и 10% американских войск.

Сперва намечается захватить Нормандию и Бретань с направлением удара на Кан (Нормандия). Для проведения этой операции планируется выделить 100 дивизий (70 американских и 30 английских). Первоначальную высадку предполагается осуществить силами 20 дивизий, из которых будет выделена ударная группа в 8–9 дивизий.

Одновременно с главной операцией по вторжению с Запада, намечено провести силами 6 дивизий отвлекающую операцию в устье реки Роны. Кроме того, союзным командованием намечена еще одна наземная операция, для которой предусмотрено выделить 26 американских дивизий.

В настоящее время производится сосредоточение необходимых для этих операций войск на территории Англии, в частности перебрасываются значительные контингенты американских войск из Северной Африки.

Народный комиссар
государственной безопасности Союза ССР (В. М е р к у л о в)

№ 61 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.
Товарищу М О Л О Т О В У В.М.
Товарищу Б Е Р И Я Л.П.

12 апреля 44 г.

НКГБ СССР сообщает следующие данные, характеризующие отношение руководящих правительственных англо-американских кругов к вопросу о гражданской администрации во Франции.

По сведениям нашего источника, близкого к кругам министерства иностранных дел Великобритании, РУЗВЕЛЬТ подготовил для ЭЙЗЕНХАУЭРА секретную директиву по вопросу о гражданской администрации во Франции.

Согласно этой директиве, ЭЙЗЕНХАУЭРУ предоставляется право поддерживать контакт на территории Франции не только с Французским комитетом национального освобождения, но и с другими органами местной власти, однако запрещается проведение каких-либо мероприятий, которые могут быть расценены как признание Французского комитета, или другой администрации, правительством Франции.

По этому вопросу госдепартамент запросил мнение министерства иностранных дел Великобритании, но ответа еще не получил.

Данная директива будет подвергнута обсуждению в штабе об'единенных операций в Вашингтоне, и в случае ее утверждения, госдепартамент предполагает начать переговоры с Ж. МОННЭ – представителем Французского комитета национального освобождения в Вашингтоне.

Кроме того, нами получены в Лондоне, агентурным путем, копии текстов следующих двух секретных документов по этому вопросу:

а) Телеграмма № 337 от 24.Ш. 1944 г. министра-резидента в Алжире МАКМИЛЛАНА, адресованная министерству иностранных дел Великобритании.

«На Вашу телеграмму № 296.

Пользуясь Вашим предложением сообщить свое мнение по затронутому Вами вопросу, я должен заявить, что по моему мнению секретная директива РУЗВЕЛЬТА генералу ЭЙЗЕНХАУЭРУ умышленно предназначена для оскорбления Французского комитета национального освобождения, который был им признан и к которому он аккредитовал своего представителя в ранге посла. Я не удивляюсь, что американский представитель отказался возвратиться в Алжир.

Кроме того, следует учесть, что Французский комитет имеет некоторые преимущества перед всеми другими союзническими правительствами, которые получили полное признание.

Французский комитет находится на французской территории, управляет большой империей, руководит армией, морским и воздушным флотами, участвующими в борьбе на стороне об'единенных наций. Французский комитет также имеет поддержку большинства французского народа, представленного в Консультативной ассамблее, которая недавно занималась разработкой мероприятий по созданию подлинно демократической системы будущей Франции.

Несмотря на все это, к Французскому комитету национального освобождения относятся с меньшим уважением, чем к так называемым правительствам Польши, Греции и Югославии.

Если содержание директивы Рузвельта станет известно французам, то престиж американцев, уже подорванный в Северной Африке и во Франции, окончательно падет. Поскольку принято считать, что взгляды правительства его величества обычно совпадают с точкой зрения президента, имеется опасность, что престиж Великобритании также будет этим подорван.

Если советское правительство воспользуется создавшейся обстановкой и полностью признает Французский комитет, результат будет очень неприятным».

б) Телеграмма № 75 от 1 апреля 1944 года английского посла в Вашингтоне ГАЛИФАКСА, адресованная министерству иностранных дел Великобритании:

«Я информировал ДАННА (помощник ХЭЛЛА[75]) и МАККЛОЯ (помощник военного министра СТИМСОНА).

ДАНН согласился с нашим ответом советскому послу и заявил, что директиву о гражданской администрации во Франции не следует сообщать ЭЙЗЕНХАУЭРУ до тех пор, пока этот вопрос не будет выяснен с советским правительством в Европейской консультативной комиссии.

ДАНН сообщил, что госдепартамент понял нежелание русских заниматься какими-либо другими вопросами в Европейской консультативной комиссии до тех пор, пока не будут приняты окончательные условия капитуляции Германии. Однако, он высказал предположение, что русские не будут строго придерживаться этой позиции.

ДАНН придает большое значение характеру информации, которая должна быть передана Французскому комитету и психологическому подходу к нему в самой дружественной форме. Он считает необходимым вести переговоры с Французским комитетом через его представителя в Вашингтоне Ж. МОННЭ, которого можно выгодно использовать для лучшего интерпретатора в Алжире через его связи в Лондоне (очевидно через представителя Французского комитета ВЬЕНО), где будут происходить переговоры с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ. Вне зависимости от того, какой вариант будет принят, в основу отношений с Французским комитетом должно быть положено наше предложение о назначении миссии Комитета при ЭЙЗЕНХАУЭРЕ и наше заявление о желании поддерживать тесное и дружественное сотрудничество с Комитетом, с которым мы намереваемся разрешить вопрос о гражданской администрации во Франции в обстановке доверия и сотрудничества.

Мы могли бы открыто заявить, что несмотря на то, что в данный момент мы не можем связывать себя обещанием, не поддерживать контакта с какими-либо другими французами (помимо правительства Виши), мы не намерены делать этого и во всяком случае по таким вопросам будем консультироваться с Французским комитетом.

ДАНН добавил, что по его предположению французы в Лондоне получили копию директивы РУЗВЕЛЬТА, о чем он очень сожалеет.

Замечания ДАННА я не предназначал для записи, однако надо учесть, что на основании его слов можно предположить, что США намерены обратиться с теплым письмом к Французскому комитету как к признанному правительству».

Народный комиссар
Государственной Безопасности Союза ССР (В. Меркулов)

№ 62 *Сов. секретно*

6 мая 1944 г.

СООБЩЕНИЕ ИСТОЧНИКА ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ ОБ АНТИСОВЕТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЛОНДОНЕ

1. Недавно польское правительство организовало приезд в Англию двух представителей польского нелегального движения с целью убедить английское мнение в том, что поляки в Польше настроены против Союза польских

патриотов и Советского Союза и не хотят, чтобы Красная Армия вступила на польскую территорию.

Во время их пребывания в Англии они были приняты Черчиллем и другими членами английского правительства и старались убедить англичан, что польское эмигрантское правительство пользуется полной поддержкой в стране. Эти лица 17 апреля при полете над Англией, накануне возвращения в Польшу, погибли во время катастрофы.

2. Польская разведка ведет опаснейшую провокационную работу в газетах распространением среди англичан нелепых провокационных слухов с целью испортить отношения Англии и США с Советским Союзом. Так например, в настоящее время в газетах распространяются слухи доказывающие англичанам и американцам, что по их агентурным данным Советский Союз, якобы в обмен на каучук, передает японцам полученное от Англии и США вооружение и танки и что японцы убивают английских и американских солдат их собственным оружием и так далее. Эта провокация расчитана не только на ухудшение отношений между Советским Союзом и союзниками, но и на то, чтобы побудить союзников сократить поставки вооружения и тем самым способствовать ослаблению Советского Союза в борьбе с немцами.

3. Польское офицерство здесь мечтает о том, что немецкая армия оправится от поражения, возьмет инициативу и разгромит Красную Армию.

4. Польские протестантские организации в Англии, как например ассоциация польских протестантов и Силезская Ассоциация, привлечены польским министерством информации к антисоветской пропагандистской работе и получают для этой цели крупные суммы. Руководит этими организациями член польского национального совета доктор Козусцник.

№ 63 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ В КАИРЕ ОТ 1 ИЮНЯ 44 г.

Английский полковник ДЕСБРИЧ, бывший секретарь посольства в Белграде, ныне начальник военной пропаганды при штабе на Среднем Востоке, сообщил источнику резидентуры, что английская политика в отношении ТИТО остается прежней, несмотря на заявление ЧЕРЧИЛЛЯ: его военные возможности будут использованы, но политического вождя Югославии при помощи англичан он не получит – они будут этому препятствовать. До сих пор англичане вынуждены были уступать русским в ряде вопросов, в частности, итальянском, греческом, югославском, так как военные успехи были на стороне русских, но теперь положение изменилось: инициатива перешла в руки союзников, и поэтому английская политика в отношении СССР, в частности, в балканских вопросах будет более твердой.

Полковник югославской армии ПОПОВИЧ, связанный с англичанами, заявил, что «англичане решили не пускать русских на юг от Дуная, если даже для этого придется когда-либо применить силу».

Решать югославский вопрос будут прежде всего англичане.

№ 64 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ ВАШИНГТОНА
ОТ 14 ИЮНЯ 1944 г.

Находящийся в Швейцарии представитель Управления стратегических служб в американском посольстве в Берне известный Вам ДАЛЛЕС сообщил в госдеп, что к нему приезжал из Германии лично генерал фон БРАУХИЧ, который заявил, что от имени группы военных он предлагает мир на следующих условиях:

1. Они свергнут Гитлера.
2. Создадут военное правительство, которое пойдет на безусловную капитуляцию.
3. Советские войска не должны участвовать в оккупации какой бы то ни было германской территории.

Госсекретарь ответил ДАЛЛЕСУ, что никаких переговоров с немцами без участия других союзников американцы вести не будут.

В конце мая ДАЛЛЕС сообщил, что к нему обратились представители одной группы в Германии, состоящей из видных военных, включая ЦАЙЦЛЕРА[76], промышленников и оставшихся в Германии правых социал-демократов, с предложением о мире на условиях очищения германскими войсками оккупированных территорий в западной Европе и свободы действий на Востоке для продолжения войны против СССР.

№ 65 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ В ИТАЛИИ ОТ 30 ИЮЛЯ 1944 г.

«Американские представители СПЕЛЬМАН и ТЕЙЛОР прибыли в Рим по просьбе папы. Здесь в Ватикане они встречаются с немецким послом при Ватикане ВАЙЦЗЕКЕРОМ, который якобы представляет военную группу в Германии БРАУХИЧА и КЕЙТЕЛЯ. ВАЙЦЗЕКЕРА рассматривают как лучшего дипломата не скомпрометированного нацизмом и стойкого антикоммуниста.

Немцами, якобы, выдвинуты союзникам следующие условия мира: район Рейна отходит к Франции; Австрия выделяется в самостоятельное государство; Польша получает старые границы с Германией, но без коридора и Данцига; взамен этого Польша получает Мемель с округом. Будет составлено военное правительство из нескомпрометированных генералов. Союзники охраняют целостность Германии».

№ 66 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ В КАИРЕ ОТ 7 НОЯБРЯ 1944 г.

В арабских правительственных кругах об’явление войны Болгарии считают неизбежным последствием двойственной политики Болгарии, намеревавшейся по совету немцев прикрыться нейтралитетом от ответственности за помощь, оказанную немцам против СССР. Кроме того, СССР хочет на рав-

ных основаниях с союзниками решать балканские дела. В штабе главного командования английской армии на Среднем Востоке не скрывают раздражения и недовольства этим актом советского правительства, так как он нарушает все планы англичан на Балканах и доказывает, что СССР хочет обеспечить решающую роль не только в румынском вопросе, но и в делах других балканских стран.

№ 67 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ 14 декабря 1944 г.

Данные «Э».

Препроводительное письмо Идена от 27 ноября 1944 года к меморандуму МИД Великобритании «Конфедерация, федерация и децентрализация германского государства и расчленение Пруссии», адресованное членам комитета по перемирию и послевоенным проблемам.

«Я надеюсь в скором времени передать комитету пересмотренный документ по вопросу расчленения Германии. Одновременно с этим я рассматривал другие возможные способы ослабления Германии путем конституционного переустройства. Я сейчас изучаю документ, составленный МИД'ом, в котором рассматриваются положительные стороны и возможности для осуществления конфедерации, федерации и децентрализации, а также расчленения Пруссии. Я не хочу делать свои выводы, однако думаю, что мои коллеги найдут этот документ полезным вкладом в дело изучения вопроса о будущей Германии».

Конфедерация, федерация и децентрализация германского государства и расчленение Пруссии.

Если расчленение Германии по различным причинам считается неосуществимым, то это еще не означает, что невозможно будет ослабить Германию посредством проведения других конституционных переустройств и в особенности посредством конфедерации, федерации и децентрализации. Эти вопросы разбираются в Приложении 1, а вопрос о расчленении Пруссии разбирается в Приложении 2.

При рассмотрении вопроса о будущей политической системе Германии необходимо постоянно иметь ввиду четыре момента. Во-первых, ни одна система не будет существовать продолжительное время, если она окажется не приемлемой для широких масс германского народа. Мы можем предпринять многое по отношению к немцам. Мы можем разоружить их, разрушить их промышленность, если мы захотим этого, лишить их большей части территории, выселить население оттуда и прочее. Однако конечная форма их государственного устройства должна быть определена ими самими, а не навязываться нами. Иначе мы никак не сможем предотвратить крах.

Во-вторых, следует помнить, что в течение последних ста лет среди германского населения было сильное стремление к такому политическому единству, которого уже достигли его соседи. Имеются все основания предполагать, что это стремление появится вновь, если единство Германии будет нарушено в результате действий извне или в результате расчленения, произведенного другими государствами. При таких обстоятельствах цель воссо-

здания об'единенной Германии явится сосредоточием всех недовольств, стремлений и деятельности немцев. Это будет тем более вероятным, если государственное устройство, одобренное Германией под давлением извне, вызовет внутренние разногласия и несоответствие в распределении власти между центром и входящими в состав Германии государствами. Политическая неустойчивость такого рода может в конечном счете породить движение, направленное на концентрацию власти в руках сильного центрального правительства. Это как раз имело место в период существования Веймарской Германии, что сперва привело к правительству, созданному конституционным путем, а в конечном счете – к Гитлеру.

В-третьих, важным сопутствующим фактором всякой системы децентрализации является эффективное расчленение Пруссии. Факторы, говорящие против расчленения Германии в целом, не применимы по отношению к Пруссии. Было бы абсурдом путем децентрализации Германии возрождать прусское государство в таком виде, в каком оно существовало до того, как нацистское правительство свело на нет систему федеративных государств. Тот факт, что мощное прусское правительство может действовать в качестве противовеса и таким образом еще далее ослаблять центральное правительство, таит в себе опасность: возрождение Пруссии в том виде, в каком она существовала до 1918 г., породит в населении Германии именно те элементы, которые мы хотим подавить, то есть создаст предпосылки, на основании которых она будет осуществлять свою власть над остальной Германией в духе, не выгодном для интересов об'единенных наций.

В-четвертых, если в конечном счете будет установлена конституционная система, то мы не должны рассматривать это как гарантии безопасности. Мы обеспечим безопасность со стороны Германии только тогда, когда она будет настолько ослаблена, что не в состоянии будет или не захочет продолжать борьбу. До тех пор пока будет продолжаться это продолжительное ослабление Германии, мы будем застрахованы от дальнейших атак с ее стороны. Но если из-за недостаточно проявленной настойчивости, ложного представления о безопасности или ссоры с нашими нынешними союзниками мы ослабим свои силы или бдительность, то мы не спасемся, полагаясь только на то, что в Германии может быть установлен демократический строй или что Германия может представлять собой федеральное государство или даже что Германия будет расчленена. Возможно, не будет преувеличением сказать, что все эти политические мероприятия содержат в себе зародыш опасности, которая заключается в том, что они могут со-здать у народа ложное впечатление об их эффективности как средства безопасности, позволяющего нам отказаться от мер, предусмотренных программой безопасности, которая требует с нашей стороны напряжения сил и лишений. Можно ли надеяться, что народ никогда не заблуждается в подобных предположениях? Мы не могли позволить себе доверять политическим линиям Мажино.

Общая цель данного документа заключается в том, что при обсуждении указанных проблем с нашими союзниками нам следует отстаивать необходимость уничтожения Пруссии, о чем идет речь в Приложении № 2 меморандума. Нам следует указать, что, не стремясь к насильственному введению федерализма в Германии, нам необходимо пропагандировать идею федерализма в том разрезе, как об этом говорится в 16-м параграфе Приложения № 1 меморандума. Однако в своей защите этой точки зрения нам не следует захо-

дить настолько далеко, чтобы оспаривать точку зрения советского представителя в Европейской консультативной комиссии (одобренную в основном представителем США) о том, что наш контрольный орган должен полностью использовать германский центральный административный аппарат.

Приложение № 1

Германия: конфедерация, федерация и децентрализация

[...]

I. Конфедерация

2. Конфедерация (или staatenbund – союз государств) означает для немцев образование лиги суверенных государств, созданных в результате заключения многостороннего договора. Конфедерация не представляет собой государства. Ее центральный аппарат обычно сведен до уровня совещательной ассамблеи, и его власть не распространяется на отдельное государство – члена конфедерации. Основные и, пожалуй, исключительные интересы центрального конфедеративного аппарата сосредоточены вокруг сфер внешних отношений, защиты и сохранения мира в пределах конфедерации. Такова была система, установленная после наполеоновских войн, когда Германия представляла собой конфедерацию 39 суверенных государств[77], которые были представлены в германском рейхстаге во Франкфурте.

[...]

4. Однако... либо конфедерация будет настолько непрочной, что вновь появится большинство особенностей, характерных для состояния полного расчленения со всеми присущими ему невыгодами и опасностями, среди которых будет исчезновение самого названия Германии, либо конфедеративные государства Германии будут иметь возможность усиливать центральный аппарат до тех пор, пока последний не начнет выполнять те функции, которые выполняет центральное правительство при федеративной системе. Все конфедерации, которые существовали на протяжении последних нескольких столетий, имели такую тенденцию. Любая попытка об'единенных наций помочь германской конфедерации превратиться в федеративное государство создаст приблизительно такие же трудности и опасности, которые могут произойти в случае, если об'единенные нации попытаются удержать Германию в состоянии полного расчленения.

II. Федерация

5. Федерация (или bundesstaat – союзное государство) в противоположность конфедерации staatenbund) представляет собой государство, в котором суверенитет делится между центром и членами федерации на основании принципов, изложенных в конституции. При таком трехгосударственном устройстве центральное правительство может в тех вопросах, в которых оно компетентно, распространить свою власть на государства, входящие в состав федерации. Такова была конституция Германии до 1918 г. Однако конфедерация, которая существовала до 1866 г., осуждена германским народом.

Немцы очень гордились федеративной системой, созданной Бисмарком и воспринимавшейся ими как достижение их национального единства, к которому они стремились в течение такого продолжительного времени. Поэтому возвращение к федеративной системе не будет вызывать горьких воспоминаний в германском народе. В действительности такая государственная система вполне может получить поддержку широкого общественного мнения. Ее могут рассматривать как облегчение после всеподавляющей централизации введенного нацистами режима и как возвращение к процветанию и благополучию Германии, хотя ее могут считать реакционной мерой на том основании, что все тенденции в настоящее время направлены на создание более крупных государств и большей централизации власти. Более того, концепция о федеративных государствах все еще свежа в памяти среднего немца, так как эти государства хотя и были лишены многих своих функций Веймарской конституцией и полностью поставлены под контроль центрального правительства нацистами в 1935 г., однако они номинально все еще остаются основными административными единицами в деле разрешения вопросов, находящихся в ведении местных властей. Нацистский план замены их новыми провинциями, базирующимися на партийных округах, не получил полного развития, и только во время войны округа использовались в качестве административных областей в отличие от партийных округов.

6. Однако почва для этого должна быть тщательно подготовлена, с тем чтобы идея возвращения к федерализму казалась немцам как бы исходящей от них самих, а не навязанной иностранными захватчиками. Более того, федеративная система, которую мы хотели бы ввести в Германии, не должна являться точной копией системы, созданной Бисмарком. С нашей точки зрения, последняя имела два серьезных недостатка. Во-первых, при этой системе не существовало «ответственного» правительства в центре и очень незначительную ответственность несли различные федеративные государства. Во-вторых, существовала огромная разница между федеративными государствами. Некоторые из них были очень мелкими, в то время как власть Пруссии была всеподавляющей над тремя пятыми населения. Прусский король обладал верховной властью императора. Этот дефект был полностью уничтожен Веймарской конституцией, так как ее авторам не удалось провести в жизнь свои первоначальные планы расчленения Пруссии.

7. Таким образом, ни одна из преследуемых нами целей не будет разрешена в результате возвращения либо к конституции 1871 г., либо Веймарской конституции, так как в том и другом случае Пруссия получит привилегированное положение, а также сохранит за собой такие следы прошлого, как, например, бывшее государство Шаумбург – Липпе[78]. Следовательно, федерация, базирующаяся на демократической системе правления, наряду с расчленением Пруссии будет иметь больше преимуществ. С уничтожением Пруссии, созданной Гогенцоллернами[79], будет уничтожена одна из основных материальных и духовных основ германской агрессии. Экономическое планирование, требуемое современной войной, будет более трудным при федеративной системе, учитывая, что решение экономических проблем в значительной степени будет находиться в ведении федеративных государств. Оппозиция проведению военной политики, если она будет возглавлена двумя или тремя федеративными государствами, будет более сильной, чем если бы она исходила просто от национального меньшинства, имеющего незначи-

тельное число голосов в рейхстаге. Будут существовать два возможных мотива для возникновения оппозиции со стороны федеративных государств: истинное желание мира и неприязнь к формированию армии центральным правительством.

8. Однако истинный довод в пользу федерализма гораздо глубже. Он покоится на предположении, что основным политическим дефектом немцев является их готовность подчиняться руководству. Это, в свою очередь, обычное поведение немцев придает большое значение правительственным аппаратам, облеченным в их глазах властью, которую они не могут оспаривать. Они считают себя инструментами государственного аппарата, а не наоборот. Это чувство по отношению к германской империи поддерживается искусственно вскормленным национализмом, основным постулатом которого является великое предназначение бессмертной нации, а не формулирование прав, качеств и достоинств отдельного человека. Нацистская доктрина о том, что каждый индивидуум должен существовать для общества, совпадает с образом мышления немцев. Чем больше общество, которому принадлежит индивидуум, и чем выше находится правительство, которому этот индивидуум подчиняется, тем сильнее весь этот комплекс эксплуатации. Одним из результатов федерализма будет то, что отдельная личность в Германии начнет мыслить по-иному и будет считать себя меньше немцем рейха, как учили этому нацисты, а больше баварцем, ганноверцем и так далее, какими считали себя его деды.

9. Немцы показали некоторые способности в организации местного самоуправления, однако в организации парламентской демократии в национальном масштабе их способности были незначительными. Небольшое автономное государство (по типу среднее между местным самоуправлением и парламентской демократией) является истинным государственным органом, который должен нести политическую ответственность за решение важных вопросов. Партикуляризм в некоторых случаях является хорошей базой для политической системы, так как даже в Германии он не является агрессивным. Его цель – охранять и развивать свое собственное существование и скорее препятствовать вмешательству извне, чем заниматься агрессией.

10. Имеются две основные трудности, которые могут явиться препятствием для восстановления федерализма в Германии. Одна из них заключается в том, что большинство типов германских государств, память о которых сохранила история, непригодны для целей создания федерации. Вторая трудность заключается в том, что в Германии и в некоторых других странах имеется сильная тенденция к централизации политической и экономической власти. Это очень осложнит проблему установления равновесия между федеральной и государственной властью. Обе они являются родственными. Очень трудно подобрать такие системы правления, которые бы в одинаковой степени безопасно и эффективно существовали как в Пруссии, так и в Шаумбург – Липпе. Общего между ними может быть очень мало. Поэтому, для того чтобы федерация имела успех, важно избавиться от вечно великой Пруссии и от тех государств, которые ввиду необходимости размеров[80] своей территории не подходят для автономного существования.

11. Различные альтернативные пути превращения Германии в федерацию не могут обсуждаться здесь детально. Однако об этом многое может быть сказано. Южная часть Германии не представляет трудностей, так как могут быть использованы существующие там государства. Нынешние про-

винции Пруссии составят девять федеративных государств, включая Восточную Пруссию. Некоторые смежные непрусские территории могли бы быть об"единены с некоторыми из этих новых государств. Например, Саксония и прусские провинции Саксонии могут быть об'единены в одно федеративное государство. То же самое может быть сделано с прусским княжеством Гессена и с непрусским Гессеном. Подобным же образом маленькие исторические княжества, входящие в состав Пруссии, могут быть включены в состав новых соседних федеративных государств. Исключение может быть сделано для Тюрингии, Мекленбурга и ганзейских городов[81], а также для других небольших государств, которые имеют свои особенности.

12. Также встает вопрос в отношении реставрации бывших династий. Однако это такой вопрос, который может быть подвергнут обсуждению только тогда, когда мы будем иметь большее представление об условиях, при которых будут воскрешены федеративные государства. В некоторых случаях, как, например, с Баварией и Баденом, реставрация местной династии может облегчить это воскрешение. В других случаях это может служить препятствием. В случае если большинство государств должно быть сформировано из территорий Пруссии, создание династии будет невозможным. Следует заявить, что в любом случае Гогенцоллерны должны быть исключены.

III. Децентрализация

[...]

14. Такая система, конечно, предпочтительнее, чем унитарная система, созданная Гитлером, и может быть введена легче, чем федеративная система, которая до некоторой степени задержит ход истории. Она также будет не хуже федерации в смысле обучения германского народа искусству самоуправления. Но в других отношениях федерация будет больше способствовать осуществлению планов союзников. Она может способствовать ослаблению германского национализма путем усиления местного патриотизма, неагрессивного по своему характеру, а это фактически создаст препятствия для руководства странами в Германии со стороны центрального правительства. Путем децентрализации нельзя разрешить ни одной из этих задач. Провинции, обязанные своим существованием центральному правительству, не будет иметь средств и, возможно, не захотят воспрепятствовать дальнейшей попытке центрального правительства отнять у них те полномочия, которыми оно их наделило.

IV. Мероприятия союзников

15. Расчленение должно производиться силой. Новым государствам будет предоставлено право выработать свои собственные конституции. Что же касается федерации, то единственной, хотя и важной мерой, которая должна быть осуществлена союзниками, будет расчленение Пруссии. В остальном лучшие надежды на успех федерации основываются на том, что немцы добровольно пойдут на это.

16. Однако это не будет препятствовать союзникам оказывать всевозможную поддержку осуществлению такой политики, используя при этом традиционные чувства, основанные на воспоминаниях об исторически сло-

жившихся германских государствах. Административные контрольные органы союзников должны быть созданы таким образом, чтобы облегчить функционирование федеральной системы и отдельных государств. Создание демократических учреждений на уровне федеративных государств следует поощрять при первой возможности.

Приложение № 2

I. Положение Пруссии

1. Об'единенные нации борются за уничтожение «нацистской тирании и прусского милитаризма – этих двух ненавистных форм господства» (премьер-министр, август 1943 г.). Уничтожение только одной из них, естественно, будет недостаточным.

2. Наиболее важными и эффективными средствами расправы с прусско-германским милитаризмом будут ликвидация германских вооруженных сил и военных учреждений и запрещение их воссоздания. Экономическое положение прусских юнкеров представляет собой второстепенную, хотя и серьезную проблему. Этот вопрос рассматривается сейчас отдельно. Остается нерассмотренным вопрос в отношении будущего самого прусского государства.

3. Пруссия, подразделенная на 11 провинций и районов Берлина, представляет собой одну из 15 германских земель. Это одна из самых больших из них и включает в себя свыше трех пятых общей площади и населения Германии, а также крупный угольный и промышленный район Рура – наиболее концентрированный комплекс такого рода в Европе. Меры экономической безопасности в отношении Рура представляют собой отдельную проблему, которая не рассматривается в данном меморандуме.

4. Существующие оккупационные планы союзников в отношении Германии предусматривают разделение Пруссии на четыре основные области с целью их оккупации и управления:

а) судьба Восточной Пруссии, которая будет вновь отделена от Германии и оккупирована русскими, подлежит дальнейшему рассмотрению союзниками;

б) прусские провинции Верхней и Нижней Силезии, Померании, Марк-Бранденбурга[82] и Саксонии подлежат оккупации русскими. Берлин будет оккупирован тремя странами;

в) прусские провинции Шлезвиг-Гольштейн, Вестфалия и Рейнская провинция подлежат оккупации Англией;

г) прусская провинция Гессен-Нассау подлежит оккупации Америкой.

II. Проблема уничтожения Пруссии как государства

5. Несомненно, что указанный раздел Пруссии практически является почти таким, какой требуется. Если потребуется применение мер в дальнейшем, то они будут направлены на поддержку тенденции, которая может возникнуть в отдельных провинциях с целью разрыва уз, связывающих их с Пруссией. Основными доводами, говорящими в пользу того, чтобы не принимать никаких дальнейших мер, связанных с уничтожением прусского государства, являются следующие:

а) можно добиться большого преимущества путем уменьшения вмешательства в германские дела до необходимого минимума. Те меры, которые необходимо будет провести, как, например, ликвидация нацистских организаций и разрушение военной машины, должны быть осуществлены с абсолютной тщательностью. Энергия союзнических властей не должна расточаться на выполнение второстепенных задач, направленных на то, чтобы вызвать еще больше негодований со стороны немцев, не обеспечивая при этом важного преимущества для союзников;

б) уничтожение прусского государства во всяком случае навряд ли будет большим, чем формальное завершение политики, проводимой самими нацистами. Аппарат управления Пруссии в значительной степени об'единился с административным аппаратом Германии. Последнее сохранившееся прусское министерство (финансов) было упразднено 8 сентября нынешнего года. Гитлер остается номинальным имперским наместником Пруссии, а Геринг номинальным премьер-министром. Однако прусское государство не является больше эффективной административной единицей. Одиннадцать прусских провинций во многом находятся на одном уровне с непрусскими землями и имперскими областями;

в) наличие коренной связи между прусским милитаризмом и независимо существующим национал-социализмом преувеличивалось совсем недавно германскими эмигрантами, пытавшимися перевести негодование против Германии на Пруссию. Столицей нацистского движения является Мюнхен. Во время Веймарской республики в Пруссии было демократическое правление, которое просуществовало до 1932 г., когда оно было ликвидировано.

6. Основные доводы, говорящие в пользу того, чтобы стереть с карты прусское государство:

а) Пруссия, несомненно, являлась фокусом германского милитаризма со времен Фридриха Великого. Уничтожение Пруссии будет сильным и лучшим действием, понятным для всех. Нацисты доказали, что неразумно недооценивать силы символизма, особенно в Германии. Для проведения такой политики не потребуется применения решительных мер и крупных людских резервов;

б) уничтожение прусского государства путем его расчленения явится хорошим началом для проведения союзниками общей политики децентрализации Германии, если таковая политика будет желательной. Расчленение Пруссии ни в коем случае не означает необходимости расчленения Германии, и это ограничение может оказать положительное влияние на политику децентрализации Германии;

в) уничтожение Пруссии явится средством безопасности на будущее, и если это не будет сделано после данной войны, то навряд ли для этого вновь представится случай в дальнейшем. Тот факт, что Пруссия как государство не является, конечно, в настоящее время сильным, не исключает возможности того, что она может со временем превратиться в таковое. Если останется остов прусского государства, то он явится потенциальной основой для возрождения милитаристской Германии. Однако кажется невероятным, что возрожденный германский милитаризм может скорее принять прусскую, чем немецкую форму. Если же Пруссия будет уничтожена, то немцам нелегко будет ее возродить и во всяком случае попытки сделать это явятся для союзников важными сигналами опасности;

г) уничтожение Пруссии путем ее расчленения фактически будет проводиться в соответствии с союзническими планами разделения Пруссии на зоны оккупации. В административном отношении это будет простой операцией, которая не влечет за собой разрушения административного аппарата, упомянутого для союзнических оккупационных властей. Останутся, с одной стороны, германские министерства, а с другой – провинциальные и местные органы управления;

д) такая политика должна пользоваться поддержкой общественного мнения союзников, особенно англичан, для которых прилагательное «прусский» является гораздо более зловещим и отталкивающим, чем «германский»;

е) реакция со стороны немцев вряд ли будет враждебной. Они сами после первой мировой войны обсуждали способы разделения Пруссии. Жители Рейнской области и Ганновера не являются типичными пруссаками. Этот факт они, вероятно, будут усиленно подчеркивать, когда остальная часть Пруссии будет оккупирована русскими. В Баварии злорадство при уничтожении Пруссии будет, вероятно, значительно дифференцированнее.

7. Можно сделать следующие выводы:

а) аргументы в пользу уничтожения Пруссии одерживают верх над аргументами против этого. Прусское государство должно быть уничтожено путем его расчленения;

б) уничтожение Пруссии будет в административном отношении легкой операцией;

в) уничтожение Пруссии явится одной из мер безопасности. Сама по себе она, очевидно, явится значительной гарантией против возрождения германского милитаризма.

III. Методы уничтожения Пруссии

8. Допуская, что уничтожение прусского государства является желательным, можно тем не менее утверждать, что применение особых мер союзниками в этом направлении будет излишним и нежелательным, учитывая эффективный раздел Пруссии во время ее оккупации союзниками и размах, которого, вероятно, достигнут партикуляристские тенденции среди немцев. Однако оккупация союзников не будет продолжаться вечно. Кроме того, легко завысить возможную силу и эффективность партикуляристских настроений немцев по отношению к Пруссии (конечно, если антипрусские настроения являются достаточно сильными, для того чтобы ослабить прусские узы, то тем лучше). Поэтому в любом случае, если будет решено, что уничтожение Пруссии является желательным направлением политики по отношению к Германии, необходимо будет определить детали этой политики на возможно больший период времени.

9. В настоящее время невозможно детально обсуждать эту политику. Тем не менее за основу может быть принята следующая программа:

а) прусское государство вместе со всеми сохранившимися учреждениями и организациями государственного значения должно быть упразднено официальным актом в ближайшем же будущем после установления «тройственного контроля». Это может быть осуществлено властями союзников, действующими в соответствии с 12 статьей документа о капитуляции, или одним из германских органов, действующих под руководством союзни-

ков с учетом существующих обстоятельств. Одновременно должна быть прекращена деятельность прусского государственного министерства, возглавляемого прусским премьер-министром и прусским рейхстагом совместно с другими сохранившимися к тому времени представителями прусского государства, стоящими по значению выше провинциальных административных органов;

б) прусские провинции в соответствующих оккупационных зонах союзников должны быть сохранены как административные районы и рассматриваться наравне с непрусскими землями;

в) это разделение на существующие провинции не обязательно должно носить постоянный характер. Оно может меняться в соответствии с партикуляристскими тенденциями, которые могут возникнуть. Не будет создаваться препятствий, например, для об'единения двух или больше провинций в одну. Таким примером может служить Рейн-Вестфалия;

г) всякое изменение власти в германских государствах в результате создания федерализма или проведения децентрализации будет, конечно, относиться и к каждой прусской провинции.

№ 68 *Сов. секретно*

27 января 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Памятная записка МИД Великобритании[83] для английской делегации на Крымской конференции руководителей трех союзных держав[84]. Получена агентурным путем.

«Предстоящая встреча глав трех правительств представит возможность для достижения тремя великими державами согласованных решений по вопросам, затрагивающим всю международную послевоенную ситуацию. Эта конференция состоится в момент, когда общественное мнение в Америке и, в менее громкой форме здесь, обеспокоено контрастом между блестящими грезами о будущем мире международного сотрудничества и суровой действительностью, которая явилась следствием определенных событий в Европе.

Поэтому только на такого рода встрече об'единенное влияние Америки и этой страны можно эффективно использовать для воздействия на разум Сталина. Это может быть достигнуто только в том случае, если Сталин даст указания о повороте советской повседневной политики и соответственно практической деятельности в сторону проведения настоящего сотрудничества. И вполне возможно, что Сталин сейчас, когда победа уже в поле зрения, колеблется между политикой сотрудничества и старой советской линией, создавшейся «в одиночестве».

Вполне вероятно поэтому, чтобы политического характера решения конференции, которые она примет, определят контуры будущего и мы в связи с этим должны составить определенный план подготовки к конференции и, кроме того, там, где это необходимо, добиваться от президента предварительной поддержки наших взглядов. Несколько преувеличенное значение, которое американцы иногда придают тому, чтобы избежать «согласованных уси-

лий», направленных против русских. Этот случай является несомненно тем, в котором поспешные решения по важным вопросам могут нанести непоправимый ущерб, а равно неудача в достижении решения по некоторым вопросам может одинаково причинить вред.

Исходя из вышеизложенного мы сделали обзор создавшейся ситуации с тем, чтобы получилось представление о характере следующего:

Первое /А/. Вопросы, по которым необходимо обеспечить принятие решения и которые должны быть подняты премьер-министром и министром иностранных дел.

1. Вопросы, касающиеся будущего Германии.
2. Польско-германская граница.
3. Польская проблема.
4. Участие Франции в будущей встрече министров иностранных дел и глав трех правительств.
5. Иран.

Первое /В/. Вопросы, по которым необходимо обеспечить принятие решения и которые должны быть подняты другими участниками конференции.

1. Осуществление связи между союзническими армиями.
2. Шестнадцать советских социалистических республик.
3. Процедура голосования в совете безопасности.

Второе. Несрочные вопросы, которые при определенных обстоятельствах полезно разрешить:

1. Итало-Югославская граница.
2. Поставки для Европы.
3. Перемещенные лица.
4. Европейский экономический комитет.

Третье: Вопросы, которые могут быть подняты другими участниками конференции, но обсуждение которых мы предпочитаем избежать.

1. Проливы.
2. Поведение русских в Восточной Европе и о контрольных комиссиях.
3. Предварительный мирный договор с Италией.

Четвертое: Другие вопросы, могущие возникнуть в процессе обсуждения. Это включает такие вопросы как Греция, Турция, Македония, военнопленные, Кильский канал и прилегающие к нему районы, участие русских во всех видах международной организации и так далее.

Этот перечень вопросов не является полным и перед встречей могут возникнуть другие вопросы. В свое время будет отдельно составлено краткое резюме по ним, которое будет представлено на рассмотрение.

Вопросы под разделами первый, второй и третий разбираются более полно с сохранением тех же заготовков (так в тексте документа. – *Прим. ред*).

Первое /а/. Вопросы, по которым необходимо обеспечить принятие решения и которые должны быть подняты премьер-министром и министром иностранных дел.

1. Вопрос, касающийся будущего Германии. Определенные аспекты нашего будущего отношения к Германии после ее поражения получили общее одобрение. В данном случае имеется ввиду оккупация, контроль, полное разоружение, изменение германских границ 1937 года с одновременной уступкой Германией некоторых территорий в восточной части страны.

Но затем ряд более важных вопросов, по которым еще не принято решений, хотя они обсуждались на конференциях, имевших место ранее. Наиболее важными из них являются:

1. Расчленение и децентрализация;
2. Размер германских пограничных уступок на Востоке;
3. Будущее Рейнско-Вестфальского бассейна;
4. Кильский район;
5. Перемещение населения;
6. Меры экономической безопасности;
7. Репарации;
8. Обращение с главными военными преступниками.

Во время недавней беседы с Лоу президент Рузвельт выразил мнение, что было бы неразумно сейчас принимать какое-либо решение, которое на длительный период времени определит политику по отношению к Германии и было бы безрассудно связывать себя планами до того, как мы придем туда и увидим обстановку на месте. Помимо этого правительство его величества еще само не пришло к определенному заключению по многим большим проблемам, которые все еще изучаются в официальных кругах. Но хотя возможно не настало еще время для принятия окончательных решений, все же кажется наступил момент для того, чтобы эти вопросы могли успешно изучаться, без принятия пока какого либо обязательства, в Европейской консультативной комиссии, которая, как известно, создана для того, чтобы «изучать и делать совместные рекомендации трем правительствам по европейским проблемам, связанным с окончанием военных действий...».

Одна или две попытки были уже сделаны с тем, чтобы использовать Е.К.К. в этом направлении, но до сих пор безрезультатно.

Например, в Тегеране решили вопрос о расчленении Германии передать на рассмотрение Е.К.К. В течение нескольких прошедших месяцев рассматривалось предложение американцев о том, чтобы вопросы о репарациях и экономической безопасности изучались под эгидой Е.К.К. Во время беседы в Париже в ноябре, министр иностранных дел сказал, что Е.К.К. теперь следует заняться проблемой Рейнской области. В ноябре Советская делегация представила план работы Е.К.К. в который включались два основных вопроса: ликвидация гитлеровского режима и передача военных преступников, и контроль над германской экономикой. Таким образом, кажется, имеется общее соглашение в принципе, что Е.К.К. должна быть использована для выполнения поставленных перед ней задач. Все что требуется – это действительно начать изучение проблем.

Для того, чтобы это было сделано, необходимо, прежде всего усилить советскую делегацию, так как сам Гусев не имеет достаточно времени для выполнения работ, фактически включенных в нынешнюю повестку дня комиссии и он также не передает полномочий своим подчиненным.

Если Е.К.К. действительно возьмется за изучение основных проблем, то необходимо, чтобы советскую делегацию возглавлял человек, который работал бы в Комиссии полное время, и несомненно также, что подчиненный штат делегации также будет нуждаться в усилении. Это является вопросом, по которому необходимо вступить в контакт с американцами и обеспечить получение их согласия на то, чтобы отстаивать перед Сталиным необходимость посылки русских делегатов с совершенно необычными полномочиями.

2. Польско-германская граница. Москва уже в течение некоторого времени рекомендует линию Одер-Нейса в качестве будущей западной границы Польши. Вначале мы предполагали, что это относится к линии реки Одер и «CKTZER», повторяю «CLATZER» Нейссе в Силезии. Однако, из недавних заявлений совершенно ясно, что люблинские поляки претендуют на всю территорию до линии Одер и «GORLITZER» Нейссе и несомненно не без некоторого одобрения со стороны СССР.

Русские бесспорно заинтересованы в расширении польской территории как можно дальше на запад для того, чтобы таким образом создать постоянную основу для ссор Польши с Германией и сделать ее зависимой от поддержки и защиты со стороны СССР.

Поляки в Лондоне отдают себе в этом полный отчет и большинство из них противится таким экстравагантным требованиям. Даже Миколайчик, будучи в Москве, настаивал на том, что если Польша должна будет расширить свои границы до Одера, то только после ясного заявления, что это делается в результате соглашения между тремя великими державами, а не по собственному желанию Польши. Нынешйее польское правительство высказывалось определенно против приобретения территорий на западе помимо Данцига, Восточной Пруссии и Оппельной Силезии.

Правительство его величества публично обязалось поддерживать приобретение Польшей этих трех территорий, однако, оно никогда не делало открытых заявлений и не высказывало своего мнения перед русскими в отношении дополнительных территориальных требований. Имеется опасность, что, если мы не раз’ясним своей позиции, русские смогут предположить, что мы молчаливо соглашаемся с их предложениями установить границы Одер-Горлицер-Нейссе. Любая такая уступка германской территории, которая, как можно предположить, должна сопровождаться изгнанием немецкого населения, влечет за собой в высшей степени серьезные практические трудности, связанные с переброской и расселением немецких граждан. Кроме того, различные круги общественного мнения здесь бесспорно сильно сомневаются в разумности такой меры частично из-за вышеназванных практических трудностей, частично потому, что способность Польши освоить такие обширные немецкие территории очень сомнительна. Аннексия Польшей такой обширной германской территории помимо Восточной Пруссии даст будущей Германии постоянный повод для недовольства и явится причиной серьезной неустойчивости в Европе. В соответствии с этим в высшей степени желательно, чтобы наша точка зрения была бы, по возможности, в согласии с правительством США, раз’яснена Советскому правительству на предстоящей конференции. Что касается нашей страны, то она может занять следующую позицию: нельзя считать, что правительство его величества соглашается с любой линией западных границ Польши и что оно не может сказать будет ли приемлемой для английского общественного мнения передача Польше германской территории помимо Восточной Пруссии, Данцига и Оппельской Силезии.

3. Польская проблема.

В результате признания советским правительством Люблина и отсутствия ближайших перспектив на то, что правительство его величества и правительства США откажутся признавать польское правительство в Лондоне, мы вероятно мало выиграем, если попытаемся поднять на конференции глав трех правительств вопрос о создании нового польского правительства, при-

знанного тремя великими державами. Если тем временем Миколайчик не станет снова премьер-министром польского правительства в Лондоне, то перспективы на успех этой попытки будут слишком малы. Тем не менее еще до конференции мы должны определить свою позицию и по возможности попытаться привлечь американцев на свою сторону. Особенно важным является определение нашей точки зрения по вопросу о том, следует ли устанавливать западные границы Польши еще до окончания войны. Одной из слабых сторон нашей позиции было до сих пор очевидное отсутствие единодушия у трех великих держав по этим вопросам. То, что правительство США не решалось настаивать на немедленном урегулировании польского вопроса, дало лондонским полякам возможность занять выжидательную позицию и доказывать, что принятие решения по этому важному вопросу находится вне их компетенции, поскольку три великих державы сами не достигли соглашения. Идеальным решением с нашей точки зрения будет, вероятно, достижение взаимопонимания между всеми тремя державами того, что эти вопросы в целом должны оставаться не решенными до окончания войны. Вероятно, теперь не следует возлагать на это слишком больших надежд, поскольку советское правительство в состоянии заключить с временным польским правительством соглашение о восточных границах. Однако, такое соглашение, в конечном счете подорвет авторитет Люблина в глазах поляков не только в Лондоне, но также и в Польше и это еще больше затруднит нам создание единой Польши, какой мы хотели бы видеть ее в будущем и в которую могли бы возвратиться в конце концов все поляки. В соответствии с этим следует рассмотреть вопрос о том, не должны ли мы предложить правительству США воспользоваться конференцией глав трех правительств и заявить советскому правительству, что, по нашему мнению, польскую проблему следует рассматривать в целом, а вопрос о восточных границах не должен решаться только советским и временным польским правительствами. Урегулирование этого вопроса вероятно оказалось бы приемлемым и терпимым для большинства поляков в том случае, если оно могло бы явиться частью общего решения о Польше, которое охватило бы также проблемы западных границы Польши, создание действительного полностью преданного польского правительства, признанного тремя правительствами, при наличии соответствующих гарантий со стороны всех главных государств в отношении будущности Польши.

4. Участие Франции и встреча министров иностранных дел и глав трех правительств.

Мы и русские высказываемся за участие французов в так называемых «совместных действиях», однако, американцы против этого. Так как французы являются теперь полноправными членами Европейской консультативной комиссии, их неучастие в этих совещаниях, на которых решается, что должно делаться Европейской консультативной комиссией, создается нетерпимое положение. На этой конференции мы должны добиться согласия американцев на участие французов в дальнейших конференциях и в случае получения их согласия, информировать об этом французов как можно скорее. Также было бы разумным предварительно заручиться поддержкой русских в этом вопросе.

5. Иран.

В советско-иранском диспуте о нефтяных концессиях в настоящее время наступило затишье. Кавтарадзе возвратился в Москву. После того как он официально заявил иранскому правительству о том, что отношения послед-

него с СССР не могут быть хорошими до тех пор пока не изменится недавно принятый меджлисом закон о нефтяных концессиях. Тем не менее настоятельно рекомендуется обсудить этот вопрос на предстоящей конференции глав трех правительств. Затишье видимо не будет продолжительным. Можно ожидать, что советское правительство возобновит свое усиленное давление на иранцев, используя при этом следующие меры: подрывную пропаганду в субсидируемой русскими иранской прессе;

организация забастовок на иранских заводах, а также демонстраций и волнений, в особенности в зоне оккупированной русскими, где русские не разрешают действовать иранской армии и полиции;

запугивание иранских министров и прочее;

отказ дать разрешение на поставку продуктов питания из оккупированной русскими зоны в Тегеран, угрожая таким образом снабжению продовольствием столицы Ирана.

Другая причина, обуславливающая необходимость поднять этот вопрос на совещании глав трех правительств заключается в том, что русские только что прислали нам длинную официальную ноту, в которой выражают недовольство но поводу того, что правительство его величества заняло неблагоприятную позицию в отношении их усилий, направленных на приобретение нефтяных концессий в Иране. Нашей задачей будет добиться принятия совместной резолюции о том, что иранское правительство, являясь независимым правительством, имеет право принять решение не вести никаких переговоров о нефтяных концессиях до тех пор, пока на иранской территории будут находиться иностранные войска. Одновременно с этим нам следует дать понять русским, что мы и американцы совершенно не одобряем их политику нажима на иранцев с целью заставить последних изменить свое отношение. Мы пожалуй можем до некоторой степени удовлетворить русских, дав свое согласие на то, чтобы этот вопрос в целом был пересмотрен после эвакуации иностранных войск из Ирана. Нам следует проконсультироваться с американцами до начала конференции глав трех правительств и по возможности (так в тексте документа. – *Прим. ред.*) добиться взаимопонимания в отношении линии, которая должна быть занята на конференции.

Первое. Вопросы по которым необходимо обеспечить принятие решений и которые должны быть подняты другими участниками конференции.

1. Осуществление взаимодействия между союзническими армиями.

Мы и американцы заинтересованы в том, чтобы в ближайшем будущем добиться обеспечении соответствующей связи между союзническими армиями в Южной Европе, в особенности это касается воздушных операций. Предложение, которое в связи с этим было недавно сделано русским, было отклонено ими на том основании, что такие вопросы могут быть разрешены в Москве. Со временем у нас может также возникнуть необходимость в создании миссий для осуществления связи с различными армиями в Северной Европе, хотя сейчас для этого время еще не подошло. Важным вопросом является также предложение об утверждении военной комиссии трех держав в Москве. В связи с этим мистеру Балфуру было дано указание попытаться установить мнение русских по этому вопросу. Начальники штабов хотят разрешить эти вопросы и несомненно захотят поставить их на обсуждение на следующем совещании. Нам следует предоставить им право внести эти

вопросы на рассмотрение и мы должны оказывать им возможную поддержку. Они поддерживали и поддерживают до сих пор тесную связь с американцами по этому вопросу.

2. 16 советских социалистических республик.

Имеется договоренность о том, что мы не должны сами поднимать этот вопрос, но если только, что очень вероятно, он будет поднят маршалом Сталиным, нам следует предоставить ведение переговоров по этому вопросу президенту. Настоящее положение, одобренное послевоенным комитетом по перемирию, заключается в следующем: «Предоставить США возглавить дискуссию с русскими, а затем заявить, что так как США придерживается такой точки зрения, мы склонны поддержать их и не имеется позитивных доказательств о том, что граждане этих республик действительно пользуются какими-либо правами независимости. Однако, если СССР и США согласятся на какой-нибудь компромисс, мы также готовы принять его, при условии, что Индия будет представлена в международной организации. Нам следует, по-видимому, сообщить американцам заранее, что учитывая положение Индии, нам довольно трудно убедительно выступать против русских, однако мы окажем им возможную поддержку».

Процедура голосования в совете безопасности. Этот вопрос является важным для обсуждения, так как после окончания переговоров в Думбартон Оксе решение его было отложено до следующего совещания глав трех правительств. Наша точка зрения по этому вопросу вероятно будет ясна после заседания кабинета 9 января. Если, на что можно надеяться, правительство его величества поддержит предложение президента Рузвельта (компромисс А), мы сможем совместно с ним попытаться склонить на свою сторону маршала Сталина. Однако вполне может случиться так, что маршал Сталин не только предложит внести изменения в компромисс А, но также поднимает вопрос о 16 советских социалистических республиках. Если он не согласится с компромиссом А, в том виде, в каком он имеется, единственным выходом, вероятно, будет тщательно обсудить его на следующем совещании экспертов, созыв которого, во всяком случае, был предложен президентом Рузвельтом. Что же касается вопроса о 16 советских социалистических республиках, смотрите предыдущий параграф.

Второе. Несрочные вопросы, которые в некоторых случаях, вероятно будет полезно разрешить.

1. Итало-югославская граница.

Исходя из опыта приобретенного нами в Греции, кажется предпочтительным не учреждать союзнического военного правительства в этом спорном пограничном районе после эвакуации оттуда войск, так как это вполне может привести к столкновению британских войск с войсками маршала Тито и со словенскими и итальянскими партизанами. Вместо этого мы можем попытаться наметить временную линию, за которую югославские партизаны должны дать обязательство не продвигаться и не проникать. Югославские власти будут временно нести ответственность за управление территорией, расположенной на восток от этой линии, в то время как территория, расположенная на запад от этой линии, будет находиться под управлением итальянцев. Эта линия будет проходить приблизительно между границами 1914 и 1939 годов, хотя, возможно, она скорее будет проходить ближе к границе 1914 года, чем к границе 1939 года. Если портовые, дорожные и железнодорожные средства, имеющиеся в этом районе, потребуются штабу военно-

воздушных сил для поддержания коммуникаций с Австрией, возможно необходимо будет об'явить часть территории этого района военной зоной (например город Триест и зону, проходящую вдоль железной дороги, ведущей в Австрию). Однако управление этой зоной должно осуществляться союзниками совместно, а не только англичанами. Если какие-либо из этих предложений окажутся успешными, то важно, чтобы ответственность за переговоры и защиту их была разделена также правительствами США и Советского Союза. Эти вопросы обсуждаются в настоящее время начальниками штабов, но если только мы намерены внести определенные предложения, этот вопрос видимо будет подлежать обсужде-нию на совещании глав трех правительств, и мы должны будем взять на себя инициативу поставить этот вопрос. Было бы хорошо предварительно согласовать этот вопрос с американцами, однако времени теперь осталось немного и имеются определенные преимущества в том, чтобы попытаться достигнуть соглашения между главами трех правительств. Если по этому вопросу будет в принципе принято решение, экспертам будет относительно легко прийти к соглашению в отношении действительной линии, которая затем будет обсуждаться с маршалом Тито.

2. Поставки для Европы.

22 ноября президент предложил премьер-министру, чтобы до окончания войны с Германией поставки в уже освобожденные страны и в те страны, которые будут освобождены, были ограничены до минимума товаров, поставляемых в порядке оказания помощи (продукты питания и горючее), то есть следует поставлять такое количество товаров, которое необходимо для того, чтобы предотвратить распространение заболеваний и беспорядков среди гражданского населения, что повело бы впоследствии к задержке военных операций союзников. Это предложение, если оно будет принято, воспрепятствует проведению каких-либо мер, направленных на восстановление экономической жизни, а следовательно импорт, например, сырья. Это породит нежелательные политические и социальные беспорядки в освобожденных европейских странах. Лоу выехал в Вашингтон по поручению премьер-министра, министра иностранных дел и руководящих членов военного кабинета с целью убедить американцев отказаться от своего предложения. Он постарается добиться согласия американцев на изучение англичанами и американцами проблемы международного судоходства (что не имело место после конференции в Квебеке) и потребности в судах для осуществления гражданских и военных поставок. При этом соответствующим же образом должны быть учтены потребности освобожденных территорий.

В случае, если такое изучение покажет, что недостаток в судах настолько значителен, что потребуется внести некоторые изменения в программу военных поставок с целью удовлетворения нужд освобожденных территорий и в случае, если не удастся примирить противоречия «военных» и «политических» нужд в более низких инстанциях, тогда соглашение по этим вопросам может быть достигнуто между премьер-министром и президентом, затем нужно будет решать следует ли вносить этот вопрос вынесенный на обсуждение между Черчиллем, Рузвельтом и маршалом Сталиным. С внешней стороны кажется, что наиболее целесообразно было бы, чтобы он был обсужден премьер-министром и президентом, хотя они могут пожелать проинформировать об этом маршала Сталина или проконсультироваться с ним по вопро-

сам влияния в политическом и военном отношении их решения на Европу в целом.

3. Перемещенные лица.

Согласно директиве премьер-министра, подписанной им прошлым летом, правительство его величества принимает все меры для увеличения эффективности деятельности ЮНРРА. Одной из основных задач ЮНРРА является репатриация перемещенных лиц. Среди основных территорий, на которых видимо ЮНРРА будет заниматься вопросом перемещенных лиц, является Германия, где, как известно, имеется от 8 до 10 миллионов перемещенных лиц. Большинство правительств об'единенных наций согласилось с тем, чтобы ЮНРРА в Германии действовала в этом направлении от их имени. Штаб союзного командования имеет декрет с ЮНРРА, согласно которого ЮНРРА уполномачивается действовать от имени перемещенных лиц на территории, находящейся под контролем союзного командования в период, предшествующий оккупации Германии. Если ЮНРРА будет действовать в Германии после ее капитуляции, она может это делать только по указанию союзной контрольной комиссии. Для того, чтобы ЮНРРА действовала таким образом, потребуется согласие советского правительства. Советское правительство еще не дало своего согласия на то, чтобы ЮНРРА действовала в Германии от имени советских перемещенных лиц даже в период предшествующий капитуляции Германии или же от имени перемещенных лиц других об'единенных наций на территории Германии под контролем советских властей. Таким образом, в настоящее время имеется большая недоговоренность в вопросе координирования.

Мы надеемся в скором времени обсудить этот вопрос с советскими властями, что возможно будет сделано через Европейскую консультативную комиссию, с целью добиться их согласия на то, чтобы ЮНРРА ведала вопросом перемещенных в Германии после ее поражения и возможно также до поражения Германии в тех ее районах, которые будут находиться под контролем советских войск. Если вопросы достигнут такой стадии, когда они должны быть поставлены на обсуждение Европейской консультативной комиссии, естественно было бы желательным, чтобы давление на советское правительство было оказано высшими руководителями двух других правительств, с тем, чтобы побудить советских представителей в Комиссии проявить готовность использовать ЮНРРА под руководством союзнической контрольной комиссии в период, следующий за капитуляцией Германии. Использование ЮНРРА для обеспечения правильным и должным образом скоординировать переселение 20 или более миллионов перемещенных или депортированных в результате войны лиц не поведет к политическим осложнениям, но несомненно будет способствовать эффективному и быстрому решению громоздкой проблемы.

4. Европейский экономический комитет.

Правительство его величества рассматривает в настоящее время вопрос о создании европейского экономического комитета, который будет заниматься некоторыми экономическими проблемами, с которыми вероятно придется встретиться союзническим европейским правительствам в переходный период. В комитет будут входить представители всех союзных европейских правительств, а также представители английского, американского и советского правительств.

Правительство его величества информировало правительство США о своем предложении. Оба эти правительства хотят, чтобы этот вопрос был предварительно и неофициально обсужден в Лондоне на конференции четырех держав – Англии, США, СССР и Франции. Важное значение придается присутствию советского представителя, должен ли он присутствовать в качестве послевоенного представителя или же в качестве наблюдателя. Однако, несмотря на несколько попыток с нашей стороны, нам не удалось выяснить точку зрения советского правительства в отношении нашего предложения. Если ко времени начала конференции глав трех правительств нам еще не будут известны намерения советского правительства, то возможно будет желательным поднять этот вопрос.

Третье. Вопросы, которые могут быть подняты другими участниками конференции, но обсуждение которых мы предпочитаем избежать.

1. Проливы. Когда в октябре месяце премьер-министр был в Москве, СТАЛИН заявил, что русские не особо удовлетворены конвенцией Монтро и внесут предложения по пересмотру ее. Премьер-министр отметил, что по его мнению против некоторых предложений конвенции возражений не будет. Премьер-министр сказал, чтобы СТАЛИН внес свои предложения по этому вопросу. Никаких предложений по этому вопросу представлено не было. Ввиду того, что мы не желаем поощрять русских в этом вопросе, то нам самим не следует поднимать вопроса о проливах. Если русские поставят этот вопрос, то мы должны уклониться от обсуждения его. Мы должны только заявить, что готовы обсудить любые предложения, представленные русскими.

2. Поведение русских в Восточной Европе и о союзнических контрольных комиссиях.

Судя по всему дела в Румынии и Болгарии идут не так плохо. В Финляндии русские ведут себя хорошо. Нынешняя договоренность о нашей позиции в контрольной комиссии имеет некоторые неудобства для нас. Через дипломатические каналы мы добиваемся согласий русских улучшить наше положение в контрольной комиссии по Венгрии. Мы не можем представить русским никаких претензий о их поведении по вопросу о Греции. Постановка принципиальных вопросов, связанных с этими странами, немедленно поведет к поднятию вопроса о сферах влияния. Поэтому, мы можем и должны пытаться избежать постановки этого вопроса на конференции. Мы должны продолжать разрешать эти вопросы через дипломатические каналы постепенно.

3. Предварительный мирный договор с Италией.

Возможно, что американцы могут поставить вопрос о заключении предварительного договора с Италией. Недавно, они подняли этот вопрос в связи с переговорами в Вашингтоне о даче новой директивы Макмиллану для претворения в жизнь декларации по Италии, принятой в Квебеке. Мы намерены дать указания нашему посольству в Вашингтоне противиться этому предложению американцев. Но если даже наше посольство сможет добиться того, что Вашингтон откажется от этой идеи при обсуждении директивы Макмиллану, то американское правительство все же может опять поставить этот вопрос на конференции. В этом случае /учитывая, что премьер-министр одобрит памятную записку министра индел/ мы должны опять противиться идее американцев, которая, следует предполагать, также не вызовет одобрения СССР.

№ 69 *Сов. секретно*

28 февраля 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Содержание письма МИД Великобритании, адресованного английскому послу в Москве по вопросу о формировании польского правительства в соответствии с решениями Крымской конференции руководителям трех союзных держав.

Документ получен агентурным путем.

1) С точки зрения правительства его величества и правительства США основными моментами польского вопроса являются следующие:

1. В новом временном правительстве национального единства должны быть соразмерно представлены различные «не люблинские» группы польского общественного мнения[85].

2. Что эти группы должны быть в состоянии оказать действительное влияние не только на разрешения нового правительства, но также и на выполнение этих решений.

3. Что новое правительство должно иметь максимальное доверие со стороны «антилюблинских» поляков внутри Польши и за границей (включая, конечно, польские вооруженные силы, находящиеся под нашим командованием[86]) и со стороны английского, американского и мирового общественного мнения.

4. Что созданному таким образом новому правительству должно быть обеспечено существование до момента перевыборов.

5. До момента создания нового правительства положению «антилюблинских» поляков в Польше не должно быть нанесено никакого ущерба.

2) Нам следует ожидать, что мистер Молотов использует свое влияние в комиссии по Польше в пользу «люблинских» поляков и буйет стремиться к тому, чтобы действительная власть была сосредоточена в их руках. Навряд ли имеется сомнение в том, что «люблинское» правительство опирается на поддержку Красной Армии и что НКВД играет значительную роль в управлении территориями, переданными «Люблину», а также территориями, находящимися под контролем Красной Армии. Поэтому на стороне «люблинской» администрации имеются крупные силы и нам и американцам необходимо с самого начала усиленно отстаивать принципы о том, что режим был не только «соответствующим образом создан» (смотрите 5-й параграф раздела по польскому вопросу крымской конференции), но также, он мог соответствующим образом и свободно функционировать. Как и в Ялте, мистер Молотов несомненно будет придерживаться такой мысли, что советское правительство может действовать только после консультации с Люблином. Таким образом он с самого начала возведет себя в поло-жение адвоката «Люблина», а сэру Кларк Керру[87] (мы надеемся с поддержкой Гарримана[88]) следует без колебаний открыто действовать в качестве адвоката других поляков, находящихся внутри Польши и за границей.

3) Если функции комиссии не будут установлены на соответствующей базе, все окажется пагубным с самого начала. Первоочередной задачей поэтому должно быть достижение соглашения о методе работы комиссии.

Помимо всего прочего ясно, что сотрудничество между поляками, представляющими определенную группу польского общественного мнения за гра-

ницей и внутри Польши не будет обеспечено, если их естественные опасения о том, что их судьба уже предрешена, не будут развеяны. Это можно достичь только сообщив им пути и методы, в соответствии с которыми Комиссия начнет свою работу.

4) С нашей точки зрения Комиссия не должна сама отбирать поляков для формирования нового правительства, но должна возглавлять и направлять дискуссии, в которых будут участвовать поляки, представляющие различные круги общественного мнения. Сама комиссия должна действовать, как бы, в качестве нейтрального «председателя». В противном случае мы можем рисковать тем, что мистер Молотов, судя по линии занятой русскими на Крымской конференции, начнет запрашивать мнение Люблина[89] о том, какие поляки, стоящие вне «Люблина», должны быть включены в реорганизованное «люблинское» правительство (возможно предполагая установленное число) и консультироваться с «Люблином» в отношении желательных кандидатур и забаллатировки тех лиц, которые не нравятся «Люблину».

5) Нам поэтому следует предложить, чтобы комиссия немедленно пригласила представителей «Люблина» и определенное количество поляков, представляющих различные круги общественного мнения внутри Польши и за границей, в Москве для обсуждения между ними под руководством Комиссии, вопроса о том, каким образом должно быть сформировано представительное правительство, распределены основные посты в правительстве и каким образом должны выполняться функции президента, министра внутренних дел в момент выборов.

Представители «Люблина» несомненно предложат самих себя.

6) Что касается других поляков, находящихся вне Польши, нам следует надеяться, в случае если Комиссия разрешит этот вопрос положительно, на то, что часть поляков, представляющих отдельные круги польского общественного мнения, как например Миколайчик, Грабский, Ромер, а также представители социалистов и крестьянских демократов будут присутствовать во время этих переговоров и иметь право приглашать других поляков, находящихся в Польше и за границей, принять участие в данной дискуссии. Ни одна из предложенных кандидатур не должна быть отвергнута (за исключением тех случаев, когда такое решение будет принято в результате единогласного голосования трех членов комитета в будущем на том основании, что какие либо фашисты не могут быть названы демократами и антинацистами).

7) Подобным же образом из числа поляков, находящихся в Польше, один или два поляка, имена которых известны, как например мистера Витое (местопребывание которого согласно заявления агентства Рейтер из Москвы, было установлено), принц Сапега, мистер Зулавский и другие должны быть приглашены принять участие в данных переговорах с правом приглашать других.

Советские власти должны предложить «Люблинской» администрации отыскать и пригласить этих лиц. В данном случае забаллатировка должна быть предотвращена.

8) Естественно, что наиболее желательным было бы, если это возможно, немедленно положить конец мерам, направленным против «антилюблинских» поляков, руководителей польского подпольного движения, против подпольного движения в целом и подпольной армии[90]. Ясно, что добиться

этого будет трудно, однако, правительство его величества (и мы надеемся, что также и правительство США) должны немедленно оказать давление на советское правительство, с тем, чтобы все судебные преследования и административные меры направленные против отдельных лиц, за исключением лиц, совершивших преступления против закона и против Красной Армии, должны быть отложены до момента формирования польского правительства.

9) Первоочередной задачей является – добиться согласия США на вышеизложенные предложения. Если мистер Стеттиниус[91] все еще находится в Москве, посол правительства его величества может показать ему эту телеграмму и предложить ему дать указание мистеру Гарриману согласовать совместно с сэром К. Керром вопрос в отношении сделать русским представление, предложенное в параграфе 8 данной телеграммы, а также действовать в соответствии с параграфами 4–7 данной телеграммы в том, что касается работы комиссии по Польше.

Мы одновременно с этим проинформируем государственный департамент через посла правительства его величества в Вашингтоне о том, что такие действия предпринимаются.

10) Несомненно важно, чтобы эти предложения, если возможно, были доведены до сведения мистера Молотова до того, как он выставит свои собственные предложения о работе Комиссии».

№ 70 *Сов. секретно*

3 марта 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Письмо МИД Великобритании английскому послу в Каире о реакции генерала Андерса[92] на решение Крымской конференции.

1) Реакция генерала Андерса на предложения Крымской конференции о Польше выражается бескомпромиссным скептицизмом. В разговоре с премьер-министром 21 февраля он охарактеризовал предложения Крымской конференции как «конец Польши». Его невозможно было убедить, что намерения маршала Сталина не являются строго бесчестными. Он считает, что предполагаемое новое временное правительство будет являться не чем иным как легко замаскированным «Люблином». Он подтвердил, что практически ни один поляк находящийся в польской армии не будет иметь возможности возвратиться в Польшу. Он во всеуслышание заявил, что его намерением и намерением войск находящихся под его командованием является остаться верными своей конституционной присяге нынешнему польскому президенту и правительству.

2) Недавнее назначение генерала Андерса, исполняющим обязанности главнокомандующего всеми вооруженными польскими силами было сделано без консультации с правительством его величества и мы публично заявили, что мы не берем на себя никакой ответственности за этот шаг, который мы рассматриваем, как неблагоприятный.

3) Генерал Андерс как будто бы главным образом беспокоится в данное время вопросом сохранения единства и дисциплины среди польских вооруженных сил с целью обеспечить им будущее, предпочтительно на британской

территории, после войны, если возвращение в Польшу, свободную от любого советского влияния, окажется невозможным.

4) Премьер-министр в своей речи в парламенте 27 февраля воздал должное храбрости польским вооруженным силам находящимся под британским командованием и заявил, что в то время как он лично надеется на то, что будет возможным предложить гражданство Британской империи любому поляку, который желает этого, правительство его величества благосклонно относится к тому, чтобы как можно больше польских войск имело возможность возвратиться безопасно и по их личному желанию в Польшу.

5) Для Вашей личной информации может оказаться трудно найти место-жительство для польских войск на британской территории после войны. Более того, желательно для выполнения нашей цели в обеспечении действительно независимой и демократической Польши, чтобы как можно больше поляков, находящихся на службе в наших вооруженных силах, возвратилось бы в Польшу. Поэтому нам не следует позволять, чтобы поляки сделали вывод из замечания премьер-министра, что правительство его величества было вынуждено предложить им местожительство в Британской империи, так как они верят в то, что поляки не смогут возвратиться в Польшу.

6) Прошу проинформировать о вышеизложенном министра-резидента и главнокомандующего войсками на Среднем Востоке.

Последний, возможно, уже получил руководство по польскому вопросу через маршала Александера[93].

№ 71 *Сов. секретно*

21 марта 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Телеграмма от 16 февраля 1945 года министра иностранных дел Германии Риббентропа немецкому посланнику в Ирландии по вопросу о заключении сепаратного мира Германией с западными странами.

Ниже передается директива только для главы миссии и его уполномоченных одновременно. Изложенное здесь должно быть использовано в разговоре с особо важными политическими личностями, которые в состоянии передать сущность этих директив влиятельным и видным англичанам и американцам.

«Мне неизвестно на каких англичан и американцев вы можете рассчитывать в данном случае. Если вам представится возможность, прошу вас передать эти директивы через агента особо важного управления английских или американских кругов. Ничего в письменной форме ни в коем случае не должно исходить от вас. Содержание устных директив следующее: согласно достоверной информации берлинские авторитетные политические круги характеризуют ситуацию следующим образом:

1. Германия сейчас как и всегда намерена непоколебимо бороться на стороне своих союзников, защищая империю всеми возможными средствами и продолжать войну до тех пор пока враг Германии поймет, что Германия и ее союзники не могут быть побеждены.

2. Международное положение вызывает в берлинских кругах следующую мысль: новым и самым большим фактом, вскрытым данной войной, является военная мощь Советского Союза. Насколько силен Советский Союз, сегодня, показало его зимнее наступление. Оно показывает каким образом действует Советский Союз. Сталин подчинил своей власти фактически всю восточную Европу и Балканы (Румыния, Болгария, Македония, ЭЛАС в Греции, Сербия, Венгрия). Тито ничто иное как агент Коминтерна (так в тексте. – *Прим. ред.*). Меры, применяемые русскими в этих странах показывают, хотя они иногда и пытаются скрыть факты, что они не имеют никакого намерения отказаться от этих стран и что в конечном счете они намереваются преобразовать эти страны в коммунистические государства как часть Советского Союза.

Даже во Франции и Италии коммунисты исключительно активны, а казнь принца Кирилла показывает, каковы советские методы.

3. Сталин не удовлетворится тем, что он уже завоевал. Он рассматривает Турцию как сферу своего влияния и желает получить контроль над этой страной. Он одержал победу в Иране и намеревается завладеть Северной Норвегией. Однако, наступление против Германии показывает, что Сталин добивается, помимо всего этого осуществления более великой цели: он планирует завоевание и оккупацию Германии и этим думает завершить свою программу осуществления господства над Европой. Это иллюстрируется тем фактом, что Молотов еще во время своего посещения Берлина недвумысленно заявил, что русские претендуют на контроль над проливами Скагеррак и Каттегат. Германия на сегодня является единственной силой, которая борется против Советского Союза. Германия представляет собой стену, которую Сталин должен разбить, если он хочет пробить себе путь в Европу. Если Сталину удастся сломить сопротивление Германии на Восточном фронте, большевизация Германии, а отсюда и всей Европы будет навсегда свершившимся фактом. Если один русский когда-либо войдет в Берлин, тогда без дальнейших церемоний Европа станет коммунистической.

4. С германской точки зрения наивно и нереально верить в то, что англичане и американцы, выполнив свой план подчинения Германии посредством использования большевизма, смогут затем нанести полное поражение замыслам Сталина путем соглашений о разделе оккупированной зоны Германии. Даже, если Сталин пошел на такое соглашение во время конференции глав трех правительств, эта была просто тактика и ни в коем случае не изменятся его замыслы о большевизации Европы и о полном подчинении ее сюзеренству Кремля.

Неописуемо безобразное поведение Красной Армии в восточных германских провинциях (истребление и увод населения) уже является достаточным фактором для того, чтобы ясно показать, каковы намерения Сталина.

Более того, хорошо известно, что на протяжении последних нескольких лет он направил тысячи военнопленных в политические школы и сформировал из них кадры для новой германско-советской армии. Руководство этими политическими и военными войсками сосредоточено в руках коммунистов, которые раньше выехали из Германии и занимались в коминтерновской школе, а сейчас вместе с несколькими захваченными германскими офицерами вошли в состав комитета свободной Германии.

Войска, работающие совместно с ГПУ, предназначены для строительства коммунизма в Германии как можно скорее после оккупации ее Красной Армией, для истребления интеллигенции и для установления германосоветского режима. Если большевизм когда либо победит в Германии, то он не ограничится районом Эльбы, Везера или даже Рейна, распространится по всему европейскому континенту. Что это будет означать для Англии, довольно очевидно.

В данное время Сталин все еще продолжает осторожно иметь дело с мистером Черчиллем. Но как только германский противовес исчезнет с пути, Сталин покажет себя Черчиллю в своем настоящем свете.

Характерный свет, помогающий понять тактику Кремля по отношению к английскому правительству, проливает следующий инцидент, который произошел недавно между Молотовым и новым посланником коммунистической Болгарии в Москве. Когда последний высказал свое опасение по поводу того, что Англия может в один прекрасный день возобновить свою оппозицию по отношению к Тито и, усилив свое влияние среди старых сербских партий, нарушить федеральный блок между коммунистической Югославией и Болгарией, который уже формируется, Молотов сделал только презрительный жест и заявил, что англичане будут неистовствовать опасаясь за Эгейское море, но они не осмелятся произнести ни слова если болгарско-югославский блок, к которому позже присоединятся Македония и ЭЛАС в Греции и который будет создан под руководством Москвы, станет фактом даже до окончания войны. Важно, чтобы этот блок был создан до окончания войны, в то время, когда Англия занята решением греческого вопроса, что поможет поставить ее перед совершившимся фактом. Нам известно об этом разговоре из телеграммы, направленной из Москвы в Софию, которая попала в руки германских властей.

После того как Германия и Европа будут побеждены, Советский Союз автоматически начнет осуществлять свое заявление сперва в направлении Ближнего Востока.

Нефтяной интерес Англии в Иране и на Ближнем Востоке будет потерян для нее в течение короткого времени, и никакая сила в мире не помешает Сталину пробивать себе дорогу к Суэцкому каналу. Крайняя опасность для английского флота остаться без своей собственной нефти и опасность для Империи встать перед фактом прерванного морского пути в Индию являются очевидными, однако даже это не является конечной целью Кремля.

Решающим фактором является, как хорошо известно то, что Сталин ненавидит Англию. Поэтому после покорения Европы уничтожение Британской империи Советским Союзом будет только вопросом времени. Взгляд на карту является достаточным для каждого политически грамотного человека, чтобы убедиться в данном факте. Уничтожение британского империализма как цитадели капитализма, что уже проповедывалось Лениным, будет тогда завершено путем продвижения в направлении Индии и установления там коммунизма.

Отношение Сталина к современному господствующему классу в Америке хорошо известно в Берлине. Его ненависть к этому классу не меньше его ненависти к английскому капитализму.

С Рузвельтом Сталин также ведет только тактическую игру. Америка совершенно одна предстанет перед созданным таким образом мощным европейским блоком, который никогда не существовал в мировой истории.

Нет нужды вдаваться в подробности о том, что это будет означать для Америки в Восточной Азии, так как для Сталина было всегда заветной мечтой сделать Китай коммунистическим. Всякое влияние Соединенных Штатов сразу же прекратится в Восточной Азии и большевизация самих Соединенных Штатов этим гигантским мировым блоком вновь будет только вопросом времени.

5. Предположения американцев и англичан о том, что Германия может быть демократизирована, а не советизирована, рассматривается в Берлине, как пустая иллюзия. Помимо всего прошедшего, миллионы народа в Германии, дома которых разрушены во время налетов и огромный экономический и моральный ущерб, причиненный войной, делает определенным то, что если национал-социалистический режим будет уничтожен, Германия станет большевистской, однако, решающий момент заключается в следующем: Сталин рассматривает налеты англо-американской авиации, как манну с неба, так как он знает в какой степени это способствует осуществлению политических задач Кремля. Как говорят, он заявил, что англо-американские воздушные силы являются его европейской артиллерией, а английские и американские солдаты выполняют историческую задачу, помогая ему забрать Европу для Советов.

Если германский Восточный фронт будет действительно когда нибудь разбит, вышеупомянутая советская программа начнет осуществляться немед-ленно. Всякая попытка изменить направление современной английской и американской военной политики тогда будет ни в каком отношении невозможной. Будет правильным заявить, что со дня нашего поражения на германском Восточном фронте, судьба Европы, Британской империи, в конечном счете Америки будет решенной, так как там, где стоит советский штык, ГПУ немедленно уничтожит всю интеллигенцию с тем, чтобы после этого перевоспитать оставшихся в живых в коммунистическом духе, то есть так как этого требует Сталин, в частности полного подчинения данной страны.

Таким путем Сталин создает неизменную политическую действительность, которая совершенно исключает возможность всякого влияния со стороны каких-либо других кругов в стране оккупированной Советским Союзом.

Единственным политическим и духовным противовесом несомненно грозной доктрине коммунизма является сейчас национал-социализм, то есть именно тот фактор, который англичане и американцы намерены уничтожить.

Английская корона, английская консервативная партия и американские правящие классы должны иметь поэтому только одно желание, а именно, чтобы никакого несчастья не случилось с Адольфом Гитлером.

Во время мировой войны 1914–1918 годов положение было иным. В то время коммунизм не распространялся еще за пределы России. Однако, даже тогда невозможно было принять эффективных военных и политических мер против коммунизма в России. Английские войска, находившиеся в Архангельске были очень быстро отозваны из этого района, так как они не только не могли ничего сделать в военном отношении, но они уже начали заражаться коммунизмом.

Однако сейчас, позади агрессивного духа коммунистической концепции о международной политике стоит Сталин приблизительно с 650 дивизиями, готовыми придти на помощь туда, где любая европейская или внеевропей-

ская держава, т.е. англичане или американцы, выступят против большевизации и насаждения коммунизма в Европе. Даже самая сильная англо-американская армия и воздушный флот, которые могут быть когда либо посланы этими странами в Европу не в состоянии будут многого сделать в конце концов в борьбе против мощного блока России и Германии с его огромными людскими и материальными резервами.

Надежда англичан и американцев на то, что в случае поражения Германии они могут положить конец коммунизму в оккупированных ими районах, в то время как Советы будут вводить коммунизм в оккупированных ими районах, является в глазах политических деятелей, знакомых с методами большевизма, ошибочной и наивной. В действительности же коммунизм может в течение короткого периода времени победить также и в англо-американских оккупационных зонах. Ни один немец не поднимет руку для того, чтобы помешать этому. Ненависть по отношению к англичанам и американцам за бомбардировки ими Германии слишком велика для этого. Очевидно, английские и американские штыки бессильны в борьбе с коммунистической идеей.

Видимо, также придется учитывать опасность проникновения большевистско-коммунистической заразы в английскую и американскую армию, находящиеся в Европе, так как принимая во внимание гораздо более широко поставленную пропаганду и подрывную деятельность Советов с того времени эта опасность стала бесконечно большей, чем она была во время первой мировой войны.

6. Исходя из этих военных и политических моментов никто в Германии больше не понимает политики Англии и США, ибо эти государства делают все возможное для уничтожения фактора, который является единственным противовесом и препятствием для об'единения Советским Союзом крупных людских резервов и материальных ресурсов всей Европы. Таким фактором является Германия.

После того как станет очевидной колоссальная мощь России, не только Германия, но и вся Европа должна будет тратить свои силы на протяжении поколений на защиту от опасности, идущей с Востока. Поэтому для Англии не возникает больше никакой опасности со стороны Европы. В Берлине сложилось мнение о том, что вместо прежней системы равновесия в Европе должна возникнуть в будущем новая система равновесия среди великих держав. Принимая во внимание огромную силу России в будущем сможет существовать установка равновесия в западном полушарии только в том случае, если европейские страны будут стоять плечем к плечу против России, а морские пути, ведущие в США будут открытыми.

Подобным же образом существование Японии, как великой державы, является обязательным условием для уравновешивания сил в восточно-азиатском районе, так как сила России огромна: Россия несомненно является самой богатой страной в мире, исключительно сильной в биологическом отношении (высокая и все еще повышающаяся рождаемость). Ее военная промышленность, созданная в течение всего нескольких лет, разбросана по всей стране и практически не подвержена атакам.

Решающим фактором, однако, является пробуждение и техническая подготовка самих русских. Это помогло Кремлю, используя естественные ресурсы страны и народ, создать наиболее мощную военную машину, существовавшую когда либо раньше. Если Германия будет когда либо уничтожена,

то чаша весов раз и навсегда упадет в сторону советской России. Однако с германским и, в дополнение к этому, европейским потенциалом в людях и технике, которые будут иметься в его распоряжении, Советский Союз будет всесильным. Германия искала честного союза с Советским Союзом и с этой целью она заключила с ним соглашение летом 1939 года. Сталин, однако, питал надежду на то, что Германия будет вовлечена в длительную войну на Западе и надеялся, что ему удастся воспользоваться данной войной для того, чтобы подорвать Германию посредством пропаганды и использовать ее в своих интересах.

В момент начала войны в Берлине было уже больше тысячи русских агентов, в так называемой советской делегации, которые использовали каждый час вечера с тем, чтобы заразить германских рабочих идеей коммунизма.

Когда Сталин увидел, после поражения Франции, что его расчеты были ошибочными, он стал проводить более агрессивную политику (движение направленное на захват прибалтийских государств и Румынии, визит Молотова, во время которого он претендовал на Дарданеллы и на выход из Балтийского моря).

Наконец, в своей речи, произнесенной для слушателей академии Фрунзе в мае 1941 г., он совершенно открыто проповедывал войну против Германии. О последнем факте стало известно от трех русских офицеров выданных военными чинами, которые были взяты в плен в различное время и допрашивались отдельно. Эти офицеры присутствовали на военном банкете и полностью подтвердили факты.

Германия будет вести борьбу против Советского Союза до конца. Однако, подойдет время, когда Германия должна выбирать между Востоком и Западом. Широкие круги германского народа, особенно население, имущество которых погибло во время бомбардировки, а также широкие партийные круги совершенно определенно устремляют свои взгляды на Восток. На основе этой тенденции должны быть сейчас сделаны выводы. В течение последнего времени эта тенденция все больше и больше дает себя чувствовать. Несомненно это будет рассматриваться англичанами и американцами как блеф, однако, с точки зрения Берлина, это что угодно, но не блеф и в случае, если не удастся удержать восточный фронт, Гитлер и народ решили, несмотря на серьезные бедствия, которые в результате этого падут на Германию, продолжать этот путь до самого конца. Если англичане и американцы не верят этому, то их научат события, которые произойдут в таком случае.

Во всяком случае Германия, при таких обстоятельствах не в состоянии будет изменить в каком либо отношении ход событий. Если Запад упустит психологический момент, тогда Германия будет вынуждена неизменно ориентироваться на Восток.

7. По концепции Берлина, мировое равновесие является обязательным фактором для того чтобы предотвратить дальнейшее (группа не расшифрована. – *Прим. ред.*). В современном мире с существующим развитием техники, никогда больше не может быть где либо пустоты в политическом или военном отношении. Самая сильная держава все время будет заполнять такую пустоту силой.

Поэтому, если сила Германии в Европе будет когда либо сломлена совместными усилиями союзников, тогда вакуум силы в Германии и в Европе будет автоматически заполнен самой сильной державой, т.е. Советским Союзом.

Поэтому в интересах Англии и Америки важно, чтобы Германия и, в Восточной Азии, Япония продолжали существовать как великие державы и чтобы эти две великие державы участвовали в предстоящем сговоре великих мировых держав как могущественные факторы силы.

Цель Германии в войне ясна. Она желает уйти вместе со своими собственными народами в пределы ее границ. Германия желает, чтобы все нации в Европе были свободными. Утверждение о том, что Германия стремится к господству в Европе, является продуктом иностранной пропаганды.

Политика, которую Германия проводила во Франции и на Балканах, показывает, что Германия никогда не имела намерений нарушить свободу отдельных наций. Даже внутренняя политика национал-социализма настолько извращена пропагандой противника, что ни один англичанин или американец в действительности не представляют себе, что значит национал-социализм.

В Берлине убеждены, что каждая страна, включая Англию и Америку, должны окончательно разрешить социальную проблему без промедления и если они не пойдут по пути всеразрушающего большевизма или коммунизма, они могут в социальном отношении только следовать по пути Адольфа Гитлера. В Берлине убеждены, что национал-социализм является упорядоченным синтезом капитализма, а поэтому он является формой рационального капитализма.

Еврейский вопрос является делом германской внутренней политики, который должен быть разрешен в Германии, если Германия не станет жертвой коммунизма. Еврейский вопрос в других странах не интересует Германию. В действительности в Германии придерживаются такого мнения, что немцы могут сотрудничать с другими странами в разрешении еврейского вопроса во всем мире.

Клевета особенно велика в связи с церковным вопросом. Несомненно, что радикальное крыло партии придерживается антиклерикальных взглядов, однако в течение нескольких лет, в данном вопросе происходит всеусиливающаяся эволюция, даже внутри самой партии и в результате этого все церкви в Германии больше посещаются, чем когда-либо раньше. В основном партия, как и всегда, настаивает на принципах партийной программы, то есть ее отношение к христианству является положительным; программа устанавливает, что каждый человек может иметь свою собственную веру. Однако, то, что церковь не может вмешиваться в государственные дела, является принципом, который теперь утвердился на практике и стоит вне вопроса в руководящих кругах, несмотря на случайное вмешательство со стороны радикальных кругов, которое иногда имеет место.

Как интересный симптом в связи с этим можно отметить, что государство ежегодно предоставляет из числа народных доходов более миллиарда марок в распоряжение германских церквей.

В экономическом отношении в Берлине придерживаются такой точки зрения, что следует стремиться к максимальному производству необходимых товаров в пределах собственной территории страны и что базис максимального самообеспечения необходимыми товарами является основным условием экономического переустройства и обмена товарами между различными странами и таким образом процветание мировой торговли.

8. В Берлине ясно представляют себе, что только сотрудничество великих держав между собой и участие Германии в будущем устройстве мира по-

может и добиться согласия и обеспечить сотрудничество мировых держав. Сотрудничество мировых держав, которое должно занять место военных союзов, и в котором Германия должна принимать активное участие, поможет само по себе предотвратить возникновение третьей мировой войны. Однако, все требования, пред'являемые Германии ее противниками, направлены на предотвращение всякого сотрудничества такого вида в будущем и на создание условий для вечной войны. Безоговорочная капитуляция и предполагаемые отправки партий немцев, закованных в цепи, в Сибирь будет означать только сдачу Германии на откуп коммунизму.

В Берлине удивлены тем, что никто в Лондоне и в Вашингтоне не признают этого факта и то, что настоящая политика английского и американского правительства должна привести не к обеспечению длительного мира, а как раз наоборот, – к состоянию вечной войны.

Эти мысли, которые вскрывают глубину эволюции происходящей сейчас в Германии, в то же время содержат в себе предупреждение об угрожающих событиях. Но если момент будет упущен и германская империя будет уничтожена большевизмом, тогда больше не представится возможности договориться с Германией, так как Германия никогда больше не сможет быть демократической страной, а будет только коммунистической страной и будет лишь влачить свое существование. День поражения на германско-восточном фронте будет поэтому в полном смысле слова поворотным пунктом в мировой истории».

№ 72 *Сов. секретно*

4 апреля 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ В ЛОНДОНЕ О НАМЕРЕНИЯХ ПОЛЬСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЛОНДОНЕ ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ ЗА ПОЛЬШУ СИЛОВЫМИ МЕТОДАМИ

1. Руководители польского эмигрантского правительства в Лондоне Рачкевич[94] и Арцишевский[95] не намерены складывать оружие в своей борьбе против СССР и польской демократии. Среди поляков в Лондоне господствует убеждение, что создание правительства национального единства не может послужить причиной для прекращения деятельности в направлении устранения советского влияния в Польше и в будущем решения вооруженным путем вопроса о границах.

2. Лондонское «правительство» намерено значительно увеличить свою армию. Все пригодные к воинской службе мужчины призываются в армию. Во Франции и Бельгии польским властям при помощи денег удается привлекать на свою сторону значительное число поляков, которых они немедленно призывают в армию. Важным резервом для усиления польской армии являются сотни тысяч польского населения, освобождаемого армиями союзников. Все поляки, освобождаемые союзниками передаются в распоряжение польских военных властей.

По сведениям, полученным из Швейцарии, швейцарское правительство договорилось с немецким правительством о передаче всех поляков, взятых немцами во время подавления восстания в Варшаве. Достигнуто формальное соглашение, согласно которому немцы передают свыше 200 тысяч поляков

швейцарским властям. Последние организуют для этих поляков специальные лагеря. Из этих лагерей будут организованы побеги поляков в армию Андерса.

Посол польского правительства в Швейцарии Ладоев своей телеграммой от 19 марта с.г. сообщил правительству, что вскоре прибудут первые партии поляков, и что по его мнению надо поторопиться с посылкой специальных военных работников для «обслуживания» этих поляков.

Правительство Арцишевского имеет возможность при содействии союзных правительств создать крупную армию еще к концу этого года. Генерал Андерс заявил на совещании высших офицеров 7 марта, что он создаст миллионную армию.

№ 73 *Сов. секретно*

9 апреля 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Агент ФБР ЛЕМОН сообщил нашему источнику «Д», что ему стало известно от работника УСС (организация Донована[96]), который на днях прибыл из Италии в Англию, о том, что до перевода Кессельринга[97] с итальянского на западный фронт, сам Кессельринг или два высших немецких офицера от его имени, вели с союзническим командованием в Италии переговоры о капитуляции немецких войск, находящихся на итальянском фронте.

«Д» сообщил об этом ЛИДДЕЛЛУ[98], который неохотно подтвердил правдоподобность данной информации. Продолжать разговаривать на эту тему ЛИДДЕЛЛ не желал.

№ 74 *Сов. секретно*

22 апреля 45 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Суммарное содержание меморандума Сарджента[99] от 2 апреля с.г.:

«В связи с окончанием военной обстановки я хочу знать, не пришло ли время для того, чтобы пересмотреть наше оборонительное, почти примирительное отношение к СССР. Действовать оборонительно, теперь, когда мы сильны, может дать русским повод подумать, что мы что-либо прячем от них, как например, желание восстановить Германию. Такого желания в действительности не существует. Так что возможно пришло время настоять на раскрытии карт.

Если даже русские будут придерживаться на комиссии договоренности в Ялте процедуры по польскому вопросу, мы все же должны ясно заявить, что мы хотим; в противном случае урегулирование польского вопроса будет кратковременным, как это было с чехословацким вопросом после Мюнхена. Карты должны быть раскрыты по следующим вопросам:

1. Германия и Австрия.
2. Советский санитарный кордон.

По первому вопросу мы должны настоять на принятии решений на европейской консультативной комиссии. По второму вопросу мы не должны со-

глашаться с тенденцией СССР к установлению сферы влияния. Лю бой результат от раскрытия карт, навряд ли может быть хуже, чем нынешняя пассивная политика, которая всегда кончается не в нашу пользу».

Кадоганию[100] 4 апреля на меморандуме Сарджента сделал пометки: «Я думаю, что раскрытие карт должно ограничиться только вопросом о Польше. По этому вопросу мы должны сделать заявление в парламенте». На это Иден приписал: «Я согласен, хотя фельдмаршал не согласен с этим». Кадоган продолжает: «Я не знаю к чему это приведет. Но если мы добьемся подходящего разрешения польского вопроса, то этого будет достаточно для данного времени». Иден 8 апреля сделал пометку: «Я согласен».

№ 75 *Сов. секретно*

26 апреля 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Послание Черчилля Идену о принятии мер по ускорению продвижения англо-американских войск в Чехословакии. Получено агентурным путем.

Черчилль предлагает Идену сделать все возможное для того, чтобы США дали указание Эйзенхауэру ускорить продвижение его войск в Чехословакии, с целью вступлению в Прагу до того, как это сделает Красная Армия. Черчилль заявляет, что, если именно англо-американские войска, а не Красная Армия, освободят Прагу, то вся политическая ориентация Чехословакии и чехословацкого правительства в послевоенном периоде будет иной.

№ 76 *Сов. секретно*

28 апреля 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Содержание телеграммы от 13 апреля 1945 года английского посланника в Стокгольме В. Маллета в МИД Великобритании о беседе Гиммлера с председателем шведского Красного Креста Ф. Бернадоттом.

1. Граф Бернадотт строго конфиденциально сообщил мне некоторую информацию о его интервью с Гиммлером в Берлине на прошлой неделе, которое продолжалось четыре часа.

2. В противоположность тому, когда Бернадотт виделся с Гиммлером три недели тому назад, Гиммлер сейчас признал, что все кончено. Бернадотт заявил, что правильной политикой было бы немедленно капитулировать, и что это спасло бы бесчисленное количество жизней. Гиммлер ответил, что он поддержал бы такую линию, но Гитлер не хочет и слышать об этом, а он считает себя связанным клятвой верности Гитлеру. Бернадотт на это заявил, что верность Гиммлера германскому народу является более важным фактором, однако Гиммлер ответил, что он всем обязан фюреру и не может покинуть его в последние минуты.

Гиммлер совершенно не казался взволнованным, и создалось впечатление, что он является совершенно нормальным и сохранил энергию и органи-

зационную способность. У него даже хватает времени для чтения книг руническим письмом, что, очевидно, всегда являлось его любимым занятием.

Гиммлер заметил, что ему известно, что он стоит первым в наших списках военных преступников. Бернадотт сказал ему, то, что он рассматривается как военный преступник, является вполне естественным, так как он является главой гестапо, ужасные жестокости которого доказаны.

Я спросил Бернадотта, не осталось ли у него впечатления о Гиммлере как о садисте. Бернадотт ответил мне, что, к его удивлению, Гиммлер не произвел на него такого впечатления. Гиммлер сам сказал ему, что ему известно о том, что за пределами Германии его считают жестоким, но на самом деле он не любит жестокостей, и что за границей о нем создалось совершенно неправильное мнение. Бернадотт повторил, что о нем следует судить по действиям его подчиненных. Гиммлер заявил, что действия его подчиненных очень преувеличены. Тогда Бернадотт указал ему на особенные и подтвержденные факты убийств, совершенных гестапо, включая умерщвление 200 евреев в одном из госпиталей. Гиммлер ответил, что этот факт не имел места, однако Бернадотт настаивал на своем и на следующий день, когда Гиммлер увиделся с ним снова, имел честность заявить, что наведя справки, он, к сожалению, должен признаться, что данный случай действительно имел место.

Гиммлер заявил, что он хотел эвакуировать евреев из Германии, в действительности депортация 1200 евреев в Швейцарию была подготовлена через него, но к несчастью сообщения об этом в швейцарской прессе стали известны Гитлеру. В результате этого Гитлер дал строгое приказание о том, чтобы вновь подобных случаев не повторялось.

3. Шелленберг – один из основных помощников Гиммлера, по словам Бернадотта, является его разведывательным офицером и характеризуется Бернадоттом как порядочный и гуманный человек, который оказал огромную помощь по подготовке эвакуации норвежских и датских интернированных в лагерь в Ноенгамме.

С другой стороны, Кальтенбруннер, который обладает очень большой властью, всеми рассматривается, как самый ужасный тип жестокого человека и убийцы. Даже Гиммлер, видимо, опасается его и дал указание Шелленбергу предупредить Бернадотта о том, что Кальтенбруннер является наиболее опасным человеком и что он организовал подслушивание всех телефонов, которыми пользуется Бернадотт в Германии.

4. Все сведения о Гитлере, которые Бернадотту удалось собрать в Германии, говорят о том, что он совершенно ненормальный. Говорят, что он почти полностью посвящает свое время изучению архитектурных планов по восстановлению германских городов и ходит очередная острота о том, что он также планирует восстановление Лондона.

Несмотря на это, он сохраняет свой непостижимый престиж даже среди таких твердолобых людей, как Гиммлер. Он все еще обладает властью накладывать вето на решения, но он, видимо, потерял всякую инициативу.

5. Бернадотт считает, что Геринг еще жив, но не играет никакой роли. Говорят, что он пристрастился к кокаину, снова носит тогу и красит ногти красным лаком.

6. В Берлине ожидают, что союзники вскоре рассекут Германию на две части и что нацистские лидеры обоснуются в своей последней резиденции на юге Германии.

№ 77 *Сов. секретно*

5 мая 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Передаю краткое содержание телеграммы Черчилля от 20 апреля сего года, адресованной Идену в Вашингтон. Получено агентурным путем.

«В Москве Тито дал интервью представителям прессы. На этой пресс-конференции он совершенно не упоминал ни о британской помощи, ни о территориальных притязаниях.

Это является дополнительным доказательством того, что совершенно бесполезно тратить наши силы в потерянной игре с советской Россией в Югославии. Теперь одна из наших основных целей должна быть гармония британских, американских и итальянских интересов в районе Адриатического моря.

Прошу сообщить мне, что думают об этом в государственном департаменте и в Белом Доме. Я считаю, что русские не запугают нового президента (Трумэна). Я стремлюсь к прочной дружбе с русским народом, но я уверен, что эта дружба может основываться только на признании со стороны русских англо-американской силы».

№ 78 *Сов. секретно*

6 мая 1945 г.

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

Краткое содержание телеграммы Черчилля от 18 апреля с.г., адресованной Идену в Вашингтон. Получено агентурным путем.

«Вы знаете мое мнение о Тито, с того времени, как он сбежал из Виз. Мы должны немедленно прекратить наши поставки ему. Я дал указание об'единенному штабу командующих найти для этого благовидный предлог.

Мы должны приостановить поглощение Советским Союзом Западной и Центральной Европы. Мы должны настаивать на том, чтобы не было никаких территориальных изменений до мирной конференции, будущее Триеста явится единственной надеждой расколоть Итальянскую коммунистическую партию.

Этот вопрос вызовет сильное сочувствие в Италии, а Италия очень популярна в США. Об'единенные действия с США и тесное сотрудничество с общественным мнением Италии должны явиться неплохой политикой».

№ 79 *Сов. секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ИЗ САН-ФРАНЦИСКО ОТ 10 МАЯ 1945 г. О ПОЛИТИКЕ США НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

«После поездки в Китай нового американского посла – Хорли правительство страны обещало Чан Кай-ши обучить и вооружить 35–40 китайских дивизий и в будущем довести число таких дивизий до 50.

Формально это решение принято с целью использования китайских людских ресурсов в борьбе против Японии. Однако адмиралы и генералы – инициаторы этого плана – во главе с Кингом и Соммервеллем отлично знают, что в настоящее время они не могут вооружить армию таких размеров, а затем снабдить ее достаточным количеством вооружения и боеприпасов для ведения военных действий против Японии. Они сознают, что этот план будет осуществим только тогда, когда американцы высадятся на китайском побережье и овладеют портами с достаточной пропускной способностью для доставки необходимого оборудования и вооружения китайским войскам.

Конкретных планов создания промышленной базы для китайской армии пока нет. Однако Леон Гендерсон изучал на месте такие возможности и совещался по этому вопросу с руководством армии и флота США.

План создания боеспособной китайской армии рассчитан в первую очередь на разгром китайских коммунистов и поддержку Гоминьдана, а также на создание эффективного барьера против проникновения СССР в Маньчжурию и Китай.

В правящей верхушке США существуют группировки, желающие сохранения достаточно сильной Японии, чтобы в случае конфликта использовать ее против СССР и против китайских коммунистов.

Однако в настоящее время большинство американских деятелей, в том числе армии и флота, не доверяет Японии, допуская возможность, что Япония, вооруженная на средства США для борьбы против коммунизма, может при известных условиях перейти на сторону СССР. Поэтому вся политика США в Азии строится на укреплении Китая и максимальном ослаблении Японии».

В вопросе Маньчжурии позиция США сводится к тому, чтобы не допустить создания независимого маньчжурского государства, ввиду опасений, что оно может подпасть под влияние СССР. США будут требовать возвращения Маньчжурии Китаю. Корея должна стать независимым государством после некоторого периода пребывания под опекой Китая. Мало вероятно чтобы США добровольно согласились на участие СССР в опеке Кореи».

Генерал Хорли, недавно бывший в Москве, сообщил государственному департаменту, что он представлял тов.СТАЛИНУ американские предложения по вопросу оказания поддержки Чан Кай-ши и что тов. СТАЛИН их всецело одобрил. Хорли полностью ответственен за срыв переговоров Гоминьдана с китайскими коммунистами.

По настоянию Хорли из Китая были отозваны все американские офицеры, являющиеся сторонниками сотрудничества с коммунистами в борьбе против Японии.

Хорли также пригрозил американским дипломатическим представителям немедленным отозванием в случае, если они будут выступать за сотрудничество с китайскими коммунистами.

Англия принципиально поддерживает план США по ликвидации коммунизма в Китае.

В США сейчас изучают вопрос о передаче китайскому правительству 200 миллионов долларов золотом. Эта сумма является частью кредита в 500 миллионов представленного США Китаю. Чан Кай-ши не был заинтересован в использовании этих средств на приобретение оборудования и сырья.

Он желал главным образом использовать их для закрепления своего влияния среди китайских генералов и политических деятелей путем подкупа. С этой целью он требовал, чтобы часть кредита была выплачена золотом якобы для борьбы с инфляцией, но в действительности золото используется лишь для вышеуказанных целей.

Антисоветские элементы правящей верхушки не желают слишком ослабить Германию экономически. Они придерживаются мнения Черчилля, что между Ламаншем и СССР необходимо сохранить сильный буфер. Эти круги будут стремиться к сохранению достаточно мощной германской промышленности под американским контролем, чтобы в случае столкновения с СССР можно было бы вернуть Германии готовый производственный аппарат.

№ 80

Копия
Сов. секретно

товарищу СТАЛИНУ И.В., товарищу МОЛОТОВУ В.М., товарищу БЕРИЯ Л.П.

5 июля 45 г.

НКГБ СССР сообщает содержание телеграмм английского министерства иностранных дел №№ 6972 и 6973 от 30.6.45, адресованных английскому послу в Вашингтоне. Копии этих телеграмм посланы английскому послу в Москве.

Тексты документов получены агентурным путем в Лондоне.

I. Телеграмма № 6972

«В дополнение к моей телеграмме № 5594 от 29.5.45 по вопросу о переговорах глав трех правительств в «Терминале»[101]. (Кодовое название места встречи руководителей трех держав. – *Примечание НКГБ*.).

1. Мы еще не получили от государственного департамента ответа на наш список вопросов, подлежащих обсуждению на конференции. Но со времени отправления нашей телеграммы № 5594 мы рассматривали эти вопросы в свете последних событий и в моей последующей телеграмме приводится пересмотренный список вопросов. Этот список был составлен в форме, удобной для представления его советскому правительству, если это будет сочтено желательным.

2. Передавая этот список государственному департаменту, Вы должны сделать следующие пояснения

Вопрос о Польше остается в списке в случае, если связанные с нею проблемы будут чрезвычайно важными, или если такие проблемы возникнут во время переговоров, происходящих в настоящее время в Москве.

4. Согласно подпункту 1 «а», можно будет обсудить такие вопросы, как, например, о созыве мирной конференции, о будущем Европейской консультативной комиссии и о постоянном механизме, который будет заниматься проблемами стран, оккупированных союзниками. Мы не предполагаем обсуждать на конференции подробности окончательного урегулирования гра-ниц и т.п. Подпункт «b» может быть в основном обсужден в связи с под-

пунктами 5 «а» и 5 «Г». Мы надеемся, что американцы при любых обстоятельствах проявят инициативу в отношении этих подпунктов. Бывший подпункт 9 «с» теперь включен в пункт «Германия», где этот вопрос кажется более уместным. Подпункт 1 «а» является новым и, возможно, окажется ненужным ввиду переговоров, происходящих сейчас в Лондоне.

5. Из вопросов, включенных в пункт 3, по нашему мнению, подпункты «а» и «b» должны быть несомненно обсуждены. Мы надеемся, что американцы проявят инициативу в отношении подпункта «b», так как они уже поднимали этот вопрос перед нами. Все подпункты «с», «d», «е» и «f» входят в компетенцию контрольной комиссии. Мы сейчас запрашиваем британских представителей в контрольной комиссии, считают ли они полезным обмен мнениями по некоторым или по всем этим вопросам на предстоящей конференции.

6. Имеются дополнительные вопросы, связанные с Германией, которые могут возникнуть, но которые мы сами не намереваемся поднимать. К таким вопросам относятся следующие:

1) О германских торговых судах.

2) О будущем германской промышленности.

3) О репарациях.

4) О германском флоте.

5) О русских и польских гражданах, насильно угнанных в Германию.

Если русские поднимут четвертый и пятый вопросы, то будет невозможно избежать их обсуждения. Однако мы будем настаивать на том, что первые три вопроса должны быть разрешены комиссией по репарациям и не подлежат обсуждению на этой конференции.

7. Сами мы не предполагаем поднимать на этой конференции вопроса о составе нового австрийского правительства.

8. Что касается пункта 4, нам кажется, что следует вкратце проинформировать русских о нашем намерении заключить мирный договор с Италией и выразить надежду, что русские согласятся с этим. Мы считаем, что нет необходимости в настоящее время обсуждать с советским правительством вопрос об изменении нашей политики и о наших интересах в Италии. Но мы были бы рады получить возможность обменяться мнениями с членами американской делегации в Лондоне после конференции, если это окажется возможным.

9. Мы надеемся, что американская делегация проявит инициативу в постановке на обсуждение подпунктов «а», «с» и «f» пункта 5. Подпункт «f» даст возможность обсудить вопрос о выборах в Греции и, возможно, Албании, если это будет сочтено желательным.

10. Что касается пункта 6, то мы считаем, что вопрос о проливах должен неизбежно обсуждаться на конференции в «Терминале», в связи с последним обменом мнениями между советским и турецким правительствами относительно взаимоотношений между этими двумя странами.

В дополнение к вопросам, упомянутым в моей телеграмме № 6973, наша делегация получит инструкции по ряду других вопросов, которые мы не намереваемся поднимать сами, но которые мы готовы обсуждать, если советские представители поставят их на обсуждение. Кроме упомянутых выше в пунктах 6 и 7 вопросов, к таким вопросам относятся следующие: предложения о вооружении европейских союзников, судьба итальянского

флота, вопрос о Венеции-Джулии, о внутреннем положении в Греции, об Албании, о специальном режиме в Балтийском море, левантийский вопрос, вопрос об отношении русских к Швейцарии и вопрос о Танжере».

II. Телеграмма № 6973

«В дополнение к моей телеграмме № 6972 по вопросу о переговорах глав трех правительств в «Терминале».

Передаю пересмотренный список вопросов, подлежащих обсуждению на предстоящей конференции глав трех правительств.

Общие вопросы:

a) Процедура урегулирования обще-европейских вопросов.

b) Применение декларации Крымской конференции по вопросу об освобожденной Европе.

c) Создание условий для представителей союзных стран в странах Восточной Европы.

d) Вопрос о военных преступниках.

2. Вопрос о Польше.

3. Вопрос о Германии:

a) Польская западная граница. Статус польской администрации на бывшей германской территории.

b) Переселение германского населения из Польши и Чехословакии.

c) Обмен мнениями в отношении учреждения центральной германской администрации в Берлине для координирования транспорта и проч.; будущее германское правительство.

d) Позиция по отношению к политическим партиям и их деятельность.

e) Отношение к Германии как к экономическому целому.

О Координирование пропаганды и информации для Германии.

4. Вопрос об Италии.

Заключение мирного договора.

5. Вопрос о Балканах.

a) Внутреннее положение в бывших странах-сателлитах с особой ссылкой на форму созданных там правительств.

b) Вопрос о заключении мирного договора с этими странами.

c) Статут британских и американских представителей в контрольных комиссиях до момента заключения мирных договоров.

d) Вывоз промышленного оборудования, особенно из Румынии, под видом трофеев.

e) Положение в Югославии и выполнение соглашения, подписанного ТИТО и ШУБАШИЧЕМ[102].

f) Заверение в проведении свободных выборов в балканских странах.

6. Вопрос о Турции.

a) Русско-турецкие отношения.

b) Пересмотр конвенции заключенной в Монтрэ.

7. Вопрос об Иране.

Вопрос о взаимном отводе войск».

Народный комиссар Государственной Безопасности
Союза ССР (В. Меркулов)

№ 81 Копия
Сов. секретно

ГКО – товарищу С Т А Л И Н У И.В.
НКИД – товарищу М О Л О Т О В У В.М.
НКВД – товарищу Б Е Р И Я Л.П.

18 июля 45 г.

В дополнение к спецсообщению № 4100/н от 5.7.45 НКГБ СССР сообщает содержание телеграфной переписки между МИД Англии и английским послом в Вашингтоне в связи с конференцией руководителей трех держав[103].

Документы получены агентурным путем в Лондоне.

1. Телеграмма английского министерства иностранных дел № 7125 от 4.7.45 адресованная английскому послу в Вашингтоне.

«В дополнение к моей телеграмме № 6973 от 30.6.45 относительно перечня вопросов, подлежащих обсуждению на конференции в «Терминале» (кодовое название места встречи руководителей трех держав. – *Примечание НКГБ*).

Нам теперь кажется, что, помимо вопросов, перечисленных в нашей телеграмме № 6973, в раздел «общие вопросы» следует включить вопрос о распределении постов в Исполнительном комитете и в Подготовительной комиссии об'единенных наций. На первом заседании Подготовительной к омиссии по этому вопросу не было принято никакого решения. Поэтому вполне очевидно, что мы должны, если это возможно, добиться соглашения между пятью великими державами, по крайней мере по вопросу о председателе и секретаре Исполнительного комитета, до начала заседания комитета, которое состоится в начале августа. Если на конференции руководителей правительств в «Терминале» сможет быть достигнуто соглашение, то с французами и китайцами можно будет согласовать этот вопрос до конца этого месяца и тогда не будет больших трудностей в том, чтобы Исполнительный комитет на своем первом заседании согласился с любым предложением, принятым пятью великими державами. Поэтому мы предлагаем добавить к перечню вопросов, подлежащих обсуждению в «Терминале», пункт 1 «е» под следующим заголовком: «Распределение постов в Исполнительном комитете и в Подготовительной комиссии».

2. Мы также считаем, что было бы желательным одновременно с этим поставить на обсуждение вопрос о месте работы международной организации. Этот вопрос стоит на повестке дня Исполнительного комитета и вполне возможно, что он будет подвергнут обсуждению в августе. Встреча руководителей трех держав несомненно является вполне подходящим местом для общего обмена мнениями по этому важному вопросу, однако мы считаем, что в «Терминале» не должно быть принято окончательное решение, так как вполне понятно, что точка зрения других стран должна быть также принята во внимание.

3. Поэтому мы предлагаем к перечню вопросов, подлежащих обсуждению в «Терминале», добавить также пункт 1 «f» под следующим заголовком: «Предварительный обмен мнениями относительно места работы международной организации».

II. Телеграмма английского посла в Вашингтоне № 4709 от 6.7.45, адресованная английскому министерству иностранных дел.

«В дополнение к моей телеграмме № 4708.

1. Передаем содержание замечаний МАТЬЮСА (директор управления по европейским делам госдепартамента США. – *Примечание НКГБ*) в отношении некоторых вопросов, намеченных госдепартаментом для обсуждения на конференции руководителей трех держав.

Пункт 1. В связи с этим пунктом МАТЬЮС показал текст меморандума, который посол США в Лондоне получил указание представить министерству иностранных дел. В этом документе предлагается, чтобы, в связи с рассмотрением срочных проблем, связанных с заключением мирных договоров и разрешением территориальных вопросов, министры иностранных дел пяти основных стран создали совет для составления договоров (перед представлением их на рассмотрение об'единенных наций) с Италией, Румынией, Болгарией и, на более поздней стадии, если пять правительств согласятся на это, с Германией, когда будет совместно признано, что имеется германское правительство, с которым такой договор можно заключить. Такой совет также сможет, с общего согласия, рассматривать и другие срочные европейские проблемы.

2. МАТЬЮС заявил, что правительство США будет ожидать результатов обсуждения позиции английского и американского правительств по этому вопросу на конференции руководителей трех держав в отношении этого предложения. Если эта позиция будет одобрена, она должна быть как можно быстрее рассмотрена на заседании предлагаемого к созданию Совета, который будет заседать в самом Берлине, или в одной из небольших европейских столиц (он назвал Брюссель и Вену). Он также заявил, что предложение США о том, чтобы состав Совета был ограничен министрами иностранных дел пяти основных союзников, расценивается как наиболее удобный способ для избежания претензий со стороны других стран, например, со стороны Украины и Белоруссии, в отношении участия их в составлении мирных договоров. Вопрос в отношении заключения мирного договора с Финляндией не предусматривается в предложении, так как США не находились в войне с этой страной.

Пункт 2 «а». МАТЬЮС заявил, что правительство США считает, что, после создания Контрольного совета, Европейская консультативная комиссия должна прекратить свое существование как можно быстрее, и выполнение ее функций должен взять на себя Контрольный совет.

Пункт 5. МАТЬЮС указал, что важно сделать все возможное, чтобы Советское правительство не просто присоединилось к таким организациям, как Европейский экономический комитет, Европейский угольный комитет и Европейская международная транспортная организация, но также активно сотрудничало в них, способствуя успеху их работы.

Пункт 6. МАТЬЮС заявил, что свободная связь и информация относятся к проблеме необходимости убедить Советское правительство разрешить в его зонах оккупации осуществление телеграфной связи, а также разрешить доступ туда иностранных журналистов.

Затем МАТЬЮС заявил, что его более ранние комментарии в отношении Вашего пересмотренного перечня вопросов, сообщенного в моей телеграмме № 4620, отражают точку зрения госдепартамента и могут быть допол-

нены следующими соображениями (ссылки, которые имеются ниже, делаются на пересмотренный перечень вопросов, приведенный в Вашей телеграмме № 6973):

Пункт 3 «а». Госдепартамент убежден в том, что советское правительство поднимет на конференции руководителей трех держав вопрос в отношении западной границы Польши и будет надеяться на разрешение его на конференции.

Пункт 3 «b». МАТЬЮС подтвердил, что американцы не захотят взять на себя инициативу в возбуждении вопроса о переселении германского населения из Польши и Чехословакии, и заявил, что они не начали еще обсуждение этого вопроса с нами. (Я узнал из 3 параграфа Вашей телеграммы № 6651 о том, что посольство США в Лондоне сделало Вам представление в отношении выселения венгров из Чехословакии. В свете того, что заявил МАТЬЮС и на основании Ваших инструкций, сообщенных Вашей телеграммой от 11 июня, в соответствии с которыми мы уже приняли меры, можно предположить, что госдепартамент полагает, что мы возьмем на себя инициативу в постановке вопроса о переселении других групп национальных меньшинств.)

Пункт 7. МАТЬЮС заявил, что правительство США согласилось с нами в том, чтобы отвод войск из Ирана происходил на равных началах.

3. Что касается дополнительных пунктов, о которых говорится в Вашей телеграмме № 7125, мне стало известно сегодня в госдепартаменте, что он не возражает против обсуждения этих вопросов на предстоящей конференции руководителей трех держав, но считает, что эти вопросы должны быть обсуждены в низшей инстанции не руководителями трех держав, а их министрами иностранных дел, и поэтому не должны фигурировать в официальной повестке дня».

Народный комиссар
Государственной Безопасности Союза ССР (В. Меркулов)

№ 82

Копия
Сов. секретно

ГКО – товарищу СТАЛИНУ И.В.
НКИД – товарищу МОЛОТОВУ В.М.
НКВД – товарищу БЕРИЯ Л.П.

3 августа 45 г.

НКГБ СССР сообщает выдержки из меморандума от 11.7.45 помощника заместителя английского министра иностранных дел Орм САРДЖЕНТА о политике Англии по отношению к СССР.

Текст документа получен агентурным путем в Лондоне.

«В связи с приближением демобилизации и эвакуации американских войск из Европы мы должны в ближайшем будущем занять твердую позицию, если мы не хотим, чтобы положение в Европе складывалось неблагоприятно для нас. На практике это означает, что мы должны прочно закрепить наше влияние в Финляндии, Польше, Чехословакии, Австрии, Югославии и Болгарии; временно нам, возможно, придется отказаться от распростране-

ния нашего влияния на Румынию и Венгрию, поскольку эти страны находятся вне пределов досягаемости для нас.

Если нам придется померяться с Советским Союзом силами на дипломатической арене, то сейчас как раз наступило такое время, когда вам следует пойти в наступление, бросив вызов России в указанных шести странах, вместо того, чтобы ждать, когда советское правительство станет нам угрожать в Германии, Италии, Греции и Турции. Нашей целью должно явиться превращение трех последних стран в бастионы либерализма, направленного против тоталитаризма даже в том случае, если при этом нам придется взять на себя ответственность и обязательства, от которых при других обстоятельствах мы были бы только рады избавиться. Однако борьба за Германию, когда она начнется, будет не только гораздо более трудной, но и решающей для всей Европы.

Мы не можем полагаться на постоянное сотрудничество с США. Американцы будут считать нас беспокойными и реакционными, так же, как мы считали Францию в 20-х годах. Однако они с большой готовностью согласятся сотрудничать с нами в разрешении европейских экономических проблем, поскольку эти вопросы затрагивают их престиж и интересы. В связи с этим можно будет надеяться, что им будет трудно не проявлять интереса к политическим событиям в странах, которым они оказывают существенную материальную помощь.

Если только мы разрешим Германии выступить в этой политической игре в качестве «покупателя, который предложит наивысшую цену», тогда мы все потеряем, так как у Советского Союза будут лучшие шансы на то, чтобы уплатить эту цену.

Короче говоря:

a) Мы должны основывать свою внешнюю политику на принципе сотрудничества между тремя великими державами. Это в наших интересах, как наиболее слабой державы из трех. Для укрепления своих позиций нам следует привлечь на свою сторону доминионы и, в особенности, Францию, не говоря уже о более мелких европейских странах.

b) Нам не нужно опасаться проведения своей собственной политики, независимой от политики двух других великих партнеров, и не следует остерегаться отклонения от линии действий, продиктованной нам Россией или США, исходя только из того, что они обладают большей силой или потому, что это является линией наименьшего сопротивления, или же вследствие того, что мы не надеемся, что нам удастся удержаться в Европе без помощи США.

c) В своей политике нам следует придерживаться основных британских традиций и базироваться на принципах, которые будут приемлемы для США, доминионов и малых европейских стран, в особенности западных. Такая политика по своему характеру должна быть определенно антитоталитарной и, ввиду этого, должна быть направлена как против правого тоталитаризма (фашизм и др.), так и против левого (коммунизм и др.).

При осуществлении этой политики либерализма нам придется рисковать и временами даже выходить за рамки наших политических возможностей. Нам не следует, например, колебаться в отношении нашего дипломатического вмешательства в международные дела других стран в том случае, когда им грозит потеря их либеральных учреждений или их политической независимости. В ближайшем будущем нам следует бросить вызов коммуни-

стическому проникновению в большинстве стран Восточной Европы и мы должны быть готовыми к тому, чтобы противодействовать каждой попытке советского правительства к коммунизации или установлению политического контроля над Германией, Италией, Грецией или Турцией. Мы не должны отклоняться от этого курса или падать духом даже в том случае, если США не окажут нам поддержки и даже если они изберут, что вполне возможно, политику «умиротворения» по отношению к русским. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы преодолеть экономический кризис в Европе не только в своих интересах (богатая Европа является лучшим рынком сбыта для Великобритании), но и для того, чтобы использовать материальные ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении и в распоряжении Америки, как противовес во всей Европе против коммунистической пропаганде, которую Советский Союз будет использовать при каждом удобном случае для достижения своих целей».

Народный комиссар
государственной безопасности Союза ССР (В. Меркулов)

№ 83

Копия
Сов. секретно

7 сентября 45 г.

товарищу СТАЛИНУ И.В., товарищу МОЛОТОВУ В.М.,
товарищу БЕРИЯ Л.П.

НКГБ СССР сообщает полученные в Лондоне агентурные данные о высказываниях английского министра иностранных дел БЕВИНА по вопросам английской внешней политики.

«1. БЕВИН в беседе со своим помощником высказал следующие соображения по вопросам английской внешней политики.

В данное время в британской внешней политике в основном существует преемственность, однако имеются некоторые отличия от внешней политики коалиционного правительства.

Так, например, мы считаем, что предыдущее правительство не сумело провести свою политическую линию в Европе. Оно делало слишком большие уступки русским и эти уступки привели к разделению Европы, в некотором смысле, на сферы влияния, с чем нынешнее правительство не согласно.

Исходя из этого наша политика должна быть направлена на то, чтобы не допустить, чтобы Балканы сделались сферой влияния русских. Отсюда важность проблемы Триеста и Австрии.

ИДЕН очень мало понимает в вопросах экономики и социал-демократического движения в Европе. Это явилось причиной того, что он сделал, без необходимости ряд уступок русским. Используя моменты экономического порядка и социал-демократическое движение, мы можем заставить действовать такие силы в Европе, которые будут на нашей стороне, чего не смог сделать ИДЕН.

Что касается западного блока и Франции, то мы, во всяком случае, не намерены слишком спешить с этим вопросом.

Преждевременное создание западного дипломатического блока помешало бы проведение нами сейчас борьбы против разделения Европы на сферы влияния, т.е. борьбы против русских.

Мы, вероятно, могли бы уже сейчас заложить основы западного блока, но не следует показывать, что мы официально спешим с этим делом.

Используя наше положение в Триесте, в Австрии и особые условия на Среднем Востоке – в Египте, Ираке, Иране – мы должны заставить экономические факторы служить британским политическим интересам и создать не западный блок, а европейский и средне-восточный блоки.

Что касается Италии, то существуют об'ективные условия для установления близких англо-итальянских союзных отношений, таких же близких, как англо-французские отношения, поскольку все три страны будут участниками предполагаемого блока. Но и здесь нам не следует спешить. Италию можно сделать зависимой от нас, используя для этого такое средство экономического давления, как уголь, но пока мы не имеем угля для этой цели. К тому же проводимая сейчас американцами политика задерживает англо-итальянское сближение, хотя это и не может долго продолжаться.

Для того, чтобы нейтрализовать деятельность коммунистов в Италии, нам потребуется немного времени.

Что касается Испании, то мы надеемся установить хорошие отношения с приемником (так в тексте. – *Прим. ред.*) ФРАНКО. Мы можем достичь этого только в том случае, если ФРАНКО будет свергнут не в результате гражданской войны. Гражданская война будет служить лишь интересам русских, а одной из главных целей британской политики является держать русских подальше от Испании.

2. В другой беседе, с РИДСДЕЙЛОМ – начальником отдела печати министерства иностранных дел и некоторыми руководящими работниками этого министерства, БЕВИН заявил:

Триест станет большим портом – Амстердамом Средиземного моря. Вся Юго-Восточная Европа будет снабжаться через этот порт. Триест должен стать открытым портом и будет иметь большое значение для британской и имперской торговли. Поэтому весьма важно не допустить исключительного контроля Югославии над этим портом. Триест должен находиться под международным или итальянским контролем.

Коммунистический режим в Триесте привел бы к нанесению ущерба нашим интересам в Австрии. Отсюда вытекает то огромное значение, которое мы придаем нашей политике в Австрии.

Обсуждение вопросов, касающихся Румынии, должно происходить в союзной контрольной комиссии; жаль, что США вовлекли в это дело короля МИХАИЛА и вынесли обсуждение за пределы комиссии.

Смена правительства в Англии не отразится на положении в Греции. Я как член военного кабинета все время поддерживал политику английского правительства в Греции. Естественно, что политика лейбористского правительства в отношении Греции будет являться продолжением политики прежнего правительства. Необходимо иметь в виду, что Греция это единственная страна на Балканах где существует свобода критики и имеется оппозиция.

У меня будет серьезный разговор с МОЛОТОВЫМ о полицейских режимах в государствах Восточной Европы.

Политика России направлена на достижение двух целей: повышение жизненного уровня населения до уровня существующего в США и Англии и обеспечение безопасности страны.

В результате двадцатилетней изоляции Россия все еще чрезвычайно подозрительна. Я буду пытаться устранить эту подозрительность.

Что касается нашей политики на Среднем Востоке, то она будет направлена между прочим на улучшение условий широких масс и уменьшение ужасающей пропасти между небольшим количеством богатых и большинством бедных; на улучшение социального обслуживания масс, оказание им медицинской помощи и т.д. Такая политика будет способствовать росту симпатий населения этих стран к Великобритании и развитию более тесных отношений между Великобританией и странами Среднего Востока».

Народный комиссар
государственной безопасности Союза ССР (В. Меркулов)

Рассекреченные документы из архива СВР по вопросам взаимодействия советской и британской внешних разведок в годы войны. Публикуются впервые

№ 1 *Совершенно секретно*

ЗАПИСЬ ТОГО, НА ЧЕМ СОГЛАСИЛИСЬ СОВЕТСКИЕ И БРИТАНСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В СВОИХ БЕСЕДАХ ПО ВОПРОСУ О ПОДРЫВНОЙ РАБОТЕ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ

Раздел I.

1. В период между 14 и 29 августа 1941 года мы, представители Советских и Британских органов, в компетенцию которых входит подрывная работа, вели предварительные беседы для выяснения вопроса о том, желательно ли и осуществимо ли сотрудничество в деле проведения подрывной работы и если да, то на каких основах это сотрудничество должно базироваться.

2. В результате этих бесед мы пришли к единодушному мнению, что сотрудничество не только желательно и осуществимо, но и существенно для достижения нашей общей цели разгрома врага.

3. Руководители Советской и Британской организаций согласились сейчас на том, что сотрудничество в подрывной работе должно базироваться на принципах, обусловленных в ходе наших бесед.

Эти принципы и наши предложения по сотрудничеству в области пропаганды изложены ниже.

Раздел II.

4. Советские и Британские территории, а также другие территории занятые СССР или Англией, ниже оговоренные, исключаются из сферы деятельности соответствующих организаций каждой из сторон:

а) СССР и Балтийские государства, за исключением Финляндии.

б) Британская империя и подмандатные территории, а также Египет, Ирак, Сирия, Саудская (так в тексте. – *Прим. ред.*) Аравия, Йемен, Трансиордания и Абиссиния.

5. Вопросы эвентуального сотрудничества Советских органов с организациями по саботажу в Польше, Чехословакии и Югославии должны явиться предметом обсуждения между правительствами этих стран и СССР.

6. Сотрудничество во всех других странах, не указанных в пп. 4 и 5, будет определено руководителями Советской и Британской организаций и будет базироваться на общей линии поведения. Такая общая линия поведения включает в себя:

а) Координирование работы по саботажу и определение об'ектов,

б) Координирование пропаганды, направленной на побуждение местного населения к восстаниям, активному саботажу и другим видам подрывной работы,

в) Определение времени проведения специальных операций, особенно, если таковые затрагивают политические или оперативные планы одной или другой стороны.

7. В помощь руководителям Советских и Британских органов в делах, касающихся каждой из организаций, в каждой из стран создаются секции связи.

Эти секции связи будут состоять из 4–5 человек, включая секретарей и технический персонал, как например радио-специалистов.

8. Советская и Британская организации будут оказывать друг другу всевозможное содействие по внедрению в оккупированные страны агентов каждой из этих организаций. Такое содействие включает снабжение документами, организацию прикрытий, снабжение и доставку материалов и радиоаппаратуры.

9. Советская и Британская организации будут оказывать друг другу всемерное содействие в установлении связи и в случае необходимости каждая из сторон рассмотрит возможность разрешения устройства на своей территории радио-станций другой стороны.

10. Сотрудничая и содействуя друг другу, Советские и Британские органы не желают предпринимать ничего такого, что могло бы поставить под угрозу их организации или напрасно подвергать опасности их агентов.

Секретные Советская и Британская организации не будут раскрыты друг перед другом, а равно не будет, как правило, никакого контакта между их оперирующими агентами, за исключением тех случаев, когда руководители организаций одной и другой стороны уверены, что такой контакт имел бы свои преимущества.

11. Советские и Британские органы будут обмениваться информациями и разведывательными сведениями, которые могут быть полезны для подрывной работы. Такая информация должна включать в себя сведения о результатах работы по саботажу, могущие отразиться на оперативности агентов каждой из сторон, и имена активных вражеских агентов, известных каждой из сторон.

12. Советские и Британские органы будут обмениваться достижениями в области усовершенствования новых технических средств и методов по подрывной работе.

Раздел III.

13. Мы считаем целесообразным, чтобы возможно скорее встретились также представители Советских и Британских органов пропаганды для обсуждения и разработки общей линии поведения в деле ведения пропаганды, направленной на усиление сопротивления господству держав Оси в оккупированных странах.

14. В обсуждение должны быть включены вопросы целесообразности взаимного использования системы радиовещания, распространения каждой из сторон агитационных листовок другой стороны, и все другие средства пропаганды, которые обе стороны сочтут полезными для дела.

15. В связи с тем, что вопрос о линии поведения в деле подстрекательства к саботажу и к подрывной работе путем пропаганды имеет жизненное значение для нашей работы, мы рассмотрели его более детально и предлагаем, чтобы:

а) такая пропаганда была направлена в первую очередь по линии призыва к подрывной деятельности рабочих транспорта в странах держав Оси и в оккупированных ими территориях. Сюда относится также призыв к забастовкам и мелким актам саботажа;

б) в нейтральных странах призывать рабочих к предупреждению актов саботажа против советских и британских товаров и судоходства и сообщению о таких случаях местной полиции;

в) агентов в нейтральных и оккупированных странах инструктировать в смысле подкупа команд контролируемых державами Оси судов и, если возможно, убедить их, чтобы они направили суда в порты союзников;

г) создавать общее недовольство и организовывать саботаж на фабриках и заводах, работающих на державы Оси весьма желательно, однако это должно иметь второстепенное значение по сравнению с привлечением к подрывной деятельности рабочих транспорта.

Раздел IV.

16. Действия партизанских отрядов особенно эффектны тогда, когда они контактируются с регулярными военными действиями или получают какую-либо косвенную военную поддержку.

Поэтому соответствующие Советская и Британская организации должны создавать партизанские отряды в тех странах, которые близко расположены к рубежам СССР и Англии или эвентуально могут стать ареной военных действий в будущем. В отношении этих стран будет еще и то преимущество, что их легче будет снабжать.

В связи с этим соответствующие европейские страны будут, в целях организации и снабжения партизанских отрядов, распределены следующим образом между Советской и Британской сферами деятельности:

СССР:	Англия:
Румыния, Болгария, Финляндия	Западная Европа от Испании до Норвегии, Греция

17. Вопрос об организации партизанских отрядов в Польше, Чехословакии и Югославии должен обсуждаться между СССР и правительствами указанных стран.

18. Ни СССР, ни Англия не предпримут никакой кампании по пропаганде, призывающей к восстаниям или партизанскому движению в странах, входящих в сферу операций одной из сторон без согласия на то другой стороны.

Представитель Советской организации Генерал /Николаев/	Представитель Британской организации Подполковник /Гиннесс/

МОСКВА «30» сентября 1941 года

Настоящий документ отпечатан в трех экземплярах, из них: №№ 1 и 3 у Советской организации и экз. № 2 у Британской организации.

№ 2 *Совершенно секретно*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ОБЩЕЙ ЛИНИИ ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРЫВНОЙ РАБОТЕ ДЛЯ РУКОВОДСТВА СОВЕТСКОЙ И БРИТАНСКОЙ СЕКЦИЙ СВЯЗИ

1. ОБЩИЕ ОБ'ЕКТЫ ПОДРЫВНОЙ РАБОТЫ.

Соответствующие Советская и Британская организации согласны с тем, что главным об'ектом их подрывной работы должны быть все виды транспорта. Большое внимание должно также уделяться военной промышленности врага.

Основными об'ектами по транспорту являются:

Судоходство, включая портовое оборудование , судостроительные верфи и ремонтные доки;

Каналы, особенно в Германии, Франции, Бельгии и Голландии;

Железные дороги, особенно паровозы и подвижной состав, паровозо- и вагоностроительные заводы, а также склады нефти и угля;

Дорожный транспорт, особенно покрышки, смазочные масла и запасы нефти.

Основными об'ектами военной промышленности являются:

Оружейные заводы, авиационные заводы и з аводы авиационного оборудования военного снаряжения и склады боеприпасов;

Химические завопы, производящие в з рывчатые вещества, отравляющие вещества, синтетический каучук и горючее.

Электро-силовые установки, особенно по обслуживанию железных дорог и ведущих предприятий военной промышленности;

Нефтепромысла и склады горючего, особенно запасы смазочных масел.

2. СВЯЗЬ.

Советская и Британская организации окажут друг другу всемерное содействие в установлении связи с их соответствующими агентами, особенно если одна из сторон не имеет возможности связаться со своей агентурой. Одним из путей, по которым может итти установление такой связи являются явочные квартиры. Агенты стороны, не имеющей связи, могли бы передавать свои сообщения, зашифрованные собственным кодом, по этим адресам. С помощью другой стороны эти сообщения могли бы доставляться затем в соответствующие секции связи.

Между агентами и конспиративными квартирами не должно быть прямой связи.

Вопрос о необходимости организации общих путей связи в той или иной стране и о методах осуществления этой задачи должен в каждом отдельном случае разрешаться руководителями Советской и Британской организаций.

3. СНАБЖЕНИЕ МАТЕРИАЛАМИ.

Как правило, Советская и Британская организации будут снабжать своих агентов необходимыми материалами каждая самостоятельно. Однако, в тех случаях, когда у одной из сторон будет ощущаться недостаток в этих материалах, или доставка их будет затруднена, другая сторона окажет ей всевозможное содействие.

4. ПОДРЫВНАЯ РАБОТА И ВЗАИМНОЕ СОДЕЙСТВИЕ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ.

В ходе наших бесед мы выработали предварительную наметку той линии поведения, которая должна быть принята в подрывной работе.

Ниже изложены выводы, к которым мы пришли, и наши предложения в отношении взаимного содействия. Они были одобрены руководителями Советской и Британской организаций, хотя последние отдают себе полный отчет в том, что наша теперешняя линия поведения способна подвергаться частым изменениям, особенно в некоторых нейтральных странах, где она будет зависеть от их политической позиции.

Поэтому, все практические вопросы, которые возникнут в результате наших бесед, будут разрешаться руководителями Советской и Британской организаций через их секции связи.

ФИНЛЯНДИЯ.

Британская организация не в состоянии вести в настоящее время активную работу по саботажу. Она, однако, рассмотрит вопрос о том, какое содействие она может оказывать Советской организации.

ШВЕЦИЯ.

При условии, что Швеция не будет сотрудничать более тесно с державами Оси, активный саботаж в этой стране должен в настоящее время сводиться к действиям против судоходства держав Оси и снабжения их, даже в том случае, если оно производится шведскими пароходами и по шведским железным дорогам.

Если Швеция присоединится к державам Оси, то все ограничения по саботажу отпадут и он должен быть направлен против следующих об'ектов в порядке их важности: судоходства, железорудных копей в Галливаре, железных дорог, особенно тех, которые ведут в Финляндию и в Норвегию и паромов по переправе поездов в Данию.

Британская организация по политическим соображениям не хотела бы в настоящее время оказывать прямого оперативного содействия Советской организации. Она, однако, рассмотрит по мере своих возможностей любые предложения, которые Советская организация выдвинет как срочные и важные, как например в отношении связи. Британская организация, разумеется, готова координировать с Советской организацией планы на будущее в отношении Швеции.

НОРВЕГИЯ.

Основными об'ектами подрывной работы являются судоходство и гидроэлектростанции, обслуживающие аллюминиевые заводы и заводы редких металлов.

Действия против железных дорог и других об'ектов должны быть ограничены в настоящее время, так как они могут вызвать сильные контрмеры. Однако железная дорога в Нарвике и транспорты железной руды морем из Нарвикского порта должны подвергнуться нападению еще этой зимой.

ДАНИЯ.

Основными об'ектами подрывной работы должны быть судоходство и железнодорожное сообщение по паромам в Швецию.

ГОЛЛАНДИЯ.

Основными об'ектами подрывной работы в порядке важности являются: судоходство по каналам, морское судоходство, железные дороги и склады и перевозки нефти.

Электросооружения не должны быть подвергнуты актам саботажа, так-как это может привести к затоплению страны.

БЕЛЬГИЯ.

Основными об'ектами в порядке важности являются: железные дороги, морское судоходство и судоходство по каналам.

ФРАНЦИЯ.

Основными об'ектами в порядке важности являются: железные дороги, судоходство, судоходство по каналам и германская авиация и летчики.

Система проводов высокого напряжения во Франции несовершенна и представляет собой хороший об'ект для саботажа.

Британская организация окажет Советской организации всемерное содействие в установлении связи с ее организацией во Франции и перебросит советских агентов для этой цели.

ГЕРМАНИЯ. АВСТРИЯ И ВЕНГРИЯ.

Основными об'ектами в порядке важности являются: железные дороги, морское судоходство и судоходство по каналам, дорожный транспорт и предприятия военной промышленности, особенно те, которые производят синтетическое горючее.

Британская организация не имеет своей организации в Германии и, поэтому, рекомендуется, чтобы в настоящее время были использованы возможности обеих сторон для расширения организации Советской стороны. Британская организация окажет всяческое содействие Советской организации в установлении связи с ее организацией и в переброске агентов, курьеров, материалов и радиоаппаратуры в Германию. Если бы Британская организация захотела создать организацию в Германии, Советская организация в свою очередь также окажет ей полное содействие.

ИТАЛИЯ.

Основными об'ектами являются железные дороги /особенно в Альпах/, судоходство и дорожный транспорт. Электрораспределительная система весьма несовершенна и представляет подходящий об'ект для саботажа.

Советская и Британская организации окажут друг другу содействие в расширении и снабжении своих соответствующих организаций. Британская организация окажет содействие Советской организации в установлении связи с ее организацией в Италии.

ШВЕЙЦАРИЯ.

Швейцария является базой для связи со странами Оси и поэтому ничего не должно быть предпринято такого, что могло бы побудить швейцарцев ограничить нашу работу в этом направлении.

Подрывная работа должна сводиться, поэтому, к действиям против заводов, работающих на Германию, и к мелким актам саботажа против снабжения, предназначенного для держав Оси.

ИСПАНИЯ.

Активный саботаж должен ограничиваться действиями против судоходства держав Оси или контролируемого ими судоходства. Никакая другая активная работа не должна вестись в настоящее время, так как она может восстановить испанцев против нас.

Британская организация по политическим соображениям в настоящее время не в состоянии оказывать содействие Советской организации в Испании.

ПОРТУГАЛИЯ.

Советская организация не имеет своей организации в Португалии и не стремится к созданию таковой в настоящее время. Британской организации в настоящее время не разрешено оперировать в Португалии и она, поэтому, не может оказать содействия Советской организации.

БАЛКАНЫ.

Румыния.

Основными об'ектами должны быть нефтеперегонные заводы и запасы нефти в Румынии и средства перевозки нефти – по железной дороге, речными и морскими путями.

Болгария.

Саботаж должен в настоящее время сводиться к действиям против судоходства контролируемого державами Оси.

Однако Советская и Британская организации должны быть подготовлены к проведению активной подрывной работы на железных дорогах, ведущих в Турцию в случае, если последняя подвергнется нападению со стороны держав Оси.

Греция.

Основной об'ект подрывной работы – судоходство.

СОДЕЙСТВИЕ НА БАЛКАНАХ.

Советская и Британская организации окажут друг другу всемерное содействие в установлении связи с их соответствующими организациями и в переброске агентов каждой из сторон в Балканские страны. Для этой цели желательно, чтобы представители Советской и Британской организаций в Стамбуле поддерживали между собой контакт. Этот контакт должен иметь место в условиях большой секретности, дабы не вызвать подозрений у турок.

ТУРЦИЯ.

Активный саботаж должен в настоящее время ограничиваться действиями против судоходства держав Оси, особенно против нефтеналивных судов.

Если Турция станет враждебной или будет захвачена Германией, то в таком случае нашими основными об'ектами саботажа были бы железные дороги, ведущие на Кавказ, в Сирию и в Ирак.

По политическим соображениям в настоящее время не должно быть сотрудничества между Советской и Британской организациями, оперирующими в Турции. Тем не менее руководители наших соответствующих организаций должны координировать планы на будущее.

Никаких попыток не должно быть предпринято в настоящее время по организации партизанских отрядов. Однако, не исключена возможность создания таких нерегулярных частей на территориях вдоль границ Турции, которые, в случае необходимости, могли бы быть переброшены в Турцию.

Этот последний вопрос должен быть рассмотрен отдельно Советской и Британской организациями, которые должны друг друга информировать о достигнутых в этом отношении результатах.

ИРАН.

В связи с оккупацией Ирана Советскими и Британскими войсками, задачей наших организаций там должна быть борьба против немецкой 5-й колонны и активный саботаж в случае захвата Ирана державами Оси. При такой эвентальности об'ектами подрывной работы должны быть: порты на Каспий-

ском море и железные и шоссейные дороги, ведущие на Юг и Восток из этих портов на Кавказ.

Британская организация подготовит мероприятия по разрушению нефтяной промышленности.

Сотрудничество между Советской и Британской организациями будет лучше всего достигнуто разделением Ирана на советскую и британскую сферы операций. Руководители этих самостоятельных организаций будут связаны либо непосредственно, либо по радио.

КИТАЙ.

В неоккупированном Китае Советская и Британская стороны создадут организации по подрывной работе. Главными функциями этих организаций будет подготовка и заброска агентуры в оккупированный Китай для того, чтобы быть готовым в случае если Япония станет враждебной.

От Китайского правительства может потребоваться содействие, однако оно должно будет сводиться к минимуму в интересах обеспечения безопасности наших организаций.

В разработке наших планов и в определении времени наших операций необходимо будет, до известной степени, учитывать военные планы Китая.

Более подробная линия поведения должна быть выработана в Лондоне и Москве в ближайшем будущем, а детали должны быть обсуждены между Советскими и Британскими представителями в Китае.

СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Нашей общей задачей в Северной и Южной Америке должна быть борьба против 5-й колонны держав Оси. Активный саботаж должен быть направлен против судоходства держав Оси и воздушных линий, контролируемых ими. Если Япония вступит в войну против СССР или Англии, ее судоходство станет основным об'ектом подрывной работы.

Советская сторона не имеет в настоящее время организаций ни в Северной, ни в Южной Америке и, поэтому, активные операции предлагается проводить Британской организации, действующей совместно с американцами.

Если Япония вступит в войну и станет враждебной, Советская сторона может быть заинтересована в создании своей собственной организации в Северной и Южной Америке для ведения подрывной работы против Японии и Германии и для этой цели ей потребуется содействие Британской стороны. Такое содействие может быть оказано лишь с согласия правительства США.

Представитель Советской организации Генерал /Николаев/	Представитель Британской организации Подполковник /Гиннесс/

г. МОСКВА « 30 » сентября 1941 года.

Настоящий документ отпечатан в трех экземплярах, из них: Экз. №№ 1 и 3 у Советской организации и экз. № 2 у Британской организации.

Рассекреченные документы из архива СВР по атомной проблематике (публиковались ранее в журнале «Вопросы истории, естествознания и техники», № 3, 1992 г.)

Документ № 1

Сов. секретно

СПРАВКА
на № 6881/1065 от 25.IX.41 г. из Лондона

ВАДИМ[1] передает сообщение «Листа»[2] о состоявшемся 16.IX.41 г. Совещании Комитета по урану[3]. Председателем совещания был Босс*.

На совещании было сообщено следующее.

Урановая бомба вполне может быть разработана в течение двух лет, в особенности если фирму «Империал Кемикал Индастриес»[4] обяжут сделать ее в наиболее сокращенные сроки.

Представитель Вульвичского арсенала ФЕРГЮССОН заявил, что запал бомбы может быть сконструирован в течение нескольких месяцев. Нет необходимости и возможности получения минимальной скорости относительного движения массы ВВ в 6 тысяч футов/сек. Процесс взрыва будет происходить преждевременно. Но и в этом случае сила взрыва будет в огромнейшей степени больше силы обычного ВВ.

До последнего времени расчет критической массы производился только теоретически, т.к. не было данных о размере поперечного сечения ядра U-235. Но в связи с вопросом о быстрых нейтронах имеются доказательства того, что сечение ядра U-235 и обычного урана отличаются не на много. Предполагается, что к декабрю будут произведены необходимые измерения.

В ближайшее время намечается проведение опытов по достижению наибольшей эффективности взрыва определением плотности нейтронов в промежутке между соседними массами U-235.

Три месяца тому назад фирме «Метрополитен Виккерс» был выдан заказ на конструирование 20-ступенчатого аппарата, но разрешение на это было дано только недавно. Намечается обеспечение выполнения этого заказа в порядке 1-й очереди.

Фирма «Империал Кемикал Индастриес» имеет договор на получение гексафторурана, но производство его фирма еще не начала. Не так давно в США был выдан патент на более простой процесс производства с использованием нитрата урана.

На совещании было сообщено, что сведения о лучшем типе диффузионных мембран можно получить в США[5].

Комитетом начальников штабов на своем совещании, состоявшемся 20.IX.41 г., было вынесено решение о немедленном начале строительства в Англии завода изготовления урановых бомб.

Вадим просит оценку материалов «Листа» по урану.

---

* Хенки (вписано от руки).

Документ № 2

Сов. секретно

СПРАВКА
на № 7073, 7081/1096 от 3.X.41 г. из Лондона

ВАДИМ сообщает о полученном от «Листа» переданном Военному Кабинету 24.IX.41 г. докладе о работах Уранового кабинета.

В докладе освещаются следующие вопросы.

Определение критической массы урана зависит от определения поперечного сечения ядра урана-235 (fission cross section). Предполагается, что величина критической массы находится в пределах от 10 до 43 кг. Эта величина определялась на основании общих сведений по свойствам U-235 и действии быстрых нейтронов на атомы других элементов[6].

Получение гексафторурана (гексафлюоридурана) разработано фирмой «Империал Кемикал Индастриес», которая уже получила 3 кг этого вещества. Получение F-235* осуществляется диффузией гексафторурана в парообразном состоянии через ряд мембран, представляющих собой сетку из тончайшей проволоки.

Проектирование сепарационного завода представляет большие трудности, т.к.:

1) Гексафторуран разрушает смазочные вещества. Поэтому, возможно, потребуется разработка специального смазочного вещества. Но даже и в этом случае потребуется установка газовых затворов.

2) Гексафторуран подвергается разложению в присутствии водяных паров. В присутствии даже незначительного количества влаги гексафторуран действует разрушающе на аппаратуру.

3) Процесс происходит при вакууме 0,4 мм, в связи с чем потребуется наличие возможно меньшего количества соединений в аппаратуре.

4) Конструкция и установка мембран должны быть таковы, чтобы обеспечить полное отсутствие вибрации мембран.

5) Возможность утечки и загрязнения сальников.

Предполагается, что для всего сепарационного завода потребуется 19.000** 10-ступенчатых агрегатов, в связи с чем территория завода должна быть более 20 акров.

Общее количество гексафторурана будет не более 0,5 тонны в день, следовательно, химическая часть завода будет занимать только небольшую его часть.

Сообщается, что помимо огромного разрушительного эффекта урановой бомбы воздух на месте ее взрыва будет насыщен радиоактивными частицами, способными умерщвлять все живое, что попадет под действие этих частиц.

---

* Очевидно, U-235.

** Очевидно, опечатка – не 19.000, а 1.900.

Документ № 3

Сов. секретно
Экз. № 1

КЗ-4
СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
«___» марта 1942 г.
г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу С Т А Л И Н У

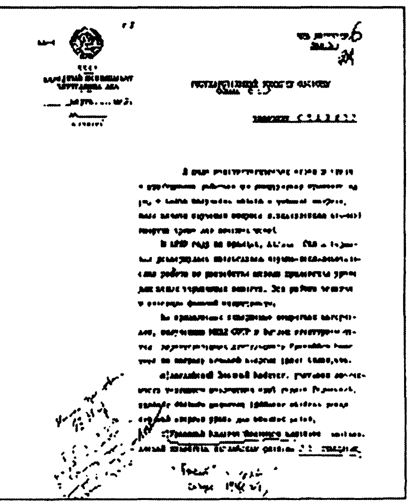
В ряде капиталистических стран в связи с проводимыми работами по расщеплению атомного ядра с целью получения нового источника энергии было начато изучение вопроса использования атомной энергии урана для военных целей.

В 1939 году во Франции, Англии, США и Германии развернулась ин тенсивная научно-исследовательская работа по разработке метода применения урана для новых взрывчатых веществ. Эти работы ведутся в условиях большей секретности.

Из прилагаемых совершенно секретных материалов, полученных НКВД СССР в Англии агентурным путем, характеризующих деятельность Уранового комитета по вопросу атомной энергии урана, видно, что:

а) Английский военный кабинет, учитывая возможность успешного разрешения этой задачи Германией, уделяет большое внимание проблеме использования атомной энергии урана для военных целей.

б) Урановый комитет военного кабинета, возглавляемый известным английским физиком Г.П. ТОМСОНОМ, координирует работу видных английских ученых, занимающихся вопросом использования атомной энергии урана, как в отношении теоретической, экспериментальной разработки, так и чисто прикладной, т.е. изготовления урановых бомб, обладающих большой разрушительной силой.

в) Эти исследования основаны на использовании одного из изотопов урана, 11-235, обладающего свойством эффективного расщепления. Для этого используется урановая руда, наиболее значительные запасы которой имеются в Канаде, в Бельгийском Конго, в Судетах и в Португалии.

г) Французские ученые ХАЛЬБАН и КОВАРСКИЙ, эмигриро-

вавшие в Англию, разработали метод выделения изотопа урана-235 путем применения окиси урана, обрабатываемого тяжелой водой.

Английские ученые, профессор ПЕЙЕРЛС и доктор физических наук БАЙС, разработали способ выделения реактивного изотопа U-235 при помощи диффузирующего аппарата, спроектированного д-ром СИМОН, который и рекомендован для практического использования в деле получения урана, идущего для изготовления урановой бомбы.

д) В освоении производственного метода выделения U-235, помимо ряда научно-исследовательских учреждений Англии, непосредственное участие принимают Вульвичский арсенал, а также фирмы «Метро-Виккерс», химический концерн «Империал Кемикал Индастриес». Этот концерн дает следующую оценку состояния разработки метода получения U-235 и производства урановых бомб:

«Научно-исследовательские работы по использованию атомной энергии для урановых бомб достигли стадии, когда необходимо начать работы в широком масштабе. Эта проблема может быть разрешена и необходимый завод может быть построен».

е) Урановый комитет добивается кооперирования с соответствующими научно-исследовательскими организациями и фирмами США (фирма Дюпон), ограничиваясь лишь теоретическими вопросами.

Прикладная сторона разработки основывается на следующих главных положениях, подтвержденных теоретическими расчетами и экспериментальными работами, а именно:

Профессор Бирмингамского университета Р. ПЕЙЕРЛС определил теоретическим путем, что вес 10 кг U-235 является критической величиной. Количество этого вещества меньше критического, устойчиво и совершенно безопасно, в то время как в массе U-235, большей 10 кг, возникает прогрессирующая реакция расщепления, вызывающая колоссальной силы взрыв.

При проектировании бомб активная часть должна состоять из двух равных половин, в своей сумме превышающих критическую величину. Для производства максимальной силы взрыва этих частей U-235, по данным профессора ФЕРГЮССОНА из научно-исследовательского отдела Вульвичского арсенала, скорость перемещения масс должна лежать в пределах 6.000 футов/секунду. При уменьшении этой скорости происходит затухание цепной реакции расщепления атомов урана и сила взрыва значительно уменьшается, но все же во много раз превышает силу взрыва обычного ВВ.

Профессор ТЕЙЛОР подсчитал, что разрушительное действие 10 кг U-235 будет соответствовать 1.600 тонн TNT.

Вся сложность производства урановых бомб заключается в трудности отделения активной части урана – U-235 от других изотопов, изготовлении оболочки бомбы, предотвращающей распадение, и получении необходимой скорости перемещения масс.

По данным концерна «Империал Кемикал Индастриес» (ICI) для отделения изотопа U-235 потребуется 1.900 аппаратов системы д-ра СИМОНА стоимостью в 3.300.000 фунтов стерлингов, а стоимость всего предприятия выразится суммой в 4,5–5 миллионов фунтов.

При производстве таким заводом 36 бомб в год стоимость одной бомбы будет равна 236.000 фунтов стерлингов по сравнению со стоимостью 1.500 тонн TNT в 326.000 фунтов стерлингов.

Изучение материалов по разработке проблемы урана для военных целей в Англии приводит к следующим выводам:

1. Верховное военное командование Англии считает принципиально решенным вопрос практического использования атомной энергии урана (U-235) для военных целей.

2. Урановый комитет английского военного кабинета разработал предварительную теоретическую часть для проектирования и постройки завода по изготовлению урановых бомб.

3. Усилия и возможности наиболее крупных ученых научно-исследовательских организаций и крупных фирм Англии об"единены и направлены на разработку проблемы урана-235, которая особо засекречена.

4. Английский военный кабинет занимается вопросом принципиального решения об организации производства урановых бомб.

Исходя из важности и актуальности проблемы практического применения атомной энергии урана-235 для военных целей Советского Союза было бы целесообразно:

1. Проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при Государственном комитете обороны СССР из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций СССР, занимающихся вопросом атомной энергии урана.

2. Обеспечить секретное ознакомление с материалами НКВД СССР по урану видных специалистов с целью дачи оценки и соответствующего использования.

Примечание:

Вопросами расщепления атомного ядра в СССР занимались академик КАПИЦА – в Академии наук СССР, академик СКОБЕЛЬЦИН – Ленинградский физический институт и профессор СЛУЦКИЙ – Харьковский физико-технический институт.

Народный комиссар внутренних дел
Союза С.С.Р. (Л. Берия)

Документ № 4 (Приводится в сокращенном виде)

Сов. секретно

№ П-37сс

« » апреля 1943 г.

С.С.С.Р.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ
М.Г. ПЕРВУХИН
МОСКВА-КРЕМЛЬ

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА НКВД СССР
ТОВАРИЩУ МЕРКУЛОВУ В.Н.

При сем направляю записку профессора Курчатова И.В. о материалах по проблеме урана.

Прошу дать указание о дополнительном выяснении поставленных в записке вопросов.

По использовании материал прошу вернуть мне.

(подпись) Первухин
8/IV

Соверш. секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
т. П Е Р В У Х И Н У М.Г.

Произведенное мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоненимое значение для нашего Государства и науки.

С одной стороны, материал показал серьезность и напряженность научно-исследовательской работы в Англии по проблеме урана, с другой – дал возможность получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования, миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения.

В дальнейшем приводятся соображения по отдельным разделам материала.

(Эта часть документа опущена.)

Заключение.

Получение материала, как видно из изложенного, заставляет нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской физики направления в работе.

1. Выделение изотопа урана-235 диффузией.
2. Осуществление ядерного горения в смеси уран – тяжелая вода.
3. Изучение свойств элемента *EkaOs*94.

В заключение необходимо отметить, что вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по э той проблеме за границей.

Естественно возникает вопрос о том, отражают ли полученные материалы действительный ход научно-исследовательской работы в Англии, а не являются вымыслом, задачей которого явилась бы дезориентация нашей науки. Этот вопрос для нас имеет особенно большое значение потому, что по многим важным разделам работы (из-за отсутствия технической базы) мы пока не в состоянии произвести проверку данных, изложенных в материале.

На основании внимательного ознакомления с материалом у меня осталось впечатление, что он отражает истинное положение вещей.

Некоторые выводы, даже по весьма важным разделам работы, мне кажутся сомнительными, некоторые из них мало обоснованными, но ответственными за это являются английские ученые, а не доброкачественность информации.

Это письмо будет передано Вам Вашим Помощником т. А.И. Васиным, у которого находятся подлежащие уничтожению черновые записи к письму.

Содержание письма никому, кроме него, не может быть пока известно.

г. Москва Зав. лабор.
7.03.43 Профессор Курчатов

Документ № 5

Сов. секретно

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПО МАТЕРИАЛУ К ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНОЙ
№ 1/3/6134 от 6 апреля 1945 г.

Материал большой ценности. Он содержит данные: 1) по атомным характеристикам ядерного взрывчатого вещества; 2) по деталям взрывного метода приведения атомной бомбы в действие; 3) по электромагнитному методу разделения изотопов урана.

I. Атомные характеристики яперного взрывчатого вещества.

Исключительно важны в этом разиеле данные по спонтанному целению тяжелых япер, содержание подтверждение ранее полученного сообщения о меньшей вероятности спонтанного деления урана-235 по сравнению с ураном-238. Поразительна высока вероятность этого процесса в плутонии-240.

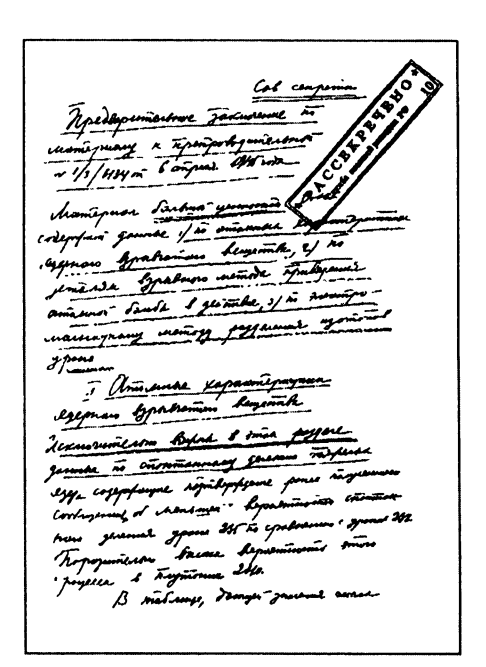
В таблице, дающей значения числа вторичных нейтронов на одно деление (number of fission neutrons per fission) не указано, для расщепления какими нейтронами (быстрыми или медленными) получено v = 2.47 для урана-235 и нет, кроме того, величины v для деления урана-238 быстрыми нейтронами.

Было бы важно получить дополнительные сведения по этим вопросам.

В параграфе 6 этого разпела пана имеющая огромную важность таблица значений сечений целения урана-235 и плутония-239 быстрыми нейтронами разных энергий Эта таблина точных значений сечения позволяет надежно определить критические размеры атомной бомбы. Только благодаря этому возможно признать, что формула для критического радиуса (стр.4) действительно может быть правильная с точностью до 2%, как это указано в тексте.

Для меня остается неясным, каким путем была достигнута столь высокая степень точности в определении сечения деления как урана, так и плутония.

Из текста вытекает, что некоторые величины определены в дифференциальных опытах, а некоторые – в «интегральных», в которых изучалась мультипликация нейтронов от обычного источника, окруженного ураном-235 или плутонием. Такие опыты возможно выполнить только с большими количествами этих веществ и было бы исключительно важно получить, хотя бы самые обшие евепения об опытах по размножению нейтронов, которые произвопились с большими количествами урана-235 или плутония.

РАССЕКРЕЧЕНО

В связи с рассмотрением вопросов, затронутых в этом разделе, можно упомянуть, что мы пришли к тем же оценкам эффективности бомбы, как указано в материалах, и тому же закону пропорциональности эффективности бомбы кубу превышения ее массы над критической массой.

II. Детали взрывного метода приведения бомбы в действие.

В этом, наибольшем по об'ему, разделе материалов изложен метод приведения бомбы в действие «взрывом во внутрь» (implosion method), о котором мы узнали совсем недавно и работу над которым только еще начинаем.

Однако уже сейчас нам стали ясными все его преимущества перед методом встречного выстрела.

В полученных материалах даны: 1) схема, по которой следует рассматривать распространение детонационной волны во взрывчатом веществе, и процесс деформации материала изоляции; 2) описание процессов сжатия тела взрывом и самого взрыва.

Все это очень ценный материал, но особенно существенны указания на условия, при которых возможно получить симметричность эффекта взрыва, совершенно необходимую по самому существу метода.

Описаны интересные явления неравномерного действия взрывной волны. Очень ценны указания на то, что эта неравномерность действия может быть устранена соответствующим расположением детонаторов и применением прослоек взрывчатого вещества различного действия.

В этом же разделе материала разобраны важные вопросы техники эксперимента с взрывчатыми веществами и оптики взрывных явлений.

Ввиду того, что исследования по этому методу у нас еще совсем не продвинулись вперед, сейчас невозможно сформулировать в этой области вопрос, требующий дополнительного освещения. Это можно сделать позднее после серьезного анализа рассматриваемого материала.

Я бы считал необходимым показать соответствующий текст (от стр 6 до конца, за исключением стр 22) проф. Ю.Б. Харитону.

<...>

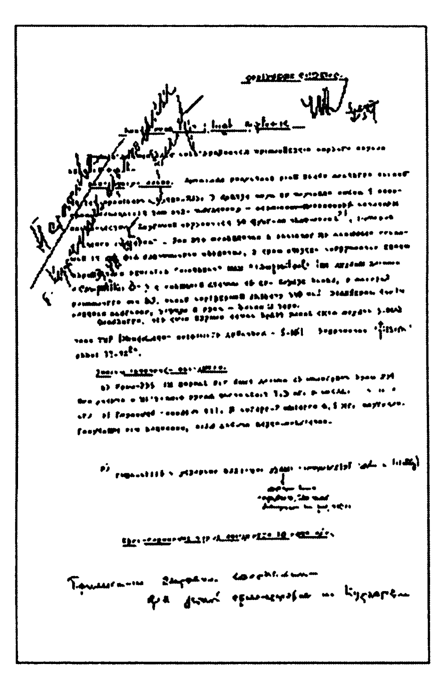
7 апреля 1945 г. (Подпись) Курчатов

Экз. единств.

Документ № 6

Совершенно секретно

БОМБА ТИПА «Не» (HIGH EXPLOSIVE)

В июле месяце сего года ожидается производства первого взрыва атомной бомбы.

Конструкция бомбы. Активным веществом этой бомбы является элемент 94 без применения урана-235. В центре шара из плутония весом 6 килограмм помещается так наз. инициатор – бериллиево полониевый источник альфа-частиц (Плутоний окружается 60 фунтами тьюб-аллой*, который является «темпером».) Все это помещается в оболочку из алюминия толщиной 11 см. Эта алюминиевая оболочка, в свою очередь, окружается слоем взрывчатого вещества «пенталит» или «composition C» (по другим данным «Composition B») с толщиной стенки 46 см. Корпус бомбы, в который помещается это ВВ, имеет внутренний диаметр 140 см. Общий вес бомбы, включая пенталит, корпус и проч. – около 3 тонн.

Ожидается, что сила взрыва бомбы будет равна силе взрыва 5.000 тонн ТНТ. (Коэффициент полезного действия – 5–6%.) Количество «fission» равно 75-10.

Запасы активного материала.

а) Уран-235. На апрель с.г. было 25 килограмм уран-235. Его добыча в настоящее время составляет 7,5 кг в месяц.

б) Плутоний (элемент 94). В лагере-2 имеется 6,5 кг. плутония. Получение его налажено, план добычи перевыполняется.

---

* Тьюб-аллой – условное название урана (commercial radium tuballoy) (снизу приписано от руки к слову «уран») неизвестно какого – природного 235 или обогащенного на диф. установке).

Ориентировочно взрыв ожидается 10 июля с/г. (написано от руки) Примечание: Справка составлена для устной ориентировки акад. Курчатова.

Документ № 7

Совершенно секретно

ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.П.

При этом направляю сообщение о конструкции атомной бомбы, составленное на основании агентурных материалов, полученных от НКГБ СССР.
П р и л о ж е н и е: на «7» страницах.

(М е р к у л о в В.Н.)

отп. 4 экз.
1 – тов. Берия
2 – Сек-т НКГБ СССР
3–4 – в деле 1 УПР НКГБ
исп. Семенов, 11 отд. 1 УПР НКГБ
печ. Бушуева в. 10 18.X.45

Совершенно секретно

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ АТОМНОЙ БОМБЫ

По наружному виду атомная бомба представляет собой снаряд грушевидной формы с максимальным диаметром 127 см. и длиной вместе со стабилизатором 325 см. Общий вес около 4500 кг. Бомба состоит из следующих составных частей:

а) Инициатора
б) Активного материала
в) Темпера
г) Слоя алюминия
д) Взрывчатого вещества
е) 32-х линз взрывчатого вещества
ж) Детонаторного устройства
з) Дюралюминиевой оболочки
и) Оболочки из бронированной стали
к) Стабилизатора.

Все вышеперечисленные части бомбы, за исключением стабилизатора, детонаторного устройства и наружной стальной оболочки, представляют собой полые шары, вставляющиеся друг в друга. Так, например, активный материал изготовлен в виде полого шара, в центр которого помещается инициатор. Сам шар активного материала помещается во внутрь темпера (замедлителя), который также является полым шаром. Шар темпера помещен во внутрь другого полого шара, изготовленного из алюминия, который в свою очередь окружен сферическим слоем взрывчатого вещества.

За слоем ВВ, в котором помещаются и линзы, имеется дюралюминиевая оболочка, к которой крепится детонаторное устройство и поверх которой находится наружная оболочка бомбы, изготовленная из бронированной стали.

ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ БОМБЫ

1. Инициатор

В бомбе применяется инициатор типа «Урчин». Он состоит из полого бериллиевого шарика, на внутренней поверхности которого имеются клинообразные выемки. Плоскости всех выемок параллельны одна другой. Поверхность выемок покрыта слоем золота толщиной 0,1 мм и слоем полония. Внутри этого шарика помещен сплошной бериллиевый шарик, поверхность которого также покрыта слоем золота и полония.

Размеры «Урчина»:

Внешний радиус полого бериллиевого шарика	1,0 см
Радиус основания клинообразной выемки	0,40 см
–"– вершины –"– –"–	0,609 см
–"– сплошного бериллиевого шарика	0,40 см
Количество клинообразных выемок	15
Количество полония на поверхности всех выемок	30 кюри
Количество полония на сплошном шарике	0 кюри

Полый шарик изготавляется из двух половинок, которые спрессовываются в атмосфере Никель-Карбонила, благодаря чему на поверхности шарика образуется никелевое покрытие. Это покрытие предотвращает или, по крайней мере, тормозит самораспад полония. Инициатор действует следующим образом.

Направленный к центру удар от взрыва наружного слоя взрывчатого вещества передается через слой алюминия и темпера, через слой активного материала на поверхность полого бериллиевого шарика инициатора. Возникающие напряжения ломают этот шарик вдоль плоскостей, проходящих через вершину клинообразных выемок, открывая таким образом бериллий полого шарика действию альфа-частиц, исходящих от полониевого покрытия на центральном шарике инициатора. Это создает поток нейтронов. Соседние поверхности выемок сталкиваются, вследствие чего образуется «струя Мунро», которая сквозь слой полония и золота проникает в центральный шарик, приводя таким образом в контакт полоний на внутренней поверхности полого бериллиевого шарика с бериллием сплошного. Это также создает поток нейтронов.

Созданный в инициаторе поток нейтронов атакует активный материал.

2. Активный материал

Активным материалом атомной бомбы является элемент плутоний фазы дельта с удельным весом 15,8. Он изготовлен в виде полого шара, состоящего из двух половинок, которые, как и внешний шарик инициатора, спрессовывается в атмосфере Никель-Карбонил. Внешний диаметр шара 80–90 мм. Вес активного материала вместе с инициатором 7,3–10,0 кг. Между полушариями имеется прокладка из рифленого золота толщиной 0,1 мм, которая предохраняет от проникновения к инициатору высокоскоростных струй, движущихся вдоль плоскости соединения полушарий активного материала. Эти струи могут преждевременно привести инициатор в действие.

В одном из полушарий имеется отверстие диаметром 25 мм, служащее для ввода инициатора в центр активного материала, где он укрепляется на специальном кронштейне. После ввода инициатора отверстие закрывается пробкой, также изготовленной из плутония.

3. Темпер (замедлитель)

Темпер представляет собой полый шар с внешним диаметром 230 мм, изготовленный из металлического урана. В шаре имеется отверстие, служащее для ввода активного материала во внутрь. Отверстие закрывается пробкой, также изготовленной из металлического урана.

Назначение темпера (замедлителя) заключается в том, что он уменьшает количество активного материала, необходимого для изготовления атомной бомбы.

Наружная поверхность темпера покрывается слоем бора, который задерживает тепловые нейтроны, идущие от радиоактивных веществ системы и могущие вызвать предетонацию.

4. Слой алюминия

Алюминиевый слой, окружающий наружную поверхность темпера, представляет собой полый шар с наружным диаметром 460 мм, изготовленный из двух половинок, для соединения которых предусмотрены пазы и выступы. В одном из полушарий имеется отверстие для ввода активного материала во внутрь бомбы. Отверстие закрывается пробкой, изготовленной из алюминия.

Назначение алюминиевого слоя – равномерная передача по направлению к центру бомбы удара, полученного в результате взрыва наружного слоя взрывчатого вещества.

5. Слой взрывчатого вещества и линзы

За слоем алюминия располагается слой взрывчатого вещества, который образуется из 32 брусков специальной формы. Внутренняя, обращенная к центру поверхность брусков сферическая с диаметром, равным наружному диаметру слоя алюминия. В наружной поверхности брусков ВВ имеются специальные выемки, форма которых предусматривает помещение в них 20 линз гексагональной и 12 линз пентагональной формы. Между перпендикулярными к оси шара поверхностями ВВ и линз кладется прокладка из фетра толщиной $^1/_{16}$ дюйма, а пустоты между радиальными поверхностями соприкосновения заполняются промокательной бумагой. Воздушные промежутки между слоем ВВ и линзами не должны превышать $^1/_{32}$ дюйма, так как большие воздушные промежутки могут способствовать замедлению или же, наоборот ускорению детонации в зависимости от направления этих промежутков. Линзы отливаются в специальных формах, изготовленных из ацетата целлюлозы. Каждая линза состоит из двух типов ВВ, одного – быстровзрывающегося и другого – медленновзрывающегося. При установке линз на место быстровзрывающаяся часть ее соприкасается со слоем ВВ. Общий вес взрывчатого вещества около 2-х тонн.

К каждой линзе подведен один детонатор, который для большей гарантии одновременного взрыва имеет два электрозапала. Всего имеется 64 электропровода, разделенных на 4 квадранта по 16 проводов в каждом. К линзе подводятся два электропровода, но от разных квадрантов.

6. Дюралюминиевая оболочка

Слой взрывчатого вещества и линзы покрыты дюралюминиевой оболочкой, к которой крепится подрывное устройство весом 180 кг. Внутренний диаметр оболочки примерно 1400 мм, вес вместе с подрывным устройством около 700 кг.

7. Наружная оболочка из бронированной стали

8. Стабилизатор

Сборка бомбы

Шар металлического урана помещается во внутрь алюминиевого шара таким образом, чтобы имеющееся в нем отверстие приходилось против отверстия в алюминии. На наружную поверхность алюминия укладываются бруски ВВ с линзами за исключением одного бруска, расположенного над отверстием в алюминии. Линзы укрепляются на дюралюминиевой оболочке, к которой также крепится подрывное устройство. В таком виде бомба готова для транспортировки к месту употребления. Дальнейшая сборка проводится следующим образом. Инициатор вкладывается во внутрь шара активного материала – плутония, который вкладывается во внутрь темпера. Пробки ставятся на место, после чего накладывается последний брусок ВВ и закрываются отверстия в дюралюминиевой и стальной оболочках.

Вследствие того, что плутоний и радиоактивные вещества инициатора самонагреваются до температуры, на 90 градусов Цельсия превышающие температуру окружающей среды, к месту окончательной сборки бомбы перевозят в специальных контейнерах, снабженных системой охлаждения.

«   » октября 1945 года

Верно:
Полковник – (В а с и л е в с к и й)

Документ № 8

НК-4
СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
28 февраля 1945 г.

Сов.секретно
Экз. № 1

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.П.

НКГБ СССР представляет информацию, полученную агентурным путем о ходе работ по созданию атомной бомбы большой разрушительной силы:

Проведенные силами ведущих научных работников Англии и США исследовательские работы по использованию внутриатомной энергии для со-

здания атомной бомбы показали, что этот вид оружия следует считать практически осуществимым и проблема ее разработки сводится в настоящее время к двум основным задачам:

1. Производство необходимого количества расщепляемых элементов – урана-235 и плутония.

2. Конструктивная разработка приведения в действие бомбы.

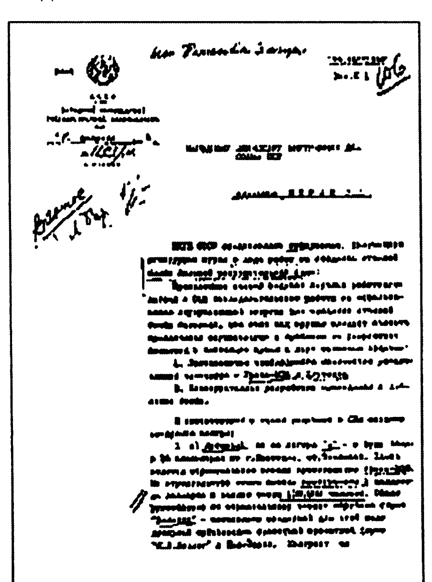
В соответствии с этими задачами в США созданы следующие центры:

1. а) Лагерь-1, он же лагерь «X» – Вудс Холле, в 35 километрах от г. Ноксвилл, шт. Теннеси. Здесь ведется строительство завода производства урана-235. На строительство этого завода ассигновано 2 миллиарда долларов и занято около 130 тысяч человек. Общее руководство по строительству завода поручено фирме «Келлекс» – специально созданной для этой цели дочерней организации известной проектной фирмы «М.В. Келлог» в Нью-Йорке. Контракт на строительство выдан фирме «Джонсон Констракшн»; кроме того привлечены другие известные фирмы: «Дюпон», «Карбайд энд Карбон Кемикал.Ко». Все работы по созданию завода носят условное название «Клинтон Инжиниринг Воркс».

По плану строительство первой очереди должно быть закончено в 1945 году. Для полного завершения строительства требуется около 3 лет.

б) Лагерь «W», около г. Хэнфорд, шт. Вашингтон, на реке Колумбия. На установке, принадлежащей фирме «Дюпон», здесь производится элемент 94 или плутоний.

2. Лагерь-2, он же лагерь «Y» – в местечке Лос-Аламос, в 70 километрах к северо-западу от небольшого города Санта-Фе, шт. Нью-Мексико. Лагерь находится в непосредственном ведении Военного министерства. Здесь проводятся исследовательские и экспериментальные работы над созданием самой бомбы.

Лагерь-2 изолирован от внешнего мира. Он расположен в пустынной местности, на вершине плоской «столовой» горы. На территории лагеря, отгороженной проволокой и находящейся под специальной охраной, проживает около 2 тысяч человек. Для них созданы хорошие бытовые условия: удобные квартиры, площадки для игр, бассейн для плавания, клуб и т.д. Почтовая переписка с внешним миром контролируется. Выезд работников из лагеря разрешатся только по специальному разрешению военных властей. Вокруг лагеря имеются несколько полигонов. Ближайший из них – Анкор Ранч, находится в 5 милях от Лос-Аламоса.

Последние исследовательские данные об эффективности атомной бомбы вносят новое представление

о масштабах разрушения. По расчетам энергия атомной бомбы общим весом около 3 тонн будет эквивалентна энергии обычного взрывчатого вещества весом от 2.000 до 10.000 тонн. Считают, что взрыв атомной бомбы будет сопровождаться не только образованием взрывной волны, но и развитием высокой температуры, а также мощным радиоактивным эффектом, и что в результате этого все живое в радиусе до 1 километра будет уничтожено.

Разрабатываются два способа производства взрыва атомной бомбы:

1. Баллистический

2. Методом «внутреннего взрыва».

Каких-либо определенных сроков изготовления первой бомбы не имеется, так как до сих пор еще не закончены исследовательские и проектные работы. Предполагается, что для изготовления такой бомбы потребуется минимум один год и максимум 5 лет.

Что же касается бомб несколько меньшей мощности, то сообщается, что уже через несколько недель можно ожидать изготовления одной или двух бомб, для чего американцы уже имеют в наличии необходимое количество активного вещества. Эта бомба не будет столь эффективной, но все же она будет иметь практическое значение как новый вид оружия, намного превышающий существующие на сегодня по своей эффективности. Первый опытный «боевой» взрыв ожидается через 2–3 месяца.

В связи со всей проблемой использования внутриатомной энергии урана в целом вопрос о наличии и мощности месторождений урановой руды в каждой из стран приобретает особо важное значение.

В нашем распоряжении имеются следующие данные по этому вопросу:

Главные месторождения урановых руд находятся в бельгийском Конго, Канаде, Чехословакии, Австралии и на о-ве Мадагаскар.

Канадская руда разрабатывается фирмой «Канадиен Радио энд Ураниум Корп» в Порт Хоуп, Онтарио и использовалась как англичанами, так и американцами. Со стороны канадского правительства было намерение национализировать урановые разработки. Но американцы предупредили это мероприятие, закупив канадские месторождения, хотя и в значительной степени уже истощенные.

Кроме того, американцы добились неограниченного контроля над добычей урановых руд в Бельгийском Конго. Позиция англичан в бельгийском Конго значительно слабее, так как промышленная верхушка этой колонии склоняется в сторону американцев и настроена сепаратистски, высказываясь за выделение в независимое государство.

Месторождения урановой руды в Чехословакии расположены в Судетской области, в окрестностях Иоахимшталь на южных склонах Эрцгебирга в 20 километрах к северу от Карлсбада.

По нашим агентурным данным, англичане были якобы намерены заключить соглашение с Чехословацким правительством в Лондоне по вопросу об эксплуатации этих месторождений.

Народный комиссар государственной безопасности
Союза ССР (В. Меркулов)

Документ № 9

Сов. секретно

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИ ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНОЙ № 1/3/3920 ОТ 5 МАРТА 1945 ГОДА ПО РАЗДЕЛУ «АТОМНАЯ БОМБА»

Материал представляет большой интерес; в нем, наряду с разрабатываемыми нами методами и схемами, указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались. К ним относится: 1) применение уран-гидрида-235 вместо металлического урана-235 в качестве взрывчатого вещества в атомной бомбе; 2) применение «Взрыва во внутрь» для приведения бомбы в действие.

I

Применение уран-гидрида-235 вместо урана-235, как указывается в материале, основывается на большой вероятности поглощения медленных нейтронов ураном, что приводит к снижению критической массы. Введение водорода, однако, приводит к замедлению развития всего процесса и может затянуть его до недопустимо больших промежутков времени. Кроме того, из-за малой плотности вещества необходимо увеличение критической массы. Таким образом, далеко не очевидно, что применение уран-гидрида вместо урана может дать тот большой (почти 20-ти кратный) выигрыш в массе, который указан в материалах.

Можно дать оценку рассматриваемого предложения лишь после проведения строгого теоретического анализа вопроса.

В материалах имеются следующие неясности по этому разделу. Под гидридом урана обычно разумеется соединение UH_4, между тем в тексте указан гидрид из $U_3O_8 \times 8\ H_2O$. Далее в тексте указано, что была изучена система из гидрида из $U_3O_8 \times 8\ H_2O$. содержащая 75% изотопа 235 и 25% изотопа 238 с изоляцией из окиси бериллия, что критическая масса была определена в 560 грамм, но не упомянуто, каким путем было произведено это определение.

Представляется исключительно важным выяснить, изучалась ли указанная система расчетным или опытным путем? Если бы оказалось правильным второе предположение, это означало бы, что уже осуществлена атомная бомба и уран-235 выделен в больших количествах. В материале есть замечание, которое как будто говорит в пользу этого. При изложении метода «взрыва во внутрь» указывается, что еще не проводилось опытов с активным материалом, но что в ближайшие месяцы намечено выполнить такие опыты.

В свете всего изложенного представляется первоочередной задачей исключительной важности получение нескольких десятков грамм урана, сильно обогащенного ураном 235 из лабораторий, материалы которых здесь рассматриваются.

II

При методе «взрыва во внутрь» используются громадные давления и скорости, которые развиваются при взрыве. В материалах указано, что этот метод дает возможность увеличить относительную скорость частиц до

10.0 метров в секунду в том случае, если будет обеспечена симметрия давления, и что, следовательно, этот метод следует предпочесть методу «выстрела». Сейчас трудно дать окончательную оценку правильности такого заключения, но несомненно, что метод «взрыва во внутрь» представляет большой интерес, принципиально правилен и должен быть подвергнут серьезному теоретическому и опытному анализу.

Интересные замечания содержатся в материале по вопросу о веществе изоляции для атомной бомбы. Они соответствуют тем взглядам, которые были и у нас развиты в последнее время. В наших конструкциях также намечено использовать бериллий для изоляции, правда, в виде металла, а не его окиси, как предлагается в материалах.

(Подпись) Курчатов
16.03.45

Примечания к документам №№ 1–83

[1] Мацуока Иосуке (1880–1946) – министр иностранных дел Японии в 1940–1941 гг.

[2] А.П. Бакшеев – бывший генерал-майор белогвардейской армии, один из сообщников атамана Семенова.

[3] Г.М. Семенов (1890–1945) – бывший атаман Забайкальского казачьего войска, главарь белой эмиграции на Дальнем Востоке, был связан с японской разведкой. В 1945 г. захвачен советскими войсками и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

[4] Английская разведка практиковала регулярное составление сводок полученной ею развединформации для доклада правительству. Советская разведка через свою агентуру имела возможность получать зги сведения, что имело для нее большое значение, поскольку в связи с войной она утратила агентурные позиции в Германии и союзных с ней странах.

[5] Сикорский Владислав (1881–1943) – премьер-министр Польши в 1922–1923 гг., в 1939–1943 гг. – премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне, генерал.

[6] Посол польского эмигрантского правительства в Лондоне при правительстве Великобритании.

[7] Хэлл Корделл (1871–1955) – политический и государственный деятель США, дипломат. В 1933–1944 гг. – государственный секретарь США.

[8] Криппс Ричард Стаффорд (1889–1952) – британский государственный и политический деятель, дипломат, посол Великобритании в СССР в 1940–1942 гг.

[9] Макфарлан – английский дипломат, ответственный сотрудник дипломатической миссии Великобритании в СССР в годы войны.

[10] Бивербрук Уильям Максуэлл (1879–1964) – крупный политический деятель Англии, в 1940–1945 гг. входил в состав кабинета министров Великобритании. В сентябре 1941 года Бивербрук, занимавший в то время пост министра поставок, выезжал в Москву для участия в конференции представителей СССР, США и Великобритании по вопросу оказания помощи СССР.

[11] Атертон – сотрудник государственного департамента США.

[12] См. документ № 8.

[13] См. документ № 10.

[14] Гарриман Уильям Аверелл (1891 –1986) – видный государственный и политический деятель США, посол в СССР в 1943–1946 гг.

[15] См. документ № 8.

[16] 7 декабря 1941 года японские вооруженные силы напали на базы и владения США и Великобритании в Тихом океане. 8 декабря Япония объявила войну Великобритании и США.

[17] Нападение на СССР японское правительство ставило в зависимость от обстановки на советско-германском фронте.

[18] См. документ № 6.

[19] Андерс Владислав – польский генерал. В 1941–1942 гг. командовал сформированной в СССР польской армией, которую польское эмигрантское правительство перебросило в Иран, а затем в Ирак. В 1943–1944 гг. командовал польским корпусом в войсках союзников в Италии, в 1945 г. – польскими войсками в Западной Европе. После второй мировой войны – один из лидеров правого крыла польской эмиграции.

[20] Расположенные у берегов Канады острова Сен-Пьер и Микелон управлялись властями Виши. Проведенный среди жителей опрос дал 98% голосов в пользу «Свободной Франции», что и послужило де Голлю поводом для их освобождения. США восприняли эту акцию как нарушение своего соглашения с Виши о нейтрализации французских колоний в Западном полушарии.

[21] См. док. № 10.

[22] Дарлан Жан Луи (1881–1942) – французский адмирал флота. Во Второй мировой войне – главнокомандующий ВМС. После поражения Франции входил в правительство Виши. Возглавлял вооруженные силы вишистов в Северной Африке. В ноябре 1942 года убит в Алжире французским националистом.

[23] Браухич Вальтер (1881–1948) – генерал-фельдмаршал немецко-фашистской армии. Один из авторов плана молниеносной войны против СССР. Смещен Гитлером после поражения немецких войск, под Москвой.

[24] Во второй половине декабря 1941 года английское правительство направило в Москву министра иностранных дел А. Идена для переговоров с советским правительством и заключения договора о союзе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Однако из-за отказа английского правительства признать западные границы СССР в том виде, в котором они существовали к моменту нападения Германии на Советский Союз, договор не был подписан.

В своем меморандуме английскому правительству Иден рассматривает различные варианты решения спорных вопросов.

[25] Атлантическая хартия – декларация глав правительств США и Великобритании, подписана 14 августа 1941 года. Обнародовала «некоторые общие принципы национальной политики» этих стран. В общей форме провозглашала цели войны против фашистской Германии и ее союзников, декларировала основы послевоенного устройства, отказ от территориальных захватов, право народов избирать свою собственную форму правления. СССР присоединился к Атлантической хартии в сентябре 1941 года.

[26] См. документ № 10.

[27] «Линия Керзона» – условное наименование линии, рекомендованной в декабре 1919 года Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Названа по имени тогдашнего министра иностранных дел Великобритании Джорджа Натаниела Керзона, направившего по этому вопросу ноту советскому правительству от имени Совета Антанты.

[28] Галифакс Эдвард Фредерик Линдлей Вуд (1881–1959) – крупный английский государственный и политический деятель, дипломат, посол Великобритании в США в годы Второй мировой войны

[29] Бенеш, Эдуард (1884–1948) – государственный деятель Чехословакии. В 1935–1938 гг. – президент Чехословакии. В годы Второй мировой войны возглавлял правительство Чехословакии в эмиграции.

[30] См. документ № 17.

[31] Гопкинс Гарри Ллойд (1890–1946) – государственный деятель и дипломат США, специальный советник и помощник президента США Рузвельта.

[32] См. документ № 12.
[33] См. документ № 10.
[34] Ллойд Джордж (1863–1945) – государственный и политический деятель Англии. В 1916–1922 гг. – премьер-министр Великобритании.
[35] См. документ № 12.
[36] См. документ № 15.
[37] См. документ № 10.
[38] См. документ № 23.
[39] Буллит – американский дипломат. Перед Второй мировой войной был послом США в Париже.
[40] См. документ № 10.
[41] Жиро (1879–1949) – французский генерал. После побега из немецкого плена сотрудничал с коллаборационистским правительством Виши. Затем с помощью американцев, которые сделали на него ставку в противоборстве с де Голлем, перебрался в Северную Африку в качестве главнокомандующего французскими вооруженными силами. Однако в конечном счете руководителем патриотических сил Франции был признан де Голль, который и возглавил Французский комитет национального освобождения.
[42] См. документ № 16.
[43] См. документ № 8.
[44] См. документ № 16.
[45] См. документ № 16
[46] См. документ № 39.
[47] Лаваль Пьер (1883–1945) – в 1942–1944 гг. – глава коллаборационистского правительства Виши, в 1945 году казнен по приговору французского трибунала как изменник.
[48] Чан Кай-ши (1887–1975) – китайский военный и политический деятель. Глава гоминьдановского правительства в Китае в 1927–1949 гг.
[49] См. документ № 18.
[50] Уэллес Сэмнер (1892–1961) – помощник государственного секретаря США в годы Второй мировой войны.
[51] См. документ № 6.
[52] См. документ № 18.
[53] См. документ № 6.
[54] Шахт Ялмар (1877–1970) – президент Рейхсбанка и экономический советник по перевооружению фашистской Германии.
[53] Михайлович Дража (1893–1946) – сербский генерал, в 1941–1945 гг. возглавлял профашистскую организацию четников, в 1944–1945 гг. – министр югославского эмигрантского правительства в Лондоне. В 1946 году казнен как военный преступник по приговору народного суда ФНРЮ.
[56] Петр II Карагеоргиевич – король Югославии с 1934 года. После начала фашистской оккупации Югославии в апреле 1941 года бежал из страны. 29 ноября 1945 года Учредительное собрание Югославии ликвидировало монархию.
[57] Штреземан Густав (1878–1929) – в 1923–1929 гг. – министр иностранных дел Германии. Основатель и лидер немецкой народной партии.
[58] Имеется в виду состоявшаяся в 1925 году в Локкарно конференция министров иностранных дел ведущих европейских государств, рассмотревшая вопрос о заключении западноевропейского гарантийного пакта.
[59] Папен Франц (1879–1969) – германский государственный деятель и дипломат. В июле–ноябре 1932 года – рейхсканцлер Германии, в 1934–1944 гг. – посол Германии в Турции. Международным военным трибуналом в Нюрнберге был оправдан (1946 г.), в 1947 году немецким судом по денацификации в Нюрнберге приговорен как военный преступник к 8 годам заключения, освобожден в 1949 году.
[60] См. документ № 45.
[61] См. документ № 18.

[62] Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – президент США в 1933–1945 гг.

[63] См. документ № 8.

[64] Вайнант – посол США в Великобритании.

[65] См. документ № 43.

[66] См. документ № 23.

[67] Мэрфи Роберт Даниель (1894–1978) – дипломат США, был представителем США при правительстве Виши, затем политическим советником в ранге посланника США при штабе главнокомандующего англо-американскими войсками в Северной Африке. Посол США в Бельгии и Японии в 1949–1953 гг. Занимал должность заместителя госсекретаря США. С 1959 года в отставке.

[68] Макмиллан Гарольд (1894–1986) – министр-резидент Великобритании при штабе главнокомандующего англо-американскими войсками в Северной Африке. В 1957–1963 гг. – премьер-министр Великобритании и лидер консервативной партии.

[69] См. документ № 39.

[70] См. документ № 51.

[71] 14–24 августа 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились в Квебеке (Канада), чтобы обсудить вопросы ведения войны на европейском и тихоокеанском театрах. В ходе этой встречи было принято решение о высадке в мае 1944 года союзных войск в Северной Франции (операция «Оверлорд»), о продолжении военной кампании в Италии, а также о проведении вспомогательной операции по высадке англоамериканских войск на юге Франции в районе Тулон–Марсель.

Союзники проинформировали в основных чертах советское правительство о своих решениях в Квебеке. Полученная внешней разведкой информация позволила советскому руководству шире и более глубоко взглянуть на эту встречу, в частности выявить различие в подходах Рузвельта и Черчилля к высадке союзных войск во Франции, стремление последнего отодвинуть эту операцию на второй план и подменить ее итало-балканским вариантом.

[72] Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании состоялась 19–30 октября 1943 г. Предшествовала встрече глав правительств союзных стран в Тегеране, подготовила повестку дня этой встречи и на уровне министров иностранных дел рассмотрела основные вопросы предстоящей Тегеранской конференции.

[73] Имеется в виду король Югославии Петр II.

[74] См. документ № 49.

[75] См. документ № 8.

[76] Цайцлер (Цейтцлер) Курт (1895–1963) – генерал-полковник, начальник генштаба сухопутных войск вермахта.

[77] После разгрома русско-австрийских войск при Аустерлице (2 декабря 1805 г.) Наполеон создал послушную себе конфедерацию первоначально из 16 германских государств (Рейнский союз), к которой позже (к 1811 г.) присоединились еще 20 государств Западной, Средней и Северной Германии, в том числе Саксония и Вестфальское королевство.

После поражения наполеоновских войск в Лейпцигском сражении 1813 г. Рейнский союз распался.

[78] Одно из самых мелких государств перед объединением Германии, которое было присоединено к Пруссии в 60-х годах XIX века.

[79] Гогенцоллерны – династия прусских королей (1701–1918 гг.) и германских императоров (1871–1918 гг.).

[80] Так в тексте документа.

[81] Имеются в виду северогерманские города во главе с Любеком, входившие в XIV–XVI веках в торговый и политический союз – Ганзу.

[82] Приставка «марк» означает графство.

[83] Записка была составлена по указанию министра Идена секретарем английской делегации на конференции Вильсоном после консультации со всеми руководителями отделов МИД Великобритании.

[84] Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании – состоялась 4–11 февраля 1945 г. близ Ялты.

[85] Имеются в виду силы, ориентирующиеся на польское эмигрантское правительство в Лондоне.

[86] Имеется в виду армия В. Андерса.

[87] Кэрр Арчибальд Джон Кларк – посол Великобритании в СССР в 1942–1946 гг.

[88] См. документ № 12.

[89] Имеются в виду сторонники Польского комитета национального освобождения, созданного в конце 1943 года в Люблине польскими патриотическими силами, принимавшими непосредственное участие в освобождении Польшей немецких захватчиков.

[90] Речь идет о подпольных структурах Армии Крайовой, которые призваны были обеспечить приход к власти в Польше лондонского эмигрантского правительства.

[91] Стеттиниус Эдуард Рейли (1900–1949) – государственный деятель и дипломат США, в 1944–1945 гг. – государственный секретарь США.

[92] См. документ № 15.

[93] Александер Гарольд Руперт Леофрик Джордж (1891–1969) – английский фельдмаршал, являлся главнокомандующим союзными войсками на Средиземноморском театре военных действий.

[94] Рачкевич – один из министров польского эмигрантского правительства в Лондоне.

[95] Арцишевский Томаш – премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне с 29 ноября 1944 г. по 28 июня 1945 г.

[96] Донован Уильям Джозеф – один из организаторов внешней разведки США (в годы войны – УСС).

[97] Кессельринг Альбер (1885–1960) – генерал-фельдмаршал гитлеровской армии, командовал немецкой армией в Северной Италии.

[98] Лиддел Гай – начальник одного из отделов английской контрразведки.

[99] Сарджент Орм Гартон – заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1945 году.

[100] Кадоган Александр Джордж Монтегю (1884–1963) – постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1938–1946 гг. В 1946– 1950 гг. – постоянный представитель Великобритании в ООН

[101] Имеется в виду предстоящая конференция руководителей трех союзных держав в Ялте.

[102] Шубашич (1892–1955) – глава югославского эмигрантского правительства в Лондоне.

[103] Имеется в виду предстоящая встреча в Ялте.

Примечания к документам из архива СВР по атомной проблематике

К документам №№ 1–2

Каждый из документов представляет собой одну машинописную страницу. Оба документа являются самым ранним свидетельством осведомленности советской разведки о начале интенсивной работы по созданию атомной бомбы за границей.

На документе № 2 справа внизу имеется рукописное примечание: «Справка: экземпляр выдержки из перевода этого доклада на русский язык и отзыв академика Курчатова о его ценности находятся во 2-м томе аг.дела (агентурного дела) «Энормоз», стр. 20–38». «Энормоз» – это агентурное на-

звание советского атомного проекта. Вероятно, Курчатов знакомился с ним в начале 1943 г. (см. документ № 4 и примечания к нему).

---

[1] Вадим – агентурный псевдоним руководителя советской резидентуры в Лондоне А.В. Горского.

[2] «Лист» – агентурный псевдоним Д. Маклина (Donald Maclean), ответственного работника министерства иностранных дел Великобритании, сотрудничавшего с советской разведкой.

[3] Урановый комитет военного кабинета Великобритании, судя по документу № 3, возглавлялся известным британским физиком Дж.П. Томсоном и координировал работы по урановому проекту, получившему название «Тьюб Эллойз». Не имея возможности комментировать все детали британского атомного проекта, отошлем интересующихся к специальной литературе, посвященной этой проблеме: Gowing M. Britain and Atomic Energy, 1939–1945. N.Y. St. Martin's, 1964.

[4] «Империал кемикал индастриес» (ИКИ) – крупнейшая британская корпорация, ставшая главным промышленным подрядчиком британского атомного проекта, директорат которого возглавлялся ее представителями У. Экерсом и М. Перрином.

[5] Документ № 1 свидетельствует о наличии у брйтанских ученых четкого плана по созданию атомной бомбы на основе урана-235, который они предполагали получить с помощью диффузионного метода разделения изотопов урана.

[6] Первоначальная оценка критической массы урана была завышена в 2–8 раз.

К документу № 3

Документ состоит из пяти машинописных страниц. На первой странице три рукописных примечания:

а) «Копия уничтожена. 5.IV. Подпись» (по-видимому, замначальника подразделения по научно-технической разведке Л.Р. Квасникова, который с 1943 по 1945 гг. был резидентом советской разведки в Нью-Йорке).

б) «т. Берия для направления материала т. Сталину передан препроводительный документ в другом варианте». Как замечает А.А. Яцков, «копии «другого варианта» в деле не обнаружено, очевидно, она осталась в архиве Берии».

в) «Лист» (т.е. Д. Маклин), получен в конце 1941 года. Очевидно, имеется в виду основной источник, по информации которого составлен этот документ. Вероятно, документами № 1 и № 2 эта информация не исчерпывалась.

Упоминаемые в тексте Дж.П. Томсон, Р. Пайерлс, Х. Хальбан, Л. Коварски, Ф. Симон и др. – известные британские, а также эмигрировавшие из Франции и Германии физики, принявшие активное участие в разработке британского атомного проекта. За подробностями отсылаем к монографии М. Гоуинг, упомянутой в примечаниях к документам № 1 и № 2.

Этот документ является одной из первых на уровне правительства официальных реакций советского руководства на информацию разведки о работах над созданием атомной бомбы на Западе. Выбор специалистов по вопросам «расщепления атомного ядра», рекомендованных в примечании для консультаций и привлечения к оценке соответствующих материалов разведки, оказался неудачным.

К документу № 4

Документ состоит из 14 рукописных страниц (стандартного объема), написанных И.В. Курчатовым. К нему приложена сопроводительная записка (машинописная) зам.председателя Совнаркома М.Г. Первухина (которому

адресован «отзыв» Курчатова о данных разведки по британскому урановому проекту) заместителю наркома внутренних дел В.Н. Меркулову.

К документу № 5

Еще одно курчатовское заключение. Публикуется большая часть документа (всё, кроме последнего раздела, посвященного электромагнитному методу разделения изотопов). В первом разделе документа («Атомные характеристики ядерного взрывчатого вещества») особого внимания заслуживает высокая оценка Курчатовым точных данных по сечениям деления урана-235 и плутония-239, которые позволяли надежно рассчитать критические размеры урановой и плутониевой бомб. Во втором разделе, посвященном методу «взрыва во внутрь», подчеркивается необходимость подключения к этому Ю.Б. Харитона.

К документу № 6

Документ представляет собой описание конструкции плутониевой бомбы, занимает менее одной машинописной страницы и составлен на основе телеграфного сообщения из Нью-Йорка специально для устной ориентировки Курчатова. Надпись «т. Курчатов ознакомлен. 2.VII.45», вероятно, принадлежит полковнику Василевскому. В документе указана и ориентировочная дата первого взрыва атомной бомбы – 10 июля 1945 г. Этот взрыв в Аламогордо (штат Нью-Мексико) был произведен 16 июля.

Количество «fission» (75 × 10), очевидно, соответствует числу ядер делящегося материала. Указанные параметры бомбы близки к той, которая была сброшена на Нагасаки. Впрочем, в этом пункте мы пока воздержимся от комментариев.

К документу № 7

Более подробное описание конструкции плутониевой бомбы (всего восемь страниц вместе с сопроводительным письмом Меркулова Берии, датирован октябрем, вероятно, 18 октября 1945 г.). Документ подготовлен упомянутым выше полковником Василевским. Ни сопроводительная записка, ни само описание не подписаны.

К документу № 8

В документе впервые упомянут метод «внутреннего взрыва».

К документу № 9

Публикуется только раздел, относящийся к уран-графитовому котлу, в котором в качестве охлаждающей среды используется жидкий шестифтористый уран. Главными достоинствами этой системы были облегченный способ выделения плутония и упрощенные требования к системе охлаждения. Курчатов отмечает, что этот метод, однако, требует в пять раз больше урана, чем другие системы уран-графитового котла.

Непубликуемая часть заключения (полторы рукописных страницы) посвящена обзору ряда частных аспектов ядерной физики (сечения поглощения и рассеяния нейтронов ураном, бором и другими элементами, анализ изотопов урана по испускаемым им альфа-частицам).

Содержание

Художественно-документальное издание

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

ОЧЕРКИ

В шести томах

ТОМ IV

1941—1945 годы

Редактор *И.Е. Рыбалкин*

Оформление художника *А.Ю. Никулина*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Корректор *К.С. Чигринова*

Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 31.07.2014.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,0+2,0 вкл.
Доп. тираж 2000 экз.
Цена договорная. Заказ №1364.

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, Столярный пер., д. 3, стр. 5
Тел.: 8(499)253-13-24
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-7133-1473-6

9 785713 314736

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ